ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCXXXIII.

1884.

МАЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининскаго кан., № 78.
1884.

Библиотека "Руниверс"

Наб. Екатерининск. кан. д. № 78.
2564.

Библиотека "Руниверс"

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCXXXIII.

1884.

ІЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининскаго кан., № 78.
1884.

Библиотека "Руниверс"

Наб. Екатерининск. кан., д. № 78.
2570.

Библиотека "Руниверс"

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (7-го февраля 1884 г.). Объ измѣненіи штата института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ въ гор. Варшавѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ измѣненіи штата института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ въ г. Варшавѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ измѣненіи штата института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ въ г. Варшавѣ, мнѣніемъ положилъ:

I. Проектъ штата Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе и, по воспослѣдованіи онаго, ввести штатъ сей въ дѣйствіе съ 1-го января 1884 года.

II. Со введеніемъ въ дѣйствіе настоящаго штата опредѣленныя служащимъ въ институтѣ личныя прибавки къ содержанію отмѣнить.

III. Отпускать ежегодно, начиная съ указаннаго въ ст. I срока, въ дополненіе къ ассигнуемымъ нынѣ изъ государственнаго казначейства на содержаніе Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ суммамъ (29040 р.), по четыре тысячи семьсотъ сорокъ четыре рубля сорокъ восемь копѣекъ въ годъ, со внесеніемъ сего кредита въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

Библиотека "Руниверс"

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

Въ С.-Петербургѣ 7 Февраля 1884 г. „*Быть по сему*".

ШТАТЪ

варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.		Классы и разряды.		
		Одному.	Всѣмъ.	По должности.	По шитью на мундиръ.	По пенсіи.
		Рубли.				
Директоръ.	1	1500	1500	VI	VI	По учебной службѣ.
Преподаватель, исправляющій должность помощника директора, въ добавокъ къ получаемому по должности преподавателя содержанію . .	1	300	300	VII	VII	
Старшая надзирательница (помощница директора) . . .	1	600	600			
Законоучитель въ отдѣленіи глухонѣмыхъ	1	800	800			
Законоучитель въ отдѣленіи глухонѣмыхъ (онъ же капелланъ)	1	600	600			
Законоучитель въ отдѣленіи слѣпыхъ (онъ же капелланъ).	1	500	500			
Учители предметовъ	3	—	8100	VIII	VIII	
	3			IX	IX	
	3			X	X	
Учительскій помощникъ. . .	1	300	300	XII		
Учительская помощница. . .	1	300	300			
Учитель черченія и рисованія.	1	500	500	X	X	
Учитель музыки въ отдѣленіи слѣпыхъ, онъ же инспекторъ музыкальной школы . . .	1	750	750	VII	VII	

Библиотека "Руниверс"

Учитель музыки.	1	600	600	IX	IX	По учебной службѣ.
На наемъ добавочныхъ учителей музыки и такихъ же учителей на духовыхъ инструментахъ	—	—	800			
Учитель ваянія	1	240	240	X	X	
Учитель рѣзьбы по дереву. .	1	200	200	X	X	
Учитель чистописанія. . . .	1	150	150			
Учительница чистописанія . .	1	100	100			
На добавочное жалованье учителямъ и учительницамъ за преподаваніе предметовъ въ отдѣленіи слѣпыхъ, считая за одинъ часъ въ недѣлю по 40 р. въ годъ.	—	—	720			
На обученіе ремесламъ и рукодѣліямъ	—	—	3100			
Надзиратель въ отдѣленіи глухонѣмыхъ	1	300	300	XIV		По учебной службѣ.
Надзирательница въ отдѣленіи глухонѣмыхъ, она же учительская помощница . . .	1	300	300			
Надзиратель въ отдѣленіи слѣпыхъ.	1	225	225	XIV		
Надзирательница въ отдѣленіи слѣпыхъ, она же учительница рукодѣлій	1	225	225			
Врачъ	1	500	500	VIII	VIII	По медицинской части.
Письмоводитель, онъ же бухгалтеръ	1	700	700	IX	IX	VIII
Экономъ	1	300	300	X	X	VIII
На содержаніе воспитанниковъ и воспитанницъ: на пищу, одежду, бѣлье, обувь, постель, стирку бѣлья, баню и лекарства (11660 р.), на отопленіе и освѣщеніе зданія (2900 р.), на содержаніе прислуги (1500 р.), курьера (300 р.), садовника (150 р.), на учебныя пособія, библіотеку и						

Библиотека "Руниверс"

награды ученикамъ (400 р.), канцелярскія принадлежности и на наемъ писцовъ (860 р.), на вознагражденіе библіотекарю (100 р.), на содержаніе надзирательницы мастерскихъ (300 р.), на воскресно-ремесленное училище (300 р.), на содержаніе церкви (50 р.), на ремонтъ зданія и содержаніе его (682 р. 96 к.), на печатаніе руководствъ для глухонѣмыхъ и слѣпыхъ (200 р.), на ремонтъ посуды и мебели (300 р.) и на уплату городскихъ и общественныхъ повинностей (500 р) . . .	—	—	20002 96		
Итого. . . .	—	—	42912 96		

Примѣчанія: 1) Содержаніе Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ производится на счетъ суммъ, отпускаемыхъ казною (33784 р. 48 к.) и городомъ Варшавою на содержаніе 25 пансіонеровъ (3750 р.), а также процентовъ съ капиталовъ, принадлежащихъ институту (5225 р. 45 к.) и чиншей (153 р. 3 к.).

2) Въ случаѣ увеличенія процентовъ съ капиталовъ или чиншей, попечителю Варшавскаго учебнаго округа дозволяется обращать таковое приращеніе въ доходахъ института на улучшеніе учебно-воспитательной и хозяйственной частей онаго.

3) Спеціальныя средства института, получаемыя отъ мастерскихъ, сада, своекоштныхъ пансіонеровъ и изъ другихъ источниковъ, обращаются въ собственность института и должны быть расходуемы, съ разрѣшенія попечителя Варшавскаго учебнаго округа, на веденіе мастерскихъ, содержаніе своекоштныхъ пансіонеровъ, на производство ремонтныхъ работъ, на награды усерднѣйшимъ учителямъ и прочимъ служащимъ въ институтѣ лицамъ и вообще на улучшеніе всѣхъ частей заведенія.

4) Содержаніе учителей предметовъ подраздѣляется на девять разрядовъ (1200, 1125, 1050, 975, 900, 825, 750, 675 и 600 р.).

5) Директоръ, помощникъ директора, старшая надзирательница, два законоучителя-капеллана, учительскій помощникъ и помощница надзирателя и надзирательницы, надзиратель мастерскихъ, экономъ

Библиотека "Руниверс"

и садовникъ имѣютъ квартиры въ зданіи заведенія. Лица эти пользуются также и общимъ съ воспитанниками столомъ, но пища съ институтской кухни никому на квартиру не отпускается. Исключеніе изъ этого правила допускается только въ случаѣ болѣзни и притомъ съ разрѣшенія директора.

6) Прислуга помѣщается въ зданіи института и получаетъ отъ него пищу.

7) Обученіе чистописанію можетъ быть поручаемо, съ разрѣшенія попечителя округа, преподавателямъ и преподавательницамъ другихъ предметовъ въ институтѣ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

2. (21-го февраля 1884 г.). Объ упраздненіи въ Дерптскомъ учебномъ округѣ должности помощника попечителя и объ учрежденіи въ семъ округѣ должности втораго окружнаго инспектора.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта объ упраздненіи въ Дерптскомъ учебномъ округѣ должности помощника попечителя и объ учрежденіи въ семъ округѣ должности втораго окружнаго инспектора, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ упраздненіи въ Дерптскомъ учебномъ округѣ должности помощника попечителя и объ учрежденіи въ семъ округѣ должности втораго окружнаго инспектора, мнѣніемъ положилъ:

I. Учрежденную Высочайше утвержденнымъ 7-го октября 1868 г., мнѣніемъ государственнаго совѣта должность помощника попечителя въ Дерптскомъ учебномъ округѣ упразднить.

II. Высочайше утвержденный 2-го мая 1858 г. штатъ управленія Дерптскимъ учебнымъ округомъ (полн. собр. зак. т. XXXIII № 33092) усилить добавленіемъ второй должности окружнаго инспектора, съ присвоеніемъ при томъ какъ существующей, такъ и вновь учреждаемой должности окружнаго инспектора, годоваго оклада содержанія

Библиотека "Руниверс"

въ двѣ тысячи двѣсти рублей (въ томъ числѣ: жалованья тысячу рублей, столовыхъ семьсотъ пятьдесятъ рублей и квартирныхъ четыреста пятьдесятъ рублей), а равно служебныхъ преимуществъ, предоставленныхъ означенной должности въ другихъ учебныхъ округахъ.

III. Расходъ, потребный на содержаніе вновь учреждаемой должности окружнаго инспектора и на усиленіе оклада, присвоеннаго нынѣ существующей таковой же должности, всего въ количествѣ трехъ тысячъ трехсотъ рублей въ годъ, отнести на сумму въ четыре тысячи сто рублей, образующуюся отъ упраздненія должности помощника попечителя Дерптскаго учебнаго округа, а остающіеся за тѣмъ излишними восемьсотъ рублей причислить къ свободнымъ средствамъ государственнаго казначейства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

3. (21-го февраля 1884 г.). Объ открытіи новыхъ среднихъ учебныхъ заведеній и о преобразованіи существующихъ въ высшій составъ классовъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ открытіи новыхъ среднихъ учебныхъ заведеній и о преобразованіи существующихъ въ высшій составъ классовъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ открытіи новыхъ среднихъ учебныхъ заведеній и о преобразованіи существующихъ въ высшій составъ классовъ, мнѣніемъ положилъ:

I. Преобразовать, съ 1-го іюля 1884 года, Виленскую и Коломенскую шестиклассныя и Кишиневскую четырехклассную мужскія прогимназіи въ полныя гимназіи, присвоивъ первой и послѣдней наименованія: Виленской 2-й и Кишиневской 2-й гимназій.

II. Учредить въ Печерской части гор. Кіева восьмиклассную мужскую гимназію, присвоивъ ей наименованіе Кіево-печерской и образовавъ ее, съ 1-го іюля 1885 г., въ составѣ приготовитель-

Библиотека "Руниверс"

наго, перваго и втораго классовъ, съ дальнѣйшимъ затѣмъ ежегоднымъ прибавленіемъ по одному слѣдующему классу.

III. Содержаніе V класса Кишиневской 2-й и VII класса Коломенской гимназій въ 1884 г. отнести на средства, жертвуемыя для сего мѣстными городскими обществами и земствами, а содержаніе VII класса Виленской 2-й гимназіи въ 1884—1885 учебномъ году—на спеціальныя средства оной.

IV. Потребныя на содержаніе вновь учреждаемыхъ гимназій суммы вносить, съ 1885 г., въ мѣрѣ дѣйствительной надобности въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія, показывая съ того же срока по доходной смѣтѣ названнаго министерства пособіемъ государственному казначейству жертвуемые мѣстными городскими обществами и земствами на содержаніе Кіевопечерской гимназіи 6010 руб. и Кишиневской 2-й и Коломенской по 3000 руб., а всего по двѣнадцати тысячъ десяти рублей въ годъ.

V. Могущіе быть отъ штатныхъ суммъ Кишиневской 2-й, Кіевопечерской и Коломенской гимназій остатки раздѣлять на двѣ части: одну, пропорціональную ассигнованію казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую, причитающуюся на долю мѣстныхъ городскихъ обществъ и земствъ, оставлять, по принадлежности, въ ихъ распоряженіи, для употребленія на нужды учебныхъ заведеній.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

4. (14-го февраля 1884 г.). По проектамъ положенія и штата Охтенскаго ремесленнаго училища.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, по проектамъ положенія и штата Охтенскаго ремесленнаго училища, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія по проектамъ поло-

Библиотека "Руниверс"

женія и штата Охтенскаго ремесленнаго училища, мнѣніемъ положилъ:

1) Проекты положенія и штата, состоящаго подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Маріи Павловны Охтенскаго ремесленнаго училища поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію.

II. Отпускать въ пособіе по содержанію означеннаго училища въ теченіе десяти лѣтъ, считая съ 1-го января 1884 года, по шести тысячъ руб. въ годъ, съ внесеніемъ этой суммы въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

III. Предоставить министру народнаго просвѣщенія распредѣленіе всѣхъ суммъ на содержаніе училища, за исключеніемъ опредѣленныхъ по штату.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

Въ С.-Петербургѣ. 14-го февраля 1884 года. *Быть по сему.*

Положеніе о состоящемъ подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества, Государыни Великой Княгини Маріи Павловны Охтенскомъ ремесленномъ училищѣ въ память въ Бозѣ почившаго Великаго Князя Александра Владиміровича.

1. Охтенское ремесленное училище, учрежденное въ память въ Бозѣ почившаго Великаго Князя Александра Владиміровича, состоитъ подъ Высокимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Маріи Павловны.

2) Училище имѣетъ цѣлью воспитаніе и обученіе общеобразовательнымъ предметамъ и ремесламъ дѣтей мужскаго пола бѣднѣйшаго населенія столицы, преимущественно же Охтенскаго пригорода и прилегающихъ къ нему мѣстностей, безъ различія званія, состоянія и вѣроисповѣданія.

3) Училище находится въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія и подчиняется надзору попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа.

4) Средства училища составляютъ:

а) проценты съ основнаго его капитала;

б) ежегодные взносы почетныхъ членовъ и членовъ-благотворителей;

Библиотека "Руниверс"

в) пожертвованія;

г) доходы отъ заказовъ, исполняемыхъ въ мастерскихъ училища;

д) плата за содержаніе и обученіе воспитанниковъ;

е) суммы, поступающія отъ воспитанниковъ, окончившихъ курсъ, въ возвратъ за обученіе на средства училища;

ж) проценты съ капитала въ пять тысячъ рублей, пожертвованнаго на содержаніе священника, и

з) случайные доходы.

5) Училище состоитъ изъ двухъ классовъ, съ двухгодичнымъ курсомъ въ каждомъ, и съ устроенными при нихъ мастерскими.

6) Въ училищѣ преподаются слѣдующіе предметы: законъ Божій, русскій языкъ и церковно-славянское чтеніе, ариѳметика, геометрія, элементарныя свѣдѣнія изъ отечественной исторіи, географія, чистописаніе, черченіе, рисованіе, пѣніе, гимнастика и ремесла. Объемъ преподаванія указанныхъ предметовъ опредѣляется программами, составляемыми примѣнительно къ курсу уѣздныхъ и городскихъ училищъ и утверждаемыми попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа.

7) Воспитанники, окончившіе съ успѣхомъ курсъ ученія, получаютъ аттестаты и, сверхъ того, свидѣтельства на званіе мастера или подмастерья, смотря по пріобрѣтеннымъ ими ремесленнымъ познаніямъ.

8) Воспитанники, обучавшіеся на средства училища, обязаны по окончаніи курса безплатно прослужить при мастерскихъ училища, въ званіи мастера или подмастерья, не менѣе года, при чемъ пользуются отъ училища помѣщеніемъ, столомъ и одеждою. Только по истеченіи сего срока имъ выдаются установленные аттестаты и свидѣтельства.

Примѣчаніе. Отъ обязательной годовой службы при мастерскихъ могутъ быть освобождены тѣ изъ указанныхъ въ настоящей статьѣ воспитанниковъ, которые внесутъ за полученное ими образованіе сто двадцать рублей.

9) Воспитанники, окончившіе съ успѣхомъ курсъ ученія и получившіе въ томъ аттестатъ, пользуются по отбыванію воинской повинности правами третьяго разряда. Неокончившимъ курса, но пробывшимъ въ училищѣ не менѣе двухъ лѣтъ, предоставляются права окончившихъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ четвертаго разряда (примѣч. 4 къ ст. 53 уст. о воинск. повин., по прод. 1879 г.).

10) Главное наблюденіе надъ училищемъ возлагается на попечителя онаго. Попечитель, когда признаетъ это нужнымъ, предсѣдатель-

Библиотека "Руниверс"

ствуетъ въ засѣданіяхъ комитетовъ и назначаетъ соединенныя засѣданія комитетовъ. Отъ него зависитъ также приглашать въ особыя совѣщанія всѣхъ членовъ училища для обсужденія вопросовъ о пользахъ и нуждахъ училища. Постановленія, состоявшіяся въ такихъ совѣщаніяхъ, если въ нихъ участвовало не менѣе одной четверти всѣхъ членовъ, представляются Высокой Покровительницѣ училища и препровождаются къ попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа.

11) Непосредственное завѣдываніе и ближайшее попеченіе о благоустройствѣ училища возлагается на помощника попечителя, при содѣйствіи состоящихъ подъ его предсѣдательствомъ хозяйственнаго и учебнаго комитетовъ. Для исполненія обязанностей по хозяйственной и воспитательной части при училищѣ состоитъ смотритель.

12) Попечитель училища и его помощникъ назначаются по благоусмотрѣнію Высокой Покровительницы училища.

13) Хозяйственный комитетъ состоитъ изъ шести членовъ училища, избираемыхъ попечителемъ онаго на три года, и изъ смотрителя училища. На обязанности комитета лежитъ завѣдываніе всею хозяйственною частью училища, храненіе принадлежащихъ ему капиталовъ, пріемъ и расходованіе поступающихъ суммъ и составленіе годовыхъ смѣтъ и отчетовъ по этой части.

14) Въ составъ учебнаго комитета входятъ, кромѣ смотрителя училища, законоучителя и преподавателей, — двое изъ членовъ училища, избираемыхъ попечителемъ онаго на три года, по преимуществу изъ лицъ, знакомыхъ съ учебнымъ дѣломъ. На обязанность этого комитета возлагается пріемъ и увольненіе учащихся, производство имъ испытаній, выдача аттестатовъ и свидѣтельствъ, назначеніе ремеслъ, избраніе преподавателей, мастеровъ и другихъ лицъ, занимающихся обученіемъ, а также составленіе учебнаго плана, правилъ, инструкцій и отчетовъ по воспитательной и учебной частямъ.

Примѣчаніе. Постановленія комитета, касающіяся правилъ и инструкціи для воспитателей, преподавателей и учащихся, представляются на утвержденіе попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа.

15) Члены училища, избранные въ члены хозяйственнаго или учебнаго комитетовъ, утверждаются въ сихъ должностяхъ Высокою Покровительницею училища.

16) Годовые отчеты о состояніи училища и приходорасходныя смѣты по содержанію онаго представляются попечителемъ училища Высокой Покровительницѣ и препровождаются къ попечителю С.-Пе-

Библиотека "Руниверс"

тербургскаго учебнаго округа, а также въ министерство финансовъ и государственный контроль.

17) Избраніе смотрителя и письмоводителя училища предоставляется попечителю училища. Лица эти, равно какъ и преподаватели, утверждаются въ должностяхъ попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа.

Примѣчаніе. Преподаватели научныхъ предметовъ избираются изъ лицъ, имѣющихъ званіе домашняго учителя, или учителя уѣзднаго училища.

18) Состоящій при церкви училища священникъ и прочіе священно- и церковнослужители, по избранію попечителя и съ соизволенія Высокой Покровительницы училища, опредѣляются епархіальнымъ начальствомъ.

19) Церковный староста избирается Высокою Покровительницею училища и утверждается въ семъ званіи епархіальнымъ начальствомъ, на общемъ основаніи.

20) Лицамъ, содѣйствующимъ цѣлямъ училища матеріальными пожертвованіями и личными трудами, предоставляется, съ соизволенія Высокой Покровительницы училища, званіе членовъ онаго. Члены училища раздѣляются на почетныхъ, дѣйствительныхъ и благотворителей.

21) Почетными членами могутъ быть лица, пожертвовавшія не менѣе 3,000 руб. единовременно или изъявившія готовность вносить ежегодно въ пользу училища не менѣе 300 руб. Тѣ изъ сихъ членовъ, которые окажутъ училищу особо важныя услуги своими трудами или болѣе значительными пожертвованіями и взносами, могутъ быть возводимы Высокою Покровительницею въ званіе старшихъ почетныхъ членовъ.

22) Дѣйствительными членами, число коихъ ограничивается десятью, признаются лица, содѣйствующія училищу своими трудами, а званіе членовъ-благотворителей присвоивается лицамъ, пожертвовавшимъ въ пользу училища не менѣе 1,000 руб. единовременно, или ежегодно вносящихъ не менѣе 100 руб.

23) Служебныя права и преимущества помощника попечителя, членовъ, смотрителя, преподавателей и письмоводителя училища опредѣляются штатомъ онаго.

24) Учебныя пособія всякаго рода (книги, карты, чертежи, рукописи, инструменты, модели и т. п.) получаются училищемъ безпошлинно, съ соблюденіемъ ст. 1273 и 1277 уст. тамож.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Библиотека "Руниверс"

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано: «Быть по сему».

Въ С.-Петербургѣ, 14 Февраля 1884 г.

ШТАТЪ

состоящаго подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества, Государыни Великой Княгини Маріи Павловны Охтенскаго ремесленнаго училища.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ. Одному. Жалованья.	Прочаго содержанія.	Всего.	Классы и разряды. По должности.	По штату на мундиръ.
		Рублей.				
Помощникъ попечителя. . .	1	Содержанія не получаютъ.		—	V	V
Старшіе почетные члены . .	—			—	VI	VI
Почетные члены.	—			—	VII	VII
Дѣйствительные члены . . .	10			—	VIII	VIII
Члены-благотворители . . .	—			—	VIII	VIII
Смотритель.	1	900	Пользуются квартирами при училищѣ.	900	VIII	VIII
Священникъ	1	250		250		
Преподаватели	2	500		1000	IX	IX
Одному изъ преподавателей добавочнаго содержанія за исполненіе обязанностей инспектора учебной части. .	—	60		60		
Письмоводитель	1	300		300	IX	IX
Итого. . . .	—	—	—	2510		

Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Михаилъ.

Библиотека "Руниверс"

5. (28-го февраля 1884 года). Объ измѣненіи Высочайше утвержденнаго 12-го ноября 1868 года положенія о Кавказскихъ воспитанникахъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ измѣненіи Высочайше утвержденнаго 12-го ноября 1868 года положенія о Кавказскихъ воспитанникахъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ измѣненіи Высочайше утвержденнаго 12-го ноября 1868 года положенія о Кавказскихъ воспитанникахъ, мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе Высочайше утвержденнаго 12-го ноября 1868 года положенія о Кавказскихъ воспитанникахъ, постановить слѣдующее правило:

„Установленіе числа и размѣра кавказскихъ стипендій, въ предѣлахъ назначенныхъ для того суммъ, а равно распредѣленіе этихъ стипендій по учебнымъ заведеніямъ, производится главноначальствующимъ гражданскою частію на Кавказѣ, по соображенію съ дѣйствительной потребностью и по соглашенію съ подлежащими министрами".

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

6. (13-го февраля 1884 года). Объ измѣненіи устава и штата Нижегородскаго Александровскаго института.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ измѣненіи устава и штата Нижегородскаго Александровскаго института, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ

Библиотека "Руниверс"

представленіе министра народнаго просвѣщенія объ измѣненіи устава и штата Нижегородскаго Александровскаго института, мнѣніемъ положилъ:

I. Въ измѣненіе и дополненіе Высочайше утвержденнаго 16-го января 1867 года положенія о Нижегородскомъ Александровскомъ институтѣ постановить слѣдующія правила:

1) Нижегородскому Александровскому институту присвоивается наименованіе: „Нижегородскій дворянскій институтъ Императора Александра II".

2) Относительно завѣдыванія институтомъ соблюдаются изданныя для него постановленія съ слѣдующими отступленіями:

а) Помощникъ почетнаго попечителя избирается на три года Нижегородскимъ дворянствомъ и утверждается въ должности министромъ народнаго просвѣщенія. Должности этой присвоивается V классъ и V разрядъ по шитью на мундирѣ.

б) При церкви института состоитъ діаконъ.

в) При больницѣ института состоитъ фельдшеръ, пользующійся преимуществами службы, предоставленными по закону нижнимъ медицинскимъ чинамъ.

г) Несогласія между попечителемъ учебнаго округа и представителями дворянства при институтѣ по вопросу объ избраніи и увольненіи инспектора разрѣшаются порядкомъ, установленнымъ на тотъ же предметъ при избраніи и увольненіи директора.

д) Воспитателямъ института изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, предоставляются служебныя права, присвоенныя помощникамъ классныхъ наставниковъ.

е) Предсѣдательствованіе въ хозяйственномъ комитетѣ возлагается на почетнаго попечителя.

ж) Должность почетнаго попечителя не можетъ быть соединяема съ должностью губернскаго предводителя дворянства, а должность помощника попечителя — съ должностью члена по хозяйственной части.

3) За изъятіями, указанными въ предыдущей (2-й) статьѣ, къ институту примѣняются дѣйствующія относительно гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія постановленія съ слѣдующими отступленіями:

а) Въ число учениковъ института не принимаются нехристіане.

б) Обученіе закону Божію иновѣрцевъ римско-католическаго и лютеранскаго исповѣданія производится, съ особаго разрѣшенія попечителя учебнаго округа, на средства родителей учениковъ.

Библиотека "Руниверс"

в) Въ VI, VII и VIII классахъ института добавляется по одному уроку русскаго языка, а въ VIII классѣ — одинъ урокъ по математикѣ.

г) Съ приближеніемъ числа учениковъ къ установленному комплекту отдается преимущество, при пріемѣ въ институтъ, дѣтямъ дворянъ Нижегородской губерніи.

д) Число уроковъ, даваемыхъ директоромъ и инспекторомъ, не должно быть болѣе шести въ недѣлю для каждаго.

е) Педагогическій совѣтъ можетъ быть созываемъ по заявленію почетнаго попечителя.

ж) Преподаватели наукъ и языковъ раздѣляются по окладамъ содержанія на три разряда, причемъ низшій окладъ опредѣляется въ девятьсотъ рублей за двѣнадцать недѣльныхъ уроковъ.

з) Классные наставники назначаются директоромъ, по соглашенію съ почетнымъ попечителемъ.

и) Ученики, пробывшіе два года въ классѣ, могутъ быть оставляемы на третій годъ лишь по особо уважительнымъ причинамъ, по постановленію педагогическаго совѣта, съ согласія почетнаго попечителя и губернскаго предводителя дворянства и съ утвержденія министерства народнаго просвѣщенія.

і) На институтъ не распространяются правила, изложенныя въ § 29, примѣчаніи къ § 30, п. з § 43 и пп. 6, 8 и 9 § 75 дѣйствующаго устава гимназій и прогимназій.

II. Предоставить министру народнаго просвѣщенія, по сношеніи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, согласовать дѣйствующіе уставъ института и таблицу числа недѣльныхъ уроковъ съ постановленіями, приведенными въ пунктѣ I, а равно утвердить росписаніе расходовъ по институту.

III. Увеличить число казенныхъ пансіонеровъ въ институтѣ съ семи на восемь и, вслѣдствіе сего, вносить въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія, начиная съ 1884 года, по триста рублей въ годъ, въ дополненіе къ 2,100 руб., ассигнуемымъ нынѣ на содержаніе казенныхъ пансіонеровъ института.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

Библиотека "Руниверс"

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

31-го Марта 1884 года (№ 3). Производится за отличіе: библіотекарь Императорской Публичной Библіотеки, дѣйствительный статскій совѣтникъ Владиміръ Стасовъ въ тайные совѣтники, съ 10-го февраля 1884 г. (Высоч. пов. 10-го февраля 1884 г.)

Назначается: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Лебедевъ—окружнымъ Инспекторомъ Дерптскаго учебнаго округа, съ 20-го марта 1884 г. (Высоч. пов. 20-го марта 1884 года).

Утверждается: адъюнктъ Императорской Академіи Наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фаминцынъ—экстраординарнымъ академикомъ сей академіи по ботаникѣ, съ 4 февраля 1884 г.

Утверждаются на три года: дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Толстой, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бѣлаго, статскіе совѣтники Лисаневичъ, Харитоненко и Фидлеръ, надворные совѣтники Гевличъ и Алашеевъ, флота лейтенантъ графъ Строгоновъ, потомственный почетный гражданинъ Зотовъ, почетный гражданинъ, 1 гильдіи купецъ Курбатовъ и степенный гражданинъ Елабужскій купецъ Кусакинъ—почетными попечителями реальныхъ училищъ: графъ Толстой—Зарайскаго, Бѣлаго—Ливенскаго, Лисаневичъ—Воронежскаго, Харитоненко—Сумскаго, Фидлеръ—при Реформатской церкви въ Москвѣ, Гевличъ—Пензенскаго, Алашеевъ—Вятскаго Александровскаго, графъ Строгоновъ—Псковскаго Сергіевскаго, Зотовъ—Костромскаго, Курбатовъ—Нижегородскаго и Кусакинъ—Елабужскаго.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Лихачевъ—вновь почетнымъ попечителемъ С.-Петербургской шестой гимназіи.

Зачитается въ срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію: ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Дерптскаго — дѣйствительному статскому совѣтнику Александру Шмидту, Московскаго—статскому совѣтнику Ковалевскому, и экстраординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета, коллежскому совѣтнику Богданову—разрѣшенные имъ отпуски за границу: первому на два мѣсяца, а остальнымъ на одинъ мѣсяцъ.

Библиотека "Руниверс"

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію: доценту Императорскаго университета Св. Владиміра, коллежскому совѣтнику Пихно—по 1-е января 1885 года.

Командируются съ ученою цѣлію: а) въ Россіи и за границу: экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ Васильевскій—съ 1 мая по 1-е сентября 1884 года.

и б) за границу: профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ленцъ—на двадцать дней.

Ординарные профессоры Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительные статскіе совѣтники, Мартенсъ, Менделѣевъ и статскій совѣтникъ Минаевъ—на двадцать восемь дней (Высоч. пов. 25-го февраля 1884 года).

Астрономъ-наблюдатель Императорскаго С.-Петербургскаго университета, надворный совѣтникъ Тачаловъ—на два мѣсяца.

Ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета статскій совѣтникъ Гофманъ—на два мѣсяца и пять дней, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему заграничнаго отпуска на одинъ мѣсяцъ.

Ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, надворный совѣтникъ Линдштедтъ, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра дѣйствительный статскій совѣтникъ Эргардъ, профессоры сего университета: ординарные: статскій совѣтникъ Бецъ и статскій совѣтникъ Паульсонъ, экстраординарные, статскіе совѣтники Шиллеръ и Боргманъ и доцентъ того же университета, надворный совѣтникъ Флоринскій—на лѣтнее вакаціонное время 1884 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета Мейеръ—съ 13-го мая по 10-е августа 1884 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ Мендельсонъ—съ 1 мая по 10 августа 1884 г.

Доценты Императорскаго университета св. Владиміра, коллежскій совѣтникъ Сухановъ и надворный совѣтникъ Шварцъ—съ 4-го мая по 15-е августа 1884 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ Хандриковъ—на лѣтнее вакаціонное время 1884 г. и двадцать-восемь дней.

Библиотека "Руниверс"

Экстраординарный профессоръ Казанскаго ветеринарнаго института, надворный совѣтникъ Кирилловъ—съ 1-го мая по 1-е сентября 1884 года.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рахманиновъ—на четыре мѣсяца и семнадцать дней (Высоч. пов. 25-го февраля 1884 года.

Лаборантъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, коллежскій секретарь Введенскій—съ 10-го апрѣля по 1-е сентября 1884 г.

Ординарный профессоръ Харьковскаго Ветеринарнаго института, статскій совѣтникъ Брандтъ—на пять мѣсяцевъ, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему заграничнаго отпуска на одинъ мѣсяцъ.

Доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Тихомандрицкій—на одинъ годъ и четыре мѣсяца, съ 1-го мая 1884 года.

Ассистентъ при каѳедрѣ патологической анатоміи Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ медицины Высоковичъ и кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Введенскій—на два года.

Продолжается срокъ отпуска по болѣзни: учителю Ярославской гимназіи Добровольскому—на пять мѣсяцевъ, въ Россіи и за границу.

Учителю Шуйской гимназіи Янушкѣ—по 1-го октября 1884 года, за границу.

Увольняются въ отпускъ: учитель Кутаисской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ Гейцманъ—по 20-го августа 1884 года, по болѣзни, за границу.

Директоръ Рыбинской шестиклассной прогимназіи, статскій совѣтникъ Захарбековъ—на одинъ годъ.

Увольняются, согласно прошеніямъ: почетный попечитель Тобольской гимназіи, Тобольскій 1 гильдіи купецъ Плотниковъ, и почетный попечитель Елабужскаго реальнаго училища, потомственный почетный гражданинъ Стахѣевъ—отъ сихъ должностей.

Библиотека "Руниверс"

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (13-го марта 1884 года). Положеніе о стипендіи имени покойнаго директора народныхъ училищъ Ярославской губерніи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Владиміра Ивановича Шпеера при Любимскомъ городскомъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, на проценты съ собраннаго по добровольной подпискѣ капитала въ сто пятьдесятъ руб., учреждается при Любимскомъ городскомъ училищѣ стипендія имени покойнаго директора народныхъ училищъ Ярославской губерніи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Владиміра Ивановича Шпеера.

2) Обезпечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ государственномъ пятипроцентномъ банковомъ билетѣ втораго выпуска 1861 года въ сто руб. за № 253557 и въ облигаціи восточнаго займа 1877 года въ пятьдесятъ руб. за № 570868, хранится въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища, въ мѣстномъ казначействѣ, составляя неотъемлимую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

3) Право выбора стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту Любимскаго городскаго училища.

4) Стипендіатъ избирается преимущественно изъ сыновей бѣдныхъ родителей, обучающихся въ 3-мъ классѣ или въ старшемъ отдѣленіи 2-го класса, и при томъ изъ такихъ, которые при отличномъ поведеніи будутъ имѣть по главнымъ предметамъ баллы не менѣе 4, а по остальнымъ предметамъ не менѣе 3.

Примѣчаніе. Не принимаются въ разсчетъ: пѣніе, гимнастика, черченіе и рисованіе.

5) Педагогическому совѣту предоставляется право избирать стипендіата и изъ другихъ классовъ и отдѣленій въ томъ случаѣ, когда не окажется учениковъ, удовлетворяющихъ условіямъ § 4.

6) Проценты съ капитала ни въ какомъ случаѣ не выдаются на руки стипендіату, а на нихъ педагогическій совѣтъ пріобрѣтаетъ для стипендіата что-либо необходимое изъ одежды или обуви.

Библиотека "Руниверс"

7) Оставленіе ученика въ томъ же отдѣленіи на другой годъ по независящимъ отъ него обстоятельствамъ не лишаетъ его стипендіи.

8) Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

2. (24-го марта 1884 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Николаевича Розенберга при Калишской мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ образовавшагося изъ добровольныхъ пожертвованій чиновниковъ акцизнаго управленія Калишской и Петроковской губерній капитала въ тысячу пять сотъ руб., заключающагося въ 5% облигаціяхъ 1-го восточнаго займа, учреждается при Калишской мужской гимназіи одна стипендія, которая именуется стипендіею дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Николаевича Розенберга.

§ 2. Означенный капиталъ хранится на вѣчныя времена въ Польскомъ банкѣ, какъ неприкосновенный фондъ, обезпечивающій стипендію, и состоитъ въ вѣдѣніи попечителя Варшавскаго учебнаго округа, который наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы облигаціи, вышедшія въ тиражъ погашенія, обмѣнивались на новыя правительственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги.

§ 3. Изъ семидесяти пяти руб., составляющихъ стипендію и отпускаемыхъ въ распоряженіе начальства Калишской гимназіи въ два полугодичные срока, уплачивается за право ученія стипендіата, остальныя затѣмъ деньги выдаются на руки родителей или опекуновъ стипендіата.

§ 4. Стипендіею пользуются сыновья чиновниковъ акцизнаго управленія Калишской и Петроковской губерній, всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, заслуживающіе того по своимъ успѣхамъ и поведенію Преимущество имѣютъ бѣдные сироты чиновниковъ, занимавшихъ классную должность въ названномъ управленіи, въ періодъ времени отъ 4-го августа 1871 года по 15-е сентября 1877 года. За неимѣніемъ сироты стипендія предоставляется сыну чиновника, должность котораго не превышаетъ помощника надзирателя. По полученіи отцомъ стипендіата высшей должности, стипендія передается другому лицу. Сыновья чиновниковъ, служившихъ въ вышеупомянтомъ управ-

Библиотека "Руниверс"

леніи въ періодъ времени отъ 4-го августа 1871 года по 15-е сентября 1877 года, въ случаѣ выхода отцовъ ихъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, изъ службы, не лишаются права полученія стипендіи.

§ 5. Ученикъ, получившій стипендію, пользуется оною до окончанія имъ курса въ Калишской гимназіи. Въ случаѣ перехода стипендіата въ другую гимназію, онъ лишается стипендіи.

§ 6. Право представленія кандидата на стипендію принадлежитъ собранію ревизоровъ, окружныхъ надзирателей и губернскаго бухгалтера акцизнаго управленія Калишской и Петроковской губерній, утвержденіе же кандидата предоставляется попечителю Варшавскаго учебнаго округа.

§ 7. Если изъ сыновей лицъ, служившихъ и служащихъ въ акцизномъ управленіи Калишской и Петроковской губерній и указанныхъ въ § 4, не найдется соискателя для полученія стипендіи, то собраніе избираетъ кандидата, по своему усмотрѣнію, по преимуществу изъ сыновей надсмотрщиковъ и корчемныхъ объѣздчиковъ.

§ 8. Могущіе образоваться по случаю временнаго незамѣщенія стипендіи, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, остатки отъ стипендіальной суммы присоединяются къ основному капиталу и, по мѣрѣ накопленія, обращаются въ государственныя процентныя бумаги, для увеличенія, на будущее время, размѣра стипендіи.

§ 9. Въ случаѣ закрытія Калишской мужской гимназіи, выборъ гимназіи, въ которую переходитъ стипендія, предоставляется министерству народнаго просвѣщенія.

3. (31-го марта 1884 года). Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Петра Дмитріевича Шестакова, при Самарской мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ собраннаго служащими въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Казанскаго учебнаго округа, въ управленіи его и въ попечительской канцеляріи, а также посторонними лицами капитала, въ три тысячи руб., заключающагося въ облигаціяхъ восточнаго займа, учреждается при Самарской мужской гимназіи, на вѣчныя времена, стипендія имени тайнаго совѣтника Петра Дмитріевича Шестакова.

2) Проценты съ этого капитала употребляются на плату за право ученія стипендіата, а остатокъ выдается ему въ пособіе.

Библиотека "Руниверс"

3) Капиталъ, обезпечивающій стипендію, составляя на вѣчныя времена неприкосновенную собственность Самарской гимназіи, хранится въ Самарскомъ казначействѣ, въ спеціальныхъ средствахъ гимназіи.

4) Процентныя бумаги на означенный капиталъ, по выходѣ въ тиражъ, замѣняются новыми государственными или гарантированными правительствомъ процентными бумагами. Если въ числѣ вновь пріобрѣтенныхъ процентныхъ бумагъ когда-либо будутъ 5% билеты внутренняго займа съ выигрышами, то могущій послѣдовать выигрышъ присоединяется къ неприкосновенному капиталу, а проценты на оный употребляются на увеличеніе размѣра стипендіи до трехсотъ руб. и на открытіе новыхъ стипендій имени тайнаго совѣтника Петра Дмитріевича Шестакова, если полученный выигрышъ представитъ къ тому возможность; если же увеличившійся капиталъ будетъ приносить болѣе 300 руб. годовыхъ процентовъ, то излишекъ отъ выдачи стипендіи присоединяется къ основному капиталу, пока чрезъ это присоединеніе не составится сумма, достаточная для новой стипендіи.

5) Наблюденіе за выходомъ въ тиражъ % бумагъ, пріобрѣтеніе новыхъ и всѣ подлежащія по этому дѣлу сношенія возлагаются на директора и педагогическій совѣтъ Самарской гимназіи.

6) Стипендіею пользуются сыновья законоучителей и учителей какого-либо изъ среднихъ или низшихъ учебныхъ заведеній Казанскаго учебнаго округа, заслуживающіе того по своимъ успѣхамъ и поведенію, преимущественно изъ сиротъ, оставшихся безъ средствъ къ образованію.

7) Стипендіаты избираются педагогическимъ совѣтомъ гимназіи. Право утвержденія избраннаго стипендіата принадлежитъ тайному совѣтнику Шестакову, а по смерти его педагогическому совѣту гимназіи.

8) Воспитанники, получающіе стипендію, именуются стипендіатами тайнаго совѣтника Петра Дмитріевича Шестакова и пользованіе стипендіею не соединяется для нихъ, по окончаніи ими гимназическаго курса, ни съ какими обязательствами.

9) Срокомъ начатія пользованія процентами съ помянутаго капитала для избраннаго и утвержденнаго стипендіата назначается первое іюня 1884 года, съ выдачею имѣющихъ нарастать процентовъ, по истеченіи каждаго полугодія, въ два установленныхъ срока: въ первыхъ числахъ декабря и іюня мѣсяцевъ.

Библиотека "Руниверс"

4. (31-го марта 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о правѣ на полученіе вознагражденія за исправленіе учителями должности инспектора гимназіи.

Попечитель одного изъ учебныхъ округовъ представилъ на разрѣшеніе министерства народнаго просвѣщенія вопросъ о томъ, имѣютъ ли преподаватели русскаго и древнихъ языковъ въ гимназіяхъ, исполняющіе обязанности инспектора, право на полученіе вознагражденія за исправленіе письменныхъ ученическихъ упражненій по русскому и древнимъ языкамъ, причемъ заявилъ, что означенные преподаватели могутъ давать столько же уроковъ по древнему и русскому языкамъ, сколько и остальные преподаватели, слѣдовательно, несутъ такую же, какъ и послѣдніе, работу при исправленіи ученическихъ упражненій.

Означенный вопросъ переданъ былъ на обсужденіе ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, который, кромѣ приведеннаго выше соображенія принялъ во вниманіе также и то обстоятельство, что на основаніи 1 примѣчанія къ штатамъ гимназій преподаватели, исполняющіе обязанности инспектора, получаютъ только половину штатнаго инспекторскаго жалованья, другая же половина идетъ на вознагражденіе за исправленіе письменныхъ работъ. Посему ученый комитетъ, находя несправедливымъ лишать означенныхъ преподавателей вознагражденія за исправленіе ученическихъ упражненій, пришелъ къ заключенію, что такое должно быть выдаваемо учителямъ гимназій, исполняющимъ обязанности инспектора въ одинаковомъ размѣрѣ съ прочими преподавателями, то-есть, не менѣе ста рублей.

Соглашаясь съ означеннымъ мнѣніемъ ученаго комитета, я о вышеизложенномъ считаю нужнымъ увѣдомить ваше превосходительство, для руководства въ подлежащихъ случаяхъ.

5. (31-го марта 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ производства испытанія изъ курса дополнительнаго класса бывшихъ учениковъ реальныхъ училищъ.

Одинъ изъ попечителей учебныхъ округовъ представилъ на разрѣшеніе министерства народнаго просвѣщенія вопросъ о томъ: слѣдуетъ ли допускать къ испытанію изъ курса дополнительнаго класса реальныхъ училищъ бывшихъ учениковъ этихъ училищъ, имѣющихъ аттестатъ объ окончаніи курса шести классовъ реальнаго училища,

Библиотека "Руниверс"

если со времени выдачи этого аттестата прошло три года, и вообще должны-ли соблюдаться въ этомъ отношеніи какіе-либо сроки.

Означенный вопросъ былъ переданъ на обсужденіе ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, который нашелъ, что свидѣтельства объ окончаніи курса въ реальныхъ училищахъ и дополнительномъ при нихъ классѣ даютъ право на поступленіе въ высшія спеціальныя учебныя заведенія, то-есть, право, основанное на совокупности познаній, необходимыхъ для дальнѣйшаго научнаго образованія, а не предметовъ одного только дополнительнаго класса, а потому свидѣтельство объ окончаніи курса 6-ти классовъ реальнаго училища должно имѣть значеніе для желающихъ поступить въ дополнительный классъ въ теченіе извѣстнаго срока, по истеченіи котораго отъ лицъ, имѣющихъ таковыя свидѣтельства и желающихъ подвергнуться окончательному испытанію изъ курса семи классовъ реальныхъ училищъ, должно требовать повторенія экзамена и за первые шесть классовъ.

Въ виду сего ученый комитетъ полагалъ назначить для учениковъ, окончившихъ курсъ 6-ти классовъ реальныхъ училищъ, годовой срокъ для экзамена по дополнительному классу, безъ повторенія экзамена за 6-ть классовъ, предоставивъ при этомъ педагогическимъ совѣтамъ, по особо уважительнымъ причинамъ, допускать къ такому экзамену и чрезъ два года, на томъ основаніи, что товарищи экзаменующагося могутъ пробыть въ дополнительномъ классѣ два года. По истеченіи же таковыхъ сроковъ экзаменующійся долженъ подвергаться испытанію какъ за дополнительный, такъ и за шестилѣтній курсъ реальныхъ училищъ.

Соглашаясь съ означеннымъ мнѣніемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, я о вышеизложенномъ считаю нужнымъ увѣдомить ваше превосходительство, для руководства въ подлежащихъ случаяхъ.

6. (4-го апрѣля 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени бывшаго старшаго предсѣдателя Варшавской судебной палаты Николая Николаевича Герарда.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Въ память дѣятельности Н. Н. Герарда при введеніи судебной реформы въ губерніяхъ Царства Польскаго и во время службы его старшимъ предсѣдателемъ Варшавской судебной палаты, учреждается

Библиотека "Руниверс"

стипендія имени бывшаго старшаго предсѣдателя Варшавской судебной палаты Николая Николаевича Герарда при Варшавскомъ университетѣ, на счетъ процентовъ съ заключающагося въ государственныхъ 5% билетахъ капитала въ шесть тысячъ руб. сер., собраннаго по подпискѣ лицъ, принадлежащихъ къ общимъ и мировымъ учрежденіямъ Варшавскаго судебнаго округа.

2) Стипендія опредѣляется въ размѣрѣ трехсотъ руб. сер. въ годъ.

3) Вышеозначенный капиталъ шесть тысячъ руб. сер., проценты съ котораго составляютъ стипендію, состоитъ въ распоряженіи попечителя Варшавскаго учебнаго округа и хранится въ 5-ти процентныхъ государственныхъ билетахъ въ Польскомъ банкѣ; проценты отъ поименованнаго капитала перечисляются въ спеціальныя средства Варшавскаго учебнаго округа.

4) Получающій сказанную стипендію именуется стипендіатомъ бывшаго старшаго предсѣдателя Варшавской судебной палаты Николая Николаевича Герарда.

5) Стипендіатомъ имени Н. Н. Герарда можетъ быть лишь студентъ юридическаго факультета, отличный по успѣхамъ и поведенію.

6) Сумма, опредѣленная для стипендіи, препровождается попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа, своевременно, въ распоряженіе начальства Императорскаго Варшавскаго университета, которое обязано ежегодно представлять попечителю документальный отчетъ по израсходованію сказанной суммы.

7) Лицо, получившее стипендію имени бывшаго старшаго предсѣдателя Варшавской судебной палаты Николая Николаевича Герарда, продолжаетъ пользоваться ею до окончанія полнаго курса юридическаго факультета въ Варшавскомъ университетѣ, но во всякомъ случаѣ не свыше срока четырехъ лѣтъ, считая со времени начала полученія этимъ лицомъ стипендіи. Если же лицо это пробудетъ въ университетѣ болѣе четырехъ лѣтъ, или перейдетъ съ юридическаго факультета на другой, то лишается права на полученіе стипендіи. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, равно объ окончаніи срока стипендіи, для извѣстнаго лица, за окончаніемъ имъ курса, или о лишеніи лица права на стипендію за неодобрительное поведеніе, за безуспѣшность, на основаніи дѣйствующихъ правилъ, или объ оставленіи стипендіатомъ университета—попечитель Варшавскаго учебнаго округа немедленно сообщаетъ старшему предсѣдателю Варшавской судебной палаты на предметъ избранія новаго стипендіата.

Библиотека "Руниверс"

8) Стипендіатъ получаетъ назначенную ему стипендію помѣсячно, за мѣсяцъ впередъ.

9) Стипендіаты бывшаго старшаго предсѣдателя Варшавской судебной палаты Н. Н. Герарда избираются общимъ собраніемъ Варшавской судебной палаты, съ участіемъ приглашаемыхъ въ сказанное собраніе прокурора судебной палаты, предсѣдателя Варшавскаго окружнаго суда и предсѣдателей съѣздовъ мировыхъ судей г. Варшавы и 1-го округа Варшавской губерніи, порядкомъ, который на этотъ предметъ будетъ установленъ общимъ собраніемъ; но непремѣннымъ условіемъ избранія въ стипендіаты имени Н. Н. Герарда составляетъ принадлежность отца стипендіата къ лицамъ судебнаго вѣдомства Варшавскаго судебнаго округа, состоящимъ на службѣ въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, или выбывшимъ за смертью и выходомъ въ отставку.

Примѣчаніе. Подъ лицами судебнаго вѣдомства Варшавскаго судебнаго округа должно разумѣть какъ должностныхъ лицъ общихъ судебныхъ учрежденій, такъ мировыхъ и гминныхъ установленій, и равно нотаріусовъ и присяжныхъ повѣренныхъ.

10) Избранные такимъ порядкомъ кандидаты въ числѣ трехъ представляются Н. Н. Герарду, который избираетъ изъ нихъ одного, имѣющаго получить стипендію его имени.

Затѣмъ старшимъ предсѣдателемъ Варшавской судебной палаты дѣлается сношеніе съ попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа о назначеніи и выдачѣ стипендіи избранному лицу.

11) По смерти же Н. Н. Герарда общее собраніе Варшавской судебной палаты избираетъ тѣмъ же порядкомъ, но не трехъ, а лишь одно лицо для полученія стипендіи имени Герарда.

12) Въ случаѣ, если бы избранный стипендіатъ не удовлетворялъ какимъ либо необходимымъ условіямъ для полученія стипендіи (напримѣръ, если бы онъ оказался студентомъ не юридическаго, а инаго факультета или получилъ уже другую стипендію или встрѣтились бы другія препятствія къ назначенію ему стипендіи), то попечитель Варшавскаго учебнаго округа поставляетъ о томъ въ извѣстность старшаго предсѣдателя Варшавской судебной палаты, на предметъ избранія новаго кандидата.

13) Въ случаѣ выхода въ тиражъ билетовъ, составляющихъ стипендіальный фондъ имени Герарда, попечитель Варшавскаго учеб-

Библиотека "Руниверс"

наго округа дѣлаетъ распоряженіе о покупкѣ Польскимъ банкомъ такихъ же или иныхъ процентныхъ государственныхъ бумагъ, приносящихъ не менѣе 5% со 100 по номинальной цѣнѣ билета.

14) Въ случаѣ увеличенія капитала стипендіи имени Герарда, вслѣдствіе выхода нѣкоторыхъ билетовъ въ тиражъ, временнаго незамѣщенія вакансіи стипендіата и т. д., излишекъ капитала, сверхъ 6,000 р., раздается, по назначенію попечителя Варшавскаго учебнаго округа, бѣднѣйшимъ студентамъ юридическаго факультета Варшавскаго университета, отцы которыхъ принадлежатъ или принадлежали къ судебному вѣдомству Варшавскаго округа—въ видѣ временныхъ пособій имени Н. Н. Герарда.

15) Попечитель Варшавскаго учебнаго округа ежегодно въ сентябрѣ мѣсяцѣ сообщаетъ старшему предсѣдателю Варшавской судебной палаты, для предъявленія общему собранію, свѣдѣнія о выданныхъ въ истекшемъ академическомъ году деньгахъ какъ на стипендію, такъ и на пособіе имени Н. Н. Герарда.

16) Могущія встрѣтиться недоразумѣнія относительно стипендіи имени бывшаго старшаго предсѣдателя Варшавской судебной палаты Н. Н. Герарда, обсуждаются и устраняются попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа, совмѣстно съ старшимъ предсѣдателемъ Варшавской судебной палаты.

7. (6-го апрѣля 1884 г.). **Положеніе о стипендіи имени учредителя Борисоглѣбскаго общества взаимнаго кредита Дмитрія Васильевича Садомцева при Борисоглѣбской Александровской мужской гимназіи.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ капитала въ шестьсотъ рублей, пожертвованнаго общимъ собраніемъ Борисоглѣбскаго общества взаимнаго кредита учреждается при Борисоглѣбской Александровской мужской прогимназіи одна стипендія имени учредителя названнаго общества Дмитрія Васильевича Садомцева.

2) Означенный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 3-го восточнаго займа, хранится въ числѣ спеціальныхъ средствъ прогимназіи, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

3) Проценты съ означеннаго капитала назначаются для уплаты за ученіе избраннаго стипендіата, а могущіе оказаться за симъ

Библиотека "Руниверс"

остатки выдаются стипендіату на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій и экипировку.

4) Правомъ на полученіе стипендіи пользуются воспитанники Александровской прогимназіи, отличающіеся прилежаніемъ и хорошими поведеніемъ и успѣхами, безъ различія сословій, но преимущественно изъ постоянныхъ жителей города Борисоглѣбска.

5) Выборъ стипендіата изъ числа кандидатовъ, рекомендуемыхъ начальствомъ Александровской прогимназіи, предоставляется Д. В. Садомцеву, а по смерти его, совѣту Борисоглѣбскаго общества взаимнаго кредита, въ присутствіи не менѣе двухъ третей его состава, посредствомъ закрытой баллотировки. Въ случаѣ же ликвидаціи дѣлъ общества, право выбора переходитъ въ Борисоглѣбскую городскую думу, съ соблюденіемъ того же порядка относительно баллотировки.

6) Стипендіатъ сохраняетъ за собою стипендію во все время нахожденія въ прогимназіи; но можетъ быть лишенъ стипендіи въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или недостаточности успѣховъ, по опредѣленію педагогическаго совѣта прогимназіи.

7) Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

8. (6-го апрѣля 1884 г.). Положеніе о стипендіяхъ имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Александровича при Читинской мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 31 день марта 1884 г., на проценты съ капитала въ двадцать шесть тысячъ пятьсотъ руб., пожертвованнаго станичными и сотенными обществами Забайкальскаго войскового населенія, учреждаются при Читинской мужской гимназіи четыре стипендіи имени Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Алексія Александровича, въ память пребыванія Его Высочества въ Забайкальской области въ 1873 году.

2) Обезпечивающій стипендіи капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 3-го восточнаго займа, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ спеціальныхъ средствахъ Читинской гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

3) Право пользованія стипендіями предоставляется дѣтямъ лицъ Забайкальскаго войскового сословія, преимущественно изъ бѣднѣйшихъ сиротъ.

Библиотека "Руниверс"

4) Стипендіи замѣщаются, согласно желанію Его Императорскаго Высочества, по выбору наказнаго атамана Забайкальскаго казачьяго войска, основанному на приговорахъ станичныхъ обществъ.

5) Войсковому начальству вмѣняется въ обязанность назначать стипендіатовъ равномѣрно изъ всѣхъ военныхъ отдѣловъ Забайкальскаго казачьяго войска, принимая во вниманіе сумму пожертвованій станицами каждаго военнаго отдѣла.

6) Размѣръ стипендіи опредѣляется въ триста руб. въ годъ, а остальныя деньги назначаются: а) на учрежденіе впослѣдствіи еще одной стипендіи имени Его Высочества при Читинской гимназіи; б) на выдачу пособія по окончаніи курса наукъ—200 р. и в) затѣмъ, въ случаѣ могущаго оказаться остатка отъ процентовъ, таковой причисляется къ стипендіальному капиталу и обращается на покрытіе непредвидѣнныхъ расходовъ по содержанію стипендіатовъ.

7) Пользовавшійся стипендіею обязанъ прослужить въ войскахъ, или въ управленіяхъ Забайкальскаго казачьяго войска, по окончаніи курса наукъ, если не перейдетъ въ высшее учебное заведеніе, три года.

8) Лица, получающія означенныя стипендіи, во время обученія въ гимназіи, носятъ наименованіе: стипендіатовъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Александровича.

9) Стипендіаты пользуются стипендіею во все время своего ученія въ Читинской гимназіи, но въ случаѣ малоуспѣшности и неодобрительнаго поведенія могутъ быть лишены стипендіи и до окончанія курса, по распоряженію начальства, которое сообщаетъ объ этомъ наказному атаману Забайкальскаго казачьяго войска, для замѣщенія открывшейся вакансіи новымъ стипендіатомъ.

9. (6-го апрѣля 1884 года). Положеніе о стипендіи 8-го флотскаго экипажа при V С.-Петербургской гимназіи въ память Императора Александра II.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 13 день января 1884 г, учреждается одна стипендія при V С.-Петербургской мужской гимназіи на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго служащими въ 8-мъ флотскомъ экипажѣ капитала въ одну тысячу двѣсти руб. на уплату за право ученія приходящаго ученика, съ наименованіемъ таковой: „стипендія 8-го флотскаго экипажа при С.-Петербургской V гимназіи въ память Императора Александра II-го".

Библиотека "Руниверс"

2) Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ третьяго восточнаго займа на одну тысячу двѣсти руб., оставаясь на всегда неприкосновеннымъ, хранится въ спеціальныхъ средствахъ V гимназіи.

3) Право избранія стипендіата изъ сыновей офицеровъ, служащихъ въ 8-мъ флотскомъ экипажѣ, предоставляется особой комиссіи, составленной изъ представителей отъ всѣхъ спеціальностей. Въ случаѣ неуспѣшности или неодобрительнаго поведенія или выбытія изъ гимназіи стипендіата выдача стипендіи прекращается.

4) Могущіе образоваться, по случаю временнаго незамѣщенія стипендіи или по какимъ либо другимъ причинамъ, остатки отъ стипендіальной суммы присоединяются къ основному капиталу и, по мѣрѣ накопленія, обращаются въ государственныя процентныя бумаги, для увеличенія, на будущее время, размѣра стипендіи.

5) Пользованіе сею стипендіею не влечетъ за собою никакихъ обязательствъ.

10.. (6-го апрѣля 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о внесеніи въ формуляры учителей городскихъ и уѣздныхъ училищъ отчетовъ о производствѣ ими метеорологическихъ наблюденій.

Начальство Оренбургскаго учебнаго округа донесло, что съ преобразованіемъ, въ половинѣ 1882 года, Ирбитскаго уѣзднаго училища въ городское, по положенію 31 мая 1872 года, устроенная при уѣздномъ училищѣ Главною Физическою Обсерваторіею метеорологическая станція, со всѣми при ней инструментами, принадлежащими названной обсерваторіи, перешла въ вѣдѣніе учителя, завѣдывающаго городскимъ училищемъ, который, по принятіи станціи, продолжалъ производство метеорологическихъ наблюденій согласно изданной Главною Физическою Обсерваторіею инструкціи для метеорологическихъ станцій, съ ежегодными телеграммами въ обсерваторію о состояніи атмосферы и ежемѣсячными отчетными вѣдомостями.

Въ виду вышеизложеннаго, принимая во вниманіе, что въ формулярный списокъ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, въ случаяхъ усерднаго веденія ими метеорологическихъ наблюденій или руководства производствомъ оныхъ дѣлаются, согласно циркулярному предложенію министерства народнаго просвѣщенія отъ 26 апрѣля 1882 года за № 4925, надлежащія о томъ отмѣтки, начальство Оренбургскаго учебнаго округа просило распространить это право и

Библиотека "Руниверс"

на преподавателей городскихъ училищъ, которыми производятся такія наблюденія.

Вслѣдствіе сего и признавая съ своей стороны изъясненное ходатайство заслуживающимъ уваженія въ интересахъ науки и въ видахъ справедливаго поощренія тѣхъ учителей городскихъ училищъ, которые занимаются метеорологическими наблюденіями на условіяхъ, выработанныхъ Главною Физическою Обсерваторіею, я, по соглашенію съ Президентомъ Императорской Академіи Наукъ, разрѣшаю распространить на сихъ лицъ дѣйствіе вышеупомянутаго циркулярнаго предложенія за № 4925.

О вышеизложенномъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, въ дополненіе къ циркулярному предложенію отъ 26 апрѣля 1882 года за № 4925, для зависящихъ распоряженій.

11. (6-го апрѣля 1884 года). Положеніе о стипендіяхъ Императора Александра II въ Императорскихъ университетахъ Казанскомъ и Московскомъ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Астраханская городская дума, желая на вѣчныя времена сохранить память о посѣщеніи въ 1871 году г. Астрахани въ Бозѣ почившимъ Императоромъ Александромъ II-мъ съ Августѣйшими дѣтьми: нынѣ благополучно царствующимъ Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ Александромъ Александровичемъ и Его Высочествомъ Великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ, постановила: ежегодно отчислять отъ городскихъ средствъ сумму на учрежденіе по одной стипендіи въ университетахъ Московскомъ и Казанскомъ.

2) Стипендіи эти именуются стипендіями Императора Александра II-го.

3) Стипендіи эти предоставляются преимущественно бѣднѣйшимъ жителямъ г. Астрахани, съ успѣхомъ окончившимъ курсъ въ мѣстной гимназіи, а также и другимъ лицамъ, по усмотрѣнію Астраханской городской думы.

4) Избранные стипендіаты сохраняютъ право на стипендію въ теченіе всего времени своего ученія въ университетѣ, и лишаются этого права въ томъ только случаѣ, если по нерадѣнію, или по неспособности, или же по другимъ какимъ-либо причинамъ, не иначе однакоже, какъ по опредѣленію о томъ начальства университета,

Библиотека "Руниверс"

будутъ признаны недостойными перевода въ слѣдующій курсъ, или будутъ уволены изъ университета.

5) На каждую изъ этихъ стипендій назначать по триста рублей.

6) Деньги, назначенныя на ежегодное содержаніе стипендіатовъ, должны высылаться городскою думою по полугодіямъ, впередъ въ правленія Московскаго и Казанскаго университетовъ.

7) Лицо, желающее воспользоваться въ университетѣ стипендіею Императора Александра II, обращается съ заявленіемъ въ Астраханскую городскую думу, которая, по изъявленіи своего согласія на предоставленіе стипендіи, сообщаетъ объ этомъ начальству Московскаго или Казанскаго университета.

8) Стипендіаты Императора Александра II, по окончаніи курса наукъ въ университетѣ, не подлежатъ никакой обязанности по службѣ. Остающіяся же свободными, за перенесеніемъ изъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института въ упомянутые университеты двухъ стипендій, деньги 200 руб. городская дума выдаетъ ежегодно въ единовременное пособіе учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, отличнымъ по поведенію и успѣхамъ въ наукахъ.

IV. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

3-го апрѣля 1884 года (№ 3). Утверждаются: экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Корсаковъ — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ каѳедрѣ русской исторіи, съ 28-го января 1884 года.

Доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ минералогіи и геогнозіи, надворный совѣтникъ Докучаевъ—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ минералогіи, съ 27-го февраля 1884 г.

Бывшій старшій учитель Либавской гимназіи Вальдманъ—директоромъ Лифляндской общественной гимназіи въ г. Феллинѣ, съ 11-го марта 1884 г.

Потомственный почетный гражданинъ, Енисейскій 1-й гильдіи купецъ Кытмановъ—почетнымъ попечителемъ Енисейской мужской прогимназіи на три года, съ 15-го февраля 1884 года.

Библиотека "Руниверс"

Дѣйствительные статскіе совѣтники Беклешовъ и Вохинъ, губернскій секретарь Кирпичниковъ и крестьянинъ Ивановъ—членами попечительства Псковскаго Сергіевскаго реальнаго училища, на три года.

Управляющій Нижегородскою удѣльною конторою, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сиверсъ, директоръ Нижегородской гимназіи, статскій совѣтникъ Миротворцевъ, и потомственный почетный гражданинъ, Нижегородскій 1-й гильдіи купецъ Власовъ—членами попечительства Нижегородскаго реальнаго училища, на три года.

Коллежскіе совѣтники Бурскій и Арбузовъ, надворный совѣтникъ Фармаковскій, дѣйствительный студентъ Семакинъ, Орловскій 2-й гильдіи купецъ Кузнецовъ и крестьянинъ Вулычевъ—членами попечительства Вятскаго Александровскаго реальнаго училища, на три года.

Статскій совѣтникъ Рощупкинъ, титулярный совѣтникъ Веселовскій, потомственные почетные граждане Клочковъ и Михайловъ, купцы Безруковъ и Вощевъ — членами попечительства Воронежскаго реальнаго училища, на три года.

Атаманъ 2-го военнаго отдѣла Терскаго казачьяго войска, генералъ-маіоръ Эглау, Терскій областный инженеръ, статскій совѣтникъ Сурміевичъ, Терскій областный врачъ, статскій совѣтникъ Кригеръ, старшій членъ войсковаго хозяйственнаго правленія Терскаго казачьяго войска, подполковникъ Писаревъ, старшій чиновникъ особыхъ порученій при начальникѣ Терской области, надворный совѣтникъ Тхостовъ, завѣдывающій участкомъ Ростово-Владикавказской желѣзной дороги баронъ Штейнгель, потомственный почетный гражданинъ Поповъ 1-й и Владикавказскій 1-й гильдіи купецъ Ситовъ—членами попечительства Владикавказскаго реальнаго училища, на три года.

Ейскіе купцы: Капараки, Рыбкинъ, Щербаковъ, Чернышевъ, Ѳадѣевъ и Струцкій — членами попечительства Ейскаго реальнаго училища, на три года.

Назначаются: окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ Корольковъ—учителемъ древнихъ языковъ Московской второй гимназіи, съ 1-го марта 1884 года, съ обязательствомъ прослужить по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія не менѣе шести лѣтъ.

Изъ оставшихся за штатомъ, бывшій канцелярскій служитель

Библиотека "Руниверс"

канцеляріи попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, не имѣющій чина Евгеній Янковскій—исправляющимъ должность помощника дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, съ 27-го февраля 1884 года.

Оставляются на службѣ: по 24-е августа 1884 года: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій ассесоръ Крышка.

На пять лѣтъ: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Стояновъ, съ 31-го декабря 1883 года.

Директоръ Кіевской второй гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Пасецкій, съ 30-го января 1884 года.

Сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гогоцкій, съ 9-го марта 1884 года.

Продолжается срокъ командировки съ ученою цѣлью: исправляющему должность доцента Императорскаго Дерптскаго университета Мазингу—по 1-е іюля 1884 года., во внутреннія губерніи Россіи.

Командируются съ ученою цѣлью въ Одессу на VI археографическій съѣздъ: предсѣдатель Виленской коммиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Головацкій—съ 8-го по 31-е августа 1884 года.

Ординарные профессоры Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шпилевскій и статскій совѣтникъ Загоскинъ—съ 15-го августа по 15-е сентября 1884 года.

Ординарные профессоры Императорскаго Казанскаго университета: тайный совѣтникъ Буличъ, дѣйствительные статскіе совѣтники Осокинъ и Корсаковъ и статскій совѣтникъ Нагуевскій, доцентъ сего университета, коллежскій совѣтникъ Колмачевскій—на лѣтнее вакаціонное время 1884 года.

Продолжается срокъ отпуска до четырехъ мѣсяцевъ: Директору Закавказской учительской семинаріи, дѣйствительному статскому совѣтнику Семенову, въ С.-Петербургъ.

Увольняются въ отпускъ: а) въ Россіи: на двадцать дней: директоръ Варшавской V-й мужской гимназіи, статскій совѣтникъ Казанскій, въ Ригу.

На двадцать-восемь дней: почетный попечитель Екатеринославскаго реальнаго училища Поль, въ С.-Петербургъ.

Библиотека "Руниверс"

На полтора мѣсяца: почетный попечитель С.-Петербургской седьмой гимназіи Русановъ, во внутреннія губерніи.

На лѣтнее вакаціонное время 1884 года и двадцать-девять дней: начальница Казанской Маріинской женской гимназіи Безобразова, въ Остзейскія губерніи, по болѣзни.

и б) за границу: на четырнадцать дней: старшій учитель гимназіи Императора Александра II въ м. Биркенруэ Гемпель.

На двадцать дней: доцентъ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ Снегиревъ.

На двадцать-восемь дней: почетный попечитель Тульской гимназіи, титулярный совѣтникъ Селезневъ, по болѣзни.

На мѣсяцъ: ассистентъ Императорскаго Московскаго университета, лѣкарь Корниловъ.

На лѣтнее вакаціонное время 1884 года: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета Пѣховскій, ординарные профессоры сего университета: Лашкевичъ, Лазаревичъ, Гаттенбергъ, Кирпичниковъ и Владиміровъ, доцентъ того же университета Шерцль, учители Александровскаго Нижегородскаго дворянскаго института, коллежскіе ассессоры Фишеръ и Чохъ, учители гимназій: Московскихъ: третьей—надворный совѣтникъ Шенрокъ и четвертой — статскій совѣтникъ Кейзеръ, Рязанской—Бродскій, Кіевской четвертой — надворный совѣтникъ Козловскій, Ѳеодосійской — надворный совѣтникъ Мильковичъ, Кишиневской мужской—Левицкій и Марекъ, Симферопольской—Маркевичъ, учитель Одесской Маріинской женской гимназіи Дренгеръ, преподавательницы женскихъ гимназій: Николаевской Маріинской — Патенко и Одесской г-жи Пиллеръ — Налисъ, учители прогимназій: Одесской второй—Налисъ и Вознесенской—Жинью, начальница Жиздринской Маріинской женской прогимназіи Безобразова, директоръ частнаго реальнаго училища въ Москвѣ, статскій совѣтникъ Хайновскій, учители реальныхъ училищъ: Херсонскаго—Романовскій и Нергофъ-фонъ Гольдербергъ, Кіевскаго—Надворный совѣтникъ Мысливецъ и Шушинскаго—Сукупъ.

На лѣтнее вакаціонное время 1884 года и двадцать-восемь дней: ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Казанскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ Виноградовъ и Харьковскаго—Потебня; оба по болѣзни.

Съ 10-го іюня по 1-е сентября 1884 года: учитель Азовской прогимназіи, надворный совѣтникъ Мейеръ, по болѣзни.

Библиотека "Руниверс"

На три мѣсяца: почетный попечитель Херсонской мужской гимназіи, Коллежскій секретарь Маврокордато.

Съ 1-го мая по 15-е августа 1884 года: экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета Залѣсскій, по болѣзни.

Увольняются: преподаватель Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, статскій совѣтникъ Видертъ, согласно прошенію, отъ сей должности, съ 9-го августа 1883 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета по каѳедрѣ акушерства и женскихъ болѣзней, съ клиникою, директоръ, состоящаго при сей клиникѣ института для повивальныхъ бабокъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Тырховскій, за выслугою срока, отъ службы, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, должности ординарнаго профессора присвоенный.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: бывшему Петроковскому губернатору, генералъ-лейтенанту Коханову—за заботливость его въ дѣлѣ помощи нуждающимся ученицамъ Петроковской женской гимназіи.

Предсѣдателю Хоперскаго окружнаго училищнаго совѣта, мѣстному предводителю дворянства, надворному совѣтнику Миронову—за заботы о преуспѣяніи училищъ Хоперскаго округа и объ улучшеніи помѣщеній оныхъ.

Попечителю Троицкаго сельскаго начальнаго народнаго училища, Дорогобужскаго уѣзда, Смоленской губерніи, статскому совѣтнику Смирнову—за заслуги по дѣлу народнаго образованія.

Учителю Красноуфимскаго приходскаго городскаго училища Левину—за продолжительную и полезную для учебнаго дѣла службу въ качествѣ члена Красноуфимскаго уѣзднаго училищнаго совѣта.

Попечителю Леонтьевскаго начальнаго народнаго училища, Вяземскаго уѣзда, Смоленской губерніи, Вяземскому 2-й гильдіи купцу Митюшину—за пожертвованія въ пользу сего училища.

Потомственному почетному гражданину Тюменеву—за пожертвованіе дома, стоимостью въ 10 т. р., подъ помѣщеніе Рыбинскаго женскаго 1-го приходскаго училища.

Библиотека "Руниверс"

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книгу: „И. Гарчинскій. Краткій очеркъ человѣческаго тѣла и его отправленій, съ изложеніемъ главныхъ правилъ для сохраненія здоровья. Руководство для городскихъ училищъ. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1884. Цѣна 75 коп.“—допустить это изданіе какъ учебное пособіе для городскихъ училищъ съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были исправлены указанные комитетомъ недостатки.

— Книгу: „Древности вавилоно-ассирійскія по новѣйшимъ открытіямъ. Съ образчиками клинописи, тремя рисунками (въ текстѣ) и картою къ лѣтописямъ Ассирійскихъ царей. Составилъ Н. Астафьевъ, ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института. Спб. 1882“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Брошюру: „Кавказскій плѣнникъ. Разсказъ гр. Л. Н. Толстаго. Изданіе народной библіотеки. Москва. 1883. Цѣна 5 коп.“—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Дополнительныя статьи алгебры, съ предшествующею статьею „Приложеніе алгебры къ геометріи“. Курсъ VII (дополнительнаго) класса реальныхъ училищъ. 3-е пересмотрѣнное изданіе. Составилъ А. Блюмбергъ. Спб. 1883. Цѣна 1 руб.“—одобрить въ настоящемъ изданіи въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: „Краткій учебникъ географіи Н. Раевскаго, главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири. Описаніе земнаго шара. Съ 27-ю рисунками и 6-ю таблицами. Спб. 1883“ и

— „Краткій учебникъ географіи Н. Раевскаго. Западная Европа. Съ 15-ю таблицами чертежей. Спб. 1883“—допустить въ качествѣ учебниковъ при преподаваніи географіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были исправлены недостатки, указанные ученымъ комитетомъ.

— Книгу: „Теорія поэзіи (для среднихъ учебныхъ заведеній), съ прибавленіемъ Терминологическаго словаря словесности. М. Колосова. Варшава. 1884. Въ 8 д. стр. 90“—одобрить какъ учебное по-

Библиотека "Руниверс"

собіе для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Учебникъ русской грамматики для 3-хъ младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ П. Смирновскій. Часть I. Этимологія. Спб. 1884. Цѣна 45 коп."—допустить въ качествѣ руководства для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Курсы систематическаго диктанта для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ П. Смирновскій. Часть I. Курсы первый (для I-го класса) и второй (для II-го класса). Изданіе 2-е. Спб. 1884. Цѣна 60 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Краткая просодія и элементарныя свѣдѣнія изъ метрики латинскаго языка. Составилъ преподаватель духовной семинаріи протоіерей Николай Кувшинскій. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Вятка. 1881. Цѣна 30 коп."—одобрить какъ учебное пособіе для гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Руководство къ ариѳметикѣ. Составилъ В. Воленсъ. 13-е изданіе, пересмотрѣнное, исправленное и дополненное по соглашенію съ авторомъ. Спб. 1884. Цѣна 60 коп."—допустить въ число учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ пособій.

— Книгу: „Избранныя сочиненія М. В. Ломоносова (для среднихъ учебныхъ заведеній). Съ біографіей Ломоносова и съ приложеніемъ портретовъ: Ломоносова, императрицы Елисаветы и И. И. Шувалова (Рисунки В. Е. Маковскаго). Школьное изданіе, подъ редакціею А. Преображенскаго, преподавателя Московской 4-й гимназіи. Москва. 1884. Цѣна 1 руб."—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Очерки жизни и сочиненій Жуковскаго, составленные Басистовымъ. Съ портретомъ и литографированными картинами. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Москва. 1883. Цѣна 75 коп."—одобрить для награды учащихся въ I, II и III классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для ученическихъ библіотекъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „За Дунаемъ. Война съ Турками за освобожденіе Славянъ 1877—1878 г. Очерки и разсказы для дѣтей изъ сочиненій В. И. Немировича-Данченко. Изданіе учебнаго магазина „На-

Библиотека "Руниверс"

чальная школа" Е. Тихомировой. Москва. 1884. Цѣна 50 коп."—допустить въ библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Сборникъ: „Русскій Архивъ, издаваемый Петромъ Бартеневымъ"—рекомендовать для библіотекъ мужскихъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій.

— Книгу: „Концентрическій учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ и латинскимъ, состоящій изъ трехъ частей. Курсъ элементарный (3-й классъ). Составилъ В. С. Игнатовичъ. Часть II. Изданіе 8-е. Спб. 1884. Цѣна 60 коп."—рекомендовать какъ весьма полезное руководство для III-го класса гимназій и прогимназій, а также соотвѣтствующихъ классовъ другихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Пушкинъ. А. С. Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе для школъ, въ трехъ томахъ. Изданіе 2-е. Въ 8-ю д. Москва. 1884. Цѣна 1-го тома—60 коп., 2-го—1 р., 3-го—2 руб."—одобрить для употребленія въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, и кромѣ того, рекомендовать для ученическихъ библіотекъ этихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Математическіе софизмы. Составилъ по разнымъ источникамъ бывшій учитель математики въ Екатеринбургской гимназіи В. И. Обреимовъ. Съ 20-ю рисунками въ текстѣ. Содержаніе: 1) Равенство неравныхъ величинъ. 2) Неравенство равныхъ величинъ. 3) Меньшее превышаетъ большее. 4) Геометрическія несообразности. 4) Мнимое реально. 6) Разные вопросы. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1884. Цѣна 40 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Иллюстрированная исторія Петра Великаго, текстъ А. Г. Брикнера, профессора русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ. Два тома. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1882. Цѣна за два тома 15 руб.; для учебныхъ заведеній, выписывающихъ это изданіе прямо изъ магазина Новаго Времени, дѣлается уступка"—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Строеніе человѣческаго тѣла. Руководство для преподаванія въ училищахъ при употребленіи „Анатомическихъ стѣнныхъ таблицъ", изданныхъ королевской Саксонской медицинской коллегіей. Составлено д-ромъ А. Фидлеромъ и д-ромъ философіи І. Блохвицемъ. Переводъ съ нѣмецкаго, съ приложеніемъ статьи

Библиотека "Руниверс"

„О сохраненіи здоровья". Спб. 1884"—одобрить какъ весьма полезное пособіе для гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ семинарій и институтовъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книгу: „Источники и рѣки. Съ 7 рисунками. Изд. редакціи журнала „Досугъ и дѣло". С.-Пб. 1883 г.",—допустить въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ и въ учительскія библіотеки сельскихъ народныхъ училищъ.

— Книгу: „Бесѣды Ѳомы Максимыча съ крестьянскими мальчиками о разведеніи плодовыхъ деревьевъ. Составлено Эдуардомъ Рего. Съ политипажами въ текстѣ. 5-е изд. С.-Пб. 1883 г. Цѣна 25 коп.",—одобрить для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

— Пять историческихъ разказовъ С. Макаровой, изданныхъ магазиномъ „Начальная школа" подъ общимъ заглавіемъ „Отголоски старины": 1) Волховецъ и Полиста. М. 1883 г. Цѣна 30 к., 2) Ефанда. М. 1883 г. Цѣна 30 к., 3) Прекраса. М. 1883 г. Цѣна 40 к., 4) Красное солнышко. М. 1883 г. Цѣна 40 к. и 5) Братья враги. М. 1883 г. Цѣна 40 к."—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Изданную С.-Петербургскимъ комитетомъ грамотности повѣсть Д. В. Григоровича: „Пахарь С.-Пб. 1883. Съ 2 картинками. Цѣна 10 коп." одобрить для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ предпочтительно предъ изданіемъ книгопродавца Мартынова.

— Книгу: „Физіологія Фостера. Переводъ съ англійскаго О. В. Поповой. Изд. журнала „Русскій начальный учитель". Съ 19 рисунками. С.-Пб. 1884 г. Цѣна 60 к.", одобрить для учительскихъ библіотекъ начальныхъ училищъ.

— Изданія „Народной библіотеки": 1) „Арабскія сказки. Москва. 1883 г. Цѣна 15 коп." 2) „Индійскія повѣсти. Первый выпускъ: Наль и Дамаянти. Москва. 1883 г. Цѣна 10 коп." и 3) „Послѣдній изъ Могиканъ. Сочиненіе Ф. Купера. Москва 1883 г. Цѣна 12 коп.", допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

Библиотека "Руниверс"

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія о присвоеніи Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, Государю Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу и Великому Князю Георгію Александровичу званія Почетныхъ Членовъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, въ 31-й день марта сего года, Высочайше на сіе соизволилъ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія, предложеніемъ на имя попечителя варшавскаго учебнаго округа отъ 21-го текущаго марта за № 4319, разрѣшилъ увеличить размѣръ платы за ученіе, съ начала 1884—1885 учебнаго года, во всѣхъ классахъ Варшавской 1-й мужской прогимназіи, кромѣ приготовительнаго, до сорока руб. въ годъ съ каждаго ученика.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесеніямъ попечителей учебныхъ округовъ открыты слѣдующія начальныя народныя училища министерства народнаго просвѣщенія: двухклассное — въ себѣ Выксѣ, Ардатовскаго уѣзда, Нижегородской губ., при 106 учащихся; одноклассныя—въ селеніи Коневѣ, Каргопольскаго уѣзда, Олонецкой губ., при 60 учащихся, и въ себѣ Волосовѣ, той же губерніи и уѣзда, при 46 учащихся.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

7. (13-го марта 1884 г.). Объ учрежденіи въ городѣ Варшавѣ трехкласснаго городскаго ремесленнаго училища имени Михаила Конарскаго.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ городѣ Варшавѣ трехкласснаго городскаго ремесленнаго училища имени Михаила Конарскаго, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ, и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ городѣ Варшавѣ трехкласснаго городскаго ремесленнаго училища имени Михаила Конарскаго, мнѣніемъ положилъ:

I. Проекты положенія и штата Варшавскаго трехкласснаго ремесленнаго училища имени Михаила Конарскаго поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію; и

II. Предоставить министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, имѣющимъ въ своемъ завѣдываніи учебныя заведенія, не-

Библиотека "Руниверс"

уклонно наблюдать за тѣмъ, чтобы въ издаваемыхъ для этихъ заведеній подробныхъ уставахъ, постановленія инструкціонныя отдѣлялись отъ законодательныхъ надлежащими ссылками на источники, изъ коихъ постановленія эти заимствованы.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

Въ Гатчинѣ, 13-го марта 1884 года. *Быть по сему.*

Положеніе о Варшавскомъ трехклассномъ ремесленномъ училищѣ имени Михаила Конарскаго.

1) Варшавское трехклассное городское ремесленное училище имени Михаила Конарскаго учреждается на основаніи Высочайше утвержденныхъ въ 31-й день мая 1872 г. положенія о городскихъ училищахъ и въ 25-й день ноября 1873 г. журнала комитета по дѣламъ Царства Польскаго, съ измѣненіями и дополненіями, указанными въ нижеслѣдующихъ статьяхъ.

2) Училище содержится на счетъ процентовъ съ капитала, завѣщаннаго землевладѣльцемъ Подольской губерніи Михаиломъ Конарскимъ по завѣщанію, утвержденному бывшимъ совѣтомъ управленія Царства Польскаго 28-го августа (9-го сентября) 1864 года.

3) На прохожденіе полнаго курса въ училищѣ полагается шесть лѣтъ, а курсъ каждаго класса продолжается два года.

4) Срокъ пребыванія учениковъ въ одномъ классѣ (ст. 3) можетъ быть сокращенъ для способнѣйшихъ изъ нихъ, сообразно оказаннымъ успѣхамъ, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта училища.

5) Кромѣ предметовъ, преподаваемыхъ въ Варшавскихъ городскихъ трехклассныхъ училищахъ, воспитанники обучаются мастерствамъ и ремесламъ, назначеніе коихъ предоставляется попечителю Варшавскаго учебнаго округа, по представленію инспектора училищъ города Варшавы, основанному на опредѣленіи педагогическаго совѣта училища. Избраніе ремесла для обученія дѣтей предоставляется ихъ родителямъ, о чемъ послѣдніе подаютъ заявленіе при опредѣленіи дѣтей въ училище.

6) Для болѣе правильнаго и всесторонняго обсужденія вопросовъ, относящихся къ учебной и воспитательной частямъ училища, при

Библиотека "Руниверс"

немъ учреждается педагогическій совѣтъ, состоящій, подъ предсѣдательствомъ учителя-инспектора, изъ законоучителя и всѣхъ прочихъ штатныхъ учителей и ихъ помощниковъ.

7) Для постояннаго наблюденія за благоустройствомъ училища въ матеріальномъ отношеніи состоитъ при немъ попечительный комитетъ, состоящій изъ пяти членовъ, утверждаемыхъ въ этомъ званіи на шесть лѣтъ Варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, по представленію попечителя учебнаго округа, основанному на соглашеніи съ предсѣдателемъ Варшавскаго мануфактурнаго комитета.

8) Въ кругъ дѣйствій попечительнаго комитета входитъ: 1) ежегодное составленіе смѣты расходовъ на содержаніе училища, по соглашенію съ инспекторомъ онаго; 2) наблюденіе за правильнымъ расходованіемъ суммъ, назначаемыхъ на содержаніе училища; 3) повѣрка училищнаго имущества и наблюденіе за сохранностью онаго; 4) изысканіе средствъ на покрытіе непредвидѣнныхъ въ смѣтѣ расходовъ, и 5) обсужденіе мѣръ къ улучшенію состоянія училища въ матеріальномъ отношеніи.

9) Предсѣдатель и члены попечительнаго комитета избираются изъ лицъ, пользующихся правами государственной службы и считаются по должности: первый въ VII, а послѣдніе въ VIII классѣ, если выше чина не имѣютъ. Лицамъ же, состоящимъ въ означенныхъ званіяхъ, но не пользующимся правами государственной службы, присвоивается мундирный полукафтанъ VII и VIII классовъ, по принадлежности.

10) Воспитанники училища, окончившіе съ успѣхомъ полный курсъ, и тѣ изъ неокончившихъ онаго, кои пробыли въ училищѣ не менѣе двухъ лѣтъ, пользуются правами по отбыванію воинской повинности, присвоенными воспитанникамъ городскихъ училищъ (приложенія къ ст. 53 уст. о воин. повин. изд. 1876 г.).

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Библиотека "Руниверс"

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

Въ Гатчинѣ. 13 Марта 1884 г. *„Быть по сему“.*

ШТАТЪ

варшавскаго трехкласснаго городскаго ремесленнаго училища имени Михаила Конарскаго.

	Число лицъ.	Жалованье. Рубли.	Классы и разряды. По должности.	По штатамъ на мундиръ.	По пенсіи.
Учителю-инспектору (при казенной квартирѣ	1	600	VIII	VIII	По учебной части.
Ему добавочныхъ, за завѣдываніе училищемъ	—	100			
Законоучителю православнаго исповѣданія.	1	300			
Законоучителю римско-католическаго исповѣданія.	1	300			
Учителямъ.	2	1100	X	X	
На вознагражденіе за уроки польскаго языка	—	225			
Учительскимъ помощникамъ	2	400	XII	X	По учебной службѣ.
На уроки пѣнія	—	75			
На учебныя пособія	—	100			
На содержаніе мастерскихъ	—	(*)			
На канцелярскіе расходы	—	25			
На содержаніе и ремонтъ и на наемъ прислуги.	—	425			
Преподавателямъ ремеслъ.	4	1200			
Итого. . .	—	4850			

Примѣчанія:

1-е. Въ случаѣ введенія новаго ремесла въ число преподаваемыхъ въ училищѣ, преподавателю онаго полагается вознагражденіе въ 300 руб, въ годъ.

(*) 2-е. Сумма на содержаніе мастерскихъ назначается по усмотрѣнію попечительнаго комитета училища.

Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Михаилъ.

Библиотека "Руниверс"

8. (13-го марта 1884 г.). О нѣкоторыхъ мѣрахъ по завѣдыванію гимназіей въ Болградѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о нѣкоторыхъ мѣрахъ по завѣдыванію гимназіею въ Болградѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о нѣкоторыхъ мѣрахъ по завѣдыванію гимназіею въ Болградѣ, мнѣніемъ положилъ:

I. Присвоить гимназіи, образуемой изъ Болградскаго центральнаго училища, наименованіе: „Гимназія Императора Александра III въ Болградѣ".

II. Въ означенной гимназіи обучать безплатно дѣтей поселянъ 38-ми общинъ болгарскихъ колонистовъ, пожертвовавшихъ въ 1858 году недвижимыя имѣнія на содержаніе Болградскаго центральнаго училища.

III. Независимо отъ сего, освобождать отъ платы за ученіе, по опредѣленію педагогическаго совѣта означенной гимназіи, 10% изъ числа остальныхъ учениковъ, а равно пансіонеровъ гимназіи и сыновей лицъ, служащихъ при среднихъ и низшихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, а также лицъ, прослужившихъ при нихъ не менѣе десяти лѣтъ, если послѣднія представятъ свидѣтельства о бѣдности.

IV. Поступающіе на содержаніе упомянутой гимназіи доходы, а равно производимые изъ нихъ расходы, заносить, на общемъ основаніи, въ подлежащія подраздѣленія смѣты спеціальныхъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія.

V. Учредить при означенной гимназіи попечительный комитетъ, на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

1) Попечительный комитетъ состоитъ изъ директора гимназіи и трехъ членовъ отъ болгарскихъ общинъ, пожертвовавшихъ недвижимыя имѣнія на содержаніе Болградскаго центральнаго училища.

2) Для избранія трехъ членовъ комитета и одного кандидата къ нимъ, жители каждой изъ 38 болгарскихъ общинъ, пользующіеся

Библиотека "Руниверс"

правомъ голоса на мірскомъ сходѣ, избираютъ изъ среды себя по два депутата изъ коренныхъ жителей, пріобрѣвшихъ довѣріе общества.

3) Избранные депутаты собираются, съ разрѣшенія начальника губерніи, въ обыкновенныя собранія чрезъ каждые три года, въ первый воскресный день ноября мѣсяца въ гор. Болградѣ. Въ необходимыхъ случаяхъ депутаты могутъ быть созываемы тѣмъ же порядкомъ и въ другое время.

4) Въ собраніи депутатовъ должно участвовать не менѣе $^2/_3$ всего числа депутатовъ. Въ случаѣ неявки требуемаго числа депутатовъ они созываются вторично черезъ 20 дней, при чемъ для дѣйствительности собранія достаточно присутствія въ немъ 39 депутатовъ. Если же вторичное собраніе не состоится, за отсутствіемъ необходимаго числа депутатовъ, то назначается третье собраніе, также черезъ 20 дней, которое приступаетъ къ выборамъ, въ какомъ бы числѣ депутаты ни явились.

5) Въ собраніи депутатовъ предсѣдательствуетъ предсѣдатель попечительнаго комитета (ст. 11).

Примѣчаніе. При первоначальномъ избраніи членовъ попечительнаго комитета, въ собраніи депутатовъ предсѣдательствуетъ директоръ гимназіи.

6) Выборы въ собраніи депутатовъ производятся простымъ большинствомъ голосовъ присутствующихъ депутатовъ (ст. 4).

7) Въ члены попечительнаго комитета могутъ быть избираемы только лица, принадлежащія къ числу полноправныхъ коренныхъ жителей 38 общинъ болгарскихъ поселеній.

8) Членами попечительнаго комитета не могутъ быть тѣ изъ поименованныхъ въ предыдущей статьѣ лицъ, кои находятся на службѣ при гимназіи, имѣютъ съ нею тяжебныя дѣла или содержатъ принадлежащія ей аредныя статьи.

9) Члены попечительнаго комитета и кандидаты къ нимъ избираются на три года и утверждаются въ должностяхъ попечителемъ учебнаго округа. Выбывающіе члены могутъ быть избираемы вновь.

10) Члены попечительнаго комитета исполняютъ лежащія на нихъ обязанности впредь до утвержденія новыхъ выборовъ и вступленія въ должность вновь избранныхъ членовъ.

11) Члены попечительнаго комитета (въ томъ числѣ директоръ гимназіи) избираютъ изъ среды себя предсѣдателя комитета, который утверждается попечителемъ учебнаго округа.

Библиотека "Руниверс"

12) Члены попечительнаго комитета не получаютъ никакого содержанія, но пока состоятъ въ этомъ званіи пользуются правомъ на мундиръ VI разряда вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

13) Попечительный комитетъ завѣдуетъ недвижимыми имуществами гимназіи, собираетъ съ нихъ доходы и заботится о матеріальномъ благосостояніи гимназіи.

14) Для повѣрки дѣйствій попечительнаго комитета, собраніе депутатовъ, передъ выборами новыхъ членовъ, избираетъ ревизіонную комиссію изъ трехъ депутатовъ. О результатахъ произведенной ревизіи комиссія представляетъ попечителю учебнаго округа.

15) Жалобы на неправильность дѣйствій попечительнаго комитета приносятся попечителю учебнаго округа, который можетъ удостовѣриться въ правильности ихъ чрезъ командируемыхъ имъ съ этою цѣлью лицъ и, въ случаѣ обнаруженныхъ безпорядковъ, требовать созыва чрезвычайнаго собранія депутатовъ для разсмотрѣнія дѣйствій комитета.

16) Попечительный комитетъ имѣетъ печать съ государственнымъ гербомъ и надписью: „Попечительный комитетъ гимназіи Императора Александра III въ Болградѣ".

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

9. (31 марта 1884 г.). О разрѣшеніи преподавателямъ и начальствующимъ лицамъ учебныхъ заведеній въ лѣтнее время являться на службу въ парусинныхъ сюртукахъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 31-й день марта 1884 года, Высочайше соизволилъ на предоставленіе преподавателямъ и начальствующимъ лицамъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія права въ лѣтнее время являться на службу въ парусинныхъ сюртукахъ одинаковой съ вицъ-мундирными сюртуками формы.

10. (20-го марта 1884 г.). О сборѣ за актовыя выписи, выдаваемыя изъ Виленскаго центральнаго архива древнихъ актовыхъ книгъ, и о новомъ штатѣ сего учрежденія.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о сборѣ за актовыя выписи,

Библиотека "Руниверс"

выдаваемыя изъ Виленскаго центральнаго архива древнихъ актовыхъ книгъ, и о новомъ штатѣ сего учрежденія, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о сборѣ за актовыя выписи, выдаваемыя изъ Виленскаго центральнаго архива древнихъ актовыхъ книгъ, и о новомъ штатѣ сего учрежденія, мнѣніемъ положилъ:

I. Въ измѣненіе Именнаго Высочайшаго указа 2 апрѣля 1852 года, объ учрежденіи центральныхъ архивовъ для актовыхъ книгъ западныхъ губерній (полн. собр. зак. т. XXVII, № 26126), постановить:

„За выдаваемыя по просьбамъ частныхъ лицъ выписи изъ хранящихся въ Виленскомъ архивѣ актовыхъ книгъ взимается: а) если подлинный актъ написанъ на одномъ листѣ—три рубля за каждую выпись, и б) если подлинный актъ заключаетъ въ себѣ болѣе одного листа—три рубля за первый листъ и по одному рублю за каждый послѣдующій листъ актоваго подлинника, причемъ не полные листы онаго считаются за полные".

II. Проектъ штата Виленскаго центральнаго архива древнихъ актовыхъ книгъ поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію и, по воспослѣдованіи онаго, привести въ дѣйствіе.

III. Исчисленную по сему штату сумму, въ количествѣ трехъ тысячъ пятисотъ рублей въ годъ, отпускать изъ государственнаго казначейства, съ зачетомъ въ оную суммы, расходуемой нынѣ на содержаніе Виленскаго центральнаго архива древнихъ актовыхъ книгъ, и вносить въ подлежащее подраздѣленіе расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

Библиотека "Руниверс"

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

«*Быть по сему*».

Въ Гатчинѣ, 20 Марта 1884 г.

ШТАТЪ

виленскаго центральнаго архива древнихъ актовыхъ книгъ.

	Число чиновъ.	Содержаніе въ годъ.		Классы и разряды.		
		Одному.	Всего.	По должности.	По штату на мундиръ.	По пенсіи.
		Рубли.				
Архиваріусъ	1	1000	1000	VIII	VIII	V
Помощниковъ его	2	800	1600	IX	IX	IX
На наемъ писцовъ, а равно на канцелярскіе и хозяйственные расходы	—	—	900			
Итого. . .	3	—	3500			

Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Михаилъ.

11. (16-го февраля 1884 г.). **Правила объ армяно-григоріанскихъ церковныхъ училищахъ на Кавказѣ.**

Высочайше утверждены 16 февраля 1884 года.

1) Армяно-григоріанскими церковными училищами именуются всѣ общеобразовательныя элементарныя (начальныя) одно—и двухклассныя учебныя заведенія, состоящія при церквахъ и монастыряхъ сего исповѣданія и содержимыя ими исключительно на счетъ церковныхъ и монастырскихъ суммъ, или при воспособленіи со стороны прихожанъ.

2) Армяно-григоріанскимъ епархіальнымъ начальникамъ, на основаніи ст. 975 т. XI ч. 1 св. зак., предоставляется завѣдываніе церковными училищами, указанными въ предыдущемъ пунктѣ.

Библиотека "Руниверс"

3) Церковныя училища открываются съ разрѣшенія духовнаго начальства армяно-григоріанскаго исповѣданія, которое обязано объ открытіи каждаго училища сообщать попечителю Кавказскаго учебнаго округа, съ показаніемъ мѣстности, гдѣ училище находится, и на какія именно средства оно будетъ содержаться, а также учебныхъ плановъ по преподаванію русскаго языка, русской исторіи и географіи и числа назначенныхъ на эти предметы недѣльныхъ уроковъ. Равнымъ образомъ возлагается на обязанность означеннаго духовнаго начальства сообщать попечителю о закрытіи каждаго училища, а также о назначеніи и увольненіи учителей и учительницъ, равно какъ и данныя, необходимыя для статистическихъ отчетовъ о состояніи образованія въ краѣ.

4) Во всѣхъ церковныхъ училищахъ обязательно долженъ преподаваться русскій языкъ, а въ тѣхъ училищахъ, въ коихъ преподаются всеобщая исторія и географія, должны преподаваться исторія и географія Россіи на русскомъ языкѣ.

5) Объемъ преподаванія русскаго языка опредѣляется, по соглашенію съ учебнымъ начальствомъ, въ предѣлахъ учебнаго плана, утвержденнаго бывшимъ Намѣстникомъ Кавказскимъ для русской школы среди туземнаго населенія, и соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ и средствамъ училищъ. Русская исторія и географія преподаются въ тѣхъ изъ сихъ училищахъ, въ коихъ введено преподаваніе всеобщей исторіи и географіи, въ объемѣ, установленномъ для двухклассныхъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія. При преподаваніи сихъ предметовъ должны быть употребляемы руководства только изъ числа одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія или попечителемъ учебнаго округа.

6) На обязанность духовнаго вѣдомства возлагается, чтобы въ открываемыхъ, на основаніи 975 ст. 1 ч. XI т. св. зак., церковныхъ училищахъ былъ введенъ порядокъ обученія, съ соблюденіемъ установленныхъ сими правилами условій.

7) На обязанность учебнаго вѣдомства возлагается наблюденіе за преподаваніемъ въ церковныхъ училищахъ всѣхъ предметовъ, за исключеніемъ закона Божія. При семъ предоставляется попечителю учебнаго округа, въ случаѣ, если онъ признаетъ кого-либо изъ учителей или учительницъ не соотвѣтствующими своему званію, обратиться къ духовному вѣдомству о немедленномъ устраненіи сихъ лицъ отъ занимаемой должности и о замѣнѣ ихъ другими. При неисполненіи этого требованія духовнымъ начальствомъ, попечитель до-

Библиотека "Руниверс"

носитъ о семъ министерству народнаго просвѣщенія, а въ особо важныхъ случаяхъ, заявляетъ о томъ главноначальствующему гражданскою частью на Кавказѣ, который, по собственному своему усмотрѣнію, принимаетъ соотвѣтствующія мѣры и о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ доводитъ до свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія.

8) Церковныя училища, которыя по курсу своему выходятъ изъ предѣловъ элементарной школы и по составу имѣютъ болѣе двухъ классовъ или послѣдовательныхъ одно за другимъ отдѣленій, подчиняются надзору училищнаго начальства, на общемъ съ частными учебными заведеніями основаніи.

9) Епархіальный Начальникъ имѣетъ право, если пожелаетъ, поручить наблюденіе за церковными училищами (п. 1) одному инспектору, назначаемому примѣнительно къ ст. 973 т. XI ч. 1 св. зак., исключительно изъ надежнѣйшихъ духовныхъ сановниковъ его епархіи.

10) О назначеніи и увольненіи епархіальнаго инспектора епархіальный начальникъ доводитъ, каждый разъ, до свѣдѣнія главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ и попечителя Кавказскаго учебнаго округа.

11) Права главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ и попечителя Кавказскаго учебнаго округа по наблюденію за учителями и учительницами, указанныя въ п. 7, распространяются и на епархіальныхъ инспекторовъ.

12) Училища, имѣющія цѣлью приготовленіе къ поступленію въ духовенство армяно-григоріанскаго исповѣданія, то-есть Эчміадзинская духовная академія и епархіальныя духовныя семинаріи, не подлежатъ наблюденію учебнаго начальства и остаются, по прежнему, въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

12. (5-го апрѣля 1884 года). Положеніе о стипендіи имени камергера двора Его Императорскаго Величества Петра Александровича Сиверса, учрежденной при Казанской Маріинской женской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, при Казанской Маріинской женской гимназіи учреждается одна сти-

Библиотека "Руниверс"

пендія имени камергера двора Его Императорскаго Величества Петра Александровича Сиверса, на счетъ процентовъ съ капитала въ 1000 р., пожертвованнаго имъ съ этою цѣлью.

2. Означенный капиталъ, заключающійся въ одной облигаціи 3-го восточнаго займа въ 1000 р. за № 232102, составляетъ неприкосновенную собственность Казанской Маріинской женской гимназіи и хранится въ Казанскомъ отдѣленіи государственнаго банка.

3. Право избранія стипендіатки предоставляется начальницѣ гимназіи, доколѣ въ этомъ званіи будетъ состоять Софья Петровна Безобразова, а по выбытіи ея, попечительному совѣту гимназіи.

4. Стипендіаткою должна быть одна изъ бѣднѣйшихъ ученицъ гимназіи, преимущественно изъ уроженокъ Восточнаго Сибирскаго края.

5. Проценты съ стипендіальнаго капитала употребляются на уплату за право обученія стипендіатки въ гимназіи. Могущіе образоваться остатки должны быть употребляемы, во время обученія стипендіатки въ гимназіи, на пріобрѣтеніе для нея учебныхъ пособій, а по окончаніи ею курса, при выходѣ изъ гимназіи, выдаются ей въ видѣ единовременнаго пособія.

6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязанностей.

13. (9-го апрѣля 1884 года). Положеніе о стипендіи при Крестецкомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ въ память въ Бозѣ почившаго Императора Александра II-го.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 31-го марта 1884 года, при Крестецкомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ учреждается стипендія въ память въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, на счетъ процентовъ съ капитала въ 100 р., частью собраннаго отъ продажи билетовъ при постановкѣ живыхъ и туманныхъ картинъ въ г. Крестцахъ и частью пожертвованнаго почетнымъ смотрителемъ сего училища Розенбергомъ.

2. Означенный капиталъ, заключающійся въ одной сторублевой облигаціи 3-го восточнаго займа, считается неприкосновенною собственностью Крестецкаго трехкласснаго городскаго училища и хранится въ Крестецкомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища.

Библиотека "Руниверс"

3. Проценты съ означеннаго капитала употребляются на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій или на другія надобности для одного изъ бѣднѣйшихъ и достойнѣйшихъ по успѣхамъ и поведенію учениковъ, безъ различія сословій.

4. Право назначенія стипендіи и выборъ стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту Крестецкаго трехкласснаго городскаго училища.

5. Учрежденная стипендія сохраняется и въ томъ случаѣ, если училище будетъ преобразовано въ другое учебное заведеніе.

6. Въ случаѣ выхода облигаціи въ тиражъ погашенія, она замѣняется другою государственною процентною бумагою соотвѣтственной стоимости.

7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязанностей.

14. (20-го апрѣля 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ съ рекомендаціею учебнымъ заведеніямъ хромолитографированнаго плана Святаго Града Іерусалима, изданнаго Паруновымъ.

Членъ Православнаго Палестинскаго Общества, дѣйствительный статскій совѣтникъ Паруновъ, издалъ въ настоящее время и выпустилъ въ свѣтъ, съ разрѣшенія духовной цензуры, хромолитографированный планъ Святаго Града Іерусалима, съ рисунками видовъ: Виѳлеема, Іерусалима, Елеонской горы, храма Воскресенія Христова и др. священныхъ мѣстъ.

Признавая распространеніе означеннаго изданія между учащимся юношествомъ весьма желательнымъ, долгомъ считаю покорнѣйше просить ваше превосходительство обратить вниманіе начальствъ подвѣдомственныхъ вамъ учебныхъ заведеній на помянутый планъ, на случай выписки онаго.

Цѣна экземпляра наклееннаго на холстъ плана—три рубля съ пересылкою. Требованія адресовать въ С.-Петербургъ, Кузнечный пер. домъ № 5, кв. № 4. М. Н. Парунову.

15. (28-го апрѣля 1884 г.) Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о надзорѣ за ученическими квартирами воспитанниковъ гимназій и прогимназій.

Въ циркулярномъ предложеніи министерства народнаго просвѣщенія отъ 31 августа 1882 г. за № 11003 было подтверждено началь-

Библиотека "Руниверс"

ствамъ учебныхъ округовъ о необходимости строго соблюдать правила, утвержденныя министерствомъ народнаго просвѣщенія 4-го мая 1874 г., для учениковъ гимназій и прогимназій, въ которыхъ указаны способы для надлежащаго надзора со стороны учебнаго начальства за ученическими квартирами.

По § 47 правилъ для учениковъ мужскихъ гимназій и прогимназій учащіеся, неимѣющіе въ городѣ ни родителей, ни близкихъ родственниковъ и не порученные родителями кому-либо изъ близкихъ къ нимъ лицъ, замѣняющихъ временно ихъ самихъ, помѣщаются на одной изъ указанныхъ гимназическимъ начальствомъ ученическихъ квартиръ, а по § 48 въ квартиросодержатели избираются начальствомъ учебнаго заведенія преимущественно преподаватели, помощники классныхъ наставниковъ и вообще лица, пользующіяся довѣріемъ учебнаго начальства.

Между тѣмъ изъ донесеній нѣкоторыхъ попечителей учебныхъ округовъ усматривается, что учащіеся въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія нерѣдко помѣщаются на квартирахъ у лицъ, вовсе неизвѣстныхъ мѣстному учебному начальству, и что, оставаясь внѣ всякаго контроля и надзора со стороны этого начальства, они часто подпадаютъ вліянію людей злонамѣренныхъ.

Признавая крайне прискорбнымъ такое несоблюденіе требованій министерства народнаго просвѣщенія относительно точнаго исполненія правилъ объ ученическихъ квартирахъ, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство строго наблюдать, чтобы начальники заведеній не допускали въ этомъ отношеніи никакихъ отступленій, съ предупрежденіемъ ихъ, что, въ случаѣ обнаруженія какихъ либо упущеній, они будутъ немедленно устраняемы отъ должностей какъ лица, не соотвѣтствующія по своей дѣятельности требованіямъ учебно-воспитательной службы.

III. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

Книгу: „Историческая христоматія новаго періода русской словесности“ (отъ Карамзина до Пушкина). Составилъ А. Галаховъ. Два тома. Изданіе 4-е, безъ перемѣнъ. Спб. 1884 — одобрить какъ

Библиотека "Руниверс"

учебное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія для—гимназій, мужскихъ и женскихъ, для реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

— Книгу: „Сборникъ примѣровъ на правила латинскаго синтаксиса для перевода съ русскаго языка на латинскій; съ вокабулами, примѣчаніями и русско-латинскимъ словаремъ. Примѣнительно къ „Латинскому синтаксису въ объемѣ гимназическаго курса". Составилъ С. Опацкій, магистръ римской словесности. Варшава. 1884. Цѣна 1 р. 15 к."—одобрить какъ учебное пособіе при преподаваніи синтаксиса латинскаго языка въ гимназіяхъ и шестиклассныхъ прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Составилъ И. Верещагинъ. С.-Пб. 1884. Цѣна 80 к."—рекомендовать какъ весьма полезное пособіе всѣмъ низшимъ и среднимъ учебнымъ заведеніямъ министерства народнаго просвѣщенія, а также учительскимъ институтамъ и учительскимъ семинаріямъ.

— Книгу: „Задачи дополнительныхъ статей алгебры. Пособіе для VII класса реальныхъ училищъ и для кадетскихъ корпусовъ. Составилъ В. Благовѣщенскій. Кронштадтъ. 1884. Цѣна 50 коп." — одобрить въ качествѣ весьма полезнаго учебнаго пособія для дополнительнаго класса реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Ю. Петерсонъ. Методы и теоріи рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе, съ приложеніемъ болѣе 400 задачъ. Переводъ М. С. Аксенова, подъ редакціею А. П. Грузинцева, преподавателя гимназіи. Съ предисловіемъ проф. К. А. Андреева. Харьковъ. 1883. Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к." — одобрить для основныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Элементарный курсъ всеобщей и русской исторіи (курсъ III и IV классовъ гимназій. Составилъ И. Беллярминовъ. Изданіе 14-е, съ рисунками и двумя планами. С.-Пб. 1884. Цѣна 90 к."—рекомендовать для употребленія въ видѣ руководства въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ, въ реальныхъ и городскихъ училищахъ.

— Книгу: „Письменныя упражненія. Руководство къ веденію ученическихъ сочиненій въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ И. Гавриловъ, наставникъ-руководитель при гимназіи историко-филологическаго института. Третье, переработанное изданіе. С.-Пб. 1884. Цѣна 1 р. 20 к." — одобрить какъ учебное пособіе при

Библиотека "Руниверс"

письменныхъ упражненіяхъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, то-есть, въ мужскихъ гимназіяхъ и учительскихъ институтахъ.

— Книгу: „Русская христоматія преимущественно для училищъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ. Составилъ Викторъ Богдановъ, старшій учитель главнаго нѣмецкаго училища св. Петра въ С.-Петербургѣ. Въ трехъ частяхъ. Часть I, съ русско-нѣмецкимъ словаремъ для первыхъ двухъ классовъ гимназій, реальныхъ и начальныхъ училищъ. С.-Пб. 1883. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 20 к."—допустить (первую часть) въ качествѣ учебнаго пособія для первыхъ двухъ классовъ гимназій, реальныхъ и начальныхъ училищъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи исправлены были указанные недостатки, а словарь былъ совершенно передѣланъ и изложенъ въ алфавитномъ порядкѣ.

— О книгѣ: „Географическій словарь западно-славянскихъ и югославянскихъ земель и прилежащихъ странъ, составленный Яковомъ Головацкимъ. Съ приложеніемъ географической карты. Вильна. 1884. Цѣна 2 р. 50 к."—предложить попечителямъ учебныхъ округовъ обратить вниманіе на эту книгу г. Головацкаго, съ цѣлью пріобрѣтенія оной для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній; карту же, продающуюся отдѣльно (1 р., на папкѣ 1 р. 50 к.), рекомендовать всѣмъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, и учительскимъ институтамъ и учительскимъ семинаріямъ для вывѣшанія ея въ старшихъ классахъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Звѣздочка. Сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ для постепеннаго изученія роднаго языка. Въ четырехъ отдѣлахъ. Составилъ К. Ѳ. Петровъ. Изданіе 2-е, исправленное и значительно дополненное. С.-Пб. 1884. Въ 8 д. л., 176 стр. Цѣна 40 к."—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ.

— Книгу: „Царствованіе Императора Николая I. Составилъ М. П·

Библиотека "Руниверс"

Романовъ. Изданіе редакціи журнала „Досугъ и Дѣло". С.-Пб. 1883. Въ 8 д. л., 121 стр. Цѣна 25 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

— Книгу „О крещеніи Руси, о Владимірѣ Святомъ, о сыновьяхъ его и о монастырѣ Печерскомъ. К. Бестужева-Рюмина. Изданіе 5-е. С.-Пб. 1884. Въ 8 д. л., 57 стр. Цѣна 11 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

— Книгу: „Изъ Ясной Поляны. Разказы для семьи и школы. Книжка 6-я. Про капитана Головнина, его кругосвѣтномъ плаваніи и плѣнѣ у Японцевъ (съ картою всѣхъ земель). Редакція А. Эрленвейна. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1884. Въ 16 д. л., 95 стр. Цѣна 20 к."—одобрить для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

— Книгу: „Нижній-Новгородъ. Описаніе города и его исторіи. Е. Альмединген. Изданіе редакціи журнала „Родникъ". С.-Пб. 1884. Въ 16 д. л., 24 стр. Цѣна 15 коп."—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи былъ устраненъ встрѣчающійся мѣстами фельетонный пріемъ изложенія и были выпущены непонятныя дѣтямъ иностранныя слова.

— Книгу: „Актеа. Повѣсть изъ древней римской и греческой жизни. Е. А. Сысоевой. Изданіе редакціи журнала „Родникъ". С.-Пб. 1884. Въ 8 д. л., 122 стр. Цѣна 60 коп."—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Хлѣбный жукъ (кузька). Чтеніе для народа. Составилъ баронъ Н. А. Корфъ. С.-Пб. Въ м. 8 д. л., 16 стр. Цѣна 10 к."—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу: „Моря и океаны. Изданіе редакціи журнала „Досугъ и Дѣло". С.-Пб. 1883. Въ 8 д. л. 41 стр. Цѣна 20 коп."—допустить въ ученическія библіотеки городскихъ и въ учительскія библіотеки сельскихъ училищъ.

— Брошюру „По вопросу о преподаваніи счетоводства въ начальныхъ училищахъ. Составилъ Ѳ. Езерскій. С.-Пб. 1883. Въ 8 д. л., 16 стр. Цѣна 10 коп."—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Изданія учрежденной по Высочайшему повелѣнію министромъ народнаго просвѣщенія постоянной коммиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ: 1) „Жизнь Божіей Матери. Праздники въ честь Ея. Священника М. И. Соколова.

Библиотека "Руниверс"

Съ изображеніемъ. Изданіе 4-е. С.-Пб. 1883. Въ 16 д. л., 48 стр. Цѣна 10 коп."; 2) „Великій постъ. Чтеніе свящ. М. И. Соколова. Изд. 2-е. С.-Пб. 1884. Въ 16 д. л. 67 стр. Цѣна 10 коп."; 3) „Богомольцы у святынь Кіева. Лавра. Изд. 2-е. С.-Пб. 1884. Въ 16 д. л., 74 стр., съ 2-мя картинами. Цѣна 20 коп."; 4) „Начало христіанства на Руси. С.-Пб. 1884. Въ 16 д. л., 35 стр., съ 3-мя картинами. Цѣна 15 коп."; 5) „О Петрѣ Великомъ. Два чтенія: а) какъ Петръ Великій провелъ молодые годы, какъ и чему учился; б) какъ Петръ Великій добылъ море и создалъ русскій флотъ. С. Рождественскаго. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1884. Въ 16 д. л., 87 стр., съ 3-мя картинами. Цѣна 15 коп."; 6) „Народная война 1812 года. Составилъ А. Яхонтовъ (Для аудиторій раздѣлено на 3 чтенія). С.-Пб. 1883. Въ 16 д. л., 104 стр., съ 4-мя портретами и 1 картиной. Цѣна 25 коп."; 7) „Сборникъ стиховъ. Выпускъ 2-й. С.-Пб. 1883. Въ 16 д. л., 44 стр. Цѣна 8 коп."; 8) „Сборникъ стиховъ. Выпускъ 3-й. С.-Пб. 1884. Въ 16 д. л., 48 стр. Цѣна 8 к."— одобрить для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Изданія, напечатанныя на средства издательскаго общества, состоящаго при постоянной коммиссіи народныхъ чтеній: 1) „О святыхъ московскихъ митрополитахъ Петрѣ и Алексѣѣ и о славномъ Мамаевомъ побоищѣ. Ап. Н. Майкова. С.-Пб. 1883. Въ 16 д. л., 28 стр. Цѣна 6 коп."; 2) „Изъ-за чего пошли войны Россіи съ мусульманствомъ. Ап. Н. Майкова. Три книжки: а) „Взятіе турецкимъ султаномъ Магометомъ II Константинополя. Москва—третій Римъ. С.-Пб. 1883. Въ 16 д. л., 33 стр. Цѣна 7 коп."; б) „Покореніе при царѣ всея Руси Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, мусульманскихъ царствъ: Казанскаго и Астраханскаго. С.-Пб. 1883. Въ 16 д. л., 23 стр, Цѣна 5 коп."; в) „Завоеваніе Сибири. С.-Пб. 1883 г. Въ 16 д. л. 29 стр. Цѣна 7 коп."; 3) „О смутномъ времени на Руси. Два чтенія: а) Убіеніе царевича Димитрія и что послѣдовало за кончиною царя Ѳеодора Іоанновича, и б) Народное ополченіе на защиту отечества и какъ Русскіе люди выбрали царемъ Михаила Ѳеодоровича Романова. Изложилъ И. И. Петровъ. С.-Пб. 1884. Въ 16 д. л., 96 стр., съ 3-мя картинками. Цѣна 20 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Изданія того же издательскаго общества: 1) Роковой кладъ Повѣсть А. Сѣтковой (Катенкампъ). С.-Пб. 1883. Въ 16 д. л., 69 стр. съ 1 картинкою. Цѣна 15 коп."; 2) „Лучшая месть. Разказъ Сѣт-

Библиотека "Руниверс"

ковой (Катенкампъ). С.-Пб. 1884. Въ 32 д. л., 45 стр., съ 3-мя картинками. Цѣна 5 коп."; 3) „Братья. Разказъ Сѣтковой (Катенкампъ). С.-Пб. 1884. Въ 32 д. л., 54 стр. Цѣна 5 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

— Книгу „Азіатская холера. Ея исторія, формы, распознаваніе, предупрежденіе, леченіе и способы дезинфекціи. (Популярный очеркъ). Д-ра П. О. Смоленскаго. С.-Пб. 1883. Въ 16 д. л., 27 стр. Цѣна 15 коп."—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу „Сборникъ ариѳметическихъ задачъ, заключающихъ въ себѣ данныя преимущественно изъ сельскаго быта. 1812 задачъ и болѣе 3500 численныхъ примѣровъ. Составилъ Т. Лубенецъ. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1884. Въ 8 д. л. 209 стр. Цѣна 40 коп."—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобъ издатель приложилъ къ ней листокъ съ исправленіемъ неточностей и ошибокъ, указанныхъ ученымъ комитетомъ.

— Книгу: „Первый русскій книгопечатникъ. † 1583. Для народнаго чтенія. (Изъ Кіевск. Губ. Вѣд.) Кіевъ. 1884. Въ 16 д. л., 22 стр. Цѣна 5 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, вслѣдствіе представленія по министерству народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 27-й день истекшаго апрѣля, пожаловать учителя Шавельской гимназіи, надворнаго совѣтника Леонида Орловскаго, серебряною медалью съ надписью „за спасеніе погибавшихъ" для ношенія въ петлицѣ на Владимірской лентѣ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ съ начала будущаго 1884—85 учебнаго года опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Глуховской прогимназіи размѣръ платы за ученіе въ приготовительномъ классѣ до пятнадцати руб. и въ остальныхъ классахъ до тридцати руб. въ годъ съ каждаго ученика.

Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ увеличить размѣръ платы за ученіе, съ 1884—85 учебнаго года, въ Екатеринославскомъ реальномъ училищѣ: въ открываемыхъ съ будущаго учебнаго года при семъ училищѣ I и II классахъ по тридцати рублей

Библиотека "Руниверс"

въ годъ, въ V, VI и общемъ отдѣленіи VII класса по тридцати-шести рублей и въ химико-техническомъ отдѣленіи VII класса по сорока рублей въ годъ съ каждаго ученика.

— Въ 1874 г. министерство иностранныхъ дѣлъ, предпринявъ, съ Высочайшаго соизволенія, изданіе составляемаго непремѣннымъ членомъ совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ, профессоромъ Мартенсомъ „Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами", открыло подписку на первые четыре тома этого изданія, съ цѣлію дать возможность казеннымъ управленіямъ пріобрѣтать сборникъ по уменьшенной цѣнѣ.

Въ настоящее время министерство иностранныхъ дѣлъ признаетъ возможнымъ открыть подписку на слѣдующіе четыре тома изданія. Изъ нихъ томы V и VI, заключающіе трактаты съ Германіей по 1808 годъ, уже вышли въ свѣтъ, а томъ VII приготовляется къ печати. Условія подписки остаются тѣ же, какъ и на первые четыре тома, то-есть, подписчики уплачиваютъ девять руб. за томы V—VIII; каждый томъ отдѣльно будетъ продаваться по три рубля. Подписныя деньги вносятся въ департаментъ личнаго состава и хозяйственныхъ дѣлъ министерства иностранныхъ дѣлъ, при подпискѣ.

Библиотека "Руниверс"

О ВОСЬМОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ

ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО,

УЧРЕЖДЕННЫХЪ

ПРИ МИНИСТЕРСТВѢ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

На основаніи § 11 Положенія о преміяхъ Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, въ январѣ текущаго 1884 года ученымъ комитетомъ, съ утвержденія г. министра народнаго просвѣщенія, была образована, подъ предсѣдательствомъ члена ученаго комитета В. Г. Васильевскаго, особая коммиссія для разсмотрѣнія сочиненій по исторіи и географіи, подходящихъ подъ условія конкурса на означенныя преміи, изъ слѣдующихъ лицъ: директора частной гимназіи Я. Г. Гуревича, инспектора Введенской гимназіи Н. В. Пьянкова, преподавателя 6-й гимназіи Г. С. Лыткина и профессора историко-филологическаго института Ѳ. Ѳ. Соколова. На разсмотрѣніе сей коммиссіи переданы были ученымъ комитетомъ четыре книги, два учебные атласа и собраніе картинъ изъ отечественной исторіи. Распредѣливъ между членами отдѣльныя изданія для ближайшаго спеціальнаго изученія и оцѣнки этихъ изданій, коммиссія въ общихъ засѣданіяхъ выслушавъ и обсудивъ устныя и письменныя сообщенія и рецензіи членовъ о каждомъ сочиненіи, пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Сочиненіе профессора М. О. Кояловича: „Чтенія по исторіи Западной Россіи“, появившееся въ настоящемъ году вторымъ и третьимъ изданіями, находится въ связи съ многолѣтними и плодотворными занятіями автора исторіей Западнаго края и опирается на

Библиотека "Руниверс"

цѣлый рядъ его собственныхъ спеціальныхъ ученыхъ трудовъ общепризнанной важности по содержанію и столь же несомнѣннаго достоинства по исполненію; оно согрѣто горячею любовью къ Русскому народу и построено на идеѣ его единства и нераздѣльности; оно проникнуто глубокою преданностію къ высшимъ его интересамъ—государственной цѣлости и православію; оно представляетъ краткое и сжатое, но полное и основательное, хорошо обдуманное обозрѣніе всей исторіи Западной Россіи, написанное знатокомъ дѣла и удовлетворяющее всѣмъ требованіямъ, какъ научности, такъ и общедоступности, отличающееся прекраснымъ и одушевленнымъ изложеніемъ; по мнѣнію коммиссіи, оно можетъ быть признано воспитательнымъ въ высшемъ значеніи этого слова: оно уже имѣло несомнѣнно благотворное вліяніе на школу въ Сѣверо-Западномъ краѣ и содѣйствовало распространенію и утвержденію здравыхъ понятій о прошедшихъ судьбахъ края среди учащихъ и учащихся. Новыя изданія, въ которыхъ первоначальный трудъ является въ переработанномъ, дополненномъ и исправленномъ видѣ, даютъ поводъ выразить пожеланіе, чтобы непосредственное и собственное слово вдохновителя и направителя многихъ Русскихъ людей въ краѣ еще больше и чаще, чѣмъ прежде, находило доступъ къ умамъ и сердцамъ юнаго поколѣнія, воспитывающагося въ школахъ, и въ то же время даетъ удобный случай ученому комитету признать заслуги М. О. Кояловича предъ русскою наукой и русскою школой внесеніемъ его книги въ списокъ учебныхъ пособій по русской исторіи. Коммиссія, съ своей стороны, единогласно присуждаетъ профессору М. Ѳ. Кояловичу за его трудъ „Чтенія по исторіи Западной Россіи“ полную Петровскую премію.

2) Трудъ профессора Е. Е. Замысловскаго: „Учебный атласъ по русской исторіи“, разсматривавшійся въ коммиссіи во второмъ изданіи, но въ связи съ нѣкоторыми указаніями составителя на предполагаемыя измѣненія въ готовящемся третьемъ, былъ у насъ первымъ самостоятельнымъ трудомъ по исторической географіи, вполнѣ отвѣчающимъ научнымъ и педагогическимъ требованіямъ; и до сихъ поръ онъ остается единственнымъ въ своемъ родѣ, представляя, къ сожалѣнію, библіографическую рѣдкость. Можно сказать, что въ изданіи г. Замысловскаго собственно заключаются два труда, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности составляетъ цѣнный вкладъ въ науку: 1) научный атласъ по русской исторіи съ алфавитнымъ указателемъ и 2) историко-географическія замѣтки для объясненія картъ, составляющія учебникъ исторической географіи Россійской имперіи. Въ

Библиотека "Руниверс"

обоихъ этихъ трудахъ историческій изслѣдователь найдетъ уясненіе добытыхъ историческихъ результатовъ и полезныя указанія для продолженія своихъ спеціальныхъ изслѣдованій; образованный человѣкъ найдетъ въ нихъ основанія для болѣе вѣрнаго сужденія о прошедшихъ и настоящихъ отношеніяхъ Русскаго государства; изучающій систематическій курсъ русской исторіи студентъ или вообще русскій юноша найдетъ здѣсь всѣ нужныя историко-географическія данныя и опытное руководительство въ серьезномъ изученіи прошлыхъ судебъ отечества; однимъ словомъ, въ глазахъ каждаго дѣльнаго и опытнаго преподавателя изданіе г. Замысловскаго, сдѣлавшись снова доступнымъ для пользованія и пріобрѣтенія, будетъ драгоцѣннымъ и необходимѣйшимъ пособіемъ при прохожденіи русской исторіи въ старшихъ классахъ гимназій, особенно если составитель сдѣлаетъ нѣкоторыя улучшенія во внѣшнемъ видѣ изданія, напримѣръ, отдѣлитъ объясненія или же географическій учебникъ въ особую книгу, которую можно было бы читать, раскрывъ атласъ предъ собою. Въ виду несомнѣнныхъ достоинствъ „Атласа по русской исторіи“ и „Курса исторической географіи Русскаго государства“, комиссія полагаетъ, что авторъ ихъ, г. Замысловскій, заслуживаетъ высшей преміи Петра Великаго, любителя и знатока исторіи и географіи своего отечества.

3) Курсъ географіи Европы г. И. Штуцера, предназначенный для учащихся въ старшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній, не смотря на слабое изложеніе добывающей и обрабатывающей промышленности въ разныхъ государствахъ, выдѣляется изъ ряда другихъ географическихъ учебниковъ весьма подробною и тщательною обработкою естественныхъ областей земной поверхности западно-европейскихъ государствъ и такою же тщательною обработкою литературнаго изложенія; поэтому комиссія полагаетъ, что автора его, г. Штуцера, слѣдовало бы поощрить къ дальнѣйшему усовершенствованію своего труда малою преміей имени Петра Великаго.

4) Изданіе С. Е. Рождественскаго: „Отечественная исторія въ картинахъ для школы и дома“ хотя и представляетъ весьма важные и существенные недостатки относительно выбора сюжетовъ для картинъ, относительно полноты и цѣльности живописнаго обозрѣнія русской исторіи, хотя оно неудовлетворительно съ археологической, ученой точки зрѣнія и даже стоитъ ниже нѣкоторыхъ русскихъ попытокъ въ этомъ родѣ, все-таки должно быть признано очень полезнымъ пособіемъ при классномъ преподаваніи отечественной исторіи

Библиотека "Руниверс"

въ народныхъ училищахъ и низшихъ классахъ гимназій; другія изданія того же рода, которыя могли бы соперничать съ изданіемъ г. Рождественскаго, никогда не были доводимы до конца, что свидѣтельствуетъ о трудностяхъ, сопряженныхъ съ этимъ родомъ предпріятій; посему коммиссія полагаетъ, что изданіе г. Рождественскаго также можетъ быть удостоено малой преміи имени Петра Великаго.

5) Остальныя три сочиненія, какъ заключающія болѣе недостатковъ, чѣмъ достоинствъ, признаны коммиссіей не заслуживающими преміи.

Ученый комитетъ, по внимательномъ прочтеніи и обсужденіи донесенія коммиссіи и подробныхъ, представленныхъ ею, отзывовъ о разсмотрѣнныхъ изданіяхъ, въ засѣданіяхъ 23-го и 30-го апрѣля, опредѣлилъ, согласно съ донесеніемъ коммиссіи:

1) Профессору С.-Петербургской духовной академіи М. О. Коялловичу за „Чтенія по исторіи Западной Россіи. Изданіе третье, съ приложеніемъ этнографической карты. С.-Пб. 1884"—присудить большую премію въ 2000 рублей.

2) Экстраординарному профессору С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Е. Е. Замысловскому за „Учебный атласъ по русской исторіи"—присудить большую премію въ 2000 руб.

3) Преподавателю географіи Ив. Штуцеру за „Курсъ географіи Европы для старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Москва. 1884"—присудить малую премію въ 500 рублей.

4) Директору народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи С. Е. Рождественскому за изданіе „Отечественная исторія въ картинахъ для школы и дома"—присудить малую премію въ 500 руб.

5) Прочія сочиненія отъ присужденія премій устранить.

6) Въ вознагражденіе трудовъ предсѣдателя коммиссіи В. Г. Васильевскаго и членовъ: Я. Г. Гуревича, Н. В. Пьянкова, Г. С. Лыткина и Ѳ. Ѳ. Соколова, выдать учрежденныя на сей предметъ золотыя медали.

Это опредѣленіе ученаго комитета, на основаніи § 12 Положенія о преміяхъ императора Петра Великаго, было представлено на благоусмотрѣніе г. министра народнаго просвѣщенія и его высокопревосходительствомъ утверждено [1]).

---

[1]) Подробныя рецензіи коммиссіи на премированные труды будутъ напечатаны въ іюльской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*.

Библиотека "Руниверс"

Объявленіе отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія касательно 9-го присужденія премій Императора Петра Великаго.

На соисканіе премій императора Петра Великаго къ 1-му ноября 1884 года назначены:

по разряду гимназій: группа „языки латинскій и греческій", съ предпочтительнымъ правомъ на премію русско-латинскаго словаря;

по разряду начальныхъ народныхъ училищъ: „сочиненія, касающіяся звѣроловства, птицеловства, рыболовства, скотоводства, пчеловодства, земледѣлія, лѣсоводства, огородничества, садоводства, винодѣлія".

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

РАЗВИТІЕ ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ КАКЪ НАУКИ, ЕЯ МЕТОДЫ И ЗАДАЧИ [1]).

Мм. гг! Изученіе исторіи литературы въ строго-научной формѣ началось весьма недавно. Правда, слабыя попытки изученія греческой литературы встрѣчаются еще у александрійскихъ грамматиковъ и у Римлянъ. Затѣмъ въ средніе вѣка дѣлаются попытки совмѣстнаго изученія греческой и римской литературъ и встрѣчаются разбросанными то въ хроникахъ (напримѣръ, у фруадмонскаго монаха Гелинанда, † 1237) [2]), то въ энциклопедіяхъ среднихъ вѣковъ (напримѣръ, у Винцента Бовезскаго, † 1264) [3]).

Съ наплывомъ просвѣтительныхъ идей въ эпоху возрожденія стало обнаруживаться стремленіе къ изученію отечественныхъ писателей. Въ 1373 г. во Флоренціи, по образцу каѳедръ классическихъ языковъ, основывается каѳедра объясненія Божественной Комедіи, замѣщенная впервые Боккаччіо. Примѣру Флоренціи послѣдовали и другіе города. Подобное изученіе отечественныхъ писателей довольно-

---

[1]) Вступительная лекція въ курсѣ исторіи всеобщей литературы, читанная въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ 24-го сентября 1883 года.

[2]) Подробности о Гелинандѣ въ Histoire littéraire de la France t. XVIII (1835) 87—103; ср. также *Aubertin*, Hist. de la langue et de la littérature françaises au moyen âge, II (1878), 319 сл. и прим.

[3]) Литература о Винцентѣ изъ Бове собрана у *Liliencron*, Ueber d. Inhalt der allgem. Bildung in d. Zeit d. Scholastik. Festrede geh. in d. öffentl. Sitzung d. k. b. Akademie d. Wiss. München. 1876. Вкратцѣ о немъ *Hallam*, Introduction to the literature of Europe, I (1872), 120 сл.

Библиотека "Руниверс"

ствовалось отрывочными біографическими свѣдѣніями, библіографическими замѣчаніями, мелочными придирками къ различнымъ выраженіямъ, отдѣльнымъ стихамъ и т. п.; изрѣдка лишь можно было подмѣтить извѣстную широту взгляда, болѣе общій характеръ толкованія. Вообще же литературныя произведенія разсматривались въ качествѣ образцовъ поэтическаго или прозаическаго изложенія.

Впрочемъ, значительно ранѣе, до возникновенія упомянутыхъ каѳедръ, независимо отъ внѣшняго толчка, сообщеннаго возрожденіемъ, встрѣчались попытки, свидѣтельствовавшія если не о строго научномъ изученіи, то по крайней мѣрѣ о желаніи болѣе близко ознакомиться съ національными писателями. Такъ, въ первой половинѣ XIII в. сборники пѣсенъ трубадуровъ были снабжены болѣе или менѣе обстоятельными біографіями послѣднихъ. Въ то же время возникаютъ двѣ провансальскія грамматики, составленныя съ цѣлью распространенія роднаго языка [1]).

Съ теченіемъ времени стремленіе къ изученію національныхъ литературъ быстро увеличивается. Шестнадцатый вѣкъ создаетъ уже „отца“ исторіи литературы въ лицѣ знаменитаго ученаго Конрада Гесснера. Впрочемъ, его Bibliotheca universalis или „пространный каталогъ авторовъ, писавшихъ на греческомъ, латинскомъ и еврейскомъ языкахъ“, какъ значится въ заглавіи въ видѣ поясненія, прямо показываетъ, чего можно ждать отъ его труда [2]). Въ XVII в. появляется впервые названіе „исторія литературы“, какъ научнаго термина, въ трудѣ Ламбека [3]). Всѣ эти труды съ цѣлымъ рядомъ подражаній представляютъ собственно родъ каталоговъ, касаются различныхъ отраслей знанія и излагаютъ разнообразные факты съ точки зрѣнія тогдашней науки, допускавшей часто самые странные нелѣпости и курьёзы. Отъ этихъ общихъ недостатковъ болѣе свобо-

---

[1]) Литературу, касающуюся біографій трубадуровъ и провансальскихъ грамматикъ, можно найдти у *K. Bartsch*, Grundr. z. Gesch. d. provenzal. Literatur (1872), 60[7] и 65[4]; слич., кромѣ того, изданіе: Die beiden ältesten provenzalischen Grammatiken lo donatz proensals und las rasos de trobar etc. hrsg. von *Edm. Stengel*. Marburg. 1878.

[2]) Подробности о Гесснерѣ см. у *Raumer*, Gesch. d. germanischen Philologie etc. (1870), стр. 37 слл.

[3]) Prodromus historiae literariae. Hamb. 1659 (2-е изд. подъ редакціей *Фабриція* появилось въ Лейпцигѣ въ 1710). Ср. также *Raumer* ук. соч. стр. 195 сл. и статью академика *М. И. Сухомлинова*: „О трудахъ по исторіи русской литературы“, въ *Ж. М. Н. Пр.* 1871 № 8 (ч. CLVI, отд. 2.), стр. 140 сл.

Библиотека "Руниверс"

денъ трудъ Х.-А. Геймана († 1764) [1]), пытавшагося примѣнить къ изучаемому матеріалу болѣе научные пріемы, именно аналитическій методъ. Онъ представилъ опредѣленіе исторіи литературы и ея частей, подраздѣливъ ее на географическую, топографическую и техническую, смотря по тому, касается ли она какой-нибудь одной страны, или отдѣльной мѣстности или ученаго учрежденія, или наконецъ, отдѣльной отрасли наукъ или искусствъ; онъ разсуждалъ о различныхъ наукахъ въ частности, говорилъ о письменахъ и книгахъ, о развитіи и пользѣ литературы и т. п.

Около половины прошлаго столѣтія обнаруживается серьёзное стремленіе изучить исторію національныхъ литературъ строго-научнымъ путемъ. Этому стремленію способствовали главнымъ образомъ многочисленныя изданія памятниковъ, преимущественно народной литературы, накопившихся со времени открытія книгопечатанія; затѣмъ болѣе близкое знакомство съ чужими краями, отличавшимися своеобразною культурой и доставившими новый матеріалъ для научнаго изслѣдованія и, наконецъ, сильное увлеченіе романтиковъ средневѣковою стариной. Сочувственный интересъ къ литературнымъ произведеніямъ разныхъ народовъ, и особенно классическихъ, выразился особенно рѣзко въ Германіи. Во главѣ этого движенія, вслѣдъ за Винкельманномъ [2]), представившимъ въ своихъ сочиненіяхъ образецъ тщательнаго и объективнаго изученія искусствъ античнаго міра, слѣдуетъ поставить Лессинга. Лессингъ съ одинаковымъ рвеніемъ и основательностью изучалъ не только литературу и искусство античнаго міра, но и литературные памятники германской старины. Онъ изучалъ древне-германскіе діалекты и саги, басни и народныя пѣсни, издавалъ старинные памятники, успѣшно ратовалъ противъ французскаго вліянія и проложилъ новый путь для германской науки прославленіемъ Шекспира и классиковъ.

Не смотря на плодотворную дѣятельность Лессинга по отношенію къ изученію исторіи литературы, его критическіе пріемы испытали существенныя дополненія со стороны Гердера. Послѣдній, подъ вліяніемъ І. Г. Гаманна, сталъ защитникомъ наивности, естествен-

---

[1]) Conspectus reipublicae literariae etc. Hannov. 1718; быстро сталъ слѣдовать рядъ новыхъ изданій, и въ концѣ XVIII в. въ Гёттингенѣ успѣло появиться восьмое (въ 1791—1797).

[2]) Здѣсь можно кстати указать на образцовую біографію *Justi*: Winckelmann, sein Leben, seine Werke und seine Zeitgenossen. Leipzig 1866—72. 2 тома.

Библиотека "Руниверс"

ности и народнаго элемента въ предѣлахъ поэзіи. Онъ доказывалъ существованіе поэзіи почти исключительно въ младенческомъ періодѣ человѣчества, увлекался Гомеромъ и Оссіаномъ, издавалъ народныя пѣсни, писалъ трактаты, разсматривавшіе сущность языковъ вообще и нѣмецкаго въ частности, и т. п. Встрѣчаются у Гердера и парадоксальные взгляды, но тѣмъ не менѣе они произвели сильное впечатлѣніе. Гердеръ нашелъ себѣ послѣдователей и въ лицѣ двухъ лучшихъ нѣмецкихъ поэтовъ, Гёте и Шиллера, съ одинаковымъ рвеніемъ отстаивавшихъ какъ принципъ простоты и естественности, такъ и необходимость изученія древнихъ авторовъ. По отношенію къ Гёте (со времени его поѣздки въ Италію) античный міръ сдѣлался мало по малу не только необходимымъ, но даже исключительнымъ предметомъ его занятій, предметомъ, до того излюбленнымъ, что онъ, не задумываясь, жертвовалъ прежними убѣжденіями, осыпая даже насмѣшками тѣ произведенія съ національною окраской, которыя самъ создалъ въ минуту вдохновенія.

Этотъ поворотъ въ воззрѣніяхъ Гёте совпалъ съ научною дѣятельностью Ф. А. Вольфа въ области классической филологіи. Въ его извѣстныхъ Prolegomena ad Homerum (1795) памятники народнаго творчества, главнымъ образомъ эпоса, впервые подверглись изслѣдованію научнымъ путемъ. Трудъ Вольфа обнаружилъ значеніе народныхъ массъ вообще; онъ показалъ, что народную словесность должно разсматривать не какъ случайное накопленіе разнообразныхъ произведеній, а какъ органическій продуктъ народа, вызвавшаго ее къ жизни.

Подъ вліяніемъ такого изученія стали сознательно относиться къ народному элементу и въ предѣлахъ нѣмецкой литературы. Усиленію изученія народной словесности способствовали еще и политическія обстоятельства, какъ французская революція, выдвинувшая на первый планъ демократическія идеи, и національное движеніе противъ угнетеній со стороны чужеземцевъ. Отмѣченные моменты служили вмѣстѣ съ тѣмъ противовѣсомъ противъ исключительнаго и односторонняго поклоненія классицизму, поклоненія, которому отчасти поддался и мощный геній Гёте.

Исключительность этого направленія вызвала вскорѣ реакцію. Послѣдняя обнаруживается въ концѣ XVIII в. и выражается въ сознаніи, что поэзія является общимъ достояніемъ всего человѣчества, достояніемъ, распредѣляющимся, правда, неравномѣрно между раз-

Библиотека "Руниверс"

личными націями. Это воззрѣніе нашло себѣ прежде всего выраженіе въ кругу народностей, слагавшихъ историческую жизнь Европы, слѣдовательно, среди германскихъ и романскихъ народовъ. Поборники этого взгляда обратили особенное вниманіе на жизнь среднихъ вѣковъ. Направленіе это, въ противоположность классическому, получило названіе романтическаго.

Романтики, съ Тикомъ и братьями Шлегель во главѣ, воплощали въ себѣ самые разнообразные взгляды и убѣжденія, нерѣдко отличавшіеся странною двойственностью. Съ одной стороны, они восхищаются памятниками древне-нѣмецкой литературы и искусства, увлекаются Шекспиромъ, Сервантесомъ, Данте, съ другой—восторгаются Иліадой и Одиссеей. Они умѣютъ цѣнить Шиллера и Гёте, даже увлекаются ими, основываютъ свои эстетическія теоріи на эстетическихъ разсужденіяхъ Шиллера, а между тѣмъ имѣютъ съ нимъ очень мало общаго. Этою разносторонностью воззрѣній обусловливаются и критическіе пріемы романтиковъ. Вслѣдствіе обширнаго знакомства съ классическимъ міромъ не только романтики, но отчасти и представители противоположнаго лагеря, какъ Винкельманнъ и Лессингъ, Шиллеръ и Гёте, въ правѣ были предполагать всестороннее знакомство съ красотами изучаемаго ими міра, и съ этой точки зрѣнія, то-есть, съ чисто эстетической, оцѣнивать всѣ литературныя произведенія, къ какой бы эпохѣ они ни относились.

Эстетическая критика стремилась главнымъ образомъ къ оцѣнкѣ содержанія и формы, если дѣло касалось выдающихся явленій въ области литературы. Оцѣнка велась на основаніи эстетическихъ законовъ и воззрѣній, при чемъ пригодность ихъ нерѣдко доказывалась непосредственно на разбираемыхъ же образцахъ. Если приходилось останавливаться на отдѣльномъ поэтическомъ явленіи, то эстетическая критика обыкновенно довольствовалась только указаніемъ на геніальность поэта и, пожалуй, на результаты полученнаго имъ образованія. Эпохи, не обладавшія эстетическимъ значеніемъ, изучались только поверхностно и обыкновенно подвергались порицанію. Все вниманіе сосредоточивалось исключительно на выдающихся личностяхъ: только имъ приписывалось обширное значеніе, только онѣ считались достойными критической оцѣнки. Изложеніе эстетическихъ взглядовъ было чисто субъективное. Образцами такой эстетической критики могутъ служить изслѣдованіе Вильгельма фонъ-Гумбольдта

Библиотека "Руниверс"

о „Германнѣ и Доротеѣ“ Гёте [1]), отчасти труды Гервинуса и Крейсига о Шекспирѣ [2]) и др.

Несостоятельность подобныхъ эстетическихъ теорій при такихъ условіяхъ очевидна. Изучая исторію литературы, эстетики мало, по видимому, обращали вниманія на то обстоятельство, что изучаемая наука должна прежде всего отвѣчать своему названію, то-есть, должна быть въ дѣйствительности исторіей. Такъ какъ это требованіе вполнѣ естественно, то устанавливаемые эстетическою критикой принципы не могли имѣть мѣста.

Недостаточность эстетической теоріи выдвинула на сцену историческій критерій. Первые труды въ этомъ направленіи принадлежатъ историку Эйхгорну [3]), который исходилъ изъ принципа, что исторія литературы должна разсматриваться въ связи съ духовнымъ развитіемъ народовъ и политическими событіями. Съ большею послѣдовательностью, чѣмъ у Эйхгорна, историческое направленіе проводится Л. Вахлеромъ [4]). Но всѣ эти стремленія къ научному методу еще не отвѣчали строгой научности: то въ изложеніи преобладалъ риторизмъ, то литературныя явленія представлялись въ странной смѣси съ политическимъ элементомъ [5]), то брали перевѣсъ эстетическіе взгляды и т. п. Строгое опредѣленіе сущности историческаго критерія впервые сдѣлано у Гервинуса.

Опредѣляя этотъ критерій, Гервинусъ заявляетъ, что его „Исторія нѣмецкой поэзіи“ есть не иное что, какъ исторія. „Въ эстетическую оцѣнку произведеній“, говоритъ онъ,—„я не вдаюсь. Эстетическій

---

[1]) *W. Humboldt's* Gesamm. Werke. Berlin, 1843. 4 Bd.=Aesthetische Versuche. Braunschw. 1799. 1 Bd.

[2]) *G. G. Gervinus* Schakespeare. Leipzig 1849—1850, 1—4 Bde (4-е изданіе съ примѣчаніями *Жена* вышло въ 1872 г. въ двухъ томахъ); *F. Kreyssig*, Vorlesungen über Schakespeare, seine Zeit und seine Werke. Berlin 1862. 3 Bde (второе изданіе появилось въ 1874 г.).

[3]) *Joh. Gottfr. Eichhorn*, Allgemeine Geschichte der Cultur u. Litteratur des neueren Europa. Götting. 1796—1799. 2 тома; его же Gesch. d. Litteratur von ihrem Anfang bis auf die neueste Zeit. Götting. 1805—1812. 11 томовъ.

[4]) *J. F. L. Wachler*, Handbuch d. Geschichte d. Litteratur. Frankf. 1804 (3-е изд. Lpz. 1833. 4 тома); его же Vorlesungen über d. Gesch. d. deutschen Nationallitteratur. Frankf. 1818—1819. 2 тома (2-е изд. 1834).

[5]) Пріемъ этотъ особенно часто встрѣчается у французскихъ историковъ литературы, между прочимъ и у Вильмена, хотя послѣдній былъ вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ первыхъ французскихъ историковъ литературы, примѣнившихъ къ изучаемымъ литературнымъ памятникамъ прагматическое изложеніе.

Библиотека "Руниверс"

критикъ показываетъ намъ, какъ произведеніе возникаетъ само изъ себя, какъ оно развивается и созрѣваетъ, показываетъ его абсолютное значеніе, отношеніе его къ своему роду и, пожалуй, къ творческой силѣ поэта. Эстетику на руку—какъ можно меньше прибѣгать къ сравненію разсматриваемаго произведенія съ другими и разнородными; для историка это сравненіе является главнымъ средствомъ къ достиженію цѣли. Онъ не ограничивается однимъ произведеніемъ, а показываетъ происхожденіе изъ духа времени, изъ круга идей, событій и судебъ; онъ показываетъ, что̀ имъ отвѣчаетъ или противорѣчитъ; онъ отыскиваетъ причины ихъ возникновенія и ихъ дѣйствій и преимущественно на этомъ основаніи оцѣниваетъ ихъ достоинство“ [1]).

Такимъ образомъ то, что̀ устранялось эстетическою критикой, именно условія и причины, опредѣлявшія ходъ развитія литературныхъ памятниковъ въ извѣстномъ, точно опредѣленномъ направленіи,—эти причины, съ точки зрѣнія исторической критики, заняли самое видное мѣсто. Безцвѣтныя эпохи, игнорируемыя эстетиками, пріобрѣли въ глазахъ историка громадное значеніе; являясь въ качествѣ эпохъ переходныхъ или зачаточныхъ, онѣ служили самымъ существеннымъ элементомъ при возстановленіи картины постепеннаго развитія литературныхъ явленій. Только историческая критика открыла возможность вполнѣ объективнаго отношенія къ разбираемымъ литературнымъ памятникамъ, устраняя взгляды субъективные или обусловленные національными тенденціями, воззрѣніями партій, эпохи и т. п. При такихъ условіяхъ возможно изложеніе общаго хода развитія литературныхъ явленій въ послѣдовательной связи, то-есть, начиная съ момента ихъ зарожденія и заканчивая добытыми результатами. Впрочемъ, требованія, предъявляемыя со стороны историческаго метода, не устраняютъ окончательно эстетическихъ сужденій. Это тѣмъ болѣе, что историкъ литературы едва ли въ правѣ окончательно упускать изъ виду тѣ эстетическія наслажденія, которыя въ состояніи доставить поэтическія произведенія человѣку, на какой бы ступени умственнаго развитія онъ ни находился; разница будетъ заключаться только въ степени вызывае-

[1]) *G. G. Gervinus*, Geschichte der Deutschen Dichtung I⁵ (1871), 10 сл. Помимо Гервинуса, образцами историческаго изложенія литературныхъ явленій могутъ служить изслѣдованія Шлоссера, Маколея, Исторія литературы XVIII вѣка *Геттнера* и мн. др.

Библиотека "Руниверс"

маго наслажденія, въ широтѣ и утонченности сужденія, что̀ въ свою очередь обусловливается степенью знакомства съ законами и требованіями эстетики. Слѣдовательно, совершенно устранять эстетическую критику, знакомящую именно съ правилами точнаго пониманія и оцѣнки поэтическихъ и вообще художественныхъ произведеній относительно качества и степени доставляемаго ими наслажденія, нѣтъ возможности. Такимъ образомъ и въ устахъ историка литературы эстетическія сужденія могутъ быть умѣстны, но лишь по стольку, по скольку они не парализуютъ историческаго изложенія; субъективный взглядъ долженъ рѣзко отдѣляться отъ объективнаго изложенія.

При всей научности историческаго метода нельзя однако утверждать, чтобы въ формѣ, выраженной Гервинусомъ, онъ отличался непогрѣшимостью. Примѣнять къ исторіи литературы со всею строгостью историческій методъ значитъ лишать ее самостоятельнаго значенія, ставить ее вполнѣ въ зависимость отъ политической жизни. Въ такомъ случаѣ поэтическія произведенія приходится разсматривать какъ точное отраженіе лишь дѣйствительной жизни, а между тѣмъ поэзіи не чужды идеальные порывы, правда, обусловленные подчасъ обыденною жизнью, но тѣмъ не менѣе мало имѣющіе съ нею общаго. Такъ какъ литература является главнымъ образомъ продуктомъ и потребностью внутренней, духовной жизни человѣка, его тенденцій, задушевныхъ грёзъ, фантазій, идеаловъ, то за нею, вмѣстѣ съ признаніемъ независимаго ея положенія въ сферѣ человѣческой жизни, необходимо признать и право существованія въ качествѣ самостоятельной отрасли среди историческихъ наукъ. Воззрѣнія и настроенія извѣстной эпохи, точно отражающіяся въ литературѣ, не могутъ идти объ руку съ политическими событіями или даже по слѣдамъ послѣднихъ, а наоборотъ, сами способствуютъ созданію этихъ событій, вызываютъ ихъ къ жизни. Слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія литература скорѣе сама ставитъ политическую жизнь по отношенію къ себѣ въ служебное отношеніе. Этимъ не исключается, впрочемъ, необходимость изученія литературныхъ явленій въ связи съ соотвѣтствующими историческими событіями.

Слѣдуетъ еще остановиться на указанномъ Гервинусомъ пріемѣ сравненія. Къ сравненію прибѣгали уже довольно рано. Еще Гесснеръ подбиралъ изъ всѣхъ извѣстныхъ ему языковъ названія различныхъ животныхъ и сравнивалъ ихъ между собою. Переводы Библіи на разныхъ языкахъ также способствовали подобному сравненію.

Библиотека "Руниверс"

Съ теченіемъ времени къ сравненію стали прибѣгать все чаще и чаще, пока наконецъ оно не присвоило себѣ правъ научнаго критерія. Сущность его вѣрно опредѣлена слѣдующими словами одного изъ русскихъ ученыхъ: „Сравнительный методъ есть только развитіе историческаго, тотъ же историческій методъ, только учащенный, повторенный въ параллельныхъ рядахъ, въ видахъ достиженія возможно полнаго обобщенія“ [1]).

Примѣненіе сравнительнаго метода успѣло уже оказать громадныя услуги во всѣхъ отрасляхъ историческихъ наукъ, не говоря уже о быстрыхъ успѣхахъ лингвистики [2]). Результаты примѣненія сравнительнаго метода въ области исторіи литературы уже и въ настоящую пору весьма замѣчательны. Многіе эстетическіе взгляды, старыя теоріи, общепринятыя опредѣленія рухнули безвозвратно, утратили значеніе научныхъ истинъ. Гипотезы о личномъ творчествѣ, о послѣдовательности эпоса, лирики и драмы и т. п. были подорваны, когда сравнительный методъ обнаружилъ, что существовалъ цѣлый рядъ безличныхъ эпопей, что драма встрѣчается значительно ранѣе эпоса, что многія сказанія, считавшіяся общимъ достояніемъ народовъ, приходится свести къ опредѣленному литературному источнику и т. п.

Въ видахъ достиженія самаго полнаго обобщенія, требуемаго сравнительнымъ методомъ, необходимо вводить возможно большее количество произведеній, привлекая ихъ хотя бы изъ самыхъ отдаленныхъ сферъ, хотя бы отъ Готтентотовъ или отъ обитателей Полинезіи. Сравнительный методъ пользуется словесными произведеніями всего человѣчества. Вслѣдствіе такого значительнаго расширенія поля сравненія, изученіе въ области литературъ, предпринимаемое однимъ лицомъ, значительно затрудняется: количество матеріала почти подавляетъ изслѣдователя. Поэтому необходимо ограничиваться сначала отдѣльными частными вопросами, лишь постепенно восходя къ общимъ. При опредѣленіи же общихъ вопросовъ въ

---

[1]) О методѣ и задачахъ исторіи литературы *Ал. Н. Веселовскаго*, въ *Ж. М. Н. Пр.* 1870, № 11, стр. 8. Мѣткія опредѣленія, данныя относительно понатія «обобщеніе», встрѣчаются тамъ же на стр. 5 слл.

[2]) Относительно современнаго положенія различныхъ принципіальныхъ вопросовъ лингвистики, способа рѣшенія извѣстныхъ языковыхъ явленій и т. п. можно познакомиться по любопытнымъ трудамъ *Herm. Paul* Principien der Sprachgeschichte. Halle 1880, и *Н. Крушевскаго*, Очеркъ науки о языкѣ. Казань, 1883.

Библиотека "Руниверс"

области литературы вообще можно въ свою очередь ограничиться тѣми произведеніями, которыя являлись особенно яркимъ отраженіемъ внутренней жизни, или имѣли образовательное значеніе или пользовались необыкновенною популярностью, или наконецъ, отличались глубиной взглядовъ и чувствъ, хотя и прошли для современниковъ не замѣченными.

Помимо указанныхъ критическихъ пріемовъ, подъ вліяніемъ философскихъ идей второй четверти текущаго столѣтія, преимущественно философской системы Гегеля, литературные памятники стали также разсматриваться съ точки зрѣнія философской и въ частности психологической.

Приступая къ изученію поэтическихъ произведеній съ точки зрѣнія философской, тенденціозные историки литературы усматривали въ нихъ воплощеніе извѣстныхъ идей; вслѣдствіе того всѣ литературныя явленія подводились подъ опредѣленныя рубрики, разбивались на искусственныя группы, и въ результатѣ получались довольно стройная, хотя и искусственная система и крайне одностороннее рѣшеніе вопросовъ, значительно уклонявшееся отъ истины; тѣмъ не менѣе послѣдняя служила нерѣдко лозунгомъ такихъ предвзятыхъ воззрѣній. Такимъ характеромъ отличается, напримѣръ, извѣстная книга Каррьера [1]), являющаяся отраженіемъ его теистическаго міровоззрѣнія.

Болѣе вѣрные и плодотворные результаты давала психологическая точка зрѣнія. Задача психологическаго изученія литературныхъ памятниковъ заключается въ опредѣленіи условій происхожденія художественнаго, въ частности поэтическаго, творчества или въ опредѣленіи рода развитія художественныхъ задатковъ въ лицѣ поэта на основаніи его произведеній. Оно опредѣляетъ, какимъ образомъ развивается въ человѣкѣ художественный талантъ, поднимаясь постепенно до предѣловъ совершенства. Представителемъ психологическаго изученія литературныхъ памятниковъ (въ связи, впрочемъ, съ сравнительно-историческимъ методомъ) слѣдуетъ считать Брандеса [2]).

---

[1]) *Carriere, Moriz*, Die Kunst im Zusammenhang der Culturentwickelung und die Ideale der Menschheit. Leipzig, 1863—73, 1—5 Bde.—*Каррьеръ, М.* Перев. *Е. Корша*. Москва, 1870—75. 5 т.

[2]) *G. Brandes*, Die Hauptströmungen d. Literatur des neunzehnten jahrhunderts. Uebers. u. eingel. v. *Ad. Strodtmann*. Berlin 1872—76. 1—4 Bde. Первый и пятый томъ новаго изданія изданъ на нѣмецкомъ языкѣ самимъ авторомъ

Библиотека "Руниверс"

Одновременно съ изученіемъ классической филологіи въ Германіи началось и филологическое изученіе древне-нѣмецкихъ памятниковъ литературы. Основателемъ этого направленія въ строгомъ смыслѣ этого слова слѣдуетъ считать Лахманна, хотя еще до него Яковъ Гриммъ и учитель Лахманна, Бенеке, занимались изученіемъ древне-нѣмецкихъ и скандинавскихъ памятниковъ литературы съ филологической точки зрѣнія. Но первыя отчетливыя требованія отъ филологическаго изученія предмета были поставлены Лахманномъ. Согласно этимъ требованіямъ необходимо подвергать строгой рецензіи текстъ, выбирая изъ всѣхъ сохранившихся списковъ самый древній и достовѣрный. Но и этотъ текстъ можетъ считаться настоящимъ только тогда, когда на основаніи строгой критики всѣхъ текстовъ сдѣланы необходимыя исправленія. Съ такой же основательностью должно слѣдовать изученіе слога, метрики (если текстъ стихотворный), личности автора, его воззрѣній, эпохи, въ которой авторъ жилъ, источниковъ, которыми онъ пользовался, и т. п. Подобное изученіе, которое Лахманнъ называетъ филологическимъ, тѣмъ не менѣе вовсе не ограничивается одною филологическою стороной, а освѣщаетъ литературное произведеніе со всѣхъ сторонъ, представляетъ личность автора въ самой полной обстановкѣ.

Филологическій методъ, который нашелъ себѣ длинный рядъ послѣдователей не только въ Германіи, но и за ея предѣлами, примѣненъ былъ къ романской филологіи знаменитымъ Дицемъ, „отцомъ“ и „учителемъ“ романской филологіи, какъ называютъ его и французскіе лингвисты [1]). Впрочемъ, и Франція можетъ съ своей стороны указать на Ренуара, какъ на отца романской филологіи [2]), дѣятельность котораго усердно поддерживалась Меономъ и Форіэлемъ [3]).

Здѣсь не лишне замѣтить, что трудно вообще привести въ видѣ примѣра исторію литературы, въ которой проводился бы тотъ или другой научный критерій съ строгою послѣдовательностью, безъ уклоненій въ сторону: съ исторической точкой зрѣнія соединяется то эстетическая, то психологическая, то преобладаетъ тотъ, то другой пріемъ изученія и т. п.

[1]) См., напримѣръ, *Поль Мейеръ* и *Гастонъ Парисъ* въ *Romania* V (1876) 412 и 236, *Condamin*, Cours complémentaire de langues et littératures (Leçon d'ouverture). Paris—Lyon 1880, стр. 15, и др.

[2]) Ср. между прочимъ предисловіе *Дица* къ его Grammatik der romanischen Sprachen I³ (1870).

[3]) Литература, касающаяся состоянія романской филологіи до Дица, приведена у *K. Sachs*, Friedrich Diez und die romanische Philologie (Vortrag) Berlin.

Библиотека "Руниверс"

Всѣ требованія филологическаго изученія литературы на столько серьезны, что ихъ невозможно игнорировать. Не даромъ въ заграничныхъ университетахъ параллельно съ какимъ-нибудь курсомъ по романской и германской литературѣ идетъ еще чтеніе древнихъ текстовъ романскихъ или германскихъ по всѣмъ правиламъ филологическаго метода. Этимъ путемъ пріобрѣтается знакомство съ языкомъ, неизбѣжное, конечно, при желаніи серьезно ознакомиться съ тою или другою изъ національныхъ литературъ или отдѣльными ихъ памятниками или областями. Такое изученіе происходитъ обыкновенно на практическихъ занятіяхъ, при чемъ предварительно сообщаются краткія фонетическія правила изучаемаго языка, разбирается стихотворный размѣръ (если памятникъ написанъ стихами), и затѣмъ уже приступаютъ къ чтенію текста, сопровождаемому самыми разнообразными комментаріями.

Еслибы послѣ всего вышесказаннаго пришлось рѣшать вопросъ: какому же методу нужно слѣдовать при изученіи памятниковъ литературы, то очевидно, необходимо бы отвѣтить: сравнительно-историческому въ связи съ филологическимъ; остальные методы могутъ имѣть только частное, дополнительное значеніе. Въ данномъ случаѣ слѣдовало бы также принять во вниманіе тѣ оговорки, которыя намѣчены выше при критической оцѣнкѣ перечисленныхъ направленій въ изучаемой области исторіи литературы. Только при соединенныхъ усиліяхъ сравнительно-историческаго и филологическаго методовъ можно ожидать дѣйствительной широты и полноты при изученіи литературныхъ явленій. Впрочемъ этотъ точный методъ все еще не можетъ считаться безусловно пользующимся правомъ гражданства; по крайней мѣрѣ и понынѣ появляются въ свѣтъ исторіи литературы, составленныя подъ вліяніемъ слишкомъ односторонняхъ философскихъ или эстетическихъ взглядовъ.

Въ виду даннаго опредѣленія въ терминѣ германская и романская филологія, какъ обыкновенно называется каѳедра всеобщей литературы въ Германіи (принимая понятіе филологіи въ узкомъ ея

1878, стр. 10, который съ своей стороны развиваетъ эту тему далѣе (стр. 10 слл.). Ср. также *Condamin* ук. соч., стр. 18 слл. Въ статьѣ проф. *Дашкевича* (*К. унив. изв.* 1877 г. № 10) указана литература по вопросу о современномъ состояніи романской филологіи; см. еще *Fritz Neumann*, Die romanische Sprachforschung in den letzten beiden Jahren, въ *Zeitschr. f. vergl. Sprachforschung* XXIV (1879) 158—200.

Библиотека "Руниверс"

значеніи, то-есть, простирающемся только на языкъ и литературу), можно усматривать болѣе точности, чѣмъ въ названіи „исторія всеобщей литературы".

По поводу предлагаемаго уточненія въ названіи можно сдѣлать еще и другое замѣчаніе. Въ своей вступительной лекціи по нашему предмету профессоръ А. Н. Веселовскій поставилъ, между прочимъ, такой вопросъ: „Будетъ ли она (каѳедра всеобщей литературы) служить тому, что̀ принято называть общимъ образованіемъ, или ей предоставлено будетъ преслѣдовать болѣе спеціальныя научныя цѣли?" Теперь можно, кажется, отвѣтить на этотъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ, такъ какъ она сосредоточивается болѣе на спеціальныхъ вопросахъ. Вызвано это явленіе по видимому тѣмъ, что съ одной стороны весьма рано уже выдѣлились въ видѣ отдѣльныхъ дисциплинъ каѳедры восточной, классической и славянской (въ томъ числѣ и русской) филологіи; съ другой стороны—невозможность соединенія въ одномъ лицѣ знанія всѣхъ языковъ (то-есть, романо-германскихъ во всѣхъ ихъ періодахъ и восточныхъ), знанія, требуемаго филологическимъ методомъ для основательнаго знакомства съ литературными явленіями, сдѣлала немыслимымъ существованіе смѣльчаковъ-ученыхъ, которые, при незнаніи, напримѣръ, восточныхъ языковъ, рѣшились бы читать исторію восточныхъ литературъ. Такимъ образомъ, упомянутая каѳедра ограничилась, какъ показала практика, исключительно литературой романскихъ и германскихъ народовъ; тѣмъ не менѣе почти при всякомъ спеціальномъ изслѣдованіи въ области послѣдней и восточныя литературы входятъ какъ существенный вспомогательный элементъ, но въ послѣднемъ случаѣ опираться приходится не на личныхъ выводахъ, а на результатахъ, добытыхъ спеціалистами языковъ, слѣдовательно, заимствовать изъ вторыхъ рукъ.

На западѣ каѳедра исторіи „всеобщей" литературы не существуетъ или, вѣрнѣе сказать, она распадается на каѳедру романской и германской филологіи. Во Франціи представители ея нерѣдко называются professeurs des langues et littératures du midi de l'Europe или professeurs de littérature étrangère и т. п., но подъ всѣми этими названіями слѣдуетъ разумѣть профессоровъ романской или германской филологіи. Слѣдовательно, только въ ученой литературѣ и въ области учебниковъ и руководствъ возможно существованіе такъ-называемой исторіи всеобщей литературы, составляемой очень часто многими спеціалистами, если ей желаютъ придать больше научной цѣнно-

Библиотека "Руниверс"

сти [1]), и опредѣляемой у Французовъ терминомъ histoire de la littérature, а у Нѣмцевъ Geschichte der Literatur (или Literaturgeschichte). Эти опредѣленія слѣдуетъ, впрочемъ, строго отличать отъ терминовъ histoire littéraire, Literärgeschichte, то-есть, литературной исторіи, такъ какъ подъ этимъ именемъ разумѣется изложеніе исторіи литературы со стороны внѣшней, обнимающее исторію всей письменности извѣстнаго народа вообще [2]), тогда какъ первый терминъ (histoire de la littérature) относится только къ изображенію внутренней стороны національнаго духа въ его послѣдовательномъ развитіи.

Шаткость опредѣленій, пріурочиваемыхъ къ занимающей насъ наукѣ, зависитъ—какъ замѣчалось уже не разъ — въ значительной степени отъ неустойчивости самаго понятія литература. Обыкновенно задаютъ себѣ вопросъ: каково должно быть точное опредѣленіе литературы, и какіе памятники должны становиться предметомъ ея изученія? Если вводить въ кругъ исторіи литературы только проявленія душевной, внутренней жизни и дѣятельности, закрѣпленныя словомъ (передается ли оно устно или письменно), то очевидно, опредѣленіе это будетъ исключать всѣ произведенія, преслѣдующія строго научныя цѣли, точное, отвлеченное знаніе и объективность изложенія. Слѣдовательно, только произведенія, выражающія внутреннюю жизнь человѣка или общества, обнаруживающія его независимое отношеніе къ дѣйствительному міру и его треволненіямъ, при чемъ не исключается вліяніе чувства и самыхъ разнообразныхъ идеальныхъ стремленій, — только такія произведенія могутъ подлежать вѣдѣнію исторіи литературы. Такъ какъ изъ этого рода литературныхъ произведеній нельзя выдѣлить своеобразныхъ идей, являющихся результатомъ дѣятельности всей духовной жизни извѣстной эпохи, то въ кругъ произведеній, обнимаемыхъ литературой, будутъ входить не только поэтическіе памятники, въ которыхъ осо-

---

[1]) Примѣромъ такой спеціализаціи труда можетъ у насъ служить „Всеобщая исторія литературы", издававшаяся подъ редакціей *В. Ѳ. Корша* и, къ сожалѣнію, прекратившая пока свое существованіе на средневѣковой литературѣ. Новѣйшее явленіе на западѣ, преслѣдующее тѣ же цѣли, носитъ заглавіе: Geschichte der Weltlitteratur in Einzeldarstellungen, изданіе *В. Фридриха* въ Лейпцигѣ; пока появилось 4 тома.

[2]) Для понятія „литературная исторія" *Эйхгорнъ* (Litterärgeschichte I стр. 1) даетъ слѣдующее опредѣленіе: Litterärgeschichte ist Erzälung des Ursprungs und der Hauptveränderungen aller Theile der Gelehrsamkeit nach ihren Ursachen im Zusammenhang.

Библиотека "Руниверс"

бенно рельефно проявляется своеобразный характеръ различныхъ народностей, но и такія произведенія, въ которыхъ, и при отсутствіи поэтической формы, наглядно отражается духовное состояніе эпохи. Такова, напримѣръ, духовная литература, которой открывается ранній періодъ среднихъ вѣковъ и, пожалуй, тѣ немногія ученыя произведенія, въ которыхъ особенно ярко отразилась дѣйствительность.

Такъ какъ исторія литературы изображаетъ картину внутренней жизни человѣка, представляетъ исторію его душевныхъ движеній, то въ извѣстномъ смыслѣ она можетъ быть названа психологіей. Это отводитъ ей вмѣстѣ съ тѣмъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ среди отраслей человѣческаго знанія, такъ какъ она занимается изученіемъ важнѣйшей стороны человѣческой жизни, именно—слѣдитъ главнымъ образомъ за развитіемъ психической дѣятельности личности и обществъ.

Любое произведеніе, относящееся къ области національной литературы—будетъ ли это эпосъ, драма или историческое произведеніе—представляетъ длинный рядъ мыслей и чувствъ, рядъ образовъ и художественныхъ идеаловъ, оказывающихъ неотразимое вліяніе на жизнь вообще и на чувства человѣка въ особенности. Вслѣдствіе того задача исторіи литературы должна заключаться въ томъ, чтобы во всѣхъ отношеніяхъ точно опредѣлить этотъ психическій міръ отдѣльной личности и затѣмъ переходить къ развитію внутренней жизни обществъ, къ опредѣленію ихъ стремленій и душевныхъ движеній.

Очевидно, что соотвѣтствующее этимъ требованіямъ изложеніе исторіи духовнаго развитія — задача далеко не легкая, особенно, если приходится возстановить картину отдаленнаго прошлаго по скуднымъ, отрывочнымъ или искаженнымъ даннымъ. Нерѣдко такое изложеніе требуетъ возстановленія картины давно исчезнувшихъ воззрѣній, породившихъ въ свою очередь цѣлый рядъ новыхъ идей, при чемъ приходится слѣдить за всѣми ихъ видоизмѣненіями, примѣнять къ нимъ принципъ аналогіи и сравненія, отмѣчать, какія новыя направленія принимали эти воззрѣнія подъ вліяніемъ открытій и переворотовъ въ области наукъ и философіи, указывать на причины, заставлявшія признавать въ извѣстную эпоху тѣ или другіе взгляды за нормальные, естественные, а въ позднѣйшую, быть можетъ, за смѣшные, нелѣпые и т. п.

Приступая къ разбору литературныхъ памятниковъ, слѣдуетъ

Библиотека "Руниверс"

прежде всего останавливаться на внѣшней сторонѣ, а затѣмъ уже переходить къ внутренней, при чемъ необходимо внимательно слѣдить за тѣмъ, какъ отразилась въ произведеніи дѣйствительность (понимая подъ ней не только внѣшніе факты, но главнымъ образомъ воззрѣнія и душевныя движенія писателя), какъ выразилась внутренняя жизнь цѣлаго общества или поэта, какъ отнесся послѣдній къ произведенію, и какое оно произвело на него впечатлѣніе, другими словами—какую роль играютъ въ произведеніи субъективные взгляды, выражая образы, мысли и чувства поэта. Притомъ этотъ личный элементъ, являющійся достояніемъ самаго автора, необходимо строго отличать отъ всего того, что можно отнести на долю общаго развитія извѣстной эпохи и народнаго духа.

Такъ какъ литература извѣстной эпохи всегда находится во взаимодѣйствіи съ общимъ уровнемъ цивилизаціи, то приходится также обращать вниманіе на то обстоятельство, что взаимодѣйствіе это обнаруживаетъ двойственный характеръ. Одинъ изъ факторовъ этого процесса постоянно обнаруживаетъ свою активность въ ущербъ другому: то литература подчиняется общему уровню цивилизаціи, то послѣдняя находится въ полной зависимости отъ литературы, почерпая изъ нея импульсы къ дальнѣйшему развитію. Этимъ послѣднимъ характеромъ отличаются всегда періоды процвѣтанія литературы, тогда какъ съ признаками перваго характера выступаютъ начальныя эпохи.

Важно также слѣдить за вліяніемъ извѣстной національности и извѣстной эпохи на другую, присоединяя къ тому всестороннее изученіе исторіи времени, такъ какъ только при подобномъ условіи получается возможность вполнѣ отчетливо понимать духъ той отдаленной эпохи, къ которой относится произведеніе. Тогда получится возможность присоединить новый элементъ ради пополненія картины послѣдовательнаго развитія явленій въ области литературы.

Останавливаясь на послѣднихъ, слѣдуетъ замѣтить, что иногда связь между извѣстными явленіями ускользаетъ отъ изслѣдователя, но тѣмъ не менѣе связь эта непремѣнно существуетъ, помимо того, что нельзя себѣ представить человѣческаго развитія, совершающагося не постепенно, а скачками, слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что всѣ эпохи связаны между собою непрерывною цѣпью причинъ и слѣдствій. Нѣкогда между античнымъ міромъ и реформаціонною эпохой допускалось существованіе пропасти, называемой средними вѣками. Теперь ошибочность подобнаго воззрѣнія не подлежитъ сомнѣнію,

Библиотека "Руниверс"

и всѣ охотно соглашаются, что и средніе вѣка внесли въ общую сокровищницу культуры значительную долю просвѣтительныхъ элементовъ.

Только при помощи тщательнаго и всесторонняго изученія всего строя извѣстной эпохи и движенія, замѣчаемаго въ массѣ, будутъ сами собою выясняться и личности великихъ писателей. Только пріемъ восхожденія отъ общихъ причинъ и условій къ объясненію воззрѣній и творчества великаго поэта, являющагося лишь продуктомъ неизбѣжнаго ряда общихъ условій, продуктомъ общаго развитія человѣчества, можетъ считаться дѣйствительно научнымъ. Противоположныя этому взгляду воззрѣнія не могутъ имѣть мѣста, то-есть, когда великаго писателя, въ лицѣ котораго стремленія эпохи находили не болѣе какъ сознательное выраженіе, не проявлявшееся въ сознаніи массы, старались сдѣлать выразителемъ опредѣленной эпохи, центромъ всего духовнаго движенія, словомъ, носителемъ всѣхъ идей, которыя расходились отъ него лучеобразно во всѣ стороны и, падая на темныя массы и озаряя ихъ своимъ свѣтомъ, приносили имъ счастіе и благо. Если и возможно признать иногда долю такого значенія за великимъ человѣкомъ, то лишь съ значительными ограниченіями.

Картину внутренней жизни извѣстной эпохи можно воспроизводить или по національностямъ, или, не стѣснялсь рамками народности, на основаніи цѣлой группы литературныхъ произведеній, отличающихся однороднымъ характеромъ, проникнутыхъ болѣе или менѣе общею идеей. Въ первомъ случаѣ общій выводъ относительно литературнаго развитія извѣстнаго періода можетъ быть сдѣланъ только послѣ основательнаго знакомства съ цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ національныхъ литературъ, тогда какъ во второмъ случаѣ онъ получается непосредственно при совмѣстномъ изученіи извѣстныхъ моментовъ литературнаго развитія, общихъ разнымъ національностямъ, при чемъ относящіяся сюда произведенія будутъ отличаться общимъ содержаніемъ и внутреннимъ единствомъ явленій. Такимъ общимъ характеромъ отличаются, напримѣръ, періодъ латино-христіанской литературы, средневѣковой и новѣйшій романтизмъ, эпоха возрожденія, псевдо-классицизмъ и т. п. Предпочтительнѣе второй изъ указанныхъ пріемовъ изложенія, какъ болѣе точный, дающій болѣе вѣрные результаты обобщенія, легко ускользающіе при разрозненномъ обзорѣ литературъ по національностямъ.

Чѣмъ искреннѣе и глубже чувства, тѣмъ болѣе отчетливы и за-

Библиотека "Руниверс"

мѣчательны мысли, чѣмъ своеобразнѣе и величественнѣе образы, тѣмъ больше значенія пріобрѣтаютъ въ глазахъ историка литературы, поэтическія произведенія, въ которыхъ черты эти реализируются,— раскрывая передъ нимъ всѣ существенные признаки и внутреннюю сторону извѣстной эпохи. Чѣмъ больше такихъ произведеній входитъ въ составъ извѣстной литературы, чѣмъ болѣе она оригинальна и естественна, тѣмъ больше правъ имѣетъ она на самостоятельность, тѣмъ больше она возбуждаетъ интереса. Впрочемъ, отсюда не слѣдуетъ, чтобы литературы подражательныя, обнаруживающія болѣе или менѣе замѣтный недостатокъ самостоятельности и выказывающія нерѣдко признаки ненормальные, лишены были всякаго значенія или почти не возбуждали интереса. Напротивъ, и онѣ возбуждаютъ интересъ, но нѣсколько болѣе ограниченный, такъ какъ онѣ имѣютъ главнымъ образомъ относительное значеніе. Въ частныхъ же случаяхъ какой-нибудь несамостоятельный литературный памятникъ, разсматриваемый въ качествѣ простаго матеріала при изслѣдованіи научныхъ вопросовъ, можетъ оказаться источникомъ первостепенной важности, что особенно часто замѣчается въ случаѣ утраты оригинала.

Такъ какъ въ виду опредѣленныхъ рамокъ при изложеніи исторіи литературы не всегда возможно непосредственное знакомство съ извѣстнымъ литературнымъ памятникомъ, то историкъ литературы, подобно историку, пересказывающему подробно ходъ событій, обязанъ серьезно обращать вниманіе на изложенія содержанія разсматриваемаго произведенія. Изложеніе это, понятно, должно-вмѣстѣ съ тѣмъ сопровождаться разборомъ состава даннаго произведенія, его отдѣльныхъ частей, ихъ взаимной связи и переходовъ, указаніемъ на внѣшнія качества произведенія, важныя главнымъ образомъ по степени ихъ вліянія на техническую сторону послѣдующихъ произведеній, и т. п. Вслѣдствіе подобнаго пріема изученія раскрывается мало по малу сущность литературнаго памятника съ чисто-объективной точки зрѣнія.

Относительно законовъ, которые уясняетъ исторія литературы, подобно другимъ историческимъ наукамъ, я ограничусь повтореніемъ опредѣленій, формулированныхъ однимъ изъ моихъ товарищей по каѳедрѣ: „Законы, уясняемые исторіей литературъ, должны, вопервыхъ, формулировать послѣдовательное историческое развитіе душевныхъ силъ и дѣятельностей, участвующихъ въ созданіи литературныхъ произведеній и проявляющихся въ нихъ, параллельность ихъ движенія общему дви-

Библиотека "Руниверс"

женію жизни... Вовторыхъ, сравнительное изученіе литературъ должно выяснить законъ выраженія внутренней жизни человѣка въ литературѣ; а втретьихъ—законъ развитія видовъ и формъ литературной дѣятельности и ихъ взаимнаго отношенія“ [1]). Приведенными законами, понятно, далеко еще не исчерпывается весь ихъ запасъ; они являются только главными, существенными требованіями, къ которымъ можно бы присоединить цѣлый рядъ частныхъ выводовъ; впрочемъ, послѣдніе лучше поясняются при непосредственномъ изученіи литературныхъ произведеній, къ которому и приходится отнести ихъ обстоятельное и послѣдовательное разсмотрѣніе.

Что касается полноты изученія литературныхъ памятниковъ въ библіографическомъ отношеніи, то необходимо сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. И при самомъ самомъ искреннемъ желаніи нѣтъ иногда возможности представить результаты научнаго вывода по извѣстному вопросу на основаніи полнаго изученія всѣхъ безъ исключенія трактатовъ и изслѣдованій, касающихся области разсматриваемаго вопроса. Литература нѣкоторыхъ вопросовъ разростается такъ быстро, такъ широко уже въ настоящую пору, что ознакомленіе съ нею въ столь обширныхъ размѣрахъ всегда останется тщетнымъ желаніемъ. Въ виду этого нѣтъ необходимости изучать ее во всемъ объемѣ, а достаточно ограничиться источниками и самыми крупными, выдающимися пособіями, отказываясь отъ достиженія библіографической полноты и помня замѣчаніе Геттнера, что „исторія литературы не есть исторія книгъ, но исторія идей и ихъ формъ научныхъ и художественныхъ“ [2]).

Въ заключеніе замѣчу еще, что сравнительно недавно считалось необходимымъ ограничиваться пока однимъ собираніемъ фактовъ и сведеніемъ ихъ въ однородныя группы. Но въ настоящую пору скопилась уже такая масса однороднаго матеріала по отдѣльнымъ вопросамъ, столько накопилось данныхъ, что пора уже приступить къ ихъ обработкѣ, не ограничиваясь однимъ сведеніемъ въ однородныя группы. Пора заняться распредѣленіемъ и оцѣнкой накопившагося матеріала по внутреннимъ его качествамъ, если исторія литературы не желаетъ отказаться отъ успѣховъ столь удачно примѣняемаго ею научнаго анализа. Справедливость этого замѣчанія подтверж-

[1]) *Дашкевичъ—Кіевск. унив. изв.* 1877 г., № 10, стр. 33 слѣд.

[2]) *Геттнеръ.* Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Переводъ *А. Пыпина*, I (1863), стр. III.

Библиотека "Руниверс"

дается необыкновенно быстрымъ развитіемъ романской филологіи, подвигающейся впередъ гигантскими шагами, и вообще сравнительнымъ изученіемъ романо-германскихъ литературъ, которое на русскихъ каѳедрахъ естественно сообразуется въ извѣстной степени съ потребностями русской науки. Такое взаимное изученіе непремѣнно должно способствовать и способствовало уже раскрытію весьма любопытныхъ новыхъ обобщеній.

Л. Колмачевскій.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ СТАРИННЫХЪ СНОШЕНІЙ РОССІИ СЪ ЗАПАДНОЮ ЕВРОПОЙ.

Новѣйшія архивныя работы русскихъ ученыхъ въ италіанскихъ архивахъ. — Новыя данныя о сношеніяхъ Россіи съ западною Европой въ сочиненіи В. И. Ламанскаго о государственныхъ тайнахъ Венеціанской республики [1]).

Давно уже чувствуется необходимость внимательнаго пересмотра иностранныхъ архивовъ съ цѣлью извлечь изъ нихъ все то, что имѣетъ связь съ русскою исторіей. Не смотря на работы по этой части, сдѣланныя въ 30-хъ и 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, многое остается до сихъ поръ не изданнымъ, многое слѣдуетъ переработать или переиздать для того, чтобы разобраться въ массѣ инте-

[1]) Настоящая статья вызвана главнымъ образомъ появленіемъ обширнаго труда профессора В. И. Ламанскаго: Secrets d'état de Venise. Documents, extraits, notices et études servant à eclaircir les rapports de la seigneurie avec les Grecs, les Slaves et la Porte Ottomane à la fin du XV et au XVI siècle, par *Vladimir Lamansky*. St. Pétersbourg. 1884. Она не исчерпываетъ, даже совсѣмъ не касается главнаго и основнаго содержанія въ этомъ замѣчательномъ изданіи, въ которомъ соединены драгоцѣннѣйшіе документы, не только касающіеся венеціанской и южно-славянской исторіи, но и разъясняющіе многія стороны исторіи обще-европейской XV и XVI вв. и столь же цѣнные комментаріи, объясненія, даже цѣлыя обширныя изслѣдованія уважаемаго профессора, съ одной стороны, устанавливающіе самостоятельную высшую точку зрѣнія на затрогиваемые документами событія и вопросы, а съ другой — посвященные подробному изученію государственнаго и соціальнаго строя Венеціанской республики. Однимъ словомъ, здѣсь находится матеріалъ не для одной, а для нѣсколькихъ статей — со стороны различныхъ спеціалистовъ, и мы надѣемся, что статья г. Лаппо-Данилевскаго будетъ только первою въ ряду ихъ.

Ред.

Библиотека "Руниверс"

реснаго матеріала, который останется не замѣченнымъ и будетъ лежать почти не тронутымъ въ иностранныхъ архивахъ до тѣхъ поръ, пока къ его обработкѣ не приступитъ русскій историкъ. Въ самомъ дѣлѣ, иноземные ученые большею частью обращаютъ вниманіе лишь на то, что̀ прямо касается исторіи ихъ страны, но мало замѣчаютъ факты, подробности или частности, иногда весьма важные для русской исторіи. Такъ, напримѣръ, профессоръ Ѳ. И. Успенскій еще недавно имѣлъ случай убѣдиться, что даже въ такомъ основательномъ трудѣ, какъ „Négociations de la France dans le Levant“ Шарріера (Paris. 1848—1860), нѣкоторые документы оказываются не вполнѣ удовлетворительно изданными, какъ это обнаружилось изъ сличенія памятниковъ, напечатанныхъ Шарріеромъ, съ подлинниками, хранящимися въ венеціанскихъ архивахъ [1]). То же можно сказать и о нѣкоторыхъ другихъ иностранныхъ сборникахъ документовъ, гдѣ по содержанію можно бы ожидать извѣстій, относящихся и къ русской исторіи: „Мѣста въ депешахъ и реляціяхъ, касающіяся Россіи, Молдавіи и Валахіи, равно какъ факты, относящіеся до исторіи казаковъ и Татаръ, болѣе или менѣе случайно попадаютъ въ эти изданія“, говоритъ г. Успенскій. Поэтому, не смотря на дѣятельную разработку западно-европейскихъ архивовъ тамошними учеными, въ этихъ хранилищахъ можно еще ожидать находки весьма важныхъ и интересныхъ данныхъ для исторіи сношеній Россіи съ западною Европой.

Какъ извѣстно, особеннымъ богатствомъ отличаются италіанскіе архивы, преимущественно венеціанскіе. Архивы эти уже доставили нѣкоторое количество цѣннаго матеріала, но, по видимому, дадутъ еще многое для выясненія нашихъ политическихъ отношеній къ Италіи и къ нѣкоторымъ другимъ западно-европейскимъ государствамъ, нашихъ религіозныхъ отношеній къ Западу и той роли, какую играло Московское государство въ восточномъ вопросѣ. Кромѣ того, тѣ же архивы послужили и послужатъ для пополненія свѣдѣній о нашей торговлѣ съ западомъ (кромѣ Англіи), особенно въ первое время ея существованія.

Всѣмъ извѣстны труды по разработкѣ италіанскихъ архивовъ— Тургенева, отчасти Тейнера и профессора В. В. Макушева. Въ послѣднее время занимались или касались того же вопроса о. Пирлингъ

---

[1]) См. Русск. Историч. Библіотеку, изд. Археографическою коммиссіей, т. VIII (1884 г.), стр. IV, прим.

Библиотека "Руниверс"

и профессоръ Успенскій. Первый успѣлъ уже издать нѣсколько интересныхъ памятниковъ и разработать нѣсколько вопросовъ, касающихся сношеній Россіи съ Западомъ, преимущественно съ Римскою куріей. Такъ, въ послѣдніе годы появились его сочиненія: La Sorbonne et la Russie (1717—1748); Rome et Demetrius d'après des documents nouveaux avec pièces justificatives et facsimile. Въ 1882 году появилось его же Ant. Possevini Missio Moscovitica ex annuis litteris societatis Jesu excerpta et adnotationibus illustrata (Parisiis), книжка, въ которой содержится перепечатка самой missio по рѣдкому изданію 1584 году и доселѣ вовсе не изданный мемуаръ кардинала Комскаго секретарю пропаганды (стр. 111—118). Въ томъ же году издано г. Пирлингомъ вмѣстѣ съ г. Рачкимъ, нѣсколько памятниковъ (15), касающихся замѣчательнаго посольства Комуловича или Комулея въ 1594 году въ Польшу, Молдавію, Валахію, къ казакамъ, и Московію для того, чтобъ устроить союзъ противъ Турокъ (L. Komulovića Izvestaj i listove o poslanstvu njegovu u tursku erdelj moldavsku, i polsku priobćili O. Pierling i d-r Fr. Rački. U Zagrebu). Наконецъ, въ скоромъ времени должно появиться его же сочиненіе объ отношеніяхъ Москвы къ Риму во второй половинѣ XVI столѣтія (Rome et Moscou. 1547 — 1579). Всѣ эти изданія и изслѣдованія тѣмъ болѣе интересны, что г. Пирлингъ пользуется такими архивными данными, которыя далеко не всякому доступны.

На тѣ же отношенія Россіи къ Италіи, а также и къ Константинополю, отчасти обратилъ вниманіе профессоръ Новороссійскаго университета Ѳ. И. Успенскій, занимавшійся исторіей Валахіи и потому работавшій въ венеціанскихъ архивахъ съ 1880 года и пересмотрѣвшій донесенія венеціанскихъ баиловъ изъ Константинополя за вторую половину XVI в. Нѣсколько интересныхъ выдержекъ изъ этихъ донесеній и нѣсколько другихъ памятниковъ, также касающихся отношеній Россіи къ Риму и Константинополю, помѣщены имъ въ VIII-мъ томѣ Русской Исторической Библіотеки (№ 1—9, стр. IV и V пр.) и частью пополняютъ ранѣе извѣстныя данныя, частью проливаютъ новый свѣтъ на событія того времени.

Наконецъ, въ началѣ нынѣшняго года явился еще одинъ обширный трудъ, въ которомъ также заключается нѣсколько новыхъ памятниковъ, разъясняющихъ эти сношенія. Это новый трудъ профессора В. И. Ламанскаго о государственныхъ тайнахъ Венеціанской республики. Здѣсь, среди множества документовъ, извлеченій и изслѣдованій, касающихся главнымъ образомъ исторіи отношеній Ве-

Библиотека "Руниверс"

неціи къ Грекамъ, Туркамъ и Славянамъ въ XV—XVI вѣкахъ, авторъ помѣстилъ и нѣсколько памятниковъ и замѣчаній, касающихся собственно русской исторіи. Обзору ихъ мы и посвящаемъ настоящую статью.

Памятники эти относятся къ исторіи сношеній нашихъ съ западною Европой въ XV—XVI вв. и могутъ быть раздѣлены на три группы: 1) памятники, касающіеся сношеній Россіи съ Италіей и съ Трансильваніей въ XVI вѣкѣ; 2) нѣсколько данныхъ (правда, большею частью и раньше извѣстныхъ, но собранныхъ авторомъ въ одно цѣлое), освѣщающихъ наши религіозныя сношенія съ Западомъ; 3) нѣсколько интересныхъ замѣчаній о торговлѣ русскими рабами въ XV—XVI вѣкахъ [1]).

Обратимся къ первой группѣ документовъ. Тутъ прежде всего привлекаетъ наше вниманіе замѣчательный памятникъ, касающійся сношеній нашихъ съ Трансильваніей. Это—донесеніе совѣту десяти отъ Жуана Базадоны, намѣстника венеціанскаго въ городѣ Уденѣ [2]). Вотъ вкратцѣ его содержаніе:

„Третьяго марта 1528 года", пишетъ Базадона, — „возвратился въ Удену Иври Бренаро, посланный намѣстникомъ Жуаномъ Базадоной въ Венгрію и отправившійся на мѣсто назначенія прошлый февраль мѣсяцъ. Возвратившись сегодня вечеромъ, онъ разказалъ намъ слѣдующее: На два дня пути отъ Буда Пешта встрѣтился онъ съ какими-то торговцами, которыхъ сопровождало человѣкъ десять вооруженныхъ слугъ. Отъ нихъ узналъ онъ, что въ Будѣ не безопасно. Поэтому ему казалось неблагоразумнымъ продолжать путь и онъ отправился вмѣстѣ съ торговцами къ крѣпости, называемой Быстрицей (Bistriza Todescha). Въ дорогѣ купцы, разказывая о положеніи дѣлъ воеводы, говорили между прочимъ о томъ, что воевода находится теперь въ Будѣ съ хорошимъ войскомъ, что онъ набралъ до 15,000 солдатъ, съ которыми весной долженъ отправиться войною на Нѣмцевъ. Войско это состоитъ изъ Турокъ, Татаръ, Московитовъ и Венгровъ". Достигнувъ благополучно Быстрицы, сильной крѣпости, находящейся въ четырехъ дняхъ разстоянія отъ Буды, гдѣ стояла артиллерія императора, Бренаро пріѣхалъ въ лагерь германскаго войска. Войско это, по его словамъ, состояло изъ 10,000

[1]) Такъ какъ авторъ не имѣлъ въ виду представить исторіи сношеній Западной Европы съ Россіей за вышеозначенный періодъ времени, то и свѣдѣнія эти разбросаны по всей книгѣ.

[2]) Secrets d'Etat, p. 408—409; Mar. Sanudo. Diarii. Vol. 47.

Библиотека "Руниверс"

человѣкъ, при чемъ много перемерло людей (до 6,000 чел.) отъ того, что Венгры отравили вино, которое пили солдаты. Отсюда Бренаро переѣхалъ въ Грацъ, гдѣ видѣлся съ императоромъ и затѣмъ возвратился въ Удену.

Таково содержаніе донесенія Базадоны. Для насъ особенно важно упоминаніе о томъ, что въ войскѣ воеводы Трансильванскаго Ивана Запольи (+ 1540 г.) были Московиты; судя по довольно опредѣленной терминологіи, установившейся у иностранныхъ писателей о Россіи, эти Московиты были дѣйствительно жители Московіи, а не западно-русскихъ областей, которыхъ собственно и называли въ западной Европѣ Русскими (Rusi, Russi, Ruteni, Ruseaux и проч.). Трудно однако разъяснить вполнѣ удовлетворительно ту связь, которая существуетъ между вышеприведеннымъ извѣстіемъ о сношеніяхъ Московскаго государства съ Трансильваніей и сношеніями Россіи съ западною Европой за это время вообще. Послѣдніе ограничивались въ двадцатыхъ годахъ XV в. одними переговорами, тогда какъ донесеніе Базадоны указываетъ на существованіе отряда Московитовъ въ войскѣ трансильванскаго воеводы [1]).

Нѣсколько болѣе опредѣленное положеніе въ ряду памятниковъ, касающихся сношеній нашихъ съ западною Европой въ XVI в., занимаютъ письма Венеціанцевъ царю Ивану Васильевичу Грозному, письма, которыя отправляемы были въ виду особенныхъ событій, неожиданно случившихся въ Турціи. Въ это время султаномъ былъ Селимъ II (1566—1574 гг.), государь слабый и неспособный къ правленію, вовсе не похожій на предшественника своего Солимана Великаго, того самого, который хотѣлъ прорыть соединительный каналъ между Волгой и Дономъ. Селимъ, по совѣту министровъ своихъ, сталъ мало по малу тѣснить и отнимать у Венеціанцевъ ихъ колоніи. Лала-Мустафа и Піали-Паша въ 1570 г. осадили Фамагусту, венеціанскій портъ на островѣ Кипрѣ, взяли въ плѣнъ гарнизонъ и убили храбраго начальника Брагадино. Вскорѣ за тѣмъ и весь островъ перешелъ въ руки Турокъ [2]). Среди такихъ затруднительныхъ обстоятельствъ Венеціанцы задумали обратиться съ просьбой къ царю Мо-

---

[1]) В. И. Ламанскій тутъ же дѣлаетъ выписки изъ сборниковъ Тейнера, Тургенева и др.

[2]) Подробныя свѣдѣнія объ этомъ времени см. въ новомъ сочиненіи: *Stirling-Maxwell*, Don John of Austria, or passages from the history of the sixteenth century. 1547—1578. 2 vol. 1883.

Библиотека "Руниверс"

сковскому, который нападеніемъ на сѣверныя окраины турецкихъ владѣній могъ бы отвлечь силы султана, направленныя къ югу. Это письмо и тѣ переговоры, которые пришлось вести Венеціанцамъ и помѣщены г. Ламанскимъ въ приложеніяхъ къ его книгѣ на стр. 77—83. Тутъ находимъ двѣ грамоты Венеціанцевъ къ царю Ивану Васильевичу, два письма совѣта десяти къ патріарху Константинопольскому и нѣсколько писемъ къ папскому нунціо въ Польшѣ, кардиналу Портико. Писать патріарху совѣтъ десяти считалъ необходимымъ для того, чтобы расположить его въ свою пользу, а также потому, что зналъ, „какое онъ имѣетъ вліяніе на императора Московскаго". На этомъ основаніи совѣтъ въ томъ же письмѣ (3-го мая 1570 г.) просилъ патріарха, чтобы тотъ уговорилъ царя Московскаго вмѣшаться въ начатую войну и убѣдилъ его не терять такого удобнаго случая и отомстить туркамъ тѣ обиды, которыя они ему прежде наносили. Такой поступокъ со стороны царя Московскаго будетъ-де не только полезенъ для всего христіанства, но на вѣки прославитъ его и храбрый народъ московскій. По случаю войны и трудности сообщеній съ Константинополемъ, совѣтъ отправилъ письмо къ патріарху вмѣстѣ съ грамотой къ царю Ивану Васильевичу чрезъ Польшу въ Москву, надѣясь оттуда, письмо какъ нибудь доставить въ Константинополь. Что же касается самыхъ писемъ царю Московскому, то они были довольно неопредѣленнаго содержанія. Въ первомъ, отъ 3-го мая 1570 г., адресованномъ „свѣтлѣйшему императору Московіи" (стр. 079, № 24), выражалась та мысль, что война съ Турками случилась по волѣ Господа для того, чтобы государи христіанскіе могли показать свои силы, особенно его величество [царь Московіи], который постоянно причинялъ большой вредъ Туркамъ и, конечно, теперь не пожелаетъ упустить хорошаго случая сдѣлать быстрые успѣхи въ этомъ дѣлѣ. При этомъ, такъ какъ Турки будутъ обезпокоены венеціанскимъ флотомъ съ моря, а съ суши Московскимъ войскомъ, то Венеціанцамъ можно будетъ попытаться снова пріобрѣсти Кипръ. Письмо оканчивалось пожеланіями добраго здравія, счастья и удачи въ будущемъ предпріятіи. Въ концѣ грамоты находимъ довольно интересную приписку о томъ, „что въ совѣтѣ объявлено было, что дадутъ титулъ императора Московиту [то-есть, царю Ивану Васильевичу], ибо такъ онъ именованъ въ письмѣ императора [Германскаго], но что 13-го числа того же мѣсяца написаны были грамоты съ титуломъ короля, такъ какъ узнали, что папа давалъ ему

Библиотека "Руниверс"

тотъ же титулъ" [1]). Второе письмо отъ 13-го февраля 1572 г. написано было послѣ побѣды Донъ-Жуана Автрійскаго при Лепанто и потому отзывается нѣсколько инымъ характеромъ. Въ письмѣ говорится сперва о предыдущемъ посланіи къ королю Московскому, а затѣмъ о знаменитой побѣдѣ, „благодаря которой для всѣхъ христіанскихъ Государей открылось свободное поле дѣйствій противъ общаго врага и представилась возможность отомстить ему за всѣ прежде испытанныя обиды, такъ что, безъ сомнѣнія, Порта, будучи подтачиваема со всѣхъ сторонъ, уступитъ силамъ христіанства, а въ особенности силамъ его величества короля Московитскаго, силамъ, которыя во всякое время были страшны для Турокъ, и теперь тѣмъ болѣе, будутъ опасны, что силы лиги могутъ быть направлены на Турцію съ какой угодно стороны. Никто не долженъ упускать такого случая и совѣтъ увѣренъ, что имъ воспользуется и его величество". Грамота оканчивается обычными благопожеланіями. Таковы письма Венеціанцевъ къ Русскому царю. Извѣстно впрочемъ по письму совѣта къ кардиналу Коммендони (1572 г.), новому папскому нунцію въ Польшѣ, что послѣдняя грамота не дошла до мѣста назначенія.

Какъ бы то ни было, грамоты эти интересны, такъ какъ касаются до сихъ поръ неизвѣстной, кажется, попытки со стороны Венеціанцевъ установить союзническія отношенія между ними и Московіей. Что же касается нашихъ сношеній съ Италіей вообще по тому же вопросу за это время, то о нихъ мы знали уже раньше по одному изъ памятниковъ, хранящихся въ Ватиканскомъ архивѣ [2]). Это донесеніе подъ заглавіемъ: Реляція о попыткахъ его святѣйшества папы Пія V уговорить Московита къ войнѣ противъ Турка. Тутъ кратко разказывается о посольствѣ, которое отправилъ папа съ этою цѣлью въ Московію въ 1570 году. Переговоры не увѣнчались успѣхомъ. Папскихъ пословъ, по обычаю того времени, держали въ заперти и подъ страхомъ смертной казни не дозволяли имъ ни съ кѣмъ разговаривать, кромѣ того, къ кому они были посланы. Оскорбленные такимъ обращеніемъ, они объ этомъ и о многихъ другихъ жестокостяхъ царя, о которыхъ узнали отъ Альбрехта Шлихтинга, написали

---

[1]) О письмахъ 13-го мая мы ничего не знаемъ; но имѣемъ на стр. 080, № 24, Secrets d'Etat., отъ 19-го мая письмо къ нунцію Портико, въ которомъ царь Иванъ Грозный названъ re di Moscovia, то-есть, королемъ Московскимъ.

[2]) *Turgenew*, Hist. Russ. Monumenta. I. № CLIII.

Библиотека "Руниверс"

папѣ. Послѣдній отвѣчалъ, что не желаетъ имѣть дѣла съ такою варварскою, гордою націей и приказалъ прекратить переговоры.

Изъ позднѣйшихъ попытокъ возобновить тотъ же союзъ, особенно замѣчательны тѣ, которыя сдѣланы были папою Григоріемъ XIII въ 1594 году и Климентомъ VIII въ 1595 и 1597 гг. Для этого въ Польшу, Молдавію, Валахію, Трансильванію, Малороссію и Московію посланъ былъ Комулей. Посольство это имѣло частію политическій, частію религіозный [1]) характеръ, и особенно интересно потому, что въ числѣ побудительныхъ причинъ, которыя могли бы заставить царя двинуться въ походъ противъ Турокъ, выставлена была и слѣдующая: московская нація, овладѣвъ нѣкоторыми городами на Черномъ морѣ, что̀ не представитъ особенныхъ затрудненій, могла бы укрѣпиться тамъ и основать надежду на распространеніе славы и власти въ этомъ болѣе мягкомъ и счастливомъ климатѣ и открыть себѣ дорогу къ завоеванію самого Константинополя, согласно древнимъ притязаніямъ Московитовъ, которые думаютъ, что имъ принадлежитъ эта имперія по наслѣдственному праву [2]). Въ томъ же духѣ писалъ въ 1594 г. и Комулей, который кромѣ того думалъ, что Московскому царю не трудно будетъ захватить и прикаспійскія степи, а на югѣ расширить свои предѣлы до предѣловъ Грузіи [3]).

Но возвратимся къ письмамъ Венеціанцевъ и посольству папскому 1570 года. Какъ мы видѣли, ни то, ни другое не достигло цѣли. Но еслибы даже предположить, что письма Венеціанцевъ дошли до мѣста назначенія, и папскіе послы не обидѣлись, а продолжали бы переговоры, то все же едва ли царь Иванъ Васильевичъ согласился бы заключить союзъ противъ Турокъ, ибо, съ одной стороны, часть его войскъ находилась въ Ливоніи, а съ другой—военныя его силы вообще значительно ослабѣли [4]). Уже и раньше, не разъ увѣрялъ онъ Турецкаго султана въ своей дружбѣ и расположеніи. Такъ, въ 1555 г. онъ пишетъ султану Сулейману, что приказалъ, чтобы съ его посломъ Мустафой, обращались какъ слѣдуетъ „во вниманіе къ давней дружбѣ, которая установилась между моимъ отцомъ и твоимъ и ради взаим-

---

[1]) Русск. Истор. Библ. т. VIII, стр. 26.

[2]) Русск. Истор. Библ. т. VIII, стр. 23.

[3]) *Pierling*, L. Komulovica izvestaj etc. p. 33.

[4]) Это ясно доказываетъ, напримѣръ, нападеніе Девлетъ-Гирея. О немъ, кромѣ русскихъ источниковъ, см. еще хронику Рюссова § 63 г. 1571, въ Сборникѣ статей и матеріаловъ по Исторіи Прибалт. края, т. III, стр. 204 (Рига. 1880).

Библиотека "Руниверс"

ной нашей дружбы" [1]). Маркъ-Антоній Барбаро, венеціанскій посолъ въ Константинополѣ, говоритъ въ 1570 г., что во время его пребыванія въ Константинополѣ, прибылъ туда же русскій посолъ съ грамотою отъ царя Московскаго. Въ этой грамотѣ царь Иванъ Васильевичъ просилъ султана послать ему посла для выясненія тѣхъ причинъ, которыя побудили его сдѣлать нападеніе на царскія владѣнія, обѣщаясь при этомъ хранить дружбу [2]). Наконецъ, въ январѣ мѣсяцѣ 1570 г. посланъ былъ къ Селиму Новосильцевъ съ тѣмъ, чтобы поздравить его съ возшествіемъ на престолъ и напомнить ему о прежнихъ дружескихъ сношеніяхъ между Москвой и Константинополемъ [3]). Всѣ эти данныя показываютъ, что Иванъ Грозный старался поддержать мирныя сношенія съ Портой и потому не могъ бы согласиться на предложеніе Венеціанцевъ. Интересенъ вопросъ, почему Италіанцы такъ дорожили союзомъ съ царемъ Московскимъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда не имѣли въ виду прямо религіозныя цѣли, какъ напримѣръ, Венеціанцы въ 1570 г.? Казалось бы, что царь Московскій, удаленный отъ европейскихъ державъ, отдаленный отъ самой Турціи почти безлюдными степями, по которымъ рыскали татарскіе наѣздники, мало знакомый съ западно-европейскимъ военнымъ искусствомъ, едва ли могъ, по мнѣнію иностранцевъ, служить значительной опорой и хорошимъ союзникомъ... Однако на дѣлѣ выходило не такъ. В. И. Ламанскій въ другомъ мѣстѣ и по другому случаю приводитъ до сихъ поръ не изданный памятникъ [4]), въ которомъ отчасти находимъ объясненіе вышепоставленнаго вопроса. Свидѣтельство это заключается въ реляціи одного мальтійскаго рыцаря, 1576 года, касательно современнаго ему положенія Турціи. Въ этой реляціи читаемъ слѣдующія, въ высшей степени интересныя строки: „Болѣе всѣхъ другихъ государей пользуется почтеніемъ великій князь Московскій и Софи, изъ которыхъ первый постоянно безпокоитъ Турка въ Европѣ, а второй въ Азіи. Я думаю, что есть двѣ причины, которыя придаютъ значеніе Московитамъ. Вопервыхъ, то, что они имѣютъ сильную кавалерію въ 100,000 человѣкъ. Солдаты

---

[1]) Русск. Истор. Библ. т. VIII, стр. 17, № 4.

[2]) Ib. стр. III, прим.

[3]) Дѣла Турецкія № л. 1—40 по *Карам.* IX, стр. 134.

[4]) Secrets d'Etat, p. 380, прим. Relatione degli desegni del Turco per l'anno 1576 fatto à Giov. d'Austria da un c-re di Malta (Milan. Biblioth. Ambros. Cod. Q. 116, sup.).

Библиотека "Руниверс"

закалены; способны переносить усталость и дисциплинированы. Лошади хотя и малаго роста, но бѣгаютъ весьма быстро и неутомимы, а оружіемъ служатъ не только копья или лукъ и стрѣлы, но и многія аркебузы, которыми этотъ народъ владѣетъ отлично [1]). Вторая состоитъ въ томъ, что такъ какъ царь этотъ исповѣдуетъ греческую вѣру, то всѣ народы въ Болгаріи, Босніи, Сербіи, Мореѣ и Греціи, какъ его единовѣрцы вполнѣ ему преданы и ни отъ кого не ждутъ освобожденія, какъ отъ него именно". Почти такую же мысль высказывалъ въ 1576 г. и Соранцо, венеціанскій посолъ въ Константинополѣ [2]).

Съ другой стороны, Италіанцы знали, что царь Московскій находится въ такихъ отношеніяхъ, не только къ вышеозначеннымъ славянскимъ землямъ, но и къ Молдавіи. Такъ напримѣръ, Лоренцо Бернардо въ донесеніи отъ 12-го іюля 1586 года утверждаетъ, что воеводу Петра секретно поддерживалъ царь Московскій. Въ томъ же духѣ пишетъ и другой папскій посолъ, Комулей, который между прочимъ совѣтуетъ заключить союзъ съ Московитомъ для того, чтобъ уничтожить флотъ или турецкое войско, такъ какъ царь Московскій можетъ тотчасъ же двинуться (на султана) съ стотысячнымъ войскомъ чрезъ Подолію въ Молдавію, гдѣ его ждутъ съ большимъ нетерпѣніемъ [3]). Наконецъ, Италіанцы приписывали Московскому царю извѣстное вліяніе и на востокѣ. Такъ въ инструкціи, данной Комулею папою Климентомъ VIII, находимъ слѣдующія соображенія: Его императорское величество надѣется, что эта нація (то-есть, Московиты) могла бы оказать ему помощь тройкимъ образомъ: побудить Персовъ и Грузинъ, своихъ сосѣдей, соединенными силами ударить на общаго врага и воспользоваться благопріятнымъ случаемъ для возвращенія областей, отнятыхъ въ послѣднюю войну; занять Перекопскихъ Татаръ; наконецъ помочь его величеству значительною суммою денегъ на потребности настоящей войны [4]). Самъ Комулей писалъ о первой изъ этихъ причинъ приблизительно то же, утверждая,

---

[1]) Фоскаринъ въ своемъ донесеніи (*Turgenev* H. R. M. I, p. 153) говоритъ, что ихъ было 30,000 (въ 1565 г.). Артиллерія же впервые выступаетъ въ русскомъ войскѣ въ 1522 г. См. *Соловьевъ* Ист. Росс., V, стр. 428 (изд. 1855 г.).

[2]) Secrets d'Etats, p. 380.

[3]) *Pierling*, Izvestaj, № I, p. 7.

[4]) Русск. Ист. Библ. VIII, стр. 30. Ср. Графа *Д. А. Толстаго*, Римскій католицизмъ въ Россіи 1,337.

Библиотека "Руниверс"

что Мингрельцы, Черкесы, Грузины, и азіатскіе Греки ждутъ съ нетерпѣніемъ царя Московскаго для похода противъ Турокъ [1]).

И такъ, Италіанцы не напрасно дорожили помощью царя Московскаго. Они видѣли въ немъ государя богатаго и сильнаго, видѣли въ немъ представителя всего юго-западнаго славянства, обратили вниманіе на вліяніе, какимъ онъ пользовался среди инородцевъ восточно-европейской равнины и даже Азіи.

Относительно религіозныхъ сношеній нашихъ съ востокомъ въ XIII и слѣдующихъ вѣкахъ, кажется, нѣтъ ничего новаго въ сборникѣ г. Ламанскаго. Но онъ соединилъ и сопоставилъ нѣсколько драгоцѣнныхъ извѣстій, доказывающихъ фактъ весьма важный, а именно—существованіе умственнаго движенія въ западной Европѣ въ пользу православія или греческой вѣры вообще. Для того, чтобъ оцѣнить всю важность этого факта, слѣдуетъ вспомнить, что наши религіозныя отношенія къ Западу большею частью были совершенно иного рода, ибо чрезъ всю нашу исторію проходитъ стремленіе папъ или ихъ приверженцевъ окатоличить православную Русь. Тѣмъ интереснѣе факты, которые доказываютъ, что помимо антиправославнаго движенія въ западной Европѣ, существовало и другое направленіе, сочувствовавшее Греческой церкви, и представителями котораго являлись весьма видные дѣятели. Такъ, напримѣръ, императоръ Фридрихъ II въ письмѣ къ Іоанну Вататцѣ (1248—1250 г.), императору Византійскому, восклицаетъ: „Счастлива Азія, счастливы владыки восточные, которые не боятся тайнаго оружія и папскихъ интригъ! И какъ осмѣлился папа произнести отлученіе на Грековъ, тебѣ подчиненныхъ и назвать еретиками тѣхъ правовѣрныхъ, благодаря которымъ христіанская вѣра распространилась на край земли, какимъ образомъ онъ подъ покровомъ ложной святости чрезъ послѣдователей своихъ и исполнителей его воли не перестаетъ называть предъ лицемъ своихъ подданныхъ латинянъ отступниками и безпорядочными тѣхъ людей, которые.... миръ проповѣдывали по всей землѣ?... Изъ ихъ (то-есть, папъ) дѣйствій, такимъ образомъ, каждый можетъ вывести заключеніе, что пути ихъ неправильны и негодятся они къ проповѣди евангельской“.... Въ томъ же духѣ выражается Фридрихъ и въ другомъ письмѣ къ деспоту Эпирскому Михаилу Комнину отъ 1250 года. Гораздо смѣлѣе говоритъ о томъ же книга „Intro-

[1]) *Pierling* № XV, p. 36.

Библиотека "Руниверс"

ductorius", принадлежащая тому же времени и запрещенная папою Александромъ IV. Тутъ прямо высказывалась мысль, что Греки хорошо сдѣлали, отдѣлившись отъ церкви латинской, что Греки чаще дѣйствуютъ подъ наитіемъ Св. Духа, чѣмъ Латиняне, и что, слѣдовательно, народъ греческій ближе къ спасенію, чѣмъ народъ Латинскій. То же говоритъ аббатъ Іоахимъ Флоръ [1]) и нѣкоторые другіе. Особенно интересны мнѣнія Виклефа († 1384 г.), Герарда Зербольта († 1348 г.) и Флорентинца Веспасіана. Всѣ они сочувствуютъ нѣкоторымъ обрядамъ Греческой церкви вообще и обрядамъ Русскихъ и остальныхъ Славянъ въ частности. Виклефъ прямо говоритъ, что по смерти Урбана, не слѣдуетъ принимать другихъ папъ, а жить нужно по примѣру Грековъ, руководствуясь собственными обычаями. Зербольту особенно нравится, что у Славянъ (Rusi et Slavi) и Русскихъ богослуженіе происходитъ на ихъ родномъ языкѣ, а Веспасіанъ даже утверждаетъ, что на Флорентинскомъ соборѣ одежда и образъ дѣйствія восточныхъ епископовъ казался болѣе внушительнымъ и достойнымъ, чѣмъ епископовъ латинскихъ, и хвалитъ Грековъ вообще за то, что они не перемѣнили религіозныхъ обрядовъ со временъ принятія христіанства [2]).

Такую же симпатію къ церкви Восточной и къ церкви Русской, православной въ частности, высказывали и представители гусситскаго движенія Іоаннъ Гуссъ и Іеронимъ Пражскій. Первый писалъ, что предпочитаетъ не осуждать Грековъ въ ихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, и если бы всѣ люди яснѣе сознавали свои убѣжденія, то можетъ быть, и не было бы разъединенности между церквами. Іеронима же Пражскаго въ обвинительной грамотѣ, читанной на Констанцомъ соборѣ, обвиняли въ приверженности къ русской, православной вѣрѣ. Его осуждали въ томъ, что онъ, отправившись въ городъ Wytesko, то есть, Витебскъ, въ свитѣ великаго князя Литовскаго Витовта, почиталъ образа и святыни (tabulas depictas et reliquias), вынесенныя вышедшими имъ на встрѣчу Русскими (Rutheni), утверждалъ, будто бы вѣра русская совершенна, и даже старался вышепоименованнаго князя со всѣмъ его народомъ обратить въ эту вѣру. Затѣмъ та же грамота обви-

---

[1]) Ecclesia latina et Romana graviora quam graeca passura est in proximo, quia nequiora commisit. См. Secrets d'Etats, p. 389.

[2]) E la maniera degli abiti greci pareva assai più degna che quella dei prelati latini... Y Greci in anni mille cinque cento e più non hanno mai mutato abito.

Библиотека "Руниверс"

няла Іеронима въ томъ, что онъ говорилъ, будто эти Русскіе—истинные христіане, что онъ присутствовалъ при ихъ богослуженіи въ одной Плесковской (Псковской) церкви и утвердилъ Русскихъ въ ихъ заблужденіяхъ. Таковы были обвиненія, возводимыя на Іеронима на Констанцомъ соборѣ. Какъ кажется, нѣтъ основаній не довѣрять имъ хотя бы отчасти, тѣмъ болѣе, что подобный же примѣръ мы имѣемъ въ Іоаннѣ Парискомъ, который нѣсколько лѣтъ провелъ у Грековъ и даже пожелалъ умереть среди нихъ, хотя самъ былъ по вѣрѣ католикъ.

Такимъ образомъ матеріалы, сообщаемые В. И. Ламанскимъ, убѣдительно доказываютъ существованіе на Западѣ направленія, сочувствовавшаго вѣрѣ греческой и русской въ XIV—XV вв. Правда, можетъ быть, направленіе это исключительно сложилось вслѣдствіе злоупотребленій папъ, а не вслѣдствіе самостоятельнаго вліянія Восточной церкви на Западную, но все же оно выставляетъ намъ наши религіозныя сношенія съ Западомъ съ совершенно новой стороны, а потому весьма цѣнно для ихъ характеристики.

Къ числу такого же рода сношеній относится и небольшой эпизодъ, сообщаемый г. Ламанскимъ въ приложеніяхъ къ его книгѣ (на стр. 091—096) и касающійся существованія греческой церкви въ Венеціи и ея отношеній къ Россіи въ началѣ XVIII вѣка. Намъ не извѣстно, когда именно основана была эта церковь, но объ ея же существованіи упоминается, вѣроятно, въ одной изъ тѣхъ грамотъ къ патріарху Константинопольскому, о которыхъ говорено было выше (1570 г.). Въ этой грамотѣ совѣтъ увѣряетъ патріарха въ томъ, что Греки, находящіеся въ бывшихъ венеціанскихъ колоніяхъ на Средиземномъ морѣ, если только эти колоніи снова перейдутъ отъ Турокъ во власть Венеціанцевъ, сохранятъ свободу вѣроисповѣданія, какъ то еще существуетъ въ самой Венеціи, гдѣ они имѣютъ церковь, въ которой совершаютъ свои обряды [1]). Но по видимому, въ началѣ XVIII в. Венеціанцы стали притѣснять эту церковь. Находясь въ крайне затруднительномъ положеніи, духовенство ея обратилось съ просьбой о помощи къ Петру Великому, который 7-го декабря 1710 г. послалъ въ Сенатъ венеціанскій письмо, и въ немъ просилъ свободы вѣроисповѣданія для своихъ единовѣр-

[1]) Come fanno in questa citta, ove hanno una chiesa e in essa esercitano li riti e consuetudini loro. Памятникъ этотъ помѣщенъ на стр. 078, подъ № 23, въ Secrets d'Etat.

Библиотека "Руниверс"

цевъ [1]). Но какъ видно изъ послѣдующихъ событій, просьба эта не измѣнила печальнаго положенія греческой церкви въ Венеціи. Къ 20-мъ годамъ XVIII столѣтія совѣтъ десяти постановилъ, чтобы въ этой церкви служили принявшіе католическую вѣру капелланы, и такимъ образомъ уничтожилъ со стороны православныхъ Грековъ всякое желаніе посѣщать служеніе. Церковь почти совсѣмъ запустѣла и снова оживилась только тогда, когда капелланомъ сталъ греческій архимандритъ Эразмъ Фока, который избранъ былъ самими Греками въ Венеціи и не желалъ перемѣнить вѣры, а совершалъ службу и исполнялъ требы по обряду греческому. Но греко-римскіе священники Георгій Патусса и Спиридонъ Красса изъ зависти обвинили Фоку предъ сенатомъ, который обрекъ его на вѣчное изгнаніе. Тогда архимандритъ Эразмъ написалъ грамоту митрополиту Рязанскому (Стефану Яворскому), въ которой умолялъ его изложить бѣдственное положеніе православной греческой церкви въ Венеціи ихъ (то-есть, Грековъ) императору (Петру Великому). Письмо это переслано было черезъ князя Дмитрія Кантемира въ Россію. Не получая отвѣта и подвергаясь постояннымъ преслѣдованіямъ со стороны папы и грекоримскаго духовенства, энергичный архимандритъ бѣжалъ въ Россію, достигъ Петербурга и 22-го марта 1722 года представилъ въ синодъ грамоту, гдѣ излагалъ всѣ выше разказанныя происшествія и заканчивалъ такъ: „Бросаюсь къ ногамъ нашего императора и молю только объ одномъ, чтобы прежняя свобода возвращена была нашей церкви“. На эту просьбу послѣдовалъ, 12-го апрѣля 1722 г., указъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ царь наказывалъ ей обратиться къ кому слѣдуетъ, въ Венеціи и послать туда русскаго резидента; послѣдній долженъ былъ путемъ переговоровъ возвратить Грекамъ свободу вѣроисповѣданія или купить имъ участокъ земли, гдѣ можно было бы выстроить греческую церковь; притомъ онъ долженъ былъ обратить вниманіе и на интересы православныхъ Грековъ въ Далмаціи. Указъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе, и въ томъ же году назначенъ русскимъ резидентомъ въ Венецію Иванъ Алексѣевъ. Впрочемъ, его скоро отозвали назадъ, такъ какъ въ Россію пришло извѣстіе о смерти прежняго дожа.

Эпизодъ этотъ свидѣтельствуетъ, что даже венеціанскіе Греки

---

[1]) Извѣстіе это приведено авторомъ въ примѣчаніи и почерпнуто изъ сочиненія Βελλούδου Ι. Ἑλλήνων ὀρθοδόξων ἀποικία ἐν Βενετίᾳ Βενετία 1872, p. 85.

Библиотека "Руниверс"

считали Русскаго царя своимъ настоящимъ покровителемъ, что они его называли своимъ царемъ и возлагали на него такія же надежды, какія питали и въ то время и гораздо раньше славянскія народности. Такъ напримѣръ, выше (въ донесеніи мальтійскаго рыцаря и посла Сиранцо) мы видѣли, что такою же симпатіей, по видимому, уже пользовался царь Иванъ Васильевичъ (въ 1576 г.) среди Славянъ южныхъ. То же направленіе обнаружилось и въ Далмаціи, въ первыхъ годахъ XVIII вѣка. Доказательствомъ тому можетъ служить хотя бы вышеупомянутый указъ Петра I, гдѣ говорится между прочимъ о какой-то грамотѣ, посланной изъ Далмаціи въ Россію архимандритомъ Львомъ. Венеціанцы также подозрѣвали существованіе такихъ сношеній, и венеціанскимъ резидентамъ въ Далмаціи поручено было заняться изслѣдованіемъ этого вопроса. На такое приказаніе Альвизъ Мочениго, одинъ изъ резидентовъ, отвѣчаетъ, что онъ „относительно сообщеній Московитовъ (съ Далмаціей) ничего разузнать не могъ“ (7-го октября 1718 г.). Наконецъ, то же направленіе особенно сильно сказывается въ произведеніи одного поэта Далматинца Іеронима Каваньина, жившаго приблизительно въ то же время (1640—1714 гг.). Въ своей поэмѣ „Богатство и убожество“ онъ является пламеннымъ поклонникомъ Петра и возлагаетъ на него большія надежды. Стоитъ только припомнить хотя бы слѣдующія строки его произведенія:

. . . . iko sunce jedno
Iedno i carstvo bude
Viek golema riécka nije
Ka s'razotaje u dva trake.

Или:

Na karotjanski put sestavi
Da s'istoka Mahumetu
Baciš i tooj mač karvave
Tamni miesec koji smeta
Dosle zori karst od časti
S tvom sunca samom' sjasti.
. . . . . .
Varh tebi, tebi srica
Ka ti od davna htie slutiti
Da i iztočni car, ćaš biti и пр. [1]).

[1]) «И какъ солнце одно, такъ пусть будетъ единое царство; не будетъ рѣка великою, если раздѣлится на два рукава». Или: «Стань на путь христіанскій,

Библиотека "Руниверс"

Такія же надежды возбуждалъ Петръ не только среди Славянъ, но и среди Грековъ. Такъ Мочениго, въ томъ же донесеніи, о которомъ упомянуто было выше, пишетъ между прочимъ: „Не могу сомнѣваться въ томъ, что и сами Греки вполнѣ сочувствуютъ этому царю".

Третій вопросъ, который также связанъ съ исторіей русскаго народа, и котораго касается г. Ламанскій въ примѣчаніи на стр. 380—383, относится къ торговлѣ Татаръ и Евреевъ преимущественно русскими рабами въ XVI—XVII вв. Объ этой торговлѣ существуетъ много извѣстій, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ, при чемъ послѣднія упоминаютъ о ней уже въ весьма ранній періодъ нашей исторіи. Такъ напримѣръ ужь очень рано торговали русскими рабами въ Александріи. Ибнъ-Дастъ, арабскій писатель X в., говоритъ, что Венгры или Мадьяры приводили пойманныхъ Славянъ (Saqlab) къ гавани Кархъ (Καρχ или Caffa), и мѣняли на греческій товаръ [1]). Тотъ же писатель говоритъ, что Русы „производятъ набѣги на Славянъ, подъѣзжаютъ къ нимъ на корабляхъ, высадятся, забираютъ ихъ въ плѣнъ [Славянъ] отводятъ въ Хазаранъ [Харванъ] и Булгаръ и продаютъ тамъ" [2]). Можетъ быть, въ томъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать извѣстіе Рубруквиса (1253 г.) о томъ, что среди Татаръ очень много находится Русскихъ. Нѣсколько позже встрѣчаемъ мы такія же извѣстія въ византійскихъ хроникахъ. Такъ Халкокондилъ, писатель XV в., сообщаетъ, что Джагатайцы, живущіе около Воспора и Тавриды производятъ грабительскіе набѣги на страну Черкесовъ, Мингрельцевъ и Сарматовъ (Русскихъ), уводятъ большое количество плѣнныхъ, приводятъ ихъ въ Воспоръ или городъ Карею (Таганрогъ) и тутъ продаютъ ихъ венеціанскимъ и генуэзскимъ купцамъ за дешевую цѣну. Извѣстіе это подтверждается одною папскою буллой 1425 г., въ которой папа упрашиваетъ Италіанцевъ, что бы они ужь болѣе не продавали въ рабство христіанъ—Русскихъ, Аланъ, Мингрельцевъ и Абха-

---

изгони Магомета съ востока, окровавь мечъ твой о мѣсяцъ, который мѣшаетъ до сихъ поръ почитанію креста и сіянію твоего солнца. Побѣда и счастье тебѣ [принадлежатъ], и тебѣ давно суждено быть царемъ восточнымъ». Подробнѣе о томъ же см. Матеріалы для ист. дипл. сношѳ. Россіи съ Рагузской республикой *В. В. Макушева* въ *Чт. Общ. Ист. и Др.* 1865, кн. 3, стр. 15 и слѣд.; его же—Задунайскіе и Адріатическіе Славяне, стр. 163 и слѣд.

[1]) *Tomaschek.* Die Goten in Taurien. Wien. 1881. S. 30—31.

[2]) *А. Я. Гаркави.* Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ. С.-Петербургъ. 1870, стр. 268.

Библиотека "Руниверс"

зовъ [1]). Въ посланіи Симона къ Поликарпу, относящемуся къ началу XIII в., Симонъ между прочимъ разказываетъ о подвигахъ Евстратія постника, который былъ взятъ въ плѣнъ и проданъ вмѣстѣ со многими другими христіанами въ рабство Еврею [2]). Наконецъ, свѣдѣнія о такой же торговлѣ въ XVI—XVII вв. прямо указываютъ на нее уже какъ на явленіе вполнѣ обыкновенное. Не останавливаясь поэтому долго на этомъ вопросѣ, приведемъ только выписку изъ реляціи венеціанскаго посла въ Константинополѣ Корраро, впервые появляющейся въ печати [3]): „Не нравится Туркамъ", пишетъ Корраро,—„союзъ Поляковъ съ Московитами, не нравится и то, что Московитъ сблизился съ императорами христіанскими. Императоръ (Германскій), который могъ бы это сдѣлать лучше всякаго другаго для собственнаго блага и для пользы всего христіанства, долженъ былъ бы по возможности поддержать дружбу съ этимъ государемъ и устроить сношенія, такъ какъ онъ имѣетъ большое значеніе, и ни разу не распространялось вѣсти о томъ, что его послы отправлялись къ послу цесарьскому туда и обратно, безъ того, чтобы Турки не внали въ сильную зависть". Затѣмъ Корраро переходитъ къ изложенію значенія Татаръ для Турокъ. Выше онъ говорилъ о томъ, что Татары какъ бы удерживаютъ Московію, отдѣляютъ ее отъ Турціи; затѣмъ еще одна выгода, доставляемая Татарами Туркамъ, состоитъ въ томъ, что послѣдніе имѣютъ право набирать въ ряды своихъ войскъ извѣстное количество Татаръ, когда они того пожелаютъ. Наконецъ, втретьихъ, Турки отъ нихъ же получаютъ еще одну выгоду, которая не маловажна, если ее разсматривать съ должнымъ вниманіемъ. Дѣло въ томъ, что слуги у Турокъ, Евреевъ и даже христіанъ не нанимаются, какъ въ западной Европѣ, но покупаются, при чемъ издержки достигаютъ иногда большихъ размѣровъ, такъ какъ рабыня стоитъ не менѣе 70—80 секиновъ. Затѣмъ Корраро продолжаетъ: „Теперь (1578 г.) доставкою рабовъ главнымъ образомъ занимаются Татары. Они отправляются на охоту за людьми въ области Польскія, Московскія или къ Черкесамъ, затѣмъ возвращаются съ добычей въ Каффу и тутъ продаютъ

---

[1]) *Tomaschek.* ibid. Тутъ же цѣликомъ приведены слова Халкокондила (Laonikos Chalkokondyles. III. p. 135).

[2]) См. Памятники Русской Литературы XII и XIII вв. изд. *Яковлевымъ*. С.-Петербургъ, 1872.

[3]) Relatione di Giov. Corraro, ritornato da Constantinopoli, presentata per messer Bartolomeo Comino à 29 Agosto 1578. Arch. dei Frari Relation. orator.

Библиотека "Руниверс"

плѣнниковъ купцамъ, которые перевозятъ ихъ въ Константинополь въ такомъ количествѣ, что въ городѣ находится рынокъ рабовъ, [гдѣ они продаются], какъ всякаго рода другія животныя. Безчисленно количество и тѣхъ, которые не побывавъ въ Константинополѣ, переводятся прямо въ Анатолію и тутъ употребляются на обработку земли и на другія работы. Всѣ они становятся Турками"... Вотъ что писалъ венеціанскій посолъ объ этой торговлѣ въ Константинополѣ. Но она, по видимому, существовала и въ другихъ государствахъ западной Европы. Особенно интересны свидѣтельства, приводимыя авторомъ относительно существованія русскихъ рабовъ въ Венеціи и Франціи. Такъ, въ Венеціи одно духовное завѣщаніе 1428 г. упоминаетъ объ Уліанѣ, русской рабынѣ 33 лѣтъ. Что же касается Франціи, то на французскихъ галерахъ служили русскіе рабы еще въ концѣ XVII вѣка. Такъ Кольберъ писалъ въ 1676 г. управляющему галерами: „Его величество, думая, что скорѣе всего можно увеличить число галеръ покупкою въ Константинополѣ русскихъ рабовъ (esclaves Russiens), которые тамъ обыкновенно продаются, желаетъ, чтобъ онъ (то-есть, управляющій) справился у купцовъ, ведущихъ торговлю съ Константинополемъ, о томъ, какимъ образомъ привезти ихъ въ большемъ количествѣ, и чтобъ онъ, если согласится съ ними, приготовилъ бы судно для отправки съ ними; при этомъ однако онъ долженъ хорошенько разъяснить имъ, что его величество не желаетъ, чтобы въ число Русскихъ вмѣшались какіе-нибудь Греки-отступники"... Эти три свидѣтельства, изъ которыхъ два послѣднія авторъ почерпнулъ изъ трудовъ Filiasi и P. Clément [1]), достаточно указываютъ на распространенность торговли русскими рабами въ западной Европѣ.

А. Лаппо-Данилевскій.

---

[1]) Memorie storiche de Veneti primi e secondi T. VII, p. 19, и *P. Clément*, Etude sur l'institution de galères. Séanc. et trav. de l'Acad. des sciences. Paris. 1865, 2-e et 3-e liv. F I, p. 223.

Библиотека "Руниверс"

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Описаніе славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами. Томъ I: съ 1491 по 1652 годъ. Составилъ *И. Каратаевъ*. С.-Пб. 1883.

(Памяти А. Е. Викторова).

Сочиненіе г. Каратаева трудъ почтенный и дѣльный, за который, безъ всякаго сомнѣнія, должны быть признательны ему всѣ, занимающіеся библіографіей, однимъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ русской археологіи. Въ текстѣ книги г. Каратаева описаны болѣе или менѣе подробно всѣ изданія, которыя вошли въ его „Хронологическую роспись“ 1861 года и въ „Описаніе“ старопечатныхъ книгъ 1878 года, а равно и всѣ тѣ изданія, свѣдѣнія о которыхъ онъ собралъ во время недавней своей поѣздки по Россіи и по нѣкоторымъ Славянскимъ землямъ. Въ примѣчаніяхъ же къ тексту описываемыхъ имъ книгъ разсѣяно не мало замѣчаній критическаго свойства, но въ этихъ послѣднихъ къ сожалѣнію, не рѣдко проявляются „предвзятыя мнѣнія“, и слишкомъ легкое отношеніе къ трудамъ предшественниковъ и современниковъ автора, къ трудившимся и трудящимся на одной съ нимъ нивѣ, гдѣ, кажется, и пространства довольно, и жатвы много, числомъ же дѣлателей нельзя еще похвалиться.

Г. Каратаевъ держится преимущественно за собраніе старопечатныхъ книгъ, пріобрѣтенное у него Императорскою Публичною Библіотекою, и къ извѣстіямъ объ изданіяхъ, которыхъ въ этомъ собраніи нѣтъ, относится, какъ будетъ доказано ниже, не съ осторожностію только, но съ излишнимъ недовѣріемъ. Отзывы его о трудахъ

Библиотека "Руниверс"

другихъ библіографовъ не всегда вѣрны, а мѣстами (скажемъ точнѣе, желая выразиться возможно вѣжливѣе), не совсѣмъ соотвѣтствуютъ общепринятымъ литературнымъ приличіямъ. Такъ напримѣръ, онъ отнесся слишкомъ легко, можно сказать — свысока, къ почтенному труду Нижегородскаго епископа Дамаскина (1739—1795), подъ заглавіемъ „Россійская библіотека", изданному въ 1881 г. въ „Памятникахъ русской древней письменности". Положимъ, что г. Каратаевъ имѣлъ нѣкоторое основаніе замѣтить, что сочиненіемъ этимъ надобно пользоваться осторожно, но въ видахъ „возможной полноты" своего собственнаго труда, онъ не долженъ бы былъ умолчать объ указаніи преосвященнаго Дамаскина на столь древнія изданія, какъ напечатанныя, по его сказанію, въ 1564—1566 гг. Изданія эти у него означены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Книга св. Григорія Назіанзина Московской печати 1565 года; 2) Бесѣды св. Іоанна Златоустаго на посланія св. апостола Павла, Московской печати 1565 г. въ листъ, часть первая; 3) Скрижаль, Московской печати 1566 г. въ 4-ю долю листа; 4) Пять служебниковъ великихъ (большихъ?), печатаны въ полдесть, безъ лѣтъ; 5) Копія съ трактата премирнаго межъ царемъ и великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ и Шведскимъ королемъ Ирикомъ XIV, учиненнаго въ 1564 году. Надобно полагать, что преосв. Дамаскинъ упомянулъ объ этихъ изданіяхъ не безъосновательно. Я самъ въ 1850-хъ годахъ видѣлъ одну изъ этихъ книгъ въ частныхъ рукахъ, а именно: книгу св. Григорія Назіанзина. Помню, какъ будто сейчасъ смотрю на нее, эту книжку въ 8-ю долю листа, напечатанную на лоснящейся и пожелтѣлой отъ времени бумагѣ, мелкимъ и узкимъ шрифтомъ, въ черномъ кожаномъ переплетѣ. Могу указать, гдѣ возможно искать ее въ настоящее время.

Г. Каратаевъ относится почему-то не благосклонно къ мнѣнію, уже получившему право гражданства въ библіографіи, мнѣнію столь доказательно выраженному и впервые заявленному нашимъ извѣстнымъ московскимъ библіографомъ и собирателемъ старопечатныхъ книгъ для Румянцевскаго музея, покойнымъ А. Е. Викторовымъ, въ его рефератѣ, читанномъ на 3-мъ (Кіевскомъ) археологическомъ съѣздѣ въ 1874 году: „Не было ли въ Москвѣ опытовъ книгопечатанія прежде первоначальнаго Апостола 1564 г." (см. Труды 3-го археологическаго съѣзда въ Кіевѣ 1874 г., стр. 211—220), и къ служащему какъ бы подтвержденіемъ и развитіемъ сего реферата, моему библіографическому изслѣдованію о томъ: гдѣ находится Евангеліе, которое, согласно мнѣнію библіографовъ и по свидѣтельству

Библиотека "Руниверс"

современника, было напечатано въ Москвѣ, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ въ 1564—1568 гг. (см. Памятники древней русской письменности 1883 г.).

Вовсе промолчать объ этихъ библіографическихъ трудахъ г. Каратаевъ не счелъ приличнымъ, но за то онъ постарался въ своихъ примѣчаніяхъ, по возможности, такъ, сказать, „затушевать“ тѣ выводы, которые необходимо истекаютъ изъ сущности обоихъ изслѣдованій. Не опровергая нигдѣ прямо нашихъ мнѣній, подкрѣпленныхъ фактическими указаніями и историческими соображеніями, онъ относится къ нимъ свысока, то игнорируя ихъ, то выражаясь одними намеками и вопросами: будто бы, неужели, вѣрно ли? и т. п. [1]).

Описывая, напримѣръ, Четвероевангеліе № 64, которое А. Е. Викторовъ въ своемъ рефератѣ 1874 года отнесъ доказательно къ числу изданій, напечатанныхъ въ Москвѣ ранѣе 1564 года, г. Каратаевъ вмѣсто того, чтобы согласиться или отвергнуть это мнѣніе, нашелъ возможнымъ „замолчать“ его. Но въ текстѣ описанія между прочимъ ставитъ вопросъ: „Гдѣ было напечатано это четвероевангеліе? И отъ чего осталось безъ выходнаго листа, то-есть безъ лѣтописи? вопросъ довольно важный въ библіографіи. На первый—можно утвердительно сказать, что оно напечатано не въ Россіи, а второй—требуетъ дальнѣйшихъ разъясненій“. И только! Межъ тѣмъ оба эти вопроса уже разрѣшены весьма доказательно въ рефератѣ А. Е. Викторова, о чемъ г. Каратаевъ нашелъ умѣстнымъ промолчать.

Далѣе: упоминая о Псалтири учебной въ листъ, безъ выхода, изд. XVI вѣка, № 82, и описавъ весьма бѣгло и кратко неполный экземпляръ, видѣнный имъ когда-то и у кого-то на рынкѣ, и вообще трактуя это изданіе какъ-бы не стоящимъ особаго вниманія, г. Каратаевъ присоединяетъ именно къ этому описанію (а не къ описанію Евангелія № 65, какъ слѣдовало бы) нижеслѣдующее примѣчаніе, касающееся моего вышеупомянутаго изслѣдованія:

„Архимандритъ Леонидъ въ своемъ библіографическомъ изслѣдованіи: Евангеліе, напечатанное въ Москвѣ 1564—1568 г. (Памятники древней письменности 1883 г.), на стр. 32 и друг. говоритъ кратко о какой-то Псалтири учебной въ листъ, тоже безъ лѣтописи. Онъ вышеозначенныя подъ № 64—66 Четвероевангелія безъ выходныхъ листовъ и Псалтирь, о которой я сейчасъ

[1]) См. у *Каратаева* описаніе изданій, которыя имѣютъ отношеніе къ реферату *А. Е. Викторова* и къ моему изслѣдованію, № 64, 65, 66, 67, 82 и 94.

Библиотека "Руниверс"

говорилъ (№ 82), а также и названную имъ Псалтирь учебную въ своемъ изслѣдованіи, относитъ къ московскимъ изданіямъ, вышедшимъ въ свѣтъ будто бы прежде Апостола 1564 года".

Въ этомъ примѣчаніи, вопервыхъ, сказано не вѣрно, будто бы я всѣ три Четвероевангелія (№ 64, 65 и 66) безъ выходныхъ листовъ причисляю къ московскимъ изданіямъ, вышедшимъ въ свѣтъ ранѣе 1564 года. Въ своемъ изслѣдованіи, разбирая подробно всю группу безъ выходныхъ изданій, значущихся у г. Каратаева въ его „Описаніи" 1883 г. подъ № 64, 65, 66 и 67, я пришелъ къ одинаковому съ г. Викторовымъ заключенію, что: а) № 64, 66 и 67, то-есть, два Четвероевангелія (№ 64 и 66) и Постная Тріодь (№ 67), принадлежатъ къ московскимъ изданіямъ, вышедшимъ въ свѣтъ до 1564 года, въ видѣ опыта, частно, а не оффиціально, и потому безъ выхода. Относительно же Четвероевангелія № 65, составляющаго главный предметъ моего изслѣдованія, я доказываю, что оно напечатано не до 1564 года, а между 1564 — 1568 г. нашими печатниками Иваномъ Федоровымъ и Петромъ Мстиславцевымъ, и напечатано именно въ Москвѣ, до бѣгства ихъ въ Литву. Объ этомъ Евангеліи покойный А. Е. Викторовъ въ своемъ рефератѣ 1874 г. отозвался такъ: „Очень можетъ быть, что это Евангеліе, то самое, за которымъ въ нашей библіографіи было столько поисковъ". А потому я имѣлъ полное право въ своемъ изслѣдованіи сказать, что мое мнѣніе на счетъ этого Евангелія, какъ мнѣ извѣстно, раздѣляютъ и другіе извѣстные библіографы. Но и гораздо прежде Викторова, знаменитые археологи наши митрополитъ Евгеній, И. П. Сахаровъ и П. М. Строевъ высказывали догадки о существованіи Евангелія, напечатаннаго Иваномъ Ѳедоровымъ и П. Т. Мстиславцевымъ около 1568 года. П. М. Строевъ въ своемъ „Описаніи старопечатныхъ славянскихъ книгъ (Москва 1841, стр. 282), приведя послѣсловіе Часослова, изданнаго Иваномъ Ѳедоровымъ и Петромъ Мстиславцевымъ 1565 года, говоритъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что ими же напечатано и Евангеліе, о которомъ давно есть намёки". Въ своемъ изслѣдованіи 1883 г., я, имѣя передъ глазами напрестольное Евангеліе Троице-Сергіевой лавры въ окладѣ, на которомъ вычеканена вязью надпись 1602 года (см. рисунокъ оклада и надпись въ моемъ изслѣдованіи 1883 г.), доказываю, что Евангеліе это по типографскимъ признакамъ то самое, которое значится въ „Описаніи" Каратаева 1878 года подъ № 57 (а въ Описаніи 1883 г. подъ

Библиотека "Руниверс"

№ 65 [1]), и что, судя по филологическимъ признакамъ, оно напечатано не въ южныхъ и не въ угро-влахійскихъ типографіяхъ, а съ рукописи славяно-русской редакціи въ Москвѣ нашими русскими типографами Иваномъ Ѳедоровымъ и Петромъ Мстиславцевымъ, между 1564 и 1568 гг., до бѣгства ихъ въ Литву. Это доказываетъ, между прочимъ, бумага, по водянымъ знакамъ та же самая, что̀ въ Апостолѣ 1564 г. (см. рисунки въ моемъ изслѣдованіи), заставка—та же самая, что̀ въ Апостолѣ 1564 г., при началѣ Страстныхъ Евангелій фигура съ изображеніемъ въ ней осьмиконечнаго креста та же, какая находится и въ Евангеліи подъ № 66). По записямъ на уцѣлѣвшихъ экземплярахъ видно, что это Евангеліе, равно какъ и другія изданія этой группы, безъ выхода, были распространены и допущены въ церковное употребленіе въ Москвѣ, какъ свои, чего нельзя сказать о современныхъ изданіяхъ „южныхъ типографій", считавшихся за „иноземныя". И наконецъ, доказываю, что это Евангеліе то самое, о которомъ, какъ о московскомъ „друкованномъ въ недавныхъ часѣхъ", упоминаетъ типографъ Вас. Тяпинскій въ своемъ Четвероевангеліи, напечатанномъ въ кочевой типографіи во второй половинѣ XVI вѣка (у Карат. № 94).

Такъ какъ ссылка на свидѣтельство Тяпинскаго имѣетъ для насъ весьма важное значеніе, потому что оно рѣшаетъ вопросъ о мѣстѣ печатанія, изслѣдуемаго нами Евангелія (№ 65), то мы намѣрены сказать здѣсь о Тяпинскомъ нѣсколько подробнѣе, чѣмъ было сказано о немъ въ нашемъ изслѣдованіи. Тяпинскій, какъ достаточно видно изъ предисловія къ его Четвероевангелію, былъ тотъ типографъ, который, устроившись съ своею кочевою типографіей въ 1562 г. въ г. Несвижѣ (нынѣ мѣстечко Слуцкаго уѣзда Могилевской губерніи), подъ покровительствомъ князя Радзивилла, напечаталъ въ ней двѣ книги, сочиненія еретика Симона Буднаго: Катихизисъ (у Каратаева № 58) и Оправданіе грѣшнаго человѣка (у Каратаева № 59). Въ Несвижѣ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, Тяпинскій съ своею типографіей, не могъ оставаться долѣе 1565 г., въ которомъ покровительствовавшій ему протестантъ старый князь Радзивиллъ умеръ, а молодой князь Радзивиллъ, по прозванію Сиротка, усиліями іезуитовъ былъ возвращенъ въ лоно католической церкви. И такъ, повторяемъ мы,

[1]) Отличіе этого экземпляра отъ всѣхъ другихъ до нынѣ извѣстныхъ состоитъ въ томъ, что въ немъ находятся изображенія четырехъ евангелистовъ, сходныя съ тѣми, которыя находятся въ Евангеліяхъ Московской печати первой четверти XVII столѣтія.

Библиотека "Руниверс"

типографія Тяпинскаго не позже 1565 г. обратилась въ кочевую и убогую, изъ которой послѣ сего вышло одно изданіе, и то не полное, вышеупомянутое Четвероевангеліе, выходъ котораго у Каратаева (см. № 94) отнесенъ къ 1580 г. На какомъ основаніи? Оправдать вѣрность этого показанія, ни онъ, ни „отчетъ", на который онъ ссылается, едва ли могутъ. Тутъ очевидна, конечно, неумышленная ошибка, по крайней мѣрѣ на десять лѣтъ. Чѣмъ и какъ могла бы просуществовать кочевая и убогая типографія, ничего не печатая съ 1565 по 1580 г.? Слѣдовало сказать, что Четвероевангеліе это напечатано не около 1580, а около 1560 или въ 1570-хъ годахъ. Въ этомъ Евангеліи Тяпинскаго, на поляхъ текста сдѣланы во многихъ мѣстахъ ссылки на „Евангеліе Московское, въ недавнихъ часѣхъ друкованное". По моему порученію, человѣкъ, свѣдущій въ древней письменности, доставилъ мнѣ изъ Петербурга (одинъ экземпляръ этого Евангелія находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ, а другой — въ библіотекѣ Сійскаго монастыря) копію съ нѣсколькихъ ссылокъ Тяпинскаго на „Московское" Евангеліе. Свѣривъ ихъ съ текстомъ, находящагося у меня подъ руками Евангелія (у Каратаева № 65), я убѣдился, что выписки Тяпинскаго совершенно согласны съ текстомъ нашего Евангелія. И такъ, вотъ на какое Евангеліе „Московскаго друка", ссылался Тяпинскій въ 1570 г. (или нѣсколько позднѣе), называя оное „друкованнымъ въ недавнихъ часѣхъ". Однимъ словомъ, Евангеліе № 65, будучи обслѣдовано мною всесторонне, оказалось тѣмъ самымъ Евангеліемъ Московской печати 1564—1568 г., о существованіи котораго по словамъ П. М. Строева уже давно дѣлались намёки, и о которомъ А. Е. Викторовъ въ своемъ рефератѣ 1874 г. выразился: „Очень можетъ быть, что это то самое Евангеліе, напечатанное Иваномъ Федоровымъ, за которымъ въ нашей библіографіи было столько поисковъ" [1]). Изслѣдованіе наше до сихъ поръ не встрѣтило ничьего серьезнаго опроверженія, а нѣкоторыми любителями археологіи и библіографіи было встрѣчено съ сочувствіемъ и одобреніемъ. Что же значитъ послѣ этого выраженное вопросительно г. Каратаевымъ недоумѣніе (см. при описаніи Евангелія Тяпинскаго № 94): На какое Московское Евангеліе, недавно друкованное, ссылается Тяпинскій? спрашиваетъ Каратаевъ, и спѣшитъ отвѣтить на это новымъ вопросомъ: неужели на одно изъ тѣхъ, без-

[1]) Замѣчательно, что при этихъ *поискахъ* Троицкій экземпляръ Евангелія, подробно нами изслѣдованный, ускользнулъ отъ вниманія искателей: вѣроятно потому, что онъ, какъ окладной, хранится не въ библіотекѣ, а въ ризницѣ.

Библиотека "Руниверс"

выходныхъ Евангелій, которые описаны выше подъ №№ 64—66? А на какое же другое изъ изданій могло бы упасть указаніе Тяпинскаго? спросимъ мы его въ свою очередь.

Безпристрастный библіографъ, разумѣется, хорошо знакомый съ литературой излюбленнаго ему предмета, говоря объ указаніи Тяпинскаго и зная, что недавно (въ началѣ 1883 г.) вышло въ свѣтъ библіографическое изслѣдованіе, которое не только указываетъ, но и доказываетъ, на какое именно „Московское Евангеліе" ссылается Тяпинскій,—хотя бы и не соглашался съ мнѣніемъ изслѣдователя, во всякомъ случаѣ счелъ бы долгомъ при этомъ упомянуть, что существуетъ-де въ библіографіи изслѣдованіе, которое показываетъ, что упоминаемое Тяпинскимъ Московское Евангеліе есть то самое, которое въ изданномъ нынѣ описаніи значится подъ № 65, и что мнѣніе это раздѣляетъ и извѣстный библіографъ А. Е. Викторовъ (см. его рефератъ 1874 г.). Но г. Каратаевъ, которому наше мнѣніе почему-то не нравится, нашелъ возможнымъ отдѣлаться отъ прямаго отвѣта на поставленный имъ самому себѣ вопросъ другимъ вопросомъ, выражающимъ не совсѣмъ безпристрастное отношеніе къ чужому мнѣнію, котораго принять не хочется, а опровергнуть, видно, не такъ легко, какъ кажется.

Покончивъ съ Евангеліемъ (у Кар. № 65) возвратимся опять къ вышеприведенному примѣчанію г. Каратаева относительно листовой учебной Псалтыри (у Кар. № 81). Описывая эту Псалтырь, г. Каратаевъ говоритъ, что я въ своемъ изслѣдованіи (1883 г.) „упомянулъ кратко о какой-то (?) Псалтыри учебной въ десть (въ листъ) безъ лѣтъ, и, отнесъ ее вмѣстѣ съ Четвероевангеліями (№№ 64 и 66) къ московскимъ изданіямъ, напечатаннымъ будто бы до Апостола 1564 года". На это отвѣчаю: я точно упомянулъ въ своемъ изслѣдованіи, и притомъ вовсе не кратко (на цѣлой печатной страницѣ), а ясно и опредѣленно, не о какой-то учебной Псалтыри въ десть, безъ лѣтъ, а о той самой, о которой г. Каратаевъ упомянулъ, и дѣйствительно въ очень краткихъ выраженіяхъ, въ своемъ „Описаніи" 1878 года, при описаніи Евангелія № 58 (въ Описаніи 1883 г. № 66), сказавъ: „Есть изданіе Псалтири учебной въ листъ, напечатанное такими же буквами (шрифтомъ), какъ и это Евангеліе. Въ текстѣ мѣстами помѣщены красныя точки, безъ помѣты". Съ своей стороны зная, что Евангеліе, стоящее въ „Описаніяхъ" Каратаева подъ № 58 (въ Описаніи 1878 г.) и № 66 (въ Описаніи 1883 г.) по своимъ типографскимъ и филологическимъ

Библиотека "Руниверс"

признакамъ болѣе всѣхъ прочихъ безвыходныхъ изданій XVI вѣка, навело покойнаго А. Е. Викторова на вполнѣ раздѣляемое мною предположеніе о томъ, что въ Москвѣ были опыты книгопечатанія ранѣе 1564 года, я уже давно обратилъ свое вниманіе на „листовую учебную Псалтирь", какъ напечатанную, по замѣчанію г. Каратаева, однимъ шрифтомъ съ Евангеліемъ № 66, и весьма порадовался, найдя совершенно случайно въ одномъ церковно-археологическомъ актѣ XVII вѣка вѣское подтвержденіе о дѣйствительномъ существованіи этой „дестевой Псалтири древней печати, безъ лѣтъ". Это извѣстіе прибавляло еще одно изданіе, которое можетъ быть съ достаточною вѣроятностью (послѣ реферата Викторова 1874 г.) причислено къ группѣ московскихъ изданій, появившихся въ свѣтъ до 1564 года. Указывая на эту находку въ своемъ изслѣдованіи 1883 года, я сказалъ объ этой Псалтири все, что считалъ необходимымъ, и упомянулъ о ней вовсе не кратко, какъ увѣряетъ г. Каратаевъ, ибо сообщеніе о ней занимаетъ у меня цѣлую страницу (см. стр. 33 моего изслѣдованія въ Памятникахъ др. русс. письменности 1883 г.); здѣсь сказано опредѣленно, гдѣ я нашелъ извѣстіе объ этомъ рѣдкомъ изданіи, и указано, гдѣ можно отыскивать тотъ экземпляръ онаго, о которомъ идетъ рѣчь. Зачѣмъ же понадобилось г. Каратаеву увѣрять своихъ читателей, будто у меня сказано „кратко, о какой-то (то-есть, по его мнѣнію, не стоящей особаго вниманія Псалтири) въ десть", и проч.? Все это показываетъ, что г. Каратаевъ вовсе не читалъ, а только перелистывалъ сочиненіе, не симпатичное ему по своей основной мысли.

Въ своемъ „Описаніи" 1883 г. Каратаевъ, описавъ эту „листовую учебную Псалтирь" уже нѣсколько подробнѣе, чѣмъ въ Описаніи 1878 г. (№ 58), отдѣлилъ ее отъ Евангелія № 58 (№ 66, по Описанію 1883 г.), и давъ ей свой отдѣльный номеръ (№ 82), помѣстилъ ее не вслѣдъ за тѣмъ Евангеліемъ, при которомъ она была упомянута въ „Описаніи" 1878, и гдѣ она должна бы стоять по своимъ типографическимъ признакамъ (какъ напечатанная, по вышеприведенному замѣчанію г. Каратаева, однимъ шрифтомъ съ Евангеліемъ № 66), а понизилъ эту „учебную Псалтирь" безъ всякаго объясненія, поставивъ ее вдругъ на цѣлыхъ 16 номеровъ ниже Евангелія № 66 и тѣмъ самымъ провелъ, для не знающихъ въ чемъ тутъ дѣло, такую мысль, будто эту Псалтирь надобно считать напечатанною не въ 1560 г., а въ 1570-хъ годахъ. Въ описаніи Псалтири впрочемъ осталось указаніе, что „Псалтирь эта напечатана

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ же шрифтомъ, какъ и Евангеліе № 66". Поэтому, невольно самъ собою, напрашивается вопросъ автору: отчего же вы не поставили это изданіе вслѣдъ за Евангеліемъ № 66, съ которымъ оно, по вашему замѣчанію, сходно по типографическимъ признакамъ? Не знаю что̀ отвѣтилъ бы на это г. Каратаевъ, но доказать, что такъ и слѣдовало поступить въ данномъ случаѣ, едва ли возможно. Да и за что такая явная немилость къ этому изданію? Неужели потому, что мы въ своемъ изслѣдованіи, обращая на эту Псалтирь вниманіе библіографовъ, указали на нее, какъ на изданіе, долженствующее по соображеніямъ, истекающимъ изъ сродства его съ Евангеліемъ № 66, занять первое мѣсто въ группѣ тѣхъ изданій, которыя по мнѣнію А. Е. Викторова, имъ доказанному, были напечатаны въ Москвѣ до 1564 г., а слѣдовательно—заключили мы—эта „Псалтирь учебная въ листъ" есть первопечатная московская книга XVI столѣтія. Заключеніе это нельзя отвергнуть однимъ „замолчаніемъ" и вопросами въ родѣ: неужели? вѣрно ли? а надобно опровергнуть его ясно, доказать, что этого быть не могло потому-то и потому-то, на что мы и вызываемъ г. Каратаева, какъ опытнаго библіографа.

Одной же произвольной перестановки этого изданія, безъ всякаго поясненія, едва ли достаточно будетъ для того, чтобы „затушевать" указанное нами значеніе этой учебной Псалтири въ русской библіографіи и ея отношеніе къ Евангелію № 66, по типографскимъ признакамъ самимъ же г. Каратаевымъ засвидѣтельствованное. Мы увѣрены, что когда найдется полный экземпляръ этой „учебной Псалтири въ листъ", и черезъ это сдѣлается возможнымъ окончательное изслѣдованіе ея, то вышесказанное мнѣніе наше о ней вполнѣ подтвердится, и къ числу трехъ указанныхъ А. Е. Викторовымъ московскихъ изданій до 1564 г. (№№ 64, 66 и 67), присоединится и это четвертое (№ 82) по порядку открытія и первое по времени выхода, ибо—присовокупимъ мы—весьма естественно было, по тому времени, книгопечатанію въ Москвѣ въ 1550-хъ годахъ начаться съ „учебной Псалтири", какъ такой книги, которую особенно чтили наши благочестивые предки, крѣпко держась той святой истины, что она научитъ ихъ дѣтей, прежде всего страху Господню который есть начало премудрости [1]).

---

[1]) Замѣчательно, что *первое* изданіе, вышедшее изъ Московской типографіи по возстановленіи оной отъ литовскаго разоренія, была тоже учебная Псалтирь (у *Каратаева* № 216).

Библиотека "Руниверс"

Въ виду важнаго значенія для библіографіи „листовой учебной Псалтири“ (у Кар. № 82), повторимъ наше извѣстіе объ одномъ изъ экземпляровъ этого рѣдкаго изданія. Извѣстіе это заключается въ актѣ, который, говоря современнымъ языкомъ, есть актъ церковно-оффиціальный. Это „описная книга церквей Княгининскаго уѣзда (Нижегородской епархіи) 1672 года. Описная книга эта напечатана въ Запискахъ отдѣленія русской археологіи Императорскаго археологическаго Общества, (т. I, стр. 140). Статья эта сообщена въ Записки Общества извѣстнымъ археологомъ, тогда іеромонахомъ, а нынѣ епископомъ Нижегородскимъ Макаріемъ. Въ упоминаемой описной книгѣ, при описаніи церковныхъ печатныхъ книгъ, вездѣ означены годы ихъ выхода, съ различеніемъ притомъ изданій московскихъ отъ кіевскихъ (другихъ нѣтъ). По самой тщательной провѣркѣ показаній этой описи на счетъ годовъ выхода, съ показаніями современныхъ библіографическихъ росписей (А. Е. Викторова и И. П. Каратаева) оказалось, что годы выхода книгъ въ „описной книгѣ“ выставлены вѣрно. И вотъ въ этой-то описной книгѣ 1672 года, при описаніи церковнаго имущества церкви Срѣтенія Иконы Пресвятыя Богородицы Владимірскія, что была деревня Воронино на рѣчкѣ Удомнѣ, въ числѣ церковныхъ книгъ показана: Псалтырь учительная (учебная) въ десть (въ листъ), древней печати, годовъ (выхода) нѣтъ. Другой „листовой“ учебной Псалтири XVI вѣка въ славяно-русской библіографіи нѣтъ, кромѣ той, которая у г. Каратаева упомянута въ „Описаніи“ 1878 г. при Евангеліи № 58, а въ „Описаніи“ 1883 г. отдѣлена отъ него и поставлена подъ № 82 (въ числѣ изданій 1570-хъ годовъ). Слѣдовательно, извѣстіе сообщенное въ моемъ изслѣдованіи 1883 г. (стр. 33), касается не какой-то учебной Псалтири, какъ неосторожно выражается г. Каратаевъ (въ примѣчаніи къ описанію № 82), а къ изданію, ясно указанному и по вышеупомянутымъ типографическимъ признакамъ имѣющему для библіографіи существенную важность (по его сходству съ Евангеліемъ № 66). Повторяю, что изданіе это, какъ первое въ группѣ безвыходныхъ изданій, напечатанныхъ по мнѣнію А. Е. Викторова (въ рефератѣ 1874 года) въ Москвѣ до 1564 г.[1]), есть, слѣдовательно, первопечатная московская книга XVI вѣка.

---

[1]) Къ числу этихъ изданій, кромѣ «*учебной Псалтири въ листъ*» (у *Кар.* № 82) и двухъ *Четвероевангелій* (у *Кар.* № 64 и 66), по указанію А. Е. Викторова (въ его рефератѣ 1874 г.), принадлежитъ и *Постная Тріодь* (у *Карат.*

Библиотека "Руниверс"

Мы не знаемъ, найдется ли нынѣ учебная листовая Псалтирь, указываемая въ „описной книгѣ“ 1672 г. на своемъ мѣстѣ въ селѣ Воронинѣ, но и изъ добытаго нами точнаго извѣстія о несомнѣнномъ существованіи этого изданія имѣемъ право заключить, что полный экземпляръ этого изданія можетъ найдтиться гдѣ-нибудь въ иномъ мѣстѣ. Просвѣщенное начальство Императорской Публичной Библіотеки, продолжая ежегодно увеличивать свое богатое собраніе славянскихъ книгъ церковной печати,—надѣемся—не откажетъ споспѣше-

---

№ 67), экземпляръ которой, съ надписью 1562 г., находится въ Воскресенскомъ монастырѣ. Въ подтвержденіе вѣрности его предположенія, могу привести слѣдующее извѣстіе, найденное мною въ одномъ изъ актовъ XVII столѣтія. Это «описная книга» Антоніева Сійскаго монастыря; въ ней подъ 7091 (1583) годомъ значится, что въ числѣ церковныхъ книгъ, оставшихся въ этомъ монастырѣ, по кончинѣ жившаго въ немъ въ ссылкѣ (съ лишеніемъ сана) Филовея, бывшаго епископа Рязанскаго, осталась между прочимъ *Постная Тріодь Московской печати*. Какая же это Постная Тріодь, какъ не та, что означена выше (у *Каратаева* № 67)? Извѣстно, что первая Постная Тріодь Московской печати съ выходомъ относится лишь къ 1589 г.; слѣдовательно, не объ этой Тріоди идетъ здѣсь рѣчь. Филовей былъ посвященъ во епископа въ Рязань въ 1562 году изъ архимандритовъ Московскаго Симонова монастыря, въ коемъ онъ пробылъ не болѣе года. Слѣдовательно, онъ, находясь въ Москвѣ въ 1561—1562 гг., могъ пріобрѣсть *Постную Тріодь*, новонапечатанную около 1562 г., и вѣроятно, сдѣлалъ о семъ пріобрѣтеніи замѣтку на ней же, по которой въ 1583 г. и означено, что Тріодь эта *Московской печати*; можетъ быть, экземпляръ этотъ и донынѣ сохранился въ Антоніевомъ Сійскомъ монастырѣ. (Экземпляръ этой Тріоди есть и въ библіотекѣ Московской духовной академіи).

Въ своемъ Описаніи 1883 г. г. Каратаевъ относительно Евангелія № 64, уже не рѣшился (послѣ моего изслѣдованія) повторить сказаннаго имъ въ Описаніи 1879 г., будто Евангеліе это напечатано гдѣ-то «въ южныхъ типографіяхъ»; но вмѣсто этой фразы придумалъ иную, ей равносильную, что оно напечатано «не въ Россіи» (такъ гдѣ же, по вашему?); а межъ тѣмъ одинъ изъ типографскихъ признаковъ этого Евангелія, имъ же указанный—разумѣю фигуру съ изображеніемъ осьмиконечнаго креста, предъ началомъ Страстныхъ Евангелій,—показываетъ, что Евангеліе это напечатано нигдѣ индѣ, какъ въ Москвѣ, ибо въ другихъ изданіяхъ того времени, кромѣ московскихъ, фигуры этой, какъ извѣстно, не находится.

Относительно же Евангелія № 66 (по реферату А. Е. Викторова также напечатанному въ Москвѣ до 1564 г.) г. Каратаевъ въ его «описаніи» 1883 г. не повторяетъ сказаннаго имъ въ «Описаніи» 1878 г., будто это Евангеліе напечатано «въ одной изъ южныхъ типографій», и вопросъ о мѣстѣ его печатанія обходитъ глубокимъ молчаніемъ. Не слѣдуетъ ли признать это за безмолвное согласіе съ нашимъ утвержденіемъ, что оно *безспорно* напечатано въ Москвѣ до 1564 г.?

Библиотека "Руниверс"

ствовать отысканію и пріобрѣтенію для себя (въ общее извѣстіе и пользу) хотя одного экземпляра этого рѣдкаго изданія. Пріобрѣтеніе это подтвердитъ одинъ изъ важныхъ вопросовъ русской библіографіи, „затушовываемый", какъ мы показали, несочувствіемъ къ самому ли вопросу или къ лицу, его поднявшему. Охотнѣе допускаемъ первое, чѣмъ послѣднее, вспоминая откровенное восклицаніе М. П. Погодина въ отвѣтъ противникамъ его системы норманнскаго происхожденія Руси: дайте мнѣ умереть спокойно съ моимъ мнѣніемъ, а тамъ пишите, что̀ хотите. То же или почти то же говаривалъ и О. М. Бодянскій, если кто-либо доказывалъ древность глаголицы въ ущербъ древности излюбленной имъ кириллицы.

При тщательномъ сличеніи церковныхъ книгъ, означенныхъ въ упомянутой выше „описной книгѣ" 1672 г., съ Описаніемъ г. Каратаева 1883 г. мы не нашли въ его описаніи нѣсколькихъ „московскихъ" изданій, указываемыхъ въ описной книгѣ. Такъ какъ изданій этихъ уже никакъ нельзя назвать „никогда не существовавшими", ибо онѣ указываются въ церковно-оффиціальномъ актѣ, то мы въ правѣ считать ихъ „пропущенными" въ описаніи г. Каратаева. Изданія эти слѣдующія:

1) Тріодь Цвѣтная въ десть 105 (1597) года. Московской печати.
2) Тріодь Постная въ десть 111 (1603) года. М. п.
3) Житіе св. Николая Чудотворца 144 (1636) года. М. п.
4) Шестодневъ 151 (1643) года. М. п.
5) Святцы съ тропарями и кондаками 152 (1644) года. М. п.
6) Часословъ малый 156 (1648) года. М. п.

Добавимъ къ этому изъ той же описной книги 1672 г. тѣ изданія, которыхъ нѣтъ въ„ Хронологической росписи" г. Каратаева 1861 года,—какъ вышедшія въ свѣтъ, послѣ 1562 года.

7) Часословъ 161 (1653) года. М. п.
8) Служебникъ 173 (1665) года. М. п.
9) Часословъ 178 (1670) года. М. п.
10) Шестодневъ 180 (1672) года.

Сравнивая наши „библіографическія замѣтки", накопившіяся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изъ разныхъ источниковъ, съ новоизданнымъ Описаніемъ г. Каратаева 1883 г., мы не нашли у него извѣстія о нѣкоторыхъ старо-печатныхъ изданіяхъ, вышедшихъ до 1653 г., существованіе коихъ однакоже не подлежитъ никакому сомнѣнію. Изданія эти слѣдующія:

1) Требникъ, напечатанный въ Венеціи въ 1520 г., о коемъ

Библиотека "Руниверс"

упоминается въ сочиненіи Захаріи Копыстенскаго: „Правда о едности правовѣрныхъ христіанъ".

2) Минея Праздничная, напечатанная въ Венеціи 1551 г. (музей Кіевской духовной академіи).

3) Апостолъ, напечатанный въ Евью въ 1611 году въ 4-ю д. л. (библіотека Московской духовной академіи № 11).

4) Наука о тайнѣ исповѣди, напечатанная въ Вильнѣ 1628 (б. М. д. а. № 957).

5) Евангеліе Московской печати въ листъ 1631—1632 г. (въ Троице-Сергіевой лаврѣ).

6) Апостолъ Московской печати 1639 г., напечатанъ В. Ѳ. Бурцовымъ (б. М. д. ак. № 14).

7) Тріодь Цвѣтная или Пентикостарь, напечатанъ по повелѣнію Елены, супружницы Господаря Іо Матеѣя Басарабы, въ Тѣрговищи, въ 1644 году, въ листъ, 2240 лл. (въ музеѣ К. д. ак.).

8) Псалтирь Московской печати 1646 г. въ 4-ю д. л. (б. М. д. ак. № 170).

9) Псалтирь напечатанная въ Москвѣ 1640 г. въ 4-ю д. л., 261 лл. (въ Т. С. л.). (у г. Каратаева упоминается въ примѣчаніи къ № 667, какъ „сомнительная").

Рекомендуемъ вниманію г. Каратаева для его втораго тома „Описанія" изданія, вышедшія въ свѣтъ послѣ 1652 г., о коихъ нѣтъ свѣдѣній въ его „Хронологической росписи" 1861 г.

1) Апостолъ Московской печати 1655 г. въ листъ, 367 лл. (въ Т. С. л.).

2) Псалтирь и Часословъ, раздѣленныя на двѣ книги, Московской печати 1658 г., въ листъ. Въ Псалтири 308 и 19 лл. Въ Часословѣ 4,24, 760 и 59 л. (въ Т. С. л.).

3) Прологъ, мѣсяцы сентябрь, октябрь и ноябрь, Московской печати (безъ выхода) въ листъ, 490 и 23 листа (напечатанъ судя по шрифту, въ 1661 г.) (въ Т. С. л.).

4) Прологъ, мѣсяцы декабрь, январь и февраль, Московской печати, 1661 г. въ листъ, 508 лл. (въ Т. С. л.).

5) Прологъ, мѣсяцы мартъ, апрѣль и май, Московской печати, безъ выхода, въ листъ, 523 лл. (по шрифту напечатана въ 1662 г.) (въ Т. С. л.).

6) Прологъ, мѣсяцы іюнь, іюль и августъ, Московской печати, 1662 года, въ листъ, 472 лл. (въ Т. С. л.).

Библиотека "Руниверс"

7) Четвероевангеліе Московской печати 1663 г. въ листъ (М. д. ак. № 516).

8) Четвероевангеліе Московской печати 1672 г. въ 4-ю д. л. (находится въ г. Судогдѣ, въ кладбищенской церкви).

9) Псалтирь со возслѣдованіемъ Московской печати 1680 г. въ листъ, 604 лл. (въ Т. С. л.).

10) Псалтирь на славянскомъ и молдавскомъ языкахъ, изд. митрополитомъ Досифеемъ въ Яссахъ 1680 г. въ 4-ю д. л. (въ музеѣ К. д. ак.).

11) Евангеліе учительное Кирилла Транквилліона, напечатанное въ Уневскомъ монастырѣ въ 1681 году (въ Калужскомъ Лаврентьевскомъ монастырѣ).

12) Апостолъ, напечатанный въ Москвѣ 1694 г. въ листъ, 354 лл. (въ Т. С. л.).

13) Молитвословъ, напечатанный въ Уневскомъ монастырѣ 1694 г. въ 16-ю д. л., 362 и 26 лл. (въ Т. С. л.). У г. Каратаева то же самое изданіе показано напечатаннымъ въ Москвѣ, съ означеніемъ, что оно будто бы находится въ Сергіевской лаврѣ. А другое изданіе, напечатанное въ Уневскомъ монастырѣ, показано въ частныхъ рукахъ. Очевидно, что изданіе было лишь одно—въ Уневскомъ монастырѣ.

14) Служебникъ, напечатанный въ Москвѣ 1705 г. въ 4-ю д. л., 10, 167 и 28 лл. (въ Т. С. л.).

15) Апостолъ, напечатанный во Львовѣ въ 1719 году (М. д. ак. № 555).

16) Минея Праздничная и Общая и Октоихъ, напечатанные въ Сучавѣ въ Молдавіи въ 1726 г., въ листъ, 410 лл. (музей К. д. ак.).

17) Псалтирь съ возслѣдованіемъ, Московской печати 1728 г., въ листъ (въ Т. С. л.).

Неполнота и новѣйшаго описанія г. Каратаева 1883 г., при очевидномъ желаніи, сказать свое „послѣднее слово“ въ древнѣйшемъ отдѣлѣ славяно-русской библіографіи, не доказываетъ ли ясно, что еще рано считать все здѣсь покончennымъ и порѣшеннымъ, и что для желающихъ трудиться на этой нивѣ найдется еще не мало работы?

Архимандритъ Леонидъ.

Библиотека "Руниверс"

ПРИЛОЖЕНІЕ

(Письмо *А. Е. Викторова* къ архимандриту Леониду).

Я конечно удивлю Васъ своимъ отвѣтомъ на счетъ старо-печатныхъ изданій, которыя составляютъ предметъ Вашего присланнаго мнѣ изслѣдованія. Въ 1874 году я читалъ рефератъ на 3-мъ археологическомъ (Кіевскомъ) съѣздѣ, каковой и былъ напечатанъ въ трудахъ съѣзда (Т. II, Кіевъ 1878 года, стр. 211—220). Въ рефератѣ я о многомъ говорилъ почти то же самое, что и Ваше Высокопреподобіе, то-есть, доказывалъ мысль о напечатаніи всѣхъ безвыходныхъ Евангелій въ Москвѣ, и это прежде Апостола, — доказывалъ и шрифтомъ ихъ, и рецензіею текста, и орнаментами и пр. и пр. Но я главнымъ образомъ трактовалъ о Евангеліяхъ, что у Ундольскаго подъ №№ 40 и 38, о Евангеліи же № 39 [1]) только упоминалъ кстати, хотя и относилъ его къ Московской же печати. Въ послѣдствіи я порѣшилъ свой рефератъ, составлявшій только извлеченіе изъ того, что было мною написано, обработать въ болѣе подробномъ видѣ, при чемъ взялъ подъ свою опеку и другія, обращающіяся въ нашемъ книжномъ мірѣ, безвыходныя изданія, — въ томъ числѣ Псалтирь, о которой вы пишите, и Евангеліе Тяпинскаго. Но по разнымъ причинамъ долженъ былъ отложить печатаніе своего изданія, для котораго я готовилъ свою статью. Такъ мое писаніе и лежитъ доселѣ въ письменномъ столѣ и не явилось міру, хотя я еще не отчаяваюсь возвратиться къ нему. Но не въ томъ дѣло..... Долженъ покаяться, что относительно современности Евангелію изображеній въ лаврскомъ экземплярѣ [2]) я причисляю себя къ числу *сомнящихся*, а потому, если Богъ дастъ, на страстной недѣлѣ пріѣду къ Троицѣ для говѣнья, то воспользуюсь Вашимъ приглашеніемъ взглянуть на Вашъ экземпляръ. Сомнѣніе же мое опирается на томъ, что я пересмотрѣлъ по крайней мѣрѣ до 10 экземпляровъ этого Евангелія, но изображеній нигдѣ не видѣлъ.

Подъ Псалтирью, что у Каратаева въ примѣчаніи къ № 58, Ваше Высокопреподобіе вѣроятно разумѣете ту, которая въ Очеркѣ Ундольскаго значится подъ № 135. Странно, что Каратаевъ, столь щедрый на цитаты, часто совершенно безполезныя, въ настоящемъ случаѣ не указываетъ на Очеркъ своего учителя. Должно быть потому, что у Ундольскаго форматъ Псалтири съ красными точками обозначенъ in 4°. Но я не сомнѣваюсь, что Каратаевъ въ своемъ примѣчаніи имѣетъ въ виду именно эту Псалтирь, а не другую какую-либо, а потому могу сказать положительно [3]), что въ музеѣ есть эта Псал-

---

[1]) О которомъ я писалъ мое изслѣдованіе. *А. Л.*

[2]) На современности изображеній я и не настаиваю, а только указываю на то, что нѣтъ примѣтъ, чтобъ эти изображенія были вклеены въ нашъ экземпляръ послѣ изданія. *А. Л.*

[3]) Я не согласенъ въ этомъ съ Викторовымъ. Что указаніе г. Каратаева вѣрно относительно *листоваго* (дестеваго) формата Псалтири, доказывается указа-

Библиотека "Руниверс"

тирь, и именно изъ библіотеки Ундольскаго, только въ не полномъ экземплярѣ. Помнится, есть эта Псалтирь и въ Императорской Публичной Библіотекѣ, но тоже не полная. Нашъ экземпляръ по музейскому каталогу значится подъ № 72-мъ. Прибавлю это не тотъ случай, если для Вашего изслѣдованія Вы найдете нужнымъ вытребовать ее отъ насъ къ себѣ.

26-го марта 1883 года.

Славянскій и восточный орнаментъ по рукописямъ древняго и новаго времени. Собралъ и изслѣдовалъ *Владиміръ Стасовъ*. Издано съ Высочайшаго соизволенія Императора Александра II. Выпускъ первый. С.-Пб. 1884.

Только что вышедшій въ свѣтъ первый выпускъ съ нетерпѣніемъ ожидаемаго любителями старины, капитальнаго изданія В. В. Стасова содержитъ въ себѣ орнаменты стиля восточно-славянскаго изъ рукописей, писанныхъ кириллицей, именно стили: болгарскій XI—XVIII вв., сербскій XII—XVIII вв., герцеговинскій XIV в., черногорскій XV в., боснійскій XIV—XV вв., боснійско-патаренскій XIV—XV вв., молдаво-влахійскій XV — XVIII вв. и румынскій XVII—XVIII вв.

Въ остальныхъ двухъ выпускахъ будетъ предложено слѣдующее: Вопервыхъ, окончаніе отдѣла восточно-славянскаго изъ рукописей, писанныхъ кириллицей, именно стиль русскій, въ его развѣтвленіи по областямъ: южно-русскій (Кіевъ, Галичъ и пр.), сѣверно-русскій (Новгородъ, Псковъ и пр.), восточно-русскій (Суздаль, Переяславль, Ростовъ, Рязань и пр.), западно-русскій (Гродно, Вильна и пр.) и средне-русскій (Москва и прилежащія къ ней мѣстности). Затѣмъ стили западно-славянскіе: орнаменты изъ рукописей, писанныхъ глаголицею, — восточныхъ XI—XIII вв. и Западныхъ XIII—XVII вв., и орнаменты изъ рукописей, писанныхъ латинскими буквами: стили хорватскій и дубровницкій, XIV—XV вв., чешскій XI—XVI вв. и польскій XIV—XVI вв. Наконецъ, стили восточные: греко-византійскій VI—XVII вв., армянскій X—XVII вв., грузинскій XI—XVIII вв., сирійскій VI—XV вв., коптскій V—XIX вв., эѳіопскій XIII—XVIII вв., арабскій VIII—XVII вв. и средне-азіатскій.

вѣмъ существованія *десятевой* Псалтири въ описи 1672 года церкви Княгининскаго уѣзда Нижегородской губ., слѣдовательно, Псалтирь Ундольскаго in 4° есть уже *второе* изданіе этой (учебной) Псалтири, и нѣтъ сомнѣнія, что первое изданіе, *листовое*, существовало и можетъ быть найдено. *А. Л.*

Библиотека "Руниверс"

Объяснительный текстъ, имѣющій предметомъ рѣшеніе вопроса о происхожденіи и характерѣ русскаго орнамента и архитектуры въ связи съ стилями прочихъ славянскихъ племенъ, будетъ помѣщенъ въ послѣднемъ выпускѣ изданія.

Уже достаточно одного этого голословнаго перечня фактовъ въ ихъ систематической группировкѣ, чтобы составить себѣ понятіе о той громадной массѣ свѣдѣній, какія г. Стасовъ въ теченіе болѣе четверти столѣтія неутомимо собиралъ по публичнымъ и частнымъ библіотекамъ, какъ въ Россіи и въ другихъ Славянскихъ земляхъ, такъ и въ западной Европѣ, постоянно входя въ сношеніе съ лучшими спеціалистами по этому предмету, о чемъ любопытныя для библіографовъ свѣдѣнія самъ авторъ приводитъ въ предисловіи, помѣщенномъ въ вышедшемъ первомъ выпускѣ. Я съ своей стороны полагаю не лишнимъ къ сказанному тамъ присовокупить, что уже очень давно г. Стасовъ, какъ спеціалистъ по орнаментикѣ, пользуется извѣстностью въ европейской ученой публикѣ, между прочимъ, напримѣръ, по его сношеніямъ съ знаменитымъ Вествудомъ, который еще въ 1868 году помѣстилъ его замѣчанія объ одной англо-саксонской рукописи ирландскаго происхожденія, изъ Императорской Публичной библіотеки, въ своемъ великолѣпномъ изданіи: „Fac-similes of the miniatures and ornaments of Anglo-saxon and Irich manuscripts", на стр. 52—53.

Даже по одному тому, что̀ вышло теперь въ первомъ выпускѣ, можно ясно предвидѣть, какъ успѣшно и мастерски, съ проницательнымъ тактомъ опытнаго знатока, сумѣетъ г. Стасовъ привести въ исполненіе предложенную выше, многосложную программу всего изданія. Выпускъ этотъ не только вполнѣ оправдалъ, онъ далеко превзошелъ всякія ожиданія, столько же по необычайной новизнѣ богатыхъ матеріаловъ, какъ и по умѣнію ими пользоваться въ характеристическомъ ихъ подборѣ. Всякому, кто покушался до сихъ поръ на ученый анализъ русскаго рукописнаго орнамента, живо чувствовалась настоятельная потребность въ болѣе близкомъ и подробномъ знакомствѣ съ рукописными же орнаментами Болгаріи, Сербіи и другихъ славянскихъ земель, для того чтобы свое русское понять и уяснить себѣ, какъ слѣдуетъ, на широкой основѣ общеславянской письменности, опредѣливъ въ большей точности, что̀ въ каждомъ изъ сплеменныхъ орнаментовъ принадлежитъ къ общему имъ всѣмъ кровному и наслѣдственному родству, и какими характеристическими особенностями каждый изъ нихъ предъявляетъ свои права на само-

Библиотека "Руниверс"

стоятельность, такъ-сказать, личнаго, индивидуальнаго стиля, въ той же мѣрѣ, какъ изъ общей группы орнаментовъ такъ-называемаго романскаго стиля выступаютъ въ своей рѣзко отчеканенной физіономіи стиль ирландскій, англо-саксонскій, вест-готскій, лонгобардскій, карловингскій. Изслѣдователю русскаго рукописнаго орнамента не доставало самой почвы, чтобы твердо и надежно установить аппараты для своихъ наблюденій; ему не доставало перспективы, чтобы опредѣлить себѣ точку зрѣнія, съ которой предметы объявились бы въ ихъ настоящемъ освѣщеніи. И это чувство безпомощности особенно тяжелѣе становилось всякій разъ, когда русская рукопись съ орнаментами сама наводила изслѣдователя на слѣды ея болгарскаго или сербскаго происхожденія, какъ копія съ южно-славянскаго оригинала, какъ передѣлка или подражаніе, и тогда такая рукопись, въ сличеніи съ другими, болѣе чистаго русскаго происхожденія, только раздражала пытливость изслѣдователя, который, не имѣя въ своемъ распоряженіи безпримѣсныхъ южно-славянскихъ данныхъ, оставался безъ точки опоры въ своихъ выводахъ о томъ, что въ ея орнаментахъ заимствовано у южныхъ Славянъ и что передѣлано на русскій ладъ или взято изъ какихъ либо другихъ источниковъ. Да и вообще въ русскомъ орнаментѣ постоянно чувствовалось сильное присутствіе южно-славянскаго элемента, но въ какой степени—это оставалось загадкою. Только теперь, благодаря первому выпуску изданія г. Стасова, наши недоумѣнія и загадки разрѣшились, недоразумѣнія и колебанія переходятъ въ успокоительное чувство достовѣрности и рѣшительности. Многое изъ орнаментовъ, изданныхъ на 40 таблицахъ этого выпуска, намъ хорошо знакомо и изъ русскихъ рукописей, но большая часть—совершенно ново и поразительно оригинально, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то близко сердцу и воображенію, какъ давно чаемое, жданное и желанное, будто вдругъ явившійся передъ вами незнакомецъ, о которомъ вы много наслышались, и который, при всей оригинальной особенности своей фигуры, съ перваго же разу подкупаетъ въ себѣ вашу симпатію родственными чертами сходства съ его семьею, которую давно знаете и съ которою связаны узами привычки и дружбы.

Изъ сказаннаго уже само собою выводится заключеніе о томъ, чѣмъ существенно отличается строго-ученое предпріятіе г. Стасова отъ роскошнаго сборника орнаментовъ, изданнаго В. И. Бутовскимъ въ 1870 году съ практическою цѣлью — дать образцы рисунковъ для промышленныхъ изданій, но подъ громкимъ заглавіемъ „Исторіи

Библиотека "Руниверс"

русскаго орнамента съ X по XVI столѣтіе по древнимъ рукописямъ". Такъ какъ орнаменты расположены здѣсь въ хронологической системѣ, согласно заглавію, то и начинаются они на первыхъ семи таблицахъ именно съ десятаго вѣка, а не съ одиннадцатаго, раньше котораго, какъ извѣстно, нѣтъ ни одной рукописи ни русской, ни вообще славянской. Необычайность такого произвола извиняется тѣмъ соображеніемъ, что русскій орнаментъ ведетъ свое начало отъ византійскаго, и потому сказанныя семь таблицъ содержатъ въ себѣ не русскіе орнаменты, а византійскіе, изъ рукописей греческихъ, X и частію XI вѣка. Но въ такомъ случаѣ почему было не начать „исторію" и гораздо раньше, такъ какъ стиль византійскій уже задолго до X вѣка установился? Г. Стасовъ такъ и понимаетъ этотъ стиль, и въ своемъ изданіи ведетъ его отъ рукописей VI вѣка, но отдѣляетъ его отъ письменности русской и вообще славянской, какъ одинъ изъ элементовъ, вмѣстѣ съ восточными, вошедшій въ историческое развитіе вообще европейскаго орнамента, а вмѣстѣ съ тѣмъ и славянскаго. Напротивъ того, г. Бутовскій не только начинаетъ русское византійскимъ, но и въ послѣдующихъ столѣтіяхъ время отъ времени къ русскимъ издѣліямъ, болѣе скромнымъ, примѣшиваетъ византійскія, щегольскія и пышныя. Такъ помѣстилъ онъ вслѣдъ за Изборникомъ Святославовымъ византійскіе орнаменты XI и XII вв. на табл. XV—XVIII, далѣе вслѣдъ за славянскою Кормчею книгою и другими рукописями Румянцовскаго музея—византійскіе же орнаменты XIII в. на табл. XXVIII, XXIX и XXXII. Допустимъ, что отъ изданія, предпринятаго въ скромныхъ видахъ способствовать успѣхамъ ремесленной промышленности, мы не въ правѣ требовать строгой научной системы, но такой вопіющій произволъ въ смѣшеніи стилей долженъ вводить въ заблужденіе ремесленниковъ, которые, соблазняясь щеголеватыми образцами византійскими, будутъ выдавать ихъ въ своихъ издѣліяхъ за русскій стиль. Въ оправданіе могутъ сказать, что таблицы съ рисунками изъ греческихъ рукописей отмѣчены надписью: византійскій орнаментъ. Но для неученаго мастера этотъ терминъ теряетъ свой собственный, точный смыслъ, потому что самъ издатель ведетъ исторію русскаго орнамента отъ X вѣка, выдавая на первыхъ же таблицахъ рукописные памятники византійскіе за русскіе, когда этихъ послѣднихъ не дошло до нихъ отъ того вѣка. И это смѣшеніе для русскихъ мастеровъ тѣмъ опаснѣе, что и безъ того у насъ издавна привыкли въ иконописи византійское соединять

Библиотека "Руниверс"

съ русскимъ, между тѣмъ какъ русскій орнаментъ въ своемъ историческомъ развитіи рѣзкими, характеристическими особенностями выдѣляется изъ стиля византійскаго.

Посредствующимъ звеномъ, соединявшимъ древнюю русскую письменность съ византійскою, были рукописи болгарскія, съ которыхъ наши писцы дѣлали копіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ усвоивали себѣ болѣе или менѣе и южнославянскія передѣлки византійскихъ орнаментовъ въ заглавныхъ буквахъ и заставкахъ. Таковы, напримѣръ, Остромирово Евангеліе 1056—1057 гг. и Изборникъ Святославовъ 1073 г. Если и передъ этими обѣими рукописями, и вслѣдъ за ними г. Бутовскій помѣстилъ орнаменты византійскіе, то уже, въ силу исторической послѣдовательности, надобно было вспомнить объ орнаментахъ болгарскихъ и вообще южнославянскихъ. Было бы несправедливо требовать, чтобы издатель „Исторіи русскаго орнамента“ предпринялъ съ этою цѣлью отдаленные поиски по всѣмъ славянскимъ землямъ, какъ это сдѣлалъ г. Стасовъ; но все же онъ могъ бы воспользоваться тѣмъ, что такъ легко было въ Москвѣ имѣть подъ руками изъ рукописей болгарскихъ, напримѣръ, „Саввину Книгу“ XI в. въ библіотекѣ Синодальной типографіи, изъ сербскихъ—Шестодневъ Іоанна экзарха Болгарскаго 1263 г., изъ молдаво-влахійскихъ довольно значительное собраніе въ Московскомъ публичномъ музеѣ. Г. Стасовъ, предложивъ русскій орнаментъ въ родственной группѣ прочихъ Славянскихъ племенъ, столько же удовлетворилъ требованіямъ науки, сколько и въ практическомъ отношеніи щедрою рукою богато снабдилъ нашу національную промышленность оригинальнѣйшими образцами разныхъ славянскихъ стилей. Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ отношеніи объ изданіи г. Стасова будетъ не разъ говорено потомъ, а теперь обращаюсь къ разсмотрѣнію самыхъ орнаментовъ, помѣщенныхъ въ первомъ выпускѣ.

За неимѣніемъ подъ руками объяснительнаго и руководящаго текста, который, какъ сказано, будетъ изданъ въ послѣдствіи, пока слѣдуетъ теперь ограничиться разборомъ отдѣльныхъ подробностей, не возводя ихъ къ общимъ результатамъ сравнительнаго изслѣдованія объ ихъ происхожденіи и историческомъ развитіи, въ отношеніи ихъ къ другимъ стилямъ восточныхъ и западныхъ народовъ. При этомъ больше всего буду имѣть въ виду показать и объяснить читателямъ все разнообразное обиліе и оригинальность изданнаго теперь матеріала, а вмѣстѣ съ тѣмъ проницательность, опытную на-

Библиотека "Руниверс"

гладку и обширныя свѣдѣнія спеціалиста, при помощи которыхъ г. Стасовъ, какъ настоящій мастеръ своего дѣла, умѣетъ выбрать изъ каждой рукописи самое характеристическое и существенное.

Впрочемъ, прежде чѣмъ войдти въ подробности, я долженъ, для самаго уразумѣнія ихъ, сказать нѣсколько словъ о томъ, съ какихъ точекъ зрѣнія я буду смотрѣть на предложенный матеріалъ.

Рукописный орнаментъ Славянскихъ племенъ вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ и русскій, составляетъ неотъемлемую часть письменности, которую украшаетъ. Заглавная буква, будь она простая или узорная и раскрашенная, раздѣляетъ общую историческую участь со всѣмъ строчнымъ письмомъ рукописи. Кириллица ведетъ свое происхожденіе отъ греческой азбуки, за исключеніемъ не многихъ буквъ, взятыхъ изъ другихъ источниковъ, и вмѣстѣ съ строчнымъ письмомъ славянскія рукописи усвоили себѣ и орнаментацію изъ византійскихъ оригиналовъ, съ которыхъ онѣ предлагаютъ переводъ и въ самыхъ текстахъ.

При какихъ условіяхъ и въ какихъ отношеніяхъ къ письму и другимъ отраслямъ ремесленнаго и художественнаго производства составился орнаментъ византійскій, теперь касаться этого вопроса не слѣдуетъ—до изданія г. Стасовымъ послѣдняго выпуска, въ которомъ для того будутъ предложены надлежащія данныя. Теперь рѣчь идетъ только о Славянахъ, а они въ своей письменности безусловно были подчинены оригиналамъ византійскимъ. Всѣмъ хорошо извѣстна роскошь и красота византійской орнаментаціи въ эпоху, когда начиналась письменность славянская, отъ которой дошли до насъ рукописи не ранѣе XI вѣка. Заставки Остромирова Евангелія и Изборника Святославова принадлежатъ еще къ искусству византійскому, а не къ славянскому. Вмѣстѣ съ орнаментаціей они взяты нами изъ болгарскихъ оригиналовъ.

Но рядомъ съ изящнымъ стилемъ византійскимъ, болгарскія же рукописи уже XI и XII вв. предлагаютъ намъ въ изданіи г. Стасова, какъ будетъ указано ниже, и такіе орнаменты, которые по своей чудовищности и по самому происхожденію своему ничего общаго не имѣютъ съ византійскими, и скорѣе могутъ быть сближены съ самыми грубыми подѣлками ранняго средневѣковаго стиля, изъ котораго потомъ отъ VII и до X вѣка развивался на Западѣ орнаментъ, такъ-называемый, тератологическій, не только рукописный, но и

Библиотека "Руниверс"

въ издѣліяхъ каменныхъ, металлическихъ и др. По принципу коснѣнія и консерватизма, у Славянъ до XII в. и даже позднѣе могли сохраниться залежи того, что въ ирландскихъ рукописяхъ уже въ VII в. успѣло подчиниться развитію, хотя и въ самыхъ грубыхъ, уродливыхъ формахъ. Матеріалы, собранные г. Стасовымъ по разнымъ восточнымъ стилямъ, должны дать просвѣтъ на пути къ рѣшенію того, что теперь остается загадочно.

Впрочемъ, вмѣстѣ съ оригинальною чудовищностью, тѣ же славянскія рукописи XI и XII вв. явственно свидѣтельствуютъ о своей зависимости отъ византійскаго орнамента, то въ архитектоникѣ самыхъ буквъ заглавныхъ, то въ листвѣ и вѣточкахъ, то въ жгутахъ съ перлами и въ рѣшеткахъ и т. п. Далѣе—иногда грубо, неврачно начерченные птица или звѣрь при столбикѣ, составляющемъ часть буквы, кажутся неумѣло воспроизведенными копіями изящнаго византійскаго рисунка. А эти столь обычныя въ славянскомъ орнаментѣ змѣи, господствующія и вообще въ орнаментѣ романскомъ, развѣ не составляютъ также принадлежность и орнамента византійскаго, и въ буквахъ и въ заставкахъ?

Что примѣсь восточнаго элемента въ византійскомъ стилѣ существуетъ, это давно уже археологами принято, но что именно восточное, откуда и какъ вошло оно въ орнаментъ, должно будетъ рѣшиться матеріалами, собранными г. Стасовымъ въ послѣднемъ отдѣлѣ его изданія. И чѣмъ болѣе окажется въ византійскомъ стилѣ примѣси восточной, тѣмъ больше получится данныхъ для объясненія тератологическаго элемента въ орнаментахъ южнославянскихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ нашемъ русскомъ.

Помимо пути, даннаго исторіей самой письменности, объяснить рукописный орнаментъ славянскій никоимъ образомъ не возможно. На Западѣ тератологическій стиль одинаково господствуетъ и въ рукописяхъ, и въ прочихъ отрасляхъ культуры, какъ уже замѣчено мною выше; то же надобно сказать и о связи рукописной орнаментаціи въ культурѣ византійской съ издѣліями мозаичными, эмалевыми, съ узорами ткани и проч. Чтобы письменность южныхъ Славянъ привести въ прямую зависимость отъ мѣстныхъ условій самостоятельнаго ихъ развитія въ искусствѣ и промышленности, пришлось бы, за неимѣніемъ для того данныхъ, прибѣгать только къ догадкамъ. Немногія буквы, взятыя въ кириллицу изъ восточныхъ алфавитовъ, каковы ж, ч, ш и нѣкоторыя другія, не даютъ изслѣдователю права посягать на орнаментацію всѣхъ прочихъ буквъ кириллицы, скопированныхъ съ греческаго.

Библиотека "Руниверс"

Предположить, что славянскій писецъ, копируя рукопись, намѣренно прибѣгалъ къ пособію какихъ-либо образцовъ восточныхъ для украшенія буквъ заглавныхъ, значило бы приписывать ему затѣи мастеровъ позднѣйшаго времени, склоннаго къ эклектизму и произволу. Въ тѣ далекія времена писаніе было дѣло великое, относиться къ нему слегка и какъ-нибудь было не мыслимо, и ни одному славянскому писцу не пришло бы на умъ и не поднялась бы у него рука осквернить это святое дѣло какою-либо прикрасою изъ источника не чистаго. Если онъ и выводилъ въ своихъ орнаментахъ драконовъ, змѣй и разныхъ чудовищъ, то, не мудрствуя лукаво, дѣлалъ это не по собственному измышленію, а пользовался уже готовымъ преданіемъ, освященнымъ для него книгою, съ которой списывалъ, или по которой учился и привыкалъ изображать такія фигуры.

Едва ли придется сдѣлать значительныя уступки въ принятомъ здѣсь принципѣ и послѣ произведенныхъ г. Стасовымъ открытій, на которыя онъ указываетъ въ слѣдующихъ словахъ предисловія: „Текстъ, назначенный сопровождать этотъ атласъ, долженъ, по моему предположенію, разсмотрѣть и, по возможности, рѣшить вопросъ о происхожденіи не только русскаго орнамента, но и вообще русскаго архитектурнаго стиля, столь тѣсно съ нимъ связаннаго". Оригинальность русской архитектуры преимущественно состоитъ въ стилѣ деревянныхъ построекъ; но онѣ по своему матеріалу очень недолговѣчны и могутъ предложить факты только поздняго времени, тогда какъ русскіе рукописные орнаменты мы имѣемъ уже отъ XII и даже частію отъ XI вѣка. Если это такъ, то связь русской архитектуры съ письменнымъ орнаментомъ, по строго-историческому пути, можетъ быть объяснена только въ пользу вліянія письменнаго орнамента на архитектуру, хотя бы и безграмотнаго происхожденія, въ силу того же принципа, по которому изслѣдователи открываютъ явственные слѣды письменнаго вліянія въ духовныхъ стихахъ и даже въ былинахъ безграмотнаго простонародья. Сверхъ того, русскій письменный орнаментъ состоитъ въ родственной связи съ южно-славянскимъ, какъ это будетъ указано ниже; потому вопросъ и о русской архитектурѣ долженъ быть распространенъ и на архитектуру южно-славянскую. Можно надѣяться, что при этомъ г. Стасовъ обратитъ вниманіе и на утварь, а также и на другія узорчатыя подѣлки древнѣйшей эпохи, изъ камня, металла, кости и проч. Желательно, чтобы для ясности, точности и доказательной силы онъ внесъ въ текстъ самыя изображенія болѣе замѣчательныхъ и характеристическихъ изъ

Библиотека "Руниверс"

этихъ предметовъ съ подробнымъ ихъ анализомъ. Здѣсь, безъ сомнѣнія, мы встрѣтимъ много оригинальнаго, отличающагося отъ орнаментаціи письменной, болѣе независимаго и самостоятельнаго, болѣе народности, безграмотности, слѣдовательно, болѣе доморощенности или по крайней мѣрѣ самодѣльщины, хотя бы и по чужимъ образцамъ, заноснымъ и завознымъ, или по разнымъ залежамъ, какія даютъ намъ раскопки отъ временъ до-историческихъ. Только тогда можно будетъ рѣшить вопросъ о самостоятельныхъ, національныхъ воззрѣніяхъ, о наглядкѣ и навыкѣ, при условіи которыхъ славянскіе писцы XI и XII вв., копируя византійскіе оригиналы, переиначивали ихъ на свой ладъ, давали имъ свой пошибъ.

Начавшееся въ эпоху романтизма чествованіе самородности и первобытности національныхъ посѣвовъ культуры и теперь еще не перестаетъ оказывать свою силу въ преувеличенной оцѣнкѣ народныхъ и мѣстныхъ основъ письменнаго орнамента, между тѣмъ какъ въ другихъ областяхъ исторіи быта и литературы методъ историческаго наслѣдованія и передачи плодовъ ранней культуры открылъ новые пути къ самымъ убѣдительнымъ заключеніямъ. Для народовъ европейскихъ многообъемлющею, великою сокровищницею всякихъ результатовъ древнѣйшихъ цивилизацій, какъ восточныхъ, такъ и западныхъ, то-есть, греческой и римской, было христіанство, и преимущественно въ его могущественномъ орудіи, которое вмѣстѣ съ тѣмъ внѣдрилось въ самую его сущность: это именно Писаніе. Не входя въ разсужденіе вообще о той объединяющей силѣ, которою христіанство сблизило и сродняло разныя народности, подчинивъ національныя ихъ особенности общему уровню своего всеобъемлющаго и всепроникающаго вліянія, ограничиваюсь здѣсь только средневѣковою орнаментаціею. Очевидное сродство, какъ въ общемъ, такъ и въ подробностяхъ, тератологическаго стиля Славянскихъ племенъ съ такъ-называемымъ романскимъ, то-есть, съ ирландскимъ, меровингскимъ, англо-саксонскимъ, карловингскимъ, лонгобардскимъ, основывается не на прямомъ заимствованіи отъ до-христіанскихъ культуръ и не прямо съ Востока, но при посредствѣ письменности и преданій уже христіанскихъ. Что же касается до животныхъ и чудовищъ во всѣхъ этихъ тератологическихъ стиляхъ, то въ какой бы мѣрѣ ни были указаны для нихъ источники восточные, все же античныя, классическія фигуры гиппопотамовъ, гарпій, василисковъ, химеръ, гидръ, драконовъ и грифовъ, хотя бы и передѣланныя когда-то изъ восточныхъ оригиналовъ, были сподручнѣе для средневѣковыхъ писцовъ и

Библиотека "Руниверс"

мастеровъ, воспитывавшихъ свои воззрѣнія на христіанскихъ памятникахъ греко-римской культуры.

Искаженіе и обезображеніе въ копированіи и воспроизведеніи довольно правильныхъ образцовъ древне-христіанскаго и византійскаго искусства, еще носящихъ на себѣ слѣды античнаго изящества, послужило основою, на которой выработался ранній романскій стиль въ живописи и скульптурѣ. Такое же искаженіе византійскаго натурализма, воспроизведеннаго еще въ стилѣ античномъ, способствовало происхожденію и развитію тератологическаго орнамента письменнаго, который, по одинаковости условій своего образованія, оказывается общимъ для разныхъ народностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ каждой изъ нихъ принимаетъ мѣстный, индивидуальный характеръ, подчинившись особенностямъ той или другой народности. Потому стиль славянскій отличается отъ ирландскаго или лонгобардскаго, и русскій отъ болгарскаго или сербскаго.

Такимъ образомъ, по теоріи историческаго унаслѣдованія раннихъ образцовъ, славянскій рукописный орнаментъ въ своихъ раннихъ зачаткахъ есть не что иное, какъ неумѣлое копированіе изящныхъ образцовъ византійскихъ, подобно тому, какъ въ скорописи XVI или XVII в. отъ спѣшаго производства искажались буквы ранняго устава и полуустава, или какъ въ деревянной куклѣ или въ росписномъ пряникѣ переводились на топорный пошибъ натуральность и изящество какихъ-то затерянныхъ оригиналовъ.

Общее для всѣхъ славянскихъ орнаментовъ — это византійская канва, но каждый изъ нихъ на свой ладъ выводитъ по ней свои тератологическіе узоры, видоизмѣняя въ нихъ по своему общій всѣмъ традиціонный матеріалъ, согласно умѣнью мастера и разнымъ условіямъ, при которыхъ онъ производилъ свою работу.

Въ этомъ отношеніи очень важное различіе въ орнаментаціи представляютъ рукописи, писанныя тщательно и съ особеннымъ стараніемъ и писанныя спѣшно и болѣе небрежно; орнаменты роскошные, покрытые золотомъ по довольно изящно выведеннымъ и раскрашеннымъ фигурамъ, и орнаменты, грубо намалеванные и покрытые сплошь густымъ колоритомъ; наконецъ, орнаменты вовсе не раскрашенные, въ однихъ очеркахъ, и притомъ выведенные или чернилами, или киноварью.

Чѣмъ изящнѣе и тщательнѣе дѣланъ орнаментъ, особенно съ золотомъ, какъ напримѣръ въ Остромировомъ Евангеліи 1056—1057 гг. или въ Мстиславовомъ 1125—1132 гг., тѣмъ ближе онъ по стилю къ

Библиотека "Руниверс"

византійскимъ. Чѣмъ съ большею поспѣшностью начертанъ, или чѣмъ аляповатѣе намалеванъ, тѣмъ болѣе сглаживаются въ немъ слѣды византійскаго изящества, тѣмъ становится онъ грубѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и энергичнѣе, оригинальнѣе и сподручнѣе для полнѣйшаго выраженія всей чудовищности и прихотливости тератологическаго стиля.

Вопросъ о колоритѣ рукописнаго орнамента русскаго и вообще славянскаго доселѣ остается еще открытымъ. Можно надѣяться, что матеріалы, собранные г. Стасовымъ изъ разныхъ восточныхъ рукописей, укажутъ путь къ его рѣшенію.

Надо полагать, что въ каждомъ изъ славянскихъ племенъ, уже въ XI и XII столѣтіяхъ, рукописный орнаментъ подвергся видоизмѣненіямъ по различію въ школахъ писцевъ. Въ русскомъ орнаментѣ это уже давно явствовало; теперь по изданію г. Стасова оказывается до очевидности такое же различіе по школамъ въ Болгаріи и Сербіи.

Прежде чѣмъ перейду къ подробностямъ, я долженъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніи русскаго орнамента къ южно-славянскимъ.

Нашъ древнѣйшій орнаментъ состоитъ въ наслѣдственномъ родствѣ съ болгарскимъ, о чемъ свидѣтельствуютъ русскія рукописи XI вѣка, переписанныя съ болгарскихъ оригиналовъ, каковы: Григорій Богословъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, Остромирово Евангеліе, Изборникъ Святославовъ 1073 г.

Согласно болгарскимъ образцамъ, тератологическій элементъ и у насъ, въ XI и XII вв., состоялъ въ связи съ византійскимъ натурализмомъ, но въ Болгаріи развился въ большемъ разнообразіи оригинальныхъ попытокъ къ самостоятельному развитію, у насъ же, какъ подражаніе и копія, выказывается съ меньшею смѣлостью и въ меньшей пропорціи, будучи стѣсняемъ канвою византійскаго стиля, частію можетъ быть, и отъ того, что до насъ доходили отъ нашихъ отдаленныхъ соплеменниковъ болѣе цѣнныя рукописи, роскошно изукрашенныя, и потому съ болѣе тщательнымъ соблюденіемъ византійскаго изящества.

У насъ слишкомъ рѣзко выступаетъ съ XIII в. перепутанный ремнями тератологическій орнаментъ, и въ однообразіи общихъ очертаній господствуетъ цѣлыя два столѣтія, то-есть, въ XIII и XIV вв. Главный эффектъ разчитанъ въ немъ не столько на затѣй-

Библиотека "Руниверс"

ливость отдѣльныхъ фигуръ животныхъ и людей, сколько на хитросплетенные узлы и перевивки ремней, въ которыхъ онѣ путаются и затягиваются.

Этому уже слишкомъ осложненному явленію не достаетъ столько же богатаго предшествующаго періода, когда сказанныя фигуры, еще не спеленутыя ремнями, могли сами по себѣ на просторѣ развивать свои оригинальныя качества. Вотъ эта-то разработка отдѣльныхъ, такъ-сказать, характеристическихъ физіономій въ нихъ сверхъестественной чудовищности и занимаетъ нѣсколько столѣтій въ исторіи болгарскаго орнамента, отъ XI и до XIV вѣка включительно. См. у г. Стасова табл. I—VIII. Эти отдѣльныя фигуры буквъ, съ одной стороны, представляютъ грубую передѣлку и очевидное искаженіе изображеній животныхъ натуралистическаго стиля византійскаго, а съ другой — безконечный рядъ смѣлыхъ попытокъ, при технической неумѣлости, создать нѣчто новое и необычайное, согласно безотчетнымъ привычкамъ, воспитаннымъ мѣстными условіями быта. Въ послѣднемъ отношеніи особенно должны быть важны открытія г. Стасова въ области восточныхъ орнаментовъ, предложивъ намъ болѣе точныя свидѣтельства, что и восточнымъ элементомъ въ русскомъ рукописномъ орнаментѣ мы преимущественно обязаны вліянію болгарской письменности.

Доселѣ между русскими рукописями мы имѣли не много такихъ, которыя предлагали бы намъ несомнѣнный переходъ отъ отдѣльныхъ тератологическихъ фигуръ къ сплетеніямъ въ нашихъ орнаментахъ XIII и XIV вв. Изъ нихъ наиболѣе видное мѣсто занимаетъ Юрьевское Евангеліе 1120—1128 гг., а также частію Евангеліе Добрилово 1164 г., обѣ рукописи, вмѣстѣ съ тѣмъ интересныя и по очевидной примѣси элемента византійскаго къ тератологическому. Смотр. у Бутовскаго табл. XIX—XXI, XXIII—XXIV. Панданомъ, или дружкою, къ этому нашему орнаменту можетъ служить болгарскій изъ Охридской Псалтири 1186—1196 гг., въ библіотекѣ Болонскаго университета; см. у г. Стасова табл. IV. Замѣчательно, что оба выведены только киноварью безъ всякой другой раскраски, и Юрьевскій и Охридскій.

Для полнѣйшаго перехода къ нашей орнаментикѣ XIII—XIV вв. не доставало намъ въ раннихъ русскихъ рукописяхъ заставки съ двумя птицами или какими-либо чудовищами, сильно переплетенными въ рѣшеткѣ изъ ремней, или же изъ змѣиныхъ хвостовъ, спутанныхъ извитіями и узлами, именно той самой заставки, которая во множе-

Библиотека "Руниверс"

ствѣ варіантовъ господствуетъ у насъ въ сказанныхъ столѣтіяхъ. См. у Бутовскаго въ таблицахъ XXXIII, XXXVI, XXXVII, XXXVIII (трижды), XLII, XLIII, XLIV, XLV, XLVII, и XLIX (дважды). Въ послѣдней таблицѣ двѣ такихъ заставки, одна подъ другою, изъ которыхъ верхнюю приложилъ Віолле-ле-Дюкъ на табл. IX, при стр.80, въ своемъ сочиненіи L'art russe. Paris, 1877. Общая основа этого орнамента въ его главныхъ, характеристическихъ очертаніяхъ одинаково принадлежитъ и Востоку, и Западу. Сличите, напримѣръ, у Вествуда въ названномъ выше изданіи, въ самомъ концѣ книги между тремя добавочными таблицами, на 2-й и особенно на 3-й, почти такой же орнаментъ ранняго романскаго стиля, какъ и въ указанной тотчасъ нашей заставкѣ XIV в. Слич. также у Комона на капителяхъ романско-германскаго стиля на стр. 132, въ его Abécédaire, по 3-му изданію 1854 г.

И замѣчательно, что недостающая въ Юрьевскомъ Евангеліи заставка, которая могла бы служить предвѣстіемъ нашей орнаментаціи XIII—XIV вв., какъ разъ встрѣчается въ той же Охридской Псалтири, и притомъ очень согласная въ общихъ очертаніяхъ съ указанною выше заставкою у Бутовскаго въ таблицѣ XLIX. Затѣмъ подобная же заставка со слѣдами бо́льшаго архаизма встрѣчается въ письменности сербской XIII в., именно въ Шестодневѣ Іоанна экзарха Болгарскаго 1263 г., у г. Стасова въ таблицѣ XIX.

Какъ древнѣйшія русскія рукописи, будучи копированы съ болгарскихъ, состоятъ въ ближайшей отъ нихъ зависимости и по языку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по украшеніямъ, такъ съ XIII вѣка наша орнаментація, отклоняясь отъ менѣе сложной болгарской, сближается своими сплетеніями съ сербскою, XII — XIV вв., какъ свидѣтельствуютъ у г. Стасова узорчатыя буквы въ табл. XV, XVI, XVII и XXI. Такъ, въ таблицѣ XV, Мирославово Евангеліе XII в. сближается еще съ нашимъ Юрьевскимъ, а Евангеліе Ватиканской библіотеки XIII в., въ таблицѣ XVII, предлагаетъ сплетеную орнаментацію въ киноварныхъ очеркахъ, кое-гдѣ покрытыхъ желтымъ и синимъ, и при этомъ частію выведенныхъ на синемъ же полѣ, которая такъ близка къ русской, что, будучи помѣщена между орнаментами Бутовскаго XIV в., мало бросалась бы въ глаза своимъ отъ нихъ отличіемъ. Бо́льшая часть орнаментныхъ буквъ въ Евангеліи Жупана Вукана 1190—1200 гг. и Хиландарскаго XIV в., сходствуя съ нашими XIII—XIV вв. въ очеркахъ, отличаются отъ нихъ бо́льшимъ разнообразіемъ и пестротою въ раскраскѣ; табл. XVI и XXI.

Библиотека "Руниверс"

Древнѣйшее, соплеменное и исторически наслѣдственное сродство нашей орнаментаціи съ южно-славянскою скрѣпляется наконецъ еще новыми, столько же тѣсными связями въ XV и XVI столѣтіяхъ. Какъ у насъ, такъ и въ Болгаріи и Сербіи, а также въ Молдаво-Валахіи, при возрожденіи византійскаго изящества вмѣстѣ съ заимствованіями съ Запада, возникаетъ новый стиль, который, по возвращенію отъ тератологической чудовищности къ натуральности и по замѣнѣ царства животнаго растительнымъ, листвою и цвѣтами, соотвѣтствуетъ на Западѣ стилю готическому, а по внесенію изящнаго вкуса византійскаго и западнаго, можетъ быть названъ стилемъ возрожденія.

При замѣчательномъ сходствѣ нашихъ рукописей того времени съ болгарскими, сербскими и молдаво-влахійскими по орнаментаціи, многія изъ нихъ усвоили себѣ и особенный искусственный языкъ, перемѣшанный съ грамматическими формами правописанія болгарскаго и сербскаго, именно ту неорганическую смѣсь, которою отличаются рукописи молдаво-влахійскія. Для примѣра укажу на изящнѣйшія по роскошнымъ украшеніямъ двѣ русскія рукописи, изъ которыхъ образцы изданы Обществомъ любителей древней письменности подъ редакціей А. Ѳ. Бычкова и моею. Одна изъ нихъ—Слѣдованная Псалтирь XV в., изъ библіотеки Троице-Сергіевой лавры, подъ моею редакціей, а другая—Четвероевангеліе 1507 г., изъ Императорской Публичной библіотеки, изданная г. Бычковымъ. Обѣ одинаково представляютъ въ правописаніи связанную смѣсь русскаго съ болгарскимъ и сербскимъ, въ орнаментаціи же и вообще въ художественномъ отношеніи стоятъ на той высотѣ изящества, къ развитію котораго послужилъ цѣлый рядъ попытокъ, какъ свидѣтельствуютъ данныя въ изданіи Бутовскаго, табл. L—LXVIII.

Впрочемъ, чтобы вполнѣ понять и оцѣнить это новое явленіе въ исторіи нашей письменности, надобно прослѣдить его зачатки и постепенное развитіе не на русской почвѣ, а на южно-славянской, то-есть, болгарской, сербской и молдаво-влахійской.

Какъ стиль узловъ и сплетеній у насъ рѣзко отдѣляется въ XIII—XIV в. отъ болѣе простаго, такъ сказать, элементарнаго стиля тератологическаго, и звено между тѣмъ и другимъ даетъ намъ въ болѣе ясномъ свѣтѣ Болгарія и Сербія,—такъ еще съ большею неожиданностью смѣняется у насъ въ XV в. стиль XIV вѣка сплетенный тератологическій—стилемъ, соотвѣтствующимъ на Западѣ готическому и стилю Возрожденія. У нашихъ южныхъ соплеменниковъ,

Библиотека "Руниверс"

вопервыхъ, позднѣе остаются при новыхъ явленіяхъ элементы старые, которые такимъ образомъ даютъ послѣдовательность въ развитіи; вовторыхъ, нововведенія оказываются не вдругъ, а зачинаются очень рано, какъ отдѣльныя попытки, и потомъ все шире и шире охватываютъ всю орнаментацію. Это особенно ясно оказывается въ орнаментѣ сербскомъ, какъ увидимъ въ разборѣ нѣкоторыхъ подробностей въ изданіи г. Стасова; и наконецъ, каждый новый періодъ въ исторіи орнаментаціи у южныхъ Славянъ, именно у Болгаръ и Сербовъ, какъ нашихъ предшественниковъ въ рукописномъ дѣлѣ, начинается на цѣлыя столѣтія ранѣе, чѣмъ у насъ въ Россіи.

Что же касается до орнаментаціи молдаво-влахійской, то она, не восходя ранѣе XV в., вдругъ проявляется въ своемъ высшемъ развитіи изящнаго стиля, какъ бы составляя позднѣйшій періодъ, предшествіе которому надобно искать въ письменности болгарской и сербской. Смотри у г. Стасова табл. XXXIV—XXXIX.

Впрочемъ, для окончательнаго рѣшенія объ элементахъ этого новаго стиля надобно подождать послѣдняго выпуска „Орнаментовъ" г. Стасова, гдѣ будутъ помѣщены византійскіе. Особенно сильно оказывается вліяніе греческое въ нѣкоторыхъ изъ русскихъ рукописей XV и XVI вв., какъ въ начертаніи буквъ, такъ и въ греческихъ припискахъ, напримѣръ, въ обѣихъ сказанныхъ рукописяхъ, изданныхъ Обществомъ любителей древней письменности. Спрашивается: въ какой мѣрѣ мы обязаны позднѣйшему византійскому орнаменту большею или меньшею долею того западнаго вліянія, которое въ такой очевидности господствуетъ въ нашей русской орнаментаціи XV—XVI вв.?

Въ избѣжаніе недоразумѣній, почитаю не лишнимъ припомнить здѣсь, что наша рукописная орнаментація XVI в., особенно въ заставкахъ, состоящая въ связи и въ зависимости отъ старопечатныхъ книгъ и въ такомъ обиліи у насъ распространившаяся, составляетъ особенность собственно русскаго стиля въ названномъ столѣтіи, чѣмъ и отличается она отъ современныхъ ей у прочихъ соплеменниковъ нашихъ, какъ это явствуетъ изъ матеріаловъ, изданныхъ г. Стасовымъ. Образцы этой русской орнаментаціи во множествѣ предлагаетъ Бутовскій.

Указывая такимъ образомъ на тѣснѣйшую связь и зависимость нашей орнаментаціи отъ южно-славянской и византійской, я вовсе не думаю посягать на ея высокія національныя качества, и только даю

Библиотека "Руниверс"

уразумѣть, что часть не можетъ быть понимаема безъ цѣлаго, къ которому она принадлежитъ, и что каждый членъ, будучи отрубленъ отъ цѣлаго органическаго состава, теряетъ свой жизненный смыслъ.

При разборѣ подробностей я постоянно буду сравнивать южно-славянскіе орнаменты съ византійскими и русскими. Въ отношеніи къ византійскимъ южно-славянскіе будутъ представлять болѣе или менѣе удачную копію, передѣлку, искаженіе, а иногда и дополненіе; въ отношеніи къ русскимъ будутъ они служить, вопервыхъ, оригиналами, и вовторыхъ, тѣмъ цѣлымъ сплеменнымъ составомъ, котораго нашъ орнаментъ составляетъ только часть.

Система, принятая г. Стасовымъ въ размѣщеніи южно-славянскихъ матеріаловъ, соотвѣтствуетъ хронологическому порядку въ появленіи каждаго изъ нихъ въ письменности. Орнаменты начинаются въ Болгаріи съ XI в. и съ Сербіи въ XII в., и въ обѣихъ земляхъ доходятъ до XVIII в. Затѣмъ слѣдуютъ всѣ другіе, которые восходятъ не ранѣе XIV в. и продолжаютъ свое существованіе не болѣе вѣка, много двухъ, за исключеніемъ молдаво-влахійскаго, матеріалы котораго тянутся отъ XV-го до XVIII в. Изъ прочихъ, герцеговинскій оказался только въ XIV в., черногорскій только въ XV в., и то всего въ одной только рукописи, боснійскій и патаренскій въ XIV и XV вв., румынскій въ XVII и XVIII вв.

Итакъ, начинаю съ Болгаріи. Самый видный вкладъ для XI и XII в. даютъ здѣсь г. Стасову рукописи изъ московскихъ книгохранилищъ, числомъ шесть: одна изъ библіотеки Синодальной типографіи и цѣлыхъ пять изъ Московскаго Публичнаго Музея, именно изъ собраній Григоровича и Ундольскаго, которыя поступили въ музей, вмѣстѣ съ многими другими цѣнными пріобрѣтеніями, благодаря неутомимымъ заботамъ и безпримѣрному усердію покойнаго А. Е. Викторова о пополненіи и обогащеніи ввѣреннаго его храненію рукописнаго отдѣленія.

Имѣя подъ руками сказанныя шесть московскихъ рукописей, я могъ вполнѣ оцѣнить въ издателѣ тактъ опытнаго знатока, вкусъ и проницательность, съ какими изъ многаго было выбрано имъ самое характеристическое и необходимое. Г. Стасовъ оставляетъ въ сторонѣ общія мѣста византійскаго происхожденія и придаетъ цѣну только тому, въ чемъ выражаются мѣстныя особенности и уклоненія [1]).

---

[1]) Факты изъ изданія г. Стасова я означаю двумя цифрами—римскою для показанія таблицы, и арабскою—рисунка на той таблицѣ.

Библиотека "Руниверс"

При общемъ единствѣ мѣстнаго стиля болгарскій орнаментъ въ изданіи г. Стасова поражаетъ разнообразіемъ видоизмѣненій, условленныхъ различіемъ по школамъ писцовъ. Разнообразіе это рѣзко бросается въ глаза уже въ самомъ раннемъ періодѣ болгарской письменности, въ XI и XII вв. Изъ этого времени у г. Стасова приведено девять рукописей, и каждая изъ нихъ отличается собственнымъ характеромъ своей школы. Эти отличія состоятъ въ томъ, что писецъ болѣе или менѣе подчиняется стилю византійскому, одинъ заимствуетъ себѣ оттуда одно и постоянно того придерживается, другой беретъ другое. Потомъ каждый по своему уклоняется отъ этого стиля въ область чудовищнаго, ломая и искажая раннія античныя формы, и натуральность греческой живописи передаетъ на свой ладъ въ фантастическихъ чертежахъ. Затѣмъ, одинъ писецъ въ этихъ чертежахъ съ большею тщательностью вырабатываетъ подробности, другой ограничивается бойкими и до дерзости смѣлыми намеками. Наконецъ, разнообразіе это усиливается различіемъ въ техническомъ исполненіи. Въ однѣхъ рукописяхъ орнаменты выведены только въ очеркахъ черниломъ или киноварью, въ другихъ они раскрашены, и притомъ или по чернымъ очеркамъ, или по киноварнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ каждая изъ рукописей отличается своимъ колоритомъ по различію въ краскахъ, по болѣе легкому или болѣе густому наложенію ихъ. Не вникая въ подробности, можно все это легко замѣтить при бѣгломъ взглядѣ на первыя семь таблицъ г. Стасова.

Орнаменты ранней письменности отличаются отъ позднѣйшихъ, между прочимъ, тѣмъ существеннымъ качествомъ, что, состоя въ ближайшей связи съ письмомъ рукописи, они вырабатываются преимущественно въ заглавныхъ или прописныхъ буквахъ, на которыя писецъ преимущественно устремляетъ свое вниманіе, а не въ заставкахъ, которыя, будучи внѣ строкъ, какъ бы на отдетѣ, болѣе принадлежатъ къ внѣшней прикрасѣ. Этимъ объясняется разладъ между фигурными буквами и заставками въ болгарскомъ орнаментѣ XI и XII вв. Его неисчерпаемое богатство и разнообразіе заключается въ буквахъ, между тѣмъ какъ заставки еще не успѣли подчиниться самоуправству писца и носятъ на себѣ болѣе традиціонный характеръ византійскаго стиля. Потому такъ и мало ихъ приведено у г. Стасова въ первыхъ семи таблицахъ. Впрочемъ, Хиландарскій Паремейникъ XII в. свидѣтельствуетъ, что уже и въ эту раннюю эпоху заставки стали подчиняться мѣстному стилю заглавныхъ буквъ; см. табл. III. Напротивъ того, въ письменности позднѣйшей преимуществуетъ за-

Библиотека "Руниверс"

ставка передъ заглавными буквами, которыя тогда или подчиняются ея орнаментаціи, или состоятъ съ нею въ разладѣ, удерживая для себя разныя традиціонныя формы.

Различія болгарскаго орнамента по школамъ писцовъ, какъ прямое проявленіе мѣстныхъ условій, сопутствуются разнорѣчіями мѣстныхъ говоровъ и правописанія. Такъ, напримѣръ, очень рѣзкая разница, замѣчаемая между Супрасльскою рукописью и Хиландарскимъ Паремейникомъ по орнаментаціи (табл. I и III), въ значительной силѣ оказывается и въ правописаніи и языкѣ обоихъ этихъ памятниковъ.

Болгарскій орнаментъ XI в. далъ г. Стасову три рукописи: Евангеліе въ отрывкѣ, всего на двухъ листахъ, въ Московскомъ публичномъ музеѣ (изъ собранія Ундольскаго), Саввина Книга въ библіотекѣ Синодальной типографіи и Супрасльская рукопись въ библіотекѣ Лайбахской гимназіи. Табл. I.

Въ первой рукописи всего только двѣ фигурныя буквы и одна заставка. Изъ нихъ одну букву, именно В, внизу заначканную, г. Стасовъ опустилъ; взятая же имъ, по опечаткѣ, названа: Г (табл. I, 2), тогда какъ это есть Р, въ словѣ рече, которое написано подъ титломъ. Замѣчаю эту опечатку потому, что она могла бы дать невѣрное понятіе о самой орнаментаціи этой рукописи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и другихъ рукописей той же эпохи. Вверху этой фигурной буквы пучокъ изъ двухъ листиковъ и двухъ клиньевъ выражаетъ овалъ въ буквѣ Р, а не горизонтальную перекладину буквы Г, потому что почти такой же орнаментъ взятъ для верхняго овала въ буквѣ В, опущенной у г. Стасова. Въ другихъ рукописяхъ ему соотвѣтствуетъ или простой овалъ, или съ листвою, или съ намекомъ на звѣриную морду, какъ сейчасъ увидимъ. И такъ, эта буква Р, съ пучкомъ вмѣсто овала, во всемъ прочемъ, и по архитектоникѣ, и по мозаичному стилю, носитъ на себѣ характеръ византійскій, равно какъ и заставки; только крутыми переломами угловъ эта послѣдняя выдѣляется изъ господствующей въ Византіи формы закругленныхъ, эластическихъ перегибовъ въ жгутахъ. Рукопись эта отличается отъ прочихъ преобладаніемъ зеленой краски. Ея было такъ много въ запасѣ у писца, что ею же налагалъ онъ пятна на всѣ рубрики, которыя здѣсь писаны чернилами, а не киноварью, какъ это принято вообще. Потому вся страница представляется усѣянною зелеными пятнами. Скудный матеріалъ, предложенный этимъ отрывкомъ, все же въ нѣкоторой степени даетъ понятіе объ орнаментаціи всей рукописи. Вопервыхъ

Библиотека "Руниверс"

какъ сказано, господство зеленаго колорита, которымъ она отличается отъ прочихъ болгарскихъ рукописей XI и XII вв.; затѣмъ, видимая наклонность къ угловатымъ и заостреннымъ фигурамъ. Такъ, сказанная буква Р, изданная у г. Стасова, спустилась внизъ длиннымъ шпицемъ, заостреннымъ протянутою линіей, будто мечъ или сабля, ефесомъ которой служитъ принятая въ византійской орнаментикѣ перемычка въ столбикахъ разныхъ буквъ: только здѣсь эта перемычка посреди обоихъ колецъ, ее составляющихъ, съ обѣихъ сторонъ будто колется острыми шипами. Также колется двумя острыми клиньями и сказанный пучокъ изъ листьевъ въ овалѣ той же буквы Р. Надобно замѣтить, что опущенная у г. Стасова буква В покрыта коричневою краскою съ черными. Впрочемъ, о колоритѣ ея судить нельзя, такъ какъ мѣсто, гдѣ она написана, далеко кругомъ попорчено желтоватымъ пятномъ.

Саввина книга предлагаетъ уже болѣе замѣтную примѣсь болгарскаго элемента къ основѣ византійской. Форма заглавныхъ буквъ простая, греко-кирилловская, раскраска киноварью, охрою и зеленью, иногда переходящая въ дымчатый оттѣнокъ, будучи отдѣляема черными очерками, имѣетъ видъ то перегородчатой эмали, то мозаики, напримѣръ, въ буквахъ В, З, Р, (6, 7, 8, 9, 12), также какъ и въ вышеприведенномъ отрывкѣ изъ собранія Ундольскаго. Затѣмъ листва въ отводахъ отъ столбиковъ въ буквахъ В (4, 5, 6) до очевидности византійская. Наконецъ, значительная масса буквъ, по системѣ г. Стасова опущенныхъ, не представляя ничего особеннаго, болгарскаго, тоже въ стилѣ византійскомъ, напримѣръ, В на листахъ: 15 об., 34 об., 36 об., 111 об., 183 об.; Р 16 об., П 98 об. Въ этой рукописи до очевидности явствуетъ, какъ на византійской канвѣ мало по малу и еще сдержанно начинаютъ выводиться узоры во вкусѣ болгарскомъ. Замѣченный въ предыдущемъ отрывкѣ острый, колючій конецъ буквы Р полюбился писцу и этой рукописи; только вмѣсто византійской перемычки, отдѣляющей нижній шпицъ отъ самаго ствола буквы, онъ употребляетъ два листика, а иногда и четыре, которые, исходя отъ ствола, составляютъ какъ бы ефесъ меча (8, 9), иногда конецъ шпица загибается (11); если же онъ коротокъ (12), то этотъ орнаментъ сближается съ византійскою листвою или цвѣткомъ, что принято въ этой же рукописи для выпусковъ въ буквѣ В (6). Но особенно характеристично бросается въ глаза затѣя болгарскаго писца въ попыткахъ претворить верхній овалъ буквы В въ звѣриную голову и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы

Библиотека "Руниверс"

оживотворить и освѣтить геометрическую фигуру смотрящимъ глазомъ (4, 5). Въ этомъ оживотвореніи замѣчается постепенность, такъ что капризная рука мастера, будто играючи, не вдругъ рѣшается на задуманную прихоть. Эти моменты у г. Стасова опущены. По крайней мѣрѣ, онъ взялъ одинъ экземпляръ В, въ которомъ верхній овалъ сохраненъ еще въ его геометрическомъ чертежѣ, не тронутый оживленіемъ (6). Въ томъ же видѣ этотъ овалъ въ буквахъ на листахъ: 34 об., 36 об., 111 об., 133 об., то-есть, во всѣхъ тѣхъ, которыя я уже характеризовалъ выше византійскимъ стилемъ. Но сказанные переходы и полумѣры, которые принималъ писецъ въ своихъ попыткахъ, мнѣ приходится привести изъ рукописи. Вопервыхъ, онъ придѣлываетъ къ овалу только уши, но еще безъ глаза, на листѣ 40 об., или только глазъ, но безъ ушей, на листѣ 49 об., и въ обоихъ случаяхъ, для вящаго подобія звѣриной мордѣ, внизъ отъ овала спускаетъ красное ея рыло, и уже затѣмъ слѣдуетъ полное претвореніе въ буквахъ, взятыхъ у г. Стасова. Оканчивая о буквахъ, я долженъ замѣтить, что желтоватый и зеленоватый колоритъ оригинала, побурѣлый отъ времени, не вездѣ точно переданъ въ изданіи дикимъ цвѣтомъ. Заставки въ этой рукописи ничего особеннаго не представляютъ. Выступъ у нихъ изъ византійской листвы, только въ одной съ правой стороны къ завитку расходившаяся рука мастера придѣлала уши (16). Что же касается до того, что всѣ заставки являются не додѣланными, то это объясняется тѣмъ, что всѣ онѣ проведены между строкъ рукописи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ верхній текстъ оканчивается на полустрокѣ; потому всѣ лѣвыя стороны заставокъ, состоящія изъ полосъ, содержатъ въ себѣ полустроку текста, и тогда оставшееся мѣсто давало просторъ для орнаментаціи правыхъ сторонъ. Тамъ, гдѣ мастеръ могъ дѣйствовать свободно, онъ выводилъ цѣльную заставку, какъ на листѣ 73 об., составленную изъ византійскаго жгута; въ томъ же стилѣ и полузаставка на листѣ 73 об. И та, и другая, какъ общее мѣсто, у г. Стасова не приняты. Въ заключеніе я долженъ указать на одну характеристическую и очень рѣдкую въ славянской орнаментикѣ подробность. Хотя она встрѣчается въ этой рукописи только одинъ разъ, но не могла ускользнуть отъ зоркаго вниманія г. Стасова. Это именно завитокъ изъ линіи, замотанной спирально, который выведенъ отъ нижняго отрѣза буквы Р (10). Форма мотка изъ спиральной линіи, какъ извѣстно, составляетъ одно изъ характеристическихъ свойствъ ирландской орнаментаціи; у насъ же является, какъ рѣдкое исключеніе. Въ Болгаріи встрѣчается она

Библиотека "Руниверс"

еще и въ XII в., именно въ одной изъ заставокъ Хиландарскаго Паремейника (III, 1), а у насъ въ XI в. въ Григоріи Богословѣ Императорской Публичной библіотеки; смотр. въ „Изслѣдованіи" этой рукописи, г. Будиловича, табл. II.

Орнаментація Супрасльской рукописи принадлежитъ къ совершенно другой школѣ болгарскихъ писцовъ, такихъ, которые строго держались правильности и изящества классическаго стиля римско-византійскаго, какъ въ буквахъ, такъ и въ заставкахъ. Въ образцахъ, изданныхъ г. Стасовымъ, господствуютъ стройныя формы архитектурныя или точнѣе—геометрическія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и византійская листва. Все выведено твердою, привычною рукою, въ однихъ чернильныхъ очеркахъ, безъ красокъ. Изъ животныхъ встрѣчается только рыба для буквы О (28). Она здѣсь съ двумя головами: одна на своемъ мѣстѣ, другая въ хвостѣ. Древне-христіанскій символъ рыбы очень рано принятъ и сильно распространенъ въ западной рукописной орнаментикѣ, уже въ VII и VIII в. [1]). Тамъ употребляется рыба, какъ одна изъ узорныхъ фигуръ, для разныхъ буквъ; въ византійскія рукописи она введена позднѣе, преимущественно для буквы О, напримѣръ въ рукописи 1116 г., какъ и въ рукописи Супрасльской. У насъ для этой же буквы она довольно распространена въ томъ же Григоріи Богословѣ XI в., а также иногда привѣшена на тонкомъ хвостѣ обыкновеннаго начертанія прописныхъ и строчныхъ буквъ З и Р; но потомъ въ русской рукописной орнаментикѣ, сколько мнѣ извѣстно, она уже не принималась. При этомъ замѣчу, что въ болгарской орнаментикѣ XII—XIII в. рыба принята для буквы Р (VII, 5).

Орнаментъ XII в. предлагаютъ слѣдующія болгарскія рукописи: Охридскій Апостолъ, Евангеліе и Хиландарскій Паремейникъ, всѣ три въ Московскомъ публичномъ музеѣ (изъ собранія Григоровича), далѣе—Толковая Псалтирь въ Императорской Публичной библіотекѣ, Слѣпченскій Апостолъ въ библіотекѣ Верковича, и часть той же рукописи въ Московскомъ публичномъ музеѣ (изъ собранія Григоровича), Охридская Псалтирь въ университетской библіотекѣ въ Болоньѣ; затѣмъ XII—XIII вв.: Орбельская тріодь въ библіотекѣ Верковича, Евангеліе въ народной библіотекѣ въ Бѣлградѣ и, наконецъ, тамъ же отрывокъ

---

[1]) *Edouard Fleury*, Les manuscrits à miniatures de la bibliothèque de Laon. Laon. 1863. Pl. I—III. См. также въ рукописяхъ лонгобардскихъ и визиготскихъ у *Вествуда* въ Palaeographia sacra pictoria.

Библиотека "Руниверс"

изъ какой-то рукописи, отмѣченной у г. Стасова только нумеромъ 207-мъ. Табл. II—VIII.

Орнаменты Охридскаго Апостола (табл. II) выведены также, какъ и въ Супрасльской рукописи, только чернилами, безъ красокъ, но отличаются отъ нея своею мѣстною школою. Хотя и въ нихъ сильно господствуетъ стиль византійскій, но съ примѣсью зарождающагося болгарскаго пóшиба. Послѣдній явствуетъ, вопервыхъ, въ наклонности къ колючкамъ или шипамъ; такъ напримѣръ, въ буквѣ В принятъ столбикъ изъ византійскаго жгута (9), затѣмъ въ углубленіяхъ овaловъ его, на византійскій манеръ, помѣщаются перлы въ видѣ шариковъ, какъ это представляютъ экземпляры буквы В на листахъ рукописи: 6 об. и 8, не взятые у г. Стасова, и наконецъ, шарики заклёпаны острыми клиньями, что и приведено г. Стасовымъ (10, 11). Вовторыхъ, кое-гдѣ къ архитектурѣ византійскаго столба, со жгутомъ по всему его протяженію, присоединяется чудовищная фигура звѣриной головы, означающая овалъ, именно въ изображеніяхъ буквъ В и Б (13, 17). Изъ нихъ В (17) содержитъ въ своемъ овалѣ еще нѣчто среднее между листвою и звѣриною мордою: это какая-то овальная фигура, съ растительнымъ завиткомъ къ верху, освѣщенная глазомъ, а вмѣсто ушей служитъ ей пучокъ изъ листа съ клиньями, въ родѣ замѣченнаго нами въ двухъ листахъ рукописи XI в. въ Московскомъ публичномъ музеѣ (I, 2). Указываю на это соотвѣтствіе потому, что нахожу ему подтвержденіе въ буквѣ В, опущенной у г. Стасова, именно на л. 3: въ ней верхній овалъ представляетъ явственное подобіе звѣриной пасти съ высунутымъ языкомъ, то-есть, съ клиномъ между двумя овальными вырѣзами листвы, имѣющими видъ широко раскрытыхъ челюстей. Упомянутая выше въ изданіи г. Стасова буква В (13) только въ нижнемъ овалѣ представляетъ чудовищную голову, и—замѣчательно—съ ошейникомъ, въ верхнемъ же—какой-то безформенный набросокъ, будто эмбріонъ или зародышъ чего-то чудовищнаго; но въ рукописи есть другое В, листъ 4, съ двумя чудовищными головами: одна для нижняго овала, другая для верхняго. Эти чудовищныя придачи, не цѣлаго звѣря, а только головы его, къ архитектоникѣ византійской фигурной буквы, должны быть приняты въ разчетъ при опредѣленіи происхожденія и характера заглавныхъ буквъ нашего Остромирова Евангелія; см. у Бутовскаго табл. XI и XIII. Теперь остается сказать объ узорахъ змѣиныхъ, которые по изданію г. Стасова являются здѣсь впервые, и приняты не въ буквахъ, а въ двухъ простыхъ орнаментахъ (14, 16), и въ

Библиотека "Руниверс"

заставкахъ: у г. Стасова взята только одна съ двумя змѣиными головами (2); но въ рукописи есть еще другая, въ которой изъ-за сплетеній, наполняющихъ всю заставку, въ верху ея и внизу, по змѣѣ: съ обѣихъ сторонъ высовываютъ онѣ свои оконечности, налѣво торчатъ два хвоста, а направо двѣ головы, листъ 56. Здѣсь еще ничего болгарскаго въ змѣиномъ орнаментѣ не слѣдуетъ видѣть, такъ какъ онъ сближается съ тѣми византійскими заставками, въ которыхъ сплетенія тоже состоятъ изъ змѣиныхъ головъ съ хвостами, напримѣръ въ греческой рукописи 1199 г. въ Синодальной библіотекѣ [1]). Другая изъ двухъ принятыхъ г. Стасовымъ заставокъ, безъ змѣй, ничего особеннаго не представляетъ, въ стилѣ византійскихъ рѣшетокъ изъ сплетенныхъ ремней. Въ заключеніе я не могу не выразить крайняго своего сожалѣнія, что г. Стасовъ не взялъ изъ этой рукописи одинъ въ высшей степени замѣчательный орнаментъ, не потому чтобъ онъ характеризовалъ мѣстный болгарскій стиль (изъ-за этого, вѣроятно, онъ и не принятъ въ изданіе), а потому, что предлагаетъ одну особенность, вообще чуждую славянской орнаментаціи ранняго времени, но очень распространенную на Западѣ. Въ этой чертѣ вижу я не вліяніе западное, а указываю въ ней на признакъ неисчерпаемаго богатства средствъ, какими могли располагать писцы нашихъ южныхъ соплеменниковъ, точно также, какъ выше я обратилъ вниманіе на ирландскую спираль. Опущенная г. Стасовымъ буква Б, листъ 56 об., состоитъ изъ столбика, вдоль раздѣленнаго вертикальною линіею, а по срединѣ охваченнаго перемычкою въ одно кольцо; верхняя покрыша буквы выведена прямою линіею, на концѣ съ загнутымъ внизъ клиномъ. Но особенно важна нижняя часть буквы. Бойкою рукою выведенъ овалъ для брюшка ея изъ тонкой линіи, которая потомъ, давъ косой обрѣзъ столбику, спускается далеко внизъ легкимъ овалomъ, содержащимъ въ своей дугѣ вырѣзанную фестонами листву, и затѣмъ тянется внизъ безъ всякихъ усложненій одна, сама по себѣ. Нѣчто подобное можно найдти и въ нашей письменности позднѣйшихъ временъ; но въ XI или XII в. такую игру голой линіи можно встрѣтить только въ западныхъ инціалахъ. Во всякомъ случаѣ, надобно признать, что описанная мною буква Б была замышлена въ томъ же пошибѣ, что и принятая у г. Стасова буква В (21), только расходившаяся рука писца дала себѣ свободу расчеркнуться прямою линіей подальше внизъ.

---

[1]) Архіепископа *Саввы* Палеографическіе снимки. Москва, 1863. Табл. XI.

Библиотека "Руниверс"

Евангеліе изъ собранія Григоровича, въ Московскомъ публичномъ музеѣ (табл. II), даетъ образчики еще новой школы, отличающейся отъ предшествовавшихъ и въ колоритѣ, и въ очеркахъ. Вообще писецъ пользовался для орнаментаціи только киноварными очерками, и бо́льшую часть буквъ оставилъ безъ всякой другой раскраски. Но глазъ его не удовлетворялся этимъ однообразіемъ и требовалъ себѣ развлеченія въ колоритѣ. Простѣйшій и болѣе сподручный для того способъ предлагали чернила, и мастеръ немногими черными чертами даетъ болѣе рѣзкую физіономію человѣческимъ лицамъ, писаннымъ киноварью въ овалахъ буквы Р (3, 4), придѣлываетъ уши и глазъ змѣиной головѣ въ буквѣ В (29), а въ другой той же буквѣ (31) только глазъ и сверхъ того черныя точки на каждой изъ чешуекъ, выведенныхъ киноварью по всему змѣиному хвосту, изъ перегибовъ котораго, перепутанныхъ узлами, состоитъ вся буква. Это придавало не только нѣкоторую рельефность, но и оживляло фигуру, усиливая ея взоръ черными глазомъ. Кромѣ того, писецъ имѣлъ подъ руками двѣ краски, синюю и зеленую: это не много, но въ соединеніи съ киноварными очерками колоритъ получалъ представительный видъ византійской перегородчатой эмали, перегораживая зеленыя и синія массы красными линіями (5, 20). То же и въ заставкахъ: или заставка сквозитъ своими киноварными переплетами по бѣлому полю пергамента (7), или это поле покрыто въ перемежку синими и зелеными участками, какъ эмаль, отдѣленными другъ отъ друга тѣми же красными линіями (8). Особенно убѣдительно заявляетъ мастеръ о чувствѣ колорита въ той заставкѣ (6), которую онъ покрылъ массивными полосами киновари по широкимъ просвѣтамъ бѣлаго пергамента. Тогда онъ сдѣлалъ уступку принятой имъ манерѣ, и не только очерки вывелъ чернилами, но кое-гдѣ пустилъ черный фонъ для красныхъ и бѣлыхъ жгутовъ, принятыхъ въ этой заставкѣ въ отличіе отъ двухъ другихъ, которыя состоятъ только изъ плетенки. Согласно господствующему принципу, тератологическій элементъ въ этой рукописи развивается на основѣ византійской архитектоники, и развивается въ такой силѣ, какъ еще ни въ одной изъ предшествовавшихъ рукописей. Столбики буквъ еще византійскаго стиля, или изъ жгутовъ, какъ въ буквѣ В (5), или съ перемычками и выступами дающими фигурный архитектурный профиль, какъ въ буквахъ В, Р, П (20, 30, 32). Иногда эта византійская канва такъ и остается сама по себѣ, безъ болгарскаго узора, какъ въ названныхъ тотчасъ буквахъ, а также во многихъ другихъ, у г. Стасова по справедливости

Библиотека "Руниверс"

опущенныхъ; напримѣръ, изъ жгутовъ: Р — на листахъ 14, 15, 19 об., В—на листахъ 20, 69 об. Иногда византійскій столбикъ теряетъ свою классическую простоту отъ приставки къ нему болгарскихъ прилѣповъ. Указываю на эти случаи по рукописи, съ выраженіемъ сожалѣнія, что они не внесены въ изданіе г. Стасова. Это буквы только въ киноварныхъ очеркахъ. Вопервыхъ, В на листѣ 5. При столбикѣ съ сказаннымъ выше архитектурнымъ профилемъ выведенъ верхній овалъ буквы полукругомъ въ формѣ луннаго серпа, а въ срединѣ овала помѣщенъ глазъ; нижній же овалъ кажется будто рукою, которая, исходя отъ края подошвы этой буквы, затянутая въ узорчатый поручъ, поднимается къ верху и касается всѣми своими пятью пальцами столбика; при этомъ большой палецъ на ногтѣ отмѣченъ точкою, точно смотритъ глазомъ. Эту нижнюю часть буквы надобно признать за фантастическое измѣненіе византійской листвы съ глубокими вырѣзами, какъ это и принято въ той же буквѣ на листѣ 8. Вовторыхъ, то же В на листѣ 34 об., съ прямолинейнымъ столбикомъ, по которому писанъ жгутъ: верхній овалъ образуется полукругомъ широкаго листа съ глубокими вырѣзами внутрь овала; собственно заслуживаетъ здѣсь вниманія овалъ нижній. Онъ состоитъ изъ змѣи, которая, исходя своимъ хвостомъ отъ пьедестала столбика, тянется сначала горизонтально, и потомъ, круто сгибаясь угломъ, поднимается вверхъ, обращая свою голову къ столбику: въ очерченномъ такимъ образомъ пространствѣ помѣщена птица, поставленная вертикально, такъ что ея голова приходится какъ разъ подъ мордою змѣи. Но особенно характеристиченъ змѣиный хвостъ. На всемъ протяженіи отъ головы и до той части, которая внизу упирается въ столбикъ,—весь онъ покрытъ, по обѣ стороны, частыми шипами, почему это шершавое чудовище кажется колючимъ, какъ сучекъ шиповника. Наконецъ, буква Р на листѣ 53 об. Отъ такого же столбика, со жгутомъ, съ верхняго его обрѣза направляется овалъ въ формѣ какъ бы одной четверти луннаго диска, а посреди его чернилами изображенъ глазъ, именно зрачекъ въ видѣ пятнышка съ бровью. Въ заключеніе надобно присовокупить, что упомянутыя выше фигуры буквы Р съ человѣческимъ лицомъ, а также и буквы В въ рукописи на листѣ 66, тоже съ лицомъ, писаннымъ чернилами въ верхнемъ овалѣ, слѣдуетъ имѣть въ виду для характеристики орнаментовъ Остромирова Евангелія. Смотр. у Бутовскаго табл. XI и XII.

Орнаменты С.-Петербургской Толковой Псалтири, писанныя въ стилѣ византійскомъ, не представляютъ ничего особеннаго,

Библиотека "Руниверс"

за исключеніемъ буквы Б (23), о которой я нахожу удобнѣе упомянуть, когда будетъ рѣчь объ Охридской Псалтири 1186 — 1196 г., въ Болоньѣ. Замѣчу только, что красками эта рукопись богаче Московскаго музейнаго Евангелія: къ красной, зеленой и синей она прибавляетъ еще желтую.

Съ особенною энергичностью и во всемъ разнообразіи тератологическихъ узоровъ рѣзко проявляетъ себя болгарскій орнаментъ въ Хиландарскомъ Паремейникѣ и Слѣпченскомъ Апостолѣ (табл. III). Сколько мнѣ извѣстно, дальше этого одичалая чудовищность средневѣковаго стиля не пошла ни въ одной изъ славянскихъ рукописей, ни у насъ, ни у нашихъ соплеменниковъ. Тутъ не безпомощная неумѣлость самоучки, который боязливо и вяло портитъ въ своей убогой копіи красивый образецъ, а смѣлая и бойкая рука отважнаго удальца, который привыкъ громить классическія сооруженія античнаго міра, и ихъ монументальныя развалины и узорчатый щебень пригонять на скорую руку къ своимъ невзыскательнымъ потребностямъ и поделкамъ. Тотъ же духъ разрушенія старыхъ формъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и созиданія изъ ихъ обломковъ формъ новыхъ, вѣетъ въ болгарской орнаментаціи обѣихъ названныхъ рукописей. Въ обѣихъ явственны слѣды и осколки византійскаго стиля; но все, что было въ немъ стройнаго и спокойнаго, теряетъ свою мѣру и грацію. Гибкія линіи ломаются рѣзкими углами; нѣжныя почки на древесныхъ вѣткахъ, будто длинныя и тонкія бородавки, вытягиваются въ корявые побѣги, то неуклюже торчатъ пучкомъ на столбикахъ буквъ, то перемѣшиваются съ византійскими перлами на полосахъ византійскаго же жгута (1, 4, 8, 9), то превращаются въ зубы или усугубленное жало чудовищной головы (3, 1), то между красными полосами изъ ихъ узла торчатъ они желтою рукою съ пятью пальцами въ буквѣ Е (22): можетъ быть, это и дѣйствительно на взглядъ писца настоящая рука, такъ какъ эту потребность онъ усвоилъ себѣ въ болѣе византійской буквѣ П (11), но, привыкши къ корявымъ оконечностямъ въ этой орнаментаціи, наблюдатель отнесетъ и пятерню въ буквѣ Е (22) скорѣе къ корявостямъ болгарскаго стиля, чѣмъ къ своеобразному воспроизведенію византійской руки, повязанной по щиколоткѣ бантомъ красной ленты съ концами. Иногда эти бородавчатые побѣги замѣняютъ вырѣзъ широкаго византійскаго листа, напримѣръ, для нижняго овала буквы С (24), который впрочемъ согнутъ въ острый уголъ. Писецъ знаетъ и настоящую форму этого византійскаго листа и даетъ иногда его выгибамъ болѣе спокойную

Библиотека "Руниверс"

округлую форму, какъ, напримѣръ, въ буквѣ С (5), гдѣ два такихъ листа, но онъ протянулъ ихъ стволы и изогнулъ, какъ гусиныя шеи, и на каждый посадилъ по змѣиной головѣ съ ушами. Еще пріятнѣе ему оживлять тотъ листъ, претворяя его въ морду чудовища: такъ въ заставкѣ (6) на правой сторонѣ желтая полоса оканчивается еще настоящимъ листомъ, а красный перевитый ремень имѣетъ на концѣ уже его озвѣреніе посредствомъ глаза и ушей. Эта фигура еще сильнѣе озвѣрилась на лѣвомъ концѣ того же ремня, такъ какъ болѣе крутой вырѣзъ листа лучше прилаженъ къ подобію морды, и уши поднялись у ней грозно. Эту же метаморфозу можно прослѣдить въ слѣдующихъ буквахъ. Нижній овалъ буквы В (21) еще замѣтно являетъ свое происхожденіе отъ листа, только онъ снабженъ глазомъ и ушами; въ той же буквѣ иного чертежа (18) оба овала, и верхній и нижній, по болгарскому пошибу, согнуты углами въ треугольники: въ верхнемъ еще явствуютъ слѣды листа, хотя уже и претвореннаго въ звѣриную морду, но въ нижнемъ, при треугольномъ чертежѣ, разрѣзы листа, только въ числѣ двухъ, далеко протянутые, получаютъ видъ длинныхъ и тонкихъ челюстей, которыми эта морда ущемила столбикъ буквы. Наконецъ, въ буквѣ Р (16) овалъ теряетъ всѣ признаки листа и имѣетъ видъ только треугольника, но съ глазомъ, хотя и безъ ушей, какъ въ Саввиной книгѣ я указалъ верхній овалъ съ однимъ только глазомъ, то же безъ ушей въ буквѣ В, на листѣ 49 об., пропущенной у г. Стасова. Наконецъ, укажу на смотрящій глазомъ цвѣтокъ съ ушами въ простомъ орнаментѣ, въ видѣ указателя помѣщенный въ Хиландарскомъ Паремейникѣ на полѣ 83-го листа, оборотъ. Это колокольчикъ, вовсе безъ стебля; положенъ онъ поперекъ, то-есть, горизонтально. Къ его овальной чашечкѣ придѣланы уши, а лепестки открытыхъ краевъ цвѣтка съ обѣихъ его сторонъ симметрично сгруппированы въ округлыхъ спускахъ. На полѣ, очерченномъ этою фигурою, помѣщенъ глазъ. Въ этой метаморфозѣ звѣриной головы надобно принять за ея ротъ или рыло сказанную бахрому изъ лепестковъ. Вся эта фигура выведена киноварнымъ очеркомъ, который только въ лепесткахъ тронутъ черными линіями. На мѣстѣ г. Стасова я непремѣнно помѣстилъ бы этотъ орнаментъ въ изданіи, какъ особенно характеристичный для изученія этой рукописи.

Всѣ вышеприведенные мною факты взяты изъ Хиландарскаго Паремейника, потому что эта рукопись особенно рѣзко предъявляетъ вторженіе болгарскаго самоуправства въ традиціонный строй византійской орнаментики. Слѣпченскій Апостолъ, при всей оригинальной

Библиотека "Руниверс"

чудовищности болгарскаго по́пиба, удерживаетъ въ большой сохранности стройныя и спокойныя формы византійскія, какъ напримѣръ, для буквы Ч. (12)—красный листъ, стебель котораго тянется вверхъ въ видѣ византійскаго столбика съ перемычками, а отъ него, для означенія чашечки въ буквѣ Ч, поднимаются въ обѣ стороны двѣ вѣтки съ нѣжными побѣгами, выведенныя чернилами, съ краснымъ пятнышкомъ на каждой, будто съ цвѣткомъ. Также спокойно и стройно воспроизведенъ листъ классической формы въ нижнемъ овалѣ В (13), между тѣмъ какъ верхній состоитъ изъ взнузданной красными ремнями головы коня, шея котораго выросла изъ столбика буквы, но отдѣлена отъ него перемычкою изъ двухъ колецъ или гривенъ. Такой сдержанности и осторожности въ обращеніи съ традиціонными формами Хиландарскій Паремейникъ не признаетъ. Ломая все натуральное и естественное, его писецъ не затрудняетъ себя изображеніемъ цѣлаго животнаго, а только для намека на него беретъ одну голову или даже только глазъ да уши. При такомъ отношеніи къ царству животныхъ ему на руку змѣя: у нея нѣтъ ни рукъ, ни ногъ, ни даже корпуса; стоитъ только къ ремню или полосѣ придѣлать голову, все равно—змѣиную или вообще звѣриную. Потому ни одна изъ извѣстныхъ мнѣ рукописей не кишитъ такъ змѣями, какъ эта. Напротивъ того, писецъ Слѣпченскаго Апостола, вовсе не питая пристрастія къ змѣѣ, хотя изрѣдка и употребляетъ ее, но совершенно иначе, на свой манеръ; особенно же заявляетъ вкусъ въ изображеніи цѣлыхъ животныхъ, чѣмъ существенно и отличаетъ себя отъ писца Хиландарской рукописи. Четвероногихъ звѣрей онъ даже разнообразитъ породою, напримѣръ, въ буквѣ В и въ простомъ орнаментѣ (14, 34). Очень стилистично изукрасилъ онъ для Б (15) цѣльную же птицу, съ ошейникомъ на шеѣ и съ кольцомъ, отдѣляющимъ туловище отъ хвоста; другая маленькая птичка, будто ея дѣтеныш, тычетъ свой носикъ въ ея клювъ, чтобы клюнуть себѣ пищи. Особенно характеристична буква Б (30), состоящая изъ змѣи, но для ея хвоста писецъ не воспользовался простымъ тонкимъ ремнемъ, а далъ ей массивное туловище, и притомъ не завостренное на концѣ, а купее, впрочемъ снабдилъ его колючею шершавостью, какую я уже указалъ въ змѣиномъ орнаментѣ буквы В въ музейномъ Евангеліи изъ собранія Григоровича, на листѣ 46. Наконецъ, укажу между тератологическими орнаментами на болѣе близкій къ натуральному стилю византійскому въ музейномъ отрывкѣ того же Слѣпченскаго Апостола, именно въ буквѣ Б (листъ 6), очень важной для характеристики

Библиотека "Руниверс"

этой рукописи, но у г. Стасова опущенной. Это—птица съ ошейникомъ, стоитъ на византійскомъ листѣ, который, легко сгибаясь своими вырѣзами къ птицѣ, намекаетъ на нижній овалъ буквы, тогда какъ ремешекъ, высовывающійся изъ птичьяго клюва, образуетъ верхнюю ея перекладину. Не надобно впрочемъ упускать изъ виду, что эта рукопись содержитъ въ себѣ любопытные опыты и той метаморфозы растительнаго царства въ звѣриное, какую мы замѣтили въ рукописи Хиландарской; такъ, по музейному отрывку буква Б (29) въ нижнемъ овалѣ представляетъ листъ съ глазомъ, который для рѣзкости выведенъ черниломъ, но безъ ушей. См. то же въ самой рукописи на листахъ: 3 об., 4, 5; а по отрывку въ собраніи Верковича—въ буквѣ В (33).

Въ заключеніе я долженъ обратить вниманіе читателей на одну фигуру въ Слѣпченскомъ Апостолѣ, въ высшей степени важную въ историческомъ развитіи славянскаго орнамента вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ и русскаго. Изъ отдѣльныхъ тератологическихъ элементовъ, какъ въ Болгаріи и Сербіи, такъ и у насъ, возникли въ послѣдствіи чертежи осложненные и какъ бы спутанные въ своихъ составныхъ частяхъ, именно изъ фигуръ звѣриныхъ, птичьихъ, человѣчьихъ, или же вообще чудовищныхъ—и изъ разныхъ сплетеній въ видѣ змѣй, вѣтокъ и ремней, которыя спутываютъ и связываютъ эти фигуры разнообразными узлами. Одинъ изъ раннихъ зародышей этого помѣсь, въ самомъ оригинальномъ по своей чудовищной рѣзкости видѣ, предлагаетъ въ сказанной рукописи буквъ Б (32). Съ перваго взгляда вся буква изображаетъ собою обнаженную или какъ бы одѣтую въ туго натянутыя панталоны и куртку человѣческую фигуру; на головѣ у ней красный колпакъ; лицо въ профиль, будто съ бородою, которой на затылкѣ соотвѣтствуетъ такой же клинъ, такъ что голова будто надѣта на шею, какъ грибъ-сморчокъ на корешкѣ. Изо рта высунулась красная вѣтка съ загнутымъ внизъ листкомъ, для означенія верхней линіи съ загибомъ въ буквѣ Б. Этотъ человѣкъ стоитъ, скрестивъ ноги; подъ ними полоса, которая потомъ поднимается овально, для означенія брюшка буквы Б. Вся эта фигура не плотная, а сквозная, потому что сплетена изъ полосъ: одна полоса идетъ отъ лѣвой стороны, и, образуя лѣвое плечо, дѣлаетъ легкій овалъ направо и потомъ спускается внизъ уже въ видѣ ноги, которая, скрещиваясь съ другою ногою, становится налѣво, подъ лѣвымъ плечомъ, откуда полоса эта направилась, чтобы вывести собою весь этотъ овалъ. Другая полоса, направо, образуетъ правое плечо

Библиотека "Руниверс"

и правую руку съ намѣченною патерией. Лѣвой руки вовсе нѣтъ; вмѣсто того изъ-подъ первой полосы, образовавшей, какъ сказано, лѣвое плечо и правую ногу, идетъ еще полоса, и спускаясь внизъ, даетъ собою лѣвую ногу. Такимъ образомъ мы имѣемъ теперь только оконечности человѣческой фигуры, изъ трехъ полосъ, то-есть, изъ двухъ длинныхъ—обѣ ноги, и изъ одной, покороче—одну руку. Что же касается до туловища, то мѣсто его занимаетъ тоже полоса, но отличающаяся отъ трехъ первыхъ тѣмъ, что она шершавая, съ колючками, какъ змѣиный хвостъ, что мы уже видѣли прежде,—между тѣмъ другія три полосы гладки, какъ ремни. Этотъ змѣиный хвостъ и есть та сказанная выше полоса, которая, начинаясь у ногъ человѣка, образуетъ нижній овалъ буквы Б; затѣмъ, направляясь вверхъ, пересѣкаетъ она обѣ длинныя полосы, которыми образуются ноги, и наконецъ вертикально поднимается къ головѣ, образуя ея шею, такъ что голова будто выросла на змѣиномъ хвостѣ. Не надо много воображенія и догадливости, чтобы въ этомъ причудливомъ сплетеніи увидѣть лицомъ къ лицу то легендарное чудовище средневѣковой фантазіи, въ которомъ на нашихъ глазахъ змѣиные гады претворяются въ человѣческое подобіе.

Такое же чудовищное сплетеніе ремней съ головою человѣка на длинной шеѣ и съ рукою, держащею палку, перепутанную узлами, представляетъ въ той же рукописи простой орнаментъ, выведенный чернилами (31).

Изъ сказаннаго уже довольно ясно, что обѣ рукописи, Хиландарская и Слѣпченская, принадлежатъ по концепціи къ разнымъ школамъ. Онѣ отличаются и въ колоритѣ. Писецъ Хиландарской рукописи располагалъ тремя красками—красною, желтою и коричневою, и дѣлалъ очерки, то чернилами, то красною краскою, и сверхъ того, покрывалъ фигуры сплошь колоритомъ. Писецъ рукописи Слѣпченской имѣлъ подъ руками только одну краску, именно красную, очерки выводилъ чернилами, и только кое-гдѣ покрывалъ ихъ сплошь краснымъ, обыкновенно же оставлялъ не раскрашенными, но всегда по бѣлому фону пергамента усѣивая ихъ нутро черными черточками и красными пятнами, отъ чего всѣ фигуры представляются рябыми, усиливая такимъ образомъ оригинальную чудовищность своего пошиба.

Между русскими рукописями существенное дополненіе къ этимъ двумъ болгарскимъ предлагаетъ Петербургская со словами Григорія Богослова, XI в. Въ орнаментаціи ея, какъ свидѣтельствуютъ образцы въ упомянутомъ выше изслѣдованіи г. Будиловича, оказываются харак-

Библиотека "Руниверс"

теристическія особенности той и другой, съ присоединеніемъ и своихъ собственныхъ, о которыхъ теперь говорить неумѣстно. Также, какъ Слѣпченская, она удерживаетъ византійскую архитектонику буквъ и даетъ цѣлыя фигуры звѣрей и птицъ, искажая въ нихъ византійскій натурализмъ фантастичностью неумѣлаго рисунка; но вмѣстѣ съ тѣмъ, на манеръ орнаментаціи Хиландарской, пользуется змѣиными извитіями, какъ напримѣръ, въ буквѣ М, по своему пóшибу относящейся къ одному разряду съ Хиландарскими С, Р, С, Ж, (5, 8, 19, 25), пользуется спиральными линіями, какъ въ Хиландарской заставкѣ (1), и наконецъ, какъ въ обѣихъ болгарскихъ рукописяхъ, превращаетъ византійскій листокъ въ голову чудовища съ глазомъ и ушами. См. у г. Будиловича букву В.

Въ разсмотрѣнныхъ доселѣ рукописяхъ мы видимъ борьбу зарождающихся элементовъ болгарской орнаментики съ византійскимъ преданіемъ. Иное остается еще въ своей классической неприкосновенности, иное насильственно ломается, и изъ этой ломки и порчи традиціонныхъ формъ возникаютъ новые образы, наивные и неуклюжіе въ сравненіи съ античнымъ изяществомъ, но выкупающіе его утрату смѣлостью новизны и оригинальною характерностью, которая даетъ свѣжій источникъ для художественнаго творчества. Посѣянное зерно византійской традиціи должно было съ болью разрушиться, чтобы дать живой ростокъ славянскому орнаменту. Слѣдующіе выпуски изданія г. Стасова, безъ сомнѣнія, дадутъ намъ новые зрительные аппараты для микроскопическаго наблюденія надъ этими славянскими зачатками; но и теперь изъ того, что̀ издано въ первомъ выпускѣ, можно съ смѣлостью заключить, что великое дѣло созданія славянскаго рукописнаго орнамента уже совершилось въ XI и XII вв., и что дальнѣйшее его развитіе постепенно и естественно исходитъ отъ этихъ зачатковъ, и каковы бы ни были постороннія въ него внесенія, они претворялись въ плоть и кровь живаго и живучаго организма.

Можно надѣяться, что эти смѣлые порывы творческой фантазіи въ раннемъ болгарскомъ орнаментѣ дадутъ мастерамъ разныхъ промышленныхъ издѣлій такіе образцы, которые внесутъ въ ихъ узоры характеристичное разнообразіе и освѣжатъ оригинальными подробностями монотонность господствующихъ теперь сплетеній.

Новый періодъ въ исторіи славянскаго орнамента ведетъ свое начало отъ попытокъ къ искусственной обработкѣ грубыхъ набросковъ, хотя и смѣлой, но непривычной руки, и къ гармоническому ихъ

Библиотека "Руниверс"

сочетанію въ болѣе пріятное на взглядъ цѣлое, именно тотъ періодъ, который потомъ достигаетъ своего высшаго развитія въ русскомъ стилѣ XIII—XIV вв., состоящемъ въ тератологическихъ сплетеніяхъ, мастерски выработанныхъ, будто ювелирныя издѣлія. Но на основаніи какихъ данныхъ и при какихъ средствахъ могли возникнуть эти художественныя попытки, когда въ стилѣ болгарскомъ уже укоренились тѣ ломанныя и уродливыя формы, о которыхъ мы только-что говорили? Для этого не надобно было славянскимъ писцамъ далеко идти за поисками, такъ какъ они желаемое ими и требуемое для прикрасы своихъ орнаментовъ съ лихвою могли находить въ тѣхъ же художественныхъ источникахъ Византіи. Потому уже одновременно съ школами писцовъ, упражнявшихся въ грубой тератологіи, въ томъ же XII в. начали процвѣтать и такія школы, которыя, исправляя ея неуклюжести, давали ей изящную отдѣлку.

Охридская Псалтирь 1181 — 1196 гг., въ университетской библіотекѣ въ Болоньѣ (табл. IV), съ которой по орнаментаціи сходствуютъ, какъ уже замѣчено мною прежде, наши рукописи: Юрьевское Евангеліе 1120—1128 гг. и Евангеліе Добрилово 1164 г. и нѣкоторыя другія, — при сильномъ господствѣ еще византійскаго стиля, предлагаетъ начатки сплетенныхъ тератологическихъ фигуръ, и не только въ буквахъ, какъ у насъ въ XII в., но и въ заставкѣ (1), и именно въ такой, какая стала у насъ господствующею въ орнаментаціи XIII—XIV вв., о чемъ тоже было уже замѣчено выше [1]). Какъ въ Хиландарскомъ Паремейникѣ чудовищность змѣинаго орнамента въ заставкахъ соотвѣтствуетъ такой же чудовищности въ прописныхъ буквахъ, гдѣ она преимущественно и выработывалась, такъ и Охридская заставка состоитъ въ зависимости отъ орнамента буквеннаго, что̀ очевидно явствуетъ изъ сличенія обѣихъ переплетенныхъ птицъ въ заставкѣ съ такими же въ двухъ экземплярахъ буквы Б (2, 17). Ту же зависимость отъ буквъ, какъ будетъ указано ниже, мы замѣтимъ въ заставкѣ сербской рукописи Іоанна экзарха Болгарскаго 1263 г. (XIX, 1), въ заставкѣ, совершенно сходной съ охридскою. Ни въ Юрьевскомъ, ни въ Добриловомъ Евангеліи подобной заставки еще нѣтъ, но значительно осложненная она принята уже въ русскомъ Евангеліи XII — XIII в.,

---

[1]) Изъ изданія *Бутовскаю* смотр. снимокъ у *Віолле-ле-Дюка*, L'art russe Paris. 1877, табл. IX, стр. 80—81.

Библиотека "Руниверс"

въ Румянцевскомъ музеѣ № 104 (у Бутовскаго табл. XXVII). Не смотря на замѣчательно близкое сходство такой заставки съ западными орнаментами, указанное мною выше, органическая ея связь съ прописными буквами въ двухъ названныхъ рукописяхъ, одной болгарской и другой сербской, не оставляетъ сомнѣнія, что она сама собою вылилась изъ-подъ руки писца, привыкшей къ составляющему ее орнаменту на частомъ его повтореніи въ прописныхъ буквахъ. Остается замѣтить, что орнаментація Охридской Псалтири, такъ же какъ и названныхъ трехъ русскихъ Евангелій [1]), выведена только киноварью безъ всякой другой раскраски, и сверхъ того, въ Охридской рукописи и Румянцовской № 104, киноварные узоры кое-гдѣ отчетливо и и стройно, съ большимъ вкусомъ, тронуты рядами черныхъ точекъ и черточекъ, а иногда и пройдены чернымъ рисункомъ, легко и изящно. Этотъ художественный пріемъ особенно пріятно ласкаетъ зрѣніе послѣ только что прошедшихъ передъ нашими глазами неряшливо накиданныхъ красныхъ пятенъ, которыми покрыты чудовищныя фигуры въ Слѣпченскомъ Апостолѣ.

Къ разряду разсматриваемыхъ теперь рукописей надобно отнести и упомянутую выше Толковую Псалтирь въ Императорской Публичной Библіотекѣ, съ раскрашенными орнаментами. Одинъ изъ нихъ, въ буквѣ Б (II, 23), на безногомъ туловищѣ, сплетенномъ ремнями, протягивающій длинную шею съ звѣринымъ рыломъ, изъ пасти котораго торчитъ вѣтка, завязанная узломъ, — по общему составу сходствуетъ съ узорными буквами въ Охридской Псалтири (6, 18) и Орбельской Тріоди XII—XIII в. (VI, 12), а у насъ въ Юрьевскомъ Евангеліи (у Бутовскаго табл. XIX).

Тотъ же благоустроенный стиль, но на иной манеръ, свидѣтельствующій о другой школѣ писцовъ, предлагаетъ намъ Орбельская Тріодь XII — XIII в., въ библіотекѣ Верковича (табл. V и VI). Орнаменты такого же художественнаго достоинства, какъ и въ только что указанныхъ рукописяхъ, но они потеряли довольно въ тонкости, отчетливости и деликатности рисунка, потому что, вмѣсто линейныхъ очерковъ киноварныхъ, они густо покрыты желтою, красною и зеленою краскою, за исключеніемъ одной буквы, въ видѣ птицы, именно С (VI, 9), въ которой къ этимъ тремъ краскамъ прибавлены очень удачно черные узоры и полосы. Даже рисунокъ выведенъ не тонкимъ

[1]) За исключеніемъ раскрашеннаго въ Добриловомъ Евангеліи фронтисписа.

Библиотека "Руниверс"

перомъ, а кистью, которою замалевано и его нутро. Повсюду вѣетъ благочинностью и спокойною ясностью византійскаго духа, и въ заставкахъ и въ буквахъ, не смотря на тератологическую примѣсь, и самыя сплетенія не вяжутъ и не насилуютъ фигуръ, а больше ихъ украшаютъ, какъ разноцвѣтныя ленты. Въ буквѣ В (VI, 22) полосатыми лентами спеленута отъ шеи до хвоста вся птичка, составляющая эту букву,—будто съ намѣреніемъ, чтобъ она не вспорхнула и не унесла въ себѣ эту букву изъ рукописи. Въ двухъ экземплярахъ буквы С (VI, 9. 13), состоящей тоже только изъ птички, широкая лента, со вкусомъ завязанная узломъ, составляетъ ея хвостъ. Для буквы Е (VI, 16) просто брошенъ въ вертикальномъ направленіи какъ бы поясъ, узорчатый; въ серединѣ онъ завился петлею, для серединнаго выступа буквы Е, внизу оканчивается бахромою въ видѣ окраины цвѣточныхъ лепестковъ колокольчика, а вверху — птичьей головкою, какъ бы пряжкою на поясѣ. Мастеръ не предается безотчетному порыву въ погонѣ за чрезвычайнымъ, несбыточнымъ и недомыслимымъ, какъ это мы видѣли въ Хиландарскомъ Паремейникѣ и Слѣпченскомъ Апостолѣ, — но сознательно вникаетъ въ смыслъ того, что̀ хочетъ изобразить. Слѣдуя византійскимъ образцамъ, онъ съ особеннымъ расположеніемъ пользуется человѣческою рукою для выраженія человѣческой воли и разумѣнія. То она, для буквы Р (VI, 10. 19), съ сложенными на благословеніе перстами, поднялась вверхъ на красивомъ столбикѣ буквы; то въ заставкѣ (V, 2) и въ буквѣ В (V, 14) поражаетъ мечомъ высунувшуюся наружу изъ сплетеній змѣиную голову; то держитъ сучокъ, отъ котораго идутъ полукругомъ загнутыя вѣтви, переплетенныя въ плетень, для буквы С (V, 11), или же держитъ столбикъ, покрытый перекладиной, для буквы Т (VI, 7. 14). А то эту же букву до половины съ нижняго конца проглотила звѣриная пасть, которой голова съ ошейникомъ поднимается на длинной шеѣ, внизу оканчивающейся въ своихъ узорахъ бахромою (VI, 26). Вообще во всей орнаментаціи чувствуется что-то осмысленное и созидательное, а не разрушительное, что-то ясное и спокойное, а не буйное и порывистое. Современная промышленность можетъ найдти въ ней для своихъ издѣлій не малую поживу.

Еще лучшую добычу дастъ нашимъ золотыхъ дѣлъ мастерамъ Евангеліе Народной библіотеки въ Бѣлградѣ, XII — XIII в. (табл. VII). Здѣсь болгарскій орнаментъ достигъ высшаго совершенства, какъ въ рисункѣ, такъ и въ колоритѣ, какое только могло быть ему доступно. Ко всѣмъ достоинствамъ, указаннымъ мною въ

Библиотека "Руниверс"

Орбельской, Тріоди, мастеръ Бѣлградскаго Евангелія, очевидно принадлежащій къ другой школѣ, присовокупляетъ необыкновенно тонкій и отчетливый очеркъ чернилами, которыми съ замѣчательною легкостью выводитъ подробности орнамента, и вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ чувствомъ колорита, какъ никто изъ прочихъ болгарскихъ орнаментаторовъ. Унаслѣдовавъ себѣ стиль византійской эмали и мозаики, онъ понимаетъ взаимное отношеніе между рисункомъ и колоритомъ и художественное ихъ сліяніе въ одно гармоническое цѣлое. Располагаетъ онъ немногими красками, но какъ мастерски ими пользуется! Кромѣ цвѣта чернилъ, съ синимъ, будто сталь, отливомъ, у него было подъ руками всего только киноварь да охра. Правда, въ миніатюрѣ, изображающей евангелиста Марка, онъ не поскупился для свѣчей въ подсвѣчникѣ и на золото, но въ орнаментаціи обошелся безъ него, потому ли, что дорожилъ этимъ цѣннымъ матеріаломъ, или же не хотѣлъ нарушить пестротою гармонію колорита, почему не допустилъ онъ и краски зеленой, которая была распространена у болгарскихъ писцовъ разныхъ школъ.

Чтобы достигнуть своей художественной цѣли, мастеръ даетъ каждой подробности въ орнаментѣ, выведенной чернымъ очеркомъ, свою отдѣльную краску. Такъ въ буквѣ Ч (9) византійскій столбикъ раздѣленъ пополамъ вертикальною линіей: одна половина покрыта желтою краскою, другая красною; вверхъ для чашечки этой буквы симметрично поднимаются двѣ змѣи чернаго цвѣта, будто капитель на колоннѣ, и обращаютъ другъ къ дружкѣ свои желтыя головки, съ красными ушами и красными же языками, и съ черными глазами. Мастеръ постоянно заботится дать глазу его натуральный видъ, и для того рисуетъ черный зрачокъ по бѣлому его бѣлку, который, вырѣзываясь на черномъ или желтомъ фонѣ звѣриной, змѣиной, птичьей или рыбьей головы, даетъ ей такую свѣтлую зрячесть, какъ ни въ одной изъ доселѣ разсмотрѣнныхъ нами иллюстрацій (3, 5, 17, 18, 25, 27, 29).

Иногда мастеръ пользуется въ видахъ колорита бѣлымъ цвѣтомъ пергамента, присоединяя къ цвѣтнымъ подробностямъ бѣлую, которая своими полосами пересѣкаетъ цвѣтныя: такъ напримѣръ, бѣлая змѣя, нѣжно покрытая черными и красными черточками, извивается своими хвостами по двумъ развилинамъ сучка, одной желтой и другой красной, которыя, для образованія буквы В (12), суживаясь кверху, соединяются въ бѣлой же змѣиной мордѣ, для верхняго овала буквы пропустившей свой длинный бѣлый носъ между желтымъ и крас-

Библиотека "Руниверс"

нымъ листиками. Иногда бѣлая фигура по черному ея абрису оттѣняется красной полоской, какъ въ буквѣ Р (14). Иногда нутро буквы покрыто сплошною краскою, на которой рельефно выступаетъ сплетенный изъ полосъ орнаментъ; напримѣръ, въ буквѣ В по красному фону черныя и желтыя полосы, или по желтому — черныя и красныя (7, 19); а то между цвѣтнымъ сплетеніемъ сквозитъ бѣлый фонъ пергамента, какъ въ буквахъ В и В (6, 20).

Въ вымыслѣ фигуръ, соединяющихъ въ себѣ болгарскіе элементы съ византійскими, господствуетъ изящная простота, не рѣдко достойная античнаго стиля. Мастеръ умѣетъ пользоваться малосложными средствами, чтобы выразить свою мысль. Благословляющая рука, поднятая вверхъ, рыба, заяцъ, стоящій на заднихъ ногахъ, даже одинъ только жгутъ или столбикъ—для него буква Р (4, 5, 27, 15, 21); палочка съ орнаментомъ на обоихъ концахъ, которую держитъ рука или звѣриная морда въ своей пасти — это буква Л (16, 18). Сплетенія, въ послѣдствіи доведенныя до излишества, какъ у насъ въ XIII—XIV вв., составляютъ здѣсь принадлежность не болѣе какъ только одной половины орнаментовъ, и то въ очень умѣренныхъ размѣрахъ, не запутывая и не заслоняя главной фигуры своими извитіями, чему вмѣстѣ съ тѣмъ не мало способствуетъ колоритъ, которымъ постоянно отличаются ремни отъ того, что они связываютъ и переплетаютъ.

Въ отдѣлкѣ подробностей замѣчается то натурализмъ византійскаго происхожденія, то стилизація, частью византійская, частью болгарская или вообще средневѣковая. Такъ упомянутый выше заяцъ, въ желтой шкуркѣ съ красными пятнами, ведетъ свою породу изъ византійскихъ миніатюръ, черезъ Изборникъ Святославовъ 1073, въ которомъ онъ тоже стоитъ на заднихъ лапкахъ и съ такими же не въ мѣру длинными ушами, только золотыми [1]), тогда какъ мастеръ Бѣлградскаго Евангелія, слѣдуя принятой имъ манерѣ, живописно отличилъ въ заячьихъ ушахъ желтую шерсть наружной ихъ стороны отъ внутренней, покрывъ ее красною краскою (27). Но туловищу рыбы (5) далъ онъ стилизованную отдѣлку въ видѣ шахматной доски изъ черныхъ и красныхъ квадратиковъ. Кромѣ того, пользуясь манерою золотыхъ дѣлъ мастеровъ, разлагаетъ онъ члены животнаго на отдѣльныя пластинки, которыя потомъ соединяетъ другъ съ друж-

[1]) См. по изданію Общества любителей древней письменности, листъ 129.

Библиотека "Руниверс"

кой не какъ органическія части животнаго, а какъ узорчатыя фигуры, одна къ другой привинченныя или припаянныя, и при этомъ для каждой пластинки пользуется отдѣльнымъ колоритомъ, что, впрочемъ, при маломъ числѣ красокъ, не бьетъ въ глаза пестротою (17, 24, 29).

Въ этой орнаментаціи мы имѣемъ дѣло съ настоящимъ мастеромъ, который сознательно относился къ своей работѣ и ясно понималъ, какъ и что хотѣлъ онъ изобразить. Это могли мы замѣтить и въ предложенномъ анализѣ, но сверхъ того, самъ мастеръ лично отъ себя увѣряетъ насъ въ сказанномъ и какъ бы свидѣтельствуетъ о томъ своею собственною подписью. А именно: въ миніатюрѣ представилъ онъ евангелиста Марка сидящимъ съ книгою передъ подсвѣчникомъ съ тремя упомянутыми выше золотыми свѣчами. Надъ нимъ три арки; изъ нихъ обѣ крайнія упираются — каждая на свою колонну; изъ—подъ арокъ спускаются двѣ лампады, а каждая изъ обѣихъ колоннъ имѣетъ своей капителью львиную голову [1]). Въ надписи подъ арками означено: Лъвовь образъ а се кандила. и свѣщ... Что въ надписяхъ называются предметы, изображенные въ миніатюрѣ,—это дѣло обыкновенное, какъ и здѣсь кандила, то-есть, лампады, и свѣщ..., то-есть, свѣщникъ или свѣщи; но чтобы вникать въ смыслъ орнамента и принимать его за сюжетъ самой миніатюры, то-есть, капители назвать львовымъ, или львинымъ образомъ—такую надпись мнѣ только здѣсь пришлось прочесть въ первый разъ въ нашей славянской письменности. Скажутъ, что надпись, можетъ быть, начерталъ не самъ орнаментаторъ, если не самъ онъ былъ и писцомъ рукописи; но во всякомъ случаѣ, надпись эта была помѣщена не безъ вѣдома мастера, и не только самъ мастеръ, но и товарищъ его, писецъ рукописи, умѣли истолковывать орнаменты и относиться къ нимъ сознательно.

Разсмотрѣнными доселѣ рукописями я ограничиваю подробный анализъ, въ которомъ я думалъ коснуться самыхъ корней того болгарскаго древа, которое распростерло свои узорчатыя вѣтви и по

---

[1]) Подобную орнаментацію см. въ греч. Акаѳистѣ Пресвятой Богородицѣ по рукоп. XII—XIV въ Синод. библіотекѣ въ миніатюрѣ при кондакѣ 11-мъ, въ Фотографическихъ Снимкахъ, изд. *Викторовымъ*, въ 1-мъ выпускѣ, Москва 1862 г.; а изъ западныхъ у *Эдуарда Флёри*, въ рукописахъ XII в. Les manuscrits à miniatures de la bibliothèque de Laon. Laon, 1863; pl. 11 bis, 15.

Библиотека "Руниверс"

другимъ славянскимъ племенамъ, и только русскій отсадокъ ранѣе этихъ послѣднихъ укоренившись у насъ, разросся еще болѣе широкимъ и развѣсистымъ деревомъ, чѣмъ болгарское, хотя и пошелъ отъ него. Связь русскаго орнамента въ его позднѣйшемъ развитіи съ прочими соплеменными объяснена мною выше. Теперь мнѣ остается только сдѣлать общее обозрѣніе, коснувшись немногихъ особенностей, болѣе достойныхъ замѣчанія.

Болгарскій орнаментъ, какъ онъ представленъ въ изданіи г. Стасова, оказываетъ поразительную бѣдность, почти полное отсутствіе въ теченіе всего XIV вѣка, именно въ тотъ періодъ, когда у насъ въ такомъ неисчерпаемомъ обиліи художественно выработанныхъ формъ развился стиль тератологическихъ сплетеній. Изъ шести рукописей, давшихъ г. Стасову образцы для таблицы VIII, только одна XIV в., именно Дечанская Псалтирь Императорской Публичной библіотеки (изъ собранія Гильфердинга), по орнаментаціи ничего характеристичнаго не представляющая, какъ и другая того же вѣка, Евангеліе въ академической библіотекѣ въ Загребѣ, и притомъ эта послѣдняя не чисто-болгарская, а болгаро-сербская, то-есть, переписанная съ болгарскаго оригинала въ Сербіи или Сербомъ. Остальныя четыре рукописи—XIII в.; какъ и разобранныя мною выше XII—XIII, онѣ по развитію орнамента болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ нашимъ Евангеліямъ — Юрьевскому 1120 — 1128 гг. и Добрилову 1164 г. и нѣкоторымъ другимъ, въ которыхъ разрабатывались элементы для нашего русскаго стиля XIII—XIV вв. Въ VIII таблицѣ указываю изъ болгаро-сербскаго Евангелія XIII в., находящагося, какъ и названное выше, въ академической библіотекѣ въ Загребѣ, на два орнамента буквы В (15, 21), въ которыхъ принята человѣческая голова, еще въ грубой формѣ, которой высшее художественное развитіе будетъ указано въ орнаментаціи сербской (XXI, 2).

Затѣмъ, съ таблицы IX начинаются XV и XVI вв. и послѣдовательно восходятъ до XVIII в., въ табл. XIII. Такъ какъ этотъ позднѣйшій стиль въ общемъ характерѣ и въ частностяхъ сходствуетъ съ нашимъ, то я коснусь только немногихъ подробностей.

Изъ Севліевскаго Евангелія XVI в. въ библіотекѣ г. Сырку взята необыкновенно изящная заставка. Она состоитъ изъ переплетенныхъ ремней, которые, какъ Медузины змѣи, исходятъ въ видѣ толстыхъ волосъ отъ двухъ человѣческихъ головъ и расходятся въ своихъ извитіяхъ по всей заставкѣ (IX, 7), Слич. сходную съ нею сербскую

Библиотека "Руниверс"

XV в. (XXIV, 14), только съ одною головою, а змѣи замѣнены сплетеннымъ изъ ремней украшеніемъ, и сквозной легкій переплетъ болгарской заставки отягощенъ въ сербской густымъ колоритомъ разноцвѣтнаго фона.

Изъ того же Севліевскаго Евангелія взяты двѣ буквы З и К (X, 3, 2) очень большаго размѣра, съ длинными хвостами поперекъ всей страницы рукописи, изъ цвѣточной гирлянды съ птичками, на западный манеръ и въ западномъ стилѣ. Заставка (X, 1). по свѣтлозеленому полю, изъ сплетенныхъ бѣлыхъ вѣточекъ съ красными ягодками въ видѣ шариковъ, по одному, по три и болѣе; а посреди въ бѣломъ пространствѣ, округленномъ тѣми же вѣтвями, изображенъ Евангелистъ Матѳей, какъ Моисей въ заставкѣ того же позднѣйшаго фряжскаго стиля въ Геннадіевской Библіи 1499 г. [1]).

Наполненіе ременныхъ сплетеній фигурами звѣрей и птицъ, но не столько связанными и перепутанными, какъ у насъ въ XIV в., а болѣе свободными, и потому въ болѣе натуральномъ видѣ, встрѣчается въ болгарскихъ заставкахъ XVI и XVII в. (табл. XI, 1, 6). Слич. у насъ въ XV в. по изданію Бутовскаго въ табл. LV.

Обращаюсь къ орнаменту сербскому (табл. XIV—XXVII). По изданію г. Стасова онъ доведенъ до XVIII в., но начинается только съ XII в., когда онъ явился уже въ полномъ своемъ разцвѣтѣ, раздѣлившись на школы, отличающіяся между собою по степени художественнаго развитія и по источникамъ и пособіямъ, которыми онѣ пользовались. Сербскій орнаментъ по внѣшнему изяществу превосходитъ всѣ прочія славянскіе, не исключая и болгарскій, но въ оригинальности и внутреннихъ качествахъ далеко уступаетъ этому послѣднему. Какъ явленіе, уже позднее, онъ долженъ быть возводимъ къ своимъ началамъ по рукописямъ болгарскимъ и по нашимъ XI и XII вв., и притомъ представляетъ въ своихъ школахъ уже въ XII в. неожиданную примѣсь западнаго элемента въ довольно чувствительныхъ размѣрахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ даже въ XIII в. пользуется такими архаическими формами, которымъ по древности уступаютъ соотвѣтствующія болгарскія XII в. Будучи оторванъ отъ ранней исторической почвы, сербскій орнаментъ при самомъ своемъ появленіи въ XII в. долженъ былъ разложиться на анахроническія проти-

[1]) См. снимокъ въ табл. XVII при моей монографіи въ Матеріалахъ для исторіи письменности, изданныхъ къ столѣтнему юбилею Московскаго университета. Москва. 1855.

Библиотека "Руниверс"

ворѣчія, и подвергшись соблазнительному вѣянію съ Запада, обнаружить наклонность къ замѣнѣ стилизованныхъ формъ живописными, то-есть, къ превращенію собственно орнамента въ миніатюру, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще къ проявленію изящнаго вкуса въ подробностяхъ, заставившаго орнаментаторовъ цѣнить классическій стиль византійскаго преданія. Однимъ словомъ, въ сербскомъ орнаментѣ XII и XIII вв. мы находимъ уже первый и рѣшительный шагъ къ тому стилю возрожденія, который оказывается въ нашей русской письменности XV и начала XVI в.

Только что сказанное вполнѣ оправдывается орнаментаціею Евангелія Мирославова, изъ Хиландарскаго монастыря, XII в., которою у г. Стасова начинаются сербскіе матеріалы (табл. XIV и XV). На первой таблицѣ они воспроизведены въ краскахъ и съ золотомъ, во второй (по снимкамъ Севастьянова) только киноварными очерками. Уже самая величина буквъ своими необычными въ византійской, болгарской и русской орнаментаціи размѣрами указываетъ на западные образцы, иногда занимающіе собою цѣлую страницу латинской рукописи (XIV, 2, 3, 4, 6). Какъ въ миніатюрѣ, фигуры, довольно натурально написанныя, приводятся въ извѣстномъ, опредѣленномъ дѣйствіи. Въ буквѣ B (2) человѣкъ, изображенный по грудь, въ одѣяніи, обѣими руками, обнаженными по локоть, съ очевиднымъ усиліемъ тянетъ къ себѣ тотъ и другой овалъ этой буквы, помѣстившись между обоими. Въ другомъ экземплярѣ буквы B (6), человѣкъ, сидя вверху, веревкою тащитъ къ себѣ звѣря, захлеснувъ ею его шею, и поражаетъ его рогатиною въ пасть. Въ буквѣ P (4) сидящая у фигурнаго жезла птица, извивая свою длинную шею, ущемила своимъ клювомъ завязанный узломъ хвостъ змѣи, которая своей пастію вцѣпилась въ золотой наконечникъ того жезла. Другой экземпляръ буквы P (3) представляетъ на звѣрѣ водруженную колонну, которая вверху своими орнаментами охватываетъ медальонъ или щитъ: въ немъ изображена человѣческая фигура съ книгою. Подобные щиты съ помѣщеннымъ на нихъ человѣкомъ или животнымъ довольно обыкновенны въ западной орнаментикѣ прописныхъ буквъ; напримѣръ, по одной латинской рукописи XI в. въ колоссальной буквѣ V два щита съ человѣческою фигурою въ каждомъ [1]); еще ранѣе, въ Библіи Алкуина колоссальная же буква P, между своими орнаментами, содер-

[1]) Paleographia artistica di Montecassino. 1884. Табл. XXVIII.

Библиотека "Руниверс"

житъ тоже два щита; въ одномъ человѣческая фигура, въ другомъ птица [1]). Вообще, вся эта таблица XIV представляетъ въ орнаментаціи нѣчто совершенно особенное, небывалое, даже скажу — невозможное для славянскихъ рукописей, писанныхъ кириллицей, не только XII в., но и гораздо позднѣйшихъ. Орнаментаторъ, какъ живописецъ, отличаетъ звѣрей и птицъ по породамъ, даетъ имъ соотвѣтственное движеніе или покойную позу, равно какъ и человѣческимъ фигурамъ; искусно вырабатываетъ подробности своей миніатюры и обладаетъ чувствомъ колорита въ гармоническомъ сочетаніи красокъ и въ живописномъ приноровленіи ихъ къ натурѣ изображаемыхъ предметовъ, какъ на Западѣ мастера XII и XIII вв., или какъ ранніе ихъ предшественники первыхъ вѣковъ христіанства на Западѣ и на Востокѣ, еще не утратившіе классическаго преданія. Таблица XV съ орнаментами, выведенными только киноварью, изъ того же Мирославова Евангелія, при томъ же живописномъ изяществѣ содержитъ въ себѣ болѣе слѣдовъ византійскаго стиля, и, не смотря на мастерскую обработку фигуръ, заявляетъ о сродствѣ ихъ съ гораздо менѣе искусными и болѣе наивными въ нашемъ Юрьевскомъ Евангеліи 1120—1128 гг.

Евангеліе Жупана Вукана 1199—1200 гг. (изъ собранія епископа Порфирія) принадлежитъ совсѣмъ къ другой школѣ писцовъ (табл. XVI), и сближается по стилю съ болгарскимъ орнаментомъ Орбельской Тріоди XII—XIII в. (табл. V и VI), только рисунокъ выведенъ чернилами, и потому тщательнѣе и точнѣе, и колоритъ разнообразнѣе. Также, какъ тамъ, тонкіе ремни, спутывающіе своими сплетеніями фигуру, превращены и здѣсь въ широкія полосы, на подобіе лентъ съ разноцвѣтными каймами (2, 8, 12, 13). Прекрасный образецъ для подражанія въ промышленныхъ издѣліяхъ предлагаетъ, по своей изящной простотѣ и наивной осмысленности, буква I (15), состоящая изъ краснаго сучка, съ прорѣзанными кое-гдѣ черными проймами, сквозь которыя продѣты изогнутые прутики розоваго и желтаго цвѣта; верхушка сучка загибается двумя тоненькими черными усиками. По архаичности и по колориту, болѣе блѣдному, отличается отъ другихъ буква B (7), въ которой верхній овалъ, на древне-болгарскій манеръ, представляетъ превращеніе листа въ звѣринную голову съ глазомъ и ушами [2]).

[1]) *Westwood*, Palaeographia sacra pictoria.

[2]) Въ текстѣ къ этой XVI таблицѣ, на стр. 6, перемѣшаны нумера орнаментовъ, такъ какъ заставка, означенная въ таблицѣ подъ № 6, отнесена въ

Библиотека "Руниверс"

Въ Ватиканскомъ Евангеліи XIII в. (табл. XVII), еще иной школы писцовъ, орнаментъ изъ переплетенныхъ ремнями фигуръ, нераскрашенныхъ и только выведенныхъ киноварью по синему полю, напоминаетъ наши XIII и XIV вв., напримѣръ, у Бутовскаго въ табл. XLIX, только проще и менѣе отягощенъ сплетеніями. Онъ представляетъ какъ бы переходъ отъ Юрьевскаго Евангелія 1120—1128 гг. къ сложному и роскошному орнаменту въ русскихъ рукописяхъ обоихъ позднѣйшихъ вѣковъ.

Въ таблицѣ XVIII орнаменты изъ пяти рукописей XIV в., принадлежащіе по малой мѣрѣ къ тремъ разнымъ школамъ, замѣчательны тѣмъ что по своему стилю составляютъ преддверіе къ художественному возрожденію въ славянской письменности XV и XVI вѣковъ. Въ фронтисписѣ Оливеровой Минеи 1342 г. мы видимъ художественное воспроизведеніе византійскихъ образцовъ въ нѣсколько обновленномъ видѣ (1). Дечанское Евангеліе въ Императорской Публичной библіотекѣ (изъ собранія Гильфердинга) предлагаетъ заставку изъ круговъ или вѣнковъ, которые состоятъ изъ сплетенныхъ ремней, именно такую, какая сдѣлалась общимъ мѣстомъ въ славянской орнаментаціи XV в. (2). Орнаменты въ формѣ одного круга или одного квадрата, какъ въ Тріоди и Евангеліи изъ народной библіотеки въ Бѣлградѣ (13 и 14) напоминаютъ подобные же въ Псалтири Троицко-Сергіевой лавры второй половины XV в., по изданію Общества любителей древней письменности, подъ моею редакціею, № LII—LXXIV, табл. 57 и 58.

Самый неожиданный сюрпризъ между щегольскими орнаментами сербскими даетъ намъ въ слѣдующей таблицѣ XIX заставка маститой старины во всей простотѣ и неуклюжести ранняго стиля тератологическихъ сплетеній. Это именно въ Шестодневѣ Іоанна экзарха Болгарскаго 1263 г., въ Синодальной библіотекѣ въ Москвѣ (1). О ней не разъ уже было упоминаемо мною въ сравненіи съ русскою заставкою по изданію Бутовскаго въ табл. XLIX, и взятою оттуда Віолле-ле-Дюкомъ въ его книгу о русскомъ искусствѣ, въ табл. IX. Какъ могъ появиться въ одной изъ сербскихъ школъ въ такое позднее время этотъ архаическій орнаментъ, столько чуждый всему остальному, что мы видимъ въ сербскихъ рукописяхъ XII – XIV в.,—объяснить это иначе нельзя, какъ только точною ко-

---

текстѣ къ № 1, вслѣдствіе чего буквы очутились подъ чужими нумерами и получили другія названія.

Библиотека "Руниверс"

піею съ очень ранняго болгарскаго оригинала. Этотъ оригиналъ долженъ былъ предшествовать разсмотрѣнной нами выше подобной же болгарской заставкѣ въ Охридской Псалтири 1186—1196 гг. въ университетской библіотекѣ въ Болоньѣ (IV, 1). Эта послѣдняя заставка отличается уже большею выправленностью и искусственностью въ отдѣлкѣ киноварью и чернилами, въ общемъ стилѣ съ прописными буквами. Согласно закону историческаго развитія славянскаго орнамента, заставка въ сербской рукописи 1263 года состоитъ еще въ большей зависимости отъ узоровъ прописныхъ буквъ, чѣмъ Охридская, какъ это явствуетъ въ буквѣ В, на томъ же самомъ листѣ Шестоднева, гдѣ написана и та заставка [1]). Очень жаль, что эта характеристическая буква не приведена въ изданіи г. Стасова.

Таблица XX съ орнаментами изъ пяти рукописей XIV в., изъ коихъ двѣ означены годами, одна 1372 г. и другая 1388 г., предлагаетъ намъ тотъ же художественный стиль, который къ намъ перешелъ въ рукописи XV в., то-есть, съ заставками въ кругахъ изъ ременныхъ сплетеній. Заставка (XX, 1) Хлудовскаго Евангелія (изъ собранія Гильфердинга) по школѣ согласуется съ украшеніями Оливеровой Минеи 1342 г. (XVIII, 1).

Къ объясненію перехода въ исторіи русскаго орнамента отъ Юрьевскаго Евангелія 1120—1128 гг. къ нашимъ рукописямъ XIII—XIV вв. служитъ, вмѣстѣ съ другими выше указанными болгарскими и сербскими памятниками, Хиландарское Евангеліе XIV в. (по снимкамъ Севастьянова; табл. XXI—XXII). Только орнаменты въ этой поздней рукописи, будучи подчинены художественному обновленію, отличаются выправкою рисунка на новый манеръ и богатствомъ колорита, для котораго были употреблены желтая, оранжевая, красная, розовая, синяя и зеленая краски. Ременными переплетеніями связаны не всѣ тератологическія фигуры, и то слегка, не нарушая ихъ очерка и давая имъ свободу въ движеніи и постановкѣ. Иныя носятъ на себѣ слѣды раннихъ источниковъ, какъ напримѣръ, стоящій на четырехъ ногахъ звѣрь, а вмѣсто головы поднимается у него высоко только одна шея, которая вверху завивается въ клубокъ, завязанный узломъ изъ сплетеній; или другой звѣрь, поднявшійся на дыбы, такъ приросъ своею желтою шкурою къ древесной вѣтви того же цвѣта, что составляетъ съ нею одно цѣлое: оба эти экземпляра

[1]) *Калайдовича* Іоаннъ экзархъ Болгарскій. Москва. 1824, см. табл. 3.

Библиотека "Руниверс"

означаютъ букву В (XXI, 8, 12). Къ остаткамъ старины принадлежитъ тоже въ буквѣ В (XXII, 6) нижній ея овалъ, состоящій изъ большаго листа, который, на древне-болгарскій манеръ, смотритъ глазомъ: подновленіе оказывается только въ томъ, что листъ оранжевый, а глазъ на немъ бѣлый, старательно вырисованный киноварью, причемъ нижнее его вѣко выведено такими же вырѣзами, какъ и самый листъ, на которомъ онъ помѣщенъ. Живописный стиль поздней школы особенно наглядно выступаетъ изъ сравненія буквы Р (XXI, 2) съ двумя экземплярами В болгаро-сербскаго Евангелія академической библіотеки въ Загребѣ, XIII в. (VIII, 15 и 21). Во всѣхъ трехъ буквахъ верхній овалъ образуется изъ человѣческаго лица: въ Загребскомъ Евангеліи оно, какъ условная стилизованная форма, составляетъ нераздѣльную часть столбика буквы, или его капитель, когда онъ поднимается въ видѣ колонны, или архитектурное украшеніе подъ аркою, когда вверху онъ сгибается полукругомъ; что же касается до Хиландарскаго Евангелія XIV в., то въ немъ несравненно искуснѣе вырисованное лицо, покрытое зеленою краскою, съ каштановыми волосами и такою же небольшою бородкою, написано на знамени, снизу закругленномъ для овала буквы Р, которое водружено на древкѣ съ фигурными перехычками въ византійскомъ вкусѣ.

Затѣмъ на пяти таблицахъ (XXIII — XXVII) позднѣйшая орнаментика XV — XVIII вв., въ стилѣ славянскаго возрожденія, ничего особеннаго не представляетъ, за исключеніемъ трехъ рукописей въ библіотекѣ сербскаго ученаго дружства въ Бѣлградѣ, одной XV в. и двухъ XVI в. (табл. XXIV). Изъ нихъ Акаѳистъ Живоносному Гробу и Воскресенію Христову, XV в., предлагаетъ заставку (14), которая, какъ замѣчено выше, по головному убору человѣческаго лица, напоминаетъ двѣ Медузины головы въ болгарской заставкѣ Севліева Евангелія XVI в. въ библіотекѣ г. Сырку (IX, 7); а изъ прописныхъ буквъ (11, 12, 13): Б изъ перевитія разноцвѣтныхъ ремней, съ длиннымъ хвостомъ изъ гирлянды съ цвѣтами на фряжскій манеръ; затѣмъ Л, тоже изъ разноцвѣтныхъ сплетеній вѣточекъ, которыя наверху покрыты горизонтально положеннымъ цвѣткомъ бѣлой лиліи, принявшимъ видъ звѣринаго рыла отъ начертаннаго на немъ глаза, а изъ отверстія, какъ изъ звѣриной пасти, торчитъ стебелекъ съ цвѣткомъ, расписаннымъ разными колерами; наконецъ буква В, нижній овалъ которой состоитъ изъ человѣческой головы въ шлемѣ, составленномъ изъ переплета ремней, поднятыхъ вверхъ и завязанныхъ узломъ для образованія верхняго овала этой буквы. Тотъ же

Библиотека "Руниверс"

художественный мотивъ представленія цѣлой буквы только подъ видомъ головы въ шлемѣ принятъ и въ другой изъ упомянутыхъ трехъ рукописей, именно въ Слѣдованной Псалтири XVI в., и также для буквы В (4, 8, 9). Рукопись эта, по орнаментаціи принадлежащая къ одной и той же школѣ съ предыдущею XV в., едва ли не самая изящная изъ усвоившихъ себѣ стиль возрожденія. Мастеръ располагалъ большимъ запасомъ красокъ, а также и золотомъ, но, внушаясь художественнымъ чутьемъ, пользовался тѣмъ и другимъ умѣренно, не желая отягощать замалевкою тонкаго рисунка чернилами, на изящную обработку котораго обращалъ преимущественно свое вниманіе, чтобы этою изящною простотою достигать художественнаго впечатлѣнія. Мастера нашего времени, которые для своихъ издѣлій будутъ пользоваться орнаментами этой рукописи,—можно надѣяться—оцѣнятъ по достоинству ихъ высокія эстетическія качества. Кромѣ сказанныхъ головокъ въ шлемѣ [1]), составляющихъ переходъ отъ стилизованнаго орнамента къ живописи въ миніатюрѣ, какъ и упомянутая выше гирлянда XV в., въ этой рукописи приняты и сплетенія, преимущественно изъ бѣлыхъ ремней, иногда съ змѣиными головками, выведенныхъ на фонѣ золотомъ или разноцвѣтномъ (5, 3). Старинныя традиціонныя формы въ рукахъ мастера получаютъ новый живописный видъ; онѣ сбрасываютъ съ себя неуклюжесть средневѣковой неумѣлости такъ называемаго романскаго стиля, и сообразно стилю возрожденія, дѣйствительно возвращаются къ живописности стиля античнаго, переданнаго нашимъ соплеменникамъ въ византійскихъ оригиналахъ. Такъ напримѣръ, извѣстный византійскій рисунокъ для буквъ, состоящій изъ руки, которая держитъ жезлъ, вѣтвь или что̀ другое, постоянно имѣлся въ виду у славянскихъ орнаментаторовъ, которые въ болѣе или менѣе искаженномъ видѣ его воспроизводили. Сербскій писецъ Слѣдованной Псалтири старается дать этому традиціонному сюжету живописный характеръ византійскаго стиля, соединяя натурализмъ съ стилизаціей сплетеній, а именно: для буквы Р (10) беретъ онъ палочку, которая съ обоихъ концевъ, и съ верхняго и съ нижняго, сплетается вѣтвями ея отростковъ; ее

[1]) Въ шлемѣ или шишакѣ этихъ головокъ не нужно искать мѣстнаго костюма, сербскаго или вообще славянскаго. Почти такая же головка въ шлемѣ встрѣчается въ орнаментаціи Алкуиновой Библіи, именно въ той же буквѣ *Р*, въ которой указаны мною два щита для сравненія съ орнаментомъ Мирославова Евангелія (XIV, 3).

Библиотека "Руниверс"

держатъ двѣ руки, очевидно лѣвая и правая, пальцы съ красными ногтями прижимаютъ палочку, и только большой палецъ правой руки отходитъ отъ ладони и тянется внизъ, непосредственно переходя въ сплетающуюся вѣтвь; лѣвая же рука, какъ слѣдуетъ, отдѣлена отъ сплетеній золотымъ поручемъ. Писать натурально и правильно руки было задачею нашихъ орнаментаторовъ уже въ XV в., какъ это указано мною въ Слѣдованной Псалтири Троицкой Лавры: см. въ упомянутомъ выше изданіи Общества любителей древней письменности, составленномъ подъ моею редакціею; табл. 21, 57 и 58. Ефремъ, епископъ Радауцкій, художественно украсившій написанную имъ въ 1619 г. Псалтирь, очень старательно подражалъ природѣ въ изображенной имъ рукѣ, которая за изящную ручку держитъ красивую четырехстороннюю рамку изъ узорныхъ бордюровъ (XXXVIII, 6). Наконецъ третья изъ рукописей на табл. XXIV, содержащая въ себѣ Евангеліе, замѣчательна по роскошной заставкѣ, которая составлена хотя и въ XVI в., но принадлежитъ къ одной и той же школѣ, которая въ 1342 г. дала орнаментъ для Оливеровой Минеи, и въ томъ же XIV в. подобный же для Хлудовскаго Четвероевангелія (изъ собранія Гильфердинга). См. табл. XVIII, 1. XX, 1. Различіе позднѣйшаго произведенія отъ двухъ раннихъ состоитъ только въ томъ, что мастеръ XVI в., хорошо знакомый съ фряжскими узорами изъ листвы и цвѣтовъ, пустилъ ихъ вверхъ высокими побѣгами надъ архитектурными выступами заставки.

Орнаменты прочихъ славянскихъ земель, какъ уже замѣчено, относятся къ позднѣйшему времени, не ранѣе XIV в. (табл. XXVIII—XXXIII). Хотя въ нихъ замѣтно преданіе византійское, но оно сильно попорчено и подновлено частью западнымъ вліяніемъ, частью, можетъ быть, и разною другою примѣсью мѣстнаго происхожденія. При всемъ томъ родственная связь съ предшествующею исторіей вообще славянскаго орнамента явствуетъ довольно наглядно.

Въ Герцеговинскомъ орнаментѣ Таслиджскаго Служебника XIV в., въ Императорской Публичной Библіотекѣ, изъ собранія Гильфердинга (табл. XXVIII), господствуетъ смѣсь преданій лучшей эпохи (1, 6, 9, 10, 11, 12) съ грубыми подѣлками, отличающимися безвкусіемъ и оляповатою неумѣлостью (2, 3, 4). Въ буквахъ П и Н (10, 11) при византійской орнаментаціи столбиковъ встрѣчается почти тотъ же между столбиками узелъ или бантъ, что въ буквѣ омегѣ въ сербскомъ Евангеліи Мирославовомъ XII в. (XIV, 9). Особенно характеристична буква К (подъ заставкою 1-го нумера): по колоссаль-

Библиотека "Руниверс"

ному размѣру и по намѣренію дать орнаменту, такъ-сказать, смыслъ картины, буква эта носитъ на себѣ вліяніе западное, но по исполненію принадлежитъ къ самому грубому по́шибу лубочныхъ картинокъ: человѣкъ, въ зеленовато-синемъ кафтанѣ съ красными полосами отъ пояса до подола, стоитъ передъ змѣею, которая, образуя своимъ хвостомъ выгибъ буквы К, поднимаетъ свою голову вверхъ, съ человѣческимъ лицомъ и въ коронѣ, а изо рта выпускаетъ маленькую змѣйку надъ обнаженною головою того человѣка.

Подобный же узелъ или бантъ, какъ въ Мирославовомъ Евангеліи, замѣчается въ другой герцеговинской рукописи XIV в., въ Евангеліи гимназической библіотеки въ Лайбахѣ, именно въ буквѣ М (XXIX, 3), и такой же лубочный по́шибъ въ изображеніи евангелиста Іоанна, сидящаго подъ аркою, которая опирается на столпы византійскаго стиля. Іоаннъ, въ противность православному иконописному преданію, съ длинными кудрявыми волосами и короткою бородкою клиномъ (XXIX, 4).

Такую же смѣсь самодѣльщины съ художественными преданіями славяно-византійскими представляетъ орнаментъ босні́йскій въ Апостолѣ XIV в. Императорской Публичной Библіотеки, изъ собранія Гильфердинга (табл. XXIX—XXX). Иныя буквы обязаны своимъ изяществомъ именно этимъ преданіямъ (XXIX, 5, 10, 11, 12. XXX, 6, 7, 8, 9, 10, 13); другія въ стилѣ тѣхъ же герцеговинскихъ орнаментовъ, которые усвоили себѣ по́шибъ лубочныхъ картинокъ, и притомъ, на западный манеръ, въ колоссальныхъ размѣрахъ буквъ, съ человѣческими фигурами, или же съ змѣями и драконами (XXIX, 6, 7. XXX, 11, 12); при этомъ должно замѣтить, что изъ первыхъ орнаментовъ, по западному преувеличенному размѣру буквъ, относятся къ послѣднимъ два экземпляра П и одинъ В (XXIX, 10, 11. XXX, 13). Сравнивая изящную простоту и художественную отдѣлку первыхъ съ безвкусіемъ послѣднихъ и съ неумѣлостью ихъ мастера справиться съ подробностями, которыми онъ въ излишествѣ уснащаетъ орнаментъ, приходишь къ двоякому заключенію: или тѣ и другіе орнаменты принадлежатъ двумъ мастерамъ разныхъ школъ, или же, если они дѣланы однимъ и тѣмъ же, то для первыхъ онъ пользовался лучшими образцами хорошаго, стараго стиля, а для вторыхъ неумѣло копировалъ какія-то издѣлія, сильно тронутыя вліяніемъ такой западной орнаментаціи, въ которой стилизація склоняется уже къ живописному подражанію природѣ. Этимъ объясняется крайняя невзрачность двухъ экземпляровъ буквы П (XXIX, 6, 7):

Библиотека "Руниверс"

каждый представляетъ двѣ человѣческія фигуры, безобразно начертанныя и оляповато размалеванныя: въ каждой парѣ онѣ стоятъ, обратившись другъ къ дружкѣ, и держатъ въ рукахъ какъ бы сучекъ, вѣтви котораго распростерлись надъ ихъ головами, будто зонтикъ. Удачнѣе писаны змѣи и драконы, а также и двѣ птицы, отчасти въ условномъ стилѣ металлическихъ издѣлій съ эполетами на крыльяхъ,—но слишкомъ обременены пестрыми подробностями (XXX, 11, 12, 2). Что же касается до орнаментовъ перваго разряда, то нѣкоторые изъ нихъ по своему высокому достоинству могутъ быть причислены къ самымъ лучшимъ болгарскимъ стараго стиля, каковы въ Бѣлградскомъ Евангеліи XII—XIII в. (табл. VII), и вмѣстѣ съ этими послѣдними, могутъ дать такіе же высокохудожественные образцы для промышленныхъ издѣлій. Напримѣръ, буква Д (XXIX, 5) представлена въ самой простой формѣ, усвоившей только обыкновенный чертежъ этой буквы; онъ весь сдѣланъ изъ двухъ толстыхъ черешковъ древеснаго сучка истемна-желтаго цвѣта, кое-гдѣ съ накипью въ видѣ почекъ; оба черешка внизу закругляются такою же почкообразною накипью, надъ которою горизонтально проведена прямолинейная планочка: это нижняя часть буквы Д; затѣмъ, оба эти черенка, образующіе сучокъ, поднимаясь вверхъ, сходятся острымъ угломъ, который принялъ видъ головы какой-то птички съ глазомъ. Это вмѣстѣ и настоящая буква Д, а вмѣстѣ и птичка, крылья которой воображеніе можетъ видѣть въ склонахъ обоихъ черенковъ. Еще буква С (XXX, 8): она состоитъ, еще по византійскому преданію, изъ змѣи, верхняя ея половина того же желтоватаго цвѣта, что и сказанная Д, а нижняя—зеленаго. Головка змѣи вооружена бойко выгибающимся назадъ рогомъ, изъ пасти торчитъ красный завитокъ; зеленая половина внизу круто завилась хвостомъ, въ который вонзилась красная стрѣла. Еще буква Р (XXX, 6): состоитъ изъ столбика того же желтоватаго цвѣта: лѣвая его сторона гладкая, прямолинейная а правая нарушаетъ прямолинейность гнѣздомъ почекъ посреди и потомъ тоже внизу, давая такимъ образомъ столбику пьедесталъ. Вверху, въ видѣ капители, налѣво высунулся рогъ или длинное ухо, соединяясь въ вершинѣ столбика со лбомъ, въ которомъ красный глазъ, а направо высовывается длинное рыло, изъ подъ котораго, для образованія овала буквы Р, округлымъ выгибомъ идетъ широкій красный стебель, направляясь къ столбику, и разсѣкаетъ его посрединѣ, разщепляя его прямою черною линіею на двѣ половины, и затѣмъ, высунувшись сзади, съ лѣвой стороны буквы,

Библиотека "Руниверс"

разширяется въ красный же, большой, съ вырѣзами, листъ, который смотритъ длиннымъ, прищуреннымъ глазомъ.

Чѣрногорскій орнаментъ въ изданіи г. Стасова ограничивается лишь одною незначительною заставкою въ византійскомъ стилѣ, выведенною чернилами, изъ Житія св. Саввы, XVI в.

Одинъ изъ наиболѣе замѣтныхъ отдѣловъ этого перваго выпуска составляетъ орнаментъ Патаренскій, набранный изъ четырехъ рукописей XIV и XV вв., на двухъ таблицахъ (XXXII и XXXIII). Съ сильно отмѣченнымъ западнымъ вліяніемъ онъ соединяетъ нѣкоторыя характеристическія особенности мѣстнаго происхожденія, впрочемъ на постоянно предъявляющей себя основѣ византійскаго и раннихъ южнославянскихъ стилей, болгарскаго и сербскаго. Каждая изъ четырехъ рукописей отличается отъ другихъ своею школою, и въ рисункѣ и въ колоритѣ.

Орнаментація Никольскаго Евангелія XIV в. въ Народной библіотекѣ въ Бѣлградѣ (табл. XXXII), очень изящная, предлагаетъ искусный рисунокъ и богатый колоритъ, иногда украшенный золотомъ. Она разлагается на два стиля: одинъ въ заглавныхъ буквахъ и двухъ заставкахъ (1 и 7) представляетъ изящное воспроизведеніе традицій византійско-славянскихъ; другой—въ остальныхъ двухъ заставкахъ (3 и 10) и въ буквѣ П, составляющей какъ бы часть или придатокъ къ одной изъ нихъ, носитъ на себѣ характеръ западной орнаментики, какъ въ фряжской листвѣ, довольно натурально писанной, такъ и особенно въ густомъ и сочномъ колоритѣ съ его тѣневыми переходами и отливами. Въ этихъ послѣднихъ орнаментахъ богатство колорита доведено до роскоши въ присоединеніи къ нему золота.

Другое Евангеліе изъ той же Бѣлградской библіотеки XIV в. (табл. XXXII), при скромной раскраскѣ, преобладающей киноварью, даетъ традиціоннымъ сюжетамъ славянской орнаментики новую отдѣлку западнаго происхожденія, состоящую въ черныхъ штрихахъ, усвоенныхъ гравюрою, напримѣръ, въ киноварной фигурѣ орла (16), въ буквахъ (15, 20).

Хранящееся въ библіотекѣ Болонскаго университета Евангеліе и Псалтирь Хвала Боснякa 1404 г. (табл. XXXIII), при меньшемъ разнообразіи колорита, чѣмъ въ Никольскомъ Евангеліи, отличается еще большею роскошью въ украшеніи орнаментовъ золотомъ. По стилю оно относится къ эпохѣ возрожденія въ славянской орнаментаціи. Западный характеръ заглавныхъ буквъ проявляется въ длин-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ и тонкихъ хвостахъ ихъ, выведенныхъ почеркомъ въ линіяхъ съ разными завитками (5, 12, 15, 16, 17). На западный же манеръ орнаментъ замѣняется картинкою; такъ въ буквѣ П (6), будто въ окнѣ или въ двери, постановлена человѣческая фигура, довольно натурально написанная.

Самый характеристичный изъ патаренскихъ орнаментовъ и одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ во всемъ этомъ первомъ выпускѣ предлагаетъ Апокалипсисъ XV в. въ библіотекѣ пропаганды въ Римѣ (XXXIII). Здѣсь мы видимъ необычайную смѣсь элементовъ, начиная отъ раннихъ преданій византійско-славянскаго стиля до живописнаго въ западномъ вкусѣ, съ примѣсью разныхъ фигуръ, въ которыхъ самодѣльщина боснійскаго мастера руководствовалась какими-то заносными извнѣ или мѣстными матеріалами, или же вкусомъ и привычкою, воспитанными наглядкою въ окружающей мастера средѣ тогдашняго узорчатаго производства разныхъ фигурныхъ издѣлій. Въ своемъ текстѣ г. Стасовъ, вѣроятно, дастъ ключъ къ рѣшенію этой загадки. Теперь же ограничусь только указаніемъ на различные элементы въ украшеніи этой рукописи. Вопервыхъ, несомнѣнно принадлежатъ къ византійско-славянскому преданію многія изъ буквъ (19, 20, 21, 22, 25, 26, 28, 31, 32, 35, 36): между ними, напримѣръ, буква И (31), состоящая изъ двухъ змѣй, посреди между собою переплетенныхъ для означенія перечерка въ этой буквѣ; своими зубчатыми хвостами напоминаютъ онѣ гнѣзда бородавокъ или накипи древесныхъ почекъ въ Хиландарскомъ Паремейникѣ XII в. (III, 1, 20, 24, 25); двѣ птицы, связанныя по ихъ шеямъ ремнемъ, для той же буквы (36), ведутъ свое происхожденіе издалека, какъ свидѣтельствуетъ въ Бѣлградскомъ Евангеліи XII — XIII в. болгарскій орнаментъ (VII, 17), который уже въ XIV в. былъ усвоенъ и въ Босніи (XXX, 2). Вовторыхъ, подъ вліяніемъ западнымъ этотъ Патаренскій орнаментъ принимаетъ живописный характеръ картинки въ изображеніи человѣческой фигуры, которая занимается какимъ нибудь опредѣленнымъ дѣломъ, при чемъ нѣкоторыя подробности представлены въ стилизованной формѣ, иногда и въ стилѣ тератологическомъ. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько картинокъ для изображенія буквъ. Человѣкъ въ красной одеждѣ сидитъ на сплетеніи изъ ремней, отъ которыхъ сзади, какъ бы для спинки стула, поднялись двѣ змѣи; самъ же онъ трубитъ въ рогъ (23). Другой человѣкъ стоитъ и держитъ высокій сосудъ съ длиннымъ горлышкомъ и съ стилизованнымъ донышкомъ въ видѣ византійскаго листа (24); еще тоже стоитъ и дер-

Библиотека "Руниверс"

житъ жезлъ въ видѣ стилизованнаго дерева (37), или же прицѣпился къ стволу колоссальной буквы В, которой овалы выведены двумя большими листьями (33). Втретьихъ, два орнамента изъ человѣческихъ фигуръ по своему архаическому стилю такъ необычайны, что могли бы быть отнесены къ ирландскому самой ранней эпохи. Въ одномъ орнаментѣ (27) двѣ такія фигуры, тонкія и длинныя, своими ногами переплелись въ четвероугольной рамѣ, на которой онѣ сидятъ [1]). Стилизованный изъ разноцвѣтныхъ полосъ корпусъ другой фигуры (30) напоминаетъ наивную, первобытную манеру драпировки въ ирландскихъ миніатюрахъ [2]). Наконецъ, въ нѣкоторыхъ человѣческихъ лицахъ этого патаренскаго орнамента останавливаетъ на себѣ вниманіе одна характеристическая особенность, ни разу не встрѣчающаяся ни въ какомъ изъ прочихъ, изданныхъ въ этомъ первомъ выпускѣ; а именно—наивный способъ представленія одного и того же облика и въ профиль, а вмѣстѣ съ тѣмъ — и съ лица. Это принято въ тѣхъ случаяхъ, когда фигура писана съ боку, и лицу ея слѣдуетъ быть только въ профиль, но чтобы выразить всѣ черты сполна, писецъ вырисовываетъ оба глаза и еще другой носъ съ губами на щекѣ, обращенной къ зрителю. Встрѣчается эта странная особенность всего три раза: дважды въ замѣченныхъ уже буквахъ (37 и 33), и однажды въ лицѣ Боснійскаго краля Томаша, сидящаго въ креслахъ, въ миніатюрѣ, очень интересной для исторіи костюма.

Я нахожу излишнимъ говорить объ орнаментѣ молдаво-влахійскомъ, такъ какъ объ его свойствахъ и отношеніи къ русскому сказано было уже выше. Здѣсь же мнѣ остается только заявить, что обнародованіе этого важнѣйшаго элемента русской орнаментики XV в. и начала XVI в. и приведеніе его въ хронологическій порядокъ отъ XV в. до XVII в. (табл. XXXIV—XXXIX) надобно отнести къ числу несомнѣнныхъ заслугъ, оказанныхъ г. Стасовымъ славянской археологіи въ этомъ первомъ выпускѣ.

Ѳ. Буслаевъ.

---

[1]) Слич. нѣчто подобное въ ирландскомъ орнаментѣ VII в. у *Вествуда*, Paleographia sacra pictoria: Book of Kells.

[2]) У того же *Вествуда*, Facsimiles of the miniatures and ornaments и проч., ирландская миніатюра около 820 г., въ табл. 16.

Библиотека "Руниверс"

Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи. Сочиненіе *Е. Замысловскаго*. С.-Петербургъ. 1884.

Въ русской литературѣ и русскомъ обществѣ ходитъ много Богъ знаетъ кѣмъ и когда пущенныхъ готовыхъ сужденій; за эти сужденія мы держимся крѣпко и не отказываемся отъ нихъ даже въ виду очевиднѣйшей очевидности. Къ такимъ сужденіямъ, безапелляціонно повторяемымъ, принадлежитъ и мнѣніе, будто у насъ совсѣмъ нѣтъ ни науки, ни ученыхъ. Тщетно люди непредубѣжденные указываютъ на нашихъ математиковъ и естествоиспытателей, которые давно уже завоевали себѣ почетное мѣсто въ западно-европейской наукѣ, тщетно перечисляютъ имена людей, занимающихся Востокомъ, Византіей и Славянствомъ, хотя уже давно у насъ существуютъ и филологи славяно-русскіе, и вообще славановѣды; не должно бы, кажется, быть безызвѣстно нашимъ строгимъ цѣнителямъ и судьямъ, что со временъ Татищева и до нашихъ дней не переводятся въ Россіи ученые, занимающіеся русскою исторіей и древностями: Погодинъ, Соловьевъ еще недавно были между нами, гр. А. С. Уваровъ, Д. И. Иловайскій, И. Е. Забѣлинъ и до сихъ поръ здравствуютъ и работаютъ.

Стало быть, далеко не по всѣмъ отраслямъ знанія приходится намъ посылать за море за Варягами. Мысли эти невольно приходятъ въ голову при взглядѣ на книгу, которая теперь лежитъ передъ нами. Появись эта книга во Франціи, Германіи, а тѣмъ паче въ Италіи—сколько бы похвальныхъ статей посыпалось отовсюду, ученый авторитетъ автора былъ бы поставленъ на незыблемомъ подножіи, а у насъ.. Надѣемся, впрочемъ, что съ новымъ произведеніемъ Е. Е. Замысловскаго не повторится того, что̀ было съ первою его книгою. Но многіе ли внѣ круга спеціалистовъ знаютъ автора, такъ давно и такъ усердно работающаго? Кромѣ своей магистерской диссертаціи, онъ издалъ нѣсколько томовъ Лѣтописи занятій Археографической коммиссіи, онъ издалъ образцовый переводъ одного изъ иностранныхъ очевидцевъ Смутнаго Времени, Голландца Массы, составилъ единственный въ Россіи историко-географическій атласъ, написалъ много критическихъ статей, изъ которыхъ каждая была результатомъ добросовѣстнѣйшаго труда и каждая вносила что-нибудь новое, ибо рецензентъ всегда пересматривалъ все, что̀ только относилось до занимавшаго его предмета, и всегда находилъ нѣчто, пропущенное сочинителемъ обратившей на себя его вниманіе книги. Новое его сочиненіе тоже не составляетъ уже полной новости

Библиотека "Руниверс"

для лицъ, слѣдящихъ за нашею ученою литературою: начиная съ 1875 г. въ Древней и Новой Россіи, а потомъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія часто появлялись отдѣльныя главы этого сочиненія; теперь же издано оно въ цѣломъ съ приложеніемъ любопытныхъ картъ, мастерски составленныхъ на основаніи собственныхъ изслѣдованій Е. Е. Замысловскаго.

Предметъ, избранный авторомъ, въ высшей степени любопытенъ, и тщательное изслѣдованіе его отвѣчаетъ многимъ существеннѣйшимъ запросамъ современной науки. Предметъ этотъ историко-географическія свѣдѣнія, сообщаемыя знаменитымъ Герберштейномъ, сочиненіе котораго было первымъ серьезнымъ произведеніемъ западно-европейской науки касательно нашего отечества; книга Герберштейна послужила частью образцемъ и частью источникомъ для многаго множества книгъ и книжекъ, написанныхъ о Россіи въ XVI и XVII вв. Русскіе историки постоянно пользовались ею, преимущественно впрочемъ ея свѣдѣніями о бытѣ и политическихъ событіяхъ, хотя географическая часть ея тоже изрѣдка обращала на себя вниманіе (Соловьевъ, Бѣляевъ); но такъ какъ историческая географія не играла еще значительной роли въ нашей исторической наукѣ, то пользованіе это было чѣмъ-то эпизодическимъ; о полной оцѣнкѣ сообщаемыхъ свѣдѣній никто не думалъ; довольствовались тѣмъ, что брали подходящее извѣстіе, оцѣнивали его по своимъ соображеніямъ и пользовались имъ; соображенія бывали иногда очень остроумны, заимствованное извѣстіе проливало новый свѣтъ; но этого мало, ибо при субъективной критикѣ всегда легко или не такъ истолковать извѣстіе, или пропустить что-нибудь существенно важное. Вообще полное изученіе источниковъ въ нихъ самихъ до сихъ поръ еще мало практиковалось въ нашей наукѣ; болѣе всего сдѣлано въ этомъ отношеніи по вопросу о лѣтописяхъ, которыя критически изучаются со временъ Татищева, Миллера и Шлецера; для изученія же иностранцевъ сдѣлано еще весьма немного; правда, мы имѣемъ переводъ нѣкоторыхъ изъ иностранцевъ, имѣемъ „Обзоръ" Аделунга, его же сочиненіе о Герберштейнѣ, но обзоръ исключительно библіографическій, какъ и статьи, помѣщавшіяся иногда отъ имени Имп. Публичной Библіотеки въ Отечественныхъ Запискахъ; книга же о Герберштейнѣ, какъ и книга того же автора о Майербергѣ, кромѣ библіографическаго элемента, заключаетъ біографическій, но критики нѣтъ; да къ тому же она очень отстала. Статьи о Герберштейнѣ въ Сборникѣ петербургскихъ студентовъ—хорошій студенческій трудъ и болѣе ничего. Было необходимо

Библиотека "Руниверс"

приступить къ критическому изученію Герберштейна и тѣмъ показать путь къ изученію другихъ замѣчательныхъ иностранцевъ; необходимо было, съ другой стороны, положить начало критическому изученію источниковъ для исторической географіи Россіи. Мы сильно нуждаемся въ исторической географіи, безъ которой многое остается неяснымъ въ исторіи, и пособіе которой можетъ быть даже важно и полезно и для настоящаго. Нѣкоторые почтенные труды (между прочимъ Атласъ самого г. Замысловскаго и сочиненія Н. П. Барсова) кладутъ основы этой дисциплины; но только теперь начинается критическое изученіе источниковъ. Е. Е. Замысловскій не ошибся, начавъ свое изученіе этого въ высокой степени важнаго писателя съ географической стороны его сочиненія, ибо эта сторона, можетъ быть, наиболѣе требовала большагѣ, ей спеціально посвященнаго труда; надѣемся—разумѣется, что этотъ свой трудъ авторъ дополнитъ другимъ, въ которомъ съ такою же тщательностью изслѣдуетъ и бытовыя, и политическія данныя, заключающіяся въ „Запискахъ о Московіи"; но пора обратиться къ самой книгѣ.

Авторъ начинаетъ съ біографіи Герберштейна, которую онъ разказываетъ на основаніи и тѣхъ данныхъ, которыя извѣстны были прежде, и тѣхъ, которыя недавно открылись для науки. „При составленіи біографіи", говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи,—„я обращалъ особенное вниманіе на условія и событія, которыя содѣйствовали развитію Герберштейна въ его дѣтствѣ и юности, имѣли вліяніе на его характеръ, взгляды и образованіе, а также на обстоятельства, которыя относятся ко времени его двукратнаго путешествія въ Москву и продолжительнаго пребыванія здѣсь,—однимъ словомъ, на все, что въ его жизни имѣетъ болѣе тѣсную связь съ тѣмъ его произведеніемъ, которое въ западно-европейской литературѣ XVI в. неоспоримо занимаетъ очень видное мѣсто и въ то же время является однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для изученія русской жизни XVI в.". Должно сознаться, что цѣль эта достигнута съ полнымъ успѣхомъ: всѣ относящіеся сюда факты ярко выставлены, и читатели понимаютъ, почему человѣкъ, одаренный пытливою наблюдательностью и острымъ умомъ, получившій возможно лучшее по времени образованіе, рожденный въ странѣ, гдѣ жили Славяне, бывшій два раза посломъ въ Москвѣ, болѣе всякаго другаго былъ способенъ познакомить Европу съ малознаемою ею Россіею. Описавъ жизнь Герберштейна, авторъ представляетъ характеристику его труда, указываетъ взглядъ его на сочиненія, предшествовавшія его книгѣ, которыя или были писаны

Библиотека "Руниверс"

по чужимъ разказамъ, или касались Московіи мимоходомъ. Это обстоятельство побудило его, къ счастью для науки, издать свое сочиненіе. Авторъ тщательно выбираетъ изъ изучаемой книги всѣ указанія на личныя знакомства Герберштейна (съ нѣкоторыми дьяками, съ княземъ С. Ѳ. Курбскимъ и др.), все, что относится до письменныхъ памятниковъ, бывшихъ извѣстными Герберштейну и вошедшими въ переводѣ въ его изложеніи; показываетъ читателю критическіе пріемы Герберштейна, не скрывая и его ошибокъ. Эта глава оканчивается краткимъ очеркомъ послѣдующей судьбы книги. Нельзя не пожалѣть, что авторъ поскупился подѣлиться съ читателемъ полною библіографіей изданій и переводовъ „Записокъ о Московіи". Это было бы весьма нелишнимъ и избавило бы отъ необходимости рыться. Мимоходомъ указываетъ онъ вліяніе книги Герберштейна на послѣдующую литературу. Это благоразумно, ибо вопросъ и трудный, и не разобранный.

Слѣдующая затѣмъ глава посвящена характеристикѣ географическихъ знаній въ XVI в. Въ связномъ изложеніи читатель найдетъ здѣсь очеркъ вліянія великихъ открытій, знаменующихъ собою начало новой исторіи, опредѣленіе значенія изученія древнихъ съ его хорошими и дурными сторонами. Безпристрастная оцѣнка тѣхъ и другихъ дѣлаетъ честь автору: въ настоящее время читатель чаще встрѣчается съ охужденіемъ вліянія древней науки и возвеличеніемъ возстанія противъ нея положительнаго знанія, какъ будто бы положительное знаніе не вызвано было къ жизни вліяніемъ той же науки, главнымъ достоинствомъ которой было уже то, что она могла служить исходною точкою для новыхъ наблюденій и открытій. Авторъ, указывая недостатки въ тогдашней географической наукѣ, указываетъ на тѣ задачи, которыя предлежали землевѣдѣнію въ будущемъ. Только человѣкъ, хорошо знакомый съ исторіей географіи и многое знающій по источникамъ, могъ представить такой полный, не смотря на краткость, и содержательный обзоръ. Своимъ обзоромъ онъ заранѣе даетъ знать, чего нельзя ждать отъ труда Герберштейна. Такъ, онъ указываетъ, что географія еще не отдѣлилась отъ исторіи, что географія XVI в. не обращала вниманія на вертикальные разрѣзы земной поверхности, на взаимное отношеніе суши и воды, на распредѣленіе теплоты; не слѣдили за раздѣленіемъ рода человѣческаго на племена по физическимъ особенностямъ, не цѣнили статистическихъ данныхъ. Затѣмъ авторъ переходитъ къ оцѣнкѣ географическихъ данныхъ, сообщаемыхъ Герберштейномъ, предпосылая любопытное изслѣдованіе о томъ, на сколько Герберштейнъ былъ знакомъ съ современною ему географи-

Библиотека "Руниверс"

ческою литературой, и на сколько это знакомство имѣло вліяніе на его трудъ. Этимъ вліяніемъ авторъ объясняетъ представленіе Герберштейна о формѣ Азовскаго моря и—весьма остроумно—его разказъ о величинѣ Иванъ-Озера; постоянное соединеніе географическихъ и историческихъ свѣдѣній объясняется тѣмъ же вліяніемъ. Указавъ научные взгляды Герберштейна, упомянувъ о его поѣздкахъ въ разныя страны, что много способствовало развитію его наблюдательности, авторъ обращается къ изслѣдованію того, откуда Герберштейнъ добывалъ свои свѣдѣнія. Глава эта принадлежитъ къ числу лучшихъ въ книгѣ потому, что автору удалось болѣе чѣмъ кому-либо изъ его предшественниковъ указать на значительную степень развитія географическихъ познаній въ ту эпоху. Уже по нѣкоторымъ изслѣдованіямъ (Аделунга, Ламанскаго, Бѣляева) мы знали, что предки наши не лишены были этихъ знаній; теперь это можно вполнѣ утверждать и о времени Герберштейна. Источниками Герберштейна служили—по изслѣдованію Е. Е. Замысловскаго—устные разказы бывалыхъ людей и памятники русской письменности. Важны указанія относительно Книги Большого Чертежа, очевидно составленной изъ матеріаловъ предшествующаго времени; любопытно также, что извѣстіе Русскихъ о пути къ сѣвернымъ сибирскимъ рѣкамъ, занесенное въ „Записки о Московіи", подало поводъ къ знаменитому исканію пути въ Китай черезъ Сѣверный океанъ, послужившему началомъ нашей бѣломорской торговли съ Англіей. Въ приложеніи авторъ, сличая карту Герберштейна съ его книгой и находя показанія карты во многихъ отношеніяхъ болѣе правильными, приходитъ къ важному выводу, что карта есть повтореніе русской тогдашней карты, а не сочиненіе иностраннаго географа.

Изученіе извѣстій Герберштейна авторъ начинаетъ съ морей. Говоря о Сѣверномъ океанѣ, Герберштейнъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о плаваніи по Ледовитому морю пословъ Ивана III къ Датскому королю. Эти данныя, вносившія новыя свѣдѣнія въ тогдашнюю науку, послужили Е. Е. Замысловскому поводомъ къ интересному изложенію отношеній Ивана III къ Даніи и Швеціи, тогда враждовавшихъ между собою, и тѣсно связаннаго съ этимъ вопросомъ уничтоженія ганзейской торговли въ Новгородѣ и основанія Ивангорода. Географическія свѣдѣнія, сообщаемыя Герберштейномъ, авторъ повѣряетъ свѣдѣніями новыхъ путешественниковъ, разныхъ оффиціальныхъ изданій и современныхъ географическихъ и этнографическихъ сочиненій. Мы, впрочемъ, не разъ еще будемъ имѣть случай указать и на разнообразную,

Библиотека "Руниверс"

громадную начитанность автора, и на его умѣнье пользоваться своею начитанностью. Жертвоприношеніе у скалы Семь вызываетъ автора на очень хорошее изслѣдованіе о поклоненіи камнямъ. Для большей ясности своихъ изслѣдованій авторъ приложилъ къ книгѣ карту береговъ Бѣлаго моря и Ледовитаго океана, прекрасно составленную по его указаніямъ А. П. Алексѣевымъ. Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Герберштейномъ о моряхъ, важно только то, что̀ касается Сѣвернаго океана, потому авторъ о другихъ только упоминаетъ.

Отъ морей авторъ обращается къ изученію извѣстій Герберштейна о поверхности Московіи. Герберштейнъ указалъ на раздѣленіе страны на два пространства: лѣсное и степное; это важное указаніе съ должнымъ вниманіемъ отмѣчено изслѣдователемъ. Неровности почвы, ея рельефъ оставлены въ сторонѣ географомъ XVI в., но за то подробно переданы свѣдѣнія объ Уральскихъ горахъ, въ которыхъ онъ видѣлъ Рифеи древнихъ, ибо при своихъ болѣе точныхъ свѣдѣніяхъ не видѣлъ большихъ возвышеній въ центральной Россіи, а Валдайская возвышенность осталась имъ незамѣченною. Свѣдѣнія свои Герберштейнъ заимствовалъ изъ русскаго дорожника и разказовъ князя С. Ѳ. Курбскаго. Авторъ тщательно свѣряетъ свѣдѣнія Герберштейна съ разказомъ Лѣтописи и Разрядной книги и удачно возстановляетъ топографію мѣстности. Въ этомъ отдѣлѣ особенно хорошо опредѣленіе того, что̀ такое гора Столпъ, на которую нужно было всходить семнадцать дней. Это названіе авторъ пріурочиваетъ къ горѣ Телпосъ-Изъ, а указанное время, по очень вѣроятному соображенію, авторъ считаетъ временемъ всего перехода. Неясность, находимая въ разказѣ Герберштейна, объясняется чрезвычайно остроумно смѣшеніемъ разныхъ смысловъ, въ которыхъ въ народномъ языкѣ и до сихъ поръ употребляется слово гора, которое значитъ и вершина, и вообще земля, суша, берегъ, материкъ.

Отъ свѣдѣній орографическихъ авторъ переходитъ къ болѣе обстоятельнымъ свѣдѣніямъ гидрографическимъ и располагаетъ ихъ по бассейнамъ морей, начиная съ Сѣвернаго океана. Изслѣдованіе сопровождается картою водяныхъ сообщеній отъ С. Двины до Оби. Авторъ, по своему обыкновенію, сличаетъ извѣстія Герберштейна съ извѣстіями, сообщаемыми предшествующими писателями, и повѣряетъ ихъ данными, имѣющимися въ распоряженіи науки нашего времени. Оказывается, что Герберштейнъ передаетъ 29 названій, а предшественники его сообщаютъ только три. При этомъ Герберштейнъ сообщаетъ длину теченія рѣкъ и ихъ извивы. Нѣкоторыя числовыя данныя Гербер-

Библиотека "Руниверс"

штейна подходятъ, по указанію нашего автора, довольно близко къ точнымъ даннымъ современности. За бассейномъ Сѣвернаго океана слѣдуетъ Балтійскій. Авторъ изучаетъ его по тѣмъ же пріемамъ и точно также прилагаетъ карту. Герберштейнъ сообщаетъ названія 11 озеръ и 45 рѣкъ, а у Мѣховскаго встрѣчаются свѣдѣнія только о 6 рѣкахъ этого бассейна. Всѣ названія этого бассейна автору удалось пріурочить, тогда какъ въ бассейнѣ Сѣвернаго океана нѣкоторыя названія остаются подъ сомнѣніемъ. Вообще замѣтимъ, что авторъ тщательно отдѣляетъ въ своемъ изслѣдованіи достовѣрное отъ вѣроятнаго и добросовѣстно указываетъ то, что̀ не поддается изслѣдованію. Слѣдующая глава, посвященная бассейну Черноморскому, тоже сопровождается картой и слѣдуетъ тѣмъ же пріемамъ. Въ общемъ итогѣ оказывается, что у предшественниковъ Герберштейна насчитывается до 12 названій, а у него до 27. Мѣстами, какъ и всегда, авторъ даетъ мѣсто частнымъ изслѣдованіямъ, которыя у него всегда любопытны. Такъ, въ этой главѣ особенно интересно изслѣдованіе о Холопьемъ городкѣ, о торговомъ значеніи Вязьмы, о Муравскомъ шляхѣ и въ связи съ ними о станичникахъ, посылаемыхъ развѣдывать о Татарахъ, частыя нападенія которыхъ вызывали такую мѣру предосторожности; любопытно сближеніе данныхъ Герберштейна о Донѣ съ данными Хожденія митрополита Пимена, сохраненнаго въ лѣтописи. Чрезвычайно интересна и полна слѣдующая глава, посвященная Каспійскому бассейну (тоже дополненная особою картою). Здѣсь любопытны изслѣдованія объ истокѣ и устьяхъ Волги, объ островѣ Струбѣ (у Рязани) и Гостиномъ (у Казани) въ связи съ исторіей знаменитой ярмарки. Оканчивая этою главою изученіе Герберштейновой идрографіи, авторъ дѣлаетъ общее заключеніе и говоритъ: „Объ удивительной водной сѣти, о тѣсной связи рѣчныхъ системъ, о водныхъ путяхъ, соединявшихъ четыре моря великой восточной равнины, обо всемъ этомъ въ первой половинѣ XVI в. можно было составить себѣ понятіе, благодаря описанію Герберштейна. Оно обогатило западно-европейскую географическую литературу многими новыми и важными гидрографическими данными, и ея ростъ въ этомъ отношеніи отчасти опредѣляется тѣми общими заключеніями, которыя могутъ быть сдѣланы относительно номенклатуры рѣкъ. Число всѣхъ рѣчныхъ названій, которыя встрѣчаются въ иностранныхъ сочиненіяхъ о Россіи, появившихся до 1549 г., простирается всего до 31, а въ Запискахъ о Московіи число ихъ восходитъ до 132. Этотъ итогъ не лишенъ значенія и для исторіи русскихъ географическихъ свѣдѣній, такъ какъ онъ можетъ служить къ

Библиотека "Руниверс"

опредѣленію той суммы этихъ свѣдѣній, которыя обращались въ средѣ Русскихъ людей и могли быть собраны въ Москвѣ въ первой половинѣ XVI вѣка".

Отъ свѣдѣній гидрографическихъ авторъ переходитъ къ оцѣнкѣ свѣдѣній о климатѣ, почвѣ и произведеніяхъ царства растительнаго и посвящаетъ этой оцѣнкѣ нѣсколько весьма замѣчательныхъ главъ. Авторъ начинаетъ съ того, что вводитъ читателя въ кругъ воззрѣній на эти вопросы XVI в. Онъ показываетъ, что тогдашніе писатели, хотя и имѣли передъ собою нѣсколько блестящихъ воззрѣній классическихъ и даже средневѣковыхъ писателей (Альбертъ Великій), но эти воззрѣнія еще науки не образовали, ибо были лишь частными и не основывались на рядѣ наблюденій, потому каждый довольствовался своими личными наблюденіями, не опирающимися на научныя начала и мимоходными. Потому замѣтки ихъ могутъ имѣть значеніе лишь по провѣркѣ ихъ современными уже научными указаніями, что авторъ и дѣлаетъ относительно извѣстій, какъ Герберштейна, такъ и его предшественниковъ. Изслѣдуя сначала лѣсную полосу, авторъ затѣмъ переходитъ къ степной. Изученіе извѣстій о лѣсной полосѣ привело его къ изученію современныхъ намъ научныхъ преній о вредѣ истребленія лѣсовъ. Авторъ, по тщательномъ изученіи всѣхъ имѣющихся данныхъ и сличеніи всего, что говорится, пришелъ къ выводу о положительномъ вредѣ хищническаго истребленія лѣсовъ. Замѣтки Герберштейна и его предшественниковъ онъ повѣрилъ актами древне-русскими, данными генеральнаго межеванія и указаніямъ современной статистики. Эта часть сочиненія важна не для однихъ историковъ: ее недурно будетъ имѣть въ виду и людямъ практическимъ. Здѣсь же очень любопытны замѣтки о такъ называемыхъ въ средней Россіи черноземныхъ полосахъ. Здѣсь авторъ воспользовался всѣмъ, что сдѣлано въ послѣднее время по вопросу о черноземѣ. Свѣдѣнія о степной полосѣ, болѣе скудныя у разбираемыхъ авторомъ писателей, задерживаютъ его недолго; но и здѣсь онъ старается тщательно дополнить и уяснить каждое извѣстіе.

Не менѣе, чѣмъ изслѣдованіе извѣстій о почвѣ и растительности, замѣчательно изслѣдованіе о фаунѣ по извѣстіямъ географовъ XVI в. Изслѣдованію своему авторъ предпосылаетъ замѣчанія о причинахъ, почему на вопросъ о фаунѣ восточной равнины въ XVI в. было обращено особенное вниманіе: лѣсистость части этой равнины и степная, еще не тронутая почва другой питали множество животныхъ, между которыми иныя были или рѣдки, или почти совсѣмъ неизвѣ-

Библиотека "Руниверс"

стны, но всѣ эти извѣстія были еще только случайными: у науки зоологической еще не было ни системы, ни критерія, по которому опредѣлялась бы достовѣрность извѣстій. Отсюда возможность баснословныхъ сказаній. Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній авторъ переходитъ къ передачѣ и провѣркѣ извѣстій. Онъ начинаетъ со свѣдѣній, сообщаемыхъ Барбаро въ XV в. о животныхъ южно-русской степи; отъ извѣстій Барбаро обращается къ извѣстіямъ Контарини, которыя, не смотря на свою краткость, представляютъ одну любопытную черту: онъ сообщаетъ о цѣнахъ на припасы и такимъ образомъ даетъ нѣкоторую возможность судить о многочисленности животныхъ. Вслѣдъ за свѣдѣніями Контарини передаются свѣдѣнія Мѣховскаго, Альберта Кампенскаго, Іовія и Фабра. Слѣдующія двѣ главы посвящены свѣдѣніямъ, находимымъ въ „Запискахъ о Московіи". Въ заключеніе авторъ говоритъ: „Изъ всѣхъ упоминаемыхъ Герберштейномъ животныхъ весьма не многія описаны съ нѣкоторою обстоятельностію, а именно зубръ, буйволъ, лось, сайга, моржъ и кречетъ и, какъ можно догадываться, потому, что одни изъ этихъ животныхъ были мало извѣстны на Западѣ, а о другихъ были сообщены свѣдѣнія невѣрныя или неточныя. Одними этими, однако, болѣе обстоятельными описаніями не опредѣляется значеніе Герберштейновыхъ извѣстій въ исторіи зоологіи. На ряду съ ними должны быть поставлены нѣкоторыя цѣнныя для зоологической географіи опредѣленія относительно древнихъ предѣловъ распространенія пушныхъ звѣрей, какъ напримѣръ, соболя и чернобурой лисицы". Для изложенія этихъ главъ потребовалось отъ автора особыхъ знаній: ему пришлось прочесть и изучить массу зоологическихъ сочиненій и статей, проглядѣть труды многихъ путешественниковъ; но этимъ еще дѣло не ограничилось: авторъ, какъ подобаетъ истинному ученому, никому не вѣритъ на слово, и потому, чтобы повѣрить пріуроченіе Герберштейнова названія къ тому или другому животному, онъ рылся въ словаряхъ и такимъ образомъ достигъ результатовъ, на которыхъ съ полною увѣренностію могутъ уже опираться будущіе ученые. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что обыкновенно люди, занимающіеся исторіей, въ рѣдкихъ случаяхъ сталкиваясь съ вопросами естествознанія, опираются на тотъ или другой авторитетъ; не такъ поступилъ Е. Е. Замысловскій. Конечно, трудъ его былъ больше, но за то и результаты цѣннѣе. Свѣдѣній о предметахъ царства ископаемаго мало, потому имъ посвящена небольшая глава.

Отъ природы авторъ переходитъ къ главному и излагаетъ этногра-

Библиотека "Руниверс"

фическія извѣстія, находимыя у писателей конца XV и начала XVI в. Первый представляется Барбаро, сообщившій свѣдѣнія о Татарахъ, Кавказѣ, а частію о сѣверо-восточной Россіи и Литвѣ. За Барбаро слѣдуетъ Контарини, сообщающій свѣдѣнія о Татарахъ, Кавказѣ и Крымѣ, о пути отъ Астрахани до Москвы, отъ Москвы до Польши и отъ Польши до Таны. Въ началѣ XVI в. писалъ Мѣховскій. Его „Трактатъ о двухъ Сарматіяхъ" долженъ былъ явиться систематическимъ сочиненіемъ, тогда какъ его предшественники сообщали только случайно собранныя замѣтки. Приступая къ ознакомленію читателей съ трудомъ Мѣховскаго, авторъ указываетъ на то, что этотъ писатель, часто опровергая извѣстія древнихъ, сохраняетъ ихъ номенклатуру. Вотъ почему и самое заглавіе сочиненія его носитъ печать античнаго вліянія. Мѣховскій первый дѣлаетъ обстоятельный, хотя, по замѣчанію автора, не совсѣмъ вѣрный перечень татарскихъ племенъ. „О племенахъ Кавказа", говоритъ нашъ авторъ,—„Матвѣй Мѣховскій имѣлъ смутное понятіе, и изъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній любопытны тѣ, которыя относятся къ Пятигорскимъ Черкесамъ". Во второй части (Европейская Сарматія) Мѣховскій говоритъ о Руссіи (то-есть, земля Казаковъ, Подоль и Галиція), Литвѣ и Москвѣ. Здѣсь любопытно распредѣленіе Литовскаго племени на вѣтви; упоминая, что въ Литовскомъ царствѣ живутъ Рутены, то-есть, Малоруссы и Бѣлорусы, онъ не указываетъ на это раздѣленіе. Задача этнографическая, очевидно, занимаетъ Мѣховскаго, и еще въ началѣ своего трактата онъ передаетъ любопытныя свѣдѣнія о разселеніи Славянскаго племени и перечисляетъ его отрасли, къ которымъ относитъ Рутеновъ и Московитовъ. Описаніе Московіи онъ начинаетъ съ опредѣленія ея пространства; нѣкоторыя изъ его числовыхъ данныхъ, по замѣчанію Е. Е. Замысловскаго, тожественны съ данными Герберштейна. Описаніе Московіи авторъ дѣлаетъ по княжествамъ, что, по основательному замѣчанію критика, показываетъ, что княжества, потерявъ политическую самостоятельность, „продолжали сохранять свои названія, какъ отдѣльныя, самостоятельныя въ административномъ отношеніи части". Въ этомъ обозрѣніи сообщаются любопытныя свѣдѣнія о военныхъ силахъ Московіи, что подаетъ поводъ къ соображеніямъ о количествѣ населенія. Самыя обстоятельныя свѣдѣнія сообщаются о Тверскомъ княжествѣ, ближайшемъ къ Литвѣ. Въ концѣ сообщаются свѣдѣнія о племенахъ, обитающихъ на сѣверо-востокѣ Московіи.

Слѣдующая глава посвящена извѣстіямъ о Россіи Альберта Кампенскаго, Павла Іовія и Фабра. Переходя къ извѣстіямъ, сообщаемымъ

Библиотека "Руниверс"

Герберштейномъ, авторъ дѣлаетъ очень интересную характеристику всего, что дано было предшественниками его: „Границы важнѣйшихъ государствъ восточной Европы", говоритъ онъ,—„были намѣчены, были поименованы сосѣди Московіи съ запада, юга и юго-востока, и даже явились попытки къ опредѣленію пространства, занимаемаго обширною областію великаго князя Московскаго, которая на сѣверѣ казалась необъятною. Указано было на то, что главное населеніе Московіи составляютъ Московиты, что они говорятъ русскимъ языкомъ, имѣющимъ весьма широкое распространеніе и за ея предѣлами, въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, въ предѣлахъ Руссіи, какъ называли иностранцы въ XVI в. по преимуществу юго-западную часть Россіи и причисляли къ ней и Галицію, и что съ этимъ же многовѣтвистымъ языкомъ находятся въ близкомъ родствѣ тѣ языки, на которыхъ говорятъ и нѣкоторыя племена западной Европы. Это родство языка Московитовъ, Рутеновъ съ языками многихъ другихъ племенъ обращало на себя вниманіе потому, что религіозные обычаи этого народа имѣли сходство съ религіозными обычаями народовъ, обитавшихъ и на Кавказѣ, и въ Валахіи; сами же Московиты, по отзывамъ иностранцевъ, отличались благочестіемъ, горячею преданностію своему государю, готовностію безпрекословно исполнять всѣ его повелѣнія, имѣли обширныя торговыя сношенія и съ Западомъ, и съ Востокомъ собирая дань съ племенъ, обитавшихъ на далекомъ Сѣверѣ, который служилъ неисчерпаемымъ источникомъ для добычи цѣннаго пушнаго товара и еще продолжалъ быть предметомъ баснословія. Многія области, на которыя распадалась Московія, имѣли своихъ наслѣдственныхъ правителей, положеніе которыхъ можно было приравнять къ положенію герцоговъ, графовъ на Западѣ, но на Востокѣ эти правители не только не вели счеты съ своимъ государемъ, а напротивъ, оказывались такими же преданными слугами, какъ и мало имущіе граждане. Вновь изучаемая иностранцами страна на Востокѣ, лѣсистая и малопаселенная, имѣла, однако, множество городовъ, и только важнѣйшіе изъ нихъ стали извѣстны.

„Изучать Московію можно было только въ связи съ изученіемъ быта народовъ, обитавшихъ на ея границахъ, и изъ этихъ народовъ тѣ по преимуществу обращали на себя особенное вниманіе, которые принадлежали къ татарской вѣтви, а потому и свѣдѣнія о племенахъ этой вѣтви, о раздѣленіи на орды, о мѣстообитаніи ихъ, объ особенностяхъ каждой, о важнѣйшихъ торговыхъ центрахъ отличались особенною обстоятельностію. Москва, черезъ посредство полудикихъ ко-

Библиотека "Руниверс"

чевниковъ, имѣла торговыя сношенія съ самыми отдаленными отъ нея азіатскими странами.

„Но были и существенные пробѣлы въ обозрѣваемыхъ нами извѣстіяхъ, тѣмъ болѣе замѣтные, чѣмъ болѣе возрасталъ интересъ къ изученію европейскаго Востока, чѣмъ сильнѣе становилось Московское государство, чѣмъ шире становились его политическія сношенія: нельзя было, напримѣръ, составить себѣ ясное понятіе о народахъ Сѣвера, крайне скудны были свѣдѣнія о городахъ Московіи и пр., и эту задачу и поставилъ себѣ авторъ Записокъ о Московіи".

Объяснивъ такимъ образомъ задачу Герберштейна, авторъ переходитъ къ передачѣ и оцѣнкѣ его этнографическихъ и топографическихъ данныхъ.

Герберштейнъ указываетъ на то, что Руссія находится во владѣніи нѣсколькихъ государей: Московскаго, Литовскаго и Польскаго. Отношеніе русскаго языка къ другимъ славянскимъ Герберштейнъ указываетъ точнѣе Мѣховскаго, представляя довольно подробный перечень славянскихъ народовъ (смѣшеніе Вендовъ съ Вандалами не можетъ быть поставлено ему въ вину, ибо и теперь есть ученые, признающіе славянство Вандаловъ); перечисляя разныя мнѣнія о происхожденіи названія Русь, Герберштейнъ даетъ вѣру мнѣнію Москвитянъ, что названіе это произошло отъ слова: разсѣяніе (съ этимъ мнѣніемъ встрѣчаемся еще въ XVII в., оно попало и въ „Синопсисъ"). Границы Московіи отъ Финляндіи, Ливоніи, Литвы и Казани Герберштейнъ опредѣляетъ съ точностію, но границъ на сѣверо-востокѣ точно не опредѣляетъ, ибо ихъ опредѣлить тогда было трудно. Характеристика Русскаго народа, представляемая Герберштейномъ, останавливаетъ на себѣ вниманіе критика потому, что относится къ эпохѣ сложенія государства и принадлежитъ такому наблюдательному человѣку. Въ Русскихъ Герберштейнъ видитъ преданность власти, религіозность, но указываетъ на лживость и хитрость. Эти качества критикъ объясняетъ обстоятельствомъ времени: „Подъ роковымъ вліяніемъ постоянной борьбы за первенство", говоритъ онъ,— „требованія нравственной справедливости, мягкость и человѣчность въ отношеніяхъ должны были уступить мѣсто расчету и стремленіямъ къ осязательной выгодѣ, пренебреженію интересами личными и крайней неразборчивости въ средствахъ". Извѣстно, что Герберштейнъ приписываетъ Москвитянамъ порчу нравовъ въ Новгородѣ и Псковѣ (хотя и не зналъ Новгорода во время его самостоятельности). Герберштейнъ указываетъ на умѣренность въ пищѣ служилыхъ людей

Библиотека "Руниверс"

во время походовъ, на страсть къ вину, на тягостныя церемоніи во взаимныхъ отношеніяхъ, на опасливое держаніе всего въ тайнѣ. Любопытно свидѣтельство Герберштейна о поведеніи Московита во время пораженія: „Московитъ", говоритъ онъ,—„какъ только ударится въ бѣгство, то уже не помышляетъ о другомъ средствѣ къ спасенію, кромѣ того, которое можетъ ему доставить бѣгство; когда врагъ догонитъ его или схватитъ, онъ уже не защищается и не проситъ пощады".

Свѣдѣнія, собранныя Герберштейномъ о народахъ Финскихъ, оказываются гораздо болѣе точными и полными, чѣмъ свѣдѣнія его предшественниковъ въ особенности о жителяхъ Сѣвера. Въ главѣ, посвященной изученію этихъ свѣдѣній Герберштейна, авторъ дѣлаетъ нѣсколько очень интересныхъ изслѣдованій—о Лопаряхъ, о Тюменскомъ царѣ, о Пермской области и т. д. „Существенно важными по своему значенію", говоритъ авторъ,—„являются въ Запискахъ о Московіи извѣстія объ областяхъ и городахъ ея, а также о путяхъ сообщенія, столь подробныя и обстоятельныя, что они далеко оставляютъ за собою все, чѣмъ въ этомъ отношеніи располагала западноевропейская литература XV—XVI вв., и въ русской географической литературѣ они имѣютъ значеніе наиболѣе полнаго свода названій городовъ Московской Руси въ первой половинѣ XVI в., составленнаго, вѣроятно, на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя находились въ чертежѣ Московскаго государства, до насъ не дошедшемъ".

Описаніе провинцій начинается съ тѣхъ, которыя прилежатъ къ Сѣверному океану. Авторъ, передавая и оцѣнивая извѣстіе, нерѣдко входитъ въ значительныя изслѣдованія. Такъ, здѣсь интересно изслѣдованіе о пути московскихъ воеводъ на Обь, къ городу Ляпину. Всѣхъ названій этого бассейна у Герберштейна до 17-ти, а у его предшественниковъ только три. Изъ мѣстностей бассейна Балтійскаго Герберштейнъ упоминаетъ 14, а его предшественники два; изъ названій Черноморскаго бассейна у Герберштейна 8, а у его предшественниковъ 2. Волжскій бассейнъ, какъ составляющій центральную и самую существенную часть Московскаго государства, описанъ Герберштейномъ съ особою подробностью. О странахъ сосѣднихъ съ Московіей, о Швеціи, Норвегіи, Ливоніи и Литвѣ Герберштейнъ тоже сообщаетъ свѣдѣнія и приводитъ много названій населенныхъ мѣстъ Литовскаго государства; онъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности о Вильнѣ, о запущеніи Кіева и т. п. Нашъ авторъ и здѣсь постоянно повѣряетъ свидѣтельства Герберштейна другими источ-

Библиотека "Руниверс"

никами и старается ничего не оставить необъясненнымъ. Свѣдѣнія, представляемыя Герберштейномъ о Татарахъ, преимущественно Казанскихъ и Крымскихъ, особенно цѣнны, хотя объ этихъ народахъ уже было довольно свѣдѣній. Нашъ авторъ посвящаетъ имъ особую главу. Въ заключеніе книги помѣщена уже извѣстная глава—изслѣдованіе о картахъ Герберштейна. Самыя карты тоже приложены въ снимкѣ; сверхъ того въ приложеніи, кромѣ картъ, уже упомянутыхъ нами, есть карта путей сообщеній, упоминаемыхъ Герберштейномъ. Это обиліе картъ даетъ возможность составить себѣ ясное представленіе о всемъ матеріалѣ, сообщаемомъ „Записками о Московіи".

Уже изъ нашего, можетъ быть, черезъ чуръ сжатаго изложенія читатель видитъ, какое богатство и разнообразіе знаній, соображеній и выводовъ вносится въ русскую науку новымъ трудомъ Е. Е. Замысловскаго. Въ его трудѣ русская историческая географія получаетъ, такъ-сказать, первый вполнѣ научный опорный пунктъ. Другимъ изслѣдователямъ, воспитаннымъ самимъ г. Замысловскимъ и идущимъ по его слѣдамъ, легче будетъ продолжать начатое дѣло. Имъ будутъ ясны требованія отъ такого рода трудовъ, условія, при которыхъ они могутъ быть плодотворны. Они будутъ знать, что достиженіе цѣли на этомъ пути возможно; но возможно, конечно, только при томъ трудолюбіи и той высокой ученой осмотрительности, которою отличается разбираемая нами книга.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Н. И. Гнѣдичъ.

Николай Ивановичъ Гнѣдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи по не изданнымъ источникамъ. Къ столѣтней годовщинѣ дня его рожденія (1784—1884). Изданіе втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1884.

Сочиненія Гнѣдича. Три тома. Первое полное изданіе. Съ портретомъ Н. И. Гнѣдича, гравированнымъ на стали, и біографіею, составленною *Н. М. Виленкинымъ*. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. С.-Пб. 1884.

(Посвящается Я. К. Гроту).

Къ столѣтней годовщинѣ дня рожденія Гнѣдича, второе отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ напечатало нѣсколько данныхъ для его біографіи. Эти данныя извлечены изъ собранія автографовъ

Библиотека "Руниверс"

и другихъ бумагъ переводчика Иліады владѣльцемъ ихъ, членомъ-корреспондентомъ Императорскаго Общества любителей древней письменности, П. Н. Тихановымъ, за что—повторимъ слова Я. К. Грота—несомнѣнно и много признательны ему „всѣ интересующіеся исторіей отечественной литературы и почитатели поэта, котораго высоко цѣнили лучшіе изъ современныхъ ему русскихъ писателей и который никогда не утратитъ права на уваженіе потомства".

Не одни біографическіе факты встрѣтятъ читатели въ этомъ академическомъ изданіи. Почти половина его занята „записною книжкой" Гнѣдича. Она даетъ средство оцѣнить его какъ литератора и какъ человѣка. Изъ нея мы узнаёмъ его религіозныя и нравственныя убѣжденія, его понятія о жизни, его литературныя мнѣнія; вмѣстѣ съ этимъ выступаетъ и его личность, неизмѣнно благородная и честная, и его авторская дѣятельность, безъ страха и укоризны (sans peur et sans reproche), по выраженію князя П. А. Вяземскаго. Этою книжкой, какъ драгоцѣннымъ матеріаломъ, мы будемъ нерѣдко пользоваться въ нашей статьѣ по поводу изданія сочиненій Гнѣдича товариществомъ М. О. Вольфа.

Напрасно это изданіе названо „первымъ полнымъ": оно и не первое (по времени), и не полное (по матеріалу). Въ немъ не достаетъ многихъ трудовъ Гнѣдича. Изъ сочиненій нѣтъ романа „Донъ-Коррадо де Геррера" (1803); двухъ разсужденій: „О причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности" (1814) и „О вкусѣ, его свойствахъ и вліяніи на языкъ и нравы народовъ" (1816); „Замѣчаній на Опытъ о русскомъ стихосложеніи Востокова и о просодіи древнихъ" (1818); „Рѣчи, произнесенной въ собраніи вольнаго общества любителей россійской словесности" (1821) и многихъ другихъ, менѣе важныхъ. Гнѣдичъ взялся за перо очень рано: первые опыты его авторства относятся еще къ 1795 г. Изъ переводовъ драматическихъ произведеній помѣщена въ изданіи только одна трагедія „Танкредъ" (Вольтера): гдѣ же „Абюфаръ" (изъ Дюси, 1802) и Шекспировъ „Леаръ" переложенный съ французскаго языка (1803)? Расположеніе сочиненій въ хронологическомъ порядкѣ не выдержано: за стихотвореніемъ, написаннымъ въ годъ смерти (1833), идутъ другія прежнихъ лѣтъ—можетъ быть, потому, что они переводныя, но потомъ опять являются оригинальныя: „Посланіе къ Плетневу" (1824) и въ самомъ концѣ „Петергофъ" (1803). Не знаю, чѣмъ объяснить такую шаткость размѣщенія. Внѣшность изданія не заслуживаетъ похвалы: бумага грязноватая, и печать на такой бумагѣ не можетъ быть удовлетвори-

Библиотека "Руниверс"

тельною; смирдинскія изданія русскихъ авторовъ печатались на хорошей бѣлой бумагѣ и продавались дешево—по рублю за томъ. Въ біографіи, составленной г. Виленкинымъ, нѣкоторые факты пропущены, а нѣкоторые указаны невѣрно. Такъ, напримѣръ, Гнѣдичъ пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ не въ концѣ 1803 г. (стр. XXI), а раньше: 1-го марта этого года онъ уже былъ опредѣленъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія; въ Публичной Библіотекѣ служилъ не до 1817 г. (стр. XXXIX), а до 1831 г.: біографія смѣшала увольненіе его изъ департамента съ увольненіемъ изъ Библіотеки. Легко быть можетъ, что эти невѣрности произошли оттого, что біографъ не могъ воспользоваться данными, находящимися въ академическомъ изданіи, такъ какъ оно явилось почти одновременно съ изданіемъ товарищества Вольфа. Что же касается до мнѣній біографа о Гнѣдичѣ, какъ писателѣ, то мы будемъ касаться ихъ при изложеніи нашего взгляда на тотъ же предметъ.

I.

Гнѣдичъ принадлежалъ къ числу достойнѣйшихъ русскихъ людей и какъ членъ общества, и какъ писатель. „Въ общежитіи былъ онъ честный человѣкъ, въ литературѣ былъ онъ честный литераторъ“: такъ отозвался о немъ князь Вяземскій. Но къ этому отзыву слѣдовало бы прибавить, что судьба не наградила его счастіемъ, котораго онъ аслуживалъ, на которое имѣлъ полное право. Жизнь его была очень печальна, почему въ сочиненіяхъ его, на ряду съ мужественнымъ благороднымъ образомъ мыслей, никогда не измѣнявшимся, выражается постоянная грусть, „тайное сѣтованіе“ на горькую долю. Какъ стихотворецъ, Гнѣдичъ не стоялъ въ числѣ вдохновенныхъ поэтовъ. Онъ самъ называетъ свои поэтическія произведенія „небогатыми дарами строго-скупой музы“. Но изъ нихъ выдѣляются однакожъ тѣ—хотя и не многія, но чрезвычайно сочувственныя—въ которыхъ авторъ обращается къ предметамъ и думамъ возвышеннымъ, или въ которыхъ изливаетъ свои искреннія элегическія чувства. Эти два отдѣла мы и будемъ имѣть въ виду.

Еще до поступленія въ университетъ, въ мысляхъ о воспитаніи, адресованныхъ какому-то „взрослому воспитаннику благороднаго университетскаго пансіона, для всегдашняго памятованія“, Гнѣдичъ поставилъ слѣдующее требованіе: „Главная цѣль истиннаго воспитанія есть та, чтобы, достигши совершенно мужеской зрѣлости, принесть отечеству, родителямъ, себѣ драгоцѣнные плоды правды, честности,

Библиотека "Руниверс"

благотвореній и неотъемлемаго счастія". Легко быть можетъ, что эта мысль повторена имъ съ чужаго голоса, но дѣло въ томъ, что онъ повторялъ ее въ теченіе всей своей жизни и дѣйствовалъ по ея внушенію. Развѣ выборъ такого труда, какъ переводъ Иліады, не свидѣтельствуетъ о героизмѣ, обрекающемъ трудящагося на серьезный, долгій и тяжкій подвигъ? Двадцатилѣтнюю бесѣду съ Гомеромъ и въ то же время борьбу съ нимъ нельзя ставить на одну доску съ переводомъ какихъ бы то ни было романовъ. Подобно многимъ образованнымъ современникамъ, Гнѣдичъ отличался свободомысліемъ, свободолюбіемъ, но эта любовь своею степенностью и ровностью превышала такое же чувство многихъ другихъ. Въ ней не было ничего помрачающаго ея чистоту и благонамѣренность: ни гордой исключительности, ни враждебнаго вызова, ни ѣдкаго злорадства. Спутниками своими она имѣла сознаніе внутренней независимости, стремленіе къ прекрасному и разумному, свободу отъ искушеній. Гнѣдичъ видѣлъ въ ней „добродѣтель своей души". Все это высказано имъ въ піесѣ „Къ моимъ стихамъ", замѣчательной не только по содержанію, но и по выраженію, простому и въ то же время сильному. Дружба, говоритъ онъ,—не находя въ моихъ стихахъ таланта, найдетъ по крайней мѣрѣ, меня самаго,

Узнаетъ изъ нихъ, что въ груди моей бьется, быть можетъ,
Не общее сердце; что съ юности нѣжной оно трепетало
При чувствѣ прекрасномъ, при помыслѣ важномъ иль смѣломъ,
Дрожало при имени славы и гордой свободы;
Что, съ юности нѣжной любовію къ славѣ пылая,
Оно сохраняло, во всѣхъ коловратностяхъ жизни,
Сей жаръ, хоть не пламенный, но постоянный и чистый;
Что не было видовъ, что не было мзды, для которыхъ
Душой торговалъ я; что, бывши не разъ искушаемъ
Могуществомъ гордымъ, изъ опытовъ вышелъ я чистымъ;
Что жертвъ не куривъ, возжигаемыхъ идоламъ міра,
Ни словомъ однимъ я безсмертной души не унизилъ.

Что важность этой исповѣди сознавалась самимъ ея авторомъ, это доказывается повтореніемъ ея въ рѣчи, произнесенной имъ въ собраніи вольнаго общества любителей россійской словесности:

„Сердцемъ добрый, духомъ возвышенный и свободный, да не измѣняетъ себѣ служитель музъ ни въ какихъ случаяхъ жизни; да не рабствуетъ предъ фортуною и не страшится бѣдности! Бѣдность—превосходнѣйшее училище людей. Если она усѣваетъ путь жизни терніями жестокими, то на каждомъ шагу открываетъ такіе опыты, такія истины, какія невидимы съ высоты чертоговъ. На семъ пути человѣкъ узнаетъ человѣка и научается любить его: ибо

Библиотека "Руниверс"

видитъ, что большая часть людей—несчастны; на семъ пути, привыкая ожидать всего единственно отъ себя, убогій пріобрѣтаетъ мужество и силу души, первыя свойства геніевъ благородныхъ, свойства, чуждыя сыновъ счастія, которые возрастаютъ какъ вѣтви на опорахъ, слабые, чтобы выносить удары бури. Я не говорю, что богатство безполезно для ума, но что умъ не долженъ раболѣпствовать фортунѣ. Если же писателю такое отреченіе тягостно, да оставитъ онъ поприще письменъ, да ищетъ другаго пути: ихъ много, чтобы приносить пользу отечеству и заслуживать доброе имя. Фортуна же и меценаты, которыхъ онъ будетъ искать, продаютъ благосклонности свои за такія жертвы, которыхъ почти нельзя принесть не на счетъ своей чести" [1]).

Приведенныя нами тирады напоминаютъ другаго, тоже свободолюбиваго писателя—Княжнина, въ посвященіи „Росслава" княгинѣ Е. Р. Дашковой:

Однѣ заслуги чтя, моя не подла муза;
Вѣжа порочнаго со лестію союза,
Въ терпѣніи своемъ несчастна, но тверда,
Не приносила жертвъ фортунѣ никогда.

Подлость для Гнѣдича была презрѣннѣйшимъ порокомъ человѣка. Хотя онъ глубоко уважалъ Ломоносова, но стихъ сего послѣдняго: „Насъ рабство подъ твоей державой возвышаетъ" привелъ его къ заключенію, что самые высокіе и твердые умы должны производить уродливости при отверженіи отъ своей свободы. Этою наклонностью къ свободнымъ, но вмѣстѣ и строгимъ правиламъ, съ которыми нелегко могли согласоваться другіе, объясняется его страсть къ театру, преимущественно къ трагедіи, какъ такому роду драматической поэзіи, которая представляетъ людей возвышеннаго духа и пламенныхъ чувствъ. „Не знаю наслажденія, болѣе восхитительнаго", говорится въ Записной книжкѣ,—„какъ видѣть игру хорошихъ актеровъ", разумѣется—трагическихъ, между которыми первенствовала Семенова, одолженная Гнѣдичу значительною частію своихъ сценическихъ успѣховъ. Но свободолюбіе—это необходимо замѣтить—не вело его къ такому свободомыслію, которое покушается на предметы священные для человѣка. Гнѣдичъ былъ глубоко религіозенъ. Внутреннее чувство ставилъ онъ выше всякихъ умствованій. „Такъ какъ мы чувствуемъ Бога и совѣсть", разсуждаетъ онъ,—„то и должны имъ вѣрить: всѣ доводы будутъ всегда ниже убѣжденій сего ощущенія... Въ бурѣ бѣдствій свѣтильникъ философіи гораздо менѣе успокоиваетъ, чѣмъ маленькая лампада передъ образомъ Святой Дѣвы... Строгіе, чистые нравы и благочестивая мысль еще болѣе нужны въ союзѣ съ музами,

[1]) *Соревнователь просвѣщенія и благотворенія* 1821 г., № 8.

Библиотека "Руниверс"

чѣмъ геній". Гнѣдичъ сочинилъ даже особую для себя молитву, ибо чувствовалъ нужду въ такой, „въ которой бы душа его находилась въ собственныхъ отношеніяхъ къ Богу".

Составитель біографіи въ изданіи Вольфа, выписавъ тираду изъ „Посланія Перуанца къ Испанцу" (1805), въ свое время очень извѣстнаго и печатавшагося въ сборникахъ образцовыхъ сочиненій, напрасно „чувствуетъ" въ немъ какую-то личную злобу и личную печаль поэта; еще напраснѣе считаетъ онъ не лишнимъ по поводу этого посланія вспомнить слѣдующій отзывъ записокъ Вигеля о Капнистѣ и Гнѣдичѣ: „Оба они, не смотря на единовѣріе, единокровіе, единозваніе, на двухвѣковое соединеніе ихъ родины съ Россіей, тайкомъ ненавидѣли ее и русскихъ москалей, кацаповъ". То-есть, біографъ думаетъ, что въ лицѣ Перуанца изображена Малороссія, а въ лицѣ Испанца—Великороссія. Какая странная мысль! Какое недостойное объясненіе стихотворной піесы, содержаніемъ которой служатъ просто на просто гуманныя идеи и чувства того времени, общія всѣмъ образованнымъ людямъ XVIII вѣка и перешедшія по наслѣдству въ вѣкъ XIX, когда зрители восхищались представленіемъ драмы Коцебу: „Испанцы въ Перу или Смерть Роллы" также сильно, какъ прежде того чтеніемъ сочиненія Мармонтеля: „Инки или разрушеніе Перуанской имперіи". Всѣ факты противорѣчатъ такому обидному толкованію. Ни къ кому Гнѣдичъ не питалъ злобы. У него и помышленія не было о племенной враждѣ. Онъ не только не считалъ Малороссовъ и Великороссовъ двумя народностями (какъ проповѣдывалось въ новѣйшее время), но и не затѣвалъ созданія особаго литературнаго малорусскаго языка (затѣя тоже позднѣйшихъ чиселъ). Онъ состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ къ Батюшкову, Крылову, Жуковскому, Пушкину, Баратынскому, Дельвигу, Плетневу, А. Тургеневу: всѣ они уважали его, дорожили его совѣтами и мнѣніями. Отечествомъ своимъ считалъ онъ не Малороссію, а Россію: ей одной служилъ онъ, не жалѣя своего здоровья. Не отзывъ Вигеля слѣдовало бы вспоминать г. Виленкину, а характеристику Гнѣдича, начертанную имъ самимъ въ посланіи „Иностранцамъ—гостямъ моимъ" (1824):

. . . . Къ поэзіи любовью онъ дышалъ,
Ей лучшіе дни жизни посвящалъ;
Бесѣдовалъ съ Гомеромъ и природой,
Любилъ отечество, но жилъ въ немъ не рабомъ,
И у себя подъ тѣснымъ шалашомъ
Дышалъ святой свободой.

Библиотека "Руниверс"

Обращаемся къ элегическимъ піесамъ Гнѣдича. Это—лучшія произведенія его строго-скупой музы, потому что они искренно выражаютъ его дѣйствительную печаль, какъ слѣдствіе его горькой, несчастной судьбы. Печаль эта, по своему характеру, соотвѣтствовала его душевной крѣпости. Онъ испыталъ на себѣ силу тѣхъ совѣтовъ, которые давалъ Плетневу, въ отвѣтѣ на его посланіе (1824): „не блѣднѣть передъ грозой, воевать съ враждебною судьбою, гордымъ мужествомъ возвышать свой духъ". Онъ отступилъ отъ наклонности многихъ писателей къ выставкѣ своихъ злосчастій и горестей, къ самодовольному о нихъ разглашенію: онъ страдалъ безмолвно, сѣтовалъ тайно. Два стихотворенія выражаютъ его печальную исповѣдь: „Посланіе къ другу" (1819) и „Пріютино" (1820). Приводимъ первое сполна:

Когда изъ глубины души моей угрюмой,
Гдѣ грусть одна живетъ въ тоскѣ нѣмой,
Проступитъ мрачная на блѣдный образъ мой
И осѣнитъ чело мнѣ черной думой—
На сумрачный ты видъ мой не ропщи:
Мое страданіе свое жилище знаетъ;
Оно сойдетъ опять во глубину души,
Гдѣ, нераздѣльное, безмолвно обитаетъ.

Во второмъ, посвященномъ Е. М. Олениной (супругѣ президента академіи художествъ), выступаетъ то же чувство:

Увы! немногіе, но гибельные годы
Умчали молодость и жизнь моей души.
Они затмили свѣтъ надеждъ, меня живившихъ,
Убили жизнь младыхъ и недоцвѣтшихъ лѣтъ;
Ударовъ роковыхъ, мнѣ міръ опустошившихъ,
На блѣдномъ я челѣ ношу глубокій слѣдъ.
Но, тщетнымъ ропотомъ я року не скучая,
Какъ грусть безсловная, грушу на-единѣ;
Я слезы, предъ людьми души не унижая,
Скрылъ въ ихъ источникѣ—въ сердечной глубинѣ.

Что же было причиною душевной боли, которая до конца жизни не оставляла Гнѣдича? Не одна, а многія причины произвели ее. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ смерть матери. Отъ колыбели онъ былъ усыновленъ суровою мачихой-судьбою: „Я выросъ", говоритъ онъ,—„какъ дикое растеніе, само себѣ предоставленное". Стихотвореніе: „На гробѣ матери", написанное имъ послѣ первой побывки на родинѣ (1805), оканчивается трогательнымъ къ ней воззваніемъ:

Библиотека "Руниверс"

Узрѣть мнѣ дай твой ликъ священный,
Хоть тѣнь свою мнѣ дай обнять,
Чтобъ, въ міръ духовъ переселенный,
Я могъ и тамъ тебя узнать!

Затѣмъ разлука съ родиной, переходъ изъ благодатнаго климата (Полтавы) на сѣверъ (въ Петербургъ), жизнь на далекой „чужбинѣ", „подъ чуждымъ небосклономъ" заставляли его жаловаться на судьбу:

Судьба, отъ берега мой челнъ
Толкнувъ, гнала его жестоко
Между бушующихъ зыбей
И занесла меня далеко
Отъ тихой родины моей.

Смерть сестры, а потомъ и ея дочери—послѣдней его земной привязанности—были самыми тяжкими несчастіями. Скорбь свою выразилъ онъ въ задушевномъ, трогательномъ стихотвореніи „На смерть дочери покойной сестры" (1826):

Дитя сестры моей, души моей дитя,
Что, нерасцвѣтшій цвѣтъ, такъ рано увядаешь?
Мои нѣжнѣйшія заботы о тебѣ
Что такъ безвременно на вѣки прекращаешь?
О, крови мнѣ родной единственная вѣтвь,
Моя послѣдняя привязанность земная!
Такъ, жить не для себя тобой позналъ я сладость;
Тебя, далекую, невиданную мной,
Любилъ, лелѣялъ я во глубинѣ души,
Какъ лучшую мечту, какъ сладкую надежду;
Въ твоихъ чертахъ, въ душѣ найти я уповалъ
Все милое очамъ и все святое сердцу:
И кровную любовь, и искреннюю дружбу.
Я уповалъ, что ты, наперекоръ судьбѣ,
Невозвратимую замѣнишь трату мнѣ;
Что ты мнѣ населишь тоскующую душу,
Опустошенную сестры мнѣ милой смертью.

Въ концѣ стихотворенія выражается чувство безотрадности жизни:

О что я не могу, на быстрыхъ крыльяхъ волн,
Къ вамъ, тѣни милыя, теперь же возлетѣть!
Съ какою бъ радостью я бросилъ эту землю,
Гдѣ ничего уже нѣтъ общаго со мной!

Содѣйствовала ли скорбному состоянію духа любовь, и на сколько она содѣйствовала—прямыхъ указаній нѣтъ, если не считать таковыми, съ одной стороны, слова князя Вяземскаго, что Гнѣдичъ переводилъ Танкреда „для прекрасныхъ глазъ Семеновой" (трагической

Библиотека "Руниверс"

актрисы), а съ другой—свидѣтельство самого скорбящаго въ его стихотвореніи „Къ Провидѣнію“ (1819):

Я сердце чистое, какъ жертву для небесъ,
Хранилъ любви въ груди суровой;
И за годы тоски, страданія и слезъ
Я ждалъ любви, какъ жизни новой.
И что жъ? Произнося обѣтъ ея святой,
Коварно въ грудь мнѣ ножъ вонзали;
И оттолкнувъ меня, убитаго тоской,
На гробъ съ улыбкой указали.

Къ душевному страданію, произведенному утратою родныхъ и, можетъ быть, несчастною любовью, присоединился недугъ физическій: „съ 1809 года Гнѣдичъ началъ хворать, и хотя по временамъ здоровье его болѣе или менѣе возстановлялось, но почти всегда требовало врачебной помощи“ [1]). Въ „Отвѣтѣ на посланіе гр. Д. И. Хвостова, извѣстнаго метромана“ (1814), онъ пишетъ: „и дуренъ я [2]), и хворъ, и денегъ не имѣю“; а „Посланіе къ Крылову (баснописцу), приглашавшему его ѣхать съ нимъ въ чужіе края“ (1821) высказываетъ уже полное разочарованіе. Уже не было никакихъ надеждъ на счастіе: въ удѣлъ ему было суждено полное одиночество. „Долго испытывая, что такое счастіе, или, лучше сказать, на чемъ бы хотѣлъ я основать мое счастіе, нахожу, что постоянство и однообразіе жизни, спокойствіе духа и свобода, образованность сердца и раздѣленіе чувствъ его—вотъ источники счастія, мною воображаемаго. Только воображаемаго? Какъ я бѣденъ!—Главный предметъ моихъ желаній—домашнее счастіе. Моихъ? едва ли это не цѣль и не конецъ, къ которымъ стремятся предпріятія и труды каждаго человѣка. Но увы! я бездомен, я безроденъ. Кругъ семейственный есть благо, котораго я никогда не вѣдалъ. Чуждый всего, что бы могло меня развеселить, ободрить, я ничего не находилъ въ пустынѣ домашней, кромѣ хлопотъ, усталости, унынія. Меня обременяли всѣ заботы жизни домашней безъ всякаго изъ ея наслажденій“ [3]). Итогъ этой несчастной жизни, бездольной судьбы подведенъ въ одномъ изъ послѣднихъ стихотвореній: „Дума“ (1832), которое нельзя читать безъ глубокаго сострадания къ автору

Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!
Ничьей не ласкаемъ рукою,

---

[1]) Н. И. Гнѣдичъ (академическое изданіе).

[2]) Гнѣдичъ былъ кривъ, а на лицѣ его остались слѣды оспы.

[3]) Записная книжка.

Библиотека "Руниверс"

Отъ дѣтства я росъ одинъ, сиротою;
Въ путь жизни пошелъ одинокъ;
Прошелъ одинокъ его—тощее поле,
На коемъ, какъ въ знойной Ливійской юдолѣ,
Не встрѣтились взору ни тѣнь, ни цвѣтокъ;
Мой путь одинокъ я кончаю,
И хилую старость встрѣчаю
Въ домашнемъ быту одинокъ:
Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!

Гнѣдичъ предчувствовалъ исходъ своей болѣзни—быстро приближающуюся смерть. При погребеніи Дельвига, онъ не надолго прощался съ нимъ:

Другъ, до свиданія! Скоро и я наслаждусь моей частью:
Жилъ я, чтобы умереть; скоро умру, чтобы жить.

Но живой живое и думаетъ: ему все еще не хотѣлось разстаться съ земнымъ міромъ, какъ показываетъ его послѣднее, прекрасное стихотвореніе „Ласточка", написанное въ самый годъ смерти (1833). Вотъ начало этой лебединой пѣсни:

Ласточка, ласточка, какъ я люблю твои весеннія пѣсни!
Милый твой видъ я люблю, какъ весна, и живой и веселый!
Пой, весны провозвѣстница, пой и кружись надо мною:
Можетъ быть, сладкія пѣсни и мнѣ напоешь ты на душу.

А вотъ и конецъ:

Пой легкокрылая ласточка, пой и кружись надо мною!
Можетъ быть, пѣснь не послѣднюю ты мнѣ на душу напѣла.

II.

Утѣшеніемъ Гнѣдичу въ его печальной судьбѣ служила любовь къ наукамъ и поэзіи:

Мой духъ лишь воспаленъ любовію къ наукамъ,
Къ священной истинѣ, златыя лиры къ звукамъ,
И счастливъ, чувствуя волшебну сладость ихъ.
Они отрада мнѣ въ прискорбныхъ днахъ моихъ:
Восторженной душой при гласѣ лиръ священныхъ,
Живой я восхожу на пиръ боговъ блаженныхъ [1]).

О поэзіи его мы уже говорили на столько, на сколько она выражала его душевныя качества и скорбныя обстоятельства его жизни. Теперь надобно познакомиться съ его литературными мнѣніями. Матеріалы для этого знакомства мы найдемъ въ его разсужденіяхъ

[1]) Отвѣтъ на посланіе гр. Д. Хвостова (1810).

Библиотека "Руниверс"

и „Записной книжкѣ“. Хотя послѣдняя писана имъ въ минуты скорбнаго одиночества, но не одно же изліяніе чувствъ содержитъ она въ себѣ: въ ней есть мысли о религіи, философіи, словесности и другихъ предметахъ. Нѣкоторыя мысли заимствованы изъ иностранныхъ писателей, другія принадлежатъ собственно Гнѣдичу. Мы остановимся на тѣхъ, которыя относятся къ русской литературѣ и ея направленію.

Одну изъ этихъ мыслей мы ставимъ впереди, какъ капитальную по отношенію къ нашей цѣли—изложенію понятій Гнѣдича о томъ, чего должно требовать отъ литераторовъ: „Еслибъ я искалъ славы“, говоритъ онъ, — „я бы угождалъ такъ называемымъ требованіямъ времени и новымъ идеямъ; но я жилъ въ мірѣ своихъ идей, хотя не совсѣмъ классическихъ, но совершенно противоположныхъ новымъ, относительно словесности“. Въ pendant къ этимъ словамъ, для ихъ разъясненія, приводимъ слѣдующія строки изъ рѣчи, произнесенной въ собраніи Вольнаго общества любителей россійской словесности (1821): „Какъ въ древности пламенникъ игръ священныхъ быстро переходилъ изъ рукъ въ руки, переходитъ теперь отъ народа къ народу пламенникъ искусствъ и познаній. Въ такое время перо писателя можетъ быть въ рукахъ его оружіемъ болѣе могущественнымъ, болѣе дѣйствительнымъ, нежели мечъ въ рукѣ воина.... Писатель своими мнѣніями дѣйствуетъ на мнѣніе общества, и чѣмъ онъ богаче дарованіемъ, тѣмъ послѣдствія неизбѣжнѣе. Мнѣніе есть властитель міра. Да будетъ же перо въ рукахъ писателя то, что скиптръ въ рукахъ царя: твердъ, благороденъ, величественъ! Перо пишетъ, что̀ начертывается на сердцахъ современниковъ и потомства. Имъ писатель сражается съ невѣжествомъ наглымъ, съ порокомъ могущимъ, и сильныхъ земли призываетъ изъ безмолвныхъ гробовъ на судъ потомства. Чтобы владѣть съ честію перомъ, должно имѣть болѣе мужества, нежели владѣть мечемъ. Но если писатель благородное оружіе свое преклоняетъ предъ врагами своими; если онъ унижаетъ его, чтобы льстить могуществу, или если прелестію цвѣтовъ покрываетъ развратъ и пороки; если, вмѣсто огня благотворнаго, онъ возжигаетъ въ душахъ разрушительный пожаръ, и пищу сердецъ чувствительныхъ превращаетъ въ ядъ: перо его—скиптръ, упавшій въ прахъ, или оружіе убійства!... Писатель, говорятъ, есть выраженіе времени, печать духа и нравовъ вѣка своего. Какъ? Пѣвецъ, сынъ вдохновенія небеснаго, долженъ быть только эхомъ людей? Онъ, свободный, долженъ рабски слѣдовать за вѣкомъ и, самъ увлекаясь пороками его, долженъ пи-

Библиотека "Руниверс"

тать ихъ, осыпать цвѣтами и музъ превращать въ сиренъ, соблазнительницъ человѣка? Удались, мысль, недостойная разума! Въ царство ужаса, когда законы запретили исповѣданіе Создателя, въ дни безвѣрія и безбожія народнаго, Делиль на развалинахъ алтарей пѣлъ бытіе Бога и безсмертіе души. Вотъ подвиги писателя! Пробуди ть вдохнуть, воспламенить страсти благородныя, чувства высокія, любовь къ вѣрѣ и отечеству, къ истинѣ и добродѣтели—вотъ что нужно въ такое время, когда благороднѣйшими свойствами души жертвуютъ эгоизму, или такъ называемому свѣту ума, когда холодный умъ сей опустошаетъ сердце, а низость духа подавляетъ въ немъ все, что возвышаетъ бытіе человѣка. Въ такое время нужнѣе чрезмѣрить величіе человѣка, нежели унижать его; лучше подражать тѣмъ ваятелямъ древности, которые произведеніямъ своимъ дали образцы благороднѣйшіе и величество, превосходящее природу земную, чѣмъ поэзію уподоблять Цирцеѣ, превратившей спутниковъ Одиссея въ животныхъ".

Что значитъ страстный тонъ этихъ благородныхъ строкъ? Онъ долженъ имѣть какую-нибудь причину. Такъ могъ выражаться лишь человѣкъ, принимающій живое участіе въ современномъ направленіи родной литературы, но находящій, что это направленіе ложно и вредно, что оно угождаетъ требованіямъ времени и новымъ идеямъ, нисколько не похожимъ на его собственныя понятія о литературѣ, долженствующей благотворно дѣйствовать на просвѣщеніе и нравы народа. Гнѣдичъ, въ самомъ дѣлѣ, смотрѣлъ неодобрительно на современную ему отечественную литературу. Взглядъ его былъ взглядомъ человѣка убѣжденнаго, и это убѣжденіе не зависѣло отъ вліянія какой-нибудь партіи словесниковъ, напримѣръ—Шишковской, къ которой онъ могъ склоняться по другимъ причинамъ и поводамъ, но ужъ конечно, не какъ членъ какого-нибудь кружка словесниковъ, враждебнаго другимъ кружкамъ того же рода.

Образованіе Гнѣдича не походило на образованіе большинства нашихъ литераторовъ. Оно началось въ Полтавской семинаріи, продолжалось въ Харьковскомъ коллегіумѣ, устроенномъ въ 1727 году Бѣлгородскимъ епископомъ Епифаніемъ „по образу польскихъ іезуитскихъ", и окончилось въ Московскомъ университетѣ. Уже во второмъ изъ этихъ учебныхъ заведеній онъ могъ значительно познакомиться съ древними языками, по крайней мѣрѣ съ латинскимъ, которыхъ вовсе не знали многіе изъ первоклассныхъ стихотворцевъ и прозаиковъ нашихъ. Еще студентомъ перевелъ онъ трагедію Дюси

Библиотека "Руниверс"

„Абюфаръ“ (1802) и сочинилъ романъ „Донъ-Коррадо де-Геррера, или духъ мщенія и варварства Гишпанцевъ“ (1803); въ 1808 году напечатанъ его переводъ съ французскаго Шекспировой трагедіи „Лира“ (Леаръ). Выборъ піесъ для перевода, равно какъ и выборъ сюжета для сочиненія, показываетъ его наклонность къ предметамъ трагическимъ, возвышеннымъ, сильно возбуждающимъ чувства читателя и содѣйствующимъ ихъ нравственному облагороженію. Съ 1807 г. принялся онъ за переводъ Иліады, высочайшаго произведенія поэзіи Грековъ, „которыхъ (по его убѣжденію) въ этомъ искусствѣ никто превзойдти не можетъ“. Двадцати-трехъ лѣтъ возложилъ онъ на себя этотъ тяжелый подвигъ—и въ какое время? Въ самый разгаръ сентиментализма, введеннаго Карамзинымъ и опошленнаго его послѣдователями, бредившими Стерномъ и Верномъ. Что̀ могло быть общаго между ихъ приторными, а часто и притворными чувствами, между ихъ сентиментальными путешествіями, какъ дѣйствительно совершенными, такъ и вымышленными, написанными безъ выѣзда изъ дома, въ кабинетѣ,—и Гомеромъ, „изъ вѣщихъ устъ котораго лилися рѣчи, сладчайшія меда“? Понятно, что Гнѣдичъ съ своимъ трезвымъ, не отуманеннымъ умомъ долженъ былъ отнестись неодобрительно, даже съ негодованіемъ къ такому литературному направленію, отъ котораго можно было ожидать не подъема и укрѣпленія духа, а его пониженія и ослабленія. Что онъ именно такъ и относился, доказывается письмомъ его къ Полозову изъ Москвы, проѣздомъ въ Малороссію (1810): „Въ Москвѣ“, пишетъ онъ,—„за починкой коляски просидѣлъ я шестеро сутокъ и видѣлъ весь Парнассъ, весь сумасшедшихъ домъ. Батюшкова я нашелъ больнаго, кажется отъ московскаго воздуха, зараженнаго чувствительностью, сыраго отъ слезъ, проливаемыхъ авторами, и густаго отъ ихъ воздыханій“. Надобно замѣтить, что въ средѣ этого Парнасса находились и Карамзинъ, и Жуковскій.

Гнѣдичъ не одобрялъ и романтизма, хотя признавалъ прекрасное дарованіе Жуковскаго, „человѣка истинно добраго и благороднаго“. Онъ находилъ, что его произведенія исполнены грубыхъ погрѣшностей отъ незнанія вкуса. А что̀ такое изящный вкусъ, какія его свойства и вліяніе на нравы, это изложено Гнѣдичемъ въ особомъ разсужденіи [1]), сущность котораго мы представляемъ въ краткихъ чертахъ. Вкусъ, по опредѣленію автора, есть живое и вѣрное чувство всего, что̀ истинно и прекрасно въ твореніи искусства. Прекрасное

[1]) *Сынъ Отечества*, 1816, № 2, и *Соревнователь Просвѣщенія*, 1819, № 3.

Библиотека "Руниверс"

воспріемлется чувствомъ, истинное постигается умомъ, такъ что движеніе перваго (чувства) объясняется сужденіемъ втораго (ума); поэтому счастливое сочетаніе нѣжной чувствительности и быстраго пониманія составляютъ живость и вѣрность вкуса. Если такъ, то грубыя погрѣшности въ поэзіи Жуковскаго должествовали происходить отъ недостатка или обоихъ элементовъ, или одного только. Никто, конечно, не отниметъ у Жуковскаго чувствительности, слѣдовательно, вина, по теоріи Гнѣдича, падаетъ на отсутствіе вѣрнаго и быстраго пониманія. Кромѣ того, Гнѣдичъ называлъ Жуковскаго „Москвичемъ и Нѣмцемъ" — непонятное, казалось бы, совмѣщеніе противоположныхъ предметовъ. Имя „Нѣмца" онъ, конечно, заслужилъ, какъ представитель у насъ нѣмецкой „метафизической поэзіи, дающей образы отвлеченнымъ понятіямъ, что противно существу поэзіи", и тѣмъ еще, что сочиненія его „пропитаны меланхоліей, „этою болѣзнью новыхъ стихотворцевъ, которые, кажется, рѣшились свѣтлымъ даромъ боговъ навести грусть на весь родъ человѣческій".

И вообще русская литература—не сентиментализмъ и романтизмъ только—подверглась строгому приговору Гнѣдича, какъ такая, которая выражаетъ „идеи, совершенно противоположныя идеямъ классическимъ". Приговоръ этотъ изреченъ надъ нею въ „Разсужденіи о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности" [1]). Эпиграфомъ къ нему выбранъ стихъ изъ посланія князя Горчакова къ князю Долгорукому: „журналовъ тысячи, а книги ни одной". „У насъ", говоритъ Гнѣдичъ, — „мало хорошихъ сочиненій, хорошихъ переводовъ, даже хорошихъ выборовъ для переводовъ". Въ чемъ причина такого неутѣшительнаго факта? Въ томъ, что у насъ дарованія очень рѣдко усовершаются. Что же ускоряетъ успѣхи дарованій и доводитъ ихъ до совершенства? Отвѣтъ на этотъ вопросъ укажетъ и причины медленнаго хода нашей словесности и скудныхъ ея успѣховъ. Рѣшается онъ слѣдующимъ образомъ Развиваются и совершенствуются дарованія ученіемъ. Во всѣхъ странахъ Европы образованіе языка лишь тогда начиналось, когда писатели знакомились съ языками древнихъ, и народная словесность тамъ только достигала совершенства, гдѣ писатели изучали творенія древнихъ основательно. Короче: классическое ученіе и познаніе языковъ древнихъ доставляютъ писателю полные успѣхи. Такъ ли ду-

[1]) Описаніе торжественнаго открытія Императорской Публичной Библіотеки (1814).

Библиотека "Руниверс"

маютъ у насъ? пріобрѣтаются ли у насъ необходимыя надлежащія пособія въ училищахъ? Нѣтъ, мы поступаемъ иначе. Миѳологическій словарь — вотъ наши поэтическія свѣдѣнія; словарь историческій — вотъ наши научныя познанія; французская словесность — вотъ нашъ образецъ и подражаніе. Другое дѣло, если бы древность, бывшая наставницей всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, наставляла и насъ, если бы поэзія и краснорѣчіе Грековъ и Римлянъ служили образцами для нашей словесности, хотя съ прошлаго вѣка: „Мы не брящали бы великолѣпныхъ одъ своихъ на готическихъ лирахъ, не основывали бы своей эпопеи на скудномъ зданіи поэмы французской, не дѣлали бы нашего театра зрѣлищемъ однихъ любовныхъ приключеній,—и наши Омеры, Пиндары, Софоклы и Ѳукидиды, силою превосходнаго своего слова и изящности ихъ твореній, уже восхитили бы всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, и слава языка россійскаго уже носилась бы по вселенной, какъ громъ россійскаго оружія“. Кромѣ общаго благотворнаго вліянія классицизма на отечественную литературу, „Разсужденіе“ указало выгоды, пріобрѣтаемыя отъ него въ частности каждымъ даровитымъ человѣкомъ, желающимъ посвятить себя словесному искусству: „Образовавъ себя ученіемъ основательнымъ, извѣдавъ путь своего дарованія, избравъ предметъ, соразмѣрный его силамъ, и можетъ быть, подобно Виргилію, рѣшась писать для общества не ранѣе 30 лѣтъ, онъ выдалъ бы страницу, но она была бы богаче красотами, чѣмъ книга, и принесла бы ему болѣе чести, нежели 12 томовъ, которые онъ выдастъ [1]); ибо не расточалъ бы онъ въ ней даровъ на безделки [2]), ища временной похвалы, но, одушевленный благородными чувствами своихъ наставниковъ, устремилъ бы ихъ, какъ они, на труды болѣе почтенные, которые плѣняютъ и наставляютъ родъ человѣческій и которые одни дѣлаютъ безсмертнымъ имя писателя“.

Но знакомство съ классицизмомъ, знаніе правилъ словесности не дѣлаетъ еще писателя: нужно владѣть языкомъ, а для этого необходимы опытъ, чтеніе и вкусъ. У насъ нѣтъ еще образцовыхъ сочиненій во всѣхъ родахъ поэзіи, а еще болѣе въ прозѣ; у насъ нѣтъ

---

[1]) Можно предполагать, что Гнѣдичъ разумѣлъ здѣсь *три* тома переводовъ Карамзина (Пантеонъ иностранной словесности) и *девять* томовъ его сочиненій въ изданіи 1814 г.

[2]) Намекъ на «Безделки» Карамзина.

Библиотека "Руниверс"

еще книгъ, чтобы совершенно узнать всѣ тонкости языка общественнаго и формы различныхъ слоговъ. При этомъ Гнѣдичъ различаетъ три слога: высокій, цвѣтущій или пріятный и средній, признанный за превосходнѣйшій во всѣхъ языкахъ, живыхъ и мертвыхъ, ибо „онъ есть выборъ лучшаго изъ двухъ первыхъ, та средина между пышностью и простотою, та мудрая умѣренность, которую Аристотель называетъ совершенствомъ и искусствъ, и дѣяній, и самой жизни человѣческой". Образцы у насъ этого средняго слога Гнѣдичъ видитъ въ стихотвореніяхъ Ломоносова, Державина и нѣкоторыхъ высшаго рода поэтовъ, но еще не видитъ въ прозѣ, хотя многіе писатели отъ временъ Ломоносова и до нашихъ его избирали. Образоваться этотъ слогъ, по мнѣнію Гнѣдича, можетъ только вѣжливостью и вкусомъ въ образованномъ обществѣ, но въ этомъ обществѣ, на бѣду, не го, ворятъ по русски. При такихъ невыгодныхъ обстоятельствахъ, замѣчаетъ онъ, труды Карамзина еще болѣе почтенны: „Сколько ему было препятствій, чтобы составить пріятный слогъ прозы, близкій языку общества; ибо онъ у насъ первый увидѣлъ нужду въ семъ слогѣ, первый узналъ его свойство, первый почувствовалъ, что формы прозы имѣютъ также законы гармоніи и мѣры, какъ стихосложеніе, и слогу своему умѣлъ дать легкость и гармонію". И вслѣдъ за симъ воздается не меньшая (если не бо́льшая) похвала прозаическимъ сочиненіямъ М. Н. Муравьева, „отличнымъ красотою слога и достоинствомъ писателя, образованнаго ученіемъ и вкусомъ древнихъ". Похвала Карамзину, высказанная въ концѣ разсужденія, какъ бы мимоходомъ и неохотно, вмѣстѣ съ положительнымъ, вышеприведеннымъ заявленіемъ что у насъ нѣтъ еще образцовыхъ сочиненій ни въ поэзіи, ни тѣмъ болѣе въ прозѣ, не могла быть пріятна ни Карамзину, ни его друзьямъ и почитателямъ, которые называли его образователемъ новаго литературнаго языка и въ сочиненіяхъ его видѣли образцовую прозу. Дмитріевъ написалъ замѣтки на „Разсужденіе" и сообщилъ ихъ своему другу: въ чемъ онѣ состояли—не извѣстно. Самъ Карамзинъ отнесся съ легкою ироніей къ воображаемымъ, идеальнымъ результатамъ нашего знакомства съ классическою литературой: „Я только на сихъ дняхъ получилъ отъ тебя рѣчь Гнѣдича", писалъ онъ Дмитріеву 30-го іюня 1814 г.—„Благодарю тебя, любезнѣйшій. Своими замѣтками ты предупредилъ мое увы! Все хорошо. Мы побѣдили Наполеона: скоро удивимъ свѣтъ и нашимъ разумомъ. Жаль, что я изъ могилы не услышу рукоплесканій Европы въ честь нашихъ геніевъ

Библиотека "Руниверс"

словесности" [1]). Графъ Блудовъ, не жалуя засѣданій бесѣды, въ которой распоряжался Шишковъ и состоялъ членомъ князь Шаховской, не жаловалъ и собраній у А. Н. Оленина, гдѣ первенствовалъ и ораторствовалъ Гнѣдичъ.

Но какъ бы ни было, а Гнѣдичъ говорилъ правду. Въ разсужденіи его раздавался голосъ образованнаго, серьезнаго и твердо убѣжденнаго литератора. Кто же могъ отвергать пользу классическаго образованія и знакомства съ наукой и словесностью древнихъ для нашей собственной словесности? Строгое отношеніе Гнѣдича къ послѣдней при жизни ея представителей, не мѣшало этимъ представителямъ, какъ мы уже знаемъ по отзыву кн. Вяземскаго, ближайшаго къ Карамзину человѣка, уважать его и какъ человѣка, и какъ писателя, быть съ нимъ въ дружескихъ связяхъ, и обращаясь къ нему за совѣтами, питать вѣру въ ихъ истинность и разумность.

А. Галаховъ.

Новая книга о финскомъ народномъ эпосѣ.

Cron. Suomalaisen kirjallisuuden historia. I. Kalevala. 1. Kaunotietellinen katsahdus Kalevalaan. Helsingissä. 1883.

Хотя прошло уже почти пятьдесятъ лѣтъ съ той поры, какъ Калевала была впервые напечатана, и хотя многіе финскіе и иноземные писатели не разъ высказывали свои воззрѣнія на это сокровище народной эпической поэзіи, и въ особенности охотно останавливались на красотахъ финскаго эпоса, однако никому еще не приходило въ голову отнестись къ Калевалѣ съ точки зрѣнія эстетики и для этого заняться изученіемъ ея въ малѣйшихъ подробностяхъ и мелочахъ, изслѣдовать всѣ существующіе варіанты пѣсенъ и, главное, прослѣдить исторію ея появленія и распространенія въ Финляндіи. Единственною попыткою приложить къ пѣснямъ или рунамъ Калевалы эстетически-научный критерій слѣдуетъ признать трудъ Сигнеуса, но онъ затронулъ только одинъ отдѣльный эпизодъ о Куллерво, хотя ему и удалось съ обычною его перу теплотою выставить на видъ глубоко-трагическій элементъ пѣсенъ объ этомъ героѣ.

---

[1]) Письма Карамзина къ Дмитріеву (письмо 171-е, стр. 183, и примѣчаніе къ нему на стр. 078 и 079).

Библиотека "Руниверс"

Года четыре тому назадъ, лекторъ Александровскаго Гельсингфорскаго университета г. Ю. Кронъ вздумалъ наконецъ подвергнуть финскій народный эпосъ возможно тщательнѣйшему и притомъ уже всестороннему изученію, имѣя въ виду точку зрѣнія эстетическую, а также изученіе топографіи и исторіи пѣсенъ. Финское литературное общество предоставило въ его распоряженіе весь свой рукописный архивъ (около 50,000 №№), частныя же лица спѣшили сообщить ученому все то, что имѣли въ рукахъ по этой части. Благодаря обилію матеріаловъ, г. Крону удалось написать громадное изслѣдованіе, котораго часть, и притомъ, сравнительно, не большая, находится въ настоящее время передъ нами; ему удалось возстановить вполнѣ возможную родину пѣсенъ Калевалы и намѣтить на картѣ весь путь, пройденный ими до записи собирателями. Работа была громадна, а силы г. Крона слишкомъ изнурены работою—дѣло затянулось. Но это замедленіе было на счастье! Богъ вѣсть почему, вѣрнѣе—совершенно безпричинно, подобно тому, какъ и у насъ на Руси, послѣ появленія сборниковъ Кирѣевскаго и Рыбникова, воображали, что былинная сокровищница вполнѣ исчерпана, тогда какъ впослѣдствіи появился громадный сборникъ Гильфердинга—и въ Финляндіи утвердилось убѣжденіе, что искать эпическихъ пѣсенъ Калевалы на западъ отъ Петербурга и въ Эстляндіи нечего; каково же было всеобщее удивленіе, когда въ нынѣшнемъ сентябрѣ студентъ К. Кронъ, видимо пошедшій по спеціальности своего отца, передалъ литературному обществу болѣе 10,000 пѣсенъ, записанныхъ имъ лѣтомъ 1883 года какъ разъ въ этихъ мѣстахъ. Ясно, что пришлось принять въ соображеніе новый матеріалъ, выходъ всего труда этимъ замедлился, и могла появиться только та часть его, заглавіе которой мы привели выше.

Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что большая часть образованнаго общества Финляндіи знаетъ Калевалу только по наслышкѣ. Значительная часть образованнаго финляндскаго общества, говорящая по шведски, до сихъ поръ еще, если не игнорируетъ вполнѣ, то не можетъ осилить труднаго, но богатаго по формамъ финскаго языка; главнымъ затрудненіемъ является въ этомъ случаѣ именно то богатство формъ и зависимость ихъ отъ фонетическихъ законовъ, которыя составляютъ всю прелесть языка Калевалы, а имѣющіеся въ литературѣ переводы, не смотря на нѣкоторыя ихъ достоинства, до такой степени тяжеловѣсны по языку, что съ трудомъ читаются и отвращаютъ всякаго, кто желалъ бы поближе позна-

Библиотека "Руниверс"

комиться съ дѣломъ; кромѣ того, переводчики, не желая или не будучи въ силахъ сохранить оригинальный складъ пѣсенъ, сводятъ ихъ на обыкновенные ямбы и хореи и рѣшительно дѣлаютъ финскій народный стихъ не узнаваемымъ, въ особенности, если принять въ соображеніе, что они и не думаютъ соблюдать въ своихъ переводахъ основное правило финскаго стихосложенія, а именно—обязательной начальной аллитераціи двухъ и даже трехъ словъ въ строкѣ (напримѣръ: „Мощный, мудрый Вэйнемейненъ“ или „Лѣса лысый володѣтель“). Да и вообще, какъ извѣстно, переводъ не можетъ никогда сравниться съ подлинникомъ, а въ особенности тамъ, гдѣ приходится переводить съ языка, вышедшаго уже изъ употребленія и значительно измѣнившагося; трудность только увеличивается при желаніи передать подлинникъ съ особенною точностью и съ соблюденіемъ невозможныхъ для инаго языка требованій стихосложенія. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что финскій языкъ, какъ и всякій другой, обладаетъ такими особенностями, которыя, будучи въ немъ вполнѣ естественными и прекрасными, при передачѣ на чужой языкъ становятся отчасти прямо непонятными, отчасти же темными и тяжеловѣсными; трудно переводчику попасть въ этомъ случаѣ на настоящую дорогу, а отъ великаго до пошлаго одинъ шагъ. Нельзя однако сказать, чтобъ и сами Финны дѣйствительно хорошо изучили свою эпическую поэзію, и на это имѣются двѣ причины; вопервыхъ, рѣдко кто избираетъ предметомъ изученія народную словесность, такъ какъ другія спеціальности даютъ бо́льшую возможность приличнаго заработка, а вовторыхъ, Финнъ не любитъ ничего дѣлать въ половину; вотъ уже пятдесятъ лѣтъ, какъ набираютъ они матеріалъ, пятдесятъ лѣтъ, какъ идетъ подготовительная работа, подводится фундаментъ, матеріалъ сортируется и приводится въ порядокъ.

Что касается до Калевалы, какъ объекта научной критики, то эта эпопея требуетъ самой разнообразной научной подготовки; близкое знакомство съ этнографіей, лингвистикой и народною литературой Урало-Алтайскихъ народовъ, а также и глубокія познанія въ сравнительной миѳологіи, необходимы для тѣхъ, кто желаетъ погрузиться въ изученіе Калевалы, а этимъ богатствомъ знаній далеко не обладаютъ всѣ, кто интересуется предметомъ, почему они и должны довольствоваться отдѣльными сторонами цѣлаго, часто лишь частностями, которыя принесутъ свою пользу только впослѣдствіи. Преобладаніе той или другой спеціальности въ изслѣдователѣ невольно отражалось всегда на его трудахъ: миѳологи подгоняли все къ борьбѣ

Библиотека "Руниверс"

тучъ и солнца, грозы и засухи; чистые этнографы обращали вниманіе на встрѣчающіеся въ Калевалѣ обычаи; лингвисты забывали все ради нѣсколькихъ архаическихъ формъ, и даже лучшій изъ новѣйшихъ изслѣдователей финскаго народнаго эпоса, г. Э. Аспелинъ (братъ археолога), свелъ все и вся на „воспѣваніе смѣны лѣта и зимы на сѣверѣ", какъ будто этимъ все сказано, и въ этомъ именно заключается вся суть дѣла.

Какъ мы уже сказали, г. Кронъ предпринялъ подвергнуть Калевалу всесторонней и по возможности глубокой критикѣ съ эстетической точки зрѣнія. Уже по новизнѣ этого дѣла не только въ Финляндіи, но и вездѣ, трудъ почтеннаго изслѣдователя заслуживаетъ серьезнаго вниманія и интереса; но если мы примемъ во вниманіе то знаніе дѣла, ту добросовѣстность и основательную подготовку, которыя бьютъ въ глаза читателю, превосходной книги г. Крона, то можно будетъ, безъ преувеличенія, сказать, что разбираемая нами книга составляетъ эпоху въ научной литературѣ, и что авторъ прямо сталъ своею книгою на ряду съ извѣстными изслѣдователями народной поэзіи.

Первый вопросъ, который ставитъ себѣ г. Кронъ, и на который даетъ отвѣтъ—вопросъ чрезвычайно спорный, хотя и предлагаемый всегда, когда имѣютъ передъ собою остатки какого бы то ни было народнаго эпоса, будь то Иліада, или пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ, а именно: есть ли Калевала, какъ продуктъ народнаго творчества, единое, органическое, живое цѣлое, или же это только серія самостоятельныхъ пѣсенъ, безъ всякой другой связи между ними, кромѣ той, что онѣ были собраны заинтересовавшимся ими человѣкомъ и напечатаны въ одной книгѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, по словамъ автора, очень важенъ, такъ какъ на немъ основывается въ значительной долѣ эстетическое значеніе Калевалы и обоихъ героическихъ поэмъ Финскаго народа. Эпическихъ и историческихъ пѣсенъ много у всѣхъ почти народовъ, но только очень немногіе изъ нихъ могли выработать себѣ великій и цѣльный національный эпосъ. Въ наукѣ укоренилось убѣжденіе, что именно такого единства и такой цѣлостности нѣтъ въ Калевалѣ, представителемъ такого мнѣнія былъ А. Кастренъ, который полагалъ, что вообще очень трудно прослѣдить въ финскомъ народномъ эпосѣ какую бы то ни было общую идею, которая связывала бы различные эпизоды Калевалы въ одно художественное цѣлое; онъ полагалъ лишь, что сватьба въ Похьолѣ „быть можетъ" относится къ основному сюжету Калевалы, къ пѣснямъ о

Библиотека "Руниверс"

Сампо; напротивъ того, пѣсни о героѣ Куллерво казались Кастрену составляющими свой, отдѣльный циклъ, также точно, какъ и пѣсни о Юкахайненѣ и его сестрѣ Айно, а также и пѣсни о сотвореніи міра. Еще дальше пошелъ въ этомъ отношеніи одинъ нѣмецкій изслѣдователь, фонъ-Теттау, который дѣлитъ Калевалу на 12 цикловъ, совершенно другъ отъ друга, по его мнѣнію, отдѣльныхъ и независимыхъ.

Точно также отрицалъ всякое единство и органическую связь въ пѣсняхъ Калевалы и знаменитый Лённротъ, допуская лишь что всѣ пѣсни этого эпоса „направлены къ доказательству и выясненію того, какимъ образомъ Калева переселяется въ Похьолу и наконецъ совершенно покоряетъ послѣднюю". Къ этому послѣднему мнѣнію, по собственному ли внутреннему убѣжденію, или же по чувству уваженія къ авторитету Лённрота, присоединялись обыкновенно всѣ мѣстные изслѣдователи, а въ послѣднее время за него же высказался и такой опытный человѣкъ, каковъ Штейнталь, который однако ставитъ Калевалу на ряду съ величайшими произведеніями всемірной народной литературы.

Для того, чтобы не оставить въ сторонѣ ни одного мельчайшаго обстоятельства, которое можетъ повліять на правильное рѣшеніе поставленнаго выше вопроса, авторъ приводитъ, наконецъ, и взгляды на Калевалу самихъ сказителей или, какъ ихъ называютъ „руноиій", то-есть, кующихъ руны. Приходится сознаться, что сами пѣвцы не признаютъ Калевалу за нѣчто единое и цѣльное, указываютъ иногда на другія пѣсни, которыя, по ихъ словамъ, относятся туда же, но за то въ Эстляндіи всѣ пѣвцы въ одинъ голосъ утверждаютъ, что всѣ ихъ пѣсни принадлежатъ къ „одной старой, очень длинной пѣснѣ".

Упомянувъ такимъ образомъ обо всемъ, что говоритъ за и противъ единства и цѣлостности Калевалы, авторъ высказываетъ и свое мнѣніе, въ силу котораго финскій народный эпосъ не только представляетъ собою нѣчто единое и цѣлостное, но и проникнутъ съ начала до конца одною идеей, а именно—идеей „о созданіи Сампо и о добываніи его въ собственность Финскаго народа". Въ качествѣ какъ бы введенія или вступленія къ этому сказанію служитъ разказъ о стараніяхъ героевъ Калевалы добыть для себя извѣстную своею красотою дочь Похьолы; какъ разъ цѣною, калымомъ за обладаніе ею и ставится условіе выковать народу Похья приносящій счастье Сампо. Старанія возвратить въ свою власть Сампо и бои, которые

Библиотека "Руниверс"

являются слѣдствіемъ этихъ стараній, составляютъ какъ бы самое ядро поэмы, которая заканчивается описаніемъ благополучія, наступающаго для Калевы вслѣдствіе побѣды и того, что Сампо наконецъ отвоевано у жителей Похьолы. Къ этому неполному дѣйствію, которое все цѣликомъ выполняется Вэйнэмёйненомъ, настоящимъ и главнымъ героемъ эпопеи, прицѣпляются, какъ необходимыя и притомъ совершенно естественныя слѣдствія, крайне многочисленные и самые разнообразные эпизоды. Тутъ встрѣчаемся мы съ постоянными попытками народнаго героя найдти для себя личное счастье при посредствѣ любви, а также и съ постепеннымъ, какъ бы, очищеніемъ героя отъ эгоистическихъ стремленій и вожделѣній, до того момента, когда онъ, искушенный жизнью и несчастіями, превращается въ благодѣтеля своего народа и принимается за свой подвигъ на пользу этого послѣдняго. Чтобы показать, какимъ образомъ онъ могъ такъ долго и въ концѣ концовъ все же успѣшно бороться и съ самимъ собою, и съ другими людьми, и съ природой, народъ, сознавая невозможность всего этого для обыденнаго человѣка, утверждаетъ, что и физическая, и нравственная мощь его была выше человѣческой производитъ его отъ женскаго божества, заставляетъ его принимать участіе въ міросозданіи и такимъ образомъ связываетъ пѣсни о міросозданіи и о рожденіи Вэйнэмёйнена съ главною основою своего эпоса. Послѣдняя пѣсня Калевалы о рожденіи Спасителя, о совѣтѣ, данномъ Вэйнэмёйненомъ бросить младенца въ болото, объ отъѣздѣ героя и о пророчествѣ его, касающемся дальнѣйшей судьбы народа и возвращеніи, все это составляетъ опять-таки вполнѣ естественное и притомъ мотивированное заключеніе эпопеи.

Только необыкновенною красотою дочери Похьолы объясняется тотъ высокій калымъ, который даютъ за нее герои Калевалы; Ильмариненъ принужденъ выковать для населенія этой страны „счастье приносящій Сампо". Такъ какъ борьба за обладаніе Сампо, какъ за источникъ благосостоянія и счастья, есть основная идея всей Калевалы, то само собою разумѣется, что глава о сватовствѣ представляетъ собою главнѣйшій эпизодъ эпопеи. Не одинъ только Вэйнэмёйненъ сватается за дочь Похьолы, тоже предпринимаетъ и Леммминкайненъ, что опять-таки отнюдь не находится въ противорѣчіи съ красотою невѣсты и, слѣдовательно, со значительностью спрашиваемаго за нее калыма; тутъ же кстати, чтобъ очертить характеръ этого неопаснаго соперника главнаго героя, разказываются нѣкоторыя изъ его любовныхъ приключеній, а также и кое-какія рыцарскія дѣя-

Библиотека "Руниверс"

нія; всѣ пѣсни о немъ показываютъ, съ одной стороны, до какой степени онъ былъ непостояненъ, а съ другой—какъ дошелъ онъ до мысли о сватовствѣ, и почему это послѣднее ему не удается.

Что касается до пѣсенъ о Куллерво, то и онѣ имѣютъ не малое и вполнѣ органическое отношеніе къ главному сюжету; это отношеніе состоитъ въ томъ, что поведеніе Куллерво въ домѣ Ильмаринена, мстя его женѣ Ильмаринена, знаменитой дочери Похьолы, даютъ въ результатѣ переворотъ въ основномъ дѣйствіи. Если бы трагическая судьба Куллерво не стояла передъ нашими глазами во очію, благодаря живому изображенію ея въ пѣснѣ, то и месть его, со всѣми ея сладковляющими послѣдствіями, должна была бы утерять свою ужасающую послѣдовательность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вліяніе ея на главное дѣйствіе получило бы отпечатокъ простой случайности, черезъ что̀ умалилось бы и общее впечатлѣніе. Свадебныя и колдовскія пѣсни тоже тѣсно связаны съ основнымъ содержаніемъ эпопеи и составляютъ его необходимые и дополняющіе общую картину аксессуары, безъ которыхъ читатель не могъ бы перенестись совершенно въ ту народную среду, гдѣ происходитъ дѣйствіе.

Желая всячески доказать органическую связь между отдѣльными эпизодами финскаго народнаго эпоса и главнымъ, основнымъ мотивомъ Калевалы, г. Кронъ каждый разъ, какъ онъ переходитъ отъ одной пѣсни къ другой, указываетъ на переходные стихи, объясняетъ, какимъ именно образомъ связывались отдѣльные эпизоды между собою въ древности, постоянно комментируетъ и доказываетъ совершенно убѣдительно, какіе именно стихи, соединявшіе когда-то эпизоды, съ теченіемъ времени были позабыты; тутъ же старается онъ объяснить, почему и какимъ именно образомъ были позабыты эти связующіе стихи, и объясненія его по большей части вполнѣ естественны, такъ какъ основываются, напримѣръ, на томъ простомъ фактѣ, что сказителю почти никогда не приходилось пѣть Калевалу цѣликомъ, а всегда являлась необходимость спѣть отдѣльный какой-нибудь эпизодъ; простое и вполнѣ понятное эстетическое чутье подсказывало ему необходимость начинать пѣніе именно съ того мѣста, гдѣ начинается самый разказъ о томъ или другомъ событіи, и выпускать тѣ стихи, которые оказываются при этомъ случаѣ совершенно излишними и понятны лишь при связномъ пѣніи всей Калевалы. Къ числу такихъ переходныхъ эпизодовъ авторъ относитъ, напримѣръ, разказъ о спорѣ Вэйнэмёйнена съ Іоукахайненомъ объ участіи въ мірозданіи и разказъ о благодарности орла къ Вэйнэмёй-

Библиотека "Руниверс"

нену. Только съ теченіемъ времени, вслѣдствіе постояннаго пѣнія только отдѣльныхъ эпизодовъ, пѣвцы начинаютъ позабывать, кому именно изъ героевъ приписывался тотъ или другой подвигъ; имена ихъ путаются, или же ихъ заставляютъ дѣйствовать сообща и, благодаря тому, первая поѣздка въ Похьолу совершается уже не однимъ Вэйнэмёйненомъ, а въ сообществѣ съ Іоукахайненомъ. Съ другой стороны, по всей Калевалѣ разбросаны намеки на былое существованіе цѣлой массы другихъ, теперь уже неизвѣстныхъ эпизодовъ, которые улетучились изъ памяти народной, но когда-то служили связующими звѣньями; такъ напримѣръ, въ первой пѣснѣ о Сампо Ильмаринен прямо намекаетъ хозяйкѣ Похьолы на то обстоятельство, что онъ сковалъ небесный сводъ, самая же пѣсня объ этомъ событіи успѣла уже утеряться; въ борьбѣ за Сампо — Лаухи напоминаетъ Лемменекайнену его обѣтъ матери никогда болѣе не сражаться, но разказа объ этомъ обѣтѣ болѣе не имѣется въ Калевалѣ, хотя онъ и могъ бы служить прекраснымъ связующимъ звеномъ его отношеній къ основной идеѣ. Все это вмѣстѣ взятое, говоритъ почтенный авторъ,—доказываетъ, что Калевала есть единое и нераздѣльное твореніе, чрезъ всѣ отдѣльные эпизоды котораго проходитъ одинъ, общій планъ и одна, общая идея, лежащая въ самомъ ядрѣ эпопеи. Слѣдуетъ однако сознаться (впрочемъ этого не опускаетъ и авторъ), что выполненіе этого плана во многихъ мѣстахъ, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ, представляетъ нѣкоторые недостатки, такъ что единство плана и идеи невсегда замѣчаются съ одинаковою ясностью и обстоятельностью, а это-то и должно было подать поводъ къ тому, что въ наукѣ распространилось убѣжденіе въ несуществованіи общаго плана и единой идеи въ Калевалѣ и вообще убѣжденіе въ эпизодичности финскаго народнаго эпоса.

Изучая недостатки финскаго эпоса, г. Кронъ пришелъ къ тому заключенію, что ихъ всего удобнѣе подвести къ слѣдующимъ тремъ категоріямъ: противорѣчія, повторенія тѣхъ же самыхъ фактовъ и, наконецъ, слишкомъ значительные размѣры нѣкоторыхъ частностей по отношенію къ цѣлому. Противорѣчія, встрѣчающіяся въ Калевалѣ, зачастую вполнѣ очевидны и притомъ мѣшаютъ даже цѣльности эпопеи; такъ напримѣръ, въ первой пѣснѣ „Дѣва воздуха“ выдается за мать Вэйнэмёйнена, тогда какъ въ пятой пѣснѣ за его мать выдается умершее и погребенное уже лицо; въ пѣснѣ о Кулерво повѣствуется, что Уутамо-народъ перебилъ весь народъ Калерво за исключеніемъ одной дѣвушки, которая впослѣдствіи дала жизнь

Библиотека "Руниверс"

Куллерво, а затѣмъ въ той же Калевалѣ мы находимъ пѣсню, гдѣ этотъ герой находитъ своихъ родителей живыми и здоровыми; само собою разумѣется, что чрезъ этотъ послѣдній варіантъ, какъ указываетъ и г. Кронъ, причина мщенія и борьбы съ Уутамо становится не только темною, но и совершенно непонятною. Случается также зачастую, что тотъ же самый фактъ разказывается лишь съ самыми незначительными измѣненіями, при чемъ все же слѣдуетъ замѣтить, что уже самъ Лённротъ считалъ себя въ правѣ отбрасывать иногда то ту, то другую подробность, какъ напримѣръ, разказъ о томъ, какъ Вэйнэмёйненъ во второй разъ ходилъ въ царство мертвыхъ въ подземныя страны, когда, идя со сватьбы Ильмаринена домой, онъ сломалъ свои сани. Въ числѣ особенно рѣзко выдѣляющихся повтореній авторъ указываетъ на обѣ поѣздки Лемминкайнена въ Саари, которыя, конечно, представляютъ собою только лишь варіанты одной и той же пѣсни; сюда же относятся доказательства силы Куллерво во дворѣ Уутамо и потомъ дома у себя; пѣніе Вэйнемёйнена и вліяніе этого пѣнія на всю окружающую природу, о чемъ поется въ Калевалѣ также два раза; плаваніе Лемминкайнена изъ Саари въ жилище на берегу, гдѣ онъ добивается помощи для обратной поѣздки домой, которое представляетъ собою ничто иное, какъ подражаніе первой поѣздкѣ Вэйнэмёйнена въ Похьолу; разказъ объ оставленной на пожегъ березѣ, повторенный дважды въ одной и той же пѣснѣ; разказъ о томъ, какъ мать Лемменкайнена усыпляетъ народъ Туони, гдѣ слышится совершенно тотъ же мотивъ, что и въ повѣсти объ усыпленіи народа Похьолы Вэйнэмёйненомъ; запираніе Сампо въ мѣдную гору Похьолы и, съ другой стороны, подобное же запираніе солнца и мѣсяца. Авторъ полагаетъ однако, что всѣ эти повторенія вовсе не вредятъ эпосу, а напротивъ того, дѣлаютъ содержаніе его болѣе богатымъ картинностью.

Къ недостаткамъ Калевалы слѣдуетъ отнести также и недостатокъ гармоніи въ размѣрахъ отдѣльныхъ эпизодовъ. Зачастую какой-нибудь весьма малозначительный эпизодъ удостоивается особенно подробнаго и до мелочности точнаго изложенія, тогда какъ на нѣкоторыя очень важныя подробности пѣвцы какъ-будто едва обращаютъ вниманіе и словно намѣчаютъ лишь ихъ въ общихъ чертахъ. Происхожденіе такихъ несоразмѣрностей объясняется въ наукѣ тѣмъ, что съ теченіемъ времени первичная редакція эпопеи у всѣхъ народовъ, обладающихъ таковыми, непремѣнно должна, подъ вліяніемъ перемѣны во вкусахъ слушателей и даже самихъ пѣвцовъ,

Библиотека "Руниверс"

измѣняться; то, что̀ представляло когда-то животрепещущій интересъ, отходитъ на второй планъ, и на оборотъ, какое-нибудь частное совершенно обстоятельство пріобрѣтаетъ значеніе, захватываетъ вниманіе слушателей. Понятно, что пѣвецъ, сообразуясь со вкусами своихъ слушателей, импровизируетъ новые варіанты, имѣющіе цѣлью удовлетворить вновь появившимся интересамъ, и варіанты эти, на которыхъ онъ останавливается особенно охотно, разростаются затѣмъ въ длинныя пѣсни, совершенно не сообразныя съ первичною своею, краткою редакціей. Если разсматривать Калевалу въ ея цѣлости, то и тогда мы замѣтимъ, напримѣръ, что начало и средняя часть эпопеи какъ разъ въ четверо длиннѣе ея конца, гдѣ однако заключается главное ядро замысла, тотъ жизненной важности фактъ, который вызвалъ на свѣтъ этотъ циклъ пѣсенъ финской народной поэзіи. Точно такую несоразмѣрность мы найдемъ и въ отдѣльныхъ пѣсняхъ Калевалы, и въ ея частныхъ эпизодахъ. Такъ, напримѣръ, въ эпизодѣ о Куллерво приготовленія къ бою и другія частности описываются въ 242 стихахъ, тогда какъ пѣвцы отводятъ для описанія самаго боя всего лишь 8 стиховъ. „Чрезвычайно интересно и своеобычно", говоритъ г. Кронъ,—„то впечатлѣніе, которое получается вслѣдствіе этой присущей Калевалѣ манерѣ разсказывать. Мы видимъ широко задуманныя, громкія приготовленія, съ напряженіемъ всѣхъ силъ пѣвца, всей его восторженности: ясно, что вниманіе и интересъ слушателя доходятъ тоже до высшей степени возможнаго напряженія; но когда въ концѣ концовъ этотъ слушатель добирается наконецъ до великаго дѣянія, которому предшествовали такія выспреннія и многоглаголивыя приготовленія, то оказывается, что вся творческая сила ушла на предварительныя мелочи, и намъ приходится довольствоваться немногими, крайне-жидкими словами, въ которыхъ описана развязка. Еще страннѣе то обстоятельство, что зачастую всѣ эти велерѣчивыя описанія, растянутыя на цѣлыя страницы и видимо особенно вдохновлявшія творца эпопеи, вовсе и не думаютъ касаться дѣйствительнаго геройскаго подвига, какъ бы того слѣдовало ожидать, а трактуютъ о дѣлѣ самомъ обыкновенномъ и обыденномъ, которое не стоило и хлопотъ. Яснѣе всего можно видѣть такую манеру, напримѣръ, въ томъ эпизодѣ, когда Вэйнэмёйненъ, собравшись со всѣми своими силами, потрясаетъ топоромъ, затѣмъ въ пылу увлеченія рубитъ и рубитъ, самъ того не замѣчая, что вмѣсто дерева попадаетъ себѣ въ ногу, когда онъ въ этомъ же случаѣ напрягаетъ и всѣ свои духовныя силы, ищетъ помощи въ подземномъ царствѣ,

Библиотека "Руниверс"

въ странѣ мертвыхъ, то-есть, приводитъ въ смятеніе землю и небо, хлопочетъ и волнуется въ теченіе цѣлыхъ трехъ пѣсенъ (рунъ)— можно бы подумать, что онъ, по крайней мѣрѣ хочетъ снова пересоздать міръ, а въ концѣ концовъ отъ всѣхъ этихъ великихъ потугъ родится мышь—самая обыкновенная лодка!". Въ общемъ, конечно, авторъ совершенно правъ, но именно это-то мѣсто и не можетъ побудить насъ къ насмѣшкѣ; если только мы подумаемъ и сообразимъ, какихъ громадныхъ усилій, и физическихъ и нравственныхъ, требовало отъ первобытнаго человѣка изобрѣтеніе мореплаванія, то „потуги" Вэйнэмёйнена не покажутся намъ заслуживающими смѣха, такъ какъ его изобрѣтеніе въ ту пору было почти тѣмъ же, чѣмъ въ наше время было бы открытіе способа управленія воздушнымъ шаромъ.

Нѣкоторые недостатки Калевалы таковы, что рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ обычныхъ недостатковъ всякой другой народной эпопеи. Противорѣчія встрѣчаются вѣдь и у Гомера; и у него мы постоянно наталкиваемся на тотъ фактъ, что однѣ и тѣ же картины попадаются намъ по десяти разъ, а потому такія повторенія еще неизбѣжнѣе въ пѣсняхъ, сохранявшихся въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ только въ памяти народной и, при всемъ этомъ, распространившихся по такой огромной территоріи, какъ Калевала, которую знаютъ и поютъ отъ полярнаго круга вплоть до Рижскаго залива. Одинъ эпизодъ развивается шире, подробнѣе и охотнѣе здѣсь, другой — тамъ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ обстоятельствъ и причинъ; часть фактовъ грозитъ совершенно быть позабытою, другая получаетъ новыя приставки и прибавки; зачастую пѣсни группируются вокругъ какого-нибудь отдѣльнаго мотива или эпизода главнаго дѣйствія въ особый, распространенный циклъ, и при всемъ этомъ случай и счастье играютъ огромную роль. Когда впослѣдствіи пѣсни собираются изслѣдователями „изъ устъ народа", можетъ зачастую случиться, что пѣвцу не придетъ въ голову крайне важный эпизодъ великаго цѣлаго, и на оборотъ, онъ припомнитъ какую-нибудь частность, къ которой и постарается пріурочить по аналогіи цѣлые стихи, пришедшіе ему на память изъ другихъ пѣсенъ; онъ помнитъ, какъ герой трудился надъ міросозданіемъ, но забылъ всю пѣсню, и вотъ едва начинаетъ онъ пѣть о томъ, какъ трудится онъ надъ лодкою,—позабытые стихи приходятъ ему на память, и пѣвецъ поетъ ихъ, не давая себѣ отчета въ томъ, что онъ перепуталъ двѣ разныя пѣсни. Возможно и такое объясненіе эпизода о лодкѣ.

Что касается несоразмѣрности между отдѣльными частями Кале-

Библиотека "Руниверс"

валы, это также имѣетъ свои причины, въ томъ, что отдѣльныя пѣсни ея создались отнюдь не одновременно, а носятъ на себѣ совершенно явственный отпечатокъ разновременности ихъ составленія, а также и массу индивидуальныхъ чертъ, присущихъ тѣмъ поэтамъ, которые запѣли ихъ впервые и поютъ ихъ теперь.

При изданіи Калевалы Лённротъ главнымъ образомъ заботился о томъ, чтобы собрать воедино все то, что̀ уцѣлѣло въ памяти народной изъ стародавней жизни и міросозерцанія былыхъ Финновъ; само собою разумѣется, что онъ не могъ себѣ позволить выкинуть самовольно хотя что-нибудь изъ собраннаго имъ матеріала, и эта обстоятельность дѣлаетъ Калевалу, съ одной стороны, въ высшей степени цѣннымъ памятникомъ финской старины, но съ другой—не можетъ не вліять на цѣлостность и единство эпопеи, наполняя ея то противорѣчіями, то такими подробностями, которыя являются совершенно излишними. Эти эпизоды, а также и нѣкоторыя лирическія и миѳологическія подробности, могли бы, конечно, быть выпущены безъ всякаго вреда дѣлу, если бы Калевала была только литературнымъ произведеніемъ, и еслибы въ ней не приходилось полною рукою черпать обильнѣйшій матеріалъ, касающійся быта и языка древнихъ жителей „тысяче-озерной“ страны.

По словамъ г. Крона, первая часть главнаго дѣйствія, которая именно и заключаетъ въ себѣ наибольшее количество вставочныхъ эпизодовъ, и сравнительно съ нею часть эпопеи представляютъ два совершенно различные рода эпической поэзіи: первая есть *идиллія*, которая описываетъ отдѣльныя предпріятія, касающіяся частной жизни, вводитъ читателя въ эту частную, семейную жизнь, въ обыденную жизнь народа, тогда какъ вторая является *героическою* поэмой, гдѣ говорится уже о великихъ обще-народныхъ предпріятіяхъ и о великихъ моментахъ въ національной жизни. Греческія пѣсни строго различаютъ эти два разряда поэтическихъ произведеній, и потому у Грековъ могли выработаться такія двѣ ихъ представительницы, каковы Одиссея и Иліада. То же самое замѣчаемъ мы и у нѣкоторыхъ другихъ народовъ, напримѣръ, у Германцевъ, гдѣ мы тоже находимъ два совершенно раздѣльные другъ отъ друга цикла—пѣсни о Гудрунѣ и о Нибелунгахъ; но съ другой стороны, мы не находимъ этой строгой разграниченности въ нашихъ русскихъ былинахъ, которыя въ этомъ отношеніи представляютъ очень много сходнаго съ Калевалой. Финны не сумѣли выработать два отдѣльные

Библиотека "Руниверс"

цикла, и въ ихъ поэзіи они являются слитыми вмѣстѣ. Это могло случиться двоякимъ образомъ: сначала этого раздѣленія могло и не быть an und für sich, а затѣмъ сліяніе могло совершиться и впослѣдствіи; могло случиться, что именно идиллія-то и являлась сначала основнымъ зерномъ, главнымъ мотивомъ народнаго творчества, и тогда героическіе эпизоды должны были появиться подобно грозовой тучѣ въ этой тиши, для того, чтобы доказать, что жизнь человѣческая не представляетъ собою только часовъ спокойнаго и мирнаго счастья, и что народъ, кромѣ мирнаго развитія, способенъ также и на воинскія дѣла. Но могло быть и такъ, что героическая жизнь составляла сначала главную основу финской народной поэзіи, въ которую только по временамъ вставлялись идиллическіе эпизоды. Финская народная поэзія избрала главнымъ своимъ сюжетомъ великое дѣло завоеванія Сампо, но въ то же время отвела очень широкое мѣсто и идилліи, такъ что читателю кажется, будто дѣйствительнымъ, любимымъ и роднымъ дѣтищемъ пѣвцовъ является эта послѣдняя, тогда какъ героическая основа—только пасынокъ авторовъ.

При помощи цѣлой вереницы цитатъ почтенный авторъ доказываетъ, что Калевала съ теченіемъ времени потеряла очень многое изъ своей воинственной оболочки, которая была присуща ей въ началѣ, когда идиллическія наклонности пѣвцовъ еще не успѣли наложить на нее слишкомъ рѣзко свой отпечатокъ, и полагаетъ, что это обстоятельство находится въ прямой зависимости отъ историческаго положенія Финскаго народа; едва только Финскія племена потеряли свою независимость, какъ борьба стала вестись народомъ уже за чужой, такъ-сказать, счетъ, а потому и воспоминанія о ней не могли войдти въ народную поэзію, которая болѣе и болѣе открывала свои объятія идилліи, въ концѣ концовъ окончательно отвоевавшей первое мѣсто у героической основы. Напротивъ того, въ русской народной поэзіи героическая основа и подкладка должны были непремѣнно остаться, потому что нашъ народъ всегда дѣйствовалъ за свой страхъ и счетъ, и борьба съ разною „силою поганою“ проходитъ черезъ всю исторію Россіи.

Что касается до поэтическихъ красотъ Калевалы, то онѣ признаны были рѣшительно всѣми, кто занимался изученіемъ финской народной поэзіи. „Въ Калевалѣ находимъ мы поэму“, говоритъ Гриммъ,—„которая представляетъ собою почти чистую эпопею, совершенно лишенную пустословія въ своихъ картинахъ и, слѣдовательно, тѣмъ самымъ достигающую еще бо́льшаго впечатлѣнія на читателя, сохра-

Библиотека "Руниверс"

няющую въ себѣ неисчерпаемое сокровище прежде совершенно неизвѣстныхъ или слишкомъ мало извѣстныхъ мнѣній, картинъ и способовъ выраженія. Въ особенности я отмѣчу въ ней бросающееся всякому въ глаза, живучее и полное глубокой мудрости пониманіе природы, которое выясняется еще болѣе при сравненіи Калевалы съ индійскими эпическими произведеніями". Максъ Мюллеръ полагаетъ, что „это—дивное поэтическое твореніе народа, представляющее собою по длинѣ своей и полнотѣ нѣчто похожее на безсмертную Иліаду. Если бы мы могли позабыть на время все то, что мы знаемъ прекраснаго въ этомъ отношеніи, то и тогда Калевала не уступила бы произведеніямъ Гомера. Финнъ не Грекъ, и Вэйнэмёйненъ не Гомеръ; но когда поэтъ финскій описываетъ окружающихъ его людей и природу, то краски его не менѣе живы, картины не менѣе прекрасны, и потому Калевала, по всей справедливости, можетъ занять подобающее ей мѣсто среди величайшихъ эпическихъ произведеній міра—Махабхаратою, Шахъ-Намэ, Нибелунгами и Иліадою".

Та особенность, которая раньше всѣхъ остальныхъ обратила на себя вниманіе изслѣдователей и историковъ литературы, есть фантазія, созидающая ясныя, живыя и осмысленныя картины, которыя только изрѣдка можно встрѣтить въ Эддѣ или въ Нибелунгахъ, гдѣ читатель и слушатель едва могутъ отдохнуть отъ звѣрства героевъ и отъ созданій какой-то больной фантазіи; только въ Иліадѣ и въ Одиссеѣ мы находимъ нѣчто подобное, да иногда въ русскомъ нашемъ эпосѣ слышатся тѣ же мотивы; но тутъ они разбросаны и по большей части группируются только вокругъ личности Ильи Муромца. Есть и другая особенность Калевалы, одна изъ ея прелестей, которая напоминаетъ намъ нашу народную поэзію—это тотъ элементъ юмора, который блещетъ чуть не въ каждомъ эпизодѣ того и другаго эпоса.

Способъ выраженія въ Калевалѣ по большей части степенный и спокойный, подобный, по словамъ г. Крона, „прозрачной, тихой рѣкѣ отражающей въ своихъ чистыхъ волнахъ чувства и стремленія, лежащія на днѣ души, и все то, что проносится по ея гладкой, блестящей поверхности". Здѣсь не встрѣтишь никакой искусственности или напыщенности, но по временамъ, когда разказъ того требуетъ, сила возрастаетъ: рѣка начинаетъ бурлить и пѣниться и переходитъ въ могучій водопадъ. Нѣчто подобное особенно рѣзко замѣтно въ разказѣ о состязаніи въ пѣніи между Вэйнэмёйненомъ и Іоукахайненомъ, гдѣ сначала пѣніе идетъ мирно, но мало по малу пылъ состязающихся доходитъ до своего кульминаціоннаго пункта; гнѣвный

Библиотека "Руниверс"

отецъ рунъ начинаетъ пѣть такую мощную пѣсню, что земля содрогается, и горы сотрясаются въ своихъ основаніяхъ. То же слѣдуетъ замѣтить и о томъ моментѣ, когда Ильмариненъ куетъ Сампо; онъ видитъ, что человѣческихъ силъ не хватаетъ для созданія великаго дѣла, и вотъ всѣ вѣтры начинаютъ раздувать огонь, и съ каждымъ ударомъ его молота громъ гремитъ по всей землѣ. Характеры героевъ очерчены замѣчательно. Посмотрите на этого Іоукахайнена, который въ нетерпѣніи отмстить Вэйнэмёйнену тщетно ожидаетъ его появленія: онъ постоянно выглядываетъ изъ окошка, онъ изъ-за угла высматриваетъ, не покажется ли его врагъ... Взгляните на характеръ матери, на то уваженіе, которымъ она пользуется со стороны всѣхъ героевъ, и вамъ невольно придетъ на память типъ нашей матери вдовы, который составляетъ одну изъ великихъ красотъ русской народной поэзіи.

Мы сказали уже, что прекрасная книга г. Крона—только начало его огромнаго труда о Калевалѣ, которымъ онъ занятъ уже пять лѣтъ; все сочиненіе будетъ состоять изъ 4-хъ томовъ. Въ дальнѣйшихъ томахъ будутъ разсмотрѣны вопросы о внѣшней исторіи народнаго эпоса, то-есть, о топографіи Калевалы, о вліяніи характера пѣвцовъ на пѣсни и объ измѣненіяхъ и варіантахъ, какъ продуктѣ мѣстной среды и обстоятельствъ.

В. Майковъ.

Библиотека "Руниверс"

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ

СЕРБСКОЙ АЛЕКСАНДРІИ.

Романъ объ Александрѣ Македонскомъ существуетъ въ двухъ старыхъ южно-славянскихъ пересказахъ: одинъ изъ нихъ — сохранившійся въ спискѣ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и вошедшій, съ отмѣнами, въ составъ Эллинскаго лѣтописца, представляется переводомъ Псевдо-Каллисѳена, типа BC, съ интерполяціями изъ Іосифа Флавія, Епифанія и др.; другой — распространенный преимущественно въ сербскихъ спискахъ и дважды изданный [1]), восходитъ къ особому греческому оригиналу, представителями котораго являются, съ одной стороны, вѣнская рукопись XV—XVI вв., вывезенная изъ Константинополя Бусбекомъ и изданная въ отрывкахъ Каппомъ [2]), а съ другой—ново-греческая народная книга объ Александровыхъ дѣяніяхъ и ея сербскій и болгарскій

[1]) Starine III: *Jagić*, Život Aleksandra Velikoga, стр. 203 — 331 (1871 г.); *Новаковић*, Приповетка о Александру Великом. У Београду, 1878.

[2]) *Kapp*, Mittheilungen aus zwei griechischen Handschriften als Beitrag zur Geschichte der Alexandersage im Mittelalter, въ Programm des k. k. Real- und Obergymnasiums im IX Gemeindebezirke in Wien. Wien, 1872, стр. 38 слѣд. Кромѣ Александріи, въ сборникѣ помѣщены еще: Исторія Аполлонія Тирскаго, поэмы о Петрѣ Провансскомъ и прекрасной Магелонѣ, о Флорѣ и Платцафлорѣ, о Троянской войнѣ: всѣ въ политическихъ стихахъ и, какъ видно изъ заглавій и изданій, съ содержаніемъ, заимствованнымъ по большей части изъ западныхъ источниковъ. Подробное описаніе рукописи см. у *Wagner*, Carmina graeca medii aevi, Lps. 1874, p. IX, слѣд.

Библиотека "Руниверс"

переводы [1]). Судя по пересказу и краткимъ извлеченіямъ Каппа, текстъ Бусбека, не представляющій, какъ кажется, пропусковъ, списанъ былъ съ рукописи, изобиловавшей ими: такъ эпизодъ о Куманахъ и смежный съ нимъ о Филиппѣ и Анаксархѣ, пытавшемся похитить Олимпіаду (Новак. кн. I, гл. 15 — 16; греч. нар. кн. стр. 23 — 28), страннымъ образомъ сведены въ одинъ разказъ (Карр, р. 52 — 53); тогда какъ сербская Александрія (Нов. кн. II, гл. 16 слѣд.; греч. нар. кн. стр. 107 слѣд.) помѣщаетъ между смертью Дарія и войной противъ Пора подробный разказъ о посѣщеніи Александромъ невѣдомыхъ странъ, брахмановъ-нагомудрецовъ у земнаго рая, — вѣнскій текстъ (Карр, стр. 71) опускаетъ весь этотъ эпизодъ. Между тѣмъ, напутствуя Александра, Іеремія говоритъ ему: εἰς τὴν παράδεισον θέλεις ὑπαγαίνει, καὶ ἐκεῖ θέλεις εὕρει ἄνδρες καὶ γυναίχαις εἰς ἕνα νησὶν φυλαχομένους, ὁποῦ εἶναι τὸ φαΐ τους καὶ ἡ ζωή τους ἀπὸ ἤπορα (? ὁπώρα, новогреч. πωρικόν) οὐχὶ ἄλλον τίποτε· καὶ ἡ ἐδυμασία τους ἔνε τὸ πετζί τους μὲ τὸ μαλί τους σχεπασμένοι καὶ χοντὰ εἰς τοὺς ἀγγέλους μὲ ἀγάπην εὐφραίνονται· καὶ τὸ ὄνομα τους ἶναι Μάχαροι (Карр, 69; сл. греч. нар. кн. стр. 71; Новак. II, гл. I, стр. 49). Позднѣе (Карр, р. 74) Александръ на смертномъ одрѣ держитъ такую рѣчь: ἠπήραμεν ὅλην την οἰχουμένην καὶ τὴν ἔρημον εἴδαμεν καὶ ἕως τὸν παράδεισον ἤλθαμεν, ὅπου εἶχεν ζήσει ὁ προπάπους μας Ἀδὰμ καὶ ἕως τὴν ἄχραν τῆς γῆς ὑπήγαμεν καὶ τὴν ὕψωσιν τοῦ οὐρανοῦ εἶδα καὶ εἰς τὰ βάθη τῆς θαλάσσης ἐσέβηχα. Сл. греч. нар. кн. стр. 182: ἐγυρίσαμεν ὅλην τὴν οἰχουμένην, χοντὰ εἰς τὸν παράδεισον ἐπήγαμεν, καὶ εἰς τὴν ἄχραν τῆς γῆς. ἀχόμη εἰς τὴν θάλασσαν ἐμβήχαμεν, ὅλα τὰ εἴδαμεν; Нов. III, гл. 31, стр. 149: в҃соу вьселкн҃оу прѣкъь и до рaя доидохь, идѣже Адамь прѣдѣдь нашь жиль бѣше, и в҃се [т: крае земле видехомь, и висиноу небесноу оузнахомь, и гльбиноу мора разоумехомь (сл. Jagić, l. c., стр. 328).—О хожденіи къ раю говорятъ подробно и сербскій текстъ и греческая народная книга; несомнѣнно, о немъ говорилось и въ оригиналѣ вѣнскаго списка. Иначе слѣдуетъ отнестись къ другимъ указаніямъ Александровой рѣчи: объ испытаніи небесной высоты и морской глубины—эпизодамъ, извѣстнымъ изъ Псевдокаллисѳена. О первомъ согласно молчатъ и сербскій текстъ, и греческая народная книга; вѣроятно,

[1]) Я пользовался слѣдующими изданіями: Ἱστορία τοῦ μεγάλου Ἀλεξάνδρου τοῦ Μαχέδονος. Βίος, πόλεμοι καὶ θάνατος αὐτοῦ (Венеція, 1852); Історіа на великій Александра Македонца, преведе отъ Грѣцки *Протопоповичъ*. Бѣлъградъ, 1844.— О сербской народной книгѣ см. *Новаковичъ*, l. c., стр. XXV.

Библиотека "Руниверс"

о нихъ ничего не говорилось и въ опущенномъ эпизодѣ рукописи Бусбека; лишь въ греческой народной книгѣ (стр. 166—167) помѣщенъ разказъ о посѣщеніи Александромъ морской глубины —не задолго до его кончины. Тѣмъ страннѣе воспоминаніе Александра, удержавшееся во всѣхъ рецензіяхъ: о подвигахъ, вовсе имъ не совершенныхъ—судя по тексту. Слѣдуетъ ли предположить такое же отношеніе уже для оригинала x, при чемъ память объ извѣстныхъ приключеніяхъ Александра, не разказанныхъ авторомъ, могла явиться у него случайно, когда онъ писалъ прощальную рѣчь своего героя? Или же въ x эти приключенія были разказаны, и лишь опущены въ y, непосредственномъ источникѣ существующихъ греческихъ и славянскихъ рецензій Александріи?

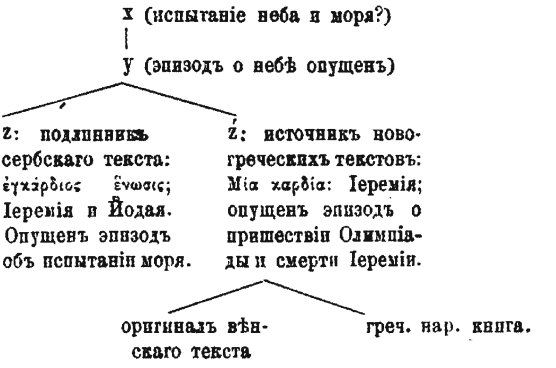
Въ сербскомъ текстѣ (Нов. II гл. 2—4) и греч. нар. книгѣ (стр. 72—77) Александръ, посѣтивъ Іерусалимъ, идетъ на Египетъ; въ вѣнской рукописи этотъ эпизодъ выпалъ, хотя Іеремія и говоритъ: ἐσὺ, Ἀλέξανδρε, ὕπαγε εἰς τὴν Αἴγυπτον (Карр, стр. 69).

Укажемъ еще на одинъ большой пропускъ вѣнскаго текста: опущено все, что̀ легенда заставляла совершать Александра между смертью Пора и его собственнымъ отравленіемъ (сл. Карр, стр. 72; Нов. Ш с. 6—29, стр. 107—145; греч. нар. книга, со стр. 140 до 175 приблизительно), то-есть, эпизоды объ Амазонкахъ и Кандакѣ; выпали: имя брата и соучастника Вріопуса, упоминаніе ихъ матери, разказъ о смерти пророка Іереміи. Такъ какъ послѣдняго эпизода (смерть пророка Іеремія) нѣтъ и въ греческой народной книгѣ, сходной во всемъ остальномъ съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ сербскаго текста, то мы получимъ еще генеалогическое указаніе: что въ непосредственномъ источникѣ вѣнской рецензіи и греческой народной книги (z^1) этой подробности уже не существовало. Этому источнику свойственно было и особое названіе для города, построеннаго Александромъ: μία καρδία, тогда какъ въ оригиналѣ сербскаго перевода (z) стояло соотвѣтствующее ἐγκάρδιος ἕνωσις (сл. далѣе гл. VI); и появленіе въ Іерусалимѣ одного Іереміи, тогда какъ сербскій текстъ называетъ, рядомъ съ нимъ, и Йодаю-Іуду; и отсутствіе разказа о пришествіи Олимпіады въ Вавилонъ (Нов. Ш, гл. 26), хотя на этотъ разказъ есть указанія—и Александръ, умирая, τὴν Ὀλυμπιάδα τὴν μητέρα του... ἐπίασεν ἀπὸ τὸ χέρι (Карр, 73). Греческая народная книга сократила и кое-гдѣ измѣнила изложеніе своего подлинника, не трогая его плана; списокъ Бусбека, вѣроятно, сохранилъ бы намъ его близкое отраженіе, еслибъ не страдалъ чисто-внѣшними матеріальными опуще-

Библиотека "Руниверс"

ніями, къ числу которыхъ относится, быть можетъ, и неупоминаніе имени Лаомедонта въ эпизодѣ о Римѣ (Карр, стр. 61; сл. Нов. I, гл. 22, стр. 35; греч. нар. кн. стр. 54) и др.

Ближайшее знакомство съ спискомъ Бусбека дастъ возможность точнаго сравненія его съ сербскимъ переводомъ и греческою народною книгой и, вѣроятно, измѣнитъ во многомъ слѣдующую, во всякомъ случаѣ приблизительную генеалогію текстовъ:

О близости z и z^1 можно заключать изъ сравненія сербскаго перевода съ текстомъ Бусбека. Беру на выдержку нѣсколько строкъ изъ начала (Нов. I гл. 1, 1—2; Карр. стр. 48—9):

. . . въ петотысоуштное же лѣто сего стоѣніа, и царствоующтоу великаго Рима Таркинию царю, начелствоующтоу іисралитьскымь людемь, еврейскомоу господьству Іодае архіереоу и Іеремію пророкоу, господствоующтоу же въсточнымь странамь Дарію сыноу Куроусовоу, обѣдрьжештоу Индію тогда Пороу, великомоу царю, и Егуптомь же великымь обладающтоу Никтонавоу влъхвоу соуштоу и царю, тогда фридіискымь же странамь и македонскои земли и елладскымь островомь обладающтоу Філіппоу Грькоу и Елліноу, роди же се тогда емоу сынь, и нарече име емоу Александрь, по грьчьскомоу ꙗзыку глаголеть се избрань мужь,

Ἐπὶ ἔτους ε ἐβασίλευσεν εἰς τὴν παλαιὰν Ῥώμην ὁ Τάρκιανὸς ὁ βασιλεύς· καὶ εἰς τὴν Ἱερουσαλὴμ ἐβασίλευσεν ὁ Δάριος, ὁ υἱὸς τοῦ Κηρίσου καὶ ὅλα τὰ βασίλεια τοῦ κόσμου αὐτὸν ἐτελοῦσαν ληζάτον. Καὶ εἰς τὴν Ἱερουσαλὴμ ἦτον αὐθέντης εἰς τοὺς Ἰσραηλίτας ὁ προφήτης Ἱερεμίας ἀρχιερεύς· καὶ εἰς τὴν Αἴγυπτον ἐβασίλευσε ὁ πονηρὸς καὶ ἀστρονόμος Ἐτέναβος (далѣе вездѣ Νεκτέναβος), ὅλην τὴν Αἴγυπτον καὶ μετὰ τὴν γῆν τῶν Ἀλατήνων, καὶ ὁ Φίλιππος ὁ Ἕλληνος ἐβασίλευσε τὴν Μακεδονίαν μὲ τοὺς Φιλίππους καὶ μὲ τὴν Φιλιππόπολιν. Τοῦ Φιλίππου τοῦ βασιλέως ἐγεννήθη τέκνον ἄρρεν, καὶ οὐδὲν ἦτο σπόρος ἐδικός του, ἐπεὶ ἦτον σπόρος ξένος, καθὼς τὸ θέλετε ἀκούσει· καὶ ἐπωνόμα-

Библиотека "Руниверс"

избрань же изъ млада ѥвѣщше се и добльствьнь, красьнь же и благооб'разнь къ вьсѣмь зрештнмь его бѣ. Се же не бѣ емоу отъ тѣлеснаго рожденіа ни отъ чловѣчьскаго оустроѥніа, но (ркн. ни) отъ великаго божіа промысла.... Глаголюштіи бо ѥго быти сына цара Филипа лъжоуть, нь сь сынь ѥсть цара егупѣтскаго Анехтенава, великаго вльхва.

σαν τὸ ὄνομα τοῦ παιδίου εἰς ταῖς ἡμέραις Ἀλέξανδρον ῥωμαϊκά· καὶ εἶχεν ἀπὸ τῆς ἄνω προνοίας χάριν μεγάλην· λέγουν ὁ κόσμος ὅλος, ὅτι ἕνε υἱὸς τοῦ Φιλίππου τοῦ βασιλέως ὁ Ἀλέξανδρος· καὶ οὗτος ὁ λόγος ἕνε ψευδός, τὸ ἀληθὲς ἕνε τοῦτο· τοῦ βασιλέως τῆς Αἰγύπτου υἱὸς τοῦ Νεκτέναβου τοῦ πονηροῦ καὶ ἀστρονόμου.

Румынская Александрія, переведенная съ сербской и не представляющая самостоятельнаго источника, была принята во вниманіе, на сколько она доступна была автору [1]). Если онъ позволилъ себѣ объединить греческіе, славянскіе и румынскіе тексты Александріи подъ названіемъ „сербской", то поводомъ къ тому было особое распространеніе этой рецензіи стараго романа на славянскомъ югѣ и популярность ея сербскаго перевода. Предлагаемый далѣе разборъ источниковъ Александріи основанъ, главнымъ образомъ, на матеріалахъ, собранныхъ мною для курса по исторіи романа (1883—1884 гг.) изъ которыхъ я думаю сдѣлать еще нѣсколько дальнѣйшихъ сообщеній. Пока разборъ распространяется лишь на двѣ трети текста (2-я и 3-я книги въ изданіи Новаковича); я полагаю, что и въ этихъ границахъ получились нѣкоторыя общія точки зрѣнія, которыя полезно было подвергнуть болѣе широкому обсужденію. Продолженіе и пополненіе труда по неволѣ приходится поставить въ зависимость отъ рѣдкаго досуга и отъ знакомства съ нѣкоторыми источниками, либо недоступными мнѣ, либо имѣющими появиться въ свѣтъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Я имѣю въ виду давно ожидаемое изданіе Поля Мейера [2]).

---

[1]) См. *M. Gaster*, Literatura populara română (1883), p. 7 — 31. Печатнаго изданія румынской Александріи (1797) я не видѣлъ. См. *Dimitrie Jarcu*, Bibliografia chronologica romana sau Catalog general de cartile romane imprimate de la adoptarea imprimeriei... si pana asta — di, Bucuresci. 1873, стр. 18. Эпизодомъ румынской Александріи, по рукописи конца XVIII вѣка, я могъ пользоваться въ спискѣ П. А. Сырку.

[2]) См. пока его Études sur les manuscrits du Roman d'Alexandre, *Romania*, № 42—3, p. 213—332.

Библиотека "Руниверс"

I.

Рахманы—Рехавиты.

О десяти колѣнахъ израильскихъ, исчезнувшихъ безслѣдно, у Евреевъ сложились различныя географическія повѣрья: ихъ искали во Фригіи, въ Мидіи до Кавказа, въ Африкѣ, въ горахъ Seloug, наконецъ у баснословной рѣки Самбатіонъ, которую находятъ у Ливана, либо отожествляютъ съ Гангомъ: шесть дней она течетъ, на седьмой, субботній, ея воды останавливаются [1]). Разказывали о десяти колѣнахъ, что они изгнаны за „горы мрака"; Guedalia ibn Yahia говоритъ о „Каспійскихъ горахъ" [2]), что̀ сближали съ извѣстными подробностями Псевдо-Каллисѳена III, 17 (A); 26 (C): Александръ запираетъ за двумя горами, сошедшимися по его молитвѣ, нечистые народы: Гога, Магога и др.; то мѣсто онъ назвалъ каспійскими воротами, горы стоятъ ἐν τῷ ἀφανεῖ κόσμῳ. Тотъ же разказъ повторяется и въ III 29 (A, C): горы „ὑπερβάλλουσι γὰρ εἰς ὕψος τὰς τοῦ οὐρανοῦ νεφέλας, καὶ οὕτως ἐκτεταμένα εἰσὶ τὰ ὄρη ὡς τείχη δύο ἐκ δεξιῶν καὶ ἐξ εὐωνύμων πρὸς βορρᾶν ἕως τῆς μεγάλης θαλάσσης τῆς ὑπὸ ἄνσον (sic) καὶ τὸν σκοτεινὸν τόπον". За „горами мрака" властвуетъ и царь Кассіи талмудической легенды о немъ и объ Александрѣ Великомъ; если, какъ полагаютъ [3]), Cassia (сознательное) искаженіе Caspia, то оно обратило бы насъ еще разъ къ памяти о каспійскихъ горахъ Александріи.

Легенда о царѣ Кассіи, впослѣдствіи примѣненная къ Давиду и Соломону [4]), распространена была въ нѣсколькихъ пересказахъ и въ средніе вѣка извѣстна въ переводахъ съ арабскаго. Въ древнѣйшей редакціи (Bereschit Rabba) ея содержаніе слѣдующее [5]): Александръ

---

[1]) *Neubauer*, La géographie du Talmud, p. 33 — 34, 299, 372, 386; ср. 400 слѣд.

[2]) *Israël Levi*, La légende d'Alexandre dans le Talmud et le Midrasch, *Rev. des études Juives* № 13, Juillet-Septembre 1883, p. 86.

[3]) L. c. стр. 86.

[4]) L. c. стр. 92; ср. мои Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 97 и прим. 2, 3; Bocados de Oro ed. *Kunst*, Mittheilungen aus dem Escurial (Stuttg. literar. Verein, 141-e Public), p. 296—297: Cay=Cassia.

[5]) *Israël Levi* l. c. стр. 84 слѣд.; *Wünsche*, Bibl. rabbinica IV, стр. 143.

Библиотека "Руниверс"

пошелъ къ царю Кассіи, за горы мрака; тотъ встрѣтилъ его, неся золотые хлѣбы (кашу?) на золотомъ блюдѣ. „Развѣ мнѣ нужны твои богатства?" спросилъ Александръ. „А развѣ тебѣ нечѣмъ было кормиться, что ты пришелъ сюда?" — „Я пришелъ, чтобы посмотрѣть, какъ вы судите". Въ это время явились къ царю два человѣка; одинъ жалуется на другого: „Вотъ онъ продалъ мнѣ поле, а я нашелъ въ немъ кладъ, котораго не имѣлъ въ виду купить". — Отвѣтчикъ: „Я продалъ ему поле со всѣмъ, что въ немъ было". Царь спросилъ одного изъ нихъ: „Есть ли у тебя сынъ?" „Есть". „А нѣтъ ли у тебя дочери?" спрашиваетъ онъ другого. „Есть". „Такъ поженитe ихъ, и пусть кладъ будетъ ихъ собственностью", рѣшаетъ царь. Замѣтивъ удивленіе Александра, онъ самъ удивляется: „Развѣ я несправедливо разсудилъ?" „Справедливо". „Какъ-бы у васъ рѣшили это дѣло?" „Мы предали бы смерти истца и отвѣтчика, а ихъ достояніе захватили бы". „Идетъ ли у васъ дождь?" „Идетъ". „Свѣтитъ ли солнце?„ "Да". „Есть ли у васъ малыя животныя?" „Есть". „Такъ ради нихъ, а не для васъ идетъ дождь и свѣтитъ солнце, ибо сказано: Человѣка и звѣря спасаешь ты, Предвѣчный" [1]).

Въ 1083 году аббатъ Ламбертъ разказалъ ту же повѣсть какому-то прелату: вмѣсто царя Кассіи является начальникъ брахмановъ Ди(н)димъ, съ которымъ Александръ бесѣдуетъ у Палладія и Псевдокаллисѳена. Содержаніе суда тоже, нѣтъ только предложенія покончить споръ миромъ. Узнавъ отъ Александра, что въ его странѣ природа расточаетъ свои благодѣянія человѣку, Ди(н)димъ замѣчаетъ: Haec quidem dona Creatoris licet alendis ibi pervenirent creaturis, scirent profecto homines tantae injustitiae et cupiditatis illa non suis modo debita meritis, sed in eadem subsistentibus vel volatilibus vel bestiis. Съ этими измѣненіями легенда о судѣ вошла въ Roman d'Alexandre [2]).

По талмудическимъ повѣрьямъ за „горами мрака" живутъ и Амазонки. Pesiqta rabbi Kahna Александръ идетъ къ царю Кассіи, за горы мрака, но далѣе—царь забытъ, и говорится о городѣ Карѳагенѣ, населенномъ женщинами, которыя увѣщаютъ завоевателя, что ему одинаково не будетъ почета, побѣдитъ ли онъ ихъ или будетъ

---

[1]) Сл. въ моихъ Разысканіяхъ VIII, стр. 315, прим. 1, болгарскую легенду объ Ильѣ: хлѣбъ оставленъ людямъ не ради нихъ, а—для собаки. Легенда эта встрѣчается и въ другихъ народныхъ пересказахъ.

[2]) *I. Lévi.*, l. c., стр. 92 и 93, прим. 1.

Библиотека "Руниверс"

ими побѣжденъ. Александръ удаляется, смущенный мудростью женщинъ, идетъ въ городъ, который зовется Африкой,—и здѣсь-то ему подносятъ золотые хлѣбы, какъ выше въ разказѣ о царѣ Кассіи [1]).—Въ Вавилонскомъ Талмудѣ (Thamid 31b—32) Александръ бесѣдуетъ на своемъ пути къ югу съ мудрецами и спрашиваетъ, какимъ образомъ ему проникнуть въ Африку. Тѣ отвѣчаютъ, что онъ будетъ остановленъ „горами мрака", и совѣтуютъ взять съ собою ливійскихъ мулицъ, привычныхъ къ темнотѣ.—Этотъ эпизодъ (мулицы) и слѣдующій за нимъ—объ источникѣ съ благоуханною водою—мы встрѣтимъ пріуроченными къ странѣ мрака у Псевдо-Каллисѳена С.—Александръ приходитъ къ вратамъ Эдема, гдѣ ему подаютъ чудесный камень, символъ ненасытнаго человѣческаго глаза; слѣдуетъ далѣе разказъ о царствѣ женщинъ, также стыдящихъ завоевателя и подносящихъ ему золотой хлѣбъ вмѣсто обыкновеннаго, котораго онъ просилъ: „Еслибы ты хотѣлъ обыкновеннаго, тебѣ слѣдовало бы оставаться въ своей странѣ!" Къ этому примыкаетъ уже извѣстный намъ судъ у Африканскаго царя [2]).

Африку Талмуда, съ ея горами мрака, искали въ Африкѣ и на Кавказѣ (Africa=Iberica), Кассію сближали съ страной Киссіевъ (Κίσσιοι), съ Кавказомъ, съ Casium въ Египтѣ, съ Kisnia'ей въ горахъ Тавра [3]) и Каспійскими вратами, куда Guedalia ibn Yahia помѣстилъ, какъ мы видѣли, и десять исчезнувшихъ израильскихъ колѣнъ,—тогда какъ Eldad ben Mahli, авантюристъ IX вѣка (около 880 и до 890 г.) говорилъ о пребываніи четырехъ изъ нихъ (колѣна Дана, Нафтали, Гадъ и Ашеръ) въ Эѳіопіи и южной Аравіи (Kusch Chavila): они ведутъ кочевую жизнь, но умѣютъ владѣть и оружіемъ, чтобъ отражать нападенія язычниковъ; знаютъ Библію, не зная Талмуда и Мишны и постояннаго календаря. О колѣнѣ Дана Элдадъ разказывалъ, что оно выселилось въ Эѳіопію до раздѣла царства при Ровоамѣ и Іеровоамѣ, дабы не принять участія въ братоубійственной распрѣ между Іудой и Израилемъ; впослѣд-

---

[1]) *I. Lévi* l. c., p. 89, то же въ Midrasch Wajikra Rabba у *Wünsche*, Bibl. rabb. XXII Lief., p. 184. Сл. Bocados de Oro, ed. *Kunst*, l. c. p. 315 и прим. a.

[2]) *Neubauer*, l. c. p. 403—4; *Ehrmann*, Aus Palästina und Babylon. p. 27—31, № 23; *Guiseppe Levi*, Parabole, leggende e pensieri, raccolti dai libri talmudici, p. 218—222; *Isr. Lévy*, La légende d'Alexandre dans le Talmud, въ *Rev. des études juives*, t. I, p. 294—5, 297, 298.

[3]) *Is. Lévy* l. c. (1883 г.) p. 85—87 и прим. 2 на стр. 85.

Библиотека "Руниверс"

ствіи, послѣ ассирійскаго завоеванія и паденія Самаріи, къ нимъ присоединились и три другія колѣна. На ихъ границѣ, по ту сторону рѣки Саббатіонъ или Самбатіонъ, живутъ Bene Mosche, то-есть, сыновья Моисея: потомки тѣхъ Левитовъ, которые повѣсили свои гусли на ивахъ Евфрата и не захотѣли пѣть Сіонскія пѣсни на неосвѣщенной землѣ. Когда Халдеи принуждали ихъ къ тому, они откусили себѣ пальцы; тогда облако подняло ихъ на высоту и перенесло въ страну Chavila. Рѣка окружила селеніе любимцевъ Божіихъ, въ защиту отъ враговъ, но въ ней не текла вода, а съ страшною быстротой и шумомъ катился песокъ и камни. Это и есть Самбатіонъ, текущій въ продолженіе шести дней, въ субботу же покоющійся и окутанный густымъ туманомъ; никто не можетъ переправиться черезъ рѣку, почему остальныя колѣна сносятся съ Bene-Mosche лишь издали, не имѣя возможности вступить въ ихъ страну, въ которой водятся лишь чистыя животныя [1]).

Въ пересказѣ Псевдо-Каллисѳена у Іосиппона II, 10 (ed. Gagnier, стр. 71—72) сынамъ Моисея отвѣчаютъ рехавиты. Александръ достигъ „горъ мрака", гдѣ солнце не свѣтитъ, и хотѣлъ дойдти до сыновей Іонадава, сына Рехавова, и до колѣнъ, обитающихъ за горами мрака. Съ избранными воинами онъ идетъ въ темнотѣ, взявъ съ собою ослицу, жеребенка которой оставилъ у входа въ то мѣсто.— Это эпизодъ о ливійскихъ мулицахъ въ приведенной выше талмудической легендѣ.—Птицы съ человѣкоподобными лицами говорятъ Александру, что ему не вступить въ землю рабовъ Божіихъ, на острова, въ которыхъ обитаютъ Божіе святые, сѣмя Авраамово. Пусть идетъ на Пора индѣйскаго, котораго побѣдитъ.—Вериувшись вспять, Александръ ставитъ у входа памятникъ, на которомъ въ надписи изображаетъ все видѣнное имъ. Рехавиты (Ραχαβεῖν, Ἀρχαβεῖν, Ἀλχαβεῖν) являются въ Библіи типомъ праведниковъ: Іеремія, 35, ставитъ въ примѣръ Іудейскому народу послушаніе, съ которымъ они исполняли завѣтъ отца своего Іонадава: „Не пейте вина, ни вы, ни дѣти ваши, во вѣки. И домовъ не стройте, и сѣменъ не сѣйте, и

---

[1]) *Graetz*, Geschichte der Juden, V. B. стр. 288—94 и прим. 19, сл. русскій переводъ (С.-Пб., (1883), стр. 225—30 и прим. 19; *Carmoly*, Rélation d'Eldad le Danite, Paris, 1838, даетъ нѣсколько иной текстъ сказанія, отличающійся отъ пересказа Гретца. См. *Гаркави*, Сказанія еврейскихъ писателей о Хазарахъ и т. д., стр. 11 слѣд.—О Самбатіонѣ сл. Midrasch Bereschit Rabba, у *Wünsche*, l. c. Lief. II, стр. 48.

Библиотека "Руниверс"

виноградниковъ не разводите, и не имѣйте ихъ, но живите въ шатрахъ во всѣ дни жизни вашей, чтобы вамъ долго прожить на той землѣ, гдѣ вы странниками". И Іеремія говоритъ имъ: „За то, что вы послушались завѣщанія Іонадава, отца вашего, и храните всѣ заповѣди его, поступаете, какъ онъ завѣщалъ вамъ, за то такъ говоритъ Господь Савао҃въ Богъ Израилевъ: не отнимется у Іонадава, сына Рехавова, мужъ, предстоящій предъ лицемъ моимъ во всѣ дни".

Гдѣ жили Рехавиты—въ точности не извѣстно: нѣкоторые слѣды указываютъ на область Хеврона и Виѳлеема, другіе—на степныя полосы въ сѣверной или восточной сторонѣ Ханаана. Въ Іерусалимѣ, гдѣ ихъ знаетъ Іеремія, они могли явиться временно, укрываясь отъ набѣга Халдеевъ [1]).

Этихъ-то праведныхъ потомковъ Рехава помѣщаетъ за горы мрака легенда у Іосиппона, и тамъ-то посѣтилъ ихъ, по старославянскому хожденію, пустынникъ Зосима; но то, что̀ онъ разказываетъ о нихъ, объ ихъ чудесномъ выселеніи, облачной рѣкѣ, незнаніи лѣтосчисленія и т. п., воспроизводитъ извѣстныя намъ очертанія легенды о „сынахъ Моисея".

Хожденіе Зосимы напечатано профессоромъ Тихонравовымъ по двумъ спискамъ; въ древнѣйшемъ (XIV вѣка) недостаетъ, къ сожалѣнію, въ срединѣ трехъ листовъ, и вообще есть пропуски, восполняемые второю рукописью.

Зосима живетъ въ пустынѣ, постясь и молясь Богу, „дабы видилъ жизнь бе҃ственыхъ чл҃вкъ". Ангелъ вѣщаетъ ему, что его молитва услышана, „ꙗко ити имаши ко бл҃жимъ, нъ не пребуди с ними, ни да възнесетсѧ ср҃це твоѥ, рекъши тако. м҃. дн҃ии хлѣба не вкуси, слово бо҃ѥ выше хлѣба ѥсть и҃дхъ ст҃ыи въше вина ѥсть" Сорокъ дней идетъ Зосима пустыней; верблюдъ, преклонивъ передъ нимъ колѣна, принимаетъ его на себя, несетъ дальше и кладетъ „на мѣстѣ страшнѣ. и бѧше ту множество звѣрии лютыхъ рыкающи. и видивъ см҃рть и оубоꙗхсѧ и мл҃тву сотворихъ къ бг҃у. И бы҃ на мѣстѣ томъ трусъ великъ со гл҃мъ и възвеꙁ бура · велика и взатъ ма ѿ земла и вземши ма на крило своѥ и несе ма; и бѣхъ молѧ ба во вѣтрѣ томъ и не вѣдахъ ꙗмо ида, и постави ма на мѣстѣ рекы именемъ ѥоумыꙗ (нов. ркп. Евмеаси, Евмелии) и спю хотахъ преити. И възпи река глюще: Зосимо, чл҃вче бж҃ии, не можеше проити сквозѣ

[1]) *Herzog*, Realencyclopädie für protestantische Theologie und Kirche, a. v. Rechabiter.

Библиотека "Руниверс"

мл, немощно бо чл҃вку проити водъ моихъ, нъ виже воды до н҃бсе. И азъ возрѣвъ и видѣхъ стену облачну ѿ земл до н҃бси и рс҃ ми облако: Зосима, чл҃вче бж҃ии, сквозѣ мл не проходитъ ни птица ѿ мира сего, ни духъ вѣтренъ ни с҃лнце ни ѹревабитель дьяволъ; ѿ суетнаго мира никто же можетъ проити сквозѣ мл". Это — „горы мрака" талмудическихъ преданій, непроглядное облако, окутавшее рѣку Самбатіонъ. По молитвѣ Зосимы два дерева выростаютъ по обѣ стороны рѣки, наклоняются другъ къ другу и даютъ возможность путнику перебраться на тотъ берегъ: „мѣсто то исполнено вонл добры, ни холма, нъ бше земл равна чвѣты вѣнцана и оукрашена". Зосима встрѣчаетъ нагого, сидящаго мужа, который видитъ въ немъ человѣка божія—иначе ему не перейдти бы черезъ рѣку и облако [1]), — и говоритъ ему: „Азъ единъ отъ блаженыхъ человѣкъ; поиди, брате, да тя веду ко старцемъ нашимъ". Увидя пришельца „отъ суетнаго мира", старцы хотятъ помолиться Господу Богу, „да явитъ намъ тайну сию, цы уже будетъ кончина приспѣла". Ангелы спускаются съ неба и говорятъ, что Зосима посланъ къ нимъ Богомъ, чтобы пробыть съ ними семь дней и исписать ихъ „житіе". Зосиму поручаютъ слугѣ, „и веде мя въ хижю свою и бѣховѣ подъ древомъ пребывая отъ 6-го часа до 9-го. Тогда вкушаховѣ, исхожаше вода отъ коренна древу, слажьшее меду, пияховѣ дондеже насыщахомся, и пакы возвращашеся вода въ мѣсто свое". Услышавъ о прибытіи Зосимы, многіе начинаютъ приходить, чтобы посмотрѣть на него и разспросить его; желая отдохнуть, онъ проситъ „человѣка божія" говорить приходящимъ, что его, Зосимы, нѣтъ. Это приглашеніе ко лжи возмущаетъ старцевъ, они велятъ Зосимѣ удалиться отъ нихъ, но склоняются къ его слезной просьбѣ и даютъ ему, начертанное на доскахъ, житіе свое.

„Услышите, услышите, сынове человѣчьстии, человѣкъ нашихъ житие, нарицаемыхъ блаженыхъ, яко отъ тѣхъ же есмы блаженыхъ человѣкъ, но егда проповѣдаяше Еремѣа пророкъ, яко градъ нашъ преданъ будетъ въ руцѣ иноплеменикъ, и сверже с себе ризы своя и облече в сякно тѣло свое и посыпа пепеломъ главу свою и перстью посыпа одръ свои и заповѣда людемъ, да възвратятся отъ дѣлъ своихъ безаконыхъ,—услышав и то отецъ нашь Рехомъ (далѣе Рехамъ), сынъ сыновъ Адамль, и рече къ намъ: Слушайте, сынове и дщери,

[1]) Отсюда начинается пропускъ въ рук. XIV вѣка; дальнѣйшее разсказано по новому списку.

Библиотека "Руниверс"

Рехома, отца вашего: съвлецѣте ризы съ тѣлъ вашихъ; хлѣба отъ огня да не ясте и вина ни олу не пиите и меду да не вкуси, донелѣже услышитъ Господь молитву нашу". Они послушались, ихъ постъ и молитва отвратили гнѣвъ Господень отъ Іерусалима. „Потомъ же умре царь града Іерусалима и бысть царь инъ. Собрашажеся людіе къ нему и повѣдаша о насъ и рѣша: Суть, царю, здѣ людіе твои, съ женами не смѣшаются". Призванные царемъ они ссылаются на завѣтъ Рехома, который не хотятъ преступить, почему и ввержены въ темницу. Ночью ангелы, раскрывъ верхъ темницы, выносятъ ихъ за волосы „на облаки и принесе ны къ рѣцѣ. И рѣша къ намъ ангели: Аможе идетъ вода, идѣте и вы.—И идохомъ су ангелы. Тогда приведоша ны на землю сію, и тогда погыбы вода рѣкы сея и разсѣдеся мѣсто то, взиде вода отъ бездны и огради землю сію. И приде облакъ и ста отъ воды до небеси и тако разсѣя ны Господь по всей земли сей и предалъ ны ес жизнь мѣста сего".

Далѣе блаженные говорятъ уже о своемъ житіи: они безъ грѣха, хотя и не безсмертны; питаются земными плодами и водой отъ корня дерева, сладчайшей меду: то ихъ брашно и пиво [1]); молятся денно и нощно; нѣтъ у насъ ни винограда „ни съсуда желѣзна, ни дому, ни житиꙗ, ни огиꙗ, ни ножа, ни иного желѣза на дѣло, ни сребра, ни злата ни тажка ни легока оу насъ николиже. А иже поимаютъ жену собѣ, дондеже будета оу нею двѣ чадѣ, и по двою дѣтеи разлучаютсѧ другъ ѿ друга и пребываста оба въ ч҃тотѣ не вѣдущи была ли коли въ сокупленьи, но ꙗкоже исперьва ч҃тоту хранащи, и ѥдинъ ѭ сочтаются или жену или мужь, а другоѥ пребываютъ. И нѣ оу на҃ числа лѣ҃тъ ни годомъ ни м҃цемь ни денемь нъ ꙗкоже ѥдинъ дн҃ь тако вси суть. В пещерахъ же нашихъ лежатъ листвиѥ плоско велико нетлѣньно древаноѥ, на томъ почиваѥмъ подъ древесы; и ѥсмы нази ꙗкоже вы г҃лте и имѣѥмъ одежю правѣдну, не стыѥмся другъ друга. Въ . ѳ҃. ча҃ вкушаѥмъ по всѧ дн҃и исходитъ бо плодъ въ . ѳ҃. ча҃ и ꙗмы и пиѥмъ ѿ него дондеже насыщесѧ".

Сравненіе обоихъ текстовъ г. Тихонравова указываетъ въ этомъ мѣстѣ еще на большой пропусъ въ древнѣйшемъ изъ нихъ, не показанный въ рукописи. Что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ пропускомъ, а не съ позднѣйшею вставкой новаго списка, показываетъ сличеніе: блаженные говорятъ, что ангелы вѣщаютъ имъ о дѣлахъ людей, и что они молятся о нихъ; что постомъ деревья перестаютъ приносить

[1]) Отсюда снова начинается древній текстъ, который и приводимъ.

Библиотека "Руниверс"

плоды, взамѣнъ ихъ падаетъ съ неба манна, а въ день Воскресенія Христова деревья снова даютъ плодъ: такъ они узнаютъ смѣну временъ года. Время своей смерти они провидятъ и подробно говорятъ о ней: Господь пріемлетъ души блаженныхъ, ангелы поютъ на небесахъ, и мы слышимъ ихъ. Здѣсь снова вступаетъ древній текстъ: „Мы поимъ, анг҃ли слышатъ гл҃а нашь на нб҃хъ, и тако межи нами и анг҃лы восходить слава пѣнїя. И егда дша̑ поклонится г҃ви, тогда падемь ниць. егда же въздвигнеть ю, тогда (ркп. егда) и мы востанемъ ѿ земла . егда дша̑ пойдеть на мѣсто покоя, тогда мы ходяще въ цр҃кви сконцаѥ̑ мл҃тва Гу҃ Бу҃. •

Принявъ отъ старцевъ ихъ „житіе“, Зосима идетъ назадъ: снова преклонились передъ нимъ деревья и верблюдъ понесъ святого, который, вернувшись въ свою пещеру, побѣдоносно выдерживаетъ нападеніе дьявола.

Таково Хожденіе Зосимы къ блаженнымъ Рахавинъ. Въ древнемъ текстѣ они не названы; позднѣйшій говоритъ, въ надписаніи статьи, о хожденіи Зосимы „в Р҃амани“; въ другихъ спискахъ: „О Рахманѣхъ Зосимохожденіе“. Это сближеніе библейскихъ Рахавинъ съ Рахманами (какъ въ разказѣ Ламберта замѣна царя Кассія Дандаміемъ), принадлежавшее несомнѣнно, подлиннику Хожденія, выразилось всего ярче въ изображеніи быта блаженныхъ людей, указывающемъ на вліяніе Псевдокаллисѳена и Брахмановъ Палладія. Библейскіе Рехавиты воздерживаются отъ вина; блаженные Зосимы—отъ вина и елея; сл. Pseudocall. III с. 6: Александръ предлагаетъ начальнику брахмановъ, Дандамію, сокровища и одежды, вино и елей, Дандамій отъ всего отказывается, беретъ только елей—но лишь затѣмъ, чтобъ вылить его въ присутствіи Александра на костеръ.—Библія ничего не говоритъ о воздержаніи Рехавитовъ отъ смѣшенія съ женами; этотъ шаржъ, встрѣчающійся въ началѣ Хожденія, далѣе смягченъ: каждый изъ блаженныхъ „поимаетъ жену себѣ, донелѣже будетъ у него двое чадъ“, а затѣмъ оба пребываютъ въ чистотѣ. Такъ и брахманы Псевдо-Каллисѳена III, 6: ἔχομεν δὲ ἕκαστος τὴν ἰδίαν γυναῖκα, καὶ κατὰ σελήνης γένναν πορεύεται ἕκαστος εἰς τὴν ἰδίαν γυναῖκα, καί πλησιάζει αὐτῇ ἕως οὗ τέκῃ δύο παιδία, καὶ λογιζόμεθα τὸν μὲν ἕνα ἀντὶ τοῦ πατρός, τὸν δὲ ἄλλον ἀντὶ τῆς μητρός. Палладій (Müller, Pseudocall. стр. 105, гл. 9 вставлено уже въ редакціи A) повторяетъ этотъ разказъ съ бо̀льшими подробностями: жены брахмановъ живутъ отдѣльно отъ нихъ, по ту сторону Ганга, непроходимаго (δυσπεραίωτον, l. c. c. 10), кромѣ двухъ мѣсяцевъ въ году, когда мужья переправляются къ своимъ

Библиотека "Руниверс"

женамъ, чтобы пробыть съ ними сорокъ дней.—То же повѣствуется позднѣе, Pseudocall. III с. 25, объ Амазонкахъ: онѣ живутъ на островѣ, сходясь съ своими мужьями, пребывающими по ту сторону рѣки, лишь однажды въ году, въ теченіе тридцатидневнаго срока.—Брахманы и Амазонки помѣщены именно въ этой, не непосредственной послѣдовательности, въ редакціи AB, за разказомъ о пораженіи Пора; съ Амазонками Александръ списывается лишь послѣ ряда другихъ приключеній, посѣтивъ, между прочимъ, царство Кандаки, властительницы Мероэ; между тѣмъ, въ посланіи, которымъ онъ извѣщалъ ихъ о своемъ прибытіи (Pseudocall. III, с. 25), онъ говоритъ, что покорилъ Дарія, индійскихъ вождей, посѣтилъ брахмановъ—и теперь хочетъ взыскать ихъ. Гдѣ представлялъ себѣ редакторъ A жилище Амазонокъ? У Псевдо-Каллисѳена III с. 27 и у Валерія путь къ нимъ идетъ по пустынѣ, въ непроглядной тьмѣ (loca frigida atque obscura, ut pene nos agnoscerenus nos) [1])—стало быть, по странѣ мрака?

Возвратимся къ нашему Хожденію. Его Рехавиты-Рахманы не только напоминаютъ Бене-Моше Эльдада, но по легендѣ и тожественны съ ними: то же выселеніе изъ Іерусалима, чтобы не поступиться своимъ обѣтомъ или убѣжденіемъ; однихъ выноситъ облако, другихъ ангелъ; тамъ и здѣсь чудесная рѣка, окутанная облакомъ-туманомъ; кочевая жизнь и отсутствіе жилищъ; Рехавиты не знаютъ счета времени, Бене-Моше—календаря. Разница лишь въ историческомъ пріуроченіи, не выходящемъ изъ области библейскихъ воспоминаній.

Съ другой стороны, Рехавитовъ-Рахмановъ Зосимы нельзя отдѣлить отъ потомковъ Рехава, за „горами мрака", въ разказѣ Іосиппона; и какъ послѣдніе вдвинуты въ географію Александріи, такъ и блаженные Зосимы вторгаются въ нее чертами, напоминающими брахмановъ Псевдокаллисѳена и Палладія.

Гдѣ представить себѣ рехавитовъ-рахмановъ Хожденія—на это отвѣтить тѣмъ труднѣе, что мы колеблемся, къ какому изъ извѣстныхъ церковному преданію святыхъ Зосимъ прислонить ихъ апокрифическаго соименника. Можно выбирать между Зосимой Киликійцемъ, епископомъ Каира-Вавилона и впослѣдствіи синайскимъ отшельни-

---

[1]) *Kinzel*, Zur Kenntniss der Alexandersage im Mittelalter, въ *Zeitschrift f. deutsche Philologie*, XV p. 226.

Библиотека "Руниверс"

комъ [1]), и Зосимой житія св. Маріи Египетской. Онъ жилъ въ одномъ изъ палестинскихъ монастырей и отличался такою святостью жизни, что Господь удостоивалъ его своими откровеніями. Но у него явилось самомнѣніе: Nunquid est in terris monachus qui novum aliquid possit tradere mihi, juvare me volens in aliquo quod ignorem, aut quod ego in monachico non expleverim opere? Nunquid invenitur eorum qui solitudinem duxerunt vir qui prior me in actibus sit? Haec et his similia cogitante, astitit quidam et dixit ei: O Zosima, bene quidem, et sicut possibile fuit homini, decretasti, bene cursum monachicum consummasti. Tamen nullus est in hominibus qui se perfectum esse demonstret. Major enim lucta praesens quam illa quae praeterlit, licet tu nescias. Ut autem cognoscas quantae sint et aliae viae salutis, egredere de terra et de cognatione tua et de domo patris tui, ut Abraham ille patriarcharum eximius (Gen. XII), et veni ad monasterium quod juxta Iordanem adjacet flumen. Чудесный мужъ ведетъ его къ вратамъ монастыря, лежавшаго такъ уединенно, что многіе изъ сосѣдства вовсе и не знали о его существованіи; не безъ намѣренія привелъ туда Господь Зосиму. Иноки ведутъ святую жизнь: vidit autem ibi seniores actibus et visione splendentes, spiritu ferventes et Domino servientes. Psallenia ibi erat incessabilis totius noctis habens stabilitates, et in manibus semper operatio, et in ore psalmi divini absque diminutione. Sermo otiosus ibi non proficiebat; cogitatio auri argentique, aut rei alicujus apud illos non erat; expensa anni totius, aut mensura, aut temporalis vitae meditationes, doloribus congruae, nec nomen apud illos cognoscebatur.... Haec Zosima, ut dicebat, perspiciens, aedificabatur valde, praetendens se ad perfectionem et crescere faciens proprium cursum, cooperatores inveniens, optime divinum innovantes paradisum. Великій постъ передъ Воскресеньемъ Христовымъ эти иноки справляли такъ, что, перебравшись на ту сторону Іордана, расходились каждый по одиночкѣ, проводя время въ славословіи и молитвѣ, питаясь нерѣдко одними злаками. Вмѣстѣ съ другими отправился и Зосима, все далѣе и далѣе углубляясь въ пустыню, semper incessabile idem habens propositum, in desiderium habens, ut dicebat, introire in solitudinem, sperans invenire aliquem patrem in ea habitantem, qui eum posset aliquid aedificare. Здѣсь онъ встрѣчается съ св. Маріей Египетской.

---

[1]) Духовный Лугъ Іоанна Моска гл. CXXIII—IV.

Библиотека "Руниверс"

Между сообщенною выдержкой изъ житія и Хожденіемъ есть несомнѣнное сходство очертаній, а отчасти и замысла.

II.

Псевдо-Каллисѳенъ C, II, 23 и слѣд. и сербская Александрія.

Какъ бы ни толковали значеніе Африки въ талмудическихъ легендахъ, разобранныхъ выше, для насъ интересно одно: что редакторъ Псевдо-Каллисѳена C имѣлъ въ виду дѣйствительную Африку, куда помѣстилъ брахмановъ — отлично отъ текста A — и страну мрака. Я имѣю въ виду посланіе Александра, къ Олимпіадѣ и Аристотелю, II, гл. 23 и слѣд. Послѣдовательность здѣсь такая:

1. Пораженіе и смерть Дарія; женитьба Александра на Роксанѣ. Онъ велитъ Селевку собрать персидское войско и, соединивъ его съ македонскимъ, идетъ на Египетъ (гл. 23).

2. Мирное вшествіе Александра въ Іерусалимъ (гл. 24).

3. Александръ въ Египтѣ; купается въ холодномъ озерѣ и излѣченъ врачемъ Филиппомъ, котораго Египтяне напрасно стараются подкупить съ тѣмъ, чтобъ онъ отравилъ Александра и, не успѣвъ въ томъ, возбуждаютъ противъ него подозрѣніе въ царѣ.—Оракулъ Аполлона напоминаетъ Египтянамъ о возвращеніи помолодѣвшаго Нектанава=Александра, и они подчиняются ему; статуя Нектанава возлагаетъ на него вѣнокъ (гл. 25—27) [гл. 28: построеніе Александріи] [1]).

4. Александръ, покоривъ знаемый міръ, отправляется въ незнаемыя страны. Его встрѣчи:

a) Исполинскія волосатыя жены и гигантскіе муравьи (гл. 29).

b) Рѣка, три дня текущая водой, три дня пескомъ (гл. 30). Александръ называетъ ее Ἀμόρροος; это — Самбатіонъ талмудическихъ легендъ; мы встрѣтили ее у Эльдада; древняя редакція эпистоліи Пресвитера Іоанна помѣщаетъ въ Индіи „fluvium... lapidum“, за которой обитаютъ „X tribus Judaeorum“.

c) За песчаною рѣкой Александръ „κόσμον ἄλλον κατέλαβε“.—Встрѣча съ малорослымъ мирнымъ народцемъ, ростомъ [οὐχὶ ἀλλὰ] πηχύν τε

---

[1]) Слова, поставленныя въ скобкахъ, относятся къ эпизодамъ, не находящимся въ сербской Александріи.

Библиотека "Руниверс"

καὶ ἥμισυ.—Озеро со статуей Сезонхоса космократора и надписью на ней, что досюда доходилъ Сезонхосъ, но не могъ проникнуть далѣе (гл. 31).

d) Александръ идетъ далѣе, направляясь κατὰ τὴν ἄμαξαν τοῦ πόλου. Въ лѣсу Ἀνάφαντος живутъ великаны, въ 24 аршина ростомъ.—Македоняне нападаютъ на нихъ съ крикомъ и трубнымъ звукомъ и прогоняютъ, при взаимныхъ потеряхъ (гл. 32).—Позднѣе встрѣчаются голые, черные, волосатые люди, спавшіе на камняхъ. Къ одному изъ нихъ подводятъ красивую дѣвушку, онъ принимается пожирать ее, и когда ее у него отняли, убѣгаетъ съ лаемъ. Его товарищи, напавшіе на войско съ камнями и дреколіемъ, прогнаны огнемъ. Македоняне просятъ Александра вернуться; онъ говоритъ: οὐκ ἐμὸν τὸ ἀντιστρέφεσθαι, ἀλλὰ τῇ τύχῃ δοτέον (гл. 33).

e) Статуи Геракла и Семирамиды и запустѣлый дворецъ послѣдней.—Встрѣча съ шестирукими и шестиногими людьми и кинокефалами.—Громадный ракъ, вышедшій изъ моря, уноситъ палую лошадь; ночью Македоняне защищаютъ свой лагерь отъ морскихъ чудовищъ, разведя огни (гл. 34).

5. Александръ приходитъ къ морю; въ шести стадіяхъ отъ берега лежитъ островъ брахмановъ или Оксидраковъ. Сначала отправляется туда Филонъ, потомъ Александръ (гл. 35).—Редакція C разказываетъ здѣсь о посѣщеніи Александромъ брахмановъ и его бесѣдѣ съ Дандамісмъ, что другіе пересказы относятъ къ слѣдующей книгѣ III, гл. 5 и слѣд.

6. Вернувшись отъ брахмановъ, Александръ идетъ далѣе, къ чудесной рѣкѣ, на берегу которой выростали съ восходомъ солнца деревья, ростя до шестаго часу, и затѣмъ, убавляясь постепенно, исчезали (сл. чудесно выростающія деревья въ Хожденіи Зосимы). — Въ рѣкѣ находились черные камни; кто ихъ касался, чернѣлъ; были тамъ змѣи и рыбы, варившіяся не въ кипяткѣ, а въ холодной водѣ; птицы, изъ которыхъ исходило пламя, когда къ нимъ прикасались (гл. 36). — На дальнѣйшемъ пути дневной свѣтъ постоянно уменьшается: встрѣчаются диковинные звѣри о шести ногахъ, о трехъ и пяти глазахъ, величиною въ десять локтей; другіе похожіе на онагровъ, величиною въ двадцать локтей, съ шестью глазами, изъ которыхъ лишь два были зрячіе; кинокефалы и морскія чудовища (гл. 37).

7. Войско идетъ по безлюдной пустынѣ, гдѣ не видать ничего, кромѣ неба и земли, въ полной темнотѣ. Остановившись у морскаго берега, Александръ хочетъ переправиться на островъ, откуда слышна

Библиотека "Руниверс"

греческая рѣчь, но людей не видно (Лейденская рукопись Псевдо-Каллисѳена: слышится стихотворное привѣтствіе сыну Филиппа, произошедшему отъ египетскаго сѣмени, исполнившему предзнаменованіе, лежавшее въ его имени). Воины, пытавшіеся перебраться на островъ вплавь, унесены раками; устрашенный Александръ возвращается вспять [Слѣдуетъ разказъ о попыткѣ Александра извѣдать морскую глубину] (гл. 38).

8. Александръ велитъ перекинуть мостъ черезъ одну лощину (φάραγξ) съ надписью: ἐνθάδε Ἀλέξανδρος εἰσελθὼν ἤγειρεν ἀψῖδα, ἐν ᾗ πανστρατιὰ διαβὰς, ἄκρας θέλων γαίας καταλαβεῖν, ὡς τῇ προνοίᾳ ἔδοξε. Они приходятъ въ страну, гдѣ не свѣтитъ солнце: ἐκεῖ οὖν ἐστὶν ἡ καλουμένη μακάρων χώρα. Съ немногими спутниками онъ идетъ развѣдать страну, взявъ съ собою, по совѣту одного старика, кобылицъ (B. ослицъ; въ Лейденскомъ текстѣ Pseudocall. соединены оба варьянта: ἵππους θηλίους, καὶ ἑτέρῳ λόγῳ ὄνους θηλίας), жеребята которыхъ остались въ лагерѣ.—Идя въ темнотѣ εἶδον τινὰ τόπον, καὶ ἦν ἐν αὐτῷ πηγὴ διαυγὴς, ἧς τὸ ὕδωρ ἤστραπτεν ὡς ἀστραπή· ἦν δὲ ὁ ἀὴρ ἐκεῖνος εὐῶδης καί πάνυ γλυκύτατος. Александръ хочетъ ѣсть: его поваръ Андрей, собираясь готовить, намѣревается омыть сушеную рыбу въ свѣтломъ источникѣ, но рыба, оживъ, ускользаетъ отъ него. Онъ никому не говоритъ объ этомъ чудѣ, а воды набралъ съ собою въ сосудъ (гл. 39). Въ теченіе нѣкотораго времени не видать ни солнца, ни луны, ни звѣздъ. Двѣ птицы съ человѣческими лицами вѣщаютъ Александру: Ἡ χώρα ἣν πατεῖς, Ἀλέξανδρε, τοῦ θεοῦ μόνου ἐστίν. ἀνάστρεφε δείλαιε· μακάρων χώραν πατεῖν οὐ δυνήσῃ. Ἀνάστρεφον οὖν, ἄνθρωπε, καὶ τὴν δεδομένην σου γῆν πάτει, καὶ μὴ κόπους πάρεχε σεαυτῷ.... Ἐκκαλεῖ σε ἡ ἀνατολή, Ἀλέξανδρε, καὶ ἡ Πώρου βασιλεία νίκῃ ὑποταχθήσεταί σου.

Слѣдуя совѣту старика и Александра, воины берутъ съ собою всѐ, что̀ находятъ на землѣ: камни, куски земли. По нѣкоторомъ времени выходятъ изъ области тьмы, руководясь ржаніемъ жеребятъ, оставшихся въ станѣ и отвѣчавшихъ кобылицамъ (гл. 40).—Кто захватилъ что-либо съ собою, увидѣлъ, что его находка была чистое золото[1]). [Поваръ говоритъ о видѣнномъ имъ чудѣ, но не о

[1]) Въ армянской статьѣ о драгоцѣнныхъ камняхъ разказывается, что «когда Александръ отправился въ Темную страну, то у подошвы одной горы подкова его лошади стукнула обо что-то. Онъ спросилъ: «Что это такое?» Мудрецы, бывшіе при немъ, сказали: «Это алмазъ, который происходитъ отъ росы небе-

Библиотека "Руниверс"

захваченной имъ съ собою живой водѣ, которую онъ даетъ Калѣ, побочной дочери Александра отъ Уны. Узнавъ о томъ, Александръ завидуетъ ихъ безсмертію, дочь изгоняетъ, а Андрея велитъ бросить въ море, навязавъ на шею камень. Она становится нереидой, онъ—морскимъ демономъ.—Ὁ δὲ Ἀλέξανδρος ὑπέλαβε διὰ τῶν σημείων τούτων ἐχεῖσε εἶναι τὰ ἄκρα τῆς γῆς· ὡς δὲ ἔφθασαν εἰς τὴν ἀψῖδα ἣν ἔκτισεν Ἀλέξανδρος, ἔγραψεν πάλιν ἐν αὐτῇ οὕτω διὰ γλοφίδος· „Οἱ βουλόμενοι εἰσελθεῖν ἐν τῇ τῶν μακάρων χώρᾳ, δεξιᾷ πορευέσθωσαν".

Слѣдуетъ разказъ о попыткѣ Александра извѣдать небесную высоту; птица, съ человѣкоподобнымъ лицомъ, велитъ ему вернуться на землю; двѣ другихъ птицы говорятъ, что кто пойдетъ на право, увидитъ много чудеснаго. Такъ Александръ и сдѣлалъ (гл. 41).

9. Онъ приходитъ къ озеру, въ которомъ вода была сладка, какъ медъ; въ рыбѣ, выскочившей изъ воды, находятъ—камень-самосвѣтъ, который Александръ велитъ оправить въ золото; по ночамъ онъ служитъ ему вмѣсто свѣточа[1]). —Ночью изъ озера выходятъ женщины, которыя сладко поютъ.—Встрѣча и борьба съ гиппокентаврами.—Послѣ шестидесятидневнаго пути войско Александра τὴν οἰκουμένην κατέλαβεν (гл. 42).—[въ гл. 43 помѣщено письмо Александра къ Олимпіадѣ, вкратцѣ повторяющее гл. 23—42].

10. Александръ отправляется въ походъ противъ Пора. Въ странѣ и городѣ Геліоса оракулъ Аполлона, подъ священными деревьями, вѣщаетъ ему о его близкой смерти (ср. Pseudocall. III гл. 17, ed. Müller, p. 123—125).—Встрѣча съ малорослыми людьми, одноногими, съ овечьими хвостами; нѣкоторые изъ нихъ пойманы и отпущены на свободу. Издали они начинаютъ издѣваться надъ Александромъ, что такой неразумный человѣкъ не достоинъ сражаться съ ними и не въ силахъ

ной.... за этою горой есть песчаная равнина, полная алмазовъ, но не населенная никѣмъ, кромѣ птицъ». Способъ ихъ добычи, указанный мудрецами, тотъ же, что у Марко Поло III, с. 19 (о добычѣ алмазовъ въ царствѣ Мутфили), въ 1001 ночи (77 ночь : разказъ Синдбада); у Геродота (III, CXI) тѣмъ же способомъ добывается Арабами корица, въ русскомъ Азбуковникѣ — іакинеъ. Ср. *Пятковъ*, Драгоцѣнные камни, ихъ названія и свойства по понятіямъ Армянъ въ XVII вѣкѣ (С.-Пб. 1873), стр. 2—3 и 8, прим. 7.

[1]) Въ поэмѣ о Ротерѣ (ед. *Rückert*, v. 4952 и слѣд.) описывается такой же камень-самоцвѣтъ, принесенный Александромъ изъ чужой земли (von vremideme lande), куда ни прежде, ни послѣ его не заходила ни одна христіанская душа. Названіе тому камню: Claugestian. Ср. *Zacher*, Zur Basler Alexanderhandschrift, въ *Zs. für deutsche Philol.* X, стр. 109—110.

Библиотека "Руниверс"

ихъ побѣдить. Александръ посмѣялся этой выходкѣ, въ первый разъ послѣ того, какъ ему было пророчество о его смерти (гл. 44).

Содержаніе всего этого эпизода воспроизведено въ сербской Александріи, съ двумя главными отмѣнами. Одна изъ нихъ касается эпизода о брахманахъ, который будетъ разсмотрѣнъ нами особо; другая—маршрута Александра: тогда какъ Pseudocall. С. ведетъ его послѣ смерти Дарія въ Іерусалимъ и Египетъ, сербскій текстъ заставляетъ его начать свой путь съ Іерусалима и Египта и затѣмъ уже сражаться съ Даріемъ и Крезомъ. Значеніе этого плана выяснится намъ впослѣдствіи; но я укажу теперь же на одну интересную непослѣдовательность сербскаго текста, раскрывающую намъ, что въ одномъ изъ его источниковъ распорядокъ представлялся именно такой, какой является у Pseudocall. С. Въ III гл. 2 (Новаковичъ) Александръ пишетъ матери о своихъ подвигахъ, содержаніе которыхъ было разказано передъ тѣмъ подробно: тамъ Александръ начиналъ свое побѣдное шествіе съ Іерусалима, здѣсь—съ побѣды надъ Даріемъ. Привожу текстъ посланія, для того, чтобы облегчить его сравненіе съ слѣдующимъ подробнымъ разборомъ соотвѣтствующаго отдѣла романа.

„Вѣсте бо ꙗкоже прѣжде писасмо, како Пер'сид'ско царство прѣꙗхомь и цара ихь Дарија оубихомь, и дьштерь ѥго себѣ женоу оузехомь, и вь коупѣ Макѣдонію сь Пер'си сьѣдинихь. И тако сихь вьсѣхь сьѣдинихь, и вь Іеросалимь пріидохь. Людиѥ же града того бога великаго нѣкоѥго имѣюште; и обрѣтохь сего азь силнѣиша паче богь нашихь. Видѣхь и поклонихь се ѥмоу, и вѣровахь вь нь. Име ѥмоу ѥсть светь Господь Савао҃ь, невидимь же ѥсть сь чловѣчьскыма очима, нь оумомь оубо тьчию ѣднемь ѣдва довѣдомь ѥсть [И оть тоудоу вьстахь, вь Егупьть придохь; и тоу цара егупьтьскаго стльпь обретохь, иже царство своѥ оставивь, и вь чоуждоу отбегь беше землоу (Нектенавъ); имѣѥ разоумь, да разоумееть. И тоу вьселѣньске боге похоуливь, и серафими славимаго прославихь Савао҃а бога, сего помоштию ороужавь се на вьсточноу краи земле оустрьмихь се. И мѣста многа прѣшьдь ноужна и оусилна, гори непроходние и пола непрѣзрима, и до дивихь чловѣкь доидохь, иже некогда Сьнхоса раз'биште, цара великаго и сильнаго. И тоу образь Сьнхоса царя обретохь на стльпе висоце, оу злате изьваꙗнь беше. На томь стльпе о раз'бои его оупи-сано беше, како его раз'биште диви чловеци]. И оть тоудоу вьставь сь вои своими и лоугове тьмне прѣидохь, и блата великаа прѣидохь

Библиотека "Руниверс"

и рѣкоу великоу прѣшьдь, кнже ширина дьнь хода, и тако до царства Ираклінна и Се(ми)рамиде царице. И образъ нхь на стльпѣ высоцѣ отъ злата сътворень бѣше. И отъ тоудоу къ вьстокоу шьствіе творе, человѣкы многоразликыѥ раз'ликоуѥ, обрѣтохь шестороукѣ и шестоногыѥ и звѣры и жены, ихьже писати не вьзмогохъ къ вамь. Тако къ макарон'скыимъ отокомь пріндохь, и вь нихь вьшьдь, богы наше тамо искахь видѣти. И много вьпрашахь и никдиного отъ нихь обрѣтохь; нь паче макарон'скыи царь вьз'вѣсти мнѣ съ клетвою глаголѥ: ѩко кл'лин'сціи бози вь дол'нѣишихь свезан'ни соуть отъ в'сѣхъ бога Савасва. И отоке ихь прѣшьдь, и мѣсто нѣкоѥ оуглєдахь, идеже прѣотьць нашь Адамъ жиль бѣше, иже наричеть се Іедѣмь, вь нѣмь же богь рай насади на вьстоцѣ. Тоу мене два чловѣкообразʼна птиѥ срѣтоста, и къ мнѣ рекоше: Алексен'дре цароу, не къ томоу къ раю иди; не имаши бо ѥго видѣти, пламен'но бо ороужіѥ стрѣжеть ѥго, и опалити те имать. И се слышавь, вь вьселѣн'ноу вьз'вратихь се, и не оумѣюште опеть вь вьселѣн'ноу ити, и рѣкамь послѣдовахь . д.—нмь, иже отъ рая вь вьселѣн'ноую текоуть, и на десноу страноу шьствиѥ творе, за годиште вь вьселѣн'ноу изыдохь, и на землю ин'діискога царя Пора доидохь, и рать съ нимь сътворити имамо, ѩко скороѥ сътворить се божіѥ повелѣніѥ".

Сообщенная нами эпистолія сохранила, очевидно, въ краткихъ чертахъ, содержаніе и распорядокъ того древняго текста, которымъ воспользовался редакторъ сербской рецензіи для разказа о подвигахъ Александра. Передавая въ извлеченіи этотъ разказъ, я удерживаю, для удобства сравненія, распредѣленіе, принятое мною при передачѣ соотвѣтствующаго эпизода Псевдо-Каллисѳена С.

1) Мирное вшествіе Александра въ Іерусалимъ (Новаковичъ II гл. 1); сл. § 2 въ моей схемѣ Псевдо-Каллисѳена.

2) Александръ въ Египтѣ (Новак. II гл. 2—4); сл. § 3 моей схемы.

3) Война съ Даріемъ, его пораженіе и смерть; женидьба Александра на Роксанѣ; оставивъ въ Персіи Селевка (Нов. II гл. 5—16) онъ „самь на лидон'скога царя на Криса поиде", котораго и побѣждаетъ (Нов. II гл. 17). Сл. § 1-й моей схемы.

4) „И се Алексен'дрь воисцѣ раз'дѣли. И тако на десноу страноу вьстока поиде, и в'се ѩзыке прѣмь до краи земль доиде". Его встрѣчи:

а) Косматыя исполинскія жены (Нов. II гл. 17) и чудовищные муравьи (Нов. II гл. 18). Сл. тотъ же § схемы.

Библиотека "Руниверс"

b) „И отъ тоудоу на рѣкоу дошьдь, еиже ширина бѣше ѥко дьнь хода. И тоу Алексен'дрь вь недоумѣнии вьпаде, мостове на рѣцѣ тои сътворити повеле“ (Нов. II гл. 18); сл. тотъ же § моей схемы.

c) „Людиѥ.... колико лакьть велици.... питици же нарицахоу се“. Озеро, статуя Сезонхоза и надпись: „Чловѣче, аште к'то хощеть на вьстокь поити, до здѣ дошьдь, опеть се врати, [не ьь томоу и оноуге имаши поити]. Азь бо ѥсьмь Сьн'хось, иже свѣмоу свѣтоу бьıхь царь. И краи земли вьсхотѣхь видѣти, и сь воискою великою на сиѥ поле доидохь. И вьсташе на ме диви чловѣци, и всоу мою воискоу раз'бише, и мене на семь полю оубише“. (Нов. II гл. 19 и III гл. 12; сл. тотъ же § схемы и Pseudoc. III C, гл. 21).

d) „Люди.... страшни видѣниемь, и два сеж'ня оубо дльги, кос'мати же в'си“. Они не нападаютъ на Македонянъ, „лоукаво на воискоу погледоующе. И оубоявь се Алексен'дрь, рече: сіи соуть людиѥ, иже Сьнхоса нѣкогда разбише“. Къ одному изъ нихъ подводятъ жену; онъ начинаетъ ее пожирать, ее отнимаютъ; „онь же гласомь великимь вресноувь, женоу поусти. Глась же ѥго оуслышав'ше дивіи моужіе, толико ихь наѧха много множьство на воискоу, ѥлико числа не бѣше; дрѣвиемь бо и камениемь воинники бияхоу“. Македоняне просятъ Александра: „до волѥ намь всоу зем'лю прием'ше, починоути дан мало“. Александръ успокоиваетъ ихъ: „не ьь томоу вы маломошт'ни боудете, вьсь бо свѣть прием'ше, и на кон'ць идемь, и приспѣсмо; скоро вь зем'лю нашоу вьз'вратити се имамо“. (Нов. II гл. 20; такъ, съ отмѣнами, и въ соотвѣтствующемъ § моей схемы).

e. Статуи Иракліи и Семирамиды; „дворове поусте Ираклиеве;“ шестирукіе и шестиногіе люди; псоглавые; чудовищные раки. (Нов. II гл. 21; сл. тотъ-же § схемы).

5. (Нагомудрецы), 6 (чудныя встрѣчи) 7 (блаженные) Нов. II гл. 22—26—отвѣчаютъ, приблизительно, содержанію соотвѣтствующихъ №№-въ моей схемы. Обо всемъ этомъ эпизодѣ см. слѣдующую главу.

8. Возвращаясь отъ блаженныхъ, Александръ „вь вьселен'ноу идоше, на десноу страноу сь вьстока оустрьми се, и прѣшьдьше. і. дьни, прѣровь дльбокь на поли томь обрѣте. И сего прѣити не моги, камароу на нѣмь зиданоу сътвори, и тоу воискоу свою прѣведь в'соу“; надпись на мосту: „Алексен'дрь царь на краи земли дошьдь, и по сиѥи камаре высокои прѣиде сь в'сою воискою свою, и тоу .д. дьни ходивь, до тьм'не земли доиде“ (Нов. II. гл. 28).—„И тоу

Библиотека "Руниверс"

оубо сь изьбран'ними Макѣдони на кобилахь вьсѣд'ше, имѣюште ждрѣб'це, и ждрѣб'це ихь на становехь оставише, они же вь тьм'ноу землю вьнидоше". Кто вынесъ оттуда земли, камень или дерево—все то очутилось золотомъ, жемчугомъ, драгоцѣннымъ камнемъ (гл. 29). Двѣ птицы съ человѣкообразными лицами говорятъ Александру: „Алексен'дре цароу, по что божіа гнѣва косноути се хоштеши, и вь поустихь кьсниши земльхь? Нь походи, не крьсмаи; чека бо те Индіа и Форово велико господ'ство, ѥже пришьдь, раздроушити имаши. И див'неишаа прьвихь оувриши. И . з. дьнь прѣшьдь, ѥзеро нѣкоѥго доидоше, и тоу станомь своимь ста, ѣасти начеше искати. Магѥрь же Алексен'дровь риби соухи вь блатѣ томь омити понесе. ѥгда же ихь ож'васи, тог'да они ожившеше и[оу] ѥзеро оутекоше. Алексен'дрь же, сиѥ слышавь, подиви се, и воисцѣ в'сои окоупати се рече. И конѥ и в'си окоупав'ше се, з'драви и крѣп'ци бише" (гл. 30).—Сл. № 8 схемы.—Отличія сербскаго текста отъ Pseudocall. C, въ эпизодѣ о водѣ безсмертія, поддерживаются отчасти другими источниками. Во французскомъ романѣ (ed. Michelant) какой-то Македонянинъ, по имени Епос, предупреждаетъ Александра, самъ погружаясь въ чудесный источникъ; въ наказаніе за это Александръ велитъ замуровать его въ столбъ, гдѣ ему приходится до скончанія вѣковъ оплакивать свое безсмертіе.—У Фирдуси Александръ отправляется вмѣстѣ съ Хисромъ (Ильей) за область мрака, къ источнику безсмертія; достигнувъ его, Хисръ погружается въ его воды, купаетъ коня, и возблагодаривъ Бога, подаетъ чашу воды и Александру, но невидимый голосъ предупреждаетъ его не пить и указываетъ на бѣдствія старости, неустранимыя при безсмертіи. Александръ отказывается отъ напитка. Такъ и у Низами, съ тою разницею, что Хисръ и его конь успѣли выкупаться и напиться воды въ источникѣ, который исчезаетъ изъ глазъ, когда подходитъ Александръ [1]).

9) Александръ подходитъ къ озеру, въ которомъ вода „слад'ка бѣ, ѣако захарь"; камень-самосвѣтъ, найденный въ рыбѣ; жены, выходящія изъ озера и поющія дивными голосами; встрѣча съ исполинами: „одь поѣса горѣ чловѣкь, а одь поуп'ка же долоу конь". Нѣкоторые изъ нихъ попадаютъ въ плѣнъ хитростью: „толико бо они брьзи бѣхоу, ѣакоже имь ништо на зем'ли не оутецаше, и такови они стрѣл'ци бѣхоу, ѣако ништо роуками своими не грѣшахоу. И сиѥ

[1]) *Grion*, I Fatti di Alessandro Magno, p. XCVII—XCIX.

Библиотека "Руниверс"

Алексен'дрь ороужіа сътвори, и стрѣле, и м'чеве наоучи ихь носити, и много ѥмоу на р'ванѣхь поработаше. Да ѥгда ихь вь вьселѥн'ноу изведе, и вѣтроу стоуденоу на нихь дьх'ноув'шоу, и тако в'си помрѣше. Алексен'дрь же . р . дьни прѣшьдь, ѥь прѣдѣломь вьселѥн'скымь приближисе" (Нов. II гл. 31; сл. № 9 схемы).

10. „И тоу вь слньч'ныи градь ириде, и вь слньч'нѣмь градоу поклони се. Писаніа же тоу обрѣте, ѣже о сьмрьти ѥго вьзвѣштахоу". Встрѣча съ единоногими людьми, объ, „овчихъ опашахъ". Схваченные и отпущенные на свободу, они издали надсмѣхаются надъ Александромъ: „о безоум'ныи Алексен'дре, како всѣхь чловѣкь прѣмоудрѣи ѥси, а ми те прѣмоудрисмо! Како нась поусти? Месо наше слагѥ ѥсть паче вьсѣхь месь, коже же наше толико тврьди соуть, ѣако ниѥдно гвоздиѥ пробити ихь не можеть; благо же оу нась толико ѥсть, бисера и многоцѣн'нога каменіа, ѥмуже нѣсть числа. Сіѥ же Алексен'дрь слышавь и радостьнь бывь, насмѣявь се рече: По истинѣ в'сака сом оть ѥзыка своѥго погибаѥть. И се рекь, воисцѣ ороужати се повеле, и тако, оноу гороу обьшьдь, и двѣ тисоушти оть нихь оухвативь, и вь станове ихь приведь, коже имь одирати повеле. И толико имь месо слад'ко бѣше, ѣако ниѥдино месо таково. Месо же ихь Пер'сомь и Іегуп'теномь ѣасти повелѣ, вь ложиштехь ихь толикои зеленога каменіа обрѣтоше, ѥмоуже числа не бѣше. И тако . s . дьни прѣшьдьшоу на ин'дінске прѣдѣлѣ приспѣше. Тоу Алексен'дрь много смѣявь се: . s. бо мѣсець имѣше не насмѣявь се; оть нелиже сьмрьть ѥмоу проповѣдаше, оть толе вьсег'да жалостьнь бѣше, и всакь бо чловѣкь прооувѣдаѥ сьмрьть свою жалостію радость замѣняѥть" (Нов. II гл. 32; см. соотвѣтствующій § схемы).

Таково распредѣленіе повѣствовательнаго матеріала въ доступныхъ мнѣ текстахъ сербской Александріи. Такъ было, вѣроятно, и въ ея подлинникѣ, и въ другомъ его отраженіи, представляемомъ ново-греческою народною книгой и ея сербскимъ и болгарскимъ переводами.—Только въ пештскомъ текстѣ сербской Александріи (Новак. l. c. p. X) эпизодъ о брахманахъ помѣщенъ послѣ борьбы съ Поромъ, стало быть какъ у Pseudocall. A и B; вмѣсто Іефанта, Ифанта, Ε'υαήνθης, Еуаинеъ, какъ названъ начальникъ нагомудрецовъ въ сербскомъ текстѣ и новогреческой и болгарской народной книгѣ—является, согласно съ Псевдо-Каллисѳеномъ (=Палладіемъ), имя Дандамія.—Все это указываетъ либо на болѣе древнюю форму

Библиотека "Руниверс"

сербской (=греческой) редакціи (Новаковъ. стр. XI), либо на позднѣйшее воздѣйствіе какого нибудь текста Псевдо-Каллисѳена А В.

Для генеалогіи сербской Александріи интересно замѣтить, въ какихъ другихъ пересказахъ стараго романа встрѣчаются особенности ея плана, поставившаго эпизодъ Іерусалима передъ смертью Дарія. Въ старо-славянскомъ переводѣ Псевдо-Каллисѳена по архивскому списку послѣдовательность такая: Египетъ (Тиръ, Газа и т. д.), Іерусалимъ (Іосифъ Флавій); пораженіе Дарія; посланіе Александра къ Олимпіадѣ, отвѣчающее пересказанному нами по тексту С, начинаетъ упоминаніемъ о смерти Дарія и далѣе ведетъ Александра въ невѣдомыя страны.—Въ Эллинскомъ лѣтописцѣ, воспринявшемъ тотъ же переводъ, порядокъ измѣненъ: Іерусалимъ, Египетъ, пораженіе Дарія; стало быть, какъ въ сербскомъ изводѣ, при полной независимости этого текста отъ предыдущаго. — Укажу еще на старофранцузскій романъ, напечатанный Мишеланомъ (p. 231 слѣд.), и на италіанскій пересказъ какого-то французскаго подлинника, изданный Гріономъ [1]): Іерусалимъ, смерть Дарія. Европейскія обработки Александровой саги восходятъ, посредственно, къ латинской передѣлкѣ Псевдо-Каллисѳена, приписанной какому-то архипресвитеру Льву (X вѣка); имъ пользовался и Іосиппонъ: lib. I c. 5 онъ разказываетъ, согласно съ Іосифомъ Флавіемъ, о вступленіи Александра въ Іерусалимъ, подвластный Дарію; далѣе (lib. II гл. 9), слѣдуя Льву архипресвитеру, о походѣ въ Италію и Африку (Ливію, Варваріи) и окончательномъ пораженіи Дарія; въ lib. II c. 10 говорится о попыткѣ Александра проникнуть черезъ область чудовищныхъ народовъ и животныхъ, къ Рехавитамъ (=рахманамъ) въ страну мрака; лишь въ слѣдующей главѣ (lib. II. c. 11) повѣсть переходитъ къ Пору.

Это почти послѣдовательность сербской Александріи: Іерусалимъ, Египетъ, смерть Дарія, рахманы, Поръ. Poema de Alejandro Magno подходитъ къ ней отчасти еще ближе: Іерусалимъ (строфа 1085 sqq.); Египетъ (строфа 1117—1118); позже: смерть Дарія.

Все это указываетъ на особую обработку Псевдо-Каллисѳена С, чѣмъ и объяснилось бы согласіе плана въ независимыхъ другъ отъ друга передѣлкахъ романа.

---

[1]) *Grion*, l.c., p. 34 слѣд.

Библиотека "Руниверс"

III.

Эпизодъ о нагомудрецахъ (брахманахъ).

Объ этомъ эпизодѣ, приблизительно отвѣчающемъ §§ 5—7 нашей схемы, мы предоставили себѣ поговорить подробнѣе.

1) Побѣдивъ Дарія и Креза, Александръ раздѣлилъ свое войско и „тако на десноу страноу въстока поиде“ (Новаков. II гл. 17)— и доходитъ по нѣкоторомъ времени до нагомудрецовъ (гл. 22 и слѣд.), которые разказываютъ ему о себѣ (Нов. II гл. 23): „Ираклиѥ витезь сь Семирамидою Еллиномь царь бѣше, Тракіи и всои земли царствоваше, ꙗко оть васъ наричеть се Макѣдоніа. Неправде же миогѣ и оубіиствоу и крьвомѣствоу и клетвопрѣстоуплѣнию настав'шоу, сіа Ирак'лиѥ видѣвь, ꙗзыкь напьствіѥ на зем'лю тоу, рече: „Моужоу велеоумноу вь поустинѣхь изьбра себѣ житіѥ, и прѣмоудрыи вь чловѣцѣхь Соломонь глаголѥть: болѥ ѥсть чловѣкоу оть великиѥ немощти страдати, нежели чловѣчьска стоуда трьпѣти“. И се рекь Ирак'ліа, и тисоуштоу голіи сьтвори, и правиѥ и чьст'ныѥ землѥ доиде, сь женами и сь децами своими, вь голиѥ ихь поставивь. и самь сь царицею свою, неправ'ди ради и безаконіа, оть вьселѥн'ниѥ побѣже, и цѣло годиште плоувь и до землѥ сіѥ, и доиде, идеже ты, Алексен'дре, стльпове ихь и образѣ оу златѣ изваꙗнѣ видѣль ѥси, и оубо многаа лѣта царствоваше слад'ко и добрѣ Ираклія царь сь Семирамидою царицею. И оба легь, оумрѣста. Насъ же без'глав'нѣхь вь земли тои оставиште, дрѣва в'са запалив'ше, ꙗко да опеть вь непразед'ноу зем'лю не отидемо. Ми же прьв'ѣмоу зломь обычаю послѣдовав'ше, и тако богь раз'гнѣва се на насъ за безаконіа наша, и дивиѥ люди, ихь же ты видѣль ѥси, на насъ напоусти, и царствіѥ наше раз'дроушише, и многиѥ оть насъ оубыше. Мы же, не оумѣюште коуде вь вьселѥн'ноую изьлести, вь царстви же своѥмь оть дивинхь люди не могоушти жити, и вь си отокь вьселихомь се“.

Вотъ соотвѣтствующій эпизодъ новогреческой народной книги (р. 114 — 115): блаженные говорятъ Александру: ἡμεῖς ἀπὸ πολλοὺς χρόνους τὸ ἠξεύρομεν, ὅτι ἤθελες νὰ ἔλθῃς ἐδῶ νὰ μᾶς ἰδῇς, καὶ νὰ σὲ ἰδοῦμεν, ἐπειδὴ μᾶς τὸ εἶπεν ὁ βασιλεὺς Ἡράκλης μὲ τὴν Σεβίραν τὴν βασίλισσαν, ὁποῦ ἦτον βασιλεῖς τῶν Ἑλλήνων εἰς τὴν Μακεδονίαν, καὶ ὕστερα ἀφ' οὗ ἄρχισαν νὰ χάμουν οἱ Ἕλληνες τὰς ἀσελγείας των, εἶδε τὴν ἀκαθαρσίαν τους, ἔκαμε κάτεργα χοντρὰ πεντακόσια, ἐσύναξεν ὅλους τοὺς φρονίμους

Библиотека "Руниверс"

ἀπὸ τὸ βασίλειόν του καὶ ἐξέβη ἀπὸ τὸν παράνομον τόπον. Ἦλθε λοιπὸν αὐτοῦ ὅπου εἶδε τοὺς στύλους καὶ ἐκεῖ ἔζησαν καὶ οἱ δύο χρόνους πολλοὺς καὶ ἀπέθανον. Ὁ Ἡράκλης ὁ βασιλεὺς ἐπροφήτευσε καὶ εἶπέ μας τὸ ὄνομά σου καὶ πῶς θέλεις ἔλθῃ ἐδῶ, εἰς τὸν θάνατόν του ἔκαυσε τὰ καράβια ὅλα, διὰ νὰ μὴ γυρίσωμεν ὀπίσω εἰς τὸν ἁμαρτωλὸν κόσμον, ἀλλ' ἀρχίσαμεν νὰ κάνωμεν παρανομίας ὡσὰν ἤμασθεν μαθημένοι τὸν πρῶτον καιρόν, ὅθεν βλέποντας ὁ Θεὸς τὰς παρανομίας μας, ὠργίσθηκέ μας καὶ ἔστειλε τοὺς ἀγρίους ἀνθρώπους, καὶ ἐσκότωσάν μας. Ὅσον ἐγλυτώσαμεν, κατεφύγαμεν εἰς τὸ νησὶ τοῦτο (сл. болгр. нар. кн. стр. 97).

Нагомудрецы указываютъ Александру на острова блаженныхъ въ Океанѣ: тамъ обитали, по изгнаніи изъ рая, прародители, родились Каинъ и Авель, совершилось первое братоубійство и рожденъ праведный Сиѳъ. Господь извелъ Адама и Еву изъ острова во вселенную, а Сиѳа съ чадами оставилъ; „и тіи соуть нагомудрьци, родивъше же се отъ Сита, Адамоу оубо вьноуци суть". Такъ у Новаковича II гл. 24 и въ новогреческой народной книгѣ (стр. 115—116): ὁ Ἀδὰμ καὶ ἡ Εὔα εἶχαν ἐντολὴν διὰ τὸ ξύλον, ὁποῦ ἦτον μέσα εἰς τὸν παράδεισον νὰ μὴ φάγουν. ἀλλὰ παρήκουσαν τὸν λόγον τοῦ Θεοῦ καὶ ἔφαγαν, ὅθεν ἐξωρίσθηκαν ἀπὸ τὸν παράδεισον. Ἦλθον εἰς τὸν τόπον αὐτὸν, ὅπου διέτριψαν χρόνους ἑκατὸν, ἔχοντες πάντοτε τὸ βλέμμα τους πρὸς τὸν παράδεισον, καὶ ἔκλαιαν πικρά. Ἐγέννησαν δύο υἱοὺς, τὸν Κάϊν καὶ τὸν Ἄβελ. Ὁ διάβολος ἔβαλε τὸν Κάϊν καὶ ἐσκότωσε τὸν Ἄβελ τὸν ἀδελφόν του. Ἐθρηνοῦσαν πολλὰ ὁ Ἀδὰμ καὶ ἡ Εὔα διὰ τὸν φόνον τοῦ Ἄβελ. Εἶδεν ὁ Θεὸς τὸν πολὺν καὶ ἀπαρηγόρητον θρῆνόν τους, καὶ ἔστειλεν Ἄγγελον καὶ εἶπε· διὰ τί κάνετε τόσον θρῆνον καὶ ἐβαρέθη ὁ Θεὸς ἀπὸ ἐσᾶς; Ὁ Θεὸς ἀπὸ τὴν γῆν τὸν ἔπλασε, καὶ πάλιν εἰς τὴν γῆν τὸν ἀπέστειλεν, εἰς τὴν ὁποίαν ὅλοι καταντοῦν ὅσοι ἐγεννήθησαν καὶ γεννηθοῦν. Ὁ Θεὸς θέλει σᾶς δώσει ἄλλον υἱὸν τὸν Σὴθ, ἀντὶς τοῦ Ἄβελ· πλὴν εὐγῆτε ἀπὸ τὸν τόπον τοῦτον, καὶ πηγαίνετε νὰ κατοικήσετε ὅλην τὴν οἰκουμένην. Ἀφοῦ τελειωθοῦν πέντε χιλιάδες καὶ πεντακόσιοι χρόνοι, πάραυτα θέλετε ἰδῇ πάλιν τὸν Παράδισον. Μετὰ καιρὸν ἐγεννήθη ὁ Σὴθ, ἀνετράφη, καὶ ἐτεκνοποίησεν εἰς τὸ νησὶ αὐτὸ τῶν Μακάρων, οἱ ὁποῖοι Μάκαρες εἶναι ἀπὸ τὴν γενεὰν τοῦ Σὴθ (сл. болг. нар. кн. стр. 98).

2) Покинувъ мудрецовъ Александръ отправляется далѣе и доходитъ до высокаго острова (греч. болг. горы), съ котораго видитъ вдали острова блаженныхъ. Поставивъ на горѣ свою статую изъ золота, съ мечемъ въ рукѣ, показывавшей на острова, онъ снова пускается въ путь и добирается до высокой горы: „За тоуи же гороу привезань бѣше чловѣкъ вериганы гвоздѣнеми; тисоуштоу же сѣжань

Библиотека "Руниверс"

высокь бѣше и двѣ сте сѣжьнь дебель. И сего же Алексѣ́дрь видѣвь сь Македониани, подивисе. И къ семоу же не смѣюште пристоупити, поминоуше. Плачоуштоу же чловѣкоу, глась его. д. дьни слишахоу. Къ горѣ велицѣи пришьдьше, женоу великоу обрѣтоше веригами къ горѣ тои привезаноу, тисоуштоу сѣжань дльгоу и двѣ сте дебелоу; зми же великь о ногоу кѫ свиль се бѣше, и за оуста ю дрьже, не даваше ки глаголати. И .н. дьни хода прѣшьдьше, кчаніе нѣкоѥ ноуждно слышахоу и кзера великаа и пльна зміи видѣвше. И тоу моумамь мню бити, въ нихь же чловѣци грѣшѣ́ніи моучити се имоуть. До окіана рѣкы доидоше и макарѡ́нскы отокь видѣвѣ́ше; .к. бо пьприштъ оть земѣ́ѥ отстоѧхоу. И тоу Алексѣ́дрь сь вои своими станомь ста, и Алексѣ́дрь голиѥ сътворити повелѣ́ (Нов. II гл. 25; греч. н. кн. 116 — 117; болг. н. кн. 99).

3) Начало слѣдующей 26-й главы въ изданіи Новаковича представляетъ пропускъ; далѣе я сообщаю содержаніе по Кирило-Бѣлозерской рукописи № 1088, XV вѣка: кстати, какъ образчикъ ея текста.

„И вшѣ́ъ в голью Птолюмѣа с собою поимъ ко ѡстровоу бл̃жены̆ пріиде. Бѣ же въ ѡстровѣ томъ трава высока и красна ѕѣло и ѡвощіямъ оукрашена. едина оубо созрѣваху, а дроугаѧ процвѣтахоу, третіа же прозабахоу, плода̃ ихъ множество по земли лежахоу. Птици же красны по древію сѣдаще различныа и красны пѣсни поахоу, источници слаа̃кыа воды ѿ кореніа древъ тѣхъ течахоу. вноутрь же вшѣ̃ Александръ, единъ ѿ нй срѣтъ его рѣ̃: Александре, миръ тебе, брате! Ѡнже к немоу рѣ̃: вса радость да боудет. Александрже хотѣ к немоу повѣствовати, ѡнже рѣ̃: поиди въ ноутреноую и приведоу та ко старѣйшемоу нашемоу Ивантоу, ѡнже вса скажеть тебѣ ѡ животѣ твоѣ̃ и ѡ см̃рти твоеи, и ѡ прочй всѣ̆ провозвѣсть ти во истиноу. Александрже вноутрь вшѣ̃, шествіе твораше, мно̃ства много людеи тѣхъ срѣтахоу и в лице его целоваху. Александрже видѣвъ ихъ оудивисѧ, бг̃ы бо ихъ помышлаше быти а не чл̃вкы. И ведоша его ко цр̃ю своему Ивантоу. Ива̃ же бѣ по̃ древо̃ по̃ нѣкоимъ красны̆ лежа и вода блй его течаше, простерже бѣ на̃ нимъ покровъ ѿ листвіа древъ тѣхъ. Александръ же рѣ̃ к немоу: Радоуиса, Иванте рахманскы оуч̃тлю. Ивантъ же ѿвѣща рѣ̃ к немоу: многа лѣта Александроу цр̃ю неоуставнаго свѣта! что к намъ пріиде, цр̃ю перстна̃ мира его̃ ради гради матоутса и кровь изливаетса? И пріимъ его за роукоу блй себѧ посади и ѡбьемъ главоу Александровоу своими роуками и сію ѡблобызыва рѣ̃: Радуйса всѣхъ главъ глава, егда бо вѣ̃ мир пріимеши и к томоу ѿчъства своего не оузриши,

Библиотека "Руниверс"

егда вса земьскаꙗ пришбращеши, тогда и ада наслѣдиши. Сіа же Александръ слышѧ, сказаше сѣло, Ивантоу рѣ: Почто сіе слово рѣ ми? Иванже рѣ емоу: Велеоумномоу не побаѣ толковати. Александръ же рѣ к немоу: Аще повелиши да принесем ти что ѿ потребны нашй ѣ не ѡбрѣтаетсѧ в земли вашеи. Ѡни же вси ꙗко единѣми оусты рекоша: Даи же намъ, цр҃ю Александре, бесмертіе; помирали бо. Александр же к ни рѣ: ꙗко не бесмертенъ азъ есмь, каково бесмр҃тіе вамъ подамъ? И Птоломѣю рѣ, хлѣбъ чистъ и вино принести повелѣ. Ивантъ же сіе видѣ ничто не пріемъ рѣ: Не намъ пища сіа, но вамъ, мнѣ-же пища сіа ѿ древа сего есть, питіе же ѿ источника сего есть, земнорбно бо ми есть тѣло, ѿ мр҃три земли питаетсѧ, ѡдѣніе же ми есть листвіе, а оумъ нашь есть на нбсѣ. не печемся ни ѡ чемъ земны спроста; а житіе наше бестрашно есть, и на многа лѣта продлѣетсѧ. егда ѿ житіꙗ сего тлѣнна отходимъ, въ другое нетлѣнное приходимъ идѣже оумъ нашь всегда.—И ѡ сй Александръ подивй прослезивсѧ рѣ: Во истину сіи чл҃вци бж҃твеное житіе живоуще, Ивантоу рѣ: ѿкоудоу зде вселистесѧ? Ѡнже к немоу рѣ: Адамли оубо вноуци есма, ꙗкѡ и вы есте. Адамоу бо ѿсоудоу бж҃имъ повелѣніемъ ѿшѣшоу, мы шстахомсѧ зде, снбве Сифовы есма сна Адамова, егѡ вмѣсто дарова Бг҃ Авела. Рѣ же Ивантъ ко Алеѯандроу: Вы оубо пестрыа (ркп. перстыа) ризы носите и различныа пища ꙗсте и ратоующѣ ратоуеми, бьющѣ и бьеми, закалающѣ (закалаеми) подобни себѣ чл҃вци и ѿ ни закалаеми. и цр҃тва и величества ищете. и ꙗкѡ оубози чл҃вци оумираете и помышлаете всегда ѡ пленовѣ и ѡ ратѣ и ѡ кровопролитіи. егда ва не лоучитсѧ рать, тогда на дивіе звѣри находаще оубиваете ихъ. И тако тѣло свое съ дшами прелщаете и напрасно оумираете. Елицѣхже ѿ ва стыѣ мнитесѧ сй в макарискы (ркп. маририскы) ѡтоцѣ глють быти и жити. да ѿколе ты во блженыѣ во шстр҃въ вшелъ еси? (Нов. II гл. 26, стр. 87: ако ли клицехь оть вась светыхь мните, и сихь вь Макарон'скыихъ отоцѣхь мните быти и жити глаголете, да оть коле ты въ Макарон'скыи отокь дошьль кси, аште оть праведникь вашихь кого познаважи ли, ишти кда кого наидеши здѣ). Александрже к немоу рѣ: Вса глемаꙗ тобою слака ми ꙗвиша, но скажи ми како вы ражаетесѧ, понеже [же]ньска полоу в ва не вижоу? Ивантъ же рѣ: Оу на есть жены, но не соу зде, но во нно шстровѣ противоу намъ соу, на го единою сѣмо прихода к на. л҃. днъ, пакы възвращаютсѧ во свои шстровъ (Нов. l. c. p. 87: на годиноу же кь нимь приходимо кдноупить, и сь ними прѣбывше

Библиотека "Руниверс"

л. дьніи, пакы въз'вратимь се вь отокъ сь), егда кои ро"тся дѣтиць, не к томоу ць его с женою сочтаетсѧ, аще моу сн̃ъ поро"тся, трехъ лѣ взимаетъ его, ащѣ женскы полъ ро"тся, с женами пребываю. Алеѯандрже к немоу рѣ: Хотѣл бы шстровъ тои видѣти, аще вѣ оугодно есть. Ивантъ рѣ к немоу: Шстрва того доидеши, вноутрѣ ничто пмаши видѣти, до него дошед вноутрь не погладаи. не имат бо члвкъ живъ быти вноутрь погладавъ. Алексанрже сими словесы оувѣрѣ во шстровъ поиде шнъ. Сл. Нов. II гл. 26; греч. нар. кн. стр. 117—119=болг. нар. кн. стр. 99—102. Укажемъ на нѣкоторыя отличія грѣческаго текста. Въ описаніи острова блаженныхъ есть новыя подробности: Εἶχε τὸ νησὶ ἐκεῖνο πωρικὰ πολλὰ καὶ ἀναρίθμητα. Ἦτον τὸ νησὶ ἱστορισμένον μὲ εἰκόνας καὶ ἄλλα θαυμαστὰ πράγματα, τὰ ὁποῖα δὲν τὰ εἶδεν ὀφθαλμὸς ἀνθρώπου. Ὁ χαρτὸς ἐκείτετο εἰς τὴν γῆν πολὺς, καὶ εἰς τοὺς λόγχους τῶν δένδρων ἐκάθοντο πουλία περισσὰ πολλῶν λογιῶν, ὁποῦ ἐλάλοῦσαν εὔμορφα, τῶν ὁποίων ὁ κελαδισμὸς ἦτον χαρᾶς καὶ λύπης ἀνταμωμένος. Въ разговорѣ съ Эвантомъ нѣтъ вторичнаго указанія, что блаженные—потомки Сиѳа, и нѣтъ характерной просьбы: дать имъ безсмертіе. Хлѣбъ и вино приноситъ не Птоломей, а Антіохъ. На мелкія отличія я не обращаю вниманія.

4) (Александръ отправляется на островъ) «и столпъ высокъ во шстровѣ то̃ шбрѣте ꙗко гра̃ (Новаковичъ: зьдь мѣдень видѣвь вь отоцѣ томь. Сл. греч. нар. книгу: κτίσμα χαλκοῦν), и школо сего ше вноутрь возрѣти не смѣ. Боу̃ единому возможно бѣ, а члвко̃у не возможн̃. Столпъ же во шстровѣ то̃ постави высокъ зѣло, и себѧ на немъ въ златѣ сътворити повелѣ, словеса̃ греческаѧ на немь нисавъ гл̃ющa сице: Алексан̃ръ (царь) цр̃ем̃ъ весь свѣ̃ пріатъ и шстрова сего приспѣ, и ближены̃ шстровы видѣвъ и тоу бг̃и еллинсти бго̃ не шбрѣ. еллинсти̃ бзи̃ в долнѣиши̃ ада в тартарь гешны моучими соу̃ съ дїаволо̃ повеленіемъ бг̃а̃ Савашоа. Да аще кто дроугїи по мнѣ прїде во шстровъ сеи, на вса гладаи, вноутр ж̃ не гладаи. боу̃ бо единомоу возмѯжно. И вь макары шстровы воз(в)ративсѧ ко Ивантоу пристоупивъ Алексан̃ръ рѣ: Возвѣсти ми ш нагоидрецѣхъ, что преди есть. Шн же к немоу ре: Море сїе, в немже шстрова мнози наши соу̃, шкіанъ наричетсѧ и всю землю шбтиче и всѝ рѣки в него текоу̃. по шнои же странѣ городу юже зриши швощіами различными оукрашеноу, то есть Единъ ш̃ вѣ̃ нарицаетсѧ, идѣже Го̃ Бѣ̃ Савашоъ в зачало лѣто̃ рай насади и на встокѣ во Едемѣ. и тоу Адама праш̃па нашег̃ вселилъ баше. Шнже завистїю дїаволею ш̃паде, оувы мнѣ, заповѣдь бж̃ю престоупи изъ рай изгнанъ бы̃. Алексан̃рже к

Библиотека "Руниверс"

немоу рє҃: Могоу ли рай видѣти? (Новак.: Іефанѣ же кь нѣму рече: не имать доуша вь пльти соуштіа рай видѣти, горею бо....) горою великою ме҃веною wбложенъ а на҃верми его шестокрилатїе Серафими с пламанны҃ wроужіемъ стоать. но поиди, Алексан҃ре, w҃ноудоу҃ пришє҃ еси, послѣдоуи четыре рѣка҃ (Новак.: рѣкама, оть рай текоуштима, и вь вьселѣн'ною походи; инако бо видѣти не можеши. Рѣкамь бо имена соуть сіа) им же соу҃ имена Гиѡнъ, Фисонъ, Тигръ, Ефратъ. Алексан҃ръ же хота изъ wстрова изыти, и вси его сла҃ко wблобызахоуть. Алеѯан҃рже к ни҃ рє҃: Аще бы ми не скорьбь за Македонанъ, ꙗко да в чюжи҂ земля҂ не погибноуть, здѣ оубо с вами осталъ бы҂ и агг҃льское житіе съ вами пожилъ бы (Новак.: и вь в҃торѡє божіе пришьствіѥ близоу рая на зем҃ли обрѣль се быхь) и второе пришествіе близоу рая wбрѣлъ бы сѧ. Ивантъ же рє҃ к немоу: Поиди съ миро҃, Алеѯандре, всю пр҃ѣмъ землю, послѣдь и самъ въ нѭ поидеши [1]).—Сл. Новак. II гл. 26—30; греч. нар. кн. стр. 120—122; болг. нар. кн. стр. 102—104.

Разборъ сообщеннаго нами эпизода сербской Александріи можетъ привести къ нѣкоторымъ выводамъ относительно его источниковъ. Прежде всего бросается въ глаза, что нагомудрецы нашего 1-го и 3-го параграфовъ являются дублетомъ. Одни пришли на острова съ царемъ Ираклiемъ: они отвлечены, вѣроятно, отъ статуй Ирака (и Семирамиды), встрѣченныхъ Александромъ на пути въ Pseudocall. С (замѣтимъ въ текстахъ Hist. de preliis формы имени: Hercules и—Eraclius); въ италiанскомъ романѣ (Grion, p. 125) Александръ приходитъ „a un luogo molto aspro, che era tutto una pietra, nella quale eran fuggite molta gente per paura d'Eracles. Et Eracles nolli potè prendere per tutto il suo potere. Et Alessandro per suo ingegno fece tanto, che prese quell'aspro luogo e quella gente per forza". Это иное

[1]) Въ эпизодѣ объ Ивантѣ (Ivant) румынская Александрія (*Gaster*. l. c. p. 21—2) представляетъ одинъ лишній эпизодъ, не встрѣченный нами въ славянскихъ текстахъ: Ивантъ сидитъ на золотомъ престолѣ и въ золотомъ вѣнцѣ; у его ногъ золотой источникъ; зачерпнувъ въ немъ воды, онъ подаетъ кубокъ Александру: то вода юности; когда состарѣется человѣкъ и отвѣдаетъ ее, будетъ снова, какъ тридцатилѣтній. Шмидтъ сообщаетъ то же преданіе, какъ народное (l. c. p. 28—9), съ такими подробностями: будто служители Александра тайкомъ выпили эту живую воду и стали безсмертными и вѣдающими будущее, нарѣчницами, судѣцами или романицами (ursitorele), по другому повѣрью (у Шоттовъ) феями (măiestrele), что сидятъ обыкновенно на стрѣхахъ домовъ.—Въ основѣ этого сказанія о живой водѣ лежитъ эпизодъ Псевдо-Каллисѳена объ Андреѣ и Калѣ.

Библиотека "Руниверс"

представленіе, чѣмъ народъ Ираклія, удалившагося „неправды ради и беззаконія“,—какъ Рехавиты-Рахманы Зосимы.—Вторые „нагомудрецы“ называются потомками Сиѳа—представленіе, связанное, несомнѣнно, съ древнимъ преданіемъ, помѣщавшимъ ихъ вблизи земнаго рая. Въ эѳіопской книгѣ Адама разказывается, что по смерти прародителя Сиѳъ отдѣлилъ свой родъ отъ Каинова, удалившагося на западъ, а самъ остался на сѣверной сторонѣ, на горѣ у пещеры сокровищъ, гдѣ схоронено было тѣло Адамово. Сиѳъ и его потомки жили въ чистотѣ, праведности и благочестіи, не зная ни зависти, ни вражды, ни коварства, за что получили названіе дѣтей Божіихъ; земныя дѣла ихъ не занимали: они не сѣяли, не собирали жатвы, а питались плодами деревьевъ; ихъ мысли обращены были къ небу, они постоянно славословили Господа, и пѣснопѣніе ангеловъ доносилось до нихъ: они могли ихъ видѣть и слышать, потому что рай находился на небольшомъ разстояніи подъ ними и вѣтеръ приносилъ къ нимъ его благоуханія [1].—Откровенія псевдо-Меѳодія имѣютъ въ виду ту же легенду, когда говорятъ: „тогда же (по кончинѣ Адама) ѡтьлѫчися и Сиѳовъ родъ ѿ Каинова и возвѣдошѫ сърочество свое на горѫ нѣкѫю сѫщѫю прѣмо раю“ [2].

Ясно, такимъ образомъ, что народъ Ираклія и потомка Сиѳа принадлежатъ двумъ различнымъ источникамъ сербской Александріи, представляющей въ нашемъ эпизодѣ еще и другія воспоминанія, плохо помиренныя между собою и потому легко возстановимыя. Такъ напримѣръ, разказъ о Сиѳовыхъ нагомудрецахъ и ихъ царѣ Эвантѣ, несомнѣнно, разработанъ по типу гимнософистовъ Псевдо-Каллисѳена и Палладіевой статьи: ихъ игуменъ или начальникъ Дандамій повторился въ Эвантѣ; просьба о безсмертіи встрѣчается и у Псевдо-Каллисѳена (III, 6: Αἰτήσασθέ με τί θέλετε καὶ δώσω ὑμῖν.—Οἱ δὲ ἐξεβόησαν πάντες λέγοντες· Δὸς ἡμῖν ἀθανασίαν) [3]; какъ нагомудрецы сербской Александріи однажды въ году общаются съ своими женами, живущими на другомъ островѣ, такъ и брахманы Палладія—съ женами, находящимися по ту сторону Ганга.—Этотъ эпизодъ нашего текста особенно намъ интересенъ, потому что яснѣе всего обнаруживаетъ слѣды внѣшней спайки. Эвантъ говоритъ Александру, что у нихъ жены на иномъ островѣ, противу нихъ; когда Александръ

[1]) *Migne*, Dict. des apócryphes, t. I, p. 342—343.

[2]) *Тихонравовъ*, l. c. II, стр. 213—214.

[3]) Сл. Bocados de Oro, ed. *Kunst*, p. 294 (бесѣда Александра съ berhemios= брахманами) и прим. a, b; сл. ib. p. 454—5.

Библиотека "Руниверс"

обнаруживаетъ желаніе посѣтить то мѣсто, ему говорятъ, что, дойдя до него, онъ не долженъ пытаться посмотрѣть внутрь его: „не имат бо чѣвкъ живъ быти виоутрь погладавь“. Дойдя до острова, Александръ видитъ высокую мѣдную стѣну, точно городъ, но не смѣетъ взглянуть внутрь ея—ибо это возможно одному Богу!—Очевидно, все это идетъ не къ мѣстопребыванію женъ нагомудрецовъ, не дававшихъ поводу къ заявленію такой святой таинственности, а скорѣе всего къ описанію земнаго рая, которое и даетъ далѣе Эвантъ: онъ лежитъ по ту сторону Океана на горѣ, обведенъ мѣдною стѣною, и туда нельзя проникнуть смертному. — Несомнѣнно, здѣсь произошло смѣшеніе: въ одномъ изъ источниковъ сербской Александріи говорилось a) о нагомудрецахъ (сынахъ Сиѳа), которыхъ посѣтилъ Александръ, и b) о его неудачномъ хожденіи къ земному раю, обведенному мѣдною стѣною, недоступному людямъ. Подъ вліяніемъ Палладіева сказанія у нагомудрецовъ явились жены, живущія на другомъ, отдаленномъ отъ нихъ островѣ; введя эту подробность въ составъ предыдущаго источника, редакторъ не сумѣлъ распорядиться съ скопившимся у него матеріаломъ и заставилъ Александра отправиться къ брахманскимъ женамъ, окруживъ ихъ тайной и неприступною заповѣдностью земнаго рая.

Результатомъ этого сопоставленія является, что между источниками сербской Александріи находился и разказъ о хожденіи Александра къ земному раю, въ родѣ извѣстнаго, талмудическаго по происхожденію, встрѣчающагося у Низами, въ латинской обработкѣ XII вѣка, въ интерполяціяхъ французской Александріи и нѣмецкомъ отраженіи ея особаго пересказа, приписываемаго Aubry de Besançon [1]). Въ латинскомъ текстѣ повѣсти говорится, что Александръ дошелъ до рѣки Ганга, „qui et Physon, cujus origo est Paradisus voluptatis“; послѣ продолжительнаго плаванія онъ видитъ „quasi edificium civitatis mire altitudinis et longitudinis Quo cum nimia difficultate pervenientes, flumine suos impetus quodammodo propter littora cohibente sonitusque fragorem mitius producente, littoris angustia tellusque lutea secus macerlam iter pedestre vetabat. quapropter urbis latus. quod absque termino porrigebatur ab aquilone in austrum, pene triduo non absque

[1]) Alexandri Magni Iter ad Paradisum, ed. *J. Zacher* 1869; ср. *Heinemann Vogelstein*, Adnotationes quaedam ex litteris orientalibus petitae ad fabulas, quae de Alexandro magno circumferuntur (1863), p. 12—26; *Is. Lévy, Revue des études juives* I, 293—300 (1881); французскій текстъ у *P. Meyer*, Études l. c. p. 228—245; особый пересказъ легенды у *Grion*, l. c. стр. CXLIII—CXLV.

Библиотека "Руниверс"

tedio navigavere, explorantes sicubi forte pateret aditus ad ingrediendum. Macerię illius magna erat equalitas, nullis turribus seu propugnaculis in giro surgentibus, cujus tota superficies adeo veteri musco erat obducta, ut lapidum nulla appareret compositio vel junctura".— Александру не удается проникнуть внутрь, только изъ одного окошка ему подаютъ чудесный камень, перевѣшивающій всѣ тяжести и оказывающійся впослѣдствіи символомъ ненасытнаго человѣческаго глаза. Такъ толкуетъ Александру старикъ еврей, объясняющій, что городъ, имъ видѣнный, былъ земной рай: quod vidisti, o bone rex, urbs nec dici debet, nec est, sed maceria solida, et impenetrabilis omni carni, quam in terminum ulterius progrediendi statuit universorum conditor justorum spiritibus carne solutis et ibidem corporis resurrectionem prestolantibus. fruuntur autem ibi quiete opaca, quam deus illis disposuit, sed non perhenni, quoniam post judicium recepta carne cum creatore suo regnabunt in eternum [1]).

IV.

Св. Макарій и οἱ Μάκαρες.

Тотъ же образъ земнаго рая, неприступнаго, обведеннаго желѣзною и мѣдною стѣною, извѣстенъ намъ еще изъ другаго памятника, важнаго для вопроса объ источникахъ сербской Александріи, и именно для нашего эпизода: о нагомудрецахъ-Рахманахъ. Мы выдѣлили пока № 1 (нагомудрецы Ираклія), какъ принадлежавшій особому сказанію; но въ какихъ отношеніяхъ находятся другъ къ другу слѣдующія статьи: прохожденіе Александра по юдоли мытарствъ (№ 2), посѣщеніе нагомудрецовъ, сыновъ Сиѳа (№ 3), и хожденіе къ земному раю (№ 4)? Оказывается, что эта связь не случайная: она встрѣчается въ отреченномъ сказаніи о трехъ инокахъ, обрѣтшихъ св. Макарія. Въ греческой минеѣ (подъ 23-мъ октября) житіе св. Макарія отдѣлено отъ хожденія къ нему иноковъ; но вѣроятно, что первоначально второе служило введеніемъ къ первому [2]), какъ въ старославянскомъ

[1]) *Zacher* l. c. p. 21, 29.

[2]) См. латинскій текстъ житія въ Acta SS. Oct. X, a. d. 23 Oct., p. 566—71 и у *Migne*, Patrol. lat. t. LXXIII, p. 415—26 (ср. ibid. прим. къ житію Макарія, 1 и 4).—Идеѣ о хожденіи трехъ иноковъ къ Макарію отвѣчаетъ отчасти содержаніе старопталіанской легенды о хожденіи трехъ монаховъ при-евератскаго монастыря въ земной рай. Ср. Leggende del secolo XIV (Firenze, 1863, v. II p. 489 слѣд.) и Scelta di curiosità letterarie № 106.

Библиотека "Руниверс"

текстѣ, извѣстномъ въ спискѣ XIV вѣка [1]) и въ томъ же столѣтіи знакомомъ на Руси, судя по ссылкѣ на него архіепископа Новгородскаго Василія.

Сообщаемъ содержаніе легенды, на сколько она касается нашего вопроса.

Три инока, Сергій, Ѳеофилъ и Оугинъ (Торж. Евгень, лат. Hyginus) отправляются въ монастырь Асклипія (лат. Asclepion), что въ Месопотаміи сирской: они хотятъ странствовать всю жизнь, лишь бы дойдти до мѣста, «гдѣ прилежи͡ тъ͡ бо к земли". Посѣтивъ Іерусалимъ и поклонившись его святынямъ, они обращаются „на въсто͡ слн͡ца", переходятъ Тигръ и вступаютъ въ Персію, „на поля ч҃та, іманемъ Асиа, ідѣ҃ убиі стыіи Меркуреи Оульяна парвата (παραβάτης)". Въ Ктезифонѣ они поклонились тѣламъ трехъ св. отроковъ, Ананіи, Азаріи и Мисаила, и вступили въ Индію. Здѣсь они зашли въ одну пустую хижину, хозяева которой застаютъ пришельцевъ и, считая ихъ соглядатаями (исходатаи, Торж. сходатаи), собираютъ противъ нихъ толпу. Иноковъ хотятъ сжечь въ домѣ, затѣмъ запираютъ ихъ, намѣреваясь уморить голодомъ и жаждой; но когда, по прошествіи десяти дней, застаютъ ихъ въ живыхъ, выгоняютъ ихъ прутьями изъ своей страны. По дорогѣ они питаются древесными плодами. Далѣе идетъ уже страна чудесъ: путники вступаютъ въ землю песьихъ главъ (лат. terram Chananaeorum ingressi sumus, qui ab aliis Cynocephali dicuntur [2]), которые ихъ не тронули: „по вса мѣста себѣ живуть, межи камень гнѣзда сносивше". (Торж. кьждо на камени нази, гнѣзда сотворише). Далѣе на востокъ страна „трепастокъ" (лат. Pichiti, Pygmaei [3]), которые, завидѣвъ странниковъ, бѣгутъ отъ нихъ; затѣмъ высокая гора,

---

[1]) Изд. *Тихонравовымъ* l. c. II. стр. 59—77 (два текста); Пам. старин. русск. лит. III, стр. 135—142. Далѣе приводится текстъ Паисіевскаго сборника (XIV в.), Тихонравовъ, стр. 59—66; пропусвъ (стр. 65) восполняется текстомъ XVII в., ib. стр. 66—77, и сербскимъ торжественникомъ XIV вѣка. Сл. *А. Попов*ъ, Описаніе рукописей и т. д. Хлудова, стр. 396—404.

[2]) Сл. замѣтку *P. Meyer* о старофранц. Chenelins, Canineus въ *Romania* № 27, p. 441—444; „terram Chananaeorum et Amazoniturum" у Елисея, *Zarncke*, Der Priester Iohannes, 2-e Abth., p. 127; „сѣ҃сѣиnї" (сѣрсѣиnї) въ румынской Александріи, сл. *Gaster* l. c. p. 27, прим. 2.

[3]) Варіантъ: Pytici, можетъ быть, подъ вліяніемъ Pithikus Іосиппона въ эпизодѣ, отвѣчающемъ Pseudocall. II, c. 32 (сл. *Gagnier*, l. c. II, c. 10, стр. 69), но слич. далѣе латинскій текстъ Хожденія: ipsa vero gens in statura et altitudine sua non plus quam mensuram *unius cubiti* habebat.

Библиотека "Руниверс"

«Ідѣже ни слнце сіяетъ, ни древа есть, ни трава растетъ, развѣ гадъ и зміямъ свистающи и съкрегующи зубы, аспиды, ехидны і (в)оували і василистъі . і видѣхомъ іныя змія многи імъ имани не вѣдѣхомъ". Заткнувъ уши воскомъ, чтобы не слышать нестерпимаго змѣинаго свиста, и спустившись съ горы, иноки вступаютъ „въ землю пусту і велику" и область темной мглы, откуда выходятъ, руководимые сначала оленемъ, потомъ голубемъ.

„Ідохомъ по голуби томъ і ѡбрѣтохомъ столпъ и комару і баше написано ѡкр҃тъ еа: си столпъ поставилъ есть Александро цр҃ъ Макидоньский іда ѡ҃ Халкидона [1]) і побѣдивъ Персы, воевалъ есть до сего мѣста, се са наре҃ тма. Да аще хощет҃ кто мину҃ се мѣсто, то на лѣво їдет, вса бо водъі мира сего ѡ҃ лѣвое странъі прихода҃; да іже са тѣхъ водъ надержит҃, то їде҃ на свѣтъ, а на десную страну су҃ горы велики҃ і ѣзеро полно змій (лат. Absidam istam fecit Alexander Philippi Macedo imperator, quando persecutus est Darium regem Persarum. Qui terram hanc ingredi voluerit, ad manum sinistram vadat; ad dextram enim terra invia et rupibus et angustiis est plena). То баше҃ написа҃ на столпѣ Александровѣ". Путники идутъ въ лѣвую (?) сторону, среди смрада (и тьмы?); „і прихожаше нъı гла҃ ꙗко і кони ржуще, і приближихомъ҃ на гла҃тъ, і видѣхо҃ езеро полно змии, ꙗко҃ баше не видѣ҃ъ воды по҃ ним (Торж. по҃ зміями) і слъıшахомъ плачь и стенанье люто. і҃ баше ѣзеро то полно чл҃вкъ. і преде инъ (Торж. ны) гла҃ съ нб҃сѣ гл҃а: си суть лю҃е ѡсуженіи, ти бо са лю҃е ба҃ ѡ҃вергоша. да мъı҃(с) страхом҃ і трепетомъ минухом҃ ѡзеро то ѡсуженоѣ. і пошѣ҃ мало дни и оузрѣхо҃ горѣ. в. мужа (Торж. видѣхо҃ двѣ горѣ высоцѣ и тоу видѣхомь моужа; лат. т.: venimus inter duos montes altissimos, et in medio ipsorum apparuit nobis homo longa statura) велика в҃ высоту р҃. локоть. і баше привазанъ веригами медан҃ѣи по всему тѣлу, і пламань палаше҃ все тѣло

---

[1]) Халкидонъ загадоченъ на столько же, на сколько въ Historia de preliis, гдѣ онъ страннымъ образомъ введенъ въ эпизодъ о пришествіи Александра въ Римъ (*Kinzel*, Zwei Recensionen der Vita Alexandri Magni, p. 11). Сирійскій переводъ Псевдо-Каллисѳена называетъ Халкидонъ вмѣсто Карѳагена Pseudocall. I, 30: слич. также варіантъ Pseudocall. A: Χαλκηδονίους вм. Καρχηδονίους. Сл. *Woolsey*, Notice of a life of Alexander the Great, translated from the syriac by Rev. Dr. *J. Perkins*, въ *Journ. of the American Oriental society*, IV v. (1854), p. 369 и 388. Сирійскій текстъ Александріи приготовляется къ изданію Бедже҃мъ.

Библиотека "Руниверс"

его, і вопиꙗше гл҃мъ великі҃. їсхожаше гл҃а мужа того до. д҃. поприщь. І оувидѣвши ны мужетъ нача плакаті҃, прикланꙗсѧ к земли, і баше ѡпалено все тѣло ѐго. Мы҃ ѿ страха покрꙑвше лице своѐ минухом гору ту, їдохо҃ дн҃и. ѐ. слꙑшаще гл҃а его, і припрохо҃ стремнѣ мѣсте и глубоцѣ і видѣхо҃ ту жену стоꙗщу простовласу (лат. т.: capilli autem hujus mulieris ad terram usque descendebant) на краи глубинꙑ і зми҃ баше великъ ѡбилъсѧ ѡколо еѧ ѿ ногу і до главꙑ, і хотѣ рещи слово едино, і не даша еи, і заі҃маше еі҃ оуста хобото҃ і бꙑшеть ю по оустомъ хобото҃ да не гл҃ть ничто҃. їнїже гл҃ѧси їсхожаху їс пропасти глубоки народа многа їзъ глубинꙑ вопиюще: помилуи ны гн҃и, помилуі҃ ны сн҃е б҃а вышн҃а. Мы҃ ѿ страха того (їдохо҃) рекохо҃: гн҃и ѡпрости жи[во]тъ нашь, ꙗко видѣста ѿ҃чи наши чю҃са сиꙗ, и тру҃ (Торж. соудь) на земли сеі҃. і паки поі҃дохо҃ ѿ мѣста того плачюще҃ и ѡбрѣтохо҃ мѣсто другоѐ і древа баху смоковнꙑмъ ѡразо҃ на мѣсте томъ, і на древехъ тѣхъ множество народа птиць (Торж. множство птиць небн҃ый) тмꙑ тмами баше, і рѣ҃ їхъ баше ꙗко члв҃ча, і вси единмъ гл҃мъ вопиꙗхꙋ҃ гл҃ще: ѡстави ны вл҃ко і помилуі҃ ны гн҃и, мы бо согрѣшихо҃ па҃ всем твари. Мы҃ оуб҃зи҃ та чю҃са слꙑшавше і видѣвше і поклонихомѣ҃ гн҃и гл҃ще: гн҃и ави на҃ чюдеса сиꙗ҃, ꙗже ѣсмъ видѣли і слꙑша҃. і молащимъ намъ б҃у і раступися земла прѣ҃ нами, ізи҃ гл҃а гл҃: ни есть вꙑ дано видѣ҃ дѣлъ тѣхъ, но їдѣте путѣ҃ свои҃. Мы же минухомъ на мѣсто їное страшно і ту видѣхо҃ мужи .д҃. ре ѡраза же їхъ нѣ҃ сказа҃, і баше же прѣ҃ сті҃ми тѣми мужи ѡружье ѡстро і стрегуще҃ твердо, змиеве со ехидна҃ ѡбьстоꙗхуть ѡколо. А се .д҃. мужи вѣнца носаща на глава҃ краснꙑ і в рукахъ своіхъ имуща палица злата [1]). Да мы оубозии падохомъ на земли ниць і воспихомъ: помилуі҃те, мужи нб҃ни, да бꙑша не прикоснули сѧ на҃ (Торж.: да би се на҃.... не прикосноуле) ѡружьꙗ та. і ѿ҃вѣща (Торж.—ше) намъ гл҃ще: Въсташа (Торж. вьставше) їдѣте путемъ своимъ, аможе вꙑ ведѐ (Торж. Гъ҃); не боіт҃е ничтоже. не владѣеть бо ва҃ ѡзлоб҃и ѡроужье се, мы бо і҃ блюде҃ до дн҃и суднаго. Да мы

[1]) Лат. текстъ: devenimus ad locum honorabiliorem ac speciosissimum, in quo quatuor viri stabant, habentes figuras veneerabiles, tamquam mira pulchritudine decoras, ut credi aut fari omnino facile vix possit: isti siquidem coronas aureas, gemmis et lapidibus honorifice compositas, in capitibus habebant, et in manibus palmas aureas gestabant; ignis vero maximus ac terribilis ante illos, et spathas acutissimas ante se tenebant. Nos vero ista cernentes, ac valido perculsi timore, exclamavimus etc.

Библиотека "Руниверс"

то слышавше прекр҃тившеся і поклонихомъ҃ і прославихомъ Ба҃ і минухо҃ ꙗко дша не имуще. Ідохомъ днїи. м҃. і в напрасн҃ѣ и гла҃ слышахо҃ъ народа многа зѣ҃ і насытихомъ҃ блг҃оуханьа многа і ѡ҃ гла҃ поющ҃и блгооухан'но многа (Торж. и идохо҃. м҃ дн҃ии вь напрас'н҃ѣ гла́сѣ и приде поющь наро҃ м'ногь, и блг҃оуханиꙗ и тьмиꙗна многа зѣло насытихомьсе ѡ҃ мира и ѡ҃ гла҃ поющихь). сонъ нъı ѡбуморн, да мъı оуспохо҃ і въстахо҃, ѡзи слнпатн҃ оустомъ нашн҃ ѡ҃ блг҃ости на҃ меду їста. і въставше і видѣхомъ цр҃квь і баше ꙗ(ко) ледана (лат. т.: quae tota quasi crystallina videbatur) і велика, посре҃же цр҃кви тоа ѡлтарь знаменованъ, посреди҃ ѡлтара того источнн҃ знаманань водн҃ыи бѣлъ, ꙗко млеко (лат. т.: et de altari aqua egrediebatur, quae lactis candidissimi colorem habebat); і видѣхо҃ ту мужи страшнъı зѣ҃ ѡкр҃тъ водъı стоꙗща і поꙗхуть а҃гльскиꙗ пѣ҃. і видѣвше то мъı трепещюще ꙗко мр҃тви, да единъ ѡ҃ нй҃ красенъ зѣ҃, да тот нъı ре҃ приступн҃: се есть источнй҃ бесм҃ртенъ, ѡжидаꙗ праведнъıх насладитн҃. Мъı҃ то слышахо҃ і прославихомъ ба҃ і минухо҃ мѣсто то со страхо҃, і в радости велицѣи быхо҃, ꙗко бъ҃ вѣсть, но баху оустнѣ наша ѡслажени ѡ҃ водъı тоа, до .г҃. го дн҃и слипахуса оустнѣ наша ꙗко ѡ҃ меду. і доі҃дохомъ рѣки великиа зѣло і насытихомъ҃ блг҃ости і прославихомъ ба҃. і къ .ѳ҃. тому часу сущю і сѣдохо҃ на брезѣ оу рѣки тоа, размъıшлающе, что створи҃ рецѣ сеи. і баше по рецѣ тои свѣтъ седмирицею сего свѣта свѣтлѣе. і помолихомъ҃ на .д҃. странъı земла. И баху вѣтри в земли тои їнаци тварью: западнъıи вѣтръ зеленъ тварью, а ѡ҃ востока сл҃ицю ѡ҃ раа рыжъ вѣтръ ꙗко і желтъ, а ѡ҃ полуноци вѣтръ ꙗко кровь ч҃та, а ѡ҃ полудневнъı҃а странъı вѣтръ бѣлъ, ꙗко снѣгъ. слн҃це теплѣе сего .з҃. миждъı, і древа болши сихъ і краше і частѣıши і (едино) плодовито, а другое немуще пло҃, і горы външе сихъ і земла .б҃. лицѣ їмущи, червьлена і бѣла, і птици всѣми лици".

Латинскій текстъ здѣсь значительно разнится отъ славянскаго; послѣ видѣнія мужей, пѣвшихъ ангельскую пѣснь (voces cherubim), онъ продолжаетъ такимъ образомъ: Nos autem haec intuentes, timuimus valde. Ipsa vero ecclesia a parte meridiana similitudinem habebat lapidis prasini pretiosi, a parte australi colorem sanguinis mundissimi praetendebat, a parte autem occidentali tota erat alba instar lactis et nivis candidissimae: stellae super ipsam ecclesiam plus quam hujus mundi sidera lucebant, sol ibi septempliciter lucebat et calebat, quam in hujus terrae regione; alpes et arbores omnes plus altae, et folia ac fructus plures ac dulciores, quam istius mundi arbores habe-

Библиотека "Руниверс"

bant; sed et aves coeli aliter resonabant, quam aves terrae istius: omnis autem terra ipsa duplices habebat colores, id est, una facies alba erat ut nix, et alia rubicundissimis coloribus erat. Nos igitur stupentes et in eodem loco adorantes, ac ipsos viros salutantes, cum timore egressi, coeptum iter arripere festinavimus.

Путники испытываютъ далѣе нападеніе какихъ-то малорослыхъ людей (бахоу низци зѣло; лат. текстъ: non autem inter illos longiorem praeterquam unius cubiti staturam vidimus) и идутъ (латин. текстъ, выше ничего не говорившій о рѣкѣ, прибавляетъ теперь: transeuntes flumen), питаясь ладиной, „ни с локо҃ ѡ̃ земла в высоту; да то҃ грызуще проідохомъ землю ту, і баше ладина та бѣла, но паче меду иста (лат. текстъ: herbas candidas et albas, sicut lac, dulces velut mel, altas vero usque ad unum cubitum) [1]); да ту ладину грызуще ізмѣнихомъ си лица своа“. Тропа приводитъ ихъ къ пещерѣ, отдохнувъ въ которой, они видятъ идущаго къ нимъ старца, страшнаго видомъ, покрытаго съ ногъ до головы бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами, служившими ему вмѣсто одежды. Это—св. Макарій, который, узнавъ о намѣреніи иноковъ увидѣть, гдѣ „прилежитъ н҃бо к земли», такъ поучаетъ ихъ: „ча̂ моа милаа, не можетъ чл҃вкъ плотанъ ѡ̃ женьска грѣха родивса того мѣста видѣ҃, ни тѣхъ чю҃съ ни силъ Гс̃ а̂ ба̂ нашего Іса̂ Хр̂а. Аз бо грѣшнѣи мно҃ ѡкушахсѧ і плакахсѧ къ бу҃ да бы҃ видѣлъ чюда тѣ, і рече ми анг҃лъ: Не прогнѣва҃ гс̃ а̂ ба̂ своего, создавша̂ та, нихтоже можеть того мѣста доити; Да и азъ рекѡ҃: почто гн҃ мои? и рс̃ ми: ѡ̃ сего мѣста есть поприщь. к҃ ідѣже еста. в҃. града, единъ желѣзе҃ а другои мѣданъ, да за тѣма градома раи бие҃, ідѣже былъ. а҃. е Адамъ съ Евгою на въстокъ слнца̃ за раемъ, да ту н҃бо прилежи҃, і внѣ раа поставилъ есть Бг҃ъ хиравими і сирафими, ѡружье пламан҃но в рука̂ імуіци стрещи раа і древа животна. сут же та хиравѣ҃ ѡ̃ ногу до пупа чл҃вци, а перси львовы, а глава іною тварью, а рупѣ ꙗко ледани, і ѡружье пламан҃но в рука̂ іхъ, внѣ стѣнъ градны҃, да не можеть ту внити никто҃. суть бо ту силы страшныа мнози зѣло і ликове анг҃льстиі ту пребываю҃, і помаси н҃бнии ту су҃ ідѣже почиваеть н҃бо. .Сл. лат. текстъ: De isto, inquit, loco viginti sunt milliaria usque ad paradisum, ubi Adam et Eva in deliciis erant. Posuit denique Dominus ante eundem paradisum cherubim cum ignea rhomphea atque

[1]) Ср. во франц. Хожденіи Александра къ земному раю, *Meyer*, Études, p. 233: Si *blanche i voit l'erbe com se il fust negié.*

Библиотека "Руниверс"

volubili, ad custodiendum vitae lignum; et habet a pedibus usque ad umbilicum similitudinem hominis, pectus sicut pectus leonis, manum sicut crystallum, habens gladium ut servet Paradisum, ne aliquis illuc proximare valeat.

Св. Макарій разказываетъ инокамъ о своемъ пришествіи въ пустыню, объ искушеніи, въ которое былъ введенъ коварствомъ дьявола, и о покаянномъ искусѣ, который онъ наложилъ на себя. Побесѣдовавъ съ святымъ, странники собираются въ обратный путь; два льва, прислуживавшіе св. Макарію, доводятъ ихъ „до темныѣ мѣстъ. биимъ повелѣньемъ дошедше wбрѣтохомъ столпъ и комару александровъ". Здѣсь львы покидаютъ ихъ, и они, вступивъ въ Персію и перейдя Тигръ, находятъ христіанъ.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что чудеса, описанныя въ Хожденіи, привнесены въ него изъ Александріи, но получили новую христіанскую и, быть можетъ, ранѣе того, библейско-талмудическую окраску, что̀ притянуло въ составъ разказа и новыя подробности—по аналогіи.

Сличеніе нашей легенды съ письмомъ Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю у Псевдо-Каллисѳена, LBC, гл. 31—41, докажетъ это положеніе:

Вступивъ въ Индію, иноки Хожденія встрѣчаютъ прежде всего „Песьи главы"; они живутъ „межи камень гнѣзда сносивше"; далѣе: трепастокъ, лат. Pichiti, Pygmei. Сл. Pseudocall. II, c. 31: διελθὼν δὲ τὸν Ἀμόρρουν ποταμὸν Ἀλέξανδρος, κόσμον ἄλλον κατέλαβε. Ἀνθρώπους μὲν εὗρεν εὐτελεῖς καὶ λίαν σμικροτάτους ὡς εἶναι τὸν τέλειον ἄνθρωπον [οὐχὶ ἀλλὰ] πῆχύν τε καὶ ἥμισυ (= Pychiti); c. 32: ἄνθρωποι παμμεγέθεις; c. 33: ἄνθρωποι... ἄγριοι ἐπὶ πετρῶν καθεζόμενοι; c. 34: μετὰ οὖν ὁδὸν ἡμερῶν τριῶν ὁ Ἀλέξανδρος κατέλαβε χώραν Κυνοκεφάλων; c. 37: κακεῖθεν ἀναχωρήσας Ἀλέξανδρος ἦλθεν εἴς τινα τόπον, ἔνθα ἦσαν ἄνθρωποι κυνοκέφαλοι.

Иноки вступаютъ въ область мглы, гдѣ не сіяетъ солнце, водятся страшныя змѣи и гдѣ имъ служатъ руководителями—олень и голубь. Это руководительство развито изъ болѣе древняго мотива, полузабытаго въ нашемъ текстѣ, какъ увидимъ далѣе. Сл. Pseudocall. II c. 38: τὸν δὲ ἥλιον οὐκέτι ἐθεώρουν, ἀλλὰ μαῦρον τὸν ἀέρα ἐπὶ ἡμέρας δέκα.

Голубь выводитъ путниковъ къ столпу и камарѣ съ надписью, что ихъ поставилъ здѣсь Александръ, идя отъ Халкедона (?) и побѣдивъ Персовъ; „военалъ есть до сего мѣста, се са нарѣ тма"; кто хочетъ выдйти на свѣтъ, пусть направится влѣво, а на

Библиотека "Руниверс"

право будутъ великія горы и озеро, полное змѣй. Иноки идутъ вправо (въ ркп., очевидно, ошибочно: на лѣвую страну): ихъ первая встрѣча—озеро съ змѣями. Таинственный міръ лежитъ по ту сторону Александрова столпа; посѣтивъ его, они снова возвращаются къ нему, къ „темнымъ мѣстамъ". Сл. Pseudocall. II с. 39 (C): ἐκεῖθεν οὖν πάλιν ὥδευσαν Ἀλέξανδρος μετὰ τοῦ στρατοῦ αὐτοῦ· καὶ ἀναχωρήσαντες εἰς τόπον τινὰ ἐπίπεδον· μέσον δὲ πεδιάδος φάραγξ ἦν διαχωρίζουσα· ἐκείνην οὖν Ἀλέξανδρος γεφυρώσας ἔγραψεν ἐν αὐτῇ γράμματα Ἑλληνικὰ καὶ Περσικὰ καὶ Αἰγυπτιακά· αἱ δὲ γραφαὶ διηγόρευον ταῦτα· „ἐνθάδε Ἀλέξανδρος εἰσελθὼν ἤγαιρεν ἀψίδα, ἐν ᾗ πανστρατὶ διαβάς, ἄχρας θέλων γαίας καταλαβεῖν, ὡς τῇ προνοίᾳ ἔδοξε". Καὶ διὰ τριῶν ἡμερῶν ἦλθεν εἰς τόπους ὅπου ὁ ἥλιος οὐκ ἔλαμπεν· ἐκεῖ οὖν ἐστὶν ἡ καλουμένη Μακάρων χώρα". Побывавъ въ странѣ блаженныхъ, Александръ возвращается, Pseudocall. II гл. 41 (LC): ὡς δὲ ἔφθασαν εἰς τὴν ἀψίδα ἣν ἔκτισεν Ἀλέξανδρος, ἔγραψε πάλιν ἐν αὐτῇ οὕτω διὰ γλυφίδος· οἱ βουλόμενοι εἰσελθεῖν ἐν τῇ τῶν Μακάρων χώρᾳ δεξιᾷ πορευέσθωσαν". Ближе къ фразѣ хожденія надпись въ текстахъ Historia de preliis: посѣтивъ палаты солнца и услышавъ вѣщанія солнечнаго и луннаго деревьевъ, Александръ велитъ поставить два мраморныхъ столба и написать на нихъ: „Alexander Philippi Macedonis erexi post confusionem Darii regis Persarum et Pori regis Indorum. Quicunque vult ulterius pertransire, manu sinistra tendat. Qui autem manu dextra processerit, multa inveniet obstacula, que impedient gressum suum" [1]).

Слѣдующая далѣе подробность Хожденія, что путники идутъ среди смрада и къ нимъ доносится „гла҃ ꙗко і кони ржуще" — непонятна безъ сопоставленія съ извѣстнымъ намъ эпизодомъ Pseudocall. II с. 39: Александръ вступилъ въ страну блаженныхъ и, не находя пути среди темноты, слѣдуетъ совѣту одного старика: отправиться далѣе, взявъ съ собою кобылицъ либо ослицъ, оставивъ ихъ жеребятъ въ лагерѣ. Это даетъ ему возможность впослѣдствіи выбраться изъ мрака, потому что ржанію кобылицъ отвѣчало такое же ржаніе жеребятъ, опредѣлявшее направленіе обратнаго пути: ἐξῆλθε (Александръ) πρὸς τὴν φωνὴν τῶν θηλειῶν ἵππων (B. τῶν πώλων καὶ τῶν μητέρων αὐτῶν)· καὶ οὕτως τῆς παννυχίου ἐκείνης ἐξήεσαν γῆς.

За приключеніемъ съ кобылицами помѣщенъ въ Псевдо-Каллисѳенѣ эпизодъ о безсмертной водѣ. Между тѣмъ и другимъ мы встрѣчаемъ

[1]) *Kinzel*, Zwei Recensionem etc., стр. 26.

Библиотека "Руниверс"

въ Хожденіи нѣсколько новыхъ образовъ, имѣющихъ характеръ мытарствъ и интересныхъ для вопроса объ источникахъ сербской Александріи.

Прежде всего—озеро, полное змѣй, терзающихъ грѣшниковъ, въ него ввергнутыхъ; великанъ, прикованный цѣпями къ горѣ и объятый пламенемъ; жена, стоящая на краю стремнины и обвитая змѣей: все это встрѣтилось на пути Александра, лишь въ нѣсколько другомъ порядкѣ (великанъ, жена, озеро)—въ извѣстномъ намъ эпизодѣ сербской Александріи. Сл. выше нашъ § 2.

Далѣе путники Хожденія видятъ множество птицъ на деревьяхъ, вопіявшихъ: „Помилуй насъ Господи, ибо мы согрѣшили паче всей твари". Я полагаю, что такая же подробность находилась и въ подлинникѣ сербской Александріи, судя по греческой (=болгарской) народной книгѣ, отнесшей эту черту позднѣе, въ описаніе острова блаженныхъ: на деревьяхъ сидитъ множество красивыхъ птицъ, которыхъ пѣніе представляло смѣшеніе ликованія и печали. Очевидно, этотъ образъ не идетъ къ острову блаженныхъ, но понятенъ въ связи съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ Хожденія. Представленіе души птицей, довольно распространенное, часто примѣнялось въ христіанской символикѣ къ душамъ чистилища. Петръ Даміани говоритъ о душахъ, освободившихся отъ чистилищныхъ мукъ и летавшихъ птицами; св. Патрика онѣ сопровождаютъ стаями, черныя и бѣлыя; въ путешествіи св. Брандана райскія птицы—ангелы, продолжавшіе повиноваться Люциферу, когда онъ отпалъ отъ Господа; не погрѣшившіе гордыней, но и не безгрѣшные, почему они и наказаны менѣе другихъ.

Брандань пристаетъ къ берегу, на которомъ высилось дерево

491. Itant blanche cume marbre,
E les fuiles mult sunt ledes,
De ruge blanc taceledes.
De haltece par vedue
Muntout le arbre sur la nue;
Des le sumet desque en terre
La brancheie mult la serre
E ledement s'estent par l'air,
Umbrajet luin e tolt le clair,
Tute asise de blancs oiseus:
Unches nul hom ne vit tant beus.

На вопросъ Брандана одна изъ птицъ отвѣчаетъ:

520. Angele sumes,
E enz en ceil jadis fumes,

Библиотека "Руниверс"

E chaimes de halt si bas
Od l'orguillus e od le las,
Par superbe que relvelat;
Vers sun seignur mal s'eslevat.
Cil fut sur nus mis à meistre
De vertuz Deu nus dut maistre;
Puroc que fut de grand saveir,
Si nus estout à meistre aveir.
Cil fud mult fels e superbe,
En desdein prist la Deu verbe.
Puis que out ço fait, lui servimes
E cum anceis obedimes:
Pur ço sumes deseritet
De cel regne de veritet;
Mais quant iço par nus ne fud,
Tant en avum par nus vertud;
N'avum peine si cum cil
Qui manerent orguil cum il.
Mal n'en avum fors sul itant
La Majested sumes perdant,
La presence de la glorie
E devant Deu la baldorie.
Le nun del leu que tu quesis,
C'est *as oiseus li Paraïs*.

Подъ вечеръ птицы поютъ:

558. Od dulces voices mult halt crient
E enz en le cant Deu mercient [1]).

Я полагаю, что птицы Хожденія не имѣютъ иного значенія, какъ то, какое даетъ имъ легенда о св. Брандапѣ, представляющая и другія интересныя параллели къ разбираемому нами памятнику. Сл. v. 1212 слѣд. мученіе Іуды Искаріотскаго (эпизодъ, встрѣчающійся въ продолженіи Huon de Bordeaux и, съ нѣкоторыми измѣненіями, въ Baudouin de Sebourc)—и въ Хожденіи образъ прикованнаго къ скалѣ грѣшника; v. 1538 и слѣд. пустынника Павла—и Макарія. Обращу еще вниманіе (v. 1642 слѣд.) на описаніе земного рая, обведеннаго стѣною; на облако мрака, черезъ которое приходится держать путь къ нему; на райскіе камни, которые подаетъ Брандану ангелъ: мотивъ изъ Iter ad Paradisum.

---

[1]) *Fr. Michel*, Les voyages merveilleux de st. Brandan. Paris 1878. Сл. еще vv. 578—579, 850 и слѣд., 1624 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

Въ старо-италіанскомъ романѣ объ Ugo d'Alvernia [1]) и его хожденіи въ адъ, мы также встрѣчаемъ эпизодъ о райскихъ птицахъ—падшихъ ангелахъ—и новую иллюстрацію источниковъ сербской Александріи.

Уго приходитъ къ морю, загороженному съ трехъ сторонъ горами; и горы и море въ пламени, изъ смрадныхъ водъ поднимаются страшные вопли и показываются мучимыя души. Это не адъ—туда другой путь, а юдоль мытарствъ: si è un ramo d'inferno, ma non è di quel fondo, ma è d'una sembianza che n'è in tutto il mondo, massimamente in Cicilia, in verso Bolsena e in altri diversi luoghi..., ...; è questo lato che tu vedi, con molti altri che ne sono, fatti per dispetto di quegli che piovvono dal cielo. E sappi che una parte di loro n'andarono in abisso, nel cientro della terra, altri ne rimasono in terra, altri in aria si stanno.—Услышавъ эти объясненія отъ посланца Божія, Уго переносится съ помощью двухъ грифовъ на ту сторону моря, видитъ дьяволовъ, мучающихъ души Хама, Фараона, Саула и Ирода—и далѣе находитъ трехъ пустынниковъ, изъ которыхъ одинъ оказывается его двоюроднымъ братомъ. Еще юношей онъ покинулъ тайкомъ отеческій домъ, чтобы посѣтить святыя мѣста Рима, Кампостельи и Іерусалима, а затѣмъ поселился съ товарищами въ пещерѣ на горѣ, гдѣ пристало Ноевъ ковчегъ. Уго и пустынники взбираются на вершину горы и видятъ здѣсь множество звѣрей, сошедшихся мирно на поклоненіе ковчегу: дѣло было въ пятницу—день освященный воспоминаніями о прекращеніи потопа, рожденіи и страданіи Господа.—Разставшись съ пустынниками, Уго идетъ по теченію райской рѣки (Нилъ), проходитъ долины, населенныя львами и

---

[1]) Эпизодъ о посѣщеніи ада изъ Storia di Ugo d'Alvernia Андрея да Barberino былъ списанъ для меня въ 1866 — 1867 годахъ по рукописи Magliab. Palch. II № 58 и 59, по которымъ весь романъ изданъ недавно трудами *Zambrini* и *Bacchi della Lega* (Scelta di Curiosità letterarie, disp. 188 и 190, Bologna, 1882, 2 vv.). Существуютъ двѣ франко-венеціанскія версіи этого памятника; подробный анализъ одной, по рукописи Падуанской семинаріи, сдѣлалъ Crescini (*Propugnatore*, v. XIII, parte II, p. 44 — 69); туринскій текстъ разобранъ былъ Graf'омъ (*Giornale di Filologia romanza* I стр. 92 слѣд.) и изданъ недавно *Renier*, въ Scelta di curiosità letterarie № 194 (Bologna, 1883). Обращаемъ читателя къ подробному предисловію проф. Renier. Слѣдующія въ текстѣ цитаты сдѣланы по изданію *Zambrini* и *Bacchi della Lega*, v. II, p. 11—12, 32—34, 36; мой списокъ представляетъ нѣкоторыя разночтенія.

Библиотека "Руниверс"

слонами, которые его не трогаютъ, и наконецъ встрѣчаетъ долину птицъ: онѣ сидятъ на деревѣ такъ густо, что не видно листвы, покрыли весь лугъ, черныя какъ галки (mulacchie); e facevano tra loro si dolce canto, che era cosa maravigliosa a udire, e dicevano quel Salmo: Ecce quam bonum et quam jucundum fratres in unum. Изумленный Уго молитъ Господа открыть ему тайну этого зрѣлища; одна изъ птицъ объясняетъ ему: sappi che noi siamo di quelli spiriti che piovenno dal cielo; ma noi non fumo di quella intenzione che sono quegli, che furono condannati da Dio in inferno: chè quando venne il punto della grande ruina, il cielo tutto tremò; allora tutti gli angioli e arcangioli, dominazioni, cherubini, serafini, potestate furono ripieni di paura, quando udirono la voce di Dio; e tutti traboccarono, molti ve ne rimasero nell'aria, molti in terra, gli altri andarono nel profondo, e noi, che siamo qui, fumo di quelli che rimanémo in terra, e non faciano bene nè male; ma pure è nostra intenzione di riavere con Dio qualche accordo del peccato; e per questo ci tiene a questo modo: così in terra e in mare ci stiamo, come l'onde ci menano così andiamo; tutto dì peschiamo, e nulla possiamo prendere, e a questo modo portiamo pena del nostro peccato. Bene è vero che un dì della settimana noi restiamo di fatiche, e questo è la domenica, e non abbiamo [travaglio] quando usciamo dal mare in questo luogo, ed è paradiso nostro. E così staremo qui oggi e stanotte, e domane, quando il giorno schiarirà, ci partiremo e sosterremo quello che è a noi destinato; e allora si raddoppiano le pene nostre, come è laude di Dio.

Птицы провожаютъ нѣкоторое время Уго, передъ которымъ Нилъ вскорѣ закрылся темнымъ облакомъ: trovò una nugola come tenebre scura, ed era come un muro, e alta e tagliata insino all'aria, e divideva la luce. Qui Ugo vidde dappresso uno pilastro di muro, dov'erano lettere intagliate, che dicevono: Uomo, che vai per questa parte, non passare davante, se tu non sei pieno di fede e dirittura e fuori di peccato; e se altro fai, caro ti costerà.—Приготовивъ себя молитвой и покаяніемъ, Уго пускается въ путь, и послѣ трехдневнаго пути во мракѣ выѣзжаетъ на прелестный, цвѣтущій лугъ: обѣтованную землю (terra santa di promissione), гдѣ жилъ Адамъ до грѣхопаденія. Путь идетъ снова вдоль по Нилу, на гору, гдѣ Уго, напившись воды и поѣвши злаковъ, засыпаетъ; проснувшись, онъ чувствуетъ себя здоровымъ, легкимъ, какъ перушко, и видитъ передъ собой двухъ цвѣтущихъ старцевъ: Илью и Эноха, которые даютъ ему три

Библиотека "Руниверс"

драгоцѣнныхъ райскихъ плода [1]) и указываютъ дальнѣйшій путь, опять-же черезъ область мрака, окружающаго земной рай.

Въ Хожденіи нашихъ иноковъ, за эпизодомъ о птицахъ, слѣдуетъ также встрѣча съ четырьмя вооруженными вѣнчанными мужами, но ихъ значеніе другое: они не обитатели рая, а стоятъ стражами на границѣ, гдѣ кончается юдоль мученій и открывается путь въ другую: онъ идетъ среди пѣнія и благоуханій, которыя наводятъ на путниковъ сонъ; очнувшись, они видятъ большую, точно хрустальную церковь, изъ которой струится источникъ, въ немъ вода бѣлая „ꙗко млеко“; вокругъ стоятъ мужи, поющіе ангельскую пѣснь: „се есть источникъ безсмертенъ“; отъ той воды уста путниковъ слипаются точно отъ меду, такъ она сладка.

Послѣ долгаго эпизода, удалившаго насъ отъ маршрута Александріи, мы снова возвращаемся къ нему—и къ той же главѣ романа— потому что безсмертный источникъ Хожденія представляется мнѣ лишь христіанскою перелицевкой другаго: πηγὴ διαυγής, ἧς τὸ ὕδωρ ἤστραπτεν ὡς ἀστραπή· ἦν δὲ ὁ ἀὴρ ἀκεῖνος εὐώδης καὶ πάνυ γλυκύτατος; мертвая рыба, опущенная въ него, оживаетъ (Pseudocall. II LBC, c. 39), поваръ Александра и Кала, побочная дочь царя, напившись той воды, становятся безсмертными: она—нереидой, онъ—морскимъ демономъ (l. c. LC, c. 41). Сладость воды напоминаетъ и гл. 42: τὸ δὲ ὕδωρ ἐκεῖνο (озера) μέλιτος αὐθόμοιον ἦν.

Слѣдующее затѣмъ описаніе великой рѣки, необычнаго свѣта, надъ нею разлитаго, солнца болѣе теплаго, горъ и деревьевъ болѣе

---

[1]) Сл. Илію и Эноха въ Baudouin de Sebourc: герой и его спутникъ Полибанъ находятъ рай за мрачнымъ моремъ, за хрустальной стѣною, и въ немъ чудесный плодъ, возвращающій юность, дѣлающій юношей стариками (?).—Замѣтимъ, что въ Хожденіи къ земному раю, интерполированномъ въ нѣкоторые тексты французской Александріи, Евмениду (Emenidus), посланному Александромъ, подаютъ не камень, какъ въ талмудической легендѣ, а яблоко (pome):

Quant iert contrepesée, li rois pau vivera.

Тексты, не знающіе этой интерполяціи, ограничиваются тѣмъ что Александръ:

Sur une pierre vit l'ueil d'un homme gisant.

(*Michelant*, 498, 1). Мейеръ полагаетъ, что замѣна *глаза* (=талмудическій камень) *яблокомъ* принадлежитъ интерполятору, нашедшему первый въ своемъ текстѣ и—въ разказѣ о Хожденіи, въ которомъ, ради разнообразія, замѣнилъ одинъ образъ другимъ. Если такъ, то сходную подробность о райскомъ плодѣ въ Baudouin de Sebourc и Ugo d'Alvernia пришлось бы объяснить изъ интерполированной Александріи—а это вопросъ. Сл. *Meyer*, Études, l. c. p. 217, 234, 246.

Библиотека "Руниверс"

высокихъ, чѣмъ на землѣ и т. д.—отзывается общими мѣстами, служащими къ поэтическому описанію Эдема. Странный образъ разноцвѣтныхъ вѣтровъ встрѣчается и въ житіи Андрея Юродиваго, въ описаніи рая, представившагося во снѣ святому. На эту параллель указывали уже другіе [1]): подулъ благоуханный вѣтеръ, какъ бы отъ кадила, которымъ ангелы кадятъ на небеси передъ престоломъ Божіимъ; послѣ этого подулъ другой духъ, дыханіе его было какъ дымъ, видъ же его бѣлъ какъ снѣгъ.... Потомъ возсталъ отъ сѣвера еще вѣтеръ, „болій и черменъ видѣніемъ, а зарями якоже солнцу зашедшю"; деревья начали колебаться тихо, какъ волны, испуская благоуханіе.... Переставъ этотъ третій духъ, и настала великая тишина.... внезапно началъ отъ узкія страны краснообразнаго онаго лика дыхати духъ, издавая прекрасное благоуханіе. Садъ колебался и испускалъ благоуханіе мосхоса.... Умолчалъ четвертый духъ, и сады не двигались.— Въ латинскомъ текстѣ Хожденія тѣ же цвѣта примѣнены не къ вѣтрамъ, а къ чудесной церкви.

До сихъ поръ интересъ разказа возрасталъ, хотя и не равномѣрно, въ одномъ направленіи: чувствовалось приближеніе къ земному раю. Нападеніе какихъ-то малорослыхъ людей на путниковъ является въ этой связи необъяснимымъ диссонансомъ, тѣмъ болѣе, что тотчасъ послѣ того они обрѣтаютъ—Макарія, то-есть, блаженнаго, нагого, одѣтаго лишь своими волосами, то-есть, нагомудреца. Отъ него земной рай всего въ 20-и поприщахъ: онъ за желѣзной и мѣдной оградой (въ лат. текстѣ этой подробности нѣтъ), охраняется херувимами и серафимами, и ни одинъ смертный не можетъ его видѣть.—Мы все еще на почвѣ Александріи, по ту сторону надписи, которую поставилъ Александръ: въ странѣ блаженныхъ, ἡ καλουμένη μακάρων χώρα.

Предложенный разборъ даетъ намъ право на нѣсколько выводовъ.

1) Авторъ Хожденія трехъ иноковъ, Сергія, Ѳеофила и Игина воспользовался какимъ нибудь христіанизованнымъ пересказомъ Посланія Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю (Pseudocall. II гл. 31—41), и именно разказомъ о Хожденіи въ страну блаженныхъ, τῶν Μακάρων, съ которыми сблизилъ по типу и имени пустынножителя св. Макарія.

---

[1]) *Сахаровъ*, Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древне-русской письменности, стр. 221, 225 и стр. 223 прим. 1.

Библиотека "Руниверс"

2) Редакторъ сербской Александріи (и ея греческаго подлинника) воспользовался для своего эпизода о нагомудрецахъ нѣсколькими источниками:

a) сказаніемъ о нагомудрецахъ, какъ народѣ царя Ираклія;

b) какимъ, нибудь сказаніемъ, сходнымъ по типу съ тѣмъ, которое было въ рукахъ и у автора Хожденія, судя по слѣдующему совпаденію плана:

Сербск. Александрія.	*Хожденіе.*
α) великанъ, прикованный къ горѣ	α) озеро съ змѣями
β) женщина, прикованная къ горѣ	β) великанъ, прикованный къ горѣ
γ) озеро съ змѣями	γ) женщина, привязанная на краю стремнины
δ) (райскія птицы)	δ) птицы, какъ образъ мытарствъ
ε) нагомудрецы, потомки Сиѳа	ε) нагомудрецъ Макарій
ζ) земной рай, обведенный неприступной стѣною.	ζ) земной рай, неприступный за желѣзной и мѣдной оградой.

c) эпизодомъ Псевдо-Каллисѳена, либо Палладіевою статьей о брахманахъ, ихъ начальникѣ Дандамін и женахъ на другомъ островѣ. Этотъ эпизодъ былъ, какъ мы видѣли, неловко введенъ въ составъ bε, что̀ произвело издавна запутанность въ изложеніи, встрѣчающуюся какъ въ старыхъ текстахъ сербской Александріи, такъ и въ новогреческой народной книгѣ.

Интересна въ разобранномъ эпизодѣ сербской Алекѕандріи и Макаріева житія послѣдовательность мытарствъ и земнаго рая: это послѣдовательность Данте, помѣщающаго земной рай на вершинѣ горы чистилища. Въ посланіи Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю, которое мы не разъ привлекали къ сравненію, путь идетъ сначала среди чудовищъ и диковинныхъ народовъ—къ странѣ блаженныхъ съ ея источникомъ безсмертія, пока вѣщія птицы съ человѣкоподобными лицами не останавливаютъ завоевателя (II с. 40; сл. Новак. кн. II гл. 30). Въ письмѣ къ Олимпіадѣ (Pseudocall. III с. 27—29), представляющемся мнѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ дублетомъ къ предыдущему, Александръ сообщаетъ о томъ, что посѣтивъ страну кинокефаловъ, безголовыхъ, шестирукихъ и т. п. людей и чудныхъ звѣрей, онъ присталъ къ острову „солнечнаго града:„ πύργοι δὲ ἦσαν δώδεκα χρυσίῳ καὶ σμαράγδῳ ᾠκοδομημένοι. Καὶ τὸ τεῖχος τῆς πόλεως ἦν ἐκ λίθων Ἰνδικῶν· ἧς καὶ τὸ περίμετρον ἦν ὡσεὶ σταδίων ἑκατὸν εἴκοσι“; посреди драгоцѣнный жертвенникъ съ изображеніемъ колесницы и возницы; ἰδεῖν δὲ αὐτὰ οὐκ ἦν ῥᾴδιον διὰ τὴν ὀμίχλην.—Эѳіопскій жрецъ

Библиотека "Руниверс"

солнца велитъ путникамъ удалиться отъ того мѣста; они идутъ далѣе во мракѣ и приходятъ къ Низейской полянѣ (по эмендаціи Цахера вм. Λύσον λιμένα), гдѣ на высокой горѣ „εἶδον οἰκίας καλὰς χρυσοῦ καὶ ἀργύρου γεμούσας· εἶδον δὲ καὶ περίβολον μέγαν ἐκ λίθου σαπφείρου, ἔχοντα ἀναβαθμοὺς ρν' καὶ ἄνωθεν ἱερὸν στρόγγυλον ἔχον στύλους ζ' σαπφείρου καὶ ἀναβαθμοὺς ρ'"; посреди храма на золотомъ ложѣ лежитъ мужъ въ шелковомъ одѣяніи, съ закрытымъ лицомъ; чудесный камень самосвѣтъ разливаетъ повсюду сіяніе; изъ золотой клѣтки птица вѣщаетъ человѣческимъ голосомъ: „Ἀλέξανδρε, παῦσαι λοιπὸν τῷ θεῷ ἀντιτασσόμενος, καὶ ὑπόστρεφε εἰς τὰ ἴδια μέλαθρα καὶ μὴ προπετεύου ἀναβαίνειν εἰς οὐρανίους ὁδούς".

Я съ умысломъ остановился на этихъ подробностяхъ, интересныхъ для исторіи христіанскихъ передѣлокъ Александріи, въ которыхъ чудовищные народы и звѣри обращались въ фантасмагорію мытарствъ, страна блаженныхъ приготовляла видѣнія рая и наново примѣнялись—вѣщія птицы, видѣнія солнечнаго града и драгоцѣнныя палаты Низейской поляны.

Въ связи съ этимъ стоитъ мое сравненіе эпизода о нагомудрецахъ въ сербской Александріи съ §§ 5—7 нашей схемы изъ Pseudocall. C: брахманы (II, 35) очутились нагомудрецами Ираклія, приключенія l. II, c. 36—37 дали матеріалъ для чистилищныхъ видѣній; таинственный островъ, съ котораго слышатся какіе-то голоса (c. 38)—отвѣтилъ бы обители потомковъ Сиѳа.—Въ италіанскомъ романѣ Александръ приходитъ сначала къ оксидракамъ-гимнософистамъ, а далѣе къ рѣкѣ Физонъ, переправиться черезъ которую ему мѣшаютъ гиппопотамы и крокодилы; люди по ту сторону рѣки, будучи опрошены, называютъ себя брахманами (Abrigamani); у нихъ царь Dindimo[1]).

А. Веселовскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) *Grion*, l. c. p. 132 слѣд.

Библиотека "Руниверс"

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ЛѢТОПИСИ ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА.

Основная задача предлагаемаго изслѣдованія—опредѣлить время возникновенія первоначальной Новгородской лѣтописи. Но такъ какъ, по замѣчанію Срезневскаго, „вопросъ о томъ, какимъ временемъ начинались древнія лѣтописи о событіяхъ Новгородскихъ..... можетъ быть рѣшенъ только по предположеніямъ“ [1]), то мы сочли возможнымъ лишь привести нѣсколько данныхъ и высказать нѣкоторыя соображенія, могущія подтвердить одни предположенія о началѣ Новгородской лѣтописи, и опровергнуть другія. Прежде однако, чѣмъ приступить къ разбору данныхъ Новгородскихъ и не Новгородскихъ лѣтописей касательно разсматриваемаго вопроса, считаемъ нужнымъ разсмотрѣть тѣ предположенія и мнѣнія о древности Новгородскихъ лѣтописей, какія были высказаны въ нашей исторической литературѣ.

Патріархъ русской исторической науки, В. Н. Татищевъ, въ своей „Исторіи Россійской“, говоря о Несторѣ, что этотъ лѣтописецъ „много древностей читалъ“ и составилъ свою лѣтопись „не со словъ, но съ какихъ-либо книгъ и писемъ“, указываетъ на лѣтопись Іоакима Новгородскаго, какъ на историческій памятникъ, доказывающій истинность того положенія, что „безсомнѣнно прежде Нестора и задолго писатели были“ [2]). Затѣмъ, „основываясь на томъ, что при описаніи введенія христіанства въ Новгородѣ, отрывокъ лѣтописи употребляетъ глаголъ въ первомъ лицѣ: „и егда пріидохомъ..... мы

[1]) *И. И. Срезневскій.* Изслѣдованія о лѣтописяхъ Новгородскихъ. *Извѣстія Акад. Наукъ по 2-му отд.*, т. II, стр. 20.

[2]) Исторія Россійская, I, 7 и 29.

Библиотека "Руниверс"

же стоянхомъ на торговои странѣ, ходихомъ по торжищамъ и улицамъ, учахомъ люди елико можахомъ..... и тако пребыхомъ два дни нѣколико сотъ креста" (Исторія Россійская, т. I, стр. 39) и на припискѣ въ началѣ тетради: „святитель Іоакимъ написа", Татищевъ признаетъ ея авторомъ перваго Новгородскаго епископа Іоакима" [1]). И такъ, по мнѣнію Татищева, древнѣйшая, дошедшая до насъ лѣтопись есть лѣтопись, составленная въ Новгородѣ первымъ епископомъ Новгородскимъ Іоакимомъ, который умеръ въ 1030 году [2]).

Вполнѣ сходно съ мнѣніемъ Татищева о древнемъ происхожденіи Іоакимовской лѣтописи мнѣніе П. А. Лавровскаго; въ своемъ „Изслѣдованіи о лѣтописи Якимовской" онъ обращаетъ вниманіе на то мѣсто этого памятника, на которомъ Татищевъ основываетъ свое мнѣніе о его составителѣ, и приходитъ къ тому заключенію, что „кто бы ни былъ по имени и по званію авторъ второй половины лѣтописи Якимовской, былъ ли то епископъ Іоакимъ, или другой кто, но то, надѣемся, несомнѣнно, что онъ былъ близокъ къ эпохѣ, имъ описанной, и если не былъ современникомъ самъ крещенія Новгородцевъ, то зналъ о немъ отъ лицъ, бывшихъ тамъ или слышавшихъ отъ очевидцевъ" [3]).

П. М. Строевъ, въ предисловіи къ „Софійскому Временнику", указывая на то, что „честь перваго бытописателя русскаго принадлежитъ Нестору, монаху Кіевопечерскаго монастыря, жившему во второй половинѣ XI столѣтія", замѣчаетъ, что хотя „нельзя отнять честь перваго лѣтописателя у сего Печерскаго инока, но нельзя также и отрицать совершенно, чтобы не было и другихъ, ему современныхъ. Въ Новгородѣ, Смоленскѣ, Полоцкѣ, и иныхъ городахъ знатнѣйшихъ тогдашней Россіи были люди, безъ сомнѣнія, столь же любопытные, какъ и Несторъ" [4]). Такимъ образомъ, по мнѣнію Строева, Новгородская лѣтопись могла существовать во второй половинѣ XI столѣтія; но была ли эта лѣтопись начальною, древнѣйшею Новгородскою лѣтописью, или уже однимъ изъ ея продолженій, никакихъ опредѣленныхъ соображеній о томъ у Строева не находимъ; на основаніи того мѣста предисловія къ „Софійскому Временнику",

---

[1]) *Лавровскій*, Изслѣдованіе о лѣтописи Якимовской, стр. 82.

[2]) «6538..... преставися прьвыи архиепископъ Іакымъ Корсунянинъ въ Новгородѣ». П. С. Р. Л., т. XV, стр. 146.

[3]) *Лавровскій*, Изслѣдованіе о лѣтописи Якимовской, стр. 82—83.

[4]) Соф. Врем., изд. 1821 г., предисловіе, стр. VI и IX.

Библиотека "Руниверс"

гдѣ говорится, что „богатство нашей исторіи заключается наиболѣе въ лѣтописяхъ, или историческихъ запискахъ, продолжающихся почти непрерывно чрезъ девять (IX—XVII) столѣтій“ [1]), можно только предполагать, что Новгородскую лѣтопись конца XI столѣтія Строевъ не считалъ за древнѣйшую, первоначальную.

М. П. Погодинъ, упоминая о краткихъ запискахъ, которыя, „вѣроятно, велись (въ Новгородѣ) и сохранились при церкви святыя Софіи“, прибавляетъ: „Можетъ быть, тотъ началъ ихъ вести, который по извѣстію, сохранившемуся въ Никоновской лѣтописи [2]), подъ г. 1030, написалъ: „преставися Новогородской епископъ Акимъ, и бяше ученикъ его Ефрѣмъ, иже ны учаше [3])“ (П. С. Р. Л. т. IX, 79). Изъ этого краткаго, но вѣрнаго замѣчанія можно заключить, что Погодинъ относилъ начало краткихъ записей новгородскихъ къ первой половинѣ XI столѣтія.

И. И. Срезневскій, составляя свое мнѣніе о времени возникновенія лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ, не имѣлъ подъ руками двухъ позднѣйшихъ списковъ I-й Новгородской лѣтописи (Коммиссіоннаго и Толстовскаго) и притомъ не обратилъ вниманія на извѣстіе о крещеніи Новгорода, которое, отсутствуя въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, имѣется во многихъ лѣтописяхъ позднѣйшаго происхожденія [4]), а также на предисловіе Софійскаго Временника, которое сохранилось въ Толстовскомъ спискѣ I-й Новгородской лѣ-

[1]) Тамъ же, стр. X.

[2]) Также въ Сое. I (П. С. Р. Л., V, стр. 136), въ Твер. (П. С. Р. Л., XV, стр. 146), въ Лѣтописи по Архивскому сборнику (Новгородскія лѣтописи, изд. 1879 г., стр. 2), въ Краткомъ Лѣтописцѣ Новг. владыкъ (тамъ же, стр. 130).

[3]) *М. П. Погодинъ*, Новгородскія лѣтописи. *Изв. 2-го отд. Акад. Наукъ*, т. VI, стр. 234.

[4]) I-я Новгор. лѣт. по спискамъ Ком., Толст. и Акад. (послѣдній—въ *Продолженіи Др. Рос. Вивліоѳики*, ч. II, стр. 310—311); Софійская I-я лѣт. (П. С. Р. Л., V, 121); Лѣтопись по сборнику Архивскому (Новгородскія лѣтописи, изд. 1879 г., стр. 1 и 2); Краткій лѣтописецъ Новгородскихъ владыкъ (тамъ же, стр. 130); Лѣтописецъ Новгородскій церквамъ Божіимъ (тамъ же, стр. 172—173); Архангелогородскій лѣтописецъ, стр. 34 (по изд. 1781 г.); Воскресенская лѣт. (П. С. Р. Л. VII, 313); Тверская лѣт. (П. С. Р. Л., XV, 114); Псковская I-я лѣт. (П. С. Р. Л., IV, 175); Никоновская лѣт. (П. С. Р. Л., IX, 63—64, 64—65); Сказ. о Русск. Врем. (I, 51—52)—указаніе на два послѣдніе источника взято изъ труда *К. Н. Бестужева-Рюмина* «О составѣ русскихъ лѣтописей», Прил. I, стр. 22.

Библиотека "Руниверс"

тописи [1]) и въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ лѣтописяхъ (во всѣхъ спискахъ Соф. I-й лѣт.: П. С. Р. Л., V, 86—87, во всѣхъ спискахъ Воскр. лѣт.: П. С. Р. Л., VII, 266—267 и въ Тверской лѣт.: П. С. Р. Л., XV, 26—28). Поэтому, при всей своей замѣчательной наблюдательности, Срезневскій усумнился въ возможности когда-либо отыскать начало Новгородской лѣтописи [2]). Но высказывая такое сомнѣніе, и въ силу его не видя возможности разрѣшить „вопросъ, въ какое время начата была Новгородская лѣтопись въ первый разъ", Срезневскій упомянулъ только, что „изъ числа новгородскихъ событій, замѣченныхъ въ лѣтописяхъ, есть нѣсколько не только изъ X вѣка, но и до X", и на основаніи разсмотрѣнія этихъ извѣстій, сдѣлалъ слѣдующее предположеніе: „Нельзя не заключить, что лѣтописи Новгородскія начинались годами этого отдаленнаго времени и заключали въ себѣ не только краткія указанія, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и кое-какія подробности". Далѣе Срезневскій говоритъ, что „событія записывались въ Новгородѣ скоро послѣ того, какъ случились, не только въ XII вѣкѣ, но и въ XI и даже въ X". Сопоставляя это послѣднее положеніе почтеннаго ученаго съ другими его заключеніями, а именно, „что въ одно и то же время ведены были русскія лѣтописи въ разныхъ мѣстахъ различныя" [3]), „что древнѣйшія лѣтописи велись въ Новгородѣ и Кіевѣ", и что „въ X вѣкѣ до Владиміра Святаго были у насъ лѣтописцы" [4]), мы видимъ, что существованіе первоначальной лѣтописи, состоящей изъ погодныхъ замѣтокъ, „безжизненныхъ по изложенію, безсвязныхъ по взаимному соотношенію" [5]), Срезневскій допускалъ въ

---

[1]) Погодинъ въ своемъ превосходномъ трудѣ «Новгородскія лѣтописи» (*Изв. Акад. Наукъ, по 2-му отд.*, т. VI, стр. 219—220), упоминая о началѣ Новгородскаго лѣтописнаго свода, говоритъ, что то начало, которое «сохранилось въ Толстовскомъ спискѣ..... было и въ прочихъ (то-есть, въ Синодальномъ, Академическомъ; Коммисіоннаго списка Погодинъ не имѣлъ подъ рукою). Нѣтъ никакого права предполагать, что этого начала тамъ не было».

[2]) «Такъ первые 120 листовъ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ лѣтописей Русскихъ утрачены на всегда. Одного и, можетъ быть, самого важнаго пособія для рѣшенія вопроса о содержаніи древнѣйшаго періода Новгородскихъ лѣтописей нѣтъ и, какъ кажется, послѣ тщательныхъ изысканій Я. И. Бередникова, нѣтъ навсегда» (*Срезневскій*, Изслѣдованія о лѣтописяхъ Новгородскихъ. *Изв. Акад. Наукъ, по 2-му отд.*, т. II, стр. 20).

[3]) Тамъ же, стр. 23.

[4]) *И. И. Срезневскій*, Памятники X-го вѣка до Владиміра Святаго. *Изв. Акад. Наукъ по 2-му отд.*, т. III, стр. 63 и 66.

[5]) Тамъ же, стр. 52.

Библиотека "Руниверс"

Новгородѣ и въ Кіевѣ одновременно, въ X вѣкѣ до Владиміра Святаго.

С. М. Соловьевъ полагалъ, что начальная Новгородская лѣтопись возникла „единовременно съ начальною южною или Кіевскою лѣтописью, и замѣтилъ, что „на основаніи извѣстія (о смерти Новгородскаго епископа Іоакима) мы имѣемъ полное право отнести составленіе Новгородской начальной лѣтописи къ XI вѣку“ [1]).

Весьма сходно съ мнѣніемъ Соловьева мнѣніе преосв. Филарета, который, указавъ на то, что „въ Новгородской лѣтописи подъ 1030 г. читается: „и бѣше ученикъ его Ефрѣмъ, иже ны учаше“, полагалъ на основаніи этихъ словъ, что „старшій Новгородскій лѣтописецъ былъ одинъ изъ учениковъ блаженнаго Ефрема“ [2]). Упомянувъ затѣмъ о лѣтописи Іоакимовой, Филаретъ замѣчаетъ, что „близость ученика Ефремова къ епископу Іоакимову сама по себѣ указываетъ на вѣроятность того, что въ Іоакимовой лѣтописи сохранилось многое изъ записокъ ученика Ефремова“; но въ заключеніе своего отзыва о древнѣйшей Новгородской лѣтописи Филаретъ говоритъ, что „къ сожалѣнію, при нынѣшнемъ видѣ Іоакимовой лѣтописи, какъ и другихъ Новгородскихъ лѣтописей, остается довольствоваться только предположеніями и догадками“ [3]).

Н. И. Костомаровъ въ своихъ „Лекціяхъ по русской исторіи“ обратилъ вниманіе на очевидные признаки современности лѣтописца событію, описываемому въ I-й Новгородской лѣтописи подъ г. 1136 [4]) (это событіе означено точно по днямъ), а также на распространенную форму изложенія, и потому замѣтилъ: „Кажется достовѣрнымъ, что именно съ этого времени начинается собственно Новгородская лѣтопись. Тутъ лѣтописецъ начинаетъ непрерывную исторію, а все, что внесено въ лѣтопись прежде этого событія, взято или изъ церковныхъ замѣтокъ, или изъ особыхъ записокъ, писанныхъ не для того, чтобы предать памяти прошлыя событія, а для особыхъ цѣлей“ [5]). Въ другомъ мѣстѣ того же изслѣдованія г. Костомаровъ, указывая на драгоцѣнное для насъ упоминаніе о существованіи въ Новгородѣ древнихъ лѣтописей, имѣющееся въ одной позднѣйшей лѣтописи

---

[1]) *С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи, III, стр. 119 и 121 (по изд. 1857).

[2]) *Филаретъ*, Обзоръ русской духовной литературы, стр. 15.

[3]) Тамъ же, стр. 16.

[4]) П. С. Р. Л., т. III, стр. 7.

[5]) *Н. И. Костомаровъ*, Лекція по русской исторіи, стр. 63.

Библиотека "Руниверс"

новгородскаго происхожденія [1]), говоритъ, что „извѣстіе это подтверждаетъ для насъ существованіе древнихъ лѣтописцевъ новгородскихъ и вѣрно въ старину ихъ было много, когда говорится о нихъ во множественномъ числѣ [2])".

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, въ своемъ превосходномъ трудѣ „О составѣ русскихъ лѣтописей", подобно Срезневскому, относитъ существованіе лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ къ X вѣку до Владиміра Святаго; такъ, по мнѣнію г. Бестужева-Рюмина, извѣстіе „о поѣздкѣ Ольги въ Новгородъ и о знаменіяхъ ея въ той землѣ" [3]) записано, вѣроятно, въ Новгородѣ; извѣстіе о приходѣ Новгородцевъ просить князя у Святослава едва ли не новгородскаго происхожденія: „аще не поидете к намъ, то налѣземъ князя собѣ" [4]) напоминаетъ новгородскую гордость; сжатая форма разговора—если только на этомъ можно основываться—такъ и просится въ Новгородскую лѣтопись; но самое важное то, что Кіевлянина едва ли могли заинтересовать эти подробности". „Походъ на Болгаръ 6493 г., судя по первенствующей роли Добрыни: „съглядахъ колодникъ, и суть вси в сапозѣхъ; симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ" [5]) также могъ быть записанъ въ Новгородѣ" [6]). Въ другомъ мѣстѣ того же изслѣдованія [7]) г. Бестужевъ-Рюминъ замѣчаетъ еще, что лѣтописаніе въ Новгородѣ началось рано, такъ какъ еще подъ г. 6538 мы читаемъ въ нѣсколькихъ лѣтописныхъ сборникахъ: „преставися архіепископъ Акимъ Новгородскій, и бяше ученикъ его Ефремъ иже ны учаше". И такъ, существованіе лѣтописныхъ записей въ Великомъ Новгородѣ г. Бестужевъ-Рюминъ полагаетъ возможнымъ отнести къ X вѣку до Владиміра Святаго, при чемъ, вмѣстѣ съ Погодинымъ, преосв. Филаре-

---

[1]) Въ Лѣтописи по Архивскому сборнику подъ г. 6929 (1421): «Того же лѣта бысть вода вельми велика на Волховѣ, и снесе 20 городенъ великого мосту, мѣсяца апреля 21. Слышахомъ отъ древнихъ повѣдающе писаніе, паче же извѣстно увѣдахомъ прочитающе старыи лѣтописци, о ноществіи водномъ, еже бысть въ Великомъ Новѣгородѣ въ древняя лѣта» (Новгородскія лѣтописи, изд. 1879 г., стр. 46).

[2]) *Н. И. Костомаровъ*, Лекціи по русской исторіи, стр. 68.

[3]) Лѣтопись по списку Лаврентія, 58—59; всѣ цитаты изъ этой лѣтописи приводятся мною по изданію 1872 г.

[4]) Тамъ же, стр. 67—68.

[5]) Лѣтопись по списку Лаврентія, стр. 82.

[6]) *Бестужевъ-Рюминъ*, О составѣ русскихъ лѣтописей, стр. 49—50.

[7]) Тамъ же, стр. 62.

Библиотека "Руниверс"

томъ и Соловьевымъ, обращаетъ вниманіе на временной характеръ 6538 г. о епископѣ Ефремѣ.

Затѣмъ г. Разсудовъ, въ статьѣ „Нѣсколько словъ по вопросу о первыхъ русскихъ лѣтописцахъ“ [1]), вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ г. Лавровскаго относительно подлинности Іоакимовской лѣтописи, говоритъ, что „спеціальное изслѣдованіе по этому предмету г. Лавровскаго показало довольно ясно, что только первая половина этой лѣтописи (то-есть, Іоакимовской) подложна и составлена въ гораздо позднѣйшее время; подлинность же второй половины Іоакимовской лѣтописи доказывается главнымъ образомъ тѣмъ, что чрезъ сличеніе съ нею становятся совершенно понятными многія мѣста самой лѣтописи Нестора. За глубокую ея древность и вмѣстѣ за ея автора, какъ за современника и очевидца нѣкоторыхъ описываемыхъ имъ событій, говоритъ и извѣстное въ ней выраженіе: „мы же стояхомъ на торговой сторонѣ“ [2]) и т. д. За Іоакима, какъ автора сказанной лѣтописи, можетъ еще, по нашему мнѣнію, довольно сильно говорить и слѣдующее въ ней мѣсто: „посажа (Рюрикъ) по всѣмъ градомъ князи отъ Варягъ и Славянъ, самъ же применовася князь великіи, еже Греческіи Архикраторъ, или Василевсъ“ [3]). Подобное объясненіе могъ считать нужнымъ только Грекъ, и въ данномъ случаѣ, если не самъ Грекъ Іоакимъ, то кто нибудь изъ сопровождавшихъ его греческихъ и болгарскихъ священниковъ“ [4]). Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Разсудова, древнѣйшая Новгородская лѣтопись была составлена первымъ Новгородскимъ епископомъ Іоакимомъ. Но съ этимъ мнѣніемъ трудно, согласить другое мнѣніе того же изслѣдователя, а именно, что „лѣтопись Новгородская начала вестись, если не раньше, то во всякомъ случаѣ въ одно время съ Несторовою лѣтописью, въ концѣ XI в.“ [5]). Какимъ образомъ древне-новгородская лѣтопись, написанная, по мнѣнію г. Разсудова, Іоакимомъ, слѣдовательно, не позже 1030 года, могла быть современна съ Несторовою лѣтописью, составитель которой „долженъ былъ появиться не ранѣе второй половины XI вѣка“ [6]). Если же

---

[1]) *Московскія Университетскія Извѣстія*, 1868 г., № 9.

[2]) *Татищевъ*, Исторія Россійская, т. I, стр. 39.

[3]) Тамъ же, стр. 34.

[4]) *Разсудовъ*, Нѣсколько словъ по вопросу о первыхъ русскихъ лѣтописцахъ. *Моск. Унив. Извѣстія*, 1868 г., стр. 769—770.

[5]) Тамъ же, стр. 769.

[6]) Тамъ же, стр. 759.

Библиотека "Руниверс"

полагать, что лѣтопись Новгородская появилась раньше лѣтописи Кіевской, то возникаетъ недоумѣніе: какимъ это образомъ въ Кіевѣ, не смотря на болѣе раннее появленіе въ этомъ городѣ христіанства, чѣмъ въ Новгородѣ, возникли лѣтописныя записи позднѣе, чѣмъ въ Новгородѣ.

Г. Яницъ, авторъ изслѣдованія „Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки", также замѣчаетъ, что „за исключеніемъ Руси Кіевской, Новгородъ есть та единственная старая Русская земля, что̀ несомнѣнно завѣщала потомству самостоятельные лѣтописные памятники, которые, въ ихъ большинствѣ, захватываютъ, какъ сдается при бѣгломъ обзорѣ, самый древній періодъ русской исторіи"; въ другомъ мѣстѣ того же изслѣдованія г. Яницъ опять говоритъ, что „Новгородъ не могъ не имѣть своего древняго лѣтописанія, и лѣтописаніе это не могло не захватывать самыхъ древнихъ исконныхъ преданій Сѣверной Руси" [1]). Что касается времени возникновенія новгородскаго лѣтописанія, то у г. Яница мы находимъ лишь слѣдующія неопредѣленныя указанія: „Тѣ краткія отмѣтки, коими открывается для насъ Синодальный списокъ, имѣютъ, по крайней мѣрѣ, ту цѣну, что намекаютъ на существованіе лѣтописнаго дѣла въ Новгородѣ въ XI вѣкѣ и въ началѣ XII; сверхъ того мы имѣемъ положительное свидѣтельство нѣкоторыхъ списковъ о весьма раннемъ началѣ Новгородскаго лѣтописанія, а одно изъ тѣхъ свидѣтельствъ восходитъ до поры, современной насажденію въ Сѣверной области христіанской вѣры"; кромѣ того, „указанія на еще болѣе древнее начало лѣтописнаго дѣла въ Новгородѣ видятъ не безъ основанія въ отмѣткѣ, помѣщенной подъ г. 6538 въ Новг. II лѣт. (П. С. Р. Л., т. III, стр. 12): „Преставися архіепископъ Акимъ Новгородскій, и бяше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше". Слова эти могли быть первоначально записаны современникомъ Ефрема (около половины XI стол.) [2]). Эта неопредѣленность въ указаніи на время появленія первоначальной Новгородской лѣтописи находится въ связи съ тѣмъ представленіемъ, какое имѣетъ г. Яницъ о содержаніи недошедшаго до насъ начала древнѣйшаго, такъ-называемаго Синодальнаго списка I-й Новгородской лѣтописи. Подобно Срезневскому, г. Яницъ сомнѣвается въ возможности отожествлять не дошедшее до насъ начало Новгородской лѣтописи съ началомъ Кіевской „Повѣсти

[1]) *Яницъ*, Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, стр. 18, 19.
[2]) Тамъ же, стр. 60 и прим. 13 на стр. 92.

Библиотека "Руниверс"

временныхъ лѣтъ" и полагаетъ, что въ начальныхъ тетрадяхъ Синодальнаго списка утратился не какой-нибудь клочекъ Кіевской „Повѣсти временныхъ лѣтъ", а самостоятельная Новгородская начальная лѣтопись и, вмѣстѣ съ нею, значительное количество мѣстныхъ извѣстій и преданій о древнихъ судьбахъ Новгорода и объ отношеніяхъ его къ остальной Руси" [1]). Признавая невозможнымъ возстановленіе недошедшаго до насъ начала древнѣйшей Новгородской лѣтописи „въ желаемой цѣльности и полнотѣ", г. Яншъ долженъ былъ ограничиться лишь неопредѣленными указаніями на время возникновенія первыхъ лѣтописныхъ записей въ Великомъ Новгородѣ. „Новгородскія лѣтописи", по его мнѣнію, „представляютъ одну изъ самыхъ странныхъ загадокъ Русскаго лѣтописанія" [2]).

Представленный обзоръ мнѣній относительно времени возникновенія первоначальной Новгородской лѣтописи приводитъ насъ къ тому заключенію, что никто изъ нашихъ ученыхъ, занимавшихся изученіемъ древне-русскихъ лѣтописей, не сомнѣвался въ древности новгородскаго лѣтописанія, при чемъ одни изъ нихъ (Погодинъ, Филаретъ, Соловьевъ) относятъ начало Новгородской лѣтописи къ первой половинѣ XI вѣка, а другіе (Срезневскій и Бестужевъ-Рюминъ) полагаютъ возможнымъ существованіе лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ въ X вѣкѣ до Владиміра Святаго.

Взглянемъ теперь на тѣ лѣтописныя извѣстія, на которыхъ основываются предположенія о существованіи лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ въ X вѣкѣ до Владиміра Святаго.

Извѣстія о поѣздкѣ Ольги въ Новгородъ и о знаменіяхъ ея въ той землѣ, о приходѣ Новгородцевъ просить князя у Святослава, о посаженіи въ Новгородѣ посадника Добрыни и поставленіи кумира надъ рѣкою Волховымъ, о походѣ Владиміра Святаго на Болгаръ 6493 (985) г. — вотъ тѣ извѣстія, которыя, по мнѣнію г. Бестужева-Рюмина, носятъ на себѣ болѣе или менѣе явные признаки новгородскаго происхожденія [3]). Разсмотримъ каждое изъ этихъ извѣстій въ отдѣльности.

Поѣздка Ольги въ Новгородъ и послѣдствія этой поѣздки [4]), конечно,

---

[1]) Тамъ же, стр. 24.

[2]) Тамъ же, стр. 20.

[3]) *Бестужевъ-Рюминъ*, О составѣ русскихъ лѣтописей, стр. 50.

[4]) «В лѣто 6455 (947), иде Вольга Новугороду, и устави по Мьстѣ повосты и дани и по Лузѣ оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знамянья и

Библиотека "Руниверс"

могли обратить на себя вниманіе и древне-новгородскаго книжника; но для кого—спрашиваемъ—это событіе представляло большій интересъ: для лѣтописца ли южно-русскаго, который не упускалъ случая отмѣчать событія, могшія служить къ прославленію южно-русскихъ князей, или же для лѣтописца новгородскаго (если бы такой лѣтописецъ и существовалъ во времена Ольги), которому поѣздка Ольги въ Новгородъ и установленіе оброковъ и дани едва ли могли казаться знаменательными событіями? Если бы, дѣйствительно, это событіе было достопамятнымъ для жителей Новгорода и было бы отмѣчено жившимъ въ этомъ городѣ лѣтописцемъ, то почему—спрашиваемъ—позднѣйшіе списатели Новгородской лѣтописи, составляя роспись южно-русскихъ князей, не сочли нужнымъ упомянуть княгиню Ольгу, а первымъ южно-русскимъ княземъ назвали Владиміра Святаго? [1]) Не оттого ли, что первый князь, который упоминался въ первоначальной Новгородской лѣтописи, былъ не кто другой, какъ Владиміръ, тотъ князь, благодаря которому „крестися... вся земля Руская. И поставиша в Кіевѣ митрополита, а Новугороду архіепископа“ [2]). Кромѣ того, на южно-русское происхожденіе извѣстія о поѣздкѣ Ольги въ Новгородъ указываетъ, по нашему мнѣнію, и самое изложеніе этого извѣстія: выраженіе „иде Вольга Новугороду“ является болѣе умѣстнымъ въ лѣтописи южно-русской, составитель которой жилъ въ Кіевѣ, чѣмъ въ лѣтописи, составленной жителемъ Новгорода, который вмѣсто выраженія „иде Вольга Новугороду“ употребилъ бы: „приде Вольга Новугороду“.—Извѣстіе о приходѣ Новгородцевъ просить себѣ князя у Святослава [3]) также заключаетъ въ себѣ нѣкоторые признаки южно-русскаго происхожде-

---

мѣста и повосты, и сани ее стоять въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи и доселе. И нарядивши, възвратися къ сыну своему Киеву, и пребываше с нимъ въ любъви» (Лѣтопись по списку Лаврентія, стр. 58—59).

[1]) Роспись южно-русскихъ князей, которая находится въ Акад., Ком. и Толст. спискахъ I-й Новгородской лѣтописи, начинается словами: «По крещеніи паки пръвыи князь христьяныи Володимиръ» (*Продолженіе Др. Рос. Вивліовики*, ч. II, стр. 311).

[2]) Тамъ же, стр. 310, тоже въ Ком. и Толст. спискахъ.

[3]) В се же время придоша людье Ноугородьстии, просяще князя собѣ: „аще не пойдете к намъ, то налѣземъ князя собѣ“..... и пояша Ноугородьци Володимера к собѣ, и иде Володимиръ съ Добрынею уемъ своимь Ноугороду“ (Лѣтопись по списку Лаврентія, стр. 67—68).

Библиотека "Руниверс"

нія: составитель Новгородской лѣтописи едва ли употребилъ бы выраженія: „придоша людье Ноугородьстии", „иде Володимеръ..... Ноугороду"; вмѣсто „придоша людье Ноугородьстии" сказалъ бы „поидоша Новгородьци Кыеву...", вмѣсто „иде Володимеръ... Ноугороду"—„приде Володимиръ Новугороду". Кромѣ того, отсутствіе князя Святослава въ росписи южно-русскихъ князей, имѣющейся въ нѣкоторыхъ спискахъ I-й Новгородской лѣтописи (см. Продолженіе Др. Рос. Вивліоѳики, ч. II, стр. 311 и слѣд.), также указываетъ, по нашему мнѣнію, на отсутствіе этого извѣстія въ первоначальной Новгородской лѣтописи. — Извѣстіе о посаженіи въ Новгородѣ посадника Добрыни и поставленіи кумира надъ рѣкою Волховымъ [1]), хотя и имѣетъ непосредственное отношеніе къ исторіи Новгорода, но могло быть записано и южно-русскимъ лѣтописцемъ, потому что какъ посаженіе посадника въ Новгородѣ, такъ и поставленіе тамъ кумира было, все-таки однимъ изъ проявленій дѣятельности южно-русскаго князя Владиміра, упоминаніе о различныхъ дѣяніяхъ котораго представляло большій интересъ для южно-русскаго лѣтописца, чѣмъ для новгородскаго. Если бы, дѣйствительно, появленіе въ этомъ городѣ посадника Добрыни и поставленіе кумира было отмѣчено въ первоначальной Новгородской лѣтописи, то едва ли въ росписи новгородскихъ посадниковъ [2]) возможенъ былъ бы „скачокъ отъ сказочнаго Гостомысла къ Константину (Добрыничу), современнику Ярослава Мудраго" [3]). На южно-русское происхожденіе этого извѣстія указываетъ и выраженіе „людье Ноугородьстии", вмѣсто котораго новгородскій лѣтописецъ постоянно употребляетъ „Новгородьци" [4]). Извѣстіе о походѣ Владиміра на Болгаръ [5]), которое, по мнѣнію

---

[1]) „Володимеръ же посади Добрыну, уи своего, в Новѣгородѣ; и пришедъ Добрына Ноугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховымъ, и жряху ему людье Ноугородьстіи, яко Богу" (тамъ же, стр. 78).

[2]) „А се посадники новгорочкіи. Первыи Гостомыслъ, Коснятинъ, Остромиръ, Завидъ" и т. д. Акад. списокъ 1-й Новг. лѣт. (*Продолженіе Др. Рос. Вивліоѳики*, ч. II, стр. 317), тоже въ Ком. и Толст. спискахъ.

[3]) *Яичшъ*, Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, стр. 42.

[4]) См. Синодальный списокъ I-й Новгородской лѣтописи (П. С. Р. Л. т. III, а также свѣтопечатное воспроизведеніе „Новгородской лѣтописи по Синодальному харатейному списку" изд. Археограѳ. коммиссіи 1875 г.)

[5]) „В лѣто 6493. Иде Володимеръ на Болгары съ Добрынею, съ уемъ своимъ в лодьяхъ, а Торъжьи берегомъ приведе на коних; и побѣди Болгары. Рече Добрына Володимеру: „съглядахъ колодникъ, и суть вси в сапозѣхъ; симъ дани

Библиотека "Руниверс"

г. Бестужева-Рюмина, „судя по первенствующей роли Добрыни“ [1]), могло быть записано въ Новгородѣ, также не заключаетъ въ себѣ никакихъ прямыхъ указаній на свое новгородское происхожденіе, такъ какъ новгородскій посадникъ Добрыня могъ играть первенствующую роль въ походѣ на Болгаръ не какъ представитель Новгородцевъ, о которыхъ въ этомъ извѣстіи не упоминается ни единымъ словомъ, а какъ родственникъ Владиміра, совѣтами котораго послѣдній могъ пользоваться опять-таки не потому, что Добрыня былъ новгородскимъ посадникомъ, а потому, что Владиміръ считалъ его за человѣка опытнаго и свѣдущаго въ ратномъ дѣлѣ. И самый способъ изложенія этого извѣстія также носитъ на себѣ нѣкоторые признаки южно-русскаго происхожденія: заключительная фраза: „и приде Володимеръ Киеву“ можетъ служить указаніемъ на кіевскаго лѣтописца, какъ очевидца возвращенія Владиміра изъ похода на Болгаръ. Кромѣ четырехъ сейчасъ разсмотрѣнныхъ извѣстій, которыя подали поводъ г. Бестужеву-Рюмину сдѣлать предположеніе о существованіи лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ въ X вѣкѣ до Владиміра Святаго, въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ позднѣйшаго происхожденія, а именно: въ двухъ спискахъ южно-русскаго свода [2]) (Ипатскомъ и Хлѣбниковскомъ), въ двухъ спискахъ Суздальскаго лѣтописнаго свода (Радзивиловскомъ и Академическомъ) [3]), въ Академическомъ [4]), Коммиссіонномъ и Толстовскомъ спискахъ I-й Новгородской лѣтописи, въ Софійской I-й [5]), въ Тверской [6]), въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ [7]), въ Воскресенской [8]) и Никоновской [9]) лѣтописяхъ, находится нѣсколько извѣстій, которыя, имѣя непосредственное отношеніе къ древнѣйшей исторіи Великаго Новгорода, могутъ возбудить сомнѣніе въ несуще-

---

имъ не даяти, пондемъ искать лапотниковъ“. И створи миръ Володимеръ съ Болгары..... И приде Володимеръ Киеву“ (Лѣтопись по списку Лаврентія, стр. 82).

[1]) *Бестужевъ-Рюминъ*, О составѣ русскихъ лѣтописей, стр. 50.

[2]) Лѣтопись по Ипатскому списку, изд. 1871 г., а также П. С. Р. Л. т. 2-й.

[3]) Лѣтопись по списку Лаврентія, изд. 1872 г., а также П. С. Р. Л. т. I-й.

[4]) *Продолженіе Др. Рос. Вивліовики*, ч. 2-я.

[5]) П. С. Р. Л. т. V.

[6]) П. С. Р. Л. т. XV.

[7]) Лѣтописецъ, содержащій въ себѣ россійскую исторію отъ 6360 (852) до 7106 (1598), изд. 1781 г.

[8]) П. С. Р. Л. т. VII.

[9]) П. С. Р. Л. т. IX.

Библиотека "Руниверс"

ствованія лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ до Владиміра Святаго. Къ разсмотрѣнію этихъ извѣстій мы теперь и обратимся.

Всѣ эти немногочисленныя извѣстія новгородскаго происхожденія относятся къ древнѣйшему до-христіанскому періоду исторіи Новгорода. Самое позднее изъ нихъ—извѣстіе о мѣстѣ погребенія Олега [1])—относится къ самому началу X вѣка (912 г.). Относительно этого извѣстія г. Бестужевымъ-Рюминымъ было замѣчено, что записанное „во многіе лѣтописные сборники новгородскаго происхожденія (Ком. и Толст. списки Новг. I, Арханг.) преданіе о смерти Олега въ Ладогѣ и объ его могилѣ въ этомъ городѣ.... противорѣчитъ извѣстной по позднѣйшимъ событіямъ его могилѣ на Щековицѣ [2]). Ясно, что новгородское преданіе хотѣло приписать Новгородской области мѣсто погребенія такого великаго лица, какъ Олегъ, героя стольких сказаній“ [3]). Итакъ, извѣстіе о мѣстѣ погребенія Олега есть новгородское преданіе, противорѣчащее даннымъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“. Точно также, едва ли можно сомнѣваться, что и остальныя извѣстія новгородскаго происхожденія, имѣющіяся въ вышеупомянутыхъ лѣтописяхъ, заключая въ себѣ упоминаніе о новгородскихъ событіяхъ второй половины IX вѣка, имѣютъ своимъ началомъ не лѣтописныя записи, а устныя преданія, которыя были занесены въ лѣтописи въ болѣе позднее время, по крайней мѣрѣ послѣ появленія „Повѣсти временныхъ лѣтъ“. Воспоминаніе о такихъ событіяхъ, какъ избраніе перваго новгородскаго посадника Гостомысла [4]), построеніе Ладоги [5]) и Новгорода [6]), призваніе Варяжскихъ князей по совѣту Гостомы-

---

[1]) «Олегъ.... идущю ему за море и уклюну зміа в ногу, и с того умре; есть могыла его в Ладозѣ» (Ком. и Толст. сп. I-й Новг. лѣт., Арханг. лѣт., стр. 10).

[2]) «Олегъ.... с того разболѣся и умре. И плакашася людие вси плачемъ великимъ, и несоша и погребоша его на горѣ, еже глаголеться Щековица». Лѣтопись по списку Лаврентія, стр. 38; лѣт. по Ипат. списку, стр. 24.

[3]) *Бестужевъ-Рюминъ*, О составѣ русскихъ лѣтописей, стр. 61.

[4]) «Словѣни же пришедше съ Дуная сѣдоша около озера Ильмеря, и прозвашася своимъ именемъ, и съдѣлаша градъ и наркоша Новъгородъ, и посадиша старѣйшину Гостомысла». Соф. I (П. С. Р. Л., V, 83), Тв. (П. С. Р. Л., XV, 19), Воскр. (П. С. Р. Л., VII, 262).

[5]) «Изъбрашася 3 братья с роды своими, и пояша собѣ всю Русь и придоша к словеномъ первое и срубиша городъ Ладогу и сѣде в Ладозѣ». Лѣт. по сп. Лавр. (сп. Радз. и Ак.) стр. 19, вар. № 13; то же въ лѣт. по Ипат. сп. (сп. Ипат. и Хлѣбн.), стр. 11.

[6]) «И прия всю власть Рюринъ одинъ, и пришедъ ко Илмерю и сруби городокъ надъ Волховымъ, и прозва (и—Акад.) Новгородъ, и сѣде ту княжа раз-

Библиотека "Руниверс"

сла [1]), рожденіе Игоря [2]), возмущеніе Новгородцевъ [3]) и послѣдствія этого возмущенія [4]), могло долго сохраняться въ памяти народной и переходить отъ предковъ къ потомкамъ путемъ устной передачи. Предполагать существованіе лѣтописныхъ записей, близкихъ по времени къ самому совершенію вышеупомянутыхъ событій, едва ли возможно въ виду того явнаго противорѣчія, какое замѣчается между фактическими и хронологическими данными Повѣсти Временныхъ лѣтъ и таковыми же данными разсматриваемыхъ новгородскихъ извѣстій. Такъ, по разказу Повѣсти Временныхъ лѣтъ, построеніе Новгорода относится къ эпохѣ первоначальнаго поселенія Славянскихъ племенъ въ мѣстности, прилежащей къ Ильменскому озеру [5]), между тѣмъ какъ новгородское преданіе, имѣющееся въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ лѣтописяхъ, приписываетъ построеніе Новгорода одному

дая волости». Лѣт. по сп. Лавр. (сп. Радз. и Акад.), стр. 19, вар. № 22; лѣт. по Ипат. списку (Ипат. и Хлѣбн.), стр. 11.

[1]) «И въ то время въ Новѣгородѣ нѣкый бѣ старѣйшина именемъ Гостомыслъ, скончаваетъ житіе, и созва владалца сущая съ нимъ Новаграда, и рече: «совѣтъ даю вамъ, да послете въ Прускую землю мудрыя мужи и призовете князя отъ тамо сущихъ родовъ». Воскр. лѣт. (П. С. Р. Л., VII, 268).

[2]) «Въ лѣто 6370 (862).... Рюрику же княжащю въ Новѣгородѣ, и роди сынъ, и нарече имя сму Игорь. Възрастъшю же Игореви, и бысть храборъ и мудръ; и бысть у него воевода, именемъ Олегъ, мужь мудръ и храборъ». Соф. 1-я (П. С. Р. Л., V, 88), Воскр. (П. С. Р. Л., VII, 268—269), Тв. (П. С. Р. Л., XV, 31), Арханг., стр. 5 (подъ г. 6371), Ком. и Толст. списки 1-й Новг. лѣтописи.

[3]) «Въ лѣто 6372. Оскорбишася Новгородци, глаголюще: «яко быти намъ рабомъ, и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его». Того же лѣта уби Рюрикъ Вадима храбраго, и иныхъ многихъ наби Новгородцевъ съвѣтниковъ его». Ник. лѣт. (П. С. Р. Л., XI, 9).—Что касается до извѣстія о возстаніи Новгородцевъ, имѣющагося въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ лѣтописяхъ подъ г. 6370: «Въсташа Кривичи, и Словѣне, и Чудь, и Меря на Варягы, и изгнаша я за море»—Соф. 1-я (П. С. Р. Л., V, 88), Тв. (П. С. Р. Л., XV, 29—30), Воскр. (П. С. Р. Л., VII, 268), Арханг., 3 (подъ г. 6367), Ком. и Толст. списки 1-й Новг. лѣт.,—относительно происхожденія этого извѣстія считаю возможнымъ замѣтить, что это извѣстіе представляетъ не болѣе, какъ распространеніе извѣстія, имѣющагося въ «Повѣсти Временныхъ лѣтъ» подъ г. 6370 (лѣтопись по списку Лаврентія, стр. 18).

[4]) «Того же лѣта (6375 г.) набѣжаша отъ Рюрика изъ Новагорода въ Кіевъ много Новгородцкыхъ мужей». Ник. лѣт. (П. С. Р. Л., IX., 9).

[5]) «Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новъгородъ». Лѣт. по списку Лаврентія, стр. 6; лѣт. по Ипат. сп., стр. 4.

Библиотека "Руниверс"

изъ первыхъ князей, Рюрику [1]). Думаемъ, что преданіе о построеніи Новгорода, находящееся въ „Повѣсти Временныхъ лѣтъ",—болѣе древняго происхожденія, чѣмъ преданіе о томъ же событіи, имѣющееся въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ лѣтописяхъ. Другое извѣстіе—о рожденіи Игоря, помѣщенное въ лѣтописяхъ позднѣйшаго происхожденія подъ г. 6370 [2]), заключаетъ въ себѣ противорѣчіе хронологическимъ показаніямъ „Повѣсти Временныхъ лѣтъ": въ „Повѣсти" подъ г. 6387 (879) сказано: „Умершю Рюрикови предасть княженье свое Олгови, отъ рода ему суща, вѣдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря, бѣ бо дѣтескъ вельми" [3]), между тѣмъ какъ по хронологическимъ даннымъ вышеприведеннаго извѣстія о рожденіи Игоря оказывается, что въ 879 г. (6387) Игорю было уже 17 лѣтъ (6370—6387); возможно ли было про 17-ти-лѣтняго юношу сказать: „вѣдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря, бѣ бо дѣтескъ вельми"? Подобная же странность замѣчается при сопоставленіи извѣстія о рожденіи Игоря (подъ г. 6370) съ извѣстіемъ о походѣ Олега на югъ, „къ горамъ Кыевъскимъ" (подъ г. 6390). Въ извѣстіи о походѣ Олега говорится, между прочимъ, что Олегъ „самъ приде, нося Игоря дѣтьска" [4]), между тѣмъ, какъ извѣстіе о рожденіи Игоря относитъ это событіе къ 6370 г.; такимъ образомъ, изъ сопоставленія данныхъ различныхъ лѣтописей выходитъ, что Олегъ, желая показать Аскольду и Диру наслѣдника Рюрика, беретъ на руки двадцатилѣтняго Игоря. Затѣмъ, извѣстіе о мѣстѣ погребенія Олега, сохранившееся въ трехъ позд-

---

[1]) См. примѣчаніе № 1, стр. Отсутствіе этого преданія о построеніи Новгорода Рюрикомъ въ другихъ позднѣйшихъ лѣтописяхъ не объясняется ли сознательнымъ отношеніемъ составителей этихъ лѣтописей къ пользуемымъ ими устнымъ преданіямъ.

[2]) Въ Арханг. лѣт. подъ г. 6371 (стр. 5).

[3]) Лѣт. по сп. Лавр., 22; лѣт. по Ипат. списку, 12—13. То же въ Соф. I, (П. С. Р. Л., V, 89), Воскр. (П. С. Р. Л., VII, 269), Тв. (П. С. Р. Л., XV, 32), Арханг., 5.

[4]) Лѣт. по сп. Лавр., 22; лѣт. по Ипат. сп., 13; въ Арханг.: «Имый на рукахъ у себя Игоря» (стр. 6); въ лѣт. Соф. I-й, Тверской, Воскр. эта замѣтка отсутствуетъ; но въ этихъ же лѣтописяхъ, при дальнѣйшемъ изложеніи извѣстія о походѣ Олега на югъ, находимъ замѣтку: «Игорь же и Олегъ, творящася мимоидуща, потанстася въ лодіяхъ» (Соф. I-я, 89; Тв., 33; Воскр., 269; Арханг., 6; Ком. и Толст. сп. I-й Новг. лѣт.), противорѣчащую дальнѣйшему изложенію того же извѣстія: «Олегъ же взялъ Игоря на руцѣ сн.» (Соф. I, 89; Воскр., 270; Тв., 33; Арх., 6).

Библиотека "Руниверс"

нѣйшихъ лѣтописяхъ [1]), помѣщено вмѣстѣ съ извѣстіемъ о смерти Олега подъ г. 6430 (922), тогда какъ въ „Повѣсти Временныхъ лѣтъ" извѣстіе о смерти Олега помѣщено подъ г. 6420 [2]). Подобнаго рода противорѣчіе между данными „Повѣсти Временныхъ лѣтъ" и данными разсматриваемыхъ извѣстій новгородскаго происхожденія едва ли было бы возможно при существованіи лѣтописныхъ записей, близкихъ по времени къ событіямъ, описываемымъ въ этихъ извѣстіяхъ.

И такъ, разсмотрѣніе извѣстій, имѣющихся во всѣхъ лѣтописяхъ древнѣйшаго и позднѣйшаго происхожденія и относящихся къ древнѣйшему, до-христіанскому періоду исторіи Новгорода, приводитъ насъ къ заключенію, что дошедшій до насъ лѣтописный матеріалъ не дозволяетъ предполагать существованія лѣтописныхъ записей новгородскаго происхожденія въ X вѣкѣ до Владиміра Святаго. Но такъ

---

[1]) Арханг. лѣт., 10; Ком. и Толст. списки I-й Новг. лѣт.

[2]) «6420. Олегъ.... с того разболѣвся и умьре» лѣт. по сп. Лавр., 38; лѣт. по Ипат. списку, 23. Несогласное съ хронологическими данными «Повѣсти» обозначеніе года смерти Олега (6430) въ позднѣйшихъ спискахъ Новгородской лѣтописи находится, по нашему мнѣнію, въ связи съ своеобразнымъ представленіемъ составителей этихъ списковъ (Ком., Толст. и, по всей вѣроятности, Акад. о личности Олега. По представленію позднѣйшихъ писателей древне-Новгородской лѣтописи, преемникомъ Рюрика является не Олегъ, а Игорь, который, по разказу Ком. и Толст. сп. I-й Новг. лѣтописи, придя «къ горамъ Кыевѣскимъ», призываетъ Аскольда и Дира, обращается къ нимъ съ извѣстными словами: «вы нѣста князя, ни роду княжа; нь азъ есмь князь, и мнѣ достоить княжити» (Ком. и Толст. сп. I-й Новг. лѣт.), затѣмъ убиваетъ ихъ, дѣлается Кіевскимъ княземъ, занимается построеніемъ городовъ и налагаетъ, между прочимъ, дань на жителей Новгородской области, совершаетъ, однимъ словомъ, все то, что, по разказу «Повѣсти временныхъ лѣтъ», приписывается Олегу, такъ что, если разказъ Ком. и Толст. списковъ сопоставить съ данными «Повѣсти», то оказывается, что Игорь, будучи еще ребенкомъ, котораго носили на рукахъ («а самъ (Олегъ) приде нося Игоря молода.... и вынесоша Игоря»—лѣт. по сп. Лавр., 22; лѣт. по Ип. сп., 13), обращается съ рѣчью къ Аскольду и Диру, убиваетъ этихъ князей и дѣлается Кіевскимъ княземъ. Подобное своеобразное представленіе о личности Олега и о времени вокняженія Игоря возможно объяснять существованіемъ древне-новгородскаго преданія о княженіи Рюрика, рожденіи Игоря и воеводѣ Олегѣ, по которому преемникомъ Рюрика является не Олегъ, а Игорь. Въ связи съ этимъ своеобразнымъ представленіемъ о личности Олега находится также несогласное съ хронологическими данными «Повѣсти» обозначеніе времени похода Олега на Царьградъ: походъ Олега относится не къ 6415 г., а къ 6430 г. (когда уже Олега, по даннымъ «Повѣсти», не было въ живыхъ); а походъ Игоря на Царьградъ не къ 6449, а къ 6428 г. (раньше похода Олега).

Библиотека "Руниверс"

какъ оба списка I-й Новгородской лѣтописи [1]), Синодальный и Академическій, сохранились безъ начала, то возможно предположеніе, что „въ Новгородѣ была составляема о древнѣйшихъ временахъ Руси такая же обширная лѣтопись, какъ и Несторова“ [2]), и что „въ начальныхъ тетрадяхъ Синодальнаго списка утратился не какой-нибудь клочокъ Кіевской „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, а самостоятельная Новгородская начальная лѣтопись“ [3]). Но, вопервыхъ, самый фактъ потери начала двухъ списковъ древне-новгородской лѣтописи еще не даетъ намъ никакого права дѣлать заключенія ни о существованіи, ни объ отсутствіи лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ въ древнѣйшій періодъ. А вовторыхъ, чтобы показать, на сколько основательны вышеприведенныя мнѣнія Срезневскаго и Яныша, обратимся къ разсмотрѣнію той причинной связи, какая замѣчается между явленіями и событіями древне-новгородской жизни и развитіемъ лѣтописнаго дѣла въ Новгородѣ.

Для возникновенія и дальнѣйшаго развитія лѣтописныхъ записей, какъ и вообще всякихъ историческихъ явленій, необходимо существованіе въ народной жизни благопріятствующихъ тому условій. Каковы должны были быть эти условія въ данномъ случаѣ на это нѣкоторыя указанія мы находимъ въ трудахъ Срезневскаго [4]) и г. Сухомлинова [5]). По мнѣнію Срезневскаго, Русскому народу, какъ и всѣмъ другимъ народамъ, была свойственна потребность „помнить достойныя памяти событія, передавать разказъ о нихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе“, и эта потребность обнаруживается въ стремленіи увѣковѣчить эту память преданіемъ и письмомъ (принимая это слово въ самомъ обширномъ смыслѣ)“ [6]). Г. Сухомлиновъ также замѣчаетъ, что „первый зародышъ лѣтописей заключается въ потребности сохранить воспоминаніе о достопамятныхъ дняхъ и случаяхъ“, и что подобная потребность возникаетъ „по мѣрѣ того, какъ опредѣляется у народа

---

[1]) Относительно I-й Новг. лѣтописи Бередниковымъ было замѣчено, что эта лѣтопись «есть единственный источникъ для исторіи древняго Новгорода». См. предисловіе къ I-й Новг. лѣт, въ П. С. Р. Л., т. III, стр. VII.

[2]) *Срезневскій*, Изслѣдованія о Новг. лѣт., *Изв. 2-го Отд. Акад. Наукъ*, . 2-й, стр. 20.

[3]) *Яныш*, Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, стр. 24.

[4]) Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ. Памятники X вѣка до Владиміра Святаго. *Изв. 2-го Отд. Акад. Наукъ*, т. III .

[5]) О древне-русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ.

[6]) *Срезневскій*, Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ, стр. 10. Памятники X-го вѣка до Владиміра Святаго. *Изв. 2-го Отдѣл. Ак. Наукъ*, т. III-й, стр.

Библиотека "Руниверс"

общественное устройство“ [1]). И такъ, по мнѣнію обоихъ изслѣдователей, появленіе лѣтописныхъ записей было вызвано совершеніемъ достопамятныхъ событій. Но возникаетъ вопросъ: какого же рода событія народной жизни признавалъ древне-русскій лѣтописецъ достойными памяти? Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, разсмотримъ содержаніе тѣхъ лѣтописныхъ извѣстій, которыя, по мнѣнію И. И. Срезневскаго [2]), составляютъ первоначальную Кіевскую лѣтопись [3]). Въ этихъ извѣстіяхъ мы находимъ изложеніе событій, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ Кіевскому княжеству, а именно краткія упоминанія о походахъ первыхъ князей: Олега, Игоря, Ольги, Святослава [4]) на Деревлянъ, Сѣверянъ, Радимичей, Вятичей и на Кривичей, Чудь и Мерю (жившихъ въ Новгородской области), и о наложеніи дани на эти племена. Кромѣ того, въ этихъ извѣстіяхъ первоначальной Кіевской лѣтописи находимъ упоминаніе о небесномъ знаменіи, о первомъ приходѣ Печенѣговъ на Русскую землю, о смерти княгини Ольги [5]). Такимъ образомъ, содержаніемъ первоначальной Кіевской лѣтописи является упоминаніе о походахъ первыхъ Русскихъ князей, слѣдствіемъ чего было покореніе различныхъ Русскихъ племенъ южно-русскими князьями. Слѣдовательно, достопамятными событіями южно-русскій лѣтописецъ признавалъ событія политическія, которыя указывали на расширеніе предѣловъ Кіевскаго княжества, на возрастаніе его политическаго могущества. Быть можетъ однако, такое предпочтеніе событій политическихъ событіямъ внутренней жизни составляетъ исключительную принадлежность южно-русскаго лѣтописца? Но самое поверхностное знакомство съ исторіей древнихъ и современныхъ народовъ убѣждаетъ въ неосновательности такого предположенія. Изъ всѣхъ событій, составляющихъ историче-

---

[1]) *Сухомлиновъ*, О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ, стр. 2.

[2]) Чтенія о др. р. лѣтописяхъ, стр. 5 и слѣд.; Памятники X-го вѣка до Владиміра Святаго. *Изв. 2-го Отдѣл. Ак. Наукъ*, т. III, стр. 53 и слѣд.

[3]) Происхожденіе этихъ извѣстій, вслѣдствіе ихъ временнаго и отрывочнаго характера, всего естественнѣе объяснять существованіемъ лѣтописныхъ записей, «безжизненныхъ по изложенію, безсвязныхъ по взаимному соотношенію» и близкихъ по времени къ описываемымъ въ нихъ событіямъ.

[4]) Лѣтопись по списку Лаврентія и лѣт. по Ип. списку подъ гг. 6391, 6392, 6393, 6422, 6453, 6454, 6455, 6472, 6479.

[5]) Тамъ же, подъ г. 6419 (911): „явися звѣзда велика на западѣ копейнымъ образомъ“; подъ г. 6423 (915): „Приидоша Печенѣзи первое на Русскую землю“; то же подъ г. 6476 (968); подъ г. 6477 (969): „по трехъ днехъ умре Ольга“.

Библиотека "Руниверс"

ское прошлое различныхъ народовъ, наиболѣе извѣстными являются событія политическія. Едва ли не самымъ естественнымъ объясненіемъ этого явленія должно признать то обстоятельство, что въ историческихъ памятникахъ всѣхъ народовъ обращалось большее вниманіе на событія необыкновенныя, каковы были войны и послѣдствія ихъ, правленіе государей, отличавшихся завоевательными наклонностями, затѣмъ бѣдствія, причиняемыя набѣгами иноплеменниковъ, однимъ словомъ, обращалось вниманіе на событія, болѣе касавшіяся внѣшней исторіи народа, чѣмъ его быта, учрежденій, обычаевъ, понятій и вѣрованій; поэтому-то и замѣчается сходство въ содержаніи историческихъ памятниковъ всѣхъ народовъ. Въ виду такого преобладанія извѣстій о политическихъ событіяхъ въ лѣтописяхъ различныхъ народовъ, мы могли бы съ достаточною вѣроятностью допустить предположеніе, что и главнымъ содержаніемъ первоначальной лѣтописи Новгородской было изложеніе достопамятныхъ событій, относящихся къ политической жизни Великаго Новгорода. Но отсутствіе всякаго упоминанія о таковыхъ событіяхъ изъ древнѣйшаго до-христіанскаго періода новгородской исторіи въ Новгородскихъ лѣтописяхъ невольно приводитъ къ сомнѣнію: были ли въ древнѣйшей жизни Великаго Новгорода таковыя событія, которыя свидѣтельствовали бы о политическомъ ростѣ Новгородской области, о расширеніи предѣловъ, о подчиненіи Новгородскимъ князьямъ сосѣднихъ съ нею земель, и если дѣйствительно существовали, то чѣмъ объяснить такое упорное молчаніе о таковыхъ событіяхъ во всѣхъ лѣтописяхъ древнѣйшаго и позднѣйшаго происхожденія. Если, подобно И. И. Срезневскому и г. Яншину [1]), умолчаніе о подобныхъ событіяхъ объяснять утратой первоначальной Новгородской лѣтописи, то къ какому же времени надо относить эту утрату? Относить ее, вмѣстѣ съ Бѣляевымъ и Яншемъ [2]), къ эпохѣ московскаго самодержавія едва ли возможно уже потому, что въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“,

[1]) Изслѣдованія о лѣтописяхъ Новгородскихъ. *Изв. 2-го Отд. Ак. Наукъ*, т. 2, стр. 20; Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, стр. 24. Кромѣ Яншиа и Срезневскаго, на возможность утраты древне-новгородскихъ лѣтописей указываетъ и г. *Маркевичъ* въ своемъ сочиненіи „О лѣтописяхъ“, стр. 60.

[2]) О Несторовой лѣтописи. *Чтенія Московскаго Общества ист. и др. росс.* 1847 г., № 5, стр. 10; Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, стр. 47 и слѣд. Г. Яншиъ, указывая на потерю начала древне-новгородской лѣтописи, замѣчаетъ, что „обезглавленіе и искаженіе новгородскихъ лѣтописей могло быть точно такимъ дѣломъ московской политики“ (стр. 48), потому что Москва стремилась „къ уничтоженію всѣхъ слѣдовъ новгородской самобытности“ (стр. 46—47).

Библиотека "Руниверс"

которая столь точно и добросовѣстно излагаетъ древне-новгородскія политическія событія, упоминаемыя и въ дошедшихъ до насъ новгородскихъ лѣтописяхъ, умалчивается совершенно о какихъ-либо политическихъ событіяхъ въ Новгородѣ въ періодъ до-христіанскій. Если же полагать, что утрата начала Новгородской лѣтописи случилась до составленія „Повѣсти временныхъ лѣтъ", то возникаетъ вопросъ: почему новгородское преданіе, которое, какъ мы уже видѣли, упоминаетъ о внутреннихъ событіяхъ новгородскихъ (объ избраніи посадника Гостомысла, о призваніи Варяжскихъ князей, о построеніи городовъ и др.), умалчиваетъ о достопамятныхъ политическихъ событіяхъ древнѣйшаго періода Новгорода? Едва ли не самымъ естественнымъ и правильнымъ объясненіемъ такого упорнаго молчанія Новгородскихъ лѣтописей и новгородскаго преданія о политическихъ событіяхъ въ Новгородской землѣ является предположеніе, что таковыхъ событій въ до-христіанскій періодъ исторіи Великаго Новгорода и не было. Въ пользу такого предположенія говорятъ также тѣ немногія, но вполнѣ опредѣленныя указанія на характеръ древне-новгородской жизни, которыя мы находимъ въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ". Изъ нея мы узнаемъ, что Новгородцы со временъ Олега до смерти Ярослава обязаны были платить дань Кіевскому князю [1]), участвовать въ походахъ, предпринимаемыхъ южно-русскими князьями [2]), принимать отъ этихъ князей себѣ князя [3])

---

[1]) „Олегъ нача городы ставити, и устави дани Словѣномъ, Кривичемъ и Мери, и устави Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ". Лѣтопись по списку Лаврентія, стр. 23; то же въ лѣт. по Ипат. сп., стр. 13; въ тѣхъ же лѣтописяхъ подъ г. 6455 (947) имѣется слѣд. извѣстіе: „иде Вольга Новугороду, и устави по Мьстѣ повосты и дани и по Лузѣ оброки и дани", подъ г. 6522 (1014)—„Ярославу же сущю Новѣгородѣ, и урокомъ даюшю Кыеву двѣ тысячѣ гривенъ отъ года до года, а тысячю Новѣгородѣ гридемъ раздаваху; и тако даяху вси посадници Новѣгородьстии".

[2]) „Въ лѣто 6390 (882). Поиде Олегъ, поимъ воя многи, Варяги, Чюдь, Словѣни, Мерю, Весь, Кривичи". Лѣт. по списку Лавр., стр. 22, то же въ Лѣт. по Ипат. списку. стр. 13; подобныя же указанія на участіе Новгородцевъ въ походахъ южно-русскихъ князей находятся въ тѣхъ же лѣтописяхъ подъ гг. 6415, 6452 и 6488.

[3]) „В лѣто 6478.... придоша людье Ноугородьстии, просяще князя собѣ: „ще не поидете к намъ, то налѣземъ князя собѣ"; и рече к нимъ Святославъ: „а бы пошелъ кто к вамъ". И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ; и рече Добрыня: „проситѣ Володимера".... И рѣша Ноугородьци Святославу: „вѣдай ны Володимера"; онъ же рече имъ: „вото вы есть". И поиша Ноугородьци Володимера к

Библиотека "Руниверс"

и посадника [1]). Кромѣ приведенныхъ выше данныхъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ", свидѣтельствующихъ о политической зависимости древняго Новгорода отъ южно-русскихъ князей, на политическую слабость этого города въ древнѣйшій періодъ указываютъ и данныя позднѣйшихъ списковъ I-й Новгородской лѣтописи. Изъ Ком., Акад. и Толст. списковъ ея мы узнаемъ, что политическая зависимость Великаго Новгорода отъ южно-русскихъ князей продолжалась со временъ Олега [2]) приблизительно до смерти Мстислава, сына Мономаха. Въ росписи Новгородскихъ князей, имѣющейся въ Ком., Акад. и Толст. спискахъ I-й Новгородской лѣтописи, постоянно до второй четверти XII в. говорится, что Кіевскій князь „Новѣгородѣ посади сына своего" [3]).

Данныя древнѣйшихъ и позднѣйшихъ лѣтописей, указывающія на политическую зависимость Великаго Новгорода отъ южно-русскихъ князей, находятъ себѣ подтвержденіе и въ тѣхъ извѣстіяхъ этихъ лѣтописей, которыя относятся преимущественно къ исторіи Кіевскаго княжества. Изъ исторіи сего послѣдняго мы узнаемъ, что всѣмъ

собѣ, и иде Володимеръ съ Добрынею уемъ своимь Ноугороду". Лѣтопись по списку Лаврентія, стр. 68; Лѣт. по Ипат. сп., стр. 45; тамъ же подъ г. 6496 (988): „и посади (Володимеръ) Вышеслава в Новѣгородѣ". Лѣт. по сп. Лавр.— 118; Лѣт. по Ип. сп.—83.

[1]) „а Ярополкъ посадникы свои посади въ Новѣгородѣ, и бѣ володѣя единъ в Руси". Лѣт. по сп. Лавр., стр. 74; Лѣт. по Ипат. сп., стр. 49; тамъ же, подъ г. 6488 (980): „Володимеръ же посади Добрыну, уя своего въ Новѣгородѣ". Лѣт. по сп. Лавр., стр. 78; Лѣт. по Ип. сп., стр. 52—53.

[2]) Въ Ком. и Толст. сп. 1-й Новг. лѣтописи всѣ дѣянія Олега, какъ мы уже это видѣли, приписываются Игорю.

[3]) Для желающихъ убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ приводимъ слѣдующій отрывокъ изъ вышеупомянутой росписи Новгородскихъ князей, имѣющей „какую-то ближайшую связь съ нынѣ утраченною Новгородскою хроникой" (*Ямпш*, Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, стр. 41): „Родися у Ярослава сынъ Ілья и посади в Новогородѣ... а сына своего Володимера посади (Ярославъ) в Новѣгородѣ..... ...и по преставленіи Володимерѣ в Новѣгородѣ Изяславъ посади сына своего Мьстислава... И посади Святославъ (Акад. ошиб. Святослава) сына (приб. изъ Ком. и Толст.) своего Глѣба... И присла Всеволодъ внука своего Мьстислава сына Володимеря, и княживъ 5 лѣтъ, иде к Ростову. А Давыдъ пріиде къ Новугороду княжити, и по двою лѣту выгнаша и. И пріиде Мьстиславъ опять, и сѣде въ Новѣгородѣ 22 (20— Ком. и Толст.) лѣтъ. И иде къ Кыеву къ отцу, и сѣде на столѣ отнѣ, а въ Новѣгородѣ посади сына своего Всеволода". Акад. списокъ 1-й Новг. лѣт. (Продолженіе Др. Росс. Вивліоѳики, часть 2-я, стр. 312—313); то же въ Ком. и Толст. спискахъ.

Библиотека "Руниверс"

Русскимъ князьямъ, не исключая и Новгородскихъ, съ древнѣйшихъ временъ до второй половины XII столѣтія было свойственно стремленіе на югъ, стремленіе занять великокняжескій кіевскій столъ, сдѣлаться владѣльцемъ того города, про который было сказано еще Олегомъ: „се буди мати градомъ русьскымъ“ [1]). Существованіе такого стремленія объясняется тѣмъ общерусскимъ значеніемъ которымъ пользовались Кіевскіе князья, благодаря универсальному характеру своей политической дѣятельности въ древнѣйшій періодъ русской исторіи.

За этими князьями было признано право старшинства, которое и было главною приманкою для всѣхъ Русскихъ князей. Въ эпоху такого всеобщаго тяготѣнія къ кіевскому великокняжескому столу, въ эпоху постояннаго возрастанія и усиленія политическаго могущества Кіевскаго княжества, не могли и Новгородскіе князья не испытывать общаго всѣмъ Русскимъ князьямъ стремленія на югъ, стремленія занять великокняжескій кіевскій столъ. Изъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ и перечня Новгородскихъ князей [2]) мы знаемъ, что почти всѣ Новгородскіе князья съ древнѣйшихъ временъ до второй четверти XII в. занимали въ концѣ своей жизни великокняжескій кіевскій столъ. Такое непостоянство Новгородскихъ князей могло ли представлять благопріятное условіе для усиленія политическаго могущества Новгорода въ эпоху, современную постоянному возрастанію значенія и могущества Кіевскаго княжества? Указаніемъ на политическую слабость Великаго Новгорода въ древнѣйшій періодъ можетъ служить, между прочимъ, тотъ фактъ, что Новгородскіе князья въ случаѣ внѣшней опасности обращались за помощью къ Варягамъ; такъ напримѣръ, Владиміръ Святой, узнавъ во время своего княженія въ Новгородѣ о томъ, что Ярополкъ убилъ Олега, бѣжалъ за море, то-есть, къ Варягамъ [3]), откуда вернулся въ сопровожденіи варяжской дружины, съ которою и отправился въ походъ противъ Ярополка [4]). Сынъ Владиміра Ярославъ, когда узналъ о намѣреніи своего отца идти на Новгородъ,

---

[1]) Лѣтопись по списку Лаврентія, стр. 23; то же въ Лѣт. по Ипат. сп., стр. 13.

[2]) См. Акад. (Продолженіе Др. Рос. Вивліоѳики, часть 2-я, стр. 312—313) Ком. и Толст. списки 1-й Новгородской лѣтописи.

[3]) „Слышавъ же се Володимеръ в Новѣгородѣ, яко Ярополкъ уби Ольга, убоявся бѣжа за море“. Лѣт. по списку Лаврентія, стр. 74; Лѣт. по Ипат. списку, стр. 49.

[4]) Лѣт по сп. Лавр. стр. 74; Лѣт. по Ипат. сп., стр. 50.

Библиотека "Руниверс"

также прибѣгъ къ помощи Варяговъ [1]). Затѣмъ косвеннымъ указаніемъ на политическую слабость древнихъ Новгородцевъ могутъ служить, по нашему мнѣнію, тѣ насмѣшливыя слова кіевскаго боярина, съ которыми онъ обратился къ Новгородцамъ передъ началомъ Любецкой битвы (1016): „вы плотници суще, а приставимъ вы хоромъ рубити“ [2]). Съ такими словами кіевскій бояринъ могъ обращаться не къ постоянной дружинѣ, испытанной въ бояхъ и сраженіяхъ [3]), а къ земскому ополченію, составлявшему, очевидно, главную массу новгородскаго войска и набранному изъ различнаго рода работниковъ и ремесленниковъ.

Если полагать, что, не смотря на политическую слабость древняго Новгорода, Новгородскіе князья могли совершать походы на сосѣднія племена, и что упоминаніе объ этихъ походахъ и ихъ послѣдствіяхъ могло составить содержаніе не дошедшей до насъ первоначальной Новгородской лѣтописи, то чѣмъ объяснить тотъ фактъ, что во всѣхъ новгородскихъ и неновгородскихъ лѣтописяхъ древнѣйшаго и позднѣйшаго происхожденія мы находимъ при описаніи событій XI столѣтія, когда „Новгородцы безусловно повиновались великимъ князьямъ“ [4]), только четыре упоминанія о событіяхъ политическихъ [5]), между тѣмъ какъ при изложеніи событій XII в., когда „злыя которы, возникшія въ Руси между князьями.... высвободили

[1]) Лѣт. по сп. Лавр., стр. 127; Лѣт. по Ипат. сп., стр. 87. О многочисленности варяжской дружины мы можемъ судить по слѣдующему мѣсту изъ 1-й Новгородской лѣтописи (по спискамъ Акад., Ком. и Толст.) „И събра вои 4000, Варягъ бяшеть тьсяща, а Новгородьчевъ 3000“ (Акад. сп. 1-й Новг. лѣт. въ Прод. Др. Рос. Вивліоѳики, II, стр. 334).

[2]) П. С. Р. Л., т. III, стр. 1.

[3]) Весьма характернымъ указаніемъ на то, какую роль играла въ Новгородѣ постоянная княжеская дружина, можетъ служить фактъ избіенія Новгородской дружины по распоряженію Ярослава: „И се слышавъ Ярославъ разгнѣвася на гораждны, и събра воя славны тысящу, и обольстивъя исьсѣче, иже бяху Варягы ты исѣкълъ“ (Ак. сп. Новг. I лѣт. въ Прод. Др. Рос. Вивліоѳики, ч. 2, стр. 333; то же въ Ком. и Толст. спискахъ). Могъ ли Ярославъ, въ виду опасности, угрожающей со стороны кіевскаго князя, рѣшиться на подобный поступокъ, еслибъ онъ полагалъ главную свою защиту въ постоянной новгородской дружинѣ? Очевидно, не въ ней онъ видѣлъ свою защиту, а въ дружинѣ варяжской, за избіеніе которой и рѣшился отмстить Новгородцамъ, чтобы не потерять расположенія Варяговъ.

[4]) *С. М. Соловьевъ*, Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, стр. 48—49.

[5]) См. I-ю Новг. лѣт. по спискамъ Син., Акад., Ком. и Толст.; лѣт. по сп. Лавр. и лѣт. по Ипат. сп.; затѣмъ Соф. I-ю, Твер., Воскр. и Ник. подъ

Библиотека "Руниверс"

Новгородцевъ изъ подъ вліянія великихъ князей" [1]), мы находимъ такихъ упоминаній о новгородскихъ политическихъ событіяхъ тридцать [2]).

Подобное соотвѣтствіе между возрастаніемъ политическаго могущества Новгорода и увеличеніемъ числа лѣтописныхъ извѣстій, заключающихъ въ себѣ упоминаніе о новгородскихъ событіяхъ политическаго характера, въ связи съ тѣми данными древнѣйшихъ и позднѣйшихъ лѣтописей, которыя, умалчивая о политическихъ событіяхъ древнѣйшей исторіи Новгорода, согласно указываютъ на полную зависимость Новгородцевъ отъ южно-русскихъ князей съ древнѣйшихъ временъ до второй четверти XII вѣка, не можетъ не служить къ утвержденію истинности того положенія, что отсутствіе въ лѣтописяхъ всякаго упоминанія о политическихъ событіяхъ въ Новгородской землѣ, въ періодъ до-христіанскій, объясняется всего естественнѣе и вѣроятнѣе не утратою первоначальной Новгородской лѣтописи, а дѣйствительнымъ отсутствіемъ въ древней новгородской жизни такихъ политическихъ событій, воспоминаніе о которыхъ счелъ бы нужнымъ увѣковѣчить какой-нибудь новгородскій книжникъ того времени хотя бы краткою записью.

Но если достопамятныхъ политическихъ событій дѣйствительно не было въ древнѣйшемъ періодѣ новгородской жизни, то о чемъ же могло говорить то „значительное количество мѣстныхъ извѣстій и преданій о древнихъ судьбахъ Новгорода и объ отношеніяхъ его къ остальной Руси", которое, по мнѣнію г. Яниша [3]), составляло самостоятельную начальную Новгородскую лѣтопись.

Обращаясь къ разсмотрѣнію данныхъ Новгородскихъ лѣтопи-

г. 6524 (1016)—объ участіи Новгородцевъ въ борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ, подъ г. 6550 (1042)—о походѣ князя Владиміра на Емь, подъ г. 6577 (1069)—пораженіе Всеслава Новгородскимъ княземъ Глѣбомъ (упоминаніе объ этомъ событіи въ „Повѣсти Временныхъ лѣтъ" отсутствуетъ), подъ 6605 (1097) г.—о битвѣ на Колакшѣ; въ „Повѣсти" извѣстіе объ этомъ событіи подъ г. 6604.

[1]) *С. М. Соловьевъ*, Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, стр. 49.

[2]) См. I-ю Новг. лѣт. по спискамъ Син., Акад., Ком. и Толст. подъ гг. 6613, 6619, 6621, 6624, 6631, 6638, 6639, 6641, 6642, 6645, 6650, 6653, 6655, 6656, 6657, 6675, 6676, 6677, 6681, 6684, 6687, 6688, 6689, 6693, 6694, 6696, 6699, 6700, 6701, 6706.

[3]) *Яниша*, Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, стр. 24.

Библиотека "Руниверс"

сей [1]), мы находимъ, что въ нихъ, кромѣ событій политическихъ, упоминаются событія внутренней жизни Новгорода. Среди такихъ событій первое мѣсто принадлежитъ дѣламъ церковнымъ, каковы построеніе церквей и монастырей, поставленіе и кончина епископовъ, игумновъ и игуменій. Извѣстія такого рода встрѣчаются во всѣхъ дошедшихъ до насъ Новгородскихъ лѣтописяхъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ (съ конца X вѣка) до второй четверти XVIII столѣтія [2]); поэтому, возможно предполагать, что упоминаніе объ этихъ событіяхъ составляло содержаніе и не дошедшей до насъ первоначальной Новгородской лѣтописи.

Разсмотрѣніе данныхъ всѣхъ дошедшихъ до насъ Новгородскихъ лѣтописей приводитъ насъ къ тому заключенію, что „христіанство было тамъ (то-есть, въ Новгородѣ) явленіемъ совершенно новымъ, результатомъ офиціальной проповѣди, послѣдовавшей изъ Кіева уже послѣ совершившейся тамъ перемѣны“ [3]). Доказательствомъ тому могутъ служить какъ „успѣхи, которыми сопровождалось появленіе волхвовъ на сѣверѣ“, такъ и то крайне рѣдкое упоминаніе о церковныхъ событіяхъ, какое мы находимъ въ Новгородскихъ лѣтописяхъ при изложеніи событій XI столѣтія, особенно первой его половины [4]). Въ виду этого обстоятельства, едва ли возможно предпола-

[1]) I-я Новгородская лѣтопись по спискамъ Син., Акад., Ком. и Толст.; Новгородская лѣтопись по сборнику архивскому; Краткій лѣтописецъ Новгородскихъ владыкъ; Лѣтописецъ Новгородскій церквамъ Божіимъ; IV-я Новгородская лѣтопись.

[2]) Лѣтописецъ Новгородскій церквамъ Божіимъ. Новгородскія лѣтописи, изд. 1879 г., стр. 172—390.

[3]) *Никитскій*, Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ, стр. 4.

[4]) За первую половину XI столѣтія, во всѣхъ Новгородскихъ лѣтописяхъ находимъ только три извѣстія о церковныхъ событіяхъ, а именно: 6538 (Лѣтопись по Архивскому сборнику, Лѣтописецъ Новгородскій церквамъ Божіимъ), 6544 (Краткій лѣтописецъ Новгородскихъ владыкъ), 6553 (I-я Новгородская лѣтопись по спискамъ Син., Акад., Ком. и Толст.; лѣтопись по Архивскому сборнику, лѣтописецъ Новгородскій церквамъ Божіимъ); при изложеніи событій относящихся ко 2-й половинѣ XI столѣтія, находимъ такихъ извѣстій—12; извѣстій о церковныхъ событіяхъ XII столѣтія оказывается болѣе—110, причемъ извѣстій, относящихся къ первой половинѣ XII столѣтія болѣе, чѣмъ вдвое меньше, чѣмъ извѣстій, относящихся ко второй половинѣ того же столѣтія. Такое постепенное и постоянное увеличеніе числа извѣстій, заключающихъ въ себѣ упоминаніе о церковныхъ событіяхъ древнѣйшаго періода исторіи Новгорода, можетъ служить указаніемъ на постепенность утвержденія и распространенія христіанства въ Новгородской области.

Библиотека "Руниверс"

гать существованіе такихъ лѣтописныхъ записей въ Великомъ Новгородѣ, которыя заключали бы въ себѣ упоминаніе о церковныхъ событіяхъ, происходившихъ въ этомъ городѣ до 989 г. Что касается до извѣстія Іоакимовой лѣтописи о существованіи въ Новгородѣ христіанъ и церкви до 989 г. [1]), то очевидно, послѣдователей христіанскаго ученія было здѣсь немного [2]), а потому и происходившія въ ихъ средѣ событія едва ли могли обратить на себя вниманіе Новгородскаго лѣтописца.

И такъ, разсмотрѣніе извѣстій Новгородскихъ лѣтописей о древнѣйшемъ періодѣ Новгородской церкви убѣждаетъ насъ въ невозможности предполагать существованіе древне-новгородскихъ событій церковнаго характера, которыя могли бы подать поводъ къ возникновенію лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ въ до-христіанскій періодъ его существованія.

Но кромѣ извѣстій о событіяхъ политическихъ и церковныхъ, въ Новгородскихъ лѣтописяхъ мы находимъ упоминаніе о событіяхъ внутреннихъ, гражданскаго характера, а именно — о поставленіи и кончинѣ князей и посадниковъ, о мятежахъ, пожарахъ, о народныхъ бѣдствіяхъ, причиняемыхъ пожарами, неурожаемъ и повальными болѣзнями, и затѣмъ о небесныхъ знаменіяхъ. Существованіе извѣстій о таковыхъ событіяхъ въ дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ могло бы, пожалуй, повести къ предположенію, что начальная, не дошедшая до насъ Новгородская лѣтопись состояла изъ повѣствованія объ этихъ внутреннихъ гражданскихъ событіяхъ. Но за XI вѣкъ такихъ извѣстій въ Новгородскихъ лѣтописяхъ немного, а именно о пожарахъ, о небесныхъ знаменіяхъ, о полноводіи, о поставленіи и кончинѣ князей всего семь [3]); о поставленіи же и кончинѣ посадниковъ,

---

[1]) «Нѣкіе шедше церковь Преображенія Господня разметаша, и домы Христіанъ грабляху». *Татищевъ*, Россійская исторія, т. I, стр. 39.

[2]) Доказательствомъ того, что число христіанъ въ Новгородѣ до 989 года было крайне ограничено, могутъ служить извѣстія о новгородскихъ событіяхъ XI-го столѣтія, напримѣръ, извѣстіе «Повѣсти временныхъ лѣтъ» подъ 6579 (1071) г. о томъ, что когда епископъ Ѳеодоръ сталъ уговаривать Новгородцевъ не вѣрить лживымъ словамъ волхва, то около него стали только князь Глѣбъ и его дружина, всѣ же остальные Новгородцы пристали къ волхву (см. Лѣтопись по списку Лаврентія, 175—176; Лѣтопись по Ипат. списку 127).

[3]) П. С. Р. Л., т. III, стр. 2, подъ г. 6553, стр. 3, подъ г. 6605; Лѣтописецъ Новгородскій церквамъ Божіимъ (Новгородскія лѣтописи, изд. 1879 года)— стр. 185, подъ г. 6586; П. С. Р. Л., т. III, стр. 2, подъ г. 6571, подъ г. 6560

Библиотека "Руниверс"

о мятежахъ, о народныхъ бѣдствіяхъ, причиняемыхъ неурожаемъ и повальными болѣзнями, нѣтъ и одного извѣстія. И такъ очевидно, что упоминаніе о такихъ событіяхъ не составляетъ главное содержаніе лѣтописныхъ записей XI столѣтія, а слѣдовательно, не могло составлять и главнаго содержанія не дошедшей до насъ Новгородской лѣтописи X вѣка.

Объяснять краткость Новгородскихъ лѣтописей за XI вѣкъ, вмѣстѣ съ г. Костомаровымъ, тѣмъ, „что лѣтописецъ былъ не современникъ, и не списывалъ даже современныхъ повѣстей, не дѣлалъ также своихъ замѣтокъ и по памяти, и составлялъ свою лѣтопись по скуднымъ, разрозненнымъ свѣдѣніямъ“ [1])—едва ли возможно, въ виду того соотвѣтствія, какое замѣчается между постепеннымъ увеличеніемъ числа извѣстій о различныхъ событіяхъ Новгородской земли XI и XII вв. и постепеннымъ возрастаніемъ политической независимости Великаго Новгорода и развитіемъ новгородскаго народовластія: повѣствованіе о политическихъ, церковныхъ и другихъ внутреннихъ событіяхъ Новгородской земли дѣлается все болѣе и болѣе пространнымъ, по мѣрѣ приближенія къ тому времени, когда „Новгородцы находились на высшей степени своего могущества“ [2]), когда новгородское народовластіе достигло самаго полнаго своего развитія. Допуская связь между политическимъ развитіемъ Новгорода и развитіемъ лѣтописнаго дѣла въ этомъ городѣ, мы получаемъ вполнѣ естественное объясненіе той краткости, которая замѣчается во всѣхъ Новгородскихъ лѣтописяхъ при описаніи событій XI столѣтія [3]). Если, вмѣстѣ съ г. Костомаровымъ, полагать, что эта краткость лѣтописныхъ записей о событіяхъ XI столѣтія объясняется тѣмъ, что лѣтописецъ былъ не современникъ и не списы-

---

(о кончинѣ князя Новгородскаго Владиміра), стр. 3, подъ г. 6587 (объ убіеніи князя Новгородскаго Глѣба), стр. 3, подъ г. 6603 (о назначеніи Давида княземъ Новгородскимъ).

[1]) *Н. И. Костомаровъ*, Лекціи по русской исторіи, стр. 60.

[2]) *С. М. Соловьевъ*, Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, стр. 58.

[3]) Изъ такозой связи объясняется и то явленіе новгородскаго лѣтописанія, которое казалось г. Яницу необъяснимымъ, а именно, что «начальныя страницы Новгородской лѣтописи (по списку синодальному) содержатъ въ себѣ, за исключеніемъ довольно подробнаго отрывка подъ 1016-мъ г., которымъ открывается сохранившаяся часть списка, лишь самыя краткія отмѣтки, и только съ 1116 г. разказъ лѣтописца становится обстоятельнѣе» (*Яницъ*, Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, стр. 23).

Библиотека "Руниверс"

валъ даже современныхъ повѣстей, то возникаетъ два не разрѣшимыхъ, по нашему мнѣнію, вопроса: 1) о какихъ политическихъ или церковныхъ событіяхъ Новгородской земли могли разказывать эти современныя описываемымъ событіямъ повѣсти? и 2) почему новгородскій лѣтописецъ, который съ такою добросовѣстностью и точностью передаетъ древне-новгородскую лѣтописную запись о борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ, оставляетъ безъ вниманія цѣлыя повѣсти, излагающія древнія судьбы Новгорода?

Такимъ образомъ, краткость и малочисленность лѣтописныхъ записей XI столѣтія, которыя велись въ Новгородѣ, естественнѣе и вѣроятнѣе объяснять не тѣмъ обстоятельствомъ, что „составитель Синодальнаго списка безпощадно урѣзалъ и исказилъ тотъ древній лѣтописный матеріалъ, которымъ онъ пользовался“ [1]), а бѣдностью самыхъ событій политическихъ и церковныхъ въ жизни Новгорода въ древнѣйшій періодъ его существованія. Тою же бѣдностью объясняется и та особенность Синодальнаго списка I-й Новгородской лѣтописи [2]), что до 1116 г. этотъ древнѣйшій списокъ представляетъ соединеніе извѣстій новгородскихъ и неновгородскихъ, при чемъ число послѣднихъ превышаетъ число первыхъ, между тѣмъ какъ „съ 1116 года временникъ становится въ полномъ смыслѣ мѣстнымъ, новгородскимъ“ [3]), такъ что съ 1132 года „уже послѣдовательно записываются разныя политическія новгородскія событія“, а „съ 1137 года, именно послѣ изгнанія Всеволода, повѣствованіе о политическихъ новгородскихъ событіяхъ дѣлается еще пространнѣе“ [4]). Такой рѣзкій переходъ отъ описанія событій всей Русской земли къ описанію событій преимущественно одной Новгородской области, а также перемѣну въ самой формѣ изложенія лѣтописныхъ извѣстій, всего естественнѣе, по нашему мнѣнію, объяснять не тѣмъ предположеніемъ, что начало древнѣйшей лѣтописи относится ко второй четверти XII столѣтія [5]),

---

[1]) *Яницъ*, Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, стр. 44.

[2]) О Синодальномъ спискѣ 1-й Новг. лѣт. считаемъ возможнымъ замѣтить вмѣстѣ съ г. Яницемъ, что онъ—«одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ Русской старины, для событій гражданской исторіи... почти единственный источникъ за періодъ времени, обнимающій слишкомъ три столѣтія, такъ какъ позднѣйшія лѣтописи Новгородскія очевидно черпали изъ нея, а если и восполняли ее добавочными извѣстіями, то преимущественно по дѣламъ церковнымъ» (*Яницъ*. Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, стр. 21).

[3]) *Яницъ*, Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, стр. 23.

[4]) *Костомаровъ*, Лекціи по русской исторіи, стр. 62, 63.

[5]) Тамъ же, стр. 63.

Библиотека "Руниверс"

а перемѣною въ самой жизни южной и сѣверной Руси, а именно политическимъ ослабленіемъ послѣдней, и постепеннымъ возрастаніемъ политическаго могущества Новгорода, который, воспользовавшись борьбою Мономаховичей съ Ольговичами послѣ смерти Мстислава (1132 г.), сталъ все болѣе и болѣе пріобрѣтать права выбирать князя по своему желанію и принимать его „на всей воли своей".

Существованіе подобной связи между развитіемъ лѣтописнаго дѣла въ Великомъ Новгородѣ и развитіемъ его политической независимости дѣлаетъ возможнымъ предположеніе, что начало Новгородской лѣтописи относится къ тому времени, когда Новгородцы впервые проявили стремленіе ограничить свою зависимость отъ Кіевскаго князя, пріобрѣсти себѣ нѣкоторыя права и привилегіи. Мы знаемъ, что Новгородцы, „вѣрные обыкновенію, со временъ Олега утвердившемуся и скрѣпленному распоряженіемъ Ярослава 1, постоянно признавали своимъ княземъ старшаго въ родѣ Ярослава, державца Кіевскаго, ему посылали дань, отъ него принимали намѣстника или посадника, князя, или простаго боярина" [1]). Но всегда ли—спрашивается—Новгородцы оставались вѣрны этому обыкновенію безусловно повиноваться волѣ Кіевскаго князя? Нѣтъ ли въ древнѣйшей исторіи Великаго Новгорода какихъ-либо указаній на попытки Новгородцевъ воспротивиться волѣ Кіевскаго князя? Первою такою попыткою уничтожить или, по крайней мѣрѣ, ослабить политическую зависимость Новгорода отъ Кіевскаго княяя является отказъ Ярослава платить дань своему отцу, Кіевскому князю [2]). Полагать, что отказъ Ярослава былъ только личнымъ его дѣломъ, по нашему мнѣнію, нельзя: едва ли Ярославъ рѣшился бы нарушить установленный временемъ и силой историческихъ обстоятельствъ обычай, если бы не находилъ, хотя бы въ нѣкоторой части новгородскаго населенія, сочувствія такой своей рѣшимости; если бы Новгородцы были вполнѣ непричастны такой рѣшимости своего князя, то едва ли откликнулись бы на его призывъ идти на Кіевскаго князя Святополка [3]), особенно

---

[1]) *С. М. Соловьевъ*, Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, стр. 96.

[2]) «Ярославу же сущю Новѣгородѣ и урокомъ даюшу Кыеву двѣ тысячѣ гривенъ отъ года до года... а Ярославъ сего не даяше отцю своему». Лѣтопись по списку Лаврентія, стр. 127.

[3]) «И се слышавъ Ярославъ заутра събра Новъгородьце изъбытокъ, и сътвори вѣче на полѣ и рече к нимъ: Люба моя дружина, юже изъсѣкохъ вчера в безуміи моемъ, не топѣрво ми ихъ золотомъ окупити. И рече имъ: братіе,

Библиотека "Руниверс"

послѣ того, какъ Ярославъ умертвилъ многихъ участниковъ въ избіеніи Варяговъ. Какъ извѣстно, результатомъ борьбы Ярослава съ Святополкомъ было бѣгство послѣдняго „в Ляхы“ [1]), вокняженіе Ярослава въ Кіевѣ и дарованіе Новгородцамъ льготныхъ грамотъ. Мы можемъ сомнѣваться относительно характера содержанія этихъ грамотъ; но независимо отъ того, будемъ ли мы вмѣстѣ съ Соловьевымъ [2]) и г. Бестужевымъ-Рюминымъ [3]) считать ихъ финансовыми льготами, или же, подобно Бѣляеву [4]) и г. Костомарову [5]), видѣть въ нихъ политическій уставъ, независимо отъ того или другаго представленія о содержаніи этихъ льготныхъ грамотъ, самый фактъ дарованія ихъ Ярославомъ можно признать знаменательнымъ, потому именно, что онъ является слѣдствіемъ перваго дѣятельнаго участія Новгородцевъ въ княжескихъ междоусобіяхъ: впервые они выручаютъ своего князя изъ бѣды, угрожавшей ему со стороны Кіева, помогаютъ ему занять великокняжескій Кіевскій столъ и получаютъ отъ него въ награду за помощь льготныя грамоты; очевидно, пріобрѣтеніе ихъ было для Новгородцевъ первымъ шагомъ на пути къ политической самостоятельности и независимости.

Такимъ образомъ, борьба Ярослава съ Святополкомъ была для Новгородцевъ первою княжескою усобицею, которою они воспользовались для пріобрѣтенія нѣкоторыхъ правъ и привилегій. Это первое вступленіе Новгородцевъ на поприще самостоятельной политической дѣятельности находится, по нашему мнѣнію, въ связи съ другимъ знаменательнымъ событіемъ въ исторіи Новгорода, а именно съ принятіемъ христіанства. Однимъ изъ слѣдствій того благотворнаго вліянія, какое, оказывало на древнихъ Новгородцевъ

отець мои Володимиръ умерлъ есть, а Святополкъ княжитъ въ Кіевѣ: хощу нань поити, потягнѣте по мнѣ. И рѣша ему Новгородьцѣ: а мы княже по тобѣ идемъ». Акад. сп. I-й Новг. лѣт. (Прод. Др. Рос. Вивліоѳики, ч. 2, стр. 333—334), то же въ Ком. и Толст. сп.

[1]) «в Ляхы», по даннымъ «Повѣсти Временныхъ лѣтъ» (см. Лѣт. по списку Лавр., стр. 139, Лѣт. по Ипат. списку, стр. 100); «въ Печенѣгы»—по даннымъ Новгородской лѣтописи (См. 1-ю Новгородскую лѣтопись по спискамъ Син. (П. С. Р. Л. т. III, стр. 1), Акад. (Прод. Др. Росс. Вивліоѳики, ч. 2-я стр. 335), Ком. и Толст.

[2]) Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, стр. 33.

[3]) Русская Исторія, стр. 315.

[4]) Разсказы изъ русской исторіи, кн. 2, стр. 229.

[5]) Свв. народоправства, т. I, стр. 47.

Библиотека "Руниверс"

знакомство съ истинами христіанскаго ученія [1]), могло быть пробужденіе въ Новгородцахъ потребности политической независимости и самостоятельности. Но такъ какъ съ введеніемъ христіанства въ Новгородѣ, проникаетъ туда и письменность, то возможно предполагать, что появленіе лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ относится къ тому же времени, когда пробуждается въ Новгородцахъ потребность политической независимости и самостоятельности, и является первая попытка удовлетворить этой потребности. Такою знаменательною въ исторіи Новгорода эпохою является первая половина XI столѣтія.

Ни въ одной изъ дошедшихъ до насъ Новгородскихъ и неновгородскихъ лѣтописей мы не находимъ до конца X столѣтія ни одного новгородскаго извѣстія современнаго характера. Первымъ новгородскимъ извѣстіемъ, которое носитъ на себѣ очевидные признаки современности составителя извѣстія съ самымъ событіемъ, является разказъ о принятіи христіанства въ Великомъ Новгородѣ [2]). Относительно этого извѣстія было замѣчено еще Срезневскимъ, что „хотя этотъ разказъ (о крещеніи Новгорода) и не можетъ быть почитаемъ по своему изложенію первообразнымъ, тѣмъ не менѣе трудно доказать, что онъ составленъ не по источнику древнему, почти современному съ событіемъ", и что „записанъ этотъ разказъ въ Новгородѣ..... еще тогда, когда христіанство и сила вліянія пастырей церкви въ Новгородѣ еще не утвердились, и язычество не совершенно пало" [3]). Еще съ большею опредѣленностью относительно современности составителя этого извѣстія описываемому въ немъ событію высказывается г. Бестужевъ-Рюминъ, по мнѣнію котораго „съ крещенія Новгорода начинается рядъ новгородскихъ извѣстій,

---

[1]) «Преставися архиепископъ Анимъ Новгороцкій, и бѣше ученикъ его Ефѳмъ, иже ны учаше».

[2]) «Въ лѣто 6497 (989). Крестися Володимиръ, и вся земля Руская. И поставиша в Кіевѣ митрополита, а Новугороду архіепископа, а по инымъ градомъ епископы, и попы, и дьяконѣ (діаконы-Ком.), и бысь (бысть-Ком.) радость всюду. И пріиде к Новугороду Анимъ архіепископъ Корсунянинъ, и требища разруши, и Перуна посѣче, и повелѣ влещи въ Волховъ. Поверьзавъше ужи волочаху по калу бьюще жезліемъ, и заповѣда никому жъ нигдѣ же пріати. И се иде пидьбляниинъ рано на рѣку, хотя горньци вести в городъ. И сице Перунъ приплы к берви и отърину его шестомъ. Ты, рече, перушище, доселѣ еси пилъ и ялъ, а нынѣ плови уже проче, и плы съсвѣта окошное».

[3]) *И. И. Срезневскій*, Изслѣдованія о лѣтописяхъ Новгородскихъ. *Изв. 2-го Отд. Ак. Наукъ*, т. 2, стр. 21, 22).

Библиотека "Руниверс"

записанныхъ несомнѣнно въ одно время съ самимъ событіемъ; такъ разказъ о крещеніи въ нѣсколькихъ спискахъ Новгород. I [1]) носитъ всѣ признаки современности: Пидьблянинъ везетъ горшки въ городъ, останавливается посмотрѣть на плывущаго Перуна: „ты, Перунище, до сихъ поръ пилъ и ялъ, а нынѣ поплови прочь". Этого не выдумываютъ: черта до того въ нравахъ простодушной эпохи, что она одна свидѣтельствовала бы за современность извѣстія. Съ тѣхъ поръ записываются въ Новгородѣ поставленіе и смерть епископовъ, строеніе церквей, напримѣръ построеніе церкви св. Софіи Іоакимомъ [2]), походы Новгородцевъ. Замѣтки эти ясно указываютъ на современность" [3]).

Совершенное отсутствіе во всѣхъ дошедшихъ до насъ Новгородскихъ лѣтописяхъ такихъ извѣстій, относящихся къ до-христіанскому періоду исторіи Новгорода (до 989 г.), происхожденіе которыхъ можно было бъ объяснять существованіемъ лѣтописныхъ записей, современныхъ описываемымъ въ нихъ событіямъ, дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что вышеуказанный разказъ былъ именно первымъ извѣстіемъ первоначальной Новгородской лѣтописи [4]).

Данныя первоначальной Кіевской лѣтописи, главнымъ содержаніемъ которой является изложеніе политическихъ событій, могли бы возбудить въ насъ сомнѣніе въ возможности существованія такой лѣтописи, котóрая начиналась бы съ извѣстія о церковномъ событіи; но данныя Тверской лѣтописи, которая начинается съ извѣстія о заложеніи церкви Спаса въ Твери [5]), убѣждаютъ насъ въ неосновательности такого сомнѣнія. О началѣ Тверской лѣтописи было замѣчено еще г. Костомаровымъ, что „слѣды ея существованія на-

[1]) Акад. (Прод. Др. Росс. Вивліоѳики, ч. II, стр. 310—311), Ком. и Толст.

[2]) Лѣтописецъ Новгородскій церквамъ Божіимъ (Новгородскія лѣтописи изд. 1879 г., стр. 173).

[3]) *Бестужевъ-Рюминъ*, О составѣ русскихъ лѣтописей, стр. 63.

[4]) Въ пользу подобнаго предположенія говоритъ и тотъ фактъ, что „въ древней Руси церковь вообще стояла въ тѣсной связи съ общимъ ходомъ гражданской жизни и пользовалась въ немъ чрезвычайно важнымъ значеніемъ. Но нигдѣ связь эта не была столь тѣсною, и значеніе церкви столь могущественнымъ, какъ въ Великомъ Новгородѣ". (*Никитскій*, Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ, стр. 36).

[5]) «Въ лѣто 6793 (1285). Заложиша церковь каменну святаго Спаса на Твери благовѣрнымъ великимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ, и матерію его, благовѣрною великою княгинею Оксиньею Ярославлею Ярославича, и епископомъ Симеономъ Тверскимъ». Тверская лѣтопись (П. С. Р. Л., XV, 406).

Библиотека "Руниверс"

чинаются съ извѣстія о заложеніи Спаса въ Твери. По тогдашнимъ народнымъ понятіямъ признакомъ самобытности этого края была первая главная соборная церковь; тогда же поставленъ былъ епископъ въ Твери. Отсюда идутъ лѣтописныя извѣстія въ послѣдовательной чередѣ" [1]. Такого же мнѣнія о началѣ Тверской лѣтописи держится и г. Тихомировъ, который въ своемъ изслѣдованіи „О сборникѣ, именуемомъ Тверскою лѣтописью", замѣчаетъ, что „собственно Тверская лѣтопись начинается съ 6793 (1285) г." [2]. Признавая справедливыми вышеприведенныя замѣчанія гг. Костомарова и Тихомірова, считаемъ возможнымъ замѣтить, что начало Тверской лѣтописи во времени совпадаетъ и съ началомъ политическаго роста Тверскаго княжества въ концѣ XIII столѣтія [3].

Что Новгородская лѣтопись могла имѣть такое же начало, какъ Тверская, то-есть, начинаться съ извѣстія о церковномъ событіи, въ этомъ убѣждаетъ насъ сходство воззрѣній Тверскаго и Новгородскаго лѣтописцевъ на событія народной жизни и одинаковость ихъ симпатій и антипатій. Это сходство обнаруживается, какъ въ сохраненіи Тверскимъ лѣтописцемъ почти всѣхъ древне-новгородскихъ извѣстій [4], находящихся въ I-й Новгородской лѣтописи [5], такъ и въ удержаніи тѣхъ выраженій этой послѣдней, которыя заключаютъ въ себѣ указанія на сочувствіе ея составителя къ прошлымъ судьбамъ

---

[1]) *Н. И. Костомаровъ*. Лекціи по русской исторіи, стр. 89.

[2]) *Тихомировъ*, О сборникѣ, именуемомъ Тверскою лѣтописью. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1876 г., декабрь, стр. 273.

[3]) Припомнимъ, что «потомствомъ Ярослава Ярославича (ум. 1272 г.) былъ могущественный домъ князей Тверскихъ». *Бестужевъ-Рюминъ*, Русская Исторія, стр. 286.

[4]) Подъ древне-новгородскими извѣстіями въ данномъ случаѣ я разумѣю извѣстія, описывающія событія древне-новгородской жизни до второй четверти XIII столѣтія, такъ какъ только древнѣйшая часть Тверской лѣтописи, а именно до 1230 г., была предметомъ моего изученія.

[5]) Такъ напримѣръ, при изложеніи событій XII столѣтія, не смотря на обиліе новгородскихъ извѣстій, имѣющихся въ I-й Новгородской лѣтописи (однихъ извѣстій о внутреннихъ событіяхъ, относящихся къ XII столѣтію, имѣется въ этой лѣтописи болѣе 200), число извѣстій, пропущенныхъ въ Тверской лѣтописи, но имѣющихся въ I-й Новгородской лѣтописи, крайне ограничено (около 15), между тѣмъ, какъ новгородскихъ извѣстій, пропущенныхъ въ другой позднѣйшей лѣтописи, а именно въ Софійской I-й, за тотъ же промежутокъ времени—около 230.

Библиотека "Руниверс"

Новгорода [1]). Объяснять сохраненіе Тверскимъ лѣтописцемъ выраженій, свойственныхъ древне-новгородской лѣтописи, бессознательнымъ отношеніемъ его къ употребленному имъ лѣтописному матеріалу, едва ли возможно въ виду того, что Тверской лѣтописецъ, списывая древне-новгородскую лѣтопись, проявляетъ (какъ въ этомъ мы убѣждаемся при дословномъ сличеніи данныхъ Тверской лѣтописи съ данными I-й Новгородской) не только точность и добросовѣстность въ сохраненіи какъ цѣнныхъ извѣстій [2]), такъ и отдѣль-

---

[1]) Примѣрами сохраненія Тверскимъ лѣтописцемъ такихъ выраженій, составляющихъ исключительную принадлежность I-й Новгородской лѣтописи, могутъ служить извѣстія, находящіяся въ Тверской лѣтописи подъ гг. 6636 („и тако, по грѣхомъ нашимъ, погыбе земля наша“ — П: С. Р. Л., XV, 195), 6657 („но Суздалцей болѣи (паде), бес числа“, тамъ же, стр. 214), 6664 („но не хотя Богъ, по нашимъ грѣхомъ, дати намъ гробъ его (владыки Нифонта) на утѣшеніе“, тамъ же, стр. 224), 6666 („Въ то же лѣто, по грѣхомъ по нашимъ, моръ бысть многъ въ Новѣгородѣ“, тамъ же, стр. 226), 6669 („еще же, за грѣхы наша, не то зло (оставися), но и зима бяше тепла и дождь съ громомъ“, тамъ же, стр. 234), 6672 („и побѣдиша (Новогородци) ихъ (Свѣа) Божіею помощью“, тамъ же, стр. 236), 6677 („и пособи Богъ Новогородцемъ, и паде Суждалцевъ 1000 и 300, а Новогородцевъ 15 мужь“, тамъ же, стр. 240), 6678 („и пособи Богъ Новогороддемъ, убиша отъ полка великого князи Андрея 800 мужъ“, тамъ же, стр. 244); „Симъ бо образомъ молится святая Богородица Сыну своему и Богу нашему за градъ нашъ. Молитвами святыя Богородица пусти Господь гнѣвъ свой на вся полки Русскія“, тамъ же, стр. 246; „и къ вечеру побѣди а Романъ Мьстиславичь, но дѣтескъ бяше, съ Новогородци, силою крестною и святою Богородицею и молитвами благовѣрнаго владыкы Иліи, мѣсяца февраля 25... Новъ же городъ избавленъ бысть молитвами пресвятыя Богородица... ея же молитвами Христе Боже нашь и насъ грѣшныхъ избави отъ всякоа печали“, тамъ же, стр. 247), 6702 („и не ту ся зло устави, за грѣхы наши и на другый день загорѣся въ Чеуловѣ улкѣ“, тамъ же, стр. 283), 6712 („Того же лѣта, по грѣхомъ по нашимъ, измроша кони въ Новѣгородѣ“, тамъ же, стр. 301), 6723 („и по грѣхомъ нашимъ обади Феодоръ Лазутиничь и Иворь Новоторжець Якуна тысячьскаго Намѣстнича“, стр. 315), 6724 („и тако, по грѣхомъ нашимъ, разыдеся волость наша вся и городъ нашь по чюжимъ землямъ“, тамъ же, стр. 316; „и пособи Богъ Ярунѣ, изби сторони Ярославли“, тамъ же, стр. 319; „и тако Божіею помощію и святыа Софіа одолѣ Мьстиславь, побѣди Ярослава и братію его“, тамъ же, стр. 322).

[2]) Отлагая до будущаго времени подробное разсмотрѣніе позднѣйшихъ лѣтописей, какъ источника для исторіи древняго Новгорода, считаемъ возможнымъ пока замѣтить, что сравнительное изученіе данныхъ позднѣйшихъ лѣтописей (Тв., Ник., Воскр., Соф. I-й и позднѣйшихъ списковъ I-й Новгородской лѣтописи), заключающихъ въ себѣ болѣе или менѣе значительное количество новгородскихъ

Библиотека "Руниверс"

ныхъ выраженій и реченій древне-новгородской лѣтописи [1]), но и сознательное отношеніе къ своему источнику. Оно обнаруживается въ постоянной заботѣ Тверскаго лѣтописца о болѣе точномъ обозначеніи мѣста и времени совершенія древне-новгородскихъ событій, а также званія, отчества и происхожденія лицъ, участвовавшихъ въ этихъ событіяхъ; кромѣ того, на сознательность Тверскаго лѣтописца указываетъ та постоянная замѣна древнихъ формъ формами болѣе новыми, однихъ словъ и выраженій другими, синонимическими.

Признавая сходство воззрѣній и симпатій двухъ упомянутыхъ лѣтописцевъ, мы можемъ съ достаточною вѣроятностью полагать, что первоначальная Новгородская лѣтопись, подобно первоначальной Тверской, начиналась извѣстіемъ о церковномъ событіи. Такимъ событіемъ и было крещеніе Новгорода.

Но если первоначальная Новгородская лѣтопись начиналась съ извѣстія о крещеніи Новгорода, то мы въ правѣ ожидать, что и всѣ древнѣйшія и позднѣйшія лѣтописи, въ составъ которыхъ входятъ одни новгородскія извѣстія, начинались съ извѣстія о крещеніи Новгорода. И дѣйствительно, три изъ нихъ, а именно: „Лѣтопись по сборнику Архивскому“ [2]), „Краткій лѣтописецъ Новгородскихъ

извѣстій, приводитъ къ тому заключенію, что изъ всѣхъ позднѣйшихъ лѣтописей Тверская лѣтопись отличается наибольшею полнотою и точностью въ сохраненіи древне-новгородскихъ лѣтописныхъ извѣстій.

[1]) Примѣромъ точности сохраненія древне-новгородскихъ реченій можетъ служить извѣстіе, имѣющееся въ Тверской и Новгородской I-й лѣтописяхъ подъ г. 6708. Въ I-й Новгородской лѣтописи подъ этимъ 6708 г. приводится извѣстіе о походѣ новгородскаго посадника Нѣздилы на Луки; упоминая объ этомъ походѣ Нѣздилы, Новгородскій лѣтописецъ замѣчаетъ, что этотъ посадникъ „иде съ Лукъ съ малою дружины въ Лотыголу на торонѣ“ (П. С. Р. Л., III, 25). Позднѣйшіе списатели древне-новгородской лѣтописи, а именно составители Акад., Ком. и Толст. списковъ I-й Новг. лѣт., вмѣсто древне-русскаго реченія „на торове“, которое, по объясненію Карамзина (Исторія Гос. Рос., т. III, прим. 116), означаетъ „набѣгомъ“, употребили „на сторонѣ“ (Пр. Др. Вивліоѳики, ч. II, 433) или вслѣдствіе непониманія испорченнаго текста древне-новгородской лѣтописи, или же вслѣдствіе невѣрнаго пониманія значенія древне-русскаго реченія „на торове“, между тѣмъ, какъ Тверской лѣтописецъ сохраняетъ безъ всякаго измѣненія реченіе „на торонѣ“ (П. С. Р. Л., т. XV, 291).

[2]) Новгородскія лѣтописи, изд. 1879, стр. 1—122. Относительно „Лѣтописи по сборнику Архивскому“ замѣтимъ, что въ этой лѣтописи извѣстіе о крещеніи Новгорода является 2-мъ, начало этой лѣтописи составляетъ извѣстіе о кометѣ (подъ г. 6419); но такъ какъ это извѣстіе о кометѣ могло быть взято позднѣйшимъ списателемъ древне-новгородской лѣтописи изъ Кіевской лѣтописи (см.

Библиотека "Руниверс"

владыкъ" [1]) и „Лѣтописецъ новгородскій церквамъ Божіимъ" [2]), начинаются такимъ извѣстіемъ.

И такъ, признавая возможнымъ по дошедшимъ до насъ Новгородскимъ лѣтописямъ судить и о тѣхъ Новгородскихъ же лѣтописяхъ, которыя сдѣлались жертвою всеразрушающаго времени, мы можемъ полагать, что началомъ всѣхъ древнѣйшихъ и позднѣйшихъ лѣтописей новгородскаго происхожденія было также извѣстіе о крещеніи Новгорода.

Кромѣ трехъ вышеприведенныхъ Новгородскихъ лѣтописей, указаніе на первоначальный составъ древнѣйшей лѣтописи Новгородской заключаютъ въ себѣ и позднѣйшіе списки I-й Новгородской лѣтописи, а именно, Акад., Ком. и Толст. Во всѣхъ этихъ спискахъ мы находимъ перечни южнорусскихъ и Новгородскихъ князей, а также Новгородскихъ епископовъ и посадниковъ[3]); „перечни эти, по крайней мѣрѣ, роспись Новгородскихъ князей и роспись Новгородскихъ посадниковъ", по справедливому замѣчанію г. Яниша [4]), — „имѣютъ какую-то ближайшую связь съ нынѣ утраченною Новгородскою хроникой, бывшею въ рукахъ у составителя лѣтописи по академическому и родственнымъ спискамъ: фактическія отмѣтки и имена въ росписяхъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, извлечены имъ изъ этой хроники". Соглашаясь вполнѣ съ мнѣніемъ г. Яниша, что у составителей вышеупомянутыхъ перечней была подъ руками какая-то древне-Новгородская лѣтопись, полагаемъ, что эта нынѣ утраченная лѣтопись начиналась также извѣстіемъ о крещеніи Новгорода; полагаемъ такъ, потому, что всѣ вышеупомянутые перечни[5]) начинаются съ обозначе-

---

Лѣтопись по списку Лаврентія, стр. 32, Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. или же изъ греческой и болгарской лѣтописи (*Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. III стр. 123, изд. 1870 г.), то возможно полагать, что первымъ извѣстіемъ, взятымъ изъ древне-новгородской лѣтописи, было все же извѣстіе о крещеніи Новгорода.

[1]) Тамъ же, стр. 130—171.

[2]) Тамъ же, стр. 172—390.

[3]) Акад. сп. 1-й Новгородской лѣтописи въ Прод. Др. Росс. Вивліоѳики, ч. II, стр. 311—318; то же въ Ком. и Толст. спискахъ.

[4]) Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, стр. 41.

[5]) Относительно перечня посадниковъ считаю нужнымъ замѣтить, что хотя этотъ перечень и начинается именемъ сказочнаго посадника Гостомысла, но въ этомъ перечнѣ «замѣчается скачокъ отъ сказочнаго Гостомысла къ Константину (Добрыничу), современнику Ярослава Мудраго» (*Яниш*, Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, стр. 42); такое умолчаніе о посадникѣ Добрынѣ и другихъ новгородскихъ посадникахъ до-христіанскаго періода новгородской жизни

Библиотека "Руниверс"

нія лицъ, жившихъ въ христіанскій періодъ исторіи Новгорода. Умолчаніе во всѣхъ трехъ перечняхъ о князьяхъ и посадникахъ, которые жили до Владиміра Святаго, всего естественнѣе и вѣроятнѣе, по нашему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что въ той древней Новгородской лѣтописи, которою пользовались составители перечней Новгородскихъ князей и посадниковъ, не было упоминанія о событіяхъ новгородской жизни до христіанскаго періода, то-есть, другими словами, что первымъ извѣстіемъ этой древне-новгородской лѣтописи было извѣстіе о крещеніи Новгорода.

Полагая, что составители трехъ упомянутыхъ перечней пользовались древне-Новгородскою лѣтописью, начинавшеюся съ описанія событій конца X столѣтія (съ 989 г.), мы получаемъ возможность объяснить ту особенность дошедшаго до насъ Новгородскаго лѣтописнаго свода, что только въ этомъ сводѣ (по спискамъ Ком., Акад. и Толст.) перечень князей и посадниковъ помѣщенъ не въ началѣ, какъ въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ, напримѣръ, въ Тверской, Воскресенской и Никоновской лѣтописяхъ, а послѣ извѣстія о крещеніи Новгорода. Если полагать, что у составителей упомянутыхъ списковъ I-й Новгородской лѣтописи была подъ руками Новгородская лѣтопись, въ которой упоминались событія, происходившія въ Новгородѣ въ до-христіанскій періодъ, то чѣмъ объяснить въ такомъ случаѣ какъ неполноту въ содержаніи этихъ перечней, умалчивающихъ о князьяхъ и посадникахъ, жившихъ до Владиміра Святаго, такъ и помѣщеніе этихъ перечней послѣ цѣлаго ряда извѣстій, излагающихъ событія болѣе, чѣмъ за 100 лѣтъ.

Но, принимая „въ соображеніе, что въ обрывкахъ, и преимущественно безъ начальныхъ годовъ, дошло до насъ немало и другихъ Новгородскихъ временниковъ“ [1]), а именно, кромѣ „Синодальнаго и Академическаго II списковъ Новгородскихъ лѣтописей, безъ начальныхъ годовъ и съ разными урѣзками и искаженіями, дошли до насъ еще и другіе списки того же разряда: Толстовскій XX [2]), у котораго недостаетъ также конца, и Академическій I, отличающійся тѣмъ, что недостающіе листы замѣнены въ немъ баснословною повѣстью

указываетъ на то, что у составителя этого перечня новгородскихъ посадниковъ была подъ руками такая Новгородская лѣтопись, которая начиналась съ изложенія новгородскихъ событій христіанскаго періода.

[1]) *Ягичъ*, Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, стр. 22.

[2]) См. предисловіе къ Новгородской 4-й лѣтописи въ П. С. Р. Л., т. IV, стр. VII.

Библиотека "Руниверс"

о началѣ Новгорода, сочиненною въ XVII вѣкѣ [1])..... сюда же слѣдуетъ отнести отрывокъ Новгородской лѣтописи[2])..... обнимающій годы 7018—7077 (1510—1569)“ [3]),—принимая въ соображеніе подобную потерю начала нѣкоторыхъ лѣтописей новгородскаго происхожденія, возможно предполагать, что у составителей трехъ упомянутыхъ списковъ I-й Новгородской лѣтописи была подъ руками лѣтопись, у которой отсутствовало начало до 989 г. Если допускать, что составители Ком. и Акад. I-й Новгородской лѣтописи, а также Лѣтописи по Архивскому списку, Краткаго лѣтописца Новгородскихъ владыкъ и Лѣтописца Новгородскаго церквамъ Божіимъ дѣйствительно пользовались такими Новгородскими лѣтописями, у которыхъ было потеряно начало,—то чѣмъ объяснить такую одинаковую потерю начальныхъ листовъ нѣсколькихъ Новгородскихъ лѣтописей древнѣйшаго происхожденія? Объяснять ее случайностью не возможно, такъ какъ не возможно ни допустить, чтобъ у нѣсколькихъ древне-новгородскихъ лѣтописей случайнымъ образомъ потерялось по одинаковому числу листовъ, особенно, если принять во вниманіе, что въ Новгородскихъ лѣтописяхъ, дошедшихъ до насъ безъ начала, число потерянныхъ начальныхъ листовъ весьма различно; такъ напримѣръ, въ Ком. спискѣ I-й Новгородской лѣтописи недостаетъ перваго листа, въ Академическомъ I-мъ Новгородской IV-й лѣтописи [4])—первыхъ шести, въ Синодальномъ спискѣ I-й Новгородской лѣтописи—первыхъ пятнадцати тетрадей [5]). Объяснять вмѣстѣ съ Бѣляевымъ [6]) и Яницемъ [7]) потерю начальныхъ листовъ древне-Новгородской лѣтописи Московскимъ вліяніемъ едва ли возможно въ. виду сохраненія той части древне-новгородской лѣтописи, которая заключаетъ въ себѣ указаніе на высшее развитіе новгородской самобытности (въ концѣ XII столѣтія и началѣ XIII), уничтоженіе всѣхъ слѣдовъ которой было завѣтною цѣлью московской политики. Невозможность подобнаго объясненія становится еще очевиднѣе, если припомнимъ, что

---

[1]) Тамъ же, стр. V.

[2]) Новгородскія лѣтописи, изд. 1879 г., стр. 123—129.

[3]) *Яницъ*, Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, стр. 44.

[4]) См. предисловіе къ Новгородской IV-й лѣтописи въ П. С. Р. Л., т. IV стр. V.

[5]) См. предисловіе къ I-й Новгородской лѣтописи въ П. С. Р. Л., т. III, стр. V.

[6]) О Несторовой лѣтописи *(Чтенія Московскаго Историческаго общества*, 1847 г. № 5), стр. 10.

[7]) Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, стр. 46—48.

Библиотека "Руниверс"

до второй четверти XII столѣтія Новгородцы добровольно признавали свою зависимость отъ Кіевскаго князя, такъ что въ древне-Новгородской лѣтописи X столѣтія не могло быть никакихъ указаній на развитіе новгородской самобытности. Такимъ образомъ, нельзя согласиться съ мнѣніемъ г. Яниша, „что обезглавленіе и искаженіе новгородскихъ лѣтописей могло быть точно также дѣломъ московской политики“ [1]), и что цѣлью такого искаженія было „поразить на смерть историческія воспоминанія“ о прошлыхъ судьбахъ Новгорода.

И такъ, первымъ событіемъ, отмѣченнымъ въ начальной Новгородской лѣтописи, было крещеніе Новгорода; но возникаетъ вопросъ: когда упоминаніе объ этомъ событіи было впервые занесено въ древне-Новгородскую лѣтопись? Полагая вмѣстѣ съ Срезневскимъ [2]) и Бестужевымъ-Рюминымъ [3]), что извѣстіе это носитъ на себѣ всѣ признаки современности, мы можемъ относить составленіе этой лѣтописной записи къ концу X вѣка или къ началу XI.

Отсутствіе данныхъ въ Новгородскихъ лѣтописяхъ, заключающихъ въ себѣ опредѣленныя указанія на время возникновенія лѣтописныхъ записей въ Великомъ Новгородѣ, дѣлаетъ для насъ невозможнымъ точное опредѣленіе времени возникновенія этихъ записей и заставляетъ насъ, подобно Погодину [4]), ограничиться предположеніемъ, что „можетъ быть, тотъ началъ ихъ вести, который по извѣстію, сохранившемуся въ Никоновской лѣтописи, подъ г. 1030 написалъ: преставися Новгородской епископъ Акимъ, и бяше ученикъ его Ефремъ, „иже ны учаше“. Такимъ образомъ, начало лѣтописныхъ записей, которыя велись въ Великомъ Новгородѣ, возможно съ достаточною вѣроятностью отнести къ первой половинѣ XI столѣтія, при чемъ первою лѣтописною записью новгородскаго происхожденія должно признать извѣстіе о крещеніи Новгорода.

І. Сениговъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 48.

[2]) Изслѣдованія о лѣтописяхъ Новгородскихъ. *Изв. Академіи Наукъ*, т. II, стр. 21—22.

[3]) О составѣ русскихъ лѣтописей, стр. 63.

[4]) Новгородскія лѣтописи. *Изв. Академіи Наукъ* по *2-му отд.*, т. VI, стр. 231.

Библиотека "Руниверс"

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Монгольская лѣтопись „Эрдэнійнъ эрихэ". Подлинный текстъ съ переводомъ и поясненіями, заключающими въ себѣ матеріалы для исторіи Халхи съ 1636 по 1736 г. *А. Позднѣева*. С.-Пб. 1883.

Книга эта знакомитъ насъ съ историческою литературой Монголовъ новаго времени, литературой, которая оставалась до сихъ поръ неизвѣстною ученому міру, и памятники которой вывезены г. Позднѣевымъ прямо изъ Монголіи. Обстоятельство это заставляетъ обратить особенное вниманіе на трудъ г. Позднѣева.

Еще до выпуска въ свѣтъ этой своей книги г. Позднѣевъ напечаталъ въ газетѣ Восточное Обозрѣніе (1882 г. №№ 5 и 6) замѣтку „О монгольской исторической литературѣ по памятникамъ, хранящимся въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ", въ которой возсталъ противъ укоренившагося въ ученомъ мірѣ „односторонняго" мнѣнія, будто монгольскія лѣтописи „безсодержательны", ничего почти не даютъ, кромѣ именъ, проникнуты ультра-буддійскимъ духомъ, и т. п. Въ замѣткѣ этой сообщалось о найденныхъ г. Позднѣевымъ въ Монголіи памятникахъ, а именно: о 8 большихъ монгольскихъ лѣтописяхъ и о 25 историческихъ рукописяхъ объ отдѣльныхъ городахъ, мѣстностяхъ, монастыряхъ, біографіяхъ монгольскихъ князей, жизнеописаніяхъ хутухтъ и т. п., и сказано, что изученіе этихъ источниковъ должно развѣять прежній взглядъ относительно содержанія монгольской исторической литературы и убѣдить ученый міръ въ томъ, что монгольскимъ „лѣтописямъ чуждо буддійское направленіе ихъ авторовъ". Особенно высоко ставилъ г. Позднѣевъ

Библиотека "Руниверс"

при этомъ лѣтопись Эрдэнійнъ эрихэ. Послѣ такого заявленія мы въ правѣ были ожидать отъ монгольской „исторіографіи“ очень цѣнныхъ извѣстій, и потому съ нетерпѣніемъ ожидали появленія „Матеріаловъ для исторіи Халхи“, какъ труда, въ основу котораго положена Эрдэнійнъ эрихэ, а другія лѣтописи, или большая часть ихъ, послужили къ составленію обширнаго къ ней комментарія.

На дѣлѣ однако оказывается, что находки г. Позднѣева не принадлежатъ къ числу особенно крупныхъ, и что монгольскія лѣтописи далеко не то, что говорилъ о нихъ г. Позднѣевъ въ своей предварительной замѣткѣ. Но предоставимъ слово самому автору: „Мы естественно считаемъ „Эрдэнійнъ эрихэ“, говоритъ онъ, — „за одну изъ самыхъ полныхъ монгольскихъ лѣтописей.... Оцѣнивая лѣтопись тусалакчи Галдана какъ памятникъ историческій, я скажу, что въ большинствѣ случаевъ она, безспорно, ничтожна по своему содержанію; но своимъ обиліемъ хотя бы то и ничтожныхъ, въ нашемъ воззрѣніи, фактовъ, она вопервыхъ наталкиваетъ насъ на вопросы, а вовторыхъ даетъ возможность болѣе или менѣе правильно ориентироваться въ размѣщеніи тѣхъ событій, которыя узнаемъ мы изъ другихъ монгольскихъ лѣтописей, столько же безсвязныхъ и отрывочныхъ въ изложеніи свѣдѣній, какъ и „Эрдэнійнъ эрихэ“ (стр. XVI). Какое-то неопредѣленное впечатлѣніе производитъ эта характеристика, а выраженіе: „наталкиваетъ на вопросы“—признаемся—намъ непонятно. Черезъ нѣсколько страницъ авторъ еще разъ заявляетъ, что „лѣтопись Галдана, при всей относительной полнотѣ ея, очевидно является черезъ чуръ малосодержательною и еще болѣе перепутанною, а потому сбивчивою и неудобопонятною“ (стр. XXI). А еще немного далѣе узнаемъ, что безъ китайскихъ источниковъ, съ однѣми монгольскими лѣтописями, шагу нельзя сдѣлать: „Съ своей стороны“, заявляетъ г. Позднѣевъ, — „я считаю долгомъ сказать, что сочиненіе это (Шинъ-у-цзи) буквально служило для меня руководящею нитью, держась за которую единственно и была возможность разобраться въ массѣ фактовъ, безсвязно и отрывочно изложенныхъ во всѣхъ вообще монгольскихъ лѣтописяхъ послѣдняго изданія“ (XXIV). Это относительно содержанія монгольскихъ лѣтописей. Какое же отношеніе ихъ къ буддизму? Въ какой степени свободны онѣ отъ ультра-буддійскаго духа, такъ присущаго давно извѣстнымъ монгольскимъ лѣтописямъ? Касаясь событій въ Монголіи въ XVII столѣтіи, г. Позднѣевъ свидѣтельствуетъ, что „лѣтописныя сказанія о томъ времени изъ года въ годъ не передаютъ намъ ни-

Библиотека "Руниверс"

чего другаго, кромѣ извѣстій о совершеніи тѣ тамъ, то въ другомъ мѣстѣ религіозныхъ церемоній, о сооруженіи храмовъ и кумировъ, чествованіяхъ гэгэна, священныхъ ламъ и пр." (стр. 165). Но и въ XVIII столѣтіи оказывается то же самое: „Едва ли было въ Халхѣ болѣе славное время процвѣтанія буддизма, какъ послѣдніе годы царствованія Канси. Всѣ имѣющіяся у насъ историческія сказанія монголовъ относительно этого времени говорятъ о буддизмѣ и только о буддизмѣ" (стр. 304). И подтвержденіе всему этому находимъ мы чуть не на каждой страницѣ книги г. Поздѣева.

Выходитъ, стало быть, что монгольскія лѣтописи суть памятники весьма мало значительные, что даже и лѣтописями-то ихъ нельзя назвать, а надо подыскать болѣе подходящее для нихъ названіе. Но какъ ни плоха монгольская „исторіографія", нельзя же за это обвинять Монголовъ. Хорошо, что у нихъ и такая-то есть; у другихъ кочевыхъ народовъ, тоже игравшихъ важную роль и въ Азіи и въ Европѣ, и того не имѣется. Странно желать, чтобы мѣстный бытописатель заботился не о томъ, что интересовало его соотечественниковъ, а о томъ, что можетъ потребоваться какимъ-нибудь иностраннымъ ученымъ; еще страннѣе примѣнять къ монгольской исторіографіи требованія, выработанныя европейскою наукой. Качества монгольскихъ лѣтописей будутъ очевидны всякому, кто приметъ трудъ прочесть книгу г. Поздѣева, но значеніе лѣтописей останется не выясненнымъ. Другое дѣло, еслибъ авторъ объяснилъ, почему монгольская историческая литература приняла тотъ характеръ, какимъ отличается она теперь, показалъ бы, какъ составляется эта литература, однимъ словомъ—изслѣдовалъ бы составъ монгольскихъ лѣтописей. Такія задачи можетъ разрѣшить только монголистъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію самаго труда г. Поздѣева. Онъ задумалъ представить тѣ свѣдѣнія о судьбѣ Монголіи, съ начала XVII столѣтія, какія имѣются у самихъ Монголовъ, то-есть, послѣ извѣстной лѣтописи Сананъ-Сэцэна, и разсмотрѣлъ пока одно столѣтіе. Переводъ лѣтописи Эрдэнійнъ эрихэ занимаетъ всего 39 страницъ; комментарій же, въ которомъ г. Поздѣевъ является истолкователемъ лѣтописи и событій въ Монголіи, занимаетъ 273 страницы, то-есть, въ семь разъ болѣе текста; приложеній не считаемъ. Ясно, что вся сущность сочиненія въ комментаріѣ. Тутъ автору предстояло выказать, съ одной стороны, всю свою эрудицію, съ другой—показать свое умѣнье обращаться съ источниками. Эрудиція г. Поздѣева въ монгольскомъ языкѣ и литературѣ не подлежитъ никакому сомнѣ-

Библиотека "Руниверс"

нію; но второе требованіе оставляетъ желать многаго, что̀ мы и постараемся доказать.

Всякій историкъ, изучающій какой-либо народъ, невольно привязывается къ нему, каковъ бы этотъ народъ ни былъ. Хорошо это или дурно—вопросъ другой; но такъ обыкновенно бываетъ, и понятно почему: историкъ, по призванію, въ нѣкоторомъ родѣ, самъ переживаетъ тѣ событія, которыя онъ описываетъ; радость и горе изучаемаго народа дѣлаются близкими и ему. Слѣдовало бы ожидать сочувствія Монголамъ со стороны г. Позднѣева; но въ дѣйствительности оказывается, что онъ не только не питаетъ къ нимъ никакого расположенія, но просто ненавидитъ ихъ. И такое отношеніе г. Позднѣева къ Монголамъ тѣмъ болѣе непонятно, что въ другомъ своемъ большомъ трудѣ онъ смотрѣлъ на Монголовъ и вообще на кочевниковъ иначе. Тамъ даже въ храбрости имъ не отказывалось. Правда, въ одномъ случаѣ предметомъ изученія была поэзія Монголовъ, а въ другомъ—ихъ поступки и жизнь по историческимъ памятникамъ; но едва ли такой переворотъ совершился у нашего монголиста подъ вліяніемъ литературныхъ памятниковъ. Во всякомъ случаѣ пристрастіе г. Позднѣева въ его „Матеріалахъ“ перешло за тотъ предѣлъ, когда съ нимъ можно мириться.

По словамъ г. Позднѣева, отличительною чертою характера Халхасовъ является вѣроломство (стр. 124), каждое ихъ слово, каждое дѣяніе—наглая ложь, они постоянно обнаруживали презрительную мелочность своего характера (148—149); продажность и жадность всегда были присущи духу Халхасовъ (152); они трусы: робость западаетъ въ ихъ души при одномъ только слухѣ о могуществѣ тайцзуна. Если есть у нихъ честолюбіе, то непремѣнно мелочное (221); если они бѣгутъ, то бѣгутъ постыдно (229); въ Пекинъ являются неиначе, какъ униженно (163), и т. п. Вообще же Халхасы народъ дикій (201), съ нравственнымъ разъединеніемъ (270), съ желаніемъ поживиться на счетъ ближняго (271). Нашъ авторъ просто не находитъ словъ, какъ бы посильнѣе ошельмовать Халхасовъ. Строятъ они храмы, размножаютъ кумиры, сочиняютъ процессіи—все это для того, чтобы блеснуть внѣшностію; а если это только внѣшность, то служитъ она, конечно, въ угоду праздности, невѣжеству и шарлатанству (132). Что̀ ни сдѣлали бы Халхасы, все худо. Г. Позднѣевъ, по видимому, сочувствуетъ мѣрѣ китайскаго правительства брать заложниковъ отъ Халхасовъ съ цѣлію обезпечить себя отъ ихъ набѣговъ (стр. 146); но какъ только Халхасы испол-

Библиотека "Руниверс"

нили это требованіе Китайскаго императора, г. Позднѣевъ сейчасъ же назвалъ такой поступокъ ихъ позорнымъ: „Получивъ въ свои руки власть надъ Халхою, молодые правители прежде всего измѣняютъ старой политикѣ въ отношеніяхъ къ маньчжурамъ и поворно оканчивая исвустно затягивавшееся ихъ отцами дѣло по выдачѣ дайциньскому правительству заложниковъ, въ первомъ же году своего правленія высылаютъ въ Пекинъ своихъ дѣтей и братьевъ“ (159). Во время войны Галдана цэрэна съ Китаемъ Халхасы оказали китайскому правительству неоцѣненную услугу, уничтоживъ Галдана однѣми своими силами, такъ какъ маньчжурскія и китайскія войска не поспѣли во время. Авторъ держитъ сторону Китая, слѣдовательно, онъ долженъ быть доволенъ поведеніемъ Халхасовъ, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ не въ чемъ ему упрекнуть ихъ. Но онъ нашелся—и упрекнулъ. Упрекъ довольно странный, однако: зачѣмъ-де не всѣ халхаскіе князья участвовали въ битвѣ съ Галданомъ! (стр. 353—354). Г. Позднѣеву хотѣлось бы, чтобы вся Монголія встала, какъ одинъ человѣкъ, за чуждое ей китайское дѣло и уничтожила бы соплеменную ей Чжунгарію. Авторъ книги упустилъ изъ виду одно очень важное явленіе. Ему, по видимому, не извѣстно, что у кочевниковъ власть служитъ не ко благу народа, а къ угнетенію его, къ удовлетворенію всякими способами алчности и корыстолюбія владѣльцевъ. У Монголовъ, вслѣдствіе существованія у нихъ данничества, интересы народа и нояновъ были противоположны еще въ болѣе сильной степени, чѣмъ у другихъ кочевниковъ. Еслибъ авторъ обратилъ вниманіе на эту противоположность, ему многое объяснилось бы въ жизни Халхасовъ, и не сталъ бы онъ обвинять народъ въ томъ, въ чемъ виноваты только нѣкоторые нояны. Но никакой противоположности г. Позднѣевъ не видитъ. Напротивъ, самъ онъ убѣжденъ и старается убѣдить въ этомъ читателей, что Халхасы беззавѣтно вѣровали въ своихъ нояновъ, что между тѣми и другими существовала тѣсная нравственная связь. Было ли такъ въ дѣйствительности, мы увидимъ это ниже.

Нападки г. Позднѣева на Халхасовъ тѣмъ болѣе странны, что тутъ же рядомъ расточаются восхваленія Маньчжурамъ, которые ничѣмъ не лучше Монголовъ. Это наше личное мнѣніе; въ „Матеріалахъ“ же проводится совсѣмъ другой взглядъ на характеристику этихъ народовъ. Политика Халхасовъ презрѣнная, сообщаетъ г. Позднѣевъ (151),—а Маньчжуровъ—сурово-величественная (136) и хитроумная (152). Халхасы сознаютъ свое безсиліе передъ маньчжур-

Библиотека "Руниверс"

скимъ правительствомъ, а правительство это относится къ Халхасамъ съ полнѣйшимъ презрѣніемъ. „Мы положительно недоумѣваемъ", говоритъ г. Позднѣевъ,—„съ одной стороны, передъ систематическою ложью и наглостію Халхасовъ, а съ другой передъ дерзки-суровымъ, насмѣшливымъ и позорнымъ (?) отношеніемъ къ нимъ маньчжуровъ" (151). Признаемся, мы не раздѣляемъ недоумѣнія автора и ниже постараемся показать дѣйствительную цѣну этого „дерзки-сурового отношенія". Маньчжурамъ, или правильнѣе, маньчжурской династіи въ Китаѣ, все прощается, всему приводится оправданіе. Читая „Матеріалы", приходишь къ убѣжденію, что все благо Азіи, по мнѣнію автора, заключается въ томъ, чтобы народы этой части свѣта подчинялись Китаю и платили ему дань. Между тѣмъ политика китайскаго правительства по отношенію къ кочевникамъ вообще, и къ Халхасамъ въ частности, всегда была безнравственною. Путемъ всевозможныхъ интригъ старалось оно вносить смуту и междоусобія въ Халху; сознательно, съ холоднымъ разчетомъ, съ полнымъ пониманіемъ дѣла и характера кочевниковъ разоряло оно несчастную Монголію и въ концѣ концовъ достигло своихъ узко эгоистическихъ цѣлей. А между тѣмъ г. Позднѣевъ такъ увлекается Китаемъ и всѣмъ китайскимъ, что въ его „Матеріалахъ" даже Чжунгары по отношенію къ Китаю являются разбойниками (стр. 214, 218, 234, 246, 276), Галданъ—мятежникомъ; его увѣщанія Халхасамъ сбросить зависимость отъ Китая называются измѣнническими, совѣтники Галдана—мятежными (стр. 276, 335, 336, 338). Дальше этого не пошли и сами Китайцы. Теперь мы миримся уже съ „мятежничествомъ" Халхасовъ, хотя и тутъ встрѣчаемся съ любопытнымъ явленіемъ: нужно Китайцамъ ослабить Халху, они вносятъ раздоръ въ среду монгольскихъ князей, и авторъ „Матеріаловъ" съ нѣкоторымъ удовольствіемъ описываетъ смуты въ Халхѣ; но когда усобицы возникаютъ тамъ въ неудобное почему-либо для Китая время, онъ называетъ это мятежемъ. Но можетъ быть, въ конечномъ-то результатѣ Китай облагодѣтельствовалъ Халхасовъ, повліялъ на развитіе благосостоянія въ Халхѣ, и для ея собственнаго блага слѣдовало подчинить ее Китаю? И того нѣтъ. Самъ же г. Позднѣевъ сознается, что „достигнуть своего прежняго благосостоянія они (Халхасы) были не въ силахъ не только въ то время (конецъ XVII и начало XVIII ст.), но не могутъ даже и до нынѣ, ибо развитіе ихъ богатствъ и благосостоянія постоянно подрывается вліяніемъ на жизнь ихъ Китая и буддизма" (стр. 261). Да, „даже и до нынѣ"; но стоитъ

Библиотека "Руниверс"

ли сокрушаться о какой-то Халхѣ: лишь бы Китайская имперія процвѣтала!

Слабую сторону сочиненія представляетъ его обработка. Мы постоянно встрѣчаемся съ повтореніями, противорѣчіями, недомолвками, и эти недостатки мы объясняемъ спѣшностію работы г. Позднѣева. Иногда казалось автору, что объ извѣстномъ явленіи онъ высказался сперва недостаточно убѣдительно, и вотъ, при случаѣ, онъ повторяетъ прежнее разсужденіе еще разъ, но на иной нѣсколько ладъ. А случается и то, что, позабывъ или упустивъ изъ виду сказанное въ началѣ, онъ заявляетъ въ концѣ нѣчто другое, прямо противоположное тому, что говорилось раньше. Разсмотримъ сочиненіе и съ этой стороны.

Халхасы, являясь въ Пекинъ съ данью, нерѣдко заводили тамъ споры объ отвѣтныхъ дарахъ, такъ какъ Китайцы обыкновенно обманывали кочевниковъ. Споры иногда кончались тѣмъ, что Халхасы прибѣгали къ оружію: производили набѣги на тѣ аймаки, которые поддались Маньчжурамъ, съ цѣлію какъ-нибудь отмстить послѣднимъ. Маньчжурское правительство, какъ видно изъ „Матеріаловъ", поступало въ этихъ случаяхъ самымъ рѣшительнымъ образомъ: „Лишь только явились къ нимъ (къ Маньчжурамъ) въ слѣдующемъ 1652 году послы отъ сэцэнъ хана для обычнаго представленія дани въ день новолѣтія и лишь только начали эти послы пустые (почему же „пустые"?) споры объ отвѣтныхъ дарахъ, императоръ тотчасъ же приказалъ прогнать ихъ и, объявивъ сэцэнъ хану строгій выговоръ, уничтожилъ вовсе представленіе дани отъ сэцэнъ хановскаго аймака. Этотъ урокъ былъ какъ нельзя болѣе поучителенъ для всѣхъ остальныхъ халхасовъ: споры, торги и выпрашиванія, весьма обыкновенные доселѣ при полученіи даровъ, съ этого времени прекратились вовсе" (149). Допустимъ, что споры прекратились, хотя мы и не знаемъ—отъ себя ли тутъ говоритъ авторъ диссертаціи, или передаетъ слова своего источника. Но вотъ въ слѣдующемъ 1653 году Китайскій императоръ далъ Халхасамъ, по видимому, еще болѣе сильный урокъ. Онъ велѣлъ извѣстить Тушѣту хана, что недоволенъ имъ за непредставленіе ко двору обычной дани. Тушѣту ханъ поспѣшилъ представить дань; но послы его не только не были приняты императоромъ, не пустили ихъ даже и въ ворота Срединной имперіи, а вернули назадъ. „Это издѣвательство было достойною наградой превѣрнной политики Халхасовъ", замѣчаетъ авторъ книги (стр. 151). Что же князья? Они равнодушно отнеслись къ оскорбленію, нанесенному имъ отказомъ въ пріемѣ

Библиотека "Руниверс"

ихъ послонъ (154). Въ одно и то же время урокъ и равнодушіе, смотря по тому, что въ извѣстное время больше нравится.

На стр. 127 рѣчь идетъ о томъ, какое вліяніе имѣли на Халхасовъ обстоятельства первыхъ сношеній монгольскихъ князей съ Маньчжурами. Никакихъ особенно серьезныхъ столкновеній между тѣми и другими не было, только разъ, зимою 1637 г. цзасакту ханъ вздумалъ было пограбить Хухэ-хото; но Тайцзунъ (Чунъ-дэ) двинулъ противъ цзасакту-хановцевъ войско, и тѣ „приведенные въ ужасъ", разбѣжались. Явленіе въ степяхъ самое заурядное, совершающееся безъ всякихъ ужасовъ: шли пограбить, встрѣтили сопротивленіе, такъ и поворачивай назадъ. Но г. Позднѣевъ на четырехъ страницахъ (128—131) поясняетъ намъ, что у Халхасовъ явилось сознаніе о своемъ безсиліи передъ Маньчжурами, какъ будто дѣло идетъ не о грабительскихъ набѣгахъ, а о борьбѣ двухъ великихъ народовъ за гегемонію. Сознаніе, впрочемъ, продолжалось недолго. Въ 1646 г. нѣкоторые халхаскіе аймаки рѣшились начать войну съ Маньчжурами (при императорѣ Шунь-чжи). Нападавшіе были разбиты, при чемъ многіе изъ Халхасовъ держали сторону Маньчжуровъ и помогали имъ усмирять своихъ соотечественниковъ. По логикѣ автора „Матеріаловъ" выходитъ, что если Халхасы сидятъ смирно, значитъ, явилось у нихъ сознаніе въ собственномъ безсиліи; зашевелились—это воскресли надежды на улучшеніе своего быта путемъ хищническихъ набѣговъ на Китай и его подданныхъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что не однимъ только хищничествомъ совершается улучшеніе быта, и не только для улучшенія быта набѣги предпринимаются кочевыми героями. Но дѣло, на нашъ взглядъ, объясняется очень просто: Халхасы увидѣли, что хищничать на счетъ Маньчжуровъ не совсѣмъ удобно, или же надо производить набѣги съ большею противъ прежняго осторожностію. Въ книгѣ же опять встрѣчаемъ разсужденія о томъ, что должны были вынести обѣ стороны изъ этого похода. Что касается до Халхасовъ, то они будто бы убѣдились въ невозможности безнаказанно посягать на интересы маньчжурскаго дома, и особенно такое убѣжденіе „укрѣпилось въ умахъ молодаго поколѣнія, какъ болѣе чуткаго къ воспріятію новыхъ впечатлѣній и воспитавшагося при жизненныхъ условіяхъ, почти совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, въ которыхъ выросли главные халхаскіе дѣятели настоящей войны" (141). До сихъ поръ мы думали иначе. Мы думали, что урокъ, полученный отцами, мало отзывается на дѣтяхъ, и что если у кого и „воскресаютъ надежды", то именно у молодаго поколѣнія; но въ Халхѣ бываетъ

Библиотека "Руниверс"

видно не такъ, а какъ разъ на оборотъ. Есть у автора наклонность, по поводу каждаго упоминаемаго имъ событія, дѣлать выводы и обобщенія, даже и тогда, когда ихъ сдѣлать нельзя. Оттого вся исторія столкновенія Халхасовъ съ Маньчжурами вышла какая-то безцвѣтная, всѣ характерныя явленія въ области сношеній этихъ двухъ народовъ между собою какъ-то потерялись, расплылись въ массѣ разсужденій, иногда совершенно излишнихъ.

Послѣ извѣстнаго столкновенія 1646 г. маньчжурское правительство потребовало у халхаскихъ князей заложниковъ. Князья уклонялись отъ исполненія этого требованія. „Послать заложниками своихъ сыновей значило для халхаскихъ князей на всегда отказаться отъ всякаго рода разбойничьей поживы въ маньчжурскихъ владѣніяхъ, а это, какъ говорилъ я уже выше, было не въ характерѣ тогдашнихъ правителей Халхи: они съ малолѣтства воспитались на хищническихъ набѣгахъ и полагали въ нихъ какъ всю поэзію своей жизни, такъ и главную статью своихъ доходовъ“ (146). Но отчего же бы Халхасамъ и не дать китайскому правительству заложниковъ? Вѣдь и „сознаніе“ явилось, и „убѣжденіе“ укрѣпилось, что набѣговъ производить на Китай больше нельзя; а заложники все-таки какую-нибудь матеріальную выгоду доставили бы халхаскимъ князьямъ. Невольно возникаетъ сомнѣніе въ дѣйствительности „сознанія“, а тутъ какъ разъ и самъ авторъ книги приводитъ такой разказъ: „Въ 1650 г., князь цзасакту хановскаго аймака Омбо-эрдэни, подъ предлогомъ облавной охоты, вошелъ въ предѣлы Хуху-хото и, точно также какъ тушѣту хановцы въ барiньскомъ аймакѣ, произвелъ грабежъ, угнавъ стада рогатаго скота и табуны лошадей“ (146—147). И Маньчжуры не могли наказать грабителей, не смотря на „убѣжденіе“ послѣднихъ, что задѣвать Маньчжуровъ безнаказанно нельзя.

Вообще разсужденія г. Позднѣева на счетъ слабости Халхасовъ кажутся намъ недостаточно убѣдительными. Онъ слишкомъ рано заявилъ о слабости Халхи, о „потерѣ самоувѣренности въ своихъ силахъ“ ея князей; а когда дѣйствительно воинственный духъ Халхасовъ сталъ упадать, автору „Матеріаловъ“ оставалось только повторять свои первоначальныя заключенія. Между тѣмъ маньчжурское правительство, которое, по словамъ г. Позднѣева, до тонкости знало положеніе дѣлъ въ Халхѣ, настроеніе народа, духъ и всѣ замыслы князей, смотрѣло на своихъ сосѣдей иначе; даже много позже заявленнаго въ „Матеріалахъ“ ослабленія Халхи боялось оно Халхасовъ. Такіе императоры, какъ Канси и Юнъ-чженъ, все еще принимали

Библиотека "Руниверс"

мѣры къ ослабленію Халхи, не смотря на испытанную уже въ это время преданность ея маньчжурскому дому, и не давали ей оправиться. И какъ увидимъ, не напрасно считали они Халхасовъ солидною силою, пренебрегать которою не слѣдовало. Въ книгѣ же положеніе Халхи съ этой стороны изложено слѣдующимъ образомъ.

Уже къ 60-мъ годамъ XVII столѣтія положеніе Халхи было крайне печальное: она „все болѣе и болѣе хирѣла и истощалась во взаимныхъ смутахъ“ (стр. 177). Китайское правительство поддерживало неурядицу въ Халхѣ: признавало самозваннаго хана (172—173), увеличивало число владѣтелей въ Халхѣ (272), и т. п. Но къ 1694 г., говоритъ г. Позднѣевъ,—дѣла Халхасовъ поправились, и матеріальное положеніе ихъ улучшилось (стр. 234). На слѣдующей страницѣ оказывается однако, что хозяйственный бытъ Халхасовъ улучшился „не на столько, чтобы выносить на себѣ поборы князей и духовенства“. На стр. 237 благосостоянія уже вовсе нѣтъ. Тамъ повѣствуется, что смуты въ халхаскихъ общинахъ, являвшіяся какъ результатъ бѣдности Халхасовъ, въ свою очередь обусловливаемой несоразмѣрностью расходовъ халхаскихъ правителей съ доходами ихъ данниковъ, невольно должны были задерживать Маньчжуровъ въ военномъ движеніи на Галдана. И все это передъ 1694 годомъ. Тутъ мы уже прямо попадаемъ въ заколдованный кругъ: смуты происходятъ отъ бѣдности, и бѣдность происходитъ отъ смутъ.

Тяготѣніе халхаской аристократіи къ пекинскому двору было, по свидѣтельству г. Позднѣева, „одною изъ самыхъ первыхъ причинъ, подрывавшихъ благосостояніе халхасовъ“, и затѣмъ излагается, какъ разорялся народъ, и какъ „ослаблялись силы страны“ вслѣдствіе этого тяготѣнія и вслѣдствіе частыхъ поѣздокъ хутухтъ въ Пекинъ (261, 262). А на слѣдующей страницѣ читаемъ: „Не смотря на все это, въ Халхѣ, по крайней мѣрѣ отдѣльные, частные домы несомнѣнно годъ отъ года и даже довольно быстро поднимались въ своемъ благосостояніи; весьма вѣроятно, что и всѣ Халхасы вскорѣ окрѣпли бы совершенно, если бы было у нихъ побольше единодушія, да на бѣду не страдали они религіозною ревностію“. Какъ-то теряешься при встрѣчѣ съ такими неожиданностями. Выходитъ, стало быть, что „одна изъ самыхъ первыхъ причинъ“ ничто передъ единодушіемъ и „религіозною ревностію“. Какъ бы то ни было, обстоятельства не благопріятствовали возстановленію могущества ослабленной Халхи; а тутъ еще Юнъ-чженъ принимаетъ рядъ мѣръ къ еще большему ослабленію ея (323—324). Къ 30-мъ годамъ XVIII столѣтія Халха

Библиотека "Руниверс"

дошла, по видимому, до полнаго истощенія и неурядицы (стр. 354), и не смотря на то, оказываются тамъ люди по природѣ воинственные, „для которыхъ бранное дѣло составляло самое завѣтное желаніе духа“ (355). Новая неожиданность: вѣдь авторъ „Матеріаловъ“ давно похоронилъ то поколѣніе, которое отличалось такимъ именно характеромъ; а новое, какъ видѣли, воспиталось подъ вліяніемъ убѣжденія въ собственной слабости и ничтожности, съ прибавкою къ этому убѣжденію еще буддійскихъ воззрѣній на міръ. Заключительная картина слабости Халхасовъ оказалась рѣшительно несообразною со всѣмъ предшествовавшимъ изложеніемъ. Обезсиленные и истощенные Халхасы разбиваютъ заклятыхъ враговъ Китая Чжунгаръ, и разбиваютъ такъ, какъ не разбивали ихъ и Китайцы. Войско, исключительно халхаское, численностію до 30,000 нанесло Галдану цэрэну страшное пораженіе близъ горъ Кэрсэнъ-чилу и преслѣдовало бѣжавшихъ Чжунгаръ до озера Хара-шэнцзи, гдѣ „послѣ двухдневныхъ сраженій мятежники были разбиты совершенно... Между тѣмъ вспомогательныя войска маньжуровъ не успѣли подойти къ гнавшимся за чжунгарами халхасамъ и оттого-то дальнѣйшія сраженія ихъ во время преслѣдованія были сравнительно слабы. На дорогѣ отъ Хара-шэнцзи до приорхонскаго Хангая эфу Цэрэну пришлось выдержать не менѣе десяти стычекъ съ чжунгарами, но нанести имъ полное пораженіе онъ все-таки былъ не въ силахъ“ (345—346). Итакъ, „совершенно разбитые“ Чжунгары не потерпѣли полнаго пораженія. Тѣмъ не менѣе они обратились въ бѣгство, не надолго только остановились въ долинѣ, гдѣ находится эрдэни-цзускій монастырь, остановились не для отдыха, а для грабежа: соблазнились монастырскими богатствами и начали грабить кумирни, похищая оттуда драгоцѣнные сосуды, богатыя облаченія, литые изъ золота и серебра бурханы. Какъ только вѣсть о такомъ святотатствѣ распространилась среди Халхасовъ, тотчасъ же стали подходить къ Эфу Цэрэну свѣжія подкрѣпленія, и онъ стремительно бросился на Чжунгаръ. „Халхасы истребили здѣсь до 30,000 чжунгаръ, изъ которыхъ половина была избита, а половина, спасаясь бѣгствомъ, потонула въ рѣкѣ Орхонѣ. Что касается маньчжурскихъ войскъ, то они не поспѣли еще и къ этому времени“ (347—348). Послѣ этого втораго пораженія, нанесеннаго Чжунгарамъ Халхасами, должно думать, рать Галдана окончательно уничтожилась: другаго вывода изъ всего изложеннаго и сдѣлать нельзя. Но въ сочиненіи г. Позднѣева сообщается вотъ что: „Эфу Цэрэнъ съ одними только своими хал-

Библиотека "Руниверс"

хасами напавшій на чжунгаръ съ сѣвера и быстрымъ натискомъ нанесшій имъ страшное пораженіе, въ концѣ концовъ все-таки не могъ окружить чжунгарскую армію такими плотными рядами своихъ солдатъ, которые были бы въ силахъ сопротивляться въ каждомъ данномъ пунктѣ натиску чжунгаровъ (еще бы: съ 30,000—40,000 войскомъ-то); оттого ночью Галданъ цэрэнъ успѣлъ вырваться изъ окружавшей его цѣпи и бѣжалъ по горамъ въ направленіи къ р. Туй" (348). Эти событія дали автору „Матеріаловъ" случай пуститься въ новыя разсужденія, по прежнему не совсѣмъ удачныя. Останавливаться на нихъ мы не будемъ; отмѣтимъ только, что отношенія Халхасовъ къ военнымъ дѣйствіямъ онъ назвалъ холодными (351—352). Но можетъ быть, китайское правительство оказалось въ отношеніи Халхасовъ болѣе справедливымъ, чѣмъ русскій изслѣдователь, и по достоинству оцѣнило ихъ подвигъ? Дѣйствительно, на первыхъ порахъ, такъ-сказать сгоряча, Китайскій императоръ щедро наградилъ побѣдителей; но потомъ, говоритъ г. Позднѣевъ,—когда сдѣлались извѣстными въ Китаѣ подробности битвы при Кэрсэнъ-чилу и другой—при Эрдэни-цзу, то-есть, когда обнаружилось, что не всѣ халхасскіе князья принимали участіе въ дѣлѣ, то „императоръ былъ взбѣшенъ этимъ извѣстіемъ едва ли не больше, чѣмъ обрадовался побѣдѣ" (стр. 359). Сомнѣваемся, можно ли серьезно говорить такія вещи.

Вся эта война Чжунгаръ съ Китаемъ изложена въ сочиненіи не совсѣмъ удовлетворительно; мы даже не встрѣчаемъ никакихъ попытокъ къ объясненію стремленій Чжунгаръ въ Халху. Ихъ походы туда являются положительно безсмысленными, какимъ-то непонятнымъ „преслѣдованіемъ интересовъ на чужбинѣ". Въ самомъ повѣствованіи нѣтъ строгой отчетливости, нѣтъ даже послѣдовательности. То Чжунгары сильно разбиты, то разбиты не сильно, и въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ объ одной и той же битвѣ. То китайское правительство рѣшается „окончательно истребить" своего врага (стр. 234), то вслѣдъ за этимъ рѣшеніемъ пробуетъ склонить дѣла къ миру (стр. 237). Во время борьбы съ Галданомъ китайское правительство, съ цѣлію завлечь Галдана въ свои сѣти, неоднократно прибѣгало къ такой хитрости: оно подсылало къ нему своихъ агентовъ подъ видомъ пословъ отъ нѣкоторыхъ халхаскихъ князей съ обѣщаніемъ отъ нихъ поддержки Галдану. „Несомнѣнно", говоритъ г. Позднѣевъ,—„что маньчжуры черезъ-чуръ уже пересаливали съ этими посольствами: на ряду съ quasi-перебѣжчиками изъ халхасовъ они подсылали къ Галдану и своихъ китайцевъ, такъ что хитрость ихъ

Библиотека "Руниверс"

безъ сомнѣнія была въ концѣ концовъ узнана Галданомъ: намъ достовѣрно извѣстно, что одного изъ такихъ пословъ онъ отправилъ пѣшкомъ назадъ, а самъ, оставаясь по старому въ Баянь-уланъ, распускалъ слухъ, что занялъ у русскихъ 60,000 ружей, съ которыми (?) и намѣренъ вторгнуться въ Китай" (стр. 242). До сихъ поръ ничего необыкновеннаго: Азіатцы любятъ хитрить, хитрятъ въ такихъ случаяхъ, когда въ томъ нѣтъ никакой надобности; но черезъ нѣсколько страницъ далѣе узнаемъ, что Галданъ вѣритъ подобнымъ посланцамъ: „По подложному письму Шачжина, которое получилъ онъ чрезъ Очира еще въ прошломъ году, Галданъ предполагалъ, что всѣ десять хорчинскихъ хошуновъ сдѣлались его сообщниками и расчитывалъ на ихъ помощь" (стр. 246). Для насъ ясно, что всѣ подобные выводы построены на личныхъ догадкахъ автора изслѣдованія. Онъ разсуждалъ, по видимому, такимъ образомъ: не пошелъ Галданъ на сѣверъ по приглашенію Шачжина и остался въ Баянь-уланѣ, значитъ, понялъ хитрость Китайцевъ и не повѣрилъ посланцу; на слѣдующій годъ Галданъ очутился на сѣверной сторонѣ Хэрулэна, значитъ, пошелъ туда по приглашенію Шачжина, то-есть, повѣрилъ посланцу. Не легко читателю справляться съ подобными заключеніями.

Начатыя при императорѣ Канси войны Чжунгаръ съ Маньчжурами, продолжались и при Юнъ-чженѣ. Выведенный изъ терпѣнія дерзостію (!) Чжунгаръ, императоръ этотъ въ 7-мъ году своего правленія (въ 1729 г.) рѣшился наказать ихъ. Пекинскій кабинетъ сдѣлалъ представленіе императору, что время для борьбы съ Чжунгарами еще не настало, что народъ не готовъ къ этой войнѣ (332). Почему рано наказать Чжунгаръ теперь, когда наказанія были возможны раньше, мы рѣшительно не понимаемъ, и самъ авторъ книги намъ этого не объясняетъ; но такъ какъ Китайцы дѣйствительно потерпѣли неудачу, и мы къ ней уже подготовлены, то все идетъ очень складно, нужды нѣтъ, что этотъ разказъ не вяжется съ предыдущимъ изложеніемъ, а еще хуже, не вяжется и съ послѣдующимъ. Войска выступили въ путь. „Отъ проливнаго дождя значки и знамена въ это время намокли и знающіе люди считали это за недобрый знакъ", какъ бы отъ себя замѣчаетъ авторъ диссертаціи, ибо ссылки на источникъ нѣтъ никакой. „Недобрый знакъ" предсказалъ вѣрно: маньчжурскій полководецъ Фурдань былъ разбитъ. Теперь, конечно, пекинскій кабинетъ получилъ несомнѣнное доказательство своей правоты, когда заявлялъ о несвоевременности для Китая борьбы съ Чжунгарами, и конечно, еще болѣе будетъ онъ настаивать на

Библиотека "Руниверс"

мирѣ съ Галданъ цэрэномъ. Не тутъ-то было: „Маньчжурскій кабинетъ", повѣствуетъ г. Позднѣевъ,—„получивъ извѣстіе о пораженіи своихъ войскъ, пришелъ въ страшное озлобленіе противъ Чжунгаръ и порѣшилъ всеконечно истребить ихъ" (стр. 338—349). Выходитъ, что наказать Чжунгаръ не возможно, а „всеконечно истребить" ихъ ничего не стоитъ. Что-то не совсѣмъ складно, за то ужь чисто по китайски.

Переходимъ къ самому важному вопросу, затронутому въ книгѣ: къ буддизму въ Монголіи. Буддизмъ совершенно заѣлъ Монголовъ, говоритъ г. Позднѣевъ. Это говорили и раньше его, и съ этимъ нельзя не согласиться. Можно выразиться еще сильнѣе: буддизмъ переродилъ Монголовъ. Г. Позднѣевъ задался цѣлію показать, что сдѣлала съ Монголами эта религія. Полнаго и окончательнаго отвѣта на этотъ вопросъ въ книгѣ его мы не находимъ, такъ какъ она не представляетъ законченнаго труда; но и то, что сообщилъ въ ней авторъ, важно и интересно. Вліяніе буддизма на Монголовъ проходитъ, въ видѣ красной нити, черезъ всю книгу. И на этотъ разъ, къ сожалѣнію, встрѣчаемся съ основнымъ недостаткомъ автора, непослѣдовательностью; а про нѣкоторыя „положенія" его слѣдуетъ замѣтить, что они являются черезъ чуръ ужь смѣлыми. „Сочувствіе лучшихъ людей изъ среды самихъ халхасовъ развитію буддизма въ первое время было", говоритъ г. Позднѣевъ,—„весьма естественно, ибо они не могли не сознавать, что буддизмъ является прекраснымъ, просвѣтительнымъ и облагораживающимъ началомъ для невѣжественнаго народа. При вліяніи этой религіи постепенно должны были образовываться грубыя понятія черни" (113—114). Мы понимаемъ, что хотѣлъ сказать авторъ этимъ страннымъ выраженіемъ: понятія образовываются; но сомнѣваемся, чтобы такой философскій взглядъ на буддизмъ имѣлъ мѣсто у Халхасовъ, хотя бы и у „лучшихъ" людей изъ среды ихъ. Да и не по такимъ вовсе соображеніямъ принимаютъ народы новую религію вмѣсто своей прежней: не въ облагороженіи тутъ дѣло, а въ сознаніи, что новое ученіе открываетъ имъ истину.

Благодаря буддизму, передаетъ далѣе г. Позднѣевъ,—ознакомились Халхасы съ архитектурою, музыкою, живописью и другими искуствами, которыя, хотя и въ грубыхъ формахъ, но „возвышали" Халхасовъ. Еще болѣе пользы принесъ имъ буддизмъ, распространяя въ народѣ грамотность и письмо. „За всѣмъ тѣмъ никто не зналъ, что возращая это деревцо, халхасы возращаютъ смертоносный ман-

Библиотека "Руниверс"

шинель, который своимъ ядомъ долженъ былъ отравить все ихъ существо и въ самой его основѣ" (114). Таково начало о буддизмѣ.

Странно, конечно, было бы предполагать, что догматы буддизма такъ сейчасъ же и будутъ усвоены Халхасами. И въ болѣе развитомъ народѣ не сразу бы сдѣлался буддизмъ доступнымъ пониманію массы. Естественно, что на первое время внѣшность, то-есть, обрядность, должна была исчерпывать главнымъ образомъ содержаніе буддизма. Въ этомъ случаѣ мы не въ противорѣчіи съ г. Позднѣевымъ. Пойдемъ далѣе. На стр. 132 онъ говоритъ, что „религіозная ревность халхасовъ выражалась, по видимому, въ одномъ только стремленіи блеснуть внѣшнею стороною благосостоянія религіи"; а далѣе заявляетъ еще рѣшительнѣе, что „и въ самой внѣшности ограничивались исполненіемъ мелочнаго формализма..... халхасы вскорѣ начали заботиться даже и не о качествѣ или совершенствѣ монастырей, а только о количествѣ ихъ" (155). Значитъ, буддизмъ сталъ падать въ Монголіи. Такъ, по крайней мѣрѣ выходитъ это изъ характеристики одного десятилѣтія въ серединѣ XVII вѣка (1644—1654). Можетъ быть, характеристика и вѣрна, но мы никакъ не можемъ согласить ее съ дальнѣйшими замѣчаніями автора сочиненія по поводу принятыхъ Чжэбцзунъ-дамба хутухтою мѣръ для упроченія въ Халхѣ буддизма (замѣтьте: послѣ 1650 года): „При такомъ содѣйствіи къ успѣхамъ и заботахъ о развитіи буддизма въ Халхѣ, выражаемыхъ халхаскими дѣятелями первой половины XVII вѣка", говоритъ г. Позднѣевъ, „понятно, что молодое поколѣніе тогдашнихъ халхасовъ воспитывалось исключительно подъ вліяніемъ буддійскихъ идей, а вмѣстѣ съ симъ оно незамѣтно утрачивало въ своей душѣ бодрость и отвагу своихъ отцовъ, теряло ихъ прежнюю воинственность и жажду къ славѣ" (158). Вопервыхъ, буддійскія идеи—это ужь не внѣшность; вовторыхъ, бодрость духа Халхасы потеряли еще раньше: вслѣдствіе пораженія нанесеннаго имъ Маньчжурами, какъ уже заявилъ г. Позднѣевъ на стр. 141. При чемъ же тутъ буддизмъ, и отчего никакой „потери" мы не видимъ въ Чжунгаріи, гдѣ исповѣдывали ту же религію? Проговорившись, какъ намъ кажется, не совсѣмъ удачно на счетъ „идей", авторъ тутъ же спѣшитъ прибавить: „Пропитываясь ученіемъ буддизма, это молодое поколѣніе мало по малу становилось все болѣе и болѣе апатично къ дѣятельности гражданской и, увлекаясь простотою выполненія религіозныхъ обрядовъ, въ которыхъ всегда находило оно пріятное для себя развлеченіе, постепенно отвыкало отъ труд-

Библиотека "Руниверс"

ностей боевой жизни" (158—159). Далѣе опять идутъ разсужденія о томъ, что вслѣдствіе буддизма, у халхасской молодежи того времени, не замедлила обнаружиться потеря самоувѣренности въ своихъ силахъ, и т. п. Изъ всего этого можно подумать, что такой характеръ принялъ буддизмъ только въ Монголіи и нигдѣ больше. Внѣшностью буддизмъ блещетъ вездѣ, блещетъ, какъ ни одна другая религія въ мірѣ, и въ то же время только онъ умѣетъ поглащать всѣ средства той страны, гдѣ прочно водворился. Тамъ быстро возникаютъ кумирни, монастыри; тамъ бо́льшая часть населенія обращается въ духовныхъ. Монголія не представляетъ исключенія. Но независимо отъ обрядовой стороны, и догматы буддизма усвояются народомъ, а для духовныхъ знаніе ихъ непремѣнно обязательно. И вотъ тутъ мы наталкиваемся на странную особенность буддизма: можно быть очень религіознымъ человѣкомъ и удовлетворять свою религіозность одною пустою формальностью. Буддисту нѣтъ надобности самому молиться, для этого придуманы особыя молитвенныя машинки, курдэ́, которыя и избавляютъ его отъ лишняго труда. Незнакомый съ этими обстоятельствами будетъ введенъ книгою г. Позднѣева въ заблужденіе и составитъ себѣ неправильное понятіе о водвореніи буддизма въ Монголіи. Впрочемъ, авторъ книги—надо думать—смотритъ на дѣло иначе; въ противномъ случаѣ не сталъ бы онъ отыскивать противорѣчія тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ противорѣчій. Описывая намъ нравственную разъединенность и внутреннее неустройство въ Халхѣ въ концѣ XVII столѣтія, г. Позднѣевъ говоритъ: „Не только каждый родъ, но даже и каждая отдѣльная личность жили въ Халхѣ въ это время преслѣдуя исключительно свои частные интересы, совершенно не думая о благѣ другаго и напротивъ помышляя только о томъ, какъ бы поживиться на счетъ своего ближняго. Это явленіе составляетъ отличительную черту жизни халхасовъ въ первые годы по возвращеніи ихъ на родину изъ предѣловъ Китая и зная ихъ, мы легко объясняемъ себѣ, повидимому, самыя противурѣчущія одно другому событія изъ халхаской жизни. Такимъ образомъ намъ достовѣрно извѣстно, что почти всѣ халхаскіе князья и даже многіе изъ самостоятельныхъ халхасовъ въ помянутые годы строятъ себѣ буддійскіе монастыри и храмы, ведутъ непомѣрные расходы на содержаніе ламства, затрачиваютъ громадныя суммы на поѣздки въ Тибетъ и Пекинъ, а на ряду съ этимъ сородичи ихъ изнуряются отъ бѣдности и неустройства, терпятъ крайность до такой степени, что Канси въ 40-мъ году своего прав-

Библиотека "Руниверс"

ленія, долженъ былъ снова раздавать для пропитанія скотъ и лошадей бѣдному люду въ цѣлыхъ аймакахъ. Для насъ представляются почти непонятными эта холодность со стороны Халхасовъ, и особенно со стороны князей, къ бѣдствіямъ своихъ сородичей, это узкое пониманіе ими даже своихъ собственныхъ интересовъ; но тѣмъ не менѣе все это существовало какъ фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію" (270—271). Такую длинную выписку сдѣлали мы съ намѣреніемъ избѣжать упрека въ томъ, что будто мы выхватываемъ отдѣльныя фразы и толкуемъ ихъ по своему. Почему это авторъ монографіи почти не понимаетъ холодности Халхасовъ къ бѣдствіямъ своихъ сородичей, то-есть, почему строятся монастыри, когда народу приходится умирать съ голоду? А вѣдь это очень просто почему: буддизмъ имѣетъ способность высасывать для себя изъ своихъ послѣдователей послѣдніе соки, не смотря на самыя неблагопріятныя для этого высасыванія условія.

Въ дальнѣйшее разсмотрѣніе вопроса о вліяніи буддизма на Халху мы входить уже не будемъ, такъ какъ ожидаемъ обстоятельнаго о томъ изложенія въ дальнѣйшей исторіи Халхи.

Почти три года монголистъ нашъ провелъ среди Монголовъ: время вполнѣ достаточное для всесторонняго изученія не только быта ихъ, но и ихъ понятій, ихъ міросозерцанія, то-есть, всего того, что̀ недоступно нашимъ обыкновеннымъ путешественникамъ, незнакомымъ съ языкомъ описываемаго ими народа. Въ виду этого слѣдовало бы ожидать, что всѣ тѣ явленія, которыми характеризуются взгляды и понятія кочевниковъ, выступятъ въ книгѣ г. Позднѣева съ особенною яркостію и рельефностію и тѣмъ многое объяснятъ людямъ знакомымъ лишь съ теоретическою стороною дѣла. Къ сожалѣнію, наши ожиданія не всегда оправдываются. Подъ рукой у г. Позднѣева былъ богатѣйшій матеріалъ, многое изъ него попало и въ его книгу, но многорѣчивыя и безъ выдержки разъясненія автора какъ-то стушевали и затемнили многія выдающіяся явленія.

Возьмемъ взглядъ кочевниковъ на подданство. Въ Европѣ и понятія не имѣютъ о характерѣ такого подданства. Въ Азіи—это выгодная сдѣлка, ни къ чему не обязывающая, нерѣдко—одна пустая формальность. Оттого кочевники такъ и любятъ забѣгать къ осѣдлымъ съ предложеніемъ своего подданства, точно милости какой добиваются разрѣшенія представлять имъ дань. Особенно дорого платило за эту честь китайское правительство, иногда по нуждѣ, а иногда и просто по тщеславію. Монгольскіе князья такъ и рвутся

Библиотека "Руниверс"

подносить „дань“ императору Китайскому, и не напрасно: за свое поднесеніе получатъ они втрое, вчетверо болѣе. Случалось, что такое отдариваніе производилось даже по установленной для извѣстнаго времени таксѣ. Чѣмъ наказать провинившагося данника? А запретить ему представлять дань ко двору. И онъ же будетъ умолять о помилованіи. Вѣдь это явленіе крупное. Посмотримъ, какъ воспользовался имъ авторъ. Замѣтивъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 129), что представленіе кочевниками дани Китаю доставляло имъ значительный доходъ, ибо Китайскій императоръ долженъ былъ отдаривать данниковъ, въ другомъ онъ объясняетъ дѣло иначе: „Что касается князей и свѣтскихъ правителей халхаскихъ, то хотя Канси, въ виду разстроеннаго положенія ихъ данниковъ, и избавилъ ихъ отъ оффиціальнаго приношенія ихъ дани на первые три года послѣ подданства, тѣмъ не менѣе движимые честолюбіемъ и любовію ко всякаго рода торжествамъ, они даже и въ это льготное время по нѣскольку разъ въ годъ являлись ко двору съ представленіемъ своихъ подарковъ“ (235; ср. также стр. 125—126). Жаль, что авторъ „Матеріаловъ“ не поясниль, въ чемъ заключалось это „честолюбіе“: въ самомъ ли фактѣ поднесенія дани, въ личномъ ли представленіи ея императору, или наконецъ, въ томъ, что это было не для всѣхъ доступно? Но во всякомъ случаѣ и честолюбіе, и любовь къ торжествамъ должны уступить первое мѣсто матеріальной выгодѣ. Не даромъ же Китайскіе императоры старались ограничить представленіе кочевниками дани и довести ее по возможности до ничтожнаго размѣра. Такъ было и въ сношеніяхъ Китайцевъ съ Монголами. И когда о томъ передавалъ г. Позднѣевъ, онъ самъ смотрѣлъ на дѣло иначе, чѣмъ теперь. Въ 1638 г. императоръ распорядился, „чтобы Монголы не тратились такъ много на доказательства своей преданности; онъ обязалъ ихъ приносить дань изъ „девяти бѣлыхъ“ и помимо сего воспретилъ всякое приношеніе подарковъ. Для халхасовъ, конечно, это ограниченіе было весьма тяжело, хотя, въ сознаніи своего безсилія противустоять ему, они должны были перенести этотъ гнетъ и подумать объ изобрѣтеніи какихъ-либо новыхъ средствъ къ удовлетворенію своихъ корыстолюбивыхъ цѣлей“ (130). Сказано немножко сильно, но хорошо. На этомъ и слѣдовало бы остановиться; но авторъ пошелъ развивать свою мысль дальше, и все покрылось туманомъ. Оказывается, что „гнетъ“-то въ сущности пустяки, а „гораздо важнѣе для Халхасовъ было то, что они должны были отказаться отъ своей политики, не могли настоять на своемъ“. Это ужь какъ-будто

Библиотека "Руниверс"

по европейски. Результатомъ этой уступки Маньчжурамъ со стороны Халхасовъ явилось будто бы распаденіе халхаскаго союза и переходъ нѣкоторыхъ владѣльцевъ отъ своего прежняго покровителя, сэцэнъ-хана, въ маньчжурское подданство (130—131). И это все отъ того, что Маньчжуры ограничили дань Халхасовъ „девятью бѣлыхъ"? Сомнѣваемся.

Слишкомъ большое значеніе придалъ г. Позднѣевъ выговорамъ Китайскаго императора. Практическій кочевникъ за словомъ не гонится и никакого значенія словамъ не придаетъ. Онъ съ удовольствіемъ зачислится подданнымъ кого угодно, если ему за это заплатятъ. Тѣмъ болѣе страннымъ кажется намъ строгій выговоръ императора Канси Цэванъ-Рабтану (стр. 283). А между тѣмъ выговоры имѣютъ глубокій смыслъ, только не тотъ, какой придаетъ имъ авторъ книги. Они нужны были для удовлетворенія китайскаго самолюбія, тщеславія: „Вотъ-де какой нашъ императоръ: строгія внушенія и выговоры посылаетъ, ни одного проступка не оставитъ безнаказанно; подлинно сынъ неба!", долженъ сказать Китаецъ, читая самый выговоръ. А гдѣ же народу знать, какія послѣдствія имѣли подобные выговоры? Да и въ книгѣ г. Позднѣева можно найдти указанія на то, какъ Маньчжуры были „суровы" къ Халхасамъ на словахъ, и какъ боялись ихъ раздражить на дѣлѣ.

Въ обзорѣ сношеній Монголовъ съ маньчжурскимъ правительствомъ не мѣшало бы оттѣнить нѣкоторые пріемы политики кочевниковъ. Матеріалу для этого въ книгѣ г. Позднѣева также довольно. Укажемъ для примѣра на переговоры Норбо съ китайскимъ правительствомъ по поводу грабежей нѣкоторыхъ халхаскихъ князей въ Хуху-хото (стр. 147). Отмалчиваться или обвинять осѣдлыхъ въ томъ, что они сами своею несправедливостью вызвали набѣгъ своихъ кочевыхъ сосѣдей—пріемъ у нихъ общій. Мы въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій имѣли дѣло съ такою политикою.

Еще характерная черта кочевниковъ—необыкновенная падкость ихъ на титулы. Тутъ ужь дѣйствительно мы встрѣчаемся съ честолюбіемъ. Китайцы отлично понимали эту слабость кочевниковъ и пользовались ею для своихъ выгодъ. Изощрившись въ сочиненіи всевозможныхъ титуловъ, императоры раздавали ихъ кочевникамъ съ замѣчательною снаровкой. Степные честолюбцы добивались титуловъ, потому что этимъ выдѣлялись они изъ массы и получивъ, гордились ими. Титулованныя лица составляли въ степяхъ высшую аристократію. Когда Юнъ-чженъ пожаловалъ Доржи-Сэбтэну достоин-

Библиотека "Руниверс"

ство ши-цзи (императорскаго сына), то лѣтописецъ въ умиленіи отмѣтилъ такое пожалованіе: „Это, по истинѣ, достойная удивленія милость“ (стр. 91). Но самымъ заманчивымъ для кочевниковъ былъ титулъ „зятя“ (то-есть, зятя Китайскаго императора). Породниться съ Китайскимъ императоромъ—это верхъ счастія. Не удивительно, что изъ-за титуловъ происходили даже ссоры у монгольскихъ князей, которые своими жалобами и искательствами на этотъ счетъ въ иныхъ случаяхъ просто осаждали императора (стр. 221). Жаль, что г. Позднѣевъ затронулъ эту черту какъ-то мимоходомъ. Въ исторіи Монголіи она играла большую роль.

Пришла очередь и намъ сознаться въ непониманіи нѣкоторыхъ явленій, описанныхъ г. Позднѣевымъ, и положеній, имъ высказанныхъ. Мы не понимаемъ, почему это Халхасы, постоянно тяготѣющіе къ Китаю, кровь за него проливающіе, являются по отношенію къ нему злѣйшими и ненавистными врагами, такими врагами, что императоры должны были заключать съ ними родственные союзы, выдавать за князей своихъ дочерей въ замужство (261). Не понимаемъ, почему увеличеніе числа владѣтелей у Халхасовъ разоряло народъ? „Юнъчженъ хорошо понималъ“, передаетъ г. Позднѣевъ,—„что ослабленіе Халхи путемъ одного только дѣленія аймаковъ и хошуновъ, хотя и несомнѣнно должно было впослѣдствіи обезопасить Китай отъ халхаскихъ нападеній, но за всѣмъ тѣмъ своимъ конечнымъ результатомъ далеко не вело къ полному исполненію желанной цѣли дайцинскаго правительства. Эти дѣленія были уже черезъ чуръ изнурительны для халхаскаго народа, навязывая ему массу новыхъ правителей, отягощая его новыми, удвоенными и даже утроенными поборами; понятно, что въ концѣ концовъ это чрезмѣрное истощеніе народа могло быть не выгодно и для самихъ маньчжуровъ“ (323—324). Не будемъ останавливаться на томъ, въ какомъ отношеніи находится начало этой выписки къ концу ея, и въ чемъ заключалась „желанная цѣль“ дайцинскаго правительства; насъ занимаетъ вопросъ: откуда появляются двойные и даже тройные поборы? Вѣдь податной Монголъ платилъ подать только тому князю, къ которому былъ приписанъ, или же, при дробленіи числа правителей, подать увеличивалась, чтобы доставить новому владѣльцу приличныя средства для представительства? Очевидно, г. Позднѣевъ требуетъ отъ своихъ читателей большой подготовки, пренебрегая сообщеніемъ поясненій далеко не азбучныхъ.

Въ трудѣ г. Позднѣева затронуты и разрѣшены, болѣе или

Библиотека "Руниверс"

менѣе удачно, многіе важные и интересные вопросы. Къ числу таковыхъ относимъ мы вопросъ о путяхъ, какими проникъ буддизмъ въ Халху. Признавая догадку г. Позднѣева на этотъ счетъ вполнѣ справедливою, не можемъ только согласиться съ его предположеніемъ, будто плѣнные Олоты имѣли большее вліяніе на усиленіе буддизма въ Халхѣ, чѣмъ проповѣдники его (107—108). Ничего подобнаго не замѣчаемъ мы въ другихъ мѣстахъ при подобныхъ же условіяхъ; но можетъ быть, Халха представляетъ исключеніе? Интересно также указаніе на тѣ мѣры, которыя принимало духовенство Халхи для привлеченія народа къ буддизму. Такъ, напримѣръ, Нэйчжи тойнъ, явившись въ Монголію, „объявилъ оффиціально, что каждому, изучившему „хуріянгуй", будетъ выдана лошадь и каждому, выучившему „ямандагу", будетъ выдана корова" (113). Не удивительно поэтому, что буддизмъ дѣлалъ быстрые успѣхи въ Халхѣ: въ послѣдніе годы царствованія Канси въ одной Ургѣ считалось 14,000 ламъ, а не много спустя, въ 1729 г., при возведеніи на каѳедру хутухты, Лубсанъ-дамба-доими присутствовало до 26,000 ламъ (305, 329). Обстоятельства походовъ Чжунгаръ въ Монголію являются теперь нѣсколько въ иномъ видѣ, чѣмъ знали мы о нихъ до изслѣдованія г. Позднѣева, который извлекъ и изъ монгольскихъ лѣтописей, и изъ китайскихъ источниковъ новыя подробности объ этихъ походахъ. Это одна изъ существенныхъ заслугъ г. Позднѣева въ разбираемой книгѣ.

Къ числу интересныхъ и поучительныхъ фактовъ относимъ мы тѣ событія въ Халхѣ, которыя отражались и у насъ. Оказывается, что не смотря на призваніе Китайскихъ императоровъ „проявлять истину во вселенной", то-есть, творить добро и доставлять благодѣянія, не со стороны Китая встрѣчали Халхасы все это, а находили только у насъ, въ Россіи. Ради безопасности и защиты стремились Монголы въ наши предѣлы. Такое стремленіе замѣчается уже съ XVII вѣка, то-есть, съ того времени, какъ Китайцы начали хозяйничать въ Халхѣ. Въ 1684 г. ашабагатскіе тайши собрали свой родовой сеймъ, на которомъ опредѣлили перейдти въ русское подданство, что и исполнили въ томъ же году. Переходы Халхасовъ въ русское подданство особенно усилились во время войнъ Галданъ-цэрэна съ Китаемъ. Тогда „большинство халхасовъ дошло до такой крайности, что спасалось отъ гнетущей ихъ бѣдности однимъ только бѣгствомъ въ Россію. Эти перебѣжщики въ свою очередь запутывали отношенія Китая къ Россіи, но главнѣйшее зло, причиняемое ими, было въ томъ, что они постоянно переманивали еще за собою своихъ родо-

Библиотека "Руниверс"

вичей и халхасы почти непрерывною цѣпью даже изъ южныхъ степей Монголіи потянулись на сѣверъ" (360). Были ли намъ эти переселенцы нужны, принесли они намъ пользу или вредъ—вопросъ другой, и авторъ „Матеріаловъ" имъ не занимается, но онъ очень недоволенъ переселеніемъ: оно, видите ли, не нравилось китайскому правительству, а вслѣдствіе того наши отношенія къ Китаю запутывались. На сколько намъ извѣстно, никакой особенной „запутанности" изъ-за переселенцевъ не происходило, а если дѣло доходило до взаимныхъ препирательствъ, то это обычное явленіе на границѣ. Во всякомъ случаѣ не Китайцамъ жаловаться на насъ. Русское правительство по отношенію къ китайскому всегда отличалось уступчивостью. Лучшимъ тому доказательствомъ можетъ служить несчастная участь цзасака Ханду. Когда онъ задумалъ перейдти въ русское подданство, то его у насъ не приняли, и онъ съ 500 своихъ данниковъ перекочевалъ на Ононъ. „Нѣсколько времени спустя русскіе захватили и выдали его маньчжурамъ, которые немедленно же и казнили этого мятежнаго цзасака" (240). Вотъ до чего простирали мы свое усердіе въ угоду китайскому правительству. Положимъ, тутъ дѣло шло о „бунтовщикѣ", но и въ другихъ случаяхъ дѣйствовали мы въ томъ же духѣ: сами же Китайцы говорятъ, что Русскіе не приняли Галдана. Чего жь еще лучше? Но когда несчастный, разоренный народъ искалъ у насъ спасенія, Россія никогда не отказывала ему въ убѣжищѣ. Не въ томъ бѣда, что Китай предъявлялъ намъ тѣ или другія требованія, а въ томъ, что мы очень часто относились къ нимъ наобумъ, безъ справокъ съ прошлымъ. Если бы мы лучше знали Азію, и отношенія наши къ тому же Китаю были бы гораздо проще и менѣе „запутанными", потому что въ переговорахъ съ нимъ вполнѣ могли бы и выказать столь необходимую въ сношеніяхъ съ Азіатцами твердость и установить нужное намъ направленіе. Мы рѣдко когда пользовались благопріятнымъ для насъ случаемъ, чтобы вызвать Китай на уступки въ нашу пользу. А въ Азіи, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, надобно пользоваться случаемъ. Требовательное и рѣзкое на словахъ китайское правительство въ сущности очень боялось Русскихъ. Когда Галданъ распустилъ слухъ, что Русскіе ему помогаютъ, то одинъ только этотъ слухъ навелъ такой ужасъ на Китайцевъ, что канцлеръ совѣтывалъ императору бѣжать, не докончивъ похода (стр. 246). Мы рѣшительно не понимаемъ, почему авторъ „Матеріаловъ" все готовъ принести въ жертву Китаю. Отсюда, кажется, и происходитъ его систематическое преслѣдованіе

Библиотека "Руниверс"

Халхасовъ, которое особенно сильно сказалось въ вопросѣ объ ихъ переселеніяхъ. Послѣ неурядицъ въ Халхѣ въ концѣ XVII столѣтія народъ разбрелся и поселился тамъ, гдѣ ему оказалось сподручнѣе. Съ ослабленіемъ волненій князья стали собирать своихъ данниковъ, но тѣ не шли на прежнія мѣста. Почему? Одни потому, что „находили вновь занятыя ими мѣста гораздо болѣе богатыми и обильными для пастбищъ, чѣмъ ихъ родовыя кочевья; другіе, смотря безразлично на кочевья, почитали гибельною и изнурительною для своего скота самую перекочевку, какъ дальнее и утомительное передвиженіе; третьи не хотѣли подчиняться власти старыхъ и еще прежде изнурявшихъ ихъ правителей; четвертые наконецъ были рады, что избавились отъ своихъ безпокойныхъ сосѣдей, на соединеніе съ которыми теперь вновь приглашали (хорошо „приглашеніе" при помощи вооруженной силы!) ихъ ноины. Помимо сего было множество и другихъ мелкихъ и разнородныхъ обстоятельствъ, побуждавшихъ халхасовъ оставаться на чужбинѣ, и предпочитать ее родинѣ" (269—270). Какой прекрасный случай показать противоположность интересовъ народа и нояновъ: вѣдь это такъ многознаменательно. Но г. Позднѣевъ разсуждаетъ не о томъ. Въ отказѣ переселенцевъ вернуться на прежнія мѣста видитъ онъ великое зло и помѣху къ поднятію экономическаго благосостоянія Халхасовъ. Зло тамъ, гдѣ народъ видѣлъ спасеніе. Ужь если непремѣнно надо отыскивать зло, мѣшавшее благосостоянію Халхасовъ, то заключалось оно въ томъ упорствѣ нояновъ, съ которымъ они приступили къ водворенію „внутренняго благоустройства" Халхи. Но интереснѣе всего то, что, какъ оказывается, черезъ нѣсколько страницъ далѣе, народъ халхаскій „продолжалъ беззавѣтно вѣровать въ своихъ князей и подчиняться имъ" (291). Такъ противоположны у насъ взгляды съ г. Позднѣевымъ.

Приступая къ своему труду, г. Позднѣевъ задался цѣлію „собрать и упорядочить достовѣрнѣйшіе матеріалы для исторіи халхасовъ, изложить общій ходъ событій и указать на главнѣйшія перемѣны въ жизни Халхи" (IX). Упорядочить. Но вѣдь этого еще не достаточно; а критическое отношеніе къ источникамъ? Если авторъ разумѣлъ его уже подъ словомъ „упорядочить", то мы, къ сожалѣнію, должны замѣтить, что критическая часть въ разсматриваемомъ сочиненіи довольно слаба. И особенно замѣтно это въ отношеніи къ китайскимъ источникамъ. Что ни говорили бы они, все это для г. Позднѣева свято и никакому сомнѣнію не подлежитъ. На стр.

Библиотека "Руниверс"

224 онъ описываетъ на основаніи китайскаго источника, какъ Халхасы были очарованы Маньчжурами: „Тушѣту ханъ, не стѣсняясь, выражалъ досаду на себя за то, что онъ не поддался прежде; а когда императоръ уже уѣзжалъ изъ Долонъ-нора, то проникнутый чувствомъ любви и благодарности къ нему, Чихунь-дорчжи упалъ на землю и плакалъ“ (224). Или въ другомъ мѣстѣ: китайская армія представляла собою видъ стоящей неподвижно горы (248). Но иногда дѣло принимаетъ очень курьезный видъ: Чжунгары должны просить мира, Китайцамъ прилично только требовать его (360). Вѣрить китайскимъ источникамъ, такъ окажется, что и Русскіе являлись въ Китай не иначе, какъ съ данью (стр. 355), въ чемъ Китайцы старались убѣдить и Монголовъ.

Спѣшность въ обнародованіи труда и менѣе важнаго, чѣмъ книга г. Позднѣева, еще извинительна; менѣе извинительною на нашъ взглядъ является небрежность при изданіи. Всѣмъ должно броситься въ глаза отсутствіе перевода названія монгольской лѣтописи Эрдэнійнъ-эрихэ, а равно и тѣхъ, о которыхъ говоритъ онъ въ предисловіи. Пріемъ малоупотребительный. Хронологія разработана слабо, хотя ей отведено не мало мѣста въ сочиненіи; читателямъ предоставляется самимъ доискиваться, какому времени по нашему счисленію будетъ соотвѣтствовать, напримѣръ, 25-е число 9-й луны (1636 г.), и во многихъ другихъ случаяхъ. Незнакомый съ литературой объ Азіи будетъ въ затрудненіи рѣшить, кому принадлежитъ сочиненіе „Увѣдомленіе о войнѣ, бывшей у Китайцевъ съ Зенгорцами“ Леонтьеву, или—Липовцеву, вслѣдствіе неудачнаго построенія фразы, въ которой трудъ послѣдняго не названъ (231). Миссіонеръ Малья (Mailla) обратился въ Майля (стр. XXXVIII).

Мы уже замѣтили, что г. Позднѣевъ очень скупъ на поясненія, а между тѣмъ отъ такого-то знатока монгольщины и желательно ихъ услышать. Не говоримъ уже о томъ, что далеко не всѣмъ извѣстны такія буддійскія выраженія, какъ напримѣръ, „круговращеніе бурхана майдари“, или нѣкоторые монгольскіе технические термины; но иногда безъ поясненій теряется вся сила выраженія. Возьмемъ хотъ посланіе императора Шунь-чжи къ халхаскимъ князьямъ. „Я владѣю“, писалъ онъ,—„сполна (пространствомъ между) четырьмя морями, а вы, такой слякой, маленькій народецъ, кичитесь тамъ въ своихъ отдаленныхъ степяхъ“ (148). Что это такое „пространство между четырьмя морями“? И почему земли между ними обширнѣе или важнѣе монгольскихъ степей? А дѣло въ томъ, что „четыре моря“ есть

Библиотека "Руниверс"

сокращенное книжное названіе Китайской имперіи. Ясно, стало быть, что сила не въ моряхъ—тутъ Китай противополагается Монголіи; вотъ почему такой гордый тонъ у Шунь-чжи. Съ другой стороны, мы не всегда согласны съ объясненіями г. Позднѣева. По его мнѣнію, Монголы назвали Русскихъ „чертями", Лоча, за ихъ изворотливость и проворство, тогда какъ имъ дано такое названіе по огнестрѣльному оружію, которое поразило Монголовъ, и съ которымъ познакомились они впервые черезъ Русскихъ. Немного поспѣшно, кажется, отнесся г. Позднѣевъ къ вопросу о мѣстоположеніи древней столицы Монгольскихъ императоровъ, Каракорума (стр. 110, примѣчаніе[1]).

Обширный комментарій, составленный авторомъ на основаніи совершенно новыхъ источниковъ, даетъ возможность освоиться съ лѣтописью Эрдэнійнъ-эрихэ, и въ то же время знакомитъ насъ съ новѣйшею историческою литературой Монголовъ. Мы вполнѣ понимаемъ какой это утомительный, тяжелый трудъ, выжимать изъ пустѣйшихъ и безсодержательныхъ монгольскихъ лѣтописей историческіе факты. Нужно много любви къ своему дѣлу, много любви къ наукѣ, чтобы работать и не приходить въ отчаяніе при составленіи „Матеріаловъ для исторіи Халхи". Но по этому-то, и желательно, чтобы такія работы не дѣлались спѣшно, безъ надлежащей обработки, безъ серьезнаго обдумыванія того или другаго извѣстія. Кто работаетъ по источникамъ, всегда скажетъ новое и дѣльное слово, и нѣтъ сомнѣнія, мы, кромѣ того, что̀ уже слышали отъ г. Позднѣева, услышимъ въ будущемъ еще больше. Мы остановились, главнымъ образомъ, на недостаткахъ комментарія въ ожиданіи продолженія начатаго г. Позднѣевымъ труда. (Изслѣдованіе его оборвалось какъ-то странно на 1736 году, когда начались между Чжунгаріей и Китаемъ переговоры о мирѣ. Самый же миръ былъ, какъ извѣстно, заключенъ въ 1739 году). Можетъ быть, онъ приметъ въ соображеніе наши замѣчанія на будущее время. Разчитывая на такое вниманіе, рѣшаемся высказать еще нѣсколько пожеланій съ тою же цѣлію.

---

[1]) По опредѣленію И. В. Падерина, столица Угодэя, Каракорумъ,—это нынѣшнія развалины Хара-хорэмъ или иначе Хара-Балгасунъ, лежащія сѣвернѣе Кордыни-цзоо, въ $2^1/_2$ станціяхъ, на западномъ берегу Орхона. См. статью его «О Каракорумѣ и о другихъ развалинахъ близъ Орхона» въ *Извѣстіяхъ И. Р. Географическаго Общества*, т. IX, отд. 2, стр. 359. Давая новое опредѣленіе мѣстоположенію столицы Монгольскихъ императоровъ, почему же г. Позднѣевъ не счелъ нужнымъ показать несостоятельность прежняго мнѣнія?

Библиотека "Руниверс"

Вопервыхъ, желательно видѣть лѣтописныя выдержки ясно отдѣленными отъ личныхъ разсужденій автора. Нужно это, какъ для большей отчетливости въ исторической части, такъ и во избѣжаніе нѣкоторыхъ курьезовъ, встрѣчающихся въ книгѣ. Сдѣлаемъ указанія. Эдюты оставили Урумчи „и еще прежде ушли изъ него неизвѣстно куда“ (338). Возникаетъ недоумѣніе: чье это выраженіе—автора ли книги, или китайскаго источника (Шэнъ-у-цзи), на основаніи котораго приведены нѣкоторые эпизоды изъ похода Фурданя? Самъ ли авторъ назвалъ рѣзкій вѣтеръ и проливной дождь „странными явленіями природы“ (257), или такъ выразился его источникъ? Небо отступилося отъ Галдана (тамъ же).

Вовторыхъ, можно пожелать, чтобъ авторъ не предупреждалъ и не предсказывалъ событій или, по крайней мѣрѣ, не злоупотреблялъ этимъ пріемомъ. Дѣлать такія предсказанія post factum не трудно, и они всегда, конечно, сбудутся, но едва ли кому эти предложенія нужны.

Можно бы и еще высказать нѣсколько пожеланій; но такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ уже намѣчены въ нашей рецензіи, то переходимъ къ заключенію статьи, къ самому главному: искренно желаемъ, чтобъ у автора разбираемой книги сохранилось энергіи довести такъ счастливо задуманный трудъ до конца.

И. Веселовскій.

Духовное образованіе и духовная школа въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Изслѣдованіе *Александра Архангельскаго*. Казань. 1883.

Соотвѣтственно заглавію и составу предмета, изслѣдованіе раздѣляется на двѣ части: I) о духовномъ образованіи и II) о духовной литературѣ при Петрѣ Великомъ. Безъ всякаго обычнаго вступленія къ изслѣдованію и общихъ взглядовъ на предметъ его, г. Архангельскій прямо приступаетъ къ изложенію частныхъ вопросовъ, относящихся къ той и другой части изслѣдованія. Въ первой части заключается разсмотрѣніе слѣдующихъ предметовъ: „1) умственное и нравственное состояніе духовенства при Петрѣ Великомъ по Посошкову; 2) идеалы и проекты духовной школы—Посошкова, южно-русскихъ просвѣтителей и Өеофана Прокоповича (по Духовному Регламенту), и 3) осуществленіе означенныхъ идеаловъ и проектовъ на практикѣ; препятствія, встрѣченныя ревнителями духовнаго образо-

Библиотека "Руниверс"

ванія при устройствѣ школъ". Эта часть занимаетъ только пятую долю изслѣдованія, тогда какъ остальныя доли его посвящены второй части. Въ этой послѣдней заключаются слѣдующія главы: „1) учебники и пособія, написанные для школъ по разнымъ предметамъ преподаванія въ нихъ; 2) сочиненія по догматическому богословію; 3) полемически-апологетическія сочиненія духовныхъ писателей Петровской эпохи; 4) сочиненія противъ протестантизма; 5) противораскольническая литература при Петрѣ Великомъ; 6) проповѣдническая литература; 7) разныя нравственно-назидательныя и толковательныя сочиненія, и 8) общій взглядъ на духъ литературы Петровской эпохи".

Не смотря однако на нѣкоторую эпизодичность изложенія изслѣдованія, въ немъ можно найдти и общіе взгляды автора на изучаемый предметъ. По отношенію къ первой части эти взгляды заключаются въ первой и отчасти въ третьей главахъ; по отношенію ко второй части—въ послѣдней главѣ ея, которая можетъ быть отчасти принята и за общіе выводы всего изслѣдованія.

Въ первой главѣ первой части авторъ, слѣдуя пессимистическому взгляду Щапова, изображаетъ въ довольно мрачномъ видѣ умственное и нравственное состояніе русскаго духовенства до Петра I и затѣмъ останавливается на духовномъ образованіи и духовныхъ школахъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ, какъ на сравнительно отрадномъ явленіи, и въ третьей главѣ приходитъ къ слѣдующему выводу: „Хорошее начало, говорятъ,—половина дѣла. Починъ въ дѣлѣ духовнаго образованія при Петрѣ Великомъ сдѣланъ все же хорошій, энергичный, и нельзя не признать, что главная роль въ немъ принадлежала просвѣщеннымъ епископамъ Петровскаго времени, которыхъ, къ счастью, сравнительно съ прежнимъ временемъ, было много, благодаря умѣнью Петра выбирать людей. Со стороны правительства дана была инициатива и нравственная поддержка архипастырямъ: оно предписывало, одобряло, отмѣняло, но и только. У него не оказывалось средствъ на матеріальную поддержку просвѣтителей духовенства. Послѣдніе сами должны были изыскивать эти средства".

Относительно второй части изслѣдованія общіе выводы автора выражаются въ слѣдующихъ его словахъ: „Литература Петровской эпохи стояла въ уровень съ образованіемъ и захватывала интересы преимущественно людей образованныхъ, была достояніемъ привилегированныхъ сословій. Освобождаясь постепенно отъ схоластической мишуры, она приближалась спѣшными шагами къ дѣйстви-

Библиотека "Руниверс"

тельной жизни, стараясь забыть хитросплетенія діалектической философіи... Вопросовъ отвлеченныхъ Петровская литература не трогаетъ... Но разъ избранная задача по возможности доводилась до конца и рѣшалась на столько основательно, что нѣкоторыя произведенія писателей Петровской эпохи до сихъ поръ не утратили своего значенія... Научность, правда, не была совершенною новостью для русской духовной литературы, но она стала теперь господствующею, ея требованія имѣлись въ виду прежде всего... Соотвѣтственно развитію мысли, должны были измѣняться и письменныя формы, въ которыя она облекалась. Вмѣсто прежней безсистемности, является логическая группировка частей съ симметріей доказательствъ, съ цѣлесообразнымъ раскрытіемъ темы... Присутствіе политическаго или гражданскаго элемента въ современной Петру духовной литературѣ также свидѣтельствуетъ о ея близости къ жизни. Съ одной стороны, вліяніемъ схоластики, но главнымъ образомъ близостью къ жизни, объясняется и юмористическое, переходящее часто въ ѣдкую сатиру направленіе многихъ произведеній духовной литературы даннаго времени, также составляющее характерный признакъ и вмѣстѣ ея недостатокъ". Волей-неволей увлекаясь и проникаясь интересами государственными, представители духа науки и литературы при Петрѣ Великомъ не забывали и интересовъ церкви. „Они мужественно защищали цѣлость и честь Русской церкви предъ ея многочисленными врагами внутренними (расколомъ) и внѣшними (католичествомъ и особенно протестантствомъ), создавая въ то же время для нея лучшія бытовыя условія въ будущемъ", но при этомъ не обходились безъ крайностей увлеченія полемикой. „Останавливая вниманіе на количествѣ произведеній духовной литературы Петровской эпохи, нельзя не удивиться ихъ малочисленности. Сравнительно съ литературною производительностью прежняго времени эта эпоха представляетъ отрадное явленіе, но отъ ея жизненности и отъ ея дѣятелей можно было ожидать бо́льшаго. Объясненіе такого факта нужно искать прежде всего, конечно, въ цензурѣ Петра и въ вытекавшемъ отсюда неудобствѣ писать открыто и искренно о дѣйствительныхъ или мнимыхъ недостаткахъ реформы Петра I".

Нельзя сказать, чтобъ основные взгляды и конечные выводы автора отличались оригинальностью, равно какъ нельзя признать совершенно новыми и частные пункты изслѣдованія. Знаменательная эпоха царствованія Петра Великаго въ настоящее время на столько уже изслѣдована въ основныхъ чертахъ своихъ, что трудно сказать

Библиотека "Руниверс"

о ней что-либо новое, особенно въ сочиненіи, составляющемъ едва ли не первый опытъ ученаго изслѣдованія автора. Да и самъ авторъ изслѣдованія, по всѣмъ признакамъ, и не претендовалъ на то, чтобы внести какой-либо совершенно новый научный вкладъ въ область избраннаго имъ предмета, и ограничился скромною ролью собирателя готовыхъ уже, разсѣянныхъ по разнымъ изданіямъ изслѣдованій и замѣтокъ, относящихся къ данной эпохѣ. Провѣряя источники изслѣдованія автора, мы находимъ у него указанія на такіе капитальные труды, какъ напримѣръ, „Исторія Россіи“ Соловьева, „Словарь“ митрополита Евгенія, „Обзоръ русской духовной литературы“ Филарета, „О духовныхъ школахъ въ Россіи“ Знаменскаго, „Исторіи Кіевской и Московской академій“ Булгакова и Смирнова, „Наука и литература при Петрѣ Великомъ“ Пекарскаго, „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время“ Чистовича, и на цѣлый рядъ журнальныхъ статей гг. Сухомлинова, Извѣкова, Терновскаго, Червяковскаго, Прилежаева, Рождественскаго и многихъ другихъ. Въ двухъ мѣстахъ онъ щеголяетъ даже цитатами изъ сочиненій Бѣлинскаго и Добролюбова. Пользуясь монографіями, изслѣдованіями, и замѣтками, относящимися къ Петровской эпохѣ, авторъ большею частью по пятамъ слѣдуетъ за своими руководителями и, не привнося въ изученіе данной эпохи ничего своего, новаго, только резюмируетъ чужіе результаты и приводитъ ихъ къ одному общему знаменателю. Мѣстами попадаются глухія, неопредѣленныя цитаты, которыя какъ будто обнаруживаютъ непосредственное знакомство автора съ сырыми матеріалами (стр. 167—174); но на самомъ дѣлѣ эти цитаты заимствованы изъ вторыхъ рукъ.

Конечно, и въ извѣстныхъ доселѣ изслѣдованіяхъ и монографіяхъ объ эпохѣ Петра Великаго, не смотря на ихъ обиліе и обстоятельность, все-таки встрѣчаются значительные пробѣлы и недомолвки. Эти же пробѣлы и недомолвки должны были отразиться и дѣйствительно отразились и на книгѣ г. Архангельскаго, съ прибавленіемъ новыхъ пробѣловъ и недомолвокъ, принадлежащихъ уже самому автору. Болѣе всего отличается недомолвками, во второй части изслѣдованія, глава о „разныхъ нравственно-назидательныхъ и толковательныхъ сочиненіяхъ“, весьма напоминающая отдѣлъ „смѣси“ въ старыхъ библіотечныхъ каталогахъ, куда заносились всякія книги, не поддающіяся точному опредѣленію и строгой классификаціи. Въ другихъ мѣстахъ сочиненія мы встрѣчаемъ пробѣлы и недомолвки, которые нужно приписать уже самому ея автору, независимо отъ ег

Библиотека "Руниверс"

источниковъ или руководителей. Возьмемъ для примѣра вторую главу первой части—о духовныхъ школахъ въ Петровскую эпоху. Главныхъ дѣятелей, заботившихся объ устройствѣ школъ при Петрѣ I, говоритъ авторъ,—можно раздѣлить на три разряда. Одинъ составляли лица, получившія образованіе на сѣверѣ Россіи, самоучкой, путемъ простой начитанности, образованіе не систематическое и чуждое иностраннаго элемента; сущность его состояла въ знакомствѣ съ Св. Писаніемъ, святоотеческими произведеніями и съ русскою духовною литературой. Другой разрядъ состоялъ изъ лицъ, образованныхъ въ южно-русскихъ школахъ (преимущественно въ Кіевской коллегіи) и вынесшихъ оттуда любовь къ схоластической наукѣ. Къ третьему разряду слѣдуетъ отнести людей, знакомыхъ съ схоластическою наукой, но не питавшихъ къ ней особенныхъ симпатій, даже предпринимавшихъ борьбу противъ ея крайностей (Ѳ. Прокоповичъ). Въ этой классификаціи главныхъ дѣятелей по устройству школъ при Петрѣ Великомъ, вопервыхъ, не отведено особаго мѣста славяно-греческому образованію, важнѣйшими представителями котораго были братья Лихуды. О нихъ нѣсколько разъ заговариваетъ авторъ въ своей книгѣ и въ одномъ мѣстѣ упоминаетъ о нихъ, какъ о дѣятеляхъ въ схоластическихъ школахъ, при общей характеристикѣ этихъ школъ (стр. 15). Но во второй части своего изслѣдованія авторъ говоритъ о братьяхъ Лихудахъ, какъ о проводникахъ новой, своеобразной струи духовнаго образованія, отличной отъ южно-русскаго схоластицизма и, слѣдовательно, противорѣчитъ себѣ. „Неутомимые братья Лихуды", говоритъ онъ,—„безъ претензіи на славу въ печати, трудятся надъ разнообразными учебниками, требовавшими обширныхъ познаній, и кладутъ на нихъ печать своего образованія и своихъ педагогическихъ стремленій—воспитывать русское юношество въ строгомъ, греческомъ православіи и по возможности безъ примѣси западнаго латинскаго образованія" (стр. 44). Вовторыхъ, авторъ, различая между южно-русскими учеными, съ одной стороны, приверженцевъ схоластической науки, съ другой—противниковъ и враговъ ея (Ѳ. Прокоповича), не выяснилъ происхожденія этого послѣдняго направленія, не обрисовалъ его надлежащимъ образомъ и не показалъ его внутренняго отношенія къ схоластикѣ, вслѣдствіе чего появленіе такихъ личностей, какою былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, изъ среды самихъ же южно-русскихъ схоластическихъ ученыхъ, представляется для читателя необъяснимымъ, загадочнымъ. Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, (которое мы имѣли случай и печатно

Библиотека "Руниверс"

высказать лѣтъ пять тому назадъ), Ѳ. Прокоповичъ былъ однимъ изъ первыхъ и видныхъ представителей возрожденія классицизма въ Россіи. Возрожденіе и гуманизмъ явились прежде всего въ Италіи, выразились въ стремленіи къ изученію классическихъ образцовъ, въ подражаніи имъ и примѣненіи къ національнымъ интересамъ, но потомъ распространились отсюда по всей западной Европѣ и были предтечами нѣмецкой реформаціи. Изъ представителей періода возрожденія и гуманизма для насъ интересны Италіанцы Понтано, Санназаро, Голландецъ Эразмъ Роттердамскій и другіе, которые извѣстны были и въ Кіевской академіи, гдѣ учился и затѣмъ, по возвращеніи изъ-за границы, преподавалъ Ѳ. Прокоповичъ. Замѣчательный по своему времени знатокъ латинскаго языка, онъ часто указывалъ въ своихъ школьныхъ руководствахъ лучшія руководства и образцы въ духѣ возрожденія классицизма, сочувствовалъ пробудившемуся на западѣ Европы движенію мысли въ лицѣ Галилея и, что всего важнѣе, старался сблизить классическія формы съ христіанскимъ и отечественнымъ содержаніемъ и заботился объ очищеніи русскаго языка отъ чуждыхъ примѣсей. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Ѳ. Прокоповичъ можетъ идти въ сравненіе съ представителями возрожденія классицизма въ Италіи, которые пытались въ своихъ произведеніяхъ органически сочетать классическія формы съ отечественнымъ содержаніемъ и наложеніемъ. Слѣдовательно, отношеніе между Ѳ. Прокоповичемъ и другими южно-русскими учеными того времени можно разсматривать какъ отношеніе возрожденія классицизма и гуманизма къ схоластикѣ.

Впрочемъ, большихъ промаховъ въ книгѣ г. Архангельскаго нѣтъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней нѣтъ и надлежащей обстоятельности и полноты. Книга имѣетъ значеніе какъ сводъ болѣе выпуклыхъ явленій въ духовной наукѣ и литературѣ Петровской эпохи и довольно удачная группировка ихъ: она производитъ довольно цѣлостное и живое впечатлѣніе на читателя, тѣмъ болѣе, что написана хорошимъ и живымъ языкомъ.

Н. Петровъ.

Пальмира. Археологическое изслѣдованіе князя *С. Абамелекъ-Лазарева*. С.-Петербургъ. 1884.

Предлагаемая вниманію читателя книга есть одинъ изъ результатовъ путешествія на востокъ, предпринятаго авторомъ въ 1882 году. „Я заранѣе рѣшился“, говоритъ онъ на стр. 2,—„во чтобы то ни стало,

Библиотека "Руниверс"

побывать въ Пальмирѣ. Меня влекло туда общераспространенное представленіе о Пальмирѣ, какъ о мѣстѣ таинственномъ, волшебно-прекрасномъ. „Сѣверная Пальмира!"... Это нѣсколько претенціозное названіе нашего туманнаго Петербурга съ дѣтства волновало мое воображеніе. На самомъ дѣлѣ, если есть сходство между этими столь противоположными городами, то только въ быстромъ возникновеніи двухъ великолѣпныхъ столицъ въ пустынныхъ, малоизвѣстныхъ мѣстностяхъ: одной—въ сыпучихъ пескахъ Сирійско-Аравійской пустыни, другой—въ мрачныхъ болотахъ и непроходимыхъ дебряхъ Ингерманландіи". Авторомъ руководило, сверхъ простой любознательности, и желаніе ознакомиться во-очію съ главнѣйшими памятниками античной цивилизаціи, разсѣянными на Востокѣ; о своихъ занятіяхъ исторіей древняго міра авторъ заявилъ еще ранѣе изслѣдованіемъ своимъ о Ферейскихъ тираннахъ. Слѣдовательно, не какъ простой туристъ посѣтилъ онъ Пальмиру, но и какъ ученый, приготовившій себя къ изученію ея древностей путемъ предварительныхъ штудій. Тѣмъ вѣрнѣе и интереснѣе представляется его сообщеніе объ этомъ городѣ, тѣмъ блестящѣе оказываются результаты его путешествія.

А путешествіе въ Пальмиру—дѣло не легкое. Помимо условій, необходимыхъ для всякой отдаленной поѣздки, тутъ требуется извѣстное самоотверженіе и даже мужество, такъ какъ путешественникъ не только отказывается отъ комфорта, которымъ можно еще пользоваться въ поѣздкахъ по болѣе или менѣе цивилизованнымъ странамъ Востока (напримѣръ, по Египту), но и рискуетъ если не жизнью, то деньгами и свободой: безъ вооруженнаго и довольно значительнаго конвоя ѣхать въ Пальмиру не возможно. Этимъ объясняется и то обстоятельство, что въ Пальмиру рѣдко проникаютъ простые туристы, хотя она, по красотѣ и сохранности своихъ развалинъ, превосходитъ многія изъ часто посѣщаемыхъ мѣстностей Востока. Въ Пальмиру ѣздятъ очень немногіе избранники и, судя по описаніямъ ихъ путешествій, нисколько не раскаяваются въ понесенныхъ ими трудностяхъ и лишеніяхъ. Авторъ разсматриваемой книги приводитъ (стр. 36) перечень лицъ, посѣтившихъ и описавшихъ Пальмиру въ XVIII и XIX вѣкахъ. Это были: въ XVIII в. Галифаксъ, Даукинсъ и Вудъ, Кассасъ; въ XIX—Ирби и Манглесъ, Аддисонъ, Портеръ, маркизъ Вогюэ, Вадингтонъ, Берновиль, г-жа Пашкова, нашъ авторъ—и только. Допустивъ даже, что списокъ этотъ далеко не полонъ, предположивъ, что его возможно увеличить вдвое, все же на цѣлыя два столѣтія придется 26 именъ,—цифра ничтожная въ сравненіи съ тою массою

Библиотека "Руниверс"

туристовъ, которые ежегодно посѣщаютъ Востокъ. Тѣмъ въ бо̀льшую заслугу нашему путешественнику слѣдуетъ поставить, что онъ рѣшился на поѣздку въ Пальмиру и публиковалъ результаты этой экскурсіи, вполнѣ вознаградившіе его за понесенныя лишенія.

Книга начинается разказомъ о поѣздкѣ, „предпринятой 21-го февраля 1882 года. Князь Абамелекъ, въ сопровожденіи профессора А. В. Прахова, оставилъ въ этотъ день Дамаскъ и направился по большой Алеппской дорогѣ къ предгорьямъ Антиливана; первую ночь путешественники провели въ Ель-Кутефѣ, а вторую въ Небкѣ—большихъ селеніяхъ, украшенныхъ мечетями, что̀, какъ замѣчаетъ авторъ, встрѣчается довольно рѣдко, такъ какъ во множествѣ селъ молельни устроены въ простыхъ домахъ. У Небка путешественники оставили Алеппскую дорогу и повернули по направленію къ Каріятену въ путеводителѣ Меррея онъ зовется Kuryetein, у Ваддингтона же Qarîétein), лежащему на полпути; это—большое селеніе, въ которомъ, на ряду съ мусульманами, живутъ и христіане-яковиты, имѣющіе своего священника. Здѣсь наши путешественники взяли вооруженный конвой, необходимый для дальнѣйшаго слѣдованія, и черезъ 9 часовъ ѣзды достигли такъ-называемаго Козьяго источника, единственнаго мѣста для ночлега. На другой день, къ вечеру, они прибыли въ Пальмиру. Позволяемъ себѣ привести выписку изъ разсматриваемой книги, относительно перваго впечатлѣнія, произведеннаго этимъ городомъ на автора:

„Часа за четыре до пріѣзда въ Тадморъ, мы увидѣли на вершинѣ одной горы зданіе, оказавшееся средневѣковою крѣпостью. За часъ до пріѣзда подъѣхали мы къ довольно высокой грядѣ холмовъ. Крѣпость казалась сейчасъ за ними. Мы пустили нашихъ коней галопомъ и съ замираніемъ сердца ожидали той минуты, когда съ вершины холма мы увидимъ панораму Пальмиры. Но, увы, мы горько разочаровались: вмѣсто панорамы передъ нами развернулась котловина безъ всякихъ признаковъ города—опять все та же степь въ версту длиною. Единственно, что̀ показывало приближеніе къ желаемой цѣли—это была одинокая башня, стоящая у подножія новой поперечной цѣпи горъ, къ которой мы ѣхали. Усталость отъ слишкомъ долгаго пути и нетерпѣніе увидѣть Пальмиру повергали насъ въ какое-то лихорадочное состояніе, чему также не мало способствовалъ поднявшійся сильный вѣтеръ. Мы нервно стали подгонять лошадей. Но вотъ показалась еще одна башня, другая, третья. Мы въѣзжаемъ въ довольно узкую долину, образованную высокими горами. Въ самой долинѣ, на вершинахъ и по скатамъ горъ стоитъ множество башенъ:

Библиотека "Руниверс"

однѣ цѣльныя, саженъ по 8 высоты, будто вчера построенныя, другія въ большей или меньшей степени пострадавшія отъ времени и людей. Я насчиталъ до 60-и башенъ".

„Это—долина гробницъ, Wady el Kebour. Все мертво, кругомъ все пусто, нигдѣ нѣтъ слѣда человѣка—настоящая долина смерти, по которой въѣзжаешь въ мертвый городъ. Но его все еще не видно; вдругъ дорога круто поворачиваетъ на право, и невольно останавливаешь свою лошадь—впечатлѣніе поразительное! Вы стоите на склонѣ горы между высокими погребальными башнями. Вѣтеръ въ нихъ неистово реветъ. Предъ вами обширное поле; на немъ нѣсколько сотъ колоннъ, то тянущихся аллеями въ версту длинною, то составляющихъ, если можно такъ выразиться, рощи; между ними зданія, тріумфальныя арки, портики, стѣны. На лѣво цѣпь темно-фіолетовыхъ горъ, и на ихъ высшей точкѣ замокъ, привлекавшій наши взоры цѣлый день. Посреди картины, за городомъ, развалины храма Солнца—колоссальное квадратное зданіе. Стѣны его до сихъ поръ цѣлы и поражаютъ васъ своими размѣрами, не смотря на то, что онѣ слишкомъ въ верстѣ отъ васъ. На право отъ храма Солнца Пальмирскій оазисъ; взоръ очарованъ яркою зеленью посѣвовъ съ лежащими на нихъ темными пятнами пальмъ и серебристыми грядами маслинъ. За городомъ простирается безбрежная пустыня, за оазисомъ—солончаки. Въ нихъ вѣтеръ подымалъ цѣлыя облака пыли и песку, которыя сливались съ небомъ. Было шесть часовъ, солнце садилось. Заря—синонимъ красоты: самая некрасивая мѣстность въ эту минуту дня преобразуется. Освѣщеніе было волшебное, сочетаніе тоновъ не поддается описанію. Нѣжные, розовые и золотистые тоны развалинъ лежали на фіолетовомъ фонѣ горъ и на синевѣ пустыни. Громадныя облака фантастическихъ очертаній поражали своими опаловыми тонами".

За симъ авторъ переходитъ къ описанію Пальмирскихъ развалинъ, которыя всѣ вообще поражаютъ своимъ величіемъ. Впечатлѣніе усиливается еще тѣмъ соображеніемъ, что многіе изъ матеріаловъ, служившихъ для постройки зданій, добывались издалека: такъ, одинъ изъ тетрапилоновъ былъ украшенъ монолитными колоннами изъ египетскаго гранита: отъ Пальмиры до Каира по меньшей мѣрѣ 30 дневныхъ переходовъ; кромѣ того, гранитъ добывался въ каменоломняхъ у Сіены, близъ тропика и оттуда спускался по Нилу до Каира. Можетъ быть—думаетъ авторъ—монолиты эти перевозили по морю до Берита, и оттуда черезъ Ливанъ и Антиливанъ въ Пальмиру.

Библиотека "Руниверс"

Первое мѣсто между древними памятниками этого города принадлежитъ храму Солнца, возобновленному и богато украшенному императоромъ Авреліаномъ послѣ побѣды надъ Зиновіей. Впечатлѣніе, производимое этимъ громаднымъ зданіемъ, авторъ сравниваетъ съ впечатлѣніемъ, производимымъ развалинами Карнакскаго храма или руинами Колизея. Отъ храма сохранились вполнѣ цѣлы, входныя ворота и 23 (изъ 41) колонны перистиля. Весь дворъ храма тѣсно застроенъ арабскими домами, и въ немъ пріютилось бѣдное селеніе бедуиновъ. Изъ другихъ зданій останавливаетъ на себѣ вниманіе „храмъ Рабасейра", величественное зданіе съ весьма сложнымъ планомъ; оно все выстроено изъ чуднаго бѣлаго камня съ розовыми жилами, тогда какъ остальныя зданія—изъ желтаго камня съ золотистымъ оттѣнкомъ. Затѣмъ существуютъ остатки стадіума, базилики, выстроенной Діоклетіаномъ, нѣсколькихъ небольшихъ храмовъ, и т. д. Своеобразный памятникъ представляетъ тянущаяся болѣе чѣмъ на версту колоннада, имѣвшая нѣсколько сотъ колоннъ, отъ которыхъ до сихъ поръ сохранилось около 150. Колоннада эта, начинающаяся двойною тріумфальною аркой, прерывалась арками же для пропуска поперечныхъ улицъ; двѣ изъ такихъ поперечныхъ колоннадъ сохранились и доселѣ. Колонны не всѣ одинаковой высоты, и даже нѣкоторыя представляютъ изъ себя двухъэтажныя постройки; вообще, симметріи въ этой аллеѣ нѣтъ, что свидѣтельствуетъ о томъ, что это не есть постройка задуманная и исполненная по одному плану, но воздвигалась въ разныя время разными лицами; эффектъ ея въ древности усиливался еще тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторыя колонны были раскрашены. Относительно поверхности, занятой городомъ, авторъ замѣчаетъ, что по громадному полю развалинъ не возможно ступить безъ того, чтобы нога не дотронулась до архитектурнаго обломка. „Нигдѣ", говоритъ онъ,—„можетъ быть, въ мірѣ нельзя производить работъ, обѣщающихъ столько результатовъ, какъ здѣсь. Весь городъ покрытъ слоемъ песку весьма различной глубины, доходящей до сажени, но во многихъ мѣстахъ и того нѣтъ. Затѣмъ, такъ какъ населеніе ничтожно и не живетъ на мѣстѣ города, то всѣ матеріалы зданій цѣлы, и зданія легко могли бы быть снова построены изъ тѣхъ же камней, за исключеніемъ развѣ храма Солнца, гдѣ значительная часть матеріала ушла на устройство крѣпости и домовъ селенія. Другихъ зданій не строилось, извести не требовалось, такъ что ничего не погибло" (стр. 11). Часть города, и притомъ та, въ которой сосредоточивались общественныя зданія, обнесена стѣною,

Библиотека "Руниверс"

построенною императоромъ Юстиніаномъ. Авторъ указываетъ на любопытную подробность ея постройки: архитекторъ воспользовался многими гробницами, существовавшими раньше, и включилъ ихъ въ постройку, утилизировавъ ихъ, какъ башни. Поразительную аналогію съ этимъ пріемомъ представляетъ постройка стѣны Авреліана, окружающей Римъ: и въ ней нѣкоторыя гробницы, въ родѣ гробницъ К. Цестія и Кв. Сульпиція Максима, вошли въ составъ стѣны, какъ ея органическое цѣлое. Юстиніанъ, какъ было замѣчено, окружилъ стѣною только часть города; другая же его часть, заключавшая по преимуществу частныя постройки и разрушенная Авреліаномъ, осталась за ея предѣлами и въ настоящее время представляетъ обширное пространство, нѣсколько возвышающееся надъ уровнемъ пустыни; въ немъ Арабы, копая землю, часто находятъ остатки зданій. Вокругъ города находится обширный некрополь. Пальмирскія гробницы представляютъ ту особенность, что имѣютъ видъ довольно высокихъ башенъ, до 20-ти метровъ вышины.

Вторая глава разсматриваемой книги посвящена изложенію исторіи Пальмиры, упоминаніе о которой, подъ именемъ Тадмора, встрѣчается еще въ книгѣ Царствъ. Мы не будемъ передавать здѣсь эту исторію, которая изложена авторомъ весьма живо и съ полнымъ знаніемъ дѣла, а перейдемъ къ третьей главѣ, заключающей въ себѣ эпиграфическіе результаты поѣздки автора. Первая эпиграфическая находка была сдѣлана имъ въ Каріетенѣ и состоитъ изъ обломка камня, съ надписью, возстановленною авторомъ слѣдующимъ образомъ:

Μό]σχου τοῦ Ζαβ[βαίου ἀρχιερέως
πά[ντων χ(ριστιανῶν) ἐν Ναβα[ταίᾳ
ἔ]τους γ. ὑ Ἀρτ[εμισίου.

Самъ авторъ заявляетъ, что дополненія и объясненія его могутъ показаться слишкомъ смѣлыми. Дѣйствительно, они не свободны отъ нѣкоторыхъ возраженій. Главнымъ изъ нихъ представляется толкованіе буквы χ въ смыслѣ χριστιανοί. Въ другихъ малоазійскихъ надписяхъ, гдѣ встрѣчается это слово, оно прописано вполнѣ (напримѣръ, Le Bas Wadd. III. 727 изъ Фригійскаго Траянополя: Χριστιανοῖ[ς] καὶ ἑαυτῷ; id. 783 изъ Фригійской Беннисои: Χρηστιανοὶ Χνηστ[ιαν]ῷ ἐποίησαν; id. 785 изъ Аппіи: Χρηστιανο[ὶ Χρηστ]ιανῷ). Правда, возраженіе это авторъ старается ослабить предположеніемъ, что были причины, препятствовавшія рѣзчику написать цѣликомъ слово χριστιανός, какъ напримѣръ, то, что во время правленія Траяна

Библиотека "Руниверс"

и Марка Авреліи были сильныя гоненія на христіанъ. Но допустивъ это, развѣ выраженіе: ἀρχιερέως πάντων χ. не дѣлало очевиднымъ что рѣчь идетъ о гонимыхъ христіанахъ? Думается, что будетъ надежнѣе отказаться покамѣстъ отъ пониманія и дополненія второй строки.

Въ самой Пальмирѣ нашему путешественнику удалось открыть памятникъ, съ которымъ по его важности и интересу могутъ соперничать лишь весьма немногіе. Такъ какъ разсматриваемая книга отпечатана въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, то мы считаемъ неизлишнимъ ознакомить съ нимъ читателей въ большей подробности.

Находка кн. Абамелека произошла, какъ и многія изъ важныхъ находокъ, совершенно случайно. Бедуины, увидѣвъ, что путешественникъ интересуется надписями, указали ему небольшую, начертанную на вертикально стоявшемъ въ землѣ камнѣ надпись, оказавшуюся греческою; порывшись немного въ пескѣ, нашъ путешественникъ открылъ подъ двумя греческими строками начало большой, довольно хорошо сохранившейся арамейской надписи. „Въ виду большихъ размѣровъ камня", говоритъ авторъ,—„я тотчасъ нанялъ шестерыхъ рабочихъ, которые въ полторы сутокъ обнажили плиту, имѣющую 6 метровъ, 36 сант. длины и 1 м. 60 сант. высоты, считая съ той части камня, которая была надъ поверхностью земли, до нижняго конца надписи. Плита, или лучше, стила — монолитъ, и на ней высѣчены рамки, дѣлящія камень на четыре таблицы. У нижняго конца таблицъ камень продолжается, но такъ какъ временемъ я очень дорожилъ, то и принужденъ былъ прекратить раскопки, не узнавъ, находится ли камень in situ, или случайно принялъ вертикальное положеніе. Когда надпись стала вся видна, то предстояло снять съ нея эстампажи и копіи. Эту работу пришлось дѣлать, находясь въ узкой (70 сант.) траншеѣ, ниже поверхности земли, подъ палящимъ солнцемъ, и почти не имѣя возможности сгибаться для чтенія нижнихъ строкъ. Но надо было кое-какъ приноровляться къ обстоятельствамъ, и, проработавъ съ 8 ч. утра до 6 вечера, я сдѣлалъ эстампажъ, представлявшій въ общей сложности поверхность въ 20 кв. аршинъ. Этотъ трудъ на столько меня утомилъ, что я не былъ въ состояніи на слѣдующій день списать надписи. Тутъ пришелъ мнѣ на помощь мой ученый спутникъ А. В. Праховъ, читающій исторію искусства въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Онъ на столько блистательно и художественно довелъ до конца этотъ трудъ

Библиотека "Руниверс"

въ одинъ день, что спеціалисты не хотѣли вѣрить, чтобы копію такой точности могъ сдѣлать въ столь короткое время человѣкъ, не посвятившій себя исключительно эпиграфикѣ. По мѣрѣ окончанія списыванія одной таблицы, А. В. Праховъ переходилъ къ другой, а я держалъ корректуру. Разумѣется, списана была только греческая часть надписи; къ арамейской же мы не приступали, не зная этого языка. „Отъ нея я увезъ только эстампажъ. При такихъ размѣрахъ бумажный оттискъ представлялъ много неудобствъ по значительному объему и непрочности; но благодаря жестяному цилиндру, онъ благополучно достигъ Одессы. Тутъ печальная участь ожидала эстампажъ. Таможенные чины, считая подозрительною такую массу бумагъ, развернули эстампажъ, осмотрѣли и въ результатѣ такъ разодрали и перемяли его, что онъ потерялъ половину своего значенія. Чтобы поправить это несчастіе, осенью 1882 года я отправилъ бейрутскаго фотографа, г. Кварели, въ Пальмиру для снятія фотографіи прямо съ камня и воспроизведенія новыхъ эстампажей. Вмѣстѣ съ тѣмъ я указалъ ему нѣсколько точекъ, съ которыхъ развалины Пальмиры не были еще сняты..... Г. Кварели не могъ сфотографировать камня, такъ какъ мудиръ Тадмора, Силимъ Эффенди, запретилъ ему расчистить песокъ передъ камнемъ, что было необходимо для постановки фотографическаго аппарата. Онъ ссылался на то, что снятіе 300 куб. метровъ земли подходитъ подъ рубрику раскопокъ, формально запрещенныхъ въ предѣлахъ Оттоманской имперіи. „И такъ, главная цѣль командировки мною г. Кварели въ Пальмиру не была достигнута. Съ камня фотографіи не было снято, а сдѣланы были только новые эстампажи, дошедшіе въ цѣлости до Петербурга, но уступавшіе, впрочемъ, моимъ прежнимъ по качеству".

Мы не безъ цѣли привели эту длинную выписку изъ разсматриваемой книги: выписка эта показываетъ, что кн. Абамелекъ, цѣня высокое значеніе открытаго имъ памятника, не щадилъ ни трудовъ, ни значительныхъ издержекъ для того, чтобъ имѣть возможность издать его вполнѣ достойнымъ образомъ.

Вотъ какъ описываетъ авторъ внѣшность памятника: „Монолитная стила раздѣлена изваянными рамами на четыре таблицы; ихъ величина различна, именно двѣ среднія таблицы больше двухъ крайнихъ. Надпись написана на двухъ языкахъ—на греческомъ и на пальмирскомъ нарѣчіи арамейскаго языка. Тексты раздѣлены слѣдующимъ образомъ: на первой таблицѣ справа 12 строкъ греческихъ, затѣмъ переводъ ихъ въ 11 строкахъ на пальмирскомъ языкѣ, и

Библиотека "Руниверс"

наконецъ, греческая приписка съ переводомъ въ $2^1/_2$ строки; все остальное пространство въ 20 или 30 строкъ пусто; затѣмъ идетъ большая арамейская таблица, надъ нею заглавіе надписи, бывшее надъ поверхностью земли, потомъ двѣ остальныя греческія таблицы". Въ заголовкѣ греческой надписи сохранились только слѣдующія буквы:

ου υιου θεο
ατου το γ πατρος πατριδος υπατ

которыя авторъ дополняетъ слѣдующимъ образомъ:

1. Αὐτοκράτορος Καίσαρος θεοῦ Τραιανοῦ Παρθικ]οῦ υἱοῦ θεο[ῦ Νέρουα υἱωνοῦ Τραιανοῦ Ἀδριανοῦ Σεβαστοῦ

2. δημαρχικῆς ἐξουσίας τὸ κ ὑπ]άτου τὸ γ, πατρὸς πατρίδος ὑπατ[ευόντων Λ. Αἰλίου Καίσαρος τὸ β καὶ Π. Καλλίου Βαλβίνου.

Дополненія эти основываются, между прочимъ, на томъ, что въ первой строкѣ греческаго текста документъ датированъ 18-мъ числомъ мѣсяца ксандика 448 года (=18 апрѣля 137 г. по Р. Хр.). Хотя въ общемъ возстановленіе отрывка и представляется весьма удачнымъ, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя его частности вызываютъ замѣчанія: прежде всего въ титулатурѣ Адріана необходимо дополнить его великій понтификатъ: ἀρχιερέως μεγίστου, поставивъ его между титуломъ Августа и его трибунскою властью; затѣмъ, послѣ этой послѣдней слѣдовало бы, передъ отмѣткою консульства, вставить отмѣтку acclamationes imperatoriae: αὐτοκράτορος τὸ β; далѣе, самая цифра трибунской власти должна быть измѣнена на κά, то-есть, 21, такъ какъ счетъ годовъ трибунской власти Адріана шелъ не съ 11-го августа 117 г., какъ думаетъ авторъ, а съ 10-го декабря 116, и слѣдовательно, въ апрѣлѣ 137 г. этотъ счетъ имѣлъ цифру 21. Наконецъ, въ названіи консуловъ вмѣсто Καλλίου лучше поставить форму Καιλίου. Не можемъ въ заключеніе не отмѣтить, что двойная датировка документа—счетомъ лѣтъ царствованія императора и именами консуловъ—представляется своеобразною.

Документъ начинается выпиской изъ протокола засѣданія Пальмирскихъ властей, и, въ частности βουλή, которая, въ присутствіи проедра, секретаря, архонтовъ и такъ-называемыхъ δεκπάρωτοι (decemprimi; ср. princeps et undecimprimus gentis Saboidum въ одной надписи изъ Цирты C. J. L. VIII. 7041 = Renier J. Alg. 1824) опредѣлила: „Такъ какъ въ старину въ законѣ относительно арендованія пошлинъ (ἐν τῷ τελωνικῷ νόμῳ) весьма многое изъ подлежащаго имъ

Библиотека "Руниверс"

включено не было, и пошлины взимались по обычаю, при чемъ въ условіяхъ арендованія писалось, что откупщикъ дѣйствуетъ сообразуясь съ тарифомъ и обычаемъ, и такъ какъ вслѣдствіе того весьма часто между купцами возникали иски на сборщиковъ пошлинъ, то настоящіе архонты и δεκάπρωτοι постановили по обсужденіи не включенное въ тарифъ помѣстить въ ближайшемъ арендномъ контрактѣ, и каждый видъ (товаровъ) обложить взимаемою по обычаю пошлиной; затѣмъ, когда контрактъ будетъ утвержденъ за арендаторомъ, начертать оный вмѣстѣ съ первымъ закономъ [1]) на каменномъ столбѣ, находящемся противъ святилища, именуемаго Равасири (Ραβασειρῆ); и всѣ послѣдующіе архонты, δεκάπρωτοι и синдики (συνδίκους) должны наблюдать за тѣмъ, чтобы арендаторъ ни въ чемъ не преступалъ условій". Это же самое читается и въ слѣдующемъ за симъ непосредственно арамейскомъ текстѣ. За симъ идетъ общее положеніе, гласящее, что съ груза каждой повозки берется та же пошлина, какая взимается съ четырехъ верблюжьихъ грузовъ (здѣсь, очевидно, опредѣляется не качество, а количество обкладываемаго пошлиной товара). Это постановленіе, по прекрасному замѣчанію автора, проливаетъ яркій свѣтъ на торговое движеніе крайняго Востока: Пальмира, находясь на пунктѣ скрещенія нѣсколькихъ дорогъ, соединявшихъ Месопотамію съ побережьемъ Средиземнаго моря, была конечною станціей колеснаго сообщенія: въ ней товары, шедшіе съ Запада, перегружались съ телегъ (χάρρον) на верблюдовъ, а товары, шедшіе съ Востока, — съ верблюдовъ на телеги, и потому прежде всего необходимо было опредѣлить взаимное соотвѣтствіе между этими двумя способами нагрузки.

---

[1]) «Можетъ быть», говоритъ кн. Абамелекъ,—«прежній законъ помѣщался на пострадавшихъ мѣстахъ нашего камня или часть камня съ старымъ закономъ совсѣмъ отдѣлена и затерялась». Позволяемъ себѣ здѣсь, въ примѣчаніи, высказать предположеніе о томъ, что этотъ старый законъ сохранился, и что первые пункты надписи (о пошлинѣ съ рабовъ, съ пурпуровой шерсти, мира и т. д.) суть отрывки его. На это предположеніе наводятъ насъ нѣкоторыя особенности надписи: а) начало ея формулировано весьма кратко и точно, тогда какъ окончаніе представляетъ какъ бы комментарій къ тарифу, изложенный довольно подробно, и притомъ съ ссылкою на авторитеты Килика, Германика и Корбулона; b) въ послѣдующемъ изложеніи повторяются тѣ же предметы, о которыхъ говорится въ началѣ: рабы, миро, съѣстные припасы и пр.; с) не возможно предположить, чтобы въ прежній тарифъ не были включены такіе предметы, какъ рабы, миро, шерсть, составлявшіе главную часть товаровъ, шедшихъ съ Востока къ Средиземному побережью.

Библиотека "Руниверс"

Вслѣдъ за симъ идутъ тексты арамейскій и греческій, въ которыхъ перечисляются товары, обложенные пошлиной, и опредѣляется ея размѣръ. Арамейскій текстъ, по наблюденію извѣстнаго знатока Пальмиры и Пальмирскихъ надписей маркиза Вогюэ (Vogüé), монографія котораго объ этомъ текстѣ приложена авторомъ къ разбираемой книгѣ,—представляетъ повтореніе греческаго, писаннаго раньше, и хотя не воспроизводитъ его всецѣло, но за то переведенныя части переданы дословно. Такимъ образомъ, для возстановленія и пониманія надписи необходимо совмѣстное изученіе обоихъ текстовъ. Вотъ главныя данныя, ими сообщаемыя [1]):

За ввозъ и вывозъ каждаго раба въ Пальмиру или изъ нея платится 22 денарія.

Съ овечьей шкуры, окрашенной въ пурпуръ, съ каждаго руна, вывозимаго или ввозимаго, 3 денарія.

Съ верблюжьяго груза мира, ввозимаго въ алавастрахъ на верблюдѣ, 25 денаріевъ.

При вывозѣ того же мира на верблюдѣ—13 денаріевъ.

Съ верблюжьяго груза мира, ввозимаго въ козьихъ мѣхахъ, при ввозѣ и вывозѣ, по 13 денаріевъ.

Съ ослинаго груза мира въ алавастрахъ, при ввозѣ и вывозѣ, по 7 денаріевъ.

Съ ослинаго груза мира въ козьихъ шкурахъ, при ввозѣ и вывозѣ, по 7 денаріевъ.

Съ груза оливковаго масла, нагружаемаго на верблюда въ четырехъ козьихъ мѣхахъ, при ввозѣ и вывозѣ, по 10 денаріевъ.

Съ груза оливковаго масла, нагруженнаго на верблюда въ двухъ козьихъ мѣхахъ, по ? денаріевъ.

Съ груза оливковаго масла, нагруженнаго на осла, при ввозѣ и вывозѣ, по 7 денаріевъ.

Съ груза сала (или благоухающаго масла) въ четырехъ мѣхахъ изъ козьей шкуры, нагруженныхъ на верблюда, при ввозѣ и вывозѣ, по 13 денаріевъ.

Съ груза сала, въ двухъ мѣхахъ изъ козьей шкуры, нагруженныхъ на верблюда, при ввозѣ и вывозѣ, по 7 денаріевъ.

---

[1]) Греческій текстъ приведенъ авторомъ въ двухъ мѣстахъ его книги, въ статьѣ маркиза Вогюэ и въ самомъ текстѣ книги; послѣдній текстъ представляется болѣе полнымъ и прочтеннымъ удачнѣе; этой полнотѣ въ значительной степени содѣйствовалъ извѣстный знатокъ греческой эпиграфики магистръ С.-Петербургскаго университета В. В. Латышевъ.

Библиотека "Руниверс"

Съ груза сала, навьюченнаго на осла, при ввозѣ и вывозѣ, по 3 денарія.

Съ груза соленій (солонины), нагруженныхъ на верблюда, при ввозѣ, 10 денаріевъ. И тотъ, кто будетъ ихъ вывозить, будетъ платить съ верблюжьяго груза ? денаріевъ.

Съ соленій, ввозимыхъ на ослѣ, откупщикъ будетъ взимать при ввозѣ и вывозѣ по 3 денарія... [Откупщикъ] будетъ взимать съ продающаго ароматическое масло по закону... асс. и, сверхъ того, взимать налогъ съ женщины (?), съ той, которая торгуетъ на денарій или больше, онъ получитъ одинъ денарій съ женщины (?); съ той, которая торгуетъ на 8 асс., онъ получитъ 8 асс., и съ той, которая беретъ 6 асс., онъ будетъ взимать 6 ассовъ.

Откупщикъ будетъ взимать съ мастерскихъ:

На кожевенномъ базарѣ будетъ собирать по обычаю ежемѣсячно съ каждой мастерской — по 1 денарію. Съ лицъ ввозящихъ шкуры или торгующихъ ими, съ каждой шкуры будетъ взимать по 2 асса. Также и торгующіе въ разноску по городу платьемъ будутъ платить откупщику слѣдующіе ему ? ассовъ.

За пользованіе двумя источниками ежегодно 800 денаріевъ.

Тотъ же откупщикъ будетъ взимать съ грузовъ пшеницы, вина, соломы и предметовъ подобнаго рода, съ каждаго верблюжьяго груза и за каждый путь по 1 денарію.

Съ верблюда, еслибъ онъ вступилъ въ городъ и безъ груза, откупщикъ будетъ взимать такъ, какъ взималъ Киликсъ, отпущенникъ Цезаря.

Слѣдующія за симъ строки греческаго текста сохранились весьма дурно; не помогаетъ дѣлу и текстъ арамейскій, также весьма испорченный; въ этихъ лакунахъ дѣло шло объ обмѣренін, о требованіяхъ на откупщика и со стороны откупщика, которыя судились передъ особымъ, опредѣленнымъ для этого лицомъ, въ Пальмирѣ (ἐν Παλμύροις; интересна форма τά Πάλμυρα, вмѣсто общепринятой ἡ Παλμύρα), далѣе шла рѣчь о залогахъ, о Цесарскихъ источникахъ, о рабахъ, о шерсти, объ ароматическомъ маслѣ и пр. Затѣмъ тарифъ продолжаетъ:

Пошлина за убой должна быть высчитываема до денарія, и такъ какъ Германикъ Цезарь указомъ Стазилію объявилъ, что пошлины должны быть высчитываемы до италіанскаго асса, то пошлину до денарія откупщикъ будетъ собирать по обычаю сполна (τὸ δὲ ἐντὸς δηναρίου τέλος ἐκ συνηθείας ὁ τελώνης πρὸς κέρμα πράξει,

Библиотека "Руниверс"

что̀ гр. Вогюэ объясняетъ: когда пошлина (за закланіе) будетъ ниже одного денарія, откупщикъ, по обычаю, будетъ взимать дополнительныя деньги). Съ бросаемаго же мяса дохлыхъ животныхъ пошлина не взимается.

Я опредѣляю, чтобы по закону съ груза съѣстныхъ припасовъ взимался денарій, всякій разъ, какъ они будутъ ввозимы или вывозимы за черту.

Привозящіе же (таковые) въ селенія или вывозящіе изъ селеній свободны отъ пошлины, какъ и было условлено съ ними.

Съ орѣховъ пиніи и другихъ подобныхъ видовъ, которые привозятся на продажу иноземными купцами, пошлина взимается какъ за сухіе предметы, какъ это дѣлается въ прочихъ городахъ.

Съ верблюдовъ, которые будутъ вводимы безъ груза или съ грузомъ изъ-за предѣловъ черты, взимается съ каждаго, по закону, денарій, какъ это опредѣлилъ и державный Корбулонъ въ указѣ Барбару...

Для продавцовъ лѣкарственныхъ травъ... было рѣшено, что они будутъ платить пошлину, такъ какъ они производятъ торговлю.

Налогъ на рабынь былъ установленъ закономъ.

Откупщикъ будетъ взимать съ гетеръ, которыя получаютъ денарій и больше; но ничего не получитъ, если онѣ берутъ меньше.

Касательно тѣхъ, которые торгуютъ бронзовыми статуями, фигурами, было постановлено, чтобъ они продавали какъ бронзу и статую...

Чистую соль было постановлено продавать на площади тамъ, гдѣ собираются, и тотъ, кто купитъ соль для торговли, будетъ платить по одному италіанскому ассу съ модія, по закону, при чемъ, пошлина съ соли, находящейся въ Тадморѣ,.. будетъ взиматься до одного асса, и она будетъ продаваться по модію, по обычаю...

Наконецъ, въ тарифѣ упоминалось еще о пастбищахъ, которыя въ извѣстныхъ случаяхъ также облагались пошлиной.

Изъ этого обозрѣнія содержанія открытаго кн. Абамелекомъ памятника видно, что онъ представляется документомъ первостепенной важности, заслуживающимъ глубокаго и внимательнаго изученія [7]).

---

[7]) Онъ уже имѣетъ свою литературу, изъ которой укажемъ: *Foucart*, *Bull. de corr. hellénique* VII p. 440; *Vogüé—Journal Asiatique* avril, août—sept. 1883; *Duval*, ibid. octobre—décembre 1883; *Dareste—Journ. d. sav.* 1882. p. 503; *Mommsen—Eph. epigr.* V. p. 18; *Cagnat—Revue de philologie* VIII. p. 135; *Vigier*, Etude sur les impots indirects des romains. 1884.

Библиотека "Руниверс"

Здѣсь мы можемъ посвятить ему лишь нѣсколько замѣчаній [1]), относящихся какъ къ общему его характеру, такъ и къ нѣкоторымъ частностямъ. До открытія кн. Абамелека намъ были извѣстны лишь немногіе памятники, представляющіе нѣкоторую аналогію съ вышеописаннымъ тарифомъ; первое между ними мѣсто принадлежитъ слѣдующей надписи, найденной въ нумидійскомъ городѣ Zarai [2]).

Въ царствованіе Цезарей Л. Септимія Севера и М. Аврелія Антонина Августовъ благочестивыхъ, консуловъ (въ 200 г.), такса пошлинъ, установленная послѣ отбытія когорты:

Такса поголовная (lex capitularis): Съ каждаго раба $1^1/_2$ ден.; съ коня, кобылы $1^1/_2$ ден.; съ мула, мулы $1^1/_2$ ден.; съ осла, быка $^1/_2$ ден.; съ свиньи $^1/_4$ ден.; съ поросенка $^1/_8$ ден.; съ овцы, козла (caper) $^1/_4$ ден.; съ козла (edus), ягненка $^1/_8$ ден.—Скотъ на ярмарку не облагается пошлиною. — Такса съ чужеземной одежды: за аболлу, надѣваемую къ обѣду, $1^1/_2$ ден.; за тунику ternaria (?) $1^1/_2$ ден.; за покрывало $^1/_2$ ден.; за пурпуровый плащъ 1 ден.; за остальную африканскую одежду, за отдѣльную одежду $^1/_2$ ден. (?).—Такса съ кожъ: съ кожи выдѣланной $^1/_2$ ден.; съ кожи съ волосомъ $^1/_8$ ден.; за шкуру овечью, козью $^1/_8$ ден.; за мягкій чапракъ, вѣсомъ 100?; за не обдѣланный, вѣсомъ 100, $^1/_2$ ден.; съ 10 фунтовъ клея $^1/_8$ ден.; съ 10 ф. губокъ $^1/_8$ ден.; Maximum таксы со скота: вьючныя животныя пошлиною не обкладываются; остальные предметы оплачиваются какъ показано въ поголовной таксѣ. — Съ амфоры вина, съ амфоры разсола $^1/_4$ ден.; за 100 фунтовъ пальмы $^1/_2$ ден.; за 100 фунтовъ смолы ?; за 10 модіевъ vatasiae (?) ?; за 10 модіевъ орѣховъ ?; за резину, смолу, квасцы, со 100 ф. ?; за желѣзо ?

Въ городѣ Zarai, лежащемъ на границѣ Нумидіи и Мавританіи, стояла въ царствованіе Адріана одна изъ когортъ римской арміи (Wilmanns Comment. Momms p. 208), которая въ 202 г. была оттуда отозвана; съ ея уходомъ стоитъ въ связи и вышеприведенный тарифъ; по догадкѣ Моммзена (ad C. J. L. VIII. 4508), до того времени сборъ пошлинъ могъ находиться въ вѣдѣніи префекта когорты, и по ея уходѣ потребовалось, при передачѣ этого сбора въ другія руки, опредѣлить и таксу пошлинъ. Въ тарифѣ этомъ обращаетъ на себя вниманіе сравнительная незначительность таксы: тогда какъ, напримѣръ, съ раба въ Пальмирѣ взималось 22 денарія, въ

[1]) Пользуемся при этомъ преимущественно статьею *Cagnat* l. l.

[2]) C. J. L. VIII. 4508=*Wilmanns* Exempla 2738.

Библиотека "Руниверс"

Зараи—только 1½ и т. д., затѣмъ, нѣкоторыя статьи, обложенныя пошлиной въ Пальмирѣ (напримѣръ, вьючный скотъ), въ Зараи ея не платили [1]).

О существованіи подобныхъ же пошлинъ, нѣчто въ родѣ французскаго octroi [2]), мы знали изъ одной надписи города Рима, относящейся къ царствованію М. Аврелія и Коммода, въ которой упоминается о препирательствахъ между торговцами и сборщиками пошлинъ, которые брали ихъ иногда дважды; для предупрежденія этого на будущее время, императоры сочли необходимымъ въ точности опредѣлить черту этого octroi, называемаго foricularium et ansarium, то-есть, пошлина за транзитъ и за привозъ [3]). Въ связи съ этимъ стоитъ другая, римская же надпись, которая гласитъ, что съ предметовъ, предназначаемыхъ для употребленія, а не для продажи, ansarium не взыскивается [4]). Если мы прибавимъ къ этому указаніе на существованіе такихъ или имъ подобныхъ сборовъ въ Беритѣ (Ephem. ep. VI. p. 18), Милетѣ и Іасѣ въ Каріи (ibid.), то исчерпаемъ всѣ, или почти всѣ эпиграфическія свидѣтельства о пошлинахъ этого рода [5]). Естественно, что при такой скудости данныхъ, памятникъ, найденный кн. Абамелекомъ, представляется документомъ первостепенной важности.

Въ арамейскомъ текстѣ документъ озаглавленъ: „Таможенный законъ для города Адріана Тадморъ и водяныхъ источниковъ...“. Первымъ вопросомъ, который представляется при чтеніи этой надписи, есть тотъ: былъ ли этотъ тарифъ взимаемъ въ пользу Римскаго государства, или же въ пользу муниципальной кассы города Пальмиры? Уже то обстоятельство, что тарифъ установленъ властями города, что споры, возникающіе по его поводу, обсуждаются мѣстною же властью, что римскіе чиновники и, въ частности, прокураторъ, не принимаютъ никакого участія въ сборѣ и въ контролѣ надъ нимъ, заставляетъ видѣть въ надписи документъ, установляющій таксу,

---

[1]) Тарифъ въ C. J. L. VI. 820 относится къ таксѣ, взимавшейся при жертвоприношеніи.

[2]) Въ чьемъ вѣдѣніи находился этотъ сборъ, мы не знаемъ. Вѣроятнѣе всего, доходы съ него шли въ фискъ.

[3]) C. J. L. VI. 1016.

[4]) C. J. L. VI. 8594. Иначе понимаетъ эти надписи *Marquardt*, Röm. Staatsverwalt., II, p. 270.

[5]) Считаемъ нужнымъ замѣтить, что здѣсь мы имѣемъ въ виду не portoria publica, свѣдѣнія о которыхъ многочисленны, но свѣдѣнія о сборахъ мѣстныхъ.

Библиотека "Руниверс"

доходъ съ которой составляетъ собственность города. Надзоръ за правильнымъ исполненіемъ предписаній закона возложенъ на городскихъ архонтовъ, δεκάπρωτοι и синдиковъ. Авторъ разсматриваемой книги понимаетъ этихъ послѣднихъ какъ чиновниковъ, которые отправляли тѣ же функціи, что и δεκάπρωτοι. Что дѣйствительно пальмирскіе σύνδικοι были чѣмъ-то постояннымъ (въ отличіе отъ другихъ, избиравшихся ad hoc, въ качествѣ послокъ къ императору или правителю провинціи C. J. Att. III, 1, 38. Le Bas Waddington ad. 1176. Asie Min.), доказываютъ Батанейскія надписи (Le Bas Wadd. 2219, 2220, 2239, 2240), въ которыхъ синдики являются эпонимами; но съ другой стороны, трудно предположить, чтобы существовали въ Пальмирѣ двѣ магистратуры, почти не отличавшіяся одна отъ другой; истинное значеніе пальмирскихъ синдиковъ можетъ указать намъ одно мѣсто изъ дигестъ (3, 4, 11), въ которомъ syndicus отожествляется съ actor; actores же, которые были не только у частныхъ лицъ, но и городскихъ общинъ (Plin. epp. VII. 18 agrum ex meis longe pluris actori publico mancipavi), завѣдывали въ послѣднемъ случаѣ общинною или городскою кассой, потому-то они и упоминаются на ряду съ архонтами и δεκάπρωτοι.

Хотя, слѣдовательно, тарифъ предназначенъ исключительно для мѣстныхъ потребностей Пальмиры, тѣмъ не менѣе въ разсматриваемомъ документѣ встрѣчаются ссылки на распоряженія римскихъ властей. Первою изъ нихъ упоминается цезарскій отпущенникъ Κίλιξ, Cilix. Авторъ разбираемой книги полагаетъ, что онъ былъ въ Пальмирѣ императорскимъ прокураторомъ. Но такому пониманію препятствуетъ текстъ надписи, въ которомъ читаемъ: καθὼς Κίλιξ Καίσαρος ἀπελεύθερος ἔπραξεν. Глаголомъ πράσσειν въ надписи постоянно обозначается актъ взиманія пошлины, слѣдовательно, Киликъ былъ не прокураторъ, но самъ сборщикъ или откупщикъ, δημοσώνης. При значительности пальмирской торговли, какъ замѣчаетъ Канья,—нѣтъ ничего удивительнаго, что даже цезарскій отпущенникъ взялъ на откупъ сборъ пошлинъ, которыя, по своей значительности, представляли быстрый источникъ обогащенія.

Затѣмъ упоминается Германикъ: καὶ Γερμανικοῦ Καίσαρος διὰ τῆς πρὸς Στατείλιον ἐπιστολῆς διασαφήσαντος. Изъ свидѣтельства Тацита (Ann. II, 43) мы знаемъ, что въ 18-мъ году Германику permissae provinciae quae mari dividuntur maiusque imperium, quoquo adisset, quam iis qui sorte aut missu principis obtinerent. Какъ извѣстно, Германикъ два года управлялъ Востокомъ. Къ этому, слѣдовательно,

Библиотека "Руниверс"

времени долженъ относиться указываемый въ надписи фактъ. Статилій авторъ склоненъ признать за финансоваго агента римской администраціи въ Пальмирѣ и въ письмѣ, или правильнѣе указѣ Германика видитъ древнѣйшее упоминаніе о римскомъ владычествѣ въ этомъ городѣ. Здѣсь слово „владычество" правильнѣе было бы замѣнить словомъ: „вліяніе", ибо формальное подчиненіе Пальмиры римскому владычеству послѣдовало не ранѣе 106 года (Dio C. LXVIII, 14). Посему Статилій врядъ ли могъ быть финансовымъ агентомъ римской администраціи въ Пальмирѣ; врядъ ли могъ онъ быть и iuridicus, какъ это предполагаетъ Ваддингтонъ [1]). Скорѣе всего это было, подобно Киликсу, лицо, взявшее на откупъ сборъ пошлинъ. Наконецъ, упоминается еще указъ Корбулона нѣкоему Варвару (ὡς καὶ Κορβούλων ὁ κράτιστος ἐσημειώσατο ἐν τῇ πρὸς Βάρβαρον ἐπιστολῇ). Кней Домицій Корбулонъ былъ, подобно Германику, посланъ въ Азію ad res Orientis administrandas, съ обширными полномочіями; ими, какъ кажется, можетъ быть объясняемъ эпитетъ κράτιστος, который, поэтому, мы передали словомъ: „державный". Правда, у насъ есть прямыя свидѣтельства о личной храбрости Корбулона, однако передавать слово κράτιστος черезъ „могучій" представляется неудобнымъ потому, что къ чему было упоминать о „мощи" Корбулона въ оффиціальномъ документѣ? Этотъ же эпитетъ побуждаетъ время указа относить къ первой миссіи Корбулона на Востокъ, а не по времени его легатства въ Сиріи (61—63).

Вмѣшательство Германика и Корбулона въ дѣла внутренняго управленія Пальмиры не было, однако, непосредственное: они не издаютъ опредѣленныхъ и обязательныхъ законовъ, но одинъ διασαφεῖ другой—σημειοῖ; затѣмъ, хотя слово ἐπιστολή мы и перевели черезъ „указъ" (о перепискѣ, какъ кажется, думать не приходится), однако сдѣлали это за неимѣніемъ русскаго термина, соотвѣтствующаго слову rescriptum, которое и выражено греческимъ ἐπιστολή. Дѣло, по всей вѣроятности, было такъ: Статилій и Варваръ, взявшіе на откупъ сборъ пошлинъ, обращались, конечно, не безъ согласія пальмирскихъ властей, за разрѣшеніемъ возникшихъ на практикѣ недоумѣній къ

---

[1]) Согласиться съ Ваддингтономъ препятствуетъ названіе этого лица Статиліемъ. Оно, очевидно, было отпущенникомъ одного изъ Statilii, знатнаго семейства, представители котораго занимали видное мѣсто въ рядахъ римской администраціи I в. А обязанности iuridicus поручались обыкновенно лицамъ съ видным положеніемъ, а не простымъ отпущенникамъ.

Библиотека "Руниверс"

лицамъ, облеченнымъ извѣстными полномочіями по управленію Востокомъ, и получали это разрѣшеніе въ ἐπιστολαί, rescripta, которыя, исходя отъ такихъ лицъ, были до извѣстной степени обязательны для вопрошавшихъ.

Много интересныхъ указаній заключается и въ перечисленіи статей, обложенныхъ пошлиною, равно какъ любопытенъ и сравнительный объемъ этой послѣдней. На первомъ мѣстѣ стоятъ рабы, съ которыхъ при вводѣ и выводѣ ихъ изъ Пальмиры взимается по 22 денарія; что продажа рабовъ была обложена пошлиной, объ этомъ мы знаемъ изъ многочисленныхъ указаній; знаемъ даже о существованіи сбора въ $4^{0}/_{0}$ (такъ-называемая quinta et vicesima venalium mancipiorum) со стоимости раба; только послѣдніе сборы поступали въ казну, тогда какъ 22 денарія брались въ пользу города Пальмиры, и притомъ брались не съ покупателя, а съ продавца.

Далѣе, изъ предметовъ торговли упоминается шерсть, окрашенная въ пурпуръ, при чемъ облагаемою пошлиною единицей является руно; этотъ же способъ оцѣнки видимъ мы и въ Діоклетіановомъ эдиктѣ (Mommsen, Sitzungsb. d. Sächs. Ges. d. Wiss. III p. 64), и онъ представляется для товаровъ этого вида самымъ естественнымъ. О драгоцѣнномъ ароматическомъ маслѣ, упоминаемомъ далѣе въ тарифѣ, распространяться нѣтъ нужды; слѣдуетъ лишь отмѣтить, что по разницѣ тарифа, а слѣдовательно, и по относительной стоимости отличаются два сорта мира: высшій, ввозимый въ алавастрахъ, и низшій—въ мѣхахъ изъ козьей шкуры. Матеріалъ для этихъ алавастровъ добывался около Дамаска, и изъ него приготовлялись сосуды, лучше другихъ сохранявшіе ароматъ драгоцѣнныхъ мастей (Plin. N. h. XXXVI. 61. Hunc aliqui lapidem alabastriten vocant quem cavant et ad vasa unguentaria, quoniam optume servare incorrupta dicatur... nascitur circa Thebas Aegyptias et Damascum Syriae). Не удивительно поэтому, что въ алавастрахъ заключалось масло высшаго сорта, оплачивавшееся поэтому болѣе высокою пошлиною; важно затѣмъ и то обстоятельство, что за вывозъ этого масла платилась пошлина болѣе низкая, чѣмъ за ввозъ (13 и 25 ден.). Не служитъ ли это свидѣтельствомъ тому, что въ самой Пальмирѣ было развито приготовленіе этого масла, и что поэтому болѣе низкою пошлиною поощрялась эта промышленность, а высокою пошлиною при ввозѣ парализовалась конкурренція иностранныхъ? Другія статьи тарифа, относящіяся къ ввозу и вывозу товаровъ, замѣчаній не вызываютъ. Но не одни только предметы купли и продажи являются обложен-

Библиотека "Руниверс"

ными пошлинами въ нашемъ тарифѣ: онѣ взимаются и съ промысловъ и съ профессій. Такъ, извѣстный налогъ платили кожевенныя мастерскія, съ которыхъ онъ взимался ежемѣсячно, съ каждой мастерской; объ этомъ мы имѣемъ свѣдѣнія и изъ другихъ источниковъ; новымъ здѣсь является способъ обложенія, о которомъ доселѣ свѣдѣній мы не имѣли. Интересно то, что къ числу промысловъ отнесена и проституція (τὸ πορνικὸν τέλος позднѣйшаго времени см. Godofred. Cod. Theod. XIII, 1, 1), при чемъ гетера, получающая плату въ извѣстномъ размѣрѣ, въ томъ же размѣрѣ платитъ и налогъ. Въ концѣ тарифа повторяется то же распоряженіе, съ тою разницею, что гетеры, получающія менѣе 1 денарія, освобождаются отъ налога. Тотъ же видъ сбора былъ учрежденъ и въ Римѣ императоромъ Калигулой (Sueton. Calig. 40. ex gerulorum diurnis quaestibus pars octava, ex capturis prostitutarum, quantum quaeque uno concubitu mereret). Слѣдуетъ отмѣтить, что во второй части тарифа minimum платы, облагаемой налогомъ, есть денарій; эту же цифру встрѣчаемъ мы, по наблюденію Канья, и на Помпеянскихъ граффиттахъ. Сверхъ вышеисчисленныхъ налоговъ упоминается въ нашемъ тарифѣ и налогъ на убой животныхъ; налогъ этотъ, для того, чтобъ онъ могъ подвергаться должному контролю, предполагаетъ устройство особой бойни, что̀ изъ другихъ источниковъ намъ не извѣстно. Были въ тарифѣ и распоряженія относительно пользованія водою: такъ, платилось 800 денаріевъ въ годъ за пользованіе двумя колодцами, которые... въ городѣ; затѣмъ, упоминаются какія-то „воды Цезаря“, и еще говорится о мѣрѣ (?) воды съ фонтана по ассу. О томъ, что урегулированіе пользованія водою составляло одну изъ главныхъ частей таможеннаго закона, мы можемъ заключать изъ самаго заглавія арамейскаго текста, гдѣ читаемъ: „Таможенный законъ для города Адріана Пальмира и водяныхъ источниковъ...“. Правильное пользованіе водою было въ Пальмирѣ тѣмъ необходимѣе, что этотъ городъ стоитъ въ оазисѣ среди пустыни. Канья задаетъ вопросъ: кто же платилъ упомянутые въ тарифѣ 800 денаріевъ? Нельзя предположить, чтобъ этотъ налогъ платился всѣми потребителями воды, бравшими ее для ежедневнаго пользованія, и потому приходится предположить, что онъ лежалъ на лицахъ, для профессій которыхъ вода была существенно необходима, какъ напр., для прачечныхъ, для бань и купаленъ и т. д. Каждое изъ этихъ лицъ платило за право пользованія водою ежегодно помянутую сумму, и судя по контексту, платило откупщику. Что же касается „водъ Цезаря“, то

Библиотека "Руниверс"

ки. Абамелекъ предполагаетъ, что, можетъ быть, здѣсь рѣчь идетъ о минеральныхъ водахъ и, въ частности, объ источникѣ Ефка, отличающемся весьма сильнымъ сѣрнымъ запахомъ; воды эти могли принадлежать Цезарю, какъ регалія. Наконецъ, тарифъ упоминаетъ о продажѣ соли; къ сожалѣнію, постановленіе закона объ этой продажѣ и не полно, и не ясно, вслѣдствіе чего сдѣлать какой-либо выводъ объ ея организаціи въ Пальмирѣ невозможно.

Сверхъ вышеразобранной надписи кн. Абамелекомъ найдено еще нѣсколько эпиграфическихъ текстовъ; но они особеннаго интереса не представляютъ.

Книга издана съ рѣдкимъ изяществомъ. Геліогравюры Дюжардена въ Парижѣ, изображающія виды Пальмиры, превосходны.

Заключимъ свой отчетъ благодарностью автору за прекрасное изданіе, которымъ онъ обогатилъ нашу ученую литературу, и за капитальную находку, которая составляетъ цѣнный подарокъ для науки.

И. Помяловскій.

Сборникъ замѣчательныхъ изрѣченій, цитатъ, поговорокъ и т. п. различныхъ временъ и народовъ съ историческимъ и сравнительнымъ объясненіемъ. Составилъ *Ив. Рыдниковъ*. Вятка. 1883.

У всѣхъ цивилизованныхъ народовъ употребляется въ обществѣ болѣе или менѣе просвѣщеннымъ множество поговорокъ, пословицъ, серьезныхъ и шутливыхъ выраженій и цитатъ, происхожденіе или источникъ которыхъ большинству употребляющихъ ихъ вовсе неизвѣстны. На чемъ основываются или гдѣ впервые встрѣчаются чуть не ежедневно цитуемыя выраженія въ родѣ слѣдующихъ: Что ему Гекуба?—Lupus in fabula.—Time is money.—Синій чулокъ.—Enfants terribles.—Ubi bene, ibi patria? Подобный вопросъ нерѣдко тѣмъ умѣстнѣе, что иныя выраженія примѣняются въ наши дни уже не въ томъ смыслѣ, въ какомъ они были употреблены въ первый разъ, напримѣръ: Hier vollend ich's. Die Gelegenheit ist günstig. Something is rotten in the state of Denmark.—Темна вода въ облацѣхъ и т. д., вслѣдствіе чего нерѣдко является желаніе узнать, въ какомъ смыслѣ и въ какой связи подобныя слова были сказаны первоначально. Въ какой степени соотвѣтствовалъ сборникъ такихъ цитатъ потребностямъ времени, доказываетъ судьба извѣстной нѣмецкой книги Бюхмана „Geflügelte Worte“, въ теченіе шестнадцати лѣтъ (1864 г.

Библиотека "Руниверс"

по 1880), достигшей 12-ти изданій и уже переведенной на голландскій и датскій языки. Во Франціи пользуется большою популярностью извѣстный сборникъ Ed. Fournier: l'Esprit des Autres (вышедшій въ 1882 г. седьмымъ изданіемъ), впрочемъ, какъ говоритъ Бюхманъ, не исчерпывающій богатаго французскаго матеріала. Чѣмъ болѣе давалъ себя чувствовать недостатокъ подобнаго изданія въ русской литературѣ, тѣмъ сочувственнѣе мы должны отнестись къ недавно вышедшей книгѣ г. Рѣдникова, постаравшагося пополнить этотъ пробѣлъ, и тѣмъ снисходительнѣе мы должны быть къ ея недостаткамъ и ошибкамъ, впрочемъ, не маловажнымъ и не малочисленнымъ. Если мы, тѣмъ не менѣе, останавливаемся въ нижеслѣдующемъ разборѣ книги болѣе на ея недостаткахъ и на указаніи ошибокъ, чѣмъ на ея достоинствахъ, то руководствуемся тою мыслью, что только при основательной критикѣ книга г. Рѣдникова можетъ принять тотъ видъ, который дастъ ей право быть настольною книгой у каждаго образованнаго русскаго.

Сборникъ г. Рѣдникова раздѣляется на десять отдѣловъ: цитаты и изреченія I) изъ Священнаго Писанія (253 цитаты); II) греческія (144 + 8); III) латинскія (505); IV) нѣмецкія (351); V) французскія (69); VI) англійскія (93); VII) италіанскія (24); VIII) русскія (784); IX) историческія: а) изъ всеобщей (106); в) изъ русской исторіи (55); X) указатель собственныхъ именъ.

Прежде всего бросается въ глаза отсутствіе общаго указателя отдѣльныхъ цитатъ. Хотя авторъ и постарался облегчить отыскиваніе таковыхъ тѣмъ, что въ восьми отдѣлахъ помѣстилъ цитаты въ алфавитномъ порядкѣ, но онъ упустилъ изъ виду, вопервыхъ, что въ IX-мъ отдѣлѣ этотъ порядокъ не соблюдается, и вовторыхъ, многія цитаты приводятся часто въ разговорѣ вовсе не на томъ языкѣ, на которомъ изреченія въ первый разъ были сдѣланы, то-есть, напримѣръ, греческія мы цитуемъ нерѣдко на латинскомъ, англійскія—на нѣмецкомъ, на русскомъ и т. д. Кто, напримѣръ, будетъ искать въ книгѣ „телеграмма“, „синій чулокъ“, „что ему Гекуба“, между англійскими цитатами, или „furor Teutonicus“, „million“ [1])—между италіанскими, или же „блистать отсутствіемъ“ между французскими цитатами?—Не будемъ уже говорить о томъ, что ищущій часто не знаетъ подлинной формы изреченія, а лишь хочетъ узнать ее именно изъ книги. Отсутствіе такого общаго указателя заставляетъ, кромѣ того,

[1]) И притомъ подъ словомъ *Трейчке*.

Библиотека "Руниверс"

г. Рѣдникова часто повторять одну и ту же цитату на разныхъ языкахъ, между тѣмъ какъ было бы достаточно въ одномъ мѣстѣ назвать цитату и упомянуть переводъ ея на томъ языкѣ, на которомъ она обыкновенно приводится. По принципу г. Рѣдникова вообще совершенно излишенъ IX-й отдѣлъ, потому что цитаты размѣщаются въ отдѣлахъ не сообразно съ національностью первыхъ ихъ авторовъ, какъ это сдѣлано у Бюхмана, а сообразно съ языкомъ, на который они переведены. Можно даже сказать, что и I-й отдѣлъ не имѣетъ своего raison d'être, развѣ только въ томъ отношеніи, что большинство цитатъ приводится тамъ на церковно-славянскомъ языкѣ. Излишнія повторенія перечислять тутъ не зачѣмъ; укажемъ только на два выдающихся случая: на стр. 204 № 15 повторяются 12 строкъ, въ той же почти формѣ помѣщенныхъ уже на стр. 67 № 328. Такимъ же образомъ III, 312 = IX, 19.

За исключеніемъ VIII-го отдѣла, цѣликомъ составляющаго собственность г. Рѣдникова, главный матеріалъ своей книги онъ заимствовалъ изъ сборника Бюхмана, выпустивъ совершенно основательно много изреченій, для русскихъ читателей непригодныхъ или непонятныхъ, а съ другой стороны, съ гораздо меньшимъ основаніемъ сокращая сдѣланныя Бюхманомъ указанія на источники. Кромѣ того, г. Рѣдниковъ счелъ нужнымъ прибавить изъ другихъ сборниковъ пословицы, сентенціи, поговорки и т. п. разныхъ народовъ, и тѣмъ самымъ нарушилъ тотъ принципъ, который лежитъ въ основаніи книги Бюхмана. Послѣдній принялъ въ свой сборникъ лишь то, что дѣйствительно цитуется [1]), ограничиваясь притомъ такимъ матеріаломъ, для котораго можно указать источникъ; г. Рѣдниковъ же прибавилъ еще и разныя такія изреченія, которыя можно было бы цитовать. Вотъ почему онъ и говоритъ въ предисловіи (стр. 1): „Я увѣренъ, ускользнуло отъ моего вниманія много реченій, можетъ быть, полезныхъ", и ниже: „многія изреченія могутъ служить эпиграфами и даже темами для школьныхъ сочиненій". Если авторъ задался такою цѣлью, то слѣдовало бы назвать книгу его чрезвычайно скудною, и вмѣсто того, чтобъ указать на отдѣльныя упущенія, о чемъ проситъ авторъ въ предисловіи, слѣдовало бы совѣтовать ему воспользоваться разными книгами въ родѣ „Pharus am Meere des Lebens", „Beautiful thoughts of greo and latin au-

[1]) Поэтому онъ и называетъ свою книгу „Der Citatenschatz des deutschen Volkes".

Библиотека "Руниверс"

thors", „Illustrium Poetarum Flores dig. Mirandola", сборниковъ темъ, христоматій (напримѣръ, изъ Шекспира, Крейсига), Sentenzenschatz aus alten und neuen Klassikern, М. Лемана [1]) и т. д. Далѣе, съ такой точки зрѣнія были бы совершенно неумѣстны немалочисленныя изреченія, заимствованныя г. Рѣдниковымъ у Бюхмана, изъ которыхъ иныя имѣютъ совсѣмъ банальный смыслъ, а другія, можно сказать, лишены даже всякаго смысла. Укажемъ только на нѣкоторыя: III, 3. As you like it—какъ вамъ угодно; III, 7. Anon, Sir, anon—сейчасъ, сэръ, сейчасъ; Alas, poor Yorik—О, бѣдный Іорикъ и др.; „Nicht der gediegene Inhalt,—говоритъ Бюхманъ на стр. 2—macht die Worte zu geflügelten, sondern der fast von der Zufälligkeit abhängige Umstand, dass sie zu irgend einer Zeit Eindruck auf einen grösseren Kreis, gewöhnlich von Zuhörern, gemacht haben". Для чего, далѣе, помѣщены такія выраженія, какъ III, 32 и 33 a priori и a posteriori. V, 44. Ma parol (sic) d'honneur. ib. 56. Par excellence. ib. 57. Pour passer le temps безъ всякихъ ссылокъ? На основаніи вышесказаннаго слѣдуетъ исключить изъ книги пословицы въ слѣдующихъ мѣстахъ: стр. 30 № 26; стр. 104, 157, стр. 107, 171; стр. 109, 186, гдѣ даже не указывается на Аристофана Av. 301 γλαῦκα εἰς Ἀθήνας; стр. 111, 209; стр. 116, 153 (съ невѣрнымъ переводомъ); стр. 117, 270, гдѣ слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, указать на извѣстную французскую пословицу: „Dis moi, qui tu hantes, je te dirai, qui tu es"; стр. 118, 272; стр. 125, 133.

Остается еще относительно прибавленнаго матеріала сказать, что вездѣ, гдѣ г. Рѣдниковъ не черпаетъ изъ Бюхмана, у него или вовсе нѣтъ указанія на источникъ выраженія, или даны указанія самыя неопредѣленныя, какъ „Hor.", „Cic.", „Senec.", и притомъ, какъ увидимъ ниже, не рѣдко невѣрныя даже при всей своей неопредѣленности.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію отдѣловъ и ихъ подробностей.

Къ сожалѣнію, надо прежде всего сказать, что книга въ полномъ смыслѣ слова кишитъ множествомъ разнаго рода ошибокъ, недоразумѣній, неточностей и опечатокъ, произшедшихъ отчасти отъ недостаточнаго знанія авторомъ разныхъ языковъ и метрики, исторіи и литературы, отчасти отъ недостаточной тщательности при со-

[1]) Такой же сборникъ только что вышелъ на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Умныя рѣчи, красныя слова великихъ и не великихъ людей" *П. К. Мартьянова.*

Библиотека "Руниверс"

ставленіи книги и чтеніи корректуры. Назвать здѣсь мы можемъ только самыя выдающіяся ошибки.

Отдѣлъ I. Цитаты и изреченія изъ Священнаго Писанія.

Между собственными именами, встрѣчающимися въ Священномъ Писаніи и сдѣлавшимися какъ бы нарицательными, пропущены: Самсонъ (силенъ какъ Самсонъ), (милостивъ какъ) Самарянинъ, Фарисей, кромѣ того нѣтъ: „козелъ отпущенія“ (3 Моис. 16).

№ 16 объясняется выраженіе „скрывать свой талантъ въ землѣ“ Ев. Матв. XXV, 25: „зарывать свои способности въ землю“, что, конечно, смысла не имѣетъ; τὸ τάλαντον, какъ всегда, такъ и въ указанномъ мѣстѣ означаетъ „талантъ“, въ смыслѣ „извѣстная сумма денегъ“, а все выраженіе только означаетъ: не пользоваться своими способностями.

Отдѣлъ II. Греческія цитаты.

№№ 10, 11 и часто во всей книгѣ называется извѣстный греческій писатель: Діогенъ Лаэрцій; вмѣсто того слѣдовало бы сказать или Лаэртійскій, или изъ Лаэрты; такимъ же образомъ называется Діогенъ Аполлонійскій III, 95 и указат. стр. V. Д. Аполлоніатомъ.

13. Напечатано Greg. Nazians вм. Nazianz.

21. Βοὴ λαοῦ, βοὴ Θεοῦ—это совершенно лишній греческій переводъ нѣмецкой пословицы.

26. Слѣдовало бы указать на III, 42 и 252.

36. Для чего могъ бы кто-нибудь цитовать: ἐγὼ δὲ σὸν κρᾶτ' ἀναστέψαι θέλω—я желаю увѣнчать твою главу?

41. 1) Недостаетъ числа 697 послѣ Theogn. 2) Ошибочно указаніе: III, 118 вм. 117. 3). Въ послѣднемъ мѣстѣ надо цитовать Ov. Trist. I, 8, 5 и 6 вм. 56.

50. Εὑρέ нельзя перевести „сыщетъ“.

66. Καὶ κύντερον ἄλλο ποτ' ἔτλης переводится невѣрно: „даже гнуснѣйшее ты вытерпѣть могъ“ вм. претерпѣвалъ.

67. Пентаметръ Non habet eventus sordida praeda bonos не можетъ быть изъ Горація, какъ утверждаетъ г. Рѣдниковъ, ужь потому, что у Горація вовсе нѣтъ пентаметровъ.

70. Недостаетъ указанія на 58.

81. Нѣтъ указанія на III, 211.

82. Μυρία μία νὺξ ἐστιν стоитъ Soph. fr. 377, а не 193. Кромѣ того, почему переводитъ г. Рѣдниковъ μυρίος здѣсь и № 140 „тысяча“?

Библиотека "Руниверс"

115. Извѣстное выраженіе Аристотеля πολιτικὸν ζῶον", употребленное имъ для опредѣленія человѣка, г. Рѣдниковъ переводитъ ошибочно „полноправный гражданинъ, правдоспособный субъектъ" вм. существо, нуждающееся въ обществѣ.

Стр. 33. № 7 сказано непонятно: „Платоническая любовь— названа такъ потому, что Платонъ заставляетъ Павзанія опредѣлять ее этимъ именемъ". Какъ будто выраженіе „платоническая любовь" встрѣчается уже у Платона.

Отдѣлъ Ш. Латинскія цитаты.

15. Albo lapillo diem notare вовсе не встрѣчается у Горація, какъ сказано у г. Рѣдникова. То же самое говорится ошибочно относительно nigro lapillo diem notare № 288. Ср. впрочемъ Pers. 2, 1. Ovid. Met. 15, 41. Martial. 12, 34; 9, 53. Plin. Ep. 6, 11.

26 и 27. Теренцію приписывается комедія „Plutus". Такой комедіи Теренція нѣтъ. Ошибка произошла отъ того, что Бюхманъ передъ цитатою изъ Ter. Andr. 1, 3 упоминаетъ о комедіи Гольбейна „Plutus". № 27 слѣдовало бы сказать, что цитата

amantium irae—amoris integratio

находится въ комедіи Роллевагена (ок. 1600 п. Р. Х.), озаглавленной „Amantes amentes".

40. Вм. Plin. Sen. Epist. 6, 16 слѣдовало бы сказать Plin. Min.

48. Beati possidentes заимствовано, можетъ быть, изъ Hor. Od. IV, 9, 54; это „можетъ быть" напрасно пропустилъ г. Рѣдниковъ, потому что въ указанномъ мѣстѣ у Горація значится:

Non possidentem multa vocaveris
Recte beatum.

50. „Tu felix Austria nube". Судя по прибавленному авторомъ „(покойся)" послѣ буквальнаго перевода: „выходи замужъ", надо полагать, что г. Рѣдниковъ не понялъ смысла стиха. Стихъ относится къ тому, что Германскіе императоры изъ Австрійскаго дома увеличивали свои владѣнія преимущественно посредствомъ брака съ наслѣдницами другихъ государствъ.

55. Извѣстный латинскій мимографъ Publilius Syrus не вѣрно называется Публіемъ и Publius; такъ и въ указ. стр. V.

56. Bis repetita placent не встрѣчается у Горація, какъ утверждаетъ г. Рѣдниковъ; за то сказано Hor. A. P. 365:

haec decies repetita placebit.

64. Canis a non canendo не встрѣчается ни у „Квинтиліана",

Библиотека "Руниверс"

какъ говоритъ г. Рѣдниковъ, ни вообще у древнихъ; это только шутка ученаго новѣйшаго времени въ подражаніе Квинтиліанову: Lucus a non lucendo.

76. Clitellae bovi impositae, а не „bovae".

89. Почему granum переводится „фунтъ"? Кромѣ того, г. Рѣдниковъ не понялъ словъ Плинія: addito grano salis, переведя: „подбавивши фунтъ соли (то-есть, остроты)". Плиній говоритъ о составленіи противоядія, слѣдовательно, приведенныя слова можно понять только въ буквальномъ смыслѣ: прибавивъ крупинку соли. Затѣмъ вовсе не доказано, основывается ли теперешнее „cum grano salis" на упомянутомъ мѣстѣ Плинія. Наконецъ г. Рѣдниковъ долженъ бы былъ сказать, что въ наше время употребляютъ „cum grano salis" въ смыслѣ „mutatis mutandis", или „не буквально", напримѣръ, „это надо понять cum grano salis".

92. Dat veniam corvis—censura переводится невѣрно: „коршуновъ ласкаютъ" вм. (порицаніе) прощаетъ воронамъ.

98. Decies repetita placebit переведено очень странно: „десять разъ повторивши угадаетъ" (опечатка вм. угодишь?) Еще менѣе это можетъ соотвѣтствовать русскому: „Десять разъ примѣрь, однажды отрѣжь".

106. Diffidentia tempestiva parit securitatem не можетъ быть изъ Горація, какъ говорится у г. Рѣдникова, ужь потому, что это вовсе не стихъ.

126. Цитуется не вѣрно:

En tuba horribili sonitu taratantara dicit

что было бы стихомъ ошибочнымъ вм.

At tuba terribili sonitu taratantara dixit.

Затѣмъ это стихъ не „Тибулла", а Эннія у Serv. ad Verg. A. 9, 503.

158. Festina lente не „встрѣчается часто у Светонія", какъ говоритъ г. Рѣдниковъ, а, по Светонію Aug. c. 85, часто говорилось Августомъ.

175. Giordano слѣдуетъ по русски выразить Джордано, а не Джіордано.

189. Horror vacui переводится очень ужь странно „пустой страхъ". Horror vacui, какъ извѣстно,—терминъ, употребляющійся въ физикѣ; собственно страхъ пустоты.

196. Цитату: „Codex Iustinianeus" pars „corpus iuris" никто не пойметъ такъ, что cod. Iust. есть часть corporis iuris.

Библиотека "Руниверс"

197. Для чего приводится выраженіе In articulo mortis? Кромѣ того, это выраженіе невѣрно приписано Теренцію, у котораго Ad. II, 2, 21 сказано только: in ipso articulo (безъ mortis)=въ рѣшительную минуту.

198. In cauda venenum невѣрно приписывается Горацію.

203. Слова Плавта: In melle sunt linguae sitae vestrae—corda felle sunt lita (а не „sita“) стоятъ Truc. I, 2, 62, а не „I, 1“.

216. Опять встрѣчается „Plutus“ Terentii. См. выше.

240. Виргилій не первый сказалъ „longo intervallo proximus. Тѣ же слова находятся уже въ Cic. Brut. § 173: Crasso et Antonio L. Philipus proximus accedebat, sed longo intervallo proximus.

259. Шуточный стихъ:

Mitto tibi navem prora puppique carentem

напрасно приписывается Цицерону.

262. Слова Горація Molle et facetum переводятся: „Кротость и хитрость“. Горацій, Sat. I, 10, 44 (у г. Рѣдникова нѣтъ цитаты) приписываетъ эти качества Виргилію, который не былъ однако „хитеръ“. Не перевести ли „изящество“?

264. Montes auri pollicens никакъ не можетъ быть „переводомъ“ греч. τὰ τῆς γῆς ἀγαθά. Г. Рѣдниковъ, очевидно, не понялъ Бюхмана.

268. По словамъ г. Рѣдникова надо полагать, будто стихъ:

Multa cadunt inter calicem supremaque labra

встрѣчается въ этой формѣ у Геллія, между тѣмъ какъ у послѣдняго находится только греческій оригиналъ, а латинскій переводъ сдѣланъ не древними.

269. Въ словахъ Горація: multis ille bonis flebilis occidit послѣднее слово значитъ не умираетъ, а умеръ.

270. Очень странно объясняется извѣстное multum, non multa: „кратко, но ясно, или же: дѣло, а не слова“.

279. Говорится о государственномъ (вм. городскаго) Севильскомъ гербѣ.

282. Недостаетъ указанія на № 382.

330. Читается „ne—pater“ вм. puter (=чтобы меня не считали); опечатка изъ Бюхмана.

348. Разказывается небылица, будто Овидій, наказываемый отцемъ, говорилъ (мнимый) стихъ:

Parce, precor, genitor, post haec non carmina expecta.

Библиотека "Руниверс"

Подобныя грамматическія и просодическія ошибки врядъ ли дѣлалъ Овидій, даже подъ розгами.

356. Говорится, что Виргилій написалъ Amores, а подъ № 373 узнаемъ, что Овидій написалъ Энеиду.

379. У Горація A. P. 427 встрѣчается лишь: pulchre, bene, recte, а не еще: rite praestanter, какъ сказано у г. Рѣдникова.

391. Quod novi ex Africa? вм. Quid.

399. Quod potui feci, faciant meliora potentes никакъ не можетъ быть изъ „Cic. de or. 29", между прочимъ потому, что potens у классиковъ, какъ причастіе, вовсе не встрѣчается.

437. Напрасно г. Рѣдниковъ утверждаетъ, будто Донатъ говоритъ, что Баѳилъ присвоилъ себѣ полустишіе: Sic vos, non vobis.

447. Очень ужь странная транскрипція „Шокиръ" = Chaucer вм. Чосеръ.

460. Нарушается размѣръ вслѣдствіе измѣненія расположенія словъ въ извѣстномъ стихѣ:

Tempora mutantur, mutamur et nos in illis

вм. nos et mutamur.

Такимъ же образомъ № 396 наперекоръ грамматикѣ говорится въ измѣненномъ порядкѣ: Quisque fortunae suae faber [1]).

Почему пропущены такія цитаты, какъ Non olet;—poscimur (Ovid. Met. II, 144. Hor. Od. I, 32, 1) и др.?

Отдѣлъ IV. Нѣмецкія цитаты.

1. Ach, es war nicht meine Wahl переводится невѣрно: „это былъ не мой жребій", вм. выборъ.

9. Alles muss verrungenirt werden (Калиша, а не „Калича") надо было пропустить, какъ выраженіе Берлинскаго жаргона. Кромѣ того, переводится невѣрно: „все когда нибудь разрушится" вмѣсто: все должно быть разрушено.

13. Говорится о „королѣ" Фридрихѣ II, современникѣ папы Иннокентія IV, вм. императора.

23. Помѣщена пародія извѣстной цитаты, которая однако не называется.

47. Das ist für die Katze переводится только буквально: „это для кошки", безъ объясненія. Надо было прибавить, что это имѣетъ

---

[1]) Стр. 203 № 6 сказано censeo ceterum, вм. вѣрнаго противоположнаго порядка.

Библиотека "Руниверс"

значеніе русскаго: „это капля въ морѣ", или: „это нисколько не поможетъ".

50. Гетева Миньона превращена въ мальчика, такъ какъ сказано: „пѣсня Миньона".

56. Книгопродавца Личке г. Рѣдниковъ принимаетъ за поэта.

84. „Dichtung und Wahrheit"—не изъ Гёте, а есть заглавіе его автобіографіи.

93. Надо писать: „die Frucht muss treiben". Muss пропущено.

96. Стихъ Гёте:

Die Müh' ist klein, der Spass ist gross

переводится невѣрно: „трудъ малъ, шутка (вм. забава) велика".

104. Du glaubst zu schieben und du wirst geschoben переводится: „ты думаешь оттѣснить другихъ, а самъ скорѣе будешь оттѣсненъ" вм. подвигать впередъ.

116. Ein einz'ger Augenblick kann Alles umgestalten передается: „одинъ взглядъ въ состояніи все дать" вм. одно мгновеніе можетъ все измѣнить.

117. Ein jeder Stand hat seine Freuden является въ такомъ переводѣ: „Каждое состояніе (вм. сословіе или занятіе) имѣетъ свои прелести".

154. Недостаетъ указанія на другой отдѣлъ.

236. Mensch bezahle deine Schulden; г. Рѣдниковъ переводитъ: „человѣкъ, заплати свои долги (грѣхи)". Можно ли заплатить свои грѣхи?

269. Reich mir die Hand, mein Leben переведено: „Мои руки, моя жизнь—вотъ мое богатство" вм. подай мнѣ свою руку, жизнь моя (=радость, возлюбленная). Г. Рѣдниковъ принимаетъ Reich за прилагат. вм. глагола.

287. Г-жа Рахель Варнгагенъ превращена въ мужчину, такъ какъ у г. Рѣдникова мы читаемъ: „эпиграфъ писемъ Рахеля".

289. Періодъ нѣмецкой литературы, получившій названіе Sturm- und Drang-Periode, продолжался не „отъ начала XVII до половины XVIII столѣтія", какъ говоритъ г. Рѣдниковъ, а отъ начала семидесятыхъ годовъ до половины осьмидесятыхъ XVIII столѣтія.

294. Gevatter Schneider und Schuhmacher перев.: „Портнымъ и сапожникамъ—сватъ" вм. кумовья портной и сапожникъ.

296. Встрѣчается уже подъ № 145.

323. Wenn solche Köpfe feiern встрѣчается у Шиллера въ „Д. К." (ардосѣ), а не въ „Д. Ж.".

Библиотека "Руниверс"

324.

Wer den Besten seiner Zeit
Genug gethan [1]), der hat gelebt für alle Zeiten.

Напрасно г. Рѣдниковъ приводитъ не вѣрный переводъ Л. Мея:

Кто лучшимъ современникамъ приноситъ
Благую пользу—не умретъ во вѣки.

вм. Кто сдѣлалъ достаточно по мнѣнію лучшихъ современниковъ и т. д., какъ говоритъ Горацій:

Principibus placuisse viris non ultima laus est.

341. Приводится лишь пародія (Wo du nicht bist, Herr Organist etc.) духовной пѣсни:

Wo Du nicht bist, Herr Jesu Christ etc.

Отдѣлъ V. Французскія цитаты.

8. Не упомянуто, что briller par son absence основывается на Tac. Ann., 3, 76.

14. Слово шовинизмъ вовсе не означаетъ „слѣпой преданности какому-нибудь лицу или дѣлу". Кромѣ того комедіи Скриба „Le Soldat-laboureur" не существуетъ; ср. Büchmann, p. 220.

21. Les enfants terribles переведено „дѣти скромны"! Enfants terribles наоборотъ нескромныя дѣти.

32. Сказано ошибочно Digesti вм. Digesta.

55. Недостаетъ указанія на IV, 43.

Относительно количества французскихъ цитатъ слѣдуетъ замѣтить, что число ихъ (69) слишкомъ мало, вдвое меньше, чѣмъ у Бюхмана; изъ пропущенныхъ очень употребительныхъ мы назовемъ только нѣсколько: Soyons amis, Cinna!—Doctrinaire.—Et le combat cessa faute de combattants. — Si Dieu n' existait pas, il faudrait l' inventer. — Il n'y a plus d' enfants, и т. д.

Отдѣлъ VI. Англійскія цитаты.

2. A plague of sighing and grief; it blows a man up like a bladder переведено: „состояніе вздоховъ и скорби уноситъ человѣка

---

[1]) Г. Рѣдниковъ печатаетъ здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, по новой нѣмецкой орѳографіи getan. Новая эта орѳографія у насъ въ Россіи еще не принята; если же кто-нибудь хочетъ писать по ней, то долженъ сдѣлать это послѣдовательно; г. Рѣдниковъ этого не дѣлаетъ, напримѣръ, стр. 92, 37 mer; 20, 10 mehr; 110, 199 Ehrfurcht; 94, 54 tun и такъ часто.

Библиотека "Руниверс"

какъ листъ" вм.: Чортъ побери вздохи и скорбь! Это раздуваетъ человѣка какъ пузырь.

8. As plenty, as blackberries переведено: „наливная ягодка" вм. столь обильный, какъ черника.

14. Caviare to the general переведено: „слава генералу!" вм. икра для народа (=русск. „апельсины для свиней").

20. По поводу Foot for powder (пища для пороха) сказана у г. Рѣдникова: „это выраженіе долженъ былъ употреблять Наполеонъ I", что̀ есть невѣрный переводъ нѣмецкаго (у Бюхмана): Napoleon I. muss dieses Wort in auffallender Weise gebraucht haben, то-есть, Наполеонъ должно быть, употребилъ и т. д.

36. Hotspur переведено „горячая шпора", чего нельзя понять.

37. I awoke one morning and found myself famous переведено: „я проснулся утромъ и почувствовалъ себя знаменитымъ", вм.: я проснулся въ одно прекрасное утро и засталъ себя знаменитымъ.

43. It is a wise father, who knows his own child переведено: „мудрый тотъ отецъ, который узнаетъ (вм. знаетъ) свое собственное дитя".

65. Such a questionable shape переведено: „такой заманчивый (вм. загадочный) видъ".

70. Упомянутый тутъ поэтъ называется Кауперъ (Cowper), а не „Куперъ".

73. The rest is silence переведено: „отдыхъ—молчаніе!"

Отдѣлъ VII. Италіанскія цитаты.

6. Сказано: „У Квинтиліана въ Declamationes" etc. Давно ужь никто не полагаетъ болѣе, что авторомъ этихъ Declamationes былъ Квинтиліанъ. Бюхманъ поэтому ставитъ это имя совершенно вѣрно между скобками.

Отдѣлъ VIII. Русскія цитаты.

Если всѣ остальные отдѣлы оставляютъ желать многаго, то за эту часть книги, составляющую его полную собственность, авторъ заслуживаетъ неограниченной похвалы: дѣйствительно, нельзя не удивляться прилежанію г. Рѣдникова, успѣвшаго собрать изъ обширной русской литературы такую массу цитатъ, такъ что, въ виду очевидной пользы такого сборника, можно сказать смѣло, этотъ отдѣлъ въ значительной степени искупаетъ погрѣшности, допущенныя въ остальныхъ частяхъ книги. Ограничиваясь такимъ общимъ отзывомъ о названномъ отдѣлѣ и предоставляя другимъ указаніе пробѣ-

Библиотека "Руниверс"

ловъ [1]) въ этомъ спискѣ, мы желали бы обратить вниманіе составителя лишь на два обстоятельства общаго свойства:

1) По нашему мнѣнію, необходимо принять въ этотъ списокъ и тѣ цитаты, которыя, хотя онѣ и заимствованы изъ иностранныхъ литературъ, но приводятся обыкновенно въ русскомъ переводѣ, какъ, напримѣръ: Панургово стадо, милліонъ (если только авторъ не предпочитаетъ помѣстить ихъ въ общемъ указателѣ, о необходимости котораго было сказано выше).

2) Нужно цитовать гораздо точнѣе, чѣмъ дѣлаетъ это г. Рѣдниковъ. По большей части недостаточно знать, что какое-нибудь изреченіе заимствовано изъ Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова и т. д., а надо сказать, въ какомъ сочиненіи и въ какой части оно встрѣчается, для того, чтобы каждый могъ отыскать его.

Отдѣлъ IX. Историческія цитаты.

№ 15 повторяется почти буквально уже III, 328, только въ этомъ мѣстѣ безъ смысла сказано: „заставили проститься (вм. покориться) одного философа.

21. Finis Poloniæ. Бюхманъ, стр. 402 и сл., доказываетъ, что Костюшко никогда не произносилъ, этихъ приписанныхъ ему словъ, а между тѣмъ г. Рѣдниковъ утверждаетъ безъ оговорки, что названный польскій предводитель воскликнулъ такъ послѣ пораженія при Мацѣевицахъ.

40. Бюхманъ подробно объясняетъ, почему Людовикъ XIV не могъ сказать связанныхъ съ его именемъ словъ: L'État c'est moi; г. Рѣдниковъ тѣмъ не менѣе повторяетъ старую пѣсню.

43. Après nous le déluge вовсе не означаетъ того же самого, что русская поговорка: „по мнѣ (?) хоть трава не расти“. Далѣе, „post nos diluvium“ не только не встрѣчается у Цицерона (de Fin. 3, 19, 64), какъ утверждаетъ г. Рѣдниковъ, по крайней мѣрѣ въ этой именно формѣ [2]), но и вообще ни у какого латинскаго автора. Для чего же приводится латинскій переводъ?

46. Хотя произношеніе англійской фамиліи South вполнѣ точно

---

[1]) Пропущено, напримѣръ, изъ Пушкина (Евг. Он.): «Мы всѣ учились понемногу» и т. д.; изъ Капниста: «Но счастью тотъ не довѣряй, и вѣтромъ парусы надуты, за благо время опущай» ср. Ног. Од. II, 10, 23 сл. и выраженія: «кричать во всю Ивановскую»; «вся подноготная»; «бѣлыми нитками шито».

[2]) Цицеронъ вообще не употребляетъ слова diluvium.

Библиотека "Руниверс"

русскими буквами выразить нельзя, но и писать вмѣстѣ съ г. Рѣдниковымъ Сутъ не возможно [1]).

48. Surtout pas de zèle! переведено: „прежде всего безъ раздраженія“ вм. (излишняго) рвенія.

49. Légitimité. По указанію г. Рѣдникова (см. Тьера „Consulat et Empire“ т. XVIII, стр. 445) читатель не можетъ заключить, что отцомъ этого слова былъ Тьеръ.

52. Jeunesse dorée называлась молодежь Парижа, которая поддерживала послѣ 9-го термидора контръ-революцію, какъ вѣрно сказано у Бюхмана, а не „присоединилась къ революціи“, какъ утверждаетъ г. Рѣдниковъ.

67. Juste milieu переведено: вѣрныя средства вм. вѣрная середина.

77. Слова Германскаго императора Конрада III: Eines Kaisers Wort will sich nicht gebühren zu drehen oder zu deuteln“ не значатъ, какъ говоритъ г. Рѣдниковъ, „слово императора не можетъ быть ни измѣнено, ни отмѣнено“, а: неподобаетъ слово императора перетолковывать.

X. Алфавитный указатель.

Байронъ написано „Bayron“ вм. Byron.

Биконсфильдъ надо писать: Beaconsfield, а не Beconsfield.

Гальмъ называется „нѣм. филологомъ и издателемъ классиковъ“ съ указаніемъ на стр. 127. Тутъ, однако, имѣется въ виду поэтъ Мюнхъ-Беллингаузенъ, писавшій подъ псевдонимомъ Гальма.

Гольтей пишется по нѣмецки не Holtei, а Hölty.

Giusti слѣдуетъ по русски выразить Джусти, а не Джіусти.

„Кемпбаль (Cempbell)“ [2]) сказано вм. Кемпбель (Campbell).

„Куперъ (Couper)“ вм. Кауперъ (Cowper).

Овидій не жилъ 43—17 г. до Р. Х.

Furtière нельзя писать „Фуртье“.

Цицеронъ родился не въ 107, а въ 106 году.

---

[1]) Транскрипція иностранныхъ фамилій вообще часто ошибочна у г. Рѣдникова, напримѣръ, указ. стр. V: Д'Аргенталь, Д'Аргенсонъ, вм. Д'Армантель и т. д.; стр. XIII: Уврухъ вм. Унру, стр. XII: Стобій вм. Стобей. Нельзя не упомянуть еще объ ошибочномъ правописаніи *привиллегія* съ двумя *л*, ошибочномъ потому, что латинское соотвѣтствующее слово пишется *privilegium*.

[2]) Такъ оно напечатано невѣрно и на стр. 37, 11.

Библиотека "Руниверс"

Въ концѣ книги указано всего семь опечатокъ, почему можно было бы заключить, что книга исправлена очень тщательно; но нижеслѣдующій списокъ замѣченныхъ нами опечатокъ доказываетъ противоположное:

Стр. 19 № 5 напечатано: ἄν вм. ἂν; 23, 49 ἦμαρ вм. ἧμαρ; ib. сопровождавшайй; 24, 58 благородно—вм. благородному; 25, 63 ἐνταῦτα μέτοι вм. ἐνιαῦθα μέντοι; 40, 63 est вм. et; 41, 72 Tlor. вм. Flor.; ib. 76 bovae вм. bovi; 42, 80 v. вм. c.; 47, 124 set вм. sed; 49, 150 aequirit вм. acquirit; 50, 159 Apophtegmata вм. Apophthegm.; 52, 172 Senaca вм. Seneca; 55, 203 sita вм. lita; ib. 205 Ju вм. Jn; 57, 223 quidem вм. quidam; 61, 271 botrogen вм. betrogen; 63, 284 Andrica вм. Andria; ib. 286 . Gluck вм. Glück; 66, 315 detragere вм. detrahere; 67, 329 aunos вм. annos; 71, 351 péricl вм. péril; 74, 391 Quod вм. quid; 75, 395 tuleris вм. tulerit; 78, 431 Thebuis вм. Thebais; 79, 435 heutide вм. heutige; 83, 473 πᾶς' вм. πᾶσ'; 91, 28 felten вм. selten; 93, 48 препорцію вм. пропорцію; ib. 50 connaessez вм. connaissez; 94, 51 Heue вм. Neue; ib. 54 Штренфусъ вм. Штрекфусъ; 95, 59 seiht вм. sieht; 96, 70 brawe вм. brave; ib. 73 Heist вм. Geist; 103, 145 Hoflichkeit вм. Höfl.; 105, 163 Müssigänger вм. Müssiggänger; 107, 171 leng вм. long; ib. 173 ind вм. und; 108, 176 wundenbar вм. wunderbar; 111, 207 halten вм. haltet; ib. 209 fishind вм. fishing; 112, 219 Kein вм. Keine; 114, 238 fliegen вм. fliehen; 116, 254 Erühlinslied вм. Frühlingsl.; 117, 262 gluht вм. glüht; ib. 264 esrten вм. ersten; ib. 265 Tacetiarum вм. Facet.; 119, 284 Venidig вм. Venedig; 120, 296 Höfflichkeit вм. Höfl.; 121, 301 ein вм. in; 125, 329 behalt's вм. behält's; 132, 44 parol вм. parole; 133, 51 étai вм. était; ib. 53 ote вм. ôte; 134, 61 gebat вм. gebaut; 137 Brevetis вм. Brevety; 136, 10 tle вм. the; 138, 23 trey вм. they; 139, 30 to вм. toe, ib. 32 Бека вм. Бена; 141, 46 Knowbege вм. Knowledge; 145, 87 skape вм. 'scape; ib. 91 bliese вм. blise; 149, 20 Nessum вм. Nessun, 210, 45 voila вм. voilà; 212, 57 revienntent вм. reviennent; ib. 59 oblié вм. oublié; 219, 93 Blud вм. Blut; 221, 100 1670 вм. 1870; ib. 104 sogennante вм. sogenannte; 227, 45 a вм. à, стр. IX Venzel вм. Wenzel; XI Rottech вм. Rotteck; XII Ruchert вм. Rückert; XIV Yoss вм. Voss; ib. Fouvnier вм. Fournier; XV Fhoma вм. Thoma.

Мы кончили разборъ книги г. Рѣдникова. Надѣемся, что подробное указаніе ошибокъ и недостатковъ ея будетъ принято не въ смыслѣ ея осужденія, а лишь какъ выраженіе желанія, чтобъ она

Библиотека "Руниверс"

была исправлена по возможности тщательно. Въ заключеніе замѣтимъ, что и въ настоящемъ видѣ трудъ г. Рѣдникова можетъ оказывать не маловажныя услуги.

Э. Вертъ.

Tam tu kinh, ou le livre des phrases de trois caractères avec le grand commentaire de Vu'ong tân thăng. Texte, transcription annamite et chinoise explication littérale et traduction complètes par *Abel Des Michels*, professeur à l'école des langues orientales vivantes. 1883. Paris.

Книга профессора Де-Мишеля должна быть по всей справедливости отнесена къ числу значительнѣйшихъ явленій европейской литературы, по части изученія востока за послѣднее время. Это полное изданіе въ текстѣ и переводѣ китайскаго сочиненія Сань-цзы-цзинъ, признаваемаго китайцами классическимъ и распространеннаго въ Китаѣ едва ли не болѣе, чѣмъ всякаго рода другія классическія книги, а въ томъ числѣ и древнія конфуціанскія сочиненія. По буквальному переводу „Сань-цзы-цзинъ" значитъ „классическая книга о трехъ іероглифахъ" и называется она такъ, потому что каждый отдѣльный стишекъ ея текста состоитъ именно изъ трехъ іероглифовъ, или, что то же—китайскихъ буквъ, а вмѣстѣ съ этимъ и словъ. Время появленія этого сочиненія въ Китаѣ относится къ концу управленія Небесною имперіей Сунской династіи, то-есть, къ первой половинѣ XIII столѣтія, авторомъ же его почитается знаменитый ученый Сунской династіи Ванъ-бо-хоу. Содержаніе „Сань-цзы-цзина" самое разнообразное по своему характеру. Въ началѣ это сочиненіе объясняетъ китайское ученіе о пяти стихіяхъ міра и четырехъ временахъ года; далѣе говоритъ о трехъ связяхъ и пяти добродѣтеляхъ въ человѣческихъ поступкахъ; за симъ излагаетъ названія всѣхъ династій въ послѣдовательномъ порядкѣ царствованія ихъ въ Китаѣ; еще далѣе слѣдуютъ трактаты о происхожденіи въ Китаѣ классическихъ книгъ и исторіи; о способахъ воспитанія юношества; о необходимости быть послѣдовательнымъ въ трудѣ и успѣхахъ; наконецъ, изъ ученій Конфуція предлагаются нравственныя правила, которымъ долженъ слѣдовать человѣкъ въ жизни, а изъ древней исторіи представляются примѣры, достойные подражанія. Такой разнообразный характеръ содержанія книги вполнѣ объясняетъ намъ, почему Сань-цзы-цзинъ не только можетъ быть, но и дѣйствительно является настольною книгою каждаго Китайца: по ней начинаетъ учиться грамотѣ каждый

Библиотека "Руниверс"

китайскій ребенокъ, ее съ удовольствіемъ читаютъ всегда взрослые, ученые заимствуютъ изъ нея бездну цитатъ и девизовъ для своихъ работъ. Можно думать, что ни одно изъ китайскихъ сочиненій не выдержало въ Китаѣ такого громаднаго количества изданій, какъ „Сань-цзы-цзинъ“: ихъ, безъ сомнѣнія, нужно считать тысячами. И замѣчательно, какая бы изъ народностей ни вошла въ тѣсную связь съ Китаемъ, она не обходилась безъ того, чтобы не увлечься „Сань-цзы-цзиномъ“, не перевести его на свой языкъ и не изучать его. Маньчжуры, вступившіе въ Пекинъ, какъ извѣстно, въ 1644 году, уже въ 1734 г. перевели „Сань-цзы-цзинъ“ на маньчжурскій языкъ и объявили его первымъ учебникомъ въ своихъ училищахъ; въ 1832 году „Сань-цзы-цзинъ“ былъ переведенъ на южно-монгольское нарѣчіе, съ тѣхъ поръ неизмѣнно преподается онъ въ чахарскихъ народныхъ школахъ, и чахарскіе Монголы увлекаются его чтеніемъ ни чуть не меньше, чѣмъ и самые Китайцы. Отъ Де-Мишеля мы впервые узнаемъ теперь, что „Сань-цзы-цзинъ“, или какъ транскрибируетъ онъ, согласно аннамскому произношенію: „Tam tu kinh, est, tant en Chine que dans la colonie (то-есть, въ Аннамѣ), un des ouvrages élémentaires les plus répandus, au point qu'il forme, pour ainsi dire, la première base de l'enseignement dans les écoles du pays“. Такимъ образомъ, мы можемъ признавать за вѣрное, что изученіе „Сань-цзы-цзина“ заходитъ не только за предѣлы собственнаго Китая, но и вообще китайскихъ владѣній. Нѣтъ сомнѣнія, что высокій интересъ „Сань-цзы-цзина“ и громадное образовательное значеніе этого сочиненія для Китая давно уже были сознаны и русскими, и европейскими синологами. Мы знаемъ, что надъ переводомъ его еще въ первой четверти настоящаго столѣтія трудился нашъ достоуважаемый, синологъ, о. Іакинфъ; во Франціи переводъ „Сань-цзы-цзина“ былъ изданъ въ 1872 году извѣстнымъ оріенталистомъ Потье и за симъ Станиславомъ Жюльеномъ; но все это были одни только переводы, и „Сань-цзы-цзинъ“ никогда не былъ еще издаваемъ въ Европѣ своимъ полнымъ, подлиннымъ текстомъ. Мало того, европейскіе переводчики „Сань-цзы-цзина“ ограничивались до сего времени изданіемъ развѣ одной только пятидесятой части этого сочиненія; яснѣе сказать, они издавали только самыя трехстишія, но не обращали серьезнаго вниманія и почти вовсе оставляли въ сторонѣ толкованія, приложенныя Китайцами къ этимъ стихамъ. Потье въ своихъ работахъ надъ „Сань-цзы-цзиномъ“ менѣе всего трудился надъ этими толкованіями; во многихъ мѣстахъ онъ не понималъ,

Библиотека "Руниверс"

или даже не старался понять ихъ и это небрежное отношеніе къ толкованіямъ, очевидно, отозвалось у него на переводѣ самыхъ трехстишій, страдающемъ многими значительными промахами и невѣрностями. Станиславъ Жюльенъ, синологическія познанія котораго несравненно превосходили свѣдѣнія Потье, составилъ свой переводъ „Сань-цзы-цзина" болѣе удовлетворительно; но онъ точно также остановился по преимуществу на изученіи трехстишій, а изъ числа присоединяемыхъ къ нимъ въ китайскихъ изданіяхъ толкованій перевелъ только нѣкоторыя, да и то не сполна, другія же оставилъ совершенно безъ перевода, можетъ быть, потому, что онѣ казались ему не заслуживающими большаго вниманія и представляющими мало интереснаго.

Де-Мишель настоящимъ своимъ трудомъ съ избыткомъ восполнилъ эти опущенія европейскихъ синологовъ. По собственнымъ словамъ автора, его изданіе „Сань-цзы-цзина" первоначально не предназначалось имъ для обнародованія въ печати. Почтенный профессоръ приготовлялъ этотъ свой трудъ съ исключительною цѣлью—раздать его своимъ слушателямъ, студентамъ французской коллегіи въ Сайгунѣ, какъ руководство къ изученію китайскаго языка, и только впослѣдствіи онъ пришелъ къ заключенію, что его работа будетъ не безполезна и для всѣхъ его соотечественниковъ, по той или другой причинѣ являющихся въ Кохинхину и желающихъ ознакомиться съ языкомъ мѣстныхъ Китайцевъ. Такимъ образомъ, конечною цѣлью Де-Мишеля было составить пособіе для ознакомленія Европейцевъ съ китайскимъ языкомъ, и сообразно этой цѣли, трудъ его раздѣляется на три, или даже на четыре части. Въ первой изъ нихъ представленъ полный китайскій текстъ „Сань-цзы-цзина", то-есть, какъ текстъ всѣхъ составляющихъ его трехстишій, такъ равно и текстъ обыкновенно присоединяемыхъ къ этимъ трехстишіямъ китайскихъ толкованій. Къ каждому іероглифу текста Де-Мишель ставитъ еще здѣсь французскими буквами двѣ транскрипціи произношенія этого іероглифа: первая изъ нихъ научаетъ произносить іероглифъ согласно тому, какъ звучитъ его чтеніе въ языкѣ Аннамцевъ; вторая сообщаетъ произношеніе іероглифа по такъ-называемому пекинскому или мандаринскому нарѣчію. Помимо сего, Де-Мишель противъ каждаго іероглифа ставитъ еще особую цифру, подъ которою объясняетъ значеніе этого іероглифа уже во второй части своего труда. Эта вторая часть состоитъ прежде всего изъ полнаго буквальнаго перевода всѣхъ трехстишій и толкованій „Сань-цзы-цзина";

Библиотека "Руниверс"

здѣсь же въ подстрочныхъ приложеніяхъ объясняется подъ соотвѣтствующею цифрою значеніе каждаго іероглифа текста, дѣлается этимологическій разборъ сложныхъ терминовъ и указываются законы построенія китайской рѣчи. Третья часть заключаетъ въ себѣ стройный французскій переводъ текста и толкованій „Сань-цзы-цзина". Наконецъ, ко всему этому авторъ прибавляетъ еще особый отдѣлъ, который мы называемъ четвертою частью его труда: это примѣчанія, заимствованныя изъ изслѣдованій европейскихъ синологовъ и оріенталистовъ.

Обращаясь къ болѣе подробному разсмотрѣнію труда Де-Мишеля, мы прежде всего считаемъ своимъ долгомъ сказать, что изданіе текста „Сань-цзы-цзина" исполнено имъ вполнѣ безукоризненно: красота почерка китайскаго письма, ясность и отчетливость въ начертаніи каждаго іероглифа ставятъ его книгу въ рядъ лучшихъ европейскихъ изданій китайскаго текста, произведенныхъ литографическимъ способомъ. Правда, начиная со страницы 79 и далѣе вплоть до конца книги замѣчаются нѣкоторыя сокращенія въ изображеніи іероглифовъ, и небрежный розмахъ кисти подчасъ низводитъ круглоту начертанія ихъ на степень угловатости китайской скорописи; но мы не можемъ сказать, чѣмъ обусловливается это различіе: очень можетъ быть, что, преслѣдуя свою исключительную цѣль, авторъ почиталъ за лучшее, когда ученики его уже достаточно познакомились съ правильнымъ положеніемъ чертъ въ китайскихъ іероглифахъ, показать имъ тѣ измѣненія, которыя почти на каждомъ шагу встрѣчаются въ начертаніяхъ китайскихъ іероглифовъ при быстротѣ и скорости письма. Это замѣчаніе кажется намъ тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что авторъ постоянно, по видимому, безъ нужды и совершенно произвольно мѣняетъ начертаніе іероглифовъ: такъ, въ нижней части іероглифа линъ (съ значеніемъ приказывать) онъ пишетъ то цзѣ (колѣнцо), то юэ (луна) и т. д. Но главнѣйшій интересъ въ этой первой части книги представляется для синологовъ въ транскрипціи іероглифовъ, или что то же, въ указаніи того произношенія ихъ, которое усвоено китайскимъ іероглифамъ обитателями Аннамскаго полуострова. Извѣстно, что произношеніе китайскихъ іероглифовъ, звучащее чрезвычайно разнообразно даже въ различныхъ провинціяхъ собственнаго Китая, еще болѣе разнится за предѣлами этой страны. Іероглифы, составляющіе начальную строку книги трехстишій, въ пекинскомъ нарѣчіи звучатъ какъ „Жэнь-чжи-чу"; въ Кантонѣ ихъ произносятъ „Нэн-ши-чу"; въ Кохинхинѣ, по свидѣтельству Де-Мишеля,

Библиотека "Руниверс"

они читаются „Н'ён-ши-со“, а въ Японіи—„Нин-си-сё“. Изученіе, установленіе правильнаго порядка и законовъ этого постояннаго перехода звуковъ, имѣющее несомнѣнное значеніе какъ для восточной филологіи, такъ и для исторіи востока, возможно для насъ именно только путемъ собранія и обнародованія разнообразныхъ чтеній, и въ этомъ отношеніи Де-Мишель оказалъ синологамъ важную услугу, сообщивъ произношеніе китайскихъ іероглифовъ въ Аннамѣ.

Вторая часть сочиненія представляетъ уже гораздо менѣе достоинствъ. Начнемъ съ того, что придуманный авторомъ способъ для показанія значенія іероглифовъ текста кажется намъ весьма неудобнымъ. Посмотрѣвъ на начертаніе іероглифа въ первой части, приходится перевертывать всю книгу, чтобы подыскать его значеніе во второй части. Но этого мало; еще важнѣе то, что книга страдаетъ здѣсь многочисленными опечатками, и это представляется, впрочемъ, весьма естественнымъ въ виду той кропотливости работы, которую навязалъ себѣ авторъ своимъ способомъ изданія. Отмѣтивъ каждый іероглифъ текста соотвѣтствующею цифрой, онъ долженъ былъ показать подъ тою же цифрою значеніе іероглифа во второй части. Услѣдить за правильностью постановки всей этой массы числовыхъ знаковъ, общая сумма которыхъ должна превосходить собою сотни тысячъ, было, конечно, очень трудно; отсюда и произошло то обстоятельство, что на первой же страницѣ изданія мы находимъ, будто іероглифъ текста подъ № 3 долженствуетъ обозначать понятіе lettré (ученый); но обращаемся къ тексту и видимъ, что іероглифъ подъ № 3 читается „ванъ“, общее значеніе его—„князь“, а въ данномъ мѣстѣ книги онъ, не выражая собою никакого конкретнаго понятія, долженъ быть принятъ просто какъ тоническій знакъ для выраженія собственнаго имени составителя „Сань-цзы-цзина“. Что же касается іероглифа съ значеніемъ „ученый“, то таковой іероглифъ здѣсь, дѣйствительно, есть: онъ читается „жу“ и долженъ быть помѣченъ № 2.

Такого рода опечатки, конечно, не составляютъ еще большой важности: для знающаго китайскій языкъ онѣ очевидны съ перваго раза; ученикамъ онѣ могутъ быть указаны предъ началомъ ихъ занятій, и такимъ образомъ будетъ устранена всякая сбивчивость. Но гораздо важнѣйшими недостатками этой второй части труда Де-Мишеля являются такія мѣста, гдѣ, при всей правильности въ постановкѣ условныхъ знаковъ, іероглифамъ, очевидно, дается не то значеніе, какое они дѣйствительно имѣютъ, гдѣ въ переводѣ не со-

Библиотека "Руниверс"

блюдается истинная разстановка предложеній, а чрезъ это тексту придается не то значеніе, которое онъ дѣйствительно имѣетъ, и такимъ образомъ извращается самый смыслъ китайскаго ученія. Такихъ мѣстъ въ трудѣ Де-Мишеля не мало, и что особенно прискорбно, подобнаго рода погрѣшности обыкновенно не ограничиваются однимъ какимъ-либо словомъ, а занимаютъ собою цѣлыя страницы и параграфы. Мы никакъ не думаемъ этимъ замѣчаніемъ посягать на достоинство познаній и заслугъ Де-Мишеля; напротивъ, мы совершенно готовы утверждать, что настоящій трудъ его по изданію „Сань-цзы-цзина“ можетъ именно вполнѣ свидѣтельствовать о глубокомъ знакомствѣ автора съ китайскимъ языкомъ; но это самое съ другой стороны, еще болѣе подтверждаетъ справедливость нашего всегдашняго убѣжденія, что для Европейца, желающаго изучать философію Китайцевъ, рѣшительно не возможно обходиться съ однимъ только знаніемъ китайскаго языка. Масса самыхъ разнообразныхъ значеній, усвоемыхъ Китайцами каждому изъ ихъ іероглифовъ; полнѣйшее отсутствіе въ китайскомъ языкѣ этимологическихъ частицъ, при посредствѣ которыхъ слова получаютъ опредѣленную форму для выраженія тѣхъ, или другихъ понятій, наконецъ, неопредѣленность въ самомъ построеніи китайской рѣчи, все это нерѣдко поставляетъ Европейцу почти непреодолимыя преграды къ усвоенію себѣ истиннаго смысла китайскихъ ученій на основаніи одного только текста китайской книги. Нужно напередъ знать истинный смыслъ ученія и тогда только можно прочитать книгу правильно, а въ противномъ случаѣ іероглифамъ легко придать не то значеніе, какое они дѣйствительно имѣютъ, второстепенныя части предложенія признать за главныя, однимъ словомъ—совершенно запутать и рѣчь, и смыслъ рѣчи. Единственнымъ средствомъ для того, чтобъ избѣжать этой сбивчивости представляется намъ совмѣстное знаніе, на ряду съ китайскимъ языкомъ, языковъ маньчжурскаго и монгольскаго, рѣчь которыхъ является несравненно богаче и опредѣленнѣе китайской. Де-Мишель или не зналъ этихъ языковъ, или не хотѣлъ воспользоваться своими знаніями ихъ; но во всякомъ случаѣ, руководствуясь единственно языкомъ китайскимъ, онъ сдѣлалъ значительныя ошибки и тѣмъ подтвердилъ наше мнѣніе. Для примѣра разсмотримъ въ его книгѣ переводъ § 18-го. Переводъ этотъ читается такъ:

(Трехстишіе).

(Ce qu'on appelle) les „trois Puissances“, ce sont le Ciel, la Terre, et l'Homme.

Библиотека "Руниверс"

(Толкованіе).

Parmi les exhalaisons du Chaos, celles qui étaient légères et qui purent s'élever flottèrent dans l'espace et formèrent le Ciel.
Celles qui étaient pesantes et impures descendirent, se condensèrent et formèrent la Terre.
Entre le Ciel et la Terre prit naissance la multitude des créatures.
L'homme est la plus noble d'entre elles,
et le plus intelligent des êtres.
Les propriétés naturelles de l'élément vital sont (ce qu'on appelle) le Principe femelle et le Principe mâle.
Le Dao transforme et développe.
Pendant toute la série des âges, il opère sans cesse,
de concert avec le Ciel, la Terre, et l'Homme.
C'est pourquoi l'on emploie cette expression: «les trois Puissances».

Въ представленномъ параграфѣ переводъ трехстишія и первой части толкованій еще можетъ быть кое-какъ допущенъ, хотя китайскій терминъ „сань цай" передается здѣсь довольно неудачно выраженіемъ „trois Puissances". Дѣло въ томъ, что іероглифъ цай, соотвѣтствующій маньчжурскому эрдэму и монгольскому эрдэмъ, обозначаетъ вообще такого рода дѣятельность или дѣятеля, въ которыхъ всегда и неуклонно наблюдаемъ мы согласованіе поступковъ съ нравственнымъ или міровымъ закономъ. Слово „puissance", конечно, не даетъ вполнѣ этого понятія. Но главнѣйшія ошибки мы все-таки находимъ во второй части толкованій, и онѣ такъ рѣзко бьютъ въ глаза, что безъ труда могутъ быть замѣчены даже людьми, не знакомыми ни съ китайскимъ языкомъ, ни съ текстомъ „Сань-цзы-цзина". Въ самомъ дѣлѣ, по основному китайскому ученію, изложенному въ трехстишіи, въ мірѣ „существуетъ только три дѣятеля: небо, земля и человѣкъ". Просматриваемъ толкованія этого трехстишія по переводу Де-Мишеля и находимъ, что міровыхъ дѣятелей является уже не три, а четыре, такъ какъ, кромѣ неба, земли и человѣка, въ переводѣ его упомянута еще какая-то четвертая сила — Дао, которая также точно простираетъ свое вліяніе на бытіе предметовъ въ мірѣ. Нужно ли говорить, что эта четвертая сила —Дао въ дѣйствительности не принадлежитъ китайскому ученію, такъ ясно и опредѣленно выраженному въ текстѣ трехстишія, а измышлена самимъ Де-Мишелемъ, и обстоятельство этого измышленія произошло совершенно для насъ понятно? Руководствуясь при изученіи „Сань-цзы-цзина" однимъ только китайскимъ текстомъ, Де-Мишель принялъ стоящій въ текстѣ толкованій іероглифъ Дао какъ терминъ для

Библиотека "Руниверс"

обозначенія понятія о томъ высшемъ, руководящемъ міромъ бытіи, существованіе котораго утверждалъ Лао-цзы; но если бы почтенный профессоръ сопоставилъ въ данномъ случаѣ китайскій текстъ сочиненія съ его хотя бы то монгольскимъ текстомъ, тогда онъ увидѣлъ бы, что іероглифъ дао соотвѣтствуетъ здѣсь монгольскому слову йосонъ, которому никогда не усвоется значенія Дао Лао-цзы. Маньчжурскій текстъ „Сань-цзы-цзина" является еще опредѣленнѣе монгольскаго и еще точнѣе передаетъ намъ истинный смыслъ китайскаго ученія о „трехъ дѣятеляхъ". Отъ слова до слова вторая половина разбираемаго нами параграфа читается по маньчжурски такъ: „Абка нэ-и сидэньдэ эйтэнь чжака гэрэнь эргэнъгэ-и доргидэ даму нялма умэси вэсихунь; нялма эйтэнь чжака-и фэргувэчунь офи, ѣнь янъ-ни сукдунь-бэ салгабуфи вэмбумэ хувашабурэ доро-бэ чжирамиламэ уркудзи бандзихай чжаландараку, абка нэ-дэ тэхэрэрэ чжака-дэ, тутту илань эрдэму сэмби". Точный переводъ этого мѣста будетъ слѣдующій: „Въ средѣ всѣхъ предметовъ и множества одушевленныхъ существъ, (находящихся) между небомъ и землею, одинъ только человѣкъ самое высшее существо. Человѣкъ есть удивительнѣйшій изъ всѣхъ предметовъ. Направляя жизненныя силы мужскаго и женскаго началъ, онъ совершенствуетъ законы природы, по которымъ (все) измѣняется къ лучшему, непрерывно продолжаетъ родъ и равенъ небу и землѣ; а потому и говорится: существуютъ „три дѣятеля".

Нужно ли говорить о томъ, какъ разнится смыслъ настоящаго перевода отъ тѣхъ разсужденій, которыя представляются въ переводѣ Де-Мишеля? Здѣсь нѣтъ даже и намека на ученіе Лао-цзы, на его трактаты о значеніи Дао; напротивъ все сполна относится къ китайскому философскому ученію о человѣкѣ и его міровой дѣятельности. И смыслъ этого ученія долженъ быть весьма понятенъ для людей, хотя нѣсколько знакомыхъ съ философіей Китайцевъ. Въ основѣ всякаго бытія, по ученію Китайцевъ, лежитъ теплородъ, представляющій собою мужскую жизненную силу (или начало) въ природѣ и водородъ, составляющій женскую силу (или начало). Отъ различныхъ превращеній теплорода и соединеній съ нимъ водорода получили свое бытіе всѣ вещи, находящіяся въ природѣ. Каждая вещь, будучи предоставлена сама себѣ, необходимо существуетъ, развивается и дѣйствуетъ, вслѣдствіе физическаго ея состава и членосоставленія, въ одномъ опредѣленномъ направленіи. Это направленіе есть то самое, что̀ называемъ мы закономъ природы, а Китайцы — дао. Воздѣйствіе человѣка на природу прояв-

Библиотека "Руниверс"

ляется въ различномъ соединеніи имъ мужескаго и женскаго началъ: онъ, такъ-сказать, вспомоществуетъ природѣ въ томъ, чего она сама по себѣ не могла бы произвести; такимъ образомъ человѣкъ совершенствуетъ всѣ произведенія земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, совершенствуетъ и законы природы. При помощи человѣка получили свое бытіе въ природѣ такіе предметы, которые по самымъ законамъ природы не могли бы существовать. Отсюда человѣкъ является такимъ же дѣятелемъ въ природѣ, каковыми представляются въ ней небо и земля, дающія бытіе всему существующему.

Таковъ болѣе подробно выраженный смыслъ китайскаго толкованія. Де-Мишель въ своемъ изданіи также точно почиталъ необходимымъ толковать этотъ параграфъ и для сего заимствовалъ изъ сочиненія Потье: „Chine“ цѣлый трактатъ о значеніи Дао по ученію Лао-цзы; но само собою разумѣется, что этотъ трактатъ не долженъ бы былъ имѣть здѣсь мѣста, такъ какъ самое понятіе о Дао явилось здѣсь въ переводѣ Де-Мишеля только по ошибкѣ.

Не смотря однако на подобнаго рода серьезные промахи въ переводѣ, мы съ удовольствіемъ прочитали книгу Де-Мишеля и привѣтствуемъ ея появленіе. Привѣтствуемъ особливо за транскрипцію китайскихъ іероглифовъ по аннамскому произношенію, въ которой нашли мы много поучительнаго. Размѣръ настоящей замѣтки не позволяетъ намъ распространяться о нашихъ наблюденіяхъ, но общій выводъ ихъ тотъ, что произношеніе китайскихъ іероглифовъ въ Кохинхинѣ весьма близко подходитъ къ произношенію японскому. Для примѣра беремъ разсмотрѣніе іероглифовъ самаго наименованія Японіи. Извѣстно, что Японія по китайски называется „Жи-бэнь-го“, что по буквальному переводу значитъ „государство восхожденія солнца“, или другими словами: восточное государство. Такъ какъ Японія лежитъ къ востоку отъ Китая, то можно было думать, что Китайцы дали ей такое названіе именно въ силу ея географическаго положенія въ отношеніи Китая; теперь можетъ быть съ большею основательностью утверждаема еще и другая мысль, а именно, что Жи-бэнь-го есть ни что иное какъ транскрипція собственнаго имени главнаго японскаго острова. Іероглифъ съ значеніемъ „солнца“ читается:

по пекинскому произношенію	по аннамскому произношенію	по японскому правописанію	по японскому произношенію
жи	*nhut* (чит. ньит)	*нитъ*	*нп.*

Іероглифъ съ значеніемъ „восходитъ“ читается:

бэнь	*bôn*	*хонъ*	*нонъ.*

Библиотека "Руниверс"

Соединяя пекинское произношеніе, получаемъ: Жи-бэнь; аннамское — ньит-бонъ; японское — нипонъ, то-есть, имя японскаго острова.

Отсюда можетъ быть выводимо и то, что первыя переселенія Китайцевъ въ Японію совершались именно съ юга, а не съ сѣвера Китая, а равно и то, что Японцы въ свою очередь познакомились сперва именно съ южнымъ Китаемъ и отсюда заимствовали какъ китайскіе іероглифы, такъ и произношеніе ихъ.

А. Позднѣевъ.

Очерки западно-европейской исторіографіи [1]).

VIII.

Продолжая начатый въ предшествовавшемъ очеркѣ обзоръ нѣмецкой исторіографіи по исторіи среднихъ вѣковъ, я долженъ прежде всего указать на чрезвычайно интересную „Исторію Нѣмецкаго народа", изданную Георгомъ Маттеи по лекціямъ недавно умершаго берлинскаго профессора К. Нича [2]). Не смотря на неровность изложенія, на частое возвращеніе къ однѣмъ и тѣмъ же главнымъ мыслямъ, что обусловливается способомъ составленія, книга читается легко, а по содержанію она представляетъ дѣйствительно выдающееся явленіе. Ничъ одинаково извѣстенъ работами по древне-римской и по средневѣковой исторіи, и хотя два главныя его сочиненія—о римскихъ лѣтописцахъ и о министеріалахъ и горожанахъ XII вѣка—имѣютъ весьма мало общаго между собою по предмету, изслѣдованіе и въ томъ, и въ другомъ случаѣ носитъ индивидуальный отпечатокъ, которое отводитъ ему совершенно особое мѣсто среди историческихъ работъ. Авторъ всегда оригиналенъ и умѣетъ лучше, чѣмъ кто-либо другой, сплести въ крупное цѣлое самыя разнородныя, на первый взглядъ отрывочныя, незначительныя указанія источниковъ. Сила историческаго синтеза, которая отличаетъ его работы, является, какъ это часто бываетъ, источникомъ самыхъ ихъ

---

[1]) См. февральскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

[2]) *K. W. Nitzsch*, Geschichte des Deutschen Volks bis zum Augsburger Religions Frieden.

Библиотека "Руниверс"

недостатковъ: необыкновенно тонкія наблюденія Нича не всегда представляютъ достаточно солидное подспорье для возведенныхъ на нихъ заключеній. Вышедшіе въ прошломъ году два тома „Исторіи Нѣмецкаго народа" представляютъ талантъ Нича до извѣстной степени съ иной стороны, нежели его предшествующія книги. Въ лекціяхъ, посвященныхъ широкой характеристикѣ многовѣковаго процесса, ловкость изслѣдователя въ пользованіи тѣмъ или другимъ источникомъ обнаружиться не можетъ, но за то односторонность спеціальной монографіи замѣняется стремленіемъ прослѣдить общую связь явленій. Ничъ самъ называлъ себя преимущественно ученикомъ Нибура и въ традиціи его школы видѣлъ соединительную нить между изученіемъ римской и германской древности: въ лекціяхъ своихъ онъ несомнѣнно идетъ по стопамъ своего учителя и для изображенія нѣмецкаго развитія постоянно старается найдти, такъ-сказать, боковое освѣщеніе отъ исторіи классическихъ или родственныхъ западныхъ народовъ. Другая важная отличительная черта книги отражается въ самомъ заглавіи: цѣль автора разказать исторію нѣмецкаго „народа": онъ не переходитъ отъ описанія быта Германцевъ по Цезарю и Тациту къ повѣствованію о правительственныхъ мѣрахъ, военныхъ предпріятіяхъ и колебаніяхъ дипломатіи. И въ послѣдующей исторіи главное вниманіе обращено на жизнь общества въ его различныхъ классахъ, а самая исторія правительственныхъ сферъ поставлена въ тѣснѣйшую связь съ этою жизнью общества. На попытку такого рода могъ рѣшиться только ученый, который, подобно Ничу, спеціально изучилъ всѣ источники X—XII вѣковъ и притомъ умѣлъ воспользоваться малѣйшимъ второстепеннымъ указаніемъ источниковъ, посвященныхъ преимущественно именно правительственной исторіи.

Я не буду останавливаться на отдѣлахъ, посвященныхъ древнѣйшему періоду, переселенію народовъ и государствамъ варваровъ, хотя и тутъ найдется много любопытныхъ наблюденій и, такъ-сказать, „свѣжихъ" точекъ зрѣнія. Но для характеристики сочиненія необходимо обратить вниманіе на его главную часть, посвященную нѣмецкой исторіи въ эпохи Саксонскихъ, Франконскихъ и Швабскихъ императоровъ.

Возвышеніе Саксонской династіи обусловливается особенностями Саксонскаго племени въ X вѣкѣ. Древность, могущество, юридическія привилегіи аристократическаго класса у Саксовъ бросаются тотчасъ же въ глаза, и одна изъ главныхъ причинъ своеобразнаго положенія этого класса выясняется безъ затрудненія: онъ является

Библиотека "Руниверс"

естественнымъ и необходимымъ руководителемъ въ постоянной, разбродной борьбѣ съ славянскими сосѣдями: „Еще въ XII вѣкѣ встрѣчаемъ мы на сѣверной окраинѣ растянутой Саксонской марки послѣдніе остатки общественныхъ формъ, созданныхъ и поддержанныхъ подобнымъ положеніемъ,—знатные роды, которые своими древнеязыческими святынями, своими поселеніями и полями своихъ ежегодныхъ битвъ непосредственно примыкаютъ къ славянской границѣ и проникаютъ за нее". Самая культурная атмосфера области переполнена воззрѣніями и понятіями старыхъ родовъ и отдѣльныхъ дружинъ. Въ „Геліандѣ" новозавѣтное сказаніе преобразуется на саксонскій ладъ: главныя нравственныя силы, дѣйствующія въ немъ,—личная вѣрность дружинника къ вождю и расположеніе (Huld) вождя къ дружиннику; самыя краски, которыми написаны евангельскія картины, взяты изъ ежедневной жизни саксонскихъ дворовъ. Но особенно любопытно и важно, что эта могущественная аристократія крови, совершенно отличная по своему происхожденію отъ франкской или баварской аристократіи службы и владѣнія, представляющая болѣе древнюю эпоху сословнаго развитія, стоитъ въ совершенно иномъ отношеніи къ массѣ народа, не низводитъ ее въ положеніе личной зависимости. Опять-таки и тутъ особое значеніе имѣютъ военныя условія: боевая готовность саксонскаго крестьянина рѣзче, чѣмъ въ другихъ областяхъ, отдѣляла его отъ зависимыхъ людей (Hörige). Въ результатѣ Саксонское племя представляетъ еще въ IX и X вѣкахъ старую соціальную организацію; главные элементы ея сильно обособились, но равновѣсіе между ними не нарушено еще, и потому не будетъ парадоксомъ сказать, что именно свободное крестьянство является здѣсь лучшимъ подспорьемъ знатныхъ родовъ, и именно существованіе старыхъ знатныхъ родовъ защищаетъ свободное крестьянство отъ западной феодализаціи.

Возвышеніе Лудольфинговъ на этой почвѣ представляется Ничу не реакціей племенныхъ элементовъ противъ франкскихъ и церковныхъ учрежденій, а результатомъ самостоятельнаго движенія къ монархіи, движенія, аналогичнаго тому, какое совершилось у другихъ племенъ раньше, подъ вліяніемъ ускоряющихъ внѣшнихъ условій. Возрожденіе государственнаго единства Германіи, благодаря вліянію сравнительно свѣжаго Саксонскаго племени, Ничъ ставитъ въ связь съ дѣятельностью не Генриха Птицелова [1]), а Оттона I. Попытки

[1]) Въ противоположность *Зибелю* „Uber einige neuere Darstellungen der deutschen Kaiserzeit".

Библиотека "Руниверс"

перваго выдвинуть свое вліяніе за предѣлы герцогства не привели ни къ блестящимъ успѣхамъ, ни къ прочнымъ результатамъ. Оттонъ I съ самаго начала отказался отъ узко-областнаго основанія своей власти, передавъ герцогство Герману Биллунгу, и дѣйствительно открылъ новую эпоху нѣмецкаго государственнаго развитія. Самая его личность характерна для работы его времени: онъ не былъ ни великимъ полководцемъ, ни ловкимъ дипломатомъ; за то онъ умѣлъ молиться, потому что былъ проникнутъ сознаніемъ міровой отвѣтственности своего положенія и твердо вѣровалъ въ непосредственное руководство свыше. Государственная система, сложившаяся при немъ, держится не законодательствомъ, не новыми учрежденіями или административными правилами, а постепеннымъ и постояннымъ расширеніемъ сферы церковнаго вліянія. Свѣтская администрація, созданная съ такимъ трудомъ въ эпоху Карла Великаго, распалась въ рукахъ его преемниковъ; церковь становится главнымъ правительственнымъ учрежденіемъ Оттоновой монархіи, принимая все бремя государственной службы, и получаетъ въ отплату цѣлый рядъ политическихъ привилегій въ своихъ владѣніяхъ. Прочность этой комбинаціи основывалась не на временныхъ пожалованіяхъ королей, которыя не оказываютъ обыкновенно вліянія за предѣлами одного поколѣнія: важно было то, что церковь не столько нуждалась въ монархіи, сколько монархія въ церкви. Въ самомъ дѣлѣ, могущественная свѣтская аристократія являлась одинаково опаснымъ врагомъ для обѣихъ; въ лицѣ фогта, свѣтскаго представителя уголовной власти въ церковномъ владѣніи, прелатъ имѣлъ не столько помощника и защитника, сколько посторонняго врага, отъ котораго его могла охранить только сдерживающая сила центральной власти. Это обстоятельство имѣло громадное значеніе не только для политической, но и для соціальной стороны тогдашней жизни. Достаточно посмотрѣть, какъ сила свѣтскаго судьи сломила всѣ границы права во Франціи, чтобы понять, какое благодатное вліяніе оказывалъ союзъ между имперіей и папствомъ, государственною и церковною властью, и какъ вліяніе это проникало въ самыя отдаленныя деревни, организованныя на церковномъ вотчинномъ правѣ.

Еще замѣтнѣе и знаменательнѣе взаимодѣйствіе между политическими и соціальными фактами въ исторіи франконской династіи, которая у Нича не сводится на избитый разказъ о борьбѣ между папами и императорами. Особенное значеніе въ этотъ періодъ имѣютъ два факта—разграниченіе между крестьянствомъ и рыцарствомъ и обра-

Библиотека "Руниверс"

зованіе класса министеріаловъ. Ко времени Генриха IV обособленіе военнаго и земледѣльческаго сословій достигаетъ полнаго развитія. Рѣзкая противоположность между ними въ Германіи зависѣла преимущественно отъ ея полной экономической изолированности. Торговые пути проходили на западѣ и на востокѣ отъ нея, почти не затрогивая массы страны, оставшейся на ступени натуральнаго хозяйства, въ то время, когда въ сосѣднихъ земляхъ уже завязывалась торговля, и денежныя сношенія и всѣ отношенія получили сообразно этому большую гибкость и подвижность, и рѣзкость противоположностей уравнивалась. Отреченіе отъ военнаго дѣла избавляло крестьянина отъ не выносимыхъ тягостей, но ставило его въ то же время подъ опеку и зависимость отъ военнаго класса; теряя оружіе, масса свободныхъ людей впадала въ крѣпостное состояніе, и потому день великаго пораженія крестьянскихъ ополченій императора, не устоявшихъ противъ тяжело вооруженнаго и привычнаго къ военному дѣлу рыцарства, 7-го августа 1078 года, имѣетъ великое и какъ бы символическое значеніе въ исторіи нѣмецкаго крестьянства. Чѣмъ больше запросъ на ратныхъ людей, вызываемый междоусобною борьбою, тѣмъ болѣе совершенствуется ихъ выучка и вооруженіе; чѣмъ продолжительнѣе походы, тѣмъ дальше отстаетъ мужицкая масса отъ рыцарства, и тѣмъ полнѣе становится ея зависимость.

Но система натуральнаго хозяйства съ его разбросанными административными центрами, разобщенными экономическими кружками, сложными и неподвижными отношеніями, система, развивавшаяся въ Германіи долѣе и полнѣе чѣмъ гдѣ-либо, выдвигали впередъ классъ людей, которые составляли какъ бы нервную сѣть косной массы, держали въ рукахъ управленіе имѣніями и завѣдывали сношеніями между частями. Такой классъ существовалъ и особенно сильно былъ представленъ на земляхъ духовенства, лучше организованныхъ, нежели имѣнія свѣтскихъ магнатовъ или короля. Министеріалы полусвободнаго и несвободнаго происхожденія начинаютъ смыкаться въ сословіе уже при Саксонской династіи, но въ эпоху Франконскихъ императоровъ они получаютъ особенное значеніе. „Великій феодальный переворотъ Саксонской войны, отозвавшійся такъ сильно на церковномъ землевладѣніи, долженъ былъ оказать рѣшительное вліяніе на положеніе министеріаловъ. Чѣмъ глубже запускалъ руку въ церковную казну свѣтскій судья, знатный фогтъ, и свободный вассалъ, чѣмъ смѣлѣе и требовательнѣе становился, съ другой стороны, староста, представитель зависимаго населенія, тѣмъ болѣе приходилось епископамъ

Библиотека "Руниверс"

и аббатамъ опираться на своихъ единственныхъ свѣтскихъ союзниковъ—министеріаловъ. Среди ежедневныхъ, разнообразныхъ волненій этихъ тяжелыхъ годинъ, дворовый и домашній штатъ прелата выросъ въ товарищество рыцарскихъ совѣтниковъ и сотрапезниковъ. Мы находимъ его въ полномъ обладаніи этимъ почетнымъ мѣстомъ уже въ первой половинѣ XII вѣка". Любопытные признаки совершающагося превращенія даютъ, напримѣръ, мирные договоры 1083 и 1085 годовъ: министеріалъ уже не подверженъ тѣлесному наказанію полусвободныхъ и платитъ тѣ же пени, что и свободный человѣкъ, но права на очистительную присягу онъ еще не пріобрѣлъ.

Отличительною чертой политики Генриха IV, чертою, указанною его біографомъ (Vita Henrici, 8), является то, что онъ опирался именно на жизненные элементы среди низшихъ классовъ — не только на крестьянское ополченіе, но также на министеріалитетъ и на зарождающееся городское населеніе. Союзъ съ послѣднимъ имѣлъ лично для Генриха роковое значеніе, потому что онъ оттолкнулъ отъ императора нѣмецкихъ епископовъ, долго его поддерживавшихъ. Они не оказали ему помощи какъ разъ въ эпоху сильнѣйшей реакціи со стороны феодальныхъ элементовъ, выразившихся въ возстаніи сына противъ отца въ 1104 году. И понятно: для епископовъ было слишкомъ важно удержать въ своемъ распоряженіи города, и какъ разъ потому, что имъ приходилось поступиться значительною частью своихъ загородныхъ владѣній.

Прежде чѣмъ перейдти къ эпохѣ Лотаря Саксонскаго и Гогенштауфеновъ, Ничъ посвящаетъ нѣсколько страницъ общей характеристикѣ состоянія Германіи въ XII вѣкѣ; нѣкоторыя изъ относящихся сюда мѣстъ на столько характерны для его пониманія, что я рѣшаюсь привести ихъ дословно. „Въ Германіи XII вѣка мелкій свободный человѣкъ, подобно полусвободнымъ различныхъ ступеней зависимости, почти совершенно отсталъ или былъ отстраненъ отъ военной службы. Онъ вполнѣ сосредоточился на хлѣбопашествѣ и сталъ крестьяниномъ. И тѣмъ не менѣе, образовавшаяся надъ нимъ военная аристократія не задавила его. Эта могучая масса на всѣхъ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ она опирается на низшій слой, встрѣчаетъ сопротивленіе цѣлаго міра маленькихъ, болѣе или менѣе сомкнутыхъ и организованныхъ кружковъ, и она не въ состояніи разбить это сопротивленіе. На ряду съ наростающимъ рыцарскимъ духомъ и сословными претензіями военныхъ родовъ удерживается въ качествѣ равной силы сознаніе права и общественное чувство простого владѣльца надѣла и его сосѣда. Что то и

Библиотека "Руниверс"

другое развилось именно такимъ образомъ и удерживалось такъ долго, обусловливалось характеромъ общественной власти, какъ она сложилась со времени Оттона I. Короли передали значительнѣйшую часть своего колоссальнаго земельнаго владѣнія епископамъ и монастырямъ, затѣмъ оградили церковныя имѣнія иммунитетомъ отъ захватовъ собственныхъ чиновниковъ и передали прелатамъ судебныя права. Чѣмъ болѣе судебная и военная власть графа утрачивала свой должностной характеръ, тѣмъ полнѣе проникалась іерархія задачами и воззрѣніями свѣтской власти. Подъ вліяніемъ этихъ фактовъ, высшимъ завершеніемъ которыхъ было возобновленіе имперіи, образовались вотчинно-правовые кружки, защищавшіе нѣмецкихъ крестьянъ, обезпечивавшіе имъ миръ и безопасность на зависть западнымъ сосѣдямъ".

Хотя такимъ образомъ долгое междоусобіе XI и начала XII вѣка не подорвало жизненныхъ интересовъ и силъ населенія, тѣмъ не менѣе оно не осталось безъ воздѣйствія на нравственное состояніе и настроеніе. Потрясеніе великой борьбы и побѣда аскетическаго идеала вызвали глубокую общественную хандру, если можно такъ выразиться. Оттонъ Фрейзингенскій пишетъ свою исторію подъ тѣмъ впечатлѣніемъ, что приходятъ послѣдніе дни; имперія исполнила свое призваніе создать и завершить церковь и теперь лежитъ у ногъ церкви, „содрагаясь какъ въ лихорадкѣ". Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ моментовъ въ исторіи Германіи: „Вверху и внизу масса производительныхъ силъ, народонаселеніе, переполняетъ страну въ не виданной дотолѣ степени, и въ то же время въ высшихъ кругахъ глубокое разочарованіе, стремленіе къ аскетизму и отреченію, чувство невыносимаго состоянія. Тяжкимъ свинцомъ ложатся религіозныя идеи побѣдоносной церкви на развивающуюся нѣмецкую жизнь". Надо перенестись въ эту своеобразную, тяжелую атмосферу, чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе колонизаціоннаго движенія. Оно дало выходъ накопившимся силамъ крестьянскаго населенія подобно тому, какъ италіанскіе походы и пріобрѣтенія Гогенштауфеновъ давали исходъ рыцарству. Нѣмецкая нація наименѣе принимала участіе въ крестовыхъ походахъ и потому болѣе другихъ нуждалась въ такого рода предпріятіяхъ.

Въ исторіи швабскаго періода Ничъ прежде всего отмѣчаетъ измѣнившееся положеніе одного изъ главныхъ факторовъ церкви. Заключительный актъ борьбы между папствомъ и имперіей, Вормскій конкордатъ, поставилъ ее въ совершенно новое положеніе. Первоначально между ленною службой и зависимостью церкви отъ императора не было ничего общаго. Послѣ 1122 г. нѣмецкое духовенство стало

Библиотека "Руниверс"

понимать свои религіозныя обязанности, какъ должность, исходящую исключительно отъ церкви, а съ другой стороны, свои владѣнія и привилегіи оно получало отъ императора на ленномъ правѣ. Съ этой поры служба духовныхъ была связана съ имперскою властью никакъ не менѣе чѣмъ служба свѣтскихъ князей.

Характерною чертой царствованія Фридриха Барбароссы было приведеніе въ порядокъ разнообразныхъ феодальныхъ отношеній, которыми держалось его государство. При этомъ феодальный принципъ самостоятельности частей проводится до его конечныхъ послѣдствій. Имперскій походъ въ Германіи невозможенъ, если относительно его не согласились князья, и даже послѣ постановленія княжескаго совѣта король только тогда располагаетъ военными силами націи, когда каждый отдѣльный князь присягой обязался идти въ походъ. Въ подобной организаціи заключались зародыши послѣдующаго распаденія, но при первыхъ Гогенштауфенахъ, она дѣйствовала удовлетворительно, и Фридрихъ I и Генрихъ VI именно ей обязаны были своими блестящими успѣхами.

Сословный процессъ между тѣмъ продолжалъ развиваться въ направленіи, намѣченномъ въ предшествующую эпоху. Въ особенности важно то, что происходило въ городахъ. Увеличеніе зависимаго населенія имѣло послѣдствіемъ, что господа получали больше работы, чѣмъ могли пустить въ дѣло, и потому стали разрѣшать полусвободнымъ ремесленникамъ продавать свои товары на рынкѣ, въ виду уплаты извѣстнаго оброка. Изъ этихъ крѣпостныхъ и свободныхъ людей, стоявшихъ подъ покровительствомъ церкви, составились промышленныя и торговыя группы въ городахъ, которыя мало по малу пріобрѣли себѣ различныя вольности и наконецъ свободныя учрежденія. И вся эта экономическая и политическая производительность, пробивающаяся въ крестьянскомъ и городскомъ движеніи XII и XIII вѣковъ, не мыслима безъ сословія министеріаловъ, которое какъ бы заняло брешь, образовавшуюся вслѣдствіе разрыва между королевскою и епископскою властью. Въ эту эпоху ограничиваются права фогтовъ, отодвигается на задній планъ духовный судъ, формируются первые зародыши самоуправленія. И въ виду всего этого можно сказать, что нѣмецкія общины, крестьянскія и городскія, развились какъ разъ потому, что въ Германіи не существовало центральной власти въ смыслѣ англійской монархіи.

Таково въ общихъ чертахъ ученіе Нича объ образованіи средневѣковаго общества въ Германіи. Оно сильно выдвигаетъ впередъ

Библиотека "Руниверс"

нѣсколько пунктовъ, которые обыкновенно остаются въ тѣни. Подъ вліяніемъ яркаго освѣщенія этихъ пунктовъ всѣ остальные факты обрисовываются опредѣленными группами, различныя эпохи пріобрѣтаютъ отличительную, характерную физіономію.

Какой контрастъ въ этомъ отношеніи между тономъ лекцій Нича и однообразнымъ громомъ въ эпопеѣ Гизебрехта! Мало общаго также и съ разсыпающеюся въ подробностяхъ исторіей учрежденій Вайца. Бѣда только въ томъ, что освѣщеніе, хоть и яркое, остается искусственнымъ и капризнымъ. Многіе читатели усумнятся въ преимуществахъ германскаго строя XII вѣка сравнительно съ организованною англійскою монархіей Генриха II. Если совершенно оставить въ сторонѣ вопросъ о преимуществахъ, придется признать, что, не смотря на всѣ старанія автора выяснить своеобразную роль министеріалитета, какъ главнаго фактора германскаго развитія, остается не совсѣмъ понятнымъ, почему это сословное образованіе имѣло мѣсто только въ Германіи. Въ самой Германіи, по видимому, случайныя особенности источниковъ заставили Нича преувеличить роль церковнаго элемента и позабыть о жизни свѣтскихъ владѣній, которая вѣдь тоже не прекращалась и на дѣлѣ едва ли имѣла меньшее значеніе, чѣмъ жизнь церковная, хотя о ней не говорятъ монастырскія лѣтописи и грамоты.

Если явились возраженія противъ основныхъ тезисовъ Нича, то не трудно найдти и противорѣчія въ частныхъ его выводахъ. У него выходитъ, напримѣръ, что церковь въ XI вѣкѣ утратила значительную часть своихъ имѣній и въ то же время пріобрѣла такую массу несвободнаго труда, что стало выгодно сплавлять его на городской рынокъ. Какъ бы то ни было, общее пониманіе нѣмецкой исторіи у Нича не только оригинально—оно несомнѣнно ставитъ вопросы, отмѣчаетъ факты, представляетъ комбинаціи, о которыхъ трудно было бы догадаться на основаніи другихъ однородныхъ работъ.

По задачѣ и характеру изложенія приближаются къ лекціямъ Нича популярныя работы по исторіи въ извѣстной коллекціи Онкена[1]). Я коснусь только одной изъ нихъ, вышедшей въ прошломъ году, именно „Исторіи Англо-Саксовъ“, составленной гейдельбергскимъ профессоромъ Винкельманомъ [2]). Авторъ извѣстенъ какъ отличный знатокъ XIII вѣка, и главное его сочиненіе посвящено Фридриху II Гогенштауфену. Онъ не имѣлъ въ виду представить совершенно новые

[1]) *W. Oncken*, Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen.

[2]) *Ed. Winkelman*, Geschichte der Angelsachsen bis zum Tode Konigs Aelfred.

Библиотека "Руниверс"

результаты, хотя старательно работалъ по источникамъ. Опираясь на Лаппенберга, Паули и Гнейста, на Стеббса и Фримана, пользуясь большею частью появившихся монографій, особенно нѣмецкихъ, онъ написалъ очень полезную книгу. Не послѣднее ея достоинство, на которое онъ самъ указываетъ въ предисловіи, есть краткость. Лучше всего отдѣлы, посвященные культурной и религіозной исторіи. Внѣшнее теченіе политическихъ событій передано ясно, и разказъ вездѣ основанъ на критическомъ изученіи источниковъ. Въ главахъ, трактующихъ объ учрежденіяхъ, читатель едва ли найдетъ что-либо новое и вообще вся эта добросовѣстная популяризація отвѣчаетъ преимущественно потребностямъ начинающихъ или той большой публики, которая не имѣетъ времени заглянуть поглубже въ предметъ.

Важнѣе для спеціалистовъ книга Гана [1]). Она въ мелочахъ разбираетъ матеріалъ переписки Бонифація, разъясняетъ возникающіе біографическіе вопросы и можетъ служить образцомъ критическаго изученія подобнаго источника. Вторая половина ея посвящена связному жизнеописанію архіепископа Луля.

Прежде чѣмъ перейдти къ книгамъ по культурной исторіи, необходимо отмѣтить два интересныхъ сочиненія по исторіи городовъ.

Вопросъ о происхожденіи италіанскаго городскаго самоуправленія принадлежитъ, какъ извѣстно, къ тѣмъ, которые возбуждали особенно горячіе споры въ исторической литературѣ. Школа романистовъ съ особенною увѣренностью развивала мысль, что процвѣтаніе ломбардскихъ коммунъ было возрожденіемъ римскаго муниципальнаго духа и муниципальныхъ учрежденій. Но именно на этой почвѣ Карлъ Гегель показалъ, какое громадное вліяніе германское завоеваніе имѣло даже въ Италіи, и какъ ничтожно было вліяніе римскихъ политическихъ традицій даже въ томъ случаѣ, когда имена и выраженія указываютъ какъ будто именно на нихъ. Новое изслѣдованіе Гандлойке [2]), становясь въ общемъ на точку зрѣнія, указанную Гегелемъ, имѣетъ цѣлью лучше выяснить по источникамъ антецеденты италіанской городской свободы въ IX—XI вѣкахъ. При этомъ, какъ замѣчаетъ самъ авторъ, и относительно метода, и относительно результатовъ руководящее значеніе имѣли работы Финкера по исторіи италіанскихъ учрежденій и Гейсслера о германскихъ городахъ. Не представляя ничего особенно новаго, книжка Гандлойке все-таки весьма полезна,

---

[1]) *Hahn*, Bonifaz und Lul. Ihre Angelsächsischen Korresponden.

[2]) *Handloike*, die Entstehung der Lombardischen Städtefreiheit.

Библиотека "Руниверс"

какъ хорошій сводъ извѣстій. Многіе отдѣльные пункты получаютъ настоящее освѣщеніе. Начинается работа, какъ и у Гейсслера, съ разбора вопроса о пріобрѣтеніи иммунитетовъ епископами и о характерѣ связанныхъ съ ними правъ, потому что именно подведеніе города подъ епископскій иммунитетъ давало ему внѣшнюю обособленность и въ то же время служило исходнымъ пунктомъ для развитія спеціально-городскихъ учрежденій. Піаченцскія грамоты 882 и 896 годовъ являются самими ранними свидѣтельствами о томъ, что иммунитетъ измѣняетъ свой первоначальный, чисто отрицательный характеръ, въ нихъ дѣло идетъ уже прямо о судѣ епископа въ предѣлахъ слободы. Второй отдѣлъ посвященъ епископскимъ чиновникамъ особенно главному—адвокату. Послѣдній былъ не только представителемъ епископа и его зависимыхъ людей въ королевскомъ судѣ, но и представителемъ епископскихъ интересовъ во всѣхъ свѣтскихъ дѣлахъ, до извѣстной степени управляющимъ и судьею; критическою эпохой, когда управленіе городами переходитъ въ руки епископа,—онъ получаетъ принудительную власть (districtio) надъ свободными горожанами,—было время Беренгара I и его ближайшихъ преемниковъ, то же время, когда короли раздаютъ привилегіи на постройку и владѣніе городскихъ стѣнъ, на учрежденіе рынковъ и ярмарокъ, на пользованіе пошлинами. Едва епископскіе чиновники вытѣснили королевскихъ изъ города, какъ завязывается второй фазисъ городскаго развитія. Не имѣя болѣе конкуррентовъ въ лицѣ королевскихъ людей, они начинаютъ пользоваться своею властью съ произволомъ и насиліемъ, что̀ вызываетъ обратное теченіе въ населеніи и попытки организоваться независимо. Особенно рано можно наблюдать борьбу между епископомъ и городомъ въ Кремонѣ; поводомъ ея были пререканія относительно пошлинъ. Уже въ 996 году мы узнаемъ объ организаціи городскаго населенія въ самостоятельную общину, и хотя слѣдующіе затѣмъ года отмѣчены реакціей, тѣмъ не менѣе разъ положенное начало нельзя было вполнѣ уничтожить. Наиболѣе слаба послѣдняя часть работы Гандлойке, въ которой онъ доказываетъ, что органы городскаго самоуправленія, консулы, развились изъ епископскаго чиновничества, а не изъ скабината. Все изложеніе основано тутъ на гипотезахъ.

Самая обширная изъ работъ по исторіи городовъ принадлежитъ ветерану исторіи правоваго изученія, Генглеру [1]). Она озаглавлена „Древности городскаго права“ и распадается на двѣ части: въ пер-

[1]) *Gengler*, Stadtrechtsalterthümer.

Библиотека "Руниверс"

вой авторъ трактуетъ о „правовой топографіи городовъ". Онъ собираетъ характерныя данныя, разъясняющія юридическое значеніе различныхъ частей города—стѣны, рынки, посады и т. п. Во второй собрано нѣсколько экскурсовъ объ отдѣльныхъ матеріяхъ городоваго права. Чтобы дать понятіе о первой части, лучше всего будетъ указать вкратцѣ содержаніе какой-либо главы. Въ отдѣлѣ о частяхъ города, напримѣръ, Генглеръ разъясняетъ различные принципы раздѣленія общей массы населенія. Наиболѣе древнимъ и распространеннымъ было раздѣленіе на кварталы, которое имѣло существенно военный характеръ: жители квартала группировались въ тактическую единицу вокругъ своего знамени и предводителей. Другимъ дѣленіемъ военнаго характера являются стражи, Wachten. Напротивъ, такъ-называемыя Bonerschaften, хотя онѣ и приняли на себя впослѣдствіи военныя обязанности, первоначально и преимущественно были хозяйственными союзами, какъ бы деревнями, вошедшими въ составъ одного города. Вестфальскія Seltschaften при этомъ примыкаютъ къ плану свободной сельской общины, и такъ-называемыя „Höferschaften" по самому имени уже связаны съ барскими дворами, около которыхъ сосредоточилось крѣпостное населеніе съ своими надѣлами. „Paraiges", встрѣчающіеся въ Мецѣ, не имѣютъ топографическаго характера, а образовались изъ разросшихся и искусственно добавленныхъ родовъ. Наконецъ, приходы, первоначально служившіе собственно церковнымъ потребностямъ, очень скоро находятъ себѣ примѣненіе въ интересахъ собственно городскаго управленія. Главная цѣль автора въ подобномъ обозрѣніи сгруппировать чрезвычайно многочисленныя и довольно однородныя данныя въ нѣсколько главныхъ массъ. Такая работа классификаціи, конечно, весьма полезна, но читатель не можетъ не чувствовать, что всѣ интересные вопросы, которые при этомъ всплываютъ наружу, только слегка затрогиваются авторомъ. По поводу Bonerschaften, напримѣръ, или по поводу владѣльческихъ правъ города Генглеръ нѣсколько разъ касается существеннаго вопроса объ отношеніи между городомъ и сельскою общиной, но онъ нигдѣ не входитъ въ генетическій разборъ его. Отчасти именно этотъ пробѣлъ должны восполнить экскурсы второй части. Но въ концѣ концовъ и они имѣютъ болѣе систематическое значеніе, нежели историческое. Наиболѣе интересенъ опытъ о примѣненіи извѣстнаго правила „Die Luft macht frei", въ силу котораго крѣпостной, поселившійся въ предѣлахъ привилегированнаго города, получалъ свободу. Въ данномъ случаѣ свойство данныхъ позволяетъ простою группировкой на-

Библиотека "Руниверс"

мѣтить развитіе правила. Необходимо прибавить, что Генглеръ не претендуетъ на составленіе исторіи городовъ, а ставитъ цѣлью книги пополнить изслѣдованія Маурера объ этомъ предметѣ.

Эпоха Крестовыхъ походовъ сильно привлекаетъ въ послѣднее время ученыхъ. Ріанъ, Гагемейеръ, Рёрихтъ, Куглеръ своими изслѣдованіями не только исправили тѣ или другія рѣшенія по частнымъ вопросамъ, но расширили самый кругозоръ и приготовили критическія основанія для связнаго и полнаго изложенія. Очеркъ Куглера въ собраніи Онкена является уже до извѣстной степени попыткой такого изложенія въ интересахъ большой публики. Но значительнѣйшая часть работы названныхъ ученыхъ была обращена на внѣшнюю исторію движенія, на разъясненіе тѣхъ политическихъ условій и вліяній, при которыхъ она совершилась. Оттого, въ группѣ новѣйшихъ изслѣдователей Крестовыхъ походовъ Гансу Прутцу, автору недавно вышедшей „Культурной исторіи“ ихъ [1]) эпохи принадлежитъ совершенно особое мѣсто. Онъ долго работалъ въ этомъ направленіи и, между прочимъ, еще не такъ давно издалъ объемистое сочиненіе о процессѣ тампліеровъ [2]). Въ послѣдней своей книгѣ онъ задается цѣлью оцѣнить общее вліяніе Крестовыхъ походовъ въ исторіи европейской культуры и совершенно оставляетъ въ сторонѣ всѣ подробности о Іерусалимскихъ корояхъ, битвахъ съ невѣрными и вліяніи западной и восточной дипломатіи на событія. Задача широкая и интересная, и надо сказать, что какъ бы мы не думали объ отдѣльныхъ результатахъ, въ общемъ работа Прутца дѣйствительно пополняетъ весьма чувствительный пробѣлъ и даетъ весьма поучительную картину культурной стороны движенія, несомнѣнно важнѣйшей. При этомъ, хотя автору, конечно, весьма и весьма часто приходится резюмировать и повторять сказанное раньше другими, хотя незамѣтно болѣзненнаго стремленія выдумать непремѣнно что-нибудь новое, тѣмъ не менѣе и по отдѣльнымъ вопросамъ, и въ общемъ пониманіи обнаруживается самостоятельность и оригинальность.

Точка зрѣнія Прутца обрисовывается весьма ясно на первыхъ же страницахъ, гдѣ идетъ рѣчь о постановкѣ задачи. Онъ проводитъ параллель между завоеваніемъ Востока Александромъ Македонскимъ и крестовымъ движеніемъ: послѣднее, подобно первому, вызвало къ существованію смѣшанную культуру, въ которую входили и восточные,

---

[1]) *Hans Prutz*, Kulturgeschichte der Kreuzzüge.

[2]) Geheimlehre und Geheimstatuten des Tempelherrnordens. Berlin, 1879.

Библиотека "Руниверс"

и западные элементы, на самомъ западѣ ниспровергло узкозападный строй, застывавшій въ однообразныя, неподвижныя, безжизненныя формы и въ то же время, способствовало пробужденію національнаго сознанія и самостоятельности. На сколько, однако, въ эллинистическихъ государствахъ дѣятельнымъ элементомъ является греческая цивилизація, на столько въ средніе вѣка животворный импульсъ исходитъ отъ восточной, мусульманской культуры. Для того, чтобы правильно судить объ этомъ процессѣ, необходимо постоянно имѣть въ виду одно ограниченіе. Непосредственное вліяніе Запада на Востокъ и Востока на Западъ было сравнительно весьма незначительно; оно отчасти парализовалось враждою, возникавшею по необходимости изъ борьбы. Великая плодотворность совершавшагося историческаго процесса обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что побѣды крестоносцевъ создали посредника между восточною и западною жизнью, создали „франкскую“ культуру Іерусалимскаго королевства и зависящихъ отъ него княжествъ. Именно въ этой промежуточной франкской средѣ переработывались въ началѣ весьма разнокалиберные элементы, доставленные Востокомъ и Западомъ.

Уже изъ сказаннаго выясняются двѣ руководящія мысли, которыя въ различныхъ видоизмѣненіяхъ повторяются постоянно въ новой книгѣ: чтобы понять Крестовые походы, надо прежде всего отказаться отъ внушенныхъ средневѣковымъ фанатизмомъ представленій объ исламѣ и магометанской культурѣ; главнымъ результатомъ походовъ, предпринятыхъ подъ предводительствомъ западной іерархіи, было зарожденіе освободительнаго движенія противъ нея. Первая изъ этихъ точекъ зрѣнія, подготовленная Лораномъ, особенно замѣтна въ главахъ книги Прутца, посвященныхъ сравненію между христіанскимъ и мусульманскимъ міромъ того времени и оцѣнкѣ ихъ взаимныхъ отношеній. Авторъ возстаетъ противъ распространеннаго мнѣнія, что завоеванія магометанъ отличались безпощаднымъ истребленіемъ иновѣрцевъ и насильственнымъ обращеніемъ ихъ. Въ большинствѣ случаевъ Арабы щадили какъ разъ христіанъ и Іудеевъ, какъ исповѣдниковъ откровенныхъ религій, вѣрующихъ по „книгѣ“, то есть, по Библіи. Они строго отличали ихъ отъ язычниковъ и съ величайшею терпимостью относились даже къ богослуженію иновѣрныхъ. Практическое доказательство тому мы имѣемъ въ несомнѣнномъ фактѣ, что христіанскія духовныя учрежденія продолжали существовать и процвѣтать въ Сиріи и Палестинѣ подъ арабскимъ владычествомъ. Только незадолго до Крестовыхъ походовъ дѣла измѣни-

Библиотека "Руниверс"

лись къ худшему, преимущественно вслѣдствіе упадка арабской культуры и появленія грубаго турецкаго элемента. Если дѣйствительно массы христіанъ въ завоеванныхъ земляхъ перешли въ исламъ, то это объясняется не насиліемъ, а родствомъ вѣроисповѣданій, преимуществами ислама сравнительно съ весьма низко стоявшею въ то время византійскою религіозною жизнью, наконецъ, естественными практическими выгодами, связанными съ обращеніемъ. Съ другой стороны, авторъ старается доказать, что до Крестовыхъ походовъ не существовало вообще того рѣзкаго антагонизма между двумя исповѣданіями, который наблюдается впослѣдствіи и въ значительной степени возникъ вслѣдствіе долгой борьбы. Нельзя сказать однако, чтобъ этому заключенію вполнѣ соотвѣтствовала какъ разъ одна изъ наиболѣе интересныхъ и оригинальныхъ главъ въ сочиненіи Прутца, которая трактуетъ о томъ, какъ представляли себѣ на Западѣ Магомета, его біографію и ученіе какъ разъ древнѣйшіе изъ западныхъ писателей, интересовавшихся исламомъ: клюнійскій аббатъ Петръ достопочтенный и Гвибертъ Ножанскій, напримѣръ, оба писавшіе въ XII вѣкѣ отличаются и особеннымъ невѣжествомъ, и наибольшимъ фанатизмомъ. Напротивъ, долгое знакомство и постоянныя сношенія съ мусульманами на столько ослабляютъ ненависть къ нимъ, что становятся возможными трактаты Вильгельма Тріполійскаго и Рикольда de Monte Crucis, которые стараются прежде всего выставить сходство между религіями и даже признаютъ нѣкоторыя нравственныя преимущества за мусульманами. Конечно, Прутцъ нисколько не уменьшаетъ значенія послѣдняго явленія; напротивъ, именно онъ же и обратилъ вниманіе на только что названные трактаты, коихъ общій выводъ въ данномъ случаѣ, какъ и нѣкоторыхъ другихъ, идетъ нѣсколько далѣе посылокъ и затираетъ существенныя различія, которыя иногда рельефно выставляются изъ частностей изложенія. Въ значительной степени это объясняется, вѣроятно, желаніемъ уравновѣсить впечатлѣніе, созданное предшествовавшими работами, выбить клинъ клиномъ, если можно такъ выразиться. Всѣ и всегда говорили, напримѣръ, о религіозномъ энтузіазмѣ и аскетическомъ міросозерцаніи, какъ о главныхъ двигателяхъ крестоваго движенія. Не отрицая ихъ вліянія, конечно, Прутцъ старается показать, что главнымъ корнемъ, изъ котораго вышло все развитіе, было безотрадное общественное состояніе западной Европы того времени. Феодальный гнетъ и матеріальное убожество становились особенно нестерпимыми вслѣдствіе нравственнаго истощенія, вызваннаго страшною борьбою

Библиотека "Руниверс"

между папой и императоромъ. Опять таки, тутъ дѣло идетъ о „степени" значенія того или другого фактора, и оцѣнка производится болѣе на основаніи впечатлѣній, чѣмъ въ силу аргументовъ. Не могу не сознаться, что для меня лично короткая глава Зибеля объ условіяхъ, вызвавшихъ движеніе, кажется убѣдительнѣе, нежели изложеніе Прутца [1]: походъ 1096 года несомнѣнно стоитъ въ ряду фактовъ, свидѣтельствующихъ о религіозно-аскетическомъ возрожденіи XI вѣка; въ этомъ смыслѣ можно сказать, что клюнійскіе монахи и Гильдебрандъ были первыми крестоносцами.

При характеристикѣ порядковъ въ новыхъ франкскихъ государствахъ авторъ обращаетъ вниманіе какъ на политическое устройство и хозяйство, такъ и на нравственное состояніе. При изображеніи матеріальной культуры, особенно торговыхъ сношеній, онъ опирается на извѣстное сочиненіе Гейда [2]. Плачевное состояніе земледѣлія онъ объясняетъ хищническою системой феодальнаго хозяйства, направленною къ ограбленію зависимаго Сирійскаго населенія. Остается неяснымъ однако, почему ленный строй, вездѣ сдѣлавшій изъ земледѣльческаго класса какъ бы пьедесталъ для рыцарства, только здѣсь получилъ такое пагубное направленіе. По видимому, въ данномъ случаѣ дѣйствовали два обстоятельства, которымъ Прутцъ не придаетъ рѣшительнаго значенія,—различіе національности между господами и крѣпостными и сознаніе непрочности франкскаго владычества. По поводу капитальнаго вопроса о составѣ и характерѣ Іерусалимскихъ ассизъ и такъ-называемыхъ Assises de la cour des bourgeois у Прутца можно найдти много интересныхъ замѣчаній, но онъ не входитъ въ анализъ этого любопытнаго права по содержанію.

За то особенною полнотой и новизной отличается отдѣлъ о нравственномъ состояніи франкскихъ государствъ и тѣсно связанная съ нимъ исторія орденовъ. Нашъ авторъ сильно настаиваетъ на томъ, что крестовое движеніе разлагало нравственность, не смотря на свои высокія цѣли, отчасти именно вслѣдствіе смѣшенія между высокими побужденіями и низко эгоистическими мотивами, вслѣдствіе постоянныхъ паденій, слѣдовавшихъ за попытками подвижничества, вслѣдствіе разочарованій, которыми разрѣшались припадки энтузіазма, наконецъ, вслѣдствіе смуты впечатлѣній въ пестрой массѣ самыхъ различныхъ народно-

[1]) Geschichte des ersten Kreuzzugs, 150 сл. (2-te Aufl.). Ср. также *Kugler*, Gesch. der Kreuzzüge, 425.

[2]) *Heyd*, Geschichte des Levantehandelsmeim Mittelalter.

Библиотека "Руниверс"

стей, поднятой съ мѣста крестовою проповѣдью. Остатки крестоносныхъ армій, осѣдавшіе въ Палестинѣ и Сиріи, не образовывали тамъ твердаго и сплошнаго слоя, и во всѣхъ подробностяхъ новой франкской жизни чувствовалось, что она искусственнаго происхожденія и занимаетъ искусственное положеніе. Старый нравственный складъ разлагался быстро, и не чѣмъ было замѣнить его. Ни одинъ фактъ не свидѣтельствуетъ такъ разительно о вырожденіи западно-католическаго общества на сирійской почвѣ, какъ судьба ордена храмовниковъ; Прутцъ безусловно раздѣляетъ взглядъ тѣхъ ученыхъ, которые считаютъ страшныя обвиненія противъ ордена доказанными. Онъ приводитъ изъ Ватиканскаго архива любопытныя выписки изъ допросовъ, которые производились при разслѣдованіи дѣла папскою куріей послѣ катастрофы Молэ и его товарищей. Авторъ считаетъ, что эти допросы, производившіеся безъ употребленія пытки, устанавливаютъ какъ фактъ страшной безнравственности, господствовавшей среди ордена, такъ и фактъ еретическаго тайнаго ученія, сообщавшагося однако не всѣмъ посвящаемымъ. Интересны догадки Прутца о фазисахъ перерожденія ордена. Изъ различныхъ показаній видно, что въ основѣ еретическихъ воззрѣній тампліеровъ лежала дуалистическая идея, которая имѣла такое рѣшительное значеніе въ исторіи раннихъ средневѣковыхъ ересей. Они признавали высшаго Бога, не вмѣшивавшагося въ дѣла міра, и низшаго, создавшаго вселенную и управлявшаго ею. Этому-то низшему Богу, дающему успѣхъ, наслажденіе, богатство, они и служили, отрицая при этомъ всякое воздѣйствіе со стороны высшаго Божества, отрицая воплощеніе Сына Божія и отрекаясь потому отъ Іисуса Христа. Прутцъ полагаетъ, что эти дуалистическіе взгляды проникли въ орденъ уже тогда, когда практически онъ совершенно отказался отъ преслѣдованія церковныхъ идеаловъ и служилъ только властолюбію и корысти своихъ членовъ. Булла Иннокентія III отъ 1208 года является первымъ торжественнымъ обвиненіемъ въ отступничествѣ и развратѣ, и къ этому времени провансальскіе члены ордена, вѣроятно, уже занесли въ его среду дуализмъ, развивавшійся такъ сильно на югѣ Франціи въ Альбигойской ереси. Тайные статуты были составлены однако, какъ указываютъ нѣкоторые намеки, позднѣе, около 1220 года, во время осады Даміетты. Съ тѣхъ поръ большая часть храмовниковъ при самомъ посвященіи вступала въ тайный еретическій союзъ, хотя нѣкоторыя отрасли ордена остались, по разнымъ причинамъ, незапят-

Библиотека "Руниверс"

нанными безнравственнымъ ученіемъ и еще болѣе безнравственною практикой большинства.

Все это построеніе кажется слишкомъ искусственнымъ и, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть доказано: особенно неяснымъ остается какъ разъ интереснѣйшій пунктъ—отношеніе между альбигойствомъ и предполагаемою ересью тампліеровъ. Если въ основаніи альбигойства и лежалъ дуализмъ, то во всякомъ случаѣ онъ не былъ доведенъ до поклоненія „Чернобогу“ и до предоставленія высшему Божеству странной роли безучастнаго зрителя; незамѣтно также совпаденія характерныхъ подробностей ученія, которое всегда сопровождаетъ заимствованіе или прямое вліяніе. За то нельзя не согласиться съ Прутцомъ, что данныя процессовъ свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ зараженіи ордена еретическими доктринами, хотя бы онѣ и не складывались именно въ такую систему и не были привиты альбигойствомъ. Нравственнымъ основаніемъ этого интереснаго перерожденія защитниковъ храмовъ во враговъ Христа было, несомнѣнно, глубокое разочарованіе въ силѣ христіанства и въ значеніи духовной жизни, но въ формахъ реакціи естественнѣе всего искать восточныхъ, а не западныхъ вліяній.

Главнымъ результатомъ Крестовыхъ походовъ Прутцъ считаетъ, какъ уже сказано, разрушеніе односторонняго романтизма, въ который заковалась западная культура подъ вліяніемъ папства: безъ нихъ не мыслимо Возрожденіе. Въ данномъ случаѣ всемірно-историческая связь намѣчена вполнѣ вѣрно, но слишкомъ часто, ради проведенія какой-нибудь общей мысли, авторъ жертвуетъ существенными особенностями и ограниченіями, слишкомъ часто смѣшиваетъ періоды: отсутствіе перспективы развитія составляетъ вообще главный недостатокъ этого замѣчательнаго труда.

По собственно религіозной исторіи среднихъ вѣковъ появились въ прошедшемъ году два капитальныя сочиненія. Первое, принадлежащее Дёйтчу, посвящено оцѣнкѣ Абелара и его богословской системы [1]). Біографіи авторъ касается только слегка, такъ какъ ничего новаго въ этомъ отношеніи при имѣющемся матеріалѣ сказать нельзя. Главная цѣль Дёйтча, всесторонне изложить ученіе Абелара и опредѣлить его мѣсто въ общемъ развитіи религіознаго мышленія. Общая тенденція книги, написанной съ либерально-протестантской точки зрѣнія, направлена противъ сужденія объ Абеларѣ въ извѣстномъ сочи-

[1]) *Deutsch.* Peter Abälard.

Библиотека "Руниверс"

ненiи Рейтера [1]). Послѣдній старается показать, что французскій богословъ пришелъ къ отрицанію христіанства, какъ единственно истинной религіи, и къ отвлеченію изъ христіанства, іудейства и язычества естественнаго богопочитанія, основаннаго на разумѣ. Дёйтчъ возражаетъ противъ такого вывода, который въ сущности можно поддерживать только читая между строкъ то, чего въ текстѣ нѣтъ и быть не могло. Хотя у Абелара много противорѣчій, много смѣлыхъ намековъ, не нашедшихъ себѣ полнаго выраженія, тѣмъ не менѣе до такого разрыва съ православіемъ своихъ дней онъ никогда не доходилъ. Онъ несомнѣнно является первымъ критическимъ богословомъ среднихъ вѣковъ, потому что не останавливается на простой переработкѣ церковнаго преданія, а требуетъ самостоятельнаго и свободнаго изслѣдованія, понимаетъ Откровеніе больше какъ внутреннее одареніе избранныхъ Богомъ лицъ, нежели въ смыслѣ внѣшняго акта по отношенію къ Писанію различаетъ между боговдохновенностью писавшихъ и личными, человѣческими особенностями, которыя также отразились въ Библіи, наконецъ, отрицаетъ единство воззрѣній и согласіе среди отцевъ церкви и настаиваетъ, напротивъ, на противорѣчіяхъ, которыя должны быть разрѣшены разумнымъ толкованіемъ и выборомъ. Тѣмъ не менѣе, Абеларъ и не думалъ о несогласимости между отличительно христіанскими воззрѣніями и разумомъ, не ставилъ христіанство на одну доску съ язычествомъ и не подрывалъ значенія откровенной религіи. Онъ только открывалъ дверь свободному изысканію, но подобно позднѣйшему протестантизму не шелъ самъ до отреченія отъ христіанства. Опираясь на новую или, лучше сказать, вновь признанную силу разума, онъ думалъ не разрушить положительную религію, а подкрѣпить ее въ существенныхъ чертахъ. Въ особенности важно то, что независимо отъ всевозможныхъ уклоненій и колебаній въ частностяхъ, Абеларъ постоянно и чрезвычайно энергично настаивалъ на божественности Христа и на его центральномъ религіозномъ значеніи. Въ этомъ отношеніи Дёйтчъ сравниваетъ Абелара съ Шлейермахеромъ, который также, не смотря на всѣ сомнѣнія, оставался христіаниномъ именно въ этомъ главномъ отношеніи. Таковы руководящія мысли новой книги. Для проведенія ихъ понадобилось очень внимательное изслѣдованіе сочиненій Абелара, его предшественниковъ и современниковъ, и надо сказать, что повсюду въ книгѣ Дёйтча

[1]) *H. Reuter*, Geschichte der religiösen Aufklärung im Mittelarter.

Библиотека "Руниверс"

читатель найдетъ не только честный трудъ, но и ясный взглядъ на вещи. Книга написана очень спокойно, не смотря на болѣе или менѣе полемическую цѣль. Особенно заслуживаетъ вниманія въ методическомъ отношеніи разборъ двухъ интереснѣйшихъ сочиненій Абелара—такъ-называемаго Dialogus и трактата Sic et Non. Первый послужилъ главнымъ основаніемъ для выводовъ Рейтера; между тѣмъ это изложеніе спора между философомъ Евреемъ и христіаниномъ не окончено, недостаетъ какъ разъ существеннѣйшихъ частей—главной аргументаціи христіанина и приговора надъ спорящими изъ устъ самаго Абелара. Нельзя судить о коренныхъ воззрѣніяхъ французскаго богослова по выдержкамъ изъ не оконченной полемики, относительно которой мы не можемъ сказать, на чью сторону склонялся авторъ „Sic et Non“—этотъ любопытный рядъ противорѣчій, извлеченныхъ изъ церковной традиціи, объясняется, по мнѣнію Дёйтча, желаніемъ поставить вопросъ о необходимости выбирать и соглашать, а не просто повѣрять предложенія Августина, Іеронима, Амвросія. Въ данномъ случаѣ, однако, трудно удержаться отъ мысли, что критикъ XII вѣка шелъ гораздо дальше и глубже, чѣмъ предполагаетъ Дёйтчъ. Не мудрено, что при своей колеблющейся натурѣ, Абеларъ весьма различно относился къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ, то доходилъ до границъ скептицизма, то принимался систематизировать и развивать православные тезисы. Въ исторіи религіознаго развитія, какъ справедливо замѣчаетъ Дёйтчъ, онъ интересенъ не по своему непосредственному вліянію, которое было ничтожно, не смотря на его славу, какъ преподавателя: онъ является раннимъ и потому неполнымъ, неяснымъ, неудачнымъ предшественникомъ людей XVII вѣка.

Чрезвычайно важное пополненіе получаетъ литература о предшественникахъ реформаціи въ книгѣ Лозерта [1]). Она разбираетъ вопросъ объ отношеніи между ученіями и сочиненіями Гуса и Уиклифа. Авторитетнѣйшіе писатели высказывали весьма различныя мнѣнія по этому предмету: Палацкій и Томекъ осторожно ограничивали вліяніе англійскаго богослова, Лехлеръ признавалъ его рѣшительнымъ. Но существеннымъ препятствіемъ для удовлетворительнаго разрѣшенія спора представляетъ то обстоятельство, что большая часть сочиненій Уиклифа до сихъ поръ еще не издана, и потому сужденія произносились на основаніи общихъ аналогій и соображеній. Лозертъ

[1]) *Loserth*, Hus und Wiclif.

Библиотека "Руниверс"

проводитъ параллель между важнѣйшими трактатами Гуса и Уиклифа и цѣлымъ рядомъ совершенно неопровержимыхъ цитатъ доказываетъ, что чешскій реформаторъ заимствовалъ у Англичанина не только идеи, аргументы, но и самые способы выраженія, цитаты, риторическія украшенія. Часто онъ просто выписывалъ буквально, иногда сокращалъ и перестанавливалъ. Достаточно пробѣжать страницы 163—246 книги Лозерта, которыя почти цѣликомъ заняты цитатами en regard изъ обоихъ богослововъ, чтобы вполнѣ согласиться съ авторомъ, что и въ главныхъ пунктахъ и въ подробностяхъ Гусъ часто повторяетъ Уиклифа. Для характеристики способа пользованія приведу одну коротенькую цитату, разъясняющую ученіе о предопредѣленіи (стр. 154).

Wiclif, de ecclesia.

Manifestum videtur, quod nullus prescitus sit membrum illius ecclesie... non habebit prescitos sed solum predestinatos partes suas... Sicut enim Superfluitas procedit ex cibo et membris solidis, dum tamen non sic ex eis: sic purgamenta ecclesie procedunt ex ea, non tamen erant ex ea ut partes, cum nulla pars eius potest ab ea excidere.

Hus, Opera, 203, b; 199 b.

Secundo colligitur... quod nullus prescitus est membrum Sanctae matris ecclesie catholicae... Ipsa non habet alia membra post diem judicii... Sicut enim Superfluitas procedit ex cibo et membris solidis, dum tamen non sit ex eis: sic purgamenta ecclesie Scilicet praesciti procedunt ex ea, non tamen erant ex ea ut partes, cum nulla pars eius ab ea finaliter excidit.

Въ виду сопоставленій такого рода, задачей изслѣдованія впредь должно быть—показать, что̀ у Гуса самостоятельно. Лозертъ, по видимому, убѣжденъ, что послѣ его книги отъ Гуса ничего не осталось, но это методическое заблужденіе. Онъ доказалъ заимствованіе, но не подвергъ сочиненіе Гуса равномѣрному разбору, а пока это не будетъ сдѣлано, нельзя будетъ утверждать, что Гусъ просто или только списывалъ. Во всякомъ случаѣ разоблаченія Лозерта поразительны и тѣмъ болѣе поразительны, что подобныя, хотя не столь буквальныя заимствованія, по видимому, иногда дѣлались и Лютеромъ, который бралъ у обоихъ своихъ предшественниковъ. Въ разборѣ книги Лозерта въ Academy (March 15, 1884), Кардъ Пирсонъ указываетъ на то, что въ своемъ Passional Christi et Antichristi, 1521, Лютеръ воспользовался или прямо трактатомъ Уиклифа „De Christo et Suo Adversario Antichristo“ или „De Anatomia Antichristi“ Гуса. Только едва ли подобныя открытія даютъ намъ право просто говорить о литературномъ воровствѣ, какъ дѣлаетъ въ сущности Лозертъ (ср. напримѣръ, 243). Дѣйствительное историческое значеніе подобныхъ

Библиотека "Руниверс"

изслѣдованій состоитъ въ томъ, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Пирсонъ, что они тѣсно замыкаютъ цѣпь литературной традиціи между различными представителями религіозной мысли, подготовившими и произведшими реформацію.

П. Виноградовъ.

Учено-литературныя новости по классической филологіи.

Xenophontis expeditio Cyri in usum scholarum edidit *C. G. Cobet.* Editio III emendatior. Lugduni Batavorum. 1881.

Въ предисловіи къ первому своему изданію Ксенофонтова Анабазиса знаменитый Кобетъ говоритъ, что безъ вполнѣ очищеннаго текста древнихъ писателей всякое ихъ толкованіе ведетъ къ небылицамъ, и что во вниманіе къ учащемуся юношеству исправленіе формъ и оборотовъ языка являются совершенно необходимыми. Принципъ этотъ совершенно вѣренъ, но къ сожалѣнію, Кобетъ заходитъ слишкомъ далеко въ своемъ стремленіи возстановлять правильность чтенія. Какъ и всѣ вообще новѣйшіе голландскіе филологи, онъ, стараясь устранять всевозможныя испорченности текста, обращаетъ слишкомъ мало вниманія на рукописныя чтенія. Въ настоящемъ, третьемъ изданіи Анабазиса Кобетъ обратилъ вниманіе на всѣ отступленія отъ древней орѳографіи и образованія формъ, попавшія во множествѣ въ рукописи по винѣ переписчиковъ позднѣйшихъ временъ, и уничтожилъ всѣ эти отступленія. Поэтому, онъ вездѣ пишетъ теперь ἐάν вмѣсто ἄν и ἤν, ἐπειδάν вмѣсто ἐπάν и ἐπήν, и ἐπιμέλεσθαι вмѣсто ἐπιμελεῖσθαι; 3-е лицо ед. ч., plusq. act. онъ образуетъ на ειν (ἐπεπράχειν) вмѣсто ει, а 1-е лицо той же формы на η. Кромѣ того, онъ пишетъ εἴργειν вмѣсто εἶργειν, εἰκέναι вмѣсто ἐοικέναι и т. п. и послѣдовательно проводитъ элизію. Къ числу болѣе мелкихъ измѣненій можно причислить перестановку словъ въ трехъ мѣстахъ и исключеніе (въ 13-и мѣстахъ) словъ, которыя казались ему излишними. Приготовляя настоящее изданіе, Кобетъ обратилъ особенное вниманіе на вновь сдѣланную Гугомъ колляцію лучшаго (Парижскаго) кодекса Анабазиса, и потому число измѣненій, совпадающихъ съ текстомъ Гуга, особенно значительно у Кобета; напротивъ того, измѣненій, сдѣланныхъ самимъ Кобетомъ, безъ справки съ рукописями, немного; поэтому настоящій трудъ его менѣе заслуживаетъ упрека въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ были осуждаемы прежнія изданія почтеннаго голландскаго ученаго.

Библиотека "Руниверс"

Δημοσθένους αἱ δημηγορίαι. Les harangues de Démosthène. Texte grec publié d'après les travaux les plus récents de la philologie avec un commentaire critique et explicatif, une introduction générale et des notices sur chaque discours. Par *Henri Weil*. Deuxième édition entièrement revue et corrigée. Paris. 1882.

Трудъ Вейля появился впервые въ 1873 году и былъ встрѣченъ всеобщимъ одобреніемъ какъ французской, такъ и нѣмецкой критикой. Не меньшей похвалы во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ и настоящее, второе изданіе, этого труда, которое съ полнымъ правомъ можетъ быть названо „вполнѣ пересмотрѣннымъ и исправленнымъ", такъ какъ Вейль воспользовался для него всѣмъ, что появилось со времени перваго изданія своей работы какъ въ Германіи, такъ и во Франціи, и воспользовался съ полною добросовѣстностью и притомъ съ самостоятельностью сужденія. Тексту предшествуетъ введеніе о жизни Демосѳена, который, по мнѣнію Вейля, родился въ первый годъ 99 ол.=384 г. [1]), объ его сочиненіяхъ, при чемъ относительно опредѣленія подлинности Демосѳеновыхъ рѣчей Вейль поступаетъ съ большою осторожностью, не бракуя ихъ въ такомъ количествѣ, какъ это дѣлаетъ большинство критиковъ, и наконецъ, о рукописяхъ. Изъ послѣдней части введенія заслуживаетъ особаго вниманія высказываемое авторомъ мнѣніе о значеніи Парижскаго кодекса Σ, которому въ послѣднее время стали въ Германіи, благодаря Редантцу, Эмилю Миллеру и др., придавать нѣсколько преувеличенное значеніе (въ недавно появившемся 8-мъ изданіи Вестермановскаго сборника рѣчей Демосѳена новый его издатель высказываетъ относительно этой рукописи мнѣніе, сходное съ отзывомъ Вейля). Кромѣ того, во введеніи къ своему изданію Вейль касается вератцѣ и ритмическаго закона, выведеннаго Блассомъ для Демосѳена. „Démosthène— замѣчаетъ онъ—aime à donner une allure plus digne à son discours en évitant, autant que possible, l'accumulation des syllabes brèves. M. Blass, qui a signalé cette loi, n'admet en général que deux brèves consécutives, mais il accorde que ce principe souffre beaucoup de restrictions et d'exceptions". Критическій и экзегетическій комментарій Вейля весьма хорошъ.

---

[1]) Авторъ толкуетъ объ этомъ вопросѣ съ большою подробностью въ особомъ экскурсѣ на стр. XXXIV и XXXV.

Библиотека "Руниверс"

SAEI ORATIONES cum fragmentis a Dionysio Halicarnassensi servatis. Ed. *H. Buermann*. Berlin. 1883.

Настоящее изданіе Бюрмана, заключающее въ себѣ рѣчи Исея I его фрагменты, представляетъ значительный шагъ впередъ въ критикѣ текста аттическаго оратора. До сихъ поръ издатели его не знали въ точности, въ какомъ отношеніи другъ къ другу находятся различныя рукописи Исея, и даже чтенія были извѣстны далеко не всѣ и далеко не въ точности. Бюрманъ разъясняетъ этотъ вопросъ: онъ думаетъ, что, кромѣ рукописи Q, содержащей въ себѣ только двѣ первыя рѣчи, всѣ остальныя произошли изъ A; но и рукопись A писана нѣсколькими руками, и потому издатель особенно озаботился тѣмъ, чтобъ отличить все написанное первою рукою, что̀ ему и удалось въ большинствѣ случаевъ, благодаря сдѣланной имъ нѣсколько разъ колляціи. Впрочемъ, не слѣдуетъ придавать излишнее значеніе первой рукѣ на счетъ другихъ, такъ какъ исправленія перваго корректора являются часто лишь поправками явныхъ описокъ перваго переписчика. Относительно конъектуръ, которыя у Исея часто бываютъ совершенно необходимы, Бюрманъ обнаружилъ большое остроуміе, но притомъ онъ воздерживается какъ отъ чрезмѣрнаго насилованія текста, такъ и отъ излишней осторожности; изъ огромнаго количества конъектуръ Набера и ванъ-Гервердена, Бюрманъ принялъ только очень немногія.

ARISTOTLE'S PSYCHOLOGY in greek and english with introduction and notes by *Edwin Wallace*. 1882. Cambridge.

Эдвинъ Уоллесъ уже извѣстенъ прекрасными очерками Аристотелевой философіи („Outlines of the philosophy of Aristotle"). Новый трудъ его заключаетъ въ себѣ хорошій, легко понятный и большею частью точный переводъ сочиненія Аристотеля о душѣ. Передать книги Аристотеля περὶ ψυχῆς въ удовлетворительной формѣ на другой языкъ—весьма трудная задача. Въ греческомъ текстѣ авторъ опирается главнѣйше на текстъ Тренделенбурга и Торстрика, при чемъ, однако, въ третьей книгѣ высказывается противъ смѣшенія двухъ различныхъ текстовъ и доказываетъ, что двѣ обработки этой книги, какъ принимаетъ Торстрикъ, служили лишь бо́льшимъ развитіемъ мысли, далеко не повторяя одного и того же. Греческому тексту и переводу предпослано введеніе, болѣе чѣмъ въ 100 страницъ, въ которомъ авторъ, послѣ краткаго историческаго очерка, си-

Библиотека "Руниверс"

стематически излагаетъ психологію Аристотеля. Третью часть книги составляетъ почти исключительно философскій комментарій, превосходно составленный. Литературой предмета авторъ воспользовался съ большою добросовѣстностью и умѣньемъ.

Babrius edited with introductory dissertations, critical notes, Commentary and Lexicon by *W. Gunion Rutherford*, London. 1883.

Изданіе это составляетъ первый томъ предполагаемой серіи греческихъ баснописцевъ. Издатель, уже извѣстный въ ученомъ мірѣ своимъ изданіемъ Фриниха, обнаружилъ по истинѣ изумительную энергію, выпустивъ черезъ два или три года послѣ своего послѣдняго труда эту книгу, которая хотя и меньше предыдущей по объему, но имѣетъ всѣ лучшія качества научнаго изслѣдованія. Введеніе въ этомъ изданіи распадается на четыре главы, въ которыхъ авторъ говоритъ о Бабріѣ, объ исторіи греческой басни, о языкѣ Бабрія и объ исторіи его текста. Самыя лучшія и полныя главы—третья и четвертая; вторая, какъ и слѣдовало ожидать вслѣдствіе обширности задачи, далеко не исчерпываетъ всего матеріала, а первая излагаетъ вопросъ о времени Бабрія далеко не съ тою подробностью, какой можно было бы желать. Рутфордъ полагаетъ, что Бабрій, иначе называвшійся Валеріемъ, былъ уроженцемъ Италіи и жилъ во времена Александра Севера; что онъ писалъ по гречески, какъ и М. Аврелій, и Клавдій Эліанъ, и Діонъ Кассій, тоже уроженцы Италіи, но что онъ придавалъ своимъ стихамъ латинскій характеръ, отличающій ихъ отъ предшествовавшихъ и позднѣйшихъ произведеній того же рода. Замѣчательнѣйшій примѣръ тому представляетъ заимствованное, очевидно, изъ латинской поэзіи правило, что послѣдній спондей стиха образуетъ всегда слово παροξύτονον. Ни одно правило не соблюдается у Бабрія такъ строго, какъ это; можно даже думать, что тѣ немногія мѣста, гдѣ оно нарушено, дошли до насъ не въ томъ видѣ, въ какомъ были написаны поэтомъ. Даже той свободы, которую позволяли себѣ иногда римскіе поэты, оканчивавшіе стихъ трохеемъ, тоже παραξύτονον (напримѣръ, у Катулла insularumque, barba), нельзя допустить въ настоящемъ Бабріѣ. Понятно, что обстоятельство это особенно приковываетъ къ тексту басенъ Бабрія конъектуральную критику. Условія, при которыхъ должны трудиться исправители текста, до того строги, что не мало ученыхъ потерпѣло здѣсь неудачу, и къ нѣкоторымъ изъ нихъ Рутфордъ даже слишкомъ строгъ. Но это до извѣстной степени извинительно издателю, сужденія ко-

Библиотека "Руниверс"

тораго такъ здравы и методъ такъ хорошъ. Всякая страница книги свидѣтельствуетъ объ обширномъ знакомствѣ Рутфорда съ сочиненіями Кобета и съ принципами его критики. Даже языкъ великаго эллиниста находитъ себѣ здѣсь отголосокъ, и стремленіе возстановить настоящія аттическія формы обнаруживается при многочисленныхъ грамматическихъ объясненіяхъ, къ которымъ подаетъ поводъ необыкновенно смѣшанный греческій языкъ Бабріевыхъ басенъ. Быть можетъ однако, примѣчанія эти могли бы быть съ успѣхомъ замѣнены болѣе прямымъ истолкованіемъ самого Рутфорда, котораго подчасъ недостаетъ. Но недостаточность экзегезы вполнѣ замѣняется тѣмъ, что̀ сдѣлалъ самъ Рутфордъ для критики текста, и притомъ сдѣлалъ съ большимъ талантомъ. Въ этой части своего труда Рутфордъ имѣлъ существенное преимущество передъ многими изъ своихъ предшественниковъ: ему была доступна рукопись Бабрія, найденная въ 1840—1844 годахъ въ одномъ изъ аѳонскихъ монастырей, и которую въ 1857 году пріобрѣлъ Британскій музей. Результаты колляціи этой рукописи подробно изложены на стр. LXVII и LXXII изданія; далѣе говорится о Ватиканской рукописи, по которой въ 1809 г. было издано 36 басенъ. Чтенія этихъ двухъ рукописей, а равно цитаты Свиды, послужили основаніемъ для возстановленія текста Бабрія; кромѣ того, существуютъ еще перефразировки въ прозѣ, о которыхъ Рутфордъ говоритъ во второмъ томѣ. Баснями Бабрія занимались до сихъ поръ, начиная съ 1844 года, очень многіе: Буассонадъ, Дюбнеръ, Г. Германнъ, Мейнеке, Лахманнъ, Гауптъ, Беккеръ, Орелли, Байтеръ, Шнейдевинъ, Аренсъ, Корнваль Льюсъ и Конингтонъ. Кромѣ того, нѣсколько смѣлыхъ конъектуръ далъ Кобетъ, а въ послѣднее время улучшенію текста не мало содѣйствовали Эбергардтъ и Гитльбауеръ. Всѣмъ этимъ Рутфордъ добросовѣстно воспользовался, имѣя передъ своими предшественниками преимущество близкаго знакомства съ аѳонскою рукописью, которое побудило его отвергнуть многія изъ сдѣланныхъ прежде конъектуръ. Кое-гдѣ издатель и самъ предлагаетъ конъектуры, иногда весьма удачныя.

Claudii Ptolemaei Geographia. E codicibus recognovit, prolegomenis, adnotatione, indicibus, tabulis instruxit *Carolus Müllerus*. Voluminis primi pars prima. Parisiis, 1883.

Вмѣсто введенія въ началѣ этого перваго тома Птолемеевой Географіи помѣщено предупрежденіе, что Prolegomena satis ampla поя-

Библиотека "Руниверс"

вятся лишь во второмъ томѣ, послѣ изданія всѣхъ остальныхъ книгъ географіи Птолемея, и что третій томъ будутъ составлять карты. За этимъ слѣдуетъ Index codicum, изъ котораго видно, что Миллеръ пользовался 39-ю рукописями, при чемъ одна изъ нихъ, Codex Ingolstadiensis (α), соотвѣтствуетъ editio princeps, и наконецъ, помѣщенъ текстъ трехъ первыхъ книгъ, съ напечатаннымъ рядомъ латинскимъ переводомъ и подробнымъ подстрочнымъ латинскимъ комментаріемъ, такъ что по внѣшнему виду изданіе это совершенно походитъ на появившееся въ 1855 и слѣдующихъ годахъ изданіе того же автора „Geographi graeci minores". До настоящаго времени было два изданія Географіи Птолемея, принадлежащія послѣднему пятидесятилѣтію, такъ какъ и вообще лишь за эти послѣдніе 50 лѣтъ стали ею заниматься, именно: 1) изданіе Вильберга и Грасгофа (1838—1845 гг.), заключающее въ себѣ лишь первыя 6 книгъ, и 2) изданіе Ноббе (1843—1845 гг.)—всѣ 8 книгъ. Но кромѣ этого маленькаго изданія въ трехъ томикахъ, Ноббе приготовилъ къ печати и другое, большое, которое однако осталось не напечатаннымъ вслѣдствіе смерти книгопродавца-издателя. Вмѣсто того онъ издалъ въ 1852 „Apparat zu einer grösseren kritischen Ausgabe der Geographie des Ptolemaeus". На сколько Миллеръ воспользовался для своего изданія богатымъ матеріаломъ изъ труда Ноббе, и вообще что̀ онъ взялъ изъ другихъ сочиненій этого уже умершаго ученаго, трудно сказать, пока не появились обѣщанныя Prolegomena. Но надо надѣяться, что новый издатель Птолемея не пренебрегъ трудами Ноббе и воспользуется также схоліями и изображеніями, помѣщенными въ его маленькомъ изданіи. Передъ изданіемъ Ноббе Миллеровское имѣетъ то преимущество, что въ немъ находится большое количество примѣчаній, относящихся къ критикѣ текста. Что же касается до изданія Вильберга, то оно, заключая въ себѣ также схоліи и изображенія, даетъ объяснительный комментарій только къ первой книгѣ, единственной, которая представляетъ связный разказъ, тогда какъ къ остальнымъ, заключающимъ въ себѣ послѣ короткаго πρόλογος τῆς κατὰ μέρος ὑφηγήσεως, даются почти исключительно различныя таблицы (прибавленъ комментарій, касающійся только критики текста). Въ изданіи Миллера, какъ разъ на оборотѣ, для первой книги данъ только критическій комментарій, а для остальныхъ семи—экзегетическій, объясняющій различныя числа и имена собственныя, и притомъ комментарій на столько обширный, что самый текстъ занимаетъ только $^1/_5$—$^1/_3$ страница, а остальная ея часть посвящена примѣчаніямъ. Что касается

Библиотека "Руниверс"

текста въ изданіи Миллера, то онъ во многомъ отступаетъ отъ изданія Ноббе, такъ что, напримѣръ, въ 12 главахъ первой книги такихъ отступленій 48, а въ одной первой главѣ второй книги 16, при чемъ бо̀льшая часть измѣненій Миллера есть вмѣстѣ съ тѣмъ значительное улучшеніе текста, который является такимъ образомъ нынѣ впервые въ вполнѣ удовлетворительномъ видѣ и даетъ возможнымъ оцѣнить методу и основательность Птолемея.

K. K. Müller. Eine Griechische Schrift über Seekrieg. Zum ersten Male herausgegeben und untersucht. Würzburg. 1882.

Это изданіе, содержащее въ себѣ древнѣйшее изъ сочиненій о морской войнѣ, значительно увеличиваетъ запасъ нашихъ свѣдѣній о военномъ дѣлѣ у Грековъ. Къ сожалѣнію, сочиненіе это дошло до насъ не цѣликомъ. Изъ счета главъ на поляхъ видно, что недостаетъ въ началѣ трехъ главъ и части четвертой; по видимому также, сочиненіе не заканчивается главой ι'. Въ сохранившейся части сочиненія говорится 1) о снаряженіи экипажа и о положеніи, которое слѣдуетъ занять тотчасъ послѣ высадки, и въ связи съ этимъ о необходимости обученія экипажа; 2) объ обязанности командира заботиться о томъ, чтобъ имѣть при себѣ людей, опытныхъ на морѣ, и чтобы такіе люди постоянно находились на кораблѣ; 3) объ обязанности лазутчиковъ; 4) о сигналахъ лазутчиковъ; 5) о сигналахъ командировъ; 6) о морской битвѣ, о чемъ авторъ распространяется съ большою подробностью. Указавъ въ общихъ чертахъ на необходимость σύνταξις νεῶν, онъ говоритъ о различныхъ родахъ кораблей, о цѣлесообразномъ ихъ примѣненіи и расположеніи. Затѣмъ трактуется о мѣстѣ корабля главнаго начальника флота во время пути, и какъ на обязанность командира, указывается на необходимость пріучить корабли къ извѣстному порядку еще до сраженія. Въ связи съ этимъ разсматриваются обстоятельства, по которымъ командиръ долженъ рѣшать—дать ему или не давать битву. Въ слѣдующемъ затѣмъ отдѣлѣ главы подробно разбирается φάλαγξ μηνοειδής, и затѣмъ φάλαγξ ὀρθή. Глава заканчивается различными наставленіями относительно выбора мѣста для битвы. Въ концѣ фрагмента преподаются разныя правила относительно того, какъ флоту слѣдуетъ вести себя послѣ битвы, въ случаѣ ли побѣды, или въ случаѣ пораженія. Фрагментъ этотъ находится въ codex Ambrosianus B. и занимаетъ тамъ листы отъ 346a до 351b. Вся рукопись, содержащая теперь 351 листъ, есть пергаментный кодексъ, который авторъ отно-

Библиотека "Руниверс"

ситъ къ XI вѣку. Она представляетъ собою сборникъ, содержаніе котораго составляютъ сочиненія военныхъ писателей, перефразированныхъ отчасти въ византійскомъ духѣ. Замѣчанія Мюллера относительно рукописи тѣмъ драгоцѣннѣе, что онъ могъ воспользоваться сравненіями и списками нѣмецкихъ и парижскихъ рукописей. Съ большою тщательностью авторъ разслѣдовалъ фрагментъ. Для опредѣленія времени, когда сочиненіе это было написано, нѣтъ въ немъ никакихъ вѣрныхъ указаній въ видѣ упоминанія историческихъ событій и лицъ; но авторъ сочиненія былъ христіаниномъ, что видно изъ его словъ: θεοῦ κατεφρόνησαν καὶ τῆς ἰδίας ἠλόγησαν πίστεως εἶτα— τῶν ὁμοκίστων, а важнымъ testimonium ex silentio является то обстоятельство, что нигдѣ не упоминается о греческомъ огнѣ. Поэтому издатель справедливо предполагаетъ временемъ написанія этого сочиненія промежутокъ времени между IV и VII вѣками. Предположеніе, что авторомъ былъ византійскій анонимъ, который жилъ, по мнѣнію Кёхли (Griech. Kriegsalterthümer II, 2 стр. 37), во время Юстиніана, имѣетъ за себя много вѣроятнаго. Въ отдѣлѣ περὶ ταχτικῆς (XIV, 3, 4,) авторъ прямо говоритъ, что по окончаніи сочиненія о сухопутной войнѣ онъ намѣренъ писать о морской. Въ дошедшемъ до насъ трактатѣ о сухопутной войнѣ обѣщаніе это не выполняется, и фрагментъ, изданный Мюллеромъ, и есть эта часть. Сравненіе языка фрагмента съ языкомъ трактата περὶ στρατηγικῆς вполнѣ подтверждаетъ мнѣніе Мюллера. Оригинальное смѣшеніе позднѣйшаго греческаго языка съ классическимъ совершенно вѣрно объясняется издателемъ въ томъ смыслѣ, что анонимъ держался слишкомъ близко своихъ источниковъ. Текстъ дошелъ до насъ вообще въ удовлетворительномъ видѣ. Если не считать немногихъ совершенно необходимыхъ поправокъ, то Мюллеру пришлось издавать рукопись буквально. Въ концѣ помѣщено нѣсколько полезныхъ примѣчаній издателя.

Theophanis Chronographia. Recensuit *Carolus de Boor*. Vol. I., textum graecum continens. Leipzig. 1883.

Первый томъ этого изданія Ѳеофановой Хронографіи содержитъ въ себѣ греческій текстъ съ критическимъ аппаратомъ и короткое введеніе. Во второмъ томѣ будетъ помѣщено подробное разсужденіе о рукописяхъ и біографія Ѳеофана, и наконецъ, латинскій переводъ хроники, сдѣланный Анастасіемъ Библіотекаремъ, критически просмотрѣнный. Кромѣ того, издатель хочетъ въ особой тетради изложить результаты своихъ изслѣдованій о тѣхъ

Библиотека "Руниверс"

источникахъ, которыми пользовался Θеофанъ, и благодаря которымъ издатель часто имѣлъ возможность исправлять текстъ Θеофана, а также и о тѣхъ писателяхъ, которые сами пользовались Θеофаномъ, какъ источникомъ. Такимъ образомъ этотъ важный памятникъ византійской исторіи получитъ, наконецъ, надлежащую историческую и филологическую обработку, тѣмъ болѣе необходимую, что прежніе труды по Θеофану, особенно же текстъ въ Corpus scriptorum historiae Byzantinae, далеко не удовлетворяли современнымъ научнымъ требованіямъ. До сихъ поръ не были еще опредѣлены лучшія его рукописи, а критическія пособія были еще очень мало разработаны. Особенно это относится къ латинскому переводу Анастасія. Изъ рукописей Боръ отдаетъ предпочтеніе Ватиканской (Cod. Vat. 154), которая, впрочемъ, содержитъ въ себѣ лишь четвертую часть хроники; для остальной же части, по его мнѣнію, всѣ рукописи одинаковы, такъ что при возстановленіи текста приходится прибѣгать къ сравненію списковъ.

M. Tullii Ciceronis oratio pro Archia. Discours de Cicéron pour le poète Archias. Texte latin publié d'après les travaux les plus récents avec une nouvelle collation du Gemblacensis, un commentaire critique et explicatif, une introduction et un index par *Emile Thomas*. Paris. 1883.

Это новѣйшее изданіе рѣчи Цицерона, подвергавшейся многимъ обработкамъ, принадлежитъ къ издаваемой парижскою фирмой Гашетта „Collection d'éditions savantes des principaux classiques latins et grecs", отличающейся большими достоинствами. Тѣмъ же отличается и разсматриваемый томикъ. Во введеніи говорится о жизни Архія, о процессѣ его и о рѣчи Цицерона, а также о правилахъ изданія, которыми руководствовался Томасъ въ настоящемъ случаѣ. Онъ обнаруживаетъ вездѣ обширность познаній и здравость сужденій. Къ сожалѣнію, во введеніи нѣтъ ничего о римскомъ судопроизводствѣ. Для возстановленія текста Томасъ воспользовался тѣми тремя источниками, которые были употреблены и Байтеромъ, а именно codex Gemblacensis, cod. Erfurtensis, lectiones Pithoeanae; кромѣ того, онъ просмотрѣлъ всѣ находящіяся въ Парижѣ рукописи издаваемой рѣчи и пришелъ къ тому результату, что, хотя Gemblacensis и не есть главный источникъ, но единственный надежный. Въ виду этого Томасъ подвергъ его новой тщательнѣйшей колляціи и помѣстилъ всѣ его варіанты подъ текстомъ. Во всякомъ случаѣ, не смотря на всю подробность комментарія Томаса, для критики текста нельзя обойдтись

Библиотека "Руниверс"

безъ Цюрихскаго изданія, въ которомъ даны варіанты всѣхъ рукописей, между тѣмъ какъ у Томаса изъ остальныхъ манускриптовъ сдѣланъ только выборъ. Объяснительный комментарій Томаса касается главнѣйше грамматической стороны, и въ этомъ отношеніи очень хорошъ.

Thomas Stangl. Der Sogenannte Gronovscholiast zu elf ciceronischen Reden. Prag. 1884.

Въ настоящемъ сочиненіи Штангль подвергаетъ основательному изслѣдованію извѣстную Лейденскую рукопись со схоліями, которая, доставшись отъ Исаака Фоссена I. Ф. Гронову, была колляціонирована и издана Яковомъ Гроновымъ и впослѣдствіи Гревіемъ. Съ тѣхъ поръ ею занимался только Моммзенъ, нашедшій, впрочемъ, что прежнія колляціи въ существѣ дѣла очень хороши, и что въ новомъ сравненіи не представляется надобности. Штангль, которому была доставлена рукопись въ Мюнхенъ, не только не подтверждаетъ этого мнѣнія, но прямо говоритъ, что прежнія колляціи изобилуютъ промахами, и что точное знакомство съ рукописью повело ко многимъ улучшеніямъ. Послѣ подробнаго описанія рукописи, написанной, какъ доказываетъ авторъ, четырьмя различными почерками, слѣдуетъ изслѣдованіе о происхожденіи и составѣ схолій; тутъ авторъ, въ противоположность мнѣнію Гронова, показавшаго, что p. 398,7—399, 22 принадлежитъ второму схоліасту, приходитъ къ тому заключенію, что p. 399, 31—405, 29 обработаны особымъ третьимъ схоліастомъ, и что, сверхъ того, 406, 5—444, 8 написаны четвертымъ комментаторомъ. Мысль свою о составѣ этого кодекса изъ комментарія четырехъ схоліастовъ авторъ доказываетъ весьма убѣдительнымъ образомъ, какъ на основаніи формы, такъ и на основаніи содержанія схолій. Изъ нихъ отдѣлъ A, 399—404 изъ худшихъ все-таки лучшій и по стилю, и по толкованію; этотъ комментарій былъ, очевидно, написанъ съ цѣлью пополнить пробѣлы въ scholia Bobiensia, къ которымъ A очень близко и подходитъ. Отдѣлъ B, 382—397 гораздо безсодержательнѣе, представляетъ болѣе сырой матеріалъ, чѣмъ A, и находится въ полной зависимости отъ Псевдо-Асконія p. 98—153. На оборотъ, отдѣлъ C, 398—99 не имѣетъ ничего общаго съ Псевдо-Асконіемъ и вполнѣ независимъ отъ B, хотя и написанъ въ одинаковомъ съ нимъ духѣ. Наконецъ, отдѣлъ D, 406—444 и по формѣ, и по содержанію на столько же уступаетъ B и C, на сколько они стоятъ ниже перваго. Что же касается до именъ схоліастовъ, то, по мнѣнію

Библиотека "Руниверс"

Штангля, схоліи A едва ли принадлежатъ Волкацію, какъ предполагаетъ Орелли, и вообще ни одинъ изъ четырехъ комментаторовъ не можетъ быть опредѣленъ даже съ вѣроятностью. На оборотъ, время, когда возникли эти схоліи, авторъ берется опредѣлить приблизительно, слѣдуя правилу Мадвига, что чѣмъ старше комментарій, тѣмъ онъ лучше, и тѣмъ больше въ немъ преобладаютъ объясненія по содержанію сравнительно съ реторическими комментаріями, составляющими отличительную черту позднѣйшихъ толкователей. Такимъ образомъ, схолія A принадлежитъ, по мнѣнію Штангля, V вѣку, B и C были написаны около 600 года, а D еще позже. Послѣдніе три комментарія возникли изъ подстрочныхъ замѣтокъ или примѣчаній на поляхъ. Не меньшаго одобренія, чѣмъ эти добросовѣстныя изслѣдованія, заслуживаетъ и критика текста, тѣмъ болѣе заслуживающая довѣрія, что авторъ проявляетъ весьма близкое знакомство съ духомъ и стилемъ каждаго изъ комментаторовъ. Четвертую часть сочиненія составляютъ литературно-историческія и грамматическія указанія на стиль и особенности каждаго изъ схоліастовъ, и въ заключеніе всего помѣщены указатели, облегчающіе пользованіе книгой.

E. Ruete. Die Correspondenz Ciceros in den Jahren 44 und 43. Marburg. 1883.

Разсужденіе это дополняетъ прежнія изслѣдованія Наке, О. Е. Шмидта и Гурлитта о письмахъ Цицерона. Но между тѣмъ какъ работы названныхъ ученыхъ посвящены какой-либо отдѣльной части переписки Цицерона, какъ напримѣръ, перепискѣ съ Планкомъ, Д. Брутомъ, Кассіемъ, Рютe предпринялъ привести въ правильный хронологическій порядокъ всю его корреспонденцію, а также и фрагменты изъ нея. При этомъ авторъ часто приходитъ совершенно къ инымъ результатамъ, чѣмъ его предшественники, и вообще имѣетъ передъ ними то существенное преимущество, что, взявъ тему гораздо шире, чѣмъ они, легче могъ комбинировать и выводить разныя заключенія. Книга Рютe состоитъ изъ двухъ частей: въ первой авторъ устанавливаетъ хронологію писемъ, а во второй старается доказать подлинность писемъ къ Бруту. Матеріалъ расположенъ очень удобно: сначала авторъ сообщаетъ въ хронологическомъ порядкѣ тѣ результаты, къ которымъ онъ пришелъ, а затѣмъ уже приступаетъ къ доказательствамъ высказанныхъ положеній. Смѣло можно сказать, что изслѣдованіемъ своимъ Рютe значительно подвинулъ вопросъ о хронологіи писемъ и освѣтилъ такимъ образомъ весьма темную и запутанную эпоху въ римской исторіи. Что касается до

Библиотека "Руниверс"

второй части, то хотя не всѣ доказательства автора одинаково убѣдительны, тѣмъ не менѣе нельзя не признать за нимъ большой заслуги, такъ какъ въ изслѣдованіи своемъ о подлинности писемъ Цицерона къ Бруту онъ вездѣ шелъ новымъ путемъ, не вдаваясь въ разсмотрѣніе попытокъ своихъ предшественниковъ въ этой области, по большей части не выдерживающихъ критики. Наиболѣе убѣдительны доказательства подлинности на основаніи языка писемъ, хотя самъ авторъ признаетъ, что въ нихъ есть много страннаго, много такого, чего въ другихъ письмахъ Цицерона не встрѣчается.

Die Oden und Epoden des Q. Horatius Flaccus. Für den Schulgebrauch erklaert von Dr. *Emil Rosenberg*. Gotha. 1883.

Это школьное изданіе Горація составляетъ одинъ изъ томовъ новой коллекціи греческихъ и римскихъ классиковъ, начавшей появляться съ 1882 года подъ общимъ заглавіемъ Bibliotheca Gothana. Одна изъ особенностей этой коллекціи, заслуживающая особеннаго вниманія, состоитъ въ томъ, что, кромѣ текста съ подстрочными примѣчаніями, всякая книжка выходитъ еще съ комментаріемъ, помѣщеннымъ позади текста, вслѣдствіе чего ученики могутъ пользоваться этими послѣдними примѣчаніями только при приготовленіи уроковъ. Что касается до внутренней стороны изданія, то за достоинство его ручается уже имя почтеннаго издателя, извѣстнаго въ ученой литературѣ съ самой лучшей стороны, благодаря изданному имъ недавно сочиненію „Lyrik des Horaz“. Въ основаніе своего текста Розенбергъ положилъ текстъ Валена (Vahlen, Leipzig bei Hirzel). Впрочемъ, во многихъ мѣстахъ (въ общемъ, больше 80 мѣстъ) Розенбергъ отступаетъ отъ него, при чемъ въ трехъ случаяхъ предлагаетъ свои собственныя конъектуры, съ цѣлью дать ученикамъ текстъ болѣе удобопонятный. Комментарію предпослано введеніе, излагающее въ самой сжатой формѣ внѣшнія событія изъ жизни Горація и въ большей подробности — характеристику его самого и его произведеній. Объяснительныя примѣчанія къ отдѣльнымъ стихотвореніямъ содержатъ въ себѣ въ краткой формѣ все необходимое для пониманія текста, при чемъ не мало можно найдти въ нихъ и новаго. Весьма удачна мысль дать, кромѣ объясненія отдѣльныхъ мѣстъ, и объясненіе смысла цѣлыхъ стихотвореній. Такъ, напримѣръ, въ Carm. I, 4 издатель вводитъ читателя нѣсколькими словами; „An Sestius. Es ist Frühling (1—8). Lasst uns seine Wonnen geniessen (9—12). Das Leben ist ja so kurz (13—20). Einleitung, Thema, Be-

Библиотека "Руниверс"

gründung", при чемъ въ заключеніе еще даны нѣкоторыя свѣдѣнія о личности Сестія. Отмѣтимъ, наконецъ, еще одну особенность настоящаго изданія: Розенбергъ употребляетъ для текста различные шрифты, обозначая курсивомъ всѣ особенно выдающіяся мѣста, а наборомъ со шпаціями—рѣчи. Въ заключеніе нельзя не сказать, что изданіе это можетъ оказать важныя услуги въ рукахъ преподавателя и большую пользу при домашнемъ чтеніи Горація учениками.

THE FOURTH BOOK OF THE MEDITATIONS OF MARCUS AURELIUS ANTONINUS. A Revised Text with Translation and Commentary and an Appendix on the Relations of the Emperor with Cornelius Fronto. By *Hastings Crossley*. London. 1882.

Размышленія Марка Аврелія находятъ себѣ, въ настоящее время, обширный кругъ читателей въ Англіи и Франціи, о чемъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, переводы Піеррона и Бартелеми Сентъ-Илера, этюды Сюко, Ноеля де-Вержера и Ренана, и наконецъ, настоящая книга. Введеніе ея посвящено очерку римскаго стоицизма, сущность коего авторъ видитъ въ смѣшеніи восточной, греческой и римской житейской мудрости. Мысли Эпиктета и Марка Аврелія близко подходятъ, по мнѣнію автора, къ примиренію между знаніемъ и вѣрой; этимъ и объясняется то глубокое впечатлѣніе, которое они производили на прежнихъ и современныхъ выдающихся людей. Кромѣ приведенныхъ авторомъ примѣровъ, начиная съ Козобона и кончая Жанъ-Полемъ, можно было бы еще назвать Лессинга и Виланда и, пожалуй, нѣмецкаго юмориста Фритца Рейтера. Что касается до текста, то изданіе Кросслея, хотя и представляетъ въ 24 мѣстахъ отступленія отъ появившагося недавно текста Тейбнера, но почти во всѣхъ этихъ случаяхъ англійскій издатель слѣдуетъ очень распространенному (маленькому) изданію Шульца. Равнымъ образомъ и въ критическихъ примѣчаніяхъ, помѣщенныхъ подъ текстомъ, нѣтъ собственныхъ конъектуръ издателя, но лишь собраніе заслуживающихъ вниманія предложеній другихъ ученыхъ, при чемъ не рѣдко замѣчается неточность въ обозначеніи авторовъ, которымъ принадлежатъ тѣ или другія конъектуры. Переводъ сдѣланъ очень точно и съ большимъ вкусомъ. Въ комментаріѣ обращено должное вниманіе какъ на языкъ, такъ и на реальную сторону Размышленій, и какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи, особенно многочисленны ссылки на Новый Завѣтъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ на каждой страницѣ обнаруживается близкое знакомство

Библиотека "Руниверс"

какъ съ древними, такъ и съ новѣйшими литературами. Приложеніе о перепискѣ Фронтона съ Маркомъ Авреліемъ перепечатано изъ журнала Hermathena (№ 5, 1877 г.). Мнѣніе о Фронтонѣ не можетъ быть измѣнено и этимъ подробнымъ и сочувственнымъ разсужденіемъ объ его перепискѣ, потому что, согласившись даже съ тѣмъ, что Маркъ Аврелій былъ обязанъ своему учителю краснорѣчія своею любовью къ истинѣ и своею φιλοστοργία (что авторъ переводитъ словомъ: warmheartedness), философія его во всякомъ случаѣ не была подъ вліяніемъ Фронтона, какъ это принимаетъ Кросслей (стр. 63), и скорѣе, на оборотъ, молодой императоръ чувствовалъ свое превосходство надъ учителемъ въ этомъ отношеніи.

Библиотека "Руниверс"

О ПОСТАНОВКѢ КУРСА ИСТОРІИ

ВЪ НАШИХЪ КЛАССИЧЕСКИХЪ ГИМНАЗІЯХЪ.

Въ настоящее время курсъ исторіи въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ проходится два раза: курсъ краткій, эпизодическій—въ III-мъ и IV-мъ классахъ, и курсъ систематическій—въ четырехъ высшихъ классахъ, начиная съ V-го, при чемъ на преподаваніе исторіи удѣляется для изученія и элементарнаго, и систематическаго курса исторіи всего 12 уроковъ, именно по два урока въ каждомъ изъ шести классовъ, начиная съ III-го. Такой порядокъ распредѣленія матеріала преподаванія исторіи на два курса, равно какъ и указанное число уроковъ исторіи, установлены учебными планами министерства народнаго просвѣщенія 1872 года.

Эти учебные планы были подвергнуты пересмотру въ 1877 году, при чемъ элементарный курсъ оставленъ въ томъ же видѣ, въ какомъ представляется онъ по учебнымъ планамъ 1872 года. Въ систематическомъ же курсѣ произведены были нѣкоторыя существенныя измѣненія. Такъ систематическій курсъ древней исторіи перенесенъ изъ VIII-го класса въ V-й, при чемъ въ VIII-мъ классѣ предположено дополнить курсъ V-го класса изложеніемъ тѣхъ свѣдѣній, которыя относятся къ исторіи греческой и римской литературы и къ болѣе сложнымъ государственнымъ учрежденіямъ Греціи и Рима. Курсъ средневѣковой исторіи, который по учебнымъ планамъ 1872 года проходился въ V-мъ классѣ, и притомъ въ связи съ отечественною исторіей до Іоанна Грознаго включительно, перенесенъ въ VI-й классъ и отдѣленъ отъ преподаванія отечественной исторіи; къ

Библиотека "Руниверс"

VII-му классу отнесенъ курсъ новой исторіи до французской революціи и исторія Россіи до императора Павла Петровича; наконецъ, уроки исторіи въ VIII-мъ классѣ предназначаются окончанію курса исторіи всеобщей и русской и повторенію всего систематическаго курса исторіи.

Таково нынѣ дѣйствующее распредѣленіе матеріала. Сравнивая учебный матеріалъ по исторіи по учебнымъ планамъ 1872 года съ матеріаломъ, указаннымъ въ уставѣ 1864 года, нельзя не замѣтить, что проходимый въ настоящее время матеріалъ значительно больше по объему, такъ какъ со времени изданія учебныхъ плановъ 1872 года проходится въ гимназіяхъ, хотя и въ краткомъ обзорѣ, курсъ новѣйшей исторіи, начиная съ Вѣнскаго конгресса и до ближайшаго къ намъ времени, между тѣмъ какъ до 1872 года курсъ всеобщей исторіи заканчивался Вѣнскимъ конгрессомъ, и только отечественная исторія проходилась до ближайшаго времени.

Между тѣмъ въ отношеніи числа уроковъ преподаваніе исторіи поставлено было въ прежнее время болѣе благопріятно, чѣмъ въ настоящее время. Еще уставъ 1828 года назначилъ для преподаванія всеобщей и русской исторіи 13 недѣльныхъ уроковъ въ пяти высшихъ классахъ. Это число осталось почти безъ измѣненія и въ росписаніи 1852 года. Согласно уставу 1852 года эти 13 уроковъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: въ III-мъ классѣ 2 урока—общій очеркъ исторіи русской съ хронологическимъ указаніемъ главнѣйшихъ событій (древняя исторія африканскихъ и азіатскихъ народовъ); въ IV-мъ классѣ 2 урока—греческая и римская исторія до паденія Западной Римской имперіи; въ V-мъ классѣ 2 урока — средняя исторія до открытія Америки; въ VI-мъ классѣ 4 урока — новая исторія до Вѣнскаго конгресса включительно и русская исторія до Петра; въ VII-мъ классѣ 3 урока—русская исторія съ Петра Великаго и до настоящаго времени, повтореніе русской исторіи и всеобщей исторіи. Уставъ 1864 года назначилъ для исторіи во всѣхъ гимназіяхъ по 14 уроковъ, именно 2 урока въ III-мъ классѣ и по 3 въ четырехъ высшихъ классахъ; наконецъ, въ 1872 году признано возможнымъ урѣзать еще два урока и оставить только 12 уроковъ. Такимъ образомъ, не смотря на увеличеніе числа классовъ въ гимназіи съ прибавленіемъ VIII-го класса, и не смотря на увеличеніе объема курса исторіи, число уроковъ уменьшилось на два, и конечно, это уменьшеніе числа уроковъ не могло отозваться благопріятно на ходѣ преподаванія.

Библиотека "Руниверс"

Уменьшая число уроковъ по исторіи, составители учебныхъ плановъ имѣли, можетъ быть, въ виду то обстоятельство, что изъ курса средневѣковой и новой исторіи полагали требовать знаніе лишь главнѣйшихъ событій всеобщей исторіи въ связи съ отечественною, и главное вниманіе обращалось лишь на древнюю и отечественную исторію; но пересмотръ учебныхъ плановъ въ 1877 году привелъ къ сознанію неудовлетворительности и искусственности такого построенія курса исторіи, такъ какъ до половины XVIII вѣка русская исторія имѣетъ въ дѣйствительности мало точекъ соприкосновенія съ событіями западно-европейской исторіи. Поэтому курсъ средневѣковой исторіи выдѣленъ теперь въ особый курсъ и притомъ гораздо болѣе обширный по своей программѣ, чѣмъ систематическій курсъ средневѣковой исторіи, который проходился въ гимназіяхъ до изданія учебныхъ плановъ 1872 года.

Между тѣмъ количество уроковъ по исторіи оставлено прежнее, такъ что въ настоящее время приходится, напримѣръ, въ VI-мъ классѣ при двухъ урокахъ пройдти весь курсъ средневѣковой исторіи, повторить курсъ древней исторіи и еще пройдти изъ отечественной исторіи до Іоанна Грознаго включительно. Само собою, что на практикѣ это оказывается невозможнымъ, и приходится откладывать для VII-го класса значительную часть курса средневѣковой исторіи, или же оставлять не пройденнымъ назначенный по программѣ отдѣлъ изъ отечественной исторіи.

Извѣстно, что въ старшихъ классахъ женскихъ гимназій и институтовъ, точно также, какъ и военныхъ гимназій, на преподаваніе исторіи удѣляется большее число уроковъ, чѣмъ въ классическихъ гимназіяхъ, при чемъ, однакожь, результаты преподаванія исторіи, по отзывамъ преподавателей женскихъ и военныхъ гимназій, все-таки не могутъ считаться удовлетворительными.

Изъ этого можно заключить, что помимо недостатка времени, удѣленнаго на преподаваніе исторіи, неуспѣшность преподаванія этого предмета зависитъ еще отъ многихъ другихъ условій; но разумѣется, что если ко всѣмъ неблагопріятнымъ условіямъ присоединяется еще и недостатокъ времени, то дѣло преподаванія хорошо идти не можетъ, такъ какъ при необходимости постоянно торопиться, постоянно заботиться о возможности выполненія программы, самое выполненіе пріобрѣтаетъ характеръ формальный. Вотъ причины, по которымъ необходимо было бы возстановить то число уроковъ, которое удѣлялось на преподаваніе исторіи по уставу 1864 года. Если

Библиотека "Руниверс"

бы прибавлено было только два урока въ недѣлю на преподаваніе исторіи, то эти два урока было бы всего цѣлесообразнѣе, при сохраненіи существующаго распредѣленія матеріала и вообще при сохраненіи существующей программы, распредѣлить между IV-мъ и VI-мъ классами, курсъ которыхъ представляетъ наибольше затрудненій. Но еслибъ оказалось почему-либо совершенно невозможнымъ увеличить удѣляемое въ настоящее время на преподаваніе исторіи число уроковъ, то мы считали бы все-таки болѣе цѣлесообразнымъ уменьшить число уроковъ, удѣляемыхъ на элементарный курсъ, и перенести одинъ изъ этихъ уроковъ изъ III-го класса въ VI-й классъ, курсъ котораго представляется наименѣе выполнимымъ при данномъ числѣ уроковъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію элементарнаго курса. Въ настоящее время результаты, достигаемые преподаваніемъ элементарнаго курса, до такой степени незначительны, что многіе изъ преподавателей серьезно сомнѣваются въ самой необходимости такого курса, нѣкоторые и совершенно отрицаютъ необходимость его. Не раздѣляя такого взгляда на значеніе элементарнаго курса, полагая, что существованіе двухъ курсовъ—эпизодическаго и систематическаго—находитъ себѣ оправданіе, какъ въ необходимости примѣнить учебный матеріалъ къ умственному развитію учащихся разныхъ возрастовъ, такъ и въ необходимости, посредствомъ концентрическаго расширенія матеріала, постепенно углублять учениковъ въ пониманіи внутренней причинной связи явленій и прочнѣе утвердить въ памяти учениковъ, чрезъ повтореніе, очень скоро забываемые факты,—мы все-таки полагаемъ необходимымъ измѣнить объемъ и характеръ элементарнаго курса и распредѣленіе матеріала его между III-мъ и IV-мъ классами. Курсъ эпизодическій, по словамъ объяснительной записки къ учебнымъ планамъ 1872 года, начинается съ древней исторіи по слѣдующимъ причинамъ: вопервыхъ—потому, что этотъ отдѣлъ исторіи даетъ болѣе матеріала, соотвѣтствующаго умственнымъ потребностямъ отроческаго возраста, и вовторыхъ, чтобъ учащіеся, ознакомившись съ главными событіями древней исторіи, имѣли возможность сознательнѣе относиться къ фактическому содержанію, извлекаемому изъ чтенія классиковъ на урокахъ латинскаго и греческаго языковъ. На этомъ основаніи въ III-мъ классѣ главнымъ образомъ проходится исторія Греціи и Рима въ эпизодахъ. Къ эпизодической исторіи Греціи и Рима, сверхъ того, присоединяется изложеніе фактовъ, относящихся къ утвержденію христіанства въ Европѣ,

Библиотека "Руниверс"

въ видахъ достиженія нравственныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ этимъ курсомъ. Въ IV-мъ классѣ ученики знакомятся съ главными событіями и личностями изъ отечественной и всеобщей средней и новой исторіи.

Остановимся на вышеуказанныхъ причинахъ, которыми „объяснительная записка" мотивируетъ начинаніе курса исторіи съ древней исторіи.

Вопервыхъ, что касается до необходимости ознакомиться съ главными событіями изъ древней исторіи съ цѣлью дать ученикамъ возможность относиться сознательнѣе къ фактическому содержанію, извлекаемому изъ чтенія классиковъ на урокахъ латинскаго и греческаго языковъ, то въ этихъ видахъ слѣдовало бы, пожалуй, начинать преподаваніе древней исторіи еще со II-го класса, такъ какъ въ III-мъ классѣ начинается уже чтеніе Корнелія Непота; но и помимо этого, матеріалъ для упражненія въ переводахъ съ латинскаго языка на русскій и съ русскаго на латинскій даже въ курсѣ втораго класса состоитъ изъ фразъ, содержаніе которыхъ заимствовано большею частію изъ древней исторіи. Каждому, преподающему латинскій языкъ въ нашихъ гимназіяхъ, извѣстно, какой обильный запасъ географическихъ именъ и именъ историческихъ дѣятелей встрѣчается въ каждомъ учебникѣ латинскаго языка, предназначаемомъ для такого возраста, въ которомъ начинать преподаваніе исторіи было бы по меньшей мѣрѣ преждевременно. Такимъ образомъ, если во второмъ классѣ считаютъ возможнымъ обходиться безъ курса древней исторіи, цитуя на каждомъ шагу фразы, заимствованныя изъ классическихъ писателей, то и въ III-мъ классѣ возможно было бы при чтеніи Корнелія Непота, а тѣмъ болѣе Евтропія, довольствоваться дополнительными объясненіями преподавателей латинскаго языка, что кстати заставляло бы нѣсколько болѣе вникать въ содержаніе переводимыхъ авторовъ; что же касается до чтенія греческихъ классиковъ, то чтеніе Анабазиса Ксенофонта начинается только съ IV-го класса, и для чтенія греческихъ авторовъ нѣтъ необходимости относить преподаваніе древней исторіи къ III-му классу. Мы убѣждены въ томъ, что дѣло преподаванія исторіи выиграло бы значительно, еслибы оно начиналось не съ древней исторіи, являющейся болѣе доступною дѣтскому пониманію только въ первый періодъ исторіи Греціи и Рима, а съ исторіи отечественной въ живыхъ, подробныхъ, біографическихъ разказахъ, такъ какъ родное прошлое своего народа и отечества способно живѣе заинтересовать дѣтей,

Библиотека "Руниверс"

начинающихъ учиться исторіи, и благотворнѣе подѣйствовать на нихъ развитіе, чѣмъ знакомство съ чуждымъ, мало понятнымъ классическимъ міромъ, какъ бы ни старались составители руководствъ упростить матеріалъ, отбрасывая по мѣрѣ возможности то, что касается государственныхъ учрежденій классическаго міра и его умственной жизни. Что касается до исторіи Востока, то тѣмъ менѣе можно утверждать, чтобъ этотъ отдѣлъ исторіи представлялъ благодарный матеріалъ для элементарнаго курса, такъ какъ пониманіе главнѣйшихъ явленій изъ исторіи Востока, именно религіозныхъ воззрѣній древне-восточныхъ государствъ, всего менѣе можетъ считаться по силамъ мало развитымъ еще дѣтямъ, начинающимъ учиться исторіи. Возможно, конечно, достигнуть нѣкоторыхъ результатовъ толковымъ преподаваніемъ элементарнаго курса древней исторіи и въ III-мъ классѣ, особенно, если вмѣсто прохожденія по существующимъ сухимъ учебникамъ (іг. Иловайскаго и Беллярминова) предложить ученикамъ для чтенія такіе простые и занимательные разказы, какъ очерки Грубе; но мы имѣли случай убѣдиться на опытѣ, что ceteris paribus, преподаваніе отечественной исторіи понятнѣе и интереснѣе для начинающихъ, чѣмъ разказы изъ древней исторіи, хотя и невозможно отрицать, что Греція и Римъ представляютъ много хорошаго матеріала для біографическаго курса исторіи. Въ настоящее время элементарный курсъ отечественной исторіи проходится отчасти въ III-мъ классѣ, именно до смерти Владиміра Святаго, а вся остальная часть въ IV-мъ классѣ, и именно въ связи, или, вѣрнѣе, въ перемежку съ событіями изъ средней и новой исторіи. Но каждому преподавателю исторіи, знакомому на практикѣ съ элементарнымъ курсомъ IV-го класса, какъ онъ представленъ въ нашихъ программахъ и въ руководствѣ г. Беллярминова, извѣстно, къ какимъ печальнымъ результатамъ приводитъ преподаваніе элементарнаго курса отечественной исторіи въ связи съ всеобщею — среднею и новою. Въ объяснительной запискѣ къ учебному плану исторіи такое параллельное изложеніе отечественной исторіи со всеобщею объясняется тѣмъ, что при такомъ изложеніи, вопервыхъ, Россія не выдѣляется изъ своей естественной связи съ другими европейскими государствами, и историческое значеніе ея можетъ быть представлено въ болѣе яркомъ свѣтѣ; вовторыхъ, многія событія, какъ всеобщей, такъ и отечественной исторіи, черезъ сопоставленіе между собою, лучше уясняются, и втретьихъ, представляется болѣе возможности, не смотря на чрезвычайную обширность предмета, сосредоточить вниманіе уча-

Библиотека "Руниверс"

щихся на отечественной исторіи безъ ущерба, однако же, для изученія средней и новой исторіи въ главнѣйшихъ событіяхъ. Не мудрено повести изложеніе такъ, чтобы „Россія не выдѣлилась изъ своей естественной связи съ другими европейскими государствами и пр., когда на самомъ дѣлѣ эта связь до Петра Великаго существовала только по отношенію къ одной Византіи, и то въ извѣстные моменты. Проведеніе этой связи является слишкомъ искусственнымъ дѣломъ, и переходъ отъ Андрея Боголюбскаго къ борьбѣ между Григоріемъ VII и Генрихомъ IV, или переходъ отъ Варѳоломеевской ночи къ прекращенію удѣловъ при Іоаннѣ III Васильевичѣ, какъ мы видимъ это въ руководствѣ г. Беллярминова, мало подтверждаетъ существованіе такой связи между отечественною исторіей и западно-европейскою до Петра Великаго. На самомъ дѣлѣ выходитъ, что элементарный курсъ, изложенный по указанному плану, не только не ведетъ къ лучшему уясненію многихъ событій, какъ отечественной, такъ и всеобщей исторіи, черезъ сопоставленіе ихъ между собою, но ведетъ лишь къ совершенной путаницѣ понятій, къ запоминанію отдѣльныхъ отрывочныхъ фактовъ изъ всеобщей и русской исторіи, ни чѣмъ между собою не связанныхъ, такъ что въ результатѣ получается незнаніе пройденнаго даже въ эпизодической формѣ. Зная о столкновеніи Велизарія съ Вандальскимъ королемъ Гелимеромъ, о Хозроѣ I и о Хозроѣ II, ученикъ ничего не знаетъ о Никонѣ; зная о дѣйствіяхъ Густава-Адольфа въ Баваріи и Саксоніи, ученикъ почти ничего не знаетъ о реформахъ Петра и Екатерины II относительно дворянства, ни о Сперанскомъ, ни о геройской защитѣ Севастополя, ни о реформахъ прошлаго царствованія. Такимъ образомъ отечественная исторія, которая должна бы быть на первомъ планѣ, оказывается какъ-то разорванною, а между тѣмъ и изъ области всеобщей исторіи ученикъ, изъ эпизодическаго курса г. Беллярминова, узнаетъ лишь какіе-то жалкіе обрывки. Изъ исторіи Англіи, напримѣръ, со времени образованія англо-саксонскихъ государствъ до реформаціи, ученикъ знаетъ лишь о крещеніи Англо-Саксовъ и въ нѣсколькихъ словахъ объ образованіи англійскаго парламента. Даже о покореніи Англіи Вильгельмомъ Завоевателемъ говорится лишь мелькомъ, въ одномъ изъ примѣчаній. Изъ исторіи Франціи ученики IV-го класса не имѣютъ почти никакого понятія о всемъ періодѣ отъ распаденія монархіи Карла Великаго до реформаціи; изъ исторіи Германіи узнаютъ нѣсколько больше, но даже о такомъ фактѣ, какъ образованіе Священной Римской имперіи, упоминается лишь мелькомъ.

Библиотека "Руниверс"

Конечно, могутъ возразить, что преподаватель имѣетъ возможность дополнить то, чего не достаетъ въ руководствѣ; но въ такомъ случаѣ остается не разрѣшимымъ все тотъ же вопросъ, откуда взять преподавателю время на дополненіе и уясненіе всего, что слѣдовало бы дополнить и объяснить въ учебникѣ, когда при двухъ урокахъ въ IV-мъ классѣ оказывается необходимымъ пройдти, хотя бы и въ эпизодическихъ разказахъ, почти всю отечественную исторію, да еще цѣлый рядъ фактовъ изъ средневѣковой и новой исторіи. Во избѣжаніе крайней отрывочности и сбивчивости свѣдѣній, почерпаемыхъ учениками IV-го класса изъ элементарнаго руководства г. Беллярминова, нѣкоторые преподаватели, сколько намъ извѣстно, проходятъ въ III-мъ и IV-мъ классахъ элементарный курсъ по сокращенному руководству г. Иловайскаго, но руководство это, какъ извѣстно, представляетъ самый сухой и сжатый конспектъ изъ курса, составленнаго г. Иловайскимъ же для старшаго возраста, конспектъ, очень трудно усваиваемый и съ непостижимою быстротою испаряющійся и представляющій притомъ такую массу матеріала, что при двухъ урокахъ было бы немыслимо пройдти, какъ слѣдуетъ, среднюю и новую исторію, рядомъ съ отечественною. Но если бы курсъ отечественной исторіи былъ перенесенъ въ III-й классъ, то въ IV-мъ классѣ оказалось бы скорѣе возможнымъ познакомить учениковъ въ эпизодо-біографической формѣ съ главнѣйшими личностями и явленіями изъ всей всеобщей исторіи, и тогда, по нашему мнѣнію, курсъ III-го и IV-го классовъ представлялъ гораздо болѣе цѣльности и законченности. Само собою разумѣется, что, относя весь элементарный курсъ по всеобщей исторіи къ IV-му классу, необходимо было бы при небольшомъ числѣ уроковъ опустить еще изъ древней исторіи нѣкоторыя явленія, которыя въ настоящее время включены въ элементарный курсъ, какъ напримѣръ, разказъ о Пелопонесской войнѣ и Алкивіадѣ, объ Эпаминондѣ и Пелопидѣ, о законахъ Сервія Туллія, о Самнитскихъ войнахъ и о войнѣ съ Тарентомъ и Пирромъ, о Маріи, Суллѣ и Помпеѣ и т. п. Съ другой стороны, при переходѣ къ разказамъ изъ средней исторіи, слѣдовало бы, избѣгая крайней эпизодичности изложенія, постараться связать отдѣльные выдающіеся моменты изъ каждаго народа такимъ образомъ, чтобъ ученики могли представить себѣ, хотя въ самыхъ главныхъ чертахъ, послѣдовательность этихъ выдающихся моментовъ. Если рѣчь идетъ, положимъ, объ Англіи въ средніе вѣка, то необходимо бы дать понятіе объ образованіи англо-саксонскихъ королевствъ, о соединеніи

Библиотека "Руниверс"

ихъ въ одно цѣлое въ IX вѣкѣ, о завоеваніи Англіи Норманнами во второй половинѣ XI вѣка и о возникновеніи англійскаго парламента въ XIII вѣкѣ. При такомъ очеркѣ необходимо было бы остановиться на двухъ-трехъ моментахъ болѣе подробно, а остальное сообщить вкратцѣ только для связи. Если ученикъ IV-го класса будетъ знать всѣ указанные моменты изъ исторіи Англіи, то ему легко будетъ уже перейдти къ періоду реформаціи. Но для того, чтобы даже въ такомъ видѣ пройдти съ учениками IV-го класса эпизодическій курсъ всеобщей исторіи, необходимо было бы все-таки прибавить для этого класса хоть одинъ урокъ. Если же считается невозможнымъ увеличить число уроковъ въ IV-мъ классѣ даже на одинъ въ недѣлю, то по нашему мнѣнію, было бы цѣлесообразнѣе совсѣмъ отказаться въ этомъ классѣ отъ разказовъ изъ средней и новой исторіи и пройдти какъ слѣдуетъ по крайней мѣрѣ матеріалъ лишь изъ древней и отечественной исторіи, а именно древнюю исторію по Грубе, а элементарный курсъ отечественной исторіи по руководству г. Фармаковскаго, которое отличается живостью изложенія, опустивъ изъ этого послѣдняго учебника дополнительные разказы изъ средней и новой исторіи. Если учебные планы 1872 года допускали, что по средней и новой исторіи отъ учениковъ, оканчивающихъ курсъ гимназій, можно было требовать знанія лишь главнѣйшихъ событій, и главное вниманіе обращалось на знаніе исторіи древней и отечественной, то тѣмъ болѣе это можно считать возможнымъ въ примѣненіи къ ученикамъ III-го и IV-го классовъ. Другое дѣло въ городскихъ училищахъ, ученики которыхъ по выходѣ изъ школы не имѣютъ возможности продолжать свое образованіе, почему и необходимо уже въ элементарномъ курсѣ познакомить ихъ, рядомъ съ отечественною исторіей, и съ главнѣйшими явленіями изъ всеобщей исторіи, даже изъ новѣйшей исторіи, какъ образованіе Греческаго королевства, объединеніе Италіи, объединеніе Германіи, образованіе Сербскаго и Болгарскаго княжествъ. Ученики же гимназій, переходя въ V-й классъ, безъ знанія событій средневѣковой и новой исторіи, могутъ наверстать то, чего они не успѣли узнать до V-го класса, въ старшихъ классахъ. Вотъ почему мы и думаемъ, что полезнѣе было бы, при настоящемъ числѣ уроковъ, довольствоваться требованіемъ болѣе отчетливыхъ свѣдѣній изъ элементарнаго курса отечественной и древней исторіи, чѣмъ настаивать на поверхностномъ и крайне сбивчивомъ знаніи, главныхъ событій изъ всѣхъ отдѣловъ исторіи. Нельзя, конечно, отрицать того, что серьезное пониманіе главнѣй-

Библиотека "Руниверс"

шихъ явленій отечественной исторіи, особенно начиная съ XVIII вѣка, предполагаетъ знакомство съ главнѣйшими явленіями изъ всеобщей исторіи, но развѣ въ настоящее время, при преподаваніи отечественной исторіи съ дополненіями изъ всеобщей, достигается элементарнымъ курсомъ сколько-нибудь толковое знаніе отечественной исторіи? А если нѣтъ, то опущеніе въ элементарномъ курсѣ явленій средневѣковой и новой исторіи не только не повредитъ сущности дѣла, а напротивъ, упростивъ задачу элементарнаго курса, дастъ возможность полнѣе обрисовать тѣ личности и явленія, на которыхъ слѣдуетъ главнымъ образомъ остановиться въ элементарномъ курсѣ.

Мудрое римское изрѣченіе „non multum sed multa" имѣетъ особенно сильное примѣненіе по отношенію къ элементарному курсу исторіи. Дѣти 13—14-лѣтняго возраста гораздо менѣе, чѣмъ взрослые юноши, мирятся съ сухимъ, сжатымъ, конспективнымъ изложеніемъ: ихъ воображеніе работаетъ еще очень сильно и требуетъ пищи; они не боятся подробностей въ разказѣ, а жаждутъ ихъ и быстро и легко усваиваютъ, если только разказъ не изложенъ слишкомъ дѣтскимъ языкомъ, и если подробности выбраны характерныя и хорошо сгруппированы около выдающейся личности или главнаго явленія, живо, рельефно обрисовывая его. Какъ часто приходится слышать отъ начинающихъ учиться исторіи: „Эта исторія мнѣ не нравится, въ ней такъ мало говорится о такихъ-то личностяхъ, о такомъ-то явленіи". Дайте ребенку о томъ же предметѣ подробный и живо изложенный разказъ, и онъ также живо проглотитъ его, сотни подробностей безъ труда удержатся въ его памяти и онъ охотно передастъ вамъ въ связномъ разказѣ то, что̀ удержалось въ его воображеніи. А вѣдь пріучить учениковъ III-го и IV-го классовъ къ связному разказу уже само по себѣ очень важное дѣло, и болѣе вѣрная постановка элементарнаго курса могла бы значительно способствовать этой цѣли.

Перейдемъ теперь къ систематическому курсу, отъ разумной постановки котораго зависятъ главнымъ образомъ результаты, достигаемые преподаваніемъ этого предмета въ гимназіяхъ. Было бы, конечно, излишне, доказывать громадное значеніе этого курса, какъ общеобразовательнаго предмета. Несомнѣнно то, что никто безъ извѣстнаго разумнаго знанія исторіи человѣчества не въ состояніи оріентироваться сколько-нибудь въ сложной массѣ явленій современной жизни. Несомнѣнно, что въ настоящее время особенно важно

Библиотека "Руниверс"

дать учащемуся юношеству сколько-нибудь солидную историческую подготовку, раскрыть предъ нимъ возникновеніе и послѣдовательное развитіе главнѣйшихъ формъ общественной и политической жизни важнѣйшихъ историческихъ народовъ, выяснить сущность и внутренній смыслъ главнѣйшихъ историческихъ явленій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, ихъ причины и слѣдствія, ихъ преемственность, сосуществованіе и борьбу, словомъ — дать по возможности правильное понятіе объ условіяхъ, способствующихъ прогрессу или задерживающихъ его. Но для того, чтобы систематическій курсъ достигалъ этой цѣли, необходимо обратить особенное вниманіе на внутреннее, политическое и общественное развитіе главныхъ культурныхъ народовъ и выдвинуть въ систематическомъ курсѣ то, что касается государственныхъ и общественныхъ учрежденій, останавливаясь болѣе подробно лишь на тѣхъ явленіяхъ изъ внѣшней политической жизни, въ которыхъ особенно рѣзко сказалась народная жизнь. Вотъ почему было бы особенно нежелательно, чтобы систематическій курсъ исторіи начинался уже съ IV-го класса, какъ это было по уставу 1864 г. Но именно то, что составляетъ самое существенное въ систематическомъ курсѣ, то и проходится обыкновенно наиболѣе поверхностно, и это объясняется, конечно, главнымъ образомъ обширностью программъ и необходимостью постоянно спѣшить, чтобы къ данному сроку выполнить программу. Это послѣднее условіе ставитъ часто преподавателей исторіи въ необходимость сообразоваться при выборѣ руководствъ не тѣмъ, что ученикъ въ концѣ концовъ можетъ вынести изъ изученія систематическаго курса для общаго своего развитія и пониманія государственной и общественной жизни, а тѣмъ, какое руководство можно скорѣе пройдти; все сводится на извѣстное число страницъ, и такъ какъ сложилось убѣжденіе, что при окончательномъ экзаменѣ на аттестатъ зрѣлости ученикъ долженъ знать изъ систематическаго курса не только главное и существенное, но весь курсъ въ томъ объемѣ и въ томъ видѣ, какъ онъ былъ пройденъ, начиная съ V-го класса, то послѣдній годъ, который по возрасту и умственной зрѣлости учениковъ былъ бы особенно важенъ для того, чтобы связать въ одно цѣлое и обобщить по возможности, не теряясь въ массѣ подробностей, главныя явленія различныхъ періодовъ, уходитъ обыкновенно на окончаніе курса новѣйшей исторіи и главное—на усиленное, спѣшное повтореніе всего пройденнаго въ предыдущихъ трехъ классахъ. Въ результатѣ является сильное утомленіе и все-таки поверхностное знаніе предмета, при чемъ по-

Библиотека "Руниверс"

средственные ученики съ трудомъ различаютъ главное отъ второстепеннаго. Выйдти изъ такого положенія можно, помимо увеличенія числа уроковъ, уменьшеніемъ объема систематическаго курса и введеніемъ въ VIII-мъ классѣ повторительнаго курса съ обобщающимъ характеромъ. Въ систематическомъ курсѣ V-го класса возможно было бы сдѣлать значительное сокращеніе въ отдѣлѣ внѣшней, политической исторіи, довольствуясь относительно многихъ войнъ только общимъ указаніемъ безъ всякихъ подробностей: указать, напримѣръ на причины, слѣдствія и время Самнитскихъ войнъ—совсѣмъ не то, что̀ разказать о ходѣ каждой изъ трехъ Самнитскихъ войнъ, указать на войну съ Филиппомъ III и Антіохомъ III—не то, что̀ описать ходъ каждой изъ этихъ войнъ. А между тѣмъ такой именно внѣшній матеріалъ всего труднѣе дается и всего быстрѣе испаряется. Но въ общемъ курсъ V-го класса при двухъ урокахъ можетъ считаться въ настоящее время наиболѣе выполнимымъ, такъ какъ и нѣкоторое знакомство съ Греціей и Римомъ по элементарному курсу, а также этнографическій порядокъ изложенія предмета, облегчаетъ усвоеніе курса. Всего труднѣе дается курсъ VI-го класса, и особенно средневѣковая исторія, всегда представлявшая камень преткновенія. Новая программа имѣетъ несомнѣнно извѣстныя преимущества передъ прежнею, выдѣляя среднюю исторію въ отдѣльный отъ отечественной исторіи курсъ и выдвигая противоположность между романо-германскимъ и греко-славянскимъ міромъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ эта программа впадаетъ въ подробности, слишкомъ напирая на отдѣльныя личности и явленія. По нашему мнѣнію, изъ средневѣковой исторіи важнѣе всего выяснить слѣдующія явленія: a) образованіе германскихъ и славянскихъ государствъ и распространеніе въ нихъ христіанства; b) романизацію Германцевъ; c) постепенное возвышеніе папской власти и борьбу ея съ императорскою; d) возникновеніе и постепенное развитіе феодализма и борьбу его съ королевскою властью въ различныхъ государствахъ западной Европы; e) возникновеніе ислама, быстрое распространеніе его и вліяніе образованности Арабовъ; f) крестовые походы; g) возвышеніе и паденіе Византіи, паденіе южно-славянскихъ народовъ; h) возрожденіе наукъ и искусствъ. Всѣ эти явленія, и находящіяся съ ними въ тѣсной связи, и должны составлять главное содержаніе курса средневѣковой исторіи, при чемъ особенно важно сосредоточить вниманіе учениковъ на выдающихся характерныхъ явленіяхъ каждой эпохи, не останавливаясь послѣдовательно на отдѣльныхъ царствованіяхъ,—какъ это прекрасно сдѣлано было

Библиотека "Руниверс"

въ руководствѣ Виталія Шульгина, мимоходомъ сказать, слишкомъ скоро заброшеннаго у насъ и во всякомъ случаѣ несравненно лучшаго, чѣмъ нынѣ употребляемые учебники. Курсъ отечественной исторіи слѣдовало бы передвинуть въ VII-й классъ, гдѣ сравнительно гораздо меньше работы, чемъ въ VI-мъ; но, принимая во вниманіе тѣсную связь между преподаваніемъ отечественной исторіи и литературы и необходимость подготовить учениковъ VI-го класса, уже въ теченіе перваго полугодія, къ ознакомленію съ древнерусской книжною словесностью, перенесеніе матеріала изъ отечественной исторіи въ VII-й классъ оказывается совершенно неудобнымъ. Вотъ почему мы настаиваемъ на необходимости прибавить хоть одинъ урокъ для VI-го класса. Въ VII-мъ классѣ необходимо было бы закончить систематическій курсъ исторіи, чтобы VIII-й классъ оставить для повторительнаго курса съ обобщающимъ характеромъ. Въ курсѣ новой и новѣйшей исторіи въ VII-мъ классѣ слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, остановиться больше на уясненіи слѣдующихъ явленій: происхожденіе и развитіе реформаціи и реакція католицизма; усиленіе централизаціи во Франціи; борьба Стюартовъ съ парламентомъ; возвышеніе Пруссіи; просвѣщенный абсолютизмъ; внутреннее состояніе Франціи въ XVIII вѣкѣ; происхожденіе и слѣдствія французской революціи; паденіе династіи Бурбоновъ, февральская революція; паденіе второй имперіи, образованіе Греческаго королевства; восточный вопросъ; образованіе Сербскаго и Болгарскаго княжествъ; панславизмъ; объединеніе Италіи и объединеніе Германіи. Изъ русской исторіи слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на выясненіе внутренняго состоянія Московскаго государства во второй половинѣ XVII вѣка, реформъ Петра, Екатерины II, Александра I и прошлаго царствованія.

Если бы даже въ VII-мъ классѣ удалось пройдти только до Вѣнскаго конгресса и уже въ VIII-мъ классѣ пришлось бы закончить курсъ новѣйшей исторіи, то для повторительнаго курса все-таки возможно еще выгородить время; но въ высшей степени полезно было бы для завершенія курса исторіи повести повтореніе не такъ, какъ приходится вести его теперь, задавая ученикамъ повтореніе пройденнаго въ предыдущихъ классахъ по тѣмъ же руководствамъ, по которымъ проходили они до VIII-го класса систематическій курсъ, а остановиться главнымъ образомъ на уясненіи послѣдовательности хода событій въ исторіи каждаго изъ главнѣйшихъ народовъ, а также внутренней связи явленій въ извѣстный періодъ или вѣкъ, такъ чтобы результатомъ такого повторительнаго курса было умѣнье уче-

Библиотека "Руниверс"

ника, оканчивающаго курсъ, передать въ связномъ разказѣ главнѣйшіе моменты жизни каждаго изъ выдающихся культурныхъ народовъ, а также умѣнье прослѣдить всѣ главнѣйшіе моменты въ развитіи выдающихся учрежденій и явленій, какъ напримѣръ, главнѣйшіе моменты борьбы плебеевъ съ патриціями, исторіи папства, феодализма усиленія монархіи во Франціи, развитія и паденія крѣпостнаго права въ Россіи и т. п. Мы увѣрены даже въ томъ, что толковый письменный отвѣтъ на одну изъ подобныхъ темъ могъ бы служить при испытаніяхъ на аттестатъ зрѣлости гораздо болѣе вѣрнымъ ручательствомъ въ способности ученика, оканчивающаго курсъ гимназіи, понимать явленія исторической жизни, а также въ обладаніи извѣстнымъ запасомъ фактическихъ знаній, чѣмъ тѣ устные бѣглые, нерѣдко механическіе отвѣты, которые почерпаются изъ наскоро прочитанныхъ передъ экзаменомъ руководствъ, составляющихъ въ общей сложности не менѣе тысячи страницъ. Главное, что выиграли бы ученики при такомъ направленіи повторительнаго курса, это то, что они вынесли бы изъ школы больше охоты къ самостоятельному чтенію по исторіи и къ продолженію занятій ею, для чего гимназическій курсъ, какъ общеобразовательный, долженъ положить только прочное начало.

Я. Гуревичъ.

Примѣчаніе редакціи къ предшествующей статьѣ.

Помѣстивъ статью г. Гуревича въ виду большой важности вопроса, возбуждаемаго почтеннымъ педагогомъ, редакція считаетъ однако нужнымъ оговориться, что она совсѣмъ не находитъ возможнымъ согласиться съ основными ея положеніями и главными требованіями. Прежде всего редакціи представляются недостаточно убѣдительными доводы въ пользу перестановки двухъ отдѣловъ элементарнаго курса, такъ чтобы въ III-мъ классѣ преподавались русская исторія, а въ IV-мъ—всеобщая. Одинъ изъ этихъ доводовъ основанъ на большей доступности разказовъ изъ отечественной исторіи и на особенной способности дѣтей увлекаться ими и быстро усвоивать. Мы думаемъ, что этою склонностью и способностью дѣтской памяти и фантазіи слѣдуетъ воспользоваться гораздо ранѣе III-го класса гимназіи; ими можетъ и долженъ воспользоваться преподаватель русскаго языка во II-мъ и даже въ I-мъ классѣ. И теперь нѣтъ

Библиотека "Руниверс"

ученика гимназіи, который дошелъ бы до III-го класса, ничего не слыхавъ объ Олегѣ Вѣщемъ, Владимірѣ Святомъ, Петрѣ Великомъ и Суворовѣ. Несистематическое преподаваніе исторіи въ извѣстномъ смыслѣ можетъ начинаться, и дѣйствительно начинается, ранѣе III-го класса, хотя и безъ содѣйствія учителя исторіи... Задача хорошо разчитанной программы и хорошо устроенной школы состоитъ въ томъ, чтобы ничто однажды пріобрѣтенное не пропадало даромъ, чтобы все шло стройно и согласно. Учителю исторіи должно быть извѣстно то, что было сдѣлано преподавателемъ русскаго языка, и онъ обязанъ этимъ воспользоваться въ свое время. Съ другой стороны, онъ имѣетъ право предъявлять свои требованія и къ своимъ сотоварищамъ, и къ составителямъ христоматій по русскому языку или книгъ для первоначальнаго чтенія. Однимъ словомъ, все, что̀ въ статьѣ г. Гуревича сказано о преимуществахъ русской исторіи предъ всеобщею для начала преподаванія, хотя и справедливо, но скорѣе относится къ другой стадіи развитія и обученія, чѣмъ та, которая соотвѣтствуетъ обыкновенному возрасту учениковъ III-го и IV-го класса.

Съ удовольствіемъ видимъ мы, что такой опытный педагогъ, какъ г. Гуревичъ, высказывается въ пользу двухъ концентрическихъ курсовъ. Высказываемыя нѣкоторыми преподавателями сомнѣнія въ необходимости первоначальнаго эпизодическаго курса, который будто бы вполнѣ безплоденъ, кажутся намъ еще болѣе неосновательными, чѣмъ автору статьи. Напротивъ того, можно отчасти замѣтить, что и ученики VIII-го класса пробавляются иногда, даже при окончательныхъ испытаніяхъ, тѣми свѣдѣніями, которыя они пріобрѣли въ IV-мъ классѣ, такъ какъ это были свѣдѣнія болѣе отчетливыя и тверже усвоенныя. И такъ, элементарный курсъ полезенъ даже для тѣхъ воспитанниковъ, которые проходятъ полный гимназическій курсъ; а о тѣхъ, которые ограничиваются прогимназіей, нечего и говорить. Но какъ скоро допущены два курса историческаго преподаванія—элементарный (эпизодическій) и высшій (систематическій), то естественно требовать, чтобъ и первый былъ построенъ по извѣстному плану, былъ цѣлостнымъ и законченнымъ.

Почтенный авторъ какъ одну изъ главныхъ задачъ историческаго преподаванія, даже на первоначальной или элементарной его степени, ставитъ пріученіе учениковъ понимать внутреннюю причинную связь событій. Но не будетъ ли самымъ кореннымъ образомъ нарушена причинная связь, послѣдовательность и цѣлостность, не будутъ ли пренебрежены всякія заботы о стройности и ясности первоначальнаго

Библиотека "Руниверс"

историческаго міросозерцанія, если мы сначала будемъ говорить о послѣдующемъ, а затѣмъ о предыдущемъ, сначала о новыхъ народахъ, а затѣмъ о древнихъ, на мѣстѣ которыхъ появились новые? Здѣсь, вѣдь, идетъ дѣло не только о здоровой пищѣ для (дѣтскаго) воображенія и памяти, но о развитіи пониманія. Сверхъ того, не слѣдуетъ забывать связи первоначальнаго курса древней исторіи со священною исторіей Ветхаго Завѣта.

Что касается систематическаго высшаго курса и его трудности, происходящей отъ обширности матеріала, подлежащаго усвоенію, то замѣчанія автора во многомъ весьма справедливы и заслуживаютъ полнаго вниманія. Однако и здѣсь, въ виду многихъ неудобствъ, сопряженныхъ съ измѣненіемъ общаго числа уроковъ по извѣстному предмету и, слѣдовательно, съ пересмотромъ самаго гимназическаго устава, можно прежде всего предложить вопросъ: помимо программы, все ли сдѣлано со стороны метода? Напримѣръ, тѣ пріемы повторенія пройденнаго, которые рекомендуются въ статьѣ г. Гуревича для VIII-го класса, могли бы съ большою пользою примѣняться вообще въ старшихъ классахъ. А главное—достаточно ли развито въ нашихъ учительскихъ корпораціяхъ сознаніе въ необходимости дружнаго и согласнаго дѣйствія въ одномъ направленіи? Не заключается ли главная причина многихъ печальныхъ явленій въ нашей школѣ, между прочимъ и малоуспѣшности историческаго преподаванія, въ отсутствіи соглашенія и взаимодѣйствующей помощи между преподавателями отдѣльныхъ предметовъ, хотя бы даже близкихъ другъ къ другу и родственныхъ? Собственно говоря, исторію преподаетъ, и долженъ преподавать, не одинъ только учитель исторіи; многое сообщаютъ учителя древнихъ языковъ, не менѣе того преподаватель русской словесности (не упоминаемъ объ учителяхъ новыхъ языковъ по причинѣ всѣмъ извѣстной). Но отчего же бываетъ такъ, что на экзаменѣ по исторіи ученикъ, какъ оказывается, переводившій изъ Ксенофонта Анабазисъ, ничего не можетъ припомнить о походѣ десяти тысячъ?.. Тутъ одно изъ двухъ: либо преподаватель древнихъ языковъ не исполнилъ своей обязанности—требовать отъ учениковъ пониманія и памятованія прочитаннаго, либо учитель исторіи не позаботился оказать поддержку своему товарищу, да и своему предмету; а это онъ могъ бы сдѣлать, заставивъ своихъ слушателей, хотя бы и въ VIII-мъ классѣ, заглянуть еще разъ въ Анабазисъ или же просто потребовавъ и съ своей стороны отчета въ прочитанномъ ранѣе.

Библиотека "Руниверс"

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Слѣдуетъ радоваться тому, что самая сила вещей заставляетъ составителей историческихъ учебниковъ разширять и увеличивать отдѣлы, имѣющіе ближайшее отношеніе къ развитію русскаго самосознанія, напримѣръ, излагать исторію Славянъ съ неслыханною и немыслимою прежде подробностью. Безспорно, что отъ этого увеличивается учебный матеріалъ, и слѣдовательно, затрудняется дѣло историческаго преподаванія. Но мы думаемъ, что лѣкарства злу (если это зло), нужно искать тамъ же, откуда пришла болѣзнь. Если для развивающагося русскаго самосознанія начинаетъ показываться многое важнымъ и значительнымъ, что̀ прежде не казалось таковымъ, то вѣроятно, и на оборотъ—многое, что̀ прежде считалось важнымъ, будетъ признано не столь многозначительнымъ. Мы вполнѣ согласны съ тѣмъ требованіемъ, которое высказано г. Гуревичемъ по отношенію къ элементарному курсу, впрочемъ какъ pis aller,—довольствоваться болѣе отчетливымъ знаніемъ курса отечественной и древней исторіи, не настаивая на всеобщей. Не особенно удаляется отъ такого взгляда и существующая нынѣ программа. По отношенію къ систематическому высшему курсу мы также предложили бы вопросъ: не слѣдуетъ ли пойдти еще нѣсколько далѣе и быть нѣсколько смѣлѣе въ пересмотрѣ учебнаго матеріала, относящагося къ частной исторіи западныхъ государствъ? Все ли считаемое теперь необходимымъ таково на самомъ дѣлѣ? Ограничиваемся указаніемъ на проблему, которая несомнѣнно существуетъ и требуетъ обсужденія не только по отношенію къ общему принципу, но и въ подробностяхъ.

Библиотека "Руниверс"

ЗАМѢТКИ О СРЕДНИХЪ УЧЕВНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ ВО ФРАНЦІИ [1]).

III.

Преподаваніе отечественнаго языка.—Общія особенности преподаванія въ лицеяхъ.—Характеръ переходныхъ экзаменовъ.—Concours général.

Послѣ латинскаго языка отечественный занимаетъ первое мѣсто въ учебномъ планѣ лицеевъ. Число уроковъ отечественнаго языка въ недѣлю во всѣхъ классахъ доходитъ до 49. Но и здѣсь также замѣтна та же система преподаванія, какъ и при изученіи латинскаго языка. Прежде всего въ этой системѣ поражаетъ полное отсутствіе историческаго метода. Предметомъ изученія въ лицеѣ служитъ французская литература не ранѣе конца XVI столѣтія и до нынѣшнихъ временъ, и то по отдѣльнымъ отрывкамъ. Очевидно, что по этимъ часто даже безсвязнымъ отрывкамъ ученикъ совершенно не въ состояніи составить себѣ опредѣленное понятіе о постепенномъ ростѣ французской литературы, о различныхъ фазисахъ ея развитія, а вслѣдствіе того и объ исторической связи различныхъ періодовъ между собою; вниманіе его останавливается почти исключительно на однихъ выдающихся по содержанію и слогу произведеніяхъ; произведенія же, менѣе отвѣчающія эстетическимъ требованіямъ, совершенно устраняются отъ изученія. Вслѣдствіе того кругозоръ ученика мало расширяется: онъ слишкомъ привыкаетъ вращаться въ одномъ и томъ же кругу понятій.

---

[1]) *Окончаніе.* См. мартовскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

Библиотека "Руниверс"

Иначе поставлено это дѣло въ Германіи. Тамъ историческое изученіе отечественной литературы совершенно исключено изъ программы среднихъ учебныхъ заведеній, и его замѣняютъ разборы произведеній словесности, направленные къ тому, чтобы представить вполнѣ наглядно всѣ выдающіяся стороны произведеній, всѣ ихъ красоты, но безъ критической ихъ оцѣнки. Во Франціи историческій курсъ литературы занимаетъ до сихъ поръ весьма прочное мѣсто въ учебномъ планѣ, и если, не смотря на то, онъ не достигаетъ своей цѣли, то это происходитъ опять-таки вслѣдствіе своеобразной системы, свойственной одной только Франціи и заключающейся въ чрезмѣрномъ значеніи, придаваемомъ тамъ слогу, обработкѣ стиля: формѣ оказывается предпочтеніе передъ внутреннимъ содержаніемъ. Что же касается письменныхъ сочиненій на заданныя темы, что вообще въ большомъ ходу во Франціи,—то дѣйствительно, въ этомъ отношеніи воспитанники французскихъ лицеевъ имѣютъ преимущество передъ нѣмецкими гимназистами; сочиненія первыхъ представляютъ гораздо болѣе интереса: нѣтъ въ нихъ той шаблонности, того полнаго отсутствія субъективнаго взгляда, индивидуальныхъ мыслей ученика, которыя всегда такъ рѣзко кидаются въ глаза въ нѣмецкихъ ученическихъ работахъ. Во Франціи мы, напротивъ того, весьма часто встрѣчаемся въ этихъ тетрадяхъ съ оригинальными, бойкими мыслями, свидѣтельствующими о живомъ, остромъ умѣ молодаго лицеиста. Слогъ этихъ ученическихъ опытовъ большею частью очень удовлетворительный, вполнѣ ясный, выразительный. Нѣкоторые изъ учениковъ уже на школьной скамьѣ обнаруживаютъ таланты писателя, публициста, оратора, которыми такъ справедливо гордится Франція.

Преподаваніе исторіи, согласно новому учебному плану 1882 года, который впрочемъ почти тожественъ съ учебнымъ планомъ 1874 г. (изданнымъ въ министерство Ж. Симона), распредѣляется по классамъ слѣдующимъ образомъ: Classe préparatoire — 2 урока: краткія біографіи историческихъ дѣятелей. — Classe de huittième — 2 урока: краткая исторія Франціи до Генриха IV.—Classe de septième—2 урока: краткая исторія Франціи отъ Генриха IV до настоящаго времени.—Classe de sixième —2 урока: исторія восточныхъ народовъ. — Classe de cinquième—2 урока: исторія Греціи.—Classe de quatrième—2 урока: исторія Рима. — Classe de troisième — 3 урока: средняя исторія, преимущественно Франціи, отъ 395 до 1270 г.—Classe de seconde—3 урока: средняя исторія, преимущественно Франціи, отъ 1270—до 1610 г.—Classe de rhétorique — 3 урока: новая исторія, преимуще-

Библиотека "Руниверс"

ственно Франціи, отъ 1610 до 1789 г. — Classe de philosophie — 3 урока: исторія новѣйшихъ временъ, отъ 1789 до 1875 г. Итого 24 урока.

Относительно характера преподаванія исторіи слѣдуетъ сказать, что во Франціи слишкомъ большое вниманіе обращается на изученіе массы фактовъ и годовъ, что, конечно, не можетъ на долго оставаться въ памяти ученика; за то чтеніе источниковъ вовсе не употребительно, даже въ старшихъ классахъ: Титъ Ливій, Геродотъ и Тацитъ столь же неизвѣстны лицеистамъ, какъ и Луитпрандъ, Коминь или Фруассаръ. Надо еще прибавить, что весьма много времени уходитъ на урокахъ исторіи непроизводительно на диктовку такъ-называемаго „résumé“ слѣдующаго урока, между тѣмъ какъ ученики легко могли бы составить себѣ это résumé сами, при изученіи своихъ учебниковъ. Всѣ преподаватели сознаютъ, что это—непроизводительная трата времени, и не смотря на то, этотъ устарѣлый и вполнѣ безполезный обычай остается до сихъ поръ во всей силѣ.

Не вдаваясь въ разборъ методовъ преподаванія прочихъ предметовъ, принадлежащихъ къ учебному плану французскихъ лицеевъ, заключимъ нашъ очеркъ замѣчаніями о нѣкоторыхъ общихъ особенностяхъ средняго образованія во Франціи, придающихъ ему совершенно особый характеръ, отличающій Францію отъ всѣхъ прочихъ культурныхъ странъ западной Европы, и особенно отъ Германіи. Для болѣе наглядаго выясненія этого кореннаго различія, сопоставимъ рядомъ порядки, существующіе въ обѣихъ этихъ странахъ.

Обратимъ прежде всего вниманіе на то, какъ ведется преподаваніе въ классѣ французскаго средняго учебнаго заведенія. Обыкновенно бо́льшая часть урока употребляется здѣсь на просмотръ письменныхъ упражненій учениковъ и на диктовку обширнѣйшихъ résumés слѣдующаго урока. Такимъ образомъ, вся цѣль урока какъ будто сводится къ тому, чтобы поправлять ученическія работы, сдѣланныя внѣ класса, и чтобы подготовлять дальнѣйшія домашнія занятія учениковъ. Изъ этого видно, что весь центръ тяжести занятій французскаго лицеиста заключается въ домашнемъ его подготовленіи, урокъ же играетъ роль исключительно только провѣрки того, что сдѣлано ученикомъ на дому. Отъ такой системы классныхъ занятій урокъ, конечно, теряетъ для ученика бо́льшую часть своего педагогическаго значенія. Въ продолженіе урока, который—кстати замѣтить—продолжается во Франціи всегда 2 часа, при чемъ предметъ преподаванія не мѣняется,—ученику приходится только присутствовать при поправкѣ

Библиотека "Руниверс"

его домашней работы и получать похвалу или порицаніе за ея выполненіе. Но умственныя его способности приэтомъ ни сколько не упражняются, вниманіе его не сосредоточивается на томъ, что происходитъ въ классѣ, такъ какъ преподаватель бываетъ занятъ съ каждымъ изъ учениковъ только весьма короткое время, пока онъ поправляетъ его тетрадь. Съ своей стороны, и учитель, при такомъ порядкѣ, лишенъ возможности заниматься одновременно со всѣмъ классомъ, заставлять весь классъ принимать одинаковое участіе въ томъ, что происходитъ во время урока. Какъ объяснить этотъ странный характеръ школьнаго преподаванія во Франціи?

По нашему мнѣнію, онъ объясняется прежде всего застоемъ педагогической традиціи. Если бы въ ней существовали, какъ въ Германіи, многочисленные педагогическіе журналы и педагогическіе съѣзды, если бы вопросы, касающіеся умственнаго и нравственнаго воспитанія юношества, составляли во Франціи, также какъ въ Германіи, животрепещущій вопросъ, — такой антипедагогическій характеръ классныхъ занятій давно уступилъ бы мѣсто другимъ, болѣе цѣлесообразнымъ пріемамъ. Второю причиною этихъ школьныхъ порядковъ служитъ особенность устройства такъ-называемаго „concours général“ — кульминаціонной точки средняго образованія во Франціи, о чемъ мы скажемъ ниже, и втретьихъ, порядки эти объясняются существованіемъ интерната, который постоянно нуждается въ усиленныхъ письменныхъ занятіяхъ, чтобъ удержать въ повиновеніи и въ покоѣ разнородную и шаловливую толпу учащихся.

Различіе между нѣмецкими и французскими школьными пріемами особенно рельефно выступаетъ изъ сопоставленія числа часовъ, употребляемыхъ на классныя занятія сравнительно съ домашними. Въ Германіи ежедневно въ каждомъ классѣ бываетъ не менѣе 5 или 6 уроковъ и всего 2 или 3 часа приготовленій; во Франціи же никогда не бываетъ болѣе 4 часовъ въ день, значитъ, проходятся въ день всего два учебные предмета, такъ какъ уроки бываютъ двухчасовые; за то на приготовленіе этихъ уроковъ уходитъ у французскаго лицеиста не менѣе 7 или 8 часовъ. Это рѣзкое различіе въ числѣ часовъ главнымъ образомъ и объясняется существеннымъ различіемъ въ распредѣленіи школьныхъ занятій въ обѣихъ странахъ. Въ то время, какъ въ Германіи занятія учениковъ въ классѣ составляютъ главный фундаментъ гимназическаго образованія, и вслѣдствіе того внѣ класса нѣмецкому ученику остается только просматривать и повторять то, что имъ уже усвоено въ классѣ, во Франціи все вниманіе

Библиотека "Руниверс"

обращено на домашнія приготовленія къ уроку, на пространныя письменныя сочиненія учениковъ на заданную тему, въ классѣ же все время употребляется на чтеніе этихъ работъ и на ихъ поправку. Нельзя не сказать, что такой характеръ школьныхъ занятій во Франціи представляетъ рѣзкое противорѣчіе съ бойкостью и живостью французскаго національнаго характера, которому какъ будто не свойственна эта продолжительная усидчивость надъ умственною работою.

Какъ мы уже сказали, для непосредственнаго обмѣна мыслей между преподавателемъ и учениками, для совмѣстнаго, такъ-сказать, изученія разбираемаго вопроса съ цѣлымъ классомъ, при чемъ всѣ ученики поочередно отвѣчали бы на предлагаемые учителемъ вопросы, во французскомъ лицеѣ не остается почти вовсе времени; да это и не входитъ въ школьные нравы во Франціи. Гдѣ оно встрѣчается, то составляетъ исключеніе. Мы видѣли также, какъ производятся домашнія работы лицеистовъ, какъ мало они являются результатомъ самостоятельнаго умственнаго напряженія учениковъ, какъ мало по нимъ можно судить о дѣйствительныхъ познаніяхъ послѣднихъ. Бѣда не столько въ томъ, что ученикъ принужденъ съ немалымъ трудомъ отыскивать въ своихъ объемистыхъ словаряхъ среди массы однозначущихъ словъ и выраженій то, которое соотвѣтствуетъ данному мѣсту въ текстѣ, даже не въ томъ, что онъ съ развязностью употребляетъ трудныя синтаксическія конструкціи, не отдавая себѣ въ нихъ яснаго отчета, а въ томъ, что чрезъ частое употребленіе словарей ученикъ привыкаетъ видѣть постоянно отдѣльные обрывки латинскаго предложенія, часто не имѣющіе никакой связи между собою, что вмѣсто цѣльной, законченной мысли онъ постоянно имѣетъ дѣло съ отдѣльными словами, которыя приходится ему согласовать между собою. Подобная работа, очевидно, не можетъ умственно развивать его, а можетъ только служить доказательствомъ его кропотливости и усидчивости. Похвала же или порицаніе, которое ученикъ выслушиваетъ въ классѣ отъ учителя, иногда даже спустя нѣсколько дней послѣ написанія имъ перевода, застаетъ уже его совершенно равнодушнымъ къ своему труду. Весьма трудно бываетъ снова возбудить въ немъ интересъ къ каждому болѣе или менѣе удачно употребленному имъ выраженію. Къ тому времени, когда его переводъ разбирается и поправляется въ классѣ, онъ часто успѣваетъ уже забыть, чѣмъ онъ руководствовался, выбирая одно выраженіе преимущественно передъ другимъ. Иную совершенно картину видимъ мы въ классѣ, когда на первомъ планѣ живая рѣчь учителя, его непосредственная бесѣда съ цѣлымъ клас-

Библиотека "Руниверс"

сомъ, когда всѣ ученики наперерывъ стараются толково отвѣтить на предложенный учителемъ вопросъ, поправляютъ другъ друга, стараются другъ передъ другомъ отличиться. Вниманіе ихъ ни на минуту не ослабѣваетъ, и время совершенно незамѣтно проходитъ въ этой дружной, живой работѣ всего класса. Подобное зрѣлище намъ часто приходилось видѣть въ нѣмецкихъ гимназіяхъ, преимущественно, конечно, въ младшихъ классахъ. Эта нѣмецкая система имѣетъ еще то громадное преимущество, что при ней и слабые ученики поневолѣ должны принимать участіе въ томъ, что происходитъ въ классѣ, между тѣмъ какъ во Франціи учитель, вслѣдствіе существующей тамъ системы преподаванія, занимается исключительно только съ болѣе сильными учениками: имъ онъ объясняетъ, при поправкѣ ихъ тетрадей, сдѣланные ими промахи и ошибки, между тѣмъ, какъ слабымъ ученикамъ остается только замѣнить въ своихъ тетрадяхъ невѣрныя выраженія вѣрными, то-есть, самимъ поправить свои ошибки, при чемъ они часто оказываются не въ состояніи понять, въ чемъ заключались эти ошибки, и слѣдовательно, при повтореніи того же оборота рѣчи или грамматическаго правила, несомнѣнно повторятъ и прежнюю ошибку. Эта господствующая во французскихъ школьныхъ пріемахъ неравномѣрность занятій учениковъ, отсутствіе общаго уровня познаній въ классѣ имѣло и имѣетъ до сихъ поръ весьма серьезныя послѣдствія. Французская школа выпускаетъ изъ своихъ стѣнъ молодыхъ людей, далеко не равныхъ по познаніямъ, далеко не отвѣчающихъ одинаковымъ научнымъ требованіямъ. Это обстоятельство отзывается и въ общемъ образованіи націи. Во Франціи мы постоянно встрѣчаемся съ выдающимися личностями, съ замѣчательными писателями, публицистами, ораторами, учеными; но масса остается въ сравнительномъ невѣжествѣ, общій уровень просвѣщенія далеко не высокъ. Напротивъ того, въ Германіи мы встрѣчаемъ замѣчательно ровный общій уровень познаній въ классѣ, происходящій отъ того, что преподаватель занимается равно со всѣми учениками, что онъ имѣетъ въ виду познанія цѣлаго класса, а не отдѣльныхъ, болѣе способныхъ учениковъ. За то Германія и сильна своимъ просвѣщеніемъ массы, высокимъ уровнемъ народнаго образованія.

Тяжелый и неблагодарный трудъ тщательнаго просмотра ученическихъ тетрадей, въ чемъ состоитъ главная обязанность французскаго преподавателя, отзывается на собственномъ научномъ образованіи французскаго учащаго сословія. Этотъ трудъ беретъ у преподавателей все ихъ время и отвлекаетъ ихъ отъ всякихъ другихъ

Библиотека "Руниверс"

научныхъ занятій по предмету ихъ спеціальности. И дѣйствительно, ни въ одной странѣ, кромѣ Франціи, корпорація преподавателей не отличается такимъ безплодіемъ въ учебно-воспитательной литературѣ. Во Франціи нельзя почти встрѣтить самостоятельныя научныя изслѣдованія, принадлежащія перу преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній. И въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, Франція представляетъ крайній контрастъ съ сосѣднею Германіею.

Вообще весь характеръ школьнаго обученія во Франціи носитъ на себѣ отпечатокъ чего-то устарѣлаго, неподвижнаго, однимъ словомъ — представляетъ какое-то мертвое царство, до котораго какъ будто никогда не доходили новыя педагогическія вѣянія, оживившія школу и возродившія ее къ новой жизни. Этотъ ретроградный характеръ французской школы является какимъ-то анахронизмомъ среди бойкой, вѣчно кипящей жизни французскаго общества, отличающагося во всемъ, кромѣ школы, скорѣе крайнею подвижностью и даже легкомыслiемъ.

Еще съ одною своеобразною особенностью гимназическаго образованія встрѣчаемся мы во Франціи: это—переходные экзамены совершенно своеобразнаго характера. Хотя въ уставѣ французскихъ лицеевъ и существуетъ правило касательно переходныхъ экзаменовъ, но на самомъ дѣлѣ эти экзамены существуютъ какъ бы только на бумагѣ; въ дѣйствительности же они—мертвая буква, такъ какъ обычаемъ установлено, что ученикъ, каковы бы ни были его познанія, по окончаніи полнаго курса въ одномъ классѣ, непремѣнно переходитъ въ слѣдующій—старшій. Результатъ этого обычая—тотъ, что въ старшемъ классѣ (classe de philosophie) оказываются такіе ученики, которымъ мѣсто было бы никакъ не выше среднихъ классовъ. Во Франціи на второй годъ остаются въ одномъ классѣ не слабые ученики, а напротивъ того сильные, но еще слишкомъ юные для того, чтобы кончить весь курсъ лицея въ возрастѣ, установленномъ для concours général, то-есть, 18-ти лѣтъ. Для такихъ учениковъ пребываніе въ одномъ классѣ, преимущественно въ старшемъ, два года—даже обязательно. Такимъ образомъ, не способности и познанія учениковъ служатъ критеріемъ для перехода ихъ изъ класса въ классъ, а только возрастъ, при чемъ дѣлается разчетъ, чтобы при окончаніи полнаго курса, ученикъ имѣлъ законное число лѣтъ для соисканія наградъ на такъ-называемомъ concours général. Вслѣдствіе полнаго отсутствія общаго уровня познаній, въ классѣ французскаго лицея, а также и вслѣдствіе того, что экзамены утратили тутъ всякое зна-

Библиотека "Руниверс"

ченіе для регулированія познаній учениковъ, нигдѣ составъ любаго класса средняго учебнаго заведенія не представляетъ такой разнообразной смѣси, какъ во Франціи. Рядомъ съ способнымъ, знающимъ ученикомъ, могущимъ съ пользою слѣдить за каждымъ словомъ учителя, сидитъ лѣнтяй, совершенно не могущій понимать того, что проходится. Понятно, что результаты подобнаго порядка вещей не могутъ быть удовлетворительны: сравнительно малый процентъ воспитанниковъ выходитъ изъ лицея вполнѣ усвоивъ его курсъ; остальные же по умственному своему развитію стоятъ несравненно ниже этого меньшинства.

Послѣдствія этой разнородности въ познаніяхъ учениковъ, принадлежащихъ къ одному и тому же классу, отзываются весьма рельефно на выпускныхъ экзаменахъ, такъ-называемыхъ baccalauréats ès-lettres и ès-sciences. Такъ напримѣръ, въ 1865 году въ Парижѣ изъ 2500 человѣкъ, явившихся на выпускной экзаменъ изъ лицеевъ, не выдержало экзамена болѣе 1400. Такимъ образомъ ежегодно масса молодыхъ людей не выдерживаетъ выпускнаго экзамена, не смотря на то, что они окончили полный курсъ лицея. Подобные порядки, конечно, вызываютъ постоянные протесты со стороны общества, которое требуетъ пересмотра экзаменаціонныхъ правилъ, обвиняя ихъ въ чрезмѣрной строгости и отыскивая зло не тамъ, гдѣ слѣдовало бы, не въ устарѣлыхъ педагогическихъ пріемахъ, а въ программахъ преподаванія, вовсе не обременительныхъ. Уже неоднократно министерство народнаго просвѣщенія, подъ вліяніемъ недовольнаго школьными порядками общественнаго мнѣнія, приступало къ пересмотру этихъ экзаменаціонныхъ правилъ и измѣняло ихъ; но дѣло отъ этого не идетъ лучше, и самыя эти постоянныя колебанія министерства только служатъ доказательствомъ тому, что во Франціи еще не выработано живыхъ педагогическихъ идей въ замѣнъ устарѣвшей школьной традиціи.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію издавна существующаго во Франціи учрежденія, къ такъ-называемымъ concours-généraux, на которые, въ концѣ каждаго академическаго года, передъ началомъ осеннихъ каникулъ, являются ученики всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Франціи въ ближайшій департаментскій городъ. Подъ названіемъ concours-général разумѣются публичныя испытанія, производимыя ежегодно особо назначенною для этой цѣли коммиссіей, состоящею большею частью изъ мѣстныхъ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній. Въ число членовъ этой коммиссіи приглашаются

Библиотека "Руниверс"

также иногда и профессоры мѣстнаго факультета. Коммиссія эта въ городахъ, гдѣ живетъ попечитель округа (recteur de l'académie), какъ напримѣръ, въ Парижѣ, имѣетъ свои засѣданія подъ его предсѣдательствомъ. Ежегодно къ открытію concours-général составляются его программы—сводъ вопросовъ и письменныхъ темъ по каждому учебному предмету, которые имѣютъ быть предложены экзаменующимся. Требованія эти бываютъ вообще гораздо выше пройденнаго въ продолженіе года курса; вслѣдствіе того ученикъ, знающій только то, что пройдено въ классѣ, не въ состояніи бываетъ удовлетворить этимъ требованіямъ. Отсюда является необходимость для преподавателя выбрать въ классѣ нѣсколькихъ лучшихъ учениковъ, которые представляютъ болѣе шансовъ успѣха, и съ ними отдѣльно заниматься, чтобы подготовить ихъ къ concours. Каждое учебное заведеніе обязательно должно ежегодно представить нѣсколькихъ учениковъ къ этому concours.

Письменныя темы на этихъ испытаніяхъ бываютъ общія для цѣлаго учебнаго округа (académie) по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ программу concours-général. То заведеніе, ученики котораго удовлетворили всѣмъ требованіямъ concours, что, впрочемъ, случается весьма рѣдко, становится на хорошемъ счету въ министерствѣ, ученики получаютъ похвальные отзывы и награды, преподаватели получаютъ повышеніе по службѣ и даже денежныя награды, имена, какъ тѣхъ, такъ и другихъ, печатаются въ мѣстныхъ газетахъ; однимъ словомъ—торжество становится вполнѣ общественнымъ и не мало способствуетъ и безъ того существующей розни между отдѣльными городскими общинами, не мало поддерживаетъ зависть и непріязнь одного городскаго сословія къ другому: явленіе, которое, какъ извѣстно, волнуетъ и разъединяетъ интересы современной намъ Франціи. Темы на concours-général бываютъ большею частью письменныя. На первомъ планѣ стоятъ такъ-называемые discours français и discours latin. Эти рѣчи составляютъ высшій кульминаціонный пунктъ успѣха, къ которому стремится французскій лицеистъ; всѣ прочія занятія въ лицеѣ служатъ, только, такъ-сказать, продолжительнымъ подготовленіемъ къ нимъ. Ораторская форма этой письменной работы существуетъ со временъ основанія во Франціи лицеевъ и переходитъ къ современнымъ французамъ какъ будто по живой традиціи отъ классической эпохи Цицерона и Демосѳена, отъ реторическихъ школъ древней Греціи. Мы видѣли, что въ продолженіе курса лицеистъ имѣлъ мало возможности самостоятельно образовывать свой умъ, мало чи-

Библиотека "Руниверс"

талъ классическихъ авторовъ въ цѣлости, и не пріученъ вдумываться въ содержаніе прочитаннаго; а дѣлать выводы на основаніи отдѣльныхъ, разбросанныхъ, часто даже безсвязныхъ отрывковъ, которые ему приходилось разбирать въ классѣ, онъ, разумѣется, совершенно не въ состояніи. Онъ даже и на родномъ языкѣ съ трудомъ можетъ логически, послѣдовательно развить данную ему мысль, самостоятельно обработать ее. Между тѣмъ, на concours-général ему предстоитъ говорить витіеватыя рѣчи отъ лица разныхъ историческихъ дѣятелей въ родѣ Людовика XIV, Ришельё и др. Очевидно, что при такихъ условіяхъ лицеисты могутъ представлять на concours-général только сочиненія, наполненныя громкими фразами, ораторскими оборотами рѣчи, заимствованными изъ Цицерона и Демосѳена, но не собственныя логически развитыя мысли. Во всемъ этомъ всего менѣе, конечно, искренности.. Да и что̀ можетъ быть общаго между лицеистомъ, кончающимъ курсъ, и всѣми этими историческими личностями, устами которыхъ заставляютъ его говорить? Ученикъ такимъ образомъ пріучается постоянно говорить и писать вещи, ему несвойственныя, которыхъ онъ даже часто не понимаетъ и во всякомъ случаѣ не чувствуетъ, и все это не остается для него безъ послѣдствій. Во Франціи какъ-то̀ съ пренебреженіемъ относятся къ простымъ, обыденнымъ, общедоступнымъ темамъ для письменныхъ работъ и сочиненій, предпочитаютъ давать непонятныя для большинства темы, недоступныя ученикамъ по ихъ развитію. Отсюда происходитъ то печальное явленіе, что школа во Франціи, такъ-сказать, вовсе не развиваетъ ученика. Она учитъ его различнымъ языкамъ, древнимъ и новымъ, различнымъ предметамъ лицейскаго курса, но непосредственно развивающаго вліянія на учениковъ преподаватели никогда не имѣли и не имѣютъ до сихъ поръ,—того вліянія, которое обусловливается живою бесѣдою, чтеніемъ литературныхъ произведеній, критическою ихъ оцѣнкою въ классѣ, разборомъ собственныхъ взглядовъ и мыслей ученика и т. д. Несомнѣнно, что безличная форма ораторской рѣчи весьма много способствуетъ тому, что сочиняющій ее ученикъ и поправляющій ее учитель могутъ къ ней относиться одинаково объективно. Тутъ важнымъ представляется для нихъ не содержаніе рѣчи, не историческая личность, которую ученикъ заставляетъ говорить, а лишь ораторское умѣнье ученика развивать ту или другую философскую тему, расположеніе ораторскаго матеріала, дѣленіе рѣчи на части, ораторскіе пріемы, выработка и оттѣнки слога. Такимъ образомъ, кончающіе курсъ юноши приву-

Библиотека "Руниверс"

ваютъ смотрѣть на внутреннее содержаніе произведенія, какъ на вещь второстепенную, придаютъ гораздо больше значенія литературнымъ пріемамъ, внѣшнему выраженію мысли, передъ внутреннимъ ея содержаніемъ. И хотя темы, которыя предлагаются лицеисту для защиты въ ораторской формѣ, по большей части весьма нравственныя, весьма благородныя, но мораль эта слишкомъ, такъ-сказать, прописная, излагаетъ истины слишкомъ азбучныя, для того, чтобъ ученикъ могъ ими увлекаться, могъ принимать ихъ къ сердцу. Отсюда является какая-то двуличность, столь пагубная даже и въ литературной формѣ для юноши: онъ привыкаетъ къ театральности, къ извѣстнаго рода маскированію своихъ чувствъ и мыслей, однимъ словомъ—къ игрѣ словами и убѣжденіями. Несомнѣнно также, что подобныя упражненія уже на школьной скамьѣ пріучаютъ ученика защищать извѣстное положеніе, оттѣнять или выставлять на первый планъ, смотря по надобности, тѣ или другія подробности. Все это образуетъ будущихъ ораторовъ, публицистовъ, пожалуй—журналистовъ, но нисколько не дѣйствуетъ нравственно-развивающимъ образомъ на молодую, воспріимчивую душу. Но что всего хуже, — эти ораторскія упражненія учениковъ, съ развязностью заставляющихъ бесѣдовать между собою великихъ людей древнихъ и новыхъ временъ, пріучаютъ ихъ поверхностно относиться къ знанію, къ наукѣ. Юноши привыкаютъ говорить о такихъ вопросахъ, о такихъ событіяхъ, которыхъ не понимаютъ и по своему развитію даже не могутъ еще понять. Мы часто удивляемся той безцеремонности и развязности, столь близко граничащимъ съ полнымъ невѣжествомъ, съ которыми журналисты и публицисты французскіе берутся съ плеча, такъ-сказать, рѣшать міровые вопросы. Но не слѣдуетъ забывать, что это часто бываетъ только слѣдствіемъ тѣхъ верхушекъ знанія, которыхъ они нахватались въ школѣ и которыя впослѣдствіи они проводятъ въ жизнь.

Въ заключеніе нашего очерка о современномъ положеніи средняго классическаго образованія во Франціи, мы желали бы сказать, на сколько оно подвинулось впередъ за послѣднее время, на сколько дано мѣста тѣмъ необходимымъ реформамъ, которыя стояли на очереди. Дѣйствительно, въ послѣднее время, съ 1880 года, замѣчаются какія-то новыя вѣянія во французскомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія. О необходимости реформъ въ среднемъ образованіи успѣшно заговорила французская печать, и правительство взялось за нихъ. Но реформы эти пока находятся еще въ области предположеній, или

Библиотека "Руниверс"

едва начаты, а потому и разсматривать ихъ какъ совершившійся фактъ пока невозможно. Изученіе ихъ, и особенно оцѣнку этихъ преобразованій необходимо предоставить будущему, когда они будутъ болѣе приведены въ систему, и когда успѣютъ обнаружиться хотя нѣкоторые плоды ихъ.

IV.

Реальное образованіе.

Послѣднюю главу нашего очерка мы посвятимъ краткому отчету о современномъ положеніи реальнаго образованія во Франціи. Но здѣсь прежде всего слѣдуетъ оговориться. Во Франціи въ настоящее время нельзя наблюдать стройнаго, опредѣленнаго типа того образованія, которое принято называть „реальнымъ“. Есть и были въ разное время болѣе или менѣе удачныя попытки создать такое образованіе, которое для такой промышленной, торговой страны, какъ Франція, является насущною потребностью. Франція давно нуждается въ практическомъ образованіи, менѣе продолжительномъ, менѣе отвлеченномъ, нежели классическое, болѣе отвѣчающемъ требованіямъ широкой, разнообразной промышленности и міровой торговли, которыми она такъ справедливо гордится. Но всѣ попытки въ этой области, всѣ благія начинанія до сихъ поръ не могли осуществиться по разнымъ причинамъ, не могли быть доведены до конца, и потому въ настоящее время мы можемъ только разсматривать однѣ попытки, но не можемъ судить о чемъ-то цѣломъ, опредѣленномъ, получившемъ права гражданства, наравнѣ съ образованіемъ классическимъ. Однимъ словомъ, во Франціи нѣтъ до сихъ поръ реальнаго образованія; Французы до сихъ поръ тщетно отыскиваютъ подходящій для себя типъ его.

Въ первые годы нынѣшняго столѣтія начинаются попытки французскаго правительства распространить реальное образованіе. Въ департаментскихъ городахъ стали открываться такъ-называемыя écoles centrales, имѣющія цѣлью давать образованіе ремесленникамъ, мѣщанамъ, купцамъ и всякаго рода промышленнымъ людямъ. Но уже въ 1808 году онѣ были закрыты, и образованіе снова для всей Франціи становится одно—классическое. Тѣ же попытки возобновляются при Карлѣ X, наканунѣ революціи 1830 года. Въ то время эти училища носили названіе cours annexes, cours français. Но и они скоро прекратили свое существованіе, отчасти вслѣдствіе недостатка въ

Библиотека "Руниверс"

правительственной субсидіи, отчасти вслѣдствіе равнодушія къ нимъ французскаго общества, которое, какъ мы видѣли, всегда мало интересовалось вопросами педагогическими.

Только въ 1863 году, въ министерство Дюрюи, которое вообще такъ много сдѣлало для распространенія просвѣщенія во Франціи, командировано было нѣсколько спеціалистовъ за границу—въ Англію, Шотландію, въ Бельгію и Швейцарію, съ цѣлью изученія тамъ вопроса о реальномъ образованіи. Плодомъ этихъ предварительныхъ работъ, этого теоретическаго изученія вопроса, былъ рядъ декретовъ правительства и циркуляровъ министра, появившихся въ періодъ съ 1863 по 1866 годъ. Этими распоряженіями учреждено было во Франціи реальное образованіе, носящее тамъ весьма неудачный терминъ „enseignement spécial". Въ Парижѣ открыто было спеціальное заведеніе для подготовленія учителей въ эти вновь образуемыя реальныя училища, такъ-называемое école normale de Cluny. Составлены были программы, учреждены стипендіи для реалистовъ при лицеяхъ; однимъ словомъ, въ министерствѣ обнаружилось стремленіе какъ можно лучше на первыхъ же порахъ обставить реальное образованіе. Всѣ распоряженія министерства, касающіяся этой новой реформы въ среднеобразовательной школѣ, были собраны въ объемистомъ томѣ въ 4-ю долю листа, носящемъ названіе: Enseignement secondaire spécial. Décrets, arrêtés, programmes et documents relatifs à l'exécution de la loi du 21 juin 1865. Изъ этого офиціальнаго изданія видно, что, по мысли Дюрюи, реальное образованіе предназначалось для тѣхъ, кто не имѣетъ ни достаточно времени, ни достаточно средствъ, чтобы пройдти полный курсъ лицея. Большинство такихъ учениковъ и поступаютъ въ школу съ цѣлью выйдти изъ нея прежде окончанія полнаго курса. Поэтому-то и явилась необходимость въ такомъ образованіи, которое было бы менѣе продолжительнымъ, чѣмъ курсъ лицея, и вмѣстѣ съ тѣмъ, представляло бы нѣчто цѣлое, законченное, отвѣчающее современнымъ потребностямъ реальной жизни и мѣстнымъ условіямъ края. Отсюда видно, что министерство въ принципѣ не допускало общаго, единичнаго типа реальной школы для всей Франціи.

Но всѣ эти намѣренія остались безъ осуществленія—за недостаткомъ въ министерствѣ денежныхъ средствъ. По сдѣланному разчету оказалось, что если даже довольствоваться однимъ реальнымъ училищемъ на цѣлый департаментъ, что составило бы 89 училищъ на всю Францію, то потребна была бы сумма свыше 50 милліоновъ франковъ.

Библиотека "Руниверс"

Вмѣстѣ съ тѣмъ опасались сильнаго уменьшенія числа учениковъ въ лицеяхъ. Пока министромъ былъ Дюрюи, который лично стоялъ за реальное образованіе, учрежденныя имъ коммиссіи продолжали работать, и реальныя училища были открываемы; но съ удаленіемъ Дюрюи оставлены были всѣ благія начинанія въ этомъ дѣлѣ. Къ этимъ предположеніямъ стали относиться равнодушно, и съ каждымъ годомъ они утрачивали популярность, и только въ самое послѣднее время уже, благодаря энергіи и настойчивости нынѣшняго помощника попечителя Парижскаго учебнаго округа, г. Греара, городъ Парижъ на собственныя средства сталъ открывать реальныя училища, близко подходящія къ типу, задуманному Дюрюи.

Къ числу училищъ этого типа, замѣчательныхъ по внутренней своей организаціи и по цѣлесообразности своихъ программъ, принадлежатъ въ Парижѣ коллегіи: Chaptal, Turgot, Colbert, Lavoisier и высшая школа (école supérieur) въ Отейлѣ, въ окрестностяхъ Парижа. Слабую сторону этихъ коллегій составляетъ преподаваніе словесныхъ наукъ, стоящее на довольно низкомъ уровнѣ. За то математика и вообще прикладныя знанія тутъ процвѣтаютъ. Доказательствомъ того, какъ этотъ типъ реальной школы необходимъ для Франціи, служитъ то, что всѣ классы въ этихъ училищахъ донельзя переполнены, и всѣ почти съ параллельными отдѣленіями. Число учениковъ доходило въ 1882 году въ каждомъ почти отдѣленіи класса до 80 человѣкъ.

Но и эти училища не представляютъ одного строго опредѣленнаго типа. Такъ напримѣръ, въ коллегіи Chaptal латинскій языкъ занимаетъ довольно видное мѣсто въ учебномъ планѣ; между тѣмъ, школа Lavoisier имѣетъ отчасти характеръ ремесленнаго училища. Ученики старшихъ ея классовъ обязательно обучаются ремесламъ. Въ этихъ училищахъ замѣчается весьма сильное колебаніе числа учениковъ по разнымъ классамъ. Такъ, въ коллегіи Colbert оно колеблется слѣдующимъ образомъ: въ младшемъ классѣ было въ 1882 году 58 учениковъ, а въ старшемъ 38. Цифры же числа учениковъ въ промежуточныхъ классахъ были 98, 185, 130 и 75. Спеціальности, избираемыя учениками по выходѣ изъ такихъ училищъ, крайне разнообразны. Такъ, между бывшими воспитанниками коллегіи Turgot есть въ настоящее время архитекторы, инженеры, служащіе въ банкахъ, преподаватели высшей математики, воспитатели, агенты различныхъ обществъ, всевозможные ремесленники. Надо вообще отдать справедливость городскому совѣту города Парижа, что онъ не жалѣетъ средствъ для широкаго распространенія реальнаго

Библиотека "Руниверс"

образованія. Въ настоящее время въ Парижѣ существуетъ уже 5 такихъ реальныхъ училищъ. Но это все-таки меньше, чѣмъ въ Берлинѣ, гдѣ число Realschulen доходитъ до 9. Мѣсячная плата за ученика въ Парижѣ—18 франковъ, въ Берлинѣ годовая—около 95 франковъ.

Что касается правительственныхъ реальныхъ училищъ, то они въ дѣйствительности самостоятельно не существуютъ. Вмѣсто нихъ въ настоящее время при нѣкоторыхъ изъ лицеевъ открыты реальныя отдѣленія, въ которыхъ ученики проходятъ курсъ, нѣсколько сходный съ курсомъ реальныхъ училищъ, учрежденныхъ на счетъ города Парижа.

Всѣ симпатіи министерства по прежнему на сторонѣ классическаго образованія, и это вредитъ развитію реальнаго образованія. Реалистовъ при лицеяхъ держатъ въ черномъ тѣлѣ: товарищи ихъ классики смотрятъ на нихъ съ пренебреженіемъ. Вообще во Франціи до сихъ поръ на реальное образованіе смотрятъ свысока и далеко не съ тѣмъ интересомъ и участіемъ, съ которыми давно уже относятся къ нему въ Германіи и правительство, и педагогическая литература.

Графъ **А. Мусинъ-Пушкинъ.**

Библиотека "Руниверс"

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

Учебникъ русской грамматики для 3-хъ младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *П. Смирновскій*. Ч. I. Этимологія. С.-Пб. 1884. Цѣна 45 коп.

Къ составленію „Учебника русской грамматики" г. Смирновскаго побудили, по словамъ его, двѣ причины: 1) желаніе дать учебникъ, на который можно было бы опираться ведя изученіе грамматики рука объ руку съ обученіемъ правописанію по изданному нынѣ 2-мъ изданіемъ имъ же „Курсу систематическаго диктанта" и 2) желаніе составить курсъ грамматики, заключающій въ себѣ свѣдѣнія, вполнѣ достаточныя для тѣхъ, кто желалъ бы изучать грамматику церковнославянскую по учебнику г. Смирновскаго (который выдержалъ уже три изданія).

Для лицъ, пользующихся курсомъ диктантовъ г. Смирновскаго, предлагаемый учебникъ представляетъ, дѣйствительно, значительное удобство [2]), такъ какъ диктанты строго согласованы съ изложенными въ немъ правилами. Но и независимо отъ этой связи съ другими книгами г. Смирновскаго, разбираемый учебникъ можетъ быть пригоденъ для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, хотя въ немъ встрѣчаются недосмотры, которые желательно было бы видѣть исправленными въ послѣдующихъ изданіяхъ:

---

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

[2]) Связь «Учебника» съ грамматикой церковно-славянскаго языка г. Смирновскаго мало ощутительна.

Библиотека "Руниверс"

1) Г. Смирновскій, сознавая, вѣроятно, что опредѣленія представляютъ собою камень преткновенія для большинства составителей учебниковъ по грамматикѣ, иногда вовсе пропускаетъ ихъ. Такъ, напримѣръ (на страницахъ 29, 53), понятія о наклоненіи и предлогѣ оставлены вовсе безъ опредѣленія. Опредѣленіе понятія о мѣстоименіи неполно („мѣстоименіе есть часть рѣчи, замѣняющая имя существительное или имя прилагательное"); понятіе о прилагательномъ выясняется только на второй страницѣ главы о прилагательномъ, хотя раньше о немъ говорится, какъ о понятіи уже знакомомъ дѣтямъ. Можетъ быть, г. Смирновскій разчитываетъ на свѣдѣнія, пріобрѣтенныя учащимися въ приготовительномъ классѣ? Въ такомъ случаѣ весь учебникъ слѣдовало сократить соотвѣтственно и предупредить о сдѣланномъ авторомъ предположеніи хотя бы въ предисловіи. Но такъ какъ въ учебникъ введено почти все, что проходится по грамматикѣ въ классѣ приготовительномъ, слѣдовало выдержать его послѣдовательно, чтобъ онъ былъ вполнѣ ясенъ для начинающихъ.

2) Вообще трудно представить себѣ какія свѣдѣнія г. Смирновскій предполагаетъ уже извѣстными дѣтямъ, которыя будутъ пользоваться его учебникомъ. На стр. 6, 30, 31, 50, 54, напримѣръ, онъ говоритъ о предложеніяхъ, о дополненіи, о различіи дополненія прямаго и косвеннаго, даже объ управленіи падежами, какъ о предметахъ, уже извѣстныхъ. Съ другой стороны, отчего дѣтямъ не указано на отличіе предметовъ конкретныхъ отъ предметовъ умственныхъ, если авторъ счелъ нужнымъ говорить объ отличіи предметовъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ?

3) Желательно также, чтобы въ слѣдующихъ изданіяхъ авторъ пересмотрѣлъ редакцію нѣсколькихъ мѣстъ своего учебника; напримѣръ:

На стр. 20 г. Смирновскій, подобно нѣкоторымъ другимъ составителямъ грамматикъ, учитъ: что „прилагательное обозначаетъ качество предмета или указываетъ различнаго рода отношенія предмета".

На стр. 55: „Союзъ есть неизмѣняемая часть рѣчи соединяющая или одинаковыя части предложенія или цѣлыя предложенія". Опредѣленіе слишкомъ узкое.

На стр. 57 г. Смирновскій называетъ суффиксами всѣ звуки, прибавляемые къ концу корня". Принимать слово „суффиксъ" въ такомъ широкомъ смыслѣ, конечно, можно; этотъ смыслъ даже, быть мо-

Библиотека "Руниверс"

жетъ, болѣе соотвѣтствуетъ его значенію, но большинство нашихъ учебниковъ и учителей обозначаютъ словомъ „суффиксъ“ только производственные звуки, а не отличительныя и флективныя окончанія. Врядъ ли удобно обучать дѣтей необычной терминологіи.

Независимо отъ этого незначительнаго уклоненія отъ общепринятой терминологіи ученіе о словообразованіи изложено у г. Смирновскаго очень удачно: ему дано небольшое развитіе, соотвѣтствующее дѣйствительной потребности учащихся во второмъ и третьемъ классахъ гимназій, оно главнымъ образомъ приноровлено къ ученію о правописаніи и отнесено въ отдѣльную главу въ концѣ книги, не нестря собою страницы, посвященныя ознакомленію дѣтей съ элементарными грамматическими понятіями и съ флексіями.

Вообще, не смотря на указанные недосмотры, легко устранимые при слѣдующихъ изданіяхъ, учебникъ г. Смирновскаго составленъ удовлетворительно и во всякомъ случаѣ не хуже другихъ учебниковъ, обращающихся въ нашей школѣ.

Курсы систематическаго диктанта для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *П. Смирновскій*. Часть I (курсы первый (для 1-го класса) и второй (для 2-го класса). Изданіе 2-е. С.-Пб. 1884. Цѣна 60 коп.

Первая часть систематическихъ диктантовъ подраздѣляется на два курса—курсъ перваго класса и курсъ втораго класса. При составленіи ея г. Смирновскій руководствовался цѣлью дать сборникъ диктантовъ, идущій рука объ руку съ грамматикою, расположенный съ строгою постепенностью и заключающій въ себѣ, кромѣ статей для упражненія учащихся въ правилахъ вновь изучаемыхъ, еще статьи для общаго повторенія всего пройденнаго,—и держался этой задачи съ неизмѣнною послѣдовательностью.

Въ части, относящейся къ этимологіи, составитель прежде всего остановился на ученіи о звукахъ и буквахъ, но посвятилъ ему только семь повторительныхъ параграфовъ, такъ какъ оно относится къ курсу приготовительнаго класса. Въ собственный курсъ перваго класса входятъ упражненія въ правописаніи окончаній частей рѣчи, а въ курсъ втораго класса — упражненія въ правописаніи суффиксовъ и корней съ буквою *ъ*.

Въ части, посвященной синтаксису, а слѣдовательно, и знакамъ препинанія, тоже два курса: въ первомъ прилагаются нѣкоторыя элементарныя правила отдѣленія знаками предложеній и однородныхъ частей предложенія; правила употребленія знаковъ, которыя

Библиотека "Руниверс"

указываютъ на отношенія лица, говорящаго къ рѣчи и знаковъ, отдѣляющихъ обращеніе. Упражненія же въ отдѣленіи знаками придаточныхъ предложеній отъ главныхъ, словъ и предложеній вводныхъ и вносныхъ и упражненія въ употребленіи двоеточія отнесены ко второму курсу.

При диктантахъ на правила новыя, г. Смирновскій, однако, никогда не упускаетъ изъ виду необходимости упражнять дѣтей въ примѣненіи прежде усвоенныхъ ими правилъ.

Матеріалъ диктанта состоитъ частью изъ отдѣльныхъ фразъ, частью же (въ синтаксическихъ упражненіяхъ преимущественно) изъ связныхъ статеекъ. Г. Смирновскій вполнѣ сознаетъ, что есть основаніе диктанты, представляющіе нѣчто цѣлое по смыслу, предпочитать диктантамъ, составленнымъ изъ безсвязныхъ фразъ, если притомъ удастся подобрать связныя статейки, 1) соотвѣтствующія постепенному прохожденію курса грамматики, 2) чуждыя формъ, еще не знакомыхъ ученикамъ, и 3) представляющія данныя для повторенія пройденнаго. Но такой подборъ г. Смирновскій считаетъ „почти невозможнымъ“ (по крайней мѣрѣ для упражненія въ примѣненіи правилъ этимологіи), особенно въ виду третьяго изъ поставленныхъ имъ условій. Выбирая для диктанта отдѣльныя фразы, г. Смирновскій однако, не слѣдуя довольно распространенному за послѣднее время обычаю переполнять учебники русскаго языка пословицами, относится съ большою осмотрительностью къ выбору пословицъ для своихъ диктантовъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ правописаніе представляется спорнымъ, неопредѣленнымъ, составитель, признавъ то или другое написаніе слова наиболѣе правильнымъ, считаетъ долгомъ указать на чемъ опирается его мнѣніе, приводя и мнѣнія противоположныя. Онъ всякій разъ справляется съ словаремъ Академіи Наукъ, съ „Разысканіями“ академика Грота, съ „Исторической грамматикой“ академика Буслаева и др. (ср. стр. 15, 34, 35, 36, 39, 60, 62, 63, 64, 69, 71, 73, 81, 87, 100, 102, 103 и т. д.),

Большинство фразъ для диктанта составлено не дурно, хотя желательно, чтобы г. Смирновскій при новомъ изданіи пересмотрѣлъ ихъ и замѣнилъ другими, нѣкоторыя изъ нихъ (очень немногія), которыя или неясны, или неудачны по содержанію, напримѣръ: „Лучше вѣкъ терпѣть, чѣмъ вдругъ умереть“; „Стыдливый краснѣетъ, безстыжій блѣднѣетъ“; „Приходится вертѣться, когда некуда дѣться“; „Тяжело болѣть, тяжелѣе того надъ больнымъ сидѣть“.

Библиотека "Руниверс"

При каждомъ диктантѣ указано, въ какомъ параграфѣ „Учебника русской грамматики" г. Смирновскаго изложено правило правописанія, которымъ ученику слѣдуетъ руководствоваться.

Въ общемъ книга г. Смирновскаго производитъ впечатлѣніе труда обдуманнаго, неторопливаго и вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію.

Учебникъ русской грамматики. Курсъ этимологіи. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *А. Викторовъ*, преподаватель 3-го Московскаго кадетскаго корпуса. Москва. 1884. Цѣна 40 коп.

Учебникъ свой, судя по объему и характеру его, г. Викторовъ стремился приноровить къ требованіямъ среднихъ учебныхъ заведеній по систематическому курсу грамматики отечественнаго языка (то-есть, собственно говоря, къ курсу II и III классовъ гимназій), къ которому дѣти приступаютъ уже съ нѣкоторыми элементарными свѣдѣніями (пріобрѣтенными въ классахъ приготовительномъ и первомъ), и который затѣмъ, въ IV классѣ, представляется имъ въ болѣе научномъ освѣщеніи, при помощи грамматики языка старославянскаго. Притомъ, убѣдясь, вѣроятно, на практикѣ, что словообразованіе, нѣкоторые элементы флексій и другія подробности не могутъ быть усвоены учащимися съ достаточнымъ сознаніемъ, пока они не ознакомились съ языкомъ славянскимъ и вообще не достигли извѣстнаго развитія, авторъ часть книги своей напечаталъ болѣе мелкимъ шрифтомъ, отдѣливъ имъ все, что можетъ быть до времени опущено или пройдено съ меньшею полнотою.

Но этотъ характеръ учебника, къ сожалѣнію, выдержанъ не съ достаточною послѣдовательностью: авторъ то забѣгаетъ впередъ, напримѣръ, въ объясненіи русскихъ формъ славянскими (что впрочемъ, не важно, такъ какъ объясненія эти приведены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ), то забывая, что въ систематическомъ курсѣ неумѣстны тѣ, часто даже не логическія, правила и объясненія, которыя въ курсѣ элементарномъ вполнѣ оправдываются и даже рекомендуются во вниманіе къ ихъ практической примѣнимости. Такъ напримѣръ: на страницѣ 18 г. Викторовъ учитъ различать родъ существительныхъ по согласуемому съ нимъ мѣстоименію „этотъ, эта, это"; на стр. 22 онъ говоритъ: „Падежомъ называется форма существительнаго, отвѣчающая на извѣстный вопросъ". Такое, чисто внѣшнее, безсодержательное опредѣленіе требованіямъ систематическаго курса извѣстнаго объема удовлетворить не можетъ.

Библиотека "Руниверс"

Спряженія г. Викторовъ различаетъ (стр. 79) по звукамъ „е и и, предшествующимъ личному окончанію". Если авторъ счелъ умѣстнымъ отвести въ своемъ учебникѣ значительное количество страницъ словообразованію, объясненію структуры слова, къ чему же избѣгать болѣе научной, общепринятой и вполнѣ удобопонятной группировки спряженій по присутствію или отсутствію соединительной гласной между темой и личнымъ окончаніемъ? Отчего не объяснить значеніе е, предшествующаго личнымъ окончаніямъ въ 1-мъ спряженіи?

Учебниковъ, строго выдержанныхъ въ опредѣленномъ характерѣ, впрочемъ, такъ мало, учебники въ наше время пишутся такъ торопливо и неосмотрительно, что къ указаннымъ, сравнительно менѣе важнымъ, недосмотрамъ г. Викторова можно отнестись довольно снисходительно. Болѣе важное неудобство для школы представляютъ нѣкоторыя нововведенія, допущенныя въ учебникѣ г. Викторова, и особенно неясность въ редакціи даваемыхъ имъ опредѣленій.

Нововведенія въ грамматикѣ роднаго языка, тѣмъ болѣе въ логической, общей части ея, неудобны для учениковъ младшаго возраста потому, что ученики, не зная общепринятыхъ терминовъ, могутъ встрѣтить затрудненія при изученіи иностранныхъ языковъ, преподаваемыхъ въ разчетѣ на знакомство дѣтей съ общими грамматическими положеніями изъ курса роднаго языка. Такія нововведенія требуютъ, по крайней мѣрѣ, большой осмотрительности и яснаго изложенія, что̀ г. Викторовымъ не соблюдено. Наиболѣе своеобразно у него ученіе о мѣстоименіи (стр. 53 и слѣд.):

Мѣстоименіе, говоритъ онъ,—указываетъ на предметъ, его качество и количество. „Мѣстоименіе не ставится вмѣсто имени, а только указываетъ разъ названные или почему-либо неизвѣстные предметъ, качество, количество". Лицо говорящее не можетъ замѣнить своего имени: „Алексѣй не все равно что я"... „Если бы мѣстоименіе могло замѣнять существительныя, прилагательныя, числительныя, то оно должно было бы имѣть соотвѣтствующее значеніе"....

На неудовлетворительныя стороны общепринятаго опредѣленія мѣстоименія указывали не разъ: въ новѣйшихъ грамматикахъ оно является словомъ, употребляемымъ не только вмѣсто существительнаго, но и вмѣсто другихъ именъ — прилагательнаго, числительнаго, даже вмѣсто нарѣчія (какъ, каково); въ литературѣ обращено было вниманіе и на то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣстоименіе совсѣмъ не

Библиотека "Руниверс"

имѣетъ характера части рѣчи, замѣщающей другую (самый даже этотъ). Г. Викторовъ коснулся этого вопроса очень поверхностно: расширя опредѣленіе мѣстоименія, онъ однако на значеніе его, „напоминающее“ нарѣчіе, не указалъ вовсе; онъ не уяснилъ и самобытнаго значенія мѣстоименія, а напалъ на неудачный терминъ „замѣняетъ“, не замѣчая, что въ грамматикахъ встрѣчается и другой терминъ, болѣе удачный — „ставится вмѣсто“, „замѣщаетъ“, не допускающій смѣшенія понятій, выраженныхъ въ имени и въ словѣ „я“. Въ общежитіи слова „замѣняетъ“ и „ставится вмѣсто“, правда, употребляются довольно безразлично, но, строго говоря, это выраженія не однозначущія. Вмѣсто поднятой полемики съ общепринятымъ опредѣленіемъ мѣстоименія достаточно было бы большей осмотрительности въ выборѣ выраженій. Къ сожалѣнію, г. Викторовъ, самъ не различая терминовъ „поставить вмѣсто“ и „замѣнить“, борется съ врагомъ совершенно фиктивнымъ и въ то же время, избѣгая общепринятыхъ выраженій, не можетъ установить собственной терминологіи. Въ учебникѣ его мѣстоименіе то „указываетъ“ на „предметъ, качество, количество“, то „напоминаетъ“ ихъ.

Не менѣе своеобразно и мало послѣдовательно подраздѣленіе мѣстоименій „по частному ихъ употребленію“ (замѣтимъ мимоходомъ — основаніе дѣленія дано не ясно) на мѣстоименія личныя, вопросительныя и отвѣтныя. Послѣднія подраздѣляются далѣе на возвратныя, указательныя, притяжательныя, опредѣлительныя, неопредѣленныя и относительныя. Опредѣлительныя, въ свою очередь, подраздѣлены на опредѣлительныя-утвердительныя и опредѣлительныя-отрицательныя.

Странно также и совсѣмъ не научно видѣть въ отсутствіи мѣстоименія 3-го лица въ русскомъ языкѣ явленіе, вызываемое условіями дѣйствительности: „Краткая форма мѣстоименія указательнаго употребляется въ значеніи мѣстоименія 3-го лица; ибо для разговора необходимо только два лица, „первое и второе“, третье же составляетъ предметъ ихъ рѣчи, на которой они указываютъ“ (стр. 56).

Г. Викторовъ забылъ о мѣстоименіяхъ 3-го лица въ другихъ языкахъ, хотя бы въ языкѣ славянскомъ; забылъ, что оно осталось и у насъ въ прилагательныхъ окончаніяхъ. Другое дѣло сказать, что за неимѣніемъ мѣстоименій личныхъ всего естественнѣе обойдтись мѣстоименіемъ указательнымъ, чему находимъ подтвержденіе и въ корнѣ личныхъ окончаній 2-го и 3-го лица.

На той же страницѣ 56, авторъ учебника, перечисливъ мѣсто-

Библиотека "Руниверс"

именія притяжательныя: для 1-го лица: мой, нашъ, для 2-го: твой вашъ, для 3-го: его, ея, ихъ, прибавляетъ: „то-есть, для каждаго лица есть свое притяжательное мѣстоименіе". Между тѣмъ, нѣсколько строкъ ниже находимъ примѣчаніе: „Для мѣстоименія 3-го лица нѣтъ своей формы притяжательнаго мѣстоименія, а употребляется родительный падежъ мѣстоименія личнаго".

Надо, впрочемъ, отдать справедливость г. Викторову въ томъ, что другія отступленія его отъ общепринятаго изложенія сдѣланы осмотрительнѣе. Несообразность понятія о „положительной степени качества" уже не разъ обращала на себя вниманіе. Г. Викторовъ (стр. 37), указавъ, что степеней сравненія, „опредѣляющихъ" (означающихъ, а не опредѣляющихъ?) количество качества (отчего не мѣру качества, какъ говорятъ обыкновенно, избѣгая какофоніи?), двѣ: сравнительная и превосходная, прибавляетъ: „Къ степенямъ сравненія причисляютъ еще положительную степень, то-есть, такую форму прилагательнаго, при которой оно не показываетъ количества качества, а только его названіе". Такое изложеніе (которое, впрочемъ, встрѣчается и въ другихъ грамматикахъ) не помѣшаетъ ученикамъ понимать ученіе о степеняхъ сравненія, предлагаемое въ большинствѣ грамматикъ, и не запутаетъ его въ терминахъ, какъ вышеизложенное ученіе о мѣстоименіи.

Группировка признаковъ, по которымъ спряженія различаются въ формахъ неопредѣленнаго наклоненія и 1-го лица настоящаго времени (стр. 79), полезна и изложена удачно.

Къ недостаткамъ труда г. Викторова слѣдуетъ отнести и торопливую редакцію нѣкоторыхъ параграфовъ. Приведу нѣсколько примѣровъ:

Стр. 1. „Слово есть звукъ" (чаще сочетаніе членораздѣльныхъ звуковъ), „которымъ человѣкъ выражаетъ свои мысли" (несовмѣстимо съ даннымъ объемомъ понятія о словѣ). „Отличается онъ отъ прочихъ звуковъ способностью дѣлиться на части" (безсмысленный рядъ членораздѣльныхъ звуковъ — не слово. Союзы и, а, названія гласныхъ буквъ, вообще слова одноэвучныя тоже слова).

Стр. 3. „Сложныя гласныя я, ю, е называются іотированными". Или слѣдуетъ пояснить этотъ терминъ (хотя бы въ выноскѣ), или не упоминать о немъ: ученикъ познакомится съ нимъ въ IV классѣ.

Стр. 8. „Корнемъ называется неизмѣняемая часть слова, которая сообщаетъ слову его общій смыслъ" (непонятно; по

Библиотека "Руниверс"

этому опредѣленію тема легко можетъ быть принята за корень). „Такъ корень бѣл во всѣхъ словахъ, отъ него происшедшихъ указываетъ на присутствіе въ предметѣ, дѣйствіи, качествѣ" (въ понятіи о предметѣ и т. д.) „бѣлизны" (представленія о бѣлизнѣ можетъ быть).

Стр. 9. „Точное значеніе сообщается слову окончаніемъ". Не ясно. Кромѣ того, тутъ подъ словомъ „окончаніе" авторъ разумѣетъ всѣ звуки, стоящіе послѣ корня, а далѣе то же слово употребляетъ въ тѣсномъ смыслѣ, обозначая имъ окончанія отличительныя и относительныя безъ суффиксовъ.

Стр. 10. „Въ именительномъ падежѣ окончанія отличительныя и относительныя совпадаютъ". Это убиваетъ понятіе о безотносительной, самостоятельной формѣ слова и особенно неудачно при мало выясненномъ понятіи о падежѣ въ учебникѣ г. Викторова.

Стр. 13. Говоря о переносѣ части словъ изъ строки въ строку, нельзя не указать на то, что отдѣленіе приставокъ имѣетъ значеніе преимущественное передъ другими соображеніями, руководящими въ данномъ случаѣ. Въ словѣ „от-рицать" приставка отдѣляется при переносѣ, не по исключенію, а по правилу.

Стр. 14. „Разряды словъ съ извѣстнымъ значеніемъ или назначеніемъ называются частями рѣчи". Опредѣленіе совершенно безсодержательное.

Стр. 32. „Имя прилагательное есть слово, означающее качество и отношеніе предмета къ другому предмету". Такое опредѣленіе, встрѣчающееся впрочемъ и въ другихъ грамматикахъ, не расширяетъ обычнаго опредѣленія прилагательныхъ (такъ какъ относительныя качества подводятся подъ общее понятіе о качествѣ), а ученика путаетъ.

Стр. 70. „Видами называются разряды глаголовъ, указывающіе (?) моменты развитія дѣйствія". О кратности дѣйствія не упомянуто, хотя далѣе говорится о видахъ однократномъ и многократномъ.

Стр. 95. „Дѣепричастіемъ называется нарѣчіе, произведенное отъ глагола по вопросамъ какъ? когда?"

Стр. 100. „Предлогъ служитъ для указанія отношенія между предметами или для указанія направленія, начала, конца дѣйствія": Слѣдуетъ прибавить и мѣры дѣйствія: побѣгать, убѣгаться.

Отъ учебниковъ необходимо требовать самой тщательной редакціи правилъ, особеннаго вниманія къ точности изложенія.

Библиотека "Руниверс"

Уроки и задачи изъ русской грамматики. Практическое руководство для 1-го класса средне-учебныхъ заведеній и двухклассныхъ училищъ. 506 устныхъ и письменныхъ грамматическихъ упражненій съ приложеніемъ I, правилъ правописанія, II, сборника примѣровъ и статей для систематическаго диктанта (100 №№) составилъ *В. Александровъ*. Москва. 1884. Цѣна 45 коп.

Сборникъ примѣровъ и статей для систематическаго диктанта. Пособіе для низшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній и городскихъ и сельскихъ училищъ 100 №№. Приложеніе къ книгѣ: Уроки и задачи изъ русской грамматики составилъ *В. Александровъ*. Москва. 1884. Ц. 15 коп.

Много труда и времени долженъ былъ употребить г. Александровъ на свои „Уроки и задачи"; но по нашему мнѣнію, онъ неправильно отнесся къ элементарному изученію отечественнаго языка, и потому его учебникъ вышелъ крайне не практиченъ. Онъ какъ будто имѣлъ въ виду языкъ иностранный, для усвоенія котораго нужны сотни практическихъ упражненій устныхъ и письменныхъ, на разныя мелочныя правила. Онъ не сообразилъ, какой матеріалъ нужно выбрать изъ грамматики для элементарнаго изученія роднаго языка, не обратилъ даже вниманія на требованія программъ сельскихъ училищъ, и наполнилъ свои уроки множествомъ мелочныхъ правилъ и упражненій, совсѣмъ ненужныхъ для дѣтей, практически уже владѣющихъ своимъ роднымъ языкомъ. Такъ напримѣръ, онъ пишетъ цѣлыя фразы безъ окончаній существительныхъ, прилагательныхъ, глаголовъ, и требуется чтобъ ученики отгадывали окончанія (стр. 37, 47, 55, 63), или изъ безсмысленнаго набора словъ заставляетъ ихъ угадывать нужную ему фразу, какъ напримѣръ: „Дома русскихъ село и деревня покрыты по большей части соломенною крыша" (стр. 37). Но загадки и отгадки не могутъ служить педагогическимъ цѣлямъ. А такіе пріемы у г. Александрова въ большомъ ходу. Ученикъ какъ будто и работаетъ, но работа его совершенно непроизводительна, потому, что нисколько не подвигаетъ его впередъ. Изъ такого стремленія только занимать ученика, а не учить его, не приводить въ ясное его сознаніе то, чѣмъ онъ уже давно правильно пользуется,—явилось у автора уроковъ 506 грамматическихъ упражненій; къ нимъ еще нужно присоединить 100 нумеровъ систематическаго диктанта, и того 606. При этомъ нужно замѣтить, что для продѣлки всего этого числа упражненій онъ даетъ только одинъ годъ. Если положить—самое большое—180 учебныхъ дней въ году, и если всѣ уроки, назначенные для рус-

Библиотека "Руниверс"

ского языка, отдать на упражненія г. Александрова, не занимая учениковъ ни чѣмъ другимъ, то и тогда не достанетъ времени одолѣть всѣ уроки автора. При множествѣ разныхъ таблицъ и цифръ, которыми онъ обозначаетъ свои правила, его „Уроки и задачи" требуютъ сильнаго напряженія одной памяти, что̀ нельзя назвать хорошимъ педагогическимъ пріемомъ. Самый первый урокъ г. Александрова обращаетъ на себя вниманіе несообразностью. § 1 носитъ общее названіе: „слова и ихъ значеніе". Послѣ нѣсколькихъ фразъ выставляются такіе вопросы: сколько предложеній и сколько словъ въ каждомъ предложеніи? Что означаютъ слова въ предложеніи? Какіе члены предложенія вамъ извѣстны? Что означаютъ слова, взятыя отдѣльно? Какія части рѣчи вамъ извѣстны? Эти вопросы предлагаются ученикамъ, которые еще ничего никогда не слыхали ни о предложеніяхъ, ни о частяхъ рѣчи, потому что предложеніе и его составъ объясняется только въ § 14, 15, 16, а части рѣчи—въ слѣдующихъ параграфахъ. Трудно себѣ объяснить, какихъ отвѣтовъ можетъ ожидать самъ авторъ на эти преждевременные вопросы.

Что касается „Сборника примѣровъ и статей", то трудно понять, для чего онъ изданъ въ отдѣльной книжкѣ, такъ какъ онъ не что иное, какъ перепечатка в т о р а г о приложенія къ „Урокамъ и задачамъ", вошедшаго въ составъ этой послѣдней книжки и безъ нея не имѣющаго никакого практическаго значенія, по причинѣ безпрестанныхъ ссылокъ на параграфы и нумера упражненій, помѣщенныхъ въ „Урокахъ и задачахъ".

Орѳографическій словарь, съ присоединеніемъ повторительнаго курса русской орѳографіи. Составилъ преподаватель русскаго языка, словесности педагогики (въ Вятской Маріинской женской гимназіи). *А. Спицынъ.* Вятка. 1884. Цѣна 25 коп.

Книга эта, имѣющая своимъ предметомъ правописаніе, поражаетъ читателя тѣмъ, что въ самомъ началѣ своемъ, то-есть, въ заглавіи, напечатанномъ на обложкѣ, отступаетъ отъ правильнаго письма, а именно, въ словахъ: „орѳографическій", „орѳографія" ставитъ ф вмѣсто ѳ. На сколько мнѣ извѣстно, ни одинъ авторитетъ—ни личный, ни корпоративный—не осуждалъ послѣдней буквы на окончательный остракизмъ. Да и въ учебникахъ по русской грамматикѣ, болѣе или менѣе извѣстныхъ и употребляемыхъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, ѳита пока здравствуетъ, хотя и занимаетъ послѣднее мѣсто въ алфавитѣ. Кто же лишилъ ее этого скромнаго мѣста? Можно до-

Библиотека "Руниверс"

гадываться, что г. Спицынъ слѣдовалъ мнѣнію, высказанному Я. К. Гротомъ въ его „Филологическихъ разысканіяхъ". Но многоуважаемый авторъ вовсе не произнесъ безповоротнаго приговора объ упраздненіи ѳиты. Онъ пришелъ къ заключенію условному, съ оговоркой: „Если же и всѣхъ приведенныхъ доводовъ недостаточно для изгнанія ѳиты изъ употребленія (говорится на стр. 141-й тома II-го), то пусть по крайней мѣрѣ замѣна ея эфомъ не считается преступленіемъ". Подождемъ новаго (3-го) изданія „Разысканій", которое, по слухамъ, скоро должно выйдти въ свѣтъ: можетъ быть, авторъ положительно выразитъ правило. И Яковъ Гриммъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ филологовъ, дозволялъ себѣ нѣкоторыя орѳографическія нововведенія, напримѣръ, малыя буквы послѣ точки и въ началѣ каждаго стиха, если того не требовалось по смыслу; но онъ смотрѣлъ на это, какъ на свое собственное дѣло, не думая никому его навязывать, тѣмъ менѣе школамъ. Замѣтимъ, что г. Спицынъ въ предисловіи ни единымъ словомъ не упомянулъ о своемъ орѳографическомъ новшествѣ. Только уже много спустя, на стр. 70, мы узнаемъ, что „ѳ можетъ быть замѣняема буквою ф". Конечно, можетъ: кто будетъ спорить противъ этого? Есть возможность и другія буквы, напримѣръ ѣ, и, замѣнять буквами е, і. Но резонна ли такая замѣна, которая, кромѣ того, противорѣчитъ школѣ, гдѣ учатъ ставить ѳ постоянно въ словахъ, заимствованныхъ изъ языка греческаго, и которыя Французами и Нѣмцами пишутся черезъ th?

Этотъ примѣръ Французовъ и Нѣмцевъ для насъ поучителенъ: они пишутъ двѣ буквы и не тяготятся, а мы тяготимся одною. Вѣдь и они не всѣ знаютъ греческій языкъ, однакожь справляются съ употребленіемъ th: не мѣшаетъ и намъ позаботиться объ умѣньѣ употреблять, гдѣ слѣдуетъ ѳ. При трудности какого-нибудь дѣла, благоразуміе требуетъ изыскивать способы къ ея облегченію; напротивъ, неразуміе хочетъ уничтожить самое дѣло. Впрочемъ, наши преобразователи орѳографіи руководствуются часто не научными цѣлями, а иными соображеніями: они желали бы, напримѣръ, исключить ъ и ь ради экономій, уменьшенія типографскихъ издержекъ. Было даже исчислено, на сколько при такой реформѣ окажется сбереженій при каждомъ печатномъ листѣ. Удивительная забота о томъ, о чемъ мы до сихъ поръ ни мало не думали, да и теперь не думаемъ въ предметахъ гораздо важнѣйшихъ, дѣйствительно требующихъ бережливости. Она напоминаетъ тѣхъ господъ въ Крыловой баснѣ

Библиотека "Руниверс"

„Мельникъ", которые сорили тысячами на пустяки, а потомъ думали поправить хозяйство, сберегая огарки сальныхъ свѣчъ.

Есть и другія орѳографическія послабленія въ книгѣ г. Спицына. На стр. 15 онъ разрѣшаетъ употребленіе ого (въ род. над.) „въ именахъ прилагательныхъ, кончающихся на ой: дорогого, кривого ночного, и въ собственныхъ именахъ того же окончанія: Толстого, Подевого, Слободского". Лучшія, наиболѣе употребительныя въ школахъ грамматики такого разрѣшенія пока не даютъ, за исключеніемъ мѣстоименій какой, такой. Вообще авторъ „Словаря" относится съ пренебреженіемъ къ устарѣлому академическому правописанію, какъ видно изъ подстрочнаго примѣчанія на стр. VIII предисловія. Къ сожалѣнію, онъ не объясняетъ ни того, какое именно правописаніе онъ разумѣетъ подъ названіемъ „академическаго", ни того, въ чемъ же состоитъ правописаніе новое, не-академическое.

Въ предисловіи различаются три типа орѳографическихъ словарей, соотвѣтственно ихъ назначенію: а) для начинающихъ знакомиться теоретически и практически съ грамматикой (напримѣръ, для учащихся въ низшихъ классахъ гимназій и въ городскихъ училищахъ); б) для имѣющихъ извѣстный навыкъ въ письмѣ и изучившихъ курсъ грамматики; в) для самоучекъ, то-есть, людей только грамотныхъ. Трудъ г. Спицына относится имъ самимъ ко второму разряду: это—справочный словарь для получившихъ общее школьное образованіе. Если такъ, то онъ слишкомъ подробенъ, заключая въ себѣ много лишняго. Кто „изучилъ курсъ грамматики", тотъ, зная правописаніе словъ дѣти, робѣть, свѣтъ и т. п., знаетъ, конечно, какъ слѣдуетъ писать бездѣтный, оробѣлый, освѣщать, тѣмъ болѣе, что предлоги ему извѣстны. Зачѣмъ же послѣднія слова вносить въ алфавитный списокъ? Иностранныя слова въ этомъ спискѣ означаются сокращеніемъ: ин. сл., но почему оно стоитъ только при нѣкоторыхъ, а не при всѣхъ, какъ бы слѣдовало, авторъ не объясняетъ. Есть слова съ неправильною формой, напримѣръ, куралесить (вм. куролесить), сверлы (ин. число отъ сверло, вм. сверла).

Повторительный курсъ русской орѳографіи, предпосланный словарю, вызываетъ нѣкоторыя замѣчанія. Въ § 4-мъ, на стр. 3 (приставка не) сказано: „умѣнье правильно употреблять въ письмѣ частицу не дается только навыкомъ". Какъ это можетъ быть? Навыкомъ укрѣпляются и въ неправильностяхъ точно также, какъ и въ правильностяхъ. Необходимо руководство, правила. Но правила, даваемыя авторомъ, не отличаются ни опредѣленностью, ни вѣрностью.

Библиотека "Руниверс"

Вотъ общее положеніе: „отдѣльно слѣдуетъ писать не тамъ, гдѣ эта частица произносится совершенно раздѣльно отъ слова, предъ которымъ она стоитъ“ (стр. 3, § 4). Отсюда слѣдуетъ, что не отдѣльно, а слитно, та же частица пишется въ противномъ случаѣ. Но примѣры, на стр. 4, не ясно подкрѣпляютъ данное положеніе: „у него непріятная усмѣшка; у него не пріятная усмѣшка (а злая)“— произносятся одинаково, то-есть, удареніе падаетъ въ томъ и другомъ примѣрѣ на прилагательное непріятная. Кромѣ того, возможно ли частицу не произносить совершенно раздѣльно отъ слова, предъ которымъ она стоитъ? Въ произношеніи они, то-есть, частица не и слѣдующее за ней слово, всегда произносятся вмѣстѣ: было бы смѣшно, выговоривъ не, остановиться. Въ томъ же параграфѣ, къ словамъ, вовсе не употребляющимся безъ не, ошибочно отнесено прилагательное неудачный; очень часто говорятъ: удачный рискъ, ходъ, удачная афера, удачное предпріятіе.

Несправедливо также, будто частица ни пишется слитно въ словахъ: никто, ничто, никакой, нѣкоторый, ничей и во всѣхъ косвенныхъ падежахъ этихъ словъ (стр. 5, § 6). Въ предложномъ падежѣ она отдѣляется; нельзя сказать: о никомъ, о ничемъ,— говорится: ни о комъ, ни о чемъ.

На стр. 15, § 14, пропущены окончанія именительнаго падежа множественнаго числа прилагательныхъ притяжательныхъ, напримѣръ, лисій, медвѣжій, рыбій (вм—лисьи, медвѣжьи, рыбьи).

На стр. 18, въ пунктѣ 6-мъ, при указаніи, когда въ окончаніяхъ глагола, послѣ шипящихъ, буква е не замѣняется буквою о, авторъ напрасно прибавляетъ слѣдующую замѣтку: „иногда употребляютъ впрочемъ формы: лжешь, лжетъ, слжютъ“. Мало ли что употребляется тѣми или другими писателями? Учащимся нѣтъ никакого до нихъ дѣла.

Наконецъ, въ правилахъ о знакахъ препинанія авторъ напрасно не принялъ во вниманіе строя періодической рѣчи, которымъ опредѣляется надлежащее употребленіе точки съ запятою и двоеточія, какъ между членами періода, такъ и между его половинами. Вмѣсто того мы видимъ на стр. 100 слѣдующія правила: „точка съ запятою ставится, когда запятой недостаточно, а точки много; двоеточіе—а) когда послѣдующее предложеніе поясняетъ смыслъ предыдущаго, б) передъ вносными предложеніями, в) при перечисленіи“. Второе изъ этихъ правилъ неполно, а первое ничего не опредѣляетъ, и слѣдовательно, ничему не научаетъ.

Библиотека "Руниверс"

Теорія поэзіи (для среднихъ учебныхъ заведеній), съ прибавленіемъ терминологическаго словаря словесности. *М. Колосова*. Варшава. 1884. Въ 8 д., стр. 90.

Книга эта—трудъ покойнаго профессора Варшавскаго университета М. А. Колосова, извѣстнаго и многими другими сочиненіями: „Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверо-великорусскаго нарѣчія", „Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка", „Старославянская грамматика" (имѣвшая много изданій); имъ же положено основаніе Филологическому Вѣстнику, издающемуся въ Варшавѣ.

Первое изданіе „Теоріи поэзіи" явилось въ видѣ приложенія къ Циркуляру по управленію Одесскаго учебнаго округа (1870, № 1); второе вышло въ Одессѣ въ 1878 г.; третье безъ перемѣнъ противъ втораго напечатано въ Варшавѣ сего 1884 г. Авторъ занимался составленіемъ своего руководства за нѣсколько лѣтъ до изданія учебныхъ плановъ, изданныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Такъ какъ ему была незнакома опредѣленная этими планами постановка курса словесности въ гимназіяхъ, то разумѣется, нельзя было и ожидать соотвѣтствія его книги сказанной постановкѣ. Эта книга имѣетъ своимъ предметомъ только одну часть теоріи словесности—такъ-называющуюся піитику, или, по новому термину, теорію поэзіи. Систематическая обработка теоріи прозы не входила въ планъ составителя: онъ ограничился опредѣленіями главныхъ родовъ и видовъ прозаическихъ сочиненій. Опредѣленія эти, вмѣстѣ съ свѣдѣніями стилистическими, даны въ алфавитномъ „Терминологическомъ словарѣ", составляющемъ дополненіе къ теоріи поэзіи. Впрочемъ въ концѣ книги, на стр. 88, 89 и 90, помѣщено систематическое распредѣленіе матеріала, заключающагося въ добавленіи. Такой составъ учебника не отвѣчаетъ цѣли, которую обязаны преслѣдовать преподаватели словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Здѣсь главное мѣсто предоставлено не теоріи поэзіи, а теоріи прозы, такъ что письменныя упражненія учащихся относятся къ кругу сочиненій прозаическихъ—описаній, повѣствованій и разсужденій. Брать на себя образованіе стихотворцевъ и поэтовъ школа не можетъ, да и не должна, если бы была въ силахъ. Ея дѣло—научить своихъ воспитанниковъ правильному, точному и послѣдовательному изложенію мыслей въ указанныхъ родахъ прозы.

Не смотря на сказанное, „Теорія поэзіи" Колосова заслуживаетъ

Библиотека "Руниверс"

одобренія по своимъ достоинствамъ: дѣльности и серьезности содержанія, простотѣ, ясности и точности изложенія, надлежащей мѣрѣ. Она дѣлится на двѣ части, изъ коихъ первая („Поэтъ и поэзія"), послѣ предварительныхъ свѣдѣній о различіи между стихами и прозой и о версификаціи, разсматриваетъ предметъ, сущность и форму поэтическаго произведенія, равно и отличительныя свойства поэта, а вторая—„Роды и виды поэзіи". Теоретическія положенія постоянно разъясняются примѣрами. Что касается до терминологическаго словаря, то хотя онъ излагаетъ теорію прозы не въ системѣ, а въ алфавитномъ порядкѣ предметовъ, входящихъ въ эту часть теоріи словесности, содержаніе излагаемаго также удовлетворительно.

Единство въ ученіи о временахъ глаголовъ, сост. *И. Боголюбовъ*. Отдѣльный оттискъ изъ *Филологич. Записокъ*.

Авторъ этой брошюры главнымъ образомъ, какъ кажется, имѣетъ въ виду упростить изученіе языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ своихъ выводахъ и доказательствахъ основывается на тѣхъ учебникахъ, которые преимущественно употребляются въ нашихъ гимназіяхъ. Попытка г. Боголюбова установить единство въ ученіи о временахъ глаголовъ, разумѣется, могла бы даже очень заинтересовать добрую половину преподавателей гимназій, но къ сожалѣнію, уже по первымъ страницамъ его брошюры можно съ нѣкоторымъ правомъ заключить, что избранный предметъ трактуется здѣсь далеко не съ надлежащею осторожностью: иныя выраженія, имѣющія даже значеніе основныхъ положеній, прямо показываютъ, что авторъ какъ будто мало знакомъ съ общими пріемами и элементарными законами сравнительнаго языковнанія. Такъ на стр. 1 читаемъ: „Западные народы менѣе чувствуютъ потребность рѣшать вопросъ объ единствѣ въ ученіи о временахъ глаголовъ, потому что ихъ языки очень близки по построенію къ древнимъ языкамъ". На сколько съ разными ограниченіями можно сказать это при сопоставленіи романскихъ языковъ съ латинскимъ, на столько же можно отрицать относительно тевтонской отрасли и латинскаго языка. Но къ древнимъ, конечно, относится еще и греческій языкъ, а въ этомъ случаѣ утвержденіе г. Боголюбова окажется почти уже излишнимъ, и слѣдовательно, нисколько не освобождающимъ западные народы отъ обязанности стремиться вмѣстѣ съ нами къ объединенію глагольныхъ временъ. На западѣ, дѣйствительно, сколько намъ извѣстно, существуютъ основательныя изслѣдованія по этому предмету, уже сообщив-

Библиотека "Руниверс"

шія въ своихъ конечныхъ результатахъ даже учебнымъ руководствамъ лучшую систему и ясность. Не вызывая особенныхъ споровъ, можно, кажется, утверждать, что Zeitsphäre der Handlung, Zeitstand der Handlung и тому подобныя различенія менѣе прямымъ и непосредственнымъ образомъ въ нѣмецкихъ учебникахъ подходятъ къ ученію о временахъ глаголовъ латинскаго или греческаго языка, чѣмъ видовыя различія нашихъ собственныхъ глаголовъ. Если же обратить вниманіе хоть бы на то обстоятельство, что у насъ, какъ и въ классическихъ языкахъ, сохранилось значительное количество падежныхъ окончаній, между тѣмъ какъ, напримѣръ, во французскомъ ихъ почти нѣтъ, то вышеприведеннымъ словамъ г. Боголюбова придется оставаться пока еще одною только смѣлою новизною.

На стр. 11 сказано: „По моему мнѣнію, въ гимназіи достаточно назвать букву a, слѣдующую за основой глаголовъ 1-го спряженія, отличительною или соединительною, а впослѣдствіи сказать, что она заимствована изъ санскритскаго глагола ai-mi иду“ (ео). Здѣсь почти каждое предложеніе нарушаетъ или научную терминологію, или общепризнанные факты: почему a называется буквой, почему это a исключается здѣсь изъ основы, и что̀ значитъ, буква a заимствована въ латинскій языкъ изъ санскритскаго глагола? Учащійся можетъ подумать, что какой-то Римлянинъ такъ хорошо зналъ какой-то санскритскій языкъ, что для образованія собственнаго спряженія взялъ оттуда букву (звукъ).

Многія изъ тѣхъ положеній, которыя, по видимому, существенно важны для разсматриваемой брошюры, выражены иногда такъ неопредѣленно, что позволительно ихъ понимать въ какомъ угодно объемѣ и направленіи; напримѣръ, стр. 2: „замѣна одной глагольной формы другою указываетъ на сходство этихъ формъ“. Въ русскомъ языкѣ, напримѣръ, опредѣленное наклоненіе иногда замѣняется повелительнымъ, иногда прошедшимъ временемъ съ условіемъ е с л и и под. (сидѣть бы ему дома, и онъ не попался бы=сиди онъ дома, онъ и...=если бы онъ сидѣлъ и пр.): ужели же всѣ эти глагольныя формы сходны между собою? Въ латинскомъ языкѣ причастіе на urus замѣняется иногда ad съ gerund., иногда ut съ conjunct, иногда супинумъ и проч. Что же за сходство и между этими формами? Судя по дальнѣйшему ходу изложенія, надо думать, что здѣсь разумѣется однакожъ, какъ сходство синтаксическое, такъ и этимологическое; говорится, напримѣръ, что „греческій аористъ наглядно выражаетъ будуще-прошедшее время, — иначе въ немъ

Библиотека "Руниверс"

не фигурировала бы основа будущаго времени". О какомъ аористѣ, о какихъ основахъ будущаго времени говорится здѣсь? Не придется ли, держась этого правила, уличить греческій языкъ Гомера въ нелогичности? Вообще г. Боголюбовъ беретъ какое-нибудь неполное грамматическое правило, и преимущественно изъ краткой грамматики Кюнера, и на основаніи только этихъ замѣчаній часто строитъ свои теоріи. Напримѣръ, стр. 9: „да и самыя описательныя спряженія не служатъ ли новымъ доказательствомъ того, что Римляне, также какъ и Греки, считали всѣ времена будущими?"... Затѣмъ продолжаетъ такъ: сослагательное наклоненіе не имѣетъ формъ для будущаго времени, и будто бы латинскія грамматики отрицаютъ возможность выражать будущее время настоящимъ, а непремѣнно описательными формами, напримѣръ, amaturus sim, amaturus essem. Но автору должно быть хорошо извѣстно, что futurum и futur. exactum выражаются очень и очень часто или conjunctivus praesentis или imperfecti (при зависимости придаточнаго отъ tempus praeteritum главнаго), или conjunct. perfecti или plusquamperfecti, и только послѣ non dubito quin, въ косвенныхъ вопросахъ и нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ ставится conjugatio periphrast. Все это очень элементарно, но худо то, что авторъ часто игнорируетъ подобныя немудрыя истины.

Часто у г. Боголюбова разсматриваются какъ непреложное правило и исходный пунктъ дальнѣйшихъ умозаключеній такія положенія, которыя по своей новизнѣ сами требовали бы очень обстоятельныхъ доказательствъ. На стр. 10 сказано: „Замѣчательно, въ одномъ только латинскомъ языкѣ imperfect. indic. составлено изъ будущаго, тогда какъ въ другихъ языкахъ оно имѣетъ основу настоящаго времени". Или, тутъ же нѣсколько ниже читаемъ: „Позволю себѣ думать, что все до сихъ поръ мною сказанное даетъ мнѣ право заключить, что логика, исторія языка и сравненіе его съ другими языками не ставятъ преграды замѣнѣ вспомогат. гл. esse вспомогательнымъ же ire. Мнѣ кажется", продолжаетъ авторъ,—„что этимологія въ этомъ случаѣ много бы выиграла. Чтобы получить окончаніе bam и bo нужно изъ fuam сдѣлать fam, а потомъ bam, изъ fuo—fo, а потомъ bo; въ будущемъ времени гл. 3-го и 4-го спряженій выбросить f и пр. Глаголъ ire не представляетъ такихъ затрудненій, его формы прямо дѣлаются окончаніемъ соотвѣтствующихъ формъ спрягаемыхъ глаголовъ, исключая будущаго въ 3-мъ и 4-мъ спряженіяхъ, въ которомъ прежнее окончаніе bo замѣнено настоящимъ am. Сокращенныя формы глагола ire, какъ-то i, eram, ero, erim, essem не могутъ, мнѣ кажется,

Библиотека "Руниверс"

служить вѣскимъ возраженіемъ противъ моего мнѣнія и проч." Изъ этой, довольно полной выписки мы можемъ видѣть обычный способъ хода доказательствъ г. Боголюбова, какъ самыя основныя грамматическія данныя онъ смѣло замѣняетъ другими, и часто только потому, что такъ ему кажется. Нашему автору только показалось, что съ глаголомъ sum при образованіи временъ больше хлопотъ, чѣмъ съ глаг. eo, а между тѣмъ у него же самого указано при гл. ire почти то же и столько же модификацій, приспособленій и исключеній. Да и что̀ значитъ большая или меньшая легкость производства формъ, если при этомъ нарушается или общій смыслъ языка или твердо установленныя, руководящія основы науки. Легко, напримѣръ, сопоставлять θεός съ deus, и однакожь встрѣчающіяся здѣсь затрудненія не только не устраняются, а напротивъ сами устраняютъ видимую легкость.

Что касается новой номенклатуры и распредѣленія временъ по новому способу, то здѣсь очевидны очень большія неудобства вмѣсто ожидаемаго упрощенія и облегченій. Выходя, напримѣръ, изъ того положенія, что (стр. 19) у народовъ будущее время было точкою отправленія, г. Боголюбовъ разсуждаетъ такъ: „Беру слѣдующій примѣръ (стр. 3): онъ спросилъ меня, куда я иду = il me demanda, où j'allais; неужели иду здѣсь настоящее время? Не находится ли учитель въ необходимости сказать дѣтямъ, что иду есть настоящее, которое уже прошло. Другой примѣръ: „Я не думалъ, что онъ будетъ рисовать je ne croyais pas qu'il dessinât; неужели „будетъ рисовать" не будущее, которое прошло? и проч." На основаніи такихъ и подобныхъ симъ соображеній предлагается, напримѣръ, такая номенклатура: будуще-настояще-прошедшее (стр. 22), будуще-прошедшее, прошедше-настоящее (стр. 26) и под. Не пришлось ли бы, сохраняя послѣдовательность, и съ падежами учинить такое сложеніе названій. Ужели это объединеніе, а не разчлененіе, и не образуются ли знаменательныя названія въ большинствѣ случаевъ à potiori? Но наши недоумѣнія авторъ услышитъ не въ первый разъ; ему уже говорили (см. примѣч. стр. 30), что предлагаемая терминологія для временъ, по своей сложности и кажущимся противорѣчіямъ, сбивчива для дѣтей. „Интересы истины", говоритъ онъ,—„заставили меня прибѣгнуть къ опыту. Во 2-мъ классѣ гимназіи, на урокахъ русскаго и французскаго языковъ, я успѣлъ въ непродолжительное время, при помощи фактовъ, познакомить учениковъ съ новыми терминами. Даже

Библиотека "Руниверс"

одинъ 11-ти-лѣтній мальчикъ отгадалъ названіе для времени, о которомъ я еще не говорилъ; я поставилъ такъ вопросъ: если есть времена настоящее, прошедше-настоящее и будущее, то какое должно быть еще время? Прошедше-будущее, отвѣтилъ онъ и привелъ въ доказательство примѣръ изъ латинской грамматики amatus ero. Что основано на фактахъ, то, мнѣ кажется, не можетъ быть сбивчивымъ". Не имѣемъ нужды сомнѣваться въ дѣйствительности сообщенныхъ здѣсь опытовъ, но не можемъ при этомъ случаѣ умолчать о томъ, что на сколько г. Боголюбовъ настойчивый учитель, на столько же его ученики не упрямыя дѣти, хотя и можно было бы еще сильно повременить съ распространеніемъ въ гимназіи, и притомъ въ низшихъ классахъ, такихъ завѣдомо рѣдкостныхъ предположеній, какія въ большомъ количествѣ встрѣчаются въ этой очень краткой (32 стр.) брошюрѣ. Можетъ быть, столь спротяженно-сложенная терминологія въ дальнѣйшихъ классахъ не найдетъ себѣ никакого примѣненія.

Краткая просодія и элементарныя свѣдѣнія изъ метрики латинскаго языка. Составилъ преподаватель духовной семинаріи протоіерей *Николай Кувшинскій*. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Вятка. 1881. Цѣна 30 коп.

Уже второй разъ о. Кувшинскій внимательно исправляетъ свою „Краткую просодію" согласно доброжелательнымъ указаніямъ и совѣтамъ рецензентовъ; книга его дѣлается все болѣе и болѣе подходящею къ требованіяхъ нашихъ гимназій, о чемъ между прочимъ свидѣтельствуетъ и самое появленіе этого учебнаго пособія уже трѣтьимъ изданіемъ. Желая дальнѣйшаго распространенія труду почтеннаго автора, мы съ своей стороны считаемъ возможнымъ представить вниманію о. протоіерея нѣсколько соображеній, которыя, можетъ быть, окажутся не совсѣмъ излишними при дальнѣйшихъ изданіяхъ, объ улучшеніяхъ разсматриваемой книги.

Какъ при общемъ первоначальномъ опредѣленіи (§ 34), такъ и повсюду въ своей книгѣ авторъ подъ именемъ арсисъ разумѣетъ тотъ слогъ, который произносится въ стопѣ съ нѣкоторымъ повышеніемъ голоса, и который, слѣдовательно, носитъ на себѣ ритмическое ударение (ictus), остальные же слоги или слогъ стопы вездѣ именуются тезисомъ, который и парафразируется (стр. 49) пониженіемъ или ослабленіемъ голоса. Намъ кажется, что слѣдовало

Библиотека "Руниверс"

бы уже и въ краткихъ учебныхъ книгахъ, если не вполнѣ приводить прямо обратное значеніе упомянутыхъ терминовъ, то по крайней мѣрѣ оговаривать и разъяснять ихъ настоящее значеніе, согласное съ самою теоріей и языкомъ древнихъ писателей по метрикѣ. Только вслѣдствіе большаго недоразумѣнія, со временъ Бентлея, принято словомъ тезисъ обозначать слабую или легкую часть такта, а подъ именемъ арсисъ разумѣть часть тяжелую, имѣющую на себѣ ictus; „это—прямое извращеніе номенклатуры древнихъ", говоритъ Вестфаль (Gr. Metr. стр. 5, изд. 1);—„удерживая его, намъ приходится при переводѣ, напримѣръ, какого-нибудь ритмическаго трактата древнихъ, вездѣ греческое θέσις замѣнять словомъ ἄρσις и на оборотъ". Въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ, нѣмецкихъ учебникахъ, не смотря на болѣе значительную древность школьныхъ преданій въ Германіи, чѣмъ у насъ, уже вводится нами указанная перемѣна, и объясняется довольно наглядно буквальное значеніе этихъ терминовъ поднятіемъ и опущеніемъ пальцевъ ноги (pes) или стопы при чтеніи размѣренной рѣчи или при выслушиваніи музыкальныхъ тактовъ. Къ этому можно также замѣтить, что ἄρσις означаетъ снятіе, лишеніе, а не снабженіе чѣмъ-нибудь или наложеніе чего-нибудь (напримѣръ ictus), и равносильно, напримѣръ, у Аристотеля, словамъ στέρησις, ἀναίρεσις, и т. под., такъ что проф. Тренделенбургъ даже предлагалъ (въ Metaph. кн. 5, гл. 12) замѣнять ἄρσις словомъ ἀφαίρεσις.

Въ § 51, на стр. 68, говорится о licentiae poeticae, то-есть, когда поэты, по словамъ нашего автора, „измѣняютъ для соблюденія размѣра въ стихѣ и по другимъ соображеніямъ, обыкновенное количество гласныхъ, и кромѣ того допускаютъ другія перемѣны съ словами". Къ такимъ поэтическимъ вольностямъ причислены diastole, diaeresis, synizesis и под. Объ этихъ явленіяхъ нужно было бы говорить нѣсколько иначе, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ касаются не только классической, но и многихъ версификацій; а то можно подумать, что древніе поэты, по какимъ то намъ неизвѣстнымъ соображеніямъ, могли допускать при сложеніи стиховъ такое обращеніе съ словами своего языка, какое вообще недозволительно для обыкновенной, хотя бы то и совсѣмъ правильной разговорной рѣчи.

Мало понятно также, почему указанныя вольности гораздо чаще встрѣчаются въ сатирическихъ или комическихъ произведеніяхъ, чѣмъ въ эпическомъ гекзаметрѣ или пентаметрахъ. Положимъ, два послѣдніе размѣра употребительнѣе и потому обработаннѣе другихъ (стр. 71),

Библиотека "Руниверс"

но вѣдь это не значитъ, что при болѣе частомъ обращеніи съ гекзаметромъ одинъ, напримѣръ, поэтъ могъ заимствовать хорошо уже сложенные стихи у своего предшественника, эпика. Вообще мы думаемъ, что при перечисленіи этихъ вольностей полезнѣе было бы побольше развить ту мысль, что комедія, напримѣръ, естественнымъ образомъ ближе подходитъ къ языку обыденной рѣчи, чѣмъ другой родъ поэзіи; эпосъ нужно преимущественно читать, а не произносить по возможности ближе къ повседневному говору; оттого въ комедіи мы и находимъ вѣрное отраженіе живой ежедневной рѣчи даннаго періода, съ сліяніемъ гласныхъ, съ сокращеніями словъ и под.; и трудно рѣшить, кто больше вольничаетъ: мы ли, очень часто говорящіе Николавна, Алексѣвна, Дмитричъ и пр., или напримѣръ, нашъ образцовый комикъ Грибоѣдовъ. Еслибы въ разсматриваемой книгѣ указаны были не только техническія названія этихъ licentiae, но и были бы оформлены главнѣйшіе случаи, гдѣ тѣ или другія изъ нихъ могутъ быть допускаемы, то полагаемъ, изъ poëticae licentiae почти исчезло бы представленіе о какомъ бы то ни было произволѣ поэтовъ по отношенію къ своему родному языку. Такъ какъ теперь мы почти ничего не находимъ въ трудѣ о. Кувшинскаго, напримѣръ, о synizesis звука v (u) между двумя гласными, звука i (напримѣръ, mal'tiam вм. malitiam) объ l, m, n и r между гласными, о главнѣйшихъ правилахъ при synaloepha и под., то при будущихъ изданіяхъ авторъ, вѣроятно, удачно пополнитъ и этотъ недочетъ первоначальнаго учебника. Нужно было бы иногда, при указаніи примѣровъ, давать русскій переводъ ихъ; напримѣръ, на стр. 5, поставлено itaque съ удареніемъ на antepaenultima; конечно, автору очень хорошо извѣстно и другое itaque съ удареніемъ на paenultima, а между тѣмъ эти слова здѣсь какъ бы смѣшаны и подведены подъ одно правило. Иногда вмѣсто голословныхъ исключеній, такъ непрочно удерживающихся въ памяти, можно было бы, думаемъ, и мотивировать нѣкоторыя отступленія, особенно когда это довольно легко можно разъяснить; напримѣръ, при alterius (стр. 16) съ коротким i достаточно было бы только указать на то обстоятельство, что съ этимъ словомъ иногда трудно обращаться въ гекзаметрѣ.

Вообще книга написана точнымъ и удобопонятнымъ языкомъ и почти не представляетъ типографскихъ ошибокъ, хотя въ необходимыхъ случаяхъ обозначена не только количественность гласныхъ, но и ритмическія ударенія.

Библиотека "Руниверс"

Руководство къ ариѳметикѣ. Составилъ *В. Воленсъ*. 13-е изданіе, пересмотрѣнное, исправленное и дополненное по соглашенію съ авторомъ. С.-Пб. 1884. Цѣна 60 коп.

Тринадцатое изданіе книги г. Воленса, хотя и является въ настоящее время „пересмотрѣннымъ, исправленнымъ и дополненнымъ по соглашенію съ авторомъ", все еще, къ сожалѣнію, далеко не свободно отъ многихъ недостатковъ; оно несвободно даже отъ погрѣшностей научнаго характера, отъ которыхъ давно бы пора очиститься элементарному учебнику, существующему около двадцати лѣтъ.

На стр. 160 авторъ неправильно утверждаетъ, что „пропорціи, у которыхъ знаменатели разные, нельзя складывать и вычитать, потому что получатся отношенія не равныя". Что такое утвержденіе не основательно — легко убѣдиться, сложивъ или вычтя почленно, напримѣръ, пропорціи $50 : 20 = 10 : 4$ и $40 : 15 = 8 : 3$, имѣющія разныхъ знаменателей.

На стр. 187, по поводу приближеній, авторъ неправильно утверждаетъ, „что по обращеніи обыкновенной дроби въ непрерывную мы можемъ выбрать такую подходящую дробь, которая какъ угодно близко будетъ подходить къ обыкновенной дроби"... Такъ какъ обыкновенныя дроби обращаются только въ конечныя непрерывныя, то о произвольной степени приближеній, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи.

Къ погрѣшностямъ того же рода слѣдуетъ отнести и нѣкоторыя неловкія выраженія автора. Такъ, на стр. 164 говорится, что въ пропорціи

$$x : {}^{7}/_{12} = 20 : 14$$

количество x будто бы есть „4-е пропорціональное число къ тремъ даннымъ числамъ: $^{7}/_{12}$, 20 и 14". А какъ же назоветъ авторъ искомое x въ пропорціи $^{7}/_{12} : 20 = 14 : x$? Опять 4-мъ пропорціональнымъ относительно тѣхъ же данныхъ чиселъ $^{7}/_{12}$, 20 и 14? Но вѣдь въ первой пропорціи $x = {}^{5}/_{6}$, а во второй $x = 480$.

Напрасно также авторъ утверждаетъ (на стр. 172), что $2^{1}/_{2}$ меньше 3 въ $^{5}/_{6}$ раза. Еслибъ это было такъ, то не говорили бы, что 4 меньше 20 въ 5 разъ, а говорили бы въ $^{1}/_{4}$ или какъ-нибудь иначе.

Всѣ прочія погрѣшности и промахи въ книгѣ г. Воленса не столь важны, какъ указанные, но за то многочисленны. Здѣсь мы укажемъ лишь на нѣкоторые изъ нихъ, для образчика.

Библиотека "Руниверс"

Число 243,756 рублей авторъ относитъ къ „чрезвычайно большимъ“ (стр. 9). Въ такомъ преувеличеніи, конечно, нѣтъ еще бѣды; но худо то, что, разбивая названное число рублей на пачки, соотвѣтственно числу цифръ, авторъ получаетъ, въ концѣ концовъ, „и 6 пачекъ рублевыхъ“ (стр. 10), то-есть, такихъ, въ которыхъ каждая состоитъ всего лишь изъ одного рубля.

На стр. 107, извѣстное правило формулировано такъ: „для исключенія цѣлаго числа изъ неправильной дроби (,) надо числителя раздѣлить на знаменателя“.

На стр. 148 читаемъ: „Сравненіемъ между собою, напримѣръ, 2 пучковъ веревокъ можно вывести, чѣмъ или во сколько разъ одинъ пучекъ болѣе или менѣе другаго. Выводъ этого сравненія называется отношеніемъ“. Начинающій, безъ посторонней помощи, едва ли доберется до смысла этихъ словъ.

Термину вексель авторъ не даетъ никакого опредѣленія. Терминъ процентъ опредѣленъ неудовлетворительно (стр. 165): изъ опредѣленія автора не возможно догадаться, напримѣръ, какъ великъ процентъ съ капитала, приносящаго 98 коп. прибыли со 100 рублей.

Термины „математическій учетъ“ и „коммерческій учетъ“ векселей авторъ совсѣмъ игнорируетъ и ограничивается лишь замѣчаніемъ, что „первый способъ справедливѣе“, а второй „часто“ употребляется (стр. 167).

Книга г. Воленса написана удобопонятнымъ, простымъ языкомъ, но къ сожалѣнію, не всегда правильнымъ. На стр. 80 „Поѣздъ желѣзной дороги ѣдитъ (sic!) со скоростью“... Выраженія въ родѣ: „считаютъ до тѣхъ поръ, пока число единицъ (не) составитъ снова одинъ десятокъ“ (стр. 7); „въ какомъ бы порядкѣ мы не (ни) отнимали“.. (стр. 31) въ учебникѣ, появившемся въ 13-мъ изданіи, не рѣдкость.

Сборникъ задачъ для самостоятельныхъ занятій учащихся составляетъ одно изъ хорошихъ качествъ разсматриваемаго руководства, но и къ нему слѣдуетъ обращаться не безъ осторожности, такъ какъ попадаются задачи и съ невѣроятно тяжелыми товарными „тюками“ въ 3680, въ 4513 пудъ (стр. 24), и даже съ искаженіемъ явленій природы: на стр. 76, въ задачѣ № 10, говорится, что продолжительность самаго длиннаго дня въ Петербургѣ составляетъ 18 часовъ 52 мин., а тремя строками ниже утверждается, будто бы „наибольшій день въ С.-Петербургѣ на 9 час. и 20 мин. длиннѣе ночи“.

Опечатокъ въ книгѣ г. Воленса немного, но между ними попа-

Библиотека "Руниверс"

даются довольно полновѣсными. Напримѣръ, на стр. 8 напечатано:... „прибавивъ 9 единицъ къ тысячѣ девятьсотъ девяносто, получимъ число девятьсотъ девяносто девять".

Наконецъ, позволительно усомниться и въ пользѣ безсмысленныхъ вопросовъ, которымъ авторъ придаетъ, по видимому, какое-то назидательное значеніе. На стр. 19 предлагается на разрѣшеніе учащагося: „Сынъ получилъ отъ отца сперва 4 листа бумаги, а потомъ 2 карандаша. Сколько онъ получилъ бумаги и карандашей?" Или: „Если къ 7 грифелямъ прибавить 1 карандашъ, то сколько получится?" На стр. 28: „Ученикъ имѣетъ четыре пера. Сколько у него останется перьевъ, если онъ отдастъ товарищу 2 карандаша"? Мы полагаемъ, что подобные вопросы могутъ только уронить учителя въ мнѣніи учащихся.

Не смотря на указанные нами недостатки, разсматриваемое изданіе книги г. Воленса много лучше предшествовавшихъ, преисполненныхъ неисправностями всякаго рода. Въ особенности выиграло это изданіе отъ перепечатки въ немъ 12-ти страницъ (47 — 50, 62—66, 151 и 152), которыми пожертвовалъ издатель книги.

Математическіе софизмы. Составилъ по разнымъ источникамъ бывшій учитель математики въ Екатеринбургской гимназіи *В. И. Обреимовъ*. Съ 20 рисунками въ текстѣ. Содержаніе: 1) Равенство неравныхъ величинъ.— 2) Неравенство равныхъ величинъ.—3) Меньшее превышаетъ большее.— 4) Геометрическія несообразности.—5) Мнимое реально.—6) Разные вопросы. Изданіе Ф. Павленкова. С.-Петербургъ 1884. Цѣна 40 коп.

Польза ознакомленія учениковъ съ примѣрами математическихъ софизмовъ не подлежитъ сомнѣнію: упражненія этого рода вынуждаютъ учащихся вникать глубже въ смыслъ преподанныхъ имъ математическихъ истинъ и правилъ для дѣйствій, а не ограничиваться воспріятіемъ ихъ на вѣру и механическимъ пользованіемъ при вычисленіяхъ и умозаключеніяхъ. Но, чтобы такія упражненія дѣйствительно достигали полезной цѣли, они должны быть соображены съ умственными силами учениковъ; если же ученикъ не въ состояніи опровергнуть софизма, если онъ не можетъ открыть, какая часть разсужденія, построенія или вычисленія ошибочна, и книга не даетъ никакихъ на то указаній и разъясненій, то слѣдствіемъ будетъ или убѣжденіе ученика въ своей неспособности понимать математику, или же недовѣріе его къ непогрѣшимости основъ самой науки.

Разсматриваемая книга въ значительной степени, но не вполнѣ, удовлетворяетъ вышесказанному условію. Она представляетъ рядъ

Библиотека "Руниверс"

довольно остроумныхъ и наглядныхъ примѣровъ нелѣпыхъ выводовъ, къ которымъ можетъ привести неосторожное или неумѣлое пользованіе математическимъ методомъ. Большинство этихъ примѣровъ такого рода, что читатель, достаточно смышленый или хорошо усвоившій начала математики, будетъ въ состояніи найдти ошибку. Къ сожалѣнію, замѣчаніе это примѣнимо не ко всѣмъ примѣрамъ: въ нѣкоторыхъ, наиболѣе трудныхъ и наиболѣе поучительныхъ, ученику едва ли будетъ по силамъ узнать причину невѣрности результата, а въ книгѣ нѣтъ никакихъ намековъ, которые могли бы послужить къ разъясненію недоразумѣнія. Вообще, приведенные въ книгѣ софизмы могутъ быть подраздѣлены на слѣдующія категоріи:

1) Къ наиболѣе простымъ слѣдуетъ отнести всѣ помѣщенные въ главѣ четвертой, имѣющей своимъ заглавіемъ „геометрически несовмѣстное—совмѣстно", а также софизмъ XVI-й: „внѣшній и внутренній несмежные углы треугольника между собою равны", XVII-й: „сумма внутреннихъ угловъ треугольника меньше двухъ прямыхъ угловъ", и XXII-й: „площадь квадрата, сторона котораго содержитъ въ себѣ 8 линейныхъ единицъ, равна 65 квадратнымъ единицамъ". Каждый ученикъ, удовлетворительно знающій геометрическія теоремы, будетъ въ состояніи усмотрѣть невѣрность чертежа, отъ которой происходитъ нелѣпость результата. Такъ, напримѣръ, въ софизмѣ XVI-мъ окружность, проведенная чрезъ три вершины четыреугольника BACD, не проходитъ чрезъ четвертую вершину, а между тѣмъ сумма противолежащихъ угловъ этого четыреугольника предполагается равною 2d. Столь же, или даже еще болѣе просты, остальные примѣры этой категоріи. Изъ нихъ наименѣе очевиденъ софизмъ XXII-й; однако и въ немъ достаточно обратить вниманіе на неравенство угловъ BFC и GHF (черт. 5), чтобы убѣдиться, что линіи EB и F'B чертежа 8-го должны быть не прямыя, а ломаныя.

Было бы полезнѣе для учениковъ, которые будутъ пользоваться этою книгой, еслибы перечисленные выше софизмы предшествовали всѣмъ остальнымъ: начавъ съ болѣе простыхъ упражненій, ученики заинтересовались бы ими, пріобрѣли бы довѣріе къ собственнымъ силамъ и тогда, затрудняясь открыть ошибки въ другихъ примѣрахъ, болѣе трудныхъ, они все-таки были бы убѣждены, что ошибки эти столь же грубы, какъ и предыдущія, и только недостатокъ знанія препятствуетъ имъ ихъ усмотрѣть.

Примѣръ XLVIII-й слѣдовало бы вовсе исключить изъ книги, или помѣстить первымъ, такъ какъ здѣсь вся ошибка заключается въ

Библиотека "Руниверс"

невѣрномъ преобразованіи одного равенства въ другое: уравненіе $a-\sqrt{x}=b$ преобразовано въ $\sqrt{x}=b-a$.

2) Ко второй категоріи слѣдуетъ отнести всѣ примѣры, въ которыхъ ошибки также легко могутъ быть усмотрѣны, какъ и въ предыдущихъ, но для этого требуется отъ ученика уже не столько знанія теоремъ, сколько сообразительности. Таковы софизмы: XXV-й: „продолжительность опредѣленнаго періода времени, напримѣръ года, не для всѣхъ лицъ одинакова и умѣньшается съ ихъ возрастомъ", XXVI-й „Ахиллъ и черепаха", а также XVII-й „сумма катетовъ равна гипотенузѣ". Послѣдній софизмъ принадлежитъ къ числу наиболѣе поучительныхъ въ книгѣ, такъ какъ содѣйствуетъ уясненію понятія о предѣлахъ.

3) Нѣсколько большую трудность представитъ обнаруженіе ошибки въ тѣхъ софизмахъ, которые основаны на свойствахъ неравенствъ и на свойствахъ пропорціи, содержащей отрицательные члены. Къ этой категоріи принадлежатъ софизмы: XXVII-й, XXVIII-й, XXIX-й, XXX-й, XXXI-й, XXXII-й, XXIV-й, XLVII-й и L-й. Въ примѣрахъ этого рода необходимо, для открытія причины нелѣпаго результата, быть внимательнымъ къ знакамъ сравниваемыхъ между собою величинъ и не забывать тѣхъ измѣненій, которыя должны быть вводимы въ аксіомы и теоремы о неравенствахъ, относящіяся до положительныхъ количествъ, когда ихъ примѣняютъ къ количествамъ отрицательнымъ. Для учениковъ было бы несравненно легче одолѣть всѣ затрудненія, какія могутъ представиться въ такихъ примѣрахъ, еслибъ авторъ расположилъ софизмы этой категоріи въ другомъ порядкѣ. Слѣдовало бы на первомъ мѣстѣ поставить примѣръ XLVII-й, въ которомъ разсматривается пропорція $\frac{+7}{-7}=\frac{-7}{+7}$ и изъ того обстоятельства, что въ первой части предыдущій членъ болѣе послѣдующаго, выводится заключеніе, что и во второй части должно быть $-7>+7$, а затѣмъ предлагается читателю объяснить это противорѣчіе. Всѣ вообще примѣры этой категоріи слѣдовало бы собрать въ одну группу, расположивъ ихъ по порядку возростающей сложности.

Къ той же группѣ могли бы быть причислены, или непосредственно за нею слѣдовать, софизмы III-й, IV-й и другіе имъ подобные, въ которыхъ нелѣпый выводъ получается отъ дѣленія или умноженія равенствъ или неравенствъ на количество равное нулю. Софизмы эти не затруднили бы учениковъ, еслибы на первомъ мѣстѣ въ этой группѣ былъ поставленъ примѣръ XLIX-й, въ которомъ, отъ раз-

Библиотека "Руниверс"

дѣленія обѣихъ частей уравненія x—a=o на x—a, получается 1=0, и предложенъ читателю вопросъ „почему это?“

4) Весьма поучительные софизмы VI-й, VII-й, XI-й, XII-й, XIV-й и XLVI-й могутъ быть разгаданы только при вполнѣ основательномъ знаніи тѣхъ отдѣловъ математики, на которыхъ они основаны; но они сдѣлались бы доступными несравненно большему числу читателей, еслибъ авторъ предпослалъ имъ небольшія разъясненія или помѣстилъ таковыя въ примѣчаніяхъ, или въ концѣ книги. Такъ, напримѣръ, первые два софизма: „всѣ числа равны между собою“ и „единица=2“ основаны на неправильномъ примѣненіи формулы для степени бинома; ученикъ, затрудняющійся въ открытіи ошибки, нашелъ бы выходъ изъ недоразумѣнія, еслибы, напримѣръ, въ примѣчаніи къ этимъ софизмамъ были поставлены вопросы, подобные слѣдующимъ: при всякомъ ли показателѣ степени бинома получается конечное число членовъ? въ этомъ случаѣ, то-есть, когда число членовъ конечное, слѣдуетъ ли ихъ принимать въ счетъ два раза, то-есть, съ начала ряда и съ конца его? Или другой примѣръ: софизмъ XI-й ($\infty = -1$) основанъ на примѣненіи безконечнаго, расходящагося ряда, а потому ключемъ къ разгадкѣ для большинства читателей могло бы служить краткое указаніе на невозможность откидывать въ такомъ рядѣ остаточный членъ, не нарушая равенства этого ряда тому количеству, отъ развертыванія котораго онъ произошелъ. Подобныя краткія примѣчанія или намеки были бы умѣстны и для всѣхъ остальныхъ софизмовъ этого рода.

Слѣдовало бы также въ софизмахъ X-мъ, XL-мъ и вообще въ тѣхъ, которые основаны на формулахъ, содержащихъ въ себѣ логариѳмы отрицательныхъ количествъ, предложить вопросъ: имѣемъ ли право распространять на логариѳмы отрицательныхъ количествъ тѣ аксіомы и теоремы, справедливость которыхъ была доказана только для логариѳмовъ положительныхъ количествъ или вообще для вещественныхъ количествъ?

Столько же или даже еще болѣе необходимы разъясненія къ софизмамъ XLI-му и XLII-му (о „perpetuum mobile“): безъ такихъ разъясненій, то-есть, безъ указанія теоремъ механики, служащихъ опроверженіемъ этихъ софизмовъ, они могутъ оставаться не разрѣшимою загадкою для тѣхъ, кто не знаетъ этой науки.

5) Наиболѣе таинственными для множества читателей будутъ всѣ тѣ софизмы (I-й, II-й, VIII-й, XVIII-й), которые основаны на извлеченіи корней изъ обѣихъ частей равенствъ, а также тѣ (IX-й,

Библиотека "Руниверс"

XXXIX-й), которые выведены при посредствѣ мнимыхъ величинъ. Въ нихъ всѣ дѣйствія, по видимому, произведены вполнѣ правильно, а между тѣмъ получены нелѣпые результаты: $2=3$, $5=4$, $^1/_2=-^1/_2$, хорда круга равна его діаметру, $-1=+1$, $-1=\sqrt{-1}$. Чтобы найдти разгадку первой группы сейчасъ упомянутыхъ софизмовъ, надо знать, что равенство $a^2=b^2$ не даетъ права заключить, что $a=b$; а для вторыхъ надо знать, что не всѣ теоремы, справедливость которыхъ доказана для корней изъ положительныхъ количествъ, распространяются безъ всякаго измѣненія на корни изъ отрицательныхъ количествъ. Такія разъясненія необходимы въ особенности потому, что весьма многіе учителя и авторы элементарныхъ курсовъ алгебры не даютъ ученикамъ надлежащихъ указаній по этимъ вопросамъ, вѣроятно, считая ихъ слишкомъ простыми и очевидными; между тѣмъ этотъ пробѣлъ весьма существенный, могущій быть источникомъ грубыхъ ошибокъ и многихъ недоразумѣній.

6) Едва ли не еще необходимѣе разъясненіе софизмовъ XII-го: „всѣ конечныя числа суть нули“, и XIV-го: „сумма безконечнаго числа нулей равна единицѣ“, и вообще всѣхъ тѣхъ, которые вытекаютъ изъ предположенія какого-нибудь количества безконечно большимъ. Слѣдовало бы указать, что никакое число, какъ бы велико оно ни было, не есть безконечность; что слово „безконечность“ и соотвѣтствующій ему знакъ ∞ употребляются въ математикѣ только для сокращенія рѣчи или письма, но что никакое число не сравнимо съ безконечностью; что софизмы XII-й, XIV-й и имъ подобные помѣщены въ книгѣ именно для того, чтобы показать, къ какимъ нелѣпымъ выводамъ можетъ привести присвоеніе знаку ∞ не принадлежащаго ему свойства, то-есть, свойства быть числомъ.

На все сказанное относительно разъясненій софизмовъ могутъ возразить, что такія разъясненія отымутъ отъ софизмовъ ихъ загадочность, въ которой и заключается главнымъ образомъ ихъ поучительность. Возраженіе это было бы вѣрно, еслибы книга предназначалась исключительно для тѣхъ читателей, которые въ состояніи опровергнуть всѣ помѣщенные въ ней софизмы; но такіе читатели едва ли нуждаются въ этой книгѣ: они, не читая ея, сумѣютъ правильно пользоваться математическимъ анализомъ и не затруднятся разъяснить могущее при этомъ встрѣтиться недоразумѣніе въ томъ или въ другомъ частномъ случаѣ. Притомъ можно было бы соблюсти интересъ и этихъ читателей, помѣстивъ отвѣты или указанія въ концѣ книги; что же касается до порядка размѣщенія примѣровъ, начиная

Библиотека "Руниверс"

съ простѣйшихъ и переходя послѣдовательно къ болѣе и болѣе труднымъ, то такой порядокъ есть наилучшій для всякой учебной книги.

9. *Люкасъ*. Математическія развлеченія. Приложенія ариѳметики, геометріи и алгебры къ различнаго рода запутаннымъ вопросамъ, забавамъ и играмъ. Съ 55 чертежами, фигурами и таблицами. Перевелъ съ французскаго *В. И. Обреимовъ*, бывшій учитель математики въ Екатеринбургской гимназіи. С.-Петербургъ. 1883. Цѣна 1 рубль.

Книга эта имѣетъ своимъ эпиграфомъ слова Монтескьё: „Подобно тому, какъ есть безчисленное множество умныхъ вещей, примѣняемыхъ глупымъ образомъ, точно также бываютъ и глупыя вещи, которыми пользуются разумно". Она содержитъ математическое изслѣдованіе слѣдующихъ задачъ и игръ: 1) переправы въ лодкѣ; 2) мосты и острова; 3) лабиринты; 4) задача на восемь королевъ; 5) игра въ солитеръ; 6) меледа и 7) такенъ; изложенію послѣднихъ двухъ игръ предпослано объясненіе бинарной системы нумераціи и понятіе о такъ-называемыхъ совершенныхъ числахъ.

Въ изложеніи способовъ рѣшенія первой задачи авторъ, послѣ разсмотрѣнія нѣсколькихъ частныхъ случаевъ, переходитъ къ слѣдующему обобщенію задачи: „Нѣкоторое число n семей (состоящихъ, каждая, изъ мужа и жены) желаютъ переправиться черезъ рѣку въ лодкѣ, поднимающей (n—1) человѣкъ. Спрашивается: какъ должны переправляться эти 2n человѣкъ при томъ условіи, чтобы ни одна женщина не оставалась въ обществѣ мужчины безъ своего мужа?" Затѣмъ въ примѣчаніи, помѣщенномъ въ концѣ книги, приведено рѣшеніе такой задачи: „Нѣкоторое число n мужчинъ желаютъ переправиться съ своими женами черезъ рѣку. Спрашивается: какое наименьшее число X человѣкъ должна поднимать лодка, чтобы совершить эту переправу безъ перевозчика и при томъ условіи, чтобы ни одна женщина не оставалась ни въ лодкѣ, ни на берегу, безъ своего мужа въ обществѣ мужчинъ?" Наконецъ, разсматривается вышеупомянутая первая общая задача, усложненная условіемъ, что переправляющіеся черезъ рѣку могутъ высаживаться предварительно на островъ. Математическій элементъ въ этихъ первыхъ упражненіяхъ заключается, главнымъ образомъ, въ обобщеніяхъ задачи, въ полученіи формулы и въ изслѣдованіи случаевъ невозможности рѣшенія.

Вторая задача (мосты и острова) значительно сложнѣе первой. Въ ней авторъ слѣдуетъ тому же методу послѣдовательнаго обобщенія

Библиотека "Руниверс"

и изслѣдованія случаевъ невозможности и числа рѣшеній. Затѣмъ указывается аналогія задачи о мостахъ (то-есть, о послѣдовательномъ обходѣ всѣхъ мостовъ данной мѣстности, не побывавъ ни на одномъ изъ нихъ по два раза) съ задачей объ очерчиваніи съ одного или нѣсколькихъ разъ, безъ перерывовъ и повтореній, различныхъ фигуръ, образуемыхъ прямыми или кривыми линіями на плоскости или въ пространствѣ. Въ примѣчаніи, въ концѣ книги, приведены теоремы, заключающія въ себѣ рѣшенія всѣхъ задачъ такого рода.

Третья задача, о лабиринтахъ и объ очерчиваніи геометрическаго дерева, представляетъ частный случай задачи о мостахъ и островахъ, что̀ и указано въ примѣчаніи въ концѣ книги.

Четвертая задача—„опредѣлить всѣ способы размѣщенія восьми королевъ на обыкновенной шахматной доскѣ, состоящей изъ 64 клѣтокъ, такимъ образомъ, чтобы ни одна королева не могла быть взята другою“ — поучительна, главнымъ образомъ, какъ упражненіе въ задачахъ, относящихся до теоріи перестановокъ. Авторъ не ограничивается разсмотрѣніемъ случая 8-ми королевъ и обыкновенной шахматной доски, но даетъ указанія для рѣшеній при другомъ числѣ королевъ и клѣтокъ шахматной доски, а также указываетъ связь задачи о королевахъ съ задачею о турахъ и офицерахъ.

Пятое упражненіе („солитеръ“, то-есть, уединенная игра), состоящая въ послѣдовательномъ снятіи, по даннымъ условіямъ, шариковъ, расположенныхъ въ данномъ порядкѣ на клѣткахъ доски, имѣющей видъ правильнаго восьмиугольника) служитъ, между прочимъ, къ ознакомленію съ системою прямоугольныхъ координатъ, а также съ нѣкоторыми законами симметріи фигуръ. Особенную поучительность, въ математическомъ отношеніи, представляетъ обобщеніе этой игры, равно какъ и всѣхъ другихъ, изложенныхъ въ разсматриваемой книгѣ, и указаніе теоремъ, доставляющихъ формулу для рѣшенія даннаго случая.

Двѣ остальныя игры (меледа и такенъ) знакомятъ съ разными формулами, относящимися до теоріи соединеній, а также съ нѣкоторыми теоремами теоріи сравненій.

Указанія опечатокъ не приложено, а между тѣмъ въ книгѣ встрѣчаются промахи, хотя по большей части маловажные. Въ видѣ примѣра, укажемъ слѣдующіе:

На стр. 26, сказано: „Если эта сумма равна числу всѣхъ мостовъ или меньше его на единицу, то полный обходъ возможенъ“. Но сумма, о которой здѣсь говорится, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть

Библиотека "Руниверс"

меньше числа всѣхъ мостовъ; вмѣсто „меньше“ слѣдовало сказать „больше“.

На стр. 35 сказано, что „непрерывнымъ движеніемъ по поверхности можно очертить съ одного раза всѣ ребра куба“. Между тѣмъ такое очерчиваніе реберъ куба не выполнимо; вмѣсто „куба“ слѣдовало сказать „октаэдра“.

На стр. 44—45 говорится, что если на перекресткѣ M пришли по пути, разъ уже пройденному, то „такъ какъ выходъ на перекресткѣ далъ бы нечетное число отмѣтокъ, то согласно съ пунктомъ III, приходится, за неимѣніемъ новаго выхода, идти по линіи только что пройденной“. Невѣрность сказаннаго очевидна, такъ какъ въ этомъ случаѣ пришлось бы идти по тому же пути въ третій разъ, что противорѣчитъ основному условію задачи о лабиринтахъ.

На стр. 47 напечатано: m вмѣсто m_q, а $m_q + 1$ вмѣсто $\frac{m_q + 1}{2}$.

На стр. 53 напечатано: „по направленію движенія часовой стрѣлки“, тогда какъ слѣдуетъ сказать: „по направленію противоположному движенію часовой стрѣлки“.

На стр. 74 напечатано $(m - n)\ r \pm 1 \equiv v\ (\mathrm{Mod.}\ p)$, тогда какъ должно быть: $(m-n)\ (r \pm 1) \equiv o\ (\mathrm{Mod.}\ p)$.

Вышеприведенные и другіе, подобные имъ недосмотры автора не существенны, такъ какъ они легко могутъ быть усмотрѣны читателемъ; но весьма важенъ слѣдующій промахъ на стр. 86 и 87, гдѣ авторъ, говоря о фигурахъ, которыя должны изображать изъ себя остающіеся шарики солитера, даетъ этимъ фигурамъ такія названія: Четыре евангелиста и двѣнадцать апостоловъ, Троица и двѣнадцать апостоловъ, Христосъ и двѣнадцать апостоловъ, Троица. Употребленіе священныхъ именъ въ игрѣ непристойно, и автору или переводчику слѣдовало пріискать для фигуръ другія названія.

Дешевый географическій атласъ. 10 раскрашенныхъ картъ, изданіе *Ф. Павленкова*. С.-Петербургъ. 1883. Цѣна 30 коп.

Поименованный атласъ состоитъ изъ слѣдующихъ десяти раскрашенныхъ картъ: 1) Земныя полушарія, 2) Европа, 3) Азія, 4) Африка, 5) Сѣверная Америка, 6) Южная Америка, 7) Австралія, 8) генеральная карта Россіи Европейской и Азіатской, 9) карта Европейской Россіи—орографическая и гидрографическая, 10) Европейская Россія, раздѣленная на губерніи. Карта полушарій, генеральная

Библиотека "Руниверс"

карта Европейской Россіи изображены каждая на полулистикѣ, а остальныя на четвертинкахъ.

Дешевый атласъ, по составу географическихъ данныхъ, не приспособленъ къ курсу географіи какого бы то ни было учебнаго заведенія вѣдомства. Для курса прогимназій онъ вообще мало содержателенъ. Для городскихъ училищъ, для учительскихъ семинарій онъ неудобенъ потому, что Россія представлена не обстоятельно, хотя для нея и отведены три карты; достаточно указать на то, что на административной или политической картѣ Россіи помѣщены только губернскіе города, уѣздные же опущены, не поименованы также замѣчательные посады, торговыя села, таможни и т. д. По тѣмъ же причинамъ атласъ не можетъ быть пригоденъ и для двухклассныхъ сельскихъ училищъ. Впрочемъ, еслибы дешевый атласъ и былъ приспособленъ, по своему содержанію къ какому-либо роду заведеній, то и тогда не могъ бы быть признанъ полезнымъ для учебнаго дѣла, такъ какъ составленъ крайне неудовлетворительно, какъ это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: Теченіе гольфштрема представлено различно на картѣ полушарій и на картѣ Сѣверной Америки. На картѣ полушарій р. Муррей изображена довольно близко къ дѣйствительности, но названа р. Дарлингомъ; на спеціальной картѣ Австраліи та же рѣка изображена неправильно, особенно въ истокахъ, а притокъ ея Дарлингъ опущенъ. На той же картѣ озеро Эйре названо Торренсовымъ. На картѣ Сѣверной Америки озера Виннипегъ и Верхнее соединены, а Гуронъ и Эри раздѣлены; въ дѣйствительности же обратно. На картѣ Европы Мадридъ помѣщенъ при р. Таго, Римъ — при морѣ, Бернъ—на Ронѣ, Мюнхенъ придвинутъ къ Дунаю, Кенигсбергъ при р. Нѣманѣ, Москва на Днѣпрѣ; на административной картѣ Россіи, Москва перенесена на Клязьму, а такъ какъ въ третій разъ Москва нигдѣ не встрѣчается, то о правильномъ мѣстоположеніи ея нельзя узнать изъ атласа г. Павленкова. На картѣ Азіи читается Москатъ вмѣсто Маскатъ, на картѣ Австраліи—Саламоновы острова вмѣсто Соломоновы, на генеральной картѣ Россіи—Зарашанъ, вмѣсто Заравшанъ, на орографической картѣ Европейской Россіи—Алачемъ вмѣсто Алагезъ, Малага вмѣсто Молога.

Всѣхъ перечисленныхъ погрѣшностей, полагаемъ достаточно, чтобы убѣдиться въ безполезности „Дешеваго атласа“ для какихъ-либо учебныхъ заведеній.

Библиотека "Руниверс"

М. Герасимовъ. Краткая физика съ 335 рисунками и 214 практическими задачами въ формѣ вопросовъ. Руководство для городскихъ и другихъ элементарныхъ училищъ. С.-Петербургъ. 1883 г. Изданіе Ф. Павленкова. Цѣна 1 руб.

Въ русской педагогической литературѣ не существуетъ краткаго учебника физики, который могъ бы служить руководствомъ въ городскихъ и другихъ элементарныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Краткіе курсы Краевича и Малинина, назначенные для женскихъ учебныхъ заведеній, все же слишкомъ подробны и требуютъ для прохожденія 4 или 5 недѣльныхъ уроковъ. Между тѣмъ въ городскихъ училищахъ полагается на физику всего три урока въ шестомъ классѣ. Поэтому появленіе новаго, въ сущности перваго, русскаго краткаго учебника физики нельзя не привѣтствовать съ искреннимъ удовольствіемъ, если только онъ мало-мальски удовлетворяетъ элементарнымъ требованіямъ относительно послѣдовательности и ясности изложенія и вѣрности сообщаемыхъ въ немъ фактовъ.

Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать о книгѣ г. Герасимова: въ изложеніи ея до такой степени отсутствуетъ необходимая послѣдовательность, что не соблюдено даже элементарное требованіе логики сперва познакомить съ закономъ, а потомъ уже объяснять явленія, которыя суть слѣдствія этихъ законовъ. Въ книгѣ г. Герасимова цѣлыя большія главы посвящены явленіямъ, объясненіе которыхъ должно остаться непонятнымъ для учащихся, такъ какъ основаніе всѣхъ объясненій изложено только въ одной изъ послѣдующихъ главъ. Весьма большое число явленій описано или объяснено совершенно неудовлетворительно, неясно, и кромѣ того, изложеніе изобилуетъ крайне неудачными выраженіями и фразами. Наконецъ, въ учебникѣ находится немалое количество ошибокъ крупныхъ и мелкихъ. Элементарный учебникъ физики, въ которомъ изложены законы въ извращенномъ видѣ или даже приводятся законы, вовсе не существующіе, очевидно, для преподаванія не годится.

Въ отношеніи необходимой послѣдовательности самымъ крупнымъ промахомъ г. Герасимова можно считать то, что въ первой главѣ онъ разсматриваетъ газы, а во второй — жидкости. Извѣстно, что большинство явленій, разсматриваемыхъ въ ученіи о газахъ и о жидкостяхъ, основаны на законѣ равномѣрной во всѣ стороны передачи давленія, на законѣ Паскаля, остающемся вѣрнымъ какъ

Библиотека "Руниверс"

для жидкостей, такъ и для газовъ. Познакомивъ учащихся съ этимъ закономъ, правильное пониманіе котораго дается, вообще, весьма не легко, не трудно уже объяснить давленіе жидкости на погруженное въ нее твердое тѣло, давленіе жидкостей снизу вверхъ и законъ Архимеда. Указавъ на примѣняемость закона Паскаля къ газамъ, легко объяснить наконецъ воздушный насосъ, барометръ, ливеръ, сифонъ и водяные насосы. Пожалуй, можно законъ Паскаля сперва уяснить на газахъ, но во всякомъ случаѣ барометръ, водяные насосы, сифонъ и т. д. не могутъ быть поняты безъ предварительнаго ознакомленія съ этимъ основнымъ закономъ. Въ книгѣ г. Герасимова порядокъ такой: сперва объяснены барометръ, ливеръ, сифонъ, воздушный и водяные насосы, и потомъ только, во второй главѣ, изложенъ законъ Паскаля. Какъ же ученику понять передачу атмосфернаго давленія черезъ ртуть въ барометрѣ и черезъ воду въ насосахъ? Какъ ему понять давленіе атмосферы снизу вверхъ, о которомъ упоминается въ объясненіи ливера? Очевидно, что дѣйствія всѣхъ этихъ приборовъ останутся непонятными. Намъ кажется, что уже этотъ одинъ промахъ дѣлаетъ неудобнымъ пользованіе книгою; между тѣмъ есть еще нѣсколько совершенно подобныхъ.

На стр. 57 начинается статья о центрѣ тяжести, между тѣмъ какъ о силахъ говорится гораздо дальше. Вслѣдствіе того значеніе центра тяжести остается совершенно не разъясненнымъ; упоминается только объ одномъ его свойствѣ (относящемся къ случаю равновѣсія тѣла), которое и должно служить единственнымъ его опредѣленіемъ. О томъ, что центръ тяжести есть точка приложенія равнодѣйствующей всѣхъ силъ тяжести, ничего не говорится уже потому, что ученіе о силахъ начинается дальше. Не смотря на это, на стр. 96 читаемъ: „сила тяжести прилагается къ центру тяжести“, что̀ нигдѣ не было объяснено.

Вотъ еще примѣры недостатка послѣдовательности: На стр. 68 говорится о параллелограммѣ силъ, между тѣмъ какъ раньше ничего не было сказано объ изображеніи силы по величинѣ линіей опредѣленной длины. На стр. 162 объяснено дѣйствіе электроскопа, когда къ нему только приближается наэлектризованное тѣло; между тѣмъ происходящая при этомъ индукція объяснена только на стр. 165. На стр. 216 говорится о лучахъ свѣта; а что такое лучъ—сказано только на стр. 218 и т. д.

Переходимъ къ указанію на неудовлетворительныя и неясныя объясненія.

Библиотека "Руниверс"

На стр. 37 приведено доказательство кривизны поверхности воды въ моряхъ, и даже не упомянуто о причинѣ этой кривизны.

Стр. 43. Авторъ говоритъ: „...Чтобы опредѣлить удѣльный вѣсъ твердаго тѣла, надо его вѣсъ въ воздухѣ раздѣлить на вѣсъ равнаго ему объема воды. Что же касается опредѣленія удѣльнаго вѣса жидкостей, то оно совершается иначе...". Тутъ пропущено, какъ совершается опредѣленіе удѣльнаго вѣса твердыхъ тѣлъ. Данное сперва опредѣленіе относится ко всѣмъ тѣламъ. Далѣе слѣдуетъ подробное изложеніе способа опредѣленія удѣльнаго вѣса жидкостей на основаніи закона Архимеда. Пропущено гораздо болѣе простое и болѣе важное опредѣленіе удѣльнаго вѣса твердыхъ тѣлъ на основаніи того же закона.

Стр. 44. „Аэростатъ. При большой легкости и значительномъ объемѣ, тѣло можетъ потерять такую часть своего вѣса въ воздухѣ, что сдѣлается легче послѣдняго и будетъ всплывать на поверхность (!) атмосферы"... Авторъ невѣрно понялъ законъ Архимеда. Чтобы всплывать, тѣло должно быть легче воздуха до потери въ немъ вѣса; послѣ же этой потери вѣсъ долженъ сдѣлаться отрицательнымъ; если, претерпѣвъ уже потерю вѣса, тѣло сдѣлается хотя бы и легче воздуха, но сохранитъ какой-нибудь вѣсъ, то оно не всплыветъ, но будетъ падать.

Стр. 69. „Когда камню (привязанному ко снурку) въ точкѣ A данъ толчекъ, онъ стремится, вслѣдствіе инерціи, идти по прямой линіи AB" (касательной къ окружности). Вопервыхъ, когда данъ толчекъ, то камень, очевидно, и двинется отъ этого толчка, а никакъ не отъ инерціи, которая здѣсь не при чемъ; вовторыхъ, отчего же камень пойдетъ по AB? Онъ пойдетъ туда, куда направленъ толчекъ.

Стр. 74. Авторъ напрасно старается отличить силу отъ сопротивленія. Гораздо проще говорить о двухъ силахъ, когда разсматриваются условія равновѣсія простыхъ машинъ.

Стр. 109. Говоря о распространеніи звука въ воздухѣ, авторъ ограничивается указаніемъ на то, что прилегающія къ струнѣ частицы воздуха приходятъ въ дрожаніе „и приводятъ въ дрожаніе сосѣднія частицы; тѣ заставляютъ дрожать слѣдующія и т. д.; такимъ образомъ дрожаніе распространяется во всѣ стороны". Рис. 128, въ которомъ намѣчены сгущенія и разрѣженія не объясненъ, равно какъ и слова „распространеніе звуковыхъ волнъ", напечатанныя подъ чертежемъ.

Стр. 130. Дано объясненіе скрытой теплоты безъ введенія по-

Библиотека "Руниверс"

нятія о единицѣ количества теплоты, что и приводитъ автора къ фразѣ „скрытая теплота воды равняется 63°2“. Не имѣя, конечно, возможности идти такимъ путемъ дальше, авторъ, въ концѣ статьи и въ подстрочной замѣткѣ даетъ опредѣленіе единицы количества тепла. Отчего же онъ не сдѣлалъ этого съ самаго начала?

Стр. 165. Упомянувъ объ истеченіи электричества изъ остріевъ, авторъ продолжаетъ: „Это истеченіе можно даже замѣтить, поднося руку къ остроконечію, при чемъ ощущается какъ бы легкое дуновеніе и т. д.“. Очевидно, учащійся подумаетъ, что въ этомъ опытѣ ощущается струя электричества.

Стр. 187. Происхожденіе тока описано слѣдующимъ образомъ: „...положительное и отрицательное электричества бѣгутъ по ней другъ къ другу на встрѣчу, соединяются и взаимно уничтожаются“. Всякій, мало-мальски знакомый съ явленіемъ электрическаго тока, пойметъ несообразность такого представленія.

Вообще можно сказать, что въ книгѣ г. Герасимова все, касающееся объясненій электрическихъ явленій, представляетъ невозможную путаницу; авторъ нигдѣ и не заикается о томъ, что слѣдуетъ отличать наблюдаемые факты отъ гипотетическихъ представленій.

Въ ученіи о гальваническомъ токѣ самое важное явленіе, дѣйствіе тока на магнитную стрѣлку, упомянуто въ самомъ концѣ, мимоходомъ, въ напечатанной мелкимъ шрифтомъ статьѣ о телефонѣ. Совершенно не говорится о силѣ тока, о сопротивленіи и объ электровозбудительной силѣ; за то читатель найдетъ чрезмѣрныя подробности о предварительномъ вычищеніи тѣлъ, употребляемыхъ въ гальванопластикѣ.—Въ статьѣ о свѣтѣ, при объясненіи того, какъ получаются мнимыя и дѣйствительныя изображенія предметовъ въ зеркалахъ и стеклахъ, пропущено съ самаго начала указаніе на то, что глазъ видитъ свѣтящуюся точку тамъ, гдѣ пересѣкаются идущіе къ глазу расходящіеся лучи. Вслѣдствіе того всѣ объясненія и всѣ чертежи, начиная съ чертежа 255, должны остаться совершенно непонятными, въ особенности чертежи 265, 285, 287 и др. — На стр. 239 читаемъ слѣдующее: „если свѣча стоитъ далеко отъ стекла, то изображеніе ея будетъ маленькое, въ обратномъ видѣ и близъ главнаго фокуса; но если свѣча приблизится къ главному фокусу стекла и т. д.“. Здѣсь пропущено указаніе на то, что съ каждой стороны стекла находится по главному фокусу.

Не трудно было бы привести еще большое число подобныхъ неясныхъ объясненій. Мы не могли привести худшихъ мѣстъ, гдѣ

Библиотека "Руниверс"

длинныя объясненія весьма неудовлетворительны. Пришлось бы выписывать ихъ цѣликомъ. Ограничимся спискомъ наиболѣе плохихъ объясненій: сифонъ стр. 7; потеря вѣса тѣлъ въ воздухѣ стр. 44; равновѣсіе подпертаго тѣла стр. 59; отраженіе звука стр. 112; дѣйствіе электроскопа стр. 162; электрическая машина стр. 169; конденсаторъ стр. 180; телефонъ стр. 211; изображенія, получаемыя отъ малыхъ отверстій, стр. 219; туманъ и облака стр. 277, и многія другія.

Переходимъ къ тому, что̀ выше было названо главнымъ упрекомъ, который можно сдѣлать книгѣ г. Герасимова: ошибки, встрѣчающіяся въ изобиліи во всѣхъ частяхъ книги. Начнемъ съ болѣе крупныхъ:

Стр. 3. „Частицы газообразныхъ тѣлъ отталкиваются другъ отъ друга“. Неужели это не шутка? Неужели авторъ не признаетъ такой основной вещи, какъ кинетическая теорія газовъ?

На стр. 24 сказано, что углекислый газъ при сильномъ давленіи обращается въ твердое состояніе,—что̀ не вѣрно.

На стр. 29 объясняя законъ Паскаля, авторъ говоритъ о давленіи жидкости, между тѣмъ какъ этотъ законъ трактуетъ о давленіи на жидкость.

Стр. 57: „Чѣмъ больше въ тѣлѣ частицъ, тѣмъ вѣсъ его больше“. По закону Авогадро, всѣ газообразныя тѣла содержатъ въ равныхъ объемахъ и равное число частицъ, хотя вѣса могутъ быть весьма различны.

Стр. 97: „Если одинъ маятникъ будетъ вдвое короче другаго, то онъ качается въ 4 раза скорѣе; если втрое короче, то въ 9 разъ скорѣе и т. д.“. Если вчетверо короче, то слѣдовательно, по мнѣнію автора, въ 16 разъ скорѣе — въ дѣйствительности же только вдвое! Авторъ спуталъ квадратъ съ квадратнымъ корнемъ, такъ что его числа оказываются четвертыми степенями вѣрныхъ чиселъ.

На стр. 189 говорится объ искрѣ, получаемой при соединеніи проволокъ, когда никакая искра не является.

Примѣровъ менѣе крупныхъ ошибокъ можно привести еще гораздо больше:

Стр. 15: „Надъ поршнемъ образуется пустота“. Это не вѣрно (при поднятіи поршня въ насосѣ), даже если вмѣсто „надъ“ поставить „подъ“.

На стр. 22 сказано, что азотъ въ соединеніи съ кислородомъ образуетъ воздухъ.

На стр. 29 волосность и измѣненіе формы поверхности жидкости

Библиотека "Руниверс"

объясняются просто смачиваніемъ—даже опусканіе ртути въ волосныхъ трубкахъ!

Стр. 31: „Давленіе жидкости на дно зависитъ только отъ высоты жидкости въ сосудѣ". Авторъ забываетъ о зависимости отъ рода взятой жидкости и пожалуй еще отъ величины площади дна.

На стр. 38 авторъ утверждаетъ, что если взболтать ртуть, воду, спиртъ и нефть, то эти жидкости сами расположатся въ указанномъ порядкѣ. Но вѣдь вода и спиртъ, разъ смѣшавшись, уже не отдѣляются другъ отъ друга.

Стр. 51: „Пространство, проходимое тѣломъ въ одну секунду, называется скоростью его движенія". Это справедливо только для равномѣрнаго движенія.

На стр. 91 объясняя дѣйствіе десятичныхъ вѣсовъ, авторъ вводитъ понятіе о какихъ-то одноплечихъ рычагахъ. Судя по описанію, авторъ полагаетъ, что рычагъ втораго рода имѣетъ только одно плечо!

На стр. 104 авторъ причисляетъ стекло и вообще хрупкія тѣла къ неупругимъ. Стекло принадлежитъ къ самымъ упругимъ тѣламъ.

Стр. 122: „Температура кипѣнія воды есть температура постоянная". А зависимость отъ внѣшняго давленія!

Стр. 129: „Температура кипѣнія жидкости зависитъ какъ отъ давленія атмосферы, такъ и отъ давленія паровъ". Такое раздѣленіе нельзя допустить; температура кипѣнія зависитъ просто отъ внѣшняго давленія.

На стр. 150 сказано, что склоненіе въ Петербургѣ 6° 21′! Должно быть „менѣе 1°".

Стр. 278: „Туманъ, поднимаясь въ верхніе слои атмосферы, образуетъ облака". Слишкомъ узкое опредѣленіе.

Стр. 279: Причину образованія града „большинство физиковъ приписываетъ электричеству".

Наконецъ, неудачныя выраженія, попадаются у автора почти на каждой страницѣ. Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ безъ всякихъ комментаріевъ.

Стр. 6: „Помощью барометра можно опредѣлять разстояніе, на которомъ находится воздухоплаватель".

Стр. 20: „Красная окись... превращается въ блестящія капельки ртути".

Стр. 22: „Приливается вода, разбавленная сѣрною кислотой".

Стр. 51—100. Вся глава III озаглавлена „Механическія понятія".

Библиотека "Руниверс"

Стр. 51: „Если предметъ движенія описываетъ кривую линію, какъ напримѣръ, лошадь, гоняемая на веревкѣ, то оно (движеніе) называется криволинейнымъ".

Стр. 67: „Очень часто тѣла, находящіяся, по видимому, въ состояніи покоя, на самомъ дѣлѣ находятся только въ равновѣсіи".

Стр. 77: „Въ немъ сила—рука, сопротивленіе—орѣхъ".

Стр. 90: „До степени $^1/_{10}$ золотника показанія вѣсовъ Рабервала могутъ считаться вѣрными".

Стр. 95: „Свободно падающее тѣло проходитъ въ Петербургѣ въ 1 сек. 16 ф." (должно быть: „въ первую секунду").

Стр. 99: „Если каждое качаніе памятника равно одной секундѣ"...

Стр. 104: Стальной прутъ „выпрямится, то-есть, приметъ первоначальное положеніе (должно быть: „первоначальную форму").

Стр. 140: „... эта цифра составляетъ лишь безконечно малую частичку той теплоты, которую солнце разбрасываетъ вокругъ себя по всѣмъ направленіямъ".

Стр. 149: „При всѣхъ жизненныхъ процессахъ освобождается теплота".

На стр. 180 и др. авторъ говоритъ то о среднемъ, то о естественномъ электричествѣ — безъ всякихъ впрочемъ надлежащихъ объясненій.

На стр. 208 пуговку, которая служитъ для замыканія тока, дѣйствующаго на электрическій звонокъ, авторъ называетъ „коммутаторомъ".

Стр. 216. „Тѣла же, которыя можно видѣть только при помощи заимствованныхъ ими лучей отъ свѣтоваго источника, называются темными".

На стр. 221 авторъ объясняетъ, что въ фотометрѣ тѣни могутъ сдѣлаться равными и продолжаетъ ... „теперь сила или степень напряженія свѣта обоихъ источниковъ стала одинакова".

Стр. 223: „Здѣсь съ лучемъ произошло то же, что происходитъ и съ резиновымъ мячемъ, ударившимся о какую-нибудь преграду".

Стр. 263: „Киноварь красна не потому, чтобъ она имѣла красный цвѣтъ, а потому, что обладаетъ способностью" и т. д.

Въ текстѣ размѣщены 214 задачъ въ формѣ вопросовъ. Онѣ составлены большею частью весьма недурно, хотя попадаются и неудачныя, напримѣръ, такія, на которыя учащійся никоимъ образомъ не въ состояніи отвѣтить. Напримѣръ: Стр. 115: „почему скорость

Библиотека "Руниверс"

звука измѣняется съ измѣненіемъ температуры?" Стр. 157. „Имѣетъ ли температура вліяніе на силу магнитизма?" Стр. 215. „Можно ли намагнитить стальной брусокъ, не пропуская чрезъ его проволоку (!) тока, а разряжая ею лейденскую банку?" Стр. 270. „Почему горы всегда намъ кажутся выше своей дѣйствительной высоты?" Стр. 285. „Отчего ясное небо кажется намъ голубымъ?" На этотъ вопросъ никто не можетъ отвѣтить. На стр. 285 читаемъ вопросъ: „Бываетъ ли радуга въ полдень?" Интересно знать отвѣтъ автора. Вопросъ (стр. 144): „Отчего курительныя свѣчи выгоднѣе ставить на картонъ или дерево, нежели на монету", мы, признаться, не понимаемъ.

Что касается до выбора матеріала, слѣдовало бы прибавить о расширеніи воды при охлажденіи ниже 4° Ц. Пропущены такія основныя вещи, какъ понятія о насыщеніи пространства парами, о зависимости упругости такихъ паровъ отъ температуры, о силѣ тяготѣнія, объ электрическомъ сопротивленіи, объ электровозбудительной силѣ и о силѣ тока. Съ другой стороны, мы считаемъ лишними полиспастъ перваго рода, обманы зрѣнія и слишкомъ большія подробности о воздушномъ насосѣ, о гальванопластикѣ, о телеграфѣ и о десятичныхъ вѣсахъ.

Опечатокъ довольно много, но большинство изъ нихъ не препятствуютъ пониманію текста. Рисунковъ много—335. Нѣкоторые изъ нихъ не безукоризненны. Такъ, чисто французская школьная обстановка, изображенная на многихъ чертежахъ, и даже французскія слова на рис. 57, могутъ показаться странными въ русской книгѣ. Въ рис. 60 центръ тяжести g показанъ слишкомъ низко. Въ рис. 77 производящая вѣтеръ головка находится надъ тучами, такъ что не получается горизонтальный, дѣйствующій на парусъ, вѣтеръ. Рис. 135, разныя формы слуховыхъ трубъ, представляется лишнимъ. Рис. 155 и 156 напечатаны вверхъ ногами. Рис. 180 названъ „электрометръ", хотя изображенъ электроскопъ. Рис. 198 названъ „волшебный квадратъ", хотя изображена электрическая иллюминація, не имѣющая даже формы квадрата. Рис. 209 „умерщвленіе собаки посредствомъ разряженія батареи" лучше бы исключить. Рис. 210 неудачно названъ „расплавленіе проволоки отъ электричества". На рис. 335 всѣ тѣни людей и предметовъ направлены къ солнцу. На стр. 75 недостаетъ чертежа, уясняющаго сказанное въ текстѣ.

Библиотека "Руниверс"

Вальтеръ Менксонъ. Полевая ботаника. Руководство для составителей коллекцій. Наставленіе какъ собирать и сохранять растенія и составлять гербарій. Переводъ съ англійскаго *М. И. Демкова.* Черниговъ. 1883. Цѣна 25 к.

Брошюру эту, составленную старательно и съ знаніемъ дѣла, никакъ нельзя признать безполезною. Она содержитъ въ себѣ очень полезныя указанія и можетъ навести на хорошіе пріемы собиранія и сохраненія растеній, хотя по своей краткости въ иныхъ случаяхъ не даетъ ясныхъ указаній, то-есть, такихъ, которыми можно бы воспользоваться безъ руководителя и примѣра.

Переводъ вообще грамотный и, нужно полагать, вѣрный, хотя по мѣстамъ и замѣтна темнота, очевидно зависящая отъ дурной передачи подлинника. Для примѣра возьмемъ слѣдующее мѣсто, изъ описанія разнаго вида гербаріевъ: „2) Полая книга. Она состоитъ изъ продолговатой четыреугольной доски, пробуравленной множествомъ отверстій. На эту доску съ выпуклой стороны (?) накладывается кипа картону (картона), которая сверху (?) затягивается толстой парусиной, такъ что, когда образчики вынимаются, то парусина ниспадаетъ (?), что̀ облегчаетъ выбираніе растеній." (стр. 35). Это совершенно неясно.

Самый большой недостатокъ книги есть ея длинное заглавіе, по которому покупатель можетъ ждать болѣе пространныхъ соцѣтовъ, и ея высокая цѣна, не соотвѣтствующая объему книги, который не превышаетъ объема одного печатнаго листа обыкновенной печати.

Библиотека "Руниверс"

КАКЪ ПРЕПОДАВАТЬ ДРЕВНІЕ ЯЗЫКИ ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ, ЧТОБЪ ОНИ ПРИНЕСЛИ НАИБОЛЬШУЮ ПОЛЬЗУ ДЛЯ УЧАЩАГОСЯ ЮНОШЕСТВА?

При рѣшеніи этого вопроса нельзя обойдтись безъ общихъ разсужденій вообще о цѣли преподаванія древнихъ языковъ, такъ какъ отъ цѣли преподаванія какого-либо предмета, зависитъ на практикѣ и способъ его преподаванія.

Какъ на главную цѣль преподаванія древнихъ языковъ указываютъ обыкновенно на такъ-называемое формальное развитіе учащихся, а подъ формальнымъ развитіемъ понимаютъ пріученіе ихъ къ отчетливому мышленію и къ сознательному и правильному выраженію мыслей. Изученіе древнихъ языковъ, говорятъ, есть прекрасная гимнастика для ума и рѣчи. Она заставляетъ учениковъ во все вдумываться, давать во всемъ отчетъ, обращать вниманіе на все—и на точное значеніе словъ, и на грамматическія формы и конструкціи, и на связь предложеній, и пріучаетъ ихъ къ вполнѣ сознательному пользованію языкомъ, какъ орудіемъ мысли. Тѣ, которые имѣютъ въ виду эту цѣль, придаютъ первенствующее значеніе грамматическому изученію древнихъ языковъ. Это грамматическое изученіе, говорятъ, больше всего школитъ ученика съ формальной стороны, больше всего дисциплинируетъ его мысль и рѣчь, заставляетъ его вникать не только въ особенности чужаго языка, но и своего; словомъ, вноситъ въ его умъ сознательное отношеніе къ языку. Безспорно, безъ изученія грамматики не мыслимо изученіе языка; вѣрно также и то, что это изученіе полезно для формальнаго развитія. Однако, спрашивается: можно-ли ограничивать изученіе древнихъ языковъ одною формальною цѣлью? По нашему мнѣнію, нѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

Еслибы цѣль изученія древнихъ языковъ, да и не однихъ древнихъ, но также и новыхъ, состояла только въ томъ, чтобы на нихъ, какъ на оселкѣ, изощрять формальную сторону духа, то можно было бы по справедливости возразить: къ чему же тогда изучать въ гимназіяхъ сто́лько языковъ, къ чему изучать, кромѣ отечественнаго, еще два древнихъ и два новыхъ языка (одинъ обязательно, другой необязательно)? Развѣ этой формальной выправки нельзя было бы достигнуть гораздо проще и даже основательнѣе, посредствомъ лучшаго изученія отечественнаго языка и одного какого-нибудь чужаго, напримѣръ, древняго латинскаго, или даже и не древняго, напримѣръ, нѣмецкаго или же французскаго? Развѣ ученикъ больше подвинется въ формальномъ развитіи, если онъ тѣ же самыя упражненія будетъ продѣлывать на четырехъ языкахъ, изучая грамматику четырехъ языковъ и дѣлая переводы съ четырехъ языковъ на русскій и съ русскаго на четыре языка? Вѣдь, не нужно забывать, что изученіе всякаго новаго языка требуетъ не мало времени, и что оно не все состоитъ изъ такой работы, которую можно было бы по справедливости назвать развивающею. Въ изученіи всякаго новаго языка есть много механическаго, много такого, что́ только упражняетъ память или требуетъ хорошей природной памяти, какъ напримѣръ, заучиваніе вокабулъ и фразъ, склоненій, спряженій, правилъ синтаксическихъ и т. п. Всѣ эти упражненія отнимаютъ много времени, и если они въ концѣ концовъ служатъ только для одной цѣли формальнаго развитія, то не составляютъ ли они напраснаго излишества? Не разумнѣе ли было бы все это время, которое уходитъ на изученіе четырехъ языковъ, употребить на изученіе только двухъ? Само грамматическое ученіе и формальное развитіе могло бы только отъ этого выиграть въ основательности.

Затѣмъ можно было бы еще возразить, что, если при изученіи языковъ имѣть въ виду одно только формальное развитіе и съ этою цѣлью по преимуществу сосредоточиваться на грамматическомъ изученіи, то результаты такой системы будутъ довольно ничтожные. Какъ извѣстно, ученики въ нашихъ гимназіяхъ не только не выучиваются говорить или писать по латыни и по гречески или по нѣмецки и по французски, но рѣдко выучиваются даже понимать книги, написанныя на этихъ языкахъ. По нашему мнѣнію, цѣль изученія языковъ вообще въ нашихъ гимназіяхъ, и особенно языковъ древнихъ не такъ ограниченна и узка. Ихъ изучаютъ не только ради грамматики, а ради литературныхъ произведеній этихъ языковъ, а литера-

Библиотека "Руниверс"

турныя произведенія изучаютъ не только для того, чтобы формально развить ученика, но и для того, чтобы развить въ немъ еще нѣчто другое, что выше чисто формальнаго развитія: я разумѣю развитіе понятій и представленій нравственнаго и эстетическаго свойства и вообще расширеніе духовнаго кругозора. Не будь этихъ литературъ, не имѣй онѣ важнаго значенія для нашего образованія, не изучали бы и столько языковъ въ гимназіяхъ. Особенно же можно сказать это о древнихъ языкахъ. Благодаря только тому, что греческая и римская литературы представляютъ много образцовыхъ произведеній по формѣ и по содержанію, которыя могутъ произвести хорошее вліяніе не только на формальное, но и на болѣе общее развитіе, и языки греческій и латинскій изучались и донынѣ еще изучаются, какъ въ западной Европѣ, такъ и у насъ.

И такъ, по нашему мнѣнію, польза отъ изученія древнихъ языковъ происходитъ, главнымъ образомъ, отъ тѣхъ впечатлѣній, которыя оставляетъ въ насъ занятіе образцовыми произведеніями древнихъ литературъ. Самое формальное развитіе мы приписываемъ не столько изученію грамматикъ латинской и греческой и упражненіямъ по предмету этихъ грамматикъ, сколько изученію языка образцовыхъ авторовъ. По нашему мнѣнію, польза отъ изученія греческаго и латинскаго языковъ будетъ малая и, во всякомъ случаѣ, не будетъ стоить потраченнаго на это времени, если учащійся вынесетъ изъ своего многолѣтняго ученія одно только грамматическое знаніе и въ состояніи будетъ перевести какую-нибудь легкую статью съ русскаго языка на греческій и латинскій. Но польза будетъ несомнѣнная, если ученикъ черезъ чтеніе образцовыхъ произведеній классическихъ литературъ и самъ пріучится къ образцовому изложенію, если въ немъ разовьется и эстетическій вкусъ, если, наконецъ, тѣ идеалы, которые созданы поэзіей и исторіей древнихъ народовъ, не пройдутъ безслѣдно для его умственнаго и нравственнаго развитія. Всѣ эти правила грамматическія и замѣтки стилистическія, всѣ эти обороты и конструкціи латинской и греческой рѣчи могутъ быть по окончаніи школы позабыты и обыкновенно забываются. И не бѣда. Но бѣда, если отъ занятій Гомеромъ, Цицерономъ и Гораціемъ ничего не останется, кромѣ однихъ жалкихъ воспоминаній о докучливыхъ и несносныхъ урокахъ по греческому и латинскому языкамъ.

Для того однако, чтобы классическіе авторы могли произвести свое образовательное вліяніе, необходимо не ихъ изучать ради грамматики, а грамматику ради ихъ. Грамматика и грамматическія упраж-

Библиотека "Руниверс"

ненія должны только служить средствомъ для подготовки къ чтенію авторовъ, а не цѣлью. Поэтому всѣ такъ-называемые систематическіе курсы латинской или греческой грамматики, по нашему мнѣнію, излишни. Система грамматическая вовсе не такова, чтобъ она сама по себѣ имѣла формально образовательное значеніе. Она вовсе не представляетъ строго логическаго развитія какихъ-либо общихъ началъ, и части ея вовсе не такъ тѣсно связаны между собою, чтобы нельзя было ихъ переставлять, какъ угодно. То, что въ ней можетъ быть логически выведено, относится только къ самымъ общимъ формамъ рѣчи и должно быть пояснено въ грамматическомъ курсѣ отечественнаго языка (напримѣръ, понятіе о предложеніи, подлежащемъ, сказуемомъ и т. п.). Греческая же и латинская грамматики должны преподаваться такимъ способомъ, который велъ бы скорѣе къ цѣли, то-есть, къ чтенію авторовъ. Что необходимѣе всего знать для того, чтобы возможно было приступить къ чтенію авторовъ, то и должно быть прежде всего пройдено, напримѣръ, формы склоненія и спряженія и главнѣйшія правила синтаксиса, особенно тѣ, въ которыхъ древній синтаксисъ отличается отъ русскаго, и безъ знанія которыхъ не возможно переводить ни даже легчайшихъ авторовъ (напримѣръ о творительномъ или родительномъ самостоятельномъ, о винительномъ съ неопредѣленнымъ, или именительномъ съ неопредѣленнымъ и т. п.). Дальнѣйшія же дополненія по грамматикѣ могутъ быть дѣлаемы или при чтеніи авторовъ вкратцѣ, или болѣе подробно на особыхъ урокахъ, назначенныхъ для упражненія въ грамматикѣ. При такомъ способѣ прохожденія грамматики не только изученіе языка ничего не проиграетъ, но напротивъ того, еще выиграетъ, потому что явится возможность начать чтеніе авторовъ въ возможно скорѣйшемъ времени. Систематическіе же курсы, вопервыхъ, не даютъ возможности начать скоро чтеніе авторовъ, затѣмъ на практикѣ обыкновенно не могутъ быть выдержаны и, наконецъ, представляютъ много излишествъ и повтореній, безъ которыхъ можно было бы обойдтись. Такъ, напримѣръ, если бы строго держаться установленной программы, по которой въ V-мъ классѣ полагается повтореніе этимологіи греческой съ дополненіями о словообразованіи и словосложеніи и начало систематическаго изложенія синтаксиса, и въ то же время предписывается въ первомъ полугодіи читать Ксенофонта, а во второмъ—Гомера, то пришлось бы или постоянно забѣгать впередъ и сообщать то, что въ систематическомъ изложеніи еще не дается ученику, или же отказаться отъ чтенія авторовъ.

Библиотека "Руниверс"

Чтобы быть въ состояніи переводить даже самаго простѣйшаго по слогу греческаго автора, необходимо знать уже главнѣйшія правила греческаго синтаксиса, особенно такія, которыя составляютъ его особенность. Можно начать переводить греческихъ авторовъ и не прошедши всѣхъ статей по порядку, какія помѣщаются въ систематической этимологіи (напримѣръ, о числительныхъ, мѣстоименіяхъ, соотносительныхъ, о словообразованіи и словосложеніи и многое тому подобное), можно также и не прошедши особо правилъ о согласованіи подлежащаго и сказуемаго или о падежахъ и т. п., но нельзя начать переводить (по крайней мѣрѣ, самодѣятельно и сознательно), не зная такихъ конструкцій, которыя чужды русскому языку, а между тѣмъ, постоянно попадаются въ греческомъ авторѣ (напримѣръ, хотя бы родительнаго самостоятельнаго, винительнаго съ неопредѣленнымъ или именительнаго съ неопредѣленнымъ, особенностей въ употребленіи причастія и т. п.).

Затѣмъ, что касается до самаго пріема преподаванія грамматики, то онъ долженъ быть такой, который также скорѣе ведетъ къ главному дѣлу, то-есть, къ чтенію авторовъ. По нашему мнѣнію, самый лучшій способъ—догматическій и демонстративный, а не евристическій, какъ полагаютъ нѣкоторые. Такъ-называемый евристическій методъ, по которому предлагается самому ученику изъ примѣровъ и фразъ вывести правило этимологіи и синтаксиса, слишкомъ много требуетъ времени, а время, которое дано въ распоряженіе ученика, не такъ велико, чтобы можно было имъ распоряжаться безъ разчета. Не нужно забывать, что онъ не одни древніе языки изучаетъ и долженъ изучать, а также и другіе предметы, притомъ въ объемѣ не маломъ, а скорѣе, по нашему мнѣнію, слишкомъ большомъ, если вполнѣ удовлетворить установленнымъ програмамъ. Кромѣ того замѣтимъ, что евристическій пріемъ по отношенію къ чужому языку и непримѣнимъ или же примѣнимъ въ той мѣрѣ, въ которой онъ теряетъ право называться этимъ именемъ. Развѣ можно серьезно думать, чтобъ ученикъ самъ былъ въ состояніи вывести правила этимологіи и синтаксиса того языка, котораго онъ не знаетъ, притомъ не имѣя понятій о терминологіи грамматической, которая должна быть ему сначала еще объяснена. Вся его евристика можетъ заключаться только въ подведеніи формъ этимологіи и синтаксиса подъ готовыя уже понятія и термины грамматическіе, объясненные уже на урокахъ отечественнаго языка, или же въ отысканіи сходства или несходства формъ и конструкцій чужаго языка съ соотвѣтствую-

Библиотека "Руниверс"

щими формами роднаго языка. Этого рода работа не есть, однако, евристика въ настоящемъ смыслѣ, а развѣ только самый примитивный видъ ея, и можетъ быть легко практикуема, разумѣется въ умѣренной дозѣ, и при догматическомъ способѣ преподаванія. Постоянно же заниматься подобною евристикой въ древнихъ языкахъ значитъ опять свести все дѣло на одно формальное развитіе, да и это вести путемъ длиннымъ, утомительнымъ и дающимъ очень ограниченные результаты. Евристическій методъ, какъ и систематическое изложеніе, болѣе пригодны при изученіи грамматики отечественнаго языка, такъ какъ ученикъ владѣетъ тѣмъ матеріаломъ, который необходимъ для евристики, то-есть, владѣетъ языкомъ. На отечественномъ языкѣ и лучше, и скорѣе могутъ быть объяснены и общіе термины грамматическіе, и общія правила рѣчи. По отношенію же къ древнимъ языкамъ, наиболѣе практичный способъ есть тотъ, который скорѣе всего ведетъ къ цѣли, а именно способъ догматическій, по которому правила языка даются готовыми и поясняются на примѣрахъ и посредствомъ упражненій, притомъ даются не въ рутинной системѣ, а въ такомъ порядкѣ, который даетъ возможность какъ можно скорѣе приступить къ чтенію авторовъ. Кромѣ того, и самыя упражненія на отдѣльныя правила грамматики не должны затягиваться слишкомъ долго. Напрасно думать, что посредствомъ этихъ грамматическихъ упражненій можно достигнуть того, чтобъ ученикъ вполнѣ понялъ и усвоилъ себѣ правила языка, и чтобъ онъ, затвердивъ всѣ эти правила при помощи долгихъ упражненій, усвоилъ себѣ и самый языкъ. Можно изучить какую угодно полную и систематическую грамматику и сколько угодно дѣлать упражненій на отдѣльныя правила и все-таки не знать языка. Опытъ показываетъ, что, если мы хотимъ практически изучить какой-нибудь чужой языкъ, мы должны упражняться въ разговорѣ, если же изучаемъ языкъ съ тою цѣлью, чтобы понимать книги, то должны читать эти книги. А такъ какъ древніе языки изучаются только съ послѣднею цѣлью, то мы и можемъ усвоить ихъ себѣ и скорѣе, и лучше всего черезъ чтеніе авторовъ. И такъ, чѣмъ скорѣе приступить къ нему, тѣмъ лучше. Чтеніе авторовъ должно занять первое мѣсто въ изученіи древнихъ языковъ, грамматическія же упражненія—второстепенное.

Для того однако, чтобы чтеніе древнихъ авторовъ могло оказать вліяніе какъ на формальное развитіе, такъ и вообще на умственное и нравственно-эстетическое образованіе, необходимо чи-

Библиотека "Руниверс"

тать ихъ такимъ способомъ, при которомъ вообще чужія литературныя произведенія могутъ произвести нѣкоторое образовательное впечатлѣніе. Конечно, при этомъ нельзя упускать изъ виду и то, какихъ авторовъ читать, и что, и сколько изъ нихъ читать, и то, чтобы избранное для чтенія произведеніе прочитывалось въ теченіе курса вполнѣ или, если оно объемисто, то по крайней мѣрѣ такая часть его, которая представляетъ въ себѣ нѣчто цѣльное и законченное. Безъ сомнѣнія, и Цицеронъ, котораго вся сила заключается въ ораторскомъ искусствѣ, не произведетъ должнаго впечатлѣнія, если вмѣсто рѣчей его читать Тускуланскія разсужденія, да еще прочесть изъ нихъ нѣсколько незаконченныхъ главъ. Но важнѣе еще и выбора, и объема то, какъ читать авторовъ. Это, можетъ быть, самая трудная задача во всемъ дѣлѣ, касающемся преподаванія древнихъ языковъ. Въ этомъ отношеніи можно указать развѣ только въ общихъ чертахъ на то, что слѣдуетъ дѣлать и чего не слѣдуетъ дѣлать при чтеніи авторовъ, для того, чтобъ отъ этого занятія получались наиболѣе плодотворные результаты для учащихся. Прежде всего необходимо пріучать ученика не только къ дословной и точной передачѣ читаемаго автора, но и къ передачѣ его хорошимъ или литературнымъ русскимъ языкомъ. Начиная уже съ перваго или легчайшаго автора, напримѣръ, съ Анабазиса Ксенофонта и оканчивая труднѣйшимъ, напримѣръ, Софокломъ, необходимо постоянно исправлять не только неточности въ переводѣ ученика, но и выраженія и обороты, несоотвѣтственные съ требованіями русскаго языка или же неудачные въ литературномъ отношеніи; а при чтеніи ораторовъ и поэтовъ очень полезно, чтобы учитель, послѣ перевода какого-нибудь отрывка, сдѣланнаго ученикомъ, и самъ еще разъ перевелъ его въ возможно болѣе совершенной формѣ. При чтеніи необъемистыхъ произведеній, напримѣръ, одъ Горація и т. п., подобный переводъ можно дѣлать уже послѣ прочтенія цѣлаго произведенія. Такъ какъ ученикъ не владѣетъ еще литературнымъ русскимъ языкомъ, а учится только этому, то не слѣдуетъ для перевода выбирать такихъ авторовъ или такія мѣста изъ нихъ, которыя представляютъ въ стилистическомъ отношеніи слишкомъ большія трудности для учащихся. Такъ, по нашему мнѣнію, для VI-го класса гимназій рѣчи Исократа, написанныя отдѣланными періодами, могутъ представить непосильныя упражненія. Точно также, по нашему мнѣнію, чтеніе Тита Ливія умѣстнѣе въ VI-мъ классѣ, а рѣчей Цицерона—въ VII-мъ, а не наоборотъ, какъ это принято въ нашей практикѣ. Затѣмъ

Библиотека "Руниверс"

самыя объясненія должны касаться не только языка, но и содержанія. Конечно, въ начальномъ чтеніи, то-есть, въ низшихъ классахъ, гдѣ читаются преимущественно авторы историческаго содержанія, объясненія будутъ болѣе касаться языка, такъ какъ содержаніе объясняется самимъ авторомъ. Но при чтеніи болѣе трудныхъ авторовъ, какъ-то поэтовъ, ораторовъ, философовъ, объясненія должны касаться не только языка, но и содержанія. Впрочемъ, всѣ объясненія, какъ по языку, такъ и по содержанію, должны быть по возможности кратки и касаться только того, что можетъ затруднять ученика при чтеніи автора. Они не должны ограничивать самодѣятельность ученика, а должны только помогать ей и дѣлать ее основательнѣе и совершеннѣе. Сначала эти объясненія должны быть сообщаемы при самомъ переводѣ, когда встрѣтится мѣсто, затрудняющее ученика или не вполнѣ имъ понимаемое. Въ высшихъ же классахъ, особенно при чтеніи нѣкоторыхъ произведеній (какъ, напримѣръ, Одъ Горація), объясненія могутъ быть сообщаемы и отдѣльно уже послѣ перевода, сдѣланнаго ученикомъ. Вообще въ высшихъ классахъ характеръ объясненій долженъ быть болѣе многосторонній и касаться не только однихъ частностей и отдѣльныхъ мѣстъ, но и болѣе общаго. Такъ, при чтеніи діалога Платона необходимо указывать на основную мысль его и на развитіе этой мысли, при чтеніи трагедіи Софокла—на главную фабулу и развитіе дѣйствія, на части трагедіи, на сценическую обстановку и т. п., а при чтеніи рѣчи Цицерона—на главный предметъ рѣчи, на расположеніе частей рѣчи и т. п. Разумѣется, эти объясненія должны держаться въ умѣренныхъ границахъ и не должны отвлекать ученика отъ читаемаго произведенія. Всякій по опыту знаетъ, что чѣмъ непрерывнѣе читается авторъ, и чѣмъ болѣе направлены всѣ объясненія на него одного, тѣмъ болѣе производитъ онъ впечатлѣнія на читающаго. Языкъ его становится понятнѣе, а вслѣдствіе того и содержаніе его начинаетъ болѣе интересовать; а коль скоро возбужденъ интересъ въ учащемся, тогда и работа его становится болѣе плодотворною и образовательною. Хуже всего и безплоднѣе такое чтеніе авторовъ, при которомъ, если не исключительно, то по крайней мѣрѣ главнымъ образомъ, обращается вниманіе на одни, такъ-сказать, слова и грамматическія формы и конструкціи, а содержаніе и художественная форма изложенія отступаютъ совершенно на задній планъ. Поэтому отдѣльное спрашиваніе вокабулъ или же формъ грамматическихъ, особенно въ высшихъ классахъ, не должно ни въ какомъ случаѣ

Библиотека "Руниверс"

составлять занятія на урокахъ, назначенныхъ для чтенія авторовъ. Для мало-мальски опытнаго учителя подобныя спрашиванія и не нужны. Онъ и безъ того въ состояніи будетъ узнать, приготовилъ ли ученикъ заданное для чтенія мѣсто или нѣтъ.

Однако могутъ намъ замѣтить, что все то, что мы предлагаемъ, не ново, и что на это указывается отчасти въ гимназическихъ программахъ. Совершенно вѣрно. По нашимъ программамъ полагается не малое число уроковъ на чтеніе авторовъ, предписывается также подробно, какихъ читать авторовъ, сколько изъ нихъ читать и даже какъ читать. Но всѣ эти правила не могутъ быть выполнены, потому что они парализуются другими не менѣе обязательными правилами. Между этими правилами самое выдающееся мѣсто занимаетъ, по нашему мнѣнію, то, по которому письменнымъ работамъ по латинскому и греческому языку дано рѣшающее или по крайней мѣрѣ главное вліяніе на полученіе аттестата зрѣлости. Вслѣдствіе этого постановленія, все преподаваніе древнихъ языковъ направляется главнымъ образомъ на изученіе грамматическое и на упражненія въ письменныхъ переводахъ съ русскаго языка на древніе. И понятно: на что больше всего обращается вниманія, то и дѣлается больше всего предметомъ школьныхъ занятій. Вслѣдствіе того и чтеніе авторовъ невольно обращается въ упражненіе по грамматикѣ. Для того, чтобы сдѣлать изученіе древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ болѣе плодотворнымъ, казалось бы полезнымъ ослабить значеніе письменныхъ работъ и сдѣлать главнымъ мѣриломъ зрѣлости степень пониманія ученикомъ языка и содержанія авторовъ. Изученіе древнихъ языковъ отъ этого только выиграетъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ въ самомъ дѣлѣ возможно будетъ прочесть и больше авторовъ и болѣе толково, какъ это желается и самими установленными программами.

И такъ, въ заключеніе: 1) по меньше систематическаго изученія грамматики и долгихъ упражненій на статьи грамматики по разнымъ учебникамъ; 2) по больше изучать языкъ авторовъ и не одинъ языкъ, но и содержаніе, и 3) читать авторовъ не только съ цѣлью формальнаго упражненія, но и съ цѣлью болѣе общаго развитія.

Конечно, такое преподаваніе древнихъ языковъ, которое, по нашему мнѣнію, наиболѣе способно принести пользы, возможно только при соотвѣтствующей подготовкѣ учителей древнихъ языковъ. Чѣмъ больше они въ тѣхъ заведеніяхъ, въ которыхъ они готовятся для

Библиотека "Руниверс"

своей профессіи, будутъ пріобрѣтать начитанности въ древнихъ авторахъ, чѣмъ больше они будутъ изучать и знать языкъ и содержаніе древнихъ авторовъ, тѣмъ болѣе они будутъ способны и вести дѣло классическаго образованія. Впрочемъ вопросъ о нашемъ высшемъ преподаваніи, на сколько оно подготовляетъ будущихъ преподавателей по древнимъ языкамъ, есть уже другой вопросъ, котораго касаться здѣсь было бы неумѣстно.

А. Шейеманъ.

Библиотека "Руниверс"

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

Русская грамматика для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *А. Преображенскій* (преподаватель 4-й Московской гимназіи). Часть вторая. Синтаксисъ. Изданіе второе, вновь обработанное и значительно дополненное. Стр. XI+122. Москва. 1884. Цѣна 50 коп.

Первое изданіе этой книги вышло въ 1882 году. Въ настоящее время она является вторымъ изданіемъ, дополненнымъ сравнительно съ первымъ. Эти перемѣны и дополненія состоятъ въ слѣдующемъ: 1) изложеніе главныхъ правилъ исправлено и упрощено; ученіе о падежахъ и глагольныхъ формахъ получило иной порядокъ и значительныя дополненія; 2) въ примѣчаніяхъ, напечатанныхъ мелкимъ шрифтомъ, а также и въ нѣкоторыхъ прибавленіяхъ, указаны важнѣйшіе факты церковно-славянскаго, древне-русскаго и народнаго языка, на сколько это нужно ученику старшихъ классовъ при чтеніи произведеній отечественной словесности; 3) нѣкоторые факты русскаго языка объяснены посредствомъ сравненія съ древними языками на томъ основаніи, что учебникъ приноровленъ главнымъ образомъ къ употребленію въ гимназіяхъ классическихъ.

Книга эта обладаетъ качествами, нужными каждому изъ произведеній учебной литературы. Она заключаетъ въ себѣ все существенное, не вдаваясь въ подробности, слѣдовательно, представляетъ разумную полноту; въ изложеніи нѣтъ напраснаго многословія, затемняющаго предметъ и путающаго учащихся; опредѣленія и правила подкрѣпляются надлежащими примѣрами.

---

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Библиотека "Руниверс"

Укажемъ однако на одинъ промахъ. Стихъ: „Гремитъ! благогонѣй сынъ персти“ (стр. 8, пунктъ 1)—не Державина, а И. И. Дмитріева, изъ его оды: „Размышленіе по случаю грома“.

Этимологія русскаго языка. Повторительный курсъ для старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Часть 1. Составилъ *П. И. Богдановъ*. Изданіе второе, исправленное. Въ 8 д. Стр. IX. 210. Кіевъ. 1883. Цѣна 60 к.

Сожалѣя, что „во многихъ заведеніяхъ вполнѣ игнорируется“ повтореніе въ старшихъ классахъ русской грамматики, составитель разсматриваемаго учебника признаетъ это повтореніе „безспорно необходимымъ“, и вотъ на какихъ основаніяхъ: „Если“, говоритъ онъ въ предисловіи къ своему учебнику,—„въ первыхъ трехъ классахъ изучается элементарный курсъ въ параллели съ церковно-славянскимъ, то въ старшихъ классахъ необходимо болѣе полное и систематическое знакомство съ русскимъ языкомъ, тѣмъ болѣе, что отъ взрослаго ученика требуется безусловная грамотность и болѣе сознательное отношеніе къ особенностямъ роднаго слова. Но странно было бы предлагать для этой цѣли воспитанникамъ старшихъ классовъ элементарный учебникъ, служившій имъ въ младшихъ классахъ: едва ли ихъ знанія отъ того выиграютъ“.

Но постановка русской грамматики, то-есть, количество учебныхъ часовъ, значеніе предмета въ цѣломъ курсѣ заведенія и опредѣляемый тѣмъ объемъ программы, а также свойство сообщаемыхъ по ней свѣдѣній, до того различны въ нашихъ средне-образовательныхъ училищахъ, что нѣтъ никакой возможности составить учебникъ, одинаково удовлетворяющій всѣмъ разнообразнымъ требованіямъ не только преподавателей, которые иной разъ возводятъ грамматику въ научное языкознаніе, но и программъ, воззрѣнія и объемъ коихъ разнообразятся въ зависимости отъ цѣлей и состава полнаго курса наукъ заведенія. Да и „Повторительный курсъ“, назначаемый вообще для среднихъ учебныхъ заведеній, опирается однакожъ на опытъ лишь тѣхъ изъ нихъ, гдѣ „въ трехъ классахъ изучается элементарный курсъ въ параллели съ церковно-славянскимъ“. Изъ этой-то элементарной параллели, представляющей собою вавилонское смѣшеніе языковъ и нарушающей основный законъ дидактики, по которому простѣйшее предшествуетъ сложному, наглядное — отвлеченному, анализъ — синтезу, и является въ программѣ, цитуемой въ предисловіи „Повторительнаго курса“, необходимость „сблизить школу съ наукой (см. программу бывшихъ воен-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ гимназій, нынѣ кадетскихъ корпусовъ, курсъ V-го класса). Признавать же, на основаніи этого частнаго и притомъ погрѣшительнаго въ дидактическомъ отношеніи опыта, предварительный курсъ грамматики русскаго языка „безспорно необходимымъ"—по меньшей мѣрѣ слишкомъ беззастѣнчиво.

Въ другихъ средне-образовательныхъ училищахъ, гдѣ первые три класса посвящаются одной русской грамматикѣ, предваренной практическимъ курсомъ приготовительнаго класса и завершающейся въ IV-мъ классѣ систематическою этимологіей церковно-славянскаго языка въ связи съ русскимъ, въ объемѣ, примѣрно, учебника г. Будиловича, который не только „отводитъ первое мѣсто языку церковно-славянскому", но и занятъ исключительно имъ однимъ, — „Повторительный курсъ этимологіи русскаго языка для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній" рѣшительно ничего не прибавитъ новаго. Въ учебникѣ г. Будиловича, вмѣстѣ съ изборникомъ, всего $10^1/_2$ листовъ въ обыкновенную 8-ю долю, тогда какъ у г. Богданова въ „Повторительномъ курсѣ" 14 листовъ въ 8-ю долю самаго большаго формата; въ первомъ всего 91 страница крупнаго цицеро, а во второмъ 510 убористаго шрифта. Притомъ г. Будиловичъ назначаетъ свой учебникъ не для IV-го только класса, но и для остальныхъ, старшихъ, вслѣдствіе чего основный матеріалъ этимологіи (для IV-го класса) напечатанъ крупнымъ узкимъ шрифтомъ, въ отличіе отъ дополнительныхъ подробностей, назначаемыхъ для послѣдующихъ классовъ, которыя набраны шрифтомъ широкимъ. Это методическое приспособленіе, составляющее особенность учебника г. Будиловича важно не только въ экономическомъ, но и дидактическомъ отношеніи: ученикъ, ознакомившись съ книгой, легче и охотнѣе пользуется ею; а то, что она служитъ ему на разныхъ степеняхъ обученія предмету, придаетъ ей въ его глазахъ больше цѣны и представляетъ удобный случай провѣрить свои раннія представленія по грамматикѣ позднѣйшими, полученными полнымъ ознакомленіемъ съ учебникомъ, тогда какъ при смѣнѣ учебниковъ неясность и неосновательность представленій, пріобрѣтенныхъ отъ преподаванія въ младшемъ возрастѣ, обыкновенно сваливается на учебникъ, что̀ умаляетъ въ глазахъ ученика значеніе самаго предмета.

Порвавъ связь съ преподаваніемъ русской грамматики въ младшихъ классахъ, „Повторительный курсъ" наполняется массой матеріала, для старшихъ классовъ совершенно ненужнаго: всевозможными и притомъ самыми пространными таблицами парадигмъ и перечнями

Библиотека "Руниверс"

исключеній, которыя не только не „сближаютъ школу съ наукой", но низводятъ учебникъ, назначаемый для старшихъ классовъ, на степень элементарнаго и подрываютъ въ глазахъ учащихся значеніе самой науки; ибо въ этихъ таблицахъ и перечняхъ ученикъ старшаго класса не можетъ встрѣтить ничего новаго, расширяющаго или углубляющаго его грамматическія представленія и знанія. Перечень наиболѣе употребительныхъ словъ въ корнѣ съ *и* (стр. 24), перечень корней, въ которыхъ принято (?) писать *ѣ*, и упражненія къ нему (стр. 29—33), перечень глаголовъ, употребляющихся только съ приставками (92), и всѣхъ глаголовъ первообразныхъ вида совершеннаго (94), глаголовъ производныхъ, не имѣющихъ первообразныхъ формъ (95), глаголовъ совершеннаго вида, образующихся чрезъ измѣненіе суффикса *а* или *я* на *и* (96), таблица спряженій глаголовъ въ дѣйствительномъ залогѣ (107), образцы спряженій глагола дѣйствительнаго и страдательнаго въ разныхъ видахъ (112—116), полный перечень глаголовъ, разноспрягаемыхъ и неправильныхъ (117—123), перечень глаголовъ, представляющихъ въ чемъ-либо затрудненіе (124—126), таблица и парадигмы всѣхъ мѣстоименій (132—137), парадигмы склоненій именъ (151, 156, 158, 160), перечень существительныхъ, представляющихъ въ чемъ-либо затрудненіе (161—165), склоненіе прилагательныхъ качественныхъ краткихъ и полныхъ (178—179), склоненіе прилагательныхъ съ основою на шипящую (180) и притяжательныхъ (181—183), склоненіе формъ сравнительной степени и причастій (184), перечень именъ прилагательныхъ, чѣмъ-либо представляющихъ затрудненіе въ правописаніи (185—186), склоненіе числительныхъ (191—193), перечень всевозможныхъ нарѣчій (194—199), орѳографическій перечень нарѣчій (200—201),—все это, бремя учебникъ старшихъ классовъ своимъ излишествомъ, безцѣльно увеличиваетъ объемъ книги и придаетъ грамматическимъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ видахъ „сближенія школы съ наукою", характеръ пособія для корректоровъ. Если для навыка въ орѳографіи и нужны нѣкоторые изъ этихъ перечней, то мѣсто ихъ въ младшихъ классахъ, гдѣ этотъ навыкъ и долженъ быть пріобрѣтенъ. Въ старшихъ же классахъ подобные перечни лишь возбуждаютъ нерасположеніе къ предмету. Отъ грамматики роднаго языка, которому ученикъ старшаго возраста научился не только въ обыденномъ употребленіи, но и отъ высшихъ представителей отечественнаго слова, онъ требуетъ обобщеній, законовъ, съ помощью коихъ онъ самъ могъ бы упра-

Библиотека "Руниверс"

виться въ частныхъ случаяхъ. Авторитетъ справочной книги никогда не замѣнитъ ему критерія, сообщаемаго наукой.

Помѣщеніе въ „Повторительномъ курсѣ“ вышеназваннаго матеріала, которымъ ученикъ старшихъ классовъ давно владѣетъ эмпирически, ясно говоритъ, что учебникъ хлопочетъ, главнымъ образомъ, объ орѳографіи, которою учащіеся, проходя въ первыхъ трехъ классахъ „русскую грамматику въ параллели съ церковно-славянскою“, по видимому, не овладѣваютъ. Добавочныя же къ сему свѣдѣнія, изложенныя въ первой главѣ, цѣль которой указать церковно-славянскому и русскому языку мѣсто въ семьѣ индо-европейскихъ языковъ, и во второй главѣ, наполненной замѣтками изъ графики и фонетики, суть не что иное, какъ средство дать учебнику мѣсто въ старшихъ классахъ тѣхъ средне-учебныхъ заведеній, гдѣ не знаютъ, куда дѣвать время, отведенное преподаванію русскаго языка, и гдѣ упускаютъ изъ виду, что средняя школа обязана дать учащемуся не столько научныхъ знаній по родному языку, сколько умѣнья владѣть имъ устно и письменно.

Правда, рядомъ съ успѣхами славянской филологіи назрѣлъ вопросъ о перемѣщеніи преподаванія церковно-славянскаго языка изъ младшихъ классовъ въ старшіе, гдѣ оно могло бы принять болѣе научный характеръ и оказать самую дѣятельную услугу изученію состава и строя языка русскаго, чѣмъ средне-образовательное училище обязано снабдить своихъ питомцевъ, имѣющихъ дѣйствовать въ качествѣ людей образованныхъ, то-есть, устно и письменно руководить другими; но „Повторительный курсъ“ своими запоздалыми заботами объ орѳографіи и своимъ содержаніемъ, „выбраннымъ изъ многочисленныхъ трудовъ по славянскому языковѣдѣнію“, ни мало не содѣйствуетъ рѣшенію этого вопроса, хотя и признаетъ за собою попытку этого рода, въ своемъ предисловіи.

Сознавая, что „нелегко выбрать изъ многочисленныхъ трудовъ по славянскому языковѣдѣнію именно то, что необходимо для старшаго возраста“, и возлагая, даже при настоящемъ второмъ изданіи, надежду на критику и практику, „путемъ коихъ недостатки учебника въ этомъ отношеніи легко могутъ быть устранены со временемъ“, „Повторительный курсъ“ даетъ не систему знаній, проникнутыхъ единствомъ, а сборникъ свѣдѣній, связанныхъ лишь внѣшнимъ образомъ и принадлежащихъ разнымъ направленіямъ и воззрѣніямъ, господствующимъ въ славяновѣдѣніи. Эта безсистемность учебника по предмету, которому наче другихъ подобаетъ заботиться о своей фор-

Библиотека "Руниверс"

нальной цѣлости и законченности, какъ по преимуществу вліяющему на развитіе вкуса къ ней и въ учащихся, сказывается еще въ оглавленіи „Повторительнаго курса“. Вторая глава его, напримѣръ, посвященная самому важному, основному элементу первой части грамматики, фонетикѣ, состоитъ изъ однихъ отрывочныхъ свѣдѣній, не обобщенныхъ даже внѣшнимъ образомъ и расположенныхъ безъ всякой системы, что̀ необходимо затрудняетъ усвоеніе ея содержанія. Первая статья второй главы носитъ заглавіе: „Фонетика и ученіе о буквахъ“. Заглавіе поразительное и по насильственному сочетанію его элементовъ (фонетика и буквы), и по ихъ размѣщенію (сперва фонетика, а потомъ буквы). Обыкновенно ученіе о буквахъ, графика, предшествуетъ фонетикѣ, что̀ и обусловливается естественнымъ взаимнымъ отношеніемъ этихъ двухъ частей фонологіи. По справкѣ съ текстомъ учебника оказывается, что столь громкое, жирнымъ шрифтомъ съ разставкой напечатанное заглавіе относится тамъ не къ одному § 7-му, какъ значится въ оглавленіи, а къ цѣлому ряду параграфовъ, отъ 7-го до 10-го включительно, ибо лишь на стр. 16 слѣдуетъ опять подобное ему по виду заглавіе: „Произношеніе и употребленіе церковно-славянскихъ буквъ“, а за нимъ на стр. 19—третье (о звукѣ языка) и т. д., и такимъ образомъ весь отдѣлъ фонетики дѣлится одинаково напечатанными заглавіями какъ бы на главы, которыя, въ свою очередь, подраздѣляются на параграфы. Возникаетъ вопросъ: какія же изъ этихъ заглавій, то-есть, принадлежащія ли тексту, или оглавленію, вѣрнѣе указываютъ содержаніе учебника? Текстъ §§ 7—10 даетъ объясненіе наименованій: фонетика, даръ слова, буква, алфавитъ, кириллица и глаголица, предлагаетъ алфавитъ церковно-славянскій и русскій, а въ примѣчаніяхъ—славянскіе численные знаки и указанія на несоотвѣтствіе между русскими буквами и звуками, на различіе русскаго алфавита и церковно-славянскаго; затѣмъ идетъ дѣленіе буквъ церковно-славянскихъ и русскихъ на виды, и опредѣляются буквы гласныя, согласныя и полугласныя, при чемъ въ отдѣлѣ о полугласныхъ совѣтуется изгнать изъ русскаго алфавита ъ и ь. Вотъ подробное содержаніе отдѣла подъ громкимъ заглавіемъ!

Но можетъ быть, это случайная неудача, какой-нибудь недосмотръ, промахъ? Чтобы рѣшить возникающее такимъ образомъ недоумѣніе, обращаемся къ слѣдующему отдѣлу учебника, носящему на стр. 16 заглавіе: „Произношеніе и употребленіе церковно-славянскихъ буквъ“. Подъ заглавіемъ помѣщенъ § 11-й, раздѣленный на 15 нумеровъ

Библиотека "Руниверс"

Въ самомъ началѣ § 11-го дѣлается общее замѣчаніе, что „каждая буква въ церковно-славянскомъ языкѣ произносится такъ, какъ написана“ (?), но тѣмъ не менѣе подъ № 7 говорится, что „буква ѣ служитъ для начертанія самостоятельнаго звука, долгаго е“; что „она (ѣ) занимаетъ то мѣсто въ словѣ, гдѣ въ другихъ родственныхъ языкахъ находится обыкновенно двоегласная“ (?). При этомъ ссылка на § 16-й, гдѣ слѣдуетъ искать дальнѣйшихъ разъясненій на счетъ ѣ. И дѣйствительно, въ этомъ параграфѣ, подведенномъ подъ отдѣльное, тоже жирнымъ шрифтомъ и съ разставкой напечатанное заглавіе: „Гласные звуки русскаго языка“, въ пяти нумерахъ, съ отдѣльнымъ приступомъ и заключеніемъ, совѣтующимъ устранить сію букву (ѣ) изъ русскаго алфавита, изложено все то, что можно найдти у Миклошича и Колосова съ подтвержденіемъ мнѣній словами санскритскими, греческими, литовскими, готскими, финскими, древне-нѣмецкими и латинскими; но при всемъ томъ рѣшенный для „Повторительнаго курса“ вопросъ, помѣщенный въ учебникѣ не на мѣстѣ, остается въ наукѣ спорнымъ и для учебника даже старшихъ классовъ ни мало не пригоднымъ. Конецъ § 11-го украшенъ измышленіемъ, что „всѣ древнія рукописи писались вязью, то-есть, такъ, что одно слово соединялось непосредственно въ одну линію съ другимъ“. Хотя и вѣрно послѣднее о соединеніи словъ, но вязью назывался всегда особый родъ стариннаго письма, въ коемъ буквы не только цѣплялись, но и входили одна въ другую. Подъ § 8-мъ поставлены юсы и указанъ ихъ составъ, но въ немъ недостаетъ одного равенства ѫ = ин, им. Чтобы оправдать молчаніе о выговорѣ юсовъ, прибавлено вслѣдъ за составомъ, что „подлинное произношеніе юсовъ неизвѣстно“, тогда какъ на самомъ дѣлѣ наукѣ извѣстно непреложное рѣшеніе этого вопроса, опирающееся на древнее наименованіе юсовъ въ греко-славянскихъ букваряхъ, на транскрипцію словъ славянскихъ греческими буквами и транскрипцію латинскую, на способъ перегласовки словъ, заимствованныхъ изъ церковно-славянскаго языка румынскимъ, мадьярскимъ и ново-греческимъ, на способъ передачи словъ, заимствованныхъ славянскимъ языкомъ изъ нѣмецкаго, на чередованіе юсовъ предъ согласными и въ концѣ словъ съ носовыми слогами, на аналогію съ польскимъ, а отчасти и съ македонскими говорами, на сравненіе словъ одного корня въ греческомъ, латинскомъ и церковно-славянскомъ. Весьма важное для фонетики церковно-славянскаго и русскаго языковъ разъясненіе ринезма юсовъ „Повторительный курсъ“ замѣняетъ, вопреки своему притязанію на научность, такимъ прак-

Библиотека "Руниверс"

тическимъ указаніемъ: „Зная составъ юсовъ, можно объяснить и происхожденіе слога ен въ словахъ имя, знамя и т. п. Въ этихъ словахъ а разлагается въ косвенныхъ падежахъ, предъ гласнымъ окончаніемъ, на свои составныя части". Но развѣ ринезмомъ одного только малаго юса можетъ воспользоваться русская грамматика, и развѣ только для вышеназванныхъ словъ? А слова: вонь, обоняніе, надменный, и имъ подобныя? Но главное дѣло для насъ не въ недостаточномъ разъясненіи употребленія юсовъ, когда объ измѣненіи звуковъ не настала еще очередь говорить, и самый терминъ „разложеніе" еще не выясненъ,—и притомъ говорить такъ неточно, сбивчиво! На стр. 40, правда, представляется удобный случай снова говорить объ юсахъ, но и тамъ дается лишь слѣдующее сбивчивое и темное указаніе: „а усиливается въ ж, или ен въ он", и за правильными примѣрами славянскими слѣдуютъ ничего не говорящіе и даже неправильные русскіе: „трясти—трусъ, звенѣть—звонъ, стенать—стонъ".

И такъ, напечатанныя жирнымъ шрифтомъ съ разставкой заглавія фонетической части „Повторительнаго курса" не соотвѣтствуютъ помѣщенному подъ ними содержанію; гораздо вѣрнѣе заглавія оглавленія, опредѣляющія содержаніе отдѣльныхъ параграфовъ учебника, но и между ними нѣтъ правильнаго логическаго отношенія. Почему, напримѣръ, гласные звуки древне-болгарскаго и русскаго языка разсматриваются порознь, безъ всякой связи, когда первые получаютъ мѣсто въ русской этимологіи лишь ради выясненія вторыхъ? Зачѣмъ изъ „общаго обзора развитія и измѣненія гласныхъ и согласныхъ церковно-славянскихъ и русскихъ звуковъ", тоже изложеннаго безъ изъясненія ихъ взаимной связи, выдѣлены въ самостоятельные отдѣлы статьи: а) „до-славянская, пра-славянская и діалектическая ступени развитія звуковыхъ измѣненій", и б) „подъемъ и усиленіе гласныхъ"? Чѣмъ рознится содержаніе заглавій, или лучше сказать, чѣмъ исключаются заглавія: „звуковыя отличія древне-русскаго языка отъ старославянскаго" и „особенности старо-славянской фонетики, вошедшія въ литературный русскій языкъ"? Звуковыя отличія древне-русскаго языка, вѣдь, всѣ вошли въ литературный русскій языкъ или же слышатся въ разговорной рѣчи; славянизмы, вошедшіе въ русскую литературную рѣчь, также стали достояніемъ русскаго языка: стало быть, въ обоихъ вопросахъ дѣло идетъ о развитіи русской фонетики, или о томъ, что̀ говорится въ учебникѣ ниже, въ §§ 28—38, озаглавленныхъ: „Законы измѣненія гласныхъ и согласныхъ звуковъ въ рус-

Библиотека "Руниверс"

скомъ языкѣ", что, въ свою очередь, можетъ быть разсмотрѣно и выяснено лишь въ непосредственной связи съ развитіемъ и измѣненіемъ звуковъ въ древне-славянскомъ языкѣ (§ 18—25 въ учебникѣ).

Отъ размѣщенія учебнаго матеріала переходимъ къ его изложенію.

Опредѣливъ букву, какъ „условный письменный знакъ, который представляетъ собой изображеніе звука человѣческаго голоса на какомъ-либо предметѣ" (?), и тѣмъ указавъ, что въ фонологіи главное—звукъ, учебникъ все-таки сперва говоритъ не объ образованіи человѣческаго звука вообще, а о буквѣ, и такимъ образомъ, лишаетъ себя выгоды пользоваться при ученіи о буквахъ ученіемъ о звукахъ. Подобно этому, раздѣливъ звуки на шумы (шелесты) и тоны (лучше бы—звоны), и замѣтивъ, что по качеству звуки человѣческой рѣчи могутъ быть приравнены къ тонамъ и шумамъ и носятъ названіе гласныхъ и согласныхъ, „Повторительный курсъ", при опредѣленіи гласныхъ и согласныхъ (стр. 15)—оно не было бы излишнимъ, еслибъ ученіе о звукахъ предшествовало ученію о буквахъ,—гласными называетъ тѣ буквы, „которыя произносятся открытымъ голосомъ и представляютъ собою одинъ только звукъ", и согласными—тѣ, „что произносятся при помощи какого-либо органа рта и представляютъ собою сочетаніе двухъ звуковъ, такъ какъ отчетливое произношеніе согласной совершается при поддержкѣ гласной". Такимъ образомъ, изъ этого опредѣленія выходитъ, что я, ю, іе и всѣ іотированные юсы суть согласныя, такъ какъ они выражаютъ собою сочетаніе двухъ звуковъ, равно какъ и у и і, такъ какъ первая произносится при участіи „органа рта"—губъ, а вторая—при участіи двухъ „органовъ рта"—неба и языка. Въ началѣ § 11-го говорится: „буква ѥ употребляется въ началѣ словъ, а также въ концѣ и срединѣ послѣ гласныхъ"; но развѣ другія іотированныя употребляются иначе? Въ § 13, къ церковно-славянскимъ гласнымъ чистымъ отнесены ы и ѣ, которыя, по опредѣленію ихъ состава самимъ „Повторительнымъ курсомъ" въ §§ 11 и 15, въ примѣчаніи къ § 14 и въ 16, должны бы явиться смѣшанными, каковыми онѣ и признаются въ наукѣ. На стр. 14 даются буквы древне-болгарскаго языка", а на стр. 16 говорится уже о „произношеніи и употребленіи церковно-славянскихъ буквъ"; затѣмъ, въ заглавіяхъ на стр. 20, 23 и 41 снова появляется древне-болгарскій языкъ. Правда, на стр. 9 объясняется, что оба эти названія — синонимы; но для учебника такая невыдержанность по меньшей мѣрѣ неудобна: она сбиваетъ и путаетъ учащихся и неопытнаго учителя.

Библиотека "Руниверс"

Нельзя пройдти молчаніемъ и неспокойный, критическій тонъ и проекты нововведеній, вовсе неприличные учебнику. Этимъ тономъ проникнута вся книга, но особенно выдается § 14, наполненный самыми элементарными свѣдѣніями, изложенными съ несвойственною имъ широковѣщательностью. Тутъ говорится, что гласныхъ мягкихъ нѣтъ, а есть согласныя; что „теорія о какихъ бы то ни было мягкихъ (звукахъ или буквахъ) допущена была до сихъ поръ вслѣдствіе смѣшенія понятій о буквахъ и звукахъ"; что „въ грамматикахъ говорится о мягкихъ гласныхъ, а не о смягчаемости согласныхъ, то-есть, говорится о томъ, чего нѣтъ въ языкѣ, и не говорится о томъ, что дѣйствительно существуетъ"; что изъ двухъ и, і „можно бы удержать первое начертаніе, а второму предоставить роль йота"; что вполнѣ умѣстно причислить къ мягкимъ гласнымъ звука ё и ввести его во всеобщее употребленіе: въ такомъ случаѣ правописаніе словъ: почтальёнъ, бульёнъ вполнѣ соотвѣтствовало бы произношенію; что „если принять весьма выгодное (?) правописаніе іа, іэ, іу, іо вмѣсто я, е, ю, ё (послѣ гласныхъ, согласныхъ и въ началѣ словъ), то твердый знакъ (ъ) окажется совершенно излишнимъ, напримѣръ, обіавить, подіомъ, віэхать и т. д.": въ такомъ случаѣ, „исключивши окончательно изъ азбуки ѣ, можно было бы значительно упростить русское правописаніе и сдѣлать его болѣе соотвѣтствующимъ произноснимъ буквамъ"; что гораздо удобнѣе было бъ исключить „сочетаніе сч и вездѣ замѣнять его начертаніемъ щ"; что „буква ѳ выходитъ изъ употребленія"; что „буквы ъ и ь называются, по справедливости, знаками" (хотя также извѣстно, что и всѣ остальныя буквы суть тоже знаки, какъ въ § 10 называетъ ихъ и самъ учебникъ); что ъ въ концѣ словъ оказывается совершенно лишнимъ, равно какъ и въ срединѣ можетъ быть съ удобствомъ (?) опущенъ, если только слѣдующую, такъ-называемую гласную замѣнить сочетаніемъ j съ твердою согласною (напримѣръ, обја-вить=объявить); равнымъ образомъ „можетъ быть замѣненъ ь, хотя съ меньшимъ удобствомъ, надстрочнымъ знакомъ, поставленнымъ надъ предыдущею согласною, напр., ноч', лод'ја (вм. лод'я), руж'је (вм. руж'ё), крест'јанинъ (вм. крест'янинъ)". Все здѣсь сказанное давно опровергнуто и отвергнуто, такъ что еслибъ авторъ зналъ исторію нашей новой орѳографіи, съ пережитыми ею смутами и вѣяніями, онъ не нашелъ бы удобствъ тамъ, гдѣ есть лишь фантазія.

Библиотека "Руниверс"

Общій курсъ словесности для V и VI классовъ гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *М. Калмыковъ*, преподаватель словесности въ Новочеркасской гимназіи. Изданіе третье, исправленное. Стр. 168. Новочеркасскъ. 1884. Цѣна 85 коп.

Въ настоящемъ третьемъ изданіи курса словесности г. Калмыкова, кромѣ исправленія разныхъ мѣстъ, нѣкоторыя статьи предыдущаго изданія исключены вовсе (напримѣръ, объ аналогіи, гипотезѣ, анализѣ, синтезѣ), а другія напечатаны мелкимъ шрифтомъ, въ отличіе отъ существенныхъ, обязательныхъ. Оставлены только немногія статьи и параграфы, не указанные въ программѣ словесности для V-го и VI-го классовъ гимназій. Соображенія, которыми при этомъ руководствовался авторъ, изложены въ предисловіи, и состоятъ въ слѣдующемъ: 1) „Элементы психологіи и логики“ облегчаютъ пониманіе теоріи прозы и поэзіи; кромѣ того, они необходимы учащимся для толковаго составленія разсужденій; наконецъ, они входятъ въ программу словесности для женскихъ гимназій. 2) Параграфы: „Выраженіе представленій и понятій словами; Выразительность фразы; О выразительномъ чтеніи“ составляютъ необходимую часть курса словесности. 3) Статьи: „О литературной критикѣ; О поэтѣ и вдохновеніи; О поэзіи объективной, обличительной, идеальной; О прекрасномъ въ природѣ и искусствѣ“—подробнѣе разъясняютъ главныя положенія теоріи поэзіи. 4) Преподаватель можетъ опустить эти статьи.

Прибавимъ къ этому, что однѣ изъ исчисленныхъ статей напечатаны мелкимъ шрифтомъ, а другія помѣщены въ концѣ книги, какъ приложенія.

Все остальное въ этомъ курсѣ содержитъ въ себѣ свѣдѣнія, требуемыя гимназическою программою словесности.

Русская хрестоматія для приготовительнаго класса среднихъ учебныхъ заведеній съ приложеніемъ церковно-славянскаго текста Евангелія и свода грамматическихъ свѣдѣній. Составили *И. Виноградовъ и А. Андреевъ*. Стр. XII и 346 [1]). Москва. 1884. Цѣна 75 коп.

Выбирая статьи для своей хрестоматіи, составители имѣли въ виду „не только обученіе, но и воспитаніе“ дѣтей. Обученіемъ они стремились достигнуть развитія дара слова, помѣщая статьи, удоб-

[1]) Въ книгѣ обозначено 446 вслѣдствіе грубой опечатки въ нумераціи страницъ: за стр. 285 непосредственно слѣдуетъ стр. 386, 387 и т. д.

Библиотека "Руниверс"

ныя для пересказа и заучиванія: 1) небольшія по объему, но представляющія законченное цѣлое; 2) съ содержаніемъ, „которое заставило бы ученика подумать", и 3) изложенныя сжато, „дабы съ первыхъ шаговъ ученикъ чувствовалъ цѣну слова". Преслѣдуя цѣли воспитательныя, гг. Виноградовъ и Андреевъ стараются возбудить „чувство нравственное, эстетическое и національное".

Руководствуясь такою задачей, составители раздѣлили хрестоматію свою на три отдѣла: Въ первомъ помѣщены исключительно статейки характера повѣствовательнаго, притомъ прозаическія, преимущественно басни Эзопа; далѣе нѣсколько сказокъ и рядъ маленькихъ разказовъ, заимствованныхъ изъ IV-й части сочиненій графа Л. Н. Толстаго. Во второмъ помѣщены статьи, знакомящія дѣтей съ русскою природой и русскимъ бытомъ. Это картинки изъ сельской природы и жизни, расположенныя по временамъ года, слѣдовательно, въ нихъ уже встрѣчаются и небольшія описанія; не мало и стихотвореній; каждая группа статей, посвященныхъ извѣстному времени года, заканчивается „сказкою миѳическаго характера, въ которой сказочныя существа служатъ олицетвореніемъ явленій природы". Третій отдѣлъ представляетъ рядъ разказовъ изъ русской исторіи и анекдотовъ изъ жизни достопамятныхъ русскихъ людей.

Въ первомъ отдѣлѣ не подлежатъ, конечно, разбору хорошо знакомые каждому разказы графа Л. Н. Толстаго. Изъ нихъ, развѣ мало понятна дѣтямъ статейка 11-я, въ которой корова толкуетъ теленку, что „тамъ легко и упасть, гдѣ легко скакать". Сказокъ не много, выборъ ихъ не дуренъ. Наименѣе удачно изложеніе басенъ Эзопа. Гоняясь за „сжатою рѣчью", составители лишили ее необходимой связности и ясности. Встрѣчаются также неловкіе обороты рѣчи и выраженія, мало употребительные въ литературѣ. Приведемъ для примѣра хотя бы басню „Оселъ и лошадь".

„У одного человѣка былъ оселъ и лошадь. Шли они по дорогѣ; оселъ сказалъ лошади: „Мнѣ тяжело, не дотащу я всего (?); возьми съ меня хоть немного". Лошадь не послушалась (?). Оселъ упалъ отъ натуги и умеръ. Хозяинъ какъ наложилъ все съ осла на лошадь, да еще и шкуру ослиную, лошадь и взвыла (!): „Охъ, горе мнѣ бѣдной, горюшко мнѣ несчастной! Не хотѣла я немножко подсобить, теперь вотъ все (?) тащу, да еще и шкуру".

Второй отдѣлъ составленъ удачно: статейки подобраны тщательно, доступны ученикамъ, заимствованы большею частью у образцовыхъ

Библиотека "Руниверс"

писателей и даютъ довольно цѣльное представленіе о явленіяхъ родной природы и сельскаго быта въ разныя времена года.

Менѣе удаченъ отдѣлъ разказовъ изъ русской исторіи: изъ жизни достопамятныхъ людей нашихъ можно бы выбрать случаи болѣе интересные и поучительные, чѣмъ, напримѣръ, заимствованные у Пушкина анекдоты о встрѣчѣ Румянцева съ маіоромъ въ халатѣ или о выходкахъ Потемкина съ Пѣтушковымъ или съ адъютантомъ, заучившимъ сказки наизусть. О Суворовѣ можно бы разказать многое, минуя разъясненія его странностей убѣжденіемъ въ необходимости для великаго человѣка „отличаться оригинальностью". Къ характеристикѣ момента, пережитаго Наполеономъ передъ Москвой, не выславшей ему „колѣнопреклоненныхъ" своихъ представителей, разказчикъ ничего не прибавилъ, вложивъ въ уста императора такое выраженіе, какъ: „Уведите эту сволочь!"

Начальныхъ курсовъ грамматики издается много, но большинство составлено крайне небрежно. Грубыхъ погрѣшностей въ нихъ грамотный человѣкъ, конечно, сдѣлать не можетъ; вся работа составителя заключается единственно въ обдуманномъ, толковомъ, точномъ изложеніи; тѣмъ менѣе можно оправдывать небрежную редакцію большинства издаваемыхъ начальныхъ грамматикъ. Трудъ г. Андреева (грамматическая часть книги принадлежитъ ему одному) тоже не свободенъ отъ такой небрежности. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

На стр. 277 читаемъ: „§ 2... Всѣ звуки, изъ которыхъ составляются слова, изображаемъ особыми искусственными (?) знаками, которые называются буквами". И сейчасъ же вслѣдъ за этимъ въ § 3 опять: „Буквы — это знаки для изображенія членораздѣльныхъ звуковъ нашего голоса". Къ чему это повтореніе? Что хотѣлъ г. Андреевъ выразить словомъ „искусственные"?

Далѣе: „Въ русскомъ языкѣ для каждаго отдѣльнаго звука есть особый соотвѣтственный ему знакъ—буква"... Нѣтъ! Этому противорѣчитъ даже § 4 (стр. 278), сообщая, будто въ русскомъ языкѣ звуковъ 28, а буквъ 32.

На стр. 280 опечатка: „Не бываетъ въ русскомъ языкѣ „яз", бю, вю, пю, фю, мю. Только въ иностранныхъ словахъ: бюро, пюпитръ"... И что за редакція?

На стр. 281 примѣры: „міровой законъ", „мировое учрежденіе" врядъ ли умѣстны для приготовительнаго класса.

Библиотека "Руниверс"

На стр. 283 слово „медвѣдь“ производится отъ медъ и ѣда: „ѣстъ мёдъ“, поясняетъ въ добавокъ г. Андреевъ.

Зачѣмъ ниже на той же страницѣ понадобилось объяснять приготовительному классу „происхожденіе буквы ѣ“: „Ѣ произошла изъ я“? О чемъ идетъ рѣчь: о звукѣ или о буквѣ, и гдѣ г. Андреевъ нашелъ такое объясненіе? Не останавливаясь на его анализѣ, отсылаемъ г. Андреева къ Исторической грамматикѣ Ѳ. И. Буслаева, гдѣ на стр. 30—38 (изд. 1868 г.) онъ найдетъ изслѣдованіе значенія буквы ѣ и на стр. 36 въ частности указаніе на ея отношеніе къ звуку я и, конечно, измѣнитъ свое лаконическое объясненіе, если не уничтожитъ его вовсе.

На стр. 387 также неумѣстно ознакомленіе дѣтей съ логическимъ удареніемъ въ народномъ стихѣ и съ цезурою.

На стр. 390, говоря о внѣшнихъ чувствахъ, г. Андреевъ учитъ: „Осязаніемъ (органъ — кожа) ощущаемъ тепло, холодъ, влагу; оконечностями пальцевъ узнаемъ, что твердо, что мягко“... Или „Органъ вкуса—языкъ со слюною“!

На стр. 291 немудреныя понятія о предметахъ вещественныхъ и умственныхъ поясняются или, вѣрнѣе, запутываются слѣдующимъ образомъ: „Все, что можно познавать внѣшними чувствами, называется предметомъ, потому что все существующее мечется прежде всего въ глаза... Это предметы вещественные, которые или родились въ природѣ или сдѣланы человѣкомъ изъ природнаго вещества. Но есть предметы умственные, которые нельзя познавать внѣшними чувствами“ и т. д.

На стр. 393 понятіе о состояніи спутано съ понятіемъ о страданіи.

На стр. 396 два стиха:

И весь день, въ травѣ высокой
Лежа, слушать бы я радъ....

Напечатаны безъ запятыхъ и признаются г. Андреевымъ за одно простое предложеніе.

Не станемъ приводить дальнѣйшихъ примѣровъ небрежности составителя разбираемаго курса начальной грамматики (хотя набрать ихъ можно бы еще много), полагая, что и данныхъ образчиковъ этой небрежности достаточно, чтобы признать трудъ г. Андреева непригоднымъ для школы.

Между тѣмъ трудъ этотъ изданъ г. Андреевымъ еще и отдѣльными оттисками подъ заглавіемъ:

Библиотека "Руниверс"

Начальный курсъ русской грамматики для приготовительнаго и 1-го класса среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *А. Андреевъ*, штатный преподаватель Московскаго Петропавловскаго училища. Москва. 1884. Стр. 76. Цѣна 30 коп.

Это именно оттискъ изъ только что разобранной книги, сдѣланный безъ измѣненій даже въ шрифтѣ, даже въ опечаткахъ. Въ немъ только выброшено одно незначительное примѣчаніе, прибавленъ (на 4-хъ страницахъ) „ореографическій указатель" (списокъ словъ, правописаніе которыхъ вызываетъ сомнѣніе), и измѣнена нумерація страницъ.

Сборникъ примѣровъ на правила латинскаго синтаксиса для перевода съ русскаго языка на латинскій; съ вокабулами, примѣчаніями и русско-латинскимъ словаремъ. Примѣнительно къ „Латинскому синтаксису въ объемѣ гимназическаго курса" составилъ *С. Опацкій*, магистръ римской словесности. Варшава. 1884. Стр. 207. Цѣна 1 р. 15 к.

Сборникъ этотъ назначается авторомъ (см. предисловіе) преимущественно для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ служитъ или можетъ служить руководствомъ его „Латинскій синтаксисъ въ объемѣ гимназическаго курса", не такъ давно удостоенный полной преміи императора Петра Великаго.

Примѣры, набранные главнымъ образомъ изъ классическихъ писателей, по своему содержанію и объему мало отличаются отъ тѣхъ, которые обыкновенно приводятся въ руководствахъ для подтвержденія или разъясненія разныхъ грамматическихъ правилъ; расположеніе ихъ по отдѣламъ или главамъ общепринятой синтаксической системы, тоже не представляетъ особыхъ отличій отъ сборниковъ упражненій, книгъ для перевода и т. п., уже болѣе или менѣе давно обращающихся въ нашихъ гимназіяхъ. Какъ на нѣкоторую особенность своего изданія, г. Опацкій указываетъ на то, что „съ цѣлію облегченія труда преподавателей и учениковъ" примѣры снабжены у него „вокабулами и примѣчаніями, которыя дадутъ возможность даже ученикамъ, располагающимъ незначительными лексическими свѣдѣніями, обходиться безъ помощи преподавателя и лексиконовъ". Но, вопервыхъ, такія облегченія, то-есть, указанія латинскихъ вокабулъ къ данному для перевода русскому тексту, встрѣчаются во многихъ подобнаго рода учебныхъ пособіяхъ, передѣланныхъ на русскій языкъ большею частію съ нѣмецкаго языка, хотя латинскихъ словъ, пред-

Библиотека "Руниверс"

положительно еще неизвѣстныхъ ученикамъ того или другого класса, въ сборникахъ Тишера, Шульца, Зюпфле и др. указывается гораздо меньше, чѣмъ у г. Опацкаго, и помѣщаются онѣ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, а не отдѣльно въ концѣ книги. Во-вторыхъ, мы по крайней мѣрѣ не рѣшаемся думать, чтобъ указаніе почти всѣхъ словъ, даже въ заключительныхъ главахъ книги, составляло особенное преимущество разсматриваемаго сборника; напримѣръ, къ стр. 3 указывается: остальной — reliquus; какъ можно чаще— quam saepissime; не бери—noli; стр. 46, 47: побуждаю—impello, стараюсь—operam do, постоянно—semper, нахожу—reperio; стр. 48 и дал.: каждый—quisque, другой — alter, краснорѣчивый— disertus; даже на самыхъ послѣднихъ страницахъ мы встрѣчаемъ: знаменитый—clarus, учитель—magister, красота—pulchritudo, не знаю—ignoro, устрашаюсь—terreor и под. Мы не говоримъ уже объ обозначеніяхъ такихъ словъ, которыя, по требованію русскаго текста, нѣсколько измѣнены въ своемъ первомъ или буквальномъ значеніи; см., напримѣръ, стр. 56: gravis, sum, honor, domus, ceteri, venio, varius, facio, quam и пр. Не можетъ ли походить столь предупредительное напоминаніе ученику самыхъ обыденныхъ выраженій скорѣе на потворство, чѣмъ на должное облегченіе? Существенный признакъ и первѣйшее доказательство знанія какого-нибудь языка составляетъ, конечно, отчетливое знаніе по крайней мѣрѣ употребительнѣйшихъ словъ этого языка.

Можно, кажется, оспаривать нѣсколько и тѣ пріемы, при посредствѣ которыхъ г. Опацкій наводитъ ученика на правильный переводъ даннаго мѣста; дѣло въ томъ, что здѣсь всячески рекомендуется непремѣнно одинъ какой-нибудь оборотъ или выраженіе. Положимъ, эти точныя указанія имѣютъ въ виду и дѣйствительно воспроизводятъ ту латинскую фразу, которая заимствована изъ латинскаго автора и приведена въ „Сборникѣ“ на русскомъ языкѣ; но эти ограниченія легко могутъ породить ту мысль въ учащемся, что переводъ, столь принудительно и опредѣленно указываемый руководствомъ, и есть единственно возможный въ данномъ случаѣ, что, разумѣется, въ большинствѣ случаевъ будетъ совершенно не вѣрно. Напримѣръ, стр. 3: я посвѣщалъ требуется непремѣнно перевести глаголомъ tribuo, и непремѣнно perfectum, но вѣдь даже у Цицерона и въ этомъ смыслѣ и даже съ объектомъ tempus встрѣчается consumo, impertio и под. Или тутъ же (чрезъ одинъ примѣръ) сказано: „въ Метеллѣ была гордость и презрительное высокомѣріе“.

Библиотека "Руниверс"

Почему же была непремѣнно plusquamperfectum, и почему не у Метелла, а въ Метеллѣ? Какъ будто слѣдуетъ настаивать на переводѣ только съ предл. in, хотя бы ученикъ и очень хорошо зналъ, что въ подобныхъ случаяхъ возможно, по его же грамматикѣ, или присоединить in къ sum, или совсѣмъ опустить его и под. Повторяемъ, такіе точно предписанные переводы особенно нежелательны на урокахъ классическихъ языковъ, развивающихъ точность соображенія, осмотрительность выбора конструкціи, ясное представленіе синонимическихъ различеній въ сравнительно большомъ количествѣ, по видимому, однозначныхъ вокабулъ; притомъ же такіе переводы нѣсколько тревожатъ и правильность самаго русскаго текста, какъ это мы видѣли на послѣднемъ примѣрѣ. Впрочемъ, вообще говоря, русскій текстъ у г. Опацкаго не страдаетъ особенно тяжелыми оборотами и въ этомъ отношеніи, вѣроятно, при будущихъ изданіяхъ книги не потребуетъ большихъ исправленій. Въ русско-латинскомъ словарѣ, помѣщенномъ въ концѣ „Сборника", слѣдовало бы, по примѣру хотя бы Зюпфле, приспособленнаго для русскихъ гимназій гг. Павликовскимъ и Исаенковымъ, сдѣлать, при перечисленіи нѣсколькихъ латинскихъ вокабулъ на одно и то же русское выраженіе, краткія и точныя синонимическія отличія, что особенно важно для нашихъ гимназій, не имѣющихъ, къ сожалѣнію, еще ни одного руководства по латинской синонимикѣ.

Въ заключеніе не можемъ не замѣтить что цѣна книги въ 200 страницъ 1 р. 15 коп. нѣсколько высока для учебныхъ заведеній.

Корнелій Непотъ. Біографіи знаменитыхъ полководцевъ. Перевелъ съ латинскаго и объяснилъ *Ив. Ив. Тимошенко*. Стр. 156 + XVIII, Цѣна 1 руб. Кіевъ. 1883.

Только очень немногіе изъ классическихъ писателей переводились на русскій языкъ такъ часто и многообразно, какъ Корнелій Непотъ, хотя этотъ авторъ не долженъ бы, по видимому, представлять особыхъ затрудненій для чтенія даже и въ подлинникѣ. Этотъ candissimus excellentium virorum aestimator не причисляется къ такимъ историкамъ, изученіе которыхъ, хотя бы даже въ переводѣ, было необходимо для уясненія или обоснованія какихъ-нибудь общихъ или даже частныхъ взглядовъ на бытъ древнихъ народовъ; Корнелій Непотъ—меньше всего изслѣдователь, онъ—прилежный, хотя въ то же время и мало внимательный собиратель довольно скуднаго

Библиотека "Руниверс"

историческаго матеріала. Конечно, при начальномъ изученіи латинскаго языка устный переводъ Корнеліевыхъ „Жизнеописаній", изложенныхъ, вообще говоря, хорошимъ классическимъ языкомъ, имѣетъ свою цѣну, тѣмъ болѣе, что біографіи эти законченны, кратки, освѣщены доброю моралью, останавливаются преимущественно на такихъ событіяхъ, которыя могутъ быть нѣсколько извѣстны даже и малолѣтнему ученику изъ какихъ-нибудь дѣтскихъ хрестоматій и пр. Но тѣ основанія, которыя приводятся въ подтвержденіе пригодности подлинника Корнелія Непота для начальныхъ классовъ гимназіи, могутъ, по нашему мнѣнію, съ другой стороны, удерживать отъ изданія этихъ біографій на русскомъ языкѣ, особенно если принять во вниманіе еще то обстоятельство, что этихъ переводовъ даже въ нашей литературѣ существуетъ, если не ошибаемся, уже болѣе пяти. Странное совпаденіе! Если судить по наличнымъ сочиненіямъ Корнелія Непота, то знаменитаго отца исторіи Геродота какъ бы вовсе не бывало по крайней мѣрѣ въ главѣ его, Непота, источниковъ; точно также, если принять въ разчетъ наши русскіе переводы классическихъ историковъ, то тотъ же Геродотъ какъ бы вовсе не существуетъ еще и въ наше время, между тѣмъ какъ Корнелій Непотъ представляется самымъ необходимымъ изъ древнихъ историковъ; по крайней мѣрѣ, начиная „Житіями славныхъ генераловъ", въ переводѣ Василія Лебедева (С.-Пб. 1785 г.), мы можемъ послѣдняго писателя читать на своемъ отечественномъ языкѣ еще въ нѣсколькихъ другихъ переводахъ. Наконецъ, вотъ и г. Тимошенко непосредственно за г. Клевановымъ не потяготился еще разъ повторить хорошую старину.

Напечатавъ свой трудъ въ Кіевѣ, г. Тимошенко принужденъ, за одно съ нами, видѣть множество погрѣшностей особенно въ подстрочномъ греческомъ текстѣ. Напримѣръ, на стр. 11 spiritus asper поставленъ въ формахъ вспомогательнаго глагола; на стр. 16 и ударенія неправильны, и встрѣчаются нѣкоторыя только по видимому греческія реченія; на стр. 19 въ прим. 73 трудно догадаться безъ усиленныхъ воспоминаній, что̀ собственно значитъ латинское foem.?

Хотя переводчикъ въ послѣднемъ замѣчаніи къ своему предисловію и предупреждаетъ читателя, гдѣ именно въ собственныхъ именахъ будетъ писаться русское э, тѣмъ не менѣе условія эти далеко не всегда соблюдаются, и произволъ очевиденъ иногда даже на пространствѣ одной строки; на стр. 4 почти рядомъ написано: Ла-

Библиотека "Руниверс"

кедэмонянъ и Лакедемонъ. На какомъ основаніи, напримѣръ, слово Херсонезъ уже съ самой 1-й страницы вездѣ пишется съ з, а не съ с? Въ „указателѣ", приложенномъ къ концу книги, тоже встрѣчаются непослѣдовательности; написано Fregelae (одно l), а въ текстѣ „Фрегеллахъ" (стр. 123). Стр. 10: „городъ Трэценъ",— не знаемъ, къ какому языку, греческому или латинскому, относится звукъ ц? Эти и подобныя мелочи не желательны въ книгѣ, которая, какъ кажется, скорѣе всего мѣтитъ въ руки нашего учащагося юношества. Впрочемъ, нѣкоторыя добавленія къ переводу могутъ указывать и на то, что здѣсь имѣлись въ виду между прочимъ и такіе читатели, которые, плохо занимаясь латинскимъ языкомъ, желали бы для чего-то притемнить нѣсколько недостатки своихъ познаній: къ чему, напримѣръ, нерѣдко въ примѣчаніяхъ ставятся латинскія слова въ такомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ переведены выше (въ текстѣ) по русски? См., напримѣръ, стр. 5, прим. 27; стр. 6, прим. 29 и мн. др. Вмѣсто этихъ совершенно неумѣстныхъ въ серьезной книгѣ примѣчаній—конструкцій, лучше было бы съ большимъ вниманіемъ позаботиться о чистотѣ собственно русскаго текста. Развѣ правильны, напримѣръ, такія выраженія: Стр. 19: „сдѣлалъ надпись слѣдующаго содержанія: подъ его предводительствомъ варвары при Платэяхъ истреблены и за эту побѣду онъ принесъ его (?) въ даръ Аполлону". Или на стр. 2: „Въ случаѣ, если ты захочешь дать ходъ этому дѣлу, то пришли къ нему (?) надежнаго человѣка" и пр. И отдѣльныя русскія слова иногда встрѣчаются тоже въ необычайной формѣ; такъ, на стр. 7 мы сначала признали простою опечаткой уплотить эти деньги; но затѣмъ, на стр. 24 изъ троекратнаго повторенія этого глагола мы убѣдились, что г. Тимошенко именно такъ производитъ эти слова: уплотилъ штрафъ, уплотить за него и пр. На стр. 13: съ праведливостію: на стр. 10: въ отметку и др. Быть можетъ, послѣднія слова дѣйствительно составляютъ опечатки, но въ такомъ случаѣ непремѣнно нужно было приложить списокъ этихъ и подобныхъ имъ погрѣшностей. Жаль, что въ „указателѣ" собственныхъ именъ не обозначена количественность предпослѣднихъ слоговъ латинскихъ словъ; это особенно необходимо уже потому, что и греческія слова, поставленныя для объясненій въ скобкахъ, тоже часто носятъ на себѣ слѣды искаженій; см. напримѣръ, при сл. Minerva — греч. Πάλλας; Oedipus и др.

Библиотека "Руниверс"

Задачи изъ курса дополнительныхъ статей алгебры. Пособіе для VII класса реальныхъ училищъ и для кадетскихъ корпусовъ. Составилъ *В. Благовѣщенскій*. Кронштадтъ. 1893. Стр. III+90. Цѣна 50 коп.

Трудъ г. Благовѣщенскаго представляетъ собою пока еще первую попытку устранить изъ нашей педагогической литературы дѣйствительно весьма ощутительный пробѣлъ — отсутствіе пособій къ рѣшенію задачъ, относящихся къ курсу алгебры дополнительнаго класса реальныхъ училищъ. Попытка эта оказалась весьма удачною.

Въ книгѣ г. Благовѣщенскаго, раздѣленной на пять отдѣловъ, собрано около 400 задачъ, рѣшеніе которыхъ можетъ значительно содѣйствовать обстоятельному изученію такихъ важныхъ статей алгебры, какъ примѣненіе способа предѣловъ, разложеніе алгебраическихъ выраженій въ безконечные ряды, суммированіе послѣднихъ, розысканіе maxima и minima, рѣшеніе неравенствъ и опредѣленіе предѣловъ въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ. Значительное большинство задачъ, свыше 300 нумеровъ, снабжено отвѣтами; около полусотни нумеровъ составлены и рѣшены самимъ авторомъ.

Но г. Благовѣщенскій не ограничился одною только этою работой, самою по себѣ уже цѣнною и не легкою: онъ помѣстилъ въ началѣ каждаго изъ пяти отдѣловъ соотвѣтствующій его содержанію текстъ. Въ этомъ текстѣ авторомъ объяснены общіе пріемы рѣшенія задачъ, вошедшихъ въ отдѣлъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ изложены даже и подробныя рѣшенія, притомъ исключительно элементарнаго характера.

Трудъ г. Благовѣщенскаго исполненъ весьма удовлетворительно и обличаетъ въ авторѣ большое трудолюбіе, знаніе предмета, начитанность и несомнѣнную любовь къ дѣлу.

Недостатки разсматриваемаго сочиненія весьма незначительны и должны быть отнесены, главнымъ образомъ, на счетъ мѣстной (кронштадтской) типографіи. Впрочемъ, опечатокъ могущихъ затруднить читателя, очень немного. Непосредственно же самому автору можно предъявить еще менѣе возраженій. Такъ, можно указать на неудачную редакцію задачи подъ № 27 (на стр. 9), въ которой предлагается разложить количество a^n по возростающимъ степенямъ буквы x; на не совсѣмъ правильныя кое-гдѣ выраженія (напримѣръ, на стр. 88: „оба многочлена обращаются въ нуль, полагая отдѣльно“...), и на излишнюю, мѣстами, сжатость изложенія, едва ли умѣстную въ книгѣ, предназначаемой для учениковъ средней школы (стр. 23).

Библиотека "Руниверс"

Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Составилъ *И. Верещагинъ*. С.-Петербургъ. 1884. Стран. VIII+337. Цѣна 80 коп.

Книга г. Верещагина несомнѣнно найдетъ въ себѣ большое сочувствіе со стороны преподавателей ариѳметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Этотъ новый трудъ г. Верещагина, доказывающій незаурядное трудолюбіе автора, соединенное съ большою опытностью въ дѣлѣ преподаванія, является въ настоящее время безспорно самымъ полнымъ изъ существующихъ ариѳметическихъ сборниковъ: въ книгѣ собраны 3144 задачи, размѣщенныя довольно равномѣрно по 57 параграфамъ, образующимъ восемь отдѣловъ. Но обиліе матеріала и полнота содержанія—не единственныя достоинства разсматриваемаго сочиненія. Г. Верещагинъ, какъ опытный педагогъ, старался и успѣлъ въ удовлетворительной степени разрѣшить затрудненія, сопряженныя съ класснымъ преподаваніемъ такого требовательнаго и строго-систематическаго предмета, какъ ариѳметика. Въ занимающемъ насъ сборникѣ задачи распредѣлены, по возможности, въ порядкѣ совершенной трудности ихъ рѣшенія. Въ концѣ каждаго отдѣла помѣщены преимущественно такія задачи, для рѣшенія которыхъ необходимо знаніе предыдущихъ отдѣловъ книги. Такъ, въ §§ 10 и 18 сгруппированы упражненія для учениковъ, заканчивающихъ курсъ цѣлыхъ чиселъ; въ §§ 35, 41 и 45—задачи для заканчивающихъ курсъ обыкновенныхъ и десятичныхъ дробей; задачи, вошедшія въ § 57, могутъ быть предложены только ученикамъ, прошедшимъ весь курсъ ариѳметики. Этотъ послѣдній параграфъ содержитъ въ себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, прекрасный матеріалъ для повторенія ариѳметики учениками старшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ, а также для письменныхъ испытаній абитуріентовъ. Нѣкоторыя изъ задачъ этого параграфа, въ виду ихъ сложности и трудности, обставлены или намеками на пріемы рѣшенія или болѣе существенными указаніями и даже довольно подробными рѣшеніями. Слѣдуетъ поставить въ большую похвалу автору и ту заботливость, съ которою онъ старался подбирать числовыя данныя: послѣднія взяты не наудачу, а преимущественно такія, которыя допускаютъ сокращенія, не требуютъ большихъ выкладокъ и не отвлекаютъ, слѣдовательно, вниманія учащагося отъ сущности дѣла. Редакція задачъ правильна, отчетлива и ясна; „отвѣты“, приложенные въ концѣ книги, провѣрены весьма тщательно.

Цѣна книги г. Верещагина, не смотря на вполнѣ удовлетвори-

Библиотека "Руниверс"

тельную внѣшность въ типографскомъ отношеніи и на кажущуюся значительность, болѣе чѣмъ умѣренна: около 3½ коп. за печатный листъ большаго формата.

Сравнительно съ перечисленными почтенными качествами, можно назвать лишь темнымъ пятнышкомъ кое-гдѣ встрѣчающіяся въ разсматриваемой книгѣ неправильно построенныя составныя именованныя числа; напримѣръ, вмѣсто 1½ пуд. 21¾ фунта (стр. 163), конечно, было бы правильнѣе сказать: 2 пуд. 1¾ фунта. Мы посовѣтуемъ также автору замѣнить, въ послѣдующихъ изданіяхъ его книги, эпитетъ простой (при дроби) болѣе употребительнымъ и лучшимъ: обыкновенный.

Ю. Петерсонъ. Методы и теоріи рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе, съ приложеніемъ болѣе 400 задачъ. Переводъ *М. С. Аксенова*, подъ редакціею *А. П. Грузинцева*, преподавателя гимназіи. Съ предисловіемъ проф. *К. А. Андреева*. Харьковъ. 1883. Стр. XIII и 105. Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Книга эта, какъ показываетъ ея заглавіе и какъ сказано въ предисловіи, имѣетъ цѣлью „съ одной стороны, дать изучающему элементарную геометрію общія правила для рѣшенія задачъ на построеніе, а съ другой — предоставить ему, въ видѣ собранія задачъ, систематически подобранный матеріалъ для постепеннаго усвоенія этихъ правилъ путемъ упражненій“.

Въ главѣ I-й изложены важнѣйшія теоремы, относящіяся до построенія геометрическихъ мѣстъ точекъ, удовлетворяющихъ данному условію, при чемъ дано понятіе о гармоническомъ дѣленіи линіи; затѣмъ приведенъ рядъ задачъ, рѣшеніе которыхъ сводится къ опредѣленію искомой точки пересѣченіемъ двухъ ея геометрическихъ мѣстъ. Задачи эти расположены въ такомъ порядкѣ: сперва помѣщены тѣ, въ которыхъ очевидно съ нахожденіемъ какой точки рѣшается самая задача; далѣе слѣдуютъ задачи, требующія введенія вспомогательныхъ построеній, напримѣръ, такихъ линій или угловъ, которые хотя не даны непосредственно, но могутъ быть построены при помощи данныхъ задачи, и т. п. Затѣмъ, въ той же главѣ, дано понятіе о построеніи кривой, находящейся въ данномъ отношеніи $(\pm \frac{m}{n})$ къ данной кривой относительно данной точки, называемой центромъ подобія этихъ кривыхъ; такое построеніе авторъ называетъ умноженіемъ кривой. Методъ умноженія кривыхъ примѣненъ къ рѣшенію весьма многихъ разнородныхъ задачъ. Приведено также много

Библиотека "Руниверс"

примѣровъ рѣшеній по способу подобія, состоящему въ первоначальномъ построеніи фигуры подобной требуемой условіями заданія, а затѣмъ—въ измѣненіи длинъ ея линій, и въ измѣненіи ея положенія соотвѣтственно требованіямъ задачи. Далѣе слѣдуетъ рядъ задачъ, рѣшаемыхъ по способу построенія фигуръ взаимно обратныхъ, то-есть, описываемыхъ двумя точками A и A_1, находящимися на прямой линіи, вращающейся около одной изъ своей неподвижной точки P, причемъ одна изъ этихъ точекъ (A) описываетъ данную кривую, а кривая, описываемая второю точкою (A_1) опредѣляется условіемъ, чтобы произведеніе разстояній этихъ точекъ отъ центра обращенія не измѣняло своей величины (положительной или отрицательной). Глава эта оканчивается задачами, рѣшаемыми по способу построенія геометрическихъ мѣстъ линій, то-есть, построенія кривой, всѣ касательныя къ которой должны удовлетворять данному условію.

Во второй главѣ изложено примѣненіе метода преобразованія фигуръ посредствомъ параллельнаго перенесенія, обращенія и вращенія вокругъ оси. Подъ словами „параллельное перенесеніе" авторъ разумѣетъ передвиженіе всѣхъ или нѣкоторыхъ линій данной фигуры, измѣненія ихъ длинъ и направленій. Перенесеніе это имѣетъ цѣлью образовать изъ элементовъ одной фигуры другую и употребляется въ тѣхъ случаяхъ, когда непосредственное построеніе искомой фигуры, по даннымъ задачи, затруднительно и можетъ быть облегчено предварительнымъ построеніемъ другой фигуры, которая представляла бы упомянутое перенесеніе искомой; тогда, построивъ таковую фигуру, нетрудно уже будетъ построить искомую. „Обращеніемъ фигуры" авторъ называетъ не параллельное перенесеніе ея частей, напримѣръ, посредствомъ вращенія линіи около одного изъ своихъ концевъ или около какой-либо другой точки; всѣ эти передвиженія линій и угловъ предполагаются совершающимися въ плоскости фигуры. Вращеніе фигуры вокругъ оси состоитъ въ построеніи другой фигуры, симметричной первой относительно данной оси. Въ задачахъ, предложенныхъ авторомъ для упражненія въ упомянутыхъ преобразованіяхъ фигуръ, помѣщены не только такія, которыя могутъ быть рѣшены непосредственнымъ примѣненіемъ одного изъ указанныхъ способовъ, но и болѣе сложныя, требующія совмѣстнаго примѣненія нѣсколькихъ способовъ, напримѣръ измѣненія, фигуры посредствомъ умноженія и затѣмъ преобразованіе ея посредствомъ обращенія и т. п.

Библиотека "Руниверс"

Глава третья содержитъ въ себѣ теоремы, относящіяся до теоріи вращенія, сопровождаемыя разнообразными примѣрами для упражненія. При этомъ подъ словомъ „вращеніе“ авторъ разумѣетъ сложное измѣненіе, получаемое посредствомъ вращенія фигуры около точки въ ея плоскости и умноженія относительно того же центра вращенія. Въ числѣ теоремъ о вращеніи помѣщены и такія, которыя могутъ служить введеніемъ къ изученію кинематики, напримѣръ, теоремы о сложеніи вращеній, о замѣнѣ вращенія около даннаго центра вращеніемъ около какой угодно другой точки и т. п.

Въ прибавленіи изложены теоремы о пересѣченіи дугъ круговъ, то-есть, относящіяся до угловъ, образуемыхъ этими пересѣченіями; теоремы и задачи, относящіяся до системъ круговъ, и затѣмъ — нѣкоторыя теоремы, служащія для узнанія возможности или невозможности рѣшенія данной задачи при помощи линейки и циркуля.

Такое содержаніе книги достаточно свидѣтельствуетъ о ея достоинствахъ. Нельзя также не признать, что, не смотря на имѣющіяся превосходныя сборники геометрическихъ задачъ (напримѣръ, А. Д. Дмитріева), до сего времени нѣтъ ни одного, въ которомъ примѣры были бы расположены въ той системѣ, какая избрана Ю. Петерсономъ, то-есть, по порядку примѣненія различныхъ способовъ рѣшеній. Такой порядокъ устанавливаетъ какъ бы теорію рѣшенія задачъ, такъ что авторъ дѣйствительно имѣетъ право дать своей книгѣ заглавіе: „методы и теоріи рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе“. При помощи этихъ „методовъ и теорій“ рѣшеніе задачъ теряетъ характеръ случайныхъ догадокъ. Весьма многіе изъ примѣровъ, помѣщенныхъ въ книгѣ, могутъ быть рѣшены способами болѣе простыми, безъ посредства этихъ „методовъ и теорій“; но послѣдніе имѣютъ то важное преимущество, что даютъ благонадежныя указанія о томъ, къ какой категоріи задачъ должна быть отнесена заданная, и по какому способу можетъ быть найдено ея рѣшеніе.

Признавая всѣ эти достоинства книги, нельзя однако не замѣтить, что она имѣетъ много недостатковъ, зависѣвшихъ какъ отъ избраннаго авторомъ способа изложенія, такъ и отъ неудовлетворительной редакціи перевода и отъ небрежнаго изданія. Въ ней недостаетъ необходимыхъ разъясненій, а также и чертежей; вообще способъ изложенія такой, который приличенъ скорѣе ученому мемуару, чѣмъ учебной книгѣ, а потому весьма многое въ этой книгѣ окажется не понятнымъ для не знатоковъ геометріи. Въ своемъ предисловіи авторъ говоритъ: „Къ тексту книги приложено очень мало

Библиотека "Руниверс"

фигуръ. Всякая геометрическая фигура лучше усвоивается и легче запоминается, когда передъ глазами изучающаго выполняется ея черченіе въ послѣдовательности, обусловливаемой самимъ ходомъ разсужденій. Я руководился вообще желаніемъ заставить учащагося самостоятельно потрудиться, имѣя въ рукахъ мою книгу, а не только прочитать ее". Слова автора справедливы, но несомнѣнно также и то, что текстъ книги, при отсутствіи чертежа долженъ быть вполнѣ приспособленъ къ удобовоспроизведенію чертежа самимъ читателемъ; въ противномъ случаѣ, сказанное въ книгѣ останется не разрѣшимою загадкою; ясность и простота изложенія не только не могутъ препятствовать учащемуся „самостоятельно потрудиться", но онѣ составляютъ необходимыя условія для вызова въ немъ такого желанія; соображенія при рѣшеніяхъ многихъ геометрическихъ задачъ на столько сложны, что искусственное усложненіе ихъ темнотою текста и излишнимъ лаконизмомъ способно оттолкнуть даже трудолюбивыхъ учениковъ отъ упражненій въ такихъ задачахъ.

Перечисленіе всѣхъ промаховъ и неясностей, заключающихся въ книгѣ, было бы утомительно и излишне; достаточно указать нижеслѣдующіе:

1) На стр. 2, въ примѣчаніи къ пункту E („геометрическое мѣсто точекъ такого свойства, что прямыя, соединяющія ихъ съ концами прямой данной длины, образуютъ данный уголъ, есть дуга круга, имѣющаго хордой данную прямую"), сказано: „Если уголъ данъ не только по величинѣ, но и по направленію вращенія, то геометрическое мѣсто будетъ полною окружностью. Если даны точки A и B, то уголъ вращенія около искомой точки отъ линіи, проходящей черезъ A, до линіи проходящей черезъ B, равенъ углу отъ касательной въ A до AB". Совершенно непонятно, о какомъ вращеніи здѣсь говорится, и вообще все сказанное въ этой части примѣчанія.

2) Въ рѣшеніи задачи 118-й (стр. 19) сказано: „умножаемъ данный кругъ на $\frac{m}{n}^{a}$, тогда какъ въ дѣйствительности должно умножить его на $-\frac{m}{n}$.

3) Задачу 190-ю (стр. 30: „построить треугольникъ, зная A, b+c и a+c") авторъ рѣшаетъ такъ: „Продолжимъ b на c по другую сторону отъ A до точки D, и c на a по другую сторону B; затѣмъ вычитаемъ CD, проводимъ DB и опредѣляемъ точку B". Отгадать смыслъ этого текста и осуществить чертежъ несравненно труднѣе, чѣмъ рѣшить самую задачу.

Библиотека "Руниверс"

4) Слѣдующая задача (191-я) той же страницы („Вписать въ данный треугольникъ ABC полуокружность, касательную къ сторонѣ BC въ точкѣ P и такъ, чтобы концы ея діаметра приходились на двухъ другихъ сторонахъ") рѣшена такъ: „Умножаемъ AB или AC на I относительно P, тогда задача сведется къ 173". Это грубая, не замѣченная опечатка: AB или AC слѣдуетъ умножить не на I, а на —I. Притомъ для читателя было бы понятнѣе, если бы, вмѣсто ссылки на задачу 173-ю, было сказано, что рѣшеніе, послѣ упомянутаго умноженія на —I, сводится на построеніе, внутри полученнаго параллелограмма, такого ромба, двѣ противоположныя стороны котораго были бы перпендикулярны къ BC.

5) Задача 260-я (стр. 48: „Въ кругѣ проведены двѣ хорды AB и CD. Найдти на его окружности точку X такого свойства, чтобы прямыя XA и XB отсѣкали отъ хорды CD отрѣзокъ FG, равный данной длинѣ") рѣшена такъ: „Перенесемъ FG такъ, чтобы F пришлась въ A; тогда G придется въ точку H, которая можетъ быть найдена непосредственно, и затѣмъ при помощи E можно найдти точку G, потому что $\angle G = \angle X$, „какъ вписанные въ одну и ту же дугу AB". Понять и осуществить это построеніе несравненно труднѣе, чѣмъ рѣшить предложенную задачу.

Указанныя здѣсь погрѣшности и неясности извлечены изъ разсмотрѣнія лишь нѣсколькихъ десятковъ рѣшенныхъ авторомъ задачъ, слѣдовательно, по этимъ примѣрамъ можно судить о числѣ и качествѣ всѣхъ остальныхъ погрѣшностей.

Не смотря однако на эти недостатки книги, вышесказанныя ея достоинства дѣлаютъ ее весьма полезною для изучающихъ геометрію, а въ особенности для учителей геометріи.

Прикладная механика, составилъ *С. Гуржеевъ*, преподаватель 1-го С.-Петербургскаго реальнаго училища. Съ 287 политипажами въ текстѣ и собраніемъ задачъ съ ихъ рѣшеніями. С.-Петербургъ. 1884. VIII+374 стр. Цѣна 2 р. 50 к.

Сочиненіе это составляетъ какъ бы продолженіе Теоретической Механики того же автора и предназначается главнымъ образомъ для техническихъ и реальныхъ училищъ; при составленіи его авторъ имѣлъ въ виду программу дополнительнаго класса этихъ послѣднихъ заведеній, и та часть его книги, которая напечатана крупнымъ шрифтомъ, обнимаетъ всѣ вопросы означенной програмы; но къ этому основному ядру сочиненія авторъ присоединилъ значительное число

Библиотека "Руниверс"

параграфовъ и выносокъ, напечатанныхъ мелкимъ шрифтомъ и содержащихъ въ себѣ большое число дополнительныхъ замѣчаній, теоретическихъ и практическихъ подробностей и историческихъ данныхъ. Вообще въ статьяхъ, напечатанныхъ мелкимъ шрифтомъ, авторъ развиваетъ и дополняетъ изложенное въ основномъ отдѣлѣ; эти дополнительныя свѣдѣнія онъ назначаетъ для справокъ по вопросамъ, возбуждаемымъ при экскурсіяхъ учениковъ на заводы. Кромѣ того, въ томъ же учебникѣ имѣется значительное число задачъ, относящихся ко всѣмъ отдѣламъ курса, подробныя рѣшенія которыхъ помѣщены въ концѣ книги; эта прибавка должна быть признана очень полезною, такъ какъ вовсе не существуетъ какихъ-либо задачниковъ по вопросамъ прикладной механики, а безъ задачъ для учениковъ было бы трудно усвоить основанія науки.

Сочиненіе г. Гуржеева начинается съ введенія, въ которомъ изложены основныя теоретическія понятія, преимущественно законъ сохраненія энергіи, и затѣмъ идутъ слѣдующіе четыре отдѣла раздѣленные на 17 главъ: I-й отдѣлъ—о передаточныхъ механизмахъ. II-й отдѣлъ—объ уравнительныхъ механизмахъ. III-й отдѣлъ, самый обширный, посвященъ изученію пріемниковъ; сначала разсматриваются пріемники живыхъ двигателей; потомъ гидравлическіе двигатели, изученію которыхъ предпосланы двѣ главы теоретическаго характера—одна по гидростатикѣ, а другая по гидродинамикѣ. Прежде чѣмъ приступить къ изученію паровыхъ машинъ, авторъ въ особой главѣ излагаетъ основные законы механической теоріи тепла, которыми пользуется при дальнѣйшемъ разборѣ паровыхъ машинъ; послѣдняя глава этого отдѣла посвящена описанію калорическихъ и газовыхъ машинъ. IV-й и послѣдній отдѣлъ книги занимается исполнительными механизмами; въ немъ разобраны водоподъемныя машины и мукомольныя мельницы.

Вообще число вопросовъ, затронутыхъ въ разбираемомъ сочиненіи, весьма значительно; современная машинная механика представляетъ богатый матеріалъ, которымъ авторъ старался воспользоваться по возможности полнѣе. Но мы должны замѣтить, что онъ нѣсколько перешелъ надлежащую мѣру; стараясь захватить возможно большее число вопросовъ и будучи въ то же время стѣсненъ рамками учебнаго руководства, не позволявшими излишне увеличивать объемъ книги, г. Гуржеевъ принужденъ былъ о многихъ вопросахъ говорить вскользь, ограничиваясь однимъ упоминаніемъ о нихъ или посвящая имъ всего нѣсколько строкъ, иногда даже вовсе не сопровождающихся

Библиотека "Руниверс"

чертежемъ. Вслѣдствіе такой краткости эти статьи не могутъ быть поняты учениками, и присутствіе ихъ въ учебникѣ оказывается безполезнымъ. Сюда относится то, что говорится о клиновыхъ колесахъ (стр. 37), о станинахъ штыковой, или, какъ авторъ ее называетъ, однобалочной системы (298 стр.), о параболическихъ и псевдопараболическихъ регуляторахъ (84), о динамоэлектрическихъ и магнитоэлектрическихъ машинахъ (88), объ электрической передачѣ работы (88) и электрической желѣзной дорогѣ (89), о гидравлическихъ кранахъ (101), о гидропневматизаціи турбинъ (175), о кулиссахъ Гуча и Аллана (278), о котлѣ Галловэя (269), о конструктивныхъ деталяхъ водяныхъ колесъ (159 и 163), объ уравновѣшенныхъ золотникахъ (282), о подчеканкѣ швовъ въ котлахъ (245). Между тѣмъ этотъ обильный матеріалъ, захваченный авторомъ, тяготѣетъ надъ всѣмъ сочиненіемъ и помѣшалъ дать надлежащее развитіе нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ, которые должны быть изложены со всею подробностью. Здѣсь на первомъ планѣ должны быть поставлены основные теоретическіе вопросы, и прежде всего приложеніе закона живыхъ силъ къ движенію машинъ вообще; всего лучше было бы взять цѣликомъ прекрасный разборъ этого вопроса, имѣющійся въ извѣстномъ сочиненіи Редтенбахера": „Principien der Mechanik". Затѣмъ въ статьѣ о паровыхъ машинахъ необходимо было бы съ большею подробностью выяснить выгоды употребленія пара высокаго давленія. Изложеніе построенія діаграммы Цейнера очень коротко, и желательно было бы большее развитіе какъ этой статьи, такъ и вопроса объ индикаторныхъ діаграммахъ, что значительно способствовало бы разъясненію явленій, происходящихъ при работѣ пара. Сверхъ того, нужно было разобрать подробно устройство простѣйшихъ деревянныхъ водяныхъ колесъ, вѣтряныхъ двигателей и наконецъ пожарныхъ насосовъ, имѣющихъ первостепенное значеніе въ нашемъ отечествѣ; слѣдуетъ объяснить главнѣйшія условія, которымъ долженъ удовлетворять пожарный насосъ, для того чтобъ онъ могъ съ успѣхомъ дѣйствовать при тушеніи пожаровъ. Такой разборъ дастъ ученикамъ мѣрило для надлежащей оцѣнки и сравненія многочисленныхъ системъ пожарныхъ насосовъ, изготовляемыхъ и продаваемыхъ въ Россіи. Вмѣсто всего этого у г. Гуржеева имѣется полусхематическій рисунокъ насоса, притомъ очень дурной конструкціи, который былъ бы умѣстенъ въ курсѣ физики для объясненія принципа устройства насоса, а не въ курсѣ механики. Вышеуказанныя статьи мы считаемъ суще

Библиотека "Руниверс"

ственно важными для учебника; въ замѣнъ того могли бы быть выпущены безъ всякаго ущерба для дѣла статьи объ опредѣленіи размѣровъ турбинъ Жонваля и Фурнейрона, такъ какъ построеніе турбинъ есть дѣло совершенно спеціальное, а также § 220, въ которомъ опредѣляется работа пара въ цилиндрѣ машины въ предположеніи, что законъ расширенія пара представляется формулой Рэнкина; параграфъ этотъ совершенно лишній, такъ какъ въ одномъ изъ предыдущихъ параграфовъ уже выведена работа пара въ предположеніи, что онъ расширяется по закону Маріотта.

Г. Гуржеевъ старался придать своему учебнику строго научный характеръ, и постоянно стремится выводить всѣ частныя правила изъ общихъ теоретическихъ началъ. Съ этою цѣлью во введеніи изложены понятія объ энергіи и разныхъ ея видахъ, а изученію паровыхъ машинъ предпослана особая глава, въ которой авторъ старается элементарнымъ образомъ вывести основные законы термодинамики, которые потомъ и прилагаетъ къ изученію паровыхъ и другихъ термическихъ машинъ. Такое общее направленіе сочиненія мы признаемъ заслуживающимъ особой похвалы и относимъ къ числу его достоинствъ, но должны сказать, что желали бы видѣть бо́льшую строгость въ исполненіи этой основной мысли, такъ какъ изложеніе автора оставляетъ многаго желать. Выводъ частныхъ положеній изъ одного общаго закона представляетъ прекрасный пріемъ, если этотъ общій законъ предварительно установленъ вполнѣ строго и надлежащимъ образомъ усвоенъ, такъ что приложенія его представляются вполнѣ естественными и законными. Въ про́тивномъ случаѣ приложенія общаго закона къ частнымъ вопросамъ покажутся ученикамъ неожиданными, не вполнѣ оправданными, и ученики будутъ въ состояніи только рабски повторять выкладки учебника, не отдавая себѣ отчета въ необходимости пріема, употребленнаго для рѣшенія вопроса. Такъ напримѣръ, основной законъ статики—начало возможныхъ перемѣщеній—былъ разсмотрѣнъ авторомъ въ его „Теоретической Механикѣ“ въ примѣненіи къ нѣсколькимъ частнымъ случаямъ, но общность этого закона вовсе не была выяснена на столько, чтобы для учениковъ не представилось неожиданнымъ примѣненіе его въ курсѣ прикладной механики къ выводу закона Паскаля. Затѣмъ въ курсѣ прикладной механики законъ сохраненія энергіи доказанъ авторомъ лишь для случая дѣйствія одной постоянной силы на матеріальную точку, и послѣ того авторъ, безъ дальнѣйшаго развитія вывода, примѣняетъ этотъ законъ къ міровымъ явленіямъ и къ столь сложнымъ системамъ, каковы полныя

Библиотека "Руниверс"

машины. Укажемъ еще на сдѣланный авторомъ выводъ работы воды въ турбинѣ Фурнейрона, гдѣ онъ безъ всякихъ объясненій вводитъ въ числѣ прочихъ работъ также и работу центробѣжной силы; такое появленіе работы силы инерціи, ничѣмъ не мотивированное и ни въ какомъ другомъ выводѣ курса не встрѣчающееся, безъ сомнѣнія, не будетъ понято учениками, которымъ придется заучить этотъ выводъ на память. Также останется непонятымъ и сдѣланный на стр. 85 выводъ величины тренія тормаза, необходимой для того, чтобъ остановить машину въ теченіе заданнаго времени; авторъ называетъ черезъ F и Q величины тренія и движущей силы, приведенныя къ къ одному плечу, а черезъ M—массу машины, и пишетъ уравненіе движенія, какъ будто имѣлъ бы дѣло съ матеріальною точкой массы M, движущеюся подъ дѣйствіемъ разности силъ F—Q; при этомъ онъ ни слова не говоритъ о томъ, что эта величина M означаетъ массу движущихся частей машины, приведенную къ тому же плечу, какъ F и Q, и во всемъ его учебникѣ нѣтъ никакихъ указаній, которыя объяснили бы ученику, какъ должно быть сдѣлано это приведеніе.

Мы должны съ нѣкоторою подробностью остановиться на томъ отдѣлѣ разсматриваемаго учебника, который посвященъ изложенію началъ термодинамики. Наука эта проливаетъ яркій свѣтъ на явленія, происходящія въ паровой машинѣ, и даетъ въ высшей степени простыя основанія для сравнительной оцѣнки разныхъ усовершенствованій въ паровыхъ машинахъ, а также для сравненія всевозможныхъ термическихъ машинъ между собою; поэтому естественно, что въ настоящее время даже въ элементарныхъ учебникахъ по механикѣ стараются воспользоваться результатами, добытыми механическою теоріей тепла, и потому излагаютъ основныя ея теоремы. Но авторы нѣкоторыхъ изъ такихъ учебниковъ, и г. Гуржеевъ въ ихъ числѣ, какъ кажется, не вполнѣ уяснили себѣ размѣры трудностей, которыя представляетъ термодинамика для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній. Общность и отвлеченность понятій, съ которыми приходится имѣть дѣло при изученіи механической теоріи тепла, дѣлаетъ усвоеніе этой науки гораздо болѣе затруднительнымъ, чѣмъ изученіе какого-либо отдѣла чистой математики, изъ числа преподаваемыхъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Поэтому при изложеніи термодинамики нужно по возможности долго останавливаться на основныхъ понятіяхъ науки, тщательно и подробно выясняя ихъ; между тѣмъ г. Гуржеевъ въ своемъ изложеніи идетъ излишне быстро. За-

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ должно быть признано ошибочнымъ въ курсѣ, назначенномъ для среднихъ учебныхъ заведеній, излагать термодинамику передъ описаніемъ устройства и дѣйствія паровыхъ машинъ; ученики этихъ заведеній не могутъ составить себѣ общаго и отвлеченнаго понятія о процессахъ термическихъ машинъ, о разныхъ видахъ цикла, въ нихъ совершающагося, о дѣйствіи холодильника и прочемъ, съ чѣмъ они встрѣчаются въ термодинамикѣ, если они не ознакомились предварительно съ нѣкоторыми конкретными примѣрами термическихъ машинъ. Поэтому г. Гуржееву слѣдовало бы измѣнить порядокъ статей въ его руководствѣ и поставить главу о термодинамикѣ послѣ главъ, занимающихся конструкціей паровыхъ машинъ.

Въ термодинамикѣ разсматриваемаго руководства встрѣчаются двѣ крупныя ошибки и одинъ прискорбный недосмотръ, о которыхъ необходимо упомянуть. Недосмотръ заключается въ томъ, что авторъ, соединяя законы Маріотта и Гэй-Люссака, пишетъ слѣдующее двойное равенство (стр. 205):

$$\frac{v_1}{v_2} = \frac{p_2}{p_1} = \frac{1 + at_1}{1 + at_2}$$

но это равенство неправильно, такъ какъ равенство первыхъ двухъ дробей имѣетъ мѣсто только при постоянной температурѣ, и потому дроби эти не могутъ быть равны отношенію $\frac{1 + at_1}{1 + at_2}$. Затѣмъ изъ написаннаго равенства вовсе нельзя получить выписываемой авторомъ зависимости

$$\frac{p_1 v_1}{1 + at_1} = \frac{p_2 v_2}{1 + at_2} = \cdots\cdots$$

которая впрочемъ вполнѣ вѣрна, такъ что этотъ недосмотръ не оказываетъ дальнѣйшаго вліянія на послѣдующіе выводы автора.

Болѣе серьезна другая ошибка, заключающаяся въ томъ, что доказательство втораго закона механической теоріи тепла, помѣщенное въ § 210 (стр. 214), совершенно неправильно и даже не можетъ быть названо доказательствомъ, такъ какъ выводы автора вовсе не представляютъ логическихъ послѣдствій его посылокъ. Не выписывая здѣсь этого довольно длиннаго разсужденія, замѣтимъ только, что авторъ доказываетъ второй законъ термодинамики, вовсе не пользуясь постулатомъ Клаузіуса, о которомъ во всемъ учебникѣ не сказано ни слова. Уже одно то обстоятельство, что при изложеніи всей системы термодинамическихъ законовъ оказалось воз-

Библиотека "Руниверс"

можнимъ обойдтись безъ означеннаго постулата, должно было указать автору неправильность его разсужденій; ему, конечно, извѣстно значеніе этого постулата, въ наукѣ, труды Клаузіуса, формулировавшаго постулатъ, возраженія Гирна и другихъ ученыхъ, отрицавшихъ правильность постулата, и послѣдующія опроверженія Клаузіуса. Вся эта научная работа не имѣла бы никакого смысла, если бы второй законъ механической теоріи тепла могъ быть доказанъ тѣмъ путемъ, который употребилъ авторъ. Онъ въ своемъ доказательствѣ основывается на невозможности вѣчнаго движенія и говоритъ, что слѣдуетъ при этомъ пріему, употребленному Карно для доказательства того же закона; но мы напомнимъ, что Карно, написавшій свое знаменитое сочиненіе о двигательной силѣ тепла въ 1824 году, придерживался общепринятаго въ то время понятія о теплотѣ, какъ матеріальной жидкости, такъ что по его воззрѣнію все количество теплоты, заимствованной въ круговомъ процессѣ у источника высокой температуры, цѣликомъ передается холодному источнику; при этомъ предположеніи разсужденія его вполнѣ логичны. Теперь же извѣстно, что только часть заимствованной теплоты передается холодному источнику, а остальное количество ея преобразуется въ работу; поэтому доказательство Карно теряетъ свою силу.

Къ этой крупной ошибкѣ въ изложеніи началъ термодинамики авторъ присоединилъ еще другую въ томъ же отдѣлѣ учебника, и тоже касающуюся одной изъ самыхъ основныхъ теоремъ; мы говоримъ о доказательствѣ той теоремы, что циклъ Карно есть наивыгоднѣйшій изъ всѣхъ возможныхъ цикловъ, совершающихся при данныхъ температурахъ теплаго и холоднаго источниковъ. Это доказательство, находящееся въ концѣ § 209, заслуживаетъ того же приговора, какъ и только что разсмотрѣнный выводъ втораго закона термодинамики; достаточно указать, что оно можетъ быть примѣнено не только къ циклу Карно, но и ко всякому круговому обратимому процессу, имѣющему третій и четвертый періоды, одинаковые съ цикломъ Карно, первый же и второй періоды могутъ быть какіе угодно; слѣдовательно, почти любой процессъ окажется наивыгоднѣйшимъ. Авторъ увлекся желаніемъ какъ можно болѣе упростить доказательства теоремъ термодинамики и, подобно составителямъ многихъ популярныхъ руководствъ, довелъ стремленіе къ простотѣ до того, что изложеніе его утратило строгій научный характеръ.

Мы встрѣтили еще въ другомъ отдѣлѣ учебника доказательство

Библиотека "Руниверс"

одной теоремы, про которое можно сказать, что оно распадается отъ прикосновенія къ нему критики; мы разумѣемъ доказательство основнаго условія правильнаго очертанія зубцовъ колесъ (стр. 40). Къ счастью, въ слѣдующемъ параграфѣ приведено второе доказательство той же теоремы, вполнѣ вѣрное, и потому разсматриваемый недосмотръ легко можетъ быть исправленъ чрезъ вычеркиваніе перваго доказательства.

Что касается практической части учебника, описанія разныхъ машинъ, то въ ней иногда замѣчается нѣкоторое несоотвѣтствіе современному состоянію машиностроенія; по временамъ описываются типы машинъ, которые уже устарѣли и вполнѣ или отчасти вытѣснены другими конструкціями, а новыхъ типовъ не приведено. Такъ, напримѣръ, авторъ говоритъ, что паровозы большой скорости устраиваются по типу Крэмптона (стр. 312), между тѣмъ этотъ типъ въ настоящее время имѣетъ только историческое значеніе; представленный имъ образецъ пароходнаго котла не пригоденъ при современныхъ высокихъ давленіяхъ пара; авторъ описываетъ поверхностный холодильникъ, въ которомъ мятый паръ движется внутри трубокъ, а охлаждающая вода циркулируетъ снаружи ихъ, то-есть, такую конструкцію, которая теперь вовсе не примѣняется, и ничего не говоритъ объ установившейся конструкціи трубчатыхъ холодильниковъ пароходныхъ машинъ. Излагая типы и конструкцію турбинъ, авторъ вовсе не воспользовался разработкой этого дѣла послѣ изданія знаменитаго сочиненія Редтенбахера объ этихъ пріемникахъ. Изъ турбинъ Жирара описана только винтовая турбина, которая имѣетъ второстепенное значеніе, такъ какъ случаи возможнаго примѣненія ея очень рѣдки. Между тѣмъ въ учебникѣ ни слова не сказано о всѣхъ прочихъ разнообразныхъ типахъ турбинъ Жирара, и вообще вовсе не затронутъ вопросъ объ активныхъ турбинахъ. Авторъ не всегда счастливъ, когда онъ касается подробностей устройства частей машинъ, и приводимыя имъ детали не всегда наилучшей конструкціи. Напримѣръ, описывая ползуны паровыхъ машинъ (63 стр.), онъ отдаетъ преимущество ползунамъ съ роликами, и забылъ упомянуть о ихъ недостаткахъ, которые на столько велики, что такіе ползуны вовсе не употребляются въ паровыхъ машинахъ; въ статьѣ о проволочныхъ канатахъ (стр. 32) сказано, что въ ободѣ ихъ шкивовъ мягкая прокладка дѣлается изъ гуттаперчи, тогда какъ теперь всегда эта прокладка дѣлается изъ поставленныхъ на ребро кусковъ старыхъ приводныхъ ремней; поршневыя кольца, по мнѣнію автора, бываютъ чугунныя, стальныя и желѣзныя (стр. 222), между тѣмъ какъ послѣдній

Библиотека "Руниверс"

матеріалъ вовсе не пригоденъ для этой цѣли; описывая фрикціонные катки, онъ говоритъ, что ободъ ихъ дѣлается изъ гуттаперчи или буйволовой кожи, и не упоминаетъ о самомъ употребительномъ матеріалѣ для этихъ катковъ—бумагѣ. На стр. 282 не совсѣмъ правильно сказано, что уравновѣшенные золотники не получили распространенія въ практикѣ; для машинъ значительныхъ размѣровъ уравновѣшеніе золотника есть необходимое условіе правильной конструкціи, всегда соблюдаемое на практикѣ. Затѣмъ неправильно указаны условія, при которыхъ возможно употребленіе бакаутовыхъ вкладышей въ подшипникахъ. Укажемъ еще, что въ шпилѣ Бетанкура для уменьшенія вредныхъ сопротивленій необходимы фрикціонныя колеса между осями его, и безъ нихъ шпиль этотъ будетъ крайне несовершенною машиною; между тѣмъ авторъ ничего не говоритъ объ этихъ колесахъ и не представилъ ихъ на своемъ чертежѣ (стр. 102). Также лучше было бы не говорить, что храповыя колеса употребляются въ лѣсопильныхъ станахъ для сообщенія движенія рейкѣ, подвигающей раму съ распиливаемымъ бревномъ (стр. 56); такъ дѣлалось прежде, но вслѣдствіе частыхъ разрывовъ пилъ, производимыхъ этою передачей, она болѣе не примѣняется, и теперь вмѣсто того въ пильныхъ станахъ всегда ставится фрикціонная собачка. Нѣсколько преждевременно утвержденіе автора, что въ настоящее время паровозные котлы дѣлаются почти исключительно изъ стали (стр. 302); до сихъ поръ желѣзо примѣняется чаще для изготовленія такихъ котловъ, чѣмъ сталь.

Заканчивая этотъ разборъ, мы считаемъ необходимымъ указать еще на нѣсколько незначительныхъ недосмотровъ и неловкостей языка, которые вообще нежелательны въ учебномъ руководствѣ. Во-первыхъ авторъ вводитъ не совсѣмъ удачный терминъ „видимая энергія“ и на стр. 4 обозначаетъ этимъ именемъ сумму потенціальной и кинетической энергіи, а на стр. 15 называетъ видимою энергіей живую силу движущихся частей машины, и отличаетъ ее отъ работы ихъ вѣса, то-есть, потенціальной энергіи; это можетъ повести къ сбивчивости понятій учениковъ относительно разныхъ родовъ энергіи. На стр. 9 говорится объ электрическихъ и гальваническихъ токахъ, такъ что ученики могутъ подумать, что между этими понятіями существуетъ какая-нибудь разница. Затѣмъ на стр. 87 и 88 терминомъ „электродинамическія машины“ авторъ называетъ совсѣмъ не то, что̀ принято обозначать этимъ именемъ; по его терминологіи электродинамическія машины суть приборы, преобразующіе механическую работу въ электриче-

Библиотека "Руниверс"

ство, и онъ раздѣляетъ эти приборы на два разряда: 1) магнито-электрическія и 2) динамоэлектрическія машины. По нашему мнѣнію, лучше было бы придерживаться общепринятой и давно уже установленной терминологіи. Далѣе у автора сказано на стр. 88, что при электрической передачѣ потеря работы зависитъ отъ разстоянія передачи, діаметра проволокъ и проч., но не превосходитъ 35%; въ дѣйствительности уже при передачѣ на разстояніи около 8 верстъ потеря выходитъ гораздо больше.

Наконецъ укажемъ, что описываемая на стр. 355 зерно-чистительная машина есть не что иное, какъ простая вѣялка, и для избѣжанія недоразумѣній, ее такъ и слѣдовало бы называть; кстати замѣтимъ, что вѣялка эта имѣетъ только одно сито, притомъ неподвижное, и вслѣдствіе того будетъ дѣйствовать очень неудовлетворительно.

Сочиненіе г. Гуржеева напечатано очень чисто и отчетливо, число опечатокъ незначительно, и почти всѣ онѣ указаны въ концѣ книги. Но не всѣ чертежи этого руководста могутъ быть признаны безукоризненными: нѣкоторые изъ нихъ, вслѣдствіе излишне мелкаго масштаба и недостаточно отчетливыхъ клише, вышли на столько неясны, что ученикамъ будетъ трудно разобрать изображенные на нихъ механизмы. Укажемъ на слѣдующіе фигуры: фиг. 94 (конный приводъ), фиг. 131 (вертушка Вольтмана), 178 (индикаторъ), 199 (манометръ Шеффера и Будденберга), 217 (кулисса Стифенсона), 223 (распредѣлительный механизмъ Зульцера), 202 (инъекторъ), 247 (пароходная машина), 250 (машина Лемана). Всѣ эти фигуры представляютъ довольно сложные механизмы или приборы, для которыхъ необходимо имѣть вполнѣ отчетливые чертежи.

Такимъ образомъ „Прикладная Механика“ г. Гуржеева не можетъ быть признана свободною отъ недостатковъ. Нужно имѣть въ виду, что большинство этихъ недостатковъ представляютъ собою, такъ сказать, недостатки родовые, общіе многимъ сочиненіямъ сходнаго содержанія. Неясные политипажи, ошибки при изложеніи основаній механической теоріи тепла, изложеніе статьи о турбинахъ въ духѣ, не вполнѣ отвѣчающемъ современнымъ успѣхамъ этого дѣла и проч., нерѣдко встрѣчаются въ элементарныхъ учебникахъ по механикѣ. Нельзя не принять во вниманіе особую трудность задачи написать такой учебникъ прикладной механики, который, будучи элементарнымъ, въ то же время стоялъ бы на высотѣ современной науки и практики машиннаго дѣла. Мы не питаемъ большихъ надеждъ на появленіе въ близкомъ будущемъ вполнѣ хорошаго

Библиотека "Руниверс"

руководства по этому предмету и потому полагаемъ, что въ виду почти полнаго отсутствія руководствъ по механикѣ на русскомъ языкѣ, пригодныхъ для реальныхъ училищъ, учебникъ г. Гуржеева могъ бы быть полезенъ для нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ особенности, еслибъ авторъ исправилъ наиболѣе важные изъ указанныхъ выше недостатковъ.

Библиотека "Руниверс"

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ВОСЬМИДЕСЯТИЛѢТІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

18-го марта текущаго года исполнилось восемьдесятъ лѣтъ со времени учрежденія при Московскомъ университетѣ Общества исторіи и древностей россійскихъ, старѣйшаго изъ нашихъ ученыхъ обществъ, посвящающихъ свои труды изученію отечественной старины.

Общество это возникло въ 1804 году по мысли незабвеннаго попечителя Московскаго университета Михаила Никитича Муравьева. Первымъ предсѣдателемъ Общества былъ тогдашній ректоръ университета Чеботаревъ, первыми дѣйствительными членами—профессора Страховъ, Геймъ, Сохацкій, Снегиревъ, Черепановъ, Гавриловъ; первыми почетными членами—А. Л. Шлецеръ, графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ, А. Н. Оленинъ, Н. Н. Бантышъ-Каминскій, А. Ѳ. Малиновскій, Н. М. Карамзинъ. Дѣятельность Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ составляетъ одну изъ видныхъ страницъ въ ходѣ разработки нашей отечественной исторіи, и потому Общество имѣло полное основаніе придать извѣстную торжественность своему собранію, состоявшемуся въ день восьмидесятилѣтней годовщины его существованія. Предъ началомъ этого засѣданія отслуженъ былъ молебенъ преподобному Нестору епископомъ Порфиріемъ, съ двумя архимандритами, настоятелемъ Данилова монастыря отцомъ Амфилохіемъ и Андроніева монастыря отцомъ Григоріемъ. (Какъ преосвященный Порфирій, такъ и оба отца архимандрита, состоятъ дѣйствительными членами Обще-

Библиотека "Руниверс"

ства). Послѣ молебна провозглашено было многолѣтіе Высочайшему Покровителю Общества Государю Императору, а также Государынѣ Императрицѣ, Государю Наслѣднику Цесаревичу и всему Царствующему Дому, затѣмъ св. синоду и преосвященному Порфирію. Послѣ того провозглашена была вѣчная память въ Бозѣ почившимъ покровителямъ Общества государямъ императорамъ Александру I, Николаю I и Александру II. Наконецъ, было пропѣто многолѣтіе членамъ Императорскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ. По объявленіи засѣданія открытымъ, секретарь Общества Е. В. Барсовъ прочелъ выписку изъ протокола, коимъ постановлено почтить этотъ день торжественнымъ собраніемъ и оживить въ воспоминаніяхъ нынѣшнихъ членовъ Общества необыкновенные труды предшественниковъ, чтобы почерпнуть въ нихъ новую силу для дальнѣйшей дѣятельности. Затѣмъ ректоръ Московскаго университета Н. П. Боголѣповъ обратился съ слѣдующею рѣчью къ предсѣдателю И. Е. Забѣлину: „Императорское Общество исторіи и древностей россійскихъ, желая въ лицѣ моемъ доказать свою внутреннюю историческую связь съ Московскимъ университетомъ, почтило меня единогласнымъ избраніемъ въ число своихъ дѣйствительныхъ членовъ. Принося свою личную благодарность за столь лестную честь, я спѣшу заявить, что Императорскій Московскій университетъ, съ своей стороны, желая выразить свое уваженіе къ Обществу, съ дѣятельностію котораго связано развитіе исторической науки за все текущее столѣтіе, равно какъ желая почтить и ваши личные труды, дорогіе для русской исторіи, единогласно избралъ васъ, многоуважаемый Иванъ Егоровичъ, въ число своихъ почетныхъ членовъ". При этомъ ректоръ прочелъ университетскій дипломъ на сіе званіе и поднесъ его предсѣдателю. И. Е. Забѣлинъ, тронутый такимъ вниманіемъ къ нему Московскаго университета, отвѣчалъ: „Бываютъ въ душѣ состоянія, которыя человѣкъ не въ силахъ выразить словами; избытокъ личнаго благодарнаго чувства связываетъ слово; но я съ тѣмъ большею любовію пріемлю эту честь, что отношу ее къ тому самому Обществу, котораго имѣю честь быть предсѣдателемъ, и которое слишкомъ дорого не только для меня, но и для всѣхъ служителей исторической науки".

Затѣмъ слѣдовали чтенія, отвѣчавшія программѣ засѣданія.

Чтеніе г. предсѣдателя, посвященное историческому взгляду на дѣятельность Общества за истекшее восьмидесятилѣтіе, заключало въ себѣ очеркъ трудовъ, предположеній и сужденій Общества по раз-

Библиотека "Руниверс"

витію его дѣятельности, направленной съ 1804 года къ одной завѣтной цѣли, опредѣленной и его уставомъ—„привести въ ясность россійскую исторію“. Представляемъ здѣсь извлеченіе изъ этого чтенія на основаніи текста, напечатаннаго въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (№ 86).

Достиженіе этой цѣли — сказалъ г. Забѣлинъ — началось по мысли знаменитаго Шлецера критическимъ изданіемъ древнихъ русскихъ лѣтописей, для котораго собственно и было учреждено Общество исторіи и древностей. Перворожденное Общество подъ предсѣдательствомъ ректора Московскаго университета Чеботарева работало надъ сличеніемъ лѣтописнаго текста по древнѣйшимъ спискамъ и успѣло уже напечатать десять листовъ; но 14-го декабря 1810 года оно въ первомъ своемъ составѣ было упразднено, и затѣмъ назначенъ былъ новый составъ и новые дѣятельнѣйшіе члены. Здѣсь надъ изданіемъ сличеннаго текста трудился профессоръ Р. Ѳ. Тимковскій, первый изъ Россіянъ (какъ справедливо замѣтилъ его ученикъ К. Ѳ. Калайдовичъ), оставившій намъ образецъ настоящаго критическаго изданія лѣтописи, такъ, какъ и самъ Калайдовичъ въ то же время подъ руководствомъ учителя оставилъ образецъ критическаго изданія памятниковъ древней литературы и права подъ именемъ изданныхъ Обществомъ Русскихъ Достопамятностей. Таковы были первыя и притомъ образцовыя работы Общества. Вторженіе двунадесяти языкъ и пожаръ Москвы 1812 года разрушили доброе начинаніе, разорили Общество и лѣтъ на десять прекратили его занятія.

Собравшись съ силами въ 1823 году, Общество снова первою своею задачей ставитъ изданіе лѣтописей и достопамятностей, то-есть, памятниковъ. Предложенія къ изданію того или другаго списка слѣдуютъ одно за другимъ, но въ то же время крѣпко держится мысль объ изданіи своднаго Нестора—не по словамъ только, но и по разнорѣчію въ смыслѣ, согласно примѣру, показанному Шлецеромъ въ его знаменитомъ „Несторѣ“. Впослѣдствіи эта мысль исполняется частнымъ трудомъ дѣйствительнаго члена Общества Арцыбашева, который въ 1829 году представилъ Обществу желаемый сводъ лѣтописей, дополненный и объясненный иностранными свидѣтельствами, подъ именемъ „Повѣствованія о Россіи“. Трудъ этотъ былъ изданъ Обществомъ въ 1838—1843 годахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Общество издаетъ и отдѣльныя лѣтописи Псковскую, Кіевскую и др.

Библиотека "Руниверс"

При помышленіяхъ объ изданіи лѣтописей, Общество занимаетъ еще съ 1812 года мысль и объ изданіи хронографовъ, а равно и объ изданіи историческихъ житій, паломника Даніила и другихъ подобныхъ памятниковъ.

Въ годъ возстановленія дѣятельности Общества, 14-го іюня 1823 года, дѣйствительный членъ П. М. Строевъ, руководясь основною задачей дѣятельности Общества—привести въ ясность россійскую исторію, читаетъ въ Обществѣ знаменитую свою рѣчь: „О средствахъ удобнѣйшихъ и скорѣйшихъ къ открытію памятниковъ отечественной исторіи", въ которой предлагаетъ планъ путешествія по Россіи для отысканія древнихъ рукописей и другихъ древнихъ памятниковъ и планъ разработки собраннаго. Изъ скудныхъ и неопредѣленныхъ своихъ средствъ Общество удѣляетъ автору 400 руб. на пробную поѣздку въ Новгородъ для обозрѣнія Софійской соборной библіотеки. Опытъ былъ не совсѣмъ удаченъ, такъ какъ не представилъ ничего завлекательнаго; между тѣмъ у Общества совсѣмъ не было средствъ для приведенія въ исполненіе всего плана. Какъ извѣстно, этотъ планъ былъ исполненъ на средства Академіи Наукъ, образованіемъ особой археографической экспедиціи, изъ которой потомъ возникла археографическая коммиссія, поставившая себѣ исключительнымъ занятіемъ изданіе лѣтописей и актовъ при средствахъ, о которыхъ Обществу ни въ какое время и помышлять было не возможно. Коммиссія достославно исполняетъ это дѣло и до настоящихъ дней.

Однако мысли и обширный планъ П. М. Строева, порожденные основною задачей Общества и составлявшіе въ сущности дальнѣйшее развитіе первоначальныхъ постановленій Общества о собраніи свѣдѣній и рукописей изъ архивовъ и библіотекъ имперіи, остались въ Обществѣ руководящими началами и на послѣдующее время и исполнялись, какъ и до сихъ поръ исполняются, по мѣрѣ силъ, средствъ и возможности. Такъ по возможности исполнялось и изданіе самыхъ лѣтописей, которыхъ не мало было напечатано и во Временникѣ (великорусскія), и въ Чтеніяхъ (малорусскія). Въ Чтеніяхъ же постоянно и до сихъ поръ, благодаря особенно трудамъ и сообщеніямъ отца архимандрита Леонида, появляются обстоятельныя описанія рукописныхъ библіотекъ, служащія основнымъ матеріаломъ для той всеобщей росписи памятниковъ русской исторіи и литературы, о которой столько заботился П. М. Строевъ.

Рядомъ съ изданіемъ отечественныхъ лѣтописей и памятниковъ, дабы привести въ ясность россійскую исторію, Общество полагало

Библиотека "Руниверс"

не мало заботъ и о разработкѣ иностраннаго матеріала. Съ этою цѣлью еще въ первомъ своемъ засѣданіи, 18-го марта 1804 года, оно опредѣлило отыскать и перевести всѣ мѣста, касающіяся до Славянскихъ народовъ у древнихъ историковъ, начиная съ Геродота и оканчивая Византійцами. Съ тою же цѣлью въ 1805 году была публично объявлена задача на сисканіе преміи по исторіи разселенія Славянъ отъ Дуная, отвѣтомъ на которую Общество получило сочиненіе Шлецера (сына): „О происхожденіи Славянъ вообще и въ особенности Славянъ Россійскихъ", изданное 1810 году.

Въ 1825 году Общество предположило издать собраніе путешествій въ Россію, совершенныхъ Европейцами съ XV по XVIII вѣкъ. Дѣятельно начались переводы Маржерета, Іовія, Герберштейна, Варберини, Олеарія, Коллинса, Рейтенфельса и т. д. Но въ этомъ случаѣ не мало являлось причинъ совсѣмъ сторонніхъ для Общества, почему планъ такого изданія не могъ быть исполненъ въ свое время и остался въ наслѣдство уже нашему времени.

Въ томъ же 1825 году было обращено вниманіе и на другой отдѣлъ иностранныхъ матеріаловъ: было предложено издавать на русскомъ языкѣ главныя изысканія иностранныхъ писателей по русской исторіи, преимущественно древней, каковы, напримѣръ, труды Байера, Эверса и др. Начало было сдѣлано изданіемъ Эверса, и встрѣтило рѣзкое замѣчаніе самого Карамзина, и продолженіе остановилось.

Ученая изслѣдовательность Общества въ выборѣ предметовъ отъ начала и до нынѣ всегда зависѣла отъ произволенія членовъ и потому всегда оставалась въ рукахъ случайности. Однако и случайныя работы, доставляемыя Обществу, въ своей совокупности необходимо выражали направленіе и вкусы ученыхъ занятій своего времени. Такъ, первые Труды членовъ были посвящены по преимуществу изысканіямъ археологическимъ, при чемъ Обществу пришлось обратить должное вниманіе и на курганы. Еще съ 1836 года, по предложенію дрезденскаго библіотекаря Клемма, кандидатъ Московскаго университета Вадимъ Пассекъ представилъ Обществу обширный проектъ изслѣдованія кургановъ и городищъ отъ Дуная до Забайкалья. Общество, въ виду своихъ небольшихъ средствъ, конечно, ограничило задачу малымъ размѣромъ и все-таки выдало автору на расходы путешествія 500 р. Съ того же времени оно стало получать сообщенія о подмосковныхъ курганахъ и между прочимъ напечатало описаніе кургановъ, раскопанныхъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ Московской губер-

Библиотека "Руниверс"

нін. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно выдало пособіе извѣстному изслѣдователю ливонскихъ кургановъ Крузе, для изданія въ свѣтъ его разысканій. Въ собственномъ смыслѣ историческія изслѣдованія М. П. Погодина о древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи печатались также на средства Общества, и стало быть, Общество и здѣсь давало возможность автору вести свое дѣло надежно и неутомимо, какъ оно и было поведено.

Мало по малу въ Историческомъ Сборникѣ, издаваемомъ Обществомъ подъ руководствомъ М. П. Погодина, собирались и готовились матеріалы и изслѣдованія, съ которыми явились потомъ Чтенія, а за ними Временникъ. Новые дѣятели—О. М. Бодянскій, И. Д. Бѣляевъ и В. М. Ундольскій, начали свои работы въ Историческомъ Сборникѣ. Въ 1845 году Бодянскій былъ избранъ секретаремъ Общества, и весь характеръ, порядокъ и обычай прежняго повременнаго изданія былъ измѣненъ къ лучшему. О. М. Бодянскій былъ человѣкъ неколебимыхъ точныхъ правилъ. Его погнуть было не возможно, развѣ переломить. И вотъ причина почему послѣ первыхъ лѣтъ его дѣятельности Общество вполнѣ ему довѣрилось, какъ доброму кормчему, съ которымъ плаваніе въ трудахъ надежно и безопасно отъ застоя и безпечности. Человѣкъ твердыхъ правилъ, онъ далъ первымъ Чтеніямъ очень правильную организацію и относительно объема содержанія, и относительно выхода книгъ. Послѣ Историческаго Сборника, Чтенія явились изданіемъ, можно сказать, со всѣхъ сторонъ изящнымъ, а своевременный и точный ихъ выходъ въ свѣтъ обратилъ вниманіе на дѣятельность Общества не только ученыхъ, но и читающей публики. Вмѣстѣ съ тѣмъ, именемъ Чтеній обозначилось въ трудахъ Общества то особое направленіе, которое впереди всего поставило непреклонное условіе работать на общую пользу по возможности безвозмездно или съ возмездіемъ изъ не особенно значительнаго количества (максимумъ 300) отдѣльныхъ оттисковъ напечатаннаго въ Чтеніяхъ труда. Такъ было установлено Обществомъ при первомъ началѣ изданія Чтеній. Казалось, что такое условіе должно было подѣйствовать очень невыгодно и очень неблагопріятно на продолженіе трудовъ Общества. Но въ этотъ приснопамятный моментъ своей исторіи Общество обновилось юношескою жизнію первыхъ своихъ временъ. А о первыхъ временахъ вотъ что говоритъ одинъ изъ первыхъ же дѣятелей Общества М. П. Строевъ: „Въ то время (въ 1811—1812 гг.) какой-то энтузіазмъ одушевилъ и членовъ, и людей сторонникъ; быть можетъ, его раздѣлили

Библиотека "Руниверс"

всѣ просвѣщенные Москвичи. Членъ Тимковскій, ученикъ извѣстнаго Гейне, мужъ достойнѣйшій, принялъ на себя изданіе сводной лѣтописи, очень трудное, безо всякой платы, печаталъ отчетисто и скоро слѣдовательно, трудился съ любовію. Членъ Калайдовичъ, ученикъ Тимковскаго, началъ издавать Русскія Достопамятности также безъ платы, также отчетливо и скоро. Секретарь напечаталъ первую часть Трудовъ, довольно хорошо по тогдашнему состоянію типографій, равномѣрно безъ платы. Въ этой части помѣщено 10 сочиненій разныхъ членовъ, которымъ предложить возмездіе за трудъ (по понятію того времени) значило бы оскорбить ихъ. Свѣтское общество, публика, подъ именемъ благотворителей, вносила изрядныя суммы денегъ, огромное число книгъ, цѣлыя свои библіотеки. Такое одушевленное начало, особенная дѣятельность, трудолюбіе и безкорыстіе дѣятелей указывали на успѣхи самые блистательные. Но двѣнадцатый годъ разрушилъ все*.

Слишкомъ тридцать лѣтъ послѣ того Общество по многимъ причинамъ, и главнымъ образомъ по недостаточности и по неопредѣленности своихъ средствъ, не могло возстановить свою дѣятельность по образцу перваго времени. И только съ появленіемъ Чтеній снова возгарается воодушевленіе и энтузіазмъ первыхъ дѣятелей. Съ тѣмъ же первоначальнымъ безкорыстнымъ трудолюбіемъ начинаютъ дѣйствовать новые люди. Въ два съ половиной года выходятъ 23 книжки Чтеній, объемомъ равняющіяся почти всему тому, что было издано до того времени въ Трудахъ и въ Сборникѣ, даже и вмѣстѣ съ отдѣльно изданными книгами.

Случайное обстоятельство—переводъ и изданіе Флетчера—прервало достославный ходъ Чтеній, но прервало уже не ослабленіемъ и застоемъ дѣятельности, а только инымъ ея направленіемъ. Временникъ прерываетъ почти на десять лѣтъ Чтенія весьма почтеннымъ стремленіемъ выяснить исторію такъ-называемаго Московскаго государства и съ этою цѣлью предлагаетъ въ обширномъ размѣрѣ архивный матеріалъ по преимуществу историко-юридическаго содержанія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даетъ и рядъ лѣтописей—Переяславскую, Нормацкаго XVI в. и лѣтописи Смутнаго Времени, и рядъ изслѣдованій, какъ объ общей исторіи Руси въ первый періодъ, такъ еще болѣе о различныхъ сторонахъ государственнаго и общественнаго бытоваго устройства московскаго. Однако онъ не пользуется очень важнымъ въ этомъ отношеніи матеріаломъ и не представляетъ ни одного перевода иностранныхъ сказаній именно о Московскомъ

Библиотека "Руниверс"

государствѣ. Предпріятіе издать переводъ Флетчера, встрѣтившее затрудненія, было тому причиной.

Съ 1858 года снова появляются Чтенія, теперь по четыре полновѣсныя книги въ годъ, что установилось прочно и продолжается до настоящаго времени. Чтенія, которыхъ до настоящаго года насчитывается 127 книгъ, представляются тою широкою и полноводною рѣкой, въ которую слились и прежніе потоки повременныхъ изданій Общества Труды, Историческій Сборникъ и Временникъ.

По самому объему изданія, Чтенія давали возможность совмѣстить въ себѣ, слить въ одно русло различныя задачи и предначертанія прежнихъ лѣтъ, а потому все, что должно было сказать уважительнаго о прежнихъ трудахъ, все это столько же относится и къ изданію Чтеній. Филологическая строго научная передача печати древнихъ памятниковъ литературы, послѣ первоначальныхъ образцовъ Тимковскаго, здѣсь впервые была поставлена на самомъ видномъ мѣстѣ и въ широкомъ объемѣ. И историко-юридическое направленіе Временника, и археологическое направленіе Трудовъ, и скандинавоманія Историческаго Сборника, все это въ Чтеніяхъ находило сильныхъ представителей и въ изслѣдованіяхъ, и въ собраніи матеріаловъ. Но сверхъ того, Чтенія О. М. Бодянскаго всегда имѣли свой особый характеръ. Они водворили въ нашей наукѣ изученіе славянства западнаго и особенно южнаго. Идеи о такомъ изученіи начались еще раньше, проводились въ Историческомъ Сборникѣ, во время изданія котораго выдано было пособіе Вуку Караджичу на печатаніе собранныхъ имъ пѣсенъ; но самое дѣло широко пошло только въ Чтеніяхъ. Рядомъ со славянствомъ очень широко было поставлено въ Чтеніяхъ и изученіе южно-русской нашей исторіи, особенно въ періодъ славнаго ея козачества. Наконецъ, и тотъ отдѣлъ матеріаловъ для приведенія въ ясность русской исторіи, о которомъ еще съ 1825 года столько заботились, столько начинали, отдѣлъ иностранныхъ сказаній о Россіи, только въ Чтеніяхъ получилъ правильное и постоянное теченіе, благодаря въ особенности неутомимому переводчику Ал. Н. Шемякину, а также П. П. Барсову и М. И. Семевскому.

По всѣмъ этимъ причинамъ и по общему признанію всѣхъ работающихъ по русской исторической и филологической наукѣ, Чтенія, какъ и всѣ прежнія изданія Общества, составляютъ въ настоящее время великую сокровищницу разнородныхъ и разнообразныхъ ученыхъ матеріаловъ, необходимымъ для изслѣдователей русской исто-

Библиотека "Руниверс"

ріи, древней литературы, филологіи, археологіи, юриспруденціи, этнографіи и другихъ отдѣловъ изученія русскаго и славянскаго міра, вслѣдствіе чего не появляется и малаго изслѣдованія по указаннымъ предметамъ, которое не было бы одолжено въ обработкѣ своей задачи собраннымъ трудами Общества ученымъ матеріаламъ и изслѣдованіямъ.

Но повременное изданіе Общества имѣетъ и другое значеніе для трудолюбцевъ и тружениковъ русской исторической науки, особенно молодыхъ и начинающихъ. Повременное изданіе Общества подъ именемъ Чтеній всегда служило и служитъ добрымъ пристанищемъ для ихъ ученыхъ работъ, напримѣръ, для диссертацій и изслѣдованій, иногда весьма значительнаго объема, которыя вслѣдствіе этого объема и по учености и спеціальности содержанія не могутъ быть изданы на частныя средства, безъ большихъ потерь. Безъ преувеличенія можно сказать, что если бы не были издаваемы Чтенія, и не существовало бы свободнаго доступа къ нимъ для напечатанія ученаго изслѣдованія или вновь открытаго матеріала, то очень многое, весьма значительное и важное для интересовъ науки, не увидѣло бы свѣта и лишило бы науку весьма цѣнныхъ пріобрѣтеній. Общество имѣетъ достаточно свидѣтельствъ, что иныя ученыя работы или изысканія памятниковъ тогда только и начались, когда оно изъявляло авторамъ готовность напечатать ихъ труды. Но у молодыхъ ученыхъ во всѣхъ концахъ Россіи, при мысли о Чтеніяхъ, всегда хранится сознаніе, что начинаемый ихъ трудъ, какъ бы онъ ни былъ спеціаленъ, лишь бы отвѣчалъ основной задачѣ Общества, всегда найдетъ радушный пріемъ для проведенія его на Божій свѣтъ. Въ этомъ незамѣтномъ, но очень важномъ обстоятельствѣ можно видѣть новую заслугу и истинную, въ полномъ смыслѣ плодотворную помощь русской исторической наукѣ, приносимую Обществомъ и постоянно призывающую къ работѣ столько новыхъ силъ и знаній.

„Въ настоящемъ чтеніи", заключилъ г. предсѣдатель,—„мы старались вспомянуть только давно позабытое, съ тою цѣлью чтобы поставить на видъ благія мысли, предположенія, предложенія, проекты, пожалуй, мечты о томъ, что бы и какъ бы слѣдовало дѣлать для приведенія въ ясность россійской исторіи. Общество никогда не руководилось тщеславными притязаніями придумывать что-либо особенное свое, дотолѣ небывалое. Оно заботилось лишь о томъ, чтобы не отставать отъ движенія науки, идти вровень съ возникавшими отъ ея хода новыми запросами и новыми задачами, и всегда съ жи-

Библиотека "Руниверс"

вымъ намѣреніемъ и усернымъ желаніемъ стремилось возревновать начинавшемуся гдѣ бы ни было научному предпріятію или предположенной ученой работѣ. Въ началѣ по большей части благія мысли и благія намѣренія оставались только мыслями и мечтами. Но онѣ всегда, такъ-сказать, пускали корни въ общее сознаніе дѣятелей Общества и рано или поздно, иногда очень поздно, но все-таки принимались за ростъ и выростали выполняемымъ дѣломъ".

Г. Забѣлинъ заключилъ свое чтеніе предложеніемъ относительно издаваемыхъ Обществомъ матеріаловъ иностранныхъ и отечественныхъ составить строго обдуманную программу или собственно подробную роспись тѣмъ иностраннымъ сказаніямъ о Россіи и тѣмъ отечественнымъ памятникамъ исторіи, литературы, права и т. д., которые неукоснительно требуютъ изданія, дабы съ установленіемъ таковой росписи возможно было избѣгнуть случайности въ выборѣ подобныхъ матеріаловъ и облегчить въ этомъ отношеніи самый трудъ редакціи.

Послѣ рѣчи предсѣдателя читаны были отчеты за послѣдніе три года секретаремъ Общества Е. В. Барсовымъ, казначеемъ Г. Ѳ. Карповымъ и библіотекаремъ Г. Д. Филимоновымъ. Изъ отчета казначея обнаружилось, въ какомъ безвыходномъ положеніи находилось въ послѣднее время Общество со стороны своихъ матеріальныхъ средствъ. Не желая понизить знамя своей ученой дѣятельности, такъ высоко поднятое предшественниками, Общество прибѣгало къ двумъ средствамъ: сначала выпускало въ свѣтъ изданія, отысканныя въ его книжныхъ складахъ въ заготовленныхъ листахъ, но и этотъ источникъ скоро истощился; тогда пришлось оплачивать изданія прошлыхъ лѣтъ суммами, отпускаемыми на будущій годъ, но это вело къ крайнимъ неудобствамъ, и возникла даже мысль прекратить изданіе Чтеній хотя на одинъ годъ: иного исхода не представлялось. При этомъ казначей помянулъ заслуженнымъ добромъ типографію Московскаго университета, которая могла выдерживать долги Общества, восходящіе до пяти тысячъ, и никогда не стѣсняла Общества своими требованіями. Въ настоящее время, благодаря заботливости правительства и милости Высочайшаго Покровителя, издательскія средства Общества навсегда обезпечены. Библіотекарь Г. Д. Филимоновъ познакомилъ въ своемъ отчетѣ съ историческимъ положеніемъ библіотеки и съ тѣми задачами, кои онъ намѣренъ исполнить въ дальнѣйшей своей дѣятельности.

За позднимъ временемъ, изготовленные дѣйствительнымъ членомъ Н. А. Поповымъ „Очерки изъ исторіи Общества исторіи и древностей"

Библиотека "Руниверс"

не могли быть прочитаны въ торжественномъ засѣданіи. Безъ сомнѣнія, они появятся въ одной изъ ближайшихъ книжекъ Чтеній и изобразятъ подробности развитія дѣятельности Общества, столь достойно потрудившагося и продолжающаго трудиться на поприщѣ отечественнаго дѣописанія.

Библиотека "Руниверс"

ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1883 ГОДУ.

Въ состоявшемся 16-го марта текущаго года годовомъ собраніи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, въ Петербургѣ, секретаремъ его И. В. Помяловскимъ прочитанъ былъ отчетъ за минувшій годъ. Извлекаемъ изъ этого отчета важнѣйшія данныя о ходѣ дѣятельности названнаго Общества.

Въ 1883 году скончались члены Общества Н. Н. Мурзакевичъ, А. Е. Викторовъ, А. И. Гриммъ и Лишъ. Вновь вступили въ составъ его въ званіи дѣйствительныхъ членовъ: Д. И. Иловайскій, И. В. Цвѣтаевъ, Н. В. Чарыковъ; въ званіи членовъ-сотрудниковъ: архимандритъ Діонисій и секретарь Этнографическаго общества въ Вашингтонѣ г. Гофманъ. Кромѣ того, въ уваженіе долголѣтней дѣятельности на пользу Общества избранъ въ почетные его члены настоятель россійской миссіи въ Іерусалимѣ о. архимандритъ Антонинъ.

Изъ изданій Общества въ 1883 году не появилось въ свѣтъ ни одного: это зависѣло частью отъ объема предпринятыхъ изданій, частью отъ недостатка средствъ на оныя. Такъ, давно оконченное изданіе рисунковъ съ фресокъ и мозаикъ Софійскаго собора, четвертый и послѣдній выпускъ котораго отпечатанъ еще лѣтомъ 1883 года, остается безъ дальнѣйшаго движенія потому, что значительность расхода на его переплетъ и брошюровку (всѣ предыдущіе выпуски не сброшюрованы) принуждаетъ отложить выпускъ его до болѣе благопріятнаго времени. Кромѣ того, въ текущемъ 1884 году Общество надѣется окончить дополнительный къ этому изданію рисунокъ съ алтарнаго мозаическаго изображенія таинства Евхаристіи. Но если въ минувшемъ году не было Обществомъ выпущено въ свѣтъ ни

Библиотека "Руниверс"

одного изданія, то начатыя уже работы продолжались безостановочно, и нѣкоторыя значительно приблизились къ окончанію. Такъ, оканчивается X-й томъ Извѣстій Общества, въ которомъ помѣщены статьи архимандрита Леонида, А. М. Позднѣева, Н. И. Веселовскаго, А. Я. Гаркави и др. Къ послѣднему выпуску этого тома будутъ приложены: окончаніе труда Ю. Б. Иверсена „Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ" и первый выпускъ трудовъ коммиссіи по изслѣдованію бронзовыхъ и другихъ металлическихъ предметовъ, находимыхъ въ курганахъ Россіи, преимущественно Водской пятины. Въ настоящее время коммиссіей приготовленъ къ изданію и второй выпускъ ея трудовъ, который вскорѣ будетъ начатъ печатаніемъ.

Близко къ окончанію и печатаемое на средства Общества изданіе составленнаго Д. А. Хвольсономъ сборника древнихъ еврейскихъ надписей. Предполагавшійся первоначально объемъ этого сборника — 15 листовъ—значительно увеличился, и въ настоящее время отпечатанъ 31-й листъ, составляющій окончаніе труда. Остается отпечатать дополненія, въ которыя вошли памятники, явившіеся во время печатанія сборника. Въ сравненіи съ нѣмецкимъ оригиналомъ, русскій его переводъ представляетъ значительныя измѣненія и главнымъ образомъ дополненія. Приступлено также къ печатанію труда о. архимандрита Антонина „Изъ Румеліи", 20 листовъ котораго уже оттиснуты. Можно надѣяться, что изданіе это окончится въ текущемъ году. Сверхъ того, къ предстоящему въ нынѣшнемъ году археологическому съѣзду въ Одессѣ Общество намѣрено издать 1-й выпускъ сборника греческихъ и латинскихъ надписей южной Россіи, который составитъ дополненіе къ знаменитому Бекову: Corpus Inscriptionum Graecarum. Членъ-сотрудникъ Общества В. В. Латышевъ, которому поручено это изданіе, въ прошедшее лѣто, благодаря поддержкѣ министерства народнаго просвѣщенія, посѣтилъ побережье Чернаго и Азовскаго морей и имѣлъ возможность снять копіи съ эпиграфическихъ памятниковъ, хранящихся въ Одессѣ, Херсонисѣ, Ѳеодосіи, Керчи и др. Многія изъ этихъ копій, для большей провѣрки которыхъ г. Латышевъ снялъ съ камней эстампажи, дали новыя чтенія не совсѣмъ точно изданныхъ текстовъ; кромѣ того, благодаря любезности частныхъ любителей древности, преимущественно профессора Юргевича, гг. Куриса, Бурачкова, Суручана и др., г. Латышеву удалось ознакомиться съ памятниками, доселѣ не изданными. Зиму 1883—1884 гг. г. Латышевъ посвятилъ разработкѣ собранныхъ имъ матеріаловъ и

Библиотека "Руниверс"

изученію литературы надписей, при чемъ имѣлъ возможность ознакомиться и съ архивами Русскаго Археологическаго Общества и Императорской Археологической коммиссіи. Въ настоящее время трудъ его подвинулся на столько, что онъ приступаетъ къ печатанію 1-го выпуска, въ который имѣютъ войдти надписи древней Ольвіи, числомъ около 150 нумеровъ. Надписи будутъ сопровождаться русскимъ переводомъ и краткимъ экзегетическимъ комментаріемъ.

Въ теченіе 1883 года въ дѣлахъ внутренней администраціи Общества дѣйствовала выдѣленная изъ его среды коммиссія, которая имѣла пять засѣданій; въ нихъ обсуждались вопросы финансовые и дѣла, касающіяся вопросовъ характера частнаго, которые удобнѣе разсматриваются и рѣшаются при небольшомъ составѣ членовъ. Однимъ изъ мотивовъ образованія означенной коммиссіи было, между прочимъ, неоднократно заявлявшееся нѣкоторыми членами Общества желаніе придать общимъ собраніямъ Общества характеръ публичный; съ этою цѣлью членамъ Общества былъ разосланъ циркуляръ съ приглашеніемъ принять участіе въ предполагающихся преніяхъ. Въ общихъ собраніяхъ, которыхъ въ 1883 году было три, обсуждались различные вопросы, имѣвшіе непосредственное отношеніе къ древнимъ памятникамъ, какъ напримѣръ, вопросъ о сохраненіи развалинъ города Булгара на Волгѣ, о раскопкахъ въ древнемъ Херсонисѣ и т. д.

Музей Общества обогатился въ высшей степени цѣннымъ приношеніемъ о. архимандрита Антонина. Приношеніе это состоитъ изъ богатой коллекціи древнихъ монетъ, преимущественно греческихъ, римскихъ и восточныхъ, между которыми находятся экземпляры рѣдчайшіе и превосходно сохранившіеся. Хранителемъ музея Общества Д. И. Прозоровскимъ составлено подробное описаніе этой коллекціи, которая будетъ храниться въ музеѣ отдѣльно отъ прочихъ собраній. Кромѣ того, въ музей поступили приношенія архимандрита Діонисія, Н. Г. Ордина, Е. Т. Соловьева и г. Долбежева. Варнавинская городская управа сообщила въ Общество превосходно сохранившуюся кость праваго бедра мамонта, которая препровождена Обществомъ въ С.-Петербургскій университетъ.

Библіотека Общества пополнялась въ теченіе 1883 года, какъ приношеніями членовъ, такъ и изданіями, присылавшимися отъ различныхъ ученыхъ учрежденій въ Россіи и за границей въ обмѣнъ на изданія Общества.

Въ 1883 году на средства Общества производили раскопки

Библиотека "Руниверс"

Н. Е. Бранденбургъ и Л. К. Ивановскій. Г. Бранденбургъ изслѣдовалъ шесть большихъ кургановъ на берегахъ р. Волхова, около Старой Ладоги (пять на правомъ берегу, и одинъ на лѣвомъ), при чемъ всѣ, кромѣ одного, оказались насыпями языческими. Встрѣчаемыя въ нихъ могилы представляли три вида: а) погребеніе обыкновенное, б) съ трупосожженіемъ и в) съ трупосожженіемъ и положеніемъ костей въ сосудъ. Могилы послѣдняго типа г. Бранденбургъ склоненъ принимать за могилы славянскія. Наиболѣе любопытнымъ оказался курганъ на урочищѣ Побѣдищѣ, въ которомъ найденъ сожженный конь и два сосуда съ костями. Вещественныхъ находокъ вообще сдѣлано немного (нѣсколько бусъ, желѣзныхъ ножей и остатковъ бронзовыхъ украшеній), но онѣ по большей части имѣютъ совершенно своеобразный характеръ, не встрѣчавшійся до сихъ поръ въ другихъ мѣстахъ горнаго Приладожья, почему, въ связи съ прочимъ, могутъ указывать и на иную народность староладожскихъ кургановъ, чѣмъ та, которая обнаружена предшествовавшими раскопками въ другихъ пунктахъ того же побережья.

Л. К. Ивановскій, до начала работъ, предпринялъ лѣтомъ 1883 г. поѣздку на западный берегъ озера Ильменя съ цѣлью разъяснить, встрѣчаются ли курганы того же типа, какъ и прежде имъ изслѣдованные, по восточной границѣ Водской пятины. Изъ поѣздки этой выяснилось, что ни по самому берегу озера Ильменя, ни по лѣвому берегу р. Волхова до Соминской пристани, а равно и вдоль Московскаго шоссе до Померанья и даже Тосны, могильныхъ насыпей названнаго типа не встрѣчается, и сказанное слѣдуетъ отнести на полосу указаннаго направленія, верстъ на 15 — 20 шириною. Г. Ивановскій допускаетъ возможность существованія кургановъ по правому берегу р. Шелони или по линіи, лежащей далѣе къ югу, но онъ не имѣлъ возможности обслѣдовать эту мѣстность. Раскопки его группировались по сѣверной границѣ Водской пятины, параллельно южному берегу Финскаго залива, и по южной границѣ, вдоль рѣки Луги и ея притоковъ; въ этихъ мѣстностяхъ изслѣдовано 588 могильныхъ насыпей, изъ коихъ извлечено (кромѣ остововъ) бронзовыхъ браслетовъ 133, серегъ 44, пряжекъ 78, височныхъ колецъ 24, колецъ ручныхъ 15, перстней 10, бусъ свыше 200, ножей 37, ножей въ бронзовыхъ ножнахъ 8, топоровъ 18, серповъ 6, мечъ 1, копій 6, привѣсокъ разныхъ 23, частей поясовъ 5, огнива 4, сковорода 1, цѣпочекъ 3, гребень 1, бубенчиковъ 7, желѣзныхъ гвоздей 2.

Въ годовомъ же засѣданіи 16-го марта состоялось присужденіе

Библиотека "Руниверс"

медалей, выдаваемыхъ Русскимъ Археологическимъ Обществомъ за лучшіе ученые труды по археологіи; именно присуждены: большія золотыя медали: академику Л. Э. Стефани за его капитальныя изслѣдованія въ области классической археологіи, изданныя въ длинномъ рядѣ трудовъ (Отчеты Императорской археологической комиссіи, Древности Босфора Киммерійскаго, Каталоги Императорскаго эрмитажа и т. д.) и Ю. Б. Иверсену за его сочиненіе: „Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ"; большія серебряныя—В. В. Латышеву за его изслѣдованія въ области греческой эпиграфики и Д. А. Сабанѣеву за его работы по химико-техническому анализу древнихъ бронзъ; кромѣ того, хранителю Минусинскаго музея Н. И. Мартьянову за его труды по устройству и описанію этого музея присуждена малая серебряная медаль.

Библиотека "Руниверс"

ИМПЕРАТОРСКОЕ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ ВЪ 1882—1883 ГОДАХЪ [1]).

Въ 1883 году Общество любителей древней письменности удостоилось высокаго знака Монаршаго къ нему вниманія. 3-го февраля этого года Государь Императоръ „въ воздаяніе заслугъ, оказанныхъ Обществомъ русской археологической наукѣ, русскому искусству и печатному дѣлу", всемилостивѣйше соизволилъ на наименованіе сего Общества Императорскимъ. Такимъ образомъ торжественно была признана государственная польза дѣятельности частнаго общества. „А это"—какъ выразился членъ-корреспондентъ Общества Н. В. Султановъ въ засѣданіи 11-го марта 1883 года—„высшая награда, какой только могутъ достичь люди, безкорыстно посвятившіе свои силы извѣстному дѣлу, во имя одной только чистой любви къ наукѣ". И дѣйствительно, за свое краткое существованіе Общество уже успѣло издать много важныхъ памятниковъ нашей древней письменности и тѣмъ оказало несомнѣнную услугу наукѣ. Достиженіемъ столь блестящихъ результатовъ Общество весьма много обязано своимъ членамъ-учредителямъ князю П. П. Вяземскому и графу С. Д. Шереметеву. Въ засѣданіи 11-го марта 1883 года члены Общества просили князя Вяземскаго принять на себя званіе почетнаго предсѣдателя Общества. При этомъ, почетный членъ Общества, академикъ А. Ѳ. Бычковъ, въ небольшой рѣчи, обращенной къ князю П. П. Вяземскому, сказалъ между прочимъ слѣдующее: „Въ

[1]) Собственно съ мая 1882 г. по январь текущаго года; о дѣятельности Общества съ апрѣля 1881 по май 1882 года см. въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1882 г. сентябрь.

Библиотека "Руниверс"

теченіе семи лѣтъ со времени учрежденія Общества, вы были его душою и руководителемъ. Вашею неустанною дѣятельностью оно процвѣло и принесло такіе плоды, которые въ другихъ обществахъ достигаются десятками лѣтъ".

Въ 1882 году Общество принимало участіе на всероссійской выставкѣ въ Москвѣ. Оно предложило общественному вниманію цѣлый рядъ своихъ изданій, изъ которыхъ 37 нумеровъ были описаны въ особомъ печатномъ каталогѣ. Изданія Общества, помѣщавшіяся въ научно-учебномъ отдѣлѣ, занимали четыре витрины и одинъ шкафъ и вполнѣ заслуженно привлекали сочувственное вниманіе образованныхъ посѣтителей выставки. За полезную дѣятельность и образцово выполненныя изданія Обществу любителей древней письменности была присуждена почетная награда.

Переходимъ теперь къ обозрѣнію ученой дѣятельности Общества за указанное время. Отдѣльныхъ изданій (занумерованныхъ римскими цифрами) вышло за этотъ періодъ четыре:

I) На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Житіе св. Николая Чудотворца, съ лицевыми изображеніями (№№ XXVIII—XL), воспроизведенное факсимиле по рукописи Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ. Рукопись писана въ большой листъ, красивымъ полууставомъ XVI вѣка, на 400 листахъ. Она весьма замѣчательна по оригинальности, бойкости и разнообразію рисунковъ. Всѣхъ рисунковъ болѣе 400, потому что на многихъ листахъ они находятся и на лицевой, и на оборотной сторонѣ листа. Каждый рисунокъ занимаетъ $^1/_2$ или $^2/_3$ страницы, а иные, крупные, и цѣлую страницу. Рисунки ярко раскрашены красками и золотомъ. Судя по почерку и рисункамъ, рукопись несомнѣнно должна относиться ко времени Іоанна Грознаго. По своей рѣдкости и по важности для исторіи нашей иконописи и живописи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для исторіи нашего быта, настоящая рукопись занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Въ изданіи Общества текстъ воспроизведенъ литографскимъ способомъ, лицевыя изображенія—въ контурахъ, и только нѣсколько листовъ исполнены хромолитографіей. Слѣдуетъ упомянуть, что настоящая рукопись вызвала спеціальное сочиненіе г. Султанова: „Образцы древне-русскаго зодчества въ миніатюрныхъ изображеніяхъ. Изслѣдованіе по рукописи XVI вѣка: „Житіе Николая Чудотворца" [1]),

[1]) Напечатано въ «Памятникахъ древней письменности» 1881 г. VIII. Нѣсколько общихъ замѣчаній о миніатюрахъ рукописи см. на стр. 35—41.

Библиотека "Руниверс"

въ которомъ авторъ занялся изслѣдованіемъ формъ зодчества, встрѣчающихся въ рисункахъ этой рукописи.

2) Заставки и миніатюры Четвероевангелія 1507 года (№№ LVIII и LXXXVI), воспроизведенныя художникомъ Осиповымъ по рукописи Императорской Публичной Библіотеки (изъ древлехранилища Погодина). Это Евангеліе было написано въ Москвѣ, въ Николаевскомъ старомъ монастырѣ, для дворцоваго казначея Ивана Ивановича Третьякова. Уже давно оно обращало на себя вниманіе нашихъ изслѣдователей и художниковъ, выражавшихъ неоднократно желаніе видѣть изданными хотя нѣкоторыя изъ его узорчатыхъ заставокъ. Общество осуществило это желаніе. Въ его изданіи изъ этой красивой рукописи воспроизведены въ точности изображенія четырехъ евангелистовъ (произведеніе Ѳеодосія зографа, извѣстнаго и другими работами, за которыя онъ и его отецъ Діонисій были названы „изящными и хитрыми въ Русской землѣ иконописцы"), наиболѣе важныя въ художественномъ отношеніи заставки, украшенія и заглавныя буквы, а также образцы почерка. Изданіе это, весьма важное для исторіи русской живописи, сопровождено предисловіемъ академика А. Ѳ. Вычкова, въ которомъ сообщены свѣдѣнія о самой рукописи и о лицахъ, принимавшихъ участіе въ ея изготовленіи.

3) Гораздо меньшее значеніе имѣетъ изданіе подъ № LXXVII, озаглавленное „Леонтьевскій сборникъ". Рукопись Леонтьевскаго сборника принадлежитъ собранію кн. П. П. Вяземскаго, писана скорописью конца XVII вѣка и названа такъ по имени прежняго ея владѣльца, стольника П. Б. Леонтьева. Изъ этого сборника воспроизведены факсимиле четыре снимка заставокъ и украшеній, „которые", какъ сказано въ предисловіи,—„даютъ прекрасные образцы извѣстной манеры". Должно впрочемъ замѣтить, что они не представляютъ ничего особенно выдающагося; подобныя имъ украшенія встрѣчаются довольно часто. Содержаніе сборника состоитъ изъ 11 статей, исчисленныхъ въ предисловіи. Четыре изъ нихъ „по своему интересу" воспроизведены въ настоящемъ изданіи цѣликомъ, тоже факсимиле. Замѣтимъ, что самая обширная изъ этихъ статей „О зачалѣ великаго Новаграда" уже извѣстна по изданію А. Н. Попова (Изборникъ слав. и русск. сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы, стр. 442—447). Остальныя три статьи слѣдующія: а) „Описаніе разстоянію столицъ нарочитыхъ градовъ славныхъ государствъ", въ которомъ показано разстояніе 54 иностранныхъ городовъ до Москвы; это—второй отдѣлъ составленнаго въ 1667 году Андреемъ Вини-

Библиотека "Руниверс"

усомъ труда: „О столицахъ нарочитыхъ городовъ, и славныхъ государствъ и земель, и острововъ..... колико имутъ разстояніе... отъ первопрестольнаго града Москвы“ (въ первомъ отдѣлѣ этого труда показаны разстоянія и пути отъ Москвы до разныхъ русскихъ городовъ); б) небольшая „Повѣсть о Мелхиседекѣ, царѣ Салимстемъ“— иная редакція этого сказанія, сравнительно съ напечатанными, и в) педагогическіе афоризмы („Подарокъ молодымъ дѣтямъ“, въ которомъ восхваляется розга: Розгою учитъ Духъ Святый дѣти бити, розга убо ниже мало здравія вредитъ, и т. п.) и разныя изреченія (опредѣленія добродѣтелей).

4) Записка Леонтія Магницкаго по дѣлу Тверитинова (№ LXXX), изданная по двумъ рукописямъ изъ собранія князя Вяземскаго. Эта записка представляетъ весьма важный историческій памятникъ по возникшему въ 1713 году извѣстному дѣлу увлекшихся протестантскими вѣрованіями „московскихъ еретиковъ“, во главѣ которыхъ стоялъ лѣкарь Дмитрій Тверитиновъ. Она дополняетъ фактическую сторону дѣла многими интересными подробностями, не извѣстными ни по бумагамъ синодальнаго архива, ни по слѣдственному дѣлу въ Московской синодальной библіотекѣ. Записка эта послужила главнымъ источникомъ для статьи проф. Н. С. Тихонравова „Московскіе вольнодумцы XVIII вѣка и Стефанъ Яворскій“ (помѣщенной въ Русскомъ Вѣстникѣ 1870 года), въ которой приведены изъ записки Магницкаго нѣкоторыя выдержки. Обществомъ этотъ весьма любопытный и важный документъ изданъ въ полномъ видѣ, безъ всякихъ измѣненій, съ соблюденіемъ орѳографическихъ особенностей рукописи. Въ приложеніяхъ къ запискѣ перепечатаны, какъ существенное къ ней дополненіе, оффиціальные документы по дѣлу Тверитинова, помѣщенные въ „Описаніи документовъ и дѣлъ архива св. синода“.

Кромѣ этихъ четырехъ отдѣльныхъ изданій, Общество за разсматриваемый періодъ времени, напечатало 19 выпусковъ „Памятниковъ древней письменности и искусства“ [1]). О нѣкоторыхъ изъ нихъ

[1]) Начиная съ 1882 года, отдѣльные выпуски «Памятниковъ» выходятъ безъ нумераціи, такъ что лицо, получающее ихъ, не можетъ знать, имѣются ли у него всѣ вышедшіе въ данномъ году выпуски, или нѣтъ. Неудобство это легко могло бы быть устранено. Не назначая напередъ числа выпусковъ въ году и подъ какимъ нумеромъ долженъ выйдти тотъ или другой памятникъ, выпуски «Памятниковъ» могутъ получать нумерацію по времени выхода ихъ изъ типографіи, при чемъ на послѣднемъ выпускѣ за данный годъ слѣдовало бы обозначать: № такой-то и послѣдній за такой-то годъ.

Библиотека "Руниверс"

уже говорилось на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ объ изданіяхъ, имѣющихъ выйдти въ свѣтъ [1]), такъ что мы можемъ ограничиться здѣсь приведеніемъ однихъ только заглавій этихъ трехъ выпусковъ „Памятниковъ"; таковы: обширный трудъ г. Архангельскаго: „Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ. Ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси"; „Житіе и чудеса св. Николая Мурликійскаго и похвала ему. Изслѣдованіе двухъ памятниковъ древней русской письменности XI вѣка, трудъ намѣстника Троице-Сергіевой Лавры архимандрита Леонида", и „Повѣсть о Василіи Златовласомъ, королевичѣ Чешскія земли", напечатанная г. Шляпкинымъ по списку, найденному въ 1880 году академикомъ Бычковымъ. Замѣтимъ, что изданіе въ свѣтъ настоящей повѣсти, которая, со времени Снегирева, не была доступна по рукописямъ ни А. Н. Пыпину, ни послѣдующимъ ученымъ, вызвало уже спеціальное о ней изслѣдованіе академика А. Н. Веселовскаго, помѣщенное въ его „Замѣткахъ по литературѣ и народной словесности", I (С.-Пб. 1883), стр. 62—80.

Изъ вновь изданныхъ „Памятниковъ" цѣлый рядъ (пять выпусковъ) относится до святынь Іерусалима и Аѳона. Эти сообщенія сдѣланы были Обществу неутомимымъ изслѣдователемъ нашей древней письменности, намѣстникомъ Троицкой Лавры, архимандритомъ Леонидомъ. Имъ напечатаны: 1) „Хожденіе въ Іерусалимъ и Царьградъ чернаго діакона Троице-Сергіева монастыря Іоны, по прозванію Маленькаго (1649—1652 гг.)". Хожденіе это впервые издано по полному списку (изъ древнехранилища Погодина). Два бывшія доселѣ изданія этого памятника (Коркунова и Сахарова) были сдѣланы со списковъ неполныхъ и неисправныхъ: въ нихъ не доставало цѣлой большой главы, въ которой Іона повѣствуетъ о схожденіи огня на гробъ Господень и о своемъ благополучномъ возвращеніи на родину. Разказъ Іоны простъ и обстоятеленъ; онъ не вдается въ отвлеченности и описываетъ весьма занимательно и сердечно лишь то, что̀ видѣлъ самъ своими глазами, не слишкомъ довѣряясь разказамъ мѣстныхъ „вожей". 2) „Просинитарій святыхъ мѣстъ святаго града Іерусалима", написанный на греческомъ языкѣ Критяниномъ іеромонахомъ Арсеніемъ Каллудой и напечатанный въ Венеціи въ 1679 году, а на славянскій языкъ переведенный въ 1686 году чудовскимъ

[1]) *Ж. М. Н. Пр.*, 1882, сентябрь.

Библиотека "Руниверс"

монахомъ Евѳиміемъ, извѣстнымъ справщикомъ. Этотъ „Проскинитарій", сохранившійся въ одной рукописи Московской синодальной библіотеки, равномѣрно является въ свѣтъ въ первый разъ.

Три другія сообщенія архимандрита Леонида касаются Аѳона. Еще Кіевская Русь хорошо знала Святую Гору и ея обитателей. Отъ первой четверти XV вѣка до насъ дошло уже описаніе аѳонскихъ монастырей („Ксеносъ" іеродіакона Зосимы). Со времени взятія Царяграда Турками и въ теченіе XVI и XVII столѣтій, Русскіе люди стали болѣе и болѣе сближаться съ св. Аѳонскою горою, слыша сказанія о ней святогорскихъ старцевъ, приходившихъ въ Москву и другіе города за милостынею. Сказанія эти записывались, и нѣкоторыя сохранились и до нашего времени. Изъ такихъ сказаній отцемъ Леонидомъ напечатаны: а) Обстоятельное сказаніе объ Аѳонской горѣ игумена аѳонскаго Пантелеймонова монастыря Іоакима, написанное по желанію митрополита Макарія въ 1561 году; оно издано впервые и заимствовано изъ сборника Московской синодальной библіотеки; б) Разказъ о святогорскихъ монастыряхъ архимандрита Ѳеофана (21-го декабря 1663), тоже бывшій до сихъ поръ не извѣстнымъ въ печати. Объ этомъ архимандритѣ Ѳеофанѣ имѣлись до послѣдняго времени самыя скудныя свѣдѣнія, именно, что въ 1661 году онъ привезъ въ Москву (а затѣмъ въ 1662 г. въ Воскресенскій монастырь) копію съ чудотворной иконы Божіей Матери Троеручицы изъ Хиландарскаго Аѳонскаго монастыря и за самовольное сношеніе съ опальнымъ патріархомъ Никономъ былъ сосланъ въ декабрѣ 1663 года въ Кириллово-Бѣлозерскій монастырь, гдѣ и составилъ упомянутый разказъ объ Аѳонскихъ монастыряхъ (1663 г.), а также перевелъ (въ 1665 г.) на славянскій языкъ греческую Псалтирь Максима Грека; наконецъ, что онъ пробылъ въ Кирилловомъ монастырѣ до конца собора 1666—1667 гг. Эти данныя и сообщены въ небольшомъ предисловіи архимандрита Леонида. Лишь въ послѣднемъ (XII) томѣ „Исторіи Русской церкви" митрополита Макарія имѣются новыя, подробныя свѣдѣнія объ этомъ архимандритѣ Ѳеофанѣ (стр. 462—467). Ѳеофанъ, родомъ Бѣлорусецъ, былъ сосланъ не только за свою самовольную поѣздку къ патріарху Никону (иноземцамъ было воспрещено ѣздить къ нему безъ позволенія государева), но и за другія „вины". Въ то время происходила между Россіей и Польшей вторая война за Малороссію. Было дознано, что Ѳеофанъ былъ присланъ гетманомъ Потоцкимъ, какъ лазутчикъ въ Москву, чтобы собрать нужныя свѣдѣнія о государевыхъ ратныхъ людяхъ и про все развѣдать. Поэтому

Библиотека "Руниверс"

онъ и былъ 11-го декабря 1663 г. сосланъ въ Кирилловъ монастырь подъ строгій надзоръ. Просьбы и письма Ѳеофана объ освобожденіи не имѣли успѣха. Тогда, въ ночь на 7-е октября 1665 г., онъ бѣжалъ изъ Кириллова монастыря, но 18-го октября былъ пойманъ въ 80 верстахъ отъ монастыря, на устьѣ р. Кубены, а въ декабрѣ сосланъ въ Соловецкій монастырь.

Третье сообщеніе о. Леонида о Святой Горѣ составляютъ два труда чудовскаго іеродіакона Дамаскина (1701—1706 гг.) подъ заглавіемъ: „Аѳонская гора и Соловецкій монастырь". Это описаніе Аѳона составлено докторомъ Іоанномъ Комниномъ, который посѣтилъ Святую гору въ 1700 году. Сочиненіе Комнина было напечатано въ Бухарестѣ въ 1701 году, и имъ пользовался извѣстный пѣшеходъ Василій Барскій при описаніи Аѳонскихъ монастырей. Свой переводъ Комнинова труда Дамаскинъ поднесъ Новгородскому митрополиту Іову. Весьма вѣроятно, что это обстоятельство подало Іову мысль поручить Дамаскину, какъ человѣку лично знакомому съ Аѳономъ (гдѣ онъ прожилъ тринадцать мѣсяцевъ), посѣтить Соловецкій монастырь, слывшій въ мнѣніи Русскихъ людей за „сѣверный Аѳонъ", и высказать свое мнѣніе о сходствѣ или несходствѣ Соловокъ съ Св. Горою. Весьма любопытное сравненіе Аѳона съ Соловками (въ которомъ предпочтеніе отдается Аѳону), написанное Дамаскиномъ между 1701—1703 гг., было имъ также поднесено митрополиту Іову. Въ изданіи Общества оно является въ первый разъ въ цѣлостномъ видѣ; ранѣе, въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи (1877, сентябрь) оно было напечатано не вполнѣ профессоромъ Петровымъ, который неправильно считалъ авторомъ означеннаго сочиненія извѣстнаго Арсенія Грека [1]).

Вообще, всѣ эти три сообщенія архимандрита Леонида имѣютъ немаловажное значеніе въ древней нашей письменности и потому, что ими восполняется рядъ извѣстныхъ доселѣ сказаній объ Аѳонской горѣ.

Изъ остальныхъ одинадцати выпусковъ „Памятниковъ" въ девяти напечатаны слѣдующіе матеріалы: 1) „Сказаніе о подвигахъ и жизни св. благовѣрнаго великаго князя Александра Ярославича Невскаго" (первоначальная редакція житія, составленнаго современникомъ), впервые изданное архимандритомъ Леонидомъ по единствен-

[1]) Опроверженіе этого мнѣнія г. Петрова изложено въ предисловіи архимандрита Леонида къ труду Дамаскина.

Библиотека "Руниверс"

ному отдѣльному списку этого сказанія, находящемуся въ сборникѣ XV вѣка Московской духовной академіи. Доселѣ оно было извѣстно лишь по лѣтописнымъ сборникамъ; но въ однихъ оно встрѣчается съ пропусками, а въ другихъ оно подновлено и разбито на отдѣльныя статьи, перемѣшанныя съ лѣтописными извѣстіями.

2) „Шестодневъ" Георгія Пизида, византійскаго писателя VII вѣка. Поэма эта, переведенная на славяно-русскій языкъ въ 1385 году Дмитріемъ Зографомъ, состоитъ изъ двухъ частей—первой, собственно богословской, и второй, наполненной физіологическими свѣдѣніями, основанными на Аристотелѣ и Эліанѣ. Она издана г. Шляпкинымъ по списку XV вѣка, хранящемуся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. (Другой списокъ XV вѣка находится въ Троице-Сергіевой лаврѣ). Подробное изслѣдованіе г. Шляпкина объ этомъ памятникѣ предназначается къ напечатанію въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей при Московскомъ университетѣ.

3) „Вымышленные статейные списки посольствъ Андрея Ищеина къ Турецкому султану Мурату (7078—1570 г.) и князя Захарія Ивановича Сугорскаго къ королю Максимиліану (7084—1576 г.)". Посольство Ищеина заимствовано изъ рукописи XVII вѣка, принадлежащей кн. Вяземскому, а посольство Сугорскаго—изъ сборника Петровскаго времени того же собранія [2]). Въ разсматриваемомъ выпускѣ находятся, сверхъ того, отрывокъ вымышленнаго же статейнаго списка посольства Квашнина къ Римскому императору въ 7086 (1578) году и нѣсколько выдержекъ изъ хронографа. До сихъ поръ эти вымышленные статейные списки никѣмъ не изслѣдованы; только въ Исторіи Карамзина (т. IX, примѣч. 348 и 442) напечатаны небольшія изъ нихъ выписки. Было бы весьма интересно заняться ихъ разборомъ, разсмотрѣть, когда и по какому поводу они были сочинены, обслѣдовать и сличить ихъ редакціи въ разныхъ рукописяхъ, опредѣлить ихъ взаимное отношеніе, наконецъ, указать отношеніе этихъ вымышленныхъ статейныхъ списковъ къ дѣйствительно бывшимъ посольствамъ Андрея Ищеина-Кузминскаго къ султану Селиму въ 1571 году, князя Сугорскаго къ Римскому императору Максимиліану въ 1575 г. и Квашнина къ императору Рудольфу въ 1578 году (статейные списки послѣднихъ двухъ посольствъ напечатаны въ I-мъ томѣ Памятниковъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ державами

---

[2]) *Правит. Вѣстн.*, 1883 г., № 32 и 44.

Библиотека "Руниверс"

иностранными). Рукописи, по которымъ выполнено изданіе Общества, къ сожалѣнію, не принадлежатъ къ числу исправныхъ; сверхъ того, изъ посольства Квашнина имѣется лишь отрывокъ, повторяющійся дважды, на стр. 17 (помѣщенъ среди посольства Сугорскаго) и на стр. 19. Поэтому было бы желательно имѣть новое, лучшее, изданіе этихъ вымышленныхъ статейныхъ списковъ по извѣстнымъ доселѣ рукописямъ, находящимся въ разныхъ библіотекахъ. Въ концѣ разсматриваемаго выпуска „Памятниковъ", непосредственно послѣ статейнаго списка посольства Квашнина, помѣщены (стр. 19—27) извѣстія лѣтописнаго характера, которыя, по ихъ сличеніи, оказываются выписками и выдержками изъ хронографа второй редакціи; всѣ они напечатаны, притомъ болѣе исправно, въ „Изборникѣ" А. Н. Попова (стр. 188—204). Выдержки эти въ самой рукописи сдѣланы вообще безъ особаго вниманія; именно, на стр. 22 напечатано извѣстіе о восшествіи на престолъ царя Василія Іоанновича Шуйскаго (первыя восемь строкъ сверху), а непосредственно затѣмъ идетъ выписка, начинающаяся словами: „Аще и судъ Божій вскорѣ постиже злобнаго сего пса" и т. д., вовсе не относящаяся къ царю Василію, а къ Тушинскому вору (Изборникъ, стр. 197).

4) „Вкладная книга Московскаго Новоспасскаго монастыря". Книга эта была „построена" въ 1658 году; въ ней написаны были и прежніе вклады, начиная съ XV вѣка. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія (между 1812—1816 гг.) подлинникъ этой вкладной книги утратился. Архимандритъ Леонидъ доставилъ въ Общество для изданія выписки изъ нея, сдѣланныя рукою извѣстнаго игумена Ювеналія Воейкова, которымъ подобныя же свѣдѣнія были напечатаны въ 1802 году въ Краткомъ историческомъ описаніи Новоспасскаго монастыря. Новый текстъ представляетъ нѣкоторыя дополненія и исправленія къ прежде изданному.

5) „Дворъ цесаря Турецкаго. Сочиненіе ксендза Симона Старовольскаго", напечатанное въ славяно-русскомъ переводѣ по рукописи Московской синодальной библіотеки. Переводъ, этотъ вольный, то-есть, съ сокращеніями, измѣненіями и дополненіями противъ подлинника, былъ сдѣланъ лицомъ, отлично знавшимъ польскій языкъ и относится, по мнѣнію издателя (архимандрита Леонида?), къ 1678 году, когда царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ готовился къ войнѣ съ Турками.

6) „Сводный старообрядческій синодикъ", изданный съ предисловіемъ и историческими замѣчаніями А. Н. Пыпина. Въ 1880 году этотъ памятникъ, бывшій дотолѣ неизвѣстнымъ въ литературѣ, былъ напе-

Библиотека "Руниверс"

чатанъ г. Пыпинымъ въ Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, но только по одному списку. Новое изданіе синодика исполнено по четыремъ рукописямъ (XVIII и XIX вв.). Синодикъ этотъ былъ въ значительномъ и даже, можно сказать, обычномъ церковномъ употребленіи въ старообрядчествѣ. Трудно сказать, когда онъ возникъ впервые, но весьма вѣроятно, что уже послѣ первыхъ бѣдствій, испытанныхъ расколомъ, явились первые номинальные списки „благочестія ради пострадавшихъ"; эти списки впослѣдствіи умножались новыми добавленіями. Центромъ, куда сходились эти свѣдѣнія, и гдѣ они заносились въ общій синодикъ, былъ, вѣроятно, Выгорѣцкій скитъ. Главный интересъ синодика представляетъ тотъ его отдѣлъ, въ которомъ исчисляются подвижники старообрядчества, „пострадавшіе и сожженные благочестія ради", отчасти поименно, отчасти общими числами, съ обозначеніемъ мѣстъ, гдѣ они пострадали, а иногда и съ указаніемъ года и дня. Названныя здѣсь мѣста простираются отъ Архангельска и Пустозерска до Дона, и отъ Петербурга до Сибири. Самое раннее хронологическое указаніе—1676 годъ; самое позднее—1738. Свѣдѣнія, представляемыя синодикомъ, отличаются достовѣрностью, какъ это можно видѣть изъ „историческихъ замѣчаній" г. Пыпина, которыя онъ посвятилъ опредѣленію фактовъ и лицъ, записанныхъ въ синодикѣ (при чемъ подробно останавливается на крайне любопытномъ, и въ то же время печальномъ, явленіи самосожженія). Къ сожалѣнію, г. Пыпинымъ въ его библіографическихъ примѣчаніяхъ ни разу не сдѣлано ссылки [1]) на „Матеріалы для исторіи русскаго раскола", издаваемые братствомъ св. Петра митрополита, подъ редакціей профессора Н. И. Субботина, въ которыхъ напечатано много новыхъ и важныхъ данныхъ для исторіи раскола за первое время его существованія.

7) „Инструкція дворецкому Ивану Немчинову о управленіи дому и деревень", данная въ 1725 году извѣстнымъ Артеміемъ Петровичемъ Волынскимъ. Любопытная инструкція эта уже была напечатана въ 1854 году въ Москвитянинѣ, но по списку, въ которомъ недоставало одного листа (окончанія послѣдняго, 27-го пункта инструкціи). Новое изданіе напечатано П. Н. Тихановымъ по полному списку, находящемуся въ одной рукописи его собранія. Сверхъ того, въ

[1]) Въ примѣчаніяхъ касательно Иниты Пустосвята (стр. 45) и соловецкихъ «страдальцевъ» (стр. 47).

Библиотека "Руниверс"

изданіи Общества послѣ инструкціи помѣщена составленная Волынскимъ же „Регула объ лошадяхъ, какъ содержать и притомъ прилежно смотрѣть надлежитъ, чтобъ въ добромъ призрѣніи были", которая доселѣ не была напечатана. Въ послѣдній годъ царствованія Петра Великаго Волынскій былъ лишенъ жалованья и былъ поставленъ въ необходимость уплатить денежный штрафъ; поэтому онъ обратилъ вниманіе на свое разстроенное хозяйство. „Такова, по всей вѣроятности", говоритъ профессоръ Д. А. Корсаковъ [1])—„причина происхожденія этой инструкціи, которая живо рисуетъ намъ Волынскаго-помѣщика и сообщаетъ важныя данныя для знакомства вообще съ положеніемъ помѣщичьихъ крестьянъ первой четверти XVIII вѣка".

8) „Родословіе Высочайшей фамиліи е. имп. в. государыни императрицы Елисаветы Петровны". Сочиненіе, приписываемое Петру Крекшину и написанное не ранѣе 1745 года. (Сообщеніе архимандрита Леонида). Это — родословная Романовыхъ, начиная съ Захарія Ивановича Кошкина.

9) „Записка венеціанскому сенату о заслугахъ Черногорцевъ передъ Венеціанскою республикою и неправдахъ, чинившихся имъ пограничнымъ коммиссаромъ въ Которѣ Николиномъ Болицей (1744)" — документъ, извлеченный П. А. Ровинскимъ изъ библіотеки Цетиньскаго монастыря и снабженный его предисловіемъ и примѣчаніями. Записка эта, по словамъ г. Ровинскаго, интересна „какъ характеристикой отношеній Черногоріи къ Венеціанской республикѣ, такъ и нѣкоторыми частностями отношеній между Черногорскимъ митрополитомъ и венеціанскими правителями Бокки Которской".

Кромѣ матеріаловъ, въ „Памятникахъ" помѣщаются и историко-литературныя изслѣдованія. Имъ посвящены за указанное время два выпуска. Одинъ изъ нихъ заключаетъ въ себѣ библіографическое изслѣдованіе архимандрита Леонида: „Евангеліе, напечатанное въ Москвѣ 1564 — 1568". Первымъ, дошедшимъ до насъ, напрестольнымъ Евангеліемъ, напечатаннымъ въ Москвѣ, въ библіографическихъ росписяхъ показывалось Евангеліе, изданное въ Москвѣ въ 1606 году при царѣ Василіи Іоанновичѣ Шуйскомъ. Евангеліе же, которое согласно показанію библіографовъ и свидѣтельству современника (типографа Василія Тяпинскаго, въ 1570-хъ годахъ) было напечатано въ

[1]) Въ своемъ біографическомъ очеркѣ Волынскаго (помѣщенномъ въ журналѣ *Древняя и Новая Россія*), гдѣ обозрѣнію этой инструкціи посвящена цѣлая глава.

Библиотека "Руниверс"

Москвѣ между 1564—1568 гг., до общепринятому мнѣнію, считалось до насъ не дошедшимъ. Архимандритъ Леонидъ, напротивъ, доказалъ, что оно сохранилось до настоящаго времени. Онъ подвергъ внимательному разсмотрѣнію четыре безвыходныя изданія (три Евангелія и Тріодь постную) XVI столѣтія (до 1575 г.), считавшіяся обыкновенно вышедшими изъ южныхъ типографій. Разысканія почтеннаго ученаго привели его къ тому несомнѣнному выводу, что эти изданія вышли изъ московской типографіи; въ этомъ убѣждаютъ насъ текстъ этихъ изданій (напечатаны съ рукописей русскаго письма XVI в.), типографскій шрифтъ и бумага, наконецъ, вкладныя, свидѣтельствующія о распространеніи этихъ изданій въ Великой Россіи. Притомъ три изъ этихъ изданій (№№ 56, 58 и 59 [1]) печатаны ранѣе Апостола 1564 года [2]). Остановившись ближе на Евангеліи, описанномъ у г. Каратаева подъ № 57, архимандритъ Леонидъ установилъ тотъ фактъ, что это именно и есть Евангеліе, напечатанное между 1564—1568 гг.

Другое изслѣдованіе, напечатанное въ „Памятникахъ", принадлежитъ П. Д. Голохвастову и имѣетъ слѣдующее заглавіе: „Законы стиха русскаго народнаго и нашего литературнаго". Это изслѣдованіе было напечатано въ Русскомъ Вѣстникѣ 1881 года, но съ пропусками и передѣлками противъ авторскаго текста; въ „Памятникахъ" же оно является въ томъ видѣ, какъ написано г. Голохвастовымъ.

Многіе изъ поименованныхъ изслѣдованій и матеріаловъ были читаны въ еженедѣльныхъ засѣданіяхъ Общества. Сверхъ того, въ этихъ засѣданіяхъ членами Общества и посторонними лицами были сдѣланы слѣдующія сообщенія [3]), изъ коихъ нѣкоторыя имѣютъ появиться въ дальнѣйшихъ выпускахъ „Памятниковъ":

Академикъ И. В. Ягичъ обратилъ вниманіе Общества на изданный въ Загребѣ профессоромъ Гейтлеромъ глаголическій служебникъ, письма XI вѣка. Еще въ 1861 году покойный Срезневскій въ числѣ другихъ памятниковъ глаголическаго письма издалъ три листка изъ этой

---

[1]) Для краткости архимандритъ Леонидъ означаетъ ихъ тѣми №№ (56—59), подъ которыми они описаны въ книгѣ г. *Каратаева* «Описаніе славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами. Вып. 1-й, съ 1491 по 1600 г.» (С.-Пб. 1878).

[2]) Того же вопроса коснулся покойный А. Е. Викторовъ въ рефератѣ: «Не было ли въ Москвѣ опытовъ книгопечатанія прежде первопечатнаго Апостола 1564 года? (Труды Кіевскаго археологическаго съѣзда, т. II, стр. 211—220).

[3]) Въ настоящемъ обзорѣ указываются только главнѣйшія сообщенія.

Библиотека "Руниверс"

рукописи, вывезенные съ Синая въ 1853 году. Г. Гейтлеръ, во время своей поѣздки на Синай, нашелъ еще 106 листовъ изъ той же рукописи, которую онъ и издалъ буква въ букву, въ кирилловской транскрипціи, на средства юго-славянской академіи наукъ въ Загребѣ. Служебникъ этотъ представляетъ собою древнѣйшую изъ извѣстныхъ литургическихъ книгъ на славянскомъ языкѣ, ибо дошедшіе до насъ кирилловскіе служебники восходятъ лишь къ концу XII вѣка. Синайскій служебникъ по языку и письму несомнѣнно долженъ относиться къ концу XI вѣка (а не къ X, какъ полагаетъ г. Гейтлеръ). Встрѣчающіеся въ немъ тексты изъ Священнаго Писанія (Псалтыри и Евангелія) представляютъ древній переводъ, буквально совпадающій съ другими текстами этихъ книгъ XI вѣка. Большая часть находящихся въ Синайскомъ служебникѣ молитвъ встрѣчается въ служебникахъ и требникахъ XII—XIV вѣковъ; но кромѣ того, въ немъ находятся еще 6 молитвъ (въ родѣ заклинаній) „надъ трясомъ-трясавицею".

Членъ-корреспондентъ И. А. Шляпкинъ читалъ сообщеніе о „Словѣ Даніила Заточника", которое будетъ имъ издано въ „Памятникахъ", при чемъ всѣ извѣстные списки этого произведенія будутъ напечатаны параллельно. Г. Шляпкинъ обратилъ вниманіе Общества на новый списокъ Слова, отысканный имъ въ библіотекѣ Чудова монастыря. Въ настоящее время этотъ Чудовскій списокъ уже изданъ въ Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей (1883, кн. 2, отд. II, стр. 1—19) съ предисловіемъ Е. В. Барсова; онъ былъ приготовленъ къ печати еще покойнымъ секретаремъ Общества Андреемъ Н. Поповымъ, при чемъ къ новому списку подведены варіанты изъ двухъ другихъ редакцій Слова, по изданіямъ Калайдовича, Срезневскаго и Ундольскаго. Недавно же, въ 1882 году, проф. И. Я. Порфирьевымъ найдена въ одной изъ рукописей Соловецкаго монастыря новая, весьма любопытная передѣлка того же Слова, которая имъ напечатана въ Православномъ Собесѣдникѣ (1882, іюнь). Не смотря на это, въ виду разбросанности разныхъ напечатанныхъ редакцій Слова по многимъ изданіямъ, трудъ, предпринятый г. Шляпкинымъ, будетъ не излишнимъ и облегчитъ занятія лицъ, интересующихся этимъ любопытнымъ памятникомъ.

Ѳ. А. Бычковымъ было сдѣлано сообщеніе о принадлежащей ему проѣзжей грамотѣ Новгородскаго князя Ярослава Ярославича (†1271) и всего Новгорода ганзейскимъ купцамъ. По своему содержанію она почти сходна съ подобною же грамотою отъ 1301 года, напечатан-

Библиотека "Руниверс"

ною въ Русско-Ливонскихъ актахъ Напіерскаго (№ XLVIII). Время написанія этой грамоты можетъ быть опредѣлено по лицамъ, въ ней упоминаемымъ. Именно: князь Ярославъ Ярославичъ оставилъ навсегда Новгородъ на зиму 1270 (6778) года. Посадникъ Павша Онаньевичъ избранъ въ 1268 году послѣ геройской смерти посадника Михаила Ѳедоровича въ Раковорской битвѣ (18-го февраля 6776 года, въ субботу сыропустную). Въ этой же битвѣ безъ вѣсти пропалъ и упоминаемый въ грамотѣ тысяцкій Кондратъ. Но тысяцкое Новгородцы не дали никому, поджидая вѣстей, не живъ ли Кондратъ. Только въ 6777 (1269) году, послѣ недѣли всѣхъ святыхъ, Новгородцы „даша тысячьское Ратибору Клуксовичу, по княжей воли". Слѣдовательно, за это время пропавшій безъ вѣсти Кондратъ оффиціально продолжалъ считаться тысяцкимъ. На основаніи всего этого разсматриваемая грамота, которою пополняется число памятниковъ нашей письменности XIII вѣка, должна быть отнесена ко времени послѣ 18-го февраля 6776 (1268) по половину 6777 (1269) года.

И. А. Шляпкинымъ было читано „Сказаніе о чудѣ отъ иконы Божіей Матери въ Псковскомъ Спасо-Мирожскомъ монастырѣ". Въ виду того, что это сказаніе встрѣчается въ рукописяхъ весьма рѣдко [1]), было бы желательно видѣть его напечатаннымъ въ „Памятникахъ", тѣмъ болѣе, что оно должно представить не малый интересъ для исторіи русской литературы, какъ и всѣ вообще областныя религіозныя сказанія.

Членъ-корреспондентъ И. А. Бычковъ сдѣлалъ сообщеніе о новой редакціи путешествія Василія Гагары (въ 1634 году) по Святымъ Мѣстамъ, найденной имъ въ одномъ рукописномъ сборникѣ Императорской Публичной Библіотеки. Въ печати это путешествіе извѣстно въ двухъ редакціяхъ. Новая редакція хожденія Гагары мѣстами сходствуетъ съ Лаптевскимъ спискомъ, изданнымъ въ „Сказаніяхъ русскаго народа" Сахарова, мѣстами съ текстомъ, напечатаннымъ во Временникѣ Московскаго Общества исторіи и древностей (кн. 10), представляя однако противъ обоихъ иногда то пропуски, то небольшія прибавленія. Начало же путешествія по изложенію болѣе приближается къ статьѣ „О казанцѣ Василіи", напечатанной А. Н. Поповымъ въ его „Обзорѣ хронографовъ русской редакціи" (вып. 2-й), дополняя

[1]) Только П. М. Строевымъ въ его „Библіологическомъ словарѣ" (стр. 40) приведены *два* рукописи (одна Спасо-Мирожскаго монастыря, другая—Соловецкаго монастыря), въ которыхъ находится это сказаніе.

Библиотека "Руниверс"

ее новыми подробностями; такъ въ числѣ несчастій, постигшихъ Гагару, упоминается о смерти его жены; названъ по имени („Гаранка") слуга Гагары, посланный имъ торговать въ Персидскую землю и потерпѣвшій крушеніе. Нѣкоторыя обстоятельства разсказаны съ большими подробностями и болѣе послѣдовательно, чѣмъ въ печатныхъ изданіяхъ таковы, напримѣръ, разсказы: о бѣгствѣ Божіей Матери съ Младенцемъ въ Египетъ, о схожденіи божественнаго огня, о задержаніи Гагары на возвратномъ пути Литовскими властями, при чемъ иначе переданы причины, по которымъ послѣдовало его освобожденіе, и нѣкоторые другіе. Наконецъ, въ найденномъ спискѣ есть мѣста совершенно новыя, которыхъ нѣтъ въ печатныхъ изданіяхъ, напримѣръ, разсказы объ искусственной выводкѣ цыплятъ въ Египтѣ и о приготовленіи тамъ „опрѣлка"; равномѣрно впервые становится извѣстнымъ о пожалованіи Гагары, по возвращеніи въ Москву, въ гостиную сотню и о томъ, какъ онъ былъ принятъ царемъ и патріархомъ.

Члену-корреспонденту Ѳ. Н. Бергу принадлежитъ сообщеніе „о церковныхъ дѣйствахъ XVII вѣка на сѣверѣ". Древнѣйшее изъ нихъ— это „пещное дѣйство". До сихъ поръ было извѣстно, что это „дѣйство" совершалось въ Москвѣ и Новгородѣ; но нынѣ по приходо-расходнымъ книгамъ Вологодскаго архіерейскаго дома оказалось, что оно совершалось и въ Вологодскомъ Софійскомъ соборѣ съ торжественностью и относительнымъ великолѣпіемъ, при многочисленномъ стеченіи народа. По этимъ приходо-расходнымъ книгамъ, имѣющимся съ 1618 по 1643 г., можно возстановить передъ собою всю картину этого любопытнаго „дѣйства", происходившаго обыкновенно въ недѣлю св. отецъ. Оно состояло въ изображеніи событія ввержения трехъ отроковъ въ пещь огненную и спасенія ихъ ангеломъ. Дѣйствующими лицами избирались архіерейскіе пѣвчіе и діаконы, которыхъ выбирали изъ такихъ, кои „искусни суть палити халдеевъ". Съ купола на веревкѣ спускалось изображеніе ангела, сдѣланное изъ кожи. Костюмы дѣйствующихъ лицъ были изъ тонкой матеріи и краснаго сукна съ бархатными наплечьями и рукавами; вѣнцы и шапки опушались горностаемъ. Пещь освѣщалась 150 свѣчами; сверхъ того, на „дѣйство" шло до одного пуда „плаунъ-травы" (lycopodium), которая имѣетъ свойство вспыхивать яркимъ пламенемъ. Подъ пещью разводился огонь, и дѣйство шло своимъ порядкомъ, сопровождаясь разговорами халдеевъ и пѣніемъ отроковъ. Начиналось дѣйство въ субботу на навечеріе и оканчивалось на другой день, въ воскресенье.

Библиотека "Руниверс"

Членъ П. И. Савваитовъ сообщилъ сдѣланное имъ извлеченіе изъ рукописнаго сборника, принадлежащаго Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ о „кепандахъ“ и „выкличкахъ“, какія возглашались въ патріаршія времена при служеніяхъ,—первыя на литургіи, „егда святитель служитъ, отъ архидіакона или протодіакона, аще ли ихъ нѣтъ, то кличетъ ризничій“, а вторыя—въ навечеріяхъ Рождества Христова и Богоявленія, въ св. Великій Пятокъ, въ недѣлю Православія и на „поставленіи царскомъ“ [1]). Въ той же рукописи, послѣ выклички въ недѣлю Православія царю, патріарху, матери царевой, царицѣ, княземъ и боляромъ и всему воинству, помѣщены выклички множеству родовъ княжескихъ и боярскихъ поименно, изъ которыхъ однимъ онѣ возглашались „гласно“, другимъ „громогласно“, инымъ „среднее“, что показываетъ, какъ смотрѣли на значеніе этихъ родовъ въ свое время.

Въ одномъ изъ засѣданій было читано присланное намѣстникомъ Троице-Сергіевой лавры, архимандритомъ Леонидомъ, составленное имъ описаніе замѣчательной рукописи Евангелія (апракосъ), съ лицевыми изображеніями, 1692 года. Евангеліе это, хранящееся въ Антоніевомъ-Сійскомъ монастырѣ, писано на александрійской бумагѣ, крупнымъ полууставомъ. Широкія поля рукописи украшены всѣ, одни—цвѣточными гирляндами, другія—изображеніями евангельскихъ событій (соотвѣтственно содержанію текста), раскрашенными красками и золотомъ. Текстъ каждой страницы заключенъ въ фигурную золоченую рамку. Какъ видно изъ надписи, сдѣланной внизу листовъ, черезъ всю рукопись, это Евангеліе писано по заказу старца Паисія, постриженца Антоніевой Сійской обители, казначея патріарха Адріана, и имъ самимъ привезено въ Сійскій монастырь въ іюлѣ 1692 года.

---

[1]) Приводимъ эту послѣднюю выкличку съ замѣткою, ей предшествующею «Егда царь вѣнчается царскимъ вѣнцомъ, изрядный архидіаконъ, на сіе избранъ, отворь 3 поклона и благословляется у патріарха кликати царю многолѣтіе и, отшедъ, поклонится, и ставъ прямо царскихъ дверей противъ аналогія, лицемъ зря къ патріарху, и глаголетъ сію титлу царскую трища елико возможно гласомъ сдержати изрядно, а царю стоящу съ патріархомъ на мѣстѣ: «Благовѣрному и благородному, и благочестивому и христолюбивому, Богомъ нареченному и Богомъ избранному, Богомъ почтенному и Богомъ возлюбленному, Богомъ вѣнчанному и Богомъ поставленному, Богомъ украшенному и Богомъ превознесенному, в. г. ц. и в. к. (имя рекъ) Владимірскому и Московскому, Новгородцкому и Казанскому, Астраханскому и Сибирскому и иныхъ многихъ государствъ сдержателю и обладателю и всея Руссіи самодержцу многа лѣта». Также митрополитъ или патріархъ царю многолѣтствуетъ, и потомъ князи и бояре.

Библиотека "Руниверс"

Въ рукописи 934 страницы; послѣдней страницы, на которой оканчивается „молитва трудолюбца“ (писца) о совершеніи книги, къ сожалѣнію, недостаетъ, а потому какъ его имя, такъ и имя украсившаго евангеліе лицевыми изображеніями изографа, остается неизвѣстнымъ. Чистота и красота письма, обильно разсыпанныя по всей рукописи украшенія [1]) (заставки, рамки, фигурныя буквы, цвѣточныя гирлянды и рисунки), рисованныя красками и золотомъ, дѣлаютъ эту рукопись весьма драгоцѣнною. По отдѣлкѣ рисунковъ она превосходитъ даже извѣстную „Годуновскую псалтырь“. Въ мѣсяцесловѣ, сопровождающемъ Евангеліе, передъ каждымъ мѣсяцемъ находится по картинѣ: въ верхней половинѣ этихъ рисунковъ изображены многоэтажные деревянные дома съ высокими трубами и окнами, то широкими рѣшетчатыми, то узкими съ дуговыми перемычками; во второй половинѣ изображены: вода (озеро или рѣка), лугъ; тутъ же нарисована уборка сѣна и хлѣба, ловля и соленіе рыбы и другія хозяйственныя работы. Есть также изображенія ѣзды на саняхъ и въ каретахъ (въ видѣ фургона), и изображеніе стада и пастуха, играющаго на рожкѣ. Описаніе разсмотрѣннаго Евангелія будетъ напечатано въ „Памятникахъ“, съ приложеніемъ нѣсколькихъ снимковъ съ лицевыхъ изображеній.

Сообщеніе Л. Н. Майкова касалось любопытной рукописи, принадлежащей графу С. Д. Шереметеву, подъ заглавіемъ: „Подробный журналъ путешествія моего $17\frac{27}{V}91$“. Авторъ этого журнала—секундъ-маіоръ Петръ Челищевъ, одинъ изъ товарищей извѣстнаго А. Н. Радищева по заграничному ученію, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошлаго вѣка, и близкій его пріятель. Когда въ 1790 году Радищевъ пострадалъ за напечатаніе имъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“, Челищевъ былъ также заподозрѣнъ относительно этой книги, но, впрочемъ, не подвергся никакому преслѣдованію. Въ предпринятомъ имъ весною 1791 года путешествіи Челищевъ объѣхалъ значительную часть сѣверной Россіи. Изъ Петербурга онъ отправился въ Петрозаводскъ и затѣмъ, подвигаясь къ сѣверо-востоку, достигъ берега Бѣлаго моря и города Кеми; затѣмъ онъ посѣтилъ Соловецкій монастырь, Архангельскъ, Холмогоры, Шенкурскъ и по Сѣверной Двинѣ и Сухонѣ спустился до Вологды, а оттуда, черезъ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и Тихвинъ, 21-го декабря 1791 года

[1]) Число всѣхъ рисунковъ выходитъ до четырехъ тысячъ.

Библиотека "Руниверс"

возвратился въ Петербургъ. Путевой дневникъ Челищева имѣетъ строго-фактическое содержаніе: въ немъ заключается, вопервыхъ, подробный маршрутъ путешественника, затѣмъ множество топографическихъ, статистическихъ, экономическихъ и историческихъ свѣдѣній о посѣщенныхъ имъ мѣстностяхъ; по мѣстамъ встрѣчаются нѣкоторыя разсужденія путешественника о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ на пути, и его соображенія о причинахъ народной бѣдности и объ улучшеніи народнаго благосостоянія. Во всѣхъ этихъ описаніяхъ и разсужденіяхъ виденъ человѣкъ дѣльный, образованный и съ самостоятельнымъ образомъ мыслей. Особенный интересъ представляютъ тѣ страницы дневника, гдѣ говорится о посѣщеніи Челищевымъ раскольничьихъ монастырей на рѣкѣ Выгѣ, въ Олонецкой губерніи, и о его поѣздкѣ на родину Ломоносова, близъ гор. Холмогоръ.

Древне-русскому искусству были посвящены сообщенія члена-корреспондента Н. В. Султанова. Въ одномъ изъ нихъ г. Султановъ представилъ обозрѣніе памятниковъ старины въ Коломенскомъ (гор. Коломнѣ и селахъ: Сандыряхъ, Богдановкѣ, Городнѣ и Чиркинѣ) и Броницкомъ (г. Броницахъ и селѣ Марковѣ) уѣздахъ Московской губерніи. Памятники эти (церкви, иконы, церковная утварь), видѣнные изслѣдователемъ въ 1882 году, заслуживаютъ полнаго вниманія археологовъ какъ по разнообразію, такъ и по новизнѣ художественныхъ формъ. Это сообщеніе будетъ издано въ „Памятникахъ“. Другой интересный рефератъ г. Султанова былъ посвященъ разсмотрѣнію вопроса о вліяніи итальянскаго искусства на русское строительное дѣло въ XV—XVI вѣкахъ. Выводы, къ которымъ пришелъ г. Султановъ, слѣдующіе: 1) Итальянцы въ громадномъ большинствѣ случаевъ повторяли въ своихъ сооруженіяхъ старо-русскіе образцы; 2) все ихъ вліяніе выразилось лишь въ техническихъ пріемахъ и въ нѣкоторыхъ итальянскихъ деталяхъ, попадающихся въ нашихъ постройкахъ XVI вѣка; 3) русскіе мастера, позаимствовавъ у Итальянцевъ нѣкоторые ихъ внѣшніе пріемы, тотчасъ же передѣлывали ихъ на свой ладъ и 4) не болѣе какъ полвѣка спустя послѣ призыва Итальянцевъ, тѣ же русскіе мастера создаютъ высокіе образцы самобытнаго искусства (каковъ, напримѣръ, соборъ Василія Блаженнаго въ Москвѣ). Тѣмъ не менѣе, услуги, оказанныя итальянскими мастерами русскому зодчеству, весьма важны, хотя онѣ и ограничиваются преимущественно технической стороною дѣла, ибо, подъ ихъ руководствомъ, русскіе строители выучились лучшимъ способамъ обжиганія кирпича и приготовленію растворовъ, употребляемыхъ при постройкахъ, дѣлу, которое Ари-

Библиотека "Руниверс"

стотель Фіоравенти засталъ у насъ въ младенческомъ состояніи. Эти уроки италіанцевъ не пропали даромъ: русскіе художники-зодчіе тотчасъ примѣнили добытыя такимъ путемъ техническія познанія къ своимъ старозавѣтнымъ формамъ и создали этимъ путемъ образцы вполнѣ своеобразнаго искусства. Предметомъ третьяго сообщенія г. Султановымъ былъ избранъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ древне-русскаго зодчества — церковь въ подмосковиомъ селѣ Останкинѣ, принадлежащемъ (съ XVIII в.) графамъ Шереметевымъ. Эта церковь представляетъ собою самое полное выраженіе русскаго зодчества XVII вѣка. Благодаря своему высокому художественному достоинству она пользуется громкою извѣстностью между архитекторами и художниками не только у насъ, но даже и за границею. Но за то этому памятнику не очень посчастливилось въ нашей археологической литературѣ. Поэтому графъ С. Д. Шереметевъ рѣшился издать подробные чертежи и рисунки Останкинской церкви, съ поясннтельнымъ текстомъ, при чемъ составленіе чертежей, равно какъ и пояснительнаго текста, поручилъ Н. В. Султанову.

Чтобы покончить съ обзоромъ дѣятельности Общества за указанное выше время, слѣдуетъ упомянуть объ одномъ важномъ изданіи, имъ предпринятомъ. Это—полный кругъ церковнаго древняго знаменнаго пѣнія. Рукопись, съ которой будетъ печататься изданіе Общества, исполнена крестьяниномъ И. А. Фортовымъ; оригиналомъ для нея служили рукописи первой половины XVII вѣка. Списокъ Фортова представляетъ собою полный сборникъ церковнаго пѣнія; въ немъ находятся: ирмологій, октоихъ, обиходъ, праздники и трезвонъ. Церковная мелодія знаменнаго распѣва изображена въ сборникѣ безлинейными нотами съ красными (киноварными) помѣтами Шайдурова, ученика Новгородской школы XVI вѣка, и тушевыми признаками, введенными вторымъ собраніемъ дидаскаловъ для исправленія церковнаго пѣнія, учрежденнымъ въ послѣдніе годы жизни царя Алексѣя Михайловича. Текстъ священныхъ пѣснопѣній, помѣщенный въ рукописи, заимствованъ изъ церковныхъ книгъ, печатанныхъ при патріархѣ Іосифѣ. Въ началѣ изданія предположено помѣстить образцы нотныхъ рукописей, принадлежащихъ разнымъ вѣкамъ русской церкви. Наблюденіе надъ точностью этого новаго изданія Общества, важнаго какъ въ церковномъ, такъ и въ археологическомъ отношеніи, принялъ на себя протоіерей Д. В. Разумовскій, знатокъ древней церковной музыки и авторъ извѣстнаго сочиненія: „Церковное пѣніе въ Россіи".

Библиотека "Руниверс"

ПЯТЫЙ ОЧЕРЕДНЫЙ КОНКУРСЪ УЧЕНИЧЕСКИХЪ РАБОТЪ ПО РИСОВАНІЮ, ЧЕРЧЕНІЮ И МОДЕЛИРОВАНІЮ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ [1]).

По росписанію, составленному Императорскою академіею художествъ, въ конкурсномъ состязаніи, состоявшемся въ 1883 г., по счету V-мъ со времени учрежденія подобныхъ состязаній, принимали участіе спеціальныя рисовальныя школы и женскія учебныя заведенія.

Въ академію были присланы ученическія работы изъ 4 рисовальныхъ школъ, 6 женскихъ институтовъ вѣдомства императрицы Маріи, 12 женскихъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія и къ тому же конкурсу причислены академіею работы двухъ городскихъ училищъ; всего представлено 1,490 нумеровъ, въ томъ числѣ: 1,184 отдѣльныхъ рисунковъ, 86 тетрадей рисованія, 149 чертежей и 71 работа масляными красками (работъ по моделированію не было представлено). Членами конкурсной коммиссіи, учрежденной для обсужденія хода преподаванія по присланнымъ работамъ и для присужденія наградъ, состояли: предсѣдателемъ—профессоръ, нынѣ ректоръ живописи и скульптуры, П. М. Шамшинъ, профессоръ В. А. Шрейберъ, почетный вольный общникъ В. П. Шеміотъ, всѣ трое участвовавшіе при разсмотрѣніи ученическихъ работъ въ коммиссіи предыдущаго года, и вновь назначенные въ коммиссію профессоръ Н. А. Лаверецкій и академикъ П. П. Чистяковъ.

Новыя условія для конкурсовъ, установленныя совѣтомъ академіи 27-го октября 1882 г., не пріобрѣли еще обязательной силы и не были

---

[1]) Отчетъ о состоявшемся въ 1882 г. IV-мъ очередномъ конкурсѣ см. *Журн. Мин. Нар. Пр.* за апрѣль 1883 г.

Библиотека "Руниверс"

соблюдены при отправкѣ многихъ изъ представленныхъ работъ; по этому коммиссіи пришлось встрѣчать прежнія неудобства. Въ особенности затрудняло ее сужденіе о ходѣ преподаванія въ нѣкоторыхъ женскихъ институтахъ и гимназіяхъ, по присланнымъ безъ соблюденія какой либо системы отрывочнымъ образцамъ, не сопровождаемымъ никакими письменными поясненіями. Вообще же выставка ученическихъ работъ, по отзыву членовъ коммиссіи, производила въ 1883 г. очень благопріятное впечатлѣніе и рисунки ученицъ женскихъ учебныхъ заведеній оказались во многихъ отношеніяхъ лучше рисунковъ, представленныхъ реальными и другими училищами въ предыдущемъ году. Члены коммиссіи убѣдились, при внимательномъ изученіи выставленныхъ работъ, что программа преподаванія, составленная академіею въ 1872 г., вполнѣ осуществима на дѣлѣ, и что ея примѣненіе приводитъ къ успѣшнымъ результатамъ, независимо даже отъ тѣхъ существующихъ въ ней пробѣловъ, которые были уже замѣчены коммиссіей 1882 года и въ то же время указаны и исправлены распоряженіями совѣта академіи.

По числу и достоинству работъ первое мѣсто между рисовальными школами занималъ Варшавскій рисовальный классъ, доставившій тщательно тушованные рисунки съ орнаментовъ, головъ и фигуръ, съ гипсовъ и съ натуры, драпировки съ манекеновъ и серію техническихъ чертежей. За исключеніемъ неудачныхъ рисунковъ драпировокъ, на болѣе изящную и широкую постановку которыхъ слѣдовало бы обратить вниманіе, остальныя работы заслуживаютъ большой похвалы и свидѣтельствуютъ о хорошемъ направленіи преподаванія.

Работы мужскаго отдѣленія Виленской рисовальной школы, отличаясь сочностью тушовки, сильнымъ рельефомъ и искусною передачею внѣшнихъ эффектовъ освѣщенія, въ отношеніи правильности контуровъ и законченности деталей уступаютъ подобнымъ же работамъ Варшавскаго класса. Изъ многочисленныхъ рисунковъ этой школы, многіе выполнены прекрасно (напримѣръ, этюды карандашемъ головы съ натуры); но слабую ихъ сторону составляютъ ошибки противъ перспективы, въ особенности при рисованіи вазъ и группъ разнородныхъ предметовъ съ натуры. Отсутствіе систематическаго изученія перспективы, по видимому, составляетъ весьма важный недостатокъ преподаванія, практикуемаго въ упомянутомъ училищѣ.

Въ работахъ женскаго отдѣленія Виленской рисовальной школы погрѣшностей перспективныхъ не замѣтно. Руководителемъ этого отдѣленія, преподавателемъ Ремеромъ представлена любопытная кол-

Библиотека "Руниверс"

лекція рисунковъ воспроизводящая наглядно картину постепеннаго хода преподаванія, начиная съ самой элементарной его ступени. Курсъ рисованія въ женскомъ отдѣленіи Виленской рисовальной школы начинается съ изученія элементовъ важнѣйшихъ геометрическихъ формъ, за которымъ слѣдуетъ рисованіе съ проволочныхъ моделей, тѣла съ тушевкой, перспективное черченіе. примѣненіе перспективнаго масштаба къ рисованію комнаты и, наконецъ, рисованіе съ гипсовъ, начиная съ простѣйшихъ орнаментовъ до гипсовыхъ фигуръ включительно. Сверхъ обычныхъ упражненій въ орнаментальномъ и фигурномъ рисованіи, ученицы школы рисуютъ также съ натуры группы разныхъ принадлежностей классной обстановки и успѣшно исполняютъ подобныя же работы масляными красками. Воздавая должную похвалу преподавателю Ремеру за хорошее направленіе школы, коммиссія обращаетъ его вниманіе на излишне крупный размѣръ нѣкоторыхъ ученическихъ рисунковъ и этюдовъ.

Изъ Харьковской школы рисованія и живописи г-жи Раевской-Ивановой доставленъ объемистый альбомъ ученическихъ рисунковъ и нѣсколько этюдовъ съ натуры масляными красками, въ томъ числѣ одинъ портретъ, этюды драпировокъ, растеній и проч. Курсъ рисованія въ школѣ г-жи Раевской-Ивановой не ограничивается однимъ подражаніемъ поставленной модели, но содержитъ также упражненія, введенныя въ преподаваніе методикою новѣйшаго времени: рисованіе на память, сочиненія, диктовку, раскрашиваніе узоровъ и т. п. Въ этомъ отношеніи работы учениковъ г-жи Раевской-Ивановой представляютъ особый интересъ. Къ сожалѣнію, погоня за количествомъ работъ, въ ущербъ ихъ качеству, много вредитъ хорошимъ намѣреніямъ преподавательницы. Большая часть рисунковъ, при всѣхъ достоинствахъ обдуманной, сознательной работы, исполнена торопливо и слишкомъ эскизно. Отмѣченные здѣсь недостатки коммиссія приписываетъ вліянію указаній, данныхъ коммиссіей перваго академическаго конкурса, въ 1872 г., относительно частой перемѣны моделей и упражненія въ рисованіи контуровъ съ прокладкою однихъ главныхъ тѣней. Такой пріемъ въ преподаваніи оказался на опытѣ неудачнымъ и коммиссіей 1882 г. уже признанъ не соотвѣтствующимъ цѣли преподаванія. Къ списку присланныхъ работъ приложены подробныя свѣдѣнія о состояніи школы г-жи Раевской-Ивановой, изъ которыхъ видно, что учениковъ, посѣщавшихъ школу въ 1881—1882 учебномъ году (съ 1-го сентября по 1-е іюня) было 30, ученицъ 11; тѣ и другія раздѣлены были на 3 группы: младшую, среднюю и старшую; уроки

Библиотека "Руниверс"

ежедневные, кромѣ праздниковъ, и составляютъ 19 часовъ въ недѣлю: 8 ч. на рисованіе, 4 ч. на лѣпку изъ глины, 4 ч. на живопись масляными, водяными красками и по фарфору, 3 ч. на черченіе; мастерская, кромѣ того, открыта весь день для внѣ-классныхъ занятій желающихъ. Изъ учениковъ школы, въ томъ же отчетномъ году, 5 человѣкъ поступили въ академію, 1 въ школу общества поощренія художествъ. Харьковская городская дума даетъ ежегодное пособіе школѣ въ 200 р. на организацію класса черченія, покупку учебныхъ матеріаловъ для бѣднѣйшихъ учениковъ и на пріобрѣтеніе пособій по техническому рисованію. На московской промышленной выставкѣ школа г-жи Раевской-Ивановой удостоена диплома 2-го разряда, соотвѣтствующаго серебряной медали, и преміи въ 1000 руб.

Частная школа рисованія и живописи Травкина въ Казани является въ первый разъ со своими работами на академическій конкурсъ. Работы состоятъ изъ рисунковъ и этюдовъ масляными красками съ различныхъ моделей, начиная съ геометрическихъ тѣлъ и до гипсовыхъ фигуръ, многія изображаютъ группы предметовъ съ натуры (nature morte). Судя по присланнымъ образцамъ, помѣщеніе школы страдаетъ отсутствіемъ хорошаго освѣщенія; въ этюдахъ красками желательно было бы болѣе строгаго соблюденія перспективныхъ правилъ и рисунка вообще.

Женскія учебныя заведенія, съ причисленіемъ къ нимъ и работъ двухъ городскихъ училищъ, коммиссія раздѣляетъ на три группы: 1) учебныя заведенія, въ которыхъ занятія рисованіемъ ограничиваются однимъ копированіемъ съ литографій; 2) такія—въ которыхъ копированіе соединено съ рисованіемъ по модели съ натуры, и 3) такія—въ которыхъ все преподаваніе ведется по моделямъ и съ натуры.

Къ первой категоріи принадлежатъ институты: Московскій ордена св. Екатерины, Харьковскій благородныхъ дѣвицъ, Саратовскій—Маріинскій (вѣдомства императрицы Маріи), Севастопольская женская гимназія и Бердичевское городское двухклассное училище (вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія).

Въ работахъ этихъ училищъ, состоящихъ изъ копій самаго разнороднаго содержанія, трудно отыскать слѣды какой нибудь обдуманной системы. Преобладающимъ элементомъ является здѣсь копированіе пейзажей, то-есть, родъ рисованія наименѣе пригодный для усвоенія прочныхъ элементарныхъ началъ рисунка, оставленный въ настоящее время всѣми учебными заведеніями, въ которыхъ рисованіе не служитъ забавою, но составляетъ одинъ изъ важныхъ пред-

Библиотека "Руниверс"

метовъ общаго образованія. Нельзя одобрить также употребленіе цвѣтной бумаги, извѣстной подъ названіемъ „papier pélé", слишкомъ дорогой для школы и пригодной болѣе для дилетантскихъ, альбомныхъ рисунковъ, чѣмъ для учебныхъ цѣлей. Такіе рисунки, исполненные при томъ однообразной манерой, доставлены въ изобиліи Харьковскимъ институтомъ. Въ тетрадяхъ ученицъ младшихъ классовъ этого института упражненія состоятъ въ рисованіи, въ очень мелкомъ размѣрѣ, только слѣдующихъ четырехъ фигуръ, чередующихся одна съ другою до конца тетради: „прямой уголъ", „острый уголъ", „квадратъ" и „носъ въ профиль". Если прибавить къ тому, что многочисленныя повторенія названныхъ фигуръ исполнены одинаково неудачно, то внезапное появленіе, вслѣдъ затѣмъ, окончательныхъ, очень старательно тушованныхъ копій на papier pélé съ разныхъ литографированныхъ пейзажей и картинокъ, представляется дѣломъ совершенно не объяснимымъ. Присудивъ за послѣднія работы три похвальные отзыва, коммиссія желала поощрить прилежаніе отдѣльныхъ ученицъ, нисколько не одобряя самаго способа преподаванія, не заключающаго въ себѣ никакой видимой послѣдовательности и необходимѣйшихъ основаній элементарнаго курса.

Во второй группѣ учебныхъ заведеній, къ которой Коммиссія причисляетъ Московское Александровское училище (вѣдомства императрицы Маріи), Маріинское высшее женское училище въ Вильнѣ (на правахъ гимназіи), Ярославскую Маріинскую женскую гимназію и Вольскую женскую прогимназію, лучшія работы представлены изъ С.-Петербургскаго училища св. Екатерины и изъ Нижегородской Маріинской женской гимназіи. Прекрасно исполненные рисунки съ моделей геометрическихъ тѣлъ, съ гипсовыхъ орнаментовъ и головъ доказываютъ, что рисованіе могло бы здѣсь идти съ полнымъ успѣхомъ и далѣе, въ томъ же направленіи. Къ сожалѣнію, послѣ раціональнаго начала, рисованіе въ старшихъ классахъ Екатерининскаго института сводится исключительно къ копированію, штрихъ въ штрихъ, Жюльеновскихъ и т. п. литографій съ акварельной раскраской, а въ Нижегородской гимназіи—къ копированію пейзажей съ литографированныхъ эстамповъ. Болѣе слабый отдѣлъ той же группы училищъ представляютъ: Сарапульская, Рижская Ломоносовская, Екатерининская Ростовская-на-Дону женскія гимназіи и Зарайская прогимназія. Копированіе съ литографій составляетъ въ нихъ преобладающее занятіе, а начальныя элементарныя упражненія, рисованіе съ геометрическихъ тѣлъ и съ гипсовъ, судя по присланъ-

Библиотека "Руниверс"

нымъ слабымъ рисункамъ этого рода, по видимому, существуютъ болѣе ради формальнаго соблюденія предписанной программы.

Въ Сарапульской и въ Ростовской-на-Дону гимназіяхъ обнаруживается, сверхъ того, плохой выборъ и крайняя бѣдность учебныхъ пособій, не исключая образцовъ для копированія, которому отводится такъ много незаслуженнаго мѣста. Относительно Зарайской прогимназіи слѣдуетъ замѣтить еще, что контуры рисунковъ плоскихъ фигуръ напрасно оттѣняются, и притомъ чрезмѣрно толстыми линіями, что совершенно неумѣстно и неестественно въ подобныхъ изображеніяхъ. При тушовкѣ геометрическихъ тѣлъ, исполненной очень тщательно, но совершенно однообразнымъ пріемомъ, видимо обращается болѣе вниманія на чистоту отдѣлки, чѣмъ на правильность перспективныхъ сокращеній и на вѣрную передачу рельефа.

Третью группу составляютъ: Нижегородскій Маріинскій институтъ благородныхъ дѣвицъ, Варшавская 1-я женская гимназія, Радомская, Шуйская женскія гимназіи и Рижское Екатерининское городское училище. Время, затрачиваемое въ младшихъ классахъ большинства другихъ учебныхъ заведеній на безплодное копированіе съ эстамповъ, посвящается здѣсь основательному изученію начальныхъ элементовъ рисунка (геометрическихъ формъ и ихъ комбинацій) и не остается безъ важнаго вліянія на всѣ послѣдующіе успѣхи. Дѣйствительно, въ училищахъ этой группы рисованіе по моделямъ съ натуры приводитъ къ результатамъ, преимущества которыхъ предъ копированіемъ не могутъ подлежать никакому сомнѣнію. Правильно нарисованное съ натуры есть продуктъ пониманія изображаемой формы и вполнѣ сознательнаго ея воспроизведенія, тогда какъ копія съ готоваго рисунка, литографіи и т. п., можетъ быть дѣломъ простаго механическаго навыка, при которомъ терпѣливый трудъ по большей части замѣняетъ самостоятельное размышленіе.

Прекрасные результаты и разумный, послѣдовательный ходъ преподаванія въ особенности выказались въ рисункахъ ученицъ Шуйской женской гимназіи. Энергическій и талантливый преподаватель этой гимназіи, г. Пѣгушевъ, не взирая на неблагопріятныя условія (отсутствіе удобнаго для рисованія помѣщенія, недостатокъ учебныхъ пособій и другія обстоятельства, подробно изложенныя въ представленной имъ запискѣ), сумѣлъ довести большинство ученицъ до успѣховъ вполнѣ удовлетворительныхъ. Исполненныя съ натуры ученицами старшихъ классовъ группы различныхъ предметовъ изъ классной обстановки, перспективные рисунки комнатъ, коридоровъ

Библиотека "Руниверс"

и тому подобныя, доступныя для элементарнаго курса упражненія, свидѣтельствуютъ очевиднымъ образомъ о раціональности той подготовки, которая довела учащихся до умѣнья самостоятельно примѣнять изученное раньше къ новымъ, болѣе сложнымъ задачамъ. Въ особую похвалу Шуйской гимназіи слѣдуетъ замѣтить, что погрѣшности противъ правилъ перспективы, столь обыкновенныя и частыя въ ученическихъ работахъ большинства другихъ учебныхъ заведеній, почти не встрѣчаются въ рисункахъ ученицъ г. Пѣгушева.

Радомская женская гимназія, курсъ рисованія въ которой, хотя не идетъ такъ далеко, а заканчивается, какъ въ остальныхъ гимназіяхъ этой группы, рисованіемъ съ гипсовыхъ головъ и орнаментовъ, представила также прекрасную и полную коллекцію работъ, расположенныхъ въ очень послѣдовательномъ порядкѣ и исполненныхъ въ большихъ размѣрахъ, на отдѣльныхъ листахъ. Всѣ рисунки ловко натушованы растушкой, при чемъ для геометрическихъ моделей и частей лица употреблены цвѣтная сѣроватая бумага и бѣлый карандашъ. Ловкость и даже мастерство исполненія, одинаковыя какъ въ начальныхъ упражненіяхъ, такъ и въ послѣднихъ, при безукоризненной свѣжести нигдѣ не помятой, хотя и тонкой бумаги, и при отсутствіи всякихъ слѣдовъ резины, даже могутъ показаться невѣроятными. Едва ли, впрочемъ, такая однообразная выправка можетъ быть желательна и полезна въ дѣлѣ искусства, и не превращаетъ ли она рисованіе въ несвойственное ему подобіе машиннаго, фабричнаго производства?

Въ общемъ выводѣ коммиссія пришла къ тому заключенію, что рисованіе въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ можетъ, при раціональной методѣ преподаванія, достигать результатовъ столь же успѣшныхъ, какъ и въ мужскихъ училищахъ разнаго наименованія; хотя въ настоящее время въ женскихъ институтахъ и гимназіяхъ, часто при условіяхъ по видимому совершенно одинаковыхъ, существуютъ діаметрально противоположныя системы преподаванія, но при болѣе правильномъ пониманіи задачи школьнаго обученія, при добросовѣстномъ отношеніи преподавателей къ своимъ обязанностямъ и, разумѣется, при вниманіи къ указаніямъ, дѣлаемымъ академическими коммиссіями, надо полагать, что нераціональныя методы преподаванія будутъ вскорѣ устранены и рисованію будетъ присвоенъ тотъ образовательный характеръ, который можетъ и долженъ имѣть въ начальныхъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ этотъ предметъ, содѣйствующій общему развитію учащихся, заключающій въ себѣ элементы знанія особаго рода, незамѣнимые изученіемъ другихъ предметовъ учебнаго курса.

Библиотека "Руниверс"

Въ поощреніе учащимся комиссія присудила 23 серебряныя медали и 133 похвальныхъ отзыва, а также опредѣлила ходатайствовать о представленіи къ почетной наградѣ преподавателя Пѣгушева, за успѣшное примѣненіе въ Шуйской женской гимназіи указанной академіею художествъ методы преподаванія. Серебряныя медали присуждены: ученикамъ Варшавскаго рисовальнаго класса Висневскому, Каузику, Мордасевичу, Нааке, Цѣхомскому, Яновскому за рисунки съ натурщика и головы съ натуры, за рисунки съ гипсоваго бюста и статуи; Виленской рисовальной школы Александрову, Витковскому, Ковнеру, Петровскому, Флери и ученицѣ той же школы Бышинской за рисунокъ съ гипсовой головы Христа въ терновомъ вѣнцѣ, за рисунокъ головы Юпитера Олимпійскаго съ гипса, за рисунки съ гипсовыхъ орнаментовъ и разныхъ предметовъ съ натуры, каковы, напримѣръ, статуя Венеры, маска сатира, черепъ, палитра, склянки и т. п.; ученицамъ Нижегородскаго Маріинскаго института Каргеръ и Улихъ, Московскаго Александровскаго училища Басовой и Кардиналовской, С.-Петербургскаго училища ордена Св. Екатерины Елизаветѣ Жуковской за рисунки головы Христа въ терновомъ вѣнцѣ съ гипса, ручной кисти, слѣдка, маски, орнамента, также съ гипса; ученицамъ Шуйской женской гимназіи Тихомировой и Соловьевой за перспективные виды съ натуры класснаго корридора, класса рисованія и музыки карандашемъ, Серебряниковой и Лялиной за рисунки группы съ натуры „зажженная лампа, книги, чернильница, деревянная плошка, солонка, лукъ, картофель“ и т. д.; ученицамъ Радомской гимназіи Скробонской и Софіи Матулевичъ за рисунокъ женской головы съ гипса и рисунокъ гипсоваго орнамента. Похвальныхъ отзывовъ удостоены отдѣльные ученики за рисунки цѣльныхъ фигуръ, головы, торса, другихъ частей человѣческаго тѣла съ натуры и съ гипса, за рисунки скелета и натурщика въ разныхъ положеніяхъ, за рисунки съ гипсовыхъ статуй и бюстовъ: Венера Милосская, мальчикъ съ птичьимъ гнѣздомъ, античная группа бойцовъ, голова Христа въ терновомъ вѣнцѣ, голова Антиноя въ профиль, и т. д., за рисунки орнаментовъ, пилястра въ стилѣ возрожденія, гипсовой капители, за группы разныхъ предметовъ: книги, стаканъ, чернильница, бюстъ Гарибальди, черепъ, ваза, подсвѣчникъ, зеркало, кувшинъ, ложки, хлѣбъ, за рисунки цвѣтныхъ орнаментовъ въ русскомъ и мавританскомъ стилѣ съ оригиналовъ въ увеличенномъ масштабѣ, за внутренній видъ крестьянской избы съ натуры, за акварельные рисунки и сепіи съ эстамповъ, за пейзажи, скопи-

Библиотека "Руниверс"

рованные карандашемъ съ эстамповъ и за другія перспективы, за этюдъ масляными красками „растеніе агава и бутыль", за рисунки съ геометрическихъ моделей, за акварельные рисунки плоскихъ орнаментовъ, за тетрадь черченія.

Общая похвала объявлена учащимся въ Харьковской школѣ рисованія и живописи г-жи Раевской-Ивановой за геометрическое черченіе, всѣмъ ученицамъ Радомской женской гимназіи за прекрасные рисунки съ геометрическихъ фигуръ и частей лица съ гипса, всѣмъ ученикамъ Рижскаго Екатерининскаго городскаго училища за прилежаніе. Нѣкоторымъ ученикамъ того же Рижскаго Екатерининскаго училища могли бы быть назначены, по отзыву коммиссіи, особыя награды за исполненные ими рисунки, но таковыя не присуждены потому, что на рисункахъ обозначены только фамиліи учениковъ. безъ означенія ихъ личнаго имени, какъ требуетъ академія художествъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Условія для представленія на конкурсъ въ Императорскую Академію Художествъ рисунковъ, чертежей и работъ по моделированію изъ учебныхъ заведеній всѣхъ вѣдомствъ.

Совѣтъ Императорской Академіи Художествъ 27-го октября 1882 г. утвердилъ слѣдующія предложенія конкурсной коммиссіи того же года, относительно условій для представленія на конкурсъ въ Академію ученическихъ работъ по рисованію, черченію и моделированію:

1) Оставивъ на этотъ разъ въ силѣ постановленіе совѣта отъ 12-го марта 1881 года о конкурсѣ, имѣющемъ быть въ 1884 году, для классическихъ гимназій и учебныхъ заведеній, въ которыхъ рисованіе не обязательно, отмѣнить слѣдующій за тѣмъ конкурсъ, назначенный для тѣхъ же заведеній на 1887 годъ, отложивъ его до 1890 г., послѣ чего онъ можетъ повторяться не ранѣе, какъ чрезъ каждые шесть лѣтъ. Для прочихъ же учебныхъ заведеній, въ которыхъ рисованіе обязательно, конкурсы по прежнему назначаются чрезъ каждые три года.

2) Ученическія работы должны быть присылаемы въ двухъ отдѣлахъ: первый долженъ представлять единственно послѣдовательный ходъ преподаванія—систему; второй — работы лучшихъ учениковъ, заслуживающихъ, по мнѣнію самихъ преподавателей и начальства училищъ, поощренія отъ Академіи.

3) Для правильнаго сужденія о раціональности преподаванія, для конкурсной коммиссіи совершенно необходимо, чтобы работы перваго отдѣла были, по возможности одного ученика изъ каждаго класса, при томъ ученика среднихъ способностей; чтобы работы эти не представляли никакихъ пробѣловъ, а также такихъ задачъ, которыя были бы непосильны для остальныхъ уче-

Библиотека "Руниверс"

никовъ даннаго класса, словомъ не были бы выходящимъ изъ ряда исключеніемъ. Само собою разумѣется, что вполнѣ достаточно одного экземпляра такихъ рисунковъ и нѣтъ никакой нужды присылать десятками работы одинаковаго содержанія.

4) Всѣ конкурсныя работы должны быть перенумерованы такимъ образомъ, чтобы можно было, безъ затрудненій, прослѣдить весь ходъ преподаванія, отъ начала до конца, отъ первоначальной работы ученика младшаго класса до послѣдняго рисунка ученика старшаго класса. Еще лучше, если рисунки будутъ брошюрованы въ тетради, переплетены въ альбомы, или же наклеены на листы бумаги или картона одинаковаго формата. Параллельныя упражненія (рисованіе на память, диктовка, сочиненія, перспективныя задачи и т. п.), тамъ, гдѣ онѣ практикуются, должны имѣть особую нумерацію. Такія работы, для отличія, могутъ быть обозначаемы буквами, литерами, римскими цифрами и т. п. образомъ, а также пояснительными надписями.

Сверхъ послѣдовательнаго нумера и проч., на каждомъ рисункѣ должны быть обозначены: классъ, имя и фамилія ученика, и требуется подпись преподавателя. Всякія другія свѣдѣнія, могущія служить для болѣе вѣрнаго сужденія объ успѣхахъ учениковъ и достоинствахъ метода, какъ напримѣръ: обозначеніе возраста учениковъ, времени употребленнаго на исполненіе даннаго рисунка, степени предварительной, домашней подготовки ученика и т. п., всегда будутъ весьма цѣнны, хотя и не могутъ быть требуемы обязательно, по причинѣ ихъ сложности, а иногда и неудобоисполнимости.

5) Рисунки, чертежи, лѣпныя и другія работы, представляемыя на конкурсъ собственно съ цѣлью поощренія Академіею отличныхъ или особенно старательныхъ учениковъ медалями и похвальными отзывами, могутъ быть присылаемы въ количествѣ не свыше 10 работъ изъ каждаго учебнаго заведенія, за исключеніемъ рисовальныхъ школъ, которыя могутъ присылать работы своихъ учениковъ, хотя и съ выборомъ, но въ неограниченномъ количествѣ. Такіе рисунки, чертежи и другія работы, свидѣтельствуя единственно объ успѣхахъ и прилежаніи отдѣльныхъ, болѣе талантливыхъ учениковъ, ни въ какомъ случаѣ не должны служить нормою для сужденія о степени успѣшности общаго хода преподаванія, и потому будутъ разсматриваемы Коммиссіею совершенно независимо отъ работъ перваго отдѣла, о которомъ говорено выше.

Сроки для представленія на конкурсъ ученическихъ работъ назначаются по прежнему въ январѣ мѣсяцѣ, въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Для реальныхъ училищъ и вообще для учебныхъ заведеній, въ которыхъ рисованіе считается обязательнымъ наравнѣ съ прочими учебными предметами, конкурсы назначаются на 1885, 1888, 1891 гг. и т. д., чрезъ каждые три года.

2) Для классическихъ гимназій и учебныхъ заведеній, въ которыхъ рисованіе преподается необязательно — на 1884, 1890, 1896 гг. и т. д., чрезъ каждыя шесть лѣтъ.

3) Для женскихъ учебныхъ заведеній и спеціально-рисовальныхъ и живописныхъ школъ—на 1886, 1889, 1892 и т. д., чрезъ каждые три года.

Всѣ присылаемые на конкурсъ рисунки, чертежи и проч. должны быть представляемы обязательно при спискѣ, составленномъ по образцу при семъ прилагаемаго.

Библиотека "Руниверс"

II.

СПИ

классныхъ работъ по рисованію воспитанниковъ (такого-то учебнаго заведенія), пред (такого-то) года.

Училище открыто въ (такомъ-то) году, съ (столькими-то) классами. Нынѣ имѣетъ зательно, то обозначается число учащихся этому предмету).

Рисованіе преподается въ (такихъ-то) классахъ, по (столько-то) часовыхъ уро

Преподаватель рисованія (званіе, чинъ, имя, отчество и фамилія. Гдѣ получилъ

Преподаетъ въ училищѣ (столько-то лѣтъ).

Классъ.	Имена и фамиліи учениковъ.	Рисунки съ классной доски или со стѣнныхъ таблицъ.	Рисунки съ такъ называемыхъ оригиналовъ т. е., печатныхъ образцовъ, эстамповъ или съ фотографій.	Рисунки съ проволочныхъ и непрозрачныхъ геометрическихъ моделей.
I	Андрей Ивановъ.	1—52		
II	Петръ Соколовъ			53—70
	Иванъ Никитинъ.			71—86
III	Сергѣй Кудравцевъ			93 и 98
IV	Павелъ Ильинъ			
V	Николай Семеновъ.		112—114	
VI	Александръ Васильевъ.		124	
	Матвѣй Егоровъ.		125 и 126	
	Алексѣй Байковъ			
VII	Николай Ѳедоровъ.		131—133	

Примѣчанія. Всѣ рисунки и тетради должны имѣть: знакъ или печать учебнаго

Рисунки, обозначенные здѣсь въ четырехъ первыхъ графахъ списка, должны ника младшаго класса до послѣдней работы ученика старшаго класса, въ той послѣ рисунки, безъ исключенія, какъ отдѣльные, такъ и исполненные въ тетрадяхъ.

Параллельныя упражненія (рисунки, исполненные на память, сочиненія, перспек также въ послѣдовательномъ порядкѣ преподаванія.

Работы по черченію и моделированію (лѣпка изъ глины) должны быть предста нумераціею и прочими обозначеніями, какъ выше сказано.

Рисунки, лѣпныя работы и чертежи лучшихъ учениковъ, не свыше десяти ра надписью: «На соисканіе наградъ». Для рисовальныхъ же школъ количество та

На конкурсъ допускаются работы, исполненныя въ промежутокъ времени отъ веденія, въ которыхъ рисованіе необязательно, могутъ присылать на конкурсъ уче три года

Библиотека "Руниверс"

СОКЪ

ставляемыхъ въ Правленіе Императорской Академіи Художествъ, на конкурсъ (столько-то) классовъ. Общее число учащихся (столько-то). Если рисованіе не обя-

ковъ въ недѣлю. Для рисованія (имѣется ли отдѣльный рисовальный классъ)? художественное образованіе)?

Рисунки съ гипсовыхъ моделей и съ натуры.	Параллельныя упражненія.				Всего рисунковъ въ каждомъ классѣ.
	Рисунки, исполненные на память.	Рисунки, исполненные по диктовкѣ.	Сочиненія.	Перспективныя задачи.	
	I—XXV	а — к	А — М		101
	XXVI—XXXIX	л — о	Н — Ф	аа — аф	80
87 — 92 94 — 97 99—100	XL—L	п — т	Х — Э	ах — аю	44
101—107	LI—LVIII		Ю — Аа	ая — бв	23
108—111 115—119	LIX—LXV		Ав — Ад	бг — бе	25
120—123 127—128	LXVI—LXX		Аи — Аз	бж — би	19
129—130 134	LXXI—LXXIII		Ак — Ал	бі — бл	15
				Итого..	307

заведенія, подпись преподавателя и обозначеніе класса, имени и фамиліи ученика. быть перенумерованы одною общею нумераціею, считая отъ перваго рисунка учеловательности, какъ велось преподаваніе. Въ эту общую нумерацію входятъ всѣ тивныя задачи и т. п.) должны быть перенумерованы каждое особыми знаками, ляемы при особыхъ спискахъ, съ необходимыми поясненіями, съ послѣдовательною ботъ изъ каждаго учебнаго заведенія, представляются при особыхъ спискахъ, съ кихъ рисунковъ остается по прежнему неограниченнымъ.
одного конкурса до другаго; поэтому классическія гимназіи и вообще учебныя заническія работы, исполненныя въ теченіе шести лѣтъ, а остальныя училища—за

Библиотека "Руниверс"

ИЗВѢСТІЯ О СОСТОЯНІИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣятельности С.-Петербургскаго университета въ 1883 году: личный составъ преподавателей; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ и для контроля надъ ихъ занятіями; присужденіе наградъ за сочиненія; труды преподавателей и другихъ служащихъ; командировки преподавателей и публичныя лекціи; удостоеніе ученыхъ степеней и званій; приготовленіе къ профессорскому званію; свѣдѣнія объ учащихся; бюджетъ университета; ученыя общества; студенческое научно-литературное общество.

Къ концу 1883 году наличное число штатныхъ преподавателей въ С.-Петербургскомъ университетѣ было слѣдующее: по историко-филологическому факультету—ординарныхъ профессоровъ 8, экстраординарныхъ 4, доцентовъ 4; по физико-математическому—ординарныхъ профессоровъ 11, экстраординарныхъ 4, доцентовъ 3; по юридическому—ординарныхъ профессововъ 9, доцентовъ 5; по факультету восточныхъ языковъ—ординарныхъ профессоровъ 6, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 5, лекторовъ 4. Сверхъ того, по штату состояли: профессоръ богословія и 4 лектора новѣйшихъ языковъ. Такимъ образомъ вообще штатныхъ преподавателей было: 1 профессоръ богословія, 34 ординарныхъ профессора, 11 экстраординарныхъ, 17 доцентовъ и 8 лекторовъ, всего 71 лицо. Сверхъ штата состояли: ординарныхъ профессоровъ 3, доцентъ 1, преподавателей 7. Приватъ-доцентовъ имѣлось 18 по слѣдующимъ предметамъ: русской словесности, римской словесности, русской исторіи, физикѣ, математикѣ, физической географіи, астрономіи, физіологіи, сельскому хозяйству, зендскому языку, славянской филологіи и по зоологіи, въ томъ

Библиотека "Руниверс"

числѣ по физикѣ 4, по математикѣ, физической географіи и по физіологіи по 2, по остальнымъ предметамъ—по одному.

Факультеты имѣли въ теченіе 1883 года слѣдующее число засѣданій: историко-филологическій 18, физико-математическій 23, юридическій 16, факультетъ восточныхъ языковъ 12. Въ распредѣленіи предметовъ и порядкѣ преподаванія въ продолженіе года никакихъ новыхъ распоряженій не послѣдовало. Для усиленія учебной дѣятельности слушателей университетскихъ лекцій и для контроля надъ ихъ занятіями служили практическія ихъ занятія подъ руководствомъ профессоровъ и преподавателей, которыя заключались въ слѣдующемъ: Въ историко-филологическомъ факультетѣ: нѣкоторые студенты спеціалисты по исторіи, подъ руководствомъ профессора Бауера, занимались разработкою отдѣльныхъ, задаваемыхъ имъ темъ и въ особенности источниками по исторіи Германіи XV и XVI вв. Профессоръ Васильевскій руководилъ студентовъ III курса въ занятіяхъ византійскими хрониками по отношенію къ русской исторіи, и доцентъ Соколовъ—въ занятіяхъ греческими надписями; кромѣ того, предметомъ занятій подъ руководствомъ этого же доцента было изученіе источниковъ древней исторіи. Подъ руководствомъ профессора Люгебиля, студенты высшихъ курсовъ читали свои опыты толкованія греческихъ надписей архаическаго періода, по два часа въ недѣлю, при чемъ рефераты эти обсуждались частію товарищами, а также преподавателемъ; кромѣ того, по два же часа въ недѣлю, студенты упражнялись въ такомъ переводѣ и объясненіи читаемыхъ въ школахъ греческихъ авторовъ, какое надлежитъ дѣлать въ классахъ гимназій. Профессоръ Помяловскій руководилъ студентовъ тѣхъ же высшихъ курсовъ въ занятіяхъ письменными работами, относившимися къ различнымъ вопросамъ латинскаго языка и римскихъ древностей. Сверхъ письменныхъ работъ на предложенныя профессоромъ темы, нѣкоторые изъ студентовъ-спеціалистовъ читали, подъ руководствомъ профессора, латинскія надписи. Профессору Сухомлинову всѣ студенты III и IV курсовъ факультета, избравшіе русскую словесность своею спеціальностію, представляли письменныя работы, и только по представленіи ихъ получали право на преподаваніе русскаго языка и словесности въ гимназіяхъ. Въ физико-математическомъ факультетѣ практическія занятія по аналитической химіи происходили у профессора Меншуткина подъ личнымъ его наблюденіемъ и при содѣйствіи лаборантовъ. Въ количественномъ отдѣленіи занимались около 70-ти студентовъ III и IV курсовъ, въ три очереди, количественнымъ ана-

Библиотека "Руниверс"

лизомъ. Студенты III курса Кондаковъ и Кузнецовъ сдѣлали анализы: первый—сѣрныхъ желваковъ изъ Бахмутской глины, второй—анализъ кочубента; оба анализа напечатаны въ Журналѣ Русскаго Химическаго Общества. Практическими занятіями по органической химіи, происходившими подъ руководствомъ профессора Бутлерова и одного изъ лаборантовъ, занимались семь студентовъ и два окончившихъ курсъ, предметами занятій которыхъ были: реакція хлора на разные бутилены, реакціи оксиметилена съ различными реактивами, полимеризація углеводородовъ ацетиленнаго ряда, приготовленіе бериллійметила, дѣйствіе аминовъ на оксиметиленъ, дѣйствіе хлора на тетраметиленъ, дѣйствіе хлора на изомерные амилены, дѣйствіе іодоводорода на пинаконъ, и опыты надъ хлоробензоломъ. Сверхъ того лаборантъ Львовъ вмѣстѣ съ тремя студентами производилъ изслѣдованіе надъ разными случаями изомеризаціи и изслѣдовалъ дѣйствіе цинкметила на бромистый изобутиленъ. Пять изъ вышеприведенныхъ работъ направлены, по мысли лаборанта, къ одной общей цѣли—разъясненію хода реакцій извѣстной категоріи. Подъ руководствомъ профессора Менделѣева происходили практическія занятія студентовъ по неорганической химіи; одинъ изъ окончившихъ курсъ напечаталъ статью о теплоемкости и скрытомъ теплѣ нѣкоторыхъ продуктовъ перегонки нефти. Въ физическомъ кабинетѣ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, происходили практическія занятія по физикѣ; число занимавшихся задачами изъ общаго курса было 123. Изъ общаго числа произведенныхъ наблюденій записано въ журналъ 470 результатовъ. Занятіями руководили два профессора, два приватъ-доцента и лаборантъ. Сверхъ того происходили практическія занятія студентовъ двухъ старшихъ курсовъ математическаго отдѣленія (10 студентовъ) подъ руководствомъ приватъ-доцента и магистранта. Занятія по анатоміи и физіологіи растеній происходили, подъ руководствомъ профессора Фаминцына, съ двумя группами студентовъ III курса; въ первой группѣ было 40, во второй—30 человѣкъ; подъ руководствомъ доцента Гоби происходили занятія по опредѣленію высшихъ растеній, со студентами-естественниками II курса, по примѣру прежнихъ лѣтъ. Окончившій въ 1883 году курсъ князь Масальскій занимался обработкою матеріала для составленія очерка флоры Друскеникскихъ водъ и приготовилъ этотъ трудъ къ печати. Студентъ IV курса Прейнъ занимался, подъ руководствомъ г. Гоби, обработкою матеріала для флоры Енисейской губерніи. Три студента, по ходатайству профессора Бекетова, командированы были отъ Общества естествоиспытателей въ Нижe-

Библиотека "Руниверс"

городскую губернію, для изученія ея флоры и вліянія чернозема на распредѣленіе растеній. Всѣ трое собрали и обработали привезенный ими матеріалъ; двое изъ нихъ уже сообщили о результатахъ своихъ изслѣдованій въ ботаническомъ отдѣленіи Общества естествоиспытателей, и сообщенія эти, напечатанныя въ Трудахъ Общества, составляютъ интересный вкладъ въ науку. Подробный списокъ собранныхъ названными лицами растеній, составленный согласно всѣмъ требованіямъ науки, переданъ также, для напечатанія, въ Труды Общества. Занятія по физіологіи производились подъ руководствомъ профессора Сѣченова, а по гистологіи, со студентами высшихъ курсовъ—подъ руководствомъ профессора Овсянникова и одного лаборанта. Пять студентовъ занимались спеціальными работами, именно: надъ развитіемъ и гистологическимъ строеніемъ слуховаго органа у лягушекъ, надъ строеніемъ роговой оболочки, надъ строеніемъ селезенки, надъ нервными окончаніями въ языкѣ рыбъ и надъ развитіемъ живчиковъ у рака. Изъ всѣхъ поименованныхъ работъ изслѣдованіе надъ развитіемъ и гистологическимъ строеніемъ слуховаго органа у лягушки, сопряженное съ большими трудностями, обѣщаетъ особенно-интересные результаты. Кромѣ того, происходили практическія занятія, по общей нервной физіологіи, со студентами старшихъ двухъ курсовъ, подъ руководствомъ приватъ-доцента. Подъ руководствомъ профессора Богданова, студенты III и IV курсовъ занимались спеціальными работами о позвоночныхъ русской фауны. Сверхъ того, практическія занятія по сравнительной анатоміи происходили у приватъ-доцента Усова. Студентъ Бихнеръ занимался изученіемъ коллекцій зоологическаго кабинета и представилъ въ Общество естествоиспытателей обширное сочиненіе „Птицы Петербургской губерніи“; студентъ Гейслеръ изслѣдовалъ строеніе пера птицъ и представилъ также интересное изслѣдованіе. Подъ руководствомъ доцента Глазенапа и приватъ-доцента Дубяго происходили занятія студентовъ въ астрономической обсерваторіи. Лѣтомъ 1883 года окончена была постройка вращающейся башни, въ которую установленъ шестидюймовый рефракторъ, принесенный въ даръ обсерваторіи г. Базилевскимъ. Инструментъ этотъ далъ возможность значительно расширить кругъ дѣятельности обсерваторіи, удобное расположеніе которой позволяетъ съ успѣхомъ производить научныя наблюденія, и до начала 1884 года, не смотря на недавнее учрежденіе обсерваторіи, удалось произвести слѣдующія наблюденія: а) одно частное солнечное затмѣніе, б) восемь затмѣній и два покрытія спутниковъ Юпитера, в) одинъ ми-

Библиотека "Руниверс"

нимумъ перемѣнной звѣзды β Persei, г) 22 измѣренія разстояній и угловъ положенія двойныхъ звѣздъ, д) 10 наблюденій разныхъ кометъ, е) два измѣренія группы Персея для опредѣленія величины оборота микрометрическаго винта рефрактора, ж) 33 опредѣленія широты обсерваторіи, з) опредѣленіе долготы обсерваторіи относительно Пулкова телеграфнымъ путемъ. Кромѣ того организовано постоянное опредѣленіе поправокъ часовъ, которое производится въ каждый ясный вечеръ. Въ этой необходимой работѣ принимали участіе, подъ руководствомъ астронома-наблюдателя, четыре студента. Независимо отъ практическихъ занятій, студентами производились и самостоятельныя работы: такъ, одинъ изслѣдовалъ дѣленіе круга малаго универсальнаго инструмента Эртеля, другой—опредѣлилъ широту обсерваторіи въ 6 вечеровъ; эта же работа исполнена была еще пятью студентами. Почти всѣми студентами III—курса составлены эфемериды звѣздъ для горизонта обсерваторіи. Приватъ-доценту Дубяго студенты IV курса математическаго разряда представили 29 работъ, относящихся къ вычисленію орбитъ планетъ и кометъ. Въ геологическомъ кабинетѣ, подъ руководствомъ профессора Иностранцева, происходили ежедневно занятія студентовъ по палеонтологіи и геогнозіи. Одинъ изъ окончившихъ курсъ изучалъ распространеніе варіолитовъ въ Олонецкой губерніи и представилъ къ печати результатъ своихъ работъ, а одинъ изъ кандидатовъ окончилъ наблюденія надъ водою артезіанскаго колодца въ Петербургѣ и приготовляетъ работу по петрографіи Алтая. Въ минералогическомъ кабинетѣ занятія по кристаллографіи со студентами-естественниками происходили ежедневно. Независимо отъ сего, три раза въ недѣлю, каждый разъ по два часа, велись занятія по минералогіи со студентами-естественниками III-го курса. При кабинетѣ занимались изслѣдованіемъ кавказскихъ почвъ два студента IV курса; два же студента III курса заняты были спеціальнымъ изученіемъ оптическихъ явленій въ минералахъ, одинъ кандидатъ сдѣлалъ сообщеніе о пермской системѣ южной части Нижегородской губерніи, а другой приготовилъ къ печати „Описаніе почвъ и геологіи Нижегородской губерніи". — Въ агрономическомъ кабинетѣ, подъ руководствомъ профессора Совѣтова, происходили занятія по агрономіи. Два студента IV курса представили весьма интересныя работы: одинъ—о вліяніи культуры льна на производительность земли въ Псковской губерніи, другой — объ уборкѣ зерновыхъ хлѣбовъ и потеряхъ, при ней происходящихъ. Первая изъ этихъ работъ напечатана, а вторая будетъ напечатана въ Трудахъ Вольно-

Библиотека "Руниверс"

Экономическаго Общества. Два студента того же курса производили опыты въ агрономическомъ кабинетѣ: одинъ — надъ просачиваніемъ перегнойныхъ веществъ въ различныхъ почвахъ, а другой — занимался опредѣленіемъ удѣльнаго вѣса черноземныхъ почвъ. Часть результатовъ послѣдней работы уже напечатана.—Въ юридическомъ факультетѣ, подъ руководствомъ профессора Янсона, студенты двухъ старшихъ курсовъ занимались въ статистическомъ кабинетѣ практическими работами на предложенныя имъ темы. Кромѣ того, подъ руководствомъ преподавателя, студенты III курса занимались возможно-детальною разработкою статистическаго матеріала, даннаго переписью, относительно еврейскаго населенія столицы. Профессоръ полицейскаго права Андреевскій прочитывалъ вмѣстѣ со студентами (во время практическихъ необязательныхъ лекцій) историческіе матеріалы, разъясняющіе складъ и развитіе исполнительной полиціи въ Россіи. Подъ руководствомъ профессора Фойницкаго, студенты имѣли занятія, состоявшія въ изложеніи классическихъ сочиненій по уголовному судопроизводству и въ изготовленіи сочиненій на заданныя темы по этому предмету. Студентамъ III курса предложены были подобныя же занятія по отдѣленію уголовнаго права „о наказаніяхъ". Профессоръ Дювернуа руководилъ письменными занятіями студентовъ по гражданскому праву и процессу.

На соисканіе наградъ медалями предложены было факультетами слѣдующія темы: а) историко-филологическимъ факультетомъ—„Разобрать житіе протопопа Аввакума, имъ самимъ написанное, и его посланіе, съ цѣлію опредѣлить характеръ его, какъ одного изъ своеобразныхъ литературно-общественныхъ дѣятелей XVII столѣтія", „Историческій обзоръ философскихъ взглядовъ на свободу воли человѣка", „Представить разборъ Теодицеи Лейбница", „Римско-Византійское государство по новелламъ Юстиніана", „Beda venerabilis, какъ главный источникъ для первоначальной англійской исторіи", „Хронографическое обозрѣніе царствованія Василія I Македонянина", „Разборъ языка Саввиной книги" и „Положеніе Польши по лѣтописи архидіакона Чарнковскаго"; б) физико-математическимъ — „Объ ударахъ, совершающихся при вступленіи матеріальныхъ точекъ на связи, объ ударахъ твердыхъ тѣлъ о препятствія и о соудареніи твердыхъ тѣлъ между собою", „Изучить географическое распредѣленіе растеній въ восточной части Европейской Россіи, показавъ вліяніе чернозема на это распредѣленіе"; в) юридическимъ — „Ходъ законодательныхъ работъ по Городовому положенію 1870 года", „О предварительномъ

Библиотека "Руниверс"

слѣдствіи" и „О паспортной системѣ въ Россіи"; г) факультетомъ восточныхъ языковъ—„Указать на основаніи Луньюй'я существованіе различныхъ ученій въ первоначальномъ конфуціанствѣ" и „Сличить сирійскій переводъ книги Притчи Соломона съ халдейскимъ переводомъ той же книги". За представленныя на эти темы сочиненія присуждены: на историко-филологическомъ факультетѣ — 4 золотыя медали, 3 серебряныя и 6 почетныхъ отзывовъ; на физико-математическомъ—3 золотыя медали, 2 серебряныя и 2 почетныхъ отзыва; на юридическомъ — 2 золотыя медали, 2 серебряныя и 3 почетныхъ отзыва; на факультетѣ восточныхъ языковъ—2 золотыя медали.

Профессора, преподаватели и другія служащія въ С.-Петербургскомъ университетѣ лица въ теченіе 1883 года издали въ свѣтъ свои сочиненія, приготовляли ихъ къ изданію, а нѣкоторые изъ нихъ участвовали своими трудами въ повременныхъ, заграничныхъ и русскихъ изданіяхъ. Такъ, профессора: В. Г. Рождественскій помѣстилъ въ журналѣ Христіанское Чтеніе публичныя лекціи свои, читанныя въ 1882 году, „Объ исторической достовѣрности и божественномъ характерѣ Евангельской исторіи"; В. И. Ламанскій выпустилъ въ свѣтъ книгу „Secrets d'Etat de Venise"; М. И. Сухомлиновъ напечаталъ: „Изслѣдованіе о Радищевѣ, русскомъ писателѣ XVIII столѣтія" и „Столѣтіе Россійской Академіи"; И. В. Ягичъ помѣстилъ въ изданіяхъ Императорской Академіи Наукъ Маріинское Четвероевангеліе съ примѣчаніями и приложеніями, печаталъ по порученію Академіи Наукъ первый томъ Памятниковъ древне-русской письменности и издавалъ въ Берлинѣ спеціальный журналъ славянской филологіи Archiv für Slavische Philologie, котораго вышли три выпуска; К. І. Люгебиль напечаталъ въ журналѣ Philologische Wochenschrift отзывъ о сочиненіи Никитина „О драматическихъ агонахъ" и приготовилъ къ печати отзывъ о сочиненіи Миклошича „Die Subjectlosen Sätze"; И. П. Минаевъ помѣстилъ статьи: въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія — „Землевладѣніе въ современной Индіи" и въ Христіанскомъ Чтеніи — „Новооткрытое значеніе буддійскихъ легендъ"; В. В. Бауеръ напечаталъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія разборъ сочиненія Легрелля „Louis XIV et Strasbourg"; В. Г. Васильевскій приготовилъ къ изданію греческій и славянскій текстъ Повѣсти о Святой землѣ Епифанія и не изданное (греческое) житіе Мелетія Новаго въ двухъ редакціяхъ, представляющихъ важныя данныя для исторіи Византіи въ концѣ XI вѣка, и напечаталъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія статью

Библиотека "Руниверс"

„По вопросу о Гуннахъ"; И. В. Помяловскій помѣстилъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія нѣсколько критическихъ статей о вновь вышедшихъ книгахъ; О. Ѳ. Миллеръ издалъ „Матеріалы для біографіи Ѳ. М. Достоевскаго съ 1821 по 1861 г." и помѣстилъ въ періодическихъ изданіяхъ статьи: „О Жуковскомъ, какъ наставникѣ Императора Александра II", „О церкви въ исторической жизни Русскаго народа", „О Байронѣ въ италіанскій періодъ его жизни и творчества" и двѣ статьи о Тургеневѣ; Н. А. Меншуткинъ выпустилъ пятое изданіе „Аналитической химіи", помѣстилъ въ Журналѣ Химическаго Общества статью „О взаимномъ вытѣсненіи основаній въ растворахъ ихъ среднихъ солей" и редактировалъ XV томъ Журнала Русскаго Химическаго Общества; А. М. Бутлеровъ напечаталъ 5-мъ изданіемъ книгу „Пчела, ея жизнь", помѣстилъ: въ Протоколахъ VII съѣзда естествоиспытателей рѣчь объ изученіи медіумическихъ явленій, напечаталъ рядъ замѣтокъ подъ заглавіемъ „Кое-что о медіумизмѣ" и редактировалъ изданіе Академіи Наукъ „C. Claus. Fragmente zur Chemie von Platinmetalle"; Д. И. Менделѣевъ напечаталъ: а) о продуктахъ перегонки бакинской нефти и б) о расширеніи жидкостей; Ѳ. Ѳ. Петрушевскій помѣстилъ нѣсколько статей въ Журналѣ Физико-Химическаго Общества; А. С. Фаминцынъ издалъ сочиненіе „Обмѣнъ веществъ и превращеніе энергіи въ растеніяхъ"; А. Н. Бекетовъ издалъ „Учебникъ ботаники", заключающій подробный обзоръ читаемаго имъ общаго курса; на съѣздѣ естествоиспытателей сдѣлалъ сообщеніе объ Архангельской флорѣ, которое напечатано въ Протоколахъ съѣзда; Д. К. Бобылевъ напечаталъ 3-й выпускъ курса аналитической механики; Ю. В. Сохоцкій приготовилъ къ печати курсъ высшей алгебры; К. А. Поссе напечаталъ въ Сообщеніяхъ Харьковскаго математическаго Общества статью о дополнительномъ членѣ формулы Чебышева; Ф. В. Овсянниковъ сообщилъ на съѣздѣ естествоиспытателей въ Одессѣ изслѣдованія о строеніи и развитіи рыбьихъ яицъ; часть этихъ изслѣдованій напечатана въ Протоколахъ съѣзда; М. Н. Богдановъ напечаталъ: „Очеркъ природы Хивинскаго оазиса и пустыри Кизылъ-Кумъ", „Животный міръ Европейской Россіи", „Перечень птицъ Россійской имперіи" и „Мірскіе захребетники. Популярное описаніе животныхъ, обитающихъ въ домахъ"; А. А. Иностранцевъ напечаталъ: „Объ измѣняемости концентраціи и состава минеральныхъ ключей" и критическій разборъ сочиненія г. Гельмерсена объ Олонецкомъ краѣ; А. В. Совѣтовъ издалъ описаніе сельско-хозяйственнаго отдѣла

Библиотека "Руниверс"

бывшей въ 1882 году въ Москвѣ всероссійской промышленной и художественной выставки и редактировалъ Труды Вольнаго Экономическаго Общества; Ю. Э. Янсонъ издалъ 1-ю часть I тома и 1-й выпускъ II тома Переписи Петербурга, печаталъ 2-й выпускъ II тома и приготовлялъ къ печати 2-ю часть I тома и томъ III; А. Д. Градовскій помѣстилъ въ Вѣстникѣ Европы статью „Система Меттерниха, по его письмамъ и депешамъ"; Ф. Ф. Мартенсъ издалъ въ свѣтъ: II томъ „Международнаго права цивилизованныхъ народовъ", VI томъ „Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами", напечаталъ въ Revue de droit international et de législation comparée статью „Lettre sur la navigation des fleuves internationaux" и въ Вѣстникѣ Европы помѣстилъ статью „Національная политика князя Бисмарка"; Э. Р. Вреденъ приготовлялъ статью „Отношенія юридической постановки ученія о векселяхъ къ экономической сущности ихъ"; В. И. Сергѣевичъ напечаталъ „Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права"; И. Я. Фойницкій напечаталъ монографію „О вознагражденіи невинно къ уголовному суду привлеченныхъ" и печаталъ I томъ курса уголовнаго судопроизводства; В. П. Васильевъ напечаталъ рѣчь, приготовленную имъ къ университетскому акту 1883 г. и издалъ первый томъ Китайской хрестоматіи; И. Н. Березинъ печаталъ 3-й томъ Турецкой хрестоматіи и издалъ два выпуска новаго Энциклопедическаго словаря; К. П. Паткановъ помѣстилъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія главу V Ванскихъ надписей и выдержки изъ новаго списка Географіи Хоренскаго; Д. А. Хвольсонъ печаталъ исправленное и пополненное русское изданіе „Сборника еврейскихъ надписей". К. Ѳ. Голстунскій продолжалъ печатаніе Зизиніанскихъ постановленій; В. Ѳ. Гиргасъ окончилъ составленіе указателя именъ собственныхъ къ четыремъ томамъ Китабу-ль-Агани; В. Р. Розенъ напечаталъ: а) изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Императоръ Василій Болгаробойца, извлеченіе изъ лѣтописи Яхъи Антіохійскаго", б) одну часть текста арабскаго историка Табари и в) „Замѣтки о лѣтописи Агапія изъ Манбиджа", и приготовлялъ къ печати каталогъ арабскихъ рукописей библіотеки университета въ Болоньѣ. Доценты: В. В. Докучаевъ напечаталъ сочиненіе „Русскій черноземъ" и приготовилъ къ печати „Классификацію почвъ"; С. П. Глазенапъ издалъ свое сочиненіе „Кометы и падающія звѣзды", приготовилъ къ печати „Телеграфное опредѣленіе разности долготъ между университетской обсерваторіей и Пулковымъ" и печаталъ для пользованія студентовъ „Таб-

Библиотека "Руниверс"

лицы четырехзначныхъ логариѳмовъ"; Х. Я. Гоби издалъ въ свѣтъ переводъ сочиненія Цопфа подъ заглавіемъ „Дробянки бактерія"; С. В. Ведровъ помѣстилъ въ Лѣсномъ журналѣ „Обзоръ лѣснаго законодательства за минувшій годъ"; В. А. Лебедевъ издалъ 3-й выпускъ „Финансоваго права", печаталъ 4-й выпускъ этого же труда и сочиненіе „О мѣстныхъ налогахъ"; Н. Д. Сергѣевскій помѣстилъ въ Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права двѣ статьи: „Современная задача уголовнаго законодательства въ Россіи" и „Общая часть уголовнаго уложенія по проекту Редакціонной коммиссіи"; С. А. Бершадскій напечаталъ изслѣдованіе „Литовскіе Евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до Люблинской уніи" и приготовилъ къ печати третій томъ „Документовъ къ исторіи литовскихъ Евреевъ отъ 1569 по 1615 годъ, изъ актовыхъ книгъ Метрики литовской, Кіевскаго и Виленскаго центральныхъ архивовъ"; Н. И. Веселовскій помѣстилъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія отчетъ о путешествіяхъ Карелина по Каспійскому морю, и нѣсколько критическихъ статей; А. А. Цагарели напечаталъ краткій отчетъ о совершенномъ имъ въ 1883 году археологическомъ путешествіи на Синай, въ Палестину и другія мѣста Востока; А. М. Позднѣевъ издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Монгольская лѣтопись Эрденіинъ эрихѣ—въ подлинномъ текстѣ, съ переводомъ и поясненіями, заключающими въ себѣ матеріалы для исторіи Халхи отъ 1636 по 1736 г." и приступилъ къ печатанію 2-го тома китайско-монгольскаго историческаго сочиненія „Юань-чао-ми-ши"; В. Д. Смирновъ приготовилъ къ печати „Изслѣдованіе по исторіи Крымскаго ханства". Лекторы: И. И. Флёри напечаталъ: „Littérature orale de la Basse Normandie", „Chroniques russes dans la Bibliothèque universelle", „Essai sur le patois normand" и „Etymologie normande"; М. А. Пинто приготовилъ къ печати сочиненіе о Николаѣ Макіавелли и „Историческіе очерки объ эпопеѣ въ Италіи"; К. И. Тёрнеръ издалъ въ Лондонѣ „Studies in Russian Literature"; Н. Н. Доржеевъ приготовилъ къ печати „Буддійское понятіе о сотвореніи міра и догматъ ихъ вѣры". Преподаватели: И. И. Холоднякъ помѣстилъ въ Журн. Мин. Нар. Пр. статью „Elogia Scipionum, какъ матеріалъ для изученія грамматическихъ особенностей архаической латыни"; В. В. Ефимовъ приготовилъ къ печати историческое изслѣдованіе по древне-римскому семейному и наслѣдственному праву. Приватъ-доценты: А. И. Незеленовъ помѣстилъ: въ Историческомъ Вѣстникѣ—статью" А. Н. Радищевъ" и въ

Библиотека "Руниверс"

журналѣ Искусство — рѣчь о Тургеневѣ; В. И. Семевскій напечаталъ въ журналѣ Русская Мысль статьи: „Крестьянскій вопросъ въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ“ и „Крестьянскій вопросъ въ царствованіе императора Александра I“; Д. И. Дубяго началъ печатать переводъ учебника геодезіи профессора Захаріе, подъ заглавіемъ „Главные геодезическіе пункты и ихъ координаты“; Н. А. Гезехусъ напечаталъ въ Журналѣ Химическаго Общества слѣдующія изслѣдованія: а) о воздушномъ калориметрѣ, б) объ исключительныхъ свойствахъ каучука, в) о свѣтовомъ послѣдствіи въ селенѣ, г) о причинѣ измѣненія электропроводности селена подъ дѣйствіемъ свѣта, д) о зависимости между измѣненіемъ сопротивленія селена и силою свѣта; И. И. Боргманъ помѣстилъ въ Журналѣ Химическаго Общества двѣ статьи: „О новѣйшихъ изслѣдованіяхъ по спектроскопіи солнца“ и „Sur les dimensions des grandeurs électriques et magnétiques“, редактировалъ физическій отдѣлъ Журнала Русскаго Физико-Химическаго Общества, и въ засѣданіи физическаго отдѣленія этого Общества сообщилъ о своей работѣ надъ индукціонными токами; О. Д. Хвольсонъ напечаталъ книгу „Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ“ и въ Мемуарахъ Академіи Наукъ помѣстилъ статью: „О взаимнодѣйствіи магнитовъ, если принять во вниманіе ихъ ширину и толщину“; А. И. Воейковъ напечаталъ книгу „Климаты земнаго шара“ и въ Извѣстіяхъ Географическаго Общества помѣстилъ двѣ работы: „Суточный періодъ скорости вѣтра въ Россіи“ и „Распредѣленіе тепла въ океанахъ“; П. А. Костычевъ напечаталъ 3-е изданіе книги Розенберга-Липинскаго „Практическое земледѣліе“, приготовилъ къ печати „Общедоступное руководство къ земледѣлію“ и „Ученіе объ удобреніи“, помѣстилъ статьи: въ Земледѣльческой Газетѣ—„О кормовомъ достоинствѣ сѣмянъ Polygonum Convolvulus“ и „О значеніи химическаго анализа почвъ при опредѣленіи необходимости удобренія ихъ“ и въ журналѣ Сельскаго хозяйства и лѣсоводства — „О питательности различныхъ рыбныхъ продуктовъ, добываемыхъ въ Россіи“ и „О фосфорнокислыхъ удобреніяхъ“, произвелъ до 50-ти анализовъ почвъ, кормовыхъ и удобрительныхъ веществъ и продолжалъ изслѣдованія надъ составомъ и нѣкоторыми свойствами почвъ изъ черноземной области Россіи; послѣдній трудъ имѣетъ быть изданъ въ 1884 году; Н. П. Слугиновъ напечаталъ въ Журналѣ Химическаго Общества двѣ статьи: „Объ одномъ тождествѣ и его значеніи въ физикѣ“ и „Объ электрическомъ свѣченіи“ и въ томъ же журналѣ помѣщалъ рефераты

Библиотека "Руниверс"

о новѣйшихъ иностранныхъ изслѣдованіяхъ физикѣ; А. А. Марковъ напечаталъ отдѣльною брошюрою „Доказательство трансцендентности чиселъ e и π“ и въ Запискахъ Харьковскаго математическаго Общества помѣстилъ статьи: „Опредѣленіе наибольшаго и наименьшаго значенія нѣкоторой величины“ и „Доказательство нѣкоторыхъ неравенствъ Чебышева“; П. И. Броуновъ помѣстилъ въ Метеорологическомъ Сборникѣ статью „О годовомъ ходѣ отклоненія температуры отъ нормальной въ европейскихъ циклонахъ“ и приготовилъ къ печати двѣ статьи: „Передвиженіе барометрическихъ минимумовъ“ и „Вредное вліяніе земли на отклоненіе движущихъ тѣлъ“; С. И. Чирьевъ напечаталъ въ журналѣ Archiv für Anatomie und Physiologie статью „Zur Lehre vom Electrotonus“; К. Г. Залеманъ напечаталъ въ Казани, для Англійскаго библейскаго общества, „Евангеліе Матеея на казанско-татарскомъ нарѣчіи“ и двѣ критическія статьи о диссертаціи В. А. Жуковскаго „Аухадоддинъ Энвери“ и о книгѣ В. Миллера: „Осетинскіе этюды“.

Нѣкоторые изъ профессоровъ и преподавателей университета читали публичныя лекціи, а именно профессора: Минаевъ—„Объ историческомъ значеніи долины р. Окса въ древности“, Петрушевскій—„О свѣтѣ и цвѣтахъ самихъ по себѣ и по отношенію къ живописи“; доцентъ Глазенапъ — „Звѣздный міръ“ и „О кометахъ и падающихъ звѣздахъ“; приватъ-доценты: Незеленовъ—„О литературной дѣятельности и о произведеніяхъ Тургенева“; Хвольсонъ—„Отчего perpetuum mobile невозможенъ“; Броуновъ — „О погодѣ и предсказаніи ея“; преподаватель Георгіевскій — „Объ обезселеніи Франціи“. — Изъ числа преподавателей и другихъ лицъ вѣдомства С.-Петербургскаго университета командированы были въ теченіе 1883 года съ ученою цѣлію: а) за границу: профессора Бестужевъ-Рюминъ, Вагнеръ, Паткановъ, Хвольсонъ и баронъ Розенъ, приватъ-доценты Хвольсонъ и Боргманъ и лаборантъ Коноваловъ; б) внутри Россіи: профессора Бекетовъ и Голстунскій, доцентъ Докучаевъ и хранитель геологическаго кабинета Соколовъ.

На основаніи дѣйствующаго устава, совѣтомъ университета утверждены въ высшихъ ученыхъ степеняхъ: а) въ степени доктора, магистры: Петръ Никитинъ—греческой словесности, Александръ Сабанѣевъ и Гавріилъ Густавсонъ—химіи, Василій Докучаевъ — минералогіи, Василій Ульянинъ—зоологіи, баронъ Викторъ Розенъ—арабской словесности и Алексѣй Позднѣевъ — монгольской словесности; б) въ степени магистра: Василій Латышевъ, Антонъ До-

Библиотека "Руниверс"

бiашъ и Ѳаддѣй Зѣлинскій—греческой словесности, Иванъ Ждановъ — русской словесности, Александръ Тихомировъ — зоологіи, Францъ Каменскій—ботаники, Леонидъ Ходскій — политической экономіи, Владиміръ Ульяницкій — международнаго права, Сергѣй Бершадскій—государственнаго права, Валентинъ Жуковскій — персидской словесности. Степени кандидата удостоено 202 и званія дѣйствительнаго студента—82 лица.

Для приготовленія къ профессорской дѣятельности командированы были за границу: магистръ политической экономіи Федоровичъ, кандидатъ физико-математическаго факультета Дмитрій Селивановъ и магистръ персидской словесности Валентинъ Жуковскій,—всѣ трое съ содержаніемъ изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, и два кандидата: Станиславъ Шташицкій — по славянской филологіи и Николай Бубновъ — по всеобщей исторіи, оба безъ содержанія. Для приготовленія къ магистерскому экзамену оставлены были при университетѣ 36 кандидатовъ, именно: на историко-филологическомъ факультетѣ—11, на физико-математическомъ—13, на юридическомъ—11, на факультетѣ восточныхъ языковъ — 1. Изъ нихъ 10 пользовались казенными стипендіями, 4 получали стипендіи изъ капитала, пожертвованнаго частнымъ лицомъ, а остальные 22 не имѣли стипендій.

Къ 1-му января 1883 года въ С.-Петербургскомъ университетѣ находилось 2,052 студента; въ теченіе года вновь принято 708, выбыло 514 (до окончанія курса 248, по окончаніи курса 266), затѣмъ къ 1-му января 1884 года состояло на лицо 2,246, которые распредѣлялись по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 253, на физико-математическомъ—1,102, на юридическомъ—834 и на факультетѣ восточныхъ языковъ — 57. Изъ общаго числа 2,246 студентовъ пользовались стипендіями 408 лицъ всего на сумму 100,264 руб. 94 коп., въ томъ числѣ: 298 штатныхъ на 70,015 руб., 55 на счетъ разныхъ вѣдомствъ и учрежденій на 18,347 руб. 40 коп. и 55 на счетъ процентовъ съ пожертвованныхъ частными лицами капиталовъ на 11,902 руб. 54 коп. Отъ взноса платы за слушаніе лекцій освобождено было 514 студентовъ, именно: отъ полной платы 470, отъ половинной—44 студента. Кромѣ того, состоящимъ при университетѣ Обществомъ вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ внесено было изъ своихъ средствъ платы за ученіе: за 60 студентовъ юридическаго факультета на 1,317 руб. 80 коп., за 58 студентовъ физико-математическаго — на 1,240 руб.,

Библиотека "Руниверс"

за 29 студентовъ историко-филологическаго—на 640 руб. и за 3-хъ студентовъ восточнаго факультета—на 75 руб.; всего же за 150 студентовъ на 3,272 руб. 50 коп. Пособіями изъ суммъ казны воспользовались 164 студента на 4,400 руб. Обществомъ вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ, изъ своихъ средствъ, производились долгосрочныя и краткосрочныя ссуды. Первыя выданы въ теченіе года 396 студентамъ на сумму 11,086 руб. 50 коп.; краткосрочныхъ ссудъ, подъ залогъ получаемыхъ стипендій, выдано 107 на 2,260 р. 58 коп. Сверхъ того студенты пользовались безмездною помощью университетскаго врача на своихъ квартирахъ и въ университетскомъ пріемномъ покоѣ, а недостаточные изъ нихъ и стипендіаты — и лѣкарствами на счетъ университета.

Финансовыя средства С.-Петербургскаго университета находились въ слѣдующемъ положеніи: а) штатныя суммы: по смѣтѣ 1883 года ассигновано было изъ суммъ государственнаго казначейства въ распоряженіе университета всего 359,575 руб. 85 коп., именно: на содержаніе личнаго состава университета 204,594 руб., на хозяйственные расходы и учебныя пособія 81,150 руб., на стипендіи и пособія студентамъ 73,831 руб. 85 коп.; б) сбора со студентовъ за слушаніе лекцій: отъ 1882 года имѣлось остатка 37,958 руб. 82½ коп., въ теченіе 1883 года поступило 81,061 руб. 50 коп., израсходовано въ тотъ же періодъ 94,314 руб. 19 коп.; затѣмъ къ 1-му января 1884 года оставалось 24,706 руб. 13½ коп. Главнѣйшіе расходы изъ сбора за лекціи были слѣдующіе: на жалованье профессорамъ и преподавателямъ, на вознагражденіе приватъ-доцентовъ за чтеніе лекцій и вообще на личный составъ сверхъ штата 33,518 руб. 24 коп., на печатаніе сочиненій 16,252 руб. 77 коп., на кабинеты, лабораторіи, библіотеку и вообще на учебныя пособія 11,433 руб. 93 коп., на изготовленіе медалей для награжденія студентовъ 2,875 руб., на ученыя путешествія и командировки 7,500 руб., на выдачу пособій, на погребеніе, Обществу вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ 8,067 руб., на постройку флигеля для служителей 8,500 руб., на разные расходы по хозяйственной части, по инспекціи, по канцеляріи и т. д. 3,447 руб. 56 коп.

При С.-Петербургскомъ университетѣ состоятъ четыре ученыхъ Общества: Филологическое, учрежденное въ февралѣ 1869 г., Общество естествоиспытателей, учрежденное въ декабрѣ 1868 года, Юридическое, учрежденное въ январѣ 1877 года, и Русское физико-химическое, которое въ 1878 году образовалось чрезъ соединеніе двухъ

Библиотека "Руниверс"

отдѣльныхъ Обществъ, Физическаго и Химическаго, и состоитъ нынѣ изъ двухъ отдѣленій. Составъ и дѣятельность этихъ обществъ въ 1883 году представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Филологическое Общество, подъ предсѣдательствомъ профессора В. И. Ламанскаго, имѣло членами своими всѣхъ профессоровъ и доцентовъ историко-филологическаго факультета и кромѣ того еще 45 лицъ, не принадлежащихъ къ университетскому составу. Общество имѣло въ теченіе года 7 засѣданій, на которыхъ сдѣланы были слѣдующія сообщенія: В. И. Ламанскимъ—„О новыхъ матеріалахъ къ исторіи отношеній Польши и Литвы при Витовтѣ", отчетъ о своемъ сочиненіи „Государственныя тайны Венеціи" и „Объ изданіи Маріинскаго Евангелія И. В. Ягичемъ"; В. Г. Васильевскимъ—„О греческомъ сказаніи монаха Епифанія о Святыхъ мѣстахъ"; В. К. Ернштедтомъ—„Объ отрывкахъ Менандра, найденныхъ въ коллекціи Преосвященнаго Порфирія"; И. П. Минаевымъ—„О книгѣ Зейделя „Іисусово Евангеліе"; барономъ В. Р. Розеномъ—„О флорентинской рукописи историческаго сочиненія Агапія изъ Манбиджа"; И. Е. Троицкимъ—„О неизданной граматѣ Михаила Палеолога" и „О новооткрытомъ греческомъ памятникѣ 1-й половины XIII вѣка"; Д. А. Хвольсономъ — „О еврейскихъ надгробныхъ надписяхъ въ Крыму"; А. Я. Гарнави—„О мѣстности Даръ-аль-Бабунадись въ запискѣ Ибнъ-Фоцлана о Хазарахъ"; Л. В. Дружининымъ — „О житіи инока Корнилія Выгопустынскаго, написанномъ ученикомъ его, Пахоміемъ"; Ѳ. М. Истоминымъ—„О названіи 7-го днѣпровскаго порога у Константина Багрянороднаго"; М. Г. Машурко—„Искусственные языки Могилевской губерніи"; А. Л. Петровымъ — „О Сербскомъ князѣ Бодинѣ"; С. Ѳ. Платоновымъ—„О такъ-называемомъ Морозовскомъ Лѣтописцѣ"; С. Н. Прядкинымъ — „Очеркъ говора по пѣснямъ, записаннымъ въ селѣ Сергѣевкѣ, Воронежской губерніи"; Н. А. Шляпкинымъ—„Объ употребляемыхъ торговцами въ Угличѣ словахъ, заимствованныхъ изъ восточныхъ и другихъ языковъ".

Общество естествоиспытателей. Общество состоитъ изъ трехъ отдѣленій: зоологическое, геологіи и минералогіи и ботаническое. Оно имѣло 295 членовъ, въ томъ числѣ: въ зоологическомъ отдѣленіи 146, изъ нихъ 72 иногородныхъ; отдѣленіе геологіи и минералогіи—78 (иногородныхъ 32) и ботаническое—71 (иногородныхъ 24). Подобно предшествующимъ годамъ, дѣятельность Общества проявлялась въ общихъ и секціонныхъ засѣданіяхъ, организаціи

Библиотека "Руниверс"

ученыхъ экскурсій и изданія „Трудовъ“ Общества. Общихъ собраній было четыре; на нихъ, сверхъ текущихъ дѣлъ, были выслушаны сообщенія: Н. П. Вагнера—„О фаунѣ Соловецкой бухты“; А. Ѳ. Баталина—„О пріемахъ для розысканія дикихъ родичей культурныхъ растеній“; А. С. Фаминцына—„О кристаллахъ и кристаллитахъ“ и К. С. Мережковскаго—„О развитіи человѣческаго скелета“. Отдѣленіе зоологіи и физіологіи имѣло 5 засѣданій, на которыхъ было сдѣлано 9-ю лицами 13 сообщеній; изъ нихъ 9 оригинальныхъ по физіологіи, а по зоологіи—три оригинальныхъ сообщенія и одинъ рефератъ. Отдѣленіе геологіи и минералогіи имѣло 6 засѣданій, на которыхъ 13-ю лицами сдѣлано 17 сообщеній и 5 рефератовъ. Наконецъ, по отдѣленію ботаники въ пяти засѣданіяхъ заслушано было 9 оригинальныхъ сообщеній и 1 рефератъ, сдѣланныхъ девятью лицами. Въ цѣломъ, какъ по отношенію къ числу секціонныхъ засѣданій, такъ и по отношенію къ числу сообщеній, оказалось незначительное пониженіе сравнительно съ предыдущимъ годомъ. Ученыя экскурсіи Общества происходили по всѣмъ тремъ отдѣленіямъ и заключались въ слѣдующемъ: по отдѣленію зоологіи—М. Н. Богдановъ занимался изслѣдованіемъ рыбъ рѣки Невы; А. М. Никольскій былъ командированъ въ Астраханскую губернію, для изслѣдованія ея фауны; по отдѣленію геологіи и минералогіи—Н. А. Соколовъ продолжалъ свои изслѣдованія дюнъ: лѣтомъ 1883 года, онъ посѣтилъ дюны по Рижскому заливу, при устьѣ Западной Двины, по западному берегу Курляндіи между Виндавой и Полангеномъ, и въ Финляндіи въ окрестностяхъ Мурила; затѣмъ онъ осмотрѣлъ нѣкоторыя дюны по среднему теченію Днѣпра и Алешкинскіе лѣтучіе пески; С. Ф. Глинка экскурсировалъ на островѣ Паргасѣ: онъ собралъ коллекцію минераловъ, характерныхъ для этого острова—паргасситы, скаполиты, черныя и бурыя слюды, графитъ и пр.; А. А. Иностранцевъ прослѣдилъ за работами вновь строющагося Машкодерскаго канала (въ Олонецкой губ.); результаты изслѣдованія заключались въ опредѣленіи отношеній полезы толщи наносовъ къ нижележащему горному известняку, въ группировкѣ этихъ наносовъ и въ значительной коллекціи окаменѣлостей; Б. К. Полѣновъ занимался петрографическими изслѣдованіями въ дачѣ Нижне-Тагильскихъ заводовъ, въ среднемъ Уралѣ; П. Н. Венюковъ продолжалъ свои изслѣдованія отложеній девонской системы, развитыхъ въ Орловской, Воронежской, Тамбовской и Рязанской губерніяхъ, а именно площади, заключающейся между рѣкой Десной и Орловско-Курской линіей желѣзной дороги и Ор-

Библиотека "Руниверс"

ловско-Витебской и Курско-Кіевской линіями желѣзныхъ дорогъ. Отдѣленіе ботаники командировало лѣтомъ 1883 года трехъ лицъ въ Нижегородскую губернію и прилегающіе уѣзды Казанской и Симбирской губерній, для изслѣдованія флоры въ связи съ производящимся, подъ руководствомъ В. В. Докучаева, детальнаго изслѣдованія почвы Нижегородской губерніи. Участвовавшіе въ этой экскурсіи собрали богатыя коллекціи, приготовили къ печати полный списокъ растеній Нижегородской губерніи, а двое изъ нихъ представили отдѣленію спеціальные доклады. Изъ изданій Общества въ 1883 году появились въ свѣтъ второй выпускъ XIII тома и первый выпускъ XIV тома „Трудовъ Общества". Сверхъ протоколовъ, въ составъ ихъ вошли слѣдующія статьи: А. Никольскаго—„Путешествіе въ Алтайскія горы лѣтомъ 1882 года", А. Краснова—„Предварительный отчетъ объ Алтайской экспедиціи", В. Пашкевича—„Очеркъ Минской флоры", І. Шиховскаго—„Къ вопросу объ анализѣ ближайшихъ морфологически-составныхъ частей зерновки Zea Mays", П. Венюкова — „Очеркъ нѣкоторыхъ водопадовъ сѣверной Эстляндіи", Н. Кудрявцева и Н. Соколова — „Геодогическое изслѣдованіе Кромскаго уѣзда Орловской губ.", Н. Кудрявцева—„Орографическій характеръ Кольскаго полуострова" и „Къ матеріаламъ о доисторическомъ человѣкѣ каменнаго вѣка", И. Полякова—„Слѣды древней ледниковой морены въ окрестностяхъ Выборга", Н. Соколова—„Mastodon arvernensis и Hipparion gracile изъ третичныхъ образованій Крыма". Постановленіе Общества касательно организаціи при ономъ Крымскаго комитета, внесенное въ VII съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей, принято съѣздомъ, а потому въ настоящее время приступлено уже къ организаціи означеннаго комитета. Членъ общества М. С. Воронинъ пожертвовалъ: 500 руб. въ запасный капиталъ Общества и 500 руб. на премію имени К. Ѳ. Кесслера; собранный для этой преміи капиталъ, благодаря этому, превзошелъ въ настоящее время 3.000 руб.

Физико-химическое Общество состоитъ изъ двухъ отдѣленій: химіи и физики. Членовъ состояло: въ отдѣленіи химіи—162, въ отдѣленіи физики — 120. Засѣданій очередныхъ первое изъ сихъ отдѣленій имѣло 9. Общество издало XV-й томъ своего Журнала, въ 82 печатныхъ листа, въ химической части котораго помѣщено 55 оригинальныхъ изслѣдованій и даны рефераты объ успѣхахъ по всѣмъ частямъ химіи въ Россіи и за-границей, а по физикѣ—32 самостоятельныя изслѣдованія. Въ 1883 году Общество выдало двѣ пре-

Библиотека "Руниверс"

міи: премія В. И. Рагозина въ 750 металлическихъ рублей присуждена І. Кумбергу за лампу для сожиганія тяжелаго нефтянаго масла, и премія Н. Н. Соколова—профессору Петровской академіи Г. Густавсону за открытіе и изслѣдованіе реакцій органическихъ веществъ въ присутствіи галоидныхъ солей алюминія. Химическое отдѣленіе Общества вело дѣятельныя сношенія съ химическими Обществами Лондонскимъ, Парижскимъ и Берлинскимъ, которыя происходили частію корреспонденціями, частію посылкою рефератовъ, съ другими же Обществами происходилъ обмѣнъ изданіями. Физическое отдѣленіе имѣло письменныя сношенія съ Французскимъ физическимъ Обществомъ, и съ редакторами: Repertorium der Physik—профессоромъ Экснеромъ въ Вѣнѣ и Beiblätter zu den Annalen der Physik—профессоромъ Э. Видеманомъ.

Юридическое Общество состояло изъ предсѣдателя, помощника предсѣдателя, казначея, секретаря и 327 членовъ, изъ которыхъ 1 почетный, 314 дѣйствительныхъ и 12 членовъ - сотрудниковъ. Въ теченіе года дѣятельными были два отдѣленія Общества: гражданское и уголовное. Оба отдѣленія въ еженедѣльно, по очереди происходившихъ засѣданіяхъ, занимались по преимуществу разработкою вопросовъ будущихъ уложеній — гражданскаго и уголовнаго. Въ гражданскомъ отдѣленіи выслушаны были слѣдующіе доклады и сообщенія дѣйствительныхъ членовъ: А. О. Гордона—„О характерѣ и направленіи работъ по гражданскому уложенію“, В. Д. Спасовича—„По вопросу объ отношеніи будущаго гражданскаго Уложенія къ мѣстнымъ гражданскимъ законамъ и о методѣ будущей „кодификаціи“; Л. З. Слонимскаго — „Объ опекѣ надъ безумными и сумасшедшими“, А. М. Евреиновой—„Объ отношеніи будущаго гражданскаго Уложенія къ обычному праву“, К. И. Дылевскаго—„Объ узаконеніи рожденныхъ до брака дѣтей вообще“. Уголовное отдѣленіе посвятило свои занятія, главнымъ образомъ, разбору статей проекта общей части уголовнаго Уложенія. Наличность суммъ Общества къ 1-му января 1884 года составляла 5.986 руб. 26 коп.

При С.-Петербургскомъ университетѣ существуетъ студенческое научно-литературное Общество, руководствующееся въ дѣйствіяхъ своихъ уставомъ, утвержденнымъ начальствомъ С.-Петербургскаго учебнаго округа въ январѣ 1882 года. Къ началу 1883 года Общество это имѣло 2-хъ почетныхъ членовъ и 82 дѣйствительныхъ. Въ теченіе 1883 года поступило 80 членовъ, выбыло 36 (большинство окончившіе курсъ въ университетѣ) и затѣмъ къ 1-му января 1884

Библиотека "Руниверс"

года въ Обществѣ числилось 3 почетныхъ и 126 дѣйствительныхъ членовъ. Въ продолженіе 1883 года было 9 общихъ собраній, на которыхъ, сверхъ рѣшенія текущихъ дѣлъ (по библіотекѣ, расходамъ и т. п.) и баллотировки, читались научныя сообщенія, числомъ 12. Рефератовъ прочитано было 6, именно: Мазаровичемъ—„О значеніи жизни у пессимистовъ", Александровскимъ—„О книгѣ Соловьева „Чтенія о богочеловѣчествѣ", Безобразовымъ — „Придворный бытъ и государственные дѣятели при Константинѣ Мономахѣ", Чечулинымъ—„О русской провинціальной жизни во второй половинѣ XVIII вѣка", Левицкимъ — разборъ книги Ключевскаго „Боярская дума", Красновымъ—„Почва, какъ арена борьбы флоръ". Общество издало, въ видѣ опыта, отдѣльными брошюрами, двѣ статьи своихъ членовъ, помѣщенныя въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, именно: Платонова—„Замѣтки по исторіи Московскихъ земскихъ соборовъ" и Безобразова—„Боэмундъ Тарентскій". Денежныя средства Общества были слѣдующія: къ началу 1883 года имѣлось членскихъ взносовъ 238 руб., въ теченіе года поступило взносовъ 214 руб., отъ продажи изданій Общества 27 руб., всего въ приходѣ 479 руб., израсходовано на покупку библіографическихъ сочиненій, на изданіе двухъ брошюръ, на переплетъ книгъ, канцелярскіе расходы и на выписку иностранныхъ научныхъ журналовъ, всего 335 руб.; въ остаткѣ имѣлось 144 руб.

Библиотека "Руниверс"

НЕКРОЛОГЪ.

I.

Г. Е. Щуровскій.

Григорій Ефимовичъ Щуровскій родился въ Москвѣ, въ январѣ 1803 года. Его недостаточные родители, не успѣвшіе въ 1812 году оставить Москвы, были окончательно разорены непріятельскимъ нашествіемъ. Григорію Ефимовичу, бывшему тогда девятилѣтнимъ мальчикомъ, пришлось взять на себя содержаніе больной матери и сестеръ, укрывшихся отъ дерзости французскихъ мародеровъ въ подвалѣ одного разрушеннаго дома и не смѣвшихъ выходить оттуда. „Приходилось", разказывалъ Григорій Ефимовичъ со сжатымъ отъ грусти сердцемъ,—„или дать умереть близкимъ людямъ съ голоду, или служить врагамъ отечества, нося имъ воду, исправляя мелкую службу на кухнѣ маршала Нея, жившаго на Маросейкѣ, въ домѣ, нынѣ принадлежащемъ Грачевымъ, чистя обувь и одежду французскимъ офицерамъ и т. д." За то какъ велика была радость покойнаго, когда онъ узналъ о начавшемся выходѣ непріятеля изъ Москвы; одно лишь обстоятельство помрачило его радостное настроеніе: это—взрывъ Кремля; разказывая объ этомъ событіи уже въ 1879 году, Григорій Ефимовичъ волновался, какъ будто бы взрывъ случился лишь на дняхъ. По окончаніи Отечественной войны, Григорія Ефимовича приняли на казенный счетъ въ такъ-называемое классическое или благородное отдѣленіе воспитательнаго дома. Курсъ этого отдѣленія не только соотвѣтствовалъ, но даже былъ нѣсколько выше курса тогдашнихъ гимназій. Императрица Марія Ѳеодоровна, слѣдившая лично за преподаваніемъ въ классическомъ отдѣленіи воспитательнаго дома, пред-

Библиотека "Руниверс"

ложила преподаваніе многихъ предметовъ профессорамъ университета, такъ что среди преподавателей воспитательнаго дома мы встрѣчаемъ имена Ловецкаго, Давыдова, Павлова, Мерзлякова, Чумакова и Гейма. Первые годы своего пребыванія въ воспитательномъ домѣ, Г. Е. Щуровскій учился также у покойнаго Степана Алексѣевича Маслова, извѣстнаго поборника введенія раціональнаго сельскаго хозяйства. Впослѣдствіи учитель и ученикъ стали самыми лучшими друзьями и соработниками.

Пробывъ восемь лѣтъ въ воспитательномъ домѣ, Григорій Ефимовичъ, въ 1822 году, поступилъ на счетъ вѣдомства императрицы на медицинскій факультетъ Московскаго университета. Не смотря на блестящія лекціи Лодера, Мудрова, Гильдебрандта, Григорій Ефимовичъ интересовался болѣе естествознаніемъ, нежели медициной, и все свободное время посвящалъ или чтенію естественно-историческихъ сочиненій или посѣщенію лекцій естественно-историческихъ наукъ. По окончаніи въ 1826 году курса со званіемъ лѣкаря перваго отдѣленія, Г. Е. Щуровскій былъ оставленъ при университетѣ на два года для приготовленія къ экзамену на степень доктора медицины. Сдавъ экзаменъ въ 1828 году на степень доктора медицины, акушерства и хирургіи, Григорій Ефимовичъ въ 1829 году защитилъ диссертацію „De erysipelate" и былъ опредѣленъ ординаторомъ воспитательнаго дома, гдѣ онъ еще въ 1828 году началъ свою службу въ качествѣ преподавателя естествознанія и физики, вмѣсто занимавшаго прежде это мѣсто профессора Двигубскаго.

Съ 1830 года начинается профессорская дѣятельность Г. Е. Щуровскаго; его приглашаютъ адъюнктъ-профессоромъ по каѳедрѣ естественной исторіи медицинскаго факультета, вмѣсто Фишера фонъ-Вальдгейма, занявшаго каѳедру на физико-математическомъ факультетѣ. Время съ 1830 по 1835 годъ, когда Г. Е. Щуровскій былъ призванъ графомъ Строгановымъ къ открытію самостоятельной каѳедры минералогіи и геологіи, было посвящено молодымъ ученымъ занятіямъ сравнительною анатоміей и зоологіей. За этотъ промежутокъ времени въ Ученыхъ Запискахъ университета появилось нѣсколько статей сравнительно-анатомическаго характера, вслѣдъ за которыми, въ 1834 году, вышла первая часть учебника сравнительной анатоміи, озаглавленнаго Г. Е. Щуровскимъ „Органологія животныхъ"; въ этой части изложена сравнительная анатомія органовъ пищеваренія, кровообращенія и дыханія. Отдавая полную справедливость взглядамъ и трудамъ Кювье, имя котораго было въ то время

Библиотека "Руниверс"

на высшей степени славы, авторъ „Органологіи“ не отрѣшается отъ взглядовъ Этьенна-Жоффруа Сентъ-Илера, теоріи котораго, тогда разбитыя Кювье, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи массы фактическаго матеріала, были гораздо ближе къ современнымъ намъ взглядамъ на происхожденіе и развитіе органической природы, нежели взгляды Кювье. Назначеніе экстраординарнымъ профессоромъ на каѳедру минералогіи и геологіи потребовало отъ Григорія Ефимовича усиленныхъ трудовъ, и продолженіе его „Органологіи“ было оставлено.

Не смотря на блистательно сданное испытаніе, назначенное графомъ Строгановымъ Григорію Ефимовичу при назначеніи его ординарнымъ профессоромъ, не смотря на господствовавшее въ то время среди русскихъ профессоровъ убѣжденіе о большемъ значеніи кабинетнаго труда, нежели эксперементальнаго изученія природы, Г. Е. Щуровскій чувствовалъ всю недостаточность книжнаго изученія природы и употребилъ всѣ старанія для исходатайствованія разрѣшенія и средствъ на изученіе геологіи Россіи. Послѣ долгихъ затрудненій ему удалось совершить двѣ экспедиціи: одну, въ 1840 году,—на Уральскія горы, другую, въ 1844 году,—на Алтай. Результатами этихъ экспедицій было появленіе двухъ большихъ сочиненій: „Уральскій хребетъ въ физико-географическомъ, геогностическомъ и минералогическомъ отношеніяхъ“, 1841 года, и „Геологическое путешествіе по Алтаю, съ историческими и статистическими свѣдѣніями о Колывано-Воскресенскихъ заводахъ“, 1846 года. Минералогическій кабинетъ университета послѣ путешествія Григорія Ефимовича обогатился большою массой новыхъ коллекцій, которыя требовали разборки, изученія и опредѣленія; прежнія коллекціи музея или совсѣмъ не были опредѣлены, или требовали вновь переопредѣленія; предстояла громадная работа, занявшая почти десять лѣтъ; лишь къ началу 50-хъ годовъ Григорію Ефимовичу удалось покончить и напечатать каталогъ минералогическихъ собраній. Устроивъ минералогическій кабинетъ, Григорій Ефимовичъ употребляетъ всѣ усилія къ тому, чтобъ учредить геологическія собранія, вслѣдствіе чего предпринимаетъ цѣлые ряды экскурсій въ средней, сѣверо-восточной и южной Россіи, пріобрѣтаетъ мѣной или покупкой коллекціи горныхъ породъ и ископаемыхъ Германіи, Англіи и Франціи и составляетъ прекрасный кабинетъ, насчитывавшій при оставленіи имъ каѳедры болѣе 1.300 видовъ однихъ русскихъ ископаемыхъ. Коллектированіе и экскурсіи по средней Россіи наводятъ Г. Е. Щуровскаго на мысль о необходимости разобраться въ накопившемся научномъ матеріалѣ, относящемся до геологіи сред-

Библиотека "Руниверс"

ней Россіи, о пользѣ какъ критическаго, такъ и фактическаго переизслѣдованія геологическихъ свѣдѣній о средней Россіи. Такимъ образомъ мало по малу подготовляется трудъ, вышедшій въ двухъ томахъ въ 1864 и 1866 годахъ, озаглавленный „Исторія геологіи Московскаго бассейна“ и составившій два первые тома изданій новаго, основаннаго Григоріемъ Ефимовичемъ и его сотрудниками, Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Но преслѣдуя обширную, трудную задачу, Г. Е. Щуровскій не оставлялъ безъ вниманія и другія стороны геологической науки и помѣстилъ за періодъ времени съ 1844 по 1864 годы цѣлые ряды болѣе краткихъ трудовъ въ различныхъ изданіяхъ, такъ, напримѣръ: въ Магазинѣ Землевѣдѣнія и Путешествій, издававшемся Фроловымъ, въ Русскомъ Вѣстникѣ, въ Вѣстникѣ Естественныхъ Наукъ, въ Атенеѣ, издававшемся Коршемъ, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и др. Къ тому же періоду дѣятельности относится и его рѣчь на актѣ Московскаго университета въ 1856 году: „Колебательное движеніе европейскаго материка въ историческое и близкое къ историческому время“.

Въ 1863 году небольшой кружокъ молодыхъ профессоровъ, ученыхъ и любителей естествознанія, сгруппировавшись около Григорія Ефимовича, основываетъ новое Общество любителей естествознанія и избираетъ своимъ президентомъ Г. Е. Щуровскаго. Цѣлью Общества было изученіе природы Россіи, распространеніе естественно-историческихъ свѣдѣній въ русскомъ обществѣ, изданіе спеціальныхъ научныхъ трудовъ на русскомъ языкѣ, устройство естественно-историческихъ музеевъ въ Москвѣ и др. Президентъ Общества сталъ тотчасъ же и душой его; не было ни одного вопроса, хотя бы самаго мелкаго, не было ни одной спеціальности въ трудахъ Общества, которыми бы онъ не интересовался. Ему, Нестору русской геологіи, первому профессору минералогіи и геологіи, носившему русское имя и получившему русское воспитаніе, испытавшему на себѣ тяжелый научный гнетъ выписанныхъ изъ чужихъ странъ профессоровъ, особенно было отрадно видѣть приведеніе въ исполненіе завѣтныхъ своихъ мечтаній. Какъ ни странно, но до 1863 года не было органа, гдѣ серьезныя, спеціальныя естественно-историческія статьи могли бы быть напечатаны на русскомъ языкѣ; выписанные изъ-за границы академики и профессора, не отрѣшавшіеся отъ своихъ традицій и презиравшіе языкъ страны, давшей имъ пріютъ, печатали и заставляли печатать своихъ учениковъ по нѣмецки или по французски; этотъ обычай до такой степени вошелъ въ плоть и кровь у русскихъ есте-

Библиотека "Руниверс"

ствоиспытателей, что даже и впослѣдствіи, когда стало возможнымъ печатаніе спеціальныхъ трудовъ на русскомъ языкѣ, многіе изъ нихъ продолжали по старымъ традиціямъ печатать свои спеціальные труды въ иностранныхъ журналахъ. Г. Е. Щуровскій всею душой возставалъ противъ этого. „Только тогда наука можетъ распространиться въ народѣ", говорилъ онъ въ рѣчи, обращенной къ собравшимся на первый съѣздъ въ С.-Петербургъ въ 1867 году естествоиспытателямъ,— „когда народъ читаетъ научныя произведенія на своемъ родномъ языкѣ". Г. Е. Щуровскій въ своихъ рѣчахъ постоянно проводитъ въ той или другой формѣ свою завѣтную мысль: ее можно прочесть и въ его рѣчи „Ломоносовъ, какъ минералогъ и геологъ", произнесенной въ 1865 году по случаю столѣтняго юбилея Ломоносова, и въ рѣчи „Объ историческомъ развитіи естествознанія въ Россіи", произнесенной на съѣздѣ естествоиспытателей въ Москвѣ въ 1869 году, и въ его рѣчахъ „Александръ фонъ-Гумбольдтъ по отношенію къ Россіи" и „Г. Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ, относительно его заслугъ по минералогіи, геологіи и палеонтологіи", произнесенныхъ въ торжественныхъ собраніяхъ Общества испытателей природы въ 1869 и 1871 годахъ.

Старанія Г. Е. Щуровскаго увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Сорокъ три тома in quarto изданій Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, заключающіе въ себѣ спеціальные труды русскихъ ученыхъ, напечатанные по русски, Дашковскій этнографическій музей—результатъ этнографической выставки 1867 года, музей прикладныхъ знаній — результатъ политехнической выставки 1872 года, антропологическое отдѣленіе въ Историческомъ музеѣ — результатъ выставки антропологической 1879 года, вотъ каковы были осязательные труды Общества за двадцать лѣтъ президентства Григорія Ефимовича. Но руководство въ такихъ обширныхъ трудахъ было недостаточно для президента; онъ личнымъ примѣромъ указывалъ членамъ Общества, какимъ путемъ оно должно проводить здравыя естественно-историческія свѣдѣнія въ русское общество. Печатая рядъ общедоступныхъ статей, составляя программы для изслѣдователей, Григорій Ефимовичъ въ то же время предпринималъ ряды общедоступныхъ экскурсій съ желающими; подъ его руководствомъ собиралось до 200 человѣкъ; многіе изъ его спутниковъ по экскурсіямъ разнесли геологическія познанія по всей Россіи и принесли отечеству пользу изученіемъ или по крайней мѣрѣ коллектированіемъ въ самыхъ отдаленныхъ углахъ нашей родной страны. Григорій Ефимовичъ трудился на научномъ и общественномъ по-

Библиотека "Руниверс"

прищѣ до послѣднихъ дней. Послѣдній трудъ его „Были ли лѣса въ южной Россіи въ доисторическое время" напечатанъ въ изданіяхъ Общества любителей естествознанія лишь два года тому назадъ; уже въ постели, на канунѣ смерти, неутомимый старецъ бесѣдовалъ о дѣлахъ его Общества и о его ближайшихъ сотрудникахъ.

Какъ профессоръ, Григорій Ефимовичъ былъ послѣдній представитель того блестящаго времени Московскаго университета, къ которому принадлежали Рулье, Грановскій и Кудрявцевъ. Лекціи Григорія Ефимовича отличались обширнымъ кругозоромъ, строгою послѣдовательностію и логичностью и почти полнымъ отсутствіемъ гипотетичности; теоріи, передаваемыя студентамъ, всегда основывались на точныхъ фактическихъ свѣдѣніяхъ; предъ глазами студента изъ фактическаго матеріала воздвигалось гармоничное научное зданіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасный языкъ, ясная дикція, несомнѣнное увлеченіе нѣкоторыми сторонами предмета, производили прекрасное впечатлѣніе на слушателей и привлекали къ предмету. Занятія въ молодости сравнительною анатоміей всегда отзывались на лекціяхъ Григорія Ефимовича; онъ съ большею любовью читалъ объ ископаемыхъ животныхъ, нежели о растеніяхъ или горныхъ породахъ.

Какъ человѣкъ, Григорій Ефимовичъ заставлялъ всякаго, кто его зналъ, поближе привязаться къ себѣ. Съ виду неприступный, даже немного суровый, онъ не отказывалъ никогда, никому и ни въ чемъ; стоило лишь заниматься наукой, чтобы найдти въ немъ полное сочувствіе, чтобы заслужить всѣ его симпатіи. Добрый, гуманный, сочувствующій всему хорошему въ молодежи, Григорій Ефимовичъ особенно рельефно выразился какъ человѣкъ въ то время, когда былъ проректоромъ университета, въ 1867—1869 годахъ. Пишущій эти строки былъ въ то время студентомъ и помнитъ, какъ строгій, суровый проректоръ послѣ одной грандіозной шалости студентовъ, грозившей нѣсколькимъ изъ нихъ скамьей подсудимыхъ, ѣздилъ по всѣмъ властямъ, чтобъ освободить напалившую молодежь отъ отвѣтственности и въ то же время грозилъ и распекалъ виновныхъ, какъ самый строгій неумолимый отецъ. Недостаточный студентъ никогда не уходилъ отъ него не утѣшеннымъ или не удовлетвореннымъ: одному проректоръ предоставлялъ урокъ, другому — переписку, третьему — стипендію, и при этомъ не оставлялъ своего строгаго отеческаго вида. Съ однимъ никогда не соглашался покойный Григорій Ефимовичъ — съ такъ-называемыми единовременными, безвозвратными пособіями студентамъ: онъ находилъ для студента унизительнымъ брать деньги безъ воз-

Библиотека "Руниверс"

врата и всегда обязывалъ получавшаго пособіе студента честнымъ словомъ возвратить эти деньги на пользу бѣдныхъ товарищей. Григорій Ефимовичъ не легко привязывался къ людямъ, но стоило ему привязаться къ человѣку, и онъ за этого человѣка готовъ былъ лечь костьми; никакія инсинуаціи, никакіе навѣты не могли разлучить его съ человѣкомъ, котораго онъ любилъ, и которому онъ вѣрилъ; Григорій Ефимовичъ становился такому человѣку лучшимъ другомъ, лучшимъ родственникомъ.

Большую утрату понесли мы въ лицѣ Григорія Ефимовича. Россія лишилась честнаго, преданнаго сына, наука — своего Нестора, ученики—незабвеннаго учителя, добраго, честнаго, любящаго, гуманнаго.

Н. Зографъ.

(*Московскія Вѣдомости № 85*).

II.

Г. И. Лапшинъ.

4-го апрѣля текущаго года многочисленные ученики и сослуживцы слѣдовали за гробомъ человѣка, который почти полстолѣтія трудился на педагогическомъ поприщѣ, и имя котораго тѣсно связано съ исторіей разныхъ заведеній, среднихъ и высшихъ. Не многимъ выпадетъ на долю столь продолжительное и до послѣднихъ дней жизни плодотворное служеніе дѣлу обученія юношества, и не многіе оставляютъ по себѣ такое чистое и ничѣмъ не запятнанное имя, какъ Григорій Ивановичъ Лапшинъ. Лица, хотя нѣсколько знавшія этого честнаго человѣка, не могутъ не относиться къ нему съ уваженіемъ, а ученики Григорія Ивановича, которые всѣ уже въ зрѣлыхъ, а нѣкоторые и въ преклонныхъ лѣтахъ, равно какъ и его сослуживцы, глубоко были опечалены неожиданною его кончиной.

Г. И. Лапшинъ родился въ 1813 г., получилъ образованіе въ 3-й С.-Петербургской гимназіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1830 г. первымъ ученикомъ, а затѣмъ, прослушавъ полный курсъ наукъ по историко-филологическому факультету, въ С.-Петербургскомъ университетѣ, былъ отправленъ въ Дерптъ, въ существовавшій тамъ въ то время такъ-называемый профессорскій институтъ, для приготовленія къ занятію каѳедры римской словесности въ одномъ изъ русскихъ

Библиотека "Руниверс"

университетовъ. Это учрежденіе дало въ непродолжительное время своего существованія многихъ знаменитыхъ ученыхъ, составлявшихъ впослѣдствіи украшеніе нашихъ университетовъ (Пироговъ, оба Куторги, Калмыковъ и др.); и Лапшина, который въ Дерптѣ занимался съ замѣчательнымъ усердіемъ, ожидало положеніе почетное, вполнѣ обезпеченное и соотвѣтствовавшее его наклонностямъ. Къ сожалѣнію, неожиданно представившаяся необходимость служить поддержкой своихъ родителей, къ которымъ Григорій Ивановичъ постоянно питалъ самую горячую сыновнюю любовь и привязанность, не позволила ему отправиться въ заграничную съ ученою цѣлью поѣздку, заставивъ вернуться изъ Дерпта въ Петербургъ и скорѣе гдѣ-нибудь пристроиться. Въ 1835 г. онъ былъ опредѣленъ въ 1-ю С.-Петербургскую гимназію преподавателемъ латинскаго языка въ младшихъ классахъ [1]), и съ этого времени начинается полувѣковая почти, столь полезная и постоянно неослабная педагогическая его дѣятельность.

На первыхъ же порахъ молодой преподаватель, обладавшій основательнымъ и глубокимъ знаніемъ своего предмета и полнымъ знакомствомъ съ нѣмецкимъ языкомъ, которое доставляло ему возможность пользоваться ученою и педагогическою на этомъ языкѣ литературой, обратилъ на себя вниманіе директоровъ Стендера и Калмыкова, старшаго его по гимназіи товарища [2]), и достойно былъ оцѣненъ своими сослуживцами, и имя его начало пользоваться извѣстностью среди столичныхъ филологовъ того времени. Потому въ 1840 г. онъ былъ приглашенъ преподавателемъ латинскаго языка въ высшіе классы 3-й С.-Петербургской гимназіи, гдѣ и обучалъ почти четверть вѣка, до 1864 года.

Пишущій эти строки имѣлъ счастіе учиться у Григорія Ивановича три года съ половиной [3]) и, сохранивъ впечатлѣнія ученическихъ лѣтъ въ свѣжей памяти, публичнымъ ихъ выраженіемъ въ печати приноситъ священный долгъ благодарности надъ свѣжею могилою дорогаго учителя.

---

[1]) Въ 1842 г., по выходѣ извѣстнаго въ свое время знатока древнихъ языковъ, Димитрія Прокофьевича Попова, Лапшинъ принялъ на себя преподаваніе въ высшихъ классахъ, которое велъ до составленія имъ 1-й гимназіи въ 1852 г.

[2]) Калмыковъ кончилъ курсъ въ 3-й С.-Петербургской гимназіи въ 1827 г. (1-й выпускъ этого заведенія).

[3]) По случаю выхода въ 1842 г. преподавателя Шада, Лапшинъ со второй половины учебнаго года занялъ его уроки въ 4-мъ классѣ.

Библиотека "Руниверс"

Познанія учениковъ младшихъ классовъ по латинскому языку были довольно скудны и шатки, что происходило главнымъ образомъ, съ одной стороны, отъ недостаточной требовательности и взыскательности преподавателя Шада, человѣка, впрочемъ, ученаго и уважаемаго, а съ другой — отъ невполнѣ удовлетворительнаго его знакомства съ русскимъ языкомъ. Хотя въ чисто-формальной части, то есть, въ склоненіяхъ, спряженіяхъ и нѣкоторыхъ синтаксическихъ правилахъ, почти половина учениковъ обнаружила на экзаменѣ извѣстную твердость, но всѣ они затруднялись при переводѣ на латинскій языкъ самыхъ легкихъ задаваемыхъ имъ фразъ, а Корнелія Непота переводили, такъ-сказать, ощупью, не имѣя яснаго и опредѣленнаго понятія о взаимномъ отношеніи словъ. При такихъ условіяхъ переводъ не могъ отличаться точностью, не говоря уже о совершенномъ отсутствіи изящества. Принявъ четвертый классъ отъ оставившаго гимназію въ концѣ перваго полугодія Шада, Григорій Ивановичъ въ первые два-три урока съ замѣчательною быстротой ознакомился съ уровнемъ знаній учениковъ, столь же быстро успѣлъ пополнить пробѣлы въ ихъ знаніяхъ, а затѣмъ перешелъ къ чтенію и объясненію назначеннаго для этого класса Цезаря. Съ самаго же начала ученики замѣтили разительную разницу въ методѣ обученія новаго преподавателя, который задавалъ мало, не болѣе одного или двухъ періодовъ, но требовалъ приготовленія тщательнаго и добросовѣстнаго. Когда на первомъ же урокѣ по Цезарю одинъ изъ хорошихъ, вызванныхъ Лапшинымъ учениковъ, слѣдуя усвоенной въ предыдущемъ классѣ привычкѣ, началъ переводить заданное мѣсто вольно и приблизительно, Григорій Ивановичъ, оставшись крайне недоволенъ такимъ отвѣтомъ, вызвалъ другаго ученика и, заставивъ его снова прочитать заданное, велѣлъ сдѣлать расположеніе словъ, такъ-называемую конструкцію, о которой ученики до того времени ничего не слыхали, и которую теперь еще многіе преподаватели считаютъ излишнею тратою времени. Послѣ сдѣланной конструкціи переводъ явился самъ собою, хотя не очень красивый и изящный, но близкій и точный. Затѣмъ уже преподаватель сдѣлалъ переводъ чистый и гладкій, но по возможности близкій, такъ что было передано каждое слово. Послѣ этого слѣдовали необходимыя объясненія грамматическія, фразеологическія и реальныя. Такой пріемъ тотчасъ же возбудилъ въ ученикахъ самостоятельность и довѣріе къ собственнымъ ихъ силамъ, и существовавшее въ младшихъ классахъ мнѣніе о необычайныхъ и непреодолимыхъ трудностяхъ латинскаго языка усту-

Библиотека "Руниверс"

пило мѣсто убѣжденію, что его вовсе не такъ трудно усвоить при нѣкоторомъ трудолюбіи и вниманіи. Конструкцію Лапшинъ требовалъ съ педантическою точностью только въ первые два-три мѣсяца, пока ученики не свыклись съ расположеніемъ въ латинскомъ языкѣ словъ, а затѣмъ прибѣгалъ къ ней уже изрѣдка, при объясненіи мѣстъ трудныхъ и запутанныхъ. Съ такимъ же успѣхомъ Григорій Ивановичъ усвоивалъ ученикамъ грамматическія правила, притомъ не отводя для этого отдѣльныхъ уроковъ и не прибѣгая къ помощи учебниковъ, потому что въ то время таковыхъ, можно сказать, почти не существовало [1]), но путемъ чисто практическимъ, пріурочивая ихъ къ объясненію автора. Притомъ онъ дѣлалъ строгій выборъ учебнаго матеріала, сообщая только самыя необходимыя свѣдѣнія, и тщательно обходя разныя мелочи, интересныя для филологовъ по профессіи, но излишнія для учениковъ гимназій. Правда, при такомъ способѣ преподаванія, сообщаемыя ученикамъ грамматическія свѣдѣнія имѣли характеръ случайности и отрывочности и не были соединены въ строгую систему; тѣмъ не менѣе, результаты преподаванія Лапшина оказались блестящими. Къ концу года ученики прочитали и всесторонне разобрали главъ 30 или 40 изъ Цезаря и на столько ознакомились съ этимъ писателемъ, что большинство изъ нихъ было въ состояніи понимать и переводить любое его мѣсто. Въ слѣдующихъ затѣмъ классахъ Григорій Ивановичъ, держась тѣхъ же пріемовъ, объяснялъ Саллюстія, Квинта Курція, Ливія, Цицерона, Овидія, Виргилія, а въ послѣднемъ классѣ Горація и Тацита. Чтенію каждаго новаго писателя онъ предпосылалъ краткій по возможности біографическій очеркъ, а объясненію поэтовъ—изложеніе главнѣйшихъ правилъ просодіи и стихосложенія. При интерпретаціи поэтовъ, дѣлая надлежащія реальныя объясненія, онъ постоянно обращалъ вниманіе на отличіе рѣчи поэтической отъ прозы, въ особенности отъ прозы Цицерона, которымъ онъ всегда занимался съ особенною любовью. Ученики Григорія Ивановича, безъ сомнѣнія, по-

---

[1]) Были, правда, учебники: грамматика Кошанскаго, грамматика Вѣлюстина и грамматика Попова. Но первыя двѣ книги страдали значительными недостатками, а послѣдняя была слишкомъ обширна и имѣла въ виду скорѣе ученыхъ, чѣмъ учениковъ. Прекрасный переводъ грамматики Кюнера, сдѣланный Носовымъ, выдержавшій теперь едва ли не четырнадцать изданій и долгое время бывшій единственнымъ учебникомъ во всѣхъ заведеніяхъ, гдѣ преподавался латинскій языкъ, тогда еще не существовалъ.

Библиотека "Руниверс"

нятъ, какъ мастерски онъ переводилъ древнихъ классиковъ на русскій языкъ, передавая не только мысль съ величайшею точностью, но сохраняя и изящество формы. Не будучи отъ природы надѣленъ особеннымъ даромъ краснорѣчія, онъ достигъ этого мастерства въ переводахъ долговременнымъ усидчивымъ трудомъ и самымъ тщательнымъ и добросовѣстнымъ приготовленіемъ къ каждому отдѣльному уроку. Начиная съ пятаго класса, онъ ввелъ и письменныя съ русскаго языка упражненія, по книгѣ Бѣлюстина, на которыя отводилъ одинъ недѣльный урокъ, и которыя разбиралъ съ учениками въ классѣ, обращая особое вниманіе на фразеологію и свойственное латинскому языку расположеніе словъ, а въ послѣднемъ классѣ задавалъ лучшимъ ученикамъ небольшія латинскія сочиненія на историческія темы или же заставлялъ ихъ письменно передавать содержаніе той или другой прочитанной въ классѣ и объясненной Гораціевой оды.

Такимъ образомъ Григорій Ивановичъ, къ концу гимназическаго курса, доводилъ своихъ учениковъ до свободнаго пониманія римскихъ прозаиковъ и поэтовъ, а болѣе усердныхъ и способныхъ—до правильнаго и въ извѣстной степени изящнаго выраженія своихъ мыслей на латинскомъ языкѣ. Притомъ такіе вполнѣ удовлетворительные результаты были достигаемы имъ въ относительно короткое время (въ три года) и при трехъ только полуторачасовыхъ въ каждомъ изъ высшихъ классовъ урокахъ, отведенныхъ существовавшимъ тогда уставомъ на преподаваніе этого предмета.

Григорій Ивановичъ, вслѣдствіе неудовлетворительной постановки латинскаго языка въ младшихъ классахъ и проистекавшей отъ этого недостаточной подготовки принимаемыхъ имъ учениковъ, считался въ гимназіи грозою, такъ что старшіе товарищи въ шутку пугали его именемъ тѣхъ, которые переходили въ классъ, гдѣ начиналось его преподаваніе. Дѣйствительно, Лапшинъ энергически требовалъ отъ учениковъ постояннаго и добросовѣстнаго приготовленія, въ особенности же вниманія въ классѣ, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ не дѣлалъ никакихъ уступокъ. Но ученики, сначала почти трепетавшіе передъ нимъ, вскорѣ убѣждались, что справедливыя его требованія вполнѣ соотвѣтствовали ихъ силамъ, и что при надлежащемъ съ ихъ стороны на урокахъ вниманіи приготовленіе не стоило имъ ни особеннаго труда, ни времени, а потому скоро не только привыкали къ новому преподавателю, но и инстинктивно начинали чувствовать, что въ груди человѣка, по видимому, сухаго и холоднаго, билось

Библиотека "Руниверс"

сердце, исполненное самой горячей любви и доброжелательства къ молодежи. Это инстинктивное чувство все болѣе и болѣе обращалось въ твердую и сознательную увѣренность, ученики проникались глубокимъ убѣжденіемъ въ строгой справедливости и безпристрастіи преподавателя, и первоначальный страхъ смѣнялся чувствомъ уваженія и довѣрія, такъ что Григорій Ивановичъ дѣлался любимымъ человѣкомъ, къ которому, не смотря на его взыскательность, ученики неоднократно обращались даже съ просьбой о ходатайствѣ и заступничествѣ передъ другими преподавателями или передъ гимназическимъ начальствомъ. Не было положительно ни одного ученика, который питалъ бы къ нему вражду или злобу: напротивъ, каждый былъ увѣренъ, что со стороны Лапшина онъ можетъ всегда и во всемъ разчитывать на помощь и содѣйствіе. Это чувство глубокаго, если можно такъ выразиться, завоеваннаго уваженія, питомцы его сохранили и понынѣ, и теперь еще многіе съ благоговѣніемъ вспоминаютъ объ этой свѣтлой и чистой личности.

Въ 1852 г. Лапшинъ былъ приглашенъ для преподаванія латинскаго языка въ С.-Петербургскомъ университетѣ и трудился на новомъ поприщѣ около тридцати лѣтъ. Въ университетѣ онъ читалъ по преимуществу Цицерона и Тацита, которыхъ зналъ въ совершенствѣ. За послѣдніе 10 или 15 лѣтъ своей жизни, онъ посвятилъ себя изученію Плавта, но при своей скромности, доходившей иногда до робости, и при крайней взыскательности къ самому себѣ, никогда не рѣшался объяснять этого писателя, потому что считалъ себя недостаточно знакомымъ съ архаическою латынью и плавтовскою метрикой. Ежегодно Лапшину приходилось видѣть въ числѣ слушателей прежнихъ своихъ по гимназіи учениковъ, изъ которыхъ теперь многіе съ успѣхомъ преподаютъ въ разныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а нѣкоторые, сдѣлавшись извѣстными въ ученомъ мірѣ, съ честью занимаютъ каѳедры въ университетахъ. Всѣ они унаслѣдовали отъ Григорія Ивановича добросовѣстное отношеніе къ дѣлу и безкорыстную любовь къ предмету, которому себя посвятили; всѣ сознаютъ, сколько обязаны уважаемому своему учителю, и никто изъ нихъ не устыдится сказать: si placet, tuum est.

Наконецъ, имя Лапшина тѣсно связано съ Александровскимъ лицеемъ, гдѣ онъ нѣсколько десятилѣтій былъ профессоромъ, пользовался, какъ и вездѣ, заслуженнымъ уваженіемъ и утвердилъ преподаваніе латинскаго языка на разумныхъ и прочныхъ основаніяхъ.

Библиотека "Руниверс"

Лишь за два года до своей кончины онъ прекратилъ свою дѣятельность въ этомъ заведеніи.

Два раза многочисленнымъ прежнимъ ученикамъ Лапшина представлялся случай публично заявить уваженіе и привязанность, которыя они постоянно питали къ дорогому своему учителю, именно въ 1873 и 1880 годахъ, во время юбилейныхъ актовъ 3-й и 1-й С.-Петербургскихъ гимназій, по поводу пятидесятилѣтняго существованія этихъ заведеній. Но однимъ изъ самыхъ счастливыхъ дней въ жизни Григорія Ивановича, который оставилъ глубокое и неизгладимое впечатлѣніе въ душѣ его, и о которомъ онъ потомъ неоднократно вспоминалъ съ живѣйшею благодарностью, было 30-го ноября 1875 г. Въ этотъ день, кромѣ многочисленныхъ бывшихъ учениковъ и сослуживцевъ, историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета въ полномъ своемъ составѣ и имѣя во главѣ декана своего, знаменитаго Измаила Ивановича Срезневскаго, явился въ скромную квартиру Григорія Ивановича для принесенія ему поздравленія съ благополучно окончившимся сороковымъ годомъ его полезной преподавательской дѣятельности. Этой лестной чести онъ удостоился не только за долговременное плодотворное свое служеніе, но и за рѣдкій во всѣхъ отношеніяхъ характеръ, въ которомъ даже и враги—если у Григорія Ивановича вообще были таковые—не могли бы отыскать серіозныхъ недостатковъ.

К. Нейлисовъ.

III.

А. К. Ярославцовъ.

7-го марта скончался, на 75-мъ году жизни, Андрей Константиновичъ Ярославцовъ, оставивъ о себѣ добрую память между своими друзьями, товарищами и почитателями. Его жизнь, исполненная труда и самоотреченія, найдетъ въ свое время надлежащую оцѣнку: мы же ограничимся здѣсь лишь краткимъ очеркомъ. Среднеучебный курсъ пройденъ былъ Ярославцовымъ въ Петропавловскомъ нѣмецкомъ училищѣ и въ тогдашнемъ высшемъ училищѣ (нынѣ 2-я гимназія). Юношу, познакомившагося съ произведеніями русскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ и съ ихъ біографіями, сильно потянуло въ университетъ. Отецъ его, по своему служебному положенію, имѣлъ возможность

Библиотека "Руниверс"

тогда же опредѣлить сына своего на службу и тѣмъ, еще при жизни своей, доставить ему вѣрный кусокъ хлѣба. Завязалась борьба между двумя существами, горячо любившими другъ друга, но смотрѣвшими неодинаково на этотъ первый шагъ. Свои задушевныя стремленія къ пріобрѣтенію высшаго образованія юноша высказалъ извѣстному въ то время духовному лицу и пріятелю своего отца, Григорію Ивановичу Мансветову, и попросилъ его подѣйствовать на отца въ желанномъ смыслѣ. Внимательно выслушавъ доводы юноши, Григорій Ивановичъ охотно обѣщалъ свое содѣйствіе, но замѣтилъ ему, что если онъ стремится къ образованію себя, то долженъ исправно слушать лекціи, и что, если будетъ по прежнему часто посѣщать вечеринки, то ничему не научится. Ходатайство Мансвѣтова передъ отцемъ имѣло успѣхъ. Вотъ, Андрей Константиновичъ въ университетѣ по юридическому факультету: какъ попалъ онъ въ этотъ именно факультетъ, когда всѣ вкусы его были именно литературные и музыкальные, ему и самому осталось неизвѣстнымъ. Учился онъ старательно, но приковался не къ юридическимъ наукамъ, а къ словеснымъ. Любимцемъ его между профессорами сталъ Александръ Васильевичъ Никитенко. Изъ товарищей, къ которымъ онъ привязался, на первомъ планѣ у него стоялъ П. П. Ершовъ, авторъ „Конька Горбунка“. Преданно, вполнѣ по дружески лелѣялъ Андрей Константиновичъ добрые замыслы Ершова, не только въ короткіе годы студенчества, но и въ продолженіе всей его жизни. Благородными эстетическими порывами жилъ и дышалъ тотъ небольшой кружокъ студентовъ тридцатыхъ годовъ, къ которому принадлежалъ Ярославцовъ. Находясь еще въ университетѣ, задумалъ онъ тему перваго своего литературнаго произведенія, написаннаго и обработаннаго имъ уже по окончаніи курса. Это—„Любовь музыканта“ романъ, вылившійся изъ молодой души, полной пыла и очарованія, едва-едва знакомившейся и то издалека съ разочарованіемъ. Въ первые годы по выходѣ Ярославцова изъ университета служба предоставляла ему свободу на всѣ послѣобѣденные часы: эта-то пора дня и была имъ посвящена всему, къ чему стремилась его молодая, пылкая душа: чтенію излюбленныхъ писателей, музыкѣ, собственнымъ литературнымъ опытамъ, бесѣдамъ съ товарищами, имѣвшими сходные съ нимъ вкусы. Но настало время самостоятельной и усиленной служебной дѣятельности, когда налегли на него тяжелые труды, сопряженные съ отвѣтственностью. Не легко было исполненіе служебныхъ обязанностей въ проходимыхъ имъ должностяхъ, каковы: секретаря совѣта въ здѣшнемъ университетѣ,

Библиотека "Руниверс"

секретаря цензурнаго комитета, цензора, правителя канцеляріи С.-Петербургскаго учебнаго округа. Всѣ обращавшіеся къ нему, какъ къ лицу служащему, очень хорошо помнятъ, съ какою теплотою относился онъ къ каждому, готовый подать наилучшій совѣтъ для облегченія дѣла, но безъ нарушенія установленныхъ правилъ. Нужно знать, что со смерти отца своего, то-есть, съ 1846 г., онъ взялъ на свое попеченіе сестеръ своихъ, и это побуждало его больше прежняго искать обезпечивающей службы. Тогда занятія литературой и музыкой, разумѣется, сократились, свиданія съ пріятелями стали рѣже и рѣже. Это не помѣшало однако Ярославцову выдержанно, хотя и урывками, возвращаться къ любимымъ занятіямъ и всею душой, по прежнему, принадлежать своимъ друзьямъ. Сокращая то, что мы имѣемъ сказать о немъ, мы остановимся на одной чертѣ его, какъ писателя. Онъ писалъ только о томъ, что его глубоко занимало. Человѣкъ очень впечатлительный, порывающійся къ возвышенному и изящному, онъ обыкновенно долго носилъ въ душѣ своей наполнявшую его идею, долго ее обдумывалъ и разработывалъ. Но издавъ свое произведеніе, онъ готовъ былъ стоять за каждую свою мысль, за каждый образъ, за каждое слово. Вотъ, Ярославцовъ хочетъ показать молодымъ людямъ, какова должна быть настоящая, глубокая критика эстетическихъ произведеній: онъ переводитъ статью Гёте о Тайной Вечери Леонардо да-Винчи. Но онъ желаетъ и самъ сообщить свой собственный опытъ художественнаго анализа: онъ пишетъ статью о Гамлетѣ Шекспира. Его поражаетъ страшная картина эпохи Грознаго, начертанная Карамзинымъ: онъ вчитывается все болѣе и болѣе въ Карамзина, переходитъ къ источникамъ, всматривается въ характеры и нравы, и плодомъ этого изученія является драма: „Владиміръ князь Старицкій“. Онъ разказывалъ съ благодарнымъ чувствомъ, что не могла бы выйдти въ свѣтъ эта драма, еслибъ исключительную отвѣтственность за ея пропускъ не взялъ на себя самъ тогдашній попечитель округа князь Г. А. Щербатовъ.

Выдержаннымъ, твердымъ, непреклоннымъ знали Ярославцова всѣ его пріятели, не въ одной области идеаловъ литературныхъ, но и въ области идеаловъ нравственныхъ. Долгъ своей передъ передъ отечествомъ, родными и друзьями исполнялъ онъ также неуклонно, какъ неуклонно служилъ своему призванію литературному. Передъ концомъ своей служебной дѣятельности Ярославцовъ, по собственному почину, отказывается отъ должности правителя канцеляріи учебнаго

Библиотека "Руниверс"

округа и мѣняетъ ее на должность корректора въ типографіи Втораго Отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи. Что побудило его къ такому переходу, противорѣчащему ходячимъ служебнымъ взглядамъ? На сколько намъ помнится, просто желаніе сложить съ себя, въ преклонныя лѣта, такую отвѣтственность, которая начинала превышать его силы. Однако, при новыхъ занятіяхъ, требовавшихъ большаго напряженія глазъ, зрѣніе его стало слабѣть. Онъ вышелъ въ отставку съ пенсіей. Остатки своего зрѣнія посвятилъ онъ жизнеописанію своего любимаго университетскаго товарища. Въ 1872 году издалъ онъ этотъ послѣдній трудъ свой подъ заглавіемъ: „Петръ Павловичъ Ершовъ, авторъ сказки: Конёкъ-Горбунокъ. Біографическія воспоминанія университетскаго его товарища А. К. Ярославцова". Въ томъ изображеніи Ершова, какое даетъ намъ Ярославцовъ, участвовали, съ одной стороны, нѣжная любовь къ другу, съ другой— постоянная, спокойная критика помысловъ, дѣйствій, произведеній изображаемаго лица. Кто пожелалъ бы понять Ярославцова въ его зрѣломъ возрастѣ, тотъ долженъ прочесть его біографію Ершова; прибавимъ, что лучше всего можно ознакомиться съ Ярославцовымъ въ его молодыя лѣта, по его роману: „Любовь музыканта". Въ біографіи Ершова и сочувствіе автора къ даровитому товарищу, и указаніе на его слабыя стороны, все приводитъ читателей къ нравственнымъ воззрѣніямъ самого Ярославцова, не только на Ершова и на нѣкоторыхъ ихъ современниковъ, но и на задачи жизни вообще, воззрѣніямъ строгимъ и послѣдовательнымъ. Въ жизни своей онъ былъ вѣренъ своимъ кореннымъ нравственнымъ убѣжденіямъ. Какъ жилъ, такъ и умеръ безропотно этотъ другъ правды и добра, перенося съ рѣдкимъ терпѣніемъ продолжительную болѣзнь, причинявшую ему жесточайшія муки. И въ послѣдніе дни своей жизни произнесъ онъ спокойно и безропотно: „Пора идти къ своимъ". Въ заключеніе скажемъ: Ярославцовъ былъ однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые силою воли не позволяютъ себѣ уклоняться отъ укоренившихся въ нихъ убѣжденій.

Г. Дестунисъ.

Библиотека "Руниверс"

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1883 ГОДУ.

Въ состоявшемся 4-го мая текущаго года общемъ годовомъ собраніи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества послѣдовало, согласно предложенію совѣта его, избраніе Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича въ почетные члены Общества. Въ томъ же засѣданіи избранъ былъ въ дѣйствительные члены Общества генералъ-маіоръ Н. Ѳ. Дубровинъ, извѣстный своими многочисленными военно-историческими трудами, а предсѣдателемъ Общества А. А. Половцовымъ прочитанъ былъ отчетъ о дѣятельности Общества въ минувшемъ году.

Какъ извѣстно, Общество посвящаетъ свои труды главнымъ образомъ изданію историческихъ документовъ. Уже въ обзорѣ дѣятельности Общества за 1882 годъ [1]) было сообщено, что оно приготовляетъ къ печати нѣсколько томовъ своего Сборника, съ документами различнаго содержанія, относящимися частію къ русской исторіи прошлаго и текущаго вѣковъ, частію къ дипломатическимъ сношеніямъ древней Россіи съ разными государствами. Изъ этого ряда томовъ нынѣ окончены печатаніемъ пять [2]). Содержаніе ихъ слѣдующее:

---

[1]) См. іюньскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за 1883 годъ.

[2]) Въ обзорѣ дѣятельности Историческаго Общества за 1882 годъ нѣкоторые томы, приготовляемые къ печати, означены не подъ тѣми нумерами, которые они получили нынѣ, и подъ которыми упоминаются въ настоящемъ обзорѣ.

Библиотека "Руниверс"

Томъ XXXIX-й заключаетъ въ себѣ начало донесеній англійскихъ дипломатовъ, состоявшихъ при русскомъ дворѣ въ прошломъ вѣкѣ, именно депеши Витворта, а также инструкціи и отвѣтныя депеши ему англійскаго правительства съ 1704 г. по 1708. Сюда же вошло нѣсколько депешъ Вейсброда, секретаря Витворта, остававшагося въ Россіи по отъѣздѣ самого посланника.

Томъ XL-й содержитъ въ себѣ донесенія французскаго посланника Кампредона и дипломатическаго агента Лави правительству своему, съ 1718 по 1722 годъ, а также записку старшаго чиновника французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ Ледрана, составленную, по порученію правительства въ 1726 году по предмету дипломатическихъ сношеній между Россіей и Франціей съ 1718 по 1722 годъ. Документы изъ французскихъ архивовъ касательно болѣе раннихъ дипломатическихъ сношеній между Россіей и Франціей были помѣщены въ XXXIV-мъ томѣ Сборника [1]). Инструкціи и предписанія французскаго правительства посланникамъ и дипломатическимъ агентамъ, находившимся при русскомъ дворѣ, не включены въ XL-й томъ потому, что ихъ намѣрена печатать французская архивная коммиссія въ предпринятомъ ею изданіи дипломатическихъ бумагъ, хранящихся преимущественно въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ. Печатаніе этихъ документовъ поручено члену-корреспонденту Русскаго Историческаго Общества Альфреду Рамбо. Но, какъ видно изъ отчета предсѣдателя французской коммиссіи, представленнаго министру иностранныхъ дѣлъ 15-го декабря 1882 года, она намѣрена принять въ основаніе своего изданія иныя правила, чѣмъ тѣ, коими руководствуется Русское Историческое Общество, а потому весьма вѣроятно, что Обществу придется перепечатать изданныя во Франціи инструкціи и предписанія, а сверхъ того, издать нѣкоторые подобные документы, которые не войдутъ въ изданіе французской коммиссіи.

XLI-й томъ Сборника составляетъ продолженіе изданія памятниковъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ азіатскими народами: Крымомъ, Казанью, Нагайцами и Турціей, за время великихъ князей Іоанна III и Василія Іоанновича. Томъ этотъ, заключающій въ себѣ документы конца XV вѣка, изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова.

Въ составъ XLII-го тома входятъ бумаги императрицы Екатерины

---

[1]) См. объ этомъ томѣ статью *А. Г. Брикнера* въ февральской и майской книжкахъ *Ж. М. Н. Пр.* за 1883 годъ.

Библиотека "Руниверс"

II, списанныя въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, подъ наблюденіемъ Я. К. Грота. Здѣсь помѣщены: 1) письма, рескрипты и записки императрицы Екатерины къ разнымъ лицамъ, съ 1789 года по день ея кончины; 2) письма и записки императрицы къ разнымъ лицамъ, или безъ обозначенія времени написанія, или относящіяся ко времени до 1789 года, но не вошедшія въ прежде изданные томы бумагъ императрицы Екатерины; письма и записки эти расположены въ алфавитномъ порядкѣ лицъ, коимъ они адресованы, а именно: графу А. А. Безбородку, графинѣ А. В. Браницкой, графу Брауну, Д. В. Волкову, князю А. А. Вяземскому, епископу Гедеону, князю А. М. Голицыну, Дицу, И. П. Елагину, П. А. Зубову, принцу де-Линю, С. М. Козьмину, великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, графу А. М. Дмитріеву-Мамонову, князю Г. Г. Орлову, цесаревичу Павлу Петровичу, П. С. Палласу, графу Н. И. Панину, В. С. Попову, князю Г. А. Потемкину, графу П. А. Румянцову, графу Н. И. Салтыкову, Сенявину, графу А. С. Строгонову, Д. П. Трощинскому, П. И. Турчанинову, Фальконету, Эку и графу Эльмпту; 3) разнаго рода записки и замѣтки императрицы, безъ обозначенія времени ихъ написанія. За печатаніемъ этого тома наблюдали Д. Ѳ. Кобеко и Г. Ѳ. Штендманъ.

XLIII-й томъ заключаетъ въ себѣ продолженіе изданія дѣлъ Екатерининской коммиссіи по составленію проекта новаго уложенія. Въ него вошли наказы, данные депутатамъ правительственными учрежденіями: правительствующимъ сенатомъ, святѣйшимъ синодомъ, коллегіями и другими государственными учрежденіями. Въ дополненіе къ наказу, данному депутату отъ святѣйшаго синода, митрополиту Новгородскому Димитрію, а за его смертью епископу Тверскому Гавріилу, напечатаны и мнѣнія или такъ-называемые „пункты“ Кіевскаго митрополита Арсенія и архіепископовъ Переяславскаго Гервасія и Черниговскаго Кирилла, присланные въ святѣйшій синодъ въ 1767 году. Томъ этотъ изданъ подъ наблюденіемъ В. И. Сергѣевича.

Кромѣ отпечатанныхъ уже томовъ, нѣсколько книгъ Сборника находится въ печати, или же приготовляется къ изданію. Содержаніе ихъ слѣдующее:

XLIV-й томъ будетъ заключать въ себѣ письма барона Мельхіора Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II на французскомъ языкѣ. Часть этихъ писемъ хранится въ государственномъ архивѣ, часть доставлена Обществу покойнымъ свѣтлѣйшимъ княземъ Воронцовымъ, и часть—Н. Р. Фурманомъ. При всей неполнотѣ собран-

Библиотека "Руниверс"

наго матеріала, эти письма Гримма должнѣ быть признаны весьма важнымъ и существеннымъ дополненіемъ къ напечатаннымъ подъ наблюденіемъ Я. К. Грота въ XXIII-мъ томѣ Сборника письмамъ императрицы Екатерины II къ Гримму. Вообще письма Гримма поясняютъ письма Императрицы и во многихъ случаяхъ проливаютъ свѣтъ на содержаніе всей переписки. Къ настоящему времени отпечатано 20 листовъ означеннаго тома, подъ наблюденіемъ Я. К. Грота.

XLV-й томъ будетъ заключать въ себѣ: а) планъ финансовъ Сперанскаго, б) росписи о государственныхъ приходахъ и расходахъ съ 1801 по 1825 годъ, то-есть, за время царствованія императора Александра I и в) краткія росписи о государственныхъ приходахъ и расходахъ съ 1797 по 1800 годъ. Томъ этотъ оконченъ печатаніемъ подъ наблюденіемъ А. Н. Куломзина.

XLVI-й томъ будетъ заключать въ себѣ продолженіе донесеній австрійскаго посла графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи-Терезіи и государственному канцлеру Кауницу-Ритбергу. Первая часть этихъ донесеній была уже издана въ XXIII-мъ томѣ Сборника. Въ XLVI-й томъ войдетъ переписка Мерси за время со 2-го іюля 1762 по осень 1763 года. Въ томъ этотъ, издаваемый подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана, войдутъ и донесенія графа Мерси за послѣдніе мѣсяцы царствованія императрицы Елисаветы то-есть, со времени пріѣзда Мерси въ Россію. Въ настоящее время эти депеши Мерси доставлены Обществу съ разрѣшенія директора вѣнскаго государственнаго архива Арнета и при содѣйствіи русскаго консула въ Вѣнѣ Губастова.

XLVII-й томъ будетъ содержать въ себѣ продолженіе изданія донесеній нидерландскихъ дипломатическихъ агентовъ и посланниковъ, сообщенныхъ изъ государственнаго нидерландскаго архива. Въ печатаемомъ теперь томѣ будетъ помѣщенъ отчетъ посланниковъ Альберта Бурха и Ивана фанъ-Фельтриля о ихъ посольствѣ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, 1630 и 1631 годовъ, представленный генеральнымъ штатамъ 19-го января 1632 года. За печатаніемъ этого тома наблюдаютъ Г. Ѳ. Штендманъ и И. М. Болдаковъ.

XLVIII-й томъ будетъ содержать въ себѣ переписку императрицы Екатерины II по внѣшнимъ дѣламъ, а также и ея личную переписку съ современными ей царственными особами. Труды по изданію политической переписки императрицы Екатерины II были возложены на барона Ѳ. А. Бюлера, при содѣйствіи В. А. Ульяницкаго. Собранные ими въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ

Библиотека "Руниверс"

документы были представлены на разсмотрѣніе совѣта Общества, который призналъ нужнымъ дополнить ихъ документами, хранящимися въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и перепискою императрицы Екатерины II съ посломъ ея въ Варшавѣ графомъ Кейзерлингомъ, 1762 и слѣдующихъ годовъ. Письма императрицы Екатерины II къ графу Кейзерлингу, съ разрѣшенія министра иностранныхъ дѣлъ, были сообщены Обществу директоромъ государственнаго архива, барономъ Стуартомъ и препровождены, съ переводомъ на русскій языкъ, барону Ѳ. А. Бюлеру, для присоединенія къ печатаемому имъ тому политической переписки императрицы Екатерины II.

Собираніе историческихъ матеріаловъ для дальнѣйшаго изданія Обществомъ продолжается по возможности успѣшно.

Съ назначеніемъ совѣтника русскаго посольства въ Лондонѣ А. П. Давыдова на постъ посланника въ Японію, работы въ лондонскомъ архивѣ принялъ на себя, по просьбѣ Общества, русскій военный агентъ, генералъ-маіоръ Ланцъ. Съ разрѣшенія директора Public Record Office Альфреда Кингстона, генераломъ Ланцомъ, уже въ текущемъ году, доставлены были копіи съ донесеній посла графа Гинтфорта и дипломатическаго агента подполковника Мельхіора Гой-Дикенса графу Честерфильду и герцогу Ньюкестльскому, а также инструкціи, данныя имъ королемъ Георгомъ II, и предписанія герцога послу лорду Гинтфорту и Дикенсу за 1748, 1749 и 1750 гг. Копіи же съ документовъ, относящихся до предшествующихъ годовъ, уже были доставлены Обществу А. П. Давыдовымъ.

Въ архивѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, подъ личнымъ наблюденіемъ председателя Общества, продолжались работы по выбору и провѣркѣ копій съ донесеній французскихъ посланниковъ, бывшихъ при русскомъ дворѣ. Нынѣ закончено собраніе матеріаловъ за время царствованія императрицы Елисаветы Петровны по конецъ 1759 года. Кромѣ того, французскимъ правительствомъ доставлены копіи трехъ разрядовъ бумагъ: вопервыхъ, съ бумагъ о переговорахъ, происходившихъ въ Голландіи между царемъ Петромъ I и королемъ Людовикомъ XV, въ 1716 и 1717 гг., при посредствѣ маркиза Шатонефа и закончившихся договоромъ, заключеннымъ въ Амстердамѣ, 4-го—15-го августа 1717 года; вовторыхъ, копіи съ бумагъ: а) о переговорахъ, введенныхъ графомъ де-Ламаркомъ, уполномоченнымъ Французскаго короля въ Швеціи, для возстановленія мира на сѣверѣ Европы, въ 1717 и 1719 гг.; б) объ Аландскихъ переговорахъ и о происках

Библиотека "Руниверс"

барона Герца; в) о противодѣйствіи императора Карла VI планамъ Петра I и о созваніи для этой цѣли конгресса въ Брауншвейгѣ, и г) о политикѣ Швеціи послѣ смерти короля Карла XII; вътретьихъ, копіи съ бумагъ: а) о дипломатическихъ переговорахъ Кампредона въ Стокгольмѣ, 1719, 1720 и 1721 гг., уясняющія пониманіе общаго хода переговоровъ о возстановленіи мира между группою сѣверныхъ государствъ; б) о миссіи А. И. Остермана въ Швеціи, въ іюлѣ 1719 г.; в) о прекращеніи Аландскихъ переговоровъ, въ сентябрѣ 1719 года; г) о прямомъ участіи Кампредона въ примиреніи Петра I со Швеціей; д) о дѣйствіяхъ англійскаго флота въ Балтійскомъ морѣ, въ 1720 г.; е) о загадочномъ путешествіи графа Спарра къ европейскимъ дворамъ, 1719 и 1720 гг., для развѣдыванія настоящихъ намѣреній дворовъ и ихъ политики, по отношенію къ Швеціи и къ Россіи; ж) о субсидіяхъ, выданныхъ Франціей Швеціи, съ цѣлію противодѣйствія планамъ Петра I; з) о герцогѣ Голштинскомъ и о намѣреніяхъ царя Петра I въ отношеніи къ нему; и) о миссіи А. П. Румянцова въ Стокгольмъ, въ сентябрѣ и октябрѣ 1720 года; і) о миссіи Кампредона въ С.-Петербургѣ, въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ 1721 года; к) о переговорахъ въ Нейштадтѣ и затрудненіяхъ со стороны императора Карла VI, которыя кончились Нейштадтскимъ миромъ, 30-го августа (10-го сентября) 1721 года; л) о вторичномъ посольствѣ Кампредона въ С.-Петербургъ, въ октябрѣ 1721 года, для заключенія союза между Россіей, Франціей и Швеціей.

Въ вѣнскомъ архивѣ, при содѣйствіи нашего посла въ Вѣнѣ, князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, директора архива Арнета и консула Губастова, продолжается съ успѣхомъ собираніе матеріаловъ, касающихся дипломатическихъ сношеній Россіи съ Австріей, съ конца 1779 года. Въ настоящее время доставлены Обществу копіи съ документовъ, относящихся до посольства графа Кауница, сына канцлера, за 1779 и 1780 гг.

Въ неаполитанскомъ архивѣ, благодаря содѣйствію товарища министра иностранныхъ дѣлъ, генерала Влангали, также продолжаются работы по собиранію дипломатической корреспонденціи неаполитанскихъ посланниковъ въ Россіи. Доставлены обществу копіи съ донесеній герцога Серра-Капріола маркизу Чирчелло съ 1807 по 1809 годъ включительно.

Кромѣ поступленія документовъ изъ офиціальныхъ источниковъ, русскихъ и иностранныхъ, любопытные историческіе матеріалы получены Обществомъ и отъ частныхъ лицъ. Такъ, княгиня С. А. Щербатова

Библиотека "Руниверс"

доставила подлинную переписку графа Н. И. Панина съ графомъ П. А. Румянцовымъ съ 1770 по 1779 г. Документы эти уже напечатаны въ VI-мъ и IX-мъ томахъ Сборника Общества и въ Русскомъ Архивѣ 1878 и 1882 гг. Н. Ѳ. Дубровинъ предложилъ напечатать отдѣльнымъ томомъ, подъ его наблюденіемъ, бумаги, относящіяся до военныхъ событій и политическихъ сношеній за вторую половину царствованія императрицы Екатерины II, а именно: а) донесенія Я. И. Булгакова, послѣ 1783 года; б) донесенія его же изъ Варшавы, за 1792 годъ; в) письма князя П. А. Зубова о польскихъ дѣлахъ, за 1793 и 1793 и 1795 годы; г) бумаги, относящіяся до возстанія въ Польшѣ, за 1794 годъ. Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій сообщилъ копіи съ писемъ министровъ народнаго просвѣщенія — графа А. К. Разумовскаго императору Александру I, отъ 23-го января 1813 г., о Виленскомъ университетѣ, и А. С. Шишкова императору Николаю I, отъ 15-го января 1826 года, о Поповѣ, и кромѣ того, изъявилъ готовность напечатать, подъ наблюденіемъ своимъ, особый томъ Сборника, въ составъ котораго войдутъ преимущественно документы о заграничномъ путешествіи великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Ѳеодоровны, а именно: письма ихъ изъ путешествія къ императрицѣ Екатеринѣ, донесенія ей же отъ гр. Н. И. Салтыкова, сопровождавшаго высокихъ путешественниковъ, донесенія объ этомъ путешествіи русскихъ дипломатическихъ агентовъ въ Вѣнѣ, Парижѣ и Италіи; записка, составленная агентомъ Венеціанской республики, о пребываніи графа и графини Сѣверныхъ въ Венеціи, и переписка великой княгини Маріи Ѳеодоровны съ баронессой Оберкирхъ.

Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Историческое Общество задумало составить біографическій словарь русскихъ историческихъ дѣятелей. Приготовительныя работы къ этому труду идутъ успѣшно, и въ настоящее время составлены списки лицъ, имѣющихъ войдти въ словарь. Списки эти будутъ напечатаны въ текущемъ году.

По прочтеніи, въ засѣданіи 4-го мая, отчета, изъ коего здѣсь представлено извлеченіе, а также доклада коммиссіи, ревизовавшей кассу Общества, Я. К. Гротъ прочелъ составленный имъ очеркъ исторіи такъ-называемой Анъялской конфедераціи, военнаго заговора финской арміи противъ Густава III, во время Шведской войны 1788 года. Извѣстно, что въ лагерѣ на пограничной рѣкѣ Кюмени, близъ мысы Анъялы, многіе изъ финляндскихъ военачальниковъ, находя, что король противозаконно безъ согласія сейма предпринялъ насту-

Библиотека "Руниверс"

пательную войну противъ Россіи, отказались отъ продолженія военныхъ дѣйствій, составили декларацію, въ которой требовали заключенія мира и созванія сейма, и вступили съ этою цѣлью въ переговоры съ императрицею Екатериною. Нѣкоторые изъ конфедератовъ замышляли, кромѣ того, отторгнуть Финляндію отъ Швеціи и объявить ее независимою подъ покровительствомъ Россіи. Эту мысль поддерживалъ особенно Шведъ Спренгтпортенъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ перешедшій въ русскую службу и исполнявшій теперь роль посредника между императрицей и конфедератами. Въ составъ чтенія вошло, между прочимъ, письмо Екатерины II къ Спренгтпортену, хранящееся въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ и сообщенное покойнымъ А. Е. Викторовымъ профессору Лундскаго университета Однеру. Изъ этого любопытнаго письма видно, что императрица, введенная въ заблужденіе Спренгтпортеномъ, считала главною задачею конфедератовъ отторженіе Финляндіи отъ Швеціи, тогда какъ большинство ихъ вовсе не имѣло этого въ виду, и что это недоразумѣніе много способствовало неудачному исходу ихъ дѣла, такъ какъ распространившійся о такомъ преступномъ замыслѣ слухъ возстановилъ противъ нихъ всю націю, и королю легко было справиться съ виновными.

Библиотека "Руниверс"

ИМПЕРАТОРСКОЕ МОСКОВСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1883 ГОДУ.

Въ минувшемъ году, въ составѣ Московскаго Археологическаго Общества произошли слѣдующія перемѣны: товарищемъ предсѣдателя, на мѣсто умершаго К. К. Гёрца, избранъ былъ В. Е. Румянцовъ, секретаремъ—И. Д. Мансветовъ, товарищемъ секретаря—Д. Н. Анучинъ, а библіотекаремъ и хранителемъ музея В. И. Сизовъ. Членами редакціоннаго комитета, кромѣ предсѣдателя и секретаря, состояли В. Е. Румянцовъ, Д. Н. Анучинъ и В. Ѳ. Миллеръ. Такимъ образомъ, за исключеніемъ предсѣдателя, бюро Общества явилось въ новомъ составѣ. Съ конца октября обязанности предсѣдателя, за отъѣздомъ графа А. С. Уварова за границу, исполняетъ В. Е. Румянцовъ. Вновь избраны были въ дѣйствительные члены: преосвященный Ѳеогностъ, архіепископъ Владимірскій, И. А. Голышевъ и А. В. Орѣшниковъ, въ члены-корреспонденты—И. В. Барщевскій, Д. А. Булатовъ, А. Л. Крыловъ, М. В. Малаховъ, В. И. Мансветовъ, М. В. Никольскій, О. В. Остроумовъ, князь П. А. Путятинъ, В. К. Попандопуло и И. А. Шляковъ. Такимъ образомъ, личный составъ Общества увеличился одиннадцатью новыми членами. За то изъ состава выбыло трое, скончавшихся въ теченіе отчетнаго года, а именно: А. Е. Викторовъ, Н. Н. Мурзакевичъ и Н. П. Розоновъ.

Въ минувшемъ году Общество имѣло 11 засѣданій, изъ которыхъ одно было соединенное съ Обществомъ исторіи и древностей россійскихъ 4-го декабря и состоялось въ годовщину трехсотлѣтія со дня смерти перваго московскаго книгопечатника, діакона Ивана Ѳедоровича. Какъ и предшествующіе годы, на засѣданіяхъ Общества члены сообщали результаты своихъ занятій по разнымъ вопросамъ архео-

Библиотека "Руниверс"

логіи; главнымъ же образомъ дѣятельность Общества сосредоточивалась на изслѣдованіи кургановъ и городищъ и на охраненіи памятниковъ нашей старинной архитектуры.

Графъ А. С. Уваровъ совмѣстно съ В. И. Сизовымъ занимался изслѣдованіемъ кургановъ въ Смоленской губерніи. Эти раскопки составляли продолженіе той работы, которая была намѣчена еще въ 1882 году, и для производства которой г. Сизовъ былъ командированъ въ Смоленскую губернію. Изслѣдованія графа Уварова, подтвердивъ прежде добытыя свѣдѣнія, доставили нѣсколько новыхъ данныхъ для знакомства съ погребальными обрядами древнихъ населниковъ этого края, а нахожденіе въ могилахъ горшковъ съ пепломъ и костями покойниковъ дало графу Уварову поводъ сблизить этотъ фактъ съ извѣстіемъ нашей лѣтописи о погребальныхъ обрядахъ Кривичей, которые ставили „на столпѣхъ судину“ съ прахомъ сожженнаго покойника.

По порученію Общества, В. И. Сизовъ производилъ развѣдки на Дону, съ цѣлью отысканія слѣдовъ хазарскаго города Саркела. Близъ станицы Цымлянской, въ городищѣ, слывущемъ подъ именемъ Буй-города, г. Сизову удалось открыть остатки древней стѣны и кирпичную кладку какого-то древняго зданія. Найденные на этомъ городищѣ кирпичи съ клеймами, остатки посуды и металлическихъ украшеній и куски мозаики обнаружили присутствіе древняго поселенія. Сближеніе этого пункта съ извѣстіями византійскихъ писателей о мѣстоположеніи Саркела, восточный характеръ нѣкоторыхъ изъ найденныхъ вещей и сходство клеймъ съ византійскими и еврейскими знаками привели изслѣдователя къ предположенію о существованіи на этомъ именно мѣстѣ Саркела. Рефератъ г. Сизова, въ виду важности затронутаго въ немъ вопроса, возбудилъ особенный интересъ и вызвалъ замѣчанія со стороны Д. И. Иловайскаго и записку Н. П. Горожанскаго относительно топографіи Саркела.

А. И. Кельсіевъ, по порученію Общества, занимался раскопкою кургановъ близъ села Митина, Московскаго уѣзда, въ сосѣдствѣ съ историческимъ селомъ Тушинымъ. Раскопки констатировали существованіе на этомъ мѣстѣ древняго кладбища и дали нѣсколько весьма любопытныхъ находокъ для знакомства съ бытомъ и погребальными обычаями курганнаго племени Московской губерніи. По поводу этихъ находокъ г. Кельсіевъ сдѣлалъ очеркъ теперешняго положенія вопроса о курганахъ Московской губерніи и изложилъ результаты, къ которымъ приводятъ сдѣланныя въ этомъ отношеніи работы.

Библиотека "Руниверс"

Изслѣдованія В. Ѳ. Миллера на Кавказѣ имѣли главнымъ образомъ этнографическую цѣль и были посвящены изученію преданій, языка и быта мелкихъ горскихъ племенъ Кабарды. Кромѣ того, г. Миллеръ произвелъ нѣсколько раскопокъ въ тамошнихъ могильникахъ. Найденныя въ нихъ вещи по своему матеріалу и формѣ напоминаютъ предметы, добытые въ могильникахъ Гальяты и Комунты. Нѣкоторыя изъ нихъ указываютъ на сношенія мѣстныхъ жителей съ Пантикапеей, а время ихъ происхожденія можно опредѣлить по найденнымъ монетамъ, которыя относятся къ VII вѣку по Р. Х. По мнѣнію г. Миллера, обитатели этой мѣстности принадлежали къ Аланамъ.

Крестьянинъ П. Д. Дружкинъ сообщилъ записку о произведенной имъ раскопкѣ кургановъ близъ села Тфюшева, въ Нижегородскомъ уѣздѣ. Д. Н. Анучинъ познакомилъ Общество съ содержаніемъ этой любопытной записки и разъяснилъ значеніе сообщенныхъ въ ней фактовъ для сужденія о бытѣ и похоронныхъ обрядахъ Мордвы.

Кромѣ того, г. Анучинъ сообщилъ о результатахъ послѣднихъ изслѣдованій по первобытной археологіи Кавказа и разъяснилъ значеніе бронзовыхъ украшеній, найденныхъ профессоромъ Антоновичемъ въ курганахъ близъ города Борзны Черниговской губерніи, гдѣ онъ производилъ раскопки по порученію Русскаго историческаго музея.

Князь П. А. Путятинъ доставилъ записку о своихъ раскопкахъ близъ озера Бологого; Н. А. Константиновичъ — о находкѣ скелета съ металлическими украшеніями въ могилѣ близъ церкви св. Бориса и Глѣба въ Черниговѣ; И. А. Голышевъ — свѣдѣнія о находкѣ остатковъ отъ стариннаго оружія и конской сбруи на холмѣ Стекло близъ слободы Хо̀луя, Вязниковскаго уѣзда Владимірской губерніи. По его мнѣнію, на этомъ мѣстѣ въ Смутное время происходила стычка между мѣстными ополченцами и польскими войсками. И. Д. Черскій сообщилъ о находкѣ трехъ каменныхъ орудій неолитической эпохи, въ Сибири, на рѣкѣ Тунгускѣ; графъ Уваровъ — о слѣдахъ жилья обитателей каменнаго періода близъ Тюмени и представилъ отзывъ о сочиненіи члена Общества доктора Шварца (въ Нейштетинѣ): „Prähistorische archäologische Studien“.

Сборникъ свѣдѣній о каменныхъ бабахъ, начало которому было положено въ 1881 году, въ отчетномъ году увеличился сообщеніями Харьковскаго статистическаго комитета и сотника г. Хлыновскаго. Харьковскій комитетъ доставилъ въ Общество описаніе каменныхъ бабъ, находящихся въ Изюмскомъ и Старобѣльскомъ уѣздахъ, а г. Хлы-

Библиотека "Руниверс"

новскій—семь рисунковъ этихъ изваяній, находящихся въ Семирѣченской области, близъ города Вѣрнаго.

Дѣятельность коммиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ нашей церковной и гражданской архитектуры состояла, какъ и прежде, въ наблюденіи за ихъ сохранностью и возстановленіемъ. Отзываясь главнымъ образомъ на тѣ заявленія, съ которыми обращались въ Общество причты и строители въ случаяхъ передѣлки и реставраціи древнихъ зданій, Общество нерѣдко и само принимало починъ въ этомъ дѣлѣ, при участіи своихъ членовъ. Оно обращало вниманіе, кого слѣдуетъ, на памятники старины, нуждавшіеся въ поддержкѣ и огражденіи, вызывало любителей старины на раціональное ихъ возстановленіе и поручало уполномоченнымъ лицамъ завѣдываніе этимъ дѣломъ. Такъ, коммиссія дала заключеніе относительно передѣлокъ и исправленій въ слѣдующихъ церквахъ Московской губерніи: Никольской въ селѣ Вяземахъ (Звенигородскаго уѣзда), въ селѣ Рождественѣ (Серпуховскаго уѣзда), Волынскомъ Алексѣевскомъ (Московскаго уѣзда), Ситновѣ и Подлипечьѣ, въ церкви Константина и Елены въ Новоіерусалимскомъ монастырѣ, а также въ Спасской церкви при Тульскомъ оружейномъ заводѣ и въ Василіекесарійской, апостола Іакова и Владимірской въ Садовникахъ, въ самой Москвѣ.

Съ болѣе замѣчательныхъ памятниковъ нашей старинной архитектуры были снимаемы планы, фасады и чертежи деталей. Эти рисунки, поступая въ библіотеку Общества, положили начало архитектурному альбому, изъ котораго со временемъ можетъ составиться сборникъ снимковъ съ нашихъ старинныхъ, преимущественно сельскихъ церквей, оставшихся до сихъ поръ мало кому извѣстными. Въ случаяхъ, требовавшихъ ближайшаго ознакомленія, нѣкоторые члены коммиссіи отправлялись для осмотра, на мѣстѣ, болѣе замѣчательныхъ церквей, предполагаемыхъ къ передѣлкѣ, и сообщали свои заключенія Обществу. Такъ К. М. Быковскій ѣздилъ для осмотра Преображенской церкви въ селѣ Михневѣ, В. Е. Румянцовъ и И. Д. Мансветовъ—Воскресенской въ селѣ Битяговѣ, Н. В. Никитинъ, К. М. Быковскій и И. Д. Мансветовъ — Звенигородскаго собора и Никольской церкви въ селѣ Вяземахъ.

И. У. Палимпсестовъ обратилъ вниманіе Общества на опасность, угрожающую древнимъ церквамъ селъ Коломенскаго и Дьякова отъ грунтовыхъ и рѣчныхъ водъ. Для провѣрки этого заявленія была назначена коммиссія подъ предсѣдательствомъ Н. В. Никитина, въ которой принялъ авторитетное участіе и покойный Гр. Еф. Щуров-

Библиотека "Руниверс"

скій. Согласившись съ замѣчаніями г. Палимпсестова, коммиссія представила Обществу соображенія о мѣрахъ къ устраненію угрожающей опасности; Общество и препроводило эти замѣчанія для зависящихъ распоряженій, въ дворцовую контору, въ вѣдомствѣ которой находятся церкви села Коломенскаго.

По приглашенію Московскаго архитектурнаго общества коммиссія изъ членовъ Московскаго Археологическаго Общества участвовала въ обсужденіи вопроса о способѣ возстановленія древнихъ стѣнъ Коломенскаго кремля, возобновляемыхъ съ Высочайшаго разрѣшенія на казенныя средства.

По случаю стройки, производившейся на Ильинкѣ, во дворѣ дома Хлудова, А. П. Поповъ сдѣлалъ осмотръ открывшейся стѣны Воскресенскаго подворья и срисовалъ обнаружившіяся на ней старинныя окна. Онъ же произвелъ осмотръ церкви Николая Чудотворца, что въ Мясникахъ, сообщилъ свѣдѣнія объ особенностяхъ ея стиля и о сохранившихся въ теперешней постройкѣ остаткахъ старинной архитектуры.

Графъ А. С. Уваровъ, во время своихъ археологическихъ работъ въ Смоленскомъ уѣздѣ, изслѣдовалъ фундаментъ и остатки стѣны Борисоглѣбской церкви, построенной на мѣстѣ убіенія св. Глѣба на р. Смядинѣ и разрушенной Поляками въ 1608 г. Имъ снятъ былъ планъ и произведенъ обмѣръ сохранившихся стѣнъ этого зданія.

Къ числу отрадныхъ явленій, имѣвшихъ мѣсто въ прошедшемъ году, нельзя не отмѣтить еще слѣдующихъ фактовъ: По иниціативѣ А. К. Жизневскаго, возстановлена деревянная церковь 1653 г. въ г. Торжкѣ на средства мѣстнаго старосты г. Кузмина; окончена реставрація Московской церкви св. Харитонія въ Огородникахъ; возстановлена Бѣлая Палата въ Ростовскомъ кремлѣ, и 28-го октября 1883 года совершилось ея открытіе въ присутствіи представителей отъ Московскаго Археологическаго Общества и другихъ учрежденій. В. Е. Румянцовъ, въ одномъ изъ засѣданій Общества, сообщилъ свѣдѣнія о первоначальномъ устройствѣ этой палаты, о строителѣ ея Ростовскомъ митрополитѣ Іонѣ Сысоевичѣ и о работахъ по возобновленію этого зданія.

Начавшіяся въ 1882 г., работы по возобновленію древней стѣнописи Владимірскаго Успенскаго собора продолжались и въ минувшемъ и нынѣ уже близки къ окончанію. Древняя живопись возстановлена въ первоначальномъ видѣ, а фрески, не сохранившіяся или поврежденныя, воспроизведены по образцамъ древней стѣнописи въ

Библиотека "Руниверс"

Староладожской и Спасо-Нередицкой церквахъ. Мѣстная коммиссія, завѣдующая реставраціей, сносилась съ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ по вопросамъ, требовавшимъ разъясненія, и получала нужныя указанія.

Приступлено къ возобновленію церкви въ селѣ Микулинѣ-Городищѣ, построенной въ концѣ XIV в. Тверскимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ и освященной преподобнымъ Арсеніемъ Тверскимъ.

Изъ сообщеній и статей по другимъ отдѣламъ археологіи поступили въ распоряженіе Общества и были доложены слѣдующія: А. В. Орѣшниковъ сообщилъ: 1) о происхожденіи бронзовой статуэтки Вакха, находящейся въ Голицынскомъ музеѣ; статуэтку эту референтъ, вопреки мнѣнію, высказанному Ленорманомъ, признаетъ за произведеніе римское, сдѣланное съ оригинала Праксителевой школы; 2) объясненіе нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ босфорской исторіи на основаніи главнымъ образомъ данныхъ нумизматическихъ.

А. П. Подшиваловъ сообщилъ объ уродливыхъ терракоттовыхъ статуэткахъ изъ керченскихъ катакомбъ; на основаніи наблюденій надъ этими предметами керамики, авторъ приходитъ къ заключенію, что онѣ не греческаго происхожденія и не могутъ быть считаемы игрушками или маріонетками.

Дальнѣйшія разъясненія по тому же вопросу были изложены С. А. Усовымъ въ особомъ рефератѣ, при чемъ референтъ поставилъ эти статуэтки въ связь съ культомъ геніевъ—покровителей умершаго и видитъ въ этихъ статуэткахъ грубое изображеніе Геркулеса, Цереры и Ларовъ.

В. М. Михайловскій сообщилъ объ открытіи Серапеума близъ Александріи, сдѣланномъ въ 1850 г. Маріеттомъ, и познакомилъ съ археологическими находками, добытыми при раскопкѣ этого замѣчательнаго храма.

Баронъ Ѳ. А. Бюлеръ представилъ неизвѣстныя доселѣ свѣдѣнія о Бахчисараѣ по запискѣ Манштейна, находящейся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

С. А. Усовъ сдѣлалъ сообщеніе о миніатюрахъ сирійскаго Евангелія Равулы, охарактеризовалъ стиль этихъ изображеній, объяснилъ ихъ содержаніе и представилъ новыя объясненія относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ.

А. С. Павловъ, въ своемъ рефератѣ о византійскомъ земледѣльческомъ законѣ, объяснилъ происхожденіе этого юридическаго па-

Библиотека "Руниверс"

мятника, далъ оцѣнку его печатныхъ изданій и отнесъ происхожденіе его славянскаго перевода къ началу XIV в., связавъ этотъ трудъ съ именемъ Ивана Калиты и митрополита Петра.

Архимандритъ Амфилохій, въ своемъ рефератѣ о подложности глаголическихъ отрывковъ такъ-называемаго Реймскаго Евангелія, доказывалъ неподлинность этого памятника употребленіемъ въ немъ искаженныхъ глаголическихъ буквъ и правописанія; происхожденіе глаголическаго алфавита о. архимандритъ выводитъ изъ алфавитовъ греческаго, еврейскаго (5 буквъ) и латинскаго (1 буква), съ прибавкою трехъ буквъ изъ кириллицы.

В. О. Ключевскій представилъ замѣтки о хлѣбной мѣрѣ въ древней Руси.

По печатанію Трудовъ Общества въ отчетномъ году сдѣлано слѣдующее: а) изданы 2-й и 3-й выпускъ IX-го тома Древностей, въ количествѣ свыше 40 листовъ, съ 4 таблицами и 8 политипажами въ текстѣ; б) приступлено къ печатанію I-го выпуска X-го тома; в) согласно состоявшемуся въ 1882 году постановленію, протоколы засѣданій Общества печатались отдѣльно для разсылки ихъ всѣмъ членамъ; такимъ образомъ отпечатано и разослано 8 листовъ протоколовъ за 1883 годъ. Обнародованіе матеріаловъ для археологическаго словаря было пріостановлено за изданіемъ почти всѣхъ имѣвшихся въ распоряженіи Общества статей этого рода (остаются не напечатанными только три статьи, поступившія въ 1883 году отъ Д. И. Прозоровскаго и В. Г. Тизенгаузена, именно—объясненія словъ ляхъ, дио и кустъ).

Библіотека и музей Общества въ отчетномъ году обогатились нѣсколькими интересными и цѣнными пріобрѣтеніями. Главныя пріобрѣтенія музея составились изъ предметовъ, найденныхъ при раскопкахъ, веденныхъ по порученію Общества, а также изъ пожертвованій, сдѣланныхъ членами его и нѣкоторыми посторонними любителями древностей. Такъ, въ 1883 г. въ музей Общества поступили: вещи, найденныя г. Сизовымъ въ городищѣ близъ Цимлянской станицы (въ количествѣ 97), и г. Кельсіевымъ—въ курганахъ деревни Митиной (58); г. Соловьевымъ, изъ Казани, присланы въ даръ Обществу 26 экземпляровъ мѣдныхъ джучидскихъ монетъ, найденныхъ на мѣстѣ древнихъ Болгаръ, нѣсколько бусъ, обломковъ посуды, бронзовое кольцо и еще нѣсколько предметовъ неизвѣстнаго назначенія; г. Голышевымъ доставлено 35 предметовъ, изъ которыхъ 10 фрагментовъ отъ конской сбруи и оружія, найденныхъ близъ

Библиотека "Руниверс"

слободы Хо̀луя; г. Цѣхановскимъ—6 предметовъ изъ кургановъ Лепельскаго уѣзда, Витебской губерніи; г. Сафоновымъ—2 принадлежности старинной сбруи, найденныя близъ слободы Хо̀луя. Кромѣ того, Обществомъ пріобрѣтены покупкою отъ крестьянки деревни Доброй, Юхновскаго уѣзда, Смоленской губерніи Аграфены Ѳедотовой, найденныя ею три древнія серебряныя шейныя гривны.

Библиотека "Руниверс"

ГРАМОТНОСТЬ ВЪ РИГѢ.

Въ трехъ Прибалтійскихъ губерніяхъ—Лифляндской, Курляндской и Эстляндской—была произведена повсемѣстно 29-го декабря 1881 г. однодневная перепись населенія, какъ городскаго, такъ и сельскаго. Результаты этой переписи еще разрабатываются въ губернскихъ статистическихъ комитетахъ и едва ли въ скоромъ времени могутъ появиться въ свѣтъ вслѣдствіе сложности и обширности работы по сведенію огромнаго матеріала, полученнаго переписью. Въ настоящее время, однако, уже появились результаты этой переписи, сведенные и обработанные для городовъ Лифляндской губерніи: Риги, Шлокъ (посада), Лемзаля, Вольмара, Вендена, Валка, Дерпта, Верро, Пернова, Феллина и Аренсбурга. Трудъ этотъ выполнили секретари рижской статистической коммиссіи, гг. Юнгъ-Штиллингъ и Андерсъ, съ большою тщательностію, и составленные ими таблицы и своды даютъ массу любопытныхъ и точныхъ данныхъ о городскихъ населеніяхъ Лифляндской губерніи. Изъ этихъ таблицъ и сводовъ, вышедшихъ въ 3-хъ выпускахъ въ концѣ прошлаго года подъ общимъ заглавіемъ: „Ergebnisse der baltischen Volkszählung vom 29 December 1881", заимствуемъ данныя о степени грамотности среди рижскаго населенія.

Однодневная перепись, произведенная 29-го декабря 1881 г., была второю по порядку: первая состоялась въ 1867 г. Переписью этою распоряжалась рижская статистическая коммиссія, и справедливость требуетъ сказать, что и распоряжалась, и вела свое дѣло весьма искусно и толково, стараясь всячески избѣгнуть недостатковъ первой переписи. За нѣсколько мѣсяцевъ до переписи, статистическая коммиссія приложила стараніе разъяснить простому народу, что пред-

Библиотека "Руниверс"

стоящее счисленіе не имѣетъ никакой связи ни съ воинскою повинностію, ни съ какими-либо податями или сборами или паспортами, что предстоящая перепись имѣетъ лишь въ виду опредѣлить точную цифру населенія Риги, знать же эту цифру и распредѣленіе населенія по роду и племени, по вѣрѣ и занятіямъ и пр. совершенно необходимо для рижскаго общественнаго управленія. Затѣмъ коммиссія, распредѣливъ городъ на мелкіе участки и ввѣривъ счетъ по каждому участку особымъ счетчикамъ, недостатка въ которыхъ не было, ибо масса свѣдущихъ людей предложила свои услуги коммиссіи, озаботилась выяснить счетчикамъ, какъ поступать, чтобы получаемые при счисленіи отвѣты на предложенные въ счетныхъ карточкахъ вопросы были ясны и опредѣленны. Подготовивъ такимъ образомъ счетчиковъ, коммиссія назначила день переписи и обратилась съ просьбою ко всему населенію, чтобъ утромъ въ назначенный день, съ 6 до 8 часовъ, жители не оставляли по возможности своихъ квартиръ и дали бы отвѣты на вопросы, которые предложитъ счетчикъ въ каждой квартирѣ. Полный успѣхъ увѣнчалъ разумныя распоряженія: счисленіе началось въ назначенный часъ, кончилось также, и затѣмъ счетчики доставили выполненныя ими карточки въ назначенныя заранѣе сборныя мѣста.

По разсортировкѣ карточекъ и составленіи сводовъ изъ нихъ оказалось, что утромъ 29-го декабря 1881 г. въ Ригѣ проживало всего 169.329 человѣкъ (85.825 мужчинъ и 83.504 женщинъ), въ томъ числѣ войска 6.718 человѣкъ.

Цифра въ 169.329 человѣкъ и опредѣляетъ населеніе Риги къ 1882 г. Рига—городъ весьма разноплеменный, разноязычный и разновѣрный, а потому и распредѣленіе всего населенія по этимъ категоріямъ наиболѣе любопытно и важно. Вотъ окончательные результаты распредѣленія по языку, племенному происхожденію и вѣроисповѣданіямъ:

По языку: изъ 169.320 человѣкъ (о 9 лицахъ свѣдѣнія не доставлено), говорятъ у себя дома:

на нѣмецкомъ языкѣ	66.775	чел.
„ русскомъ „	31.976	„
„ латышскомъ „	49.974	„
„ эстонскомъ „	1.565	„
„ еврейскомъ (жаргонѣ)	14.222	„
„ другихъ языкахъ	4.048	„

Библиотека "Руниверс"

Не могли указать, какой именно по преимуществу языкъ они употребляютъ въ своемъ домашнемъ быту . . 760 чел.

По вѣроисповѣданіямъ: въ Ригѣ къ 1882 г. состояло:

Протестантовъ.	Лютеранъ	104.633
	Реформатовъ	1.843
	Евангелико-унитовъ	3
	Англиканъ	78
	Баптистовъ	730
	Другихъ протестантовъ	13
Православныхъ.	Православныхъ (церковныхъ)	23.166
	Единовѣрцевъ	2.007
	Безпоповцевъ	6.554
Римско-католиковъ		10.095
Армянъ		7
Іудеевъ		20.113
Магометанъ, буддистовъ и др.		78
Не получено свѣдѣній отъ		9

По національностямъ: въ общемъ числѣ жителей заключается:

1) Нѣмцевъ . . . . . 52.787 (мущ. 24.282 и женщ. 28.505).

Изъ нихъ въ домашнемъ быту говорятъ по нѣмецки 23.971 мужч. и 28.261 женщ.; по русски 142 мужч. и 99 женщ.; по польски 16 мужч. и 8 женщ.; по латышски 95 мужч. и 108 женщ.; по эстонски 1 мужч. и 2 женщ.; по еврейски 3 мужч. и 2 женщ.; по французски 1 мужч. и 1 женщ.; на другихъ языкахъ 2 мужч. и 4 женщ. Не получено свѣдѣній о 51 мужч. и 20 женщ.

2) Русскихъ . . . . . 32.094 (мужч. 18.839 и женщ. 13.255).

Изъ нихъ въ домашнемъ быту говорятъ по нѣмецки 875 мужч. и 1.087 женщ.; по русски 17.471 мужч. и 11.747 женщ.; по польски 38 мужч. и 50 женщ.; по латышски 251 мужч. и 247 женщ.; по эстонски 11 мужч. и 14 женщ.; по еврейски 12 мужч. и 11 женщ.; по англійски 1 женщ.; по французски 1 женщ.; на другихъ языкахъ 6 мужч. и 4 женщ.; не получено свѣдѣній о 175 мужч. и 93 женщ.

Цифры эти любопытны во всякомъ случаѣ. Если въ какомъ-либо семействѣ въ домашнемъ быту, въ обыденной жизни говорятъ не на своемъ родномъ языкѣ, а на языкѣ чужой національности, то конечно, въ такой семьѣ чужой языкъ считается уже своимъ, уже роднымъ, и такая семья уже не можетъ считаться принадлежащею тому

Библиотека "Руниверс"

народу, отъ котораго она происходитъ. Нѣмецъ, употребляющій въ своей обыденной жизни и дома русскій языкъ, есть обрусѣлый Нѣмецъ, и Русскій, говорящій дома и въ своей семьѣ по нѣмецки, есть уже онѣмеченный Русскій. Такихъ онѣмечившихся Русскихъ нашлось довольно значительное число: 1.962 чел. Они уже не употребляютъ русскаго языка, они уже забыли свой родной языкъ, они уже пристали къ чужому берегу. Ополячилось 88 чел.; олатышилось 498 чел.; объэстонилось 25 чел., и наконецъ, оевреилось 23 человѣка. Очень жаль, что въ таблицѣ не указано, остаются ли 23 человѣка оевреившихся Русскихъ христіанами или же перешли въ іудейство. Всего Русскихъ, не говорящихъ по русски въ своей обыденной жизни, оказалось 2.602 чел. И у Нѣмцевъ имѣются люди, забывшіе или забывающіе свой языкъ. Такихъ лицъ между ними насчитано не особенно много, всего только 484, менѣе $^{9}/_{10}$ проц., у Русскихъ же болѣе 8 проц.

3) Поляковъ. . . . . 5.162 (мужч. 2.884, женщ. 2.278).

Изъ нихъ онѣмечилось 245 мужч. и 338 женщ.; обрусѣло 828 мужч. 506 женщ.; олатышилось 82 мужч. и 52 женщ., оевреились 4 женщ., офранцузилось 3 мужч. и 3 женщ.

4) Латышей . . . . . 55.665 (мужч. 27.784 и женщ. 27.881).

Изъ нихъ онѣмечилось 2.771 мужч. и 2.987 женщ., обрусѣло 475 мужч. и 120 женщ., ополячилось 6 мужч. и 4 женщ., объэстонилось 1 мужч. и 7 женщ.

5) Эстонцевъ . . . . . 2.207 (мужч. 1.228 и женщ. 979).

6) Евреевъ. . . . . 19.802 (мужч. 9.834 и женщ. 9.968).

Замѣчательна разница между числомъ Іудеевъ по вѣроисповѣданію (20.613) и числомъ по происхожденію (19.802). 311 человѣкъ, очевидно, приняли іудейство изъ лицъ другихъ національностей.

7) Англичанъ . . . . . 228 (мужч. 128 и 100 женщ.).
8) Французовъ . . . . . 95 (мужч. 25 и 70 женщ.).
9) Скандинавовъ . . . . . 281 (мужч. 168, женщ. 113).
10) Швейцарцевъ. . . . . 119 (мужч. 54, женщ. 63).
11) Цыганъ. . . . . 2 мужч.
12) Другихъ національностей . . . 843 (мужч. 565 и женщ. 278).

Не показано племеннаго происхожденія 28 мущ. и 9 женщ.

Посмотримъ теперь, что говорятъ цифры о распространеніи грамотности среди рижскаго населенія. Однодневная перепись пока-

Библиотека "Руниверс"

зала, что въ общемъ числѣ жителей 169.329 человѣкъ, заключается 43.627 человѣкъ дѣтей до 14-ти лѣтняго возраста. Исключивъ число дѣтей изъ общей суммы населенія, получимъ въ остаткѣ число 125.702, опредѣляющее число наличныхъ жителей съ 14-ти лѣтняго возраста. Счисленіе показало, что изъ этого числа 125.702 человѣка

не умѣли ни читать, ни писать:

Изъ лицъ, въ своей обыденной жизни говорящихъ:

на нѣмецкомъ языкѣ	2.626	(876	мужч. и	1.750	женщ.).
„ русскомъ „	11.827	(6.209	„	5.618	„
„ польскомъ	530	(276	„	254	„
„ латышскомъ	8.510	(3.569	„	4.941	„
„ эстонскомъ	253	(145	„	108	„
„ еврейскомъ (жаргонѣ). .	3.905	(1.267	„	2.638	„
„ другихъ языкахъ	165	(129	„	36	„
Изъ лицъ, у коихъ обычный языкъ въ домашней жизни не опредѣленъ	131	(81	„	50	„

Эта таблица показываетъ, что въ числѣ лицъ, говорящихъ у себя дома по нѣмецки, неграмотныхъ состояло 4 процента; у говорящихъ по русски неграмотныхъ 37 процентовъ; у говорящихъ по польски неграмотныхъ 16 процентовъ; у говорящихъ по латышски неграмотныхъ 17 процентовъ; у говорящихъ по эстонски неграмотныхъ 16 процентовъ; у Евреевъ, говорящихъ на своемъ жаргонѣ, неграмотныхъ 28 процентовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ таблица показываетъ, что неграмотныхъ Нѣмокъ въ Ригѣ состоитъ вдвое больше, чѣмъ неграмотныхъ Нѣмцевъ; у Русскихъ же на оборотъ: неграмотныхъ мужчинъ больше, чѣмъ неграмотныхъ женщинъ; у Латышей, какъ и у Нѣмцевъ, неграмотныхъ женщинъ больше, чѣмъ неграмотныхъ мужчинъ; у Евреевъ неграмотныя женщины также преобладаютъ надъ неграмотными мужчинами.

Умѣли только читать:

Изъ лицъ, въ своей обыденной жизни говорящихъ:

на нѣмецкомъ языкѣ	2.695	(мужч. 671,	женщ.	2.024).
„ русскомъ „	1.531	(„ 955,	„	576).
„ польскомъ „	407	(„ 138,	„	269).

Библиотека "Руниверс"

на латышскомъ „	12.887	(мужч. 4.753,	женщ. 8.134).
„ эстонскомъ „	328	(„ 119,	„ 209).
„ еврейскомъ (жаргонѣ)	577	(„ 306,	„ 271).
„ другихъ языкахъ	79	(„ 47,	„ 32).
Изъ лицъ, у коихъ обычный языкъ въ домашнемъ быту не опредѣленъ	119	(„ 84,	„ 35).

Таблица эта показываетъ, что въ Ригѣ лицъ, умѣвшихъ только читать, такъ-сказать, полуграмотныхъ, къ 1882 г. состояло: у Нѣмцевъ 4 проц., у Русскихъ 4 проц., у Поляковъ 13 проц., у Латышей 26 проц., у Эстонцевъ 20 проц., у Евреевъ 4 проц.

Умѣли читать и писать:

Изъ лицъ, въ домашнемъ быту говорящихъ:

по нѣмецки	42.230	(мужч. 20.039,	женщ. 22.191).
„ русски	11.368	(„ 8.512,	„ 2.856).
„ польски	1.491	(„ 938,	„ 553).
„ латышски	14.453	(„ 9.659,	„ 4.794).
„ эстонски	633	(„ 403,	„ 230).
„ еврейски (жаргонъ)	4.026	(„ 2.662,	„ 1.364).
на другихъ языкахъ.	454	(„ 276,	„ 178).
Изъ лицъ, у коихъ обычный языкъ въ домашнемъ быту не опредѣленъ	290	(„ 175,	„ 115).

Изъ цифръ, опредѣлившихъ распредѣленіе рижскаго населенія по языку, вѣроисповѣданіямъ, національностямъ и степени распространенія грамотности, не трудно видѣть, что вся масса Рижанъ разбивается на четыре главнѣйшія группы: нѣмецкую, русскую, латышскую и еврейскую.

Самая многочисленная группа есть латышская (въ ней народу болѣе 55.000 человѣкъ); затѣмъ идетъ группа нѣмецкая, тутъ народу болѣе 52.000 чел.; третье мѣсто по численности занимаетъ русская группа, въ которой состояло болѣе 32.000 чел.; наконецъ, въ четвертой группѣ, еврейской, числится нѣсколько болѣе 20.000 человѣкъ.

Не излишне замѣтить, что въ 1864 г. Евреевъ въ Ригѣ числилось не болѣе 800 человѣкъ; однодневная перепись, произведенная въ 1867 г., показала число Евреевъ уже въ 5.000 чел.; чрезъ 15

Библиотека "Руниверс"

лѣтъ еврейское населеніе увеличилось ровно вчетверо на 400%. Но такъ какъ, по закону, Евреи могутъ селиться въ Ригѣ только въ качествѣ купцовъ или ремесленниковъ, то во всякомъ случаѣ тутъ возникаетъ вопросъ: выиграла ли торговля и промышленность Риги отъ такой чрезвычайной въ короткое время прибыли еврейскихъ купцовъ, ремесленниковъ и мастеровыхъ? Здѣсь не мѣсто разбирать этотъ вопросъ; достаточно ограничиться замѣчаніемъ, что усиленіе еврейства въ Ригѣ весьма вредно отозвалось въ торговлѣ и промыслахъ Нѣмцевъ, Русскихъ и Латышей.

По вѣроисповѣданіямъ первое мѣсто, безспорно, принадлежитъ протестантамъ. Ихъ въ Ригѣ болѣе 107.000 человѣкъ. Второе мѣсто принадлежитъ православнымъ (до 32.000 человѣкъ), третье Іудеямъ (болѣе 20.000 человѣкъ), четвертое римско-католикамъ (болѣе 10.000 человѣкъ). Лицъ прочихъ исповѣданій самое ничтожное число.

По степени распространенія грамотности первое мѣсто безусловно принадлежитъ нѣмецкой группѣ населенія. Эта группа неоспоримо самая просвѣщенная изъ всѣхъ прочихъ группъ, ибо неграмотныхъ въ ней только 4 процента. По видимому, 2.600 неграмотныхъ на 66.000 человѣкъ—очень немного, но если вспомнить, что нѣмецкая группа населенія есть самая большая, что въ рукахъ именно этой группы сосредоточено распоряженіе всѣми денежными средствами города, что всѣ прочія группы платятъ на нѣмецкія школы наравнѣ съ Нѣмцами, то цифра 2.600 неграмотныхъ явится не такою маленькою, какъ кажется съ перваго взгляда.

Послѣднее мѣсто по степени грамотности занимаетъ русская группа населенія. Тутъ неграмотныхъ 37 процентовъ (у Латышей только 17, у Евреевъ 28). По видимому, 12.000 неграмотныхъ изъ 32.000 чел. всей группы огромная цифра, но это только по видимому, ибо стоитъ только вспомнить тѣ условія, при которыхъ съ 1710 г. до послѣдняго времени существовала русская группа населенія въ Ригѣ, чтобы видѣть сравнительную малость 37-ми процентовъ. По настоящему, если только принять во вниманіе эти условія, неграмотныхъ должно бы быть не 12.000, а по меньшей мѣрѣ вдвое больше.

Да позволено будетъ выяснить, на чемъ основывается такое предположеніе.

Долговая книга Рижскаго магистрата, не очень давно изданная, неопровержимо доказываетъ, что въ первые же годы существованія этого города (онъ основанъ въ 1201 г.), въ немъ проживали коренные Русскіе люди въ качествѣ купцовъ. Не переводились Русскіе

Библиотека "Руниверс"

люди и въ послѣдующія времена. Они населяли въ городѣ цѣлую улицу (названіе ея „Русская“ сохранилось и по нынѣ), имѣли въ городѣ свою церковь, свое кладбище, существовавшія до временъ Ливонской войны Грознаго. Русскіе въ тѣ времена проживали въ Ригѣ, конечно, въ качествѣ иностранцевъ, но сколько ихъ было, проживали ли они постоянно, или были лишь временными гостями—трудно сказать за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ на этотъ счетъ.

Нашелъ ли фельдмаршалъ Б. П. Шереметевъ, овладѣвшій Ригою 4-го іюля 1710 г., въ этомъ городѣ Русскихъ, и сколько именно, также не извѣстно съ точностью (не извѣстно съ точностью даже, сколько онъ засталъ всего жителей въ Ригѣ: полагаютъ, что онъ нашелъ до 9,000 жителей, но цифра эта, кажется, черезъ-чуръ преувеличена); но то не подлежитъ сомнѣнію, что въ первые же годы русскаго господства въ Ливоніи, въ Ригѣ появляются Русскіе люди уже постоянными жителями. Петръ Великій въ пріобрѣтенныхъ Россіей земляхъ латышско-эстонскихъ началъ съ того, съ чего обыкновенно начиналъ его предокъ, Іоаннъ Грозный, когда овладѣвалъ ливонскими городами, съ постройки и учрежденія православныхъ церквей. Немедленно же по занятіи Риги шведская гарнизонная церковь въ цитадели (нынѣ Петропавловскій соборъ) была обращена въ православную церковь для войскъ русскаго гарнизона (Рига въ тѣ времена, до самаго 1857 г., была крѣпостью); лютеранская замковая церковь, въ которой присягало лифляндское дворянство на русское подданство, была также обращена въ православную для генералъ-губернаторовъ, которыхъ Петръ назначалъ всегда изъ коренныхъ Русскихъ (Полянскій, князь Голицынъ, князь Репнинъ). Затѣмъ въ скоромъ времени Петръ возобновилъ полуразрушенное, никѣмъ не обитаемое зданіе бывшаго католическаго, женскаго, бенедиктинскаго монастыря и здѣсь устроилъ Алексѣевскую церковь для нуждъ русскихъ жителей Риги, проживавшихъ въ городѣ, а въ 1715 г. построилъ Благовѣщенскую церковь для православныхъ жителей Московскаго форштадта. Устраивая церкви, Петръ заботился, чтобъ онѣ имѣли и хорошихъ священниковъ. „Господинъ губернаторъ“, писалъ царь 7-го апрѣля 1715 г. князю Голицыну,—„понеже вы паче другихъ извѣстны, что въ Ригѣ попы зѣло плохи, отъ чего немалый есть стыдъ отъ тамошнихъ жителей, того для сыщите въ Смоленскѣ добрыхъ и искусныхъ поповъ и прочихъ церковныхъ причетниковъ, сколько потребно, и вышлите ихъ въ Ригу при себѣ, а

Библиотека "Руниверс"

которые въ Ригѣ непотребные, тѣхъ отпусти" (см. Прибалт. Сборникъ, II, 501).

Утверждая права и преимущества Риги, Петръ Великій, однако же, никакъ не хотѣлъ, чтобы городское управленіе Риги находилось внѣ прямаго правительственнаго надзора, и потому учредилъ должность, не существовавшую до его времени, президента рижскаго магистрата и должность эту ввѣрилъ опять же коренному Русскому — Ильѣ Исаеву. Вѣдомству Исаева были спеціально подчинены всѣ русскіе жители города Риги: онъ, а не городскія власти, чинилъ судъ и расправу между ними; онъ, а не городскія власти, вѣдалъ всѣми общественными дѣлами русскихъ Рижанъ. Рижское населеніе разбилось такимъ образомъ на двѣ совершенно независимыя другъ отъ друга группы— нѣмецкую и русскую. О Латышахъ и помину въ тѣ времена не было: они были поголовно крѣпостными и не имѣли никакихъ правъ.

Составъ первоначальной русской группы рижскаго населенія въ общемъ былъ тотъ же самый, какой замѣчается и нынѣ. Лицъ дворянскаго сословія вовсе не было, какъ нѣтъ и въ настоящее время; верхніе слои группы составляли, какъ и нынѣ, люди торговые, купецкіе, по тогдашнему выраженію; нижніе и самые многочисленные составляли рабочій людъ. Сколько въ петровскія времена было въ Ригѣ купецкихъ и сколько рабочихъ русскихъ людей — опять не извѣстно, но только и тѣ, и другіе въ религіозномъ отношеніи разбивались на двѣ группы: людей церковныхъ и людей, священства не пріемлющихъ, то-есть, безпоповцевъ.

Были ли какія русскія школы въ петровскія времена въ Ригѣ—не извѣстно. Кажется, что не было никакихъ, по крайней мѣрѣ о русскихъ школахъ—церковныхъ или старовѣрческихъ — упоминаній въ актахъ того времени не встрѣчается. Но этому и удивляться нечего: школьное дѣло, дѣло народнаго просвѣщенія и внутри Россіи стояло тогда на весьма низкой степени.

Въ 1730 г. Илья Исаевъ былъ вызванъ въ Москву, должность президента рижскаго магистрата была упразднена, и русская группа населенія является первоначально въ вѣдѣніи генералъ-губернатора, а затѣмъ рижскаго магистрата, который не считалъ для себя обязательнымъ заботиться объ устройствѣ хотя бы какой-либо школы для Русскихъ, несшихъ всѣ городскія повинности наравнѣ съ Нѣмцами, но ни мало не пользовавшихся ихъ правами и преимуществами.

Русская группа рижскаго населенія не имѣла никакой русской,

Библиотека "Руниверс"

то-есть, съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ школы, ни начальной, ни средней, до самаго 1789 года, но нѣмецкая группа имѣла порядочныя, въ томъ числѣ соборную (нынѣ городская гимназія), содержимыя на городскія средства. Результатомъ отсутствія русской школы была неграмотность русской группы, совершенная отсталость по отношенію грамотности отъ группы нѣмецкой.

Ко времени открытія Рижскаго и Ревельскаго намѣстничествъ, послѣдовавшаго въ 1784 г., общее населеніе Риги не превосходило 28,000 человѣкъ. На сколько была распространена грамотность въ тогдашнемъ населеніи, не извѣстно (свѣдѣній о томъ не сохранилось, да едва ли кто и интересовался ими); но, не впадая въ грубую ошибку, можно однако сказать, что въ русской группѣ были грамотными лишь немногіе наставники и начетчики у безпоповцевъ, и немногіе изъ болѣе зажиточныхъ людей церковныхъ; вся же масса группы состояла изъ людей темныхъ.

Въ 1787 г. вступила въ силу екатерининская грамота городамъ (городовое положеніе 1785 г.). Грамота эта не была вполнѣ разработаннымъ закономъ; это былъ скорѣе проектъ закона, нуждавшійся въ дополненіяхъ и разъясненіяхъ; но для русской группы рижскаго населенія введеніе этой грамоты было важнымъ шагомъ впередъ: русская группа пріобрѣтала гражданскія права, равныя съ Нѣмцами; безчисленныя стѣсненія и ограниченія въ торговлѣ и промыслахъ падали сами собою. По истинѣ, заря лучшей будущности блеснула для русской группы съ грамотою городамъ, въ особенности же ярко блеснула съ того времени, когда, въ 1789 г., императрица Екатерина II учредила на государственныя средства въ Ригѣ училище съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ, училище, спеціально предназначавшееся для обученія русскаго юношества русской группы населенія. То было Екатерининское училище (впослѣдствіи уѣздное, а нынѣ городское), приспособленное для распространенія грамотности и просвѣщенія среди торговыхъ и промышленныхъ Русскихъ людей Риги.

Но въ 1796 году екатерининская грамота была отмѣнена, старинное сословное городское управленіе вступило снова въ силу и продолжало свое существованіе до послѣдняго времени, до 1878 г., когда было введено общественное управленіе по общему городовому положенію 1870 года.

Русская группа потеряла съ 1796 г. все, что̀ имѣла уже при Екатеринѣ II, и снова обратилась въ платежную силу рижскаго ма-

Библиотека "Руниверс"

гистрата, въ оброчную, такъ-сказать, статью его. По отношенію къ школьному дѣлу русская группа осталась какъ бы въ совершенномъ забытьи и въ Александровское время, когда открытъ былъ Дерптскій университетъ, гимназіи, уѣздныя и приходскія училища, съ преподаваніемъ на нѣмецкомъ языкѣ. Правда, екатерининское училище продолжало существовать, преобразовалось въ уѣздное училище, но что̀ оно значило для всей массы, нуждавшейся прежде всего въ начальной школѣ, въ школахъ грамотности, которыхъ не было?

Безпоповцы въ началѣ текущаго столѣтія учредили на свой счетъ, безъ всякаго пособія отъ города или правительства, начальную школу съ пріютомъ при Гребенщиковской богадѣльнѣ, основанной въ Ригѣ еще въ 1760 году. Школа эта существовала негласнымъ образомъ до 1827 года. Въ этомъ году, 20-го февраля, бывшій Прибалтійскій генералъ-губернаторъ, маркизъ Паулуччи, далъ правила (уставъ) для этой школы и подчинилъ ее вѣдомству директора училищъ Лифляндской губерніи. Къ сожалѣнію, школа эта существовала лишь до 1832 г. Бывшій тогда министромъ народнаго просвѣщенія князь Ливенъ 23-го іюня 1832 г. закрылъ эту школу, но разрѣшилъ безпоповцамъ открыть и содержать новую школу не иначе, какъ на основаніи устава уѣздныхъ и приходскихъ училищъ 8-го декабря 1828 г. и съ тѣмъ, чтобъ учителями въ ней никого изъ безпоповцевъ не было. Безпоповцы, какъ и слѣдовало ожидать, отказались воспользоваться подобнымъ разрѣшеніемъ, закрыли школу и пріютъ при ней, чѣмъ, конечно, нанесли сильнѣйшій вредъ своей же общинѣ, оставшейся безъ школы и безъ пріюта. „Мы“, писали они по начальству (см. Прибалт. Сб. IV, 545),—„для обученія дѣтей своихъ грамотѣ и наукамъ будемъ пользоваться предоставленными каждому сословію и партикулярнымъ людямъ способами посылать дѣтей своихъ по удобности для каждаго обывателя, въ разсужденіи жительства и другихъ обстоятельствъ, въ общественныя училища“. Но какія же могли быть для нихъ общественныя училища, кромѣ частныхъ нѣмецкихъ пансіоновъ? Церковные Русскіе люди оставались не въ лучшемъ положеніи: въ нѣмецкія училища не пошли, а своихъ не имѣли.

При отсутствіи начальныхъ школъ можно ли же было ожидать распространенія грамотности въ русской группѣ, въ которой людей достаточныхъ не набиралось и 1.000, а вся масса состояла изъ людей рабочихъ, крайне бѣдныхъ, жившихъ изо дня въ день работою, при которой не требовалось никакихъ спеціальныхъ знаній, а лишь здоровыя руки и крѣпкое тѣлосложеніе?

Библиотека "Руниверс"

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія русская группа рижскаго населенія ютилась на Московскомъ форштадтѣ по преимуществу. Школъ по прежнему не было никакихъ, а слѣдовательно, и грамотности никакой.

Наконецъ, однако, возникла мысль и о развитіи грамотности среди русскаго населенія Риги. Празднуя въ 1852 г. пятидесятилѣтіе учетной кассы (банка), купцы нѣмецкіе сознавая, что своимъ богатствомъ они обязаны торговлѣ русскими товарами, что Рига богатѣла трудомъ русской группы ея населенія, рѣшились ознаменовать торжество кассы учрежденіемъ, въ которомъ наиболѣе нуждались Русскіе, именно учрежденіемъ и открытіемъ начальной школы для русскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Они открыли добровольную подписку между собою и своими русскими сотоварищами по торговлѣ и собрали капиталъ, достаточный для содержанія изъ процентовъ съ онаго русской начальной школы. Появилась такимъ образомъ первая русская школа грамотности.

Но могла ли она оказать какое-либо сильное вліяніе на распространеніе грамотности и просвѣщенія среди русской группы рижскаго населенія, если бы на нее не обратилъ вниманіе Царь-Освободитель и не оказалъ ей щедрой милости и помощи?

Только съ Царя-Освободителя русская группа Рижанъ выходитъ изъ забвенія: она отъ щедротъ царскихъ получаетъ двѣ гимназіи, учительскую семинарію; самъ городъ начинаетъ открывать русскія начальныя училища мужскія и женскія; безпоповцы получаютъ позволеніе открыть школу, которой они были лишены съ 1832 года. Только съ Царя-Освободителя начинаетъ устанавливаться дѣло грамотности и просвѣщенія въ русской группѣ на прочныхъ основахъ, и только съ Царя-Освободителя для русскихъ Рижанъ начинается правильное ученье. Но отъ такого начала прошло всего только 20 лѣтъ, да и то неполныхъ. И тѣмъ не менѣе, результатомъ усилій этихъ двадцати лѣтъ оказалось, что въ настоящее время 63 процента русской группы населенія грамотны. Это не мало для столь короткаго періода времени и доказываетъ, что русскіе Рижане вполнѣ сознаютъ потребность образованія.

Е. Ч.

Библиотека "Руниверс"

ИЗВѢСТІЯ О СОСТОЯНІИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣятельности университета св. Владиміра въ 1883 году: личный составъ; ученo-литературные труды преподавателей и другихъ служащихъ; особые курсы; командировки съ ученою цѣлію; свѣдѣнія объ учащихся; награжденіе медалями; утвержденіе въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ; мѣры къ приготовленію профессоровъ; бюджетъ университета; клиники.

Наличный составъ штатныхъ преподавателей въ университетѣ св. Владиміра въ 1883 году былъ слѣдующій: на историко-филологическомъ факультетѣ—ординарныхъ профессоровъ 4, экстраординарный 1, доцентовъ 7, лекторовъ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ 3; на физико-математическомъ—профессоровъ ординарныхъ 11, экстраординарныхъ 4, доцентовъ 2, астрономъ-наблюдатель 1; на юридическомъ—профессоровъ ординарныхъ 8, экстраординарный 1, доцентъ 1; на медицинскомъ—ординарныхъ профессоровъ 11, экстраординарныхъ 5, доцентовъ 9, прозекторовъ 2. Сверхъ того, при университетѣ состоялъ по штату для всѣхъ факультетовъ ординарный профессоръ православнаго богословія. Итого въ университетѣ имѣлось штатныхъ преподавателей: ординарныхъ профессоровъ (въ томъ числѣ профессоръ православнаго богословія) 35, экстраординарныхъ 11, доцентовъ 19, астрономъ-наблюдатель 1, лекторовъ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ 3, прозекторовъ 2, всего—72 лица. Сверхштатными преподавателями состояли два заслуженные ординарные профессора: Гогоцкій и Караваевъ, изъ нихъ первый по каѳедрѣ философіи, второй—по каѳедрѣ оперативной хирургіи. Приватъ-доцентовъ было 8 по слѣдующимъ предметамъ: римской сло-

Библиотека "Руниверс"

весности, химіи, международному праву, офтальмологіи, хирургіи, частной патологіи и терапіи; изъ нихъ по хирургіи 2 приватъ-доцента, по прочимъ же предметамъ—по одному. Всего же штатныхъ преподавателей различныхъ категорій имѣлось въ университетѣ 82 лица. Изъ числа баллотировавшихся на преподавательскія должности выбаллотированы 8 лицъ: въ ординарные профессоры 1, въ экстраординарные 4, въ доценты 3; забаллотированы 2—въ экстраординарные профессора.

Профессора, преподаватели и другія служащія въ университетѣ св. Владиміра лица издали въ свѣтъ, приготовили къ печати или помѣстили въ повременныхъ изданіяхъ слѣдующіе ученo-литературные труды: профессора: Н. К. Ренненкампфъ напечаталъ ученый разборъ сочиненія Б. Н. Чичерина „Собственность и государство“; В. Б. Антоновичъ издалъ книгу „Записки Освѣцима (1643—1651)“ и помѣстилъ: въ Кіевской Старинѣ—„Записки Карла Хицкаго“, статью „О неизвѣстномъ казацкомъ гетманѣ“ и въ Запискахъ Одесскаго Общества исторіи и древностей—„Запись княжны Мстиславской“; С. С. Гогоцкій напечаталъ второй выпускъ сочиненія „Философія XVII и XVIII вѣковъ въ сравненіи съ философіею XIX вѣка“ и печаталъ третій выпускъ этого сочиненія; В. С. Иконниковъ помѣстилъ въ Русской Старинѣ статью „Ближній бояринъ Ординъ-Нащокинъ“ и рядъ рецензій на книги и издавалъ „Университетскія Извѣстія“; П. В. Павловъ напечаталъ въ газетѣ Кіевлянинъ рѣчь, сказанную на панихидѣ по И. С. Тургеневѣ, и нѣсколько театральныхъ замѣтокъ; Ѳ. Я. Фортинскій приготовилъ для Университетскихъ Извѣстій статью „Грамоты Оттона Великаго“; И. В. Лучицкій напечаталъ: а) „Исторію новаго времени“ (дополненіе къ переводу книги Зеворта), б) „Малороссійская сельская община и духовенство въ XVIII в.“, в) „Поземельная община въ Пиренеяхъ“ и г) „Матеріалы для исторіи землевладѣнія Полтавской губерніи XVIII в.: Казачьи владѣнія Золотоношскаго уѣзда. Выпускъ I. Таблицы, составленныя по даннымъ Румянцовской описи 1767“; Н. А. Бунге окончилъ печатаніе 1-го выпуска второй части „Химической технологіи“, напечаталъ отчетъ о Московской выставкѣ подъ заглавіемъ „Юго-Западный край на всероссійской промышленно-художественной выставкѣ 1882 года въ Москвѣ“ и редактировалъ Указатель русской литературы по математическимъ и естественнымъ наукамъ за 1882 годъ; И. И. Рахманиновъ напечаталъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ замѣтки относительно геометрическаго значенія интеграловъ уравненія движенія

Библиотека "Руниверс"

матеріальной точки около неподвижнаго центра; М. П. Авенаріусъ помѣстилъ рядъ рефератовъ въ двухъ нѣмецкихъ естественно-историческихъ повременныхъ изданіяхъ; П. П. Алексѣевъ началъ печатаніе 3-го изданія своей „Органической химіи“ и помѣстилъ статьи: въ Протоколахъ Одесскаго съѣзда естествоиспытателей—„О строеніи синяго индиго“, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ и въ Журналѣ русскаго физико-химическаго общества—„Обзоръ русской химической литературы за 1882 годъ“, а въ первомъ изъ сихъ изданій, сверхъ того, „Замѣтки о Московской промышленно-художественной выставкѣ 1882 года“, въ Трудахъ вольнаго экономическаго общества—„Свекло-сахарная промышленность на всероссійской выставкѣ 1882 года“ и „Контрактовое засѣданіе Россійскаго техническаго общества 1882 года“; сверхъ того, въ журналѣ Русскаго физико-химическаго общества реферировалъ химическія работы, помѣщаемыя въ Gazzetta chimica Italiana; М. Ю. Ващенко-Захарченко издалъ въ литографированномъ видѣ: „Краткій курсъ теоріи опредѣлителей“, „Аналитическая геометрія двухъ и трехъ измѣреній“ и „Алгебраическій анализъ“ и помѣстилъ статьи: въ Mémoires de la Société des sciences physiques et naturelles de Bordeaux—„Considérations sur le développement des mathématiques depuis les temps les plus reculés jusqu'au XV siècle“ и въ Университетскихъ Извѣстіяхъ—„Историческій очеркъ развитія аналитической геометріи“; М. Ѳ. Хандриковъ напечаталъ „Очеркъ теоретической астрономіи“, и помѣстилъ: въ Университетскихъ Извѣстіяхъ—разборъ сочиненія Оппольцера „Lehrbuch zur Bahnbestimmung der Kometen und Planeten“ и въ Анналахъ Кіевской обсерваторіи—часть своихъ наблюденій, произведенныхъ съ меридіаннымъ кругомъ Московской обсерваторіи; О. В. Баранецкій помѣстилъ въ Memoires de l'Académie des sciences de St.-Pétersbourg статью „Die kreisförmige Mutation und das Winden des Stengel“; Н. Н. Шиллеръ напечаталъ 1-й выпускъ 1-го тома своего труда „Основанія физики“ и помѣстилъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ: о новой статьѣ Ѳ. А. Слудскаго и лекціи по теоріи потенціала; И. Ѳ. Шмальгаузенъ помѣстилъ статьи: въ Bulletin и Mémoires de l'Académie des sciences de St.-Pétersbourg — „Pflanzenpaläontologische Beiträge“ и „Die Pflenzenreste der Steinkohlenformation am östlichen Abhange des Uralgebirges“ и въ Paläontologische Abhandlungen von Dames und Kayser — „Beiträge zur Tertiär-Flora Südwest Russlands“; М. Ф. Владимірскій-Будановъ помѣстилъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ статью „Литература исторіи русскаго

Библиотека "Руниверс"

права за 1880—1882 гг."; А. Я. Антоновичъ напечаталъ особымъ изданіемъ „Теорія бумажно-денежнаго обращенія и государственные кредитные билеты"; В. Б. Томса помѣстилъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ учебникъ физіологіи; В. А. Бецъ напечаталъ: въ Протоколахъ Одесскаго съѣзда естествоиспытателей — три реферата: а) о расположеніи пучковъ волоконъ въ головномъ мозгу, б) объ особыхъ измѣненіяхъ женскаго черепа, происходящихъ отъ возраста, и в) о приготовленіи бромистаго серебра и полученіи свѣточувствительной эмульсіи; въ Archiv für Anthropologie—„Ueber die Aus- und Rückbildung des Menschlichen Schädeldachs" и въ Университетскихъ Извѣстіяхъ—„Анатомія поверхности головнаго мозга человѣка"; В. А. Субботинъ продолжалъ печатаніе 2-й части „Курса гигіены", Г. Н. Минхъ помѣстилъ въ журналѣ Врачъ—рефератъ, читанный на VII съѣздѣ естествоиспытателей и врачей, о проказѣ на югѣ Россіи; Г. Е. Рейнъ напечаталъ: въ Медицинскомъ Вѣстникѣ и отдѣльнымъ изданіемъ—„Объ антисептикѣ въ примѣненіи къ акушерству", въ Трудахъ Общества русскихъ врачей—„Искусственное кровообращеніе и графическій методъ въ примѣненіи къ экспериментальной фармакологіи и физіологіи матки" и въ Archiv für microscopische Anatomie—„Beiträge zur Kenntniss der Reisungserscheinungen und Befruchtungs-Vorgänge am Säugethierei"; Ѳ. К. Боргаунтъ помѣстилъ въ Сборникѣ Кавказскаго Общества врачей: а) замѣтку о половыхъ грыжахъ у криптороховъ, и б) къ лѣченію эмпіемы. Доценты: Ф. А. Терновскій помѣстилъ въ Кіевской Старинѣ статью „Серапіонъ, митрополитъ Кіевскій"; Ѳ. Г. Мищенко напечаталъ статьи: „Объ этнографіи и географіи Скиѳіи", „Послѣднія раскопки на мѣстѣ Трои", „О произношеніи греческой буквы θ", „Новѣйшіе курсы исторіи греческой литературы" и „Беотійское нарѣчіе по надписямъ"; началъ печатать: „Руководство для студентовъ по исторіи греческой литературы" и „Обозрѣніе русской филологической литературы" въ Revue de philologie; Н. П. Дашкевичъ помѣстилъ слѣдующія статьи: въ Университетскихъ Извѣстіяхъ—„Литовско-русское государство, условія его возникновенія и причины упадка", „Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ перевелись богатыри на святой Руси", „Происхожденіе и развитіе эпоса о животныхъ", „Критическая замѣтка о книгѣ Прохаски „Ostatnie lata Witolda", въ Кіевлянинѣ—„Романтика на Западѣ и въ поэзіи В. А. Жуковскаго" и „Въ память И. С. Тургенева"; А. А. Козловъ помѣстилъ: въ журналѣ Русская Мысль—критическія статьи о книгѣ Троицкаго „Наука о духѣ" и въ Уни-

Библиотека "Руниверс"

верситетскихъ Извѣстіяхъ продолженіе сочиненія „Генезисъ ученія Канта о пространствѣ и времени"; Т. Д. Флоринскій напечаталъ: въ Университетскихъ Извѣстіяхъ — „Политическая и культурная борьба на греческомъ Востокѣ въ первой половинѣ XIV вѣка" и критическія замѣтки о новыхъ книгахъ по южно-славянской исторіи, въ Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію—„Къ вопросу о богомилахъ" и въ Славянскомъ Ежегодникѣ—нѣсколько статей; А. И. Соболевскій помѣстилъ нѣсколько статей въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ, которыя вышли также и отдѣльною брошюрой, и нѣсколько рецензій въ томъ же изданіи и въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія; Ю. А. Кулаковскій напечаталъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ: „Римскій календарь" (по поводу книги Гартмана), „Новости этнографической литературы" и „Помпейская стѣнная живопись"; М. И. Стуковенковъ помѣстилъ: въ журналѣ Здоровье — статью „О распространеніи сифилиса и мѣрахъ для борьбы съ нимъ" и въ Протоколахъ VII-го съѣзда естествоиспытателей и врачей въ Одессѣ—два реферата: а) „О мѣрахъ противъ распространенія сифилиса" и б) „Пластическіе препараты, какъ научное пособіе при преподаваніи дерматологіи"; А. А. Шварцъ редактировалъ 1-й томъ перевода Акушерства Шпигельберга. Приватъ-доценты: С. И. Бехъ помѣстилъ въ циркулярѣ Кіевскаго учебнаго округа статью: „Римская женщина до эманципаціи и послѣ нея"; Л. Н. Казанцевъ напечаталъ въ Юридическомъ Вѣстникѣ статью „Одна изъ сѣверныхъ общинъ"; Э. Х. Мандельштамъ помѣстилъ въ Archiv für Ophtalmogie v. Gräfe статью „Der Trachmotöse Process". Eine klinisch-histologische Studie". Астрономъ-наблюдатель В. И. Фабриціусъ помѣстилъ: въ Annales de l'Observatoire de Kiew—„Observations faites à l'aide du cercle méridien de l' Observatoire de Kiew", въ Astronomische Nachrichten—„Du-Sejour oder Olbers. Ein Beitrag zur Geschichte des Cometen-Problems" и „Bahnelemente des grossen Septembercometen 1882" и въ Университетскихъ Извѣстіяхъ—„Дю-Сежуръ и Ольберсъ. Важный фактъ въ исторіи теоретической астрономіи".—Независимо отъ сего отъ имени университета изданы слѣдующія четыре сочиненія профессоровъ: Хандрикова — „Очерки теоретической астрономіи", Ващенко-Захарченко — „Полный курсъ аналитической геометріи", Бобрецкаго -„Руководство къ зоологіи" и Ходина— „Офталмологическій журналъ".

Нѣкоторые изъ преподавателей, независимо отъ лекцій по своимъ каѳедрамъ, читали для студентовъ особенные курсы, именно профес-

Библиотека "Руниверс"

сора: Ѳаворовъ—церковнаго законовѣдѣнія для студентовъ юридическаго факультета, Эргардтъ—судебной медицины для тѣхъ же студентовъ, Бецъ—физіологической анатоміи студентамъ-естественникамъ, Томса—физіологіи тѣмъ же студентамъ, Ѳеофилактовъ—минералогіи студентамъ медицинскаго факультета, Гарничъ-Гарницкій—химіи студентамъ-медикамъ, Паульсонъ—зоологіи студентамъ-медикамъ, Шмальгаузенъ—ботаники тѣмъ же студентамъ, Гейбель—исторіи медицины тѣмъ же студентамъ, и доцентъ по предмету греческой словесности Аландскій—римской словесности.

Командированы были за границу съ ученою цѣлію слѣдующіе преподаватели: профессора—Рахманиновъ, Томса, Бецъ, Субботинъ, Паульсонъ, Эргардтъ, Тритшель и Шмальгаузенъ; доценты—Липскій, Шварцъ, Флоринскій, Пихно и Кулаковскій и приватъ-доцентъ Казанцевъ. Съ тою же цѣлію командированы были въ Россію: 23 профессора, 2 доцента и астрономъ-наблюдатель. Наибольшая часть командированныхъ въ Россію совершили поѣздку въ Одессу для принятія участія въ бывшемъ тамъ VII съѣздѣ естествоиспытателей и врачей; но два профессора, Минхъ и Лучицкій, предприняли спеціальныя поѣздки: первый—въ Кубанскую область и Крымъ, съ цѣлію окончанія изслѣдованій, начатыхъ имъ надъ географическимъ распространеніемъ проказы на югѣ Россіи; второй—въ разные города Полтавской и Екатеринославской губерній, съ цѣлію розысканій въ мѣстныхъ архивахъ матеріала для исторіи общинныхъ порядковъ землевладѣнія на югѣ Россіи.

Къ 1-му января 1883 года въ университетѣ св. Владиміра состояло 1,475 студентовъ; въ теченіе 1883 года вновь поступило 607 (изъ гимназій по аттестатамъ зрѣлости 448, изъ гимназій по свидѣтельствамъ зрѣлости 33, изъ духовной семинаріи 1, изъ реальнаго училища 1, изъ историко-филологическаго института князя Безбородко 1, изъ Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства 1, бывшихъ студентовъ: университета св. Владиміра—69, другихъ университетовъ—50, военно-медицинской академіи—3; въ теченіе года выбыло 373 (до окончанія курса 191, по окончаніи курса 182); затѣмъ къ 1-му января 1884 года оставалось 1,709. Постороннихъ слушателей было: въ первой половинѣ 1883 года—43, во второй половинѣ—49. Находившіеся въ университетѣ къ 1-му января 1884 года 1,709 студентовъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ: въ историко-филологическомъ факультетѣ 162, въ физико-математическомъ—253 (по разряду естествен-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ наукъ 77, по разряду математическихъ наукъ 176), въ юридическомъ—304, въ медицинскомъ 990; б) по курсамъ: въ I курсѣ 660, во II — 509, въ III — 273, въ IV — 176, въ V—91; в) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 1,125, армяно-григоріанъ 19, римско-католиковъ 275, лютеранъ 28, реформатъ 1, Евреевъ 257, магометанинъ 1, караимовъ 2, меннонитъ 1; г) по сословіямъ: сыновей дворянъ и чиновниковъ 855, духовнаго званія 248, гражданъ и купцовъ 159, мѣщанъ и разночинцевъ 359, крестьянъ 56, иностранцевъ 32; д) по предварительному образованію: гимназистовъ 1,518, семинаристовъ 28, изъ другихъ учебныхъ заведеній 163; е) по учебнымъ округамъ, въ районѣ которыхъ находятся заведенія для предварительнаго образованія: С.-Петербургскаго учебнаго округа — 23, Московскаго—20, Казанскаго—32, Оренбургскаго—2, Сибирскаго—11, Харьковскаго — 82, Одесскаго — 208, Кіевскаго — 1,093, Виленскаго—161, Варшавскаго — 16, Дерптскаго — 17, Кавказскаго—44. Изъ числа бывшихъ къ 1-му января 1884 года 1,709 студентовъ получали стипендіи: казенныя, то-есть, изъ средствъ государственнаго казначейства — 43 (историко-филологическаго факультета 19, физико-математическаго 2, медицинскаго 22), частныя—123 (историко-филологическаго факультета 12, физико-математическаго 23, юридическаго 20, медицинскаго 68), всего на сумму 20,316 руб. 66 коп., изъ коихъ 16,390 руб. на счетъ казны, а остальные 4,926 руб. 66 коп. на счетъ спеціальныхъ средствъ университета; размѣръ стипендій—отъ 81 руб. 54 коп. до 600 руб. включительно. Единовременныя пособія выданы были всего на сумму 10,114 руб. 43 коп., въ томъ числѣ: изъ штатныхъ суммъ 4,724 руб. 71 коп., изъ спеціальныхъ средствъ университета 1,190 руб. и изъ суммъ попечительства о недостаточныхъ студентахъ 4,199 руб. 72 к. Освобождено было отъ взноса платы за ученіе 215 студентовъ (40 — историко-филологическаго факультета, 27 — физико-математическаго, 22 — юридическаго и 126—медицинскаго). Изъ спеціальныхъ средствъ уплачено за право слушанія лекцій 560 студентовъ.

Въ видахъ усиленія учебной дѣятельности студентовъ и развитія ихъ самодѣятельности, въ университетѣ св. Владиміра производились практическія для студентовъ занятія. Такъ, на историко-филологическомъ факультетѣ назначены были такія занятія по греческой и римской словесности, по русской и всеобщей исторіи, на которыхъ разбирались памятники и читались рефераты на заданныя темы. Студенты физико-математическаго факультета занимались прак-

Библиотека "Руниверс"

тическими работами въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, подъ руководствомъ какъ самихъ преподавателей, такъ и ихъ помощниковъ. Практическія занятія студентовъ юридическаго факультета состояли: а) по энциклопедіи права—въ письменныхъ работахъ по общимъ вопросамъ права и государства; б) по исторіи русскаго права—въ толкованіи памятниковъ древне-русскаго права; в) по государственному праву—въ изложеніи студентами въ аудиторіи указанныхъ имъ отдѣльныхъ вопросовъ изъ курса; г) по политической экономіи—въ чтеніи и объясненіи классическихъ писателей, въ особенности А. Смита, студентами I курса и въ чтеніи рефератовъ по спеціальнымъ вопросамъ—студентами II курса; д) по римскому праву—чтенія избранныхъ мѣстъ изъ институцій Гая и Пандектъ; е) по гражданскому праву и судопроизводству и уголовному праву и судопроизводству—въ письменной разработкѣ студентами на дому вопросовъ, предложенныхъ преподавателями, въ чтеніи этихъ работъ и преніяхъ по нимъ; ж) по всѣмъ предметамъ факультета—въ обязательныхъ сочиненіяхъ, обработываемыхъ студентами на дому на темы, предложенныя преподавателями и одобренныя факультетомъ. Студенты медицинскаго факультета преимущественно занимались практическими работами въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, подъ руководствомъ какъ самихъ преподавателей, такъ и ихъ помощниковъ. Во время этихъ занятій студенты, по предложенію преподавателя, изготовляли ту или другую работу, имѣющую непосредственное отношеніе къ прослушаннымъ лекціямъ; такъ, напримѣръ, по анатоміи—при изготовленіи препарата, студенты обязаны были непремѣнно объяснить его; по хирургіи—при производствѣ какихъ-либо операцій, требовались тѣ пріемы, какіе были указаны профессоромъ на лекціяхъ; въ клиникахъ же студенты занимались распознаваніемъ болѣзней (діагнозомъ) и составленіемъ исторій болѣзни. Студенты младшихъ двухъ курсовъ занимались въ анатомическомъ театрѣ приготовленіемъ препаратовъ изъ разныхъ полостей и оконечностей тѣла; студенты же высшихъ курсовъ занимались въ анатомическомъ театрѣ хирургическими операціями на трупахъ и въ хирургической анатоміи, а въ лабораторіяхъ: химической, клиническихъ, гигіены и медицинской химіи пріучались обращаться съ стетоскопомъ, термометромъ и офтальмоскопомъ. Независимо отъ приведенныхъ мѣръ, для контроля надъ занятіями студентовъ установлены, какъ контрольныя годичныя и полукурсовыя испытанія, такъ и обязательное представленіе сочиненій,

Библиотека "Руниверс"

какъ необходимое условіе для допущенія къ испытаніямъ на II и IV курсахъ первыхъ трёхъ факультетовъ.

Для соисканія наградъ медалями, факультетами предложены были на 1882—1883 академическій годъ слѣдующія темы: историко-филологическимъ факультетомъ—а) „Августъ Шлёцеръ и его историческая критика", б) „Реформы въ Пруссіи Штейна и Гарденберга въ связи съ реформами городскихъ учрежденій", в) „О сенсуализмѣ Кондильяка" и г) „Августъ Бёкъ и его заслуги для разъясненія исторіи аттической трагедіи"; физико-математическимъ — а) Строеніе корневищъ двудольныхъ растеній и особенности этого строенія по сравненію со строеніемъ стеблей подземныхъ" и „Вычислить по десяти наблюденіямъ вѣроятнѣйшую орбиту кометы Вельса (1882 г.) и показать при этомъ нѣкоторые изъ извѣстныхъ теперь способовъ рѣшенія уравненій Ламберта"; юридическимъ—а) „Договоръ займа по русскому праву въ историческомъ развитіи", б) „Процессъ обжалованія судебныхъ рѣшеній въ дѣлахъ гражданскихъ по русскому законодательству съ изданія Учрежденія о губерніяхъ 1775 года", в) „Начала двухсторонности, состязательности и дѣятельности суда по должности въ гражданскомъ процессѣ по уставу гражданскаго судопроизводства 1864 года", г) „Сравненіе крѣпостнаго права по Литовскому статуту съ крѣпостнымъ правомъ Московскаго государства" и д) „О вліяніи податей на народное хозяйство вообще и на цѣны товаровъ въ частности"; медицинскимъ—„О развитіи и строеніи подпочечныхъ железъ". За представленныя на нѣкоторыя изъ сихъ темъ сочиненія присуждены медали студентамъ: а) золотыя—IV курса историко-филологическаго факультета Молчановскому и Лятошинскому, того же курса физико-математическаго—Мерингу, Кобеляцкому и Морозовскому, того же курса юридическаго—Гогоцкому и V курса медицинскаго—Колбасенку; б) серебряныя—IV курса историко-филологическаго факультета Городецкому, III курса того же факультета Царевскому, того же курса юридическаго факультета Подушко и окончившему курсъ наукъ физико-математическаго факультета Шарко. На 1883—1884 академическій годъ съ тою же цѣлію назначены темы: отъ историко-филологическаго факультета — а) „Папа Сильвестръ II", б) „Политическія собранія и организація политическая кальвинистовъ во Франціи въ XVI вѣкѣ", в) „Критическій разборъ извѣстій о Славянахъ въ Элладѣ, въ средніе вѣка", г) „Зависимость Лессинга отъ Аристотеля въ ученіи о поэзіи",

Библиотека "Руниверс"

д) „Критическій разборъ филантропической школы Базедова“ и е) „Литературная дѣятельность Гоголя“; отъ физико-математическаго факультета—а) „Анатомическое строеніе цвѣточныхъ органовъ. Изслѣдовать строеніе различныхъ частей цвѣтка, но главнымъ образомъ чашечки и пестика у нѣсколькихъ растеній изъ разнообразныхъ семействъ. Сравнить строеніе чашелистиковъ со строеніемъ листьевъ того же растенія и обратить особенное вниманіе на распредѣленіе сосудныхъ пучковъ въ различныхъ органахъ цвѣтка и ихъ взаимное отношеніе между собою и къ сосуднымъ пучкамъ оси“, б) „Изучить растенія мѣстной флоры въ отношеніи способа ихъ возобновленія и размноженія помощію луковицъ, клубней и корневыхъ шишекъ“, в) „Приложеніе теоріи непрерывныхъ дробей къ рѣшенію разнаго рода вопросовъ математическаго анализа, какъ-то: 1) къ изслѣдованію квадратичныхъ функцій, 2) къ разложенію функцій въ ряды, 3) къ интерполированію функцій, 4) къ нахожденію условій, чтобы нѣкоторые интегралы выражались алгебраическими функціями“ (въ виду обширности задачи, пишущему предоставлено ограничиться разсмотрѣніемъ только нѣкоторыхъ вопросовъ); отъ юридическаго факультета—а) „Исторія кодификаціи уголовныхъ законовъ въ Россіи отъ императрицы Елисаветы Петровны до настоящаго времени“, б) „Давность какъ способъ пріобрѣтенія права собственности по римскому праву“ и в) „Исторія сословныхъ собраній на Западѣ до XVIII столѣтія“; отъ медицинскаго факультета—„О низшихъ организмахъ, встрѣчающихся въ послѣродовыхъ отдѣленіяхъ при правильномъ и при патологическомъ теченіи послѣроднваго періода“.

На основаніи дѣйствующихъ постановленій, совѣтомъ университета св. Владиміра утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) въ степени доктора: профессоръ Нѣжинскаго историко-филологическаго института Николай Гротъ—философіи, доцентъ университета св. Владиміра Аѳиногенъ Антоновичъ—политической экономіи и статистики, ординаторъ С.-Петербургскаго Николаевскаго военнаго госпиталя Александръ Пономаревъ и лаборантъ университета св. Владиміра Александръ Рава—медицины; б) въ степени магистра: магистрантъ Харьковскаго университета Петръ Буцинскій—русской исторіи, доцентъ Варшавскаго университета Николай Любовичъ—всеобщей исторіи, хранитель кабинета Петръ Армашевскій—минералогіи и геологіи. Степени кандидата удостоено 26 (по историко-филологическому факультету 11, по физико-математическому—4,

Библиотека "Руниверс"

по юридическому—11); званія дѣйствительнаго студента—54 (по историко-филологическому факультету 19, по физико-математическому—15, по юридическому—20). По медицинскому факультету утверждено въ степеняхъ: лѣкаря—79, провизора—15, аптекарскаго помощника—61, въ званіяхъ: уѣзднаго врача—6, зубнаго врача—5, повивальной бабки—100.

Для приготовленія къ профессорской должности по вакантной въ университетѣ св. Владиміра каѳедрѣ агрономіи командированъ заграницу, на два года, кандидатъ естественныхъ наукъ сего университета Богдановъ съ содержаніемъ въ размѣрѣ 1200 руб. въ годъ изъ средствъ центральнаго управленія министерства народнаго просвѣщенія, при чемъ Богданову Высочайше даровано право безплатнаго слушанія лекцій въ Петровской земледѣльческой и лѣсной академіи. Съ цѣлію же приготовленія къ профессорскому званію оставлены при университетѣ стипендіатами: на историко-филологическомъ факультетѣ—4 кандидата, по каѳедрамъ русской и всеобщей исторіи и римской словесности, на физико-математическомъ—4, по чистой математикѣ, теоретической механикѣ, минералогіи и физикѣ; на юридическомъ—4, по энциклопедіи права, полицейскому праву, международному праву и по уголовному праву; на медицинскомъ—2, по каѳедрамъ частной терапіи и гистологіи.

Денежныя средства университета св. Владиміра находились въ слѣдующемъ положеніи: 1) штатныя суммы: къ 1-му января 1883 года имѣлось остатка 458 руб., въ 1883 году ассигновано было изъ государственнаго казначейства 346,611 руб. 28 коп. (на содержаніе личнаго состава университета 221,899 руб. 80 коп., на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы 103,691 руб. 48 коп., на стипендіи и пособія студентамъ 21,020 руб.), въ теченіе года израсходовано 337,389 руб. 61 коп., затѣмъ къ началу 1884 года оставалось 9,681 руб. 20 коп.; 2) спеціальныя средства: а) разные капиталы университета съ процентами: къ началу 1883 года имѣлось 711,401 руб. 32½ коп., въ теченіе года поступило 50,615 руб. 98 коп., въ 1883 году израсходовано 59,715 руб. 34 коп., къ 1884 году оставалось 704,301 руб. 95¾ коп.; б) пожертвованныхъ для разныхъ цѣлей: отъ 1882 года было остатка 101 руб. 86 коп., въ 1883 году поступило 132 руб. 10 коп., къ началу 1884 года имѣлось 233 руб. 96 коп.; в) суммы сбора отъ студентовъ за слушаніе лекцій: къ началу 1883 года имѣлось 1,756 руб. 98 коп., въ 1883 году посту-

Библиотека "Руниверс"

пило 47,754 руб. 36 коп., израсходована вся имѣвшаяся сумма безъ остатка, то-есть, 49,511 руб. 34 коп. Главнѣйшіе расходы изъ спеціальныхъ средствъ были слѣдующіе: на стипендіи и пособія студентамъ 6,449 руб., на добавочное жалованье, награды и пособія служащимъ въ университетѣ 6,075 руб., на командировки и пособія профессорамъ и преподавателямъ 4,975 руб., на вознагражденіе профессоровъ и преподавателей за чтеніе особыхъ курсовъ 4,175 руб., на печатаніе Университетскихъ Извѣстій 3,189 руб., на печатаніе сочиненій 2,969 руб., на плату привать-доцентамъ 2,000 руб., на студенческій отдѣлъ библіотеки 1,739 руб., на клиники университета 1,285 руб., на добавочное жалованье и квартирныя ректору и проректору 1,100 руб., на библіографическій отдѣлъ Университетскихъ Извѣстій 952 руб., на награды фельдшерамъ и прислугѣ 932 руб., на выписку медалей для студентовъ 727 руб., ординатору главной клиники 600 руб., въ пенсіонный капиталъ 600 руб., редактору Университетскихъ Извѣстій 500 руб.

При университетѣ св. Владиміра имѣются четыре госпитальныя клиники: терапевтическая, хирургическая, глазная и акушерская; госпитальныя же клиники университета: терапевтическая, хирургическая, дерматологическая и сифилитическая состоятъ при Кіевскомъ военномъ госпиталѣ. Движеніе больныхъ въ этихъ клиникахъ въ теченіе 1883 года представляется въ слѣдующемъ видѣ: а) въ факультетскихъ: терапевтической (25 кроватей): отъ 1882 года больныхъ не оставалось, въ 1883 году вновь поступило 211, изъ нихъ выздоровѣло 192, умерло 19, затѣмъ къ 1884 году не оставалось больныхъ, приходившихъ больныхъ было 735; хирургической (25 кроватей): къ 1-му января 1883 года больныхъ имѣлось 21, въ теченіе года прибыло 171, выздоровѣло 142, умерло 8, къ 1884 году оставалось на излѣченіи 42; глазной (10 кроватей): отъ 1882 года оставалось 9, вновь поступило 268, выздоровѣло 134, умерло 124, къ 1884 году оставалось 19, приходящихъ было 1,267; акушерской (25 кроватей): къ началу 1883 года имѣлось 23, въ теченіе года прибыло 91, выздоровѣло 109, умерло 4, на излѣченіи оставался 1, приходящихъ было 600; б) въ госпитальныхъ: терапевтической (56 кроватей): отъ 1882 года имѣлось 40, въ 1883 году вновь поступило 660, выздоровѣло 606, умерло 49, оставалось къ 1884 году на излѣченіи 45; хирургической (40 кроватей): къ началу 1883 года было 39, въ теченіе года прибыло 212, выздоровѣло 205, умерло 5,

Библиотека "Руниверс"

на излѣченіи къ 1884 году оставалось 41, приходящихъ было 43; дерматологической и сифилитической (100 кроватей): отъ 1882 года оставалось 37, вновь поступило 220, выздоровѣло 184, умеръ 1, оставалось къ началу 1884 года 72, приходившихъ за совѣтами больныхъ было 27.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Май 1884.

Со времени послѣдняго моего письма не произошло ничего особенно важнаго въ нашемъ педагогическомъ мірѣ. Въ Сорбоннѣ было годичное общее собраніе представителей нашихъ ученыхъ обществъ, въ которомъ министръ народнаго просвѣщенія сказалъ, по обыкновенію, рѣчь. Какъ эта рѣчь, такъ и самыя засѣданія представителей ученыхъ обществъ, не заключали въ себѣ ничего особенно новаго, выдающагося. Можно остановиться только на одномъ вопросѣ, важномъ для нашей отечественной исторіи. Въ камерахъ нашихъ нотаріусовъ хранятся весьма старые документы; нѣкоторые изъ нихъ относятся даже къ среднимъ вѣкамъ. Эти документы, ввѣренные на храненіе лицамъ часто невѣжественнымъ, подвергаются опасности быть утраченными, да кромѣ того, они недоступны ученымъ, которые могли бы извлечь изъ нихъ много любопытныхъ данныхъ, особенно для исторіи экономической и общественной. Конгрессъ ученыхъ обществъ выразилъ желаніе, чтобы были приняты мѣры для болѣе надежнаго храненія этихъ документовъ, чтобы составлены были описи имъ, и облегченъ къ нимъ доступъ въ интересахъ науки. Будемъ надѣяться, что это pium desiderium не останется безъ осуществленія.

На дняхъ состоялись выборы въ высшій совѣтъ министерства народнаго просвѣщенія. Вамъ извѣстно, что прежде члены этого совѣта назначались по волѣ главы государства; нынѣ же совѣтъ пополняется посредствомъ выборовъ, и члены избираются по большей части изъ преподавателей высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Кандидаты должны, конечно, представить программы своимъ избирателямъ. По видимому, вотъ какого рода заключенія можно вывести

Библиотека "Руниверс"

изъ видѣнныхъ мною программъ: опытъ послѣднихъ лѣтъ приводитъ къ убѣжденію, что установленный у насъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній слишкомъ обширенъ и нуждается въ сокращеніи; въ сферѣ же высшаго образованія очевидно стремленіе къ соединенію факультетовъ въ полные университеты. Впрочемъ, съ нѣкотораго времени реакція противъ послѣднихъ реформъ министерства народнаго просвѣщенія высказывается очень явно. Въ Revue des Deux-Mondes напечатана статья Альбера Дюрюи, служащая отголоскомъ этого нѣсколько преувеличеннаго протеста. Въ обществѣ, посвященномъ изученію вопросовъ по среднему образованію, Брэаль сказалъ весьма сильную рѣчь, въ которой выразилъ большія опасенія за будущность нашего средняго образованія. Это тѣмъ болѣе, поразительно, что прежде Брэаль самъ отчасти вызвалъ нынѣшнія реформы своею хорошо извѣстною книгой: „Quelques mots sur l'instruction publique".

Читатели Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, интересующіеся педагогическими вопросами, съ удовольствіемъ прочтутъ новую книгу Эмиля Боссира: „Свобода преподаванія и французскій университетъ при третьей республикѣ" (E. Beaussire: La liberté de l'enseignement et l'université sous la troisième république). Боссиръ — одинъ изъ лучшихъ нашихъ знатоковъ педагогіи. Онъ былъ въ продолженіе двадцати лѣтъ профессоромъ въ одномъ изъ нашихъ факультетовъ, затѣмъ депутатомъ въ палатѣ и теперь состоитъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ обществъ высшаго и средняго образованія. Въ своей книгѣ онъ касается почти всѣхъ вопросовъ, затронутыхъ въ послѣднее время — о свободѣ высшаго образованія, о нравственномъ образованіи, о реформахъ въ средней школѣ и о женскомъ образованіи. Боссиръ говоритъ о всѣхъ этихъ трудныхъ задачахъ въ духѣ разумнаго либерализма. Его книга будетъ цѣннымъ памятникомъ для исторіи нашего просвѣщенія за послѣдніе годы.

Въ послѣднее время появилось много интересныхъ изданій научнаго и литературнаго содержанія; я ограничусь сообщеніемъ только о важнѣйшихъ изъ нихъ.

Морякъ и въ то же время ученый, вице-адмиралъ де-ла-Гравьеръ только что окончилъ свое пятитомное сочиненіе „О походахъ Александра Великаго", заслуживающее вниманія всѣхъ изучающихъ древность. Де-ла-Гравьеръ пишетъ болѣе чѣмъ кто-либо изъ нашихъ моряковъ. Онъ не ограничивается разсказами о морскихъ кампаніяхъ, въ которыхъ лично принималъ участіе: онъ изучалъ исторію флота и

Библиотека "Руниверс"

посвятилъ ей нѣсколько сочиненій. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я обращалъ ваше вниманіе на его книгу о морякахъ XV и XVI вѣковъ. Впослѣдствіи онъ обратился къ исторіи морскаго дѣла въ древности и описалъ морскія сраженія Аѳинянъ и Персовъ. Потомъ онъ занялся изученіемъ походовъ Александра и напечаталъ по этому предмету цѣлый рядъ статей въ Revue des Deux Mondes, которыя и соединилъ теперь въ упомянутомъ мною выше сочиненіи. Конечно, де-ла-Гравьеръ не ученый филологъ: онъ не изучаетъ текстовъ критически, не пускается въ объясненіе не изданныхъ еще эпиграфически памятниковъ, но за то имѣетъ большое преимущество передъ кабинетными учеными въ томъ отношеніи, что самъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, что много путешествовалъ, знаетъ, при какихъ условіяхъ можно привести въ движеніе цѣлыя полчища людей или массу кораблей; прекрасно знаетъ географію и отлично истолковываетъ военную исторію древнихъ временъ сравненіемъ съ военными событіями временъ новыхъ. Такія качества рѣдко встрѣчаются у присяжныхъ историковъ. Де-ла-Гравьеръ дѣлитъ свою исторію Александра на пять частей, которыхъ заглавія, нѣсколько оригинальныя, свидѣтельствуютъ о томъ, что авторъ писалъ свое сочиненіе не для однихъ спеціалистовъ: 1) „Македонская драма“ (походъ въ Малую Азію, сраженіе при Иссѣ и Арбеллахъ); 2) „Азія безъ повелителя“ (походъ на Вавилонъ); 3) „Наслѣдство Дарія“—томъ, въ которомъ въ сущности мало говорится объ Александрѣ, но заключается цѣлая серія географическихъ этюдовъ о средней Азіи по новѣйшимъ путешествіямъ; 4) „Завоеваніе Индіи и путешествіе Неарха“—разказъ, въ которомъ авторъ постоянно проводитъ параллель между походами Александра и экспедиціями англійскихъ генераловъ; 5) „Раздѣленіе имперіи“. Всѣ эти книги снабжены картами, которыя, благодаря спеціальному авторитету составителя, особенно цѣнны. Вмѣстѣ взятыя, онѣ представляютъ цѣлую картину западной Азіи во время Александра и въ настоящее время. Авторъ думаетъ, что скоро настанетъ время новаго раздѣла Азіи, въ которомъ, по его мнѣнію, Россія приметъ большое участіе. Съ такой точки зрѣнія этотъ любопытный и оригинальный трудъ можетъ особенно интересовать русскихъ читателей.

Книгопродавецъ-издатель Плонъ только что выпустилъ нѣсколько книгъ, въ высшей степени любопытныхъ для исторіи французской революціи. Въ числѣ ихъ прежде всего слѣдуетъ назвать переписку Малле-дю-Пана (Mallet du Pan) съ вѣнскимъ дворомъ, съ декабря 1794

Библиотека "Руниверс"

по мартъ 1798 года; она издана Андре Мишелемъ съ предисловіемъ Тэна. Маллэ-дю-Панъ, женевскій публицистъ, имѣлъ порученіе доставлять императору Германскому свѣдѣнія о политическомъ и нравственномъ состояніи Франціи; эти конфиденціальныя письма даютъ весьма наглядную картину состоянія умовъ во Франціи за вышеозначенные четыре года, при чемъ къ разсужденіямъ о политикѣ примѣшиваются и живые анекдоты. Вообще, это—любопытное сочиненіе. То же можно сказать и о книгѣ графа де-Пюимегра (de Puymaigre): „Воспоминанія о революціи, имперіи и реставраціи". Александръ де-Пюимегръ эмигрировалъ въ самомъ началѣ революціи и служилъ въ арміи Конде, о чемъ и оставилъ живой и откровенный разсказъ; онъ даетъ вѣрное понятіе о храбрости и вмѣстѣ съ тѣмъ о легкомысліи этой эмигрантской арміи, о сношеніяхъ эмигрантовъ съ нѣмецкими принцами и Россіей, которымъ они служили нѣкоторое время. Де-Пюимегръ не былъ однако изъ числа непримиримыхъ эмигрантовъ: онъ возвратился во Францію въ періодъ консульства и поступилъ на службу въ министерство финансовъ; служилъ онъ именно въ Гамбургѣ, осаду котораго и описываетъ съ истиннымъ краснорѣчіемъ; наконецъ, во время реставраціи онъ былъ префектомъ и имѣлъ частыя сношенія съ королемъ Карломъ X и герцогиней Ангулемекою. Эти мемуары, долго остававшіеся не изданными, напечатаны его сыномъ, графомъ Т. де-Пюимегромъ, однимъ изъ серьезнѣйшихъ нашихъ ученыхъ; онъ присоединилъ къ нимъ введеніе и весьма полезныя примѣчанія. Почти одновременно съ этою книгой появилась въ свѣтъ „Общая исторія эмигрантовъ во время французской революціи" Форнерона, автора весьма уважаемыхъ историческихъ сочиненій о Филиппѣ II и о герцогахъ Гизахъ. Форнеронъ далеко не сторонникъ революціи и живо сочувствуетъ эмигрантамъ; очень любопытно представленное имъ описаніе ихъ приключеній и бѣдствій. Къ сожалѣнію, Форнеронъ почерпалъ свѣдѣнія только изъ французскихъ и англійскихъ источниковъ, между тѣмъ какъ могъ бы собрать нѣкоторыя подробности и въ литературѣ другихъ націй. Къ книгѣ приложенъ общій указатель фамилій эмигрантовъ. Авторъ остановился на времени консульства; сочиненіе его видимо не окончено: въ немъ не объяснено, что сталось съ эмигрантами, возвратившимися только въ 1815 году, или съ тѣми изъ нихъ, которые навсегда поселились за границей.

Обращаясь къ XVIII вѣку, я долженъ упомянуть объ обширнѣйшемъ трудѣ Фламмермона—о канцлерѣ Моп̀ѣ и о парламентахъ. Фламмермонъ, бывшій питомецъ école des chartes, одинъ изъ нашихъ

Библиотека "Руниверс"

лучшихъ молодыхъ историковъ; онъ долго былъ библіотекаремъ герцога Омальскаго, который, какъ вамъ извѣстно, самъ замѣчательный историческій писатель; затѣмъ онъ получилъ отъ правительства порученіе обслѣдовать вѣнскіе архивы. Въ настоящее время онъ приготовляетъ для издаваемаго нашимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія собранія не изданныхъ документовъ по исторіи Франціи (Collection des documents inédits sur l'histoire de France)—„Заявленія Парижскаго парламента въ XVIII вѣкѣ" („Les remontrances du parlement de Paris au XVIII siècle"). Съ именемъ канцлера Моп̀ связано одно изъ послѣднихъ дѣяній абсолютизма во Франціи—реформа парламентовъ. Этотъ важный эпизодъ вызвалъ безконечные споры; Фламмермонъ изложилъ его весьма подробно съ помощью множества не изданныхъ документовъ. Это сочиненіе дало автору званіе доктора словесныхъ наукъ.

По исторіи XVII вѣка вышло въ свѣтъ также нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ самое любопытное, несомнѣнно, сочиненіе Авенеля: „Ришельё и абсолютная монархія" („Richelieu et la monarchie absolue"). Въ цѣломъ оно составитъ четыре тома, изъ коихъ два уже появились въ свѣтъ; главная задача автора—выяснить, какимъ образомъ Французское королевство превратилось изъ представительной монархіи, каковою было до XVII вѣка, въ абсолютную—благодаря вліянію Ришельё. Авенель изучаетъ преимущественно внутреннюю исторію Франціи, оставляя въ сторонѣ иностранную политику той эпохи, хорошо, впрочемъ, извѣстную. Весь первый томъ состоитъ изъ тонкаго анализа французскаго общества при Людовикѣ XIII. Этотъ анализъ есть остроумный комментарій классическихъ писателей первой половины XVII вѣка. Второй томъ посвященъ почти всецѣло исторіи финансовъ того времени. Сочиненіе Авенеля богато самостоятельными изысканіями, написано легкимъ и изящнымъ слогомъ и блещетъ необыкновеннымъ богатствомъ подробностей. Оно достойно серьезнаго вниманія всѣхъ интересующихся исторіей XVII вѣка, то-есть, эпохой, когда Франція служила образцомъ для всей почти Европы.

Франція усвоила себѣ обычай, столь распространенный въ Германіи, издавать такъ-называемые Festschrifte, то-есть, сборники научныхъ монографій и замѣтокъ, составленные по случаю какого-либо академическаго торжества. Самый замѣчательный изъ этого рода сборниковъ былъ у насъ изданъ въ свѣтъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ честь Дюрюи, по случаю десятилѣтней годовщины основанія

Библиотека "Руниверс"

школы высшихъ знаній. Въ немъ заключались только сочиненія по римской исторіи. Подобный же сборникъ, и еще болѣе замѣчательный, только что вышелъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ: Mélanges Graux, собраніе статей по классической филологіи (одинъ томъ въ 8-ку, въ 900 страницъ, Thorin éditeur). Два года тому назадъ умеръ въ Парижѣ молодой и весьма серьезный эллинистъ Шарль Гро. Ему было только 29 лѣтъ. Друзья пожелали почтить его память изданіемъ сборника, посвященнаго исключительно этюдамъ по классической филологіи. Этотъ сборникъ редактированъ профессоромъ Сорбонны Луи Авэ (Havet), хорошо извѣстнымъ своими изслѣдованіями по латинской метрикѣ. Авэ пригласилъ къ участію всѣхъ европейскихъ ученыхъ, и очень многіе отозвались на это приглашеніе. Всѣ доставленныя статьи написаны на французскомъ или на латинскомъ языкѣ. Изъ Французовъ, принявшихъ участіе въ сборникѣ, я укажу только на Бенуа, Бергеня, Брэаля, Буассье, Круазе, Дежардена, Эгжера, Лависса, де-Соссюра, Вейля; изъ иностранцевъ приняли участіе: Коббетъ (изъ Лейдена), Компаретти (изъ Флоренціи), Гардтгаузенъ (изъ Лейпцига), Ламбросъ (изъ Аѳинъ), Мадвигъ (изъ Копенгагена), Момсенъ (изъ Берлина) и т. д. Это роскошное изданіе изобилуетъ превосходными факсимиле; оно печаталось по подпискѣ, и въ продажу пущено лишь очень небольшое число экземпляровъ его. Книга эта несомнѣнно обратитъ на себя вниманіе всѣхъ занимающихся древнею словесностью.

Я уже не разъ писалъ вамъ о сдѣланныхъ во Франціи успѣхахъ по изученію народнаго быта и творчества. Въ послѣднее время, для опредѣленія сравнительнаго изученія легендъ, народныхъ преданій и т. д., у насъ принято названіе folk-lore; образовалась цѣлая группа фольклористовъ, и число ихъ сочиненій все увеличивается. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ двое изъ нихъ, Ролланъ и Гедозъ, основали было для этой области знаній спеціальный періодическій органъ Mélusine, но онъ вскорѣ прекратился по недостатку подписчиковъ. Съ тѣхъ поръ, однако, экземпляры этого изданія распродались успѣшно, такъ что многіе стали выражать желаніе, чтобы журналъ былъ возобновленъ. И вотъ Ролланъ и Гедозъ возобновили его изданіе на новыхъ условіяхъ, обѣщающихъ болѣе вѣрный успѣхъ. Въ первый годъ своего существованія Мелюзина была посвящена исключительно французской народности; теперь она сдѣлается вполнѣ международною по своему содержанію. Подписная цѣна 20 франковъ, за 24 нумера (6 rue des Fossés Saint-Bernard à Paris). Въ первомъ нумерѣ по-

Библиотека "Руниверс"

мѣщены замѣчательный этюдъ профессора Богишича о важности народныхъ юридическихъ обычаевъ, затѣмъ французскія сказки, этюдъ о преданіяхъ и повѣрьяхъ, касающихся радуги, американскія сказки, библіографическія новости и т. д. Этотъ первый выпускъ даетъ прекрасное понятіе о новомъ изданіи, заручившимся сотрудниками по всей Европѣ.

Всѣ занимающіеся изученіемъ миѳологіи отнесутся съ интересомъ къ новой книгѣ д'Арбуа де-Жюбенвилля: „Циклъ ирландской миѳологіи и кельтская миѳологія“ („Le cycle mythologique irlandais et la mythologie celtique“), которая заключаетъ въ себѣ собраніе лекцій, читанныхъ авторомъ во Французской коллегіи. Де-Жюбенвилль—первый Французъ, посвятившій себя основательно изученію національной литературы Ирландіи. Въ прошломъ году онъ издалъ каталогъ эпической литературы Ирландіи. Эта литература, относительно недавняя, покоится на древнихъ основахъ, видимо измѣненныхъ христіанствомъ. Ея преданія имѣютъ нѣкоторое сходство съ преданіями Индіи и Ирана, но особенно съ преданіями Греціи. Де-Жюбенвилль подвергаетъ подробному анализу преданія, встрѣчаемыя имъ въ подлинникахъ. Эпическія произведенія, которыми онъ пользовался, далеко не имѣютъ того литературнаго достоинства, какъ эпосъ греческій или индѣйскій. Въ ирландской миѳологіи, какъ и въ ведической, очертанія божествъ нерѣшительны и туманны, концепція не имѣетъ единства и гармоніи. Но внимательное изслѣдованіе де-Жюбенвилля проливаетъ большой свѣтъ на эту темную область.

Де-Жюбенвилль въ своей книгѣ часто ссылается на важное сочиненіе Бергеня (Bergaigne) о ведической религіи (La réligion védique, 3 тома въ 8-ку). Я до сихъ поръ не сообщалъ вамъ о появленіи этого сочиненія; теперь же скажу, что это замѣчательное изслѣдованіе уже пріобрѣло себѣ обширную извѣстность и всѣми цѣнится очень высоко. Тотъ же Бергень далъ намъ недавно новый переводъ „Сакунталы“. Изъ трехъ уже существующихъ у насъ переложеній ея трудъ Бергеня—лучшій. „Сакунтала“, какъ вы знаете, написана прозою и стихами въ перемежку. Бергень возымѣлъ счастливую мысль соблюсти это чередованіе подлинной индѣйской драмы, и стихи его въ совершенствѣ передаютъ всю прелесть оригинала. Другой оріенталистъ, Джемсъ Дармстеттеръ, только что выпустилъ въ свѣтъ книгу: „Опыты по англійской литературѣ“ („Essais de littérature anglaise“), въ которой обнаружилъ блистательное дарованіе критика. Въ книгѣ его помѣщены этюды о Шекспирѣ, и именно о „Макбетѣ“, который

Библиотека "Руниверс"

былъ имъ недавно изданъ отдѣльно; затѣмъ этюды о Байронѣ, Шелле, Уордсвортѣ, Броунингѣ и о нѣкоторыхъ современныхъ писателяхъ. Изученіе Востока привлекло Дармстеттера къ изученію англійскаго языка, который сталъ для него какъ бы роднымъ. Общество, издающее въ Лондонѣ священныя книги Востока, поручило ему перевести Зендъ-Авесту.

Послѣдній томъ, изданный школою живыхъ восточныхъ языковъ, принадлежитъ перу Деранбура: это—описательный каталогъ арабскихъ рукописей Эскуріала, составленный этимъ ученымъ профессоромъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ бывшимъ въ Испаніи. Трудъ этотъ значительно исправляетъ Bibliotheca Arabico-Hispana Escurialensis Казири, изданную въ прошломъ вѣкѣ въ Мадридѣ (1760 — 1770), и дѣлаетъ ее теперь не нужною. Благодаря неустаннымъ изысканіямъ, Деранбуру удалось найдти въ Эскуріалѣ нѣсколько рукописей, или считавшихся утраченными, или совсѣмъ неизвѣстныхъ. Нѣкоторыя изъ рукописей оставлены имъ однако въ сторонѣ, ибо онъ не считалъ себя достаточно компетентнымъ для описанія ихъ: таковы медицинскія, математическія, юридическія и богословскія; впрочемъ, первыя уже описаны однимъ французскимъ врачемъ Леклеркомъ, и каталогъ ихъ будетъ вскорѣ изданъ.

Одинъ изъ бывшихъ нашихъ консуловъ на Востокѣ, Энгельгардтъ, написалъ два любопытные тома по внутренней исторіи Оттоманской имперіи нашего вѣка, подъ заглавіемъ: „Турція и танзиматъ, исторія реформъ въ Оттоманской имперіи съ 1826 года до нашего времени". Энгельгардтъ тщательно разсматриваетъ оффиціальные акты оттоманскаго правительства съ царствованія Махмуда и разныя вѣянія общественнаго мнѣнія въ Европѣ и въ оттоманскомъ мірѣ. Онъ служилъ на Востокѣ въ продолженіе двадцати лѣтъ, и нѣкоторая часть его труда составлена по его личнымъ замѣткамъ. Заключенія этого проворливаго наблюдателя, вообще, имѣютъ характеръ пессимистическій: предпринимавшіяся въ Турціи реформы никогда не удавались: „Hatty-humayoun, по извѣстному изрѣченію князя Горчакова, это—не уплаченный вексель. Это—менѣе чѣмъ ассигнація. Теперь уже можно предвидѣть, когда сыны Ортосрула и Османа, постепенно оттѣсняемые въ ихъ прежнія границы, исчезнутъ съ континента, между режимомъ осужденной силы, подъ которымъ они жили, и режимомъ неизбѣжной цивилизаціи, который они отвергаютъ". Болѣе всего новаго заключается въ тѣхъ главахъ сочиненія, гдѣ Энгельгардтъ излагаетъ старанія Франціи помочь Турціи

Библиотека "Руниверс"

въ ея преобразованіяхъ, и именно во введеніи европейской цивилизаціи. Во время Наполеона III Дюрюи основалъ въ Галатѣ французскій лицей, давшій весьма любопытные результаты, но теперь пришедшій въ полный упадокъ.

Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ византійскаго Востока, Густавъ Шленбержеръ (Schlumberger), сочиненія котораго по византійской нумизматикѣ считаются классическими, занимается нынѣ византійскою сигиллографіей. Ожидаемое появленіе этого сочиненія будетъ событіемъ въ наукѣ. Шленбержеръ не только ученый, но и отличный писатель и путешественникъ, мастерски разказывающій историческія происшествія. Онъ только что собралъ свои путевыя впечатлѣнія по Востоку; книга эта заключаетъ въ себѣ не одни только впечатлѣнія туриста, но много любопытнаго и для изучающихъ Византію. Подъ заглавіемъ „Принцевы острова" Шленбержеръ напечаталъ нѣсколько весьма любопытныхъ этюдовъ о нѣкоторыхъ извѣстныхъ въ исторіи Византіи мѣстностяхъ: о Принцевыхъ островахъ, видѣвшихъ величіе или ничтожество стольких знаменитыхъ людей, о дворцѣ и церкви Влахернской, о которыхъ упоминается уже въ Несторовой лѣтописи, о великой стѣнѣ византійской. Изучая нынѣшнее состояніе этихъ мѣстъ, Шленбержеръ пересказываетъ нѣкоторыя историческія событія, тамъ совершавшіяся. Трудно найдти путеводителя болѣе вѣрнаго и болѣе знакомаго съ дѣломъ. Кстати сообщу вамъ объ одномъ открытіи, которое недавно сдѣлалъ Шленбержеръ, и которое интересно для русскихъ археологовъ. Въ Revue Archéologique 1883 года онъ напечаталъ сообщеніе о пяти печатяхъ византійской эпохи. Одна изъ этихъ печатей принадлежала нѣкоей Θеοфано Музалонъ, носившей титулъ русской княгини. Не знаю, извѣстна ли эта Θеοфано русскимъ историкамъ. По мнѣнію Шленбержера, упомянутая печать относится къ XI или къ XII вѣку. На оборотной сторонѣ печати изображены двое святыхъ, поддерживающихъ круглое изображеніе Христа. Шленбержеръ предполагаетъ, что святые эти—Кириллъ и Меѳодій, но я сильно въ томъ сомнѣваюсь. Хотя имена обоихъ апостоловъ и упоминаются въ первоначальной лѣтописи, но память ихъ, кажется, мало чтилась въ древней Руси. Не изображены ли тутъ Антоній и Ѳеодосій? Желательно выяснить, съ кѣмъ была въ бракѣ эта Θеοфано, и гдѣ княжилъ ея мужъ, русскій князь.

Франція потеряла недавно одного изъ знаменитѣйшихъ своихъ историковъ. Въ апрѣлѣ текущаго года скончался 88-ми лѣтъ Минье. Онъ былъ членомъ института, секретаремъ академіи нравственныхъ

Библиотека "Руниверс"

и политическихъ наукъ. Уроженецъ южной Франціи, онъ началъ изучать право въ Эксѣ, гдѣ и сошелся съ Тьеромъ. На литературное поприще онъ выступилъ въ 1824 году своею знаменитою „Исторіей французской революціи", въ 2-хъ томахъ; это сочиненіе было переведено на многіе языки и имѣло много изданій; во время Іюльской монархіи онъ состоялъ директоромъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ, но никогда не выступалъ собственно на политическое поприще и посвятилъ всю свою жизнь изученію исторіи. Съ 1836 по 1842 годъ онъ напечаталъ свой огромный трудъ о переговорахъ касательно Испанскаго наслѣдства, который составляетъ цѣлую исторію дипломатіи царствованія Людовика XIV; въ 1843 г. онъ напечаталъ сочиненіе: „Антоніо Перецъ и Филиппъ II", въ 1851—„Исторію Маріи „Стюартъ", въ 1854—„Отреченіе Карла V отъ престола", въ 1855—„Соперничество Франциска I и Карла V"; сверхъ того, имъ издано нѣсколько томовъ историческихъ похвальныхъ рѣчей, сказанныхъ имъ въ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. Минье особенно удавался этотъ свойственный Французамъ родъ краснорѣчія. Говорятъ, онъ началъ писать исторію реформаціи, но ничего изъ нея не напечаталъ. Это былъ историкъ въ лучшемъ смыслѣ слова, писалъ сжато и сильно; нѣкоторыя изъ его страницъ будутъ служить образцомъ прекрасной французской прозы XIX вѣка.

Въ академіи надписей кельтологъ Арбуа де-Жюбенвилль занялъ мѣсто умершаго Ленормана. Много важныхъ назначеній сдѣлано и по высшему образованію. Во Французской коллегіи Станиславъ Гюаръ и Флахъ назначены профессорами, одинъ—по арабскому языку, другой—по сравнительному законовѣдѣнію, вмѣсто умершихъ Дефремери и Лабулэ; въ національную библіотеку назначенъ профессоромъ археологіи Рейе, вмѣсто умершаго Ленормана; наконецъ, въ школу восточныхъ языковъ назначены Каррьеръ и Гудасъ по армянскому и арабскому языку, вмѣсто Дюлорье и Шербоно. Назначеніе въ высшія образовательныя учрежденія, какъ Французская коллегія, школа восточныхъ языковъ, école des chartes, происходитъ у насъ слѣдующимъ образомъ: совѣтъ профессоровъ назначаетъ двухъ кандидатовъ; академія надписей и изящной словесности—въ случаѣ назначенія филолога, или академія нравственныхъ и политическихъ наукъ—въ случаѣ назначенія историка или философа, или наконецъ, Французская академія—если дѣло идетъ о замѣщеніи каѳедры французской литературы во Французской коллегіи, назначаютъ также двухъ кандидатовъ. Эти кандидаты, смотря по ихъ заслугамъ, представляются или по пер-

Библиотека "Руниверс"

вому или по второму разряду; если кандидатъ представленъ по первому разряду и школой, и академіей, то онъ обыкновенно и избирается главой государства; если же кандидатъ одною стороной назначается по первому разряду, а другою — по второму, то выборъ предоставляется правительству. Оно можетъ иногда, по политическимъ или другимъ соображеніямъ, назначить кандидата, представленнаго по второму разряду обѣими сторонами, и даже совсѣмъ никѣмъ не представленнаго. По поводу замѣщенія каѳедры Лабуле (то-есть, каѳедры сравнительнаго законовѣдѣнія во Французской коллегіи) произошло любопытное обстоятельство. Представлено было два кандидата: Дарестъ, членъ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, и Флахъ, еще молодой адвокатъ, бывшій въ продолженіе трехъ лѣтъ помощникомъ Лабуле. Академія вотировала противъ собственнаго члена Дареста и избрала Флаха. Дарестъ уже состоитъ членомъ кассаціоннаго суда, и академія нашла, что эта должность не совмѣстима съ должностію профессора. Это происшествіе надѣлало много шума въ нашемъ научномъ мірѣ.

Л. Л—ръ.

Библиотека "Руниверс"

ЭТИКА АРИСТОТЕЛЯ [1])

(Переводъ съ греческаго).

Книга II.

§ 1. Итакъ, добродѣтель бываетъ двоякою: частью діаноэтическою, частью этическою. Діаноэтическая добродѣтель возникаетъ и развивается по преимуществу путемъ обученія, почему и нуждается въ опытѣ и во времени; этическая же слагается путемъ привычекъ; отъ нихъ-то она и получила свое названіе, такъ какъ оно образовано мелкимъ измѣненіемъ слова нравъ (ἔθος). Отсюда ясно что ни одна этическая добродѣтель не дается намъ отъ природы ибо ни одно качество, данное природой, не можетъ измѣниться подъ вліяніемъ привычки, подобно тому, какъ камень, имѣющій отъ природы движеніе внизъ, врядъ ли можетъ привыкнуть двигаться вверхъ, даже если кто-либо и захочетъ пріучить его къ тому, бросая его десять тысячъ разъ вверхъ; точно также и огонь не привыкнетъ горѣть внизъ, и вообще говоря, ни одинъ предметъ не мѣняетъ своихъ естественныхъ качествъ подъ вліяніемъ привычки. Слѣдовательно, добродѣтели ни даются намъ отъ природы, ни возникаютъ помимо природы, но мы отъ природы имѣемъ возможность пріобрѣсть ихъ, путемъ привычекъ же пріобрѣтаемъ ихъ въ совершенствѣ. Вообще все, что̀ мы имѣемъ отъ природы, то мы первоначально получаемъ лишь въ видѣ возможностей и впослѣдствіи преобразуемъ ихъ въ дѣйствительности. Это ясно на ощущеніяхъ: вѣдь не потому, что мы часто пользовались зрѣніемъ или слухомъ, возникаютъ въ насъ соотвѣтствен-

[1]) *Продолженіе*. См. апрѣльскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* текущаго года.

Библиотека "Руниверс"

ные органы ощущеній, но, на оборотъ, мы пользуемся ими, потому что имѣемъ ихъ, а не потому получаемъ ихъ, что пользовались ими. Также и добродѣтели пріобрѣтаемъ мы путемъ предшествующей имъ дѣятельности, какъ вообще всѣ искусства; ибо то, что мы должны дѣлать научившись, этому мы научаемся дѣятельностью, напримѣръ, архитекторъ [научается своему искусству]—строя дома, артистъ на кивapѣ—играл на кивapѣ. Точно также мы становимся и справедливыми—творя справедливыя дѣла, умѣренными—дѣйствуя съ умѣренностью, мужественными—поступая мужественно. Подтверждается это явленіями государственной жизни: вѣдь законодатели дѣлаютъ гражданъ хорошими путемъ привычекъ, и стремленіе всякаго законодателя направлено именно къ этому. Тѣ законодатели ошибаются, которые не обращаютъ должнаго вниманія на привычки, и именно этимъ хорошее государственное устройство отличается отъ дурнаго. Далѣе, тѣмъ же самымъ путемъ и средствами, которыми возникаетъ всякая добродѣтель и искусство, оно и гибнетъ. Игра на кивapѣ образуетъ какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ музыкантовъ; то же и относительно архитекторовъ и всѣхъ остальныхъ, ибо хорошими архитекторами станутъ тѣ, которые будутъ хорошо строить дома, дурными—тѣ, которые станутъ это дѣлать дурно. Еслибъ это было не такъ, то не нужны были бы учителя, и всѣ сразу становились бы хорошими или дурными. То же самое и относительно добродѣтелей, ибо, люди, поступая такъ какъ это принято во взаимныхъ отношеніяхъ, становятся частью справедливыми, частью—несправедливыми. Дѣйствуя въ опасныхъ положеніяхъ и привыкнувъ или испытывать страхъ, или же быть мужественными, одни становятся мужественными, другіе—трусами. Также дѣло обстоитъ и относительно страстей и наклонностей: одни становятся умѣренными и кроткими, другіе — невоздержными и гнѣвливыми, благодаря тому, что одни при данныхъ обстоятельствахъ поступали такъ, а другіе иначе. Однимъ словомъ, изъ одинаковыхъ опредѣленныхъ дѣятельностей возникаютъ имъ соотвѣтственныя [пріобрѣтенныя] свойства. Поэтому-то слѣдуетъ вліять на характеръ дѣятельности, ибо пріобрѣтенныя свойства души зависятъ отъ различія дѣятельностей. Поэтому немаловажно, пріученъ ли кто-либо съ первой молодости къ тому или другому, напротивъ, это очень важно: отъ этого зависитъ все.

§ 2. Такъ какъ наша наука не имѣетъ цѣлью теорію [знаніе], какъ другія науки (вѣдь не для того мы разсуждаемъ, чтобы знать, что̀ такое добродѣтель, а для того, чтобы стать хорошими людьми: въ

Библиотека "Руниверс"

противномъ случаѣ наука наша была бы безполезною), то необходимо разсмотрѣть все, что̀ связано съ дѣятельностью человѣка, чтобъ опредѣлить, какъ слѣдуетъ поступать, ибо, какъ мы сказали, отъ нашей дѣятельности зависятъ качества характера, пріобрѣтаемыя нами. Что касается правила, что въ дѣятельности должно слѣдовать истинному разуму, то оно пригодно, какъ общее положеніе, и о немъ будетъ говорено позднѣе, а также и о томъ, что̀ такое истинный разумъ, и какъ онъ относится къ другимъ добродѣтелямъ. Однако, въ томъ мы заранѣе должны согласиться, что всякое разсужденіе, касающееся дѣятельности человѣка, обязано давать лишь общія, а не точныя опредѣленія, какъ мы и говорили съ самаго начала, что должно требовать опредѣленія, сообразнаго съ изслѣдуемымъ предметомъ. Изслѣдованія же, касающіяся дѣятельности и понятія пользы, не представляютъ ничего твердаго, какъ и изслѣдованія, относящіяся къ здоровью. Если это справедливо даже относительно общаго̀, то тѣмъ менѣе точности можетъ заключать въ себѣ изслѣдованіе частныхъ явленій, ибо они не могутъ быть опредѣлены никакимъ искусствомъ или правиломъ, и каждый отдѣльный человѣкъ въ своей дѣятельности долженъ имѣть въ виду обстоятельства, точно также, какъ и во врачебномъ искусствѣ и искусствѣ управленія кораблемъ. Не смотря на это, должно оказать помощь настоящему изслѣдованію. Должно, во-первыхъ, обратить вниманіе на то, что подобныя [выше упомянутыя] явленія уничтожаютъ сами себя недостаткомъ или избыткомъ. Мы должны при этомъ пользоваться указаніями яснаго и конкретнаго для объясненія отвлеченнаго [ἀφανῶν]: это мы видимъ, напримѣръ, по отношенію къ тѣлесной силѣ или здоровью: слишкомъ усиленное или недостаточное занятіе гимнастикой губитъ тѣлесную силу, точно также и недостаточная или излишняя пища и питье губитъ здоровье, въ то время какъ пользованіе ими въ мѣру рождаетъ, сохраняетъ и увеличиваетъ здоровье. Также дѣло обстоитъ и относительно умѣренности (σωφροσύνη), мужественности и другихъ добродѣтелей, ибо тотъ, кто избѣгаетъ и боится всего и ничего не испыталъ, тотъ становится трусомъ, а тотъ, кто ничего не боится и идетъ на все, становится безумно-отважнымъ; точно также тотъ становится невоздержнымъ, кто предается всякому наслажденію и ни отъ одного не удерживается; напротивъ, человѣкъ, избѣгающій всякаго наслажденія, становится безстрастнымъ (ἀναίσθητος), какъ аскетъ (οἱ ἄγροικοι). Умѣренность и мужество въ одинаковой мѣрѣ гибнутъ отъ избытка и недостатка, въ то время какъ средина спасаетъ ихъ. Но не только зарожденіе, ростъ

Библиотека "Руниверс"

и гибель стоятъ подъ этими условіями и зависятъ отъ нихъ, но и проявленія этихъ добродѣтелей заключаются въ томъ же самомъ. Вѣдь это видно на другихъ, болѣе наглядныхъ примѣрахъ, какъ напримѣръ, на тѣлесной силѣ: возникаетъ она вслѣдствіе достаточнаго питанія и большихъ физическихъ трудовъ, и съ другой стороны, сильный станетъ къ этому наиболѣе способнымъ. То же самое и относительно добродѣтелей: мы становимся умѣренными, воздерживаясь отъ удовольствій, но, ставъ такими, мы будемъ наиболѣе способными воздерживаться отъ удовольствій. То же и относительно мужества: привыкая презирать опасности, мы становимся мужественными, а ставъ таковыми, болѣе всего будемъ способны противостоять опасностямъ. Наслажденіе и страданіе, сопутствующія дѣятельности, свидѣтельствуютъ о томъ, что указанныя пріобрѣтенныя свойства души возникаютъ изъ дѣятельности, ибо тотъ умѣренный человѣкъ, кто находитъ наслажденіе въ воздержаніи себя отъ чувственныхъ удовольствій; тотъ, напротивъ, невоздержный, кто при этомъ испытываетъ неудовольствіе, и тотъ мужественъ, кому доставляетъ наслажденіе или, по крайней мѣрѣ, не доставляетъ страданія противостоять опасностямъ; напротивъ, тотъ трусъ, кто при этомъ испытываетъ неудовольствіе. Этическая добродѣтель имѣетъ дѣло съ наслажденіемъ и страданіемъ, ибо ради наслажденія мы поступаемъ дурно и вслѣдствіе страданія не выполняемъ прекраснаго; поэтому-то и необходимо, какъ говоритъ Платонъ, тотчасъ съ молодости вести человѣка такъ, чтобъ онъ радовался, чему слѣдуетъ, и испытывалъ страданіе, когда слѣдуетъ; въ этомъ-то и заключается истинное воспитаніе. Далѣе, и изъ того уже ясно, что добродѣтель имѣетъ дѣло съ наслажденіемъ и страданіемъ, что добродѣтели касаются дѣятельности и аффектовъ, а всякому дѣйствію сопутствуетъ наслажденіе или страданіе. Это же доказываютъ и наказанія, дѣйствующія страданіемъ: вѣдь наказаніе извѣстнаго рода лѣченіе, а лѣченіе производится противоположнымъ. Далѣе, мы уже ранѣе сказали, что всякое пріобрѣтенное качество души проявляется и имѣетъ дѣло съ тѣмъ, въ силу чего это качество становится худшимъ или лучшимъ; наслажденіе же и страданіе дѣлаютъ людей дурными въ силу того, что они стремятся и избѣгаютъ ихъ, притомъ стремятся къ тому, къ чему не слѣдовало бы стремиться, и избѣгаютъ того, чего не слѣдовало бы избѣгать, или дѣлаютъ это не во время, или не такъ, какъ слѣдовало, и т. д. по всѣмъ категоріямъ, которыя разумъ примѣняетъ къ подобнымъ явленіямъ. Поэтому-то нѣкоторые и опредѣляютъ добродѣтель, какъ извѣстнаго рода

Библиотека "Руниверс"

апатію и душевное спокойствіе. Ошибка ихъ заключается лишь въ томъ, что говорятъ они это безусловно, не добавляя къ этому опредѣленію положительныхъ и отрицательныхъ признаковъ, не указывая обстоятельствъ и вообще не давая болѣе близкихъ опредѣленій. Слѣдовательно, добродѣтель есть то, что̀ дѣлаетъ человѣка способнымъ къ совершенной дѣятельности по отношенію къ наслажденію и страданію, порочность же — противоположное. Сверхъ того, еще и слѣдующее обстоятельство уяснитъ намъ, что добродѣтель имѣетъ дѣло съ наслажденіемъ и страданіемъ: три понятія опредѣляютъ нашъ выборъ и наше уклоненіе: прекрасное, полезное и пріятное, и три противоположныя понятія: некрасивое, вредное и непріятное. Во всемъ этомъ хорошій человѣкъ находитъ истину, дурной же ошибается, и въ особенности по отношенію къ наслажденію, ибо это послѣднее обще всѣмъ животнымъ и сопряжено, какъ слѣдствіе, со всѣмъ тѣмъ, относительно чего существуетъ выборъ; прекрасное и полезное въ то же время и пріятно. Къ тому же наслажденіе смолоду возрастаетъ вмѣстѣ съ нами, и чрезвычайно трудно уничтожить въ себѣ это состояніе, которымъ проникнута вся жизнь. Наслажденіемъ и страданіемъ управляются всѣ наши дѣйствія, одни болѣе, другія менѣе. И такъ, вся этика необходимо должна разсматривать наслажденіе и страданіе, ибо не маловажно для дѣятельности хорошо радоваться и страдать, или дурно. Сверхъ того, съ наслажденіемъ бороться, говоритъ Гераклитъ, труднѣе чѣмъ съ гнѣвомъ, а искусство и добродѣтели всегда имѣютъ дѣло съ тѣмъ, что̀ трудно, и совершенство въ этой сферѣ выше. И такъ, и изъ этого обстоятельства можно заключить, что вся наука о добродѣтели и политика имѣетъ дѣло съ наслажденіемъ и страданіемъ; тотъ хорошій человѣкъ, кто хорошо ими пользуется, а кто дурно, тотъ дурной. И такъ, запомнимъ, что добродѣтель имѣетъ дѣло съ наслажденіемъ и страданіемъ, что тѣ же самыя условія, въ силу которыхъ добродѣтель возникаетъ, увеличиваютъ ее или, если они дѣйствуютъ не надлежащимъ образомъ, губятъ ее, и что добродѣтель проявляется именно въ томъ, изъ чего возникла.

§ 3. Но можетъ быть, кого-либо затруднитъ то, что мы говоримъ, что человѣкъ становится справедливымъ, творя дѣла справедливости, и умѣреннымъ, поступая съ умѣренностью; если же они творятъ дѣла справедливости и умѣренности, то они уже и суть справедливые и умѣренные, подобно тому какъ люди, знающіе грамматику и музыку, и суть грамматики и музыканты. Но развѣ дѣло хотя бы въ искусствахъ

Библиотека "Руниверс"

обстоитъ такъ? Вѣдь можетъ же кто-либо писать вѣрно по правиламъ грамматики по случаю или по указанію кого-либо иного; онъ будетъ лишь тогда грамматикомъ, когда онъ пользуется вѣрно грамматикой, сознавая грамматическія правила, то-есть, когда онъ воспользуется правилами грамматики, находящимися въ его сознаніи. Далѣе, есть разница между искусствами и добродѣтелями: въ произведеніяхъ искусства совершенство лежитъ въ нихъ самихъ, и достаточно, чтобъ эти произведенія возникли сообразно правиламъ, лежащимъ въ самомъ искусствѣ; недостаточно однако добродѣтельнымъ дѣйствіямъ имѣть извѣстныя качества, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ назвать ихъ справедливыми и умѣренными: необходимо, чтобы дѣйствующее лицо во время дѣятельности имѣло извѣстное душевное состояніе (πῶς ἔχων): во-первыхъ, чтобъ оно дѣйствовало сознательно, далѣе—съ намѣреніемъ, и притомъ съ такимъ намѣреніемъ, которое считало бы эти дѣйствія цѣлью самою по себѣ [а не средствомъ], и втретьихъ, чтобъ это лицо твердо и неизмѣнно держалось извѣстныхъ принциповъ въ своей дѣятельности. Всѣ эти условія не перечисляются въ другихъ искусствахъ, за исключеніемъ одного условія — знанія. Знаніе же имѣетъ малое значеніе или вовсе его не имѣетъ по отношенію къ добродѣтели, другіе же условія не маловажны, но напротивъ, составляютъ все. Эти-то условія и возникаютъ въ насъ отъ частаго повторенія справедливыхъ и умѣренныхъ дѣйствій. И такъ, дѣйствія называются тогда справедливыми и умѣренными, когда они таковыя, какія могъ бы совершить справедливый и умѣренный человѣкъ; справедливый же и умѣренный человѣкъ не тотъ, кто поступаетъ такъ, [ибо онъ могъ бы поступать такъ и случайно], но тотъ, кто поступаетъ такъ, какъ справедливые и умѣренные. И такъ, вѣрно, что справедливымъ человѣкъ становится, творя дѣла справедливости, а умѣреннымъ—поступая съ умѣренностью, а безъ подобной дѣятельности пусть никому и въ голову не приходитъ стать хорошимъ человѣкомъ. Большинство же людей не поступаютъ такъ, а прибѣгая къ теоріи, думаютъ, что философствуя они могутъ стать людьми нравственными; точно также поступаютъ больные, которые внимательно выслушиваютъ врачей, но ни въ чемъ не слѣдуютъ ихъ предписаніямъ: какъ тѣло людей, лѣчащихся такимъ образомъ, не будетъ въ хорошемъ состояніи, такъ и души тѣхъ, которые подобнымъ образомъ философствуютъ, [а не дѣйствуютъ].

§ 4. Послѣ этого слѣдуетъ разсмотрѣть, что̀ такое добродѣтель. Душевныя движенія бываютъ трояkаго рода: аффекты (πάθη), спс-

Библиотека "Руниверс"

собности (δυνάμεις) и пріобрѣтенныя свойства (ἕξεις). Добродѣтель должна быть однимъ изъ этого. Аффектами я называю страсть, гнѣвъ, страхъ, отвагу, зависть, радость, дружбу, ненависть, желаніе, ревность, сожалѣніе, однимъ словомъ—все то, чему сопутствуетъ удовольствіе или страданіе. Подъ способностями я разумѣю то, что̀ содержитъ въ себѣ причину, въ силу которой мы имѣемъ эти аффекты, напримѣръ, въ силу чего мы способны испытывать гнѣвъ или печаль, или сожалѣніе. Пріобрѣтенными же свойствами души я называю то, въ силу чего мы вѣрно или дурно относимся къ аффектамъ, напримѣръ, къ гнѣву: если мы слишкомъ отдаемся ему или слишкомъ мало отдаемся ему, то мы поступаемъ дурно; если же придерживаемся средины, то хорошо, и подобнымъ образомъ относительно другихъ аффектовъ. Аффекты не суть ни добродѣтели, ни пороки, ибо вѣдь мы не въ силу нашихъ аффектовъ называемся хорошими и дурными, а называемся таковыми въ силу добродѣтелей или пороковъ, и вѣдь насъ не хвалятъ и не хулятъ за наши аффекты (вѣдь не хвалятъ же человѣка, испытывающаго страхъ, и не безусловно хулятъ гнѣвающагося, а лишь извѣстнымъ образомъ гнѣвающагося), а за добродѣтели и пороки насъ хвалятъ или хулятъ. Далѣе, гнѣваемся мы и страшимся не преднамѣренно, добродѣтели же суть извѣстнаго рода намѣренія или, по крайней мѣрѣ, не безъ намѣренія. Сверхъ всего этого, мы говоримъ, что аффекты насъ побуждаютъ къ дѣятельности, про добродѣтели же и пороки не говорится, что они побуждаютъ насъ къ дѣятельности, а что мы находимся въ извѣстномъ состояніи. Въ силу того же самаго добродѣтели и не суть способности, ибо насъ не называютъ хорошими или дурными единственно въ силу того, что мы способны къ аффектамъ, и насъ за это не хвалятъ и не хулятъ. Далѣе, способности мы получаемъ отъ природы, хорошими же или дурными мы не становимся отъ природы, какъ мы объ этомъ ранѣе говорили. И такъ, если добродѣтели не суть ни аффекты, ни способности, то остается лишь признать ихъ пріобрѣтенными качествами души. Этимъ опредѣлено, что̀ такое добродѣтель по своему родовому понятію [τῷ γένει].

§ 5. Но нельзя удовлетвориться однимъ указаніемъ, что добродѣтель—пріобрѣтенное качество души; нужно опредѣлить, какое именно пріобрѣтенное качество. Должно замѣтить, что всякая добродѣтель доводитъ до совершенства то, добродѣтелью чего она есть, и дѣятельность этой душевной способности ведется ею въ совершенствѣ; такъ, добродѣтель глаза дѣлаетъ хорошимъ глазъ и его дѣло [то-есть, зрѣ-

Библиотека "Руниверс"

ніе]: благодаря добродѣтели глаза мы хорошо видимъ. Подобнымъ же образомъ добродѣтель лошади дѣлаетъ лошадь хорошею и способною бѣгать и носить всадника, и противостоять непріятелямъ. Если это справедливо относительно всѣхъ случаевъ, то и добродѣтель человѣческая состоитъ въ пріобрѣтенномъ свойствѣ души, въ силу котораго человѣкъ становится хорошимъ, и въ силу котораго онъ хорошо выполняетъ свое назначеніе, а въ чемъ оно состоитъ—это мы уже ранѣе сказали, и оно станетъ еще яснѣе, когда мы разсмотримъ, какова природа добродѣтели. Во всякой сложной и дѣлимой величинѣ можно отличать большее отъ меньшаго и равнаго (ἴσον), и притомъ или по отношенію къ самому предмету, или по отношенію къ намъ. Равное же состоитъ въ извѣстной серединѣ между излишкомъ и недостаткомъ; подъ серединой самого предмета я разумѣю то, что равно отстоитъ отъ обоихъ концовъ, и она всегда одна, и притомъ одна и та же во всѣхъ предметахъ. Серединою же по отношенію къ намъ я называю то, что не даетъ ни излишка, ни недостатка, и эта середина не одна и не одна и та же для всѣхъ. Если, напримѣръ, десять слишкомъ много, а два слишкомъ мало, то шесть мы признаемъ серединой по отношенію самого предмета, ибо шесть на столько же единицъ больше двухъ, на сколько меньше десяти. Это-то и есть середина ариѳметической прогрессіи (ἀριθμητικὴ ἀναλογία).

Но среднее по отношенію къ намъ не можетъ быть опредѣлено такимъ же образомъ. Если для кого-либо десять фунтовъ пищи слишкомъ много, а два фунта—слишкомъ мало, то учитель гимнастики не прикажетъ ему ѣсть шесть фунтовъ, потому что и это количество можетъ оказаться для указаннаго лица или слишкомъ большимъ, или слишкомъ малымъ: Милону Пиѳагорейцу этого слишкомъ мало, а начинающему заниматься гимнастикой—слишкомъ много. То же самое и относительно бѣга и состязаній. Каждый знающій человѣкъ избѣгаетъ излишества и недостатка и стремится къ серединѣ и избираетъ ее, и притомъ не среднее по отношенію къ самому предмету, а по отношенію къ нему. Если всякая наука тѣмъ путемъ достигаетъ хорошихъ результатовъ, что имѣетъ въ виду середину и къ этой серединѣ направляетъ свои дѣйствія, (поэтому-то обыкновенно и называютъ тѣ результаты совершенными, отъ которыхъ нельзя ничего ни отнять, ни прибавить, такъ какъ совершенство уничтожается избыткомъ и недостаткомъ, а сохраняется серединой), и если хорошіе техники [артисты] работаютъ, какъ мы сказали, имѣя въ виду середину, и если добродѣтель выше и лучше всякаго искусства, то и она,

Библиотека "Руниверс"

точно также какъ и природа, должна стремиться къ серединѣ. Я здѣсь говорю объ этической добродѣтели, ибо она имѣетъ дѣло съ аффектами и съ дѣятельностью, а въ нихъ-то и возможенъ избытокъ, или недостатокъ, или середина, какъ, напримѣръ, страхъ и отважность, страсть и гнѣвъ, сожалѣніе и вообще всякое наслажденіе или страданіе допускаютъ избытокъ или недостатокъ, которые оба не хороши. Если же вышеупомянутыя явленія существуютъ во время, при надлежащихъ обстоятельствахъ, направлены противъ лицъ, ихъ заслуживающихъ, возникли изъ причинъ и проявляются въ формѣ, въ которой слѣдуетъ, то они придерживаются середины и въ этомъ случаѣ совершенны, а это-то и производитъ добродѣтель.

Точно также и въ дѣйствіяхъ есть избытокъ, недостатокъ и середина. Добродѣтель же касается аффектовъ и дѣйствій, въ которыхъ излишекъ — ошибка, недостатокъ порицается, середина же похваляется и достигаетъ цѣли; и то, и другое суть признаки добродѣтели. И такъ, добродѣтель есть извѣстнаго рода середина, по скольку она стремится къ среднему. Сверхъ того, ошибаться можно различно (ибо зло безпредѣльно, какъ картинно выражались пиѳагорейцы, а добро ограничено), вѣрно поступать можно лишь однимъ путемъ, поэтому-то первое легко, а второе трудно; легко промахнуться, трудно попасть въ цѣль, поэтому-то избытокъ и недостатокъ—принадлежности порока, середина — принадлежность добродѣтели.

Совершенные люди однообразны, порочные разнообразны.

§ 6. И такъ, добродѣтель—преднамѣренное [сознательное] пріобрѣтенное качество души, состоящее въ субъективной серединѣ и опредѣленное разумомъ, и притомъ опредѣленное такъ, какъ бы ее опредѣлилъ благоразумный человѣкъ, середина двухъ золъ — избытка и недостатка. Сверхъ того, она и потому середина, что порокъ переступаетъ границу должнаго въ аффектахъ и дѣйствіяхъ—то по отношенію къ избытку, то по отношенію къ недостатку; добродѣтель же находитъ и избираетъ середину. Поэтому-то и опредѣляющій добродѣтель по ея сущности и понятію долженъ назвать ее серединой, а по ея совершенству и значенію долженъ назвать ее крайностью [высшимъ]. Однако, не всякій аффектъ и не всякое дѣйствіе допускаетъ середину; нѣкоторые изъ нихъ, какъ видно изъ обозначенія, заключаютъ въ себѣ порочность, напримѣръ, [изъ аффектовъ] злорадство, безстыдство, зависть, а изъ дѣйствій—прелюбодѣяніе, воровство, убійство. Все это и тому подобное порицается, такъ какъ оно

Библиотека "Руниверс"

само по себѣ дурно, а не избытокъ его или недостатокъ; поэтому-то въ подобныхъ явленіяхъ нельзя найдти истиннаго поведенія, а всегда ошибочное; понятія истиннаго и ложнаго [хорошаго и дурнаго] къ этимъ явленіямъ не примѣнимы, и нельзя говорить о томъ, съ кѣмъ, когда и какимъ образомъ слѣдуетъ совершать прелюбодѣяніе, а самое совершеніе безусловно ошибочно [дурно]. Точно также нельзя полагать, что и въ несправедливомъ образѣ дѣйствій, или въ трусости, или въ невоздержности есть середина, избытокъ и недостатокъ: выходило бы въ такомъ случаѣ, что есть середина въ самомъ избыткѣ или въ самомъ недостаткѣ, и что есть избытокъ избытка и недостатокъ недостатка. Какъ не можетъ быть въ умѣренности или мужествѣ избытка или недостатка, ибо здѣсь именно середина и есть въ извѣстномъ смыслѣ крайнее совершенство, точно также и въ указанныхъ порокахъ не можетъ быть избытка или недостатка, а всякое порочное дѣйствіе ошибочно [дурно]. Вообще говоря, какъ нѣтъ средины въ самомъ избыткѣ и въ недостаткѣ, такъ нѣтъ и въ срединѣ избытка или недостатка.

§ 7. Но недостаточно высказать это въ общихъ чертахъ, слѣдуетъ примѣнить это къ частностямъ. Въ изслѣдованіяхъ, касающихся дѣятельности, общія разсужденія безсодержательны, частныя содержатъ въ себѣ болѣе истины, такъ какъ дѣйствія всегда имѣютъ въ виду частное, и потому общія положенія должны согласоваться съ частными.

Это выяснится изъ нижеслѣдующаго описанія. Мужество—средина трусости и отважности. Для обозначенія тѣхъ, которые слишкомъ безстрашны, языкъ не имѣетъ названія (какъ вообще многія [состоянія души] не имѣютъ названій); того же, кто имѣетъ слишкомъ много отваги, мы называемъ отважнымъ, а того, кто имѣетъ избытокъ страха или слишкомъ мало отваги, мы называемъ трусливымъ. Въ области наслажденій и страданій, правда, не во всѣхъ, и менѣе всего въ страданіяхъ, средину мы называемъ умѣренностью, избытокъ—невоздержностью. Врядъ ли встрѣчаются люди, слишкомъ мало чуткіе къ наслажденію, поэтому-то для подобныхъ людей нѣтъ и обозначенія; назовемъ ихъ безстрастными. Щедрость—средина относительно траты денегъ и пріобрѣтенія; избытокъ называется расточительностью, а недостатокъ—скупостью. Въ этихъ порокахъ избытокъ и недостатокъ проявляются противоположнымъ образомъ: расточительный человѣкъ слишкомъ много издерживаетъ и слишкомъ мало пріобрѣтаетъ; скупой, на оборотъ, слишкомъ

Библиотека "Руниверс"

мало издерживаетъ и слишкомъ много пріобрѣтаетъ. Теперь мы удовлетворимся этимъ описаніемъ въ общихъ главныхъ чертахъ; позднѣе мы станемъ говорить подробнѣе.

И другія душевныя расположенія (διαθέσεις) также касаются богатства; изъ нихъ средина называется великолѣпіемъ (μεγαλοπρέπεια) (великолѣпный вѣдь отличается отъ щедраго: первый проявляется въ крупномъ, второй въ мелкихъ дѣлахъ). Избытокъ великолѣпія называется напыщенностью и чванствомъ (βαναυσία), недостатокъ—мелочностью (μικροπρέπεια). И такъ, эти душевныя состоянія отличаются отъ щедрости, а чѣмъ они отличаются—это мы увидимъ позднѣе. Великодушіе—средина въ области почести и безчестія; его избытокъ называется тщеславіемъ, недостатокъ—малодушіемъ. Въ томъ же самомъ отношеніи, въ какомъ, какъ мы сказали, щедрость стоитъ къ великолѣпію, различаясь тѣмъ, что первая имѣетъ дѣло съ меньшимъ, въ такомъ же отношеніи стоитъ одно опредѣленное душевное расположеніе къ великодушію, которое имѣетъ дѣло съ честью, но съ честью, понимаемою въ великомъ значеніи этого слова; упомянутое же расположеніе имѣетъ дѣло съ мелкою честью. Вѣдь къ чести можно стремиться на столько, на сколько слѣдуетъ, или болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, или менѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Кто слишкомъ стремится къ чести, называется честолюбивымъ, кто слишкомъ мало—нечестолюбивымъ (ἀφιλότιμος), средина же не имѣетъ названія; и самыя душевныя расположенія не имѣютъ названія, за исключеніемъ одного честолюбія; отсюда и происходитъ, что крайности себѣ приписываютъ право на средину. И мы иногда называемъ человѣка, придерживающагося средины, честолюбивымъ, а иногда нечестолюбивымъ, и иногда хвалимъ честолюбиваго, иногда же—нечестолюбиваго. На какомъ основаніи мы это дѣлаемъ, объ этомъ будетъ сказано позднѣе, теперь же мы такимъ же образомъ [то-есть, вкратцѣ] будемъ говорить объ остальныхъ душевныхъ расположеніяхъ. И относительно гнѣва можетъ быть избытокъ, недостатокъ и средина, но они не имѣютъ названія; мы же назовемъ человѣка, придерживающагося средины, кроткимъ, а самую средину—кротостью, одну изъ крайностей—избытокъ, то-есть, самый норокъ назовемъ гнѣвливостью, а человѣка — гнѣвливымъ; человѣка, имѣющаго слишкомъ мало гнѣва (ἀόργητος), смиреннымъ, самый недостатокъ—смиреніемъ. Существуютъ еще три другія средины, имѣющія между собою нѣкоторое сходство, но различающіяся другъ отъ друга. Всѣ онѣ относятся къ общенію людей словомъ и дѣломъ, но различаются

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ, что одна имѣетъ въ виду истину въ словахъ и дѣлахъ, другія же имѣютъ въ виду пріятное; послѣднее при этомъ [можетъ проявляться] или въ шуткѣ, или же вообще во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ. И о нихъ слѣдуетъ сказать, для того, чтобы мы еще лучше увидѣли, что средина во всемъ заслуживаетъ похвалы, крайности же не похвальны, а заслуживаютъ порицанія. Правда, что и здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, языкъ не имѣетъ большинства названій; однако должно попытаться создать термины, какъ мы это уже дѣлали въ другихъ случаяхъ, ради ясности и большей легкости пониманія.

Что касается истиннаго, то назовемъ человѣка, придерживающагося средины, правдивымъ; самую средину—истиной, симулированіе, имѣющее въ виду преувеличеніе,—хвастовствомъ (ἀλαζόνεια), а человѣка—хвастуномъ, имѣющее же въ виду умаленіе—ироніей, а человѣка — ироничнымъ. Что касается пріятнаго, на сколько оно проявляется въ шуткѣ, то человѣка, придерживающагося средины, мы назовемъ общительнымъ, а самое расположеніе души—общительностью, избытокъ—шутовствомъ, а человѣка — шутомъ; недостаточно пріятнаго человѣка—грубымъ, а самое качество—грубостью. Что касается пріятнаго въ остальныхъ житейскихъ отношеніяхъ, то человѣка пріятнаго въ той мѣрѣ, въ какой слѣдуетъ, — любезнымъ, а самую средину — любезностью (φιλία), человѣка же излишне пріятнаго, не имѣющаго при этомъ заднихъ мыслей, мы назовемъ слащавымъ (ἄρεσκος), а если онъ при этомъ имѣетъ въ виду свою пользу — льстивымъ; того же человѣка, который непріятенъ во всѣхъ отношеніяхъ, мы называемъ тяжелымъ и несноснымъ. Существуетъ средина и по отношенію къ аффектамъ и тому, что связано съ аффектами; напримѣръ, хотя стыдливость не есть добродѣтель, но стыдливаго все же хвалятъ, и такимъ называется человѣкъ, придерживающійся средины въ этихъ аффектахъ, а излишествующій, какъ напримѣръ, застѣнчивый,—тотъ, который всего стыдится; напротивъ, недостаточно и никогда не стыдящійся называется наглымъ, придерживающійся средины — стыдливымъ. Негодованіе (νέμεσις)—средина между завистью и злорадствомъ; это душевное расположеніе касается страданія и наслажденія, которое мы испытываемъ при случайностяхъ, коимъ подвержены наши ближніе. Человѣкъ негодующій испытываетъ страданіе при видѣ не заслуженнаго счастья дурныхъ людей; завистливый идетъ далѣе, и всякое счастье ближнихъ доставляетъ ему страданіе; злорадный человѣкъ не только не

Библиотека "Руниверс"

страдаетъ при видѣ бѣдствій другихъ, а напротивъ, испытываетъ радость. Но мы найдемъ еще случай поговорить обо всемъ этомъ. Что касается справедливости, понятіе которой сложно, то мы позднѣе укажемъ ея виды и скажемъ, въ какомъ смыслѣ въ каждомъ видѣ можно найдти средину. То же самое и относительно умственныхъ добродѣтелей.

§ 8. И такъ, существуютъ три душевныя расположенія, изъ которыхъ два порочны, одно въ силу избытка, въ немъ заключеннаго, другое въ силу недостатка, и только одно душевное расположеніе есть расположеніе добродѣтели, состоящее въ срединѣ. Всѣ эти расположенія противоположны другъ другу въ извѣстномъ отношеніи: крайнія — противоположны какъ срединѣ, такъ и другъ другу, а средина—крайностямъ. Подобно тому, какъ „равное“ [τὸ ἴσον] по отношенію къ меньшему кажется бо́льшимъ, а по отношенію къ большему меньшимъ, точно также и среднія пріобрѣтенныя душевныя качества являются по отношенію къ недостаточнымъ избыткомъ, а по отношенію къ избыточнымъ—недостаткомъ; и это, какъ въ аффектахъ, такъ и въ дѣйствіяхъ, ибо мужественный кажется отважнымъ по отношенію къ трусу и трусомъ въ сравненіи съ безумно отважнымъ; точно также и умѣренный кажется невоздержнымъ по отношенію къ безстрастному и безстрастнымъ въ сравненіи съ невоздержнымъ; щедрый кажется скупымъ по отношенію къ расточительному и расточительнымъ въ сравненіи съ скупымъ. Поэтому-то люди, придерживающіеся крайностей, отталкиваютъ отъ себя человѣка, придерживающагося средины, и относятъ его къ противоположной крайности: трусъ называетъ мужественнаго человѣка безумно отважнымъ, а безумно отважный называетъ его трусомъ; и въ остальномъ точно также. Но при этой взаимной противоположности противоположность крайностей между собою значительнѣе, чѣмъ по отношенію къ срединѣ, ибо онѣ далѣе отстоятъ другъ отъ друга, чѣмъ отъ средины, какъ напримѣръ, далѣе отстоитъ великое отъ малаго и малое отъ великаго, чѣмъ то и другое отъ средняго. Сверхъ того, есть извѣстнаго рода сродство между нѣкоторыми крайностями и срединой, напримѣръ. между отважностью и мужественностью, между расточительностью и щедростью, а между крайностями всегда величайшая разнородность. Отстоящее другъ отъ друга наибольшимъ образомъ опредѣляется противоположными понятіями, и въ то же время противоположности наиболѣе отстоятъ другъ отъ друга. Что же касается средины, то иногда ей болѣе противоположенъ недо-

Библиотека "Руниверс"

статокъ, чѣмъ избытокъ, какъ напримѣръ, мужество не столько противоположно избытку его—безумной отважности, сколько недостатку—трусости; умѣренности, на оборотъ, не столько противоположенъ недостатокъ ея — безстрастіе, сколько избытокъ — невоздержность. Это происходитъ отъ двухъ причинъ, изъ коихъ первая заключается въ самомъ предметѣ: такъ какъ одна изъ крайностей стоитъ ближе къ срединѣ и сроднѣе ей, то мы не противополагаемъ ее срединѣ, а крайности ей противоположной; такъ напримѣръ, безумная отважность стоитъ ближе къ мужеству и ему сроднѣе; напротивъ того, трусость менѣе подобна мужеству, ее то мы и противополагаемъ мужеству, ибо что̀ далѣе отстоитъ отъ средины, то кажется противоположнымъ ей. И такъ, вотъ первая причина, заключенная въ самомъ предметѣ; вторая же причина — въ насъ самихъ, ибо къ чему мы отъ природы бо̀лѣе склонны, то намъ кажется большею противоположностью срединѣ, такъ напримѣръ, мы по природѣ очень склонны къ наслажденіямъ, поэтому-то намъ легче стать невоздержными, чѣмъ скромными, и то мы считаемъ большею противоположностью срединѣ, къ чему мы имѣемъ бо̀льшую наклонность, поэтому-то невоздержность, будучи избыткомъ, болѣе противоположна умѣренности [чѣмъ скромности].

§ 9. И такъ, мы въ достаточно̀й мѣрѣ сказали о томъ, что этическая добродѣтель—средина, и въ какомъ смыслѣ средина, что она средина двухъ пороковъ, а именно, избытка и недостатка, что она такова въ силу ея стремленія къ срединѣ въ аффектахъ и дѣйствіяхъ; поэтому добродѣтель трудна, ибо найдти средину въ чемъ бы то ни было трудно; такъ напримѣръ, центръ круга не всякій въ состояніи опредѣлить, а лишь математикъ. Точно также всякій въ состояніи гнѣваться, и это легко, также и выдавать деньги и тратить ихъ, но не всякій умѣетъ и не легко дѣлать это по отношенію къ тому, къ кому̀ слѣдуетъ, и на сколько и когда слѣдуетъ, и ради чего и какъ слѣдуетъ. Поэтому-то нравственное совершенство — нѣчто рѣдкое, похвальное и прекрасное. Тотъ, кто стремится къ срединѣ, долженъ, вопервыхъ, удаляться отъ того, что̀ наиболѣе противоположно срединѣ; вѣдь это совѣтуетъ и Калипсо:

Въ сторону долженъ ты судно отвесть отъ волненія и дыма [1]).

Ибо одна изъ крайностей всегда болѣе ошибочна, чѣмъ другая. Но такъ какъ весьма трудно найдти средину, то, вовторыхъ, слѣдуетъ

[1]) Od. XII, 219.

Библиотека "Руниверс"

(какъ говорятъ мореплаватели) избирать изъ двухъ золъ меньшее, а этого лучше всего достичь указаннымъ нами способомъ. Но должно также обращать вниманіе на то, къ чему мы сами наиболѣе склонны, ибо характеры людей различны, а наши наклонности мы узнаемъ изъ наслажденія и страданія, которое мы испытываемъ. Отъ этой нашей наклонности мы должны себя отвлекать въ противоположную сторону, и если мы удалимся на сколько возможно отъ нашей ошибочной природной наклонности, то достигнемъ средины; того же самаго придерживаются садовники, желающіе выпрямить кривое дерево. Болѣе же всего слѣдуетъ остерегаться пріятнаго и наслажденія, ибо о нихъ мы судимъ не безпристрастно, и то же, что чувствовали старцы-управители по отношенію къ Еленѣ, то же должны чувствовать и мы по отношенію къ наслажденію и во всѣхъ случаяхъ повторять ихъ заключительныя слова [1]), и если мы также отклонимъ отъ себя наслажденія, то впадемъ въ наименьшія ошибки. Поступая такъ, говоря коротко, мы скорѣе всего будемъ въ состояніи достичь средины; правда, это дѣло трудное, и особенно въ отдѣльныхъ случаяхъ не легко опредѣлить, какимъ образомъ слѣдуетъ гнѣваться и противъ кого, ради какихъ причинъ и какъ долго. Да къ тому же то хвалимъ мы недостаточно-гнѣвливыхъ и называемъ кроткими, то напротивъ, называемъ сильными людьми гнѣвливыхъ. Но, вообще говоря, тотъ не заслуживаетъ порицанія, кто немного отклоняется отъ средины въ сторону ли излишества, или недостатка, а лишь тотъ, кто сильно отклоняется, ибо ошибка послѣдняго никогда не проходитъ не замѣченною. Трудно опредѣлить, въ какой мѣрѣ и на сколько что-либо заслуживаетъ порицанія, какъ вообще подобное опредѣленіе не возможно въ предметахъ ощущенія, а отдѣльныя явленія всѣ подлежатъ ощущенію; сужденіе въ подобныхъ случаяхъ зависитъ отъ ощущенія. Но на столько по крайней мѣрѣ ясно, что среднее расположеніе души во всѣхъ случаяхъ похвально, и что въ иныхъ случаяхъ должно отклоняться то въ сторону излишества, то въ сторону недостатка, чтобы такъ легчайшимъ образомъ достичь средины и нравственнаго совершенства.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Э. Радловъ.

---

[1]) Il. III, 156—160.

Библиотека "Руниверс"

GELLIANA.

I. Notum est praestantissimos Ciceronis libros „de oratore", „Brutum", „oratorem" multas easque graves traxisse corruptelas et parum in eis tollendis nos iuvari varietate scripturae antiquitus traditae.

Nam praeter exemplaria ducta parum accurate ex codice Laudensi, circa a. 1422 reperto sed pridem perdito, quo integra illa scripta continebantur, non sunt inventi nisi codices decurtati librorum de oratore et oratoris, Bruti autem omnino nulli.

Quo magis laetandum multorum studiis curisque doctorum esse effectum, ut magnus vitiorum numerus ex praeclarissimis illis ingenii Ciceroniani monumentis tolleretur possentque legi haud incommode. Nec tamen desunt quae diligentiam eorum fugerint. Cuius rei manifestum praebet exemplum 48, 159, locus etiam a. Gell. n. att. II, 17 laudatus ac saepe nostro tempore a doctis memoratus, ubi haec leguntur: „Quid vero hoc elegantius, quod non fit natura, sed quodam instituto"? „Indoctus" dicimus brevi prima littera, „insanus" producta, „inhumanus" brevi, „infelix" longa. Et ne multis, quibus in verbis eae primae litterae sunt, quae in „sapiente" atque „felice", producte dicitur „in", in ceteris omnibus breviter. Itemque „conposuit, consuevit, concrepuit, confecit": consule veritatem, reprehendet; refer ad aures, probabunt. Quaere, cur? ita se dicent iuvari. Voluptati autem aurium morigerari debet oratio".

Talia fere feruntur haec apud Ciceronem, neque apud Gellium l. m. lectionis invenitur varietas ea, quae digna sit memoria.

Attamen id quod est „inhumanus" (pro quo in parte codicum oratoris legitur „insipiens") nullo pacto potest esse verum. Etenim a Cicerone agi manifestum est de vocalibus illis, quae cum positione pro-

Библиотека "Руниверс"

ducantur, tamen efferuntur breviter. Quis autem putabit summum illum latinae linguae auctorem, a quo omnes deinceps Romani leges loquendi acceperint, hactenus fuisse imperitum sermonis patrii, ut ignoraret, quod vel hodie sciunt pueri primam in vocabulo „inhumanus“ minime produci positione, quia „h“ nunquam est habita consonae loco, nisi ultimis imperii Romani saeculis a grammaticis nonnullis ac poetis, qui quidem in fraudem sunt inducti exemplis quibusdam Vergilianis male intellectis. Cf. d. r. m. pg. 16; 305, 314, 321.

Neque multum oportet quaeri viam auferendi vitii. Mihi certe non videtur posse dubitari, quin a Cicerone scriptum sit „inmanis“.

II. Notissima hodieque fama de Androclo leonis beneficio, quem olim languentem curaverat, servato quin ad Caligulae, quem vulgo vocant, tempora sit referenda non potest dubitari. Nam Apion Plistonicis, qui in quinto Aegyptiacorum libro ipse dicit se spectasse rem in circo Romano, aequalis fuit illi missusque ad eum ab Alexandrinis causae publicae gratia. Praeterea olim est intellectum eandem prorsus rem quam Gellius V, 14 persequitur a Seneca de benefic. II, 19 tangi, qui quidem causam aliquanto minus mirificam reddit misericordiae leonis, quem ideo homini in amphitheatro obiecto tradit pepercisse et praesidio fuisse adversus reliquas feras, quod is quondam beluae fuisset magister.

Iam etsi verba Senecae „quo loco feram posui, tyrannum pone. et hic vitam dedit et illa, nec hic nec illa beneficium“ non licet, sicut multis visum, referri ad Caligulam, quem hic interdum solo tyranni nomine significat Seneca, sed communis proponitur locus, qui illustratur eis, quae cap. 18 dicta sunt, tamen quin Caesar ille, a quo arcessitum Androclum et interrogatum, cur uni leo pepercisset, dein populo petente poena solutum et dimissum refert Gellius, fuerit Caligula, propter ea quae supra de Apione dicta sunt, non videtur posse dubitari.

Quod cum ita sit, satis est probabile apud Gellium l. m. in illis „accersitumque a Caesare Androclum“ reponendum esse „a C. Caesare“. Sic enim solet dici ille a saeculi primi et secundi auctoribus, non, ut nunc fit, Caligula; quod quidem nomen iam tertio saeculo apud historiae Augustae scriptores reperitur; sed idem antiquioribus rerum scriptoribus parum videbatur conveniens gravitati historiae.

L. Mueller.

Библиотека "Руниверс"

VERGILIANA.

I.

Verg. Aen. I, 8 sqq.:

> Musa, mihi causas memora, quo numine laeso
> Quidve dolens regina deum tot volvere casus cet.

Это мѣсто представляетъ въ отношеніи экзегетическомъ столь интересную проблему, что останавливаетъ на себѣ вниманіе всѣхъ филологовъ, занимающихся Виргиліемъ; къ сожалѣнію, старанія ученыхъ не увѣнчались должнымъ успѣхомъ, такъ какъ до сихъ поръ объясненіе этого мѣста продолжаетъ оставаться вопросомъ, не рѣшеннымъ удовлетворительно.

У Сервія мы находимъ примѣчаніе: „quo“ in quo, in qua causa. et est septimus casus et communis elocutio; dicimus enim „quo te laesi“, est et alia expositio. namque Iuno multa habet numina... merito ergo dubitat, quod eius laeserit numen Aeneas. alii tamen dicunt separandum esse, ut de odio Iunonis non dubitet, quaerat autem quod aliud numen est laesum“. Очевидно, еще Сервій затруднялся пониманіемъ этого мѣста: онъ заразъ предлагаетъ для него три объясненія, не высказываясь рѣшительно ни въ пользу одного. Первое объясненіе, предлагаемое имъ какъ бы отъ себя, должно считаться самымъ неудачнымъ: читая слова quo numine laeso, всякій, безъ сомнѣнія, соединяетъ quo съ numine; еслибы Виргилій имѣлъ въ виду выразить мысль, предполагаемую Сервіемъ, то навѣрное, не поставилъ бы рядомъ два творительные падежа, которые для всякаго читателя представляются, по отношенію другъ къ другу, опредѣленіемъ и опредѣляемымъ, тѣмъ болѣе, что устраненіе всякаго недоразумѣнія и затрудненія весьма легко достигалось бы чтеніемъ: qui numine laeso или qua numine laeso [1]).

[1]) Послѣднее чтеніе и было предложено для нашего мѣста, см. *Münsche* въ *Zeitschrift f. Gymnasial-Wesen*, 1872, XXVI, Bd. II, p. 333.

Библиотека "Руниверс"

Второе объясненіе, указанное Сервіемъ: Iuno multa habet numina cet., пользуется въ настоящее время наибольшимъ сочувствіемъ филологовъ; къ защитникамъ его принадлежатъ Госсрау, Вейднеръ, Каппесъ, Ладевигъ-Шаперъ, признающіе, что quo numine = qua numinis parte laesa. Вейднеръ силится доказать возможность такого пониманія пространнымъ разсужденіемъ о значеніи слова numen; но Квичала (Vergil-Studien) основательно замѣчаетъ, что выводимое имъ теоретическое значеніе: „Отдѣльное проявленіе воли, намѣреніе, желаніе" не подтверждается для слова numen ни однимъ фактомъ изъ практики латинскаго языка".

О несостоятельности объясненія quo numine laeso=за оскорбленіе какого божества—нашедшаго себѣ еще недавно послѣдователей въ лицѣ Дитша и Квичалы, см. Wagner (1832) vol. II, p. 214 sq. Excurs. ad Aen., I, 8 [1]).

Вагнеръ, въ только что указанномъ изданіи, p. 65, Variae lectiones, возвращается въ сущности къ первому объясненію Сервія, допуская, что quo numine laeso = quomodo laeso eius numine; только quo онъ принимаетъ не за мѣстоименіе существительное, а за опредѣленіе къ numine, понятіе же quomodo, по его объясненію, происходитъ отъ того, что „pronomen qui non raro ita ponitur, ut modum, quo quid fiat, similesque notiones includat". Но приведенные имъ въ подтвержденіе своего объясненія примѣры ничего не доказываютъ; изъ числа ихъ одни (Aen. IX, 399 sq. II, 322. IV, 428. VI, 466. G. IV, 505), будучи вопросами риторическими съ отрицательнымъ смысломъ, не представляютъ никакой аналогіи къ нашему мѣсту; другіе же (Aen. III, 337, G. II, 269. Ecl. VI, 78 sq.) состоятъ изъ настоящихъ вопросовъ, гдѣ мѣстоименіе имѣетъ значеніе „какой"; наконецъ, въ Aen. II, 606, ne qua iussa совершенно ясно = ne aliqua iussa. Правда, что во всѣхъ этихъ случаяхъ не трудно составить перифразъ съ помощью нарѣчія; правда также и то, что съ помощью нарѣчія всѣ эти мѣста весьма удобно передаются на нѣмецкій языкъ: но это еще не доказываетъ ни необходимости такого перифраза и такой передачи, ни существованія въ самомъ мѣстоименіи латинскомъ (вопросительномъ или неопредѣленномъ) того значенія, какое приписываетъ ему Вагнеръ.

Гейне и за нимъ Гофманъ-Пеерлькампъ думали помочь дѣлу конъ-

[1]) Тамъ же, p. 216, о предложенномъ другими чтеніи: quo nomine laesa (scil. Iuno).

Библиотека "Руниверс"

ектурою: quo crimine laesa; но, не говоря уже о внутренней (какъ увидимъ ниже) неправдоподобности этого чтенія, и въ практическомъ отношеніи мало вѣроятно, чтобъ ясное и всѣмъ понятное: quo crimine laesa было вытѣснено непонятнымъ: quo numine laeso; скорѣе можно бы ожидать противоположнаго.

Посмотримъ, не наведетъ ли насъ логическій анализъ всего мѣста, vv. 8—28, на удовлетворительное объясненіе.

Съ v. 8 начинается обращеніе поэта къ музѣ. Какихъ свѣдѣній поэтъ требуетъ отъ музы, и что знаетъ онъ самъ? Самъ поэтъ и безъ помощи музы знаетъ, что Эней до прибытія въ Италію долго странствовалъ по морю; онъ знаетъ, что страдать и блуждать заставила Энея ненависть Юноны. Эта ненависть должна была, конечно, имѣть опредѣленную причину, которая могла быть двоякаго рода — или непосредственная, такъ-сказать, исходящая отъ самихъ Троянцевъ, вызвавшихъ гнѣвъ Юноны какою-либо своею виною, или же посредственная, не исходящая отъ Троянцевъ, но существовавшая самостоятельно, помимо и даже, быть можетъ, вопреки [1]) желанію Троянцевъ. На эти двѣ возможности поэтъ намекаетъ двумя вопросами: quo numine laeso—quidve dolens; но въ подробности онъ желаетъ быть посвященъ музою. Отвѣтъ музы вполнѣ оправдываетъ предположеніе поэта о двоякомъ характерѣ причинъ, объясняющихъ гнѣвъ Юноны; этотъ отвѣтъ распадается на двѣ ясно отдѣленныя одна отъ другой части разнаго содержанія: первая часть заключаетъ въ себѣ vv. 12—22, вторая—vv. 22—28.

Во второй части отмѣчаются тѣ факты, которые еще въ Троянскую войну заставили Юнону благопріятствовать противникамъ Троянцевъ и желать гибели Трои, именно—судъ Париса, взятіе на небо Ганимеда и общая ненависть ко всему Троянскому народу. Враждебное настроеніе противъ всего Троянскаго народа Сервій ad Aen. I, 28 объясняетъ такъ: „propter Dardanum, Electrae pelicis filium“. Дарданъ, родоначальникъ Троянцевъ [2]), былъ сыномъ Электры [3]) и Юпитера [4]), и потому происшедшій отъ него народъ постоянно напоминалъ Юнонѣ о невѣрности ея супруга. Похищеніе Ганимеда также оскорбляло супружескія чувства Юноны. Положимъ, въ обоихъ случаяхъ

[1]) См. Verg. Aen. III, 190; V, 750 sq.; IV, 265 sqq.
[2]) Ср. Verg. Aen. III, 168. IV, 365; VIII, 134.
[3]) Ср. ibid. VIII, 135.
[4]) Ср. Ovid. Fast. IV, 32.

Библиотека "Руниверс"

сами Троянцы, строго говоря, ни при чемъ: будучи только результатомъ или же объектомъ увлеченій Юпитера, они являются вполнѣ пассивными, невольными и потому не отвѣтственными участниками въ нанесенныхъ Юнонѣ оскорбленіяхъ; но не имѣя возможности отомстить самому виновнику этихъ оскорбленій, Юнона переноситъ свою злобу на его произведеніе или орудіе. Это несправедливое озлобленіе Юноны противъ Троянцевъ усиливается и получаетъ нѣкоторое основаніе съ тѣхъ поръ, какъ Парисъ своимъ приговоромъ смертельно оскорбилъ Юнону какъ женщину; приговоръ этотъ, какъ поступокъ, совершенный сознательно, заключаетъ въ себѣ вину уже со стороны Троянскаго народа въ лицѣ Париса, какъ его представителя въ данномъ случаѣ. Такимъ образомъ, вторая часть отвѣта музы, отмѣчая факты, оскорбительные для Юноны какъ для супруги и женщины, приводитъ мотивы личнаго характера; такъ какъ вторая часть сообщаемыхъ музою свѣдѣній отвѣчаетъ на второй вопросъ, именно: „quidve dolens = или чѣмъ будучи огорчена", то по всей вѣроятности, первая часть разказа музы представляетъ собою отвѣтъ на первый вопросъ, quo numine laeso, и содержаніе этого разказа позволяетъ намъ сдѣлать нѣкоторыя заключенія относительно того, какой характеръ долженъ имѣть самый вопросъ. Въ стихахъ 12—22 муза повѣствуетъ, что на сѣверномъ берегу Африки есть городъ Карѳагенъ, пользующійся особымъ расположеніемъ Юноны; она желаетъ вознести его на высоту властелина всего міра, но вдругъ узнаетъ, что ея мечтамъ не суждено сбыться: предопредѣленіе рока присудило роль, предназначавшуюся Юноною для Карѳагена, другому народу, который разрушитъ Карѳагенъ и въ своихъ рукахъ сосредоточитъ власть надъ всѣмъ міромъ. Это разочарованіе — ибо року и она должна подчиниться—не могло не раздражить самоувѣренную и надменную въ сознаніи своей силы Юнону; но особенно ее возмущало то, что орудіемъ къ разрушенію ея любимыхъ мечтаній судьба избрала исконныхъ ея враговъ — Троянцевъ, ибо народъ, грозящій въ будущемъ Карѳагену гибелью, этотъ народъ — будущіе потомки Энея и его товарищей.

Этотъ мотивъ лишенъ уже всякаго личнаго характера. Здѣсь Юнона оскорблена не какъ супруга, не какъ женщина, а какъ царица боговъ, считавшая за собою право принимать дѣятельное участіе въ управленіи судьбами смертныхъ; ее волнуетъ не боль отъ личнаго оскорбленія или огорченія, но страхъ за будущность Карѳагена, то-есть, страхъ за прочность составленной ею про-

Библиотека "Руниверс"

граммы судебъ міра; она вздумала сдѣлать экскурсію въ область политики и видитъ, что потерпитъ неудачу. Ея гнѣвъ обрушивается на злосчастныхъ Троянцевъ: они виноваты тѣмъ, что опять сталкиваются съ нею, становятся ей поперекъ дороги. Въ сущности же и тутъ Троянцы являются только козлами отпущенія, а настоящій противникъ Юноны—рокъ непреложный; она мститъ орудію, потому что сознаетъ свое безсиліе передъ несокрушимою силою, направляющею это орудіе.

Слѣдовательно, въ отвѣтъ музы на первый вопросъ поэта мы находимъ указанія на судьбу (ср. v. 22: sic volvere Parcas. v. 18: si qua fata sinant.), но не находимъ ни малѣйшаго намека ни на оскорбленіе, нанесенное кому-либо изъ боговъ, ни на намѣреніе Юноны мстить за чужую обиду [1]). Отсюда мы имѣемъ право заключить, что и въ самомъ вопросѣ Вергилій намекнулъ на столкновеніе Юноны съ рокомъ. Этотъ намекъ станетъ вполнѣ яснымъ, если читать (почти безъ всякаго измѣненія рукописнаго преданія) въ v. 8 не quo numine laeso, а quonam omine laesa [2]). Въ графическомъ отношеніи весьма легко могли смѣшаться quonam omine и quo numine, особенно если послѣдній слогъ въ quonam былъ изображенъ посредствомъ сокращенія [3]) (ср. Ribbeck Proleg. p. 437, о смѣшеніи въ рукописяхъ буквъ o и u въ началѣ и въ срединѣ словъ); такому смѣшенію, кромѣ того, способствовалъ и самый способъ, какимъ составлялись рукописи, см. Ribbeck, ibid., p. 257 sq.: discimus his vitiis primum librarios nostrorum quidem codicum singulos exemplaris sui ductus oculis et manu persecutos, archetypum vero dictatum esse. Nam ex ore dictantium pars saltem sonorum a classico sermone abhorrentium, sed vulgo acceptorum repetenda erit. Praeterea vocales in versu coalescentes saepe omissae sunt in libris nostris: id quoque facilius accidere poterat dum auribus excipiuntur dictata poetae verba quam mente sola auditis inter describendum carminibus".

Что же касается необходимаго здѣсь значенія omen=fatum, то ср. выраженіе omina canere = fata canere, Lucan. I, 637, sq.: sic

---

[1]) Поэтому-то и невозможны чтенія: «quo crimine laesa», и «quo numine laeso въ смыслѣ: «за оскорбленіе какого божества».

[2]) Ладевигъ (въ 7-мъ изданіи), кажется, былъ близокъ къ одинаковому съ нами толкованію, предлагая читать: quo numine laesa, но остановился на половинѣ дороги, измѣнивъ одно laeso въ laesa и оставивъ numine.

[3]) Но даже и безъ этого условія, ср. *Ribbeck* Proleg. p. 236, гдѣ приводится находящаяся въ cod. P форма quondum вмѣсто quondam.

Библиотека "Руниверс"

omina Tuscus canebat; id VI. 716 sq.: ducis omina (=fata) nato canat. Веберъ, ad Lucan. VI, 813, отожествляетъ omina canere съ fata canere. Sil. It. IV, 131: laesa canit omina то же, что̀ laesa canit fata. Съ другой стороны, у Lucan. I, 630: his ubi concepit magnorum fata malorum сказано съ такимъ значеніемъ, съ какимъ обыкновенно говорится magnorum omina malorum. Далѣе, ср. соединеніе словъ omen и fatum, какъ синонимовъ, Verg. Aen. VII, 583 sq.: ilicet infandum cuncti contra omina bellum, contra fata deum perverso numine poscunt. Наконецъ, Verg. Aen. XII, 72: omine tanto, и Cic. Phil. IX, 4, 9: qui ita locutus est, ut eius oratio omen fati videretur; въ двухъ послѣднихъ мѣстахъ omen = „предчувствіе“. Omen (вм. osmen) отъ одного корня съ ογαγε [1]), собственно = слово, какъ fatum отъ fari; воля бога выражается въ словѣ; такъ какъ это слово заключаетъ въ себѣ предостереженіе или одобреніе, то лицо, услышавшее его, приводя его въ отношеніе къ задуманному имъ дѣлу, приписываетъ ему характеръ хорошаго или дурнаго предзнаменованія. Въ данномъ случаѣ это значитъ, что высшая воля рока выразилась въ словахъ Юпитера [2]), въ которыхъ Юнона усмотрѣла дурное предзнаменованіе для своего дѣла; такъ какъ слова Юпитера служатъ только выраженіемъ воли судьбы, то усматриваемое въ нихъ дурное предзнаменованіе обусловливается характеромъ самаго опредѣленія судьбы, и такимъ образомъ omen становится синонимомъ слова fatum.

II.

Verg. Aen. I, 39 sqq.:

Pallasne exurere classem
Argivom atque ipsos potuit submergere ponto
Unius ob noxam et furias Aiacis Oilei?

Ср. съ этимъ v. 46 sqq.

Ast ego, quae divom incedo regina Iovisque
Et soror et coniunx, una cum gente tot annos
Bella gero.

Тутъ противополагаются одна другой Юнона, царица боговъ, сестра и супруга Юпитера, и Паллада, уступавшая ей и по положенію среди боговъ, и по могуществу. Тѣмъ не менѣе, резуль-

[1]) См. *Döderlein* V, p. 175.
[2]) Ср. v. 20: audierat. Ср. также III, 251.

Библиотека "Руниверс"

татъ противоположенія получается неблагопріятный для Юноны: Паллада успѣла покорать Грековъ, между тѣмъ какъ Юнона тщетно добивается гибели Троянцевъ. Паллада совершила свой поступокъ какъ дѣло, самое для нея обыкновенное, безъ всякихъ усилій и особыхъ приготовленій, лишь только наступило избранное ею для того время; Юнона ведетъ съ Троянцами, точно съ равнымъ ей противникомъ, правильную войну (bella gero) въ продолженіе цѣлаго ряда годовъ (tot annos). Гнѣвъ Паллады былъ вызванъ преступленіемъ одного лица; ненависть Юноны оправдывается виною цѣлаго племени (по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія самой Юноны). До сихъ поръ противоположеніе вполнѣ правильно и точно. Но дальше. Паллада, желая покорать одно лицо, погубила цѣлое племя [1]); Юнона, желая отомстить цѣлому племени, не можетъ справиться—съ кѣмъ же?—„съ однимъ племенемъ". Тутъ нѣтъ градаціи, необходимой для соотвѣтствія съ первымъ членомъ противоположенія, а потому чтеніе: una cum gente не возможно, тѣмъ болѣе, что особенно сильно выдвигаемое ритмическимъ удареніемъ понятіе una—просто нелѣпо. Тѣмъ не менѣе многіе ученые (Burmann, Heyne—Wagner, Forbiger, Gossrau и даже Kvíčala: Vergil-Studien 1878) находятъ, что въ этомъ мѣстѣ „все обстоитъ благополучно"; по крайней мѣрѣ никто изъ нихъ ни однимъ словомъ не доказываетъ, что замѣтилъ отсутствіе необходимаго здѣсь смысла. Каппесъ, въ изданіи 1877 г., даетъ такое объясненіе: „una cum gente, im Gegensatz zu der aus verschiedenen Völkerschaften zusammengesetzten Flotte der Argiver". Совершенно также объясняетъ эти слова и Ладевигъ-Шаперъ въ примѣчаніи къ v. 47: „Die Pallas vermochte mit einem Schlage die ganze Flotte der aus mehrern Völkerschaften bestehenden Griechen die Schuld des einen Aiax büssen zu lassen; die Juno aber muss einen iahrelangen Krieg mit einem ihr verhassten Volke führen". Какъ понимаетъ слова: una cum gente Вейднеръ—сказать не совсѣмъ легко; его примѣчаніе къ данному мѣсту не отличается ясностью: „Der Gegensatz ist nicht allein in classem Argivom atque ipsos (40), sondern auch in unius ob noxam (41) enthalten.".

Объясненіе Каппеса и Ладевига не возможно, потому что приписываетъ слову gens такое значеніе, какого оно не имѣетъ, ср.

---

[1]) Замѣчаемое въ этихъ словахъ преувеличеніе принадлежитъ увлеченной своимъ раздраженіемъ Юнонѣ.

Библиотека "Руниверс"

Döderlein V, p. 97. Противоположеніе ко многимъ колѣнамъ (nationes) общаго племени (gens) Грековъ составляли бы слова: una cum natione. Но допустимъ даже, что gens=natio: въ такомъ случаѣ выходитъ, что и отрядъ Энея состоялъ не изъ одной, а изъ нѣсколькихъ (по крайней мѣрѣ двухъ) gentes; ср. Verg. Aen. I, 113: unam, quae Lycios [1]) fidumque vehebat Orontem; а между тѣмъ Юнона не дѣлаетъ никакого различія между ними, не только на словахъ, но и на дѣлѣ: во время бури ей удается погубить одинъ корабль, и то корабль не Троянцевъ (въ тѣсномъ смыслѣ), а Ликійцевъ, ср. I, 113 sqq. Значитъ, и въ этомъ случаѣ указанное объясненіе является несостоятельнымъ.

Весьма удобнымъ для устраненія всякихъ затрудненій было бы толкованіе gens=„одинъ представитель рода или племени“; тогда это слово относилось бы къ Энею, а противоположеніе получалось бы вполнѣ правильное: „Паллада за проступокъ одного представителя племени погубила цѣлое племя. Я же за вину цѣлаго племени не могу отомстить даже одному представителю его“. Что слово gens [2]) употреблялось съ такимъ значеніемъ, это удостовѣряется достаточнымъ количествомъ примѣровъ; ср. Verg. Aen. X, 228: vigilasne, deum gens, Aenea, XI, 305: gens deorum (=Aeneas). Sil. It. II, 185: gens extrema viri deletur. VII 35: Tirynthia gens. VII, 637: gens Cadmi, Cleadas. XIII, 862: deum gens (=Caesar). Но изъ этихъ же примѣровъ видно, почему въ нашемъ мѣстѣ это толкованіе не возможно: gens съ значеніемъ „потомокъ, отпрыскъ рода“ въ примѣненіи къ отдѣльному лицу всегда должно имѣть при себѣ опредѣленіе (состоящее изъ род. падежа или изъ прилагательнаго), поясняющее, какого именно рода или племени лицо является представителемъ.

Гофманъ-Пеерлькампъ, по поводу нашего мѣста, вполнѣ правильно разсуждаетъ такъ: „Iunoni pugna esse debet cum inimico leviore, quam fuit Palladi. Gens plus est quam classis, magis etiam quam unus Aiax. Scio intelligi Troianos e patria fugientes. Sed hi non amplius erant gens, sed gentis reliquiae, sicuti hoc loco erant appellandi“; но тутъ онъ вдругъ уклоняется отъ настоящаго пути, продолжая: „Et istae reliquiae cum Graecorum classe, quae parto triumpho domum ibat, non erant comparandae (почему же это такъ?). Quid multa?

---

[1]) Объ нихъ ср. Hom. Il. II, 816 sqq.

[2]) Какъ и sanguis, Verg. Aen. VI, 835: sanguis meus (Caesar).

Библиотека "Руниверс"

Pro una cum gente reponendum est victa cum gente..... Diceres nullum esse laborem vincere victos. Tamen cum victis tam diu bella gero. Pallas statim vicit victores".

Представленія о Грекахъ побѣдителяхъ и Троянцахъ побѣжденныхъ нѣтъ у Вергилія; его вноситъ Пеерлькампъ для оправданія своей конъектуры victa cum gente; у Вергилія противополагаются вина одного Аянта, навлекшая гибель на все племя, и вина цѣлаго племени, долженствующая искупиться гибелью хотя части этого племени. Большинство Троянскаго племени погибло; пострадать, слѣдовательно, могли только reliquiae gentis, какъ ихъ правильно называетъ Пеерлькампъ, послѣдніе остатки племени. Этотъ необходимый въ нашемъ мѣстѣ смыслъ получается черезъ самое-незначительное измѣненіе рукописнаго преданія: вмѣсто una нужно читать ima cum gente. Въ графическомъ отношеніи una и ima такъ близки другъ къ другу, что въ рукописяхъ весьма часто смѣшиваются, см. Hildebrand ad Apul. Met. VI, 18; Bentleius ad Hor. A. P. 32. Что же касается значенія, то imus не рѣдко употребляется о пространствѣ съ значеніемъ „крайній", ср. Ovid. Nux 62: imus fundus. Hor. Sat. II, 8, 40: imus lectus [1]). о времени же и о послѣдовательномъ порядкѣ—съ значеніемъ „послѣдній", ср. Ovid. Fast. II, 52: imus mensis. Hor. Ep. I, 18, 35: ad imum = „наконецъ"; Hor. A. P. 126: servetur ad imum (= до конца), qualis ab incepto processerit. id. ibid. 152: Primo ne medium, medio ne discrepet imum. Auct. ad Herenn. III, 18, 30: nam ut, si in ordine stantes notos compluris viderimus, nihil nostra intersit, utrum ab summo an ab imo an ab medio nomina eorum dicere incipiamus... Слѣдовательно, ima cum gente=cum reliquiis gentis.

Такія мѣста, какъ Verg. Aen. IV, 215 sqq.:

> Et nunc ille Paris cum semiviro comitatu
> Maeonia mentum mitra crinemque madentem
> Subnexus rapto potitur.

или IX, 614 sqq.:

> Vobis picta croco et fulgenti murice vestis,
> Desidiae cordi, iuvat indulgere choreis,
> Et tunicae manicas et habent redimicula mitrae.
> O vere Phrygiae, neque enim Phryges, ite per alta

[1]) Переходъ значенія „нижній" въ значеніе „крайній" становится яснымъ изъ такихъ примѣровъ, какъ Verg. G. III, 59: ima cauda.

Библиотека "Руниверс"

Dindyma, ubi adsuetis biforem dat tibia cantum!
Tympana vos buxusque vocat Berecyntia Matris
Idaeae: sinite arma viris et cedite ferro.

и XII, 97 sqq.:

Da sternere corpus
Loricamque manu valida lacerare revulsam
Semiviri Phrygis et foedare in pulvere crinis
Vibratos calido ferro murraque madentis.

по видимому, рекомендуютъ пониманіе ima cum gente=infima cum gente, такъ чтобы въ этихъ словахъ заключался презрительный отзывъ о качествахъ Троянцевъ. Но, по моему, такое пониманіе не возможно. Вопервыхъ, самый характеръ проводимаго Вергиліемъ противоположенія не даетъ для того ни малѣйшаго основанія. Во-вторыхъ, отзываться презрительно объ Энеѣ и его Троянцахъ, какъ объ изнѣженныхъ, женоподобныхъ Фригійцахъ, было простительно соперникамъ и противникамъ Энея, судившимъ о Фригійцахъ по наслышкѣ, по распространеннымъ объ нихъ нелестнымъ слухамъ; кромѣ того, человѣку, увлеченному ревностью (какъ Іарба) или враждою (какъ Нуманъ), или тѣхъ и другихъ (какъ Турнъ), свойственно унижать своего противника. Но Юнона хорошо была знакома съ Троянцами; она по опыту убѣдилась въ томъ, что храбростью и мужествомъ они могутъ потягаться съ кѣмъ угодно, и потому въ ея устахъ подобный отзывъ о Троянцахъ былъ бы неумѣстенъ, тѣмъ болѣе, что вызывалъ бы слишкомъ нелестное для нея же представленіе о ея могуществѣ. И дѣйствительно, Юнона, хотя всегда съ раздраженіемъ и ненавистью говоритъ о Троянцахъ, но никогда не отзывается о нихъ съ пренебреженіемъ или даже презрѣніемъ. Втретьихъ, и практика латинскаго языка не допускаетъ такого пониманія, ибо imus не употребляется съ такимъ значеніемъ, см. Döderlein, IV, 337: „nur infimus ist einer Werthbezeichnung faehig“.

А. Фогель.

Библиотека "Руниверс"

ГРЕЧЕСКАЯ РУКОПИСЬ КОПТСКАГО ПИСЬМА.

Отрывки изъ Андромахи Еврипида.

Въ каталогѣ греческихъ рукописей Императорской Публичной Библіотеки (E. de Muralt, Catalogue des manuscrits grecs de la bibliothèque impériale publique, St.-Petersb. 1864) на стр. 26 подъ № XV[d] значатся:

Fragments de vers iambiques. IX ou X s. 1″—4″. 2 f(euillets).

2. ϒΔΙΔΑΞΑΝΤΟϹΒΡΟΤΟΥϹ

. . . . . .

ϹΥΝ ΔΥϹΙ ΑΓΑ ϢΝ

1. ΦϵΙ . ΑΝϵΙΔΑϹϢϹ

b. ΑΤΑ

Оба листочка или, вѣрнѣе, обрѣзка пергамина исписаны съ той и другой стороны довольно мелкимъ, но уставнимъ шрифтомъ. Всего строкъ на нихъ помѣщается 14. Не смотря на столь незначительный объемъ текста, авторъ каталога не потрудился, по видимому, разобрать все, что̀ можетъ быть разобрано, а то, что̀ сообщено имъ въ каталогѣ, отчасти прочитано невѣрно. Такимъ образомъ не удивительно, что ему не удалось опредѣлить, откуда заимствованы „отрывки ямбическихъ стиховъ“. Заимствованы они изъ Андромахи Еврипида.

I г. (ст. 957—959 по изд. Наука):

σοφόν τι χρῆμα τϹΟΥΔΙΔΑΞΑΝΤΟϹΒΡΟΤΟΥϹ [1])

[1]) Надъ этою строкою сохранились еще нижніе кончики слѣдующихъ буквъ ϹΤΑϹΓΥΝΑΙΚϵΙΑϹΝΟϹΟΥϹ. Однако, узнать эти буквы возможно только благодаря тому, что стихъ 956 извѣстенъ изъ другихъ рукописей: κοσμεῖν γυναῖκας τὰς γυναικείας νόσους.

Библиотека "Руниверс"

λόγους ἀκούειν τΩNЄNANTIΩNΠΑΡΑ
ἐγὼ γὰρ εἰδὼς τῶν ΔЄЄΥNΧΥΓCINΔOMΩN

— v. (ст. 988—990).

MЄPIMNANЄΞЄIKαIOΥKЄMὸν κρίνειν τόδε
ἄΛΛΩςTάχισταTΩNΔЄMἔκπεμψον δόμων
MHΦΘῇμε προσβὰς δῶMαχαὶ μολὼν πόσις.

II г. (ст. 1239—1242):

TONMὲNθανόNτα τόνδ' Ἀχιλλέως γόνον
ΘAΨONΠΟΡЄΥCACΠαθικὴν πρὸς ἡσχάραν
ΔЄΔΦΟICONЄIΔOCΩCἀπαγγέλλῃ τάφος
ΦONONBIAIONTHCOΡЄCΤείας χερός.

— v. (ст. 1273—1276):

ὦ πότνι', ὦ γενναῖα συNKOIMHMATA
Νηρέως γένεθλον,..χαῖρε· KAITAΔ'AΞIΩC
σαυτῆς τε ποιεῖς καὶ τЄKNΩNTΩNЄΞЄΘΘN
παύσω δὲ λύπην σοῦ KЄΔЄΥΟΥCHCΘΘA.

Въ послѣднемъ отрывкѣ (ст. 1274) есть одинъ варіантъ противъ принятаго въ изданіяхъ чтенія другихъ списковъ: καὶ τάδ' ἀξίως вмѣсто ταῦτα δ'ἀξίως. Надо однако замѣтить, что въ словѣ KAI только послѣдняя буква (а вмѣстѣ съ тѣмъ, стало быть, фактъ существованія въ данномъ мѣстѣ какого-то варіанта) не подлежитъ сомнѣнію. Вмѣсто A мыслимо Є.

Эти отрывки изъ Еврипида представляли бы явленіе весьма странное, еслибъ они, какъ полагалъ Мюральтъ, относились къ IX или X вѣку. Сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ рукописи древне-греческаго литературнаго произведенія, писанной уставомъ въ это время. IX и X вѣка — классическая эпоха строчнаго (минускульнаго) письма. Выдѣливъ изъ себя всѣ чисто-уставные элементы, курсивъ въ началѣ IX вѣка (ср. Порфирьевское Четвероевангеліе 835 года, въ Императорской Публичной Библіотекѣ) преобразился въ строгое, „стилизованное" строчное письмо и въ такомъ видѣ получилъ право гражданства даже въ спискахъ Священнаго Писанія и богослужебныхъ книгъ. Весьма естественно, что съ тѣхъ поръ произведенія свѣтскихъ, въ томъ числѣ и языческихъ авторовъ уже вовсе не переписывались уставомъ. Списокъ Еврипида, писанный уставомъ, мы a priori, то-есть, независимо отъ оцѣнки характера письма, не будемъ склонны относить къ IX, а тѣмъ менѣе — къ X вѣку. Ха-

Библиотека "Руниверс"

рактеръ письма нашихъ отрывковъ — коптскій, и притомъ строго выдержанный, безъ малѣйшаго признака вліянія строчнаго письма. Такая рукопись, судя по всему, что намъ извѣстно о греческомъ письмѣ коптскаго типа, не можетъ считаться писанною позже VIII вѣка, а въ виду того, что ударенія въ отрывкахъ не вездѣ поставлены, гдѣ имъ слѣдовало бы быть, и только на первомъ листкѣ поставлены первою рукою, то-есть, рукою самаго писца,—въ виду этого позволительно думать, что рукопись Еврипида, изъ которой наши отрывки представляютъ вырѣзки, была написана еще въ VII вѣкѣ. Тишендорфъ, привезшій № XVd вмѣстѣ съ извѣстною „Синайскою Библіей" и другими рукописями съ Востока въ 1859 году, по видимому, относилъ эти отрывки изъ Еврипида, подобно другимъ отрывкамъ, входящимъ въ составъ нумера XV, къ еще болѣе древней эпохѣ. О № 20 своей коллекціи, тожественномъ съ № XV (a, b, c и d) собранія греческихъ рукописей Императорской Публичной Библіотеки, Тишендорфъ говоритъ (Notitia editionis codicis Bibliorum Sinaitici, Lips. 1860, p. 56): „numero 20 comprehendimus plura frusta ex variis codicibus saeculorum quinti et sexti decerpta et ad resarciendos codices recentiores adhibita". Однако маститый палеографъ не говоритъ тутъ спеціально о XVd, самой незначительной, по объему, изъ составныхъ частей нумера XV; конечно, тѣмъ болѣе рисковано было бы, полагаясь на одинъ лишь авторитетъ Тишендорфа, относить XVd къ VI вѣку.

Гардтгаузенъ (Griechische Palaeographie, стр. 406) находитъ, что въ греческой палеографіи почти что вовсе не существовало мѣстныхъ, національныхъ типовъ письма (Nationalschriften). О коптскомъ типѣ онъ умалчиваетъ; стало быть, онъ или не признаетъ его или не знакомъ съ нимъ. Незнакомство преемника Монфокона съ коптскимъ типомъ письма было бы, правда, странно: но не менѣе странно въ наше время отрицать этотъ типъ. Монфоконъ утверждалъ (Pal. Gr. p. 113): in omnibus variarum regionum, provinciarum et locorum codicibus eamdem characteris formam advertimus, однако съ оговоркою: exceptis Aegyptiacis ad Coptorum ritum scriptis, qui insolenti modo exarati sunt. Кромѣ того, Монфоконъ допускалъ еще и другія исключенія (p. 114): longe diversus item Graece scribendi modus occurrit in codicibus, qui in Ecclesia Latina a Latinis scripti sunt; utpote peregrinae linguae hominibus, ut animadvertas infra in codice Sedulii Scotti et in Landunensi . . . .; in alphabetis item Europaeis quae inferius in speciminibus habentur. Западно-

Библиотека "Руниверс"

европейскіе типы греческаго письма признаетъ и Гардтгаузенъ въ разныхъ мѣстахъ своего труда (стр. 165—166, 272, 407, 415, 428). Самые разнообразные мѣстные почерки различалъ Шольцъ, авторъ „Библейско-критическаго путешествія“ (Scholz, Biblisch-Kritische Reise): ѳракійскій, коптскій, сицилійскій, южно-французскій и другіе. На сколько вообще правъ или не правъ былъ Шольцъ, объ этомъ пока судить трудно. Къ сожалѣнію, онъ, по видимому (судя по выпискѣ у Гардтгаузена въ указанномъ мѣстѣ), ограничился голословными утвержденіями и черезчуръ общимъ опредѣленіемъ особенностей каждаго типа, вслѣдствіе чего Гардтгаузенъ имѣлъ возможность немногими замѣчаніями отдѣлаться отъ этого капитальнаго вопроса. Гардтгаузенъ лучше другихъ могъ знать, что пока въ греческой палеографіи не дѣлалось систематическихъ и методичныхъ наблюденій съ этой точки зрѣнія, ему, какъ составителю руководства по греческой палеографіи, надлежало, мнѣ кажется, указать на этотъ важный пробѣлъ въ наукѣ. Во всякомъ случаѣ, оговорка Монфокона касающаяся коптско-греческаго письма совершенно справедлива, и Гардтгаузенъ не имѣлъ основанія игнорировать ее. Извѣстно, что въ актахъ 4-го Константинопольскаго собора, 869 г., есть одно такое мѣсто: τὸ σύγγραμμα καταρτισάμενος ἐπὶ παλαιοτάτων μὲν τοῦτο χαρτίων γράμμασιν ἀλεξανδρίνοις, τὴν ἀρχαϊκὴν ὅτι μάλιστα χειροθεσίαν μιμησάμενος γράφει [1]). Далѣе, коптская азбука, составленная, какъ теперь принято думать, въ IV в. по Р. Хр., по образцу греческой, отличается несомнѣнно своеобразнымъ пошибомъ. Это явленіе объясняется только тѣмъ, что греческое письмо въ Египтѣ ко времени составленія коптской азбуки успѣло усвоить себѣ такой именно своеобразный пошибъ, подобно тому, какъ палеографическій характеръ древне-славянскаго письма обусловливается особенностями византійскаго письма IX вѣка. Наконецъ, есть и отчасти давно извѣстно изрядное число образцовъ греческаго письма коптскаго характера. Неубѣдительны, правда, и по количеству, и по палеографическимъ особенностямъ, примѣры, приведенные въ указанномъ мѣстѣ Монфокономъ: парижскій Діоскоридъ (IX в., Монф. 256) и одинъ греческо-арабскій служебникъ, хранящійся также въ Парижѣ (XII в., Монф. 314—315). Эти двѣ рукописи представляютъ мало сходства какъ между собою, такъ и поровнь—съ коптскимъ письмомъ, древнимъ по крайней мѣрѣ и еще

[1]) *Mansi*, XVI, p. 284. Мѣсто это приводитъ самъ Гардтгаузенъ (стр. 408) по примѣру Гуга и Ваттенбаха.

Библиотека "Руниверс"

не выродившимся. Но у Монфокона же въ его Pal. Gr. есть снимки съ двухъ другихъ греческихъ рукописей (стр. 214: codex papyraceus Turonensis, и стр. 224: codex RR. PP. Jesuitarum Collegii Ludóvici M:, теперь въ Ватиканѣ; см. другой, лучшій снимокъ у Анджело Маи Nova Patrum Bibl. IV, между стр. 320 и 321), на разительное сходство коихъ, по характеру письма, съ коптскими рукописями Монфоконъ оттого только не обратилъ вниманія, что онъ съ древними коптскими рукописями (древнѣе XII в.) знакомъ не былъ, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ на стр. 311 и 318. Такихъ образцовъ коптско-греческаго письма можно указать еще съ дюжину. Въ Императерской Публичной Библіотекѣ ихъ находится 4, не считая № XVd (отрывковъ изъ Еврипида), а именно: 1) № X, отрывокъ изъ Евангелія отъ Іоанна, VI в. по Тишендорфу (Nov. Test. ed. VIII critica maior, vol. I. p. XII); 2) № XXIV, отрывокъ изъ II и III книгъ Царствъ, VII или VIII в., по Тиш. Monum. sacra ined. I tab. III n. IV, и Anecdota sacra et profana tab. I n. IX); 3) № XLII (въ каталогѣ Мюральта на стр. 10, по ошибкѣ, подъ № XV d.) „versets chrétiens", VI в. по T. (Notitia ed. cod. Sin. p. 48); 4) Порфир. колл. картонъ I № 11, отр. изъ Евангелія отъ Матѳея, VI в. по Тиш. (Nov. Test. ibid.). Далѣе, въ числѣ фотографій, снятыхъ проф. Кондаковымъ на Синаѣ [1]), есть одинъ снимокъ съ библейской рукописи такого письма (№ 100, приблизительно VII вѣка). Въ западно-европейскихъ библіотекахъ хранятся, кромѣ указанныхъ выше, слѣдующіе памятники коптско-греческаго письма: 6) въ римской Пропагандѣ, codex Borgianus I, отр. изъ Евангелія отъ Іоанна, вмѣстѣ съ коптскимъ переводомъ, V вѣка по Тиш. (снимокъ въ изданіи Синайской Библіи, томъ I tab. XX), 7) другой codex Borgianus, отр. изъ Евангелія отъ Матѳея и отъ Іоанна, также съ коптскимъ переводомъ, VII в. по Тиш. (Nov. Test. ibid.), 8) ватиканскій менологіонъ № 1613, въ которомъ уставное письмо имѣетъ коптскій характеръ, писанъ позже 7-го вселенскаго собора, 787 г. (Seroux d'Agincourt, Storia dell'arte, t. VI, tav. XXXI—XXXIII и tav. CIII n. 1), 9) палимпсестъ Британскаго музея, отр. изъ VIII книги Царствъ, V вѣка по Тиш. (изданіе Синайской Библіи тамъ же, и Monum. sacra ined. II tab. 1 n. 3), 10) cod. Harleianus 5613 (Plut. XXXIV H), отрывокъ изъ посланій ап. Павла къ Кор., IX в. по Тиш. (Anecd. sacra et pr. p. 175), 11) cod. Uffenbachianus, нынѣ

[1]) Экземпляръ этой коллекціи фотографій хранится въ художественномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки.

Библиотека "Руниверс"

въ Гамбургѣ, отрывокъ изъ посланія къ Евреямъ, того-же вѣка (Tisch. Anecd. tab. III n. 1). Наконецъ, сюда же можно отнести греческую приписку къ коптскому житію преп. Онуфрія въ Ватиканскомъ cod. copt. 65, 979 года (Pal. Soc. Oriental ser. XCII).

Для того, чтобъ удостовѣриться въ степени сходства перечисленныхъ сейчасъ памятниковъ, по характеру письма, съ коптскими рукописями, стоитъ сличить ихъ, напримѣръ, съ снимками, приложенными къ каталогу Цоэги (G. Zoega, Catalo cod. copt. mss. qui in museo Borgiano Velitris adservantur, Romae MDCCCX). Кое-какія данныя о коптско-греческомъ письмѣ читатели могутъ найдти у Тишендорфа, Monum. sacra ined. nova coll. vol. I p. XXXIV—XXXVI. Разобрать особенности и, на сколько позволяютъ дошедшіе до насъ памятники, прослѣдить исторію коптско-греческаго письма было бы, конечно, не безполезно, но въ немногихъ словахъ и безъ приложенія снимковъ такую задачу выполнить не возможно. Въ этой замѣткѣ я желалъ лишь обратить вниманіе на новый памятникъ этого рода, любопытный также по своему содержанію, какъ не имѣющій ничего общаго съ церковью, и въ виду отрицательнаго отношенія Гардтгаузена къ мѣстнымъ типамъ греческаго письма вообще, а къ коптскому въ особенности, счелъ нелишнимъ перечислить извѣстные мнѣ образцы этого письма.

В. Ернштедтъ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ЭПИГРАФИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ О ГОСУДАРСТВЕННОМЪ УСТРОЙСТВѢ ХЕРСОНИСА ТАВРИЧЕСКАГО.

Извѣстно, что въ сохранившихся до насъ произведеніяхъ древнихъ авторовъ имѣется очень немного свѣдѣній о политической исторіи одного изъ важнѣйшихъ греческихъ поселеній въ Крыму, Херсониса Таврическаго, за все многовѣковое его существованіе [1]); но еще съ бо́льшимъ правомъ можетъ историко-археологическая наука жаловаться на отсутствіе такихъ свѣдѣній о государственномъ устройствѣ, религіи и внутренней жизни этого города. Напримѣръ о государственномъ устройствѣ Херсониса намъ извѣстно только изъ свидѣтельства Константина Багрянороднаго [2]), что во времена Діоклетіана и Константина Великаго во главѣ правленія въ этомъ городѣ стояло лицо, носившее титулъ στεφανηφορῶν καὶ πρωτεύων и смѣнявшееся ежегодно; наши свѣдѣнія о конституціи Херсониса въ болѣе древнія времена равнялись бы нулю, еслибъ изъ нѣдръ почвы, на которой стоялъ Херсонисъ, отъ времени до времени не были извлекаемы такіе памятники, которые представляютъ желанныя и подчасъ весьма важныя данныя для ознакомленія съ нею,—именно памятники эпиграфическіе и нумизматическіе. Благодаря имъ, наши знанія относительно различныхъ сторонъ быта древнихъ Херсонисцевъ постепенно увеличиваются и притомъ, можно сказать, довольно быстро. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно будетъ сравнить тѣ немногія строки,

[1]) См. *Boeckh*, C. I. Gr. II, стр. 89, 11; *Polsberw*, De rebus Chersonesitarum publicis, Berol. 1838 (намъ лично эта книга неизвѣстна); *Кёне*, Изслѣдованія объ исторіи и древностяхъ Херсониса Таврическаго, С.-Пб. 1848 (съ рецензіей *L. Stephani* въ Mélanges gréco-rom. I, стр. 6 сл.) и др.

[2]) De administr. imperio c. 53.

Библиотека "Руниверс"

которыя знаменитый Бёкъ могъ написать 50 лѣтъ тому назадъ о государственномъ устройствѣ Херсониса [1]), съ тѣмъ, что намъ извѣстно о немъ въ настоящее время. При этомъ нельзя не упомянуть о тѣхъ важныхъ результатахъ, которые дало для науки начавшееся съ 1877 года изслѣдованіе почвы Херсониса посредствомъ систематическихъ, правильно организованныхъ раскопокъ (на средства, выдававшіяся до прошлаго года св. синодомъ), которыми завѣдывало Императорское Одесское общество исторіи и древностей; не касаясь здѣсь сдѣланныхъ при этихъ раскопкахъ открытій по части топографіи и архитектуры, укажемъ только на извѣстную уже, конечно, всякому историку и филологу надпись въ честь Діофанта Синопскаго, полководца Миерадата Евпатора,— памятникъ, по своему огромному значенію для исторіи и топографіи Крыма достойный стать на ряду съ самыми важными эпиграфическими открытіями послѣдняго времени [2]), а также на недавно открытый памятникъ въ честь Аристона, который, хотя и значительно уступаетъ по своей важности памятнику Діофанта, но все-таки имѣетъ полное право на наше вниманіе благодаря почерпаемымъ изъ него важнымъ даннымъ для ознакомленія съ государственнымъ устройствомъ Херсониса во времена римскихъ императоровъ и предшествующія имъ.

Предметомъ нашей настоящей статьи мы избрали именно изложеніе тѣхъ данныхъ для ознакомленія съ государственнымъ устройствомъ Херсониса въ древности, которыя заключаются въ извѣстныхъ по настоящее время эпиграфическихъ памятникахъ этого города. Но предварительно считаемъ нужнымъ познакомить читателей съ двумя важными въ этомъ отношеніи памятниками, именно съ упомянутою уже надписью Аристона и другою, въ честь какого-то неизвѣстнаго лица. Хотя памятникъ Аристона уже дважды изданъ по фотографіи многоуважаемымъ вице-президентомъ Одесскаго общества исторіи и древностей, профессоромъ В. Н. Юргевичемъ [3]), но тѣмъ не менѣе мы считаемъ не лишнимъ сообщить его здѣсь по нашей собственной копіи, въ особенности потому, что наши чтенія и воз-

---

[1]) C. I. Gr. II, стр. 90.

[2]) Изд. *В. Н. Юргевичъ* въ *Запискахъ Импер. Од. общ. ист. и древн.* т. XII, стр. 1 сл.; *Foucart* въ *Bull. de corr. hell.* V, стр. 70 сл.; *Dittenberger*, Sylloge inscr. graec. n° 252.

[3]) *Записки Имп. Од. Общ. ист. и древн.* т. XIII (1883), стр. 1 сл.; *Revue archéolog.* 3-ème sér. vol. II (1883), стр. 79 сл.

Библиотека "Руниверс"

становленія въ нѣсколькихъ случаяхъ разнятся отъ чтеній перваго издателя. Другой издаваемый нами памятникъ, такого же характера, какъ и Аристоновъ, найденъ уже довольно давно, но до сихъ поръ извѣстенъ лишь по краткому описанію, да и то, по всей вѣроятности, лишь весьма немногимъ спеціалистамъ.

I.

1. Памятникъ въ честь Аристона найденъ былъ, по словамъ г. Юргевича, въ Херсонисѣ 28-го мая 1881 года, „при производствѣ раскопокъ около открытаго древняго водопровода на главной улицѣ, идущей отъ новосозидаемаго храма св. Владиміра по направленію къ востоку, къ храму съ мозаичнымъ поломъ, открытому прежде на берегу моря, противъ карантина, на углу этой улицы и третьей поперечной, по лѣвой сторонѣ, противъ мѣста предполагаемой площади, гдѣ была найдена пьедесталъ съ псифисмомъ Діофанта“. Памятникъ представляетъ собою мраморный пьедесталъ, имѣющій 0,33 метра вышины, 0,69 ширины и 0,77 толщины. На верху его сохранились два углубленія для ногъ статуи, а на лицевой сторонѣ вырѣзаны: 1) имя лица, которому воздвигнута была статуя, 2) подъ нимъ въ два ряда 10 оливковыхъ вѣнковъ, въ которыхъ сдѣланы надписи, излагающія заслуги Аристона, 3) подъ вѣнками имя ваятеля Кифисодота, сдѣлавшаго статую и подножіе. „Плита, служившая подножіемъ, говоритъ г. Юргевичъ, разбита въ нижней части на нѣсколько кусковъ, но отъ этого не пострадала надпись, такъ какъ куски отысканы на мѣстѣ находки“ и, прибавимъ, удачно склеены гипсомъ.

Получивъ въ 1882 году отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества лестное и почетное порученіе приготовить къ изданію полное собраніе древнихъ греческихъ и латинскихъ надписей, найденныхъ въ предѣлахъ южной Россіи, и предпринявъ весною 1883 года поѣздку въ южныя губерніи для списыванія и провѣрки текстовъ памятниковъ, хранящихся въ мѣстныхъ музеяхъ, я посѣтилъ между прочимъ Херсонисскій монастырь, въ которомъ хранятся вновь найденные при раскопкахъ памятники, и списалъ надписи памятника Аристона съ подлинника. При этомъ оказалось, что этотъ памятникъ, дѣйствительно мало пострадавшій отъ разбитія, сильно за то потерпѣлъ отъ времени (или и отъ механическихъ причинъ), именно надписи въ вѣнкахъ и сигнатура ваятеля, вырѣзанныя мел-

Библиотека "Руниверс"

кими и неглубокими буквами, во многихъ мѣстахъ очень стерлись, такъ что нѣкоторыя буквы едва лишь видны. Вслѣдствіе этого снятая съ памятника фотографія, по которой издалъ надписи г. Юргевичъ, естественно не могла выйдти отчетливою, такъ что между чтеніями и толкованіями перваго издателя и моими въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказалась значительная разница. Въ нижеслѣдующемъ объясненіи надписей я позволилъ себѣ касаться этой разницы лишь въ немногихъ случаяхъ (такъ какъ желающіе легко могутъ познакомиться съ нею по изданіямъ г. Юргевича) и замѣчу только, что мои чтенія были нѣсколько разъ провѣрены по камню и по эстампажамъ, такъ что въ большинствѣ случаевъ я смѣло могу за нихъ поручиться.

Я читаю надписи слѣдующимъ образомъ:

(Эпиграфическій текстъ см. въ приложеніи № 1).

Ἀρίστωνα Ἀ[τ]τινᾶ τὸν φιλόπατριν,

1. Πρεσ|βεύοντα | ὑπὲρ τᾶς ἐ|λευθερίας πο|τὶ τὸν θεὸν Σε|βαστὸ[ν] ἐξα|ετίαν κ[α]ὶ ἀ|πο[κ]αμόντα.
2. Προ(δ)ικήσαντα.
3. Νομοφυ|λακήσαν|τα.
4. Δαμιορ|γήσαντα | καλῶς.
5. Πρεσ|βεύσαντα | ποτὶ βασι|λέα Ῥοιμητά[λ]|καν περὶ συ[μ]μαχίας κα[ὶ]| ἐπιτετε[υ]|χότα.
6. Ἱερα|τεύσα[ν]|τα καλῶς | καὶ ἰκόνι | χαλκέα|ι.
7. Διοι[κ]ήσαντα καὶ φωτί | σαντα χρή|ματα [τ]ᾶι πόλει.
8. Πρεσ|βεύσαντα | ποτὶ βα[σ]λέ|α Ῥοιμητάλ|καν τὸ δεύτε|[ρ]ον κα[ὶ ἐ]π|ιτετευχό|τα.
9. Δαμιορ|γήσαντα | καὶ εἰκόνι | τε[λείαι].
10. Πολ[ε]ιτευ|[ό]μενον κα|[λ]ῶς.

Κηφισόδοτος [ἐ]π[οί]ησε.

Всѣмъ извѣстно, конечно, что поставленные вездѣ въ надписяхъ винительные падежи зависятъ отъ подразумѣваемаго выраженія ὁ δᾶμος ἐτίμασε, при чемъ вѣнки служатъ наглядными изображеніемъ данной народомъ почетной награды, такъ что замѣняютъ собою слово στεφάνῳ; ср. въ № 2 вѣн. 12: ὁ δᾶμος [раз. ἐτίμασε] τειμαῖς ἀϊδίοις. Если слова въ вѣнкахъ стоятъ въ дательномъ падежѣ (какъ въ надписи Агасикла C. I. Gr. № 2097 и ниже въ № 2, въ послѣдней за

Библиотека "Руниверс"

исключеніемъ одного винительнаго падежа), то подразумѣвать слѣдуетъ ὁ δᾶμος ἔδωκε (или ἐψαφίσατο) στέφανον. Согласованіемъ съ подразумѣваемыми словами ἐτίμασε στεφάνῳ объясняются дат. падежи εἰκόνι въ вѣнкахъ 6-мъ и 9-мъ, соединенные съ подразумѣваемымъ στεφάνῳ посредствомъ καὶ [1]). Имя отца Аристона, Ἀττινᾶς, несомнѣнно: хотя поперечная перекладина въ первомъ Т нѣсколько попорчена, но все-таки на камнѣ замѣтенъ еще слѣдъ ея и во всякомъ случаѣ невозможно принять эту букву за Р, хотя г. Юргевичъ именно такъ (то-есть, Ἀρτίνα) и прочиталъ на фотографіи. Имя Ἀττινᾶς уже не разъ встрѣчалось [2]) и одна аттическая надпись доказываетъ, что оно было въ употребленіи въ Херсонисѣ, такъ какъ въ ней названъ нѣкій Ἀττινᾶς Χερσονησίτης [3]).

Время постановки нашего памятника опредѣлено уже г. Юргевичемъ на основаніи двукратнаго упоминанія въ немъ о посольствѣ Аристона къ царю Рескупориду, который не можетъ быть никто иной, какъ Воспорскій царь Τιβέριος Ἰούλιος Ῥοιμητάλκης φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος εὐσεβής (таковъ его полный титулъ въ надписяхъ), царствовавшій, какъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся монеты съ его именемъ и хронологическими датами, съ 131 по 153 г. по Р. Х. [4]),

---

[1]) Такъ что въ полномъ видѣ фраза въ вѣнкѣ 6-мъ читалась бы такъ: [Ὁ δᾶμος Ἀρίστωνα] ἱερατεύσαντα καλῶς [ἐτίμασε στεφάνῳ] καὶ εἰκόνι χαλκέαι. Подобныя сокращенныя выраженія нерѣдко встрѣчаются въ надписяхъ, притомъ иногда въ такомъ видѣ, что сразу трудно понять конструкцію. Ср. напримѣръ въ Милассской надписи въ *Bull. de corr. hell.* т. V стр. 96: Ἔπαινοι Σιβύλλῃ διὰ ψηφισμάτων ὑπὸ Ἁλικαρνασσέων.... καὶ ὑπὸ Ὑδισέων καὶ πολειτεῖαι, καὶ ὑπὸ Ταβηνῶν. Далѣе въ той же надписи читаются уже полныя выраженія въ родѣ: Ὁ δῆμος Ἁλικαρνασσέων ἐτίμησεν Σιβύλλων ἐπαίνῳ, χρυσῶι στεφάνωι, εἰκόνι χαλκῆ и т. д. Ср. еще *Dittenberger*, Syll. inscr. graec. n° 211.

[2]) Оно внесено и въ словарь греческихъ собственныхъ именъ Папе-Бензелера, тогда какъ имени Ἀρτίνας тамъ нѣтъ.

[3]) C. I. Att. II, 2, № 983 ст. II, стр. 70.

[4]) *Mionnet*, Suppl. т. IV, стр. 508.— *Спасскій*, Босфоръ Киммер. стр. 84.— *В. В. Григорьевъ*, Цари Боспора Киммер. стр. 104 (по его мнѣнію, Рескупоридъ властвовалъ отъ 132 по 155 г.). Эпиграфическихъ памятниковъ, навѣрное относящихся къ царствованію Рескупорида, немного, и изъ нихъ только въ двухъ встрѣчаются полныя даты, именно въ C. I. Gr. № 2108 f, на пьедесталѣ статуи, которою Рескупоридъ почтилъ Адріана въ благодарность за свое возведеніе на престолъ (τὸν ἴδιον κτίστην), поставленъ 430-й годъ Босп. эры=кон. 133 по Р. Х., а въ документѣ о возстановленіи записи пожертвованныхъ Литодоромъ земель— 448 г. Босп.=кон. 151 по Р. Х. (*Стефани*, Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи за 1860 г., стр. 106).

Библиотека "Руниверс"

при римскихъ императорахъ Адріанѣ и Антонинѣ. Если мы обратимъ вниманіе на то, что въ промежутокъ времени между двумя посольствами къ Римиталку Аристонъ занималъ двѣ общественныя должности въ своемъ родномъ городѣ (вѣнки 6 и 7, если принять, что данныя Аристону почести записаны на камнѣ въ хронологическомъ порядкѣ, что весьма вѣроятно),—такъ что, стало быть, второе посольство не слѣдовало непосредственно за первымъ,—а послѣ втораго былъ еще даміургомъ, то должны будемъ отнести памятникъ ко второй половинѣ царствованія Римиталка, то-есть, приблизительно къ серединѣ II в. по Р. Х

Что касается до упоминаемаго въ 1-мъ вѣнкѣ посольства въ Римъ и значенія ἐλευθερία, о которой ходатайствовалъ Аристонъ предъ императоромъ (θεὸς Σεβαστός=divus Augustus, обычный краткій титулъ римскихъ императоровъ), то г. Юргевичъ полагаетъ, что это посольство было предпринято къ Адріану, такъ какъ „болѣе точное опредѣленіе границъ имперіи и ея отношеній къ сосѣднимъ народамъ, предпринятое имъ въ началѣ царствованія, и соединенное съ этимъ переустройство пограничныхъ провинцій заставляло херсонисскихъ Грековъ позаботиться о своемъ собственномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что по смерти царя Воспорскаго Котиса II, до назначенія Римиталка, они не могли знать, какія будутъ сдѣланы императоромъ относительно ихъ распоряженія и могли бояться, что Римляне подчинятъ ихъ воспорскимъ царямъ, которые со временъ Миерадата VI Евпатора считали себя законными обладателями всего Таврическаго полуострова". На этомъ основаніи подъ словами ὑπὲρ τῆς ἐλευθερίας г. Юргевичъ разумѣетъ ходатайство не о правахъ вольнаго города, которыми Херсонисъ не пользовался прежде, а „скорѣе объ оставленіи его на прежнихъ правахъ, то-есть, въ прежней зависимости отъ Рима, съ сохраненіемъ елевеерін или автономіи, дарованной ему, какъ мы узнаемъ отъ Плинія, гораздо раньше (Plin. Hist. natur. IV 26)"[1]). Во всякомъ случаѣ зависимость Херсониса отъ Рима въ тѣ времена, къ которымъ относится занимающій насъ памятникъ, была, кажется, очень слаба, какъ это можно видѣть изъ того, что уже послѣ посольства въ Римъ Аристонъ былъ отправленъ посломъ къ Воспорскому царю съ цѣлью заключенія военнаго союза[2]), безъ сомнѣнія

[1]) Ср. мнѣніе *Бёка* въ C. I. Gr. II стр. 90, 11, и *Юргевича* въ *Зап. Од. Общ.* т. XI стр. 4.

[2]) Г. Юргевичъ полагаетъ, что *оба* посольства Аристона къ Римиталку имѣли цѣлью заключеніе союза (см. ниже въ текстѣ); но намъ кажется, что

Библиотека "Руниверс"

для борьбы съ окрестными варварами. Г. Юргевичъ, ссылаясь на извѣстную латинскую надгробную надпись Аврелія Сальвіана, трубача XI легіона Клавдіева [1]), и другія, найденныя въ Херсонисѣ, какъ на доказательство пребыванія въ этомъ городѣ римскихъ войскъ, полагаетъ, что во времена Аристона они были выведены оттуда, „если не по ходатайству Аристона, то по другимъ причинамъ, ибо въ противномъ случаѣ, имѣя защиту, Херсонитяне не обращались бы два раза къ Римиталку съ предложеніемъ военнаго союза" (стр. 5). Намъ кажется однако, что надпись Сальвіана не можетъ служить въ данномъ случаѣ доказательствомъ, такъ какъ относительно ея нельзя не раздѣлять мнѣнія Моммсена, который, на основаніи имени Aurelius и опущенія praenominis, относитъ ее ко II или III в. по Р. Хр. (говоря точнѣе, не раньше временъ императоровъ изъ дома Авреліевъ, то-есть, второй половины II вѣка) и даже высказываетъ сомнѣніе въ томъ, можно ли на основаніи ея принимать, что XI легіонъ Клавдіевъ содержалъ гарнизоны въ Воспорскомъ царствѣ и Херсонисѣ [2]). Правда, двѣ другія латинскія надписи, вновь найденныя въ Херсонисѣ, даютъ новыя свидѣтельства въ пользу пребыванія Римлянъ въ этомъ городѣ, но изъ нихъ одна принадлежитъ ко временамъ Діоклетіана, другая едва-ли старше II в. по Р. Хр. [3]), такъ что и онѣ не могутъ служить доказательствомъ пребыванія римскихъ

цѣль втораго посольства была какая нибудь другая, такъ какъ въ в. 5-мъ сказано, что цѣль перваго посольства, то-есть заключеніе союза, была достигнута (ἐπιτετευχότα), и кромѣ того слова περὶ συμμαχίας въ в. 8-мъ опущены.

[1]) C. I. Lat. III, n° 782.

[2]) «Titulus hic, qui propter Aurelii nomen praenomenque omissum secundi tertiive saeculi iudicandus est, vide num satis probet, sicut probare visus est Henzenio (annal. 1854 p. 69) legionem XI Claudiam, quam tertio certe saeculo in Moesia inferiore stativa habuisse constat, praesidium habuisse in regno Bosporano civitateque libera Chersonesо". *Mommsen*, C. I. L. l. c.—Неизвѣстно, на какомъ основаніи *Кёне* (Ист. и древн. Херсонеса Таврическаго стр. 101) относитъ памятникъ Сальвіана ко временамъ Траяна или Адріана.

[3]) Изданы *В. Н. Юргевичемъ* въ *Зап. Од. Общ.* т. XI (1879) стр. 11, nn° VII и VIII. Вторая изъ нихъ повидимому вырѣзана на подножіи статуи или памятника, поставленнаго кѣмъ-то въ честь Діоклетіана и Максиміана (къ сожалѣнію она, кажется, снова потеряна, по крайней мѣрѣ я не нашелъ ея въ Херсонисскомъ монастырѣ); отъ первой сохранился лишь небольшой обломокъ, по которому трудно догадаться объ ея содержаніи; характеръ ея письма указываетъ на довольно позднее время, но во всякомъ случаѣ мы не видимъ основаній относить ее вмѣстѣ съ г. Юргевичемъ къ IV-му столѣтію.

Библиотека "Руниверс"

войскъ въ Херсонисѣ раньше времени Аристона, а стало быть нѣтъ основанія предполагать и ихъ выведеніе оттуда на это время. Да и странно было бы, если бы Херсонисцы сначала ходатайствовали чрезъ Аристона о выведеніи римскихъ войскъ, которыя могли служить имъ надежною защитою противъ варваровъ, а потомъ обратились бы съ предложеніемъ союза къ Воспорскому царю.

Не касаясь пока государственной дѣятельности Аристона въ его родномъ городѣ въ разныхъ должностяхъ и званіяхъ, обратимся къ другому памятнику, о которомъ мы упомянули въ началѣ статьи.

2. Памятникъ этотъ представляетъ собою плиту изъ бѣлаго мрамора съ синеватымъ оттѣнкомъ, сохранившуюся въ цѣлости и имѣющую 0,77 м. высоты при 0,44 м. шир. и 0,065 м. толщины. На ней были вырѣзаны въ три ряда сверху внизъ 12 вѣнковъ съ надписями внутри каждаго изъ нихъ, но въ настоящее время верхняя половина плиты до такой степени стерта, что пять верхнихъ вѣнковъ едва замѣтны, а отъ надписей въ нихъ не сохранилось ни одной буквы; въ надписяхъ внутри трехъ слѣдующихъ вѣнковъ можно уже кое-что разобрать, а въ четырехъ нижнихъ вѣнкахъ надписи сохранились довольно хорошо. Время и мѣсто находки плиты мнѣ неизвѣстны; до 1872 г. она хранилась въ Херсонскомъ музеѣ, а въ этомъ году въ числѣ другихъ памятниковъ была доставлена оттуда въ Москву на политехническую выставку[1]); послѣ выставки всѣ доставленные изъ Херсониса памятники были оставлены въ Москвѣ и предназначены для помѣщенія въ Императорскомъ Россійскомъ историческомъ музеѣ, который тогда еще строился, но не дождались этого помѣщенія и куда-то пропали за исключеніемъ только этой плиты, къ счастью уцѣлѣвшей и занявшей теперь мѣсто въ означенномъ музеѣ, гдѣ мы и списали ея надписи въ августѣ прошлаго года.

---

[1]) Эти свѣдѣнія почерпнуты изъ брошюры *И. Д. Мамсветова*, Историч. описаніе древняго Херсониса и открытыхъ въ немъ памятниковъ (М. 1872), гдѣ перечислены всѣ доставленные въ Москву изъ Херсонскаго музея памятники съ краткимъ ихъ описаніемъ. Нашей плитѣ посвящены тамъ слѣдующія строки на стр. 72-й: «Плита съ надписью на 12 вѣнкахъ. Большая часть совершенно затерта. По характеру и смыслу представляетъ сходство съ посвятительною надписью Агасиклету [C. I. Gr. II, 2097] и посвящена имени какого-то гражданина, мудро управлявшаго народомъ».

Библиотека "Руниверс"

Въ сохранившихся надписяхъ читается слѣдующее:

(см. эпиграф. текстъ въ приложеніи № 2)

4. Ὁ δ[ᾶμος | δα]μιορ[γή|σ]αντι τὰν [πρώ|τα?]ν ἀρχὰν | τρ[ί]ς.
7. Δαμιορ|γήσαντι,
8. Π[ροδι] | κ[ήσαν]|τι.
9. ....ο.|[σα]ντι [κα]τὰ Βόσ[πο]ρον.
10. Πρεσβεύ|σαντι ποτὶ | τὸν τᾶς Μυσί|ας ἀγεμό|να.
11. Καλῶς | πολαιτευ|σάμενον.
12. Ὁ δᾶμος | τειμαῖς | ἀϊδίοις.

Для опредѣленія времени этого памятника, въ немъ есть—кромѣ характера письма, изобличающаго римскія времена—одна интересная подробность, именно упоминаніе о посольствѣ лица, въ честь котораго воздвигнутъ былъ памятникъ (какъ жаль, что имя его не сохранилось!) къ правителю римской провинціи Мезіи [1]). Извѣстно, что эта провинція вошла въ составъ Римскаго государства при Августѣ, а спустя около столѣтія, при Домиціанѣ, была раздѣлена на двѣ части, Moesia superior и M. inferior, изъ которыхъ каждая получила особаго правителя [2]). Можно сказать съ полною увѣренностію, что нашъ документъ относится именно къ этому приблизительно столѣтнему промежутку времени, такъ какъ, будь онъ поставленъ послѣ раздѣленія Мезіи, въ немъ, конечно, было бы прибавлено, къ правителю которой изъ двухъ провинцій отправленъ былъ посломъ нашъ Неизвѣстный, тѣмъ болѣе, что Херсонисъ не входилъ въ составъ провинціи. Къ сожалѣнію, исторія Херсониса слишкомъ мало намъ извѣстна для того, чтобы можно было ближе опредѣлить, съ большею или меньшею вѣроятностью, время и поводъ этого посольства. Позволительно однако высказать догадку, которая, не имѣя пока за себя положительныхъ данныхъ, тѣмъ не менѣе представляется довольно правдоподобною. Она подсказывается извѣстною надписью [3]) въ честь Тиб. Плавція Сильвана Эліана, бывшаго

[1]) Извѣстно, что Греки употребляли одну и ту же форму имени Μυσία какъ для Азіатской области, такъ и для Европейской провинціи, называвшейся по латыни Moesia. О первой не можетъ быть здѣсь рѣчи уже потому, что она не составляла особой провинціи, а входила въ составъ провинціи Азіатской.

[2]) См. *I. Marquardt*, Römische Staatsverwalt. I стр. 146 сл.

[3]) Найдена въ Тибурѣ, издана м. пр. у *Orelli*, Inscr. lat. sel. ampl. collectio t. I n° 750.

Библиотека "Руниверс"

консуломъ въ 45 г. по Р. Хр., а впослѣдствіи, въ промежутокъ времени между 58 и 69 гг., въ званіи legatus pro praetore управлявшаго Мезіей [1]). Изъ его дѣятельности въ этой провинціи надпись сообщаетъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что онъ освободилъ Херсонисъ отъ осады его Скиѳскимъ царемъ и первый доставилъ изъ этой провинціи въ Римъ значительное количество хлѣба, чѣмъ и способствовалъ удешевленію его въ „вѣчномъ городѣ": Scytharum quoque rege(m) a Cherronensi quae est ultra Borusthenem opsidione summoto, primus ex ea provincia magno tritici modo annonam P. R. adlevavit. Можно считать несомнѣннымъ уже a priori, что Сильванъ помогъ Херсонисцамъ не безъ зова, что они отправляли къ нему посольство съ просьбою о помощи, — и вотъ въ этомъ-то случаѣ, быть можетъ, было посломъ то лицо, въ честь котораго поставленъ былъ въ Херсонисѣ сохранившійся до насъ памятникъ. Самое упоминаніе въ немъ о посольствѣ доказываетъ, что оно было удачно; съ другой стороны надпись Сильвана также свидѣтельствуетъ, что онъ внялъ просьбамъ Херсонисцевъ и явился къ нимъ на помощь,—и это сопоставленіе также благопріятствуетъ нашему предположенію. Въ случаѣ его вѣрности наша надпись будетъ относиться приблизительно къ 7-му десятилѣтію послѣ Р. Хр., врядъ ли позже, такъ какъ посольство къ правителю Мезіи было повидимому послѣднимъ актомъ государственной дѣятельности Неизвѣстнаго,—за упоминаніемъ о немъ прямо слѣдуетъ, такъ сказать, общій итогъ этой дѣятельности, выраженный словами καλῶς πολειτευσάμενον.

II.

Главный интересъ разсмотрѣнныхъ нами памятниковъ заключается въ томъ, что они пополняютъ наши свѣдѣнія о государственномъ

[1]) См. о немъ *Henzen*, *Annali dell' Inst.* 1859, стр. 5 сл., *Mommsen* въ C. I. Lat. III, nº 781; *Waddington*, Fastes des prov. Asiat. nº 85, стр. 130. Относительно времени его управленія МезіейВаддингтонъ говоритъ: „Quant à sa légation de Mésie, elle se place entre l'année 58, où Flavius Sabinus quitta cette province pour prendre la préfecture de Rome (Tac. Hist. III, 75), et l'année 69, où elle était gouvernée par M. Aponius Saturninus (ibid. I, 79); ce dernier ne put aller en Mésie au plus tôt qu'en 67, car cette province était réservée aux consulaires, et il ne parvint au consulat que pendant le second semestre de 66 (*Henzen* Scavi p. 22). Il est possible, qu' Aelianus ait été le successeur immédiat de Flavius Sabinus, mais ce n'est pas sûr, et tout ce qu'on peut affirmer, c'est qu' il était légat de Mésie en 62, ainsi que Henzen [l. c.] l'a démontré".

Библиотека "Руниверс"

устройствѣ древняго Херсониса, сообщая нѣсколько названій такихъ должностей, о существованіи которыхъ въ Херсонисѣ раньше мы ничего не знали. А такъ какъ изъ прежде найденныхъ надписей было уже извѣстно нѣсколько должностей, то, присоединяя къ нимъ вновь узнанныя, мы получаемъ возможность составить себѣ нѣкоторое понятіе объ устройствѣ и управленіи Херсониса въ древнія времена, хотя наши свѣдѣнія пока еще очень далеки отъ желанной полноты и страдаютъ многими немаловажными пробѣлами, между которыми особенно слѣдуетъ отмѣтить слѣдующіе: 1) въ большинствѣ случаевъ херсонисскія надписи представляютъ намъ лишь одни названія магистратуръ безъ всякаго обозначенія соединявшихся съ ними функцій, или съ обозначеніемъ только такихъ, въ поименованіи которыхъ встрѣчалась надобность въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ, такъ что, вообще говоря, обязанности, лежавшія на тѣхъ или другихъ должностныхъ лицахъ въ Херсонисѣ, документально извѣстны еще очень мало и для ихъ опредѣленія приходится не рѣдко прибѣгать къ существующимъ свѣдѣніямъ о государственномъ устройствѣ другихъ греческихъ государствъ, при чемъ, конечно, нельзя бываетъ рѣшить, дѣйствительно ли та или другая магистратура въ Херсонисѣ вполнѣ соотвѣтствовала одноименной ей въ другихъ государствахъ; 2) Херсонисскія надписи относятся къ разнымъ временамъ [1]) и, стало быть, знакомятъ насъ съ устройствомъ Херсониса не въ одну какую нибудь эпоху, а въ разныя, подчасъ отдѣленныя одна отъ другой значительными промежутками, такъ что мы лишены возможности прослѣдить перемѣны, происходившія въ конституціи Херсониса, и опредѣлить, хотя бы приблизительно, существовала ли тамъ та или другая магистратура издревле, или введена впослѣдствіи. Притомъ, въ самихъ надписяхъ, за немногими счастливыми исключеніями (въ числѣ которыхъ можно назвать прежде всего надпись Діофанта, потомъ Аристона и др.), нѣтъ положительныхъ данныхъ для точнаго опредѣленія ихъ времени, такъ что приходится довольствоваться лишь приблизительными опредѣленіями по внѣшнимъ признакамъ письма, которые, при незначительномъ количествѣ сохранившихся памятниковъ, не настолько еще извѣстны, чтобы могли служить прочнымъ критеріемъ.

---

[1]) Изъ числа извѣстныхъ намъ въ подлинникахъ надписей самою древнею нужно признать Агасиклову (C. I. Gr. 2097), которая по характеру письма никакъ не позднѣе III в. до Р. Хр.; большинство остальныхъ надписей принадлежитъ римскимъ временамъ.

Библиотека "Руниверс"

Однако, этотъ второй пробѣлъ можетъ быть иногда восполняемъ на основаніи слѣдующихъ соображеній. Общеизвѣстенъ фактъ, что греческіе колонисты обыкновенно переносили съ собою на новую почву своихъ родныхъ боговъ, религіозныя учрежденія, обычаи и государственное устройство, такъ что конституціи колоній, по крайней мѣрѣ въ первое время существованія каждой изъ нихъ, представляли собою сколокъ съ государственнаго устройства митрополій. По показанію Страбона (VII, 4, 2), Херсонисъ былъ колонизованъ жителями Иракліи Понтійской, къ которымъ Скимнъ Хіосскій присоединяетъ еще Дилійцевъ [1]). Основаніе самой Иракліи Страбонъ (XII, 3, 4) приписываетъ Милитянамъ, но этому показанію противорѣчатъ свидѣтельства другихъ авторовъ, изъ коихъ Ксенофонтъ (Анав. VII, 2, 1) называетъ Ираклію πόλιν Ἑλληνίδα Μεγαρέων ἄποικον, а Павсаній (V, 26, 7) и Скимнъ (фр. 230) прибавляютъ къ Мегарянамъ еще Віотійцевъ, въ особенности Танагрэйцевъ, но такъ, что главный контингентъ переселенцевъ состоялъ изъ Мегарянъ, а Танагрэйцы, по выраженію Павсанія, только μετέσχον τοῦ οἰκισμοῦ. Въ настоящее время, какъ замѣтилъ уже г. Фукаръ при изданіи надписи Діофанта [2]), не можетъ быть никакого сомнѣнія въ ошибочности показанія Страбона, такъ какъ въ государственномъ устройствѣ Ираклійской колоніи Херсониса встрѣчаются тѣ же самые магистраты, какіе были въ Мегарахъ и ихъ колоніяхъ [3]). Изъ вновь находимыхъ документовъ сходство учрежденій Херсониса съ Мегарскими и Халкидонскими обнаруживается все болѣе и болѣе. Поэтому мы имѣемъ полное основаніе, встрѣчая въ Херсонисѣ магистратовъ одноименныхъ съ Мегарскими, Халкидонскими или Византійскими, предполагать и одинаковость ихъ функцій, а съ другой стороны, зная о существованіи въ Мегарахъ какой либо должности, учрежденіе которой по тѣмъ или другимъ признакамъ можетъ быть отнесено къ древнѣйшимъ временамъ, предполагать ея существованіе въ колоніяхъ и на оборотъ. Такимъ образомъ эпиграфическіе документы Мегаръ и ихъ колоній будутъ взаимно пополнять и объяснять другъ друга, и въ этомъ смыслѣ мы считаемъ возмож-

---

[1]) Скимна фр. 75. Показаніе Скимна дословно списано безъименнымъ авторомъ перипла Понта Евксинскаго.

[2]) *Bull. de corr. hellén.* V, стр. 86.

[3]) Сходство государственныхъ учрежденій является послѣднимъ и самымъ важнымъ доказательствомъ вѣрности свидѣтельствъ Павсанія и Скимна. Съ другими доказательствами можно познакомиться уже у *Бёка*, C. I. Gr. II, стр. 89.

Библиотека "Руниверс"

нымъ и даже необходимымъ при разсмотрѣніи политическихъ учрежденій Херсониса пользоваться данными памятниковъ Мегаръ и ихъ колоній. Къ крайнему сожалѣнію надо, однако, прибавить, что такихъ памятниковъ пока немного; но — на нѣтъ, говорятъ, и суда нѣтъ; будемъ довольствоваться тѣмъ, что есть на лицо, и надѣяться на пополненіе нашихъ свѣдѣній въ будущемъ изъ новыхъ документовъ, на возможность открытія которыхъ какъ въ Мегарахъ, такъ и въ ихъ колоніяхъ и въ Херсонисѣ вполнѣ можно разчитывать.

Время основанія Херсониса съ достовѣрностью неизвѣстно. Основаніе же его митрополіи, Иракліи Понтійской, Скимнъ сопоставляетъ по времени съ покореніемъ Мидіи Киромъ [1]). Изъ Аристотеля извѣстно, что въ Иракліи сначала введено было демократическое правленіе, но что оно вскорѣ же было свергнуто вслѣдствіе необузданности демагоговъ и замѣнено олигархіей [2]). Основаніе Херсониса, вѣроятно, произошло уже послѣ сверженія демократіи въ Иракліи, но отсюда нельзя еще заключить, что олигархія введена была и въ Херсонисѣ; напротивъ, скорѣе можно думать, что первыми его поселенцами были именно демократы, изгнанные олигархами или добровольно отправившіеся искать на чужбинѣ счастья и спасенія отъ преслѣдованій своихъ противниковъ. Въ пользу этого предположенія очень много говоритъ, по нашему мнѣнію, значительное сходство демократическихъ учрежденій Херсониса съ Мегарскими, котораго не могло бы быть, еслибы эти учрежденія не были заимствованы Херсо-

---

[1]) ...Ἡράκλεια Βοιωτῶν κτίσις καὶ Μεγαρέων· ἐντὸς δὲ ταύτην Κυανέων κτίζουσιν ὁρμηθέντες ἀπὸ τῆς Ἑλλάδος καθ' οὓς χρόνους ἐκράτησε Κῦρος Μηδίας. *Peters*, Zeittafeln d. Griech. Geschichte[5] стр. 35, ставитъ основаніе Иракліи подъ Олимп. LV, 2=559 г. до Р. Хр.

[2]) Аристот. Полит. V, 4, 2; Κατελύθη δὲ καὶ ἐν Ἡρακλείᾳ ὁ δῆμος μετὰ τὸν ἀποικισμὸν εὐθὺς διὰ τοὺς δημαγωγούς. ἀδικούμενοι γὰρ ὑπ' αὐτῶν οἱ γνώριμοι ἐξέπιπτον, ἔπειτα ἀθροισθέντες οἱ ἐκπίπτοντες καὶ κατελθόντες κατέλυσαν τὸν δῆμον.—Иракліи была основана въ періодъ ожесточенной борьбы аристократіи съ демократіей въ Мегарахъ, нашедшей себѣ столь яркое выраженіе въ повтическихъ произведеніяхъ Ѳеогнида (см. *Курціуса* Греческ. исторія въ русск. пер. *Веселовскаго*, т. I, стр. 220; *Bergk*, Griech. Literaturgeschichte II, стр. 302 сл.). Основаніе колоній служило аристократамъ однимъ изъ средствъ предупреждать слишкомъ сильное увеличеніе народонаселенія и удалять изъ города вредные для нихъ элементы, такъ что большинство колонистовъ, безъ сомнѣнія, принадлежало къ низшему сословію, и потому введеніе демократіи въ Иракліи при самомъ ея основаніи является совершенно естественнымъ.

Библиотека "Руниверс"

писцами изъ ихъ митрополіи, а были выработаны ими самостоятельно впослѣдствіи, при замѣнѣ олигархіи демократическимъ устройствомъ.

Какъ бы то ни было, херсонисскія надписи показываютъ, что въ болѣе поздніе времена верховная власть въ государствѣ принадлежала совѣту и народу (ἡ βουλὰ καὶ ὁ δᾶμος), отъ лица которыхъ издаются государственные декреты. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ упоминается только δᾶμος, безъ βουλά, именно въ надписяхъ на пьедесталахъ статуй, воздвигнутыхъ тѣмъ или другимъ государственнымъ дѣятелямъ за ихъ заслуги, какъ напримѣръ C. I. Gr. 2097, 2098 [1]), Mélanges gr.-rom. II, стр. 236 n° 9 [2]) и новый памятникъ Неизвѣстнаго; единственное до сихъ поръ исключеніе представляетъ поздняя надпись Димократа C. I. Gr. n° 2099, въ которой названы ἡ κρατίστη βουλὴ καὶ ὁ ἱερώτατος δῆμος. Случаи, въ которыхъ упоминаніе о совѣтѣ было обязательно въ документахъ, можно кажется, отчасти опредѣлить на основаніи слѣдующихъ строкъ надписи Діофанта (ст. B, строки 17—22 по нашей копіи): Ὅπως οὖν καὶ ὁ δᾶμος τοῖς εὐεργέταις ἑαυτοῦ τ[ὰς] καθηκούσας φαίνηται χάριτας ἀποδιδούς, δεδόχθαι τᾶι βουλᾶι καὶ τῶι δάμωι στεφανῶσαι Διόφαντον Ἀσκλαπιοδώρου χρυσέωι στεφάνωι Παρθενείοις ἐν τᾶι πομπᾶι, τὸ ἀνάγγελμα ποιουμένων τῶν συμμναμόνων· ὁ δᾶμος στεφανοῖ Διόφαντον Ἀσκλαπιοδώρου Σινωπέα ἀρετᾶς ἕνεκα καὶ εὐνο[ί]ας τᾶ[ς] εἰς αὐτόν и т. д. И ниже въ стр. 26—27: Ταῦτ' ἔδοξε βουλᾶι καὶ δάμωι и т. д. Эта послѣдняя формула является обычнымъ заключеніемъ херсонисскихъ декретовъ. Отсюда можно заключить, что государственные акты были представляемы сначала на разсмотрѣніе совѣта, а этотъ послѣдній, по предварительномъ обсужденіи, предлагалъ ихъ на рѣшеніе народнаго собранія; такимъ образомъ совѣтъ былъ пер-

---

[1]) Эта надпись, до сихъ поръ хранящаяся въ музеѣ Одесскаго Общества исторіи и древностей, очень стерта, но тѣмъ не менѣе намъ удалось прочитать въ ней гораздо болѣе, чѣмъ Келеру, и возстановить вполнѣ ея содержаніе въ слѣдующемъ видѣ: Ὁ δᾶμος | [Ἡ]δ[ίστ]ην (?) θυγατέρα Ἡρο|ξέ[νο]υ, [γυ]ν[α]ῖ[κα] δὲ Τ[ί]του | Φλ[α]ο[υίου] Π[α]ρθενοκ[λέους], | υἱοῦ Φλαουίου Παρθενοκλέους. Сомнительнымъ остается только имя женщины, въ честь которой воздвигнутъ былъ памятникъ. Имена Флавія и Тита Флавія, которыя носили свекоръ и мужъ этой женщины, заставляютъ отнести памятникъ къ концу I или къ началу II вѣка по Р. Хр.

[2]) — — — | Κιριάλιν, Αὐτοκράτορος Οὐ[εσ]πασιανοῦ Καίσαρος Σεβαστοῦ | πρεσβευτὴν καὶ ἀντιστράτηγον | ὁ δᾶμος. О личности этого [Г. Ветулена Цицинн] Церіалиса см. въ статьѣ *И. В. Помяловскаго* „Два римскіе военные диплома“ въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

вою инстанціею для проектовъ государственныхъ декретовъ, то-есть, имѣлъ пробулевтическое значеніе, какъ въ Аѳинахъ и въ большинствѣ греческихъ республикъ. Предлагать совѣту и народному собранію тѣ или другія постановленія могли какъ чиновники, такъ и частные люди [1]). Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ не было надобности отмѣчать подробно законный путь, которымъ шло постановленіе, а требовалось только обозначить, что та или другая почесть дается извѣстному дѣятелю отъ лица государства, — упоминался только δᾶμος; такъ на указанныхъ нами подножіяхъ статуй „народъ", то-есть, все государство, награждаетъ статуями заслуженныхъ дѣятелей; такъ въ приведенной фразѣ документа Діофанта ему опредѣляются различныя почести, для того, чтобы видно было, что „народъ" умѣетъ воздавать благодарность за оказываемыя ему благодѣянія, и далѣе въ формулѣ провозглашенія говорится, что „народъ" увѣнчиваетъ Діофанта. Такимъ образомъ, въ приведенныхъ случаяхъ слово δᾶμος имѣетъ болѣе широкое значеніе, нежели тамъ, гдѣ оно упоминается рядомъ съ βουλά: въ послѣднемъ случаѣ δᾶμος, очевидно, обозначаетъ „народное собраніе". Упоминаніе о κρατίστη βουλή въ памятникѣ Димократа, можетъ быть, слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что совѣтъ вознаградилъ его отдѣльно за его дѣятельность въ качествѣ προεδρα (о нихъ см. ниже).

Херсонисскія надписи не представляютъ никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о дѣятельности совѣта, его составѣ, способѣ выбора его членовъ и проч. Только въ надписи Діофанта въ числѣ эпонимовъ названы два должностныя лица, которыя входили, какъ мы увидимъ, въ составъ совѣта, именно ὁ προαισυμνῶν и γραμματεύς [2]). Упоминаніе

[1]) *В. Н. Юргевичъ* въ *Зап. Од. Общ.* т. XI стр. 314 n° 2 издалъ небольшой обломокъ, безъ сомнѣнія происходящій отъ почетнаго декрета; въ первой строкѣ его на камнѣ сохранились буквы ΟΕΔΡΟΙΧΓ, которыя съ наибольшею вѣроятностью можно дополнить: [οἱ πρ]όεδροι Χ[ερσονασειτᾶν εἶπαν]. Точно такъ же въ началѣ другаго обломка, изд. имъ же въ Зап. т. XII, стр. 120 n° I, я предполагаю: Οἱ Χερσονα[σειτᾶν πρόεδροι εἶ]παν. Еще въ одномъ болѣе древнемъ обломкѣ, изд. тамъ же стр. 121 n° III, читается: [Ἡρακλ?]είδας Παρμένοντος εἶπ[εν]. Кѣмъ было предложено постановленіе въ честь Діофанта, навѣрное не извѣстно, такъ какъ начало надписи не сохранилось; необходимо однако принять, что предложеніе было сдѣлано нѣсколькими лицами, такъ какъ въ началѣ надписи (гдѣ г. Юргевичъ предлагалъ возстановить [ἀγα]θὸ[ν] ἅπαν) на камнѣ и фотографіи можно еще прочитать εἶπαν. А въ такомъ случаѣ весьма вѣроятно, что предложеніе было внесено какою-нибудь должностною коллегіею.

[2]) Въ виду того, что еще не разъ придется возвращаться къ эпонимамъ, названнымъ въ документѣ Діофанта, считаемъ не лишнимъ выписать здѣсь цѣ-

Библиотека "Руниверс"

τοῦ προαισυμνῶντος въ данномъ случаѣ является чрезвычайно для насъ интереснымъ, такъ какъ даетъ намъ право для ближайшаго ознакомленія съ устройствомъ совѣта обратиться къ данныхъ эпиграфическихъ памятниковъ Мегаръ и ихъ колоній. Дѣло въ томъ, что должностныя лица совѣта съ именемъ αἰσυμνᾶται представляютъ характеристическую особенность конституціи Мегаръ, перенесенную и въ ихъ колоніи, но больше нигдѣ, по видимому, не встрѣчающуюся [1]). Въ Мегарахъ αἰσυμνᾶται упоминаются только однажды, именно въ декретѣ въ честь нѣкоего Икесія Ефесца, относящемся къ первой половинѣ II в. до Р. Хр.: Συναρχίαι προεβουλεύσαντο ποτί τε τοὺς αἰσυμνάτα[ς, | τὰν] βουλὰν καὶ τὸν δᾶμον [2]). Въ надписяхъ болѣе древнихъ они не встрѣчаются, но уже г. Фукаръ (въ примѣч. къ указанной надписи) замѣтилъ, что на этомъ основаніи нельзя отрицать ихъ существованія въ Мегарахъ въ предшествующія времена; напротивъ, передаваемая Павсаніемъ (I, 43, 3) легенда объ Αἰσύμνιον, которое было мѣстомъ ихъ засѣданій, и существованіе ихъ въ Халкидонѣ заставляютъ относить ихъ учрежденіе въ Мегарахъ къ глубокой древности; изъ молчанія же объ нихъ въ древнѣйшихъ мегарскихъ надписяхъ слѣдуетъ только заключить, что ихъ значеніе очень уменьшилось со времени основанія колоній и потомъ было возстановлено подъ вліяніемъ Ахэйцевъ [3]). Относительно должностныхъ функцій эсим-

---

никомъ его заключеніе (B. стр. 26 сл.): Ταῦτ' ἔδοξε βουλ[αῖ] | καὶ [δ]άμωι μηνὸς Διονυσίου ἐννεακαιδεκάται, βασιλεύοντος Ἀγέλα τοῦ Ἀ[γε?] | νορίνου, προαισυμνῶντος Μήνιος τοῦ Ἡρακλείου, γραμματεύοντος Δα[μασι|κλ?]είος τοῦ Ἀθαναίου.

[1]) О другихъ значеніяхъ эсимнитовъ см. зам. Бёка въ C. I. Gr. II, стр. 629 (къ n° 3044). Между прочимъ, въ одномъ документѣ изъ г. Аркесины, недавно изданномъ *Кумануди*сомъ въ *Bull. de corr. hell.* VIII стр. 23, упоминаются 2 эсимнита на о. Наксѣ въ качествѣ высшихъ чиновниковъ эпонимовъ.

[2]) *Le Bas-Foucart*, Még. et Péiop. n° 35a = *Dittenberger* Sylloge inscr. gr. n° 218. Относительно правописанія αἰσυμνᾶται (ι вм. υ) Диттенбергеръ l. c. замѣчаетъ: «Megarensium colonorumque propria fuisse videtur huius vocis scriptura per iota. Certe praeter hunc titulum ea invenitur in Selinuntio (*Roehl* Inscr. Gr. Ant. 514) et in duobus Chalcedoniis (C. I. Gr. 3794. Ἀθηναίου VII p. 207 n° 2 coll. *Herm.* XVI p. 164». Въ C. I. Gr. 3794 это правописаніе подтвердилъ Фукаръ (l. c. стр. 26) по своему собственному сличенію. — Συναρχίαι въ Мегарскихъ колоніяхъ пока не встрѣчались; Фукаръ доказываетъ, что они были введены въ Мегарахъ только со времени ихъ присоединенія къ Ахэйскому союзу.

[3]) «Comme il n'est pas question des aesimnètes dans les inscriptions de l'époque antérieure, on peut croire, que leur importance avait beaucoup diminué depuis l'époque de la fondation de Chalcédon, et qu'elle fut restaurée par l'influence des

Библиотека "Руниверс"

натовъ г. Фукаръ, на основаніи приведенныхъ строкъ надписи, замѣчаетъ, что „ils étaient chargés de convoquer le conseil et le peuple pour leur présenter le projet de décret arrêté par les magistrats réunis". Заключеніе это можно было бы назвать слишкомъ смѣлымъ, если бы оно не подтверждалось отчасти тѣмъ, что намъ извѣстно о дѣятельности эсимнатовъ изъ надписей Мегарскихъ колоній. Изъ нихъ наиболѣе важною для ознакомленія съ формами ихъ государственнаго устройства является надпись изъ Халкидона C. I. Gr. 3794. Въ ней названы сначала (по именамъ и отчествамъ) ежегодно смѣнявшіеся магистраты: βασιλεύς, ἱερομνάμων, προφήτας, 7 νομοφύλακες; далѣе слѣдуетъ фраза: αἰσυμνῶντας μῆνα Διονύσιον ἐστεφάνωσαν ἀγεμόνα βουλᾶς Διονύσιον Διονυσίου Πολητήας; затѣмъ перечислены по именамъ, отчествамъ и названіямъ филъ 8 лицъ, очевидно эсимнатовъ, и наконецъ записанъ еще γραμματεὺς βουλᾶς καὶ δάμου. Знаменитый издатель Corporis I. Gr. совершенно вѣрно, по нашему мнѣнію, объяснилъ этотъ интересный документъ, и мы считаемъ не лишнимъ воспроизвести цѣликомъ его слова относительно τῶν αἰσυμνώντων, кромѣ своей убѣдительности увлекательныя еще по скромной и изящной простотѣ изложенія: „Chalcedone quod fuerit aesymnetarum munus, probabili coniectura expediri potest. Non esse agonisticos magistratus, de quibus vide Hesych. v. αἰσομνῆται, vix est quod moneam. Sunt menstrui; unus ex iis est scriba Senatus et Populi, qui Megaris quoque institutus erat (n. 1052); coronant principem Senatus: patet igitur cum Senatu coniunctos esse. Nec tamen βουλευταὶ vocantur, ac proinde non sunt menstrui senatores. Quid igitur fuerint, nisi menstrui Senatus praesides, qui Athenis vocantur prytanes?... Ex his aesymnetis non dubito quin singulis mensibus lectus sit ἡγεμὼν βουλᾶς et γραμματεὺς βουλῆς καὶ δήμου, fere ut Athenis epistates, qui tamen diurnus est, et γραμματεὺς βουλευτῶν (cf. t. I p. 323 b)". Не приводимъ дальнѣйшихъ соображеній знаменитаго ученаго (относительно числа членовъ совѣта въ Халкидонѣ), такъ какъ онъ самъ считаетъ ихъ менѣе достовѣрными, а изъ дру-

---

Achéens, dont la constitution avait multiplié les précautions contre les brusques décisions des assemblées populaires». — Замѣтимъ кстати здѣсь же, что слово ΑΙΣΙΜΝΑ[Τ]ΑΣ встрѣчается въ очень древней надписи на бронзовой доскѣ, шесть обломковъ которой найдены при послѣднихъ раскопкахъ въ Олимпіи и изданы у *Röhl*, I. G. Ant. n° 514. Надпись происходитъ изъ Мегаръ или Селинунта, вырѣзана βουστροφηδόν и относится, можетъ быть, еще ко времени до 50-й олимп. (см. примѣчанія Реля). Къ крайнему сожалѣнію, изъ сохранившихся обломковъ нельзя вывести ничего, относящагося къ дѣятельности эсимнатовъ.

Библиотека "Руниверс"

гихъ документовъ они не подтверждаются и потому не имѣютъ для насъ обязательнаго значенія. Весьма интересную иллюстрацію къ этому объясненію значенія и дѣятельности халкидонскихъ эсимнатовъ даетъ недавно найденный документъ о продажѣ жречества Асклипія, въ происхожденіи котораго (документа) изъ Халкидона, послѣ блестящихъ доказательствъ Диттенбергера, не можетъ быть никакого сомнѣнія [1]); въ немъ, между прочими постановленіями, сказано: ὃς δέ κ[α] εἴπηι ἢ προαισιμνάσηι [ἢ προ | θῆι] ἢ ἐν δάμωι ἢ ἄλλαι καὶ χ' ὁπειοῦν [ὡς δεῖ | ἀφε]λέσθαι τὸν πριάμενον τὰν ἱερω[τείαν, | χιλ]ίας δραχμὰς ἀποτεισάτω ἱερὰ[ς τοῦ | Ἀσ]κλαπιοῦ. Диттенбергеръ въ своихъ объясненіяхъ къ этому документу не различаетъ строго значенія глаголовъ προαισιμνᾶν и αἰσιμνᾶν и принимаетъ первый въ значеніи аттическихъ προβουλεύειν или προτανεύειν [2]); но въ комментаріи къ надписи Діофанта [3]) онъ совершенно вѣрно сопоставляетъ упомянутаго въ ней προαισυμνῶντα съ эпистатомъ притановъ, то-есть, принимаетъ его за предсѣдателя эсимнатовъ; а если это такъ, то и глаголъ προαισιμνᾶν въ новомъ халкидонскомъ документѣ слѣдуетъ считать спеціальнымъ выраженіемъ для служебной дѣятельности этого предсѣдателя, а не всѣхъ эсимнатовъ. Отсюда уже естественно вытекаетъ, что ἀγεμὼν βουλᾶς, упомянутый въ C. I. Gr. 3794, есть не кто иной, какъ ὁ προαισιμνῶν, какъ это и предположилъ уже Фукаръ въ своемъ объясненіи надписи Діофанта [4]). И дѣйствительно, это названіе не

---

[1]) Изд. впервые *Куманудисъ*, Ἀθήναιον VII, стр. 207, затѣмъ авторъ настоящей статьи въ *Журн. М. Н. Пр.* 1882, іюнь, отдѣлъ класс. фил. стр. 243, и въ сочиненіи «О нѣкоторыхъ эолическихъ и дорическихъ календаряхъ» стр. 148 сл. и 194 (*Dittenberger*, Syll. inscr. gr. nº 369). Доказательства происхожденія документа изъ Халкидона и прекрасное объясненіе его содержанія даны Диттенбергеромъ въ *Hermes* т. XVI стр. 164 сл.

[2]) *Hermes*, l. c. стр. 167, пр. 1: «...das προαισιμνᾶν der Inschrift des Ἀθήναιον... dem Zusammenhange nach nur im Sinne der attischen προβουλεύειν genommen werden kann; das προβούλευμα wurde also wohl von den jedesmaligen αἰσιμνᾶται redigirt, vom Plenum des Rathes genehmigt und so der Volksversammlung zur Beschlussfassung vorgelegt».—Ср. тамъ же стр. 173: «...neben dem Stellen eines Antrags (εἰπεῖν), der Abfassung eines Probuleuma (προαισιμνᾶν) konnte nur noch die Thätigkeit dessen, der als vorsitzender in der Volksversammlung den Antrag zur Debatte resp. zur Abstimmung stellt, mit Strafe bedroht werden».—Syll. inscr. gr. nº 369 n. 9 (къ слову προαισιμνάσηι): «Et scriptura αἰσιμνᾶν et ea vis huius vocabuli, qua de praesidibus senatus usurpatum respondet Attico προτανεύειν, Megarensium colonorumque propria est».

[3]) Syll. inscr. gr. nº 252 прим. 25.

[4]) *Bull. de corr. hell.* V, стр. 87.

Библиотека "Руниверс"

встрѣчается ни въ какой другой надписи изъ Мегаръ или ихъ колоній. Въ надписи Діофанта ὁ προαισυμνῶν поставленъ рядомъ съ „царемъ", который, какъ мы увидимъ, былъ эпонимомъ года; но изъ этого сопоставленія нельзя заключать, что ὁ προαισυμνῶν въ Херсонисѣ оставался въ должности въ теченіи цѣлаго года; вспомнимъ Аѳинскіе декреты, въ которыхъ рядомъ съ архонтомъ-эпонимомъ называется γραμματεὺς ὁ κατὰ πρυτανείαν, который въ V и первой половинѣ IV вв. до Р. Х. смѣнялся съ каждою пританеею. Зная, что въ Халкидонѣ эсимнаты и ἀγεμὼν βουλᾶς смѣнялись ежемѣсячно, мы имѣемъ право предполагать, что то же самое было и въ Херсонисѣ.

Говоря о совѣтѣ и должностныхъ его лицахъ, нельзя обойдти молчаніемъ проедровъ, о которыхъ по настоящее время имѣются два эпиграфическихъ показанія, именно въ надписи Димократа C. I. Gr. 2099 и въ Зап. Од. Общ. т. XI, стр. 34, п°. 2. Надпись Димократа, судя по характеру ея письма, общегреческому языку (κοινή), на которомъ она изложена, и по высокопарнымъ эпитетамъ, приданнымъ въ ней совѣту и народу (ἡ κρατίστη βουλὴ καὶ ὁ ἱερώτατος δῆμος), несомнѣнно принадлежитъ очень позднимъ римскимъ временамъ, можетъ быть даже раннимъ византійскимъ, какъ думалъ и Бёкъ въ своемъ комментаріи къ надписи. Еще въ 1-й половинѣ II в. по Р. Хр., какъ видно изъ памятника Аристона, Херсонисцы говорили на дорическомъ нарѣчіи, о которомъ въ надписи Димократа нѣтъ уже и помина, и въ ихъ документахъ не было еще той напыщенности и того самовосхваленія, которымъ такъ непріятно поражаетъ эта надпись. Бёкъ, комментируя ее, безъ всякаго колебанія призналъ проедровъ за предсѣдателей совѣта, и сообразно съ такимъ пониманіемъ предложилъ нѣкоторыя возстановленія ея текста [1]); его мнѣніе по видимому подтверждается новымъ обломкомъ, который по письму также принадлежитъ римскимъ временамъ и въ которомъ мы уже выше предложили возстановить: [οἱ πρ]όεδροι Χ[ερσονασιτᾶν εἶπαν]. По этому возстановленію одною изъ должностныхъ функцій проедровъ было именно предложеніе проектовъ постановленій въ совѣтѣ и народномъ собраніи, какъ полагалъ и Бёкъ. Такимъ образомъ, на ос-

[1]) «Haud dubium est εἰσηγησάμενον, quod convenit proedro... Vs. 4. 5. nihil aliud quam δημηγ]ορήσαντα latere cum Köhl[ero] iudico, sed quum hoc non possit magistratum designare, supplementum ita institui, ut ad proedri munus pertineret τὸ δημηγορεῖν».

Библиотека "Руниверс"

нованіи этихъ двухъ надписей, приходится предположить, что во времена римскихъ императоровъ въ конституціи Херсониса произошли нѣкоторыя измѣненія, при чемъ въ совѣтѣ мѣсто прежнихъ эсимнатовъ заступили проедры. Въ пользу этого предположенія есть, какъ мы увидимъ, и нѣкоторыя другія данныя, но настаивать на немъ пока еще нельзя, такъ что остается только выразить надежду, что этотъ вопросъ, быть можетъ, хоть сколько нибудь разъяснится при дальнѣйшихъ эпиграфическихъ открытіяхъ.

Въ цитированной выше Халкидонской надписи C. I. Gr. 3794 послѣ эсимнатовъ названъ γραμματεὺς βουλῆς καὶ δήμου, который, по мнѣнію Бёка, былъ избираемъ изъ числа эсимнатовъ и оставался въ должности одинаковое время съ ними, то-есть, одинъ мѣсяцъ. Онъ упоминается и во многихъ декретахъ г. Мегаръ, гдѣ онъ, какъ видно, игралъ весьма важную роль, такъ какъ его имя фигурируетъ въ заголовкахъ или въ концѣ декретовъ рядомъ съ именами эпонимовъ—царя и стратиговъ [1]). Однако его должностныя обязанности пока не могутъ быть ближайшимъ образомъ опредѣлены за неимѣніемъ данныхъ. Во всякомъ случаѣ, какъ уже замѣтили гг. Фукаръ и Корольковъ [2]), его слѣдуетъ строго отличать въ Мегарахъ отъ γραμματεὺς τοῦ δήμου, на обязанности котораго лежало попеченіе о вырѣзкѣ на камнѣ государственныхъ документовъ и постановкѣ ихъ въ Ὀλυμπιεῖον'ѣ [3]). Изъ того, что въ Мегарахъ въ разныхъ документахъ, относящихся къ одному и тому же году, упоминается постоянно одинъ и тотъ же секретарь совѣта и народа, необходимо заключить, что онъ оставался въ должности цѣлый годъ, а не одинъ только мѣсяцъ, и такимъ образомъ вышеприведенное мнѣніе Бёка оказывается несостоятельнымъ, такъ какъ во всякомъ случаѣ гораздо вѣроятнѣе, что въ Халкидонѣ существовало такое же установленіе относительно этой должности, какъ и въ митрополіи. Существованіе этой должности въ Халкидонѣ доказываетъ, что она была учреждена въ

---

[1]) *Le Bas-Foucart*, Még. et Pélop. nn. 26—34.

[2]) *Foucart* ук. с. стр. 13.—*Д. Н. Корольковъ*, Нѣсколько неизд. мегарскихъ надписей въ *Журн. М. Н. Пр.* 1883 г., сентябрь, отд. кл. фил. стр. 65, и въ *Mitth. d. D. Arch. Inst.* VIII, стр. 181 сл.

[3]) Напримѣръ въ надписи Королькова n. 2: ἀγγράψαι δὲ τόδε τὸ δόγμα τὸν γραμματέα τοῦ δάμου εἰς στάλαν λιθίναν καὶ ἀνθέμεν εἰς τὸ Ὀλυμπιεῖον.

Библиотека "Руниверс"

Мегарахъ въ очень древнія времена и оттуда перенесена въ колоніи, въ томъ числѣ, нужно думать, въ Ираклію и оттуда въ Херсонисъ. Въ этомъ послѣднемъ городѣ секретарь былъ также однимъ изъ эпонимовъ, какъ это видно изъ документа Діофанта. Нужно однако замѣтить, что въ немъ отсутствуютъ слова βουλᾶς καὶ δάμου при названіи должности секретаря; этотъ фактъ заставляетъ думать, что эти слова не были нужны для различенія секретарей (какъ въ Мегарахъ) и что, стало быть, секретарь въ Херсонисѣ былъ только одинъ [1]). Въ пользу этого предположенія говоритъ и то, что завѣдованіе вырѣзкою документовъ на камнѣ, которое въ Мегарахъ лежало на обязанности секретаря народа, въ Херсонисѣ возлагалось на другихъ магистратовъ. Вырѣзка декрета въ честь Діофанта была поручена какимъ-то „вышеназваннымъ чиновникамъ“ (τοῖς ἐπιγεγραμμένοις ἄρχουσι), подъ которыми съ наибольшею вѣроятностью можно разумѣть симмнамоновъ, упомянутыхъ въ документѣ нѣсколькими строками выше [2]). Такимъ образомъ документъ Діофанта приводитъ насъ къ заключенію, что въ I в. до Р. Хр. былъ только одинъ секретарь. Быть можетъ, что должность γραμματέως τοῦ δήμου и существовала раньше, но была уничтожена за излишествомъ.

Въ другихъ Херсонисскихъ надписяхъ упоминаніе о секретаряхъ еще не встрѣчалось и только съ нѣкоторою вѣроятностью можетъ быть возстановлено въ одномъ неизданномъ обломкѣ, списанномъ нами въ музеѣ Одесскаго Общества исторіи и древностей. Обломокъ этотъ (бѣлаго мрамора, выш. 0,17, шир. 0,11, толщ. 0,06) происходитъ изъ Херсониса и по характеру письма принадлежитъ уже къ римскимъ временамъ. Считаемъ не лишнимъ привести его здѣсь цѣликомъ, такъ какъ, въ случаѣ вѣрности предлагаемыхъ нами возстановленій, онъ дастъ намъ еще интересное показаніе, что въ числѣ Херсонисскихъ эпонимовъ, кромѣ „царя“ и секретаря, были иногда отмѣчаемы жрецы.

---

[1]) Можно было бы предположить, что буквы ΔΑ, сохранившіяся на камнѣ послѣ γραμματεύοντος, составляютъ начало слова δά[μωι], то-есть, что въ документѣ названъ былъ секретарь народа, но этому предположенію препятствуютъ соображенія, высказываемыя въ текстѣ, и кромѣ того въ такомъ случаѣ осталось бы слишкомъ мало мѣста для имени секретаря.

[2]) Въ другихъ извѣстныхъ по настоящее время обломкахъ декретовъ лица, завѣдующія вырѣзкою, не называются.

Библиотека "Руниверс"

(См. эпиграфическій текстъ въ прилож. n° 3).

1. ..... μετ[..... τοῖς
Χερσονασ]εῖτα[ις· τὸ δὲ ψάφισμα τοῦτο
ἀναγραφῆ]μεν [λευκολίθωι στάλαι καὶ θέμεν
ἐν τῶι ἐπισ]αμοτ[άτωι τᾶς πόλιος τόπωι. Ταῦτ'
5. ἔδοξε βου]λᾶι, δά[μωι βασιλεύοντος τοῦ δεῖνος
τοῦ.....]α, ἱερέως [τοῦ δεῖνος..... μηνός
.....]ου κδ', γρ[αμματεύοντος.....
.....π]όλιος χ.....

Переходя теперь къ другимъ магистратамъ, прежде всего остановимъ наше вниманіе на „царѣ", βασιλεύς, о которомъ намъ уже приходилось упоминать, какъ объ эпонимѣ года въ Херсонисѣ. Извѣстно что царь былъ эпонимомъ и въ Мегарахъ, и въ Халкидонѣ. Вопросъ о должностныхъ его функціяхъ въ Мегарахъ уже внимательно разсмотрѣнъ г. Фукаромъ, а недавно и на русскомъ языкѣ Д. Н. Корольковымъ [1]), такъ что мы можемъ не вдаваться въ подробности. Результаты, достигнутые Фукаромъ, въ сущности сводятся къ тому, что происхожденіе должности царя эпонима и названіе ея относятся еще къ доисторическимъ временамъ, что характеръ его власти былъ чисто религіозный и что сообразно съ такимъ характеромъ царь былъ избираемъ, по всей вѣроятности, жребіемъ, а не хиротоніею. Относительно колоній Мегарскихъ мы имѣемъ право уже a priori предполагать, что власть царя-эпонима имѣла въ нихъ тотъ же характеръ, какъ и въ митрополіи, хотя въ надписяхъ собственно Херсонисскихъ нѣтъ пока никакихъ данныхъ ни для подтвержденія, ни для опроверженія этого предположенія, такъ какъ царь фигурируетъ въ нихъ исключительно въ качествѣ эпонима. Кромѣ документа Діофанта намъ извѣстны слѣдующія надписи съ упоминаніемъ о царѣ-эпонимѣ: 1) обломокъ декрета, изд. В. Н. Юргевичемъ въ Зап. Од. Общ. т. XI стр. 6 n° II; въ немъ подъ послѣдней строкой копіи г. Юргевича нами прочитаны буквы ΙΩΙ$^{\text{D}}\wedge<$, въ которыхъ мы видимъ части словъ: .... τόπ]ωι. Βασ[ιλεύοντος и т. д. [2]); 2) неизданный обломокъ,

[1]) *Le Bas-Foucart*, Még. et Pélop. стр. 13—*Корольковъ*, ук. ст. стр. 63.

[2]) Этотъ обломокъ принадлежитъ къ одному документу съ тѣмъ, который издавъ г. *Юргевичемъ* въ *Зап.* т. XII стр. 46 сл. Сличеніе обоихъ обломковъ (хранящихся въ Херсонисскомъ монастырѣ) вполнѣ убѣдило насъ въ этомъ, такъ

Библиотека "Руниверс"

по всѣмъ внѣшнимъ признакамъ принадлежащій къ одному документу съ изданнымъ г. Юргевичемъ въ Зап. Од. Общ. XII стр. 120 n° 1; новый обломокъ принадлежитъ къ концу документа и заключаетъ въ себѣ отрывки пяти строкъ, изъ которыхъ въ 4-й ясно читается ΔΑΣΙΔΕΥ[οντος]; 3) вышеприведенный обломокъ изъ Одесскаго музея, въ которомъ поименованіе царя-эпонима возстановляется съ вѣроятностью.—4) Говоря о „царѣ" Херсонисскомъ, нельзя не остановить вниманія на довольно значительномъ обломкѣ декрета о проксеніи, изданномъ г. Юргевичемъ въ Зап. т. XI стр. 8, n° 1. На немъ сохранилось отчасти заключеніе декрета съ перечисленіемъ привилегій, дарованныхъ новопожалованному проксену, затѣмъ обычная формула о вырѣзкѣ документа на камнѣ и постановкѣ его въ храмѣ Асклипія (упоминаніе о которомъ встрѣтилось здѣсь впервые), и наконецъ въ самой нижней строкѣ стоятъ буквы ΛΣΙΔΕΥΟΥΣ. Была ли эта строка послѣднею въ документѣ, рѣшить нельзя, такъ какъ камень обломанъ непосредственно за нею. Г. Юргевичъ полагаетъ, что если снимокъ вѣренъ, то послѣднее слово „можно пополнить только читая βασιλευούσα [sic] и отнести его только къ Риму", и далѣе, что „Римъ на надписяхъ называется иногда ἡ βασιλευούσα Ῥώμη или ἡ βασιλίς (Вѣкъ С. I. II p. 433 №№ 2594, 2595, 2801) и весьма вѣроятно, что на приведенной надписи говорится объ отправленіи къ римскому полководцу ποτὶ τὸν ὕπατον или στρατηγὸν τᾶς βασιλευούσας Ῥώμας, или въ Римъ εἰς τὰν βασιλευούσαν Ῥώμαν съ увѣдомленіемъ объ оказанной какому-то Римлянину почести" [1]). Мы лично убѣдились въ вѣрности чтенія послѣдней строки [2]), но очень сильно сомнѣваемся въ томъ, чтобы лицо, въ честь котораго былъ изданъ декретъ, было Римляниномъ: въ 4-й строкѣ обломка сохранились пер-

---

какъ цвѣтъ и родъ камня, характеръ письма, форма и величина буквъ, разстоянія между строками,—однимъ словомъ, всѣ внѣшніе признаки совершенно одинаковы. Кстати замѣтимъ, что мы считаемъ невозможнымъ согласиться съ мнѣніемъ г. Юргевича, будто этотъ документъ составленъ въ честь того же Діофанта Синопскаго, къ которому относится извѣстная большая надпись: обломка, о которыхъ идетъ рѣчь, по характеру письма принадлежатъ къ довольно позднему римскому времени—ко II-му или III-му в. по Р. Хр.

[1]) Изъ числа указанныхъ г. Юргевичемъ надписей двѣ первыя происходятъ изъ Критскаго города Гортины, третья—изъ Аѳродисіады.

[2]) Обломокъ хранится въ Херсонисскомъ монастырѣ, гдѣ мы сняли съ него копію и эстампажъ. Въ виду незначительности разницы нашей копіи отъ сообщенной г. Юргевичу, мы сочли излишнимъ приводить ее здѣсь цѣликомъ.

Библиотека "Руниверс"

выя буквы его имени ΗΔ[1], которыя позволяютъ возстановить только какое нибудь имя сложное съ ἡδύς (напримѣръ, Ἡδόκων, Ἡδόλος, Ἡδυχάρης и т. п.), стало быть никакъ не римское [1]); а въ такомъ случаѣ будетъ уже рѣшительно непонятно, съ какой стати въ декретѣ было бы приплетено упоминаніе о βασιλεύουσα Ῥώμη. На сколько можно по немногимъ извѣстнымъ до сихъ поръ образцамъ составить себѣ понятіе о редакціи Херсонисскихъ декретовъ, въ нихъ послѣ заключительныхъ постановленій о вырѣзкѣ документа на камнѣ и постановкѣ его въ томъ или другомъ мѣстѣ города были отмѣчаемы эпонимы (ср. напримѣръ вышеприведенное заключеніе декрета въ честь Діофанта), такъ что и здѣсь слѣдовало бы ожидать имени эпонима-царя, то-есть, βασιλεύοντος τοῦ δεῖνος. Если на камнѣ вмѣсто этого стоитъ [β]ασιλευούσ[ας], то остается, по нашему крайнему разумѣнію, единственное объясненіе,—что въ римскія времена (къ которымъ относится занимающій насъ декретъ по характеру письма) въ эту должность были избираемы и женщины. Какъ ни странно можетъ показаться такое предположеніе на первый взглядъ, но въ немъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго. Мы имѣемъ изъ разныхъ мѣстностей множество эпиграфическихъ документовъ, доказывающихъ, что въ римскія времена богатыя и уважаемыя женщины нерѣдко были избираемы для исполненія почетныхъ должностей, въ особенности отличавшихся религіознымъ характеромъ и сопряженныхъ съ издержками. Ограничиваясь только примѣрами изъ надписей, вошедшихъ въ C. I. Gr., и даже не говоря о такой должности, какъ ἀρχιέρεια (во многихъ документахъ изъ разныхъ мѣстностей, см. Indices Рёля), или объ отправленіи женщинами гимнасіархіи (№ 2953c), панигиріархіи (въ Книдѣ, № 2653), мы встрѣчаемъ женщинъ въ должностяхъ архонтовъ [2]) и даже иппарховъ-эпонимовъ, именно въ Кизикѣ, № 3665: Ἱππαρχούσης Αὐρηλίας Ἰουλίας Μενελαΐδος ἡρωίδος, при чемъ Бёкъ замѣчаетъ: „Aur. Iulia Menelais non est prae-

[1]) Въ сообщенной г. Юргевичу копіи въ концѣ 4-й стр. стоитъ HN, а въ его возстановленіи—(δ)ν(δρα). Противъ его предположенія объ отправкѣ къ римскому полководцу увѣдомленія о состоявшемся постановленіи говоритъ и то, что выраженіе въ родѣ [ἀποστεῖλαι δὲ καὶ τὸ ἀντίγραφον τοῦ ψαφίσματος ποτ τὸν στραταγὸν τᾶς βα]σιλευούσ[ας Ῥώμας] будетъ значительно превосходить своею длиною остальныя строки документа, которыя почти всѣ возстановляются цѣликомъ съ большою вѣроятностью.

[2]) Ἀρχεῖνη на о. Сирѣ, add. № 2347 b.; ἀρχεῖτις на о. Θασѣ, № 2162; ἀρχίς на о. Тинѣ, № 2339, ср. add. стр. 1057 и др.

Библиотека "Руниверс"

fecta equitatui, sed eponymiam anni habet; cf. de hipparcho Cyzicenorum eponymo ad n. 3657. 3658. Eponymiam mulieri tribui non novum; στεφανηφόρους ἐπωνύμους feminas passim habuimus in Asianis [1])". При этомъ нелишнимъ будетъ припомнить и тотъ фактъ, что въ Аѳинахъ супруга архонта-царя, βασίλιννα, обязана была совершать извѣстные религіозные обряды [2]); въ Мегарахъ должность царя-чиновника была учреждена послѣ уничтоженія царской власти, по видимому, исключительно для исполненія тѣхъ религіозныхъ обязанностей, которыя органически связаны были съ царскою властью, подобно тому, какъ и въ Аѳинахъ; отсюда является возможнымъ предположеніе, что и въ Мегарахъ съ колоніями на супругѣ царя-чиновника также лежали извѣстныя религіозныя обязанности, она имѣла, такъ сказать, оффиціальное значеніе, а отсюда уже переходъ къ замѣщенію должности царя женщиною представляется очень легкимъ.

Переходимъ къ должности стратига. Слѣдъ ея существованія въ Херсонисѣ имѣется пока только въ памятникѣ Агасикла (C. I. Gr. 2097) и притомъ лишь въ видѣ краткаго упоминанія о томъ, что Агасиклъ занималъ эту должность и за исполненіе ея награжденъ былъ вѣнкомъ (что̀ выражено словомъ στρατηγήσαντι въ вѣнкѣ), такъ что никакихъ данныхъ для ознакомленія съ ея функціями въ Херсонисѣ у насъ пока нѣтъ [3]). Мы имѣемъ право думать, что она суще-

---

[1]) Въ *Mittheil. d. D. Inst.* VI стр. 45 есть новый примѣръ занятія женщиною должности иппарха-эпонима въ Кизикѣ. Тамъ же т. III стр. 56 въ надписи n° 2 изъ Лидійскаго города Тиры женщина является въ должности притана-эпонима.

[2]) [Димосѳ.] пр. Неэры § 72 сл. Полид. VIII, 90. 108. Ср. *A. Моммзена* Heortol. стр. 356 сл., Г. *Гильберта* Griech. Staatsalt. I стр. 241 и др.

[3]) Нельзя не замѣтить при этомъ, что г. *Стефани* въ своей рецензіи на соч. барона Кёне о Херсонисѣ (Mélanges Gr.-rom. I стр. 44) предложилъ новое объясненіе надписей на памятникѣ Агасикла, именно надписи въ 8-ми вѣнкахъ распредѣлилъ попарно такъ, что въ каждой парѣ оказалось названіе должности и обозначеніе заслуги, которую Агасиклъ оказалъ, по мнѣнію г. Стефани, во время исполненія этой должности. Такимъ образомъ заслуга, обозначенная словами «εἰσαγησαμένωι τὰν φρουρὰν καὶ κατασκευάξαντι» (*a*, вѣн. 1), отнесена ко времени исполненія Агасикломъ должности стратига (*b*, вѣн. 2), устройство рынка (*b*, вѣн. 1)—ко времени его агораномія (*b*, вѣн. 5). Это имѣетъ за собою нѣкоторое вѣроятіе, хотя и нельзя не признать нѣсколько страннымъ то, что заслуги такъ рѣзко отдѣлены отъ должностей и что даже самые вѣнки поставлены не рядомъ, какъ бы слѣдовало ожидать въ случаѣ вѣрности мнѣнія г. Стефани. Но

Библиотека "Руниверс"

ствовала въ Херсонисѣ съ самаго его основанія, будучи перенесена изъ Иракліи, а туда изъ Мегаръ. Изъ сохранившихся документовъ этого послѣдняго города видно, что должность стратиговъ считалась тамъ очень важною: стратиги перечисляются поименно въ декретахъ рядомъ съ „царемъ“ и секретаремъ совѣта и народа. Число ихъ въ разныхъ документахъ неодинаково, — въ однихъ пять, въ другихъ шесть [1]). Первое число, отмѣченное въ единственномъ Мегарскомъ декретѣ о проксеніи, который былъ извѣстенъ Бёку (C. I. Gr. 1052), объяснено имъ весьма правдоподобно, какъ соотвѣтствовавшее пяти комамъ, на которыя раздѣлялась Мегарида [2]). Избирались стратиги въ Мегарахъ, по соображенію Фукара, хиротоніею, а не жребіемъ [3]).

Сравнивая Мегарское государственное устройство съ Халкидонскимъ, на сколько оно извѣстно изъ C. I. Gr. 3794, Фукаръ замѣтилъ: „Les stratéges n'existent pas dans la colonie; leur établissement doit être postérieur à sa fondation; en général, les stratéges sont des magistrats d'un caractère tout politique, crées pour diminuer l'élément religieux et aristocratique“. Первое изъ этихъ замѣчаній во всякомъ случаѣ слишкомъ смѣло: изъ того, что стратиги не упомянуты въ одной Халкидонской надписи, не представляющей, къ тому же, полнаго списка должностныхъ лицъ, еще не слѣдуетъ, что стратиговъ вовсе

за то мы рѣшительно не видимъ причинъ принять вмѣстѣ съ г. Стефани, что опредѣленіе межъ виноградниковъ (*a*, вѣн. 2) было сдѣлано Агасикломъ въ бытность жрецомъ (*b*, вѣн. 3), а постройка стѣнъ (*a*, вѣн. 3)—въ бытность гимнасіархомъ (*b*, вѣн. 4).

[1]) Въ римскія времена эпонимомъ въ Мегарахъ былъ одинъ стратигъ (Le Bas-Fouc. nn° 37, 48 и др.); его товарищи, по видимому, играли нѣсколько подчиненную роль и назывались συστράτηγοι (ibid. 43). Тѣмъ не менѣе βασιλεύς продолжалъ существовать и тогда, какъ видно изъ C. I. Gr. 1057.

[2]) Объясненіе причинъ увеличенія числа стратиговъ до шести см. у *Le Bas-Foucart*, стр. 13. Ср. ст. *Королькова* стр. 65.

[3]) Соображеніе это вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что въ нѣсколькихъ документахъ названы одни и тѣ же стратиги при 3-хъ разныхъ царяхъ и секретаряхъ. Объясняя этотъ фактъ, Фукаръ говоритъ: «Pour le second fait, la permanence de six stratéges, toujours les mêmes, tandis qu'il y a trois éponymes et trois secrétaires différents, il n'est point possible de supposer que deux fois dans la même année le roi mourut, et, exactement à la même époque, le secrétaire correspondant. Il est plus simple d'admettre que les mêmes stratéges furent en charge pendant trois années consecutives. Les stratéges, magistrats d'un caractère politique, étaient en général nommés par élection, pour le roi, au contraire, revêtu d'un caractère sacerdotal, le sort paraissait plus propre à faire connaître la volonté des dieux» etc.

Библиотека "Руниверс"

не было въ Халкидонѣ. Странно, что почтенный ученый, привлекши для сравненія Халкидонскую надпись, не обратилъ вниманія на документы изъ другихъ Мегарскихъ колоній, именно на Византійскій C. I. Gr. 2060 и Херсонисскій n° 2097, свидѣтельствующіе о существованіи стратиговъ въ этихъ городахъ и такимъ образомъ заставляющіе предполагать, что магистраты съ этимъ именемъ были учреждены въ Мегарахъ ранѣе выселенія колоній и оттуда были заимствованы колонистами, въ томъ числѣ, вѣроятно, и Халкидонцами. Было ли заимствовано изъ митрополіи самое число стратиговъ (5),—объ этомъ пока нельзя сказать ни да, ни нѣтъ; въ Византіи стратиговъ во всякомъ случаѣ было болѣе одного (C. I. Gr. 2060: τοὶ στρατηγοὶ εἶπαν).

Въ царствованіе Діоклетіана и Константина Великаго во главѣ правленія въ Херсонисѣ, какъ видно изъ сообщаемаго Константиномъ Багрянороднымъ [1]) отрывка изъ его исторіи, стояло лицо, носившее титулъ στεφανηφορῶν καὶ πρωτεύων. Въ этомъ титулѣ πρωτεύων безъ сомнѣнія = ἄρχων τὴν πρώτην ἀρχήν [2]), а στεφανηφορῶν не обозначаетъ особой должности, а является только почетнымъ эпитетомъ высшей власти, какъ это видно изъ множества эпиграфическихъ памятниковъ разныхъ мѣстностей, преимущественно римскихъ временъ [3]). У Константина Багрянороднаго этотъ Херсонисскій магистратъ является 1) эпонимомъ года, 2) предводителемъ войскъ; такимъ образомъ онъ соединяетъ въ своемъ лицѣ тѣ функціи, которыя раньше принадлежали „царю“ и стратигамъ. О послѣднихъ въ разказѣ Константина нѣтъ и помина, изъ чего необходимо, кажется, заключить, что во времена Діоклетіана ихъ уже вовсе не было въ Херсонисѣ, такъ какъ, еслибы они существовали, то, безъ сомнѣнія, принимали бы участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, описаніемъ которыхъ полонъ разказъ императора-историка. Стало быть, мы опять приходимъ къ заключенію о значи-

---

[1]) De admin. imp. c. 53.

[2]) Ср. напр. C. I. Gr. 2768, 2799, 3422 и мн. др. Πρωτεύων является лишь въ надписяхъ византійскихъ временъ (напримѣръ, C. I. Gr. 8627, 8631, 8651 и др.), такъ что весьма вѣроятно, что Константинъ Багрянородный въ названіи этой должности слѣдовалъ оффиціальному языку своего времени. Отожествленіе τοῦ πρωτεύοντος съ архонтомъ-эпонимомъ сдѣлано уже Бекомъ въ C. I. Gr. II стр. 90 *b*: «ἀρχῇ μεγίστῃ, hoc est ἐπώνυμος: qui Diocletiano Imp. in actis publicis vocatur στεφανηφορῶν καὶ πρωτεύων».

[3]) Ср. напр. ἄρχων τὴν στεφανηφόρον ἀρχὴν на о. Тинѣ, C. I. Gr. 2330 — 33, 2337. Примѣровъ употребленія этого эпитета въ надписяхъ вообще такъ много, что нѣтъ ни возможности, ни надобности перечислять ихъ.

Библиотека "Руниверс"

тельномъ измѣненіи Херсонисской конституціи въ римскія времена, о чемъ намъ пришлось высказать предположеніе уже раньше. Теперь мы можемъ даже опредѣлить terminus ante quem этого измѣненія: такимъ terminus будетъ царствованіе Діоклетіана. Впрочемъ на основаніи надписи въ 4-мъ вѣнкѣ издаваемаго нами памятника n° 2 можно было бы даже заключить, что это измѣненіе конституціи произошло еще раньше постановки этого памятника, то-есть, не позже 1-й половины I в. по Р. Хр., если бы эта надпись сохранилась вполнѣ или еслибы предложенное нами возстановленіе ея не было подвержено никакому сомнѣнію. Возстановляя въ ней „ὁ δ[ᾶμος δα]μιορ[γήσ]αντι τὰν [πρώτα]ν ἀρχὰν τρ[ί]ς“, мы имѣли въ виду именно упоминаемую Константиномъ должность τοῦ πρωτεύοντος, хотя при этомъ и явились у насъ нѣкоторыя сомнѣнія и колебанія: 1) хотя глаголъ δαμιοργεῖν и употребителенъ въ общемъ значеніи „исполнять общественную службу или должность [1])“, но всетаки здѣсь скорѣе можно было бы ожидать выраженія ἄρξαντι τὴν ἀρχήν; 2) для слова [πρώτα]ν, по видимому, мало мѣста на камнѣ; 3) въ числѣ надписей съ упоминаніемъ о царѣ-эпонимѣ есть такія, которыя, по видимому, должны быть отнесены къ болѣе позднимъ временамъ, нежели памятникъ Неизвѣстнаго; правда, это послѣднее возраженіе нельзя назвать существеннымъ, такъ какъ и послѣ учрежденія должности архонта царь могъ еще оставаться эпонимомъ [2]). Во всякомъ случаѣ, не смотря на приведенныя возраженія, мы считаемъ предложенное возстановленіе болѣе вѣроятнымъ, нежели другое возможное „[δα]μιορ[γήσ]αντι τὰν [αὐτὰ]ν ἀρχὰν τρ[ί]ς“, при которомъ глаголъ δαμιοργεῖν долженъ быть принятъ въ частномъ значеніи „исполнять должность δαμίурга“; при этомъ возстановленіи 1) слова τὰν αὐτὰν ἀρχὰν являются излишними, такъ какъ было бы совершенно достаточно сказать δαμιοργήσαντι τρίς; 2) этому возстановленію препятствуетъ надпись „δαμιοργήσαντι“ въ 7-мъ вѣнкѣ, такъ какъ является непонятнымъ фактъ отдѣленія 4-го случая исполненія этой должности отъ первыхъ 3-хъ, вмѣсто чего гораздо проще было бы сказать „δαμιοργήσαντι τετράκις“. Но, какъ бы то ни было, въ виду

---

[1]) Ср. *Röhl*, I. G. Ant. add. 119, а также δαμιοργεῖν τὰ ἱερά въ Стирійской надписи *Dittenb.* 294 и тамъ же аналогичное выраженіе λειτουργεῖν τὰς ἀρχάς. Ср. еще въ Халкидонской надписи о продажѣ жрочества Асклипія δαμοσιοργία въ значеніи «ius magistratibus aliisque reipublicae honoribus fungendi» (*Dittenb.* 369).

[2]) Въ Мегарахъ въ римскую эпоху царь переставъ быть эпонимомъ, но должность его продолжала существовать.

Библиотека "Руниверс"

сказаннаго мы не рѣшаемся настаивать и на первомъ возстановленіи и предпочитаемъ оставить дѣло подъ сомнѣніемъ. Другое упоминаніе о должности архонта сохранилось въ памятникѣ Димократа C. I. Gr. 2099 (стр. 5—6 по возстановленію Бёка: δὶς δ'ἄ]ρξαντα τὴν μεγίσ]την (или πρώ]την) ἀρχήν), хотя и тутъ еще есть мѣсто сомнѣнію, такъ какъ въ настоящее время первыхъ строкъ нѣтъ на камнѣ, а копіи Кёлера, который одинъ только видѣлъ ихъ, нельзя вполнѣ довѣрять, какъ мы убѣдились изъ сличенія его копіи остальныхъ строкъ документа съ нашею собственною копіею [1]).

Вслѣдствіе вышеупомянутой реформы конституція Херсониса, какъ кажется, приняла болѣе аристократическій характеръ: по крайней мѣрѣ мы видѣли, что нѣсколько должностей было теперь соединено въ однѣхъ рукахъ и архонты, по разказу Константина, были избираемы изъ числа наиболѣе знатныхъ и богатыхъ людей, какимъ былъ, напримѣръ, Ламахъ, отецъ Гикіи.

Издаваемые нами памятники сообщаютъ, между прочимъ, свѣдѣніе о существованіи въ Херсонисѣ должности даміурговъ, хотя опять таки безъ всякихъ данныхъ для опредѣленія сущности ихъ власти и должностныхъ ихъ обязанностей. Извѣстно, что должностныя лица съ этимъ именемъ встрѣчаются въ очень многихъ мѣстностяхъ, преимущественно у дорійцевъ, такъ что Исихій прямо называетъ ихъ дорическими магистратами [2]), хотя и не вполнѣ точно, такъ какъ эпиграфическіе документы позволили констатировать ихъ существованіе и въ іоническихъ городахъ, напримѣръ, на Самосѣ [3]). Во времена Пелопоннисской войны въ Илидѣ и въ Мантинеѣ даміурги были важнѣйшими магистратами, какъ это видно, между прочимъ, изъ того, что они должны были своею клятвою подтвердить договоръ, заключенный съ Аѳинами и Аргосомъ [4]). Въ настоящее время есть,

---

[1]) Слово ἄρχων встрѣчается еще въ небольшомъ обломкѣ, изд. В. Н. Юргевичемъ въ Зап. Од. Общ. XI стр. 7 n° III, но тамъ нельзя даже опредѣлить, слѣдуетъ ли принять это слово за имя собственное, или за названіе должности.

[2]) Подъ сл. δαμιουργός... καὶ παρὰ τοῖς Δωριεῦσιν οἱ ἄρχοντες τὰ δημόσια πράττοντες, ὥσπερ Ἀθήνησιν οἱ δήμαρχοι.

[3]) *Bull. de corr. hell.* V стр. 483=*Dittenberger*, Syll. n° 393. Есть упоминаніе о даміургѣ и въ Нансійской надписи C. I. Gr. II add. n° 2416 b, но по мнѣнію Бёка эта должность была введена тамъ Родосцами въ то время, когда островъ подчинялся ихъ власти.

[4]) Θυκιδ. V, 47.

Библиотека "Руниверс"

впрочемъ, возможность привести и болѣе древнія свидѣтельства о существованіи даміурговъ въ Илидѣ изъ надписей VI и V вв., найденныхъ при послѣднихъ раскопкахъ въ Олимпіи [1]). Кромѣ Илиды упоминаются даміурги въ архаическихъ надписяхъ Аргоса [2]), острова Ѳиры [3]), Локридскаго города Іанеіи [4]), Кротона [5]). Далѣе мы должны предполагать существованіе должностныхъ лицъ съ этимъ именемъ въ Коринѳѣ на основаніи извѣстнаго показанія Ѳукидида (I, 36) объ отправленіи оттуда верховнаго магистрата съ именемъ ἐπιδαμιοῦργος въ колонію Потидэю. Въ болѣе поздніе времена даміурги упоминаются въ надписяхъ многихъ Пелопоннисскихъ городовъ и ихъ колоній [6]), при чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они являются эпонимами года, какъ напримѣръ, въ Эгіонѣ, Книдѣ, Нисирѣ и др. Количество городовъ—преимущественно Пелопоннисскихъ,—въ которыхъ существовала эта должность, все болѣе и болѣе увеличивается по мѣрѣ открытія новыхъ эпиграфическихъ документовъ; при этомъ надо припомнить, что мы имѣемъ даже показаніе—правда, сомнительной подлинности,—о существованіи ихъ во всемъ Пелопоннисѣ, именно въ извѣстномъ письмѣ Филиппа Македонскаго у Димосѳена (о вѣнцѣ § 157), адресованномъ на имя даміурговъ и синедровъ Пелопоннисскихъ городовъ, какъ самыхъ высшихъ ихъ чиновниковъ.

Извѣстно далѣе, что 10 даміурговъ играли весьма важную роль въ администраціи Ахэйскаго союза; въ рукахъ президента союза—стратига и даміурговъ находилась распорядительная и исполнительная власть, верховное управленіе дѣлами союза. Намъ кажется вполнѣ справедливымъ мнѣніе В. Г. Васильевскаго [7]), что число членовъ этой

[1]) *Röhl*, I. G. Ant. 111, 112, 113, add. 113 b, 119, 122.

[2]) Ibid. 30.

[3]) Ibid. 471.

[4]) Ibid. 322 (извѣстный договоръ Халія съ Іанеіей), 323.

[5]) C. I. Gr. I, n° 4=I. G. A. 544. Документъ этотъ, найденный въ 1782 г. близъ г. Поликастро въ нижней Италіи, обыкновенно пріурочивается къ Ѳессалійской колоніи Петиліи, но Рёль вѣрнѣе, кажется, относитъ его къ г. Кротону.

[6]) Напримѣръ, въ Ерміонѣ (C. I. Gr. 1193=*Dittenb.* Syll. 389), въ Мессинскомъ городѣ Анданіи (*Dittenb.* 388), въ Аркадскомъ г. Стимфалѣ (*Bull. de corr. hell.* VII стр. 489 и 491) и въ Аркадскомъ союзѣ (*Dittenb.* 167), въ Книдѣ (C. I. Gr. 2653 и 2654), въ Родосскомъ г. Камирѣ (*Bull. de corr. hell.* V с. 337; *Foucart*, Inscr. de Rhodes n° 59; *Journal of Hell. studies* IV стр. 136 сл.), въ Ахэйскихъ городахъ Димѣ (C. I. Gr. 1543=*Dittenb.* 242), Эгіонѣ (C. I. Gr. 1567), въ Фокидскомъ г. Стиріи (*Bull. de corr. hell.* V с. 42=*Dittenb.* 294) и др.

[7]) Политическая реформа и соціальное движеніе въ др. Греціи въ періодъ упадка (С.-Пб. 1869), стр. 238.

Библиотека "Руниверс"

коллегіи „указываетъ, безъ сомнѣнія, на древность ея происхожденія. Она была, конечно, установлена въ то время, когда послѣ исчезновенія Елики и Олена изъ среды ахэйскихъ городовъ, во времена, предшествовавшія сраженію при Левктрахъ, Ахэйскій союзъ состоялъ только изъ десяти политій коренной Ахаіи. Тогда каждый даміургъ былъ, очевидно, представителемъ своего отдѣльнаго города“ [1]). Къ этому можно добавить, что самое введеніе коллегіи даміурговъ въ число административныхъ факторовъ союза, по всей вѣроятности, имѣло свое основаніе въ томъ, что должностныя лица съ этимъ именемъ издревле существовали въ ахэйскихъ городахъ. Правда, существованіе такихъ даміурговъ пока констатировано только въ двухъ ахэйскихъ городахъ, Димѣ и Эгіонѣ; но во всякомъ случаѣ гораздо болѣе вѣроятно предположеніе, что коллегія даміурговъ была учреждена въ союзѣ именно потому, что они существовали въ отдѣльныхъ городахъ, нежели предположеніе обратное, то-есть, что эти должности были учреждены въ городахъ потому, что въ союзѣ была коллегія даміурговъ: въ такомъ случаѣ откуда же могла бы она взяться въ союзѣ? При этомъ очень можетъ быть, что въ первое время послѣ учрежденія союзной коллегіи мѣстные даміурги отдѣльныхъ городовъ были тожественны съ союзными, то-есть, что мѣстный даміургъ каждаго города былъ въ то же время и представителемъ его въ союзной коллегіи.

Не смотря на самостоятельность отдѣльныхъ городовъ, входившихъ въ составъ союза, внутреннее политическое устройство ихъ, какъ извѣстно, принимало одну общую форму, именно демократическую, „вслѣдствіе простаго и естественнаго стремленія къ ассимиляціи, которое вездѣ проявляется при такихъ же условіяхъ“ [2]). Вслѣдствіе этого при присоединеніи къ союзу какого-нибудь не-ахэйскаго города, въ его государственномъ устройствѣ производились бо́льшія или меньшія измѣненія для уподобленія его устройству городовъ союза; но въ большинствѣ случаевъ мы такъ мало имѣемъ данныхъ для ознакомленія съ подробностями устройства отдѣльныхъ городовъ,

---

[1]) Далѣе г. Васильевскій вполнѣ убѣдительно доказалъ, „что по достиженіи союзомъ полнаго развитія, десять даміурговъ хотя и сохранили свое прежнее число, но практическая связь этого числа съ древними областями прекратилась и коллегія была открыта для всѣхъ гражданъ союза безъ исключенія и ограниченія“ (стр. 239).

[2]) *Васильевскій*, ук. соч. стр. 217.

Библиотека "Руниверс"

что трудно бываетъ опредѣлить, какія именно перемѣны сдѣланы въ государственномъ устройствѣ того или другаго города при присоединеніи его къ союзу, и что̀ существовало въ немъ раньше. Вслѣдствіе этого необходимо быть очень осторожнымъ въ подобныхъ случаяхъ, чтобы не сдѣлать преувеличенныхъ и невѣрныхъ выводовъ, какіе встрѣчаются, напримѣръ, у г. Фукара относительно перемѣнъ, послѣдовавшихъ въ Мегарской конституціи при вступленіи этого города въ Ахэйскій союзъ. Такъ, напримѣръ, онъ прямо приписываетъ вліянію союза учрежденіе чиновническихъ коллегій συναρχίαι [1]), хотя устройство Мегаръ до присоединенія ихъ къ союзу еще не на столько намъ извѣстно, чтобы мы имѣли право отвергать существованіе этихъ συναρχίαι въ предшествовавшую эпоху, и тотъ фактъ, что они не упоминаются въ немногихъ сохранившихся документахъ этой эпохи, вовсе этого не доказываетъ. Точно такъ же упоминаніе о даміургахъ въ одной Эгосеенской надписи [2]) онъ считаетъ однимъ изъ доказательствъ того, что эта надпись относится ко времени принадлежности этого города къ союзу. Приведенныя нами выше свидѣтельства, думаемъ, болѣе чѣмъ достаточны для того, чтобы убѣдиться, что даміурги существовали въ Пелопоннисѣ еще за нѣсколько вѣковъ до возобновленія Ахэйскаго союза; въ числѣ городовъ, въ которыхъ существовали эти магистраты, могли быть и Мегары, и Эгосеены. Авторитетъ Фукара, какъ кажется, увлекъ и Д. Н. Королькова, который, найдя въ Мегарахъ надпись, содержащую въ себѣ посвященіе Афродитѣ отъ имени пяти даміурговъ съ ихъ секретаремъ, счелъ достаточнымъ только сослаться на Фукара для убѣжденія читателей, что эта надпись относится ко времени принадлежности Мегаръ къ Ахэйскому союзу [3]). При этой ссылкѣ г. Корольковъ не говоритъ о томъ, считаетъ ли онъ этихъ даміурговъ чиновниками Ахэйскаго союза, или мѣстными, Мегарскими, введенными при измѣненіи конституціи этого города при вступленіи его въ союзъ. Впрочемъ, первое само по себѣ невѣроятно, такъ какъ нельзя предположить, чтобы изъ числа 10 членовъ коллегіи ровно половина была выбрана изъ одного не-ахэйскаго города и, въ особенности, чтобы эта половина

---

[1]) *Le Bas-Foucart*, Még. n° 35a, ср. n° 12, также прим. къ n° 326 a (стр. 166).

[2]) Тамъ же, n° 12. По другимъ признакамъ эта надпись дѣйствительно принадлежитъ къ той эпохѣ, но упоминаніе въ ней даміурговъ не можетъ служить доказательствомъ этого.

[3]) Ук. ст. стр. 75, n° 5.

Библиотека "Руниверс"

имѣла особаго секретаря; а что касается до втораго, то приведенныя нами свидѣтельства, думаемъ, вполнѣ оправдываютъ предположеніе, что чиновники съ именемъ даміурговъ могли существовать въ Мегарахъ и гораздо раньше ихъ присоединенія къ Ахэйскому союзу [1]). Теперь же, когда нашлись свидѣтельства о существованіи даміурговъ въ Херсонисѣ, городѣ, основанномъ изъ Мегарской колоніи, это предположеніе можетъ быть возведено на степень положительнаго факта. Въ самомъ дѣлѣ, откуда взяли бы Ираклеоты и Херсонисцы это названіе, если бы его не было уже въ митрополіи? Ужь, конечно, они не могли заимствовать его у сосѣдей—Маріандиновъ или Скиѳовъ. Самое число даміурговъ (5) въ мегарской надписи г. Королькова получаетъ теперь правдоподобное объясненіе,—такое же, какое предложено было Бёкомъ для стратиговъ, то-есть, что число членовъ этихъ коллегій соотвѣтствовало числу комъ, на которое раздѣлялась издревле Мегарида.

Мы считаемъ излишнимъ входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе должностныхъ отправленій даміурговъ въ различныхъ государствахъ, такъ какъ, несмотря на значительное количество свидѣтельствъ объ ихъ существованіи, съ самою ихъ дѣятельностью, на основаніи этихъ свидѣтельствъ, нельзя еще познакомиться ближайшимъ образомъ. Безъ сомнѣнія, функціи даміурговъ были различны въ разныхъ государствахъ, такъ что, если бы мы даже хорошо знали эти функціи въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ, то все-таки не могли бы съ точностью опредѣлить, что именно входило въ кругъ вѣдѣнія даміурговъ въ Пелопоннисѣ; только надписи Мегаръ или ихъ колоній имѣли бы для насъ важность въ этомъ случаѣ, но пока и онѣ, къ сожалѣнію, не представляютъ никакихъ нужныхъ данныхъ. Поэтому замѣтимъ только, что по всѣмъ признакамъ характеръ должности даміурговъ былъ политическій, а не религіозный, какъ думалъ Диссенъ, на котораго ссылается г. Юргевичъ [2]). Не говоря уже о чисто

---

[1]) Впрочемъ, изъ самой надписи г. Королькова можно, пожалуй, вывести и прямое доказательство противъ ея принадлежности къ тому времени, къ которому относитъ ее авторъ: именно, изъ C. I. Gr. 1567 извѣстно, что въ ахэйскомъ городѣ Эгіонѣ былъ *одинъ* даміургъ; стало быть, число даміурговъ (5) въ мегарской надписи противорѣчитъ идеѣ объ единствѣ устройства городовъ союза.—И *Штаркъ* (*Hermann's* Staatsalt. изд. 5 § 182, 17) считаетъ даміурговъ въ надписи Фукара n° 12 чисто мегарскими чиновниками.

[2]) Ук. ст. стр. 5: «Другое мнѣніе высказалъ Диссенъ, который въ своемъ объясненіи Пиндара полагаетъ, что даміорги была коллегія священная и не-

Библиотека "Руниверс"

политической роли коллегіи даміурговъ въ Ахэйскомъ союзѣ [1]), изъ документовъ можно вывести не мало данныхъ въ пользу ихъ политическаго значенія въ отдѣльныхъ городахъ. Такъ, напримѣръ, въ Илидѣ въ кругъ дѣятельности даміурговъ входило взысканіе штрафовъ съ преступниковъ [2]); въ Анданіи они были предсѣдателями въ народномъ собраніи и въ качествѣ таковыхъ производили голосованіе [3]); въ Аркадскомъ союзѣ даміургами назывались представители союзныхъ городовъ—по большей части въ числѣ пяти человѣкъ,—составлявшіе, по весьма правдоподобному объясненію Фукара [4]), совѣтъ изъ 50 членовъ, который имѣлъ пробулевтическое значеніе по отношенію къ собранію Десяти тысячъ; въ Ерміонѣ завѣдывали, между прочимъ, вырѣзкою на камнѣ государственныхъ документовъ [5]), точно также и въ Эгосѳенахъ. Въ г. Халіи даміурги избирали присяжныхъ судей въ случаѣ споровъ между гражданами.

Этихъ примѣровъ, надѣемся, совершенно достаточно для того, чтобы показать, что должность даміурговъ имѣла характеръ политическій, а не религіозный. Предположеніе г. Юргевича, что въ Херсонисѣ они могли завѣдывать и дѣлами, относящимися къ религіи, основано исключительно на его возстановленіи надписи въ 9-мъ вѣнкѣ памятника Аристона: δαμιοργήσαντα καὶ εἰκόν(α) τελ(έσαντα); но противъ этого возстановленія вполнѣ достаточно говоритъ то, что буквы A послѣ EIKONI на камнѣ нѣтъ и никогда не было, а кромѣ того и то, что слово τελέσαντα слишкомъ длинно для одной строки

сѣнная, управляющая дѣлами, относящимися къ религіи (Dissen, Explic. Pind. p. 378). Подобное же заключеніе можно бы вывести изъ нашей надписи, такъ какъ въ ней съ должностью даміорга, которою былъ облеченъ Аристонъ, соединяется сооруженіе статуй, если это были статуи божествъ» и т. д. Религіозный характеръ должности даміурговъ принимаетъ еще г. *Beaudoin* въ Фокидскомъ городѣ Стиріи, на основаніи выраженія δαμιοργεόντων τὰ ἱερά въ изданномъ имъ актѣ симполитіи Стиріи и Медеона (*Bull. de corr. hell.* т. V стр. 42=*Dittenb.* 294); но намъ кажется, что въ данномъ случаѣ глаголъ δαμιοργεῖν слѣдуетъ принять въ общемъ значеніи «исполнять, совершать» (ср. въ той же надписи λειτουργεῖν τὰς ἀρχάς), а не относить его къ даміургамъ.

[1]) Ср. *Васильевскаго* ук. соч. стр. 238 сл.; *Hermann* Griech. Staatsalt. § 186, 13 и др.—О даміургахъ отдѣльныхъ государствъ ср. *K. O. Müller*, Dorier II стр. 141; *W. Wachsmuth*, Hell. Alterthumskunde I², стр. 420 и др.

[2]) *Röhl*, I. G. Ant. n° 112 и 113 *b*.

[3]) ἀποδόντω τῶι δάμωι χειροτονίαν. *Le Bas-Foucart*, Még. et Pélop. n° 326 *a*.

[4]) *Le Bas-Foucart* n° 340 *a* (=*Dittenb.* 167).

[5]) C. I. Gr. 1193 по возстановленію Диттенбергера, Syll. n° 389.

Библиотека "Руниверс"

и что самый глаголъ не подходитъ здѣсь по значенію (г. Юргевичъ перевелъ его: „покончившему сооруженіе статуекъ“). Безъ опасенія подвергнуться обвиненію въ излишней самоувѣренности, мы полагаемъ, что наше возстановленіе гораздо ближе къ истинѣ, а съ принятіемъ его уничтожается и призрачное основаніе въ пользу мнѣнія г. Юргевича.

О сомнительной надписи въ 4-мъ вѣнкѣ памятника Неизвѣстнаго мы говорили уже выше, когда рѣчь шла объ архонтахъ.

О должности продиковъ въ Херсонисѣ мы также впервые узнали изъ документовъ Аристона и Неизвѣстнаго. Существованіе этой должности въ Мегарахъ и ихъ колоніяхъ пока еще не констатировано, но теперь, во всякомъ случаѣ, можетъ быть предположено съ большою вѣроятностью, подобно тому, какъ существованіе продиковъ въ Коринѳской колоніи Коркирѣ заставляетъ предполагать ихъ и въ самомъ Коринѳѣ. Судя по названію, должность эта должна была имѣть юридическій характеръ, хотя сущность ея еще не можетъ быть опредѣлена съ точностью. Въ Коркирѣ они постоянно упоминаются рядомъ съ провулами и иногда съ стратигами и распоряжаются, между прочимъ, вырѣзкою на камнѣ государственныхъ актовъ и постановкою ихъ въ пригодныхъ мѣстахъ [1]); въ одномъ документѣ упоминаются πρόδικοι βουλᾶς, представители совѣта въ судебныхъ дѣлахъ, или, по объясненію Бёка, procuratores sive syndici publici [2]). Въ другихъ мѣстностяхъ упоминаются продики въ качествѣ третейскихъ судей, напримѣръ, на о. Критѣ [3]).

---

[1]) C. I. Gr. 1839, 1841, 1843 (=*Newton*, Anc. gr. inscr. of British Museum II, n° CLXVII), 1844; *Newton*, Inscr. of Br. Mus. II, n° CLXVI (=*Vischer*, Epigr. und archäol. Beiträge стр. 7, n° 22).

[2]) C. I. Gr. 1845, стр. 113—117: πάντων δὲ τούτων καὶ εἴ τινός κα ἄλλου δοκῇ πρόδικοι βουλᾶς κρίσιν ἀπάρβολον γραψάμενοι καὶ ἐπιγράψαντες τὸ ἀργύριον τὸ ἐφ'ἑκάστου ἀδικήματος γεγραμμένον ὀ[ό]ντ[ω] προστάτα προβούλων.—*G. C. A. Müller* въ изслѣдованіи de Corcyraeorum republica (Götting. 1835) стр. 48 посвящаетъ продикамъ слѣдующія строки: «*Prodicos* cum re iudiciaria cohaerere nomen indicat. Πρόδικοι βουλᾶς pro ea actionem instituunt, et ii quidem patroni publici fuerint, quod Boeckhius coniecit [ad n° 1845, sect. 4]. Simul vero prodici (num βουλᾶς an alii, incertum) una cum probulis, quibuscum arctius coniuncti fuisse videntur, decreta in locis aptis collocant (nn° 1841—45) et in inscriptione, ubi lucus consecratur (nr. 1839), inveniuntur, quae maiorem quandam auctoritatem innuunt, quam tamen assequi non licet».

[3]) C. I. Gr. 2556.

Библиотека "Руниверс"

Во всякомъ случаѣ должность продиковъ, какъ чиновниковъ, не имѣетъ ничего общаго съ привилегіею προδικία (или δίκαι πρόδικοι), которая давалась въ числѣ другихъ привилегій проксенамъ и состояла въ томъ, что судебныя дѣла проксена въ томъ государствѣ, отъ котораго онъ получалъ эту привилегію, разбираемы были раньше другихъ, внѣ устанавливавшейся для ихъ разбора очереди [1]).

Далѣе надпись Аристона даетъ намъ свѣдѣніе о существованіи въ Херсонисѣ „стражей закона", νομοφύλακες. Должностныя лица, носившія это имя, на столько извѣстны и на столько были распространены въ греческихъ государствахъ, что мы считаемъ излишнимъ останавливаться на нихъ подробно. Извѣстно, что ихъ обязанности носили, главнымъ образомъ, полицейскій характеръ и что, несмотря на свое громкое имя, они нигдѣ въ Елладѣ не играли особенно выдающейся роли среди представителей администраціи [2]). И эта должность, какъ кажется, не возникла въ самомъ Херсонисѣ, а была заимствована изъ Иракліи. По крайней мѣрѣ такъ заставляетъ думать тотъ фактъ, что номофилаки существовали и въ другой Мегарской колоніи—Халкидонѣ, въ числѣ трехъ (C. I. Gr. 3794), хотя въ памятникахъ собственно Мегарскихъ они, кажется, еще не встрѣчались.

Не менѣе распространена была въ греческихъ государствахъ и должность агораномовъ, рыночныхъ надзирателей, о существованіи

---

[1]) Ср. *M. H. E. Meier*, De proxenia sive de publico ap. Graecos hospitio (Halis Sax. 1843), стр. 18: «Illi [то-есть, προσόδῳ πρώτῳ μετὰ τὰ ἱερά] natura affine est προδικίας privilegium, quod... tribuitur proxenis: id... (sive) uno verbo προδικίας,... (sive) duobus verbis δίκας προδίκους dicitur, quibus in uno Pario decreto (2374, 1) adiicitur: ἐάν του ἀδικῆται. Ea vero docent privilegium id ibi tantum, ubi proxenus actoris partes sustinuerit, non vero, ubi reus fuerit, sive is quocum ageretur, locum habuisse. Quorsum vero omnino pertinebat? Etenim cum dirimendis controversiis, quae essent eodem tempore intentae, ordo aliquis, plerumque, ni fallor, sorte constitui solitus sit, ei, cui hoc datum erat privilegium, licebat postulare, ut ab se instituta actio extra ordinem tum a magistratu, qui caussae iurisdictionem haberet, instrueretur, tum ab iudicibus, qui de ea iudicarent, ante omnes reliquas caussas diiudicaretur». (Новѣйшей диссертаціи *Ch. Tissot*, Des proxenies grecques etc., Dijon 1863, не имѣемъ подъ руками).

[2]) Ср. *W. Wachsmuth*, Hell. Alterthumsk. I² стр. 420, 451; II² стр. 147 и др.—Изъ Cic. de leg. III, 4, 11 видно, что въ кругъ ихъ обязанностей входило и матеріальное, такъ сказать, сохраненіе писанныхъ законовъ.

Библиотека "Руниверс"

которыхъ въ Херсонисѣ свидѣтельствуютъ надписи Агасикла и Эм. Ермократа [1]). О дѣятельности ихъ извѣстно только то, что первый, въ бытность агораномомъ, можетъ быть, устроилъ рынокъ [2]), а второй, нѣсколькими вѣками позже, пожертвовалъ изъ находившихся въ его распоряженіи суммъ 3000 динаріевъ на храмъ Афродиты. И эта должность, можно думать, ведетъ свое происхожденіе изъ Мегаръ, гдѣ существовала еще въ римскія времена [3]), подобно тому, какъ въ Херсонисѣ и въ г. Месимвріи, колонизованномъ изъ Мегаръ [4]).

Надпись въ 7-мъ вѣкѣ памятника Аристона даетъ намъ, далѣе, свѣдѣніе о существованіи въ Херсонисѣ должности, для обозначенія которой употреблялся глаголъ διοικεῖν и которая имѣла, очевидно, финансовый характеръ, такъ какъ Аристонъ во время отправленія ея „выяснилъ денежныя средства города", то-есть, вѣроятно, привелъ въ порядокъ запутанные финансовые счеты. Лицо, исполнявшее эту должность, называлось, можетъ быть, ὁ ἐπὶ τῇ διοικήσει, какъ въ Аѳинахъ, или διοικητής, какъ наприм. на островѣ Коркирѣ [5]), въ Кизикѣ [6]) и другихъ мѣстахъ. Здѣсь кстати замѣтимъ, что и въ Херсонисѣ какъ въ Аѳинахъ и другихъ греческихъ государствахъ, государственная казна не смѣшивалась съ казною, принадлежавшею божествамъ и находившеюся въ завѣдываніи особыхъ казначеевъ священныхъ суммъ (ταμίαι τῶν ἱερῶν); упоминаніе о нихъ пока встрѣтилось только въ надписи Діофанта по тому поводу, что они должны были выдать деньги на постановку статуи этому заслужен-

---

[1]) Гр. *Уваровъ*, Прописи, т. IV стр. 536. *Стефани*, Mélanges gr.-rom. II, стр. 233: Αἰμ. Ἑρμοκράτης Μύρωνος, φύσει δὲ Τειμοθέου, ἐφιλοτειμησάμην τὰ ἐκ τῆς ἐξόδου τῆς ἀγορανομίας δηνάρια τρισχίλια εἰς τὸν ναὸν τῆς Ἀφροδείτης. Этотъ памятникъ, хранящійся нынѣ въ Эрмитажѣ, г. Стефани относитъ ко II или пожалуй даже къ I в. по Р. Хр. По нашему мнѣнію, онъ не можетъ быть древнѣе 2-й половины II в. уже потому, что до этого времени Херсонисцы говорили еще на дорическомъ діалектѣ, какъ свидѣтельствуетъ памятникъ Аристона.

[2]) См. выше (стр. 59, прим. 3) объясненіе г. Стефани.

[3]) *Le Bas-Foucart*, Még. n° 43.

[4]) C. I. Gr. 2053. Въ III в. по Р. Хр., къ которому приблизительно можетъ быть отнесенъ этотъ памятникъ (хранящійся нынѣ въ Эрмитажѣ), въ Месимвріи было по 2 агораномa; на ихъ обязанности лежало, между прочимъ, составленіе списковъ всѣхъ ремесленниковъ, работавшихъ въ городѣ.

[5]) C. I. Gr. 1845.

[6]) Ibid. 3685.

Библиотека "Руниверс"

ному дѣятелю и на вырѣзку на ея пьедесталѣ сдѣланнаго въ честь его постановленія [1]).

Опредѣлить характеръ должности τῶν σομμναμόνων, упоминаемыхъ въ надписи Діофанта, намъ представляется пока невозможнымъ. Самое слово σομμνάμονες встрѣчается здѣсь впервые [2]), а относительно должностныхъ ихъ функцій извѣстно только то, что на нихъ возложена была обязанность сдѣлать во время процессіи въ праздникъ Парѳеній провозглашеніе объ увѣнчаніи Діофанта. Предлогъ σύν, входящій въ составъ названія σομμνάμονες, заставляетъ насъ смотрѣть на нихъ, какъ на членовъ должностной коллегіи, предсѣдатель которой долженъ былъ носить названіе μνάμων [3]). Должностныя лица, носившія такое имя, встрѣчаются въ различныхъ греческихъ государствахъ, но относительно функцій ихъ власти наши знанія далеки отъ желанной полноты, тѣмъ болѣе, что онѣ были не одинаковы въ разныхъ государствахъ. По словамъ Аристотеля, въ разныхъ государствахъ названія ἱερομνήμονες, ἐπιστάται, μνήμονες и др. носили чиновники, должностныя обязанности которыхъ были чисто-юридическаго характера [4]). И дѣйствительно, мы встрѣчаемъ ихъ съ такимъ ха-

---

[1]) В. Н. Юргевичъ, въ комментаріи къ надписи Діофанта, замѣчаетъ по поводу этого упоминанія (*Зап. Од. Общ.* XII, стр. 42): «Не извѣстно, были ли эти казнохранители ταμίαι τῶν ἱερῶν χρημάτων τῆς θεοῦ (τῆς Παρθένου) или τῆς Παρθένου καὶ τῶν ἄλλων θεῶν, какъ въ Аѳинахъ, гдѣ упоминаются казнохранители богини Аѳины и другихъ божествъ. См. *Бёкъ*, C. I. 1, стр. 182». Едва-ли можно надѣяться, чтобы эта мелкая подробность когда нибудь сдѣлалась намъ извѣстною, но во всякомъ случаѣ можно предполагать съ большою вѣроятностью, что въ Херсонисѣ была только одна коллегія казначеевъ священныхъ сокровищъ; едва ли сокровища Дѣвы и другихъ боговъ были на столько велики, чтобы для завѣдыванія ими нужны были двѣ коллегіи. Даже въ Аѳинахъ, гдѣ боги, конечно, были несравненно богаче Херсонисскихъ, коллегія ταμιῶν τῶν ἄλλων θεῶν существовала лишь нѣкоторое время во 2-й половинѣ V и во 1-й половинѣ IV в. до Р. Хр., и то съ перерывомъ (подробности см. у *Г. Гильберта*, Handb. d. Griech. Staatsalterth. I, стр. 234 сл.). Въ пользу того, что въ Херсонисѣ была одна коллегія, говоритъ и краткое названіе ταμίαι τῶν ἱερῶν.

[2]) И поэтому внесено Куманудисомъ въ его Συναγωγὴ λέξεων ἀθησαυρίστων ἐν τοῖς Ἑλληνικοῖς λεξικοῖς.

[3]) Ср. προμνάμων и συμπρομνάμονες въ Акарнаніи (C. I. Gr. 1793; *Le Bas-Foucart*, n° 194 *d*=*Dittenb.* Syll. n° 321), πρόεδρος ἐπιψηφίζων и συμπρόεδροι въ Аѳинахъ и мн. др.

[4]) Аристъ. Полит. VII. 8 (цит. *Kirchhoff*, Stud. zur Gesch. des Griech. Alphab[3], стр 5, пр. 1, *Dittenberger*, Syll. n° 5 прим. 4).

Библиотека "Руниверс"

рактеромъ въ Аликарнассѣ въ V в. до Р. Хр. въ извѣстномъ договорѣ Аликарнасцевъ и Сальмакитянъ съ тиранномъ Лигдамидомъ [1]); они избирались тамъ ежегодно въ числѣ двухъ, имѣли эпонимію и кромѣ веденія судебныхъ дѣлъ завѣдывали списками объ уплатѣ податей [2]). Съ подобнымъ же, кажется, значеніемъ встрѣчаются μνήμονες въ Іасскомъ документѣ IV в. о продажѣ конфискованныхъ имуществъ злоумышленниковъ противъ Мавсола [3]). Французскіе издатели этого замѣчательнаго документа, гг. Оветтъ-Бено и Дюбуа, сравниваютъ ихъ, правда, съ Дельфійскими βεβαιωτῆρες [4]), но Диттенбергеръ, кажется, вѣрнѣе смотритъ на нихъ, какъ на чиновниковъ, обязанныхъ вносить въ списки акты купли и продажи, которые только послѣ этого имѣли законную силу [5]). У Сицилійскихъ дорійцевъ, по словамъ Плутарха [6]), названіе μνάμων было равносильно названію ἐπίσταθμος; это послѣднее слово обыкновенно принимается здѣсь въ значеніи συμποσίαρχος [7]), но одинъ эпиграфическій документъ изъ Акри доказываетъ, что μνάμων въ Сициліи было также названіемъ должности, имѣвшей, по видимому, религіозный характеръ [8]). Встрѣ-

[1]) *Röhl*, I. G. Ant. nº 500=*Dittenb.* nº 5; ср. *Kirchhoff*, Stud.³ стр. 4 сл.

[2]) „Horum magistratuum erat tabulas censorias administrare, in quibus perscribebatur, quantum vectigal de suo quisque fundo vel domo deberet solvere". Röhl.

[3]) *Bull. de corr. hellén.* V стр. 493 сл.=*Dittenb.* nº 77.

[4]) *Bull.* V стр. 505: „La vente de chaque propriété est garantie par des personnes, qui portent le titre de μνήμονες. La signification de ce mot est en elle même difficile à préciser; mais le verbe συνεπώλησαν montre bien le sens de leur intervention dans la vente: ils se portent garants du vendeur et assurent la validité de l'achat. Ils correspondent donc aux βεβαιωτῆρες qu'on trouve dans plusieurs contrats du même genre, particulièrement dans une inscription d'Amphipolis [*Dittenb.* nº 439] et dans les actes d'affranchissement de Delphes".

[5]) „Legibus Iasensium emtiones venditiones tum demum ratae fuisse videntur, cum a mnemonibus in tabulas relatae erant". Прим. 8 къ nº 77.

[6]) Plut. Symp. prooem. in.: Οἱ ἐν Σικελίᾳ Δωριεῖς, ὡς ἔοικε, τὸν ἐπίσταθμον μνάμονα προσηγόρευον.

[7]) *Stephani*, Thesaurus graecae linguae s. v.

[8]) C. I. Gr. 5431: Ἐπὶ Ἀριστοδάμου τοῦ Σωσιβίου Νύμφ[ων] Ἱέρωνος μναμονεύσας ἁγναῖς θεαῖς. Ср. комментарій Франца: „Verum... vidit Letronnius, cui μναμονεύσας est functus officio μνάμονος. Idem statuit Welckerus. Hoc officium quale fuerit, non constat. Memoratur quidem Plutarcho Sympos. in. μνάμων Siculis fuisse ἐπίσταθμος συμποσίου. Sed hoc loco videtur potius sacerdotale esse et eo ducit etiam Schol. ad Aristoph. Nub. 623, qui μνήμονας refert ἱεροὺς γραμματεῖς fuisse collato Hom. Odyss. VIII, 163". К. Ф. Германъ, Staatsalterth. § 14, 8 также принимаетъ Плутарховa μνάμων'a въ смыслѣ ἄρχων, ссылаясь на Франца.

Библиотека "Руниверс"

чаются также и сложныя съ μνήμων названія должностей различнаго характера, то религіознаго, то политическаго. Такъ, въ Книдѣ ἀμνήμονες назывались 60 членовъ совѣта, избиравшіеся пожизненно изъ лучшихъ гражданъ и имѣвшіе верховную власть въ государствѣ [1]). Въ Акарнаніи προμνάμων и συμπρομνάμονες упоминаются въ числѣ эпонимовъ года, но для ближайшаго опредѣленія значенія ихъ должности нѣтъ пока достаточныхъ данныхъ, хотя вѣрнѣе, кажется, думать вмѣстѣ съ Диттенбергеромъ, что это были дежурные члены совѣта съ предсѣдателемъ [2]), нежели слѣдовать Летронню и Бёку, которые сравниваютъ ихъ съ іеромнемонами [3]). Въ Аркадскомъ городѣ Стимфалѣ одинъ προμνάμων упоминается въ числѣ эпонимовъ года въ двухъ плохо сохранившихся декретахъ, хотя о должностной его дѣятельности ничего неизвѣстно [4]). Такимъ образомъ мы видимъ, что названіе μνάμων и сложныя съ нимъ обозначали магистратовъ не съ одинаковымъ кругомъ дѣятельности.

Мы до сихъ поръ ничего не упомянули объ одномъ изъ этихъ сложныхъ названій, въ которомъ ясно высказывается религіозный характеръ дѣятельности носившихъ его магистратовъ, именно объ ἱερομνήμων. Извѣстно, что это имя носили представители народовъ и государствъ, бывшихъ членами Дельфійско-Ѳермопильской амфиктіоніи, составлявшіе совѣтъ для завѣдыванія религіозными ея дѣлами; но кромѣ того были въ различныхъ государствахъ и мѣстные магистраты съ этимъ именемъ, между прочимъ, въ Мегарскихъ колоніяхъ Византіи и Халкидонѣ, а можетъ быть и въ самыхъ Мегарахъ. Новые ученые съ увѣренностью говорятъ, ссылаясь на Плутарха, что въ Мегарахъ іеромнимономъ назывался жрецъ Посидона Фиталмія; но намъ кажется, что въ словахъ Плутарха названіе іеромнимона слѣдуетъ отнести не къ Мегарамъ, а къ отечеству Нестора, одного изъ лицъ діалога [5]). Существованіе же іеромнимона въ Византіи, гдѣ

---

[1]) Plut. Quaest. gr. 4.

[2]) *Dittenb.* Syll. n° 321 пр. 3.

[3]) C. I. Gr. II стр. 2, къ n° 1793. Мнѣніе Летронна принялъ и г. Юргевичъ при объясненіи надписи Діофанта, *Зап. Од. Общ.* XII стр. 40.

[4]) *Bull. de corr. hell.* VII стр. 489 и 491.

[5]) Плут. Symp. VIII, 8, 4: Ὑπολαβὼν δὲ ὁ Νέστωρ, τῶν δ'ἐμῶν, ἔφη, πολιτῶν, ὥσπερ Μεγαρέων, οὐδεὶς λόγος· καίτοι πολλάκις ἀκήκοας ἐμοῦ λέγοντος, ὅτι ἀεί οἱ τοῦ Ποσειδῶνος ἱερεῖς, οὓς ἱερομνήμονας καλοῦμεν, ἰχθῦς οὐκ ἐσθίουσιν· ὁ γὰρ θεὸς λέγεται φυτάλμιος. Изъ новыхъ ученыхъ К. О. Мюллеръ (Dor. II стр. 168 пр. 6) отмѣтилъ, что выраженіе Плутарха неопредѣленно.

Библиотека "Руниверс"

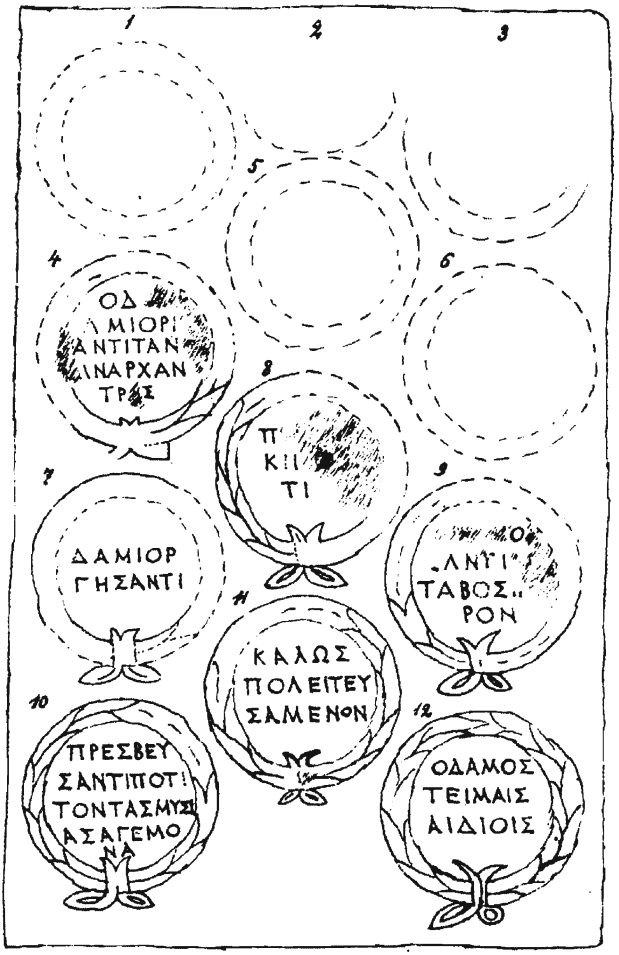
№ 1.

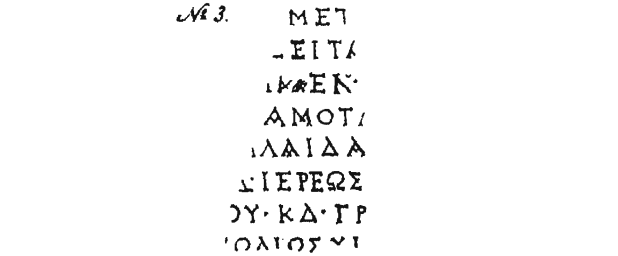
Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

№ 2.

№ 3.

ХАРТОГРАФИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ А.ИЛЬИНА въ С.ПЕТЕРБУРГѢ

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

онъ былъ эпонимомъ года, положительно засвидѣтельствовано Димосѳеномъ, Поливіемъ и монетами [1]), а въ Халкидонѣ—надписью C. I. Gr. 3794, на которую намъ уже не разъ приходилось ссылаться. Поэтому вѣроятнѣе, быть можетъ, думать, что и въ Херсонисѣ предсѣдатель коллегіи магистратовъ, о которыхъ идетъ у насъ рѣчь, былъ ἱερομνάμων, а названіе συμνάμονες было сокращеннымъ вмѣсто συν[ιερο]μνάμονες. Магистратамъ съ религіознымъ характеромъ дѣятельности весьма легко могло быть поручено провозглашеніе о награжденіи Діофанта именно потому, что оно должно было состояться въ важнѣйшій изъ Херсонисскихъ праздниковъ, обрядовою стороною котораго, быть можетъ, и завѣдывали эти симмнамоны.

Заканчивая этимъ нашу рѣчь о Херсонисскихъ магистратахъ, упомянемъ еще, что въ числѣ общественныхъ службъ Агасикла (C. I. Gr. 2097) названа γυμνασιαρχία. Была ли она въ Херсонисѣ литургіею [2]), или постоянною магистратурою, рѣшить пока невозможно. Нельзя также сказать навѣрное, въ чемъ собственно состояла θιασαρχία, упомянутая въ памятникѣ Димократа (C. I. Gr. 2099). Бёкъ полагалъ, что это была литургія въ родѣ аттической χορηγία или ἑστίασις, но едва-ли не вѣроятнѣе будетъ думать, что θιασάρχαι въ Херсонисѣ назывались лица, стоявшія во главѣ религіозныхъ обществъ и соотвѣтствовавшія такимъ образомъ тѣмъ, которыя въ другихъ мѣстахъ назывались ἀρχιθιασῖται, ἀρχερανισταί, πατέρες συνόδων и т. п. [3]). Въ тѣ позднія времена, къ которымъ относится памятникъ Димократа, религіозныя общества были очень распространены въ Пантикапеѣ и Танаидѣ, какъ видно изъ многочисленныхъ эпиграфическихъ памятниковъ, пощаженныхъ до насъ временемъ [4]); очень можетъ быть, что они существовали и въ Херсонисѣ.

Для полноты нашего обзора замѣтимъ еще, что въ документахъ встрѣчаются упоминанія о такъ называемыхъ ἐπιμέλειαι, то-есть, испол-

---

[1]) Дим. о вѣнцѣ § 90; Пол. IV. 52, 3; *Eckhel*, D. numm. II стр. 31 сл. Ср. C. I. Gr. II стр. 184.

[2]) Существованіе литургій въ Херсонисѣ засвидѣтельствовано надписью Димократа, стр. 12: πᾶ]σαν λειτουργίαν τελέσαντα.

[3]) О должностныхъ лицахъ религіозныхъ обществъ ср. *P. Foucart*, Des associations relig. chez les Grecs, chap. IV.

[4]) Большинство надписей Танаидскихъ религіозныхъ обществъ издалъ академикъ *Л. Э. Стефани* въ Отч. Импер. археолог. комиссіи за 1870—71 г.; Пантикапейскія—въ Отч. за 1876 г. стр. 214, за 1880 г. стр. 129 и пр. Ни тѣ, ни другія еще не разработаны въ подробностяхъ.

Библиотека "Руниверс"

неніи отдѣльными гражданами порученій, возлагавшихся на нихъ государствомъ. Такъ, въ числѣ заслугъ Агасикла упоминаются: опредѣленіе межъ виноградниковъ, попеченіе о постройкѣ стѣнъ и устройствѣ рынка, а въ документахъ Аристона, Димократа и Неизвѣстнаго—исполненіе посольствъ [1]), при чемъ въ особую заслугу ставилось, какъ и въ другихъ государствахъ, если избранный въ послы гражданинъ принималъ на свой счетъ путевыя и другія издержки посольства (πρεσβεύειν προῖκα).

Вотъ, кажется, все главное, что можно вывести изъ извѣстныхъ по настоящее время документовъ о государственномъ устройствѣ Херсонисской республики. Читатели видятъ, что наши свѣдѣнія далеко еще не могутъ похвалиться полнотою, что въ нихъ есть весьма много неопредѣленнаго и неяснаго, что о многомъ намъ приходится только догадываться или довольствоваться скудными намеками. Но тѣмъ не менѣе нельзя не признать уже теперь, что общіе, такъ

---

[1]) Здѣсь кстати будетъ указать на любопытные слѣды дружественныхъ сношеній Херсониса съ Дельфами въ началѣ II в. до Р. Хр., сохранившіеся въ двухъ дельфійскихъ эпиграфическихъ памятникахъ. Въ огромномъ общемъ спискѣ дельфійскихъ проксеновъ, найденномъ въ 1860 г. при раскопкахъ Вешера и Фукара и изданномъ ими въ Inscriptions recueillies à Delphes подъ № 18 (=*Dittenb.* Syll. № 198), оказались между прочимъ записанными подъ годомъ архонта Клеодама (192—1 до Р. Хр.) Херсонисцы Φορμίων Πυθίωνος и Ἡρακλείδας Ῥίσθα. Съ причинами дарованія имъ проксеніи подробно познакомилъ насъ вполнѣ сохранившійся декретъ Дельфійцевъ, найденный въ 1880 г. при раскопкахъ Оссульé (Haussoullier) и изданный имъ въ Bull. de corr. hell. VI стр. 219 (=*Dittenb.* № 207). Дѣло, въ общихъ чертахъ, состояло въ слѣдующемъ. Дельфійцы послали въ Херсонисъ двухъ пословъ съ какимъ то объявленіемъ относительно Пиѳійскаго празднества (ἐπὶ τὰν ἐπαγγελίαν τῶν Πυθίων); возвратившись, послы привезли съ собою народное постановленіе Херсонисцевъ и лично заявили объ ихъ дружественномъ расположеніи къ Дельфамъ и объ оказанномъ имъ самимъ любезномъ пріемѣ; кромѣ того сами Херсонисцы отправили въ Дельфы двухъ пословъ, Форміона и Иракліда, которые отъ лица государства принесли Аполлону жертву изъ 100 животныхъ, изъ которыхъ первымъ былъ быкъ (ἑκατόμβαν βούπρωιρον), и Аѳинѣ—12 животныхъ съ быкомъ во главѣ (δωδεκαίδα βούπρωιρον), раздѣлили между дельфійскими гражданами мясо жертвенныхъ животныхъ и во время своего пребыванія въ Дельфахъ отличались поведеніемъ „достойнымъ ихъ самихъ и пославшихъ ихъ". За это Дельфійцы постановили похвалить Херсонисцевъ и ихъ пословъ за ихъ почтеніе къ богу и дружественное расположеніе къ гражданамъ, дать всему городу Херсонисцевъ право первымъ спрашивать оракулъ (προμαντεία), а пославъ—проксенію и подарки, и этотъ декретъ вырѣзать на камнѣ и выставить въ храмѣ Аполлона.

Библиотека "Руниверс"

сказать, контуры Херсонисской конституціи опредѣлились уже съ достаточною ясностью, и что если не всѣ, то большинство государственныхъ учрежденій Херсонисцевъ не были выработаны ими самостоятельно, а были перенесены въ готовомъ видѣ изъ Иракліи, куда въ свою очередь перешли изъ Мегаръ; такимъ образомъ, только путемъ сравнительнаго изученія учрежденій Мегаръ и ихъ колоній (при которомъ, само собою разумѣется, необходимо съ возможною тщательностію выдѣлять позднѣйшія измѣненія конституцій) на основаніи прежде извѣстнаго и вновь открываемаго эпиграфическаго матеріала могутъ быть достигнуты наукою болѣе или менѣе прочные результаты и выяснены отличія государственнаго быта Мегаръ и ихъ колоній отъ быта другихъ государствъ древней Эллады.

В. Латышевъ.

Библиотека "Руниверс"

КЪ ѲУКИДИДУ (III, 39).

Клеонъ въ рѣчи, занимающей 37—40 гл. III-й книги Ѳукидида, требуетъ строжайшаго наказанія всѣхъ Митилинцевъ за возстаніе 428 года. Κολασθήτωσαν, говоритъ онъ въ главѣ 39-й, ἀξίως τῆς ἀδικίας, καί μὴ τοῖς μὲν ὀλίγοις ἡ αἰτία προστεθῇ, τὸν δὲ δῆμον ἀπολύσητε. πάντες γὰρ ἡμῖν γε ὁμοίως ἐπέθεντο. οἷς γ' ἐξῆν ὡς ἡμᾶς τραπομένοις νῦν πάλιν ἐν τῇ πόλει εἶναι. ἀλλὰ τὸν μετὰ τῶν ὀλίγων κίνδυνον ἡγησάμενοι βεβαιότερον ξυναπέστησαν. Слова πάντες γὰρ ἡμῖν γε ὁμοίως ἐπέθεντο, „ибо противъ насъ они всѣ (весь народъ митилинскій) одинаково возстали", относятся къ народу (δῆμος) въ широкомъ смыслѣ этого слова, тогда какъ въ слѣдующемъ затѣмъ предложеніи (οἷς—εἶναι), какъ явствуетъ изъ словъ ἀλλὰ—ξυναπέστησαν, имѣется въ виду δῆμος въ тѣсномъ смыслѣ слова, въ отличіе отъ аристократовъ (οἱ ὀλίγοι), точно также, какъ въ словахъ: μὴ τοῖς μὲν ὀλίγοις ἡ αἰτία προστεθῇ, τὸν δὲ δῆμον ἀπολύσητε. Отъ такой легкой небрежности въ выраженіи смыслъ мѣста мало затемняется. Серьезное затрудненіе представляютъ слова νῦν πάλιν ἐν τῇ πόλει εἶναι. Классенъ эти слова толкуетъ такимъ образомъ (Thuk., 3. Band, 2. Aufl. 1875): Sie hätten sich für uns erklären sollen, und dann würden sie jetzt wieder im ungestörten Besitz ihrer bürgerlichen Existenz sein. Такое же мнѣніе высказываетъ и Шталь въ adnotatio critica Таухницева стереотипнаго изданія (1873 г.): ἐν τῇ πόλει εἶναι eandem fere sententiam habet atque IV 106, 1 πόλεως... οὐ στερισκόμενοι. quod idem valet atque IV 105, 2 τῆς ἴσης καὶ ὁμοίας μετέχοντα. significat igitur „in civitate esse, pleno civium iure uti". Пусть рѣшатъ латинисты, возможно ли было по латыни сказать in civitate esse въ смыслѣ pleno civium iure uti. Такъ или нѣтъ, латинскій языкъ греческому не указъ. Смѣло можно

Библиотека "Руниверс"

утверждать, что выраженіе ἐν τῇ πόλει εἶναι, когда рѣчь идетъ о людяхъ, а не о предметахъ неодушевленныхъ, можетъ означать только „быть, находиться въ извѣстномъ городѣ въ данный моментъ"; оно не означаетъ „жить, проживать въ такомъ-то городѣ" (Valla: in urbe degere, Fr. Haase: in urbe sua degere), и тѣмъ болѣе не можетъ означать „пользоваться полнымъ правомъ гражданства". Переводъ Классена: „im ungestörten Besitz seiner bürgerlichen Existenz sein", вопервыхъ, предполагаетъ не доказанное значеніе слова πόλις (Besitz der bürgerlichen Existenz), а вовторыхъ, къ этому слову, въ произвольно придуманномъ значеніи, прибавляетъ эпитетъ (ungestört), котораго нѣтъ въ подлинникѣ. Что касается мѣстъ, приведенныхъ по этому поводу Шталемъ (первое мѣсто цитуется и Классеномъ), то изъ нихъ ничего сюда относящагося вывести нельзя; πόλεως στερίσκεσθαι IV 106 значитъ „лишиться города" (изгнаніемъ), а не „лишиться права гражданства" (оставаясь въ городѣ); о другомъ оборотѣ (τῆς ἴσης καὶ ὁμοίας μετέχειν) нечего и говорить. Если, такимъ образомъ, выраженіе ἐν τῇ πόλει εἶναι должно переводить такъ: „находиться въ своемъ городѣ", то оно тутъ явно неумѣстно. Клеонъ не можетъ сказать, что народъ митилинскій (δῆμος въ тѣсномъ смыслѣ слова), примкнувъ къ Аѳинянамъ, теперь снова (πάλιν) находился бы въ городѣ. Митилинскій народъ города не покидалъ; лишь „немногіе", οἱ ὀλίγοι, аристократы, какъ зачинщики возстанія, были Пахитомъ отправлены въ Аѳины и тутъ ждали рѣшенія своей участи. Выкинуть слово πάλιν [1]) было бы безполезно, потому что и при такомъ чтеніи, и хотя бы мы ἐν τῇ πόλει εἶναι принимали въ смыслѣ „жить въ своемъ городѣ", Клеонъ все равно косвенно утверждалъ бы, что митилинскій народъ въ данное время въ своемъ городѣ не живетъ. Допустимъ даже, согласно съ Шталемъ и Классеномъ, что ἐν τῇ πόλει εἶναι равняется или „соотвѣтствуетъ" (Классенъ) выраженію: (τῆς) πόλεως οὐ στερίσκεσθαι,—нелѣпость остается. Митилинцы въ это время не были лишены своего города ни въ смыслѣ изгнанія, ни въ смыслѣ лишенія гражданскихъ правъ. Мало того, Митилинцамъ и не угрожала такого рода опасность; въ рѣчахъ Клеона и Діодота объ этомъ и помина нѣтъ. Митилинцамъ грозило нѣчто другое—смерть. Въ томъ народномъ собраніи, въ которомъ, по Ѳуки-

[1]) Рейске (*J. J. Reiske*, Deutsche Uebersetzung der Reden aus dem Thukydides, Leipzig 1761) и Дидо (*Ambr. Firmin Didot*, Histoire de la guerre du Péloponnèse, par Th., traduction française, Paris 1833) оставили это слово безъ перевода. Первый за то вставилъ in Ruhe und Stille, послѣдній—encore.

Библиотека "Руниверс"

диду, были произнесены рѣчи Клеона и Діодота, обсуждался вопросъ: привести ли въ исполненіе состоявшееся наканунѣ рѣшеніе, которымъ всѣ взрослые Митилинцы мужскаго пола были приговорены къ смертной казни, женщины же и дѣти къ продажѣ въ рабство, или отмѣнить это рѣшеніе. Этого себѣ не выяснили, впрочемъ, не только Классенъ и Шталь и ихъ предшественники, но и тѣ критики, которые признаютъ рукописное чтеніе нашего мѣста испорченнымъ. Оттого, главнымъ образомъ, и неудачны ихъ конъектуры.

Кампе („Conjectt. p. 20 s.“, по Крюгеру) предложилъ читать: οἷς γ' ἐξῆν ὡς ἡμᾶς τραπομένοις ἀντιπάλοις τοῖς ἐν τέλει εἶναι. Не говоря о томъ, что не совсѣмъ понятно, какимъ образомъ изъ ἀντιπάλοις τοῖς ἐντέλει могло произойдти νῦν πάλιν ἐν τῇ πόλει, догадка Кампе неправдоподобна тѣмъ, что ὡς ἡμᾶς τραπομένοις и ἀντιπάλοις τοῖς ἐν τέλει εἶναι, въ сущности, вѣдь одно и то же, двѣ стороны одного и того же акта. Народъ митилинскій, разумѣется, не иначе могъ примкнуть къ Аѳинянамъ, какъ возставъ противъ лаконствующихъ аристократовъ, и на оборотъ, бороться съ аристократами значило держаться аѳинской партіи. Притомъ, хотя словъ—вопреки манерѣ Ѳукидида—было бы больше чѣмъ нужно, однако нѣчто нужное осталось бы не выраженнымъ, а именно: чего бы митилинскій народъ могъ достигнуть (οἷς γ'ἐξῆν— —), если бы захотѣлъ примкнуть къ Аѳинянамъ? Что онъ могъ примкнуть къ Аѳинянамъ, объ этомъ, собственно, нечего было и говорить.

Другая конъектура или, собственно, двѣ конъектуры принадлежатъ фанъ-Герверденy. Онъ читаетъ (Studia Thucyd., Traiecti ad Rh., 1869, p. 143 sq.): οἷς γ'ἐξῆν ὡς ἡμᾶς τραπομένοις νῦν πάντα ἐν τῇ πόλει εἶναι, quibus—nunc plurimum pollere in sua civitate liceret, или, безъ ἐν: οἷς γ'ἐξῆν ὡς ἡμ. τρ. νῦν πάντα τῇ πόλει εἶναι, nunc maximi fierent s. summo in honore haberentur ab Atheniensibus. Самому Герверденy болѣе нравится второе чтеніе. Относительно перваго надобно замѣтить прежде всего, что πάντα εἶναι ἔν τινι (ἔν τισι) встрѣчается только у Иродота (III 157 πάντα εἶναι ἐν τοῖς Βαβυλωνίοις), и самъ Герверденъ находитъ, что „apud Herodotum l. l. dubitari potest an nihil a scribis peccatum sit.“ Аттическіе писатели, въ томъ числѣ Ѳукидидъ (VIII 95), говорятъ πάντα εἶναί τινι. Затѣмъ, извѣстно, что πάντα εἶναι употребляется, какъ гиперболическое выраженіе, о преобладающемъ значеніи одной, въ количественномъ отношеніи сравнительно небольшой единицы. Возможно ли такимъ образомъ выразиться о значеніи народа въ государствѣ, тѣмъ болѣе когда, по удаленіи аристократовъ, на-

Библиотека "Руниверс"

родъ и государство, по составу, одно и то же, такъ что о преобладаніи одной изъ двухъ партій собственно рѣчи быть не можетъ? Наконецъ, не абсурдъ ли вообще толковать о важномъ или неважномъ значеніи народа въ Митилинскомъ государствѣ въ то время, когда разбирается вопросъ: казнить Митилинцевъ или нѣтъ? Противъ другой конъектуры Гервердена, которой самъ авторъ отдаетъ предпочтеніе, говоритъ уже то обстоятельство, что τῇ πόλει крайне неудобно было бы относить къ Аѳинянамъ тотчасъ послѣ того, какъ они были названы ἡμεῖς (ὡς ἡμᾶς τραπομένους), при чемъ слово ἡμᾶς было подчеркнуто. Всякій слушатель и читатель τῇ πόλει невольно относилъ бы къ другому государству, то-есть, къ Митилинѣ. И Клеонъ не имѣлъ, мнѣ кажется, вовсе нужды преувеличивать признательность, которую Аѳиняне обнаружили бы по отношенію къ Митилинцамъ, если бы послѣдніе остались имъ вѣрны. Оставаясь вѣрнымъ, митилинскій народъ, по мнѣнію Клеона и вообще Аѳинянъ, исполнилъ бы свой долгъ и могъ разчитывать только на сохраненіе того привилегированнаго положенія, которое островъ Лесбосъ, подобно Хіосу, до возстанія, занималъ между аѳинскими такъ-называемыми союзниками. Клеонъ, у Θукидида, находитъ, что Митилинцы своихъ привилегій (гл. 39 : αὐτόνομοί τε οἰκοῦντες καὶ τιμώμενοι ἐς τὰ πρῶτα ὑφ' ἡμῶν) никогда не заслуживали (ibid. χρῆν Μυτιληναίους καὶ πάλαι μηδὲν διαφέροντας τῶν ἄλλων ὑφ' ἡμῶν τετιμῆσθαι). Они, слѣдовательно, были, такъ-сказать, въ долгу предъ Аѳинянами. Съ такими воззрѣніями не вяжется гиперболическое выраженіе πάντα τῇ πόλει εἶναι, summo in honore haberi ab Atheniensibus.

Догадка Мюллера-Штрюбинга (Thukydideische Forschungen, Wien 1881, стр. 185 и слѣд.) : οἷς γ' ἐξῆν ὡς ἡμᾶς τραπομένοις νῦν πάλιν ἐν τῇ πόλει παρεῖναι (denen es offen stand, wenn sie sich auf unsre Seite schlugen, jetzt wieder in der Stadt die Oberhand zu haben)—эта догадка, по смыслу, почти тожественна съ первою догадкою Гервердена. Quandoque bonus dormitat Homerus! Вообще, правда, Мюллеръ-Штрюбингъ между критиками текстовъ не то, что Омиръ между поэтами; но сколько разъ отъ него доставалось критикамъ, и нерѣдко по дѣломъ, за непониманіе ими политической жизни и исторіи! А тутъ онъ и самъ упустилъ изъ виду, что разсуждать о первенствѣ той или другой политической партіи, когда на волоскѣ виситъ существованіе всего народа, нелѣпо, и что навязывать древнему автору, а тѣмъ болѣе Θукидиду, подобную нелѣпость мы не имѣемъ права.

Библиотека "Руниверс"

Когда митилинскіе аристократы рѣшили возстать противъ Аѳинянъ, народу митилинскому необходимо было примкнуть или къ тѣмъ, или къ другимъ. Такъ какъ аристократы могли разчитывать на нѣкоторую поддержку со стороны Лакедемонянъ, вслѣдствіе чего успѣхъ ихъ предпріятія былъ возможенъ, если не вѣроятенъ, то митилинскому народу пришлось выбрать, такъ-сказать, одну изъ двухъ опасностей, одинъ изъ двухъ рисковъ. Онъ присоединился къ аристократамъ, принявъ, по словамъ Клеона, эту опасность за меньшую (τὸν μετὰ τῶν ὀλίγων κίνδυνον ἡγησάμενοι βεβαιότερον ξυναπέστησαν). Результатомъ этого было, что народу митилинскому теперь грозила смерть. Еслибъ онъ сталъ на сторону Аѳинянъ (ὡς ἡμᾶς τραπομένους), всякая опасность для него теперь уже миновала бы; онъ снова (πάλιν), какъ до возстанія, благоденствовалъ бы, находился бы въ состояніи безопасности. Вотъ въ чемъ теперь снова находился бы митилинскій народъ, если бы примкнулъ къ Аѳинянамъ. Я полагаю, что подлинное чтеніе Ѳукидида было такое: νῦν πάλιν ἐν ἀσφαλεῖ εἶναι. Ср. VIII 39 extr. ἐντεῦθεν δή, ὡς ἐν ἀσφαλεῖ ὄντες, ἀγγελίαν ἔπεμπον ἐπὶ τὰς ἐν τῇ Μιλήτῳ ναῦς τοῦ ξυμπαραχομισθῆναι. I 137 ἐπειδὴ ἐν τῷ ἀσφαλεῖ μὲν ἐμοί, ἐκείνῳ δὲ ἐν ἐπικινδύνῳ πάλιν ἡ ἀποχομιδὴ ἐγίγνετο. II 75 ὥστε τοὺς ἐργαζομένους καὶ τὰ ξύλα μήτε πορφύροις οἰστοῖς βάλλεσθαι ἐν ἀσφαλείᾳ (ἐν ἀσφαλεῖ Cobet Nov. Lect. p. 440 ed. II) τε εἶναι. Ошибочное чтеніе ἐν τῇ πόλει явилось, какъ надо полагать, вслѣдствіе того, что въ словѣ ἀσφαλεῖ первыя четыре буквы стерлись, а затѣмъ какой-нибудь читатель или переписчикъ, вспомнивъ, вѣроятно, некстати, что аристократы митилинскіе, во время произнесенія этой рѣчи Клеономъ, находились въ Аѳинахъ, по своей догадкѣ восполнилъ пробѣлъ, написавъ ἐν τῇ πόλει. Подобныя ошибки текста проливаютъ весьма неотрадный свѣтъ на все рукописное преданіе Ѳукидида, но мы давно уже отвыкли отъ оптимистическихъ воззрѣній на этотъ предметъ. Вообще, критика древнихъ текстовъ одними „домашними“ средствами ограничиться не можетъ. Извѣстныя ошибки, какъ бѣльмо на глазу, не могутъ быть устранены иначе, какъ операціей, и не разъ уже подобныя операціи увѣнчивались успѣхомъ.

В. Ернштедтъ.

Библиотека "Руниверс"

словаря Mater verborum, гдѣ слово torques, ornamentum colli, переведено hrivna. (349. Hanka Zbirka slowníkú, 22). Были гривны въ обычаѣ и у Болгаръ: Іоаннъ екзархъ Болгарскій представляетъ князя «сѣдяща въ срацѣ бисромъ покыданѣ гривнѫ цатавѫ на выи носяща. и обрѫчи на рѫкѫ... поясомъ въларъмитъмь поясана и мьчь златъ при бедрѣ»; а въ другомъ мѣстѣ «въ срацѣ златами нищими шьвенѣ и на выи гривнѫ златѫ носяща» (ср. у Калайдовича въ Изслѣд. о Іоаннѣ Екзархѣ 140 и 156). Были гривны въ обычаѣ и у Русскихъ. У отрока князя Бориса Владимировича, Георгія, была гривна на шеѣ: «его же любляше по великѹ Борисъ. бѣ бо възложилъ нань гривнѹ златѹ великѹ. въ неи же предстояше предъ нимь». Посланцы Святополка, убивъ этого Георгія и «не могѹще въ борзѣ сняти гривны съ шиѣ усѣкоша главѹ его и тако снаша (Житіе Бориса и Глѣба 75 б.). Сынъ Шимона Георгій, по смерти Ѳеодосія Печерскаго, «да гривнѹ юже самъ ношаше. въ ней же быть сто гривенъ злата» (Патерикъ Печер.). Въ словѣ о богачѣ и Лазарѣ, сохранившемся въ двухъ спискахъ XII в., сказано о свитѣ богача: раби его предътекоуще мнози. въ брачинѣ и въ гривнахъ златахъ (Свѣдѣн. и Зам. XXIII. 29). О Владимирѣ Волынскомъ лѣтописецъ сказалъ, что онъ былъ «милостынею аки гривною златою красуяся» (Ипат. лѣт. подъ 1288 г. стр. 222) Этотъ Владиміръ, по сказанію того же лѣтописца, «иконѹ списа на золотѣ намѣстнѹю св. Георгія и гривнѹ златѹю възложи нань съ женьчюгомъ» (Ипат. л. 223). Въ своей духовной в. к. Иванъ Даниловичь Калита далъ дочери своей Фетиніи чело и гривнѹ (Собр. гос. грам. I. 32⁶, 34⁶) [1]).

Замѣчательно, что какъ Слав. слово гривьна должно быть производнымъ отъ грива, такъ и древнее Нѣмецкое manili есть производное отъ mani=грива. Впрочемъ, грива значитъ вообще шея: ср. гривенка въ рубахѣ. Первоначальное значеніе гривны поэтому должно быть ожерелье, огорліе, на которомъ могло и не быть никакой такой привѣски, которая напоминала бы собою медаль или что нибудь подобное.

А именно такую вещь, что-то въ родѣ медали, найденную близь Чернигова, назвали гривною,—равно какъ назвали и называютъ и

[1]) Къ приведеннымъ указаніямъ можетъ быть присоединена и слѣдующая выписка изъ Флетчера: If any behave himselfe more valiantly then the rest, or doo any speciall piece of service, the Emperour sendeth him *a piece of golde, stamped with the image of saint George on horseback*, which they *hang on their sleeves and set in their caps*' And this is accounted the greatest honour they can receive for any service they doo. стр. 61⁶.

Библиотека "Руниверс"

другія подобныя вещи гривнами, если только при нихъ находятъ ушки, на которыхъ бы можно было ихъ надѣть на цѣпь, снурокъ, и т. п.

Эта Черниговская гривна, хранящаяся теперь въ Эрмитажѣ, найдена была въ 7-ми верстахъ отъ Чернигова, у деревни Бѣлоусовой. Она сдѣлана изъ чистаго золота, вѣситъ 43 золотника, величиною въ діаметрѣ въ 2 верш., толщиною въ 1½ рубля. Въ верхней части довольно большое фигурное ушко. (Прилагаемый рисунокъ представляетъ написи на гривнѣ, уменьшенныя въ двое). На одной изъ сторонъ середину занимаетъ кругъ въ вершокъ въ діаметрѣ, въ которомъ вычеканено изображеніе архангела Михаила и по бокамъ его буквы: м̑—илъ. Вокругъ этого круга два широкіе ободка: одинъ изъ нихъ, внѣшній, состоитъ изъ узора, а другой, поуже, внутренній, заключаетъ въ себѣ круговую напись (третья строчка на рисункѣ): ἅγιος, ἅγιος, ἅγιος κύριος σαβαὼθ πλήρης ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ=святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ исполнь небо и земля.

На другой сторонѣ середина занята изображеніемъ человѣческой головы, окруженной 10-ю змѣями, и кругомъ двѣ круговыя написи. Одна изъ нихъ (первая строчка на рисункѣ), напоминая о рабѣ Божіемъ Василіи, заставляетъ думать о князѣ, носившемъ это имя, и такъ какъ изъ князей Черниговскихъ это имя носилъ Владимиръ Мономахъ, то мысль останавливается на этомъ князѣ.

Изъ буквъ въ этой написи болѣе другихъ замѣчательны ꙁ, ѯ (=гѫ) и у (въ словѣ «рабоу»); изъ нихъ ꙁ напоминаетъ ꙁ Миней 1096 и 1097 г.; ѯ вм. ю относится къ тому же времени или еще ранѣе, то-есть, когда ѯ употребляли неправильно; у совершенно отличается. Всѣ другія буквы очень похожи

Библиотека "Руниверс"

на буквы Остр. Еванг. или же (какъ 8) на буквы Тмутороканскаго камня.

Что выше было сказано о не сохранившихся древнихъ книгахъ, можетъ быть повторено одинаково и о вещахъ: иконы, сосуды и др. вещи отдѣльныя, а потомъ написи въ храмахъ, естественно были не въ маломъ числѣ—и не осталось ничего.

Библиотека "Руниверс"

Русская письменность XII вѣка.

Отъ XII вѣка осталось очень значительное количество памятниковъ и въ подлинникѣ, и въ спискахъ болѣе поздняго письма; вмѣстѣ съ тѣмъ многіе другіе извѣстны только по воспоминаніямъ.

Изъ сохранившихся въ спискахъ болѣе поздняго времени стоитъ вспомнить слѣдующіе:

— Русская правда Владимира Мономаха, около 1114 г. въ спискѣ XIII вѣка.

— Странникъ игумена Даніила, около 1114 г. въ спискахъ XV в. и другихъ позднѣйшихъ.

— Повѣсть временныхъ лѣтъ, оконченная въ 1114—1115 г. въ спискахъ XIV в. и другихъ болѣе позднихъ.

— Поученія митр. Никифора, между прочимъ и въ видѣ посланій къ великому князю Владимиру Мономаху, до 1121 г. въ позднихъ спискахъ.

— Поученіе дѣтямъ Владимира Мономаха до 1125 г. въ Лаврентьевскомъ спискѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ XIV в.

— Грамоты Новгородскаго князя Всеволода—одна Новгородской церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ и двѣ Новгородскому Юрьеву монастырю—въ спискахъ XVI—XVII в.

— Церковный уставъ кн. Всеволода до 1136 г. въ позднихъ спискахъ.

— Ученіе о числахъ всѣхъ лѣтъ Кирика діакона 1136 г. въ спискѣ XV (?) вѣка.

— Грамота Новгородскаго князя Святослава Ольговича Новгородскому Софійскому собору 1137 г. въ спискѣ XIII в.

— Труды инока Ѳеодосія, современника князя Святослава-Николая Давидовича Святоши, между прочимъ слово о Халкедонскомъ соборѣ до 1142 г.

— Грамоты игумена Антонія Римлянина своему монастырю до 1147 г. въ позднихъ спискахъ.

— Грамота великаго князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймоновскому монастырю 1148 г. въ позднихъ спискахъ.

Библиотека "Руниверс"

— Уставная грамота Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича Смоленской епископіи 1150 г. и при ней другая такого же содержанія отъ епископа Мануила—въ спискѣ XVI в.

— Вопросы Кирика съ отвѣтами до 1156 г. въ спискѣ XIII в.

— Посланія и поученія Кирилла еп. Туровскаго до 1182 г. въ спискѣ XIII в. и другихъ болѣе позднихъ.

— Слово о Полку Игоревѣ послѣ 1185 г. въ спискѣ XIV в. (?).

— Церковныя правила Новгородскаго архіепископа Иліи въ спискѣ XIII в. и другихъ позднѣйшихъ.

— Слово Даніила Заточника до 1199 г. въ позднихъ спискахъ.

— Договорная грамота Новгородцевъ съ Нѣмцами 1199 г. въ спискѣ XIII в. (1268).

— Кіевская лѣтопись, доведенная до 1200 г. и продолженная послѣ записями о событіяхъ Волынскихъ.

Что касается до памятниковъ не сохранившихся, а извѣстныхъ только по упоминаніямъ, то изъ нихъ слѣдуетъ отмѣтить:

1. Книги церковныя и учительныя:

— Синодики для записи церковныхъ поминаній во всѣхъ епископіяхъ.

— Книги св. писанія.

— Житія святыхъ, между прочимъ Константина и Меѳодія, Ольги, Владимира, Бориса и Глѣба.

— Слово Меѳодія Патарскаго о царствѣ языкъ послѣднихъ временъ.

Всѣ эти памятники или упомянуты, или приведены въ извлеченіи въ Повѣсти временныхъ лѣтъ. Житія упомянутыхъ лицъ извѣстны и въ спискахъ, частію даже древнихъ, но нельзя сказать, тѣ ли самыя, которыми пользовался лѣтописецъ.

— Зерцало (Діоптра) Константина, списанное въ 1128 г.; помянуто въ Тверской лѣтописи.

— Разныя книги князя инока Святослава-Николая Давидовича (Святоши) въ Печерскомъ монастырѣ; упомянуты въ Патерикѣ.

— Разныя Русскія книги Пантелеймонова Русскаго монастыря на Аѳонской горѣ, всего 39; списокъ ихъ внесенъ въ опись монастыря 1143 г.

— Пчела до 1199 г. извѣстна была Даніилу Заточнику.

2. Лѣтописи Греческія въ Славянскомъ переводѣ:

— Хроника Георгія Амартола. Ею пользовался составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ, приведя въ свой трудъ разные отрывки.

Библиотека "Руниверс"

Она сохранилась и въ спискахъ, частію и древнихъ, но неизвѣстно, въ томъ ли видѣ, въ какомъ была у лѣтописца.

— Хроника Іоанна Малалы. Ею пользовался лѣтописецъ Кіевскій. И она есть въ спискѣ XV в., но неизвѣстно, тотъ ли самый текстъ.

3. Разныя записи и грамоты:

— Крестныя грамоты договоровъ между князьями 1144, 1147, 1152, 1190, 1195 гг.; упомянуты въ лѣтописяхъ.

— Завѣщаніе тысяцкаго Георгія Симоновича: упомянуто въ Патерикѣ Кіевскомъ.

— Переписка кн. Андрея Боголюбскаго съ патріархомъ и пр. 1160—1161: (въ Никоновской лѣтописи).

— Записи кн. Андрея Боголюбскаго Владимирской церкви Успенія до 1159 г.

— Запись княгини вдовы Глѣба Васильковича Минскаго Кіево-Печерскому монастырю до 1159 г.

Памятники Русскаго письма XII вѣка.

Мстиславово Новгородское Евангеліе, писанное до 1117 г. съ приписками по 1125 г.

Книга эта, хранящаяся въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ— одинъ изъ важнѣйшихъ образцовъ древней Русской каллиграфіи— написана на очень хорошемъ пергаминѣ на 213 листахъ, составляющихъ 27 тетрадей, по 23 строки въ два столбца на страницѣ Письмо красивое, заглавныя буквы сдѣланы изящно красками и золотомъ; заглавныя строки писаны золотомъ. Передъ каждымъ изъ отдѣленій книги, въ верху страницы большія заставки, рисованныя красками и золотомъ. На л. 1, 27, 69 и 123 цѣльныя страницы заняты изображеніями евангелистовъ: Іоанна, Матѳея, Луки и Марка. Книга сохраняется въ богатомъ древнемъ переплетѣ, котораго верхняя доска покрыта серебрянымъ, превосходно позолоченнымъ накладомъ нѣжной филигранной работы съ золотыми бляхами, на которыхъ помѣщены разныя финифтяныя изображенія.

Эта книга Евангельскихъ чтеній расположена такъ же, какъ и Остромирово Евангеліе, то-есть, заключаетъ въ себѣ:

1. Чтенія, начиная съ Свѣтлаго Воскресенья (Искони бѣ) до конца страстной седмицы (л. 1—162).

Библиотека "Руниверс"

2. Чтенія на праздники неперемѣнные отъ 1-го сентября до конца августа (162—206).

3. Утреннія воскресныя евангелія и евангелія на особенные случаи.

Чтенія не совершенно въ такомъ же числѣ, какъ въ Евангеліи Остромировомъ; потому что въ первомъ отдѣленіи есть чтенія не только субботнія и воскресныя, но и на другіе дни недѣли, а во второмъ отдѣленіи не совсѣмъ тотъ же выборъ.

На послѣднемъ листѣ находятся записи, опредѣляющія время написанія книги и другія обстоятельства:

Гн̄ Бе̄ оц̄ь нашихъ. Авраамовъ Иса
ковъ Їаковлѣ. и сѣмене ихъ правь
дьнаа́го. съподобивъıи ма грѣшьна
а́го раба своего Алексоу написати сиѥ еу
а́нгелиѥ бл҃говѣрьноуоумоу и хрьстолю
бивоѡ́моу. и Бг҃мь чьстимоо́моу кна
зю Θеѡ́дороу. а мирьскы Мьстисла
воу. вънуку соущю Вьсеволожю а́ сно̄у
Володимирю. кнаѕю Новъгородьскоу
о́моу. иже съвьр̄ши сиѥ еу̑лиѥ на бл҃вıи
ѥ прѣст҃ѣи чст҃ѣи влч̄ци нашеи Бц̄ı.
даи же ѥмоу Гь̄ Бъ̄ мл̄сть свою и наслѣ
диѥ цр̄ства нб̄сьнаа́го. и дълголѣ́но
кнажениѥ и съ всѣми своими. а́минь:

Далѣе черезъ строку:

Вы же бра̄ѥ почитаю̑ще въ сий е̑уаѥ
аще де криво налѣзете. то исправивъ
ше чтѣте. а не кльнѣте. азъ бо грѣ
шьнъıи рабъ Алекса написахъ сиѥ е̑уа
ѥ. сн̄ъ Лазоревъ прозвутера ·⁘ ⸗ ·⁘ ⸗

Еще ниже черезъ строку золотомъ:

ѡ̑ Гн̄ спн̄и кнаѕа нашего Θеѡ́дора. мъ
нога лѣ. а мирьскы Мьстислава: ⸗
Жадѣнъ пьсалъ: ⸗

Далѣе еще запись другаго почерка:

Азъ рабъ Бжии недостоинъıи ходъıи грѣ
шьнъıи. съпьсахъ памати дѣла. цр̄ж
нашемоу и ждемъ о съконьчаньи е̑уа
иже башеть казалъ Мьстиславъ къ
нзь. ходомоу Наславоу. и возивъ

Библиотека "Руниверс"

Цр҃ю городоу и оучинихъ химипетъ. Бж҃і
кю же волею възвратихъса изъ Цр҃а
города. исъправихъ вьсе злато и сре
бро и драгъыи камень. пришедъ Кыи
воу. и съкончаса вьсе дѣло м҃ца авгу
ста. въ .к҃. цѣноу же евангелиа сего
кдинъ Бъ вѣдаи. азъ же хоу
дъи Наславъ много троуда подъимъ
и печали иъ Бъ҃ оутѣши ма добраго къ
наза м҃твою. и тако даи бъ вьсѣмъ
людемъ оугодиа имоу творити. слы
шащимъ иго цр҃твиъ пребывающе
въ радости и въ веселии. и въ любові.
и даи Бъ҃ иго м҃тву вьсѣмъ хрьсти
аномъ. и мънѣ худомоу Наславоу
правящи иго ороудиа въ правьдоу.
и обрѣсти честь и милость ѿ Ба҃ и ѿ сво
иго ц҃ра и ѿ братиъ. вѣроующе въ
стоу Трцю Оца и Сна и Стго Дха нына
и присно и въ вѣкъı вѣкомъ аминь.

Время написанія книги съ помощію этихъ записей опредѣляется упоминаніемъ въ нихъ князя Мстислава-Ѳеодора. Князь этотъ, старшій сынъ Владимира Мономаха, былъ княземъ Новгородскимъ до 1117 г., когда онъ, будучи вызванъ отцомъ своимъ въ Кіевъ, оставилъ въ Новгородѣ своего сына Всеволода, а самъ получилъ отъ отца княженіе Бѣлгородское. Изъ первой записи видно, что евангеліе написано Алексой, сыномъ пресвитера Лазаря, еще тогда, когда Мстиславъ былъ княземъ Новгородскимъ. Выраженіе записи, что евангеліе написано на благословеніе пресвятой Богородицы, напоминаетъ о церкви Благовѣщенія, которую построилъ Мстиславъ на Городищѣ у Новгорода въ 1103 году. Изъ второй записи можно заключить, что послѣ Алексы, написавшаго все, что слѣдовало чернилами, золотомъ писалъ другой мастеръ Жадѣнъ, написавшій и запись свою золотомъ.

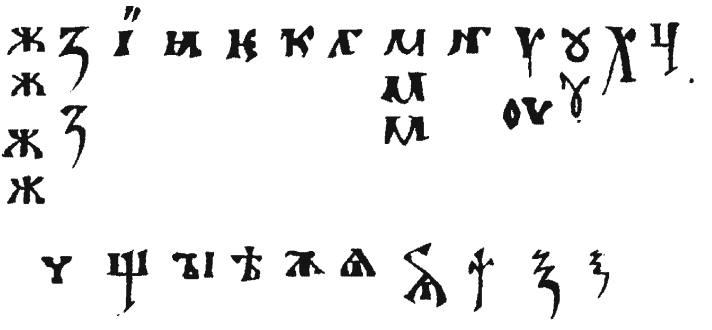
Третья запись княжаго тіуна (?) Наслава написана значительно позже: въ ней кн. Мстиславъ названъ уже цесаремъ. Это могло быть уже тогда, когда Мстиславъ, по кончинѣ отца своего, занялъ его мѣсто на великокняжескомъ Кіевскомъ престолѣ, слѣдовательно не ранѣе 1125 года. Изъ этой записи узнаемъ, что Наславу поручено было съѣздить съ Евангеліемъ въ Цареградъ, гдѣ онъ «испра-

Библиотека "Руниверс"

вилъ все злато и сребро и драгыи камень», то-есть, переплелъ книгу въ драгоцѣнный переплетъ. Ясно, что переплетъ не Русское дѣло. Къ стати замѣтить, что многія украшенія древнія пропали и замѣнены новыми позднѣйшими. Въ записи этой упомянуто ни по какому другому мѣсту неизвѣстное слово химипетъ: Невоструевъ объясняетъ его посредствомъ τὸ τορευτόν, изъ котораго образовалось позже слово финифть (Изв. Акад. IX, 76—79).

Въ Мстиславовомъ Евангеліи видимъ три величины строчныхъ буквъ: чтенія евангельскія написаны довольно крупно, нѣсколько крупнѣе, чѣмъ въ Изборникѣ 1073 г.; церковныя объясненія написаны значительно мельче, а заглавія чтеній золотомъ крупнѣе и толще.

Разсматривая почеркъ буквъ Мстиславова Евангелія, особенно стоитъ обратить вниманіе на слѣдующія:

Изъ четырехъ образцовъ ж первый писанъ въ три пріема, второй и третій въ четыре пріема, послѣдній въ пять пріемовъ.

Нерѣдко, впрочемъ непостоянно, употреблены, какъ въ Изборникѣ 1073 г., въ значеніи мягкихъ н и л.

Надъ буквами гласными, начинающими слоги, поставлены значки очень нѣжно, въ родѣ точекъ.

Правописаніе во всей книгѣ Русское, съ незначительными отклоненіями, и то не постоянными и неправильно. Особенно это замѣтно въ употребленіи ж. Есть случаи, когда ж поставленъ и на мѣстѣ, напримѣръ: сжботѣ (110), распѧтиа (97), на странж (109), водж (118), растжть (87), прѣщаахж (103), бимахжть (115); но гораздо чаще неумѣстно: богж твоюмоу (70 об.), домж (91), кмж (72 об., 80, 91 и пр.) ослабленоуоумж (74), отъимщати (80), горжшьноу (79), хжлѣ (144), игемонж (160) и пр. Гораздо чаще тамъ, гдѣ долженъ бы быть ж, поставлено просто оу: отвьргоуса, оужасаахоуса,—или ю: властию,

Библиотека "Руниверс"

силою. Вѣроятно, какъ признакъ того, что ж считаемъ былъ за ю, написано: жьню (137), боуждю (139), жаждю (159) и т. д. Малый юсъ ѧ употребленъ по Русскому особому правилу: послѣ согласной, когда она выговаривается мягко — безъ различія: сего дѣла (138), нъина (154)= нъинга (153 об.) съвазьнѧ (157). Послѣ шипящихъ пишется вмѣсто ѧ просто а: бъша, рѣпа, обретоша. Послѣ гласной пишется постоянно ꙗ такъ же безъ различія: ꙗко, їсаиꙗ, приꙗша.

Въ слогахъ сложныхъ съ р и л глухая гласная ставится передъ р и л, а не послѣ: скърба (124), испълните (135), зърноу (99), пьрвоуоумоу (131) и пр., за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда и по нынѣшнему нашему выговору гласной дано мѣсто послѣ р или л: кръвь (156), тръсть (157), плъть, крьста.

Въ слогахъ, сложныхъ съ р и л, вмѣсто ѣ очень часто пишется е: предаютса (114), посредѣ (2), пребиша (156), предъ.

Иногда встрѣчается употребленіе ж вмѣсто жд, и ч вмѣсто щ: ѡсжженик, жажюща, въздрачающаѧса (28).

Въ грамматическомъ отношеніи важно, что удлиненіе, выражающееся написаніемъ двухъ гласныхъ, почти постоянно соблюдается: пьрвааго, пьрвоуоумоу, пьрвыихъ, пьрвъимь, вѣдаше, подобаше, пльваахоу (158).

Юрьевское Евангеліе послѣ 1119 г.

Хранилось до недавняго времени въ Воскресенскомъ Ново-Іерусалимскомъ монастырѣ, нынѣ перенесено въ Московскую Синодальную библіотеку; писано въ листъ на 232 листахъ въ два столбца. Это любопытный древній образецъ бѣднаго списка книги церковной: и пергаминъ, и письмо, и украшенія—все одно къ одному. Пергаминъ дурной, письмо небрежное, всѣ украшенія очень просты, сдѣланы одною киноварью. Первый листъ занятъ рисункомъ чего-то въ родѣ храма, въ томъ же родѣ, какъ при Изборникѣ 1073 года, но сдѣланномъ очень просто.

Заставки очень простыя, рисованныя буквы красиваго образца, но сдѣланы не тщательно.

Расположеніе такое же, какъ и въ Остромировомъ и Мстиславовомъ Евангеліяхъ: чтенія по кругу пасхаліи на листахъ 2—202, съ 202 начинаются чтенія по мѣсяцеслову.

Чтеній, такъ же какъ и въ Мстиславовомъ Евангеліи, болѣе чѣмъ въ Остромировомъ: есть чтенія и на вторникъ, среду, четвергъ, пятницу каждой изъ 16 недѣль по пятидесятницѣ и 18 недѣль по новѣмъ лѣтѣ, и на сыропустную съ заутренними; но не всегда тѣ же.

Библиотека "Руниверс"

На оборотѣ послѣдняго листа есть запись, показывающая время написанія.

азъ грѣшьнѣи Ѳеодоръ напса
хъ. е҃а се. роукою грѣшьноѭ
сто҃моу мкоу. Геѡргеви. въ
манастырь. Новоуградоу. при
Куриацѣ игоуменѣ. и Савѣ. ико
номѣ·:· оугриньць ѳалъ·:·

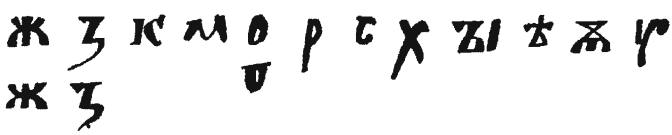
Новгородскій монастырь великомученика Георгія, то-есть, Юрьевскій, показанъ въ этой записи ясно. Что же касается до игумена Кириака, то о немъ въ Новгородской лѣтописи упомянуто два раза подъ 6627=1119 годомъ:

«Заложи Кириякъ игуменъ и князь Всеволодъ цр҃ковь камяну манастырь св. Георгия Новѣгородѣ»;

А подъ 6636=1128 г. «Преставися игуменъ Кириякъ св. Георгия».

Почеркъ отличается: 1) скошенностію верхнихъ частей буквъ на право, 2) тупостію пера, непозволявшею писцу рѣзко отличать тонкія черты буквъ отъ толстыхъ.

Изъ буквъ замѣчательны:

Правописаніе Русское, но видно, что подлинникъ, съ котораго было списано, былъ не Русскій, а потому въ нѣкоторыхъ случаяхъ уцѣлѣлъ и широкій юсъ на мѣстахъ правильно (глаголѫ, посълѫ, тарѫ, отаѩчажть, отемлѫщоу, виждѫ, соуждѫ), а часто употребленъ и вмѣсто Русскаго оу (врагѫ, сътьникѫ, иждѣискъ). Есть случаи, что широкій ѫ употребленъ вмѣсто малаго ѧ (оученикъı своѫ).

Для обозначенія слоговъ іотированныхъ и мягкихъ (съ ꙗ, ѥ и др.) употребляется нерѣдко знакъ ь передъ гласною; но гораздо чаще точка надъ гласною; такая же точка употребляется и надъ гласными (а̇, о̇, ѡ̇) въ началѣ слова. На буквахъ ѣ и у ставится иногда двѣ точки (ѣ̈мъ, ѣ̈сти, поѣ̈сть, моӱси). Иногда вмѣсто ѣ написано и (идаахоу вмѣсто ѣдаахоу).

Нерѣдко встрѣчаемъ черты древнѣйшаго правописанія:

— употребленіе ъ: мъногъ, съто, къниги, къниѓъчию, мънѣ, мъною, Самарѧнъхъ. Слово человѣкъ пишется безъ гласной между ч и л.

Библиотека "Руниверс"

— употребленіе долгихъ гласныхъ: имаамъ, имаать, не смѣаше, идаахоу, бѣаше, градоущааго, прозьрѣвьшоуоумоу, мъртвъихъ, ѣдоущиихъ и пр.

— Нѣкоторыя слова употреблены въ древнѣйшихъ формахъ: цесарь, цесарьство, христоси и т. д.

Достойно замѣчанія, что:

— ск смягчается въ сщ: фарисѣисщии, ѣхидьньсщии, навулоньсцѣмъ и пр.

— ть въ 3-мъ лицѣ настоящаго времени иногда опущено (к, нѣ), и употреблено въ прошедшемъ (придеть ἔρχεται, молаахоуть, оутѣшахоуть, цѣловахоуть).

Грамота в. к. Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю 1130 г.

Памятникъ драгоцѣнный для палеографа и вмѣстѣ для каждаго археолога: древнѣйшая изъ сохранившихся въ подлинникѣ грамота Русская.

Она написана на четвероугольномъ продолговатомъ кускѣ пергамина—длиною менѣе 5-ти вершковъ, шириною 4 вершка—по наводамъ, правильно и очень рѣзко надавленнымъ остріемъ ножа или какимъ нибудь подобнымъ орудіемъ—какъ въ поперекъ страницы, такъ и по обѣимъ сторонамъ ея для обозначенія разстоянія и длины строкъ. Этихъ наводовъ писецъ держался довольно вѣрно, ведя свои строки почти всюду ровно надъ поперечными наводами и не заходя въ концѣ строкъ за правый продольный наводъ, кромѣ одного слова, пропущеннаго было, и потомъ приписаннаго.

Вся грамота писана золотымъ растворомъ, въ которомъ золото (чистое, какъ оказалось при химическомъ анализѣ, сдѣланномъ по моей просьбѣ въ Академіи Наукъ) соединено съ растительнымъ клѣемъ, который теперь невооруженному глазу кажется цвѣта коричневаго, а подъ микроскопомъ лиловатаго, первоначально же былъ вѣроятно, цвѣта вишневаго. Золото въ этомъ клѣѣ предетавляется въ видѣ очень мелкихъ крупинокъ.

Совершенно особое чернило въ небольшой приписке между четвертою и пятою строкою: оно голубовато-зеленаго цвѣта и покрыто было листовымъ золотомъ очень неправильно.

Грамота прежде была согнута, какъ видно по сгибамъ пергамина,—по ширинѣ въ шесть полосъ, такъ, что вся записанная страница оставалась внутри, а потомъ поперекъ съ права на лѣво на двѣ части почти пополамъ, а затѣмъ лѣвый конецъ былъ подвер-

Библиотека "Руниверс"

нутъ на третью долю, а правый пополамъ. Такъ сложенная грамота могла быть вложена въ складень или мѣшечекъ менѣе квадратнаго вершка, толщиною не болѣе ¹/₃ вершка.

При грамотѣ сохранилась печать серебряная позолоченная.

Вотъ чтеніе этой грамоты строка въ строку и буква въ букву:

┼ се а҃зъ Мьстиславъ Володимирь с҃нъ дьржа Роу
сьскоу землю въ своѥ кнажениѥ повелѣлъ к
смь с҃ноу своѥмоу Всеволодоу ѡ҃дати Боуи
цѣ с҃тмоу Геѡ҃ргиеви съ данию и съ вирами и съ
+ и вено в҃ское
продажами даже которыи кнѧзь по моемь кна
жений почьнеть хотѣти ѡ҃ѩти оу с҃того Геѡ҃рги
и҃. а Бъ҃ боуди за тѣмь и҃ стаа҃ Ба҃ и тъ с҃тыи Геѡ҃
ргиѥ оу него то ѡ҃тимаѥть. и҃ ты и҃гоумене Иса·
иѥ. и вы братиѣ. доиклѣже са миръ съ стоить.
молите Ба҃ за ма и҃ за моѣ дѣти. кто са и҃зо ѡ҃ста
неть въ манастъıри. то вы тѣмь дължьни к
сте молити за иъı Ба҃ и при животѣ и въ съмь
рти. а҃ и҃зъ далъ роукоу своюю҃. и҃ осеньнюѭ по
людиѭ даровьноѭ полътретиѧ десате гри
вьнъ с҃тмоу же Геѡ҃ргиѥви. а҃ се и҃ Всеволодъ да
лъ кѥмь блюдо серебрьно. въ. л҃. гр҃вънъ серебра.
с҃тмоу же Геѡ҃ргиѥви велѣлъ кѥмь бити въ
иѭ на ѡ҃бѣдѣ коли игоуменъ ѡ҃бѣдаѥть.
даже кто запьртить или тоу дань и се блю
до. да соудить кмоу Бъ҃ въ дн҃ь пришьстви
и҃ своюго и тъ с҃тыи Геѡ҃ргиѥ ·:·

Грамота дана тѣмъ самымъ княземъ Мстиславомъ, который приготовилъ и книгу Евангельскихъ чтеній, писанную до 1117 г., но уже тогда, когда онъ держалъ Русскую землю, то-есть, былъ великимъ княземъ Кіевскимъ, по смерти своего отца Владимира Мономаха (1125—1132 г.); дана не отъ одного Мстислава, но и отъ сына его Всеволода, оставшагося Новгородскимъ княземъ во время жизни Мстислава, до 1132 г. и послѣ; дана тому же Юрьеву монастырю, для котораго при первомъ игуменѣ Киріакѣ написана книга Евангельскихъ чтеній, но уже тогда, когда мѣсто Киріака, умершаго въ 1128 г., занималъ Исаія, при которомъ главный храмъ монастыря, основанный (по преданію) Мстиславомъ, былъ достроенъ и освященъ. Изъ того, что грамота дана отъ имени двухъ князей, можно заклю-

Библиотека "Руниверс"

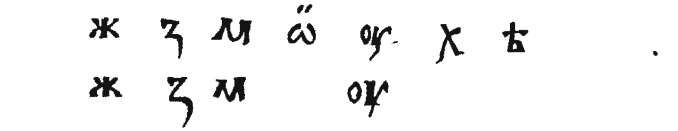
чить, что она дана тогда, когда оба князя были вмѣстѣ, а это было въ 1130 г., когда Всеволодъ былъ у отца своего въ Кіевѣ.

Грамотою утверждены за монастыремъ: владѣніе селомъ Буицы съ доходами, названнымъ въ лѣтописи подъ 1232 г. селомъ св. Георгія; пользованіе 25 гривнами изъ осенняго даровнаго полюдья; и пожаловано серебряное трапезное блюдо.

Кромѣ этого въ припискѣ означено еще «вено воѣское»—Вотское или Волоцкое—кѣмъ и когда, опредѣлить трудно.

Форма грамоты въ отношеніи дипломатическомъ говоритъ сама за себя. Мы послѣ увидимъ, что такъ же просто писались и другія грамоты.

Что касается до почерка буквъ, то стоитъ замѣтить:

Іотированое е выражается не только посредствомъ і: ѥ, но и посредствомъ точки: ѥѡргіѣви.

Четвероевангеліе Синодальное 1144 г.

По припискѣ 7083=1576 г., іюля, видно, что эта книга въ XVI в. принадлежала Галицкой каѳедральной церкви,—и потому называется Галицкимъ Евангеліемъ. См. описаніе ея въ Описаніи рук. Слав. Моск. Син. Библ. 1: стр. 208—215, 234, 247.

Рукопись на хорошемъ пергаминѣ въ небольшую 4-ку по 24 строки на страницѣ съ довольно большими полями, на 260 листахъ. Самый текстъ оканчивается на 228 листѣ, а далѣе приписанъ рукою XIV вѣка мѣсяцесловъ. Книга начинается «Прѣдьсловьк-мъ сѣтыхъ четыре евангелиі», то-есть посланіемъ Евсевія Кесарійскаго о показаніи одинаковыхъ мѣстъ въ четырехъ евангеліяхъ—посредствомъ 10 каноновъ: а҃: сходное во всѣхъ четырехъ евангеліяхъ; в҃: сходное у Матѳея, Марка и Луки; г҃: у Матѳея, Луки и Іоанна; д҃: у Матѳея, Марка и Іоанна, е҃: у Матѳея и Луки; ѕ҃: у Матѳея и Марка; з҃: у Матѳея и Іоанна; и҃: у Луки и Марка; ѳ҃: у Луки и Іоанна: і҃: у одного изъ четырехъ. Далѣе на л. 2 слѣдуетъ передъ евангеліемъ отъ Матѳея оглавленіе (безъ конца) 68 главъ, на которыя раздѣлена была его книга позже Евсевія. Точно такія же оглавленія помѣщены передъ другими Евангелистами; у Марка 48, у Луки 83, у Іоанна 18 главъ.

Библиотека "Руниверс"

Евангельскій текстъ написанъ сплошь, но на поляхъ означены главки Аммоніевы (у Матѳея 355, у Марка 237, у Луки 342, у Іоанна 232) сличительно по канонамъ Евсевія.

Текстъ Евангелія отличается отъ текста книгъ Евангельскихъ чтеній [1]). Для примѣра беру Отче нашъ:

Ѻче нашь їже
кси на нб̃сехъ. да ся ост̃ить їмѧ
твоѥ. да придеть цр̃ствьѥ твоѥ.
да боудеть волѧ твоѧ. ꙗко на
нб̃си и на земли. хлѣбъ нашь до
стоинъ ѥсть ствоу дажь намъ
дн̃ьсь. и ѡпоусти намъ дългы
нашѧ. ꙗко и мы ѡпоущаѥмъ
дължьникомъ нашимъ. и не въве
ди на̑ в̀ напасть. нъ избави насъ
ѡ̃ непрꙗзни. ꙗко твое ѥсть це
сарьствьѥ и сила и слава. въ вѣ
кы аминъ..>

Время написанія книги опредѣляется припиской на л. 228 тѣмъ же почеркомъ, какъ писанъ текстъ, только мельче:

Влѣ., ✠ сѫхн̃в. написаша̑ книгы сн. н̃. дньи. початы пс̃ати октѧбра въ а̅. а кончашасѧ ноѧбра, въ ѳ̅і.

Мартовскій годъ отъ сотворенія міра 6652, съ марта до января, есть 1144 отъ Р. Х., а въ январѣ и февралѣ 1145; а сентябрьскій до января 1143, а съ января до сентября 1144.

Изъ буквъ, употребленныхъ въ этой книгѣ, болѣе другихъ любопытны:

ж ꙁ і ѧ ѹ ѯ ч
ж ꙁ ї ѧ
ж

ж: первое и второе написаны въ четыре пріема, третье въ пять пріемовъ.

— і: употребляется безъ точки и съ двумя точками;

— ѧ: въ три и въ четыре пріема;

---

[1]) Вообще текстъ древнихъ Четвероевангелій отличается отъ текста книгъ Евангельскихъ чтеній, какъ между прочимъ прекрасно указано Невоструевымъ.

Библиотека "Руниверс"

— ц: съ подрѣзаннымъ концемъ;

Иногда употреблены нг и лг.

Вообще рисунокъ буквъ тотъ же, что въ Мстиславовомъ евангеліи.

Правописаніе во всей книгѣ Русское, выражающееся отсутствіемъ широкаго юса ѫ и употребленіемъ малаго юса ѧ по Русскому обычаю и вмѣсто ꙗ.

Главный отличительный признакъ правописанія этой книги есть очень частое употребленіе десятиричнаго і вмѣсто обычнаго осмиричнаго и.

Стихирарь 1157 г. Синодальной библіотеки.

Книга эта заключаетъ въ себѣ 190 листовъ въ большую 4-ку, по 15 строкъ на страницѣ, крупнымъ уставомъ, строками широко отставленными одна отъ другой съ цѣлію написанія между ними крюковъ или нотныхъ знаковъ.

Текстъ начинается на оборотѣ 1-го листа такимъ образомъ:

Сті̑раръ м̑цьнъı
и̇ съ Бм̑ъ починаѥ̑.

по оуставоу сто̑ Ѳеодо̑ Стоудиискѣ̑ ·:· —

Книга заключаетъ въ себѣ собраніе стихиръ [1]) на мѣсячные праздники, начиная отъ сентября. При этомъ указаны и числа мѣсяцевъ, когда совершаются какія празднества. Надъ гласными буквами въ стихирахъ надписаны крюки.

Листъ съ записью современною пропалъ. Указаніе на время написанія осталось только въ записи XVI вѣка на первой страницѣ перваго листа.

«Писано лѣта ѕ҃ѯ҃ѯ҃ѕ҃е».

то-есть, въ 6665 г., что ранняется 1157 году отъ Р. Х.

Вѣроятно, прежде была современная запись съ указаніемъ года и оттуда-то взята эта замѣтка.

Изъ буквъ замѣчательны:

[1]) Стихирами называются пѣснопѣнія, состоящія изъ многихъ стиховъ, написанныхъ однимъ размѣромъ.

Библиотека "Руниверс"

а съ подрѣзаннымъ верхомъ.

— з съ толстымъ среднимъ корнемъ.

— ч: второй образецъ рѣдко, но съ перваго листа (въ словѣ починаемъ).

Для образца правописанія, чисто Русскаго, беру нѣсколько строкъ изъ стихиръ Борису и Глѣбу:

Къими пѣсньныими добротами. оу
красимъ пѣвакамъ. Романа си
лоу имоущааго. на страсти доблесть
ми. и Давъıда коупьно рьвьнителa
оба свѣтилѣ приносимаща и оза
рающа. свѣтомъ добродѣтелии.

Стихирарь до 1163 г. Новгородской Софійской библіотеки.

Сохранилось 113 листовъ, недостаетъ начала, по счету тетрадей— первыхъ восьми, слѣдовательно 64 листовъ или около того; а потому недостаетъ стихиръ за сентябрь, октябрь, ноябрь и начало декабря, до 12-го числа. (Цифры тетради обозначены по два раза: разъ на первой страницѣ съ верху, а другой разъ на послѣдней страницѣ внизу).

Время написанія книги опредѣляется записью, находящеюся на л. 99:

коньчашаса книгъı сиа. м҃ца септабра въ г҃і дн҃ь
на кано҃. въздвижениа. ѡ҃ м҃ца іюна при епископу
пѣ Аркадии. и при тижнѣ Тоупочелѣ ·:· —

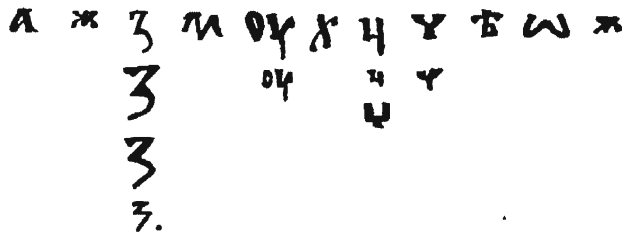
Аркадій былъ Новгородскимъ епископомъ съ 1156 или вѣрнѣе съ 1158 г., какъ видно изъ сказанія Новгородской лѣтописи, гдѣ подъ 6654 г. читаемъ, что по кончинѣ Нифонта «събраса вѣсь градъ людьи (и) изволиша себѣ епископъ поставити мужь Богомъ избранъ Аркадиа. и ѣьдъше весь народъ поаша и изъ манастъıра отъ св. Богородица..... и въведоша и на сѣни и порѫчивъше епископью въ дворѣ св. Софиѣ. дондеже придеть митрополитъ въ Русь и тъгда поидеши ставитъса»; а подъ 6666 г.: «томъ же лѣтѣ ходи Аркадъ Кыевѫ ставитъса епископомъ. и поставленъ бысть отъ митрополита Костантина. и приде въ Новъгородъ м҃ца септабра въ г҃і день. на канонъ въздвиженіа». Аркадій скончался въ 1163 г: «престависа епископъ Новъгородьскъıи Аркадии септабра въ ѳ҃і. положиша и съ честью великою въ притворѣ св. Софиа».

Книга эта заключаетъ въ себѣ, такъ же какъ и Синодальная, собраніе стихиръ, и также съ крюками.

Библиотека "Руниверс"

Письмо разнаго размѣра, и отчасти различное по рисунку буквъ: первый почеркъ идетъ до 99 л.; другой, болѣе крупный, съ оборотной страницы 99 л. до конца, но перерываясь другими почерками, между прочимъ и первымъ. Эти листы 99—113 суть добавочные, а потому и запись находится на 99 листѣ.

Изъ буквъ болѣе замѣчательны:

— а: съ подрѣзаннымъ верхомъ;

— ж въ пять пріемовъ;

— з: (первое въ первомъ почеркѣ, второе и третье во второмъ, четвертое въ припискѣ).

Правописаніе Русское, хотя съ соблюденіемъ особенностей древняго языка.

Образецъ:

Богъмь избьрании людиѥ
и новопросвѣщении. сию бо
ради сватою вьсѧ земла роу
сьскаѧ просвѣтися. о ве
лиѥ чюдо како своѥю бра
тоу не пощадѣ шканьнъми
оубиица. съмѣвъши зависти
ради посълавъ. зълъıи
слоугъı. вьсеблаженааго стра
стотьрпьца Романа оуѧзвиша
тѣмь и Давъıда заклаша.

Книга Евангельскихъ чтеній 1164 г.

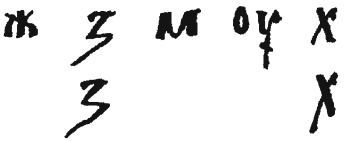
Принадлежитъ Румянцевскому музею. Написана въ 4-ку на 270 лл. въ два столбца. На оборотѣ послѣдняго листа есть запись о времени написанія книги:

Въ ѵ҃ѣ ѕ҃ и х҃ ов. наш
саны бъıша книгъı си

Библиотека "Руниверс"

ш мною грѣшьныѣ
мь рабомь и дыѣко
мь сѣхъ апѣъ Коста
нтиномь а мирьскѣы
Добрило. Семеоноу
попови. сѣго Иоана
прѣча, а братьıа и
оц̃и. аже вы кде крив
а исправивъше чьтѣ
те же а не клънѣте.
Ꙗко же радоуктьса
женихъ о невѣстѣ
тако радѣк
тьса писе
ць вида после
дьнии листъ.

Изъ буквъ употребленныхъ въ этой книгѣ, болѣе другихъ любопытны:

— ж въ четыре пріема.

Образчикъ правописанія:

изиде сѣıи сѣıатѣ сѣмене своего. и кгда сѣıаше ѣ ово паде при поути и попрано бы. и птицѣ ѣбснъıѣ позобаша ѣ. а дроугоѣ паде на камени и прозабъ оусше заиѣ нѣ имаше влагы. а дроугоѣ паде по срѣдѣ терньı и въздрасте терньѣ и подави ѣ. а дроугоѣ паде на земли добрѣ и прозабъ сътвори пло(дъ) стократицею.

Трефологій до 1175 г.

Рукопись Типографской библіотеки, въ 8-ку: 149 листовъ безъ конца.

На листѣ 138 есть запись:

Илиа писалъ. бывъıй попинъ
цркве стаго възнесениа оу
братии.
Имоколожи писалъ. тѳ сѣда.

Библиотека "Руниверс"

Въ рукописномъ лѣтописцѣ Николо-Дворищенскаго собора (л. 5 обор. и 36) подъ 6600 г. сказано о построеніи Вознесенской (каменной) церкви на Прусской улицѣ. (Ср. Истор. розысканія о древностяхъ В. Новгорода 32—33; Архим. Макарій: Арх. Опис. Церковныхъ древностей Новгородскихъ I, 186—187). Въ 1175 году она сгорѣла вмѣстѣ съ двумя другими церквями (1-я Новгород. лѣтопись подъ 6683; стр. 16). Черезъ десять лѣтъ послѣ этого въ 1185 г. Милонѣгъ заложилъ новую церковь Вознесенія, каменную; въ 1191 г. она окончена и освящена архіепископомъ Гавріиломъ. Позже она не упоминается.

Судя по почерку, эту рукопись скорѣе можно отнести къ XI вѣку, чѣмъ къ концу XII в. Слово «бывый» при знаніи попинъ, указываетъ кажется на то, что Илія уже не былъ живъ, когда кто-то другой записалъ это на память, то-есть, что рукопись писана до 1175 г. и, какъ кажется, гораздо ранѣе.

Замѣчательны буквы:

— ж: въ три пріема.

Очень часто употребляется широкій юсъ ѫ и ѭ, и на мѣстѣ.

Уставъ церковный и монастырскій, написанный въ Новгородѣ послѣ 1193 г.

Рукопись Синодальной библіотеки безъ начала на 281 лл. въ 4-ку.

Двѣ главныя части книги суть:

1) до 196 л. об.: Чинъ службамъ церковнымъ: а) по недѣлямъ, начиная съ недѣли о блудномъ сынѣ (передъ которою на недостающихъ двухъ листахъ былъ чинъ службы въ недѣлю о мытарѣ и фарисеѣ) и оканчивая недѣлею по пятидесятницѣ; в) по днямъ съ 1-го сентября.

2) Оуставьникъ расматрѣи о брашьнѣ же. и о питии мнихо̑. и о вьсацѣмь иномъ чиноу. и о прѣбъıвании ихъ и въ цр̑кви. и вьсьде. оуставленъ оубо не по писанию въ манастъıри Студиистѣмь пр̑пбнъıмь оц̑мь нашимь исповѣдьникъмь Θеѡдорѣмь бъıвъшимь въ немъ игоуменъмь. прѣданъ же писаниимъ. ѿ Альѣиа ст̑го и вселенъıа патриарха. въ поставленѣмь имь манастъıри въ има бж̑твьнъıа мт̑ре. (Θеодоръ Студитъ жилъ въ половинѣ VIII в., патріархъ Константинопольскій Алексѣй былъ преемникъ Евстаѳія въ 1033 г., а до того былъ Студитомъ).

Библиотека "Руниверс"

Этотъ уставъ принесенъ былъ въ Русь по желанію Ѳеодосія Печерскаго и съ того времени распространился и утвердился въ монастыряхъ Русскихъ на долгое время.

Когда этотъ Синодальный списокъ устава написанъ, можно заключить по нѣкоторымъ записямъ въ немъ находящимся.

Самыя важныя написаны на оборотѣ послѣдняго листа, нѣсколько отличнымъ почеркомъ въ сравненіи съ рукописью, но все-таки того же времени.

Вотъ онѣ строка въ строку:

Въ ѣ҃ sхо҃и. постави Илиа ахиепп҃ъ
и҃ бра҃ кго Гавриилъ манастыр. сты҃
а Бц҃а бл҃говѣщенїе л. а҃ въ ѣ҃ .пз.
каменоу цр҃вь. постависта·:·
Iнд҃и. д҃
Въ ѣ҃ sхчд. прѣстависѧ Илиа. архи
еп҃пъ Новгородьскыи. постригъсѧ.
м҃ца сентабра. въ з҃. днь. на пам҃а ст҃го
сщ҃еномч҃ка Созонта. и бы҃ кмоу има
мнишьскоѥ Iѡ҃анъ·:· Iнд҃и. а҃і.
Въ л҃ѣ. ҁф҃а. прѣстависѧ бра҃ кго Гаври҃.
архиеп҃пъ Новгородскыи. тако же
постригъсѧ. м҃ца. маиа. въ к҃д днь.
на пам҃а ст҃го оц҃а нашѣ. Семеона. и
же на Дивнѣи горѣ. и҃ бы҃ кмоу има
мнишьскоѥ. Григорий·:· Г҃и м҃ѣтъва
ми рожьшиа та. и҃ пр҃пбною о҃цю на
шею. Iѡ҃. и҃ Григориа и҃ архагла твоѥ
Гаври҃. съхрани присѣщаа домъ си
и҃. до сконьчаниа вѣкоу. и҃ намъ да
роуи сп҃сениѥ обрѣсти·:· аминъ·:·—

Объ этихъ двухъ замѣчательныхъ братьяхъ Новгородскихъ сохранились свѣдѣнія и въ древней Новгородской лѣтописи. Нѣкоторыя изъ нихъ тѣ же, и даже дословно тѣ же, какъ и здѣсь.

— подъ 6673 (по смерти епископа Аркадія): Поставленъ бысть Илиа архиеп҃пъ Новгор. отъ митрополита Иоанна мѣсяца марта на верьбницю и приде Новоугороду мѣсяца маиа въ 11..... Въ то же лѣто повелѣно бысть владыцѣ архіепископство митрополитомъ.

— подъ 6677: Въ то же лѣто на зиму придоша подъ Новъгородъ Сѫждальци и въ четвертый день въ среду побѣди я князь Романъ съ Новгородьци сплою крѣтьною и св. Бц҃ею и молитвами

Библиотека "Руниверс"

бл҃говѣрнаго владыкы Илиѣ, мц҃а феурара въ 25, на св. мч҃ка Тарасиа [1]).

— подъ 6678: Въ то же лѣто археп҃ъ боголюбивый Илиа съ братомъ Гавриломъ създаста манастырь црк҃овь стыа Бц҃а бл҃говѣщениѥ.

— подъ 6687: Заложи архиеп҃ъ Илиа съ братомъ црк҃овь каманоу стыа Бц҃а благовѣщениѥ. и нача здати црк҃овь маиа мц҃а въ 21, а коньцаша мц҃а августа въ 25. а всего дѣла црк҃овьнаго зьданиа днии 70.

— подъ 6688: Томъ же лѣтѣ заложи црк҃овь каманоу въ манастыри на воротѣхъ боголюбивыи археп҃ъ Новъгородьскыи Илиа съ братомъ Гавриломъ у стго Бл҃говѣщениа.

— подъ 6690: Томъ же лѣтѣ коньцаста црк҃овь археп҃ъ Илиа съ братомъ на воротѣхъ стго Богоявлениа. Тъгда же и стыхъ оц҃ь црк҃овь поставиша.

— подъ 6694: Въ то же лѣто престависа Илиа архиеп҃ъ Новъгородьскы мц҃а септабра въ 7 дн҃ь. и положенъ бысть въ притворѣ стыа Софиа. Новгородьци же съ княземъ Мьстиславомъ и съ игѹмены и съ попы съдѹмавъше изволиша себѣ поставити братъ его Ильинъ Гаврила. и послаша съ мольбою къ митрополитѹ къ Никифору. и прислаша поньмитрополитъ и вса княжья Русьская и поиша и съ любъвью.

— подъ 6701: Прѣстависа Гаврила архиеп҃ъ Новгородьскыи мц҃а маа въ 24. на стго Смена иже на Дивнѣи горѣ. и положенъ бысть въ притворѣ стыа Софиа. посторонь брата. наречен... въ чърнечьствѣ Григории.

Такъ какъ въ записи при уставѣ обозначено и это послѣднее обстоятельство, то очевидно рукопись писана позже 1193 г. Къ этому прибавимъ еще, что и въ самомъ уставѣ на л. 70 при 6 сентября, дано мѣсто такой замѣткѣ:

— на Соѳонтовъ дн҃ь ѡбѣ по архиепископѣ Иванѣ, и Григорі и ѡц҃а и҃. Микѹлу. и мт҃ри и҃ Мрью и крестинѹ помнити и҃ рѳ҃ племя.

Есть еще любопытная приписка на л. 189 съ боку, написанная бокомъ, трудно читаемая:

+ газъ бълъ на низоу. аже кто
небре(жени)емъ изъчернилъ
книгы сиа да боудеть на немь
трасьца ѥкоже и была оуже на немь.

---

[1]) Среда 25-го февраля была въ 1169 г.

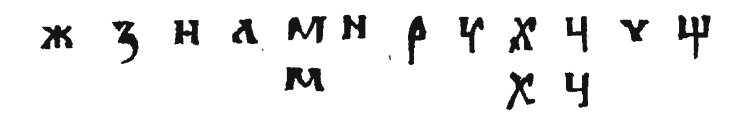
Библиотека "Руниверс"

азъ емоу не злодѣи оже ми книгъ кѣи не блюлъ·
а азъ wправьдаюсѧ. по правдѣ ксмь писалъ.

Ясно, что эта запись относится ко времени переписыванія новаго списка съ этой книги; но и она древняя.

Правописаніе въ рукописи Русское, съ ѥ, на которомъ стоитъ точка. Часто у написано вмѣсто оу.

Замѣчательны буквы:

Сводъ данныхъ о древнемъ письмѣ изъ книгъ XII вѣка.

Разсмотрѣніе памятниковъ XII вѣка опредѣленнаго времени приводитъ къ слѣдующимъ общимъ замѣчаніямъ:

Многія буквы сохраняютъ то же начертаніе, какое имѣли и въ XI вѣкѣ, и преимущественно въ концѣ XI в., но сверхъ того являются и нѣкоторыя особенности въ ихъ начертаніи.

— а, кромѣ обычнаго написанія, пишется полнѣе и съ надрѣзомъ съ верху.

— ж пишется иногда въ три пріема (1, 5 и 6), но чаще въ четыре (2, 3 и 4).

— з пишется довольно разнообразно: къ почерку XI в. подходитъ оно въ Мстиславовомъ евангеліи (1, 2); къ почерку Минеи XI в.—въ Юрьевскомъ евангеліи 1164 г. (3, 4, 5). Кромѣ того въ Мстиславовомъ ев., въ Стихирарѣ 1157 и др. является иной видъ (6, 7, 8).

— и пишется часто со скошенною на право поперечной чертой.

— м, кромѣ того начертанія, которое господствуетъ въ XI вѣкѣ, пишется разналисто (2—5).

— о, кромѣ обычнаго начертанія, пишется еще со срѣзомъ (3, въ Юрьевскомъ ев.) и широкое (1).

— р, кромѣ обычнаго начертанія, пишется еще со срѣзомъ (3, Юрьевское ев.) и кругло.

— с встрѣчается не только обыкновенное, но и срѣзанное (3, въ Юрьевскомъ ев.) и широкое (въ Ев. 1164 г.).

— у, кромѣ прежняго почерка, пишется очень часто широко (5), и съ толстымъ концемъ (6).

— х большею частью съ концами одинаково опущенными.

Библиотека "Руниверс"

— ц пишется еще и съ концемъ опущеннымъ по серединѣ (въ Стихирарѣ 1163 г.).

— ж встрѣчается очень рѣдко.

— ѱ: прямого креста, какъ въ XI в., не встрѣчается.

— мягкія л и н употреблены въ Мстиславовомъ ев.

— точки надъ гласными встрѣчаются.

Русское правописаніе, особенно рисующееся своеобразнымъ употребленіемъ юса малаго, почти вполнѣ устанавливается.

Книги XII вѣка, на которыхъ нѣтъ показанія времени.

На основаніи вышеприведенныхъ признаковъ къ числу памятниковъ XII вѣка можемъ причислить слѣдующіе:

— Церковный и монастырскій уставъ (Соф. Новг. библіотеки) не полная рукопись (105 л.) такого точно содержанія, какъ и Синод. уставъ до 1193.

— Церковный уставъ (Типографской библіотеки) не полная рукопись (136 л.) съ кондакаремъ и съ записью глаголическою.

— Кондакари: 1) библіотеки Троицко-Сергіевской лавры (115 л.), 2) Синодальной библіотеки (112 л.), 3) Нижегородскаго Благовѣщенскаго монастыря, теперь принадлежащій Императорской Публичной библіотекѣ (130 лл.).

— Стихирари: 1) Академіи Наукъ (203 л.), 2) Публичной библіотеки (188 л.), 3) Синодальной библіотеки (168 л.), 4) другой, Синодальной библіотеки (216 л.), 5) третій, Синодальной библіотеки (82 л.).

— Тріодь постная: 1) Синодальной библіотеки (315 л.), 2) Типографской библіотеки (257 л.).

— Канонникъ Новгор. Софійскаго собора (151 л.).

— Праздничная минея Пуб. библіотеки (169 л.).

— Мѣсячныя служебныя минеи: За сентябрь: Новг. Соф. библ. (135 л.), Синод. библ. (260 л.); за октябрь: Синодал. (240 л.), Новг. Соф. (116 л.); ноябрь: Синод. библ. (260 л.); декабрь: Синодал. биб. (303 л.); январь: Синодал. библ. (255 л.); февраль: Синодал. библ. (218 л.); апрѣль: Синодал. библ. (244 л.), Новгор. Соф. (48 л.), Типограф. биб. (110 л.) съ глагол. припискою; май: Синодал. библ. (176 л.), Новг. Соф. (136 л.); іюнь: Синодал. библ. (224 л.), Новг. Соф. (114 л.), Публ. биб. (15 л.); іюль: Типограф. библ. (150 л.); августъ: Синодал. библ. (190 л.).

— Сборникъ воскресныхъ поученій, извлеченный Константиномъ Болгарскимъ изъ твореній Іоанна Златоустаго и другихъ: Синод. библ. (264 л.).

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ

ДВѢСТИ-ТРИДЦАТЬ-ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

СТРАН.

1. (7-го февраля 1884 г.). Объ измѣненіи штата института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ въ г. Варшавѣ 3

2. (21-го февраля 1884 г.). Объ упраздненіи въ Дерптскомъ учебномъ округѣ должности помощника попечителя и объ учрежденіи въ семъ округѣ должности втораго окружнаго инспектора. 7

3. (21-го февраля 1884 г.). Объ открытіи новыхъ среднихъ учебныхъ заведеній и о преобразованіи существующихъ въ высшій составъ классовъ. 8

4. (14-го февраля 1884 г.). По проектамъ положенія и штата Охтенскаго ремесленнаго училища. 9

5. (28-го февраля 1884 г.). Объ измѣненіи Высочайше утвержденнаго 12-го ноября 1868 года положенія о кавказскихъ воспитанникахъ 15

6. (13-го февраля 1884 г.). Объ измѣненіи устава и штата Нижегородскаго Александровскаго института 15

7. (13-го марта 1884 г.). Объ учрежденіи въ городѣ Варшавѣ трехкласснаго городскаго ремесленнаго училища имени Михаила Конарскаго. 47

8. (13-го марта 1884 г.). О нѣкоторыхъ мѣрахъ по завѣдыванію гимназіей въ Болградѣ 51

9. (31-го марта 1884 г.). О разрѣшеніи преподавателямъ и начальствующимъ лицамъ учебныхъ заведеній въ лѣтнее время являться на службу въ парусинныхъ сюртукахъ 53

Библиотека "Руниверс"

стран.

10. (20-го марта 1884 г.). О сборѣ за актовыя выписи, выдаваемыя изъ Виленскаго центральнаго архива древнихъ актовыхъ книгъ, и о новомъ штатѣ сего учрежденія 53

11. (16-го февраля 1884 г.). Правила объ армяно-григоріанскихъ церковныхъ училищахъ на Кавказѣ 55

Высочайшій приказъ.

31-го марта 1884 года (№ 3) 18

Министерскія распоряженія.

1. (13-го марта 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени покойнаго директора народныхъ училищъ Ярославской губерніи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Владиміра Ивановича Шпеера при Любимскомъ городскомъ училищѣ. 21

2. (24-го марта 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Николаевича Розенберга при Калишской мужской гимназіи. 22

3. (31-го марта 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Петра Дмитріевича Шестакова при Самарской мужской гимназіи. 23

4. (31-го марта 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о правѣ на полученіе вознагражденія за исправленіе учителями должности инспектора гимназіи. 25

5. (31-го марта 1883 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ производства испытанія изъ курса дополнительнаго класса бывшихъ учениковъ реальныхъ училищъ —

6. (4-го апрѣля 1883 г.). Положеніе о стипендіи имени бывшаго старшаго предсѣдателя Варшавской судебной палаты Николая Николаевича Герарда. 26

7. (6-го апрѣля 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени учредителя Борисоглѣбскаго общества взаимнаго кредита Дмитрія Васильевича Садомцева при Борисоглѣбской Александровской мужской гимназіи . 29

8. (6-го апрѣля 1884 г.). Положеніе о стипендіяхъ имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Александровича при Читинской мужской гимназіи 30

9. (6-го апрѣля 1884 г.). Положеніе о стипендіи 8-го флотскаго экипажа при V-й С.-Петербургской гимназіи въ память Императора Александра II 31

10. (6-го апрѣля 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о внесеніи въ формуляры учителей городскихъ и уѣздныхъ училищъ отчетовъ о производствѣ ими метеорологическихъ наблюденій 32

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

11. (6-го апрѣля 1884 г.). Положеніе о стипендіяхъ Императора Александра II въ Императорскихъ университетахъ Казанскомъ и Московскомъ 33

12. (5-го апрѣля 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени камергера двора Его Императорскаго Величества Петра Александровича Сиверса, учрежденной при Казанской Маріинской женской гимназіи 57

13. (9-го апрѣля 1884 г.). Положеніе о стипендіи при Крестецкомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ въ память въ Бозѣ почившаго Императора Александра II-го 58

14. (20-го апрѣля 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ съ рекомендаціей учебнымъ заведеніямъ хромолитографированнаго плана святаго града Іерусалима, изданнаго Паруновымъ 59

15. (28-го апрѣля 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о надзорѣ за ученическими квартирами воспитанниковъ гимназій и прогимназій . . . . . —

Приказъ министра народнаго просвѣщенія.

3-го апрѣля 1884 г. (№ 3). 34

Опредѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

О книгѣ: „*И. Гарчинскій.* Краткій очеркъ человѣческаго тѣла и его отправленій, съ изложеніемъ главныхъ правилъ для сохраненія здоровья“ 39

О книгѣ: „Древности вавилоно-ассирійскія по новѣйшимъ открытіямъ. Составилъ *Н. Астафьевъ*“ . . . . . —

О брошюрѣ: „Кавказскій плѣнникъ. Гр. *Л. Н. Толстаго*“ . . . —

О книгѣ: „Дополнительныя статьи алгебры. Составилъ *А. Блюмбергъ*“ —

О книгѣ: „Краткій учебникъ географіи. Описаніе земнаго шара. *Н. Раевскаго*“ . . . . . —

О книгѣ: „Краткій учебникъ географіи. Западная Европа. *Н. Раевскаго*“ . . . . . —

О книгѣ: „Теорія поэзіи. *М. Колосова*“ . . . . . —

О книгѣ: „Учебникъ русской грамматики. Составилъ *П. Смирновскій*“ 40

О книгѣ: „Курсъ систематическаго диктанта. Составилъ *П. Смирновскій*“ . . . . . —

О книгѣ: „Краткая просодія и элементарныя свѣдѣнія изъ метрики латинскаго языка. Составилъ *Н. Кувшинскій*“ . . . . . —

О книгѣ: „Руководство къ ариѳметикѣ. Составилъ *Б. Воленсъ*“ . —

О книгѣ: „Избранныя сочиненія М. В. Ломоносова. Школьное изданіе, подъ редакціей *А. Преображенскаго*“ . . . . . —

Библиотека "Руниверс"

Стран.

О книгѣ: „Очерки жизни и сочиненій Жуковскаго. Составилъ *Басистовъ*“ 40

О книгѣ: „За Дунаемъ. Война съ Турками за освобожденіе Славянъ 1877—1878 гг. *В. И. Немировича-Данченко*. Изданіе учебнаго магазина „Начальная школа“ *Е. Тихомировой*“ 40

О сборникѣ: „Русскій Архивъ, издаваемый *Петромъ Бартеневымъ*“ 41

О книгѣ: „Концетрическій учебникъ французскаго языка. Составилъ *В. С. Игнатовичъ*“ . . . . . —

О книгѣ: „Пушкинъ А. С. Сочиненія А. С. Пушкина“ . . . . —

О книгѣ: „Математическіе софизмы. Составилъ *В. И. Обреимовъ*“ —

О книгѣ: „Иллюстрированная исторія Петра Великаго. Составилъ *А. Г. Брикнеръ*. Изданіе *Суворина*“ . . . . . —

О книгѣ: „Строеніе человѣческаго тѣла. Составлено д-ромъ *А. Фидлеромъ* и д-ромъ философіи *І. Блохвицемъ*“ . . . . . —

О книгѣ: „Историческая христоматія новаго періода русской словесности. Составилъ *А. Галаховъ*“ 60

О книгѣ: „Сборникъ примѣровъ на правила латинскаго синтаксиса для перевода съ русскаго языка на латинскій. Составилъ *С. Опацкій*“ 61

О книгѣ: „Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. Составилъ *И. Верещагинъ*“ . . . . . —

О книгѣ: „Задачи дополнительныхъ статей алгебры. Составилъ *В. Благовѣщенскій*“ . . . . . —

О книгѣ: „*Ю. Петерсонъ*. Методы и теоріи рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе. Переводъ *М. С. Аксенова*, подъ редакціей *А. П. Грузинцева*, съ предисловіемъ *К. А. Андреева*“ . . . . . —

О книгѣ: „Элементарный курсъ всеобщей и русской исторіи. Составилъ *И. Бѣлляминовъ*“ . . . . . —

О книгѣ: „Письменныя упражненія. Составилъ *И. Гавриловъ*“ . —

О книгѣ: „Русская христоматія. Составилъ *Викторъ Богдановъ*“ . 62

О книгѣ: „Географическій словарь. Составилъ *Яковъ Головацкій*“ . —

Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

О книгѣ: „Источники и рѣки. Изд. редакціи журнала „Досугъ и дѣло“ 42

О книгѣ: „Бесѣды Ѳомы Максимыча съ крестьянскими мальчиками о разведеніи плодовыхъ деревьевъ. Составилъ *Эдуардъ Регель*“ . —

О книгѣ: „Отголоски старины. *С. Макаровой*, изд. магазина „Начальная школа“ . . . . . —

О книгѣ: „Пахарь. *Д. В. Григоровича*“ . . . . . —

О книгѣ: „Физіологія *Фостера*. Переводъ *В. О. Поповой*. Изд. журнала „Русскій начальный учитель“ . . . . . —

О книгахъ: 1) „Арабскія сказки“; 2) „Индійскія повѣсти“; 3) „Послѣдній изъ Могикавъ. Сочиненіе *Ф. Купера* (изданіе „Народной Библіотеки“)“ . . . . . —

О книгѣ: „Звѣздочка. Составилъ *К. Ѳ. Петровъ*“ 62

Библиотека "Руниверс"

стран.

О книгѣ: „ Царствованіе Императора Николая I. Составилъ *М. П. Романовъ*“ 62

О книгѣ: „О крещеніи Руси, о Владимірѣ Святомъ, о сыновьяхъ его и о монастырѣ Печерскомъ. *К. Бестужева-Рюмина*“ 63

О книгѣ: „Изъ Ясной Поляны. *А. Эрленвейна*“ . . . . . —

О книгѣ: „Нижній-Новгородъ. *Е. Альмединген.* Изданіе редакціи журнала „Родникъ“ . . . . . —

О книгѣ: „Актеа. *Е. А. Сысоевой.* Изданіе редакціи журнала „Родникъ“ . . . . . —

О книгѣ: „Хлѣбный жукъ. Составилъ *Н. А. Корфъ*“ . . . . . —

О книгѣ: „Моря и океаны. Изданіе редакціи журнала „Досугъ и Дѣло“ . . . . . —

О брошюрѣ: „По вопросу о преподаваніи счетоводства въ начальныхъ училищахъ. Составилъ *Ѳ. Езерскій*“ . . . . . .

Объ изданіяхъ учрежденной по Высочайшему повелѣнію министромъ народнаго просвѣщенія постоянной коммиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ: 1) „Жизнь Божіей Матери“. *М. И. Соколова*; 2) „Великій постъ“. *М. И. Соколова*; 3) „Богомольцы у святынь Кіева“. 4) „Начало христіанства на Руси“; 5) „О Петрѣ Великомъ“. *С. Рождественскаго*; 6) „Народная война 1812 года“. Составилъ *А. Яхонтовъ*; 7) „Сборникъ стиховъ“. Выпускъ 2-й; 8) „Сборникъ стиховъ“. Выпускъ 3-й 64

Объ изданіяхъ, напечатанныхъ на средства издательскаго общества, состоящаго при постоянной коммиссіи народныхъ чтеній: 1) „О святыхъ московскихъ митрополитахъ Петрѣ и Алексѣѣ и о славномъ Мамаевомъ побоищѣ“. *А. Н. Майкова.* 2) „Изъ-за чего пошли войны Россіи съ мусульманствомъ“. *А. Н. Майкова*; 3) О смутномъ времени на Руси. *И. И. Петрова* . . . . . —

Объ изданіяхъ того же издательскаго общества: 1) „Роковой кладъ“. 2) „Лучшая месть“. 3) „Братья“. *А. Стѣковой* (*Катенькинъ*) . . . —

О книгѣ: „Азіатская холера. Составилъ д-ръ *П. О. Смоленскій*“ . 65

О книгѣ: „Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. Составилъ *Т. Лубенецъ*“ . . . . . —

О книгѣ: „Первый русскій книгопечатникъ“ . . . . . —

Офиціальныя извѣщенія . . . . . 43 и 65

Открытіе училищъ 43

О восьмомъ присужденіи премій Императора Петра Великаго . . 67

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Л. Е. Колмачевскій. Развитіе исторіи литературы какъ науки, ея методы и задачи 1

А. С. Лаппо-Данилевскій. Изъ старинныхъ сношеній Россіи съ западною Европой 2

Библиотека "Руниверс"

стран.

А. Н. Веселовскій. Къ вопросу объ источникахъ сербской Александріи I—IV 149
І. П. Сениговъ. О первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода. 198

Критика и библіографія.

Архимандритъ Леонидъ. Описаніе славяно-русскихъ книгъ. Т. I. *И. Каратаева*. 1884 39
Ѳ. И. Буслаевъ. Славянскій и восточный орнаментъ по рукописямъ. *Вл. Стасова*. Вып. I. С.-Пб. 1884. 54
К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи. *Е. Замысловскаго*. С.-Пб. 1884 . . . 105
А. Д. Галаховъ. Н. И. Гнѣдичъ 118
В. Н. Майновъ. Новая книга о финскомъ эпосѣ. 134
Н. И. Веселовскій. Монгольская лѣтопись „Эрдэнійнъ эрихэ". *А. Позднѣева*. 287
Н. И. Петровъ. Духовное образованіе и духовная школа въ Россіи при Петрѣ Великомъ. *Александра Архангельскаго* 262
И. В. Помяловскій. Пальмира. Кн. *С. Абамелекъ-Лазарева* . . 267
Э. А. Вертъ. Сборникъ замѣчательныхъ изрѣченій, цитатъ, поговорокъ и т. п. различныхъ временъ и народовъ. *Ил. Рѣдникова* . . . 286
А. М. Позднѣевъ. Tam tu kinh, ou le livre des phrases des trois caractères avec le grand commentaire de Vu'ong tân thâng. Par *Abel Des Michels* 301
П. Г. Виноградовъ. Очерки западно-европейской исторіографіи VIII 310
Учено-литературныя новости по древне-классической филологіи. . 331

Отдѣлъ педагогіи.

Я. Г. Гуревичъ. О постановкѣ курса исторіи въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ 1
Примѣчаніе редакціи къ предшествующей статьѣ 14
Гр. А. А. Мусинъ-Пушкинъ. Замѣтки о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ во Франціи. III—IV (*окончаніе*) 18
А. А. Вейсманъ. Какъ преподавать древніе языки въ гимназіяхъ, чтобъ они принесли наибольшую пользу для учащагося юношества . . 75
Наша учебная литература (разборъ 26 книгъ) . . . . . 33 и 85

Библиотека "Руниверс"

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

СТРАН.

Восьмидесятилѣтіе Императорскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ 1
Императорское Русское Археологическое Общество въ 1883 г. . . 12
Императорское Общество любителей древней письменности въ 1882—1883 годахъ 17
Пятый очередный конкурсъ ученическихъ работъ по рисованію, черченію и моделированію при Императорской Академіи Художествъ . 36
Императорское Русское Историческое Общество въ 1883 году . . 83
Императорское Московское Археологическое Общество въ 1883 году 91
Е. В. Ч. Грамотность въ Ригѣ 99
Извѣстія о состояніи и дѣятельности нашихъ учебныхъ заведеній 48 и 111
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа. 124
Некрологъ: I. Г. Е. Щуровскій. 67
II. Г. И. Лапшинъ 73
III. А. К. Ярославцевъ. 79

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Э. Л. Радловъ. Этика Аристотеля. II. 1
L. Mueller. Gelliana. 16
А. К. Фогель. Vergiliana 18
В. К. Ернштедтъ. Греческая рукопись коптскаго письма . . 28
В. В. Латышевъ. Эпиграфическія данныя о государственномъ устройствѣ Херсониса Таврическаго. 35
В. К. Ернштедтъ. Къ Оукидиду (III, 39) 78

Въ приложеніи:

И. И. Срезневскій. Славяно-русская палеографія 137

Библиотека "Руниверс"